ВИЗАНТИЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Г. Г. ЛИТАВРИН

ВИЗАНТИЯ И СЛАВЯНЕ

СЕРИЯ

ВИЗАНТИЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ИССЛЕДОВАНИЯ

Издательство
«АЛЕТЕЙЯ»
Санкт-Петербург
1999

ГПИБ им. Н.А. Некрасова
обслуживание читателей
Сектор хранения фондов

Г. Г. ЛИТАВРИН

ВИЗАНТИЯ И СЛАВЯНЕ

(сборник статей)

Научное издание

Издательство
«АЛЕТЕЙЯ»
Санкт-Петербург
1999

ББК Т3(0)44
УДК 949.5

Редколлегия серии «Византийская библиотека»:
Г. Г. Литаврин (председатель), О. Л. Абышко (сопредседатель), И. А. Савкин (сопредседатель), С. С. Аверинцев, М. В. Бибиков, С. П. Карпов, Г. Л. Курбатов, Г. Е. Лебедева, Я. Н. Любарский, И. П. Медведев, Д. Д. Оболенский, Г. М. Прохоров, А. А. Чекалова, И. И. Шевченко

В сборнике выдающегося ученого-византиниста, академика РАН Г. Г. Литаврина четыре отдела. В первом помещены статьи по наиболее дискуссионным проблемам социально-экономической истории Византии (о мелкой и крупной собственности на землю и правах ее наследования, о налоговой системе империи, условиях ремесленной и торговой деятельности в византийском городе и о сыгравших роковую роль в истории Византии ее отношениях с латинянами и османами). Второй отдел посвящен истории Первого и Второго Болгарских царств. Социальные проблемы здесь также преобладают, но уделено особое внимание и вопросам отношений славян с протоболгарами и Византией. Третий отдел включает статьи о русско-византийских отношениях в IX–XII вв. и, наконец, в четвертом раскрывается ряд спорных или мало известных эпизодов из истории отношений древних славян с аварами и Византийской империей в VII–IX вв.

Книга будет интересна не только специалистам, но и самому широкому кругу читателей.

ISBN 5-89329-110-7

На форзацах: *слева* — собор Св. Софии в Киеве. 1043–1046. Интерьер;
справа — Мозаики в алтарной части церкви монастыря Хосиос Лукас в Фокиде. Первая четверть XI века.

© Издательство «Алетейя» (г. СПб) — 1999 г.
© Г. Г. Литаврин — 1999 г.

ОТ АВТОРА

Практика публикации сборников избранных статей давно получила широкое распространение как среди зарубежных, так и среди отечественных исследователей-гуманитариев. Издаются целые серии подобных публикаций. Византинистам наиболее известна, например, лондонская серия Variorum reprints, приобретшая большую популярность у специалистов. Причины этой популярности легко объяснимы. Во-первых, значительное число статей каждого ученого обычно не входит целиком и органично в монографические исследования или входят только частично за счет переработки и существенного сокращения аргументации. Во-вторых, немало статей издано в труднодоступных, малотиражных (в том числе ротапринтных) сборниках или же в иностранных (также малотиражных) изданиях, которыми располагают только две-три центральные библиотеки страны. В-третьих, наконец, тематический подбор под одной обложкой статей одного автора, написанных в разное время и рассеянных по разным изданиям, создает неоценимые удобства для исследователей и значительно облегчает знакомство с состоянием изучения и библиографией проблемы (в статьях данного сборника основная литература по рассматриваемым вопросам учтена в целом на конец 80-х–начало 90-х годов).

Именно этими соображениями руководствовался и я, с благодарностью принимая предложение издательства «Алетейя» издать сборник моих работ. Отбирая статьи для переиздания, я следовал следующим критериям: 1. Охватить в сборнике работы по четырем основным направлениям моей научной деятельности (а именно: помимо статей по византиноведению, которому я всегда уделял главное внимание, отобрать также статьи по проблемам истории средневековой Болгарии и ее отношений с Византией, по вопросам связей империи с Древней Русью и ее отношений с древними славянами); 2. Отдать предпочтение статьям по социально-экономической тематике (кроме третьего раздела — связей Византии с Русью и отчасти второго —

отношений империи с древними славянами); 3. Подобрать для сборника статьи, посвященные различным периодам истории, в надежде дать более отчетливое представление об эволюции своих взглядов и об основных положениях аргументируемых мною концепций (необходимые коррективы к некоторым из моих более ранних выводов делаются в статьях, написанных в более позднее время и также представленных в сборнике); 4. Учесть фактор доступности первой публикации, стараясь свести к минимуму перепечатку своих статей из хорошо известных изданий.

В первом разделе доминируют, как сказано, статьи по социально-экономической тематике истории Византии (а именно: по проблемам государственной собственности в империи, мелкого крестьянского и крупного феодального землевладения, отношений византийской деревни с фиском и имущественно-правового статуса членов семьи зависимого крестьянина, а также по вопросам об условиях ремесленно-торговой деятельности и о налоговых повинностях горожан в Константинополе и провинциальном византийском городе). В том же (социальном) аспекте рассмотрен в основном и спорный в науке вопрос о месте в общественной системе Византии влахов как одного из особых, но глубоко интегрированных в состав населения империи этносов, а также вопросы о положении населения бывшей Византийской империи под властью латинян и об имперских городских институтах, оказавших определенное влияние на организацию ремесла и торговли в османском городе.

Только четыре статьи этого раздела изданы первый раз в относительно доступном сборнике (Византийском временнике), три были опубликованы в зарубежных публикациях и четыре остальных — в изданиях, успевших стать библиографической редкостью.

Второй раздел (Болгария и болгаро-византийские отношения в VII–XIII вв.) состоит также из одиннадцати статей. Девять из них (т. е. подавляющее большинство) посвящены вопросам социальных отношений, развития государственной системы и этноконфессиональной истории средневековой Болгарии. Особое внимание уделено при этом становлению и развитию Первого Болгарского царства и образованию Второго Болгарского царства. Две статьи трактуют некоторые спорные вопросы истории средневековой болгарской культуры.

Относительно доступной до сих пор для российского читателя из состава этого раздела была едва треть статей (достаточно сказать, что больше половины статей раздела были изданы за рубежом).

Третий раздел посвящен русско-византийским связям в IX–XII вв. В отличие от первых двух разделов, главное внимание уделено здесь, естественно, анализу конкретных межгосударственных акций и внешнеполитических событий, имевших место в процессе становления и развития отношений двух стран.

Четвертый раздел (Византия и древние славяне) состоит из восьми статей. Статьи данного раздела появились главным образом в связи с работой над коллективным трудом «Свод древнейших письменных известий о славянах», выдержавшим за четыре года два издания

(в 1991 и 1995 годах). Половина статей раздела посвящена вопросам внутреннего социально-экономического и политического развития славянского общества в догосударственную эпоху, половина — отношениям древних славян с Византией и аварами в VI–VIII вв.

Помимо трех статей, опубликованных в «Византийском временнике» и в журнале «Славяноведение», шесть остальных изданы впервые в малотиражных сборниках, являющихся в настоящее время библиографической редкостью.

В целом в предлагаемый вниманию читателей сборник вошли 37 статьи, изданные между 1970 и 1995 годами. Тем не менее, как это принято в подобных случаях, статьи перепечатываются в полном соответствии с их первым изданием (исправлены лишь выявленные опечатки). Две статьи переведены мною на русский язык (они были впервые опубликованы на английском и болгарском) — также без внесения в них сколько-нибудь заметных изменений. Существенной правке (в основном композиционной и стилистической) подверглась лишь одна статья — «О походе аваров в 602 г. против антов», изданная в 1989 г. на ротапринте.

Статьи внутри каждого раздела расположены в соответствии с тематическим и хронологическим принципами. Первоначальное место публикации каждой статьи (с указанием страниц) приведено в оглавлении к сборнику. Список сокращений охватывает весь корпус статей сборника.

Г. Г. Литаврин
18 октября 1998 г.

Раздел первый

ИЗ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ IX–XIII вв.

Проблема государственной собственности в Византии X–XI вв.

Византийская империя — единственное государство в Европе эпохи раннего средневековья, в котором детально разработанные нормы классического права частной собственности подданных были одним из столпов всего официального правопорядка в обществе.

Византийская империя, кроме того, — единственная страна европейского средневековья, в монархическом строе которой сохранились черты древних азиатских деспотий, где подданные лишь постольку и до тех пор обладали собственностью, поскольку и пока это было угодно деспоту, своеобразной собственностью которого они были сами.

Естественно поэтому, что без изучения судеб этого антагонистического единства, без глубокого осмысления эволюции столь противоречивых тенденций историческая наука не может достаточно полно осветить ход социально-экономического и общественно-политического развития Византийского государства.

Мы не намерены здесь поднимать заново столь всесторонне дискутировавшуюся проблему «азиатского способа производства» или «ази-

---

* См. перевод данной статьи на французский (с небольшими добавлениями): BYZANTIAKA, t. 9, 1989, p. 11–46.

атских форм феодализма» — мы остановимся лишь на одном вопросе, который далеко не идентичен указанной проблеме, но составляет один из ее важных элементов: на вопросе о государственной собственности в Византии.

Нет необходимости излагать здесь и весь ход связанной с этим вопросом дискуссии в советском византиноведении о первых этапах развития феодальных производственных отношений в Византии — последовательно и детально эта дискуссия изложена в книге З. В. Удальцовой.[1]

Упомянутая дискуссия в советской литературе касалась форм и этапов развития феодализма. Скоро, однако, с включением в нее византинистов западноевропейских стран, она приняла гораздо более острый идеологический характер: проблема квалификации общественного строя империи была поставлена в плане решения альтернативы — этатизм или феодализм. Закономерным следствием этого было пристальное внимание не только к таким вопросам, как характер и особенности крупного византийского землевладения, юридический и фактический статус париков, формы их эксплуатации, но и к вопросам о социальной сущности византийских налогов (централизованная рента или реализация прав суверена), о государственной собственности на землю и о видах ее эксплуатации.

Уже почти полстолетия назад крупнейший немецкий византинист Ф. Дэльгер отметил существование в Византии X–XI вв. «императорских доменов», на которых жили «парики», уплачивавшие в казну налоги.[2] Однажды этот исследователь даже определил их как Staatsparoiken, т. е. «государственных париков», но ничего не сказал об их отличии от других свободных налогоплательщиков.[3] Другой крупнейший специалист, югославский византинист Г. А. Острогорский, в 1948 г. высказал мысль, что частновладельческие земли, до того как они стали собственностью отдельных лиц, были полной собственностью государства, что «в условиях развитого феодализма, в сущности говоря, нет повинностей государственных и феодальных, и, во всяком случае, между ними нет непереходимой грани».[4] Болгарский историк Д. Ангелов также писал об императорских доменах как о бесспорном явлении и считал, что на них трудились парики особой категории, хотя и не показал, в чем состояла ее специфика.[5]

Далее обе стороны этой двуединой проблемы (государственная собственность и государственные крестьяне) трактовались в научной

---

[1] *З. В. Удальцова.* Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969, с. 178 сл.

[2] *F. Dölger.* Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung, besonders des 10. und 11. Jh. — «Byzantinisches Archiv», 9, 1927, S. 25, 47, 63, 149, 151; *Idem.* Ein Fall der slavischen Einsiedlung im Hinterland von Thessalonike im X. Jh. — SKAW, Phil.-Hist. Kl., H. 1, 1952, S. 7.

[3] *F. Dölger.* Byzanz und die europäische Staatenwelt. Ettal, 1953, S. 219.

[4] *Г. А. Острогорский.* Византийские писцовые книги. — BS, 9, 2, 1948, с. 235, 238.

[5] *Д. Ангелов.* Принос к поземлените отношения във Византия през XIII век. — ГСУ. Ист.-филол. фак-тет, кн. 2, 1952, с. 74.

литературе то порознь, то вместе, пока к началу 60-х годов не выкристаллизовались две противоположные концепции (мы имеем здесь в виду прежде всего историографию стран социалистического лагеря, так как в западной литературе вопрос об общественном строе в Византии так и не вышел за рамки формально-юридической контроверзы: феодализма не было, ибо не было развитой вассальной системы).

Концепцию всеобщей государственной собственности в Византии конца IX–XI в. как собственности феодальной и государственных крестьян как крепостных короны разработали почти одновременно советский византинист А. П. Каждан и Г. А. Острогорский.

В 1952 г. А. П. Каждан впервые сделал вывод, что нечастновладельческие крестьяне являются феодально зависимыми, как налогоплательщики казны, прикрепленные к своему податному тяглу.[1] Более детально он развил эту идею через четыре года[2] и окончательно обосновал в 1960 г.[3] Согласно взглядам А. П. Каждана, раньше чем восторжествовала вотчинная система эксплуатации, имел место более чем трехсотлетний период централизованной феодальной эксплуатации постепенно прикрепленного к тяглу налогоплательщика через государственный аппарат — период преобладания централизованной феодальной ренты, сходной по своей социальной сущности с рентой-налогом, характерным для восточных деспотий. Налицо были три главных фактора, придавших прежнему налогу характер централизованной феодальной ренты: 1. Утверждение государственной собственности на все земли империи; 2. Прикрепление налогоплательщиков к земле; 3. Отказ от присущих ранее (до «аграрного переворота» VIII–X вв.) византийской податной системе строгих принципов и норм исчисления и взимания налогов и преобладание местного обычая, столь характерного для рентных отношений.

Г. А. Острогорский тщательно аргументировал сходную теорию в 1954 г., акцентировав внимание на «крепостной» зависимости крестьян-налогоплательщиков от государства. По мнению этого ученого, если бы мы признали, что свободных крестьян, обязанных военной службой государству, было много и что они не были прикреплены к земле, нельзя было бы и говорить «об истинном развитии феодальных институтов в Византии».[4]

Концепции, развитые Г. А. Острогорским и А. П. Кажданом, нашли и сторонников, и противников. Часть византинистов-марксистов усмотрела в этой теории удачное решение казавшегося ранее трудно устранимым противоречия: с одной стороны, налицо вполне сложивше-

---

[1] *А. П. Каждан.* Крестьянские движения в Византии и аграрная политика императоров Македонской династии. — ВВ, V, 1952, с. 77 сл.

[2] *А. П. Каждан.* К вопросу об особенностях феодальной собственности в Византии VII–X вв. — ВВ, X, 1956.

[3] *А. П. Каждан.* Деревня и город в Византии IX–X вв. М., 1960, с. 138–168.

[4] *Г. Острогорски.* О византиским државним сељацима и војницима. Две повеље из доба Јована Цимиска. — Глас САН, 214. Одељење друштвених наука, књ. 3. Београд, 1954, с. 39 сл.; *G. Ostrogorskij.* Quelques problèmes d'histoire de la paysannérie byzantine. Bruxelles, 1956, p. 22.

ося поместье с зависимым крестьянством, с другой — бесспорные данные о массе свободных от частной зависимости деревень налогоплательщиков казны.[1]

Мы также разделяли представление о IX–X столетиях как о периоде централизованного государственного натиска на крестьянство, возражая, однако, против характеристики налога в эту эпоху как феодальной централизованной ренты, против мнения о государственном прикреплении налогоплательщиков как феодально зависимых, несвободных людей и против попыток усмотреть в колебаниях уровня налогов свойство, присущее именно феодальной ренте. Известной непоследовательностью в нашей позиции было согласие с выводом о существовании в Византии X–XI вв. государственной собственности на все земли империи.[2]

Высоко оценив труд А. П. Каждана, безусловно остающийся на сегодняшний день наиболее фундаментальным исследованием поземельных отношений в Византии IX–X вв., М. Я. Сюзюмов признал справедливым заключение автора, что X столетие было в империи веком «аграрного переворота», когда оформилась не просто крупная земельная собственность, а именно — феодальная.[3] Однако по всем тем пунктам концепции А. П. Каждана, которые мы привели ранее, М. Я. Сюзюмов высказал решительное несогласие: не было ни всеобщей государственной собственности на землю, ни прикрепления крестьян к земле, ни централизованной феодальной ренты, ни коренных перемен в принципах византийского налогообложения.[4]

О сохранении в Византии вплоть до ее гибели в XV в. основных принципов податной системы сделала заключение и К. В. Хвостова.[5]

Несогласие со взглядами Каждана и Острогорского было высказано и в зарубежной историографии (острие этой критики там было обращено против Острогорского). Греческий историк И. Караяннопулос выдвинул ряд веских возражений против тезиса о прикреплении налогоплательщиков к тяглу, показав, что аргументирован этот тезис материалом источников недостаточно. Уплата налогов и выполнение

---

[1] См., например: *М. М. Фрейденберг.* Аграрные отношения в Византии в XI–XII вв. Автореферат канд. дисс. М., 1952, с. 7; *К. А. Осипова.* Аллиленгий в Византии в X в. — ВВ, XVII, 1960, с. 35; *Ее же.* Система класм в Византии в X–XI вв. — ВО, 1971, с. 174.

[2] *Г. Г. Литаврин.* Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960 с. 42–57; *Его же.* Рец. на: *А. П. Каждан.* Деревня и город... — ВИ, 1960, № 9; *Его же.* Темпове и специфика на социално-икономическото развитие на България в сравнение с Византия (от края на VII до края на XII в.). — ИП, 1970, № 6, с. 29.

[3] *М. Я. Сюзюмов.* Рец. на: *А. П. Каждан.* Деревня и город... — ВВ, XXI, 1962, с. 213.

[4] *М. Я. Сюзюмов.* О характере и сущности византийской общины по Земледельческому закону. — ВВ, X, 1956, с. 41–44; *Его же.* Рец. на: *А. П. Каждан.* Деревня и город..., с. 211–215.

[5] *К. В. Хвостова.* Особенности аграрноправовых отношений в поздней Византии XIV–XV вв. М., 1968, с. 108 сл.

отработочных повинностей в пользу казны, по мнению этого исследователя, не может служить показателем несвободы: в противном случае все налогоплательщики, независимо от времени и места, должны рассматриваться как несвободные люди.[1]

Вывод о прикреплении налогоплательщиков к тяглу отверг и Н. Зворонос, по мнению которого отнюдь не все крестьяне, уплачивающие в казну падати, — «парики государства».[2-3] П. Лемерль считает верной догадку Ф. Дэльгера: государственные парики — лишь крестьяне, трудившиеся в поместьях казны.[4]

Среди критических замечаний названных выше авторов наиболее обстоятельные принадлежали И. Караяннопулосу и М. Я. Сюзюмову. Первый доказывал, что в двух грамотах последней четверти X в., послуживших основанием для вывода о крепостничестве в Византии, на самом деле такого рода данных не содержится. Второй, отвергая тезис о всеобщей государственной собственности, бегло сослался на Конституцию Юстиниана I, на новеллы Льва VI и на новеллу Василия II об отмене сорокалетней давности. При этом если критика первого была по преимуществу деструктивной (отвергая, он ничего не предложил взамен), то весьма конструктивные контррешения второго, к сожалению, вопреки обыкновению, не были тщательно обоснованы материалом источников.

Сомнения (также неаргументированные) в существовании всеобщей государственной собственности высказал и болгарский ученый Д. Ангелов. Родовая собственность, пишет он, в отличие от кому-либо предоставленной василевсом собственности казны, не могла быть отнята, а если, тем не менее, такого рода случаи имели место, то император выступал при этом не как собственник всех земель страны, а как суверен.[5]

Неудивительно поэтому, что А. П. Каждан, знавший о взглядах М. Я. Сюзюмова и И. Караяннопулоса прежде, чем завершил работу над упомянутой выше монографией, в сущности пренебрег их замечаниями, поскольку возражения критиков не были детально аргументированы.[6]

Охарактеризовав разные, хотя и тесно связанные друг с другом стороны концепции А. П. Каждана и Г. А. Острогорского, мы, однако, остановимся лишь на одном моменте — на вопросе о государ-

---

[1] *J. Karayannopulos*. Рец. на: *G. Ostrogorskij*. Quelques problèmes... — BZ, 50, 1957, S. 171, 181.

[2-3] *N. Svoronos*, in: «Archives de l'Athos, V. Actes de Lavra. I. Paris, 1970, p. 107; *Idem*. Société et organisation interieure dans l'empire byzantin au XIe siècles principaux problèmes. — «Proceedings of the XIIIth international Congress of byzantine Studies». London, 1967, p. 315.

[4] *P. Lemerle*. Recherches sur le régime agraire à Byzance. — «Cahier de civilisation médiévale». 2, 1959, p. 273.

[5] *Д. Ангелов*. Рец. на: *А. П. Каждан*. Деревня и город... — BS, 25,1, 1964, p. 116–118.

[6] См.: *А. П. Каждан*. О социальной природе византийского самодержавия. — НАА, 1966, № 6.

ственной собственности, который в монографии А. П. Каждана подвергся особенно детальной разработке и в решении которого мы раньше ошибались.

Обратимся к источникам, прежде всего к тем, на которых основано представление о всеобщей собственности государства на землю страны.

По мнению А. П. Каждана, в «Податном уставе» исчезло всякое различие между налогом (публичноправовым явлением) и пактом (частноправовым арендным платежом — автор называет его «рентой»), что может быть понято лишь в том случае, если допустить наличие юридической теории, согласно которой все земли государства, находящиеся в пользовании-владении частных лиц, рассматриваются как сданные им правительством в аренду.[1] Византийское право, утверждает автор, «рассматривало *всякую недвижимость* (курсив наш. — *Г. Л.*), как принадлежавшую государству и лишь уступленную императором лицу, которое выполняет государственные повинности».[2]

Действительно, в «Податном уставе» сказано буквально: «И взыскиваемый в налоговом округе пакт является государственным каноном...».[3] Но, во-первых, из контекста никак не следует, что здесь имеется в виду взыскание пакта за аренду частной земли. Уже Ф. Дэльгер, комментируя это место, считал, что речь идет, несомненно, об аренде государственной земли.[4] Упомянутые авторы, надо думать, понимают приведенный пассаж точно так же. Но непонятно, почему они не усматривают различия между каноном и пактом, о котором сказано несколько ниже: канон вдвое меньше пакта.[5] Во-вторых, речь в «Податном уставе» идет не просто о сдаче государством земли в аренду частным лицам, а о сдаче таких участков, которые были конфискованы государством после 30-летнего отсутствия хозяина или наследников этой заброшенной земли, как это с очевидностью следует из фрагмента «Трактата о налогообложении», изданного И. Караяннопулосом.[6] Лишь ликвидировав частный титул собственности на участок, казна стала сдавать его в аренду — причем за плату, вдвое превышающую канон, именно потому, что право собственности на землю принадлежит теперь государству, а не частному лицу, уплачивавшему ранее канон[7] (см. подробнее об этом ниже).

---

[1] Ср.: *J. Danstrup.* The State and landed Property in Byzantium to c. 1250. — CM, 8, 1946, p. 241.

[2] *А. П. Каждан.* Деревня и город..., с. 139–140.

[3] *F. Dölger.* Beiträge..., S. 123.1–2.

[4] Ibid., S. 155.

[5] Ibid., S. 123.6–7.

[6] *J. Karayannopulos.* Fragmente aus dem Vademecum eines byzantinischen Finanzbeamten. — «Polychronion. Festschrift F. Dölger». Heidelberg, 1966, S. 322, 324. Вопреки утверждению Ф. Дэльгера (*F. Dölger.* Beiträge..., S. 155), этот участок уже не принадлежит к ипотаге деревни (он стал «идиостатон»), а к ридзе он причисляется только при исчислении эпиболэ, как всякие идиостата, отделившиеся от деревни.

[7] В связи с этим мы никак не можем согласиться с Г. А. Острогорским, утверждавшим, что μήτε γῆν ἰδίαν ἐχόντων и μήτε γῆν δημοσιακὴν κατεχόντων — являются тавтологией (*G. Ostrogorskij.* Quelques problèmes..., p. 31).

Далее. Юридической теории о принадлежности государству всякой недвижимости не существовало. Утверждая обратное, А. П. Каждан имеет в виду новеллу Льва VI № 114, но мы иначе толкуем ее важное в данной связи место. Приведем его в контексте: «Владеющему недвижимостью позволено невозбранно и беспрепятственно продавать (ее), кому хочет; поскольку всякая недвижимость облагаема димосием, царственность моя разрешает покупать (ее) производящему уплату государственных тягот» (πᾶν γὰρ ἀκίνητον ὑποδημόσιον ὂν ἐκχωρετ ἡ βασιλεία μου τῷ τὴν καταβολὴν ποιουμένῳ τῶν δημοσιακῶν βάρων ἐξωνετσθαι).[1]

Ничего похожего на тезис о том, что «всякая недвижимость принадлежит государству», здесь не содержится. Речь в новелле идет о том, что со всех недвижимостей в государстве взимаются налоги и перемена собственника не возбраняется, поскольку на покупателя переносятся «тяготы», связанные с обладанием недвижимостью. Т. е. юридическая теория состояла не в утверждении принципа азиатской деспотии (вся недвижимость страны — собственность деспота), а в признании классического принципа римского права: «кто владеет — платит» налог, ибо это — священный долг каждого гражданина.[2] Короче эта мысль сформулирована в «Пире»: «За обладанием имуществом следуют налоги» (τέλη).[3]

Следующий аргумент А. П. Каждана — новелла Василия II об отмене сорокалетней давности. Казна, говорит император, имеет право восстановить свою собственность на любое имущество независимо от времени, когда ее право было нарушено, хотя бы это случилось во времена Октавиана Августа, независимо от того, кто был в этом повинен, сам ли похититель или правительственные эпопты и василики, ибо они нередко проявляют нерадение, корыстолюбие и дурные наклонности и лишь немногие из них неукоснительно выполняют царские повеления.[4]

А. П. Каждан понимает эту новеллу в том смысле,[5] что «практически» император «мог претендовать на любой земельный надел».[6]

Однако мысль Василия II состояла отнюдь не в том, что он имел право притязать на все и любые недвижимости, а в том, что незаконно похищенное у казны (в том числе — землю) фиск может вернуть независимо от сроков давности. Сам А. П. Каждан среди памятников юридического происхождения признает для X–XI вв. достоверной именно «Пиру», поскольку она действительно отражала «действующее право Византийской империи» той эпохи.[7] Но в «Пире» проблема, затронутая в новелле Василия II, толкуется как раз так, как мы ее интерпретировали.

---

[1] Jus, III, p. 220.

[2] См.: *М. Я. Сюзюмов*. Дофеодальный период. — АДСВ, 8, 1972, с. 9.

[3] Jus, I, XV, 7, p. 44.

[4] Jus, III, p. 315.

[5] Cf.: *F. Dölger*. Рец. на: *D. Zakythinos*. Etatisme byzantin et expérience hellénistique («Mélanges H. Grégoire», 2, 1950). — BS, 45, 1952, p. 194.

[6] *А. П. Каждан*. Деревня и город..., с. 140, прим. 78.

[7] Там же, с. 17.

В случае овладения собственностью казны через «недобросовестный акт» (κακῇ πίστει), пишет Евстафий Ромей, права фиска признаются в силе не с момента обнаружения истины, а с момента их попрания.[1] Для захватчиков имущества казны, говорит юрист в другом месте, «время не устраняет возможности возбудить процесс» с целью привлечения их к суду, ибо похититель государственного имущества не может сослаться на срок давности; при этом ответствен не только он сам, но и его наследники, хотя бы они ничем не воспользовались из похищенного у казны.[2]

Какие же это притязания императора на любой надел? Василий II грозился отнять не что угодно и у кого угодно, а только то, что было захвачено или получено у казны вопреки официальному закону или с несоблюдением его точного смысла.

А. П. Каждан ссылается в качестве доказательства своей точки зрения также на то, что нередкими бывали случаи, когда раздел имущества или уточнение границ между участками осуществлялись в соответствии с высотой доли налога, что византийские чиновники во время кадастровых ревизий производили «передел крестьянской земли в соответствии с суммой платимых каждым податей». «При этом, — говорит автор, — византийское право исходило из того, что именно выполнение повинностей было определяющим, первичным»: не платить подать и не иметь земли было синонимом.[3]

Синонимом это было действительно, но именно потому, что первичным было обладание имуществом, а вторичным — уплата за это налога — отнюдь не наоборот: внесение налога никак не предполагало немедленного предоставления имущества от казны. Для этого нужно было это имущество у казны купить или получить в аренду, или добиться в качестве держания под уплату канона, или обрести в качестве дара императора с четко обозначенными условиями владения.

Что касается переделов крестьянской земли при кадастровых ревизиях, то мы не будем на этом тезисе задерживать свое внимание, отослав читателя к нашей статье и новейшей литературе вопроса, там цитируемой.[4] Ныне является признанным, что никаких периодических сокращений или расширений чиновники фиска для участков крестьян во время ревизий не производили — эти участки давно были частной собственностью налогоплательщиков с четко означенными границами.[5] Суммирование всей земли деревни (ипотаги) и всей суммы канона с нее (ридзы) предполагало предварительную индивидуальную оценку каждой стаси и обмер каждого индивидуального участка: узнав, сколько долей номисмы приходится на модий, определяли и налог каждого в соответствии с размером его *собственного*

---

[1] Jus, I, XXXVI, 1, p. 155.

[2] Jus, I, VIII, 10, p. 23. См. также: I, XXXVI, 14, p. 159.

[3] *А. П. Каждан.* Деревня и город..., с. 140.

[4] См.: *G. G. Litavrin.* Les terres à l'abandon selon le «Traité fiscal». du Xe s. et leur importance pour le fisk. — «Etudes balkaniques», 3, 1971, p. 30.

[5] См.: *А. П. Каждан.* Византийская культура. М., 1968, с. 39.

участка, а не сокращали или расширяли этот участок за счет земель общины (или «государственной»?) соответственно с суммой налога, уплачиваемого домохозяином.

Напротив, если крестьянин не мог уплатить налога за свою землю согласно определенной чиновниками норме, его могли принудить для уплаты долга казне продать часть земли, могли взвалить на общину обязанность доплатить недостающее в силу круговой поруки, могли предоставить обнищавшему — после соответствующих хлопот — временную отсрочку платежей (куфисмос), могли изъять пустующие более 30 лет участки вместе с частью угодий общины. Но в X–XI вв. ему уже не нарезали надела, соответствующего платимому им канону. Никаких переделов земли община этого времени уже не знала.

Разделы же и размежевания границ (примеров этого немало в «Пире») производились по суду в соответствии с размерами налога, платимого каждым из тяжущихся, только в тех случаях, когда не было других данных для решения спора. При этом предполагалось, что некогда, когда доли налога каждого из совладельцев или соседей устанавливались фиском, эти доли были определены в точной зависимости от размеров имущества. Ни о чем ином такой способ размежевания не говорит.

Наконец, еще один аргумент А. П. Каждана: ссылка на жалобу болгарского архиепископа Феофилакта Ифеста, что деревня, не записанная в каких-либо практиках и давно принадлежавшая архиепископии, была у нее отнята императором.[1] А. П. Каждан поясняет, что хотя Феофилакт недоумевает, он не ставит под сомнение «право императора конфисковать земли подданных», ибо оно (право казны конфисковать земли без суда) принадлежало императору в силу закона, признающего его верховным собственником всей земли государства: недаром архиепископ пишет, что эта деревня может быть подарена императором или его вельможами-наместниками кому угодно или так же просто может быть отнята властями у любого из «архонтов».[2]

М. Я. Сюзюмов, рассматривая этот аргумент А. П. Каждана, полагает, что письмо Феофилакта не может быть доказательством прав собственности императора на частные земли, потому что конфискация в данном случае противоречила церковным законам, согласно которым земли церкви являются неотъемлемыми.[3] В свое время мы проследили по переписке Феофилакта все перипетии, связанные с отнятой у него деревней, и установили, что об этом идет речь не в одном (изложенном выше) письме, а в нескольких письмах архиепископа.[4] Тексты других писем на этот счет не оставляют, по нашему мнению, сомнений в том, что Феофилакт приобрел «пресловутую землю» незаконно, что он, кроме этой деревни, «ничем казенным» более не владе-

[1] PG, t. 126, col. 533D — 536A.

[2] См.: *А. П. Каждан.* Деревня и город..., с. 141 и прим. 84; с. 142.

[3] *М. Я. Сюзюмов.* Рец. на: *А. П. Каждан.* Деревня и город..., с. 214.

[4] М. Я. Сюзюмов, рецензировавший нашу книгу, упустил это обстоятельство из виду (см.: ВВ, XXII, 1963, с. 298–304).

ст. Слабость его протестов именно этим и объяснялась: обнаружив, пишет он, «у тогдашнего практора, благодаря моему скромному увещанию, готовность услужить, я владел ею», т. е. деревней. Теперь архиепископ схвачен за руку и готов «не противиться», но просить «даровать... деревеньку» церкви. Ранее эта деревня была поселением свободных налогоплательщиков — закабалил ее архиепископ постепенно благодаря патронатному договору с крестьянами.[1]

Под «практиками», в которые деревня не была внесена, в данном случае следует усматривать не ординарные кадастры для свободных сельских общин, а описи земли государственных учреждений. Теперь, после того как она конфискована у архиепископа, деревня стала собственностью казны («казенной»): ее могут подарить любому или снова отобрать, если дар сделан без предоставления прав полной собственности.

А. П. Каждан, касаясь самого термина, которым архиепископ обозначил акт конфискации земли у архиепископии («отнята» — ἀποσπασθέν), отмечает, что выражение ἀποσπᾶν в таком смысле известно уже «Податному уставу».[2] Мы бы, однако, добавили при этом, что данный термин в упомянутом документе употреблен для обозначения конфискации именно такой земли, которая была обретена через совместное мошенничество правительственного чиновника и землевладельца, через нарушение закона.[3]

Итак, мы рассмотрели все аргументы в пользу тезиса о существовании в Византии X–XI вв. всеобщей государственной собственности на землю и признали их недостаточно убедительными. Однако, как следует уже из сказанного, подлинно государственные земли в эту эпоху существовали и казна признавалась их полноправным собственником. Какие же это были земли?

Для А. П. Каждана это государственная собственность, так сказать, в узком смысле — подлинно государственная или императорская земля (поместья), что в сущности синонимично, так как между царской и казенной землей отсутствовало всякое различие.[4] Несколько иначе смотрит на дело М. Я. Сюзюмов: в принципе, пишет он, оба вида земель обнимались понятием «государственная собственность», «которой бесконтрольно распоряжался император», но «разница... тем не менее была» и заключалась в том, что императорские земли — это земли с организованным хозяйством, а государственные состояли из конфискованных земель, на которых казна не вела собственного хозяйства.[5]

Обратимся к источникам, фиксируя при этом главное внимание, в соответствии с целями, поставленными в данной статье, не на различиях между государственной и царской землей, а на отличиях обеих этих категорий собственности от земель частных и общинных.

---

[1] См.: *Г. Г. Литаврин.* Болгария и Византия..., с. 84–87.
[2] *А. П. Каждан.* Деревня и город..., с. 141.
[3] *F. Dölger.* Beiträge..., S. 121, 14–22.
[4] *А. П. Каждан.* Деревня и город..., с. 129–130.
[5] *М. Я. Сюзюмов.* Рец. на: *А. П. Каждан.* Деревня и город..., с. 214.

В «Податном уставе» и в «Трактате о налогообложении» Караяннопулоса в качестве основы нормального функционирования византийской податной системы названы два главных условия: любая недвижимость, облагаемая налогами, должна иметь своего юридического собственника (юридическое лицо), на имя которого она вписана в кадастры: эта недвижимость, кроме того, должна подвергаться эксплуатации, т. е. так или иначе приносить какой-то доход своему владельцу. Основным, однако, из этих условий является именно первое: доходный участок мог ускользнуть от внимания чиновников и не попасть в писцовую книгу, оставаясь вне налогообложения, пока его не обнаружат при ревизии, но даже полностью заброшенная и потерявшая плодородие парцелла не могла избегнуть налогообложения, если она внесена в кадастры на имя ее собственника, который не сумел своевременно добиться от казны податного послабления, отсрочки или полного изъятия. Во всех случаях осуществления налоговых льгот в первую очередь выяснялось, кто владелец не приносящей дохода недвижимости, находится ли он в пределах досягаемости для фиска, сколь долго отсутствует, известно ли — хотя бы примерно — место его пребывания, кто его наследники и каковы их права. Собственник недвижимости — главный ответчик перед фиском. Лишь после истечения 30 лет с момента, когда налог был официально снят с заброшенного участка, могли быть приведены меры по его конфискации в пользу казначейства. Конфискация означала передачу титула собственности на участок от частного лица, покинувшего землю, казне.

Оба налоговых трактата, рассказывая об этой операции, не содержат ни малейшего намека на какого-либо иного господина крестьянской земли, кроме самих крестьян; они отдают часть дохода со своих хозяйств только государству,[1] обходясь при этом безо всяких посредников, кроме официальных представителей фиска.

Оба налоговых трактата ориентированы не на разрозненных собственников самостоятельных участков (идиостата) и не на подвластные частным лицам зависимые деревни париков, а на свободные крестьянские поселения налогоплательщиков — собственников индивидуальных участков и совладельцев угодий, являющихся общинной собственностью. И при этом, наконец, оба трактата проводят строжайшее различие между землями государства и землями частных лиц (как членов, так и нечленов общины), между землями казны и общинными угодьями (землей общины как юридического собственника).

Лежащий между деревнями участок и не входивший в ипотагу ни одной из них не признается их собственностью, хотя и ἀδέσποτον, т. е. «бесхозный». Его собственник — казна. Он может быть испрошен кем-либо у правительственного эпопта при условии платить канон, он может быть возделан и самовольно, но также — при обнаружении этого — облагается каноном и переводится в разряд идиостатон.[2] О передаче титула собственности новому владельцу при этом трактаты не говорят,

---

[1] Мы отвлекаемся в данном случае от солемниев; см. о них с. 34–35.

[2] *F. Dölger.* Beiträge..., S. 116.24–43.

как и о юридическом статусе владения (кроме обложения каноном). Было бы опрометчиво торопиться с заключением, что этот участок становился частной собственностью лишь за обязательство уплачивать канон. Ведь в таком случае в X в. не возникла бы и проблема крестьянского малоземелья: население было довольно редким, отнюдь не сплошные территории были обработаны или попали в собственность частных лиц и в угодья общин-деревень. Также невозможно пока сделать вывод, что государство, довольствуясь каноном с этого участка, как и с любого частновладельческого надела жителя деревни, выступало по отношению к новому хозяину участка лишь как суверен.

Заброшенная земля, у которой нет ни хозяина, ни наследника в течение 30 лет, отмежевывается и конфискуется государством — она становится собственностью казны, ибо «казне (δημοσίῳ) дается позволение делать с класмой что она хочет (ὃ βούλεται). Ибо, если говорят, что василевс даровал такую землю тому-то или тому-то из всей обнаруженной класмы, то это значит, что 30 лет миновало».[1] До отчуждения земля, получившая статус класмы, вносится «в практик» (опись) секрета (геникона?).[2] Кажется, мы можем без риска ошибиться резюмировать: класма переходит в собственность государства (δημόσιον), и распоряжается этой собственностью император (василевс).

Класма, как и бесхозный участок, о котором выше шла речь, может оказаться возделанной и обретшей «владельцев» (νομεῖς).[3] В таком случае канон на нее восстанавливается, однако относительно титула собственности мы здесь также пока ничего не знаем.

Бывали «нередко» (πολλάκις),[4] как сказано в «Трактате о налогообложении», случаи, когда государство сдавало в аренду или продавало не только класмы, но и симпафии (т. е. земли, находящиеся в заброшенном состоянии менее 30 лет). Однако титул собственности купившего класму такого рода оставался условным — владение ею при обстоятельстве уплачивать канон «находится под угрозой востребования ее наследниками» (ὑπὸ ζήτησιν τοῖς κληρονόμοις),[5] а в случае продажи симпафии и возвращения законного наследника «теряют покупатели купленное», документ о сделке ликвидируется и неудачник имеет право требовать от казны возвращения попусту затраченных денег.[6]

Иными словами, отчуждение симпафии было условным, до истечения 30 лет их подлинным юридическим собственником остается прежний хозяин; документ о продаже обретет право свидетельствовать о титуле собственности только после названного срока. Мало того, опоздавший наследник не имеет права на безвозмездное овладение своей бывшей землей: он ее может только купить у государства,

---

[1] *F. Dölger.* Beiträge..., S. 119.33–37.
[2] Ibid., S. 116.13.
[3] Ibid., S. 120.10–12.
[4] *J. Karayannopulos.* Fragmente..., S. 322, 28f.
[5] Ibid., S. 323.78–85.
[6] Ibid., S. 322.58–323.63.

пользуясь при этом правом предпочтения. «Трактат» указывает довольно высокую плату: 24 номисмы за землю, с которой ранее взыскивался канон в размере одной номисмы.[1]

Если имело место при продаже или дарении класм мошенничество и эпопт, совершая отчуждение, указал в документе меньшее количество земли, чем действительно отдал, «излишек» возвращают казне (προσεκυρώθη τῷ δημοσίῳ),[2] не уплачивая при этом покупателю — участнику мошенничества — цену «излишка», как разъяснено в «Уставе».[3]

Приводя эти данные, мы отчасти сказали о судьбе класм, ставших собственностью казны: они дарились и продавались государством, т. е. императором, через правительственных чиновников — эпоптов. Титул собственности при продаже целиком переходил к тому частному лицу, которое покупало класмы. Что касается получателя дара, то здесь дело обстояло сложнее: все зависело от того, какое юридическое лицо получало дар и каковы были условия дара.

Кроме того, государство могло в течение неопределенного срока сдавать класмы в аренду (краткосрочную и долгосрочную) на весьма выгодных для себя условиях (с 10 модиев — 1 номисма),[4] иногда — жителям этого же села,[5] или отдавать (ἀνατεθῇ) какому-либо ведомству (секрету)[6] («посвящать» — ἀφοσιοῦνται, сказано в другом месте).[7] Класма может оказаться и в ведении какого-нибудь «царского эпискепсиса» (ἐπίσκεψις βασιλική)[8] или какой-либо куратории, которой дарит (ἀποχαρίζηται) ее василевс (эпискепсис приравнивается при этом к секрету). Важно при этом, что при передаче класмы правительственным или царским учреждениям предполагалось, что эти учреждения как юридические лица оказываются обладателями титула собственности на эту класму («секрет имеет власть продавать ее и отдавать, куда хочет» — ἔχει ἐξουσίαν πωλεῖν αὐτὸ τὸ σέκρετον καὶ ἐκδιδόναι, ὅπου βούλεται).[9]

Орфосис имеет в рассматриваемых трактатах два значения: восстановление канона на заброшенные земли, имевшие статус симпафий и класм, и восстановление отсутствовавшего собственника земли в его правах. Однако при этом проводится одно важное различие: восстановление налога и восстановление собственника в его правах — не всегда единый процесс. Временное или постоянное право владеть заброшенным участком предполагает восстановление налога, но не всегда влечет восстановление права собственности. Мы уже упоминали, что класмы (как и новь) могли быть испрошены кем-либо под условием уплаты канона или заняты самовольно. Канон эти люди в таком случае должны были платить безусловно. Но вряд ли они обретали в таких случаях

[1] *J. Karayannopulos.* Fragmente..., S. 321.23–322.28.
[2] Ibid., S. 322.38–42.
[3] *F. Dölger.* Beiträge..., S. 121, 16–21.
[4] Ibid., S. 123.1–6.
[5] *J. Karayannopulos.* Fragmente..., S. 321.9.
[6] *F. Dölger.* Beiträge..., S. 116.17.
[7] Ibid., S. 119.31.
[8] Ibid., S. 120.19.
[9] *J. Karayannopulos.* Fragmente..., S. 321.12.

право собственности на класму и новь, ибо в «Трактате» разъяснено, что даже собственники и их наследники «не восстанавливаются» [в праве собственности] после 30 лет [отсутствия]» (οὐ γὰρ ὀρθοῦνται μετὰ τὴν λ΄τίαν).[1] Для этого надо было выкупить право собственности у казны, одного согласия на уплату канона было для этого недостаточно.

Мы думаем, что это различие имело принципиальное значение в византийской действительности, гораздо более существенное, чем различие между казенной и императорской землей, которой в равной мере самовластно, как пишет М. Я. Сюзюмов и как мы видели из данных «Трактатов», распоряжался василевс.

В связи с этим мы хотели бы обратить внимание на оставляемую в историографии до сих пор в тени дефиницию «Податного устава», проводящего резкую грань между двумя видами плательщиков канона в империи. «После заполнения [сборщиком налогов] всей налоговой графы приписка "уплатил такой-то" содержит указание на перемену имени [плательщика], от [имени] предшествующего владельца — к [имени] его наследника, зафиксированную тогдашним анаграфевсом, если приписка делается для деревни геникона; а если речь идет о практиках диикитов, то указывается плательщик, хотя бы он был наследником, и не требуется приписка, кроме единственной — "уплатил"».[2]

Забегая несколько вперед, скажем, что речь идет здесь не просто о различии в технике ведения налогового учета, а о юридически различных категориях налогоплательщиков: одни из них определены как жители «деревни геникона» (налогового ведомства), а другие — как вписанные в описи местных чиновников (диикитов). Уточнение прав на владение землей для первых необходимо ежегодно (от кого и кому они перешли, кто из чиновников это удостоверил), для вторых этого не требуется.

Мы считаем первых держателями государственной земли (земли геникона), не имеющими на нее титула полной собственности (подобно зависимым держателям земли крупных собственников), а вторых — свободными собственниками (членами или нечленами общин).

В новелле Романа I Лакапина от 922 г. сказано совершенно ясно, что класмы (κλασματικοὶ τόποι), подобно некоторым иным владениям, принадлежат димосию (казне).[3] Новелла Константина VII Багрянородного упоминает о несправедливом обычае продажи казной участков стратиотов, утративших способности нести лично военную службу, но император не позволяет этому обычаю обрести силу закона, как «зверскому и жестокому».[4] Этот император причислял к динатам не только епископов, но и богоугодные заведения, которые скупали крестьянские и стратиотские участки.[5] В новелле Никифора II Фоки от 962 г. вновь говорится о том, что эпопты и василики («царские

[1] *J. Karayannopulos.* Fragmente..., S. 322.25.
[2] *F. Dölger.* Beiträge..., S. 123.8–14.
[3] Jus, III, p. 240.
[4] Ibid., p. 264.
[5] Ibid., p. 262–263.

люди») продавали воинские участки, и император опять запрещает делать это.[1] По-видимому, речь снова шла о стратиотах, имущественное состояние которых не позволяло им нести воинскую службу.

Согласно другой новелле этого же императора, казна имела право конфисковать земли тех армянских воинов, которые отсутствовали более 3 лет, а земли перебежчиков к сарацинам — немедленно. Эти конфискованные земли казна передавала отличившимся стратиотам или другим лицам, несшим «общеполезные обязанности», и перебежчикам из стана врагов. Если же они были отданы царскому монастырю или иным куратериям, а также знатным лицам в виде пожалований и милости (дара), а также если эти земли были проданы эпоптами через либеллы, то в случае возвращения наследников армянских воинов эти документы о продаже или хрисовулы о даре теряли силу: наследники имели право получить владения своих отцов не только после 3 лет, но и после 30 лет отсутствия. Те из вернувшихся армян, которые были в земле врагов, теряли свои владения (такова кара за их поступок), но им предоставлялись «иные места».[2]

Нетрудно заметить и здесь, сколь разно отношение государства к землям, составлявшим частную собственность армянских воинов, и к землям, пожалованным государством в качестве дара монастырям и частным лицам, не несущим какую-либо службу. Конфисковывались частные земли только за предательство; земли воинов, бросавших службу более чем на 3 года, несмотря на конфискацию, могли быть возвращены наследникам этих воинов в течение 30 лет. Сами перебежчики, вернувшись, могли получить «иные места». Напротив, те, кто получил земли, конфискованные казной у частных лиц, в виде дара, не могли быть уверены, что власти не отнимут их снова. Титул полной собственности им не давался. В этом — суть.

По новелле Никифора II Фоки о монастырях, казна не возбраняла благочестивым людям, принявшим схиму, строить в «пустынных местах» кельи и лавры, оговаривая, однако, запрещение выходить за пределы монастырской ограды для овладения землей[3] — она была государственной.

В «Пире» нередко употребляется термин δημοσιακὰ κτήματα в смысле βασιλικὰ κτήματα, и наоборот. «Частные» имущества (ἰδικά) василевса и августы, говорится там, — это «имущества куратерий и эпискепсисов», находящиеся в ведении «казны» (δημοσίου).[4] Τὰ δημόσια, сказано в другом месте, — это те δημόσια, которые казна (δημόσιος) имела и приобрела прежде, чем (этот) василевс вступил на трон. Когда же он обрел царство, то присоединялись к сему также класмы и имущества, приобретенные в бою (τὰ ἐξ ἀδορίων).[5]

---

[1] Jus, III, p. 285–286.
[2] Ibid., p. 290–291.
[3] Ibid., p. 296.
[4] Ibid., I, XXV, 1, p. 155.
[5] Ibid., XXXVI, 2, p. 156. Мы предполагаем, что ἀδορία — производное от латинского adorior — «вести наступательные действия».

Мы согласны с А. П. Кажданом, собравшим немало сведений о «государственной» и «царской» земле,[1] что практического различия источники здесь не проводят,[2] но его оппоненты правы в том, что эта земля — не вся территория страны, а лишь те ее пространства, которые не находились в частной собственности отдельных лиц и крестьянских общин. Юридический статус этих земель был, однако, весьма различен. Титул полной собственности на нее государство теряло только в случае продажи или дара в «полную собственность». Сдача же ее в аренду, в вечное держание под условием уплаты канона, передача церкви, монастырям или благотворительным учреждениям, а тем более правительственным ведомствам, а также воинам в награду за службу, в дар отдельным лицам и т. п. не лишали казну прав dominus eminens, хотя конкретные права получателя и казны могли быть при этом разнообразны и специально определены в каждом отдельном случае.

Иными словами, мы считаем, что такой сторонник и автор теории «государственной собственности» на все земли империи, как Дж. Данструп, прав в том, что государство продолжало сохранять право верховного контроля над теми землями, которые оно передавало в руки частных лиц и духовенства.[3] В X–XI вв. юридический статус большей части земель, «дарованных государством» частным лицам (не говоря уже о духовенстве), не был, по нашему мнению, идентичен статусу родовых частнособственнических земель: право верховной собственности в последнем случае оставалось в руках государства.

Что касается другого разногласия, отмеченного выше: рос или сокращался в течение X–XI вв. фонд государственных земель, то, видимо, здесь не может быть однозначного ответа. Л. Брейе полагал, что этот фонд в указанное время рос,[4] А. Андреадис и Дж. Данструп придерживались прямо противоположного взгляда.[5] А. П. Каждан склонен скорее поддержать Л. Брейе.[6] По нашему мнению, бывали периоды, когда этот фонд расширялся в силу двух главных причин: 1) крупные конфискации после подавления многочисленных заговоров и мятежей знатной провинциальной военщины или столичной аристократии; 2) завоевание соседних с империей земель, как это оговорено и в «Пире» Евстафия Ромея.[7]

---

[1] *А. П. Каждан.* Деревня и город..., с. 127–141.

[2] Иски относительно земель императора и августы, сказано в «Пире», вчиняются «димосию» (Jus, I, XXXV, 2, p. 155–156). Другой выразительный пример приведен А. П. Кажданом («Деревня и город...», с. 130. Подробно см.: *Г. Г. Литаврин.* Болгария и Византия, с. 167–175): по акту Лавры от 1104 г. монахи отдали казне (δημοσίῳ) проастий в обмен на три царских (βασιλικῶν) проастия.

[3] *J. Danstrup.* The State..., p. 231.

[4] *L. Brehier.* Les institutions de l'Empire byzantin, II. Paris, 1948, p. 266.

[5] *A. Andréadès.* Deux livres récents sur les finances byzantines. — BZ, 28, 1928, p. 295; *J. Danstrup.* The State..., p. 224.

[6] *А. П. Каждан.* Деревня и город..., с. 137.

[7] Jus, I, XXXVI, 2, p. 156.

Когда в 934 г. византийцы взяли Мелитину, она была превращена вместе с округой в императорскую куратории.[1] Еще в 1960 г. мы высказали предположение, что императорский фонд значительно пополнился с завоеванием Болгарии (в 971 г. ее северо-восток захватил Цимисхий, в 1018 г. всю страну — Василий II).[2] Ныне мы повторяем это с полной уверенностью. Неясным остается только, все ли земли Болгарии и вообще всех присоединенных территорий рассматривались при этом как земли казны (следуя Евстафию Ромею — «все добытое мечом принадлежит государству») или только те, которые и ранее в Болгарии, в период ее самостоятельного существования, не принадлежали частным лицам или были собственностью представителей болгарской династии и крупных вельмож, подвергшихся конфискации и выселенных из Болгарии.

Прямое упоминание о государственной земле в завоеванной Болгарии мы усматриваем в сообщении Яхъи Антиохийского, что управлять «имуществами» в нее были направлены василики[3] («царские люди»), о которых как о распорядителях землями казны наряду с эпоптами упоминается в приведенных выше свидетельствах новелл.

Прямое указание на это мы усматриваем и в типике монастыря Богородицы Милостивой, где сказано, что эта обитель была воздвигнута ἐν τόρῳ βασιλικῷ («на царском месте»),[4] и в практике передачи земли этому монастырю, когда 10 дворов δημοσιακοὶ πάροικοι («государственных париков») оказалось в окружении переданных монастырю земель — из категории класм.[5] О царских табунах, пасшихся в Северо-Восточной Болгарии и отправляемых ко двору ежегодно по 60–100 голов, сообщает и знатный хронист — участник IV крестового похода Робер де Клари.[6]

Найдены в Болгарии и печати «логофета стад» — управителя секрета, ведавшего конными императорскими заводами.[7]

Мы приводили все эти свидетельства в подкрепление нашего мнения о том, что фонд императорских доменов пополнился с завоеванием Болгарии в 1018 г.[8] Нам непонятно, почему А. П. Каждан, бегло

---

[1] *Theoph. Cont.*, p. 416, 23–417.2. См. об этом также: *А. П. Каждан.* Деревня и город..., с. 131.

[2] *Г. Г. Литаврин.* Болгария и Византия..., с. 138–151.

[3] *В. Розен.* Император Василий II Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхъи Антиохийского. СПб., 1883, с. 59.

[4] *L. Petit.* Le monastère de Notre Dame de Petié en Macédoine. — ИРАИК, VI, 1900, p. 90.

[5] *L. Petit.* Op. cit., p. 43. Г. А. Острогорский ошибается, толкуя указанный термин попросту как «налогоплательщики казны» и заявляя, что ни о каких «императорских поместьях» в этом районе не известно (*G. Ostrogorskij.* Quelques problèmes..., p. 2). Неважно в данном случае, были ли «поместья», важно, как мы видели, что была «императорская земля».

[6] *Robert de Clari.* La conquête de Gonstantinople. — «Poèmes et récits de la ville de France», XVI. Paris, 1939, p. 137–138.

[7] *Г. Г. Литаврин.* Болгария и Византия..., с. 142.

[8] Там же, с. 141, 151.

заметив, что местонахождение печатей — не аргумент, и не сказав ни слова об упомянутых письменных свидетельствах, счел наш вывод «лишь догадкой»,[1] хотя этот же автор в тогда же вышедшей монографии без указания на «Пиру», на основе свидетельства об овладении Мелитиной в 934 г. заключал, что «новые земли... в результате завоеваний... включаются в состав домена».[2]

После царствования Василия II (с конца 1025 г.) и до конца рассматриваемого в нашей статье периода (начало 80-х годов) фонд государственных (царских) земель имел, несомненно, постоянную тенденцию к сокращению не только в результате территориальных потерь империи, но и вследствие политики земельных пожалований императоров.

Строго говоря, пожалования государственных (императорских) земель куратериям, хотя те и имели право как правительственные (в «Пире» они названы императорскими) учреждения полностью распоряжаться ими, а также церкви и монастырям нельзя рассматривать как сокращение фонда этих земель. Но это верно на практике лишь относительно куратерий. Хотя церкви и монастыри, не подвластные частным лицам, были также в некотором роде царскими и император сохранял право контроля и верховной собственности,[3] мы не знаем крупных секуляризаций в период 976–1081 гг.

Мало того, и пожалованные частным лицам через хрисовулы государственные земли в качестве милости, дара, награды или как обеспечение определенного вида службы в строгом смысле не были полностью потеряны для казны. Именно эта юридическая теория, по которой на переданные без эквивалентного возмещения (продажной цены) земли государство сохраняло право верховной собственности, ярко проявилась в двух актах правительства, отделенных друг от друга более чем семидесятилетием.

В 985 г., отстранив от власти паракимомена Василия Нофа, еще недавно всесильного временщика, Василий II объявил, что отныне он подвергает пересмотру все хрисовулы и дарственные грамоты правительства, выданные во время всевластия Нофа, как акты, зачастую не имевшие законной силы. Лишь удостоверенные подписью Василия II, как признанные им, могли впредь сохранить законную силу.[4]

В 1057–1058 гг. Исаак I Комнин конфисковал много владений монастырей и частных лиц, несмотря на хрисовулы, предъявленные на эти владения, ибо рассматривал включенные в эти документы дарения государственных земель как незаконные акты своих предшественников.[5]

---

[1] *А. П. Каждан.* Рец. на: *Г. Г. Литаврин.* Болгария и Византия..., с. 101.

[2] *А. П. Каждан.* Деревня и город..., с. 137.

[3] В недавно опубликованной работе А. П. Каждан неоднократно подчеркивает экономическую несамостоятельность византийских монастырей, их подчиненность государству как фактор, «в корне» отличавший их от западных аббатств (*А. П. Каждан.* Византийский монастырь..., с. 69–70).

[4] Jus, III, p. 317.

[5] *Attal.*, p. 61, 6–17; *Εὐδ. Τσολάκη.* Ἡ συνέχεια τῆς χρονογραφίας τοῦ Ἰωάννου Σκυλίτσου. Θεσσαλονίκη, 1968, σ. 104.6–17.

Напротив, мы не располагаем от изучаемой нами эпохи ни единым известием о том, что конфискации подверглась родовая недвижимая собственность, исключая случаи измены и осуждения за государственные преступления.

Точно так же у нас нет ни одного свидетельства того, что император в этот период пожаловал не только частному лицу, но и духовенству или правительственному учреждению хотя бы одну деревню (или даже один двор) со свободными крестьянами — собственниками своей земли.

Но как же в таком случае быть с упомянутыми нами же выше примерами дарений со стороны императора целых сел с крестьянами, хотя бы пример с дарением монастырю Ксенофонта Василием II метоха с 12 проскафименами[1] или пример с даром Андронику Дуке в 1073 г. обширных владений с несколькими поселениями Михаилом VII Дукой? Ответ нам представляется теперь нетрудным: это были государственные земли. В частности, земли Андроника, принадлежавшие казне, были переданы ранее ведомству богоугодных заведений Востока. Недаром по их периметру были расставлены пограничные камни с надписями «Царская граница».[2] Населены эти земли были государственными крестьянами (париками), являвшимися наследственными держателями казенной земли, а не ее собственниками.

Именно поэтому государство не усматривало юридического различия между положением этих крестьян до передачи их в «полную собственность» частного лица и их положением после этой передачи. До того как эти земли попали в секрет богоугодных заведений Востока, они входили в царский эпискепсис Алопеков (комплекс более обширных владений казны или императора). Роль чиновника секрета, осуществлявшего надзор за этими владениями и сбор доходов с крестьян, играл местный священник, именуемый прокуратором, получавшим в качестве руги 3 номисмы в год.[3] Крайне низкая оплата труда прокуратора исключает всякое предположение, что роскошный дворец в имении был предназначен для подобного чиновника. О прежней судьбе поместья свидетельствует и царящая на всей центральной усадьбе печать запустения. Многие постройки полуразрушены, инвентарь ничтожен, запасы посевного зерна для «хозяйственного домена» мизерны, сад запущен, рабы умерли.

Мы полагаем, что здесь возможны две гипотезы, одинаково вероятные: 1) либо это имение принадлежало некогда видному частному лицу, собственность которого как государственного преступника была конфискована, стала царским эпискепсисом, а затем передана в секрет богоугодных заведений; 2) либо эти земли никогда не были частной собственностью, дворец же был выстроен для видного правитель-

---

[1] Actes de l'Athos, I. Actes de Xénophon, publ. par L. Petit. — BB, X, 1903, p. 25, 214–216.

[2] MM, VI, p. 4.

[3] MM, VI, p. 15. Церковные каноны запрещали духовным лицам, соблазняясь малой синифией, играть роль прокураторов частных поместий, но разрешали эту роль в царских имениях, если того хотел император (PG, t. 138, col. 89A — B).

ственного лица, управлявшего обширным комплексом императорских поместий, постепенно пришедших в упадок после передачи их упомянутому секрету.

Имение лежало в плодородной долине во Фракисийской феме, близ Милета. Тем не менее множество крестьян в нем были крайне бедны, уровень же эксплуатации, видимо, был весьма высок.

Этот акт десятки раз оказывался в центре внимания исследователей, неизменно отмечавших, что в крестьянских платежах здесь не наблюдается существенных отличий от платежей свободных крестьян, но что в акте странным образом нигде не упомянуты размеры земельных держаний крестьян как важнейший фактор налогообложения.[1]

Что касается первого заключения, то справедливость его еще предстоит проверить; второе же обстоятельство нам ничуть не представляется странным; точно так же ни в одном из других актов мы не находим указаний на размеры крестьянских участков и держаний. Причина этого состояла, по нашему мнению, в том, что сама имущественная классификация крестьян (зевгарат, воидат, апор) включала указание и на размеры их держания. О том, как различались государственные и императорские поместья в X–XI вв. (и в юридическом, и в хозяйственном отношении), мы, к сожалению, осведомлены крайне слабо, несмотря на то, что А. П. Каждан собрал на этот счет почти весь наличный материал. Никаких данных, которые подтвердили бы вероятную гипотезу М. Я. Сюзюмова о том, что императорские поместья — это организованные хозяйства, а государственные земли — просто пустоши, мы не обнаружили.

О формах эксплуатации государственных земель нам известно крайне мало. Если судить по акту 1073 г., какая-то часть государственных поместий отводилась под домениальную запашку и, помимо денежных сборов с крестьян, давала натуральный доход: для посева были предназначены 260 модиев пшеницы, 150 модиев ячменя, 5 модиев бобов и 5 модиев льняного семени.[2] Согласно геометрическому трактату XIII в., на модий площади в Византии (на добрых землях) высевали 2 сыпучих модия,[3] т. е. 410 модиями (260 + 150) засеяли бы 205 модиев земли (около 20 га).[4]

---

[1] См., например: *П. Безобразов.* Патмосская писцовая книга. — ВВ, VII, 1900, с. 75, 85 сл.

[2] ММ, VI, p. 6.

[3] *Ф. И. Успенский.* Византийские землемеры. — «Труды VI Археологического съезда», II. Одесса, 1888, с. 298.

[4] П. Безобразов подчеркивает, что почвы в районе Милета были плодородными, но считает (в противоречии с упомянутым геометрическим трактатом), что один модий высевали на один модий земли, отводя, таким образом, под домениальную запашку 420 модиев. Этот ученый полагает, что названный в акте совокупный доход — 307 номисм — не весь доход имения, определяемый им примерно в 830–750 номисм (*П. Безобразов.* Патмосская писцовая книга, с. 105–106).

Из письма патриарха Николая I Мистика (901–907 и 912–925) известно, что клир Св. Софии снабжался пшеницей из владений Великой церкви — пересылали ее в Константинополь прокураторы церковных владений.[1] Прокуратор владений богоугодных заведений Востока не получал натурального довольствия: в акте четко определено, что ему «в качестве анноны» выдается одна из номисма «вместо 12 модиев пшеницы».[2] Следовательно, указанный в акте запас зерна на питание: 124 модия пшеницы, 60 модиев ячменя и 8 модиев льняного семени — был предназначен не для чиновников-управителей, а для работников-париков, проживавших в специальном помещении при центральной усадьбе.[3] На упомянутом зерне могли бы прожить 6–8 человек в течение года, т. е. столько работников, сколько действительно могло справиться с возделыванием домена в 2 га.

Остальное зерно, полученное при сборе урожая с этих 20 га, было, несомненно, отправлено в пункты, угодные секрету благочестивых заведений (при урожае сам-6 это составило бы до 2,5 тыс. модиев).[4]

Еще бóльшую площадь (около 600 модиев) управители имения сдавали в аренду соседнему монастырю и соседним крестьянам.[5]

Специфической формой организации государственных поместий были, конечно, конные заводы, все хозяйство которых подчинялось этой главной цели и требовало, несомненно, значительного числа работников-париков, не занятых ведением собственного самостоятельного полнонадельного хозяйства. В частности, кони разводились и в передаваемом Андронику Дуке имении. Отдавая все Андронику, царь оговаривает, что не передаются только кони.[6] Подобной же особой формой была, например, эксплуатация владений некоторых прибрежных сел, подчиненных распорядителю императорского стола (ὁ ἐπὶ τῆς τραπέζης) — они поставляли для дворца рыбу.[7] Великая церковь, например, имела владения, главной обязанностью которых была поставка капусты.[8]

Что касается прочих правительственных учреждений и богоугодных заведений (странноприимных домов, больниц, сиротских приютов, богаделен, домов призрения престарелых и т. п.), то их хозяйства на государственной земле, по-видимому, мало отличались от того имения, которое было передано Андронику Дуке. В основе его лежал зависимый крестьянский двор, обязанный уплатой денежных платежей и, видимо, натуральных поставок, часть земли обрабатывалась как домениальная трудом зависимых дворовых париков, часть сдавалась в аренду.

---

[1] *V. Grumel.* Les regestes des actes du patriarcat de Constantinople, I. 1, Constantinople, 1936, № 772.

[2] MM, VI, p. 15.

[3] Ibid., p. 6.

[4] Урожай в таком случае при пересчете на наши меры составил бы примерно 50 пудов с гектара.

[5] MM, VI, p. 6, 7, 12, 15.

[6] Ibid., p. 5.

[7] *Const. Porphyr.*, De cerim., p. 488.18.

[8] *V. Grumel.* Les regestes..., № 782.

А. П. Каждан, говоря о функциях правительственного чиновника, управлявшего императорскими поместьями и носившего наименование ὁ ἐπὶ τῶν οἰκειακῶν, приводит любопытную надпись на одной из сохранившихся печатей этого должностного лица по имени Ставракия: Λός, κύριε, ἀνόνη[ν], т. е. «Дай, господи, аннону»! Нам представляется удачной догадка А. П. Каждана, что одной из главных функций этого чиновника был сбор натуральных поставок — анноны. Автор считает, что этой догадке противоречит факт определения Ставракия в легенде печати не только как ὁ ἐπὶ τῶν οἰκειακῶν, но и как ὁ ἐπὶ τῶν βαρβάρων.[1] Но, на наш взгляд, вполне логично предположить, что Ставракий действовал как управитель императорских имений на завоеванной территории с иноплеменным населением («варварами»), — в таком случае оба определения легенды печати не противоречили бы, а дополняли друг друга.

Такую в сущности аннону поставляли присоединенные при Василии II грузинские земли (χῶραι) в качестве опсония (натурального довольствия) для войск, формируемых здесь для обороны фемы Ивирия от турок-сельджуков. Константин IX Мономах «отнял» эти «государственные земли» у войска (δημοσίων χωρῶν, ἀφείλετο ταύτας),[2] заставив их вносить подати в казну и лишив тем самым область защиты.[3]

Не может быть, по нашему мнению, в данном случае никаких сомнений, что завоеванные земли (или их часть? — ср. стр. 22) стали землями короны. Вряд ли, однако, здесь имелись какие-либо хозяйства, подобные имению Варис: государственные парики вносили продукты в счет налогов на содержание войска.

Мы считаем, что именно эти земли казна и имела право отдавать в пожалования, в дар, награду и в обмен на частновладельческие земли. Об обмене частных владений на земли казны неоднократно сказано в типике Бакуриани,[4] в актах Лавры,[5] в хронике Скилицы[6] и у восточных авторов-современников,[7] в письмах Феофилакта.[8] Во всех этих случаях нельзя, по нашему мнению, усматривать передачи частным лицам земель со свободными крестьянами — отдавались территории с государственными париками, статус которых как не собственников, а держателей своих участков признавался идентичным статусу частновладельческих париков.[9]

---

[1] *А. П. Каждан.* Деревня и город..., с. 136–137.

[2] *Attal.*, p. 44.19–22.

[3] *Cedr.*, II, p. 608.20–23; ср.: «Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI века». Подготовка текста, введение, перевод и комментарий Г. Г. Литаврина. М., 1972, с. 152.28–154.1, 376.

[4] Typicon Gregorii Pacuriani, ed. S. Kauchtschischvili. Thbilisiis, 1963, p. 28.11.

[5] *K. Lake.* Early Days of Monasticism in Mount Athos. Oxford, 1969, p. 103.

[6] *Cedr.*, II, 464, 11–16.

[7] См.: *В. А. Арутюнова.* Византийские правители Эдессы в XI в. — ВВ, 34, 1973.

[8] См.: *Г. Г. Литаврин.* Болгария и Византия..., с. 86–87.

[9] Почти так формулирует свой вывод и Г. А. Острогорский (*Ostrogorskij.* Quelques problèmes..., p. 24), понимая, однако, под государственными париками вообще всех крестьян, не принадлежащих частным лицам.

И это — не только юридическая теория, которая, как бывало с правовыми доктринами в империи, могла не иметь практического значения, а повседневная практика. Как частновладельческий парик не мог продать свое держание лицу, которое отказалось бы от парических обязанностей, так и государственный крестьянин мог отчуждать свой участок лишь с согласия господина. «Пира» фиксирует случай, когда земля одного из благочестивых учреждений оказалась сданной в длительную аренду без разрешения сакеллы, т. е. ведомства, которому были подчинены управляющие землей чиновники. Евстафий Ромей определил, что земля должна быть возвращена законному владельцу независимо от того, сколько с тех пор прошло времени (срок давности в данном случае не мог узаконить сделку).[1]

Даже воины, поселенные на государственной земле, обозначались иногда термином, обычным для частновладельческого крестьянства, — проскафимены.[2] А в акте Лавры от 1104 г. об обмене земли монастыря на государственную (императорскую) землю государственный парик выступает как ценность, равнозначная мельнице или пустующему участку.[3]

Конечно, случаи самовольного овладения государственной землей были. Такой случай мы усматриваем в акте от 1023 г. из Южной Италии, в котором сообщается, что около 40 лет назад умерший монах Иона раскорчевал и расчистил некое место, а затем передал его монастырю. Затем, на рубеже XI–XII вв. игумен Косьма, собрав пришельцев и бедняков, основал на этом месте деревню. Когда некие соседи возбудили дело против монастыря, пытаясь отнять у него землю, катепан Италии признал права монахов законными.[4] Т. е. признал именно тот катепан, которого назначил Василий II, воспрещавший самовольное овладение землями казны и бесконтрольное поселение на частных землях неимущих крестьян в качестве свободных от налогов париков.

Однако случаи такого рода не означали нарушения существовавшей системы: государственные (императорские) земли независимо от того, в какой форме они подвергались эксплуатации, независимо от того, подвергались ли они эксплуатации или лежали втуне, резко отличались от частновладельческих. Но среди самих частновладельческих земель существовали две категории, одна из которых (земли крупных собственников, эксплуатировавших труд зависимых людей) по своей социальной сущности, как мы полагаем, была ближе к государственным землям, чем ко второй категории частновладельческих земель (земли крестьян свободных).

Социально-общественный и юридический статус частнозависимых и государственнозависимых париков был почти идентичен: они не яв-

---

[1] Jus, I, XV, 9, p. 44–45.

[2] *А. Дмитриевский.* Описание литургических рукописей... Τυπικά, I, Киев, 1895, с. 695.

[3] *Г. Г. Литаврин.* Болгария и Византия..., с. 171–172.

[4] *A. Guillou, W. Holzmann.* Zwei Katepanenurkunden aus Tricarico... «Quellen und Forschungen...», XLI. Tübingen, 1961, S. 27.

лись собственниками своих участков со всеми вытекающими отсюда последствиями. Определяя эту зависимость как феодальную для первых, мы признаем ее по существу такой же и для вторых, но никак не для свободных налогоплательщиков казны. Но при такого рода заключении возникает как будто проблема новой датировки этапов феодализации. Если отказ от выводов А. П. Каждана и Г. А. Острогорского вел к опасности «запоздать» с определением эпохи утверждения феодальных отношений, то не ведет ли наш вывод, напротив, к перенесению этого рубежа в слишком ранний период. Ведь и парики, и императорские земли, на которых были основаны подчиненные короне монастыри, упоминаются уже в самом начале IX в.[1]

Нам представляется, что наши выводы не ведут к серьезным теоретическим затруднениям. Основным критерием периодизации по-прежнему останутся этапы вызревания феодального поместья, так как оно определяло и представляло главную тенденцию, генеральный путь эволюции аграрных отношений в империи. Формы эксплуатации государственных владений уподоблялись формам эксплуатации частных землевладельческих хозяйств, феодализируясь не ранее имений магнатов, а вслед за феодализацией этих имений. Это тем более понятно, что фонд государственных земель в течение IX–XI вв. почти непрерывно был источником формирования крупных частных поместий.

Прежде чем ответить на вопрос о том, каков был главный источник формирования феодального землевладения, мы должны дать оценку правительственным мероприятиям императоров Македонской династии, в течение столетия пытавшихся помешать процессу поглощения крестьянской собственности крупным землевладением.

Как известно, дореволюционные русские историки, как и многие современные за рубежом, делали выводы о некоей внеклассовой защите государством мелкого крестьянского землевладения. А. П. Каждан дал очерк развития этой проблемы в литературе, показав, что полное и обоснованное переосмысление вопроса было осуществлено лишь в марксистской историографии: меры правительства преследовали цели сохранения контингента крестьян для их централизованной эксплуатации господствующей группировкой феодализирующейся аристократии через государственный аппарат.[2] По мнению А. П. Каждана, эти меры не столько препятствовали развитию феодализации, сколько ей способствовали.[3]

Возражения в ответ на эту идею были высказаны как в зарубежной, так и в советской литературе. Н. Зворонос разделяет мнение историков-марксистов о целях законодательства императоров Македонской династии, но он считает, что они были гораздо более широкими, что императоры сознавали угрозу всей государственной структуре со стороны крупных собственников, и хотя эффективность законодательства «оставалась, очевидно, весьма ограниченной», эти меры сыграли

[1] *Theoph.*, p. 30, 486. См. об этом: *А. П. Каждан.* Деревня и город..., с. 94.
[2] Там же, с. 174–175.
[3] Там же, с. 188.

свою роль. Они не были оставлены совсем, как полагает А. П. Каждан, после смерти Василия II, а продолжали применяться и в середине и в третьей четверти XI столетия. При этом Н. Зворонос вполне основательно ссылается на «Пиру», не оставляющую на этот счет никаких сомнений, на «Синопсис законов» Михаила Пселла и на схолии XI в. к «Василикам».[1]

М. Я. Сюзюмов также полагает, что мероприятия императоров Македонской династии сыграли сдерживающую роль в истории развития крупного землевладения в империи. Обращаясь к А. П. Каждану, М. Я. Сюзюмов спрашивает: «Неужели феодалам-динатам после запрета скупать у крестьян земли стало легче укреплять крупное феодальное землевладение? Неужели феодальные отношения усилились в результате того, что многим бедным крестьянам возвращена была земля бесплатно, как это явствует из новелл? Мы полагаем, что из того факта, что государство — орудие класса эксплуататоров, вовсе не следует отрицать отдельные попытки маневрирования со стороны византийской автократии». Конечно, продолжает М. Я. Сюзюмов, эти законы не могли остановить процесса, хотя бы потому, что богатая прослойка в общинах получила возможность законно, через право протимисиса, создавать крупные поместья.[2]

Мы не можем не присоединиться к этому мнению: и сами новеллы, и «Пира» содержат немало примеров разрушения феодальных имений, созданных в обход законодательства. Оно не остановило, но затормозило процесс феодализации. Другой вопрос — сколь прогрессивно оно было или сыграло ли вообще прогрессивную роль.

Мы считаем неоправданной тенденцию в византиноведении свести весь ход феодализационного процесса в Византии в основном к разложению общины, к утверждению идеи о решительном преобладании пути эволюции «снизу» как наиболее естественном исторически и экономически закономерном и т. д. Эту идею никто, кроме М. Я. Сюзюмова, не ставил под сомнение, хотя для Византии она никогда и никем не была доказана на материале источников, как и всякая идея, претендующая на установление «преобладания» каких-либо исторических феноменов над другими путем спекуляций при крайне ограниченном фактическом материале.

Помимо чисто теоретических (весьма и весьма общих) соображений, основным доводом в пользу этой теории является в сущности argumentum ex silentio: в официальных византийских документах фиксируются по преимуществу отношения государства с частными лицами, а не отношения между частными лицами. Поэтому от нашего внимания ускользает главный процесс — процесс создания собственности одного лица за счет собственности рядом находящихся многих лиц (имущественная дифференциация, разложение общины). Мы ничуть не против этой идеи как позиции (она достаточно проверена на материале средневековых стран Западной Европы), но мы про-

---

[1] *N. Svoronos.* Société.., p. 376–379.

[2] *М. Я. Сюзюмов.* Рец. на: *А. П. Каждан.* Деревня и город.., с. 215–216.

тии нее как антиципации одного и того же вывода при любых условиях, в любую эпоху и в любой стране. Если мы выстроим в две колонки факты обоего рода: свидетельства об имущественной поляризации внутри общины и данные об обретении земель и доходов за счет ее в целом или от щедрости государя, то мы получим право скорее на противоположный, но столь же сомнительный вывод.

А. П. Каждан осуществил колоссальный труд по изучению путей формирования господствующего класса Византии в X–XII вв. Он с не оставляющей сомнений убедительностью показал, что так называемая «вертикальная подвижность» социальных сил была одним из основных факторов имперской системы и ее живучести: господствующие слои, даже близкие к трону самодержца, абсорбировали без особых препятствий множество удачливых лиц самого низкого происхождения.[1]

Однако в приведенном А. П. Кажданом материале имеется одна, на наш взгляд, чрезвычайно важная и не прокомментированная автором деталь: среди многочисленных случаев создания феодальных родов их «основателями»-простолюдинами насчитываются буквально единицы, когда богатство простолюдина предшествовало его успехам на имперской службе. В подавляющем большинстве случаев зависимость была обратной: от первых успехов на службе — к постепенному созданию богатства.

В другом месте мы надеемся показать, сколь различны были условия жизни и деятельности индивидов и классов на феодальном Западе и в Византии с ее самодержавным строем. Теперь общепризнанно, но недостаточно оценено, что в пресловутых новеллах императоров Македонской династии как «динаты» определены не только действительно богатые люди, а даже схоларии — низшие воинские чины и практоры — низшие налоговые чиновники;[2] состояние их вряд ли превышало состояние полнонадельного крестьянина-зевгарата (50 номисм), но они обладали властью над зевгаратом — в этом была их сила.

Мы не ставим под сомнение вывод, что основным путем феодализации был путь экспроприации мелкой крестьянской собственности. Но мы сказали бы, что это был путь не через расслоение и разрушение общины, а через ее оскудение и закабаление. Государство препятствовало проникновению динатов в общину, мешало росту их внутри общины, но оно само лишало общины их земель, конфискуя заброшенные земли в качестве класм и создавая рядом со свободными деревнями, теряющими общинные земли и часть фонда, находившегося в личной собственности ее членов, динатские частные поместья и свои государственные имения, мало от частновладельческих отличавшиеся. Кольцо создаваемых казной идиостата — частновладельческих имений — сжимало общину все туже, пока не абсорбировало ее целиком. Ее жители превращались в неимущих и «неплатежных», превращение

[1] *А. П. Каждан.* Состав господствующего класса Византии в X–XII вв. (в печати); см.: *Его же.* Характер, состав и эволюция господствующего класса в Византии XI–XII вв. Предварительные выводы — BZ, 66, 1973, S. 47–60.

[2] Jus, III, p. 263.

которых в частновладельческих париков регулировалось, но не возбранялось законом. Закон, в частности, разрешал продавать или принуждать к продаже земли должников, особенно должников казны. И срок при этом был тем меньше, чем беднее был должник, так как он мог израсходовать на себя свое последнее имущество.[1]

Так, «закрывая дверь» феодализации, даже самые суровые из императоров — «гонителей» динатов — широко открывали ей «окно».

Остановимся коротко на переходной форме собственности между государственной и частной, которую французская исследовательница Э. Гликаци-Арвейлер, давшая обзор ее эволюции, определила как «уступку невещных прав» или «условные дарения».[2]

Еще в 1948 г. Г. А. Острогорский писал, что земельное пожалование в Византии «означало не только и не столько перенесение владельческих прав, сколько перенесение с государства на феодала права на получение с жалуемых земель сеньориальной ренты».[3] Возвращаясь к сказанному выше, мы целиком разделяем этот вывод применительно к раздаче государством в дар или обусловленное службой держание казенной (императорской) земли. Путь эволюции, как показал Г. А. Острогорский, в целом состоял при этом в переходе от «невещных прав» к правам на землю, а от них — к условной собственности на нее. Основной спор вызвала не эта констатация, а то, что Г. А. Острогорский обозначил ее как путь эволюции пронии. А. П. Каждан считал, что прония — это посотис или солемний (количество дохода), дарованный во временное пользование — неважно с чего, как земельное же пожалование прония неизвестна до второй половины XII в.[4] М. Я. Сюзюмов полагал, что прония создавалась разными путями, а не только из передачи прав на сбор дохода; но передачей земли она стала лишь при Мануиле I (1143–1180).[5] К. В. Хвостова,[6] как и мы в свое время,[7] поддерживала в основном мнение Г. А. Острогорского, который недавно вновь отстаивал свои прежние взгляды.[8] Э. Гликаци-Арвейлер определила пронию как дарение доходов с любого имущества, равнозначное дарению париков или ренты.[9]

Ныне мы имеем, кажется, право сказать, что споры вокруг самого термина для XI в. должны быть оставлены, так как мы располагаем

---

[1] Jus, I, XV, 16; XVII, 11; XXVI, 27; LVIII, 1.

[2] *H. Glykatzi-Ahrweiler.* La concession des droits incorporels. Donations conditionelles. — «Actes du XIIe Congrès d'études byzantines. Ochrid, 1961, II. Béograd, 1964, p. 108–114.

[3] *Г. Острогорский.* Византийские писцовые книги, с. 234.

[4] *А. П. Каждан.* Рец. на указ. соч. Г. Острогорского, с. 228; *Его же.* К вопросу об особенностях феодальной собственности.., с. 226.

[5] *М. Я. Сюзюмов.* Внутренняя политика Андроника Комнина, с. 60; *Его же.* Некоторые проблемы истории Византии, с. 116.

[6] *К. В. Хвостова.* Особенности аграрноправовых отношений..., с. 207 сл.

[7] *Г. Г. Литаврин.* Болгария и Византия..., с. 144–158.

[8] *G. Ostrogorsky.* Die Pronoia unter den Komnenen. — ЗРВИ, 12, 1970, с. 41–54.

[9] *H. Glykatzi-Ahrweiler.* La concession..., p. 108, 110–111.

теперь четким юридическим определением этого понятия, зафиксированным во фрагменте «Трактата о налогообложении» от X–XI вв., опубликованном недавно И. Караяннопулосом.

Под заголовком: Τίνα εἰσὶ τὰ προνοιατικά («Что значит прониатские») — там сказано: Τὰ ἐφ' ὅρῳ τῆς τοῦ ἀν[θρώπ]ου ζωῆς δωρούμενα παρὰ τοῦ βασιλέως [«Это] дарованные василевсом на срок жизни человека»).[1] Следовательно, это слишком широкое понятие, чтобы на первых этапах его развития, по крайней мере до Комнинов (1081 г.), мы смогли точно определить его значение. Оно обнимает и солемнии всякого рода, если они ограничены во времени (на одного человека), и харистикии, и василикаты (обычно выдавались на срок жизни человека).

Но вместе с тем приведенная формулировка позволяет из суммы приведенных выше взглядов отобрать (применительно уже к XI в.) ряд мнений, вполне оправдавшихся. Такими выводами мы считаем: пронии — пожизненное условное дарение и доходов, и самой земли уже в XI столетии, причем и при условии управления и военной обороны крепостей (Михаил Дука в 1078 г. определял, что крепости предоставляются как μόρ ἐφ' ἑνὶ προσώπῳ — «на одно лицо».[2] (Г. А. Острогорский); пронии — временный солемний и харистикий, но как дарение париков или ренты она может выступать лишь на государственных землях и в поместьях крупных собственников (А. П. Каждан, Э. Гликаци-Арвейлер)).

Для наших целей в данном случае важно другое — констатировать, что солемнии и пронии уже в X–XI вв. жаловались как точно фиксированная сумма налоговой квоты или как доход с точно фиксированной территории или доходного объекта, независимо от того, государственная или частновладельческая это была собственность. Доход при этом понимался как вся масса или — чаще — часть установленных ранее для казны платежей.

Иными словами, солемнии и пронии (в виде налоговых пожалований) уже в XI в. распространялись на свободных налогоплательщиков государства и служили, таким образом, мостом, сближающим (чем далее, тем все более тесно) принципиально различные понятия собственности императорской и частной.

Э. Гликаци-Арвейлер повторяет как новый давно сделанный в марксистской историографии вывод,[3] что сбор налогов со свободных крестьян частным лицом неизбежно вел к усилению частноправовых отношений в ущерб публичноправовым, так как частное лицо было вынуждено волею обстоятельств заменить государственных чиновников на этой территории лично подчиненным ему персоналом, исполнявшим те же функции.[4]

---

[1] *J. Karayannopulos.* Fragmente..., S. 322.56–57.

[2] Jus, III, p. 230.

[3] См., например: *Г. Г. Литаврин.* Болгария и Византия..., с. 224–231; *Его же.* Рец. на: *Г. Цанкова-Петкова.* За аграрните отношения... — ВВ, XXVIII, 1968, с. 263–264.

[4] *H. Glykatzi-Ahrweiler.* La concession..., p. 110, sq.

В доказательство тенденции к превращению в париков тех свободных налогоплательщиков, которые должны были впредь платить налоги частному лицу, сотни раз ссылались на знаменитую петицию монахов Лавры, испугавшихся, не стали ли они париками брата императора Алексея I Адриана, которому была дана привилегия взимать в свою пользу налоги с полуострова Касандра, где лежали владения Лавры.[1] Э. Гликаци-Арвейлер полагает, что испуг монахов — доказательство того, что пожалование налогов с правом получившего льготу собирать их своими средствами — недавнее явление.[2] Мы считаем, что дело обстояло как раз наоборот: практика уже показала, что сбор частным лицом налога ведет к парикии свободных ранее поселян. Отсюда — испуг монахов. В самом деле, о виде солемния, когда, например, само благочестивое учреждение, получившее пожалование, «вместо диикита» (ἀντὶ τοῦ διοικήτου) собирало подати «с неких не подвластных ему деревень» (χωρίων τινῶν μὴ ὑποκειμένων τῷ αὐτῷ), сообщается уже в «Податном уставе».[3]

В связи со всем сказанным мы можем теперь иначе истолковать известие Никиты Хониата о широком недовольстве при Мануиле I раздачей проний.[4] Оно было вызвано не тем, что этот император перестал делать какое-либо различие между государственными и патримониальными землями, а тем, что он перестал в своих пожалованиях отличать деревни государственных париков, сидевших на казенной земле, от земель свободных налогоплательщиков. Раздача в пронию свободных, подчиненных отныне господину пронии, означала уподобление их государственным парикам, что было равноценно частнофеодальной парикии.

Таким образом, путь, кратко намеченный Г. Острогорским: от пожалования налогов — к правам на землю, а от прав на землю — к условному феодальному землевладению — занял всего около столетия, а еще через полстолетия прония превращается в наследственную, сливаясь нередко с гениконом (родовым владением), тогда как остатки государственных земель стали истинно царскими поместьями, имевшими тенденцию к распадению на семейные апанажи — княжества.

Итак, отвечая на первый вопрос — об источниках формирования феодальных вотчин — мы, видимо, можем сделать вывод, что устоявшийся взгляд на возникновение крупных владений преимущественно в результате имущественной дифференциации крестьянской общины и вызревания феодальных элементов в самих ее недрах нуждается в уточнении. В Византии, где государственная власть в X–XI вв. была сильна и всемогуща (по сравнению со странами Западной Европы), ее роль как орудия классового господства в развитии византийского феодализма проявилась главным образом не в том, что она создала систему государственного «крепостничества» для реализации «коллективной феодальной собственности» в форме «централизованной ренты-нало-

[1] Lavra, № 39.
[2] Ibid., p. 109.
[3] *F. Dölger.* Beiträge..., S. 117, 42–118.3.
[4] *Nic. Chon.*, p. 272–273.

ти», а в пожалованиях частным лицам фонда государственных земель, в конфискации запустевших участков общинников», в укреплении над свободными крестьянами власти частных лиц через передачу им прав на сбор налогов с сельских округов и бесконтрольное ими управление.

В значительной мере благодаря трудам Г. А. Острогорского и А. П. Каждана мы можем теперь, видимо, отказаться и от того вывода, который вытекал из их концепции: на огромных пространствах «государственной земли» общинники-крестьяне, даже стратиоты, в том числе катафракты, которых А. П. Каждан первым назвал мелкими вотчинниками и «рыцарями западного типа», закрепощены, а в феодальных поместьях зависимые парики, исчисляемые едва тремястью десятками, пользуются правом свободного перехода.

Роль государства в экспроприации самими феодалами крестьянской земли не может более, на наш взгляд, трактоваться в прямом противоречии со смыслом новелл императоров Македонской династии. Центральная власть в данном случае выступала как тормоз феодализации — в том числе и по отношению к процессу распадения общинного землевладения. Совсем другой вопрос — насколько эта политика была удачной и являлась ли она прогрессивной.

Признавая огромное значение пути феодализации «снизу», мы, тем не менее, не можем признать за ним решающую роль в условиях византийской государственности по сравнению с феодализацией «сверху» (в только что уточненном смысле).

Итак, в X–XI вв. государственная (и царская) собственность еще весьма строго отличалась от частной и общинной (корпоративной) и охватывала лишь те земли, которые лежали за пределами частновладельческого сектора; внутри этой собственности казны наметилось развитие иерархии, возникла тенденция к утверждению права собственности государства и на земли мелких налогоплательщиков, но более отчетливые формы эти явления приобрели лишь в XII столетии.

ΟΠΙΣΘΟΤΕΛΕΙΑ
(К вопросу о наделении крестьян землей в Византии X–XI вв.)

Термин «описфотелия», хотя и обозначает широко известное в фискальной практике явление, довольно редок в средневизантийских источниках. Поэтому в индексах к их изданиям и к специальным исследованиям это слово как terminus technicus обычно не приводится. Между тем нет никаких сомнений в том, что термин имеет именно техническое значение, как это явствует из фрагментов налогового трактата X–XI вв., изданных И. Караяннопулосом.[1]

Во фрагментах дано определение описфотелии. Текст этот несложен, поэтому приведем его в переводе: «Что означает описфотелия? Производит эпопт орфосис,[2] и на какое лицо он производит орфосис, с того взимает и описфотелию за три года. Положим, деревня получила симпафию, скажем, в размере 40 номисм, поскольку некоторые стихи исчезли. Через несколько же лет является другой [эпопт], чтобы произвести орфосис. Если селянам угодно принять орфосис на свое лицо, то они предоставляют и описфотелию за три года, так как уже до этого владели данным [участком], а если им неугодно, то он производит орфосис на другое лицо или поступает в этом, как хочет».[3]

Комментарий издателя фрагментов трактата остается на сей день, насколько нам известно, единственным толкованием термина «описфотелия» для средневизантийского времени.

---

[1] *J. Karayannopulos.* Fragmente aus dem Vademecum eines byzantinischen Finanzbeamten. — Polychronion. Festschrift F. Dölger zum 75. Geburtstag. Heidelberg, 1966, S. 321–324 (далее — Фрагм.).

[2] ὄρθωσις — здесь: восстановление прежнего основного налога на недвижимость и ликвидация налогового изъятия.

[3] Фрагм., S. 322.30–38.

Прежде всего греческий ученый приводит цитату из «Хронографии» Феофана о том, что Никифор I, увеличивая налоговый гнет, «повелел Никите, патрикию и логофету геникона, повысить государственные платежи с церквей и монастырей и взыскать с архонтских домов описфотелию за восемь лет».[1] Ссылается И. Караяннопулос и на «Шестикнижие» Константина Арменопула, содержащее еще одно определение описфотелии («что касается прошлых димосиев, т. е. описфотелий, то никто не привлекается к ним по прошествии сорока лет»).[2]

Выводы И. Караяннопулоса сводятся к следующему: 1. В широком смысле описфотелия означает уплату канона (димосия, телоса) за прошлые годы; во фрагментах же трактата говорится лишь о ее частном случае — «при восстановлении налога на пользовавшиеся ранее симпафией земельные участки». 2. Описфотелия могла взиматься как с отдельных лиц, так и с общины в целом. 3. Основание для взыскания описфотелии за три года заключалось в факте использования земли еще до восстановления на нее канона. 4. Передача заброшенных земель в данном налоговом единстве при условии уплаты телоса совершалась в соответствии с правом предпочтения (протимисосом). 5. Эпопты при указанных операциях обладали большими полномочиями, чем, видимо, отчасти и можно объяснить противоречивость известий источников об их мероприятиях. 6. Наконец, факт использования заброшенной земли односельчанами еще до орфосиса свидетельствует, по мнению ученого, о том, что принцип взаимной налоговой ответственности не только ни в коем случае не применялся как неизбежный, но даже как следствие использования заброшенной собственником земли он вступал в силу далеко не всегда.[3]

Мы согласны со всеми этими заключениями, кроме последнего. Согласны мы и с тем, что описфотелия как институт (в широком смысле) была хорошо известна уже к началу IX в. (Феофан)[4] и сохраняла то же значение в XIV в. (Арменопул).[5] Однако, прежде чем высказать свои соображения об описфотелии, и в первую очередь о том ее варианте, о котором идет речь во фрагментах налогового трактата, приведем ряд свидетельств о ней в «Пире».

---

[1] *Theophanes*. Chronographia. Lipsiae, 1883, p. 22–24, 489.

[2] Цит. по: Фрагм., с. 328, прим. 49.

[3] См.: Фрагм., с. 328–329.

[4] Полагают, что Никифор I потребовал уплаты описфотелий с архонтов за 8 лет в мае 810 г., т. е., как мы это понимаем, за все время своего правления (с 31 октября 802 г.). Нам представляется более вероятным усматривать в этом приказе василевса ликвидацию налогового изъятия архонтских домов Ириной незадолго перед ее свержением, чем требование доплатить за прошлые годы надбавку к налогу, которую Никифор ввел для архонтов в 810 г. (ср.: История Византии, т. 2. М., 1967, с. 66).

[5] При официальных нормах взыскания канона в империи (4,166% от стоимости самой земли) и стабильной цене земли (1 номисма за 1 модий первого качества) описфотелии за 40 лет могли достигать двукратной стоимости самой земли — с учетом процентов, которые при этом взимались. См.: Peira. Practica ex actis Eustathii Romani. Jus graecoromanum, ed. C. Zachariae a Lingenthal, v. I. Lipsiae, 1886, 36, 20, p. 161.

В двух разных местах «Пиры» говорится об одном и том же случае тяжбы между митрополией Эфеса и монастырем Камбсов (τῶν Καμψῶν). Оба текста при этом дополняют друг друга, позволяя составить представление о сути дела.

Согласно первому тексту, тяжба касалась государственного телоса и в первый раз не была доведена до конца. Затем она была возбуждена вновь уже перед столичным судьей магистром Евстафием Ромеем, который вынес решение о том, что описфотелии должны быть уплачены со времени предъявления иска по спорному делу.[1]

Согласно второму тексту, в первый раз при возбуждении тяжбы стороны самостоятельно порешили, что митрополия уплатит монастырю, если не докажет, что именно монастырь является собственником места. Однако митрополия и не доказала этого, и ничего не уплатила. Поэтому «через много лет» тяжба была вынесена уже на рассмотрение магистра. Он постановил: если в течение 30 дней со дня предписания магистра фемному судье факт длительности владения местом со стороны митрополии не будет отвергнут достаточно убедительно, то митрополия должна владеть им и впредь, уплачивая телос и все необходимое за эту собственность. Что касается прошлого, то митрополии предоставлялся годичный срок для предъявления доказательств об уплате, после чего ее надлежало подвергнуть описфотелиям с момента предъявления иска.[2]

Мы полагаем, что спорный участок находился между владениями митрополии и монастыря, так что признать собственником его еще какое-то третье лицо было невозможно. «Бесхозное» пространство, налоги с которого, однако, числились, образовалось в результате утраты четких границ. Инициатором тяжбы в обоих случаях был, скорее всего, монастырь, так как с него, видимо, чиновники, направленные митрополией, впервые потребовали уплату недоимки. Оба духовных учреждения всеми силами отрекаются от участка, несомненно, потому, что совокупные описфотелии (плюс проценты) за многие годы превосходили в глазах спорящих сторон самую цену участка.[3] Вероятно, с монастыря практоры уже что-то взыскали в счет телоса с участка (иначе непонятны условия первой, полюбовной сделки: если митрополия не докажет, что монастырь — собственник, то уплатит ему). Проиграв дело, митрополия, по всей вероятности, заявила, что она недоимщик за меньшее число лет, чем настаивают фемные власти. Поэтому ей и был дан годовой срок для сбора доказательств об уплате телоса.

Вне всякого сомнения, об описфотелиях, без упоминания самого этого термина, идет речь в «Пире» и во многих других местах. Два из них представляют особый интерес, и мы вкратце изложим их.

Владение митрополии Клавдиуполя в течение долгого времени, вопреки закону, оказалось в руках родичей некоего Евсевия. Митрополит, возбудив тяжбу, доказал права митрополии. Решение Евста-

[1] Peira, 36, 24, p. 162.
[2] Ibid., 58, 5, p. 262–263.
[3] См. выше, прим. 2 на с. 39.

фия гласило: передать митрополии не только само владение, но и плоды трех лет как естественную с него прибыль. Старые недоимки телос — за пределами последнего трехлетия, если они имеются, взыскать с фактически пользовавшихся владением, а телос за последние три года (если он не взыскан) взять с истинного собственника, получившего и владение, и плоды трех лет.[1]

Плоды трех лет с нарушителя закона востребованы здесь безоговорочно. Любопытный нюанс, однако, содержится на этот счет в решении по другому делу.

Еще будучи вестом, Евстафий обнаружил в деревне дината, сделавшего здесь приобретение после времени «великого голода» (имеется в виду голод 927/928 гг., событие более чем столетней давности, после которого новеллами было запрещено динатам приобретать крестьянские земли), и постановил: лишить дината приобретенного без всякой компенсации. Что же касается плодов трех лет, то их следует также потребовать (их цену, разумеется) в пользу бывшего собственника, если динат не дал цену за «места» при их приобретении; если же цена была выплачена, то наказание ограничивается безвозмездным возвращением селянину (или селянам) земли и изгнанием с нее дината.[2]

Видимо, плоды трех лет (или одного-двух,[3] в зависимости от времени эксплуатации захваченной собственности) взыскивались тогда, когда бывший владелец ничего не получил при утрате своей земли в качестве компенсации. В первом случае (динат уплатил цену земли) он лишался только земли (т. е. ее цены), во втором (он ничего не платил за землю) — только плодов трех лет. Не признавались ли эти «плоды трех лет» эквивалентом стоимости самой земли, с которой были получены?[4]

Для того чтобы вернуться к описфотелии фрагментов, нам важно подчеркнуть, что во всех рассмотренных случаях, сообщенных в «Пире», описфотелия была неизбежной и тогда, когда недвижимость, не пользующаяся налоговым изъятием, не приносит дохода ее законному собственнику, и тогда, когда такая недвижимость приносит доход ее незаконному в данное время обладателю.

Особенность описфотелии за три года состояла прежде всего в том, что она взималась задним числом с земель, официально изъятых из налогообложения, но фактически начавших приносить доход. Обладание

---

[1] Peira, 19, 16, p. 71.

[2] Peira, 9, 2, p. 29.

[3] См.: там же, 42, 19, p. 199 (отобравший у париков, видимо, год назад их участки динат должен по суду вернуть крестьянам и землю, и плоды с нее).

[4] При указанных в прим. 2 на с. 39 нормах, при урожае сам-4 и норме высева 1 модий зерна на 1 модий площади участок в 24 модия, стоящий 24 номисмы и дающий в год 96 модиев урожая, действительно (при цене зерна 1 номисма за 12 модиев) окупит себя за три года. Мы вправе предположить, что в данном случае Евстафий, вынося свое решение, руководствовался новеллой Василия II от 996 г. об отмене 40-летней давности и какой бы то ни было компенсации динатам за их затраты при приобретении крестьянской земли. См.: Jus, III, p. 310–311. По-видимому, и здесь описфотелию за три года платил крестьянин, получивший плоды трех лет.

титулом собственности на недвижимость, не подвергаемую эксплуатации, признавалось, таким образом, столь же веским основанием для взыскания налогов, как и эксплуатация любой, чужой или «бесхозной», недвижимости.

Конечно, возможно предположение, что, по крайней мере, в течение трех лет возобновление эксплуатации заброшенной недвижимости не могло ускользнуть от орфосиса, т. е. от внимания налоговых чиновников; трехлетний срок был как бы гарантийным — и описфотелия за три года обеспечивала казне полный налог со всего полученного дохода. Но этому предположению противоречит тот факт, что описфотелию за три года уже не первый (а может быть — и не третий) год получающие доход уплачивали лишь в том случае, если они соглашались записать восстановленный канон с данной недвижимости «на свое лицо». Если же они не соглашались на это, то, по нашему мнению, дело ограничивалось уплатой канона лишь с дохода последнего года. Для нас представляется ясным, однако, что первое предложение записать канон при орфосисе «на свое лицо» эпопт делал именно тем, кто разработал и уже эксплуатировал симпафийную землю, а не в точном соответствии с категориями крестьян, связанных круговой порукой и правом предпочтения. Факт культивирования залежи (лет через 10 после запустения она мало отличалась от нови) давал крестьянину преимущество перед другими записать эту залежь с тяготеющим на ней каноном «на свое лицо». Лишь при отказе этого крестьянина эпопт — в соответствии с протимисосом — обращался к другим его односельчанам.

Однако — с тем же ли предложением он обращался? Ведь все другие не делали того, что было условием описфотелии трех лет, т. е. не пользовались доходом с земли, подвергаемой орфосису. Поэтому мы считаем, что при согласии других взять разработанный участок и платить за него (впредь) канон описфотелия за три года не взималась.

Иначе говоря, в таком случае дело обстояло точно таким образом, как и при легально совершаемых эпоптами операциях сдачи пользующихся симпафиями земель крестьянам в эксплуатацию за простое обязательство платить канон, за взнос арендной платы, как и при продаже симпафийных земель эпоптами через либелл.[1] Т. е. во всех этих случаях описфотелия за три года не взыскивалась, так как соблюдалось одно важное условие: землю крестьяне получали легально, без предварительного ее незаконного использования.

Согласно рассматриваемому фрагменту, описфотелия за три года бралась при восстановлении канона на самовольно разработанные симпафийные земли. Ее уплата с необходимостью предполагала операцию орфосиса, а орфосис (буквально восстановление с т а р о г о канона на заброшенную землю) на нови и землях класм не производился (новь никогда ранее не была подвергнута измерению и оценке, а сле-

[1] О том, что канон взыскивался и с проданных по либеллу земель (хотя и при новой их оценке), см.: *Г. Г. Литаврин*. Византийское общество и государство в X–XI вв. М., 1977, с. 214–215.

дительно, не была обложена димосием; старый же канон с класм высчитывался). На класмы, сказано во фрагментах трактата, οὐ γίνεται ὄ[ρ]φος.[1] Орфосис, говорится в Податном уставе, ἐπὶ τοῦ κλάσματος οὐκ ἐγίνετο.[2]

Но это противопоставление в интересующем нас отношении скорее формально. В Податном уставе сообщается, что орфосис может производиться и на класмы, если, во-первых, класму как таковую не успели записать, хотя 30 лет со времени снятия налога истекло, и если, во-вторых, на ней обнаружены ее культивирующие, кто бы это ни был.[3] Точно так же, если и не орфосис, то начисление канона производилось на участки нови, кем-либо подвергнутые разработке.[4]

В таких случаях, по нашему мнению, если разработка и класмы, и нови осуществлялась без уведомления о том властей и их официального разрешения, описфотелия за три года (как не только фискальная, но и пенальная мера) могла взыскиваться и на класмных, и пустующих государственных землях. Могла взыскиваться, но, видимо, не всегда взыскивалась. Здесь, возможно, как и предполагает И. Караяннопулос, решающей могла оказаться инициатива эпопта. В тех же фрагментах трактата в другом месте налоговая льгота (уменьшение втрое канона на первые три года) для вернувшихся законных собственников симпафийных участков распространена как будто и на всех «чужих» (ἀλλότριοι), поселившихся на изъятых землях.[5]

Чем мог руководствоваться эпопт при взыскании описфотелии за три года, помимо факта не дозволенной официально разработки? Почему крестьяне, имея полную возможность получить не только симпафийные, но и класмные земли лишь при условии уплачивать впредь телос (возможно даже, для первого времени — на льготных условиях), подвергали себя опасности уплаты описфотелии за три года или даже заранее ориентировались на нее, желая записать разработанный участок «на свое лицо»?

Институт описфотелии за три годы является, на наш взгляд, показателем какого-то внутреннего соперничества в общине за землю, несмотря на появление в периорисме деревни заброшенных участков. Мы считаем вполне вероятной гипотезой, что этот институт и был рассчитан на известное соперничество между крестьянами деревни, с тем чтобы более эффективно для казны вернуть в состав налогоплатежных симпафийные и класмные земли. На описфотелию за три года шли, скорее всего, не обедневшие (они и на свои-то участки стремились получить куфисм), а состоятельные крестьяне, расширявшие свои земельные владения, имевшие достаточно тяглового скота, рабочих рук и семян для разработки новых площадей. Они хотели увеличения владений не за счет любых земель, а именно за счет наиболее

[1] Фрагм., с. 323.97–324.98.
[2] *F. Dölger.* Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung besonders des 10. u. 11. Jahrhundetrs. Leipzig, 1927, S. 120.7.
[3] Ibid., S. 120.8–12.
[4] Ibid., S. 116.27–36.
[5] Фрагм., с. 323.91–96.

плодородных среди покинутых их хозяевами и изъятых из налогообложения. Эти лучшие земли они и захватывали явочным порядком, поскольку этот порядок обеспечивал им преимущества в пределах самого права предпочтения перед теми из односельчан, которые имели более веские права, но не могли платить описфотелию за три года и ждали операции орфосиса для легального получения участка от эпопта под уплату будущего канона.

Правда, как явствует из фрагментов трактата, ни получение симпафий при условии будущей уплаты канона, ни обретение их через описфотелию трех лет, ни даже покупка через либелл не создавали собственности на эти земли, пока не истекло 30 лет после их изъятия от уплаты димосия: законный собственник (или его наследники), явившись в пределах этого срока, имели неоспоримое право немедленно получить свою землю, изгнав с нее даже самого покупателя ее у казны (покупатель должен был свои претензии обращать не к нему, а к казне).[1]

Но риск, по всей вероятности, был не слишком велик. В X и XI вв. количество кластных земель (не дождавшихся своих хозяев в течение 30-и лет) постепенно росло в пределах периорисма деревень свободного крестьянства.

Надо думать, операция орфосиса производилась почти столь же часто, как и сбор самого ежегодного канона: казна непрерывно предлагала налогоплательщикам в соответствии с целой шкалой разнообразных условий запустевшие земли. Поскольку подобного рода наделение крестьян землей официальной властью преследовало прежде всего фискальные цели, постольку, несомненно, эпопты (как и сама центральная власть в своих постановлениях о налогообложении) всякий раз стремились осуществить орфосис на максимально выгодных для казначейства условиях, лишь под давлением обстоятельств прибегая к более благоприятным для крестьян формам передачи им симпафий и кластм.

Наиболее выгодными для казны были: поселение на переданных государственным учреждениям или императорским поместьям кластмах крестьян на парическом праве, передача кластм и симпафий в аренду из расчета 10 модиев за уплату одной номисмы в год (почти в 2,5 раза выше канона), продажа симпафий и кластм по норме: за участок, канон с которого равен одной номисме, взимается цена в 24 номисмы, передача симпафий через описфотелию за три года и т. д.

При этом и аренда, и продажа, и передача при условии уплаты канона совершались в соответствии с правом предпочтения. Весьма важно узнать, какова была последовательность различных предложений эпопта жителям деревни-общины при подобного рода операциях с запустевшими землями. Ведь если эпопт имел право «исчерпать» право предпочтения по отдельности на каждом из видов и форм передачи земли, то вероятность ее получения чужаками, не членами общины

[1] Фрагм., с. 322.59–323.63, 78–81.

(в том числе динатами) резко возрастала. Например, начав с предложения земли в аренду (самые тяжелые условия), эпоит — при отказе последовательно представителей всех пяти категорий поселян, объединяемых общинным протимисисом, — мог передать в аренду эти земли любому постороннему для общинного коллектива, если он изъявлял на это согласие. Так что общинник, надеявшийся взять какой-либо плодородный участок на условии уплаты димосия, поскольку его права по протимисису были особенно вескими (родич покинувшего участок собственника), мог обмануться в своих ожиданиях: дело еще не дошло до предложения эпоптом этой формы передачи земли, а данный участок уже взят в аренду чужаком.

Возможно, конечно, что очередь чужаков (на любую форму получения земли) наступала лишь после того, как общинники уже не имели никаких претензий. Но в таких случаях эпопт должен был предпочесть интересы сохранения прав общины интересам максимальных выгод для казны от своей деятельности (а значит, и интересам собственной карьеры и материальных прибылей). Мы полагаем, что в конкретных условиях того времени, при отмеченных и И. Караяннопулосом больших возможностях эпоптов к проявлению «личной инициативы» в своих действиях, эти представители власти должны были прибегать именно к первому из описанных нами порядков, наиболее выгодному и казне, и им самим лично. Случайно ли автор фрагментов трактата, касаясь вопроса об использовании казной симпафий и класм, начинает свои инструкции эпоптам именно с хоропакта, т. е. с порядка передачи запустевших земель поселянам в аренду?

Вернемся теперь к утверждению Караяннопулоса относительно эпизодичности и нерегулярности функционирования в X–XI вв. системы круговой налоговой поруки. Отрывок из фрагментов трактата («Что такое описфотелия?») послужил для греческого ученого в данном месте лишь поводом к тому, чтобы еще раз подкрепить это свое суждение, высказанное уже давно в связи с другими источниками.[1]

Отрывок об описфотелии, однако, ни в коей мере не может быть использован для аргументации указанной точки зрения главным образом в силу двух обстоятельств, упущенных из виду Караяннопулосом. Во-первых, взаимная налоговая ответственность не упомянута здесь не потому, что про нее «забыли» или ее уже почти не применяли, а потому, что речь идет не просто о заброшенных, запустевших стасях, а о таких из них, которые пользуются статусом симпафий — канон с них (впредь до законных оснований его восстановления или отчуждения земли казной) уже снят целиком, и применение по отношению к *этой земле* принципа взаимной налоговой ответственности общинников не положено по закону.

Во-вторых, следует иметь в виду, о какого рода *использовании* симпафий и класм общинниками как основании для орфосиса или

[1] *J. Karayannopulos.* Die Kollektive Steuerverantwortung in der byzantinischen Zeit. — VfSWG, Bd. 43, 1956, S. 319 f.

применения принципа круговой поруки идет в анализируемом источнике речь. Греческий ученый подчеркивает тот факт, что заброшенные земли еще до орфосиса использовались хоритами, а когда им предложили платить описфотелию, они имели возможность отказаться от нее (и от земли).

Действительно, в конце IX–XI в. общинникам, пожалуй, никогда не запрещалось властями использовать симпафийные и класмные земли и в пределах своих периорисмов, и по соседству. Даже проданные класмы деревни, перешедшие в руки соседних динатов, крестьяне имели право «использовать», пока там не вспаханы хлебные нивы или не разбиты виноградники. Но при этом всегда — и это главное — имелось в виду не культивирование этих земель в собственном смысле, а их использование лишь в качестве угодий, главным образом для выпаса скота.[1]

В случае разработки земли (будь то симпафия, класма или новь) налог на нее налагался властями немедленно, как им об этом становилось известным (о заселении пустоши, о распашке ее под зерновые, разбивке на ней виноградника, насаждении там садов, разведении огорода, возведении построек). О такого рода использовании и идет речь во фрагментах налогового трактата: эпопт требует описфотелию, т. е. канон за три года, а не энномий, мелиссопакт или что иное за пользование угодьями. Он производит орфосис — восстановление *полного димосия*, который неизбежен в такого рода случаях. И как здесь могла быть применена еще и круговая порука, нам попросту неясно.

Итак, описфотелия за три года — лишь частный, но зато и более интересный в истории свободного общинного крестьянства X–XI вв. вариант описфотелии. Этот институт предполагал прежде всего использование государством в фискальных целях симпафийных и класмных земель и был связан с наделением этой землей — без каких-либо налоговых льгот — нуждавшегося в земле свободного крестьянства. Земли, возвращавшиеся в число культивируемых через описфотелию за три года, были, скорее всего, более плодородными сравнительно с другими пустующими землями. Их запись вместе с каноном «на лицо» получающего залежь, по всей вероятности, хотя и не создавала собственности, как-то закрепляла право на владение данной землей. Можно предположить, что крестьянин, уплатив тройной канон за симпафию (т. е. до $^1/_8$ всей ее цены), обретал на нее собственность не за 30 лет непрерывного владения, считая со дня этой уплаты, а с момента истечения 30-летнего срока сохранения права собственности старого собственника земли (и его наследника), ее покинувшего. Земля же могла быть покинута много лет назад.

---

[1] См. об этом: *К. А. Осипова.* Аллиленгий в Византии в X веке. — ВВ, 17, 1960, с. 31; *Она же.* Система класм в Византии в X–XI вв. — ВО. М., 1961, с. 175 сл.; *Г. Г. Литаврин.* Византийское общество..., с. 12.

Вместе с тем институт описфотелии за три года, преследовавший прежде всего фискальные интересы, был одной из наиболее выгодных для казны форм возрождения налогового тягла. В конкретных условиях того времени этот институт мог представлять, наряду с другими, еще один из вполне легальных способов обхода крестьянского права предпочтения как внутри общины, так и со стороны «чужаков», которым он открывал возможность внедрения в пределах периприсма деревни на запустевших землях, еще не получивших статуса клас м.

Тот факт, что частный случай описфотелии — описфотелия за три года — приведен в руководстве для практоров и эпоптов в качестве объяснения описфотелии вообще, как будто может оправдать заключение о его широком распространении в практике эпоптов в X–XI вв.

Еще раз о симпафиях и класмах налоговых уставов X–XI вв.

В 1970 г., когда нами была написана статья, посвященная указанной в заголовке проблеме,[1] нам были недоступны, а частью неизвестны некоторые важные работы, касающиеся этого же сюжета,[2] а главное — мы не были знакомы с текстами новых источников, опубликованных в период между 1966 и 1970 гг.[3]

Поэтому считаем оправданной ощущаемую нами необходимость еще раз вернуться к вопросу о налоговом значении в Византии X–XI вв. заброшенных и запустевших земель, а также о принципах и технике налогообложения сельского населения в это время.[4]

Преобразование социальной структуры империи в X–XI вв., сопровождавшееся разорением свободного крестьянства и почти перманентным дефицитом государственной казны, обусловило кризис старой налоговой системы. Вряд ли случайно, что именно от этой эпохи сохранилось наибольшее количество документов, в которых трактуются вопросы налогообложения (мы имеем в виду прежде всего податные уставы и новеллы императоров Македонской династии). Крестьяне теряли землю (ею овладевали динаты) или покидали свои участки. Быстрый рост числа заброшенных, запустевших участков наносил серьезный ущерб доходам казначейства.

---

[1] *G. G. Litavrin*. Les terres à l'abandon selon le «Traité fiscale» du Xe siècle et leur importance pour le fisc. — Etudes balkaniques, 3, 1970, p. 18–30.

[2] Например: *N. Svoronos*. L'épibolé à l'époque des Comnènes. — Travaux et mémoires, 3, Paris, 1968, p. 375–395; *P. Engel*. Zur Frage der mittelbyzantinischen Epibole. — Acta antiqua Academiae scienciarum Hungaricae, XIII, 3–4, 1969; *E. Schilbach*. Byzantinische Metrologie. München, 1970.

[3] *J. Karayannopulos*. Fragmente aus dem Vademecum eines byzantinischen Finanzbeamten. — Polychronion. Festschrift F. Dölger. Heidelberg, 1966; *E. Schilbach*. Byzantinische metrologische Quellen. Düsseldorf, 1970.

[4] Логика изложения заставит нас, видимо, отчасти повторять сказанное в упомянутой статье, но мы постараемся свести повторения к минимуму.

Проблема симпафий и класм неразрывно связана с вопросом о коллективной ответственности налогоплательщиков перед фиском, т. е. с проблемой аллиленгия и эпиболы.

В византиноведческой литературе в центре внимания при исследовании этой темы неизменно оказывался знаменитый «Податной устав»,[1] все чаще датируемый X в. (или даже его первой половиной).[2] Н. Зворонос, исследовавший «Фиванский налоговый кадастр» в тесной связи с Уставом, особенно убедительно показал, что Устав служил в качестве практического руководства для налоговых чиновников в их повседневной деятельности.[3] Подтверждают этот вывод и фрагменты подобного Устава, опубликованные И. Караяннопулосом (будем далее называть его для краткости в отличие от Устава Трактатом).[4] Несмотря на значительный прогресс, достигнутый за последние полвека в изучении византийской налоговой системы, и в частности — вопроса о симпафиях и класмах, отдельные стороны проблемы (и некоторые положения Устава и Трактата) остаются неясными.[5]

Скажем кратко о сущности разногласий. По мнению Г. А. Острогорского, система коллективной ответственности (или круговой поруки) за внесение налогов с запустевших земель возникала в империи периодически: в VII–VIII вв. на смену ранневизантийской эпиболе (принудительное распределение между соплательщиками запустевшей земли с обязательством уплачивать налоги) пришел аллиленгий (распределение налогов с пустующей земли с правом ее использования, но без ее раздела); однако к последней четверти X в. аллиленгий был вытеснен системой симпафий (30-летнее освобождение от налога запустевшей земли) и класм (изъятие из земельного фонда общины земли после ее 30-летнего освобождения от податей). Восстановленный Василием II аллиленгий (в 1002 г.) касался лишь крупных землевладельцев (динатов), обязанных вносить налоги за запустевшие крестьянские земли. Этот закон Василия II в 1034 г. был отменен Романом III Аргиром, и стала быстро прогрессировать система откупа налогов.

---

[1] *F. Dölger.* Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung besonders des 10.u.11. Jahrhunderts. Leipzig, Berlin, 1927, S. 138, 148.

[2] См. об этом: *G. Ostrogorsky.* Die ländliche Steuergemeinde des byzantinischen Reiches im X. Jahrhundert. Amsterdam, 1969, S. 107 f.; *Idem.* La commune rurale byzantine. — Byz., 32, 1962, S. 148, n. 1.

[3] *N. Svoronos.* Recherches sur le cadastre byzantin et la fiscalité aux XIe et XIIe siècles; Le cadastre de Thèbes. — Bulletin de correspondance hellénique (далее — BCH), 83, 1959. См. также: *G. Rouillard.* L'Epibolé au temps d'Alexis Comnène. — Byz., 10, 1935; *P. Lemerle.* L'Esquisse pour une histoire agraire de Byzance: Les sources et les problèmes. Revue hist., 219, 2, 1958; *J. Karayannopulos.* Die kollektive Steuerverantwortung in der byzantinischen Zeit. — Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, 43, 1956; см. также рец. В. П. Каждана на: *N. Svoronos.* Le cadastre... BB, XVIII, 1961.

[4] *J. Karayannopulos.* Fragmente..., S. 321–324.

[5] *N. Svoronos.* Le cadastre..., p. 120; *J. Karayannopulos.* Fragmente..., S. 322; *G. Ostrogorsky.* Die ländliche Steuergemeinde..., S. 107.

Эпибола Устава — это налогообложение, раскладка канона, определение его средней нормы, за вычетом симпафий и класм, которые означали полное освобождение от податей.[1]

Согласно выводам Ф. Дэльгера, система коллективной ответственности существовала в Византии всегда (аллиленгий и эпибола — ее разные формы). Эпибола «в широком смысле» означала, как в античности, распределение земли и налогов с нее, эпибола «в узком смысле» — определение соответствия между количеством земли (и ее качеством) и суммой налога. Симпафии и класмы вели порой к перенесению налога с наследников и соседей на всю общину. Оба вида эпиболы, согласно Дэльгеру, сосуществовали. Аллиленгий Василия II был не нововведением, а распространением налоговой поруки на динатов, которых Роман III избавил от этой тяготы.[2]

Ж. Руйар отвергла мнение Дэльгера о сохранении в Уставе эпиболы в древнем («широком») значении. Симпафии и класмы (до их отчуждения) она считала не подлежащими обложению каноном.[3] Вопреки возражениям Дэльгера,[4] к этому выводу присоединился Лемерль. По его мнению, система круговой поруки в разной форме существовала в империи всегда. Хотя содержание эпиболы и аллиленгия менялось и они исчезли как институты в средневизантийскую эпоху, система симпафий и класм не вытеснила коллективную ответственность, но ограничила ее применение: бремя податей с общины стало меньше, зато новый порядок ускорил сокращение фонда общинных земель.[5]

Для И. Караяннопулоса эпибола и аллиленгий в средневизантийскую эпоху однозначны, но круговая порука не была тогда всеобщей и официальной. Она применялась от случая к случаю по воле чиновников; официально ее должна была вытеснить (в целом вытеснила) система изъятий (симпафий и класм).[6]

Наиболее детально проблема была рассмотрена Н. Зворономом. Так как к его выводам мы будем обращаться не раз, скажем здесь лишь о главных из них. Он считает, что эпибола и аллиленгий в средневизантийскую эпоху равнозначны, система круговой поруки сохранялась, но имела тенденцию к исчезновению — она применялась только там, где община не добилась изъятий. В таком случае она платила канон в полном объеме за запустевшую землю, но очень недолго. Симпафии и класмы вводились тотчас после жалоб крестьян. Эпибола X–XII вв. означала определение среднего количества земли на номисму налога; эта норма для каждого налогового единства оставалась стабильной. Практическое значение эпиболы состояло: 1) в удобствах контроля за соответствием между размерами земли и высотой налога с каждого налогоплательщика: 2) в удобствах использования эпиболы как ко-

---

[1] *G. Ostrogorsky.* Die ländliche Steuergemeinde...; *Idem.* Das Steuersystem im byzantinischen Altertum u. Mittelalter. — Byz., 6, 1931.

[2] *F. Dölger.* Beiträge..., S. 129 f.

[3] *G. Rouillard.* Op. cit., p. 81–89.

[4] *F. Dölger.* — BZ, 36, 1936, S. 157–161.

[5] *P. Lemerle.* L'Esquisse..., p. 263.

[6] *J. Karayannopuloss.* Fragmente..., S. 319 f.; *Idem.* Die kollektive Steuerverantwortung, S. 289 f.

эффициента обложения при общем увеличении нормы обложения и при урегулировании дел в условиях монетного беспорядка; 3) в удобствах определения количества земли, подати за которую, как и самую землю, надо было разделить между оставшимися на месте налогоплательщиками (до предоставления изъятий).[1]

Проблема неоднократно трактовалась и в советской историографии. А. П. Каждан считает, что круговая порука в форме аллиленгия была восстановлена при Романе I Лакапине, а при Василии II распространена и на динатов. Эпибола Устава означала передел земли пропорционально сумме платимых податей, однако принцип обязательности эпиболы X–XII вв. проявил тенденцию к исчезновению. Введение симпафий и класм означало полное освобождение от налога.[2]

К. А. Осипова считает систему симпафий и класм лишь новым видом аллиленгия: пока заброшенные земли не были отчуждены государством, община, использующая их в качестве угодий, платила за них налоги фиску (в размере ли полного канона, автор не говорит).[3]

К. В. Хвостова отстаивает мнение о постоянном существовании в империи принципа коллективной налоговой ответственности. На ее взгляд, симпафии и класмы означали полное снятие налога, но соплательщики вносили за них какую-то облегченную подать.[4]

Мы не ставим перед собой задачу решить здесь все эти сложные и спорные вопросы. Наша цель — сопоставить данные Устава и Трактата Караяннопулоса, чтобы попытаться пояснить и уточнить некоторые неясные и спорные положения обоих памятников.

1. Прежде всего — о том, взимался ли канон (димосий) — основной поземельный налог,[5] с угодий общины, как она охарактеризована в Уставе и Трактате. Н. Зворонос полагает, что канон взимался лишь с обрабатываемой земли, слагавшейся в общине из индивидуальных крестьянских парцелл, находившихся в их личной собственности. Свое мнение он основывает на двух аргументах. Во-первых, ридза деревни (ῥίζα χωρίου) — совокупный ее канон, слагалась из долей (ψηφίων), уплачивавшихся отдельными крестьянскими домами. Поскольку в Уставе четко сказано, что каждому псифию соответствует определенное

---

[1] *N. Svoronos.* Le cadastre..., p. 126 f.; *Idem.* L'Epibolé..., p. 384 sq.

[2] *А. П. Каждан.* К вопросу об особенностях феодальной собственности в Византии в VIII–X вв. — ВВ, X, 1956, с. 59–64; *Он же.* Деревня и город в Византии IX–X вв. М., 1960, с. 168–175; *Он же.* Рец. на: *N. Svoronos.* Le cadastre... — ВВ, XVIII, 1961, с. 280–281.

[3] *К. А. Осипова.* Аллиленгий в Византии в X в. — ВВ, XVII, 1960, с. 31 и сл.; *Она же.* Система класм в Византии в X–XI вв. — Визант. очерки. М., 1961, с. 175 и сл.

[4] *К. В. Хвостова.* Ῥίζα χωρίου в XIV в. — ВВ, XXVI, 1965, с. 47–57; *Она же.* Особенности аграрноправовых отношений в поздней Византии XIV–XV вв. М., 1968, гл. I и II.

[5] Г. Острогорский не считает канон поземельным налогом, усматривая в нем налог вообще, в который могли входить и другие виды налогов (*G. Ostrogorsky.* Die ländliche Steuergemeinde..., S. 113 f.).

количество земли,[1] а земля эта давно поделена на участки, постольку, следовательно, неподеленные угодья общины в ипотагу (ὑποταγή) — облагаемый земельный фонд деревни, не входили. Во-вторых, согласно Уставу, если чиновник при обложении каноном деревни пропустил лежащий среди прочих парцелл обработанный участок, то налог с него при обнаружении ошибки плюсовался к сумме ридзы деревни.[2] По мнению Н. Звороноса, если бы при обложении учитывались угодья деревни, такой пропуск был бы невозможен, а ошибка отразилась бы на высоте канона каждого члена налогового единства.[3] Мы добавили бы и в-третьих: при определении высоты налогов за пользование угодьями (выпасы, пасеки, мельницы и т. п.) исчислялись не только их (угодий) размеры, но и количество голов скота, ульев и т. д., что не делалось при исчислении канона.

И все-таки все три довода недостаточно убедительны. Угодья (δίκαια) в Уставе названы прямо в составе ипотаги: «Точно так же как ридзой называется общая сумма всех псифиев, так и ипотагой деревни именуется вся совокупность земли, соответствующая всем этим графам (налога), или — лучше сказать — распределенная по графам всех этих псифиев, и ничего не оставляющая за пределами всех угодий (δικαίων) деревни».[4] Если в пределах деревенской территории, «в какой-либо части всей ипотаги деревни» возникали новые агридии и проастии, то они оказывались «включенными в границу совокупной ипотаги деревни».[5] Эти агридии и проастии прямо противопоставлены в Уставе самостоятельным и независимым от данного налогового единства владениям (ἰδιόστατα) как отделившимся от деревенской ипотаги, так и никогда в нее не входившим. Так, канон пропущенного в ипотаге участка плюсовался к ридзе деревни, а канон с «места» (τόπος), или «лишнего места» — (τόπος περιττός), лежащего «между деревнями» (μέσον τῶν χωρίων) и не входившего в ипотагу ни одной из них, записывался в кадастрах особо, как налог с идиостатон.[6]

Здесь мы вынуждены отвлечься. П. Энгел отметил с недоумением,[7] что и Г. А. Острогорский и Н. Зворонос усматривают в этом участке нови («лишнем месте») территорию, находившуюся «в центре деревни» и (до превращения ее в культивируемую) не облагавшуюся каноном. Г. А. Острогорский переводит не «лежащий между деревнями», а in solch einem Dorfe («лежащий в такой деревне»)[8] и усматривает в этом факте (точнее — в такой интерпретации текста) одно из дока-

---

[1] См. новеллу Константина VII: «поселяне не могут хозяйствовать без пастбищ или вод, или горных угодий» (Jus, III, p. 265).

[2] *F. Dölger.* Beiträge..., S. 114.22–23, 120–126.

[3] *N. Svoronos.* Le cadastre..., p. 124–125.

[4] *F. Dölger.* Beiträge..., S. 114.34–115.2.

[5] Ibid., S. 115.21–43; 2a. Ibid., S. 116.1–2; 17–23, 41.

[6] Ibid., S. 116.24–43.

[7] *P. Engel.* Op. cit., S. 444.

[8] См.: *G. Ostrogorsky.* Die ländliche Steuergemeinde..., S. 23, 94; См. также: *N. Svoronos.* Le cadastre..., p. 46, 125.

ительств того, что община «стала прежде всего административной единицей фиска», поскольку в стремлении обеспечить поступление налогов чиновник заботился о включении нового места в систему круговой поруки, пренебрегая его реальными особенностями, экономическими и прочими — «положением, размерами, собственностью».[1] Переводя это место словами «между деревнями» (как и Энгел), мы ничего подобного не усматриваем в данном пассаже: был не внесенный в кадастры, не входивший в ипотагу соседних сел участок нови; при одной из ревизий было обнаружено, что он стал культивируемым, обрел владельца — и последовало его обложение налогом с отнесением нового владения к статусу идиостата (причем либо делалась опись его границ, либо нет, если их обозначали уже границы окружавших участок деревенских территорий).[2]

Зворонос представляет себе процедуру обложения деревни каноном в первый раз следующим образом. Прежде всего делалась оценка количества и качества земли каждого двора и производилось, в соответствии с установленной фиском шкалой, индивидуальное обложение хозяина земли каноном. Затем, сложив доли (псифии) налога всех домохозяев, получали ридзу деревни (ее совокупный канон), а сложив число модиев, соответствующих каждому псифию, получали ипотагу. После этого вычисляли коэффициент обложения — эпиболу: количество модиев делили на ридзу. Поскольку качество земли даже по соседству лежащих массивов было различным, постольку, по мнению Н. Звороноса, коэффициент варьировал для разных деревень, но оставался неизменным для одной и той же деревни, независимо от происходящих в ней перемен, исключая случаи общего увеличения или снижения канона по распоряжениям императоров.[3]

Мы представляем себе все это несколько иначе. При обложении деревни или иного налогового единства в первый раз чиновники определяли периорисм — границы всей принадлежащей деревне или иному юридическому лицу площади, устанавливали число модиев всей ипотаги и вычисляли (с учетом качества земли — единого или различного для разных ее участков) совокупный канон с данной ипотаги (вместе с ее угодьями). Из общего числа модиев при этом вычитались лишь земли, совершенно непригодные для хозяйственного использования (овраги, болота, кручи, скалистые выступы). Конечно, эта операция производилась не всегда. Называлась она ἀποδεκατισμός, т. е. вычитание 10%.[4] Об учете и оценке (в целях обложения каноном) всей земли любого собственника свидетельствуют акты, рассматриваемые самим Звороносом.[5] Община не могла при этом составлять исключения —

---

[1] *G. Ostrogorsky.* La commune..., p. 153; *Idem.* Die ländliche Steuergemeinde..., S. 112.

[2] *P. Engel.* Op. cit., S. 444–445.

[3] *N. Svoronos.* Le cadastre..., p. 125–126.

[4] *Ф. И. Успенский.* Византийские землемеры. — Труды VI Археологического съезда. Одесса, 1888, т. II, с. 306.

[5] См.: *N. Svoronos.* Op. cit., p. 127–133.

она также была юридическим лицом, а в империи всегда господствовал принцип «кто владеет — платит налоги» — об этом принципе упоминает и Н. Зворонос.[1]

Эпибола при этом указывала, каков для данного месте средний коэффициент обложения (число модиев на номисму канона). Раскладка же канона в деревне по индивидуальным псифиям — при обложении общины в первый раз — была вторичной операцией. Совокупная ридза распределялась между домохозяевами в соответствии с величиной и качеством парцелл каждого. Размеры угодий находили таким образом отражение в средней норме обложения. Впервые определенная ридза не должна была впредь уменьшаться — это был нижний (минимальный) ориентир для размеров канона, хотя в последующем ее часть — τελούμενα (подлинно уплачивавшееся) — в результате улучшений, раздачи солемниев и налоговых льгот — могла колебаться в обе стороны.

Однако так обстояло дело лишь при обложении деревни (и других налоговых единств) в первый раз. Порядок исчисления эпиболы и выравнивания ридзы, описанный в Уставе, является рудиментом этой первой описи. Впоследствии практоры могли ориентироваться лишь на размеры пахотных (и иначе культивируемых) парцелл каждого домохозяина, фиксируя их в особых графах описи. Переделы в общинах X в. уже были редким исключением. Размеры и границы каждой парцеллы были точно фиксированы, как и канон с нее.[2] Иначе было невозможно ни предоставление налоговых льгот, ни конфискация и отобрание у общины запустевших земель. Дело от этого не менялось — интересы фиска (обеспечение уплаты налогов за неподеленные общинные земли) уже были обеспечены (помимо особых налогов с количества скота, числа ульев, с дубовых рощ и т. д.).

Далее. Устав не дает оснований полагать, что коэффициент обложения оставался постоянным для каждого налогового единства. Это было бы верно, если бы те изменения, о которых пишет Зворонос[3] (симпафии и класмы, солемнии и аренда, продажа и наследование земли), были единственными видами перемен в общине. Но он сам же говорит и о выявлении практорами пропущенных парцелл, канон с которых плюсовали к ридзе. Зворонос при этом полагает, что одновременно и парцелла приплюсовывалась к ипотаге (ведь для него ипотага — арифметическая сумма площади индивидуальных парцелл), и ничто не менялось: новой доле налога соответствовала и земля по той же норме, по какой эпибола высчитана и для прочих парцелл, т. е. сумма ридзы и число модиев колеблются в одной пропорции, коэффициент от деления ипотаги на ридзу остался неизменным. Также понимает этот исследователь и факты, связанные с основанием членами общины новых агридиев и проастиев: он ищет их тоже вне пределов ипотаги,[4] что, как уже упоминалось, прямо противоречит показаниям Устава (см. с. 877). И пропущенные пар-

[1] *N. Svoronos*. Op. cit., p. 123, n. 4.
[2] Это особо подчеркнуто Н. Звороносом (*N. Svoronos*. Le cadastre..., p. 125).
[3] *N. Svoronos*. Le cadastre..., p. 126.
[4] Ibid., p. 124–125.

полы (Устав их называет ἀνέκδοτα — «невыявленное»), и новые деревенские проастии и хутора возникали внутри ипотаги, которая была уже измерена и описана через периорисм.

Коэффициент обложения (эпибола) колебался для одного и того же налогового единства уже поэтому, что число модиев в ипотаге оставалось прежним, а ридза возросла, ибо к ней приплюсован канон за пропущенный участок. Кроме того, размеры индивидуального канона зависели от степени интенсивности использования земли каждым домохозяином: огород, сад, виноградник, оливковая роща, зерновая нива облагались разными налогами на одной и той же по размеру площади.[1] Именно эти колебания размеров эпиболы и имеет в виду, по нашему мнению, Устав. Коэффициент обложения вычислялся едва ли не ежегодно — при каждой уплате ежегодного канона. Совсем другое дело — отражалось ли колебание коэффициента на индивидуальных псифиях. Его исчисление производилось, как мы пытались показать, таким образом, что он не мог опуститься ниже первоначального, «древнего»: все льготы и солемнии причислялись к соответствующей части ридзы, а добавки — к τελούμενα; добавки эти платились индивидуально хозяином произведенных улучшений. На высоте канона других членов общины все это не отражалось (и в этом мы согласны со Звороносом). Однако колебание коэффициента обложения не было безразлично для каждого общинника в тех случаях, когда в деревне появлялись заброшенные и изъятые из налогообложения земли, что мы и постараемся показать ниже.

Говоря о неизменности коэффициента обложения в каждом налоговом единстве, Зворонос полагает, что при этом на ридзу делили не реальное число модиев в парцеллах, составлявших ипотагу, а сумму модиев, полученную через приравнивание разных участков различного качества к какому-либо одному качеству (например, 48–50 модиев первого качества принимали за 96–100 модиев второго).[2] Мы полагаем, что этого не делалось: величина канона и ридзы высчитывалась при опоре на измерение массивов (или парцелл) разного качества, но на совокупную ридзу делилась простая арифметическая сумма модиев данного налогового единства.

Итак, мы рассмотрели все аргументы в пользу вывода Звороноса о том, что общинные угодья не включались в ипотагу, и пришли к противоположному заключению, хотя признали, что при последующих исчислениях (после первой описи) ридза деревни и индивидуальные псифии определялись согласно оценке парцелл каждого двора.

2. Не учитывается в историографии также и то обстоятельство, что ни местное чиновничество налоговых дистриктов, ни правители и судьи фем не имели права на предоставление каких-либо налоговых послаблений. Напротив, праторы были ответственны за сбор полной суммы налогов, зафиксированных в центральных налоговых кадастрах.

---

[1] *E. Schilbach.* Die Metrologie..., S. 249–250.

[2] *N. Svoronos.* Le cadastre..., p. 125–126.

В противном случае недостающие суммы взыскивались с самих податных чиновников,[1] как они взымались и с откупщиков, оказавшихся не в состоянии выполнить заключенный с фиском договор.[2]

Процедура предоставления налоговых послаблений не была автоматически действующей. О ней известно теперь по Трактату Караяннопулоса. Уже в Уставе говорится о том, что специальные уполномоченные императора (эпопты) являлись в то или иное место только после отчаянных просьб крестьян, неспособных нести бремя податей за запустевшие земли, и угрозы покинуть места своего поселения.[3]

Согласно Трактату, местный практор удостоверяет через свидетелей, что данная запустевшая земля не имеет наследника, и извещает об этом фемного судью. Тот рассматривает и проверяет это и сообщает в секрет, т. е. в ведомство геникона. Теперь там «имеется осведомленность», и является эпопт, обращающий землю в симпафию.[4]

Вопрос о том, имели ли местные власти право официально повышать налоги (не нормы обложения), не имея права давать льготы, зависит от решения вопроса о частоте налоговых инспекций в Византии. Теперь, видимо, можно считать установленным,[5] что помимо всеобщих и редких (через 15, 20, 30, 40 лет) ревизий в средневизантийский период бывали ревизии отдельных фем, округов, частных владений, деревень — в зависимости от желаний фиска (Василий II говорит в своей новелле, что посылает эпоптов для ревизий, когда это ему угодно).[6] И Устав, и Трактат свидетельствуют об оперативном и ежегодном учете в деревне всех хозяйственных перемен (появление нового хозяйственного объекта, возвращение хозяина и возобновление его деятельности на своей працелле, выявление пропущенного участка и т. п.) — обложение налогом при этом следует немедленно, а не в ожидании всеобщей, через многие годы повторяющейся ревизии.[7] В первый же год на вернувшегося хозяина налагалась первым эпоптом (т. е. эпоптом данного года) $^1/_6$ восстанавливаемого канона, затем (вторым эпоптом) еще $^1/_2$ канона и третьим эпоптом — последняя $^1/_3$.[8] Так сказано в Уставе. В Трактате добавлено, что полная сумма канона на возвращенца восстанавливается «в соответствии со сменой эпоптов».[9] Мы усматриваем здесь трехлетний срок — на три

[1] См. об этом: *Ф. И. Успенский*. Указ. соч., с. 333.

[2] См. Советы и рассказы Кекавмена, изд. Г. Г. Литаврин. М., 1972. С. 194, 28–196, 26, 460 и сл.

[3] См.: *F. Dölger*. Beiträge..., S. 119.9–13; *G. Ostrogorskiy*. La commune..., p. 156, n. 2; *G. Litavrin*. Les terres..., p. 24.

[4] *J. Karayannopulos*. Fragmente..., S. 321.14–18, 324–328.

[5] См.: *N. Svoronos*. Le cadastre..., p. 63–67. Лемерль полагает, что особенно часты ревизии были в зонах военных действий и стихийных бедствий (*P. Lemerle*. L'Esquisse, v. 219, p. 262).

[6] Анализ новеллы см.: *N. Svoronos*. Op. cit., p. 66, n. I.

[7] См. подробнее: *G. Litavrin*. Les terres..., p. 27–28.

[8] *F. Dölger*. Beiträge.., S. 119.39–120.6.

[9] *J. Karayannopulos*. Fragmente..., S. 323.95–96.

года давал налоговые льготы арабским пленным, посаженным на землю, Константин VII,[1] а затем Василий II — сельским жителям империи.[2] Мы считаем, что полный налог восстанавливался в течение также трех лет — и это ежегодно могли делать и местные эпопты: за три года три эпопта. Зворонос указал на замечание в Уставе (оно есть и в Трактате),[3] что помета в писцовой книге о класме делалась «неоднократно».[4] В Фиванском кадастре помета «класма» стояла рядом с графами — стихами, с которых поступали налоги.[5] Против этих граф ежегодно делалась помета: «уплатил».[6] По-видимому, также ежегодно делалась и помета о класме (пока она числилась не отчужденной фиском), означавшая — «канона нет». То же делалось и относительно симпафий.[7] Конечно, эта операция была доверена местным практорам: в Уставе сказано, что помету делает эпопт «либо другой кто-нибудь»,[8] кто являлся в деревню ежегодно для сбора налогов и для обложения каноном новых источников поземельных доходов.

Иначе говоря, однажды попавшая в опись земля, имевшая юридического собственника, могла быть освобождена от налога лишь после хлопот и по специальному распоряжению представителя центральной власти, обложение же налогом новых источников дохода было во власти местного налогового чиновничества.

Обратимся, наконец, непосредственно к запустевшим землям деревни — налогового единства и к пустующим землям вообще, которые либо перестали культивироваться, либо, напротив, попали в число возделанных.

В Уставе и Трактате мы обнаружили 6 категорий таких земель:

а) Участок нови, не входивший в ипотагу ни одной из соседних деревень и других налоговых единств, но оказавшийся разработанным. О его налоговом и юридическом статусе мы сказали выше. Относительно ипотаги села он рассматривался как «лишнее место». В Трактате он назван «лишней землей», и хотя здесь сказано, что он найден «в деревне» (ἐν χωρίῳ), мы считаем его лежавшим ранее и теперь вне ипотаги села, ибо — и согласно Трактату — им распоряжалось государство.[9] Канон с него назывался προσθήκη (добавка) и вписывался в налоговую опись особо; участок получил статус «идиостатон», и не только налог, но и коэффициент обложения (эпибола) вычислялись для него независимо от норм в соседней деревне.[10]

---

[1] *Const. Porphyr.*, De cerimon, p. 695.9–14.
[2] *Cedr.*, II (Bonnae), p. 484.
[3] *J. Karayannopulos*. Fragmente..., S. 322.28, 323.82.
[4] *F. Dölger*. Beiträge..., S. 116.10–11; 120.8.
[5] *N. Svoronos*. Le cadastre..., p. 12.40 sq.
[6] *F. Dölger*. Op cit., S. 9, 123.
[7] *N. Svoronos*. Op. cit., p. II. I sq.
[8] *F. Dölger*. Op. cit., S. 119.28.
[9] *J. Karayannopulos*. Fragmente..., S. 321.8–9, 324–325.
[10] *F. Dölger*. Beiträge..., S. 116.27–43; 120.29–121.4.

б. Судьба пропущенной при описи парцеллы внутри ипотаги села была совершенно иной: канон с ее владельца плюсовался к ридзе. Поправка вела к увеличению нормы обложения (площадь оставалась прежней, сравнительно с первой описью, а ридза возрастала), но на индивидуальных псифиях это отражалось незначительно и лишь при особых обстоятельствах (о которых будет сказано ниже).

в. Ставшие безнадежно непригодными для возделывания участки (обвал, землетрясение, извержение и т. п.) навсегда вычеркивались из описей. Участки же, временно утратившие плодородие (засоление почвы вырвавшимся на поверхность минеральным источником), получали симпафию (освобождение от податей) без указания ее срока: он определялся естественными причинами (когда дожди промоют почву). Видимо, восстановление канона определялось здесь не возобновлением обработки, а констатацией факта восстановления плодородия почвы. Ее (льготное на первых порах или не льготное) обложение каноном побуждало владельца возобновить эксплуатацию земли.[1]

г. Оказавшиеся запустевшими целые налоговые единства, не связанные круговой порукой с соседними налоговыми округами и единицами, через 30 лет лежания втуне становились собственностью государства, которое передавало эту землю казенным хозяйственным учреждениям. В таком случае все старые записи о платежах ликвидировались.[2] Земля получала новый статус и новую оценку. Этого, однако, не случалось, если не все запустевшее налоговое единство переходило в собственность царского эпископсиса; если передавали только некую часть налогового «сообщества» (μετουσίαν τινά), то не переданные эпископсипу земли объявлялись класмами и симпафиями и не исчезали из расчетов при сборе налога с данной налоговой единицы,[3] которая могла охватывать и несколько деревень, составляя одну ипотагу. Иметь налоговое единство (ἀνακοίνωσις) с какой-либо территорией, сказано в Уставе, это значит находиться с ней в пределах одной ипотаги.[4]

д. Если крестьянин, обладавший несколькими парцеллами, стал не в состоянии обрабатывать всю свою землю, он мог добиться снятия налога с заброшенных парцелл. Временно снятый канон с них назывался «отсроченным» (ἀποκεκινημένον), или «частичной симпафией» — по отношению ко всей сумме прежнего канона.[5] Этими же двумя терминами обозначались и налоговые изъятия для деревень в целом, которые (изъятия) давались «ради великой бедности... местности».[6] Но и в том и в другом случае имеется в виду, что сами хозяева земель, с которых снят налог, остаются жить в деревне, на своих старых местах. Устав при этом не определяет сроков налогового послабления, но подчеркивает, что фиск не имеет права отчуждать такие участки. Мог обеднев-

---

[1] *F. Dölger.* Beiträge..., S. 120.29–43; 121.1–4.
[2] Ibid., S. 120.19–21.
[3] Ibid., S. 120.21–23.
[4] Ibid., S. 116.22.
[5] Ibid., S. 118.21–39; 119.8–10.
[6] Ibid., S. 119.14.

ший крестьянин добиться снятия налога и со всей своей лежащей втуне земли. Такая симпафия называлась «полной», но если эта земля, несмотря на присутствие в селе ее хозяина, пустует 30 лет и в течение их не востребована наследниками, то она становится класмой, т. е. собственностью казны.[1] Обычно, однако, полной симпафией пользовались участки, «у которых, помимо господина, неизвестен и наследник».[2] Т. е. полная симпафия для оставшегося жить в деревне крестьянина была, по всей вероятности, редким исключением.

е. Иные термины употреблялись при налоговых изъятиях тех земель, хозяева которых хотя и не жили в деревне, но было известно, где они проживают в данное время. Налоговое изъятие участка такого лица называлось «послаблением» (κουφισμός), дававшимся, однако, «на некоторое время».[3] Следовательно, после 30-и лет отсутствия это лицо также теряло свою землю. В Трактате подчеркнуто, что хозяин или наследник не восстанавливается в праве своей собственности на землю после 30-и лет отсутствия и неуплаты налога. Он мог осуществить лишь свое предпочитательное право на выкуп этой земли (протимисис) у казны, если только участок уже не был продан кому-нибудь другому.[4] Согласно действовавшему в империи римскому праву, арендатор обретал владельческие права на землю через 30 лет непрерывной аренды.[5] Приведенное положение Устава является антитезой названной норме права: собственник земли терял ее, если не обрабатывал и не платил канона в течение 30-и лет.

ж. Переходя к вопросу о налоговом значении запустевшей земли, следует указать на особенности терминологии Устава и Трактата. «Симпафии» и «класмы» означают там и виды налогового изъятия, и самую землю.[6] Термин «симпафия» употребляется нередко в значении «класма» (имеется в виду, что прошло 30 лет со времени изъятия). Напротив, порой и симпафия обозначается термином «класма», если с ней поступают уже как с класмой. Трактат при этом разъясняет, что эта земля «по существу находится в симпафии».[7] Немало и иных тонкостей и оттенков в терминологии этих документов. Но особенно важно, на наш взгляд, не упускать из виду специфический исходный пункт всех рассуждений автора Устава — он находится как бы в центре деревенской налогообязанной общины, составляющей строго очерченное единство: все находящееся за ее пределами упоминается лишь в той мере, в какой имело или имеет отношение к общине, либо служит примером для противопоставления. Фиксально-юридическая терминология

---

[1] *F. Dölger.* Beiträge..., S. 118.26–27, 41.
[2] Ibid., S. 118.39–40.
[3] Ibid., S. 119.19–32.
[4] *J. Karayannopulos.* Fragmente..., S. 321.23–322.26.
[5] См.: «Пира», XV, 2. (Jus, I). Ср. Эклога, изд. Е. Э. Липшиц. М., 1965, с. 62.
[6] См. об этом: *N. Svoronos.* Le cadastre..., p. 121, n. I.
[7] *J. Karayannopulos.* Op. cit., S. 323.78–85. Ср. *F. Dölger.* Beiträge..., S. 120.8–11.

Трактата менее четкая, чем в Уставе: это свойство скорее более позднего, чем раннего времени. Однако Караяннопулос считает Трактат старше Устава.[1] Мы предполагаем, что оба документа отделены друг от друга весьма кратким промежутком времени и вряд ли выходят за пределы X–середины XI в.

Государство стремилось свести ущерб фиска от появления заброшенных земель к минимуму. Система симпафий и класм — вынужденное отступление, не вытеснившее аллиленгий, а с ним сосуществовавшее там, где аллиленгий оказался невозможным.[2] Караяннопулос полагает, что аллиленгий применялся эпизодически,[3] поскольку в Трактате сказано, что крестьяне платили димосий «в порядке солидарной ответственности», «подобно эпирии»,[4] т. е. экстраординарной, нерегулярной подати. Но здесь к эпирии приравнен не канон, а порядок его взыскания: через раскладку канона с заброшенной земли между соплательщиками пропорционально размерам их индивидуальных псифиев.[5] Г. А. Острогорский связывал ослабление аллиленгия с распространением после смерти Василия II системы откупа налогов.[6] Но откупщики обычно брали перед казной обязательство собрать с откупленного округа не только числящуюся по кадастрам налоговую сумму, но даже больше (не говоря уже о своей «законной» прибыли).[7] Такие договоры скорее предполагают сохранение, а не ликвидацию или ограничение аллиленгия: именно аллиленгий мог быть при этом главным «средством» выполнения условий договора, и власти обязаны были содействовать откупщику через присылку не эпоптов для налоговых изъятий, а полиции.

Круг лиц, охватываемых системой аллиленгия в пределах общины, был дифференцирован, по нашему мнению, соответственно градациям, вытекавшим из права предпочтения — протимисиса: ответственность за уплату канона возлагалась прежде всего на родичей, затем на соплательщиков, далее — на ближайших соседей, наконец, на всю общину. Устав и упоминает все эти категории юридических лиц как солидарно ответственных за уплату канона.[8] Итак, здесь вновь действовал тот же принцип использования государством в своих интересах общинного правопорядка: пользуешься угодьями — неси общинные тяготы для казначейства и властей, имеешь право протимисиса — принимай на себя и обязательства по обеспечению уплаты налога за соседей. Василий II пытался распространить аллиленгий на динатов как постоянный ин-

---

[1] *J. Karayannopulos.* Op. cit., S. 320.

[2] Ср.: *G. Ostrogorskiy.* La commune.., p. 156, n. 2.

[3] *J. Karayannopulos.* Fragmente..., S. 332–333.

[4] Ibid., S. 323.88–89.

[5] См. об эпириях: *Г. Цанкова-Петкова.* За аграрните отношения в средневековна България. XI–XIII вв. С., 1964, с. 90 и сл.

[6] *G. Ostrogorsky.* Die ländliche Steuergemeinde..., S. 66–67, Anm. I.

[7] Jus, III, p. 393.

[8] *F. Dölger.* Beiträge..., S. 116.3–4, 119.10–13; *J. Karayannopulos.* Fragmente..., S. 323.88–90.

статут, объединив их владения, имевшие статус идиостата, с крестьянскими общинами, из земель которых эти владения были выкроены, в единые налоговые сообщества, связанные круговой порукой.[1] Роман III отменил указ Василия II, но не систему аллиленгия.

Однако действительно ли всюду, где вводилась система симпафий и класм, они целиком выпадали из налогообложения? Подавляющее большинство ученых считают, что налоги с них ликвидировались полностью. Иначе сама эта система, говорит Зворонос, была бы бессмысленной.[2] В самом деле, в Уставе и в Трактате неоднократно и достаточно выразительно сказано, что при записи заброшенной земли в качестве симпафии и класмы канон с нее, в его полном объеме, полностью ликвидируется, «губится».[3] Но это не значит, по нашему мнению, что симпафии и класмы — в их подлинном юридическом значении — оказывались вне какого бы то ни было налогообложения. Для того чтобы убедиться в этом, нужно решительно отказаться от делаемого некоторыми исследователями допущения, что термины «симпафия» и «класма» употребляются в Уставе (и в Трактате) в качестве также синонима запустевшей земли.[4] Мы утверждаем, что таких случаев в обоих документах нет — и рассматриваем их именно с этой позиции.

Важнейшее значение имеет при этом также неотступное внимание к титулу собственности запустевшей земли: отчуждение их из состава апотаги деревни влекло коренные изменения в их налоговом положении, неотчужденные же земли, даже имеющие статус симпафий и класм, продолжают оставаться тесно связанными со своим «материнским» налоговым единством.

Итак, уже упоминалось, что с перешедшего к царскому епископию целиком налогового единства «весь псифий с номисмы» (ὅλον ψηφίον τοῦ ἀπόματος)[5] понимается как «царские автургии», т. е. исчезает (взимается царем с самого себя, как и псифии, дарованные — как льгота — какому-либо собственнику с его земли).[6] Если же епископию получил лишь часть запустевшей земли налогового сообщества, то прочее (запустевшее место) превращается «в класму и симпафию».[7] Конструкция фразы параллельная: следовательно, в этом, втором случае «псифий с номисмы» имеется.

«Неименная класма, — сказано в Уставе чуть выше, — (это такая класма), когда псифий с номисмы тяготеет, а с опущенной (из описи) никогда, как, например, с десяти номисм...»[8]

---

[1] *N. Svoronos.* Société et organisation intérieure dans l'empire Byzantin du XIe s.: Les principaux problèmes. Oxford, 1966, p. 5.
[2] *N. Svoronos.* Le cadastre..., p. 121, n. I.
[3] *F. Dölger.* Beiträge..., S. 120.13–15; 123.15–22.
[4] См.: *К. А. Осипова.* Аллиленгий..., с. 34; *N. Svoronos.* Le cadastre..., p. 120.
[5] *F. Dölger.* Beiträge..., S. 120.19–20.
[6] Ibid., S. 118.7.
[7] Ibid., S. 120.20–23.
[8] Ibid., S. 120.17–19. Окончание фразы в рукописи испорчено.

И еще один пассаж: после 30-и лет симпафии земля становится ὁλόπιωτον («полностью заброшенной») и получает статус класмы,[1] ὁλόπτωτα и «отсроченные» стихи — это понятия разные (см. выше), «различаются они также тем, что тяжесть (βάρος) запустевших стихов — на общине (ὁμάδα) деревни, тяжесть запустевших деревень, агридиев, проастиев и мест — на соседних (деревнях, агридиях, проастиях и местах), тогда как тяжесть отсроченных стихов (ἀποκεκινημένου στίχων) — на самих плательщиках стихов».[2]

Несколько замечаний об употребленных здесь терминах. «Неименной — класма называется потому, что еще не отчуждена государством от деревенской ипотаги, не записана на имя нового владельца.[3] Единожды Трактат именует такую класму «невыявленной» (ἀνέκδοτα)[4] и поясняет, что это класма, «оставшаяся непроданной эпоптом из-за того, что не нашлось покупателя».[5] В таком же значении употреблен в Трактате и термин ἐαθέντα («оставленное»).[6] Но и в Трактате есть то же наименование этой класмы, что и в Уставе. «Неименное, — сказано там, — это оставшееся вне обложения каноном и не записанное, ибо не имеет владельца».[7]

Ἀπόματος Зворонос убедительно толкует как технический термин, означающий (в стяженной форме) ἀπὸ νομίσματος, т. е. «с номисмы»,[8] как это предполагал уже Ф. Дэльгер.[9]

Зворонос лишь бегло остановился на одном из этих мест (о «полностью заброшенной» симпафии-класме и «отсроченных стихах»), заметив, что эти термины являются здесь попросту синонимами заброшенной земли. Автор Устава употребляет данную терминологию, так сказать, опережая события: земля подлежала характеризуемому терминами статусу, но его еще не получила. Речь же здесь идет, по мнению этого исследователя, о взыскании канона в его полном объеме в порядке коллективной ответственности, хотя и краткое время — «до осуществления мер налогового послабления».[10]

В таком случае следовало бы признать условность и всех прочих терминов, употребленных в трех приведенных нами пассажах. И совсем уж непонятно было бы, почему именно в этих местах авторы Устава и Трактата отказались от употребления принятых ими терминов в их подлинном значении.

---

[1] *F. Dölger.* Beiträge..., S. 114.24; 118.23–27, 41–119.8.

[2] Ibid., S. 119.14–18.

[3] См. о термине: *G. Ostrogorsky.* Die ländliche Steuergemeinde..., S. 73.

[4] Об ином значении в Уставе этого термина см. с. 55 (пропущенная парцелла).

[5] *J. Karayannopulos.* Fragmente..., S. 322.49–52.

[6] Ibid., S. 322.54.

[7] Ibid., S. 329.67–69.

[8] *N. Svoronos.* Le cadastre..., p. 25–26.

[9] *F. Dölger.* Beiträge..., S. 150: «участки, облагаемые налогом частично».

[10] *N. Svoronos.* Op. cit., p. 120.

Мы считаем, что в приведенных отрывках идет речь о том, что с заброшенных земель, получивших статус симпафий (а также класм, пока они не отчуждены фиском), взимается какая-то подать, хотя канон при этом как таковой полностью ликвидировался. Если это земля крестьянина, оставшегося в деревне, то эта подать берется с него; если же это бесхозяйственные земли, то ее взыскивают с членов налогового единства. Только тогда, когда класма отчуждена, опущена в описи деревни (получив имя нового владельца), из ее ридзы и ипотаги, члены общины перестают платить за нее что бы то ни было. Все налоговые претензии должны быть адресованы к ее новому собственнику. Так и община, попросившая записать симпафию на свое имя (εἰς πρόσωπον ἴδιον), брала на себя и все налоговые обязательства за бывшую симпафию.[1]

Следовательно, βάρος («тяжесть») и ψηφίον ἀπὸ νομίσματος («псифий с номисмы») мы понимаем как синонимы. Термин «псифий» означает при этом не полную «долю» индивидуального или совокупного канона, а только какую-то его часть («долю от номисмы канона»). Здесь, на наш взгляд, особенно ярко проявилась тенденция фиска — отменять взыскание налога с заброшенных земель только в крайнем случае и тщательно использовать любую возможность для казны получить с этой земли хотя бы часть прежних платежей.

4. Прослеживая употребление в Уставе терминов «эпибола» (ἐπιβολή) и «выравнивание» (ἰκάνωσις) (в Трактате они не встречаются), мы готовы отметить некоторое отличие не столько между самими этими терминами, сколько между контекстами, в которых они встречаются. Первый из них употреблен девять, а второй — семь раз. Случаи, когда оба слова стоят рядом, соединенные союзом «и», маловыразительны. Интереснее те места, где оба термина употреблены порознь в своем техническом значении. Таких случаев по три для каждого термина. Нигде эти понятия прямо не приравнены друг к другу,[2] и в их употреблении прослеживается некоторая специфика.

Термин «выравнивание» неизменно связан с определением средней нормы налогообложения, соответствия между размерами канона и облагаемой им земли. Термин же «эпибола» постоянно связывается с запустевшими землями. Самостоятельные, независимые владения — идиостата, выделившиеся из пределов ипотаги деревни, не имели никакого отношения к «выравниванию земли и ридзы» в ней (они получали свой периорисм), но имели непосредственное отношение к определению эпиболы в данной ипотаге.

Отделившиеся от ипотаги деревни идиостата имеют с ней одну и ту же эпиболу. Что же касается участка нови, никогда в ипотагу

---

[1] Монахи Афона считали класму своей, поскольку в кодексах она записана на их имя (*K. Lake*. The Early Days of Monasticism on Mount Athos. Oxford, 1909, p. 77).

[2] В словах «истинная эпибола и верное выравнивание» (*F. Dölger*. Beiträge..., S. 115.10–12) можно, впрочем, усмотреть даже некое противопоставление обоих терминов друг другу.

села не входившего, то он «называется, подобно другим, идиостатон, а наложенный на него димосий — добавкой, однако он отличается от тех (идиостата) тем, что те имеют ту же самую эпиболу (какую имеют деревни), от которых они отделились, а именно — подобную эпиболе причитающейся за имеющие статус симпафий и класм стихи, ибо они (выделились) из деревни, а эти (участки нови) — не из деревни, и никто из крестьян (возделавших их), не принуждается к тому, чтобы он имел ту же эпиболу, но удостоился получить особую, измеряемую по состоянию этих (участков нови), или большую или меньшую».[1]

Фраза ясна, сколь ни громоздка. Из нее следуют три вывода: 1. В отличие от положения дел при выравнивании земли и ридзы, идиостата, выделившиеся из деревни, подвергаются вместе с нею исчислению эпиболы; 2. Исчисление эпиболы производится при этом и для деревни, и для таких идиостата по одной общей норме; 3. Эпибола высчитывается для участков, пользующихся статусом симпафий и класм.

Представляется, что описанный в Уставе порядок вычисления эпиболы и выравнивания ридзы передан неполно. Названными операциями, видимо, можно было ограничиться только в каких-то конкретных случаях: при отводе монастырю массивов нови, при обложении налогом деревни, из которой не выделились идиостата или в которой не было запустевших земель.

Уже Г. А. Острогорский подчеркнул, что в Уставе ридза четко делится на три группы, суммы которых подсчитывались и совокупно, и раздельно:[2] 1. Действительно уплачивавшееся; 2. Налоги, хотя и взыскиваемые, но передаваемые в качестве солемниев, а также налоги, хотя и учитываемые в этой группе, но не взыскиваемые с обладателей привилегий; 3. Симпафии и класмы, не отчужденные фиском.

Первая группа составляла реальный доход фиска, вторая — его чистый убыток, третья — давала некоторую, как мы полагаем, надбавку, «прикидку» (первое значение слова «эпибола») за пустующие земли, хотя в самую ридзу записывалась не надбавка, а некогда взимавшийся и теперь снятый с этих земель канон.

Именно с этой последней группой и была практически связана эпибола в той ее форме, в какой она описана в Уставе. Общий суммарный коэффициент обложения, полученный от деления всей ипотаги на всю сумму записанного на нее (но не реально, в полном объеме взыскиваемого) канона, не имел, видимо, для налогоплательщиков практического значения. Их доли были четко фиксированы. Суммарный коэффициент обложения был также необходим для деятелей фиска, как показал Зворонос. Но применялся ли он при определении платежей с членов общины за пустующие земли? Ведь в ридзе под рубрикой «симпафии и класмы» были записаны некогда реально взыскивав-

[1] *F. Dölger.* Beiträge..., S. 116.36–43.
[2] *G. Ostrogorsky.* Die ländliche Steuergemeinde..., S. 71.

шиеся здесь суммы. Следовательно, для вычисления размеров «прикидки» для ее раскладки в общине логично было исходить из суммы старого канона симпафий и класм, а не из некоего среднего коэффициента обложения ипотаги.

Мы считаем, что там, где ридза состояла из названных трех элементов, определялся также реальный коэффициент обложения запустевших земель (т. е. делался отдельный подсчет и их площади, и всего канона с них, как и прочих элементов). Затем, если этот канон взимали в порядке аллиленгия (т. е. в полном размере), то на родичей, соседей, общинников начислялась «прикидка» (в X–XI вв. скорее всего только доля канона, распределяемого соответственно величине «собственного» канона каждого домохозяина, а не самой земли, хотя при этом предоставлялось также право ее использования: принудительный принцип исчез). Взыскиваемый таким образом канон зачислялся в ридзу деревни, в «действительно уплачиваемое».

Если же земли получали статус симпафий (а также класм до их отчуждения), то канон как таковой ликвидировался, ибо уменьшенный во много раз именовался как «доля с номисмы», которая взималась, видимо, также пропорционально размерам индивидуальных канонов, но зачислялась не в ридзу, а в «дополнительные платежи» (παρακολουθήματα). Этот псифий с номисмы с симпафий и неотчужденных класм касался, вероятно, и тех, кто в данном налоговом единстве имел право в силу царской милости не платить канон, но не получил для своих земель статуса идиостатон и как член общины располагал и правами в данной ипотаге (пользовался угодьями и пустующими землями), и обязанностями (нести общинные тяготы).

Каков же смысл определения «той же самой эпиболы» для идиостата, отделившихся от деревни? Они не входят более в ипотагу села, не связаны с нею налоговым единством — их хозяева не имеют прав в общине и не должны платить ни канон, ни его долю за разорившиеся хозяйства общинников. И для жителей села «псифий с номисмы» за класму, отчужденную казной, переставал существовать. Известно также, что и для никогда не входивших в ипотагу деревни, совершенно самостоятельных владений исчислялся индекс эпиболы.

Зворонос полагает, что собственники переданной им из ипотаги деревни класмы привлекались к той же эпиболе потому, что оставались членами общины, что такие идиостата «составляли часть общины» и не были особыми налоговыми единствами.[1] С этим толкованием никак нельзя согласиться — оно не учитывает того значения эпиболы, о котором мы сказали выше, и ведет к прямым противоречиям с пассажами Устава о статусе идиостата.

По нашему мнению, Устав, говоря об особо вычисляемой эпиболе для никогда не входивших в деревню идиостата, имеет в виду появление внутри этих идиостата запустевших земель — и предписывает определить «псифий с номисмы» с хозяев этих земель (если они добьются

[1] *N. Svoronos.* Société..., p. 374; ср.: *P. Engel.* Op. cit., S. 447.

от фиска на эти земли статуса симпафий) в соответствии с тем, как здесь был ранее определен канон, т. е. особо, в силу самостоятельной оценки и измерения.

Если же идиостата отделились от деревни, то «псифий с номисмы» (при тех же условиях, при которых его взимают) за землю, которая здесь пустует или запустеет, будет вычислен для хозяев в той же норме, что и в деревне, ибо и канон здесь некогда был определен не особо, а с учетом всей ипотаги села, в которую тогда эти идиостата входили.

Иными словами, иметь одинаковую с деревней эпиболу отнюдь не означает для собственника независимого владения нести какую-либо материальную ответственность за налоги с пустующей в деревне земли: это означает — нести такую ответственность за свою землю.

При включении в арифмий-акростих (общую сумму всех и всяких платежей с данного налогового единства) «псифия с номисмы» он плюсовался не к канону, а, как мы сказали, к дополнительным платежам, так как и сам составлял по существу лишь «прикидку» на каждую номисму основного налога.

Мы хотели бы высказать предположение, что такой псифий составлял $^1/_{12}$ старого канона с земли, ставшей симпафией и класмой, т. е. был равен так называемому «налогу писцовой книги» (τέλος λιβελλικόν). Этот налог в размере $^1/_{12}$ старого канона взимался с получателя класмы в качестве дара или с покупателя ее через либелл.[1] Именно потому «налог писцовой книги» и взыскивался в подобных случаях, что ранее его (в качестве «псифия с номисмы») в том же размере получали с общинников. Это вполне соответствовало бы духу Устава и деятельности представителей казначейства — строжайше блюсти интересы фиска и любому ущербу искать компенсацию.

5. Но фиск не удовлетворялся долей канона с заброшенной земли, даже предоставив ей статус симпафий и класм. Он с самого начала принимал всевозможные меры к более эффективному их использованию.

Фиск сдавал симпафии и класмы в аренду как самим членам общины, так и любому другому, отдавал он их желающим и под условием уплаты канона. На симпафии, однако, при этом до истечения 30-и лет собственник земли и его наследники сохраняли все свои права.[2] Канон восстанавливался и в тех случаях, когда кто-нибудь самовольно разрабатывал класму.

В Уставе об этом сказано так: «Должно знать, что после того как истекло 30 лет и симпафия через запись другого эпопта превращена в класму, то восстановления канона (ὄρθωσις) на класму не происходит, если только запись о класме неоднократно не успели сделать после 30-и лет или если не было вынесено определенного постановления, повелевающего, чтобы имело место восстановление канона на

[1] *F. Dölger.* Beiträge..., S. 120.12–16; 123.15–22; *J. Karayannopulos.* Fragmente..., S. 323.77–85.

[2] *J. Karayannopulos.* Op. cit., S. 321.1–9, 18–23; 232.28–30.

нному. Ибо, если постановление вынесено, восстанавливается канон и на класмы, на обнаруженных (на них) совладельцев или кого другого. Случается же и это по-разному».[1]

Иначе говоря, обычно считалось, что канон на класмы, 30 лет имевшие статус симпафий, не восстанавливается. Но если эпопты не успели сделать после 30-и лет запись о класме, т. е. оформить ее юридически, а она обрела владельца (причем, может быть, это были и наследники старого собственника, воспользовавшиеся оплошностью или нерадением чиновников). То же самое могло случиться и с класмой, вполне юридически оформленной, — у нее появлялись самозванные хозяева, и выносилось постановление обложить их каноном. Но в любом из этих случаев имеется в виду, что класма не была отчуждена из состава прежней ипотаги. Иначе она не подлежала бы старому канону.

Эпопт предлагал заброшенные земли на условиях уплаты канона прежде всего членам общины, а затем прочим лицам (в соответствии с правом протимисиса). Чтобы и после 30-летнего пребывания на статусе симпафии класма, как и прежде, осталась во владении общинников, они, помимо восстановленного канона, должны были уплатить еще так называемую «описфотелию» — налоги за последние три года (на чье имя делается восстановление канона, с того взыскивается и описфотелия трех лет»).[2]

Теперь — о класмах, отчуждаемых государством из состава деревенских владений. Но прежде всего о двух случаях, казалось бы, явных противоречий в Уставе. С одной стороны, четко заявляется, что проданная или подаренная, или сделанная фиском в аренду класма получает новое измерение, отмежевывается от деревни как идиостатон.[3] С другой стороны, сказано, что «либеллъная класма» (κλάσμα λιβελλικόν), т. е. проданная через либелл, включается в ридзу и в операции выравнивания и определения эпиболы,[4] как и сданная в аренду (причем половина арендной платы рассматривается как канон).[5] Как согласовать эти положения? Ведь в ридзу включается лишь канон, которому в данной ипотаге соответствует определенное количество земли. Исключение земли из ипотаги предполагает не включение и канона в ридзу для данной ипотаги — и наоборот.

Это кажущееся противоречие находит объяснение в Трактате Карапопулоса: в таком случае имеется в виду, что κλάσματα λιβελλικά, λιβελλικά, и пакт включается в ридзу лишь тогда, когда запустевшая земля подверглась продаже, либо дарению через либелл или сдаче в аренду до истечения 30-и лет со времени представления статуса симпафии: «Когда чьи-либо места проданы как класмные, прежде чем истекло 30 лет», а наследники вернутся в это время, то «покупатели теряют то, что купили,

---

[1] *F. Dölger.* Beiträge..., S. 120.5–12.
[2] *J. Karayannopulos.* Fragmente..., S. 322.30–38.
[3] *F. Dölger.* Beiträge..., S. 116.10–19.
[4] Ibid., S. 114.23–24.
[5] Ibid., S. 123.1–8.

и требуют (уплаченную) цену у василевса, а наследники получают им принадлежащее».[1] Либелл (документ об отчуждении) в таком случае ликвидируется, ибо эти земли еще не класмы юридически, а симпафии.[2] Все это, однако, не было результатом беззакония эпоптов, а разрешалось вполне официально, с согласия общинников и с соблюдением права протимисиса и с согласия покупателя, предупреждаемого, что купленная земля «до истечения тридцатилетия находится под правом востребования ее наследниками».[3] Но такие случаи были, видимо, не столь часты, ибо в Уставе записано: «И ведь если говорят, что василевс даровал столько-то земли тому-то или тому-то изо всей обнаруженной класмы или симпафии, то имеется в виду, что 30 лет минуло».[4]

Согласно Уставу, дарило государство класмы преимущественно церкви, монастырям, богоугодным заведениям, правительственным учреждениям. Согласно более поздним актам, известно, однако, что получателями класм были и светские лица.[5] Именно в связи с отчуждением класм Трактат упоминает о «прониатика» — дарениях императора на срок жизни человека.[6]

Спрашивается, каково же было значение проданных и подаренных казною класм в налоговом отношении? Действительно ли либелл — налог писцовой книги ($^1/_{12}$ старого канона) оставался единственным видом их обложения, как это можно подумать, читая Устав и Трактат?

С отчужденной класмы эпопт определяет, говорится в Трактате, только «один милиарисий с номисмы ради продажи».[7] В Уставе сказано пространнее. «Если класма продана или подарена, то старый канон ликвидируется и на покупателя или дар получившего не возлагается уплата за симпафию, но приписывается за каждую номисму старого димосия димосий либелла в $^1/_{12}$ номисмы».[8] И еще: «В качестве димосиев либеллов должно принимать, чтобы $^1/_{12}$ номисмы приравнивалась к номисме полного жребия, $^1/_6$ (номисмы) — к двум номисмам, $^1/_4$ (номисмы) — к трем номисмам, и так, по аналогии, далее, потому что, как мы сказали выше, обращенное в класму и дарованное место, как и проданное, не полностью остается неплатежным, но совершивший дар или продажу возлагает на получающего это место вместо димосия-канона в одну номисму с пользовавшегося симпафией или обращенного в класму (места) $^1/_{12}$ номисмы, так что $^1/_{12}$ либелла приравнивается к одной номисме (старого канона)».[9]

---

[1] *J. Karayannopulos.* Op. cit., S. 322.59–323.63.
[2] Ibid., S. 323.78–85. Ср.: *F. Dölger.* Op. cit., S. 120.8–11.
[3] *J. Karayannopulos.* Fragmente..., S. 323.81.
[4] *F. Dölger.* Beiträge..., S. 119.35–37.
[5] Archives de l'Athos. Actes de Lavra, ed. par P. Lemerle, A. Guillou, N. Svoronos, D. Papachrysanthu, I p. Paris, 1970, № 37.
[6] *J. Karayannopulos.* Op. cit., 322, 56–57.
[7] Ibid., S. 322.27–28.
[8] *F. Dölger.* Beiträge..., S. 120.12–16.
[9] Ibid., S. 123.15–22.

Ликвидирован старый канон. В полном его исчислении он исчез. Класма отмежевана от ипотаги села и по отношению к данному налоговому единству стала неплатежной. Вопрос о новом каноне на эти земли — вне поля внимания автора Устава, прослеживающего лишь судьбу древних псифиев в данной ипотаге. Доказательство того, что на отчужденную класму будет наложен новый канон, мы видим в том, что такая класма стала идиостатон, а на земли этой категории канон налагался также, но соответственно их особой оценке и измерению, как, например, на разработанную новь, от которой после 30-и лет пребывания вне обработки класма мало отличалась. Об $^1/_{12}$ старого канона упомянуто только потому, что это — доля именно старого канона, взимаемого в возмещение утраченного при отчуждении «псифия с номисмы». Считать проданные класмы вне налогообложения — значит прийти в противоречие с другими документами той эпохи.

Сошлемся хотя бы на акт Алексея I Комнина от 1081 г. в пользу полководца Льва Кефалы. Алексей подтвердил дарение Кефале Никифором III Вотаниатом класмы размером в 334 модия. При дарении, однако, сразу было определено, что за отданную Кефале «в полную собственность» класму он будет платить димосий в размере 4,5 номисмы и «додекатон», т. е. $^1/_{12}$ (разумеется, старого канона, который, к сожалению, не указан).[1] Конечно, 4,5 номисмы — это новый канон, установленный для класмы (примерно, номисма с 74 модиев). Это никак не мог быть либелл, ибо в противном случае, как отмечает Зворонос, старый канон с 334 модиев составлял бы непомерно огромную сумму в 54 номисмы.[2] Следовательно, на приобретателя класм налагались и новый канон, и налог писцовой книги.

Уже согласно Трактату можно было судить о нормах исчисления налога в империи за владение землею. Там сказано, что при отчуждении, вернее — при продаже класм фиском с покупателя брали 24 номисмы за участок, с которого канон составлял одну номисму.[3] Иначе говоря, налог взимался как 4,166% от стоимости земли по ее официальной государственной оценке.

Еще более детально и ясно об этом принципе исчисления канона — поземельного налога — сказано в документах — налоговых руководствах, опубликованных недавно впервые Э. Шильбахом.[4]

Это — особая тема, мы не будем на ней здесь задерживаться и перейдем сразу же к кратким итогам предложенного нами здесь анализа вопроса о класмах и симпафиях.

Прежде всего, хотелось бы подчеркнуть, что оба важнейшие документа по налогообложению в Византии X–XI вв., и Устав, и Трактат, ориентированы прежде всего на деревенскую общину, являющуюся

---

[1] Lavra, № 37. 21–26.

[2] Зворонос при этом предлагает читать в акте № 37 ἥμιδυ καί τό δωδεατον без союза καί (*N. Svoronos.* Le cadastre..., p. 130). Мы не видим оснований к этому: в акте № 42 это же выражение употреблено с тем же союзом, который и придает ему необходимый смысл.

[3] *J. Karayannopulos.* Fragmente..., S. 322.27–28; 323.74–75.

[4] *E. Schilbach.* Die byzantinische metrologische Quellen, S. 59–60.

основным объектом эксплуатации со стороны государства и свободную от частновладельческой зависимости. Эта община стала податной, она подвергалась внутренней эрозии, теряла часть своей земли, конфискуемой государством, крупное землевладение теснило ее со всех сторон (частные светские и духовные имения возникали на отторгнутых у общих территориях), однако общинное землепользование и землевладение в этот период продолжало сохраняться.

Община оставалась юридическим собственником угодий — земель, не поделенных между ее членами, но включенных в строго обозначенный периорисм деревни (описание ее границ). Община стала также налоговым единством, спаянным, помимо прочего, и системой круговой поруки, но она не была сконструирована в результате фискальных предписаний властей. Это был естественно исторически сложившийся производственный, социальный и общественный институт, использованный государством в фискальных целях.

Устав и Трактат вносят важнейшие коррективы к новеллам императоров Македонской династии; это документы одной эпохи — эпохи быстрого формирования крупного землевладения за счет земель свободных общинников, вносивших налоги в государственную казну. Именно интересы фиска были главной и решающей побудительной причиной издания и новелл, и рассмотренных руководств по налогообложению сельского населения.

Оценивая проанализированные выше мероприятия центральной власти относительно запустевших земель, едва ли можно определить их как серьезную налоговую реформу, приведшую к ликвидации основ старой налоговой системы. Подобно тому как византийский государственный аппарат не знал глубоких преобразований, осуществленных на коротком отрезке времени, не знала этого и имперская налоговая система. Фиксируемые в Уставе и Трактате перемены свидетельствуют о кризисе этой системы, о частичной ее перестройке, но не о глубокой реконструкции фискального механизма и принципов его функционирования. Осуществлявшиеся податные послабления являлись своего рода лишь «оборонительными» позициями, на которые эпизодически и отнюдь не по всему «фронту» центральная власть должна была отступить под натиском обстоятельств. Везде, где это оказывалось возможным, принцип круговой поруки продолжал сохраняться. Имперский традиционализм и в этой сфере государственного правопорядка оставался идолом, которому византийские деятели боялись изменить.

Изменения в налоговой системе постепенно накапливались — и мы их не отрицаем, — но они не привели к коренным преобразованиям порядков налогообложения в империи в целом. Нам представляется, что подлинные, глубокие перемены, имевшие важнейшее значение для всех налогоплательщиков — непосредственных производителей материальных благ, обусловливались не столько официальными предписаниями, сколько повседневной практикой чиновников фиска, которые должны были эти предписания проводить в жизнь.

Нет ни одного современного исследователя налоговой системы империи в X–XII вв., который не указывал бы как на заурядное явление на всевозможные злоупотребления и беззакония чиновников фиска как местных, так и столичных. Громоздкая и все более усложнявшаяся наука сбора налогов в империи открывала перед ними почти неограниченные возможности для личного обогащения. От воли местного практора нередко зависело подвергнуть деревню аллиленгию или известить судью фемы о необходимости вызова столичного эпопта для осуществления податного послабления. Не только столичный эпопт, но и местный сборщик налогов мог не внести в кадастры заново возделанный участок земли. При отчуждении класм эпопт — по частному соглашению с покупателем или получателем царского дара — умалчивал в документах о сотне модиев, переданных им сверх полагающихся по закону. При определении высоты канона и при его раскладке чиновники включали в общую сумму совокупного димостия все прочие платежи, приравнивая таким образом канон к арифмию и завышая его вполне официально.

Дело, конечно, не только (и главным образом не столько) в сложности исчисления налогов в империи. Произвол налогового чиновничества был явлением, широко распространенным в Византии в любом столетии ее истории (хотя и это само по себе уже заслуживает надлежащей оценки). Главное, на наш взгляд, состояло в том, что в X и особенно в XI в. в злоупотреблениях практоров при осуществлении мероприятий по введению симпафий и класм оказались заинтересованными не только сами практоры, но и местные магнаты, постепенно приобретавшие огромное влияние на аппарат управления фемами. Злоупотребления становятся также своего рода системой. Все менее контролируемое из центра и, как видно, все скупее оплачиваемое, чиновничество фиска обретало уверенность в безнаказанности, если в результате его деятельности выполнялось одно главное условие — выискивались сполна с налогоплательщиков те суммы, которые ожидало казначейство.

Феодализация империи в X–XI вв. выразилась не только в росте крупного землевладения за счет земель общинников и в развитии разных форм крестьянской зависимости, но и в эррозии регулируемой законом иерархической структуры учреждений фиска. Сугубо официальные связи все теснее переплетались с отношениями личного подчинения и покровительства.

Парик и арендатор

В последние годы в византиноведческой литературе все более часто высказывается мысль о том, что институт парикии IX–XII вв. генетически связан с колонатом позднеримской эпохи, в особенности с арендой свободных колонов.[1]

Как известно, в довоенной и послевоенной историографии в спорах между марксистами и немарксистами по вопросу о сущности общественного строя Византии (феодализм или этатизм) противники «феодалистской концепции» (а ее авторы и сторонники — главным образом советские ученые) указывали как на решающий аргумент на отсутствие в Византии вассально-ленной системы, рассматриваемой в качестве структурообразующего феномена средневекового западноевропейского общества. Историки-марксисты, не отвергая полностью значение этого вопроса для суждения о характере общественного строя Византии IX–XV вв., считали (как, впрочем, считают и в настоящее время), что при исследовании указанной проблемы преимущественного внимания заслуживает не вассально-ленная система, а сеньория, так как подавляющее большинство населения в средние века (крестьянство) находилось вне феодальной иерархии и жизнь ее определялась не вассально-ленными отношениями, а сеньорией.

Для двух последних десятилетий можно с удовлетворением констатировать, что вопрос об отношениях крупного земельного собственника с крестьянином-держателем его земли признан и историками-

---

[1] См., например: *A. Guillou.* Transformation des structures socioéconomiques dans le monde byzantin au VIIIe siècle. — ZRVI, 1980, t. 19. P. 75 et suiv.; *M. Kaplan.* L'Exploitation paysanne byzantine entre l'antiquité et le moyen-âge (VIe–VIIIe siècles): Affirmation d'une structure économique er sociale. — From Late Antiquity to Early Byzantium. Pr., 1985, p. 101–105; *Г. Г. Литаврин.* Особенности социальной структуры византийского крестьянства в IX–XII вв. — Классы и сословия средневекового общества. М., 1988. М., с. 54–64 (доклад, прочитанный на конференции в 1982 г.).

немарксистами центральным для суждения о характере общественного строя Византийской империи. Наиболее четко это признание высказано Н. Зворономом и И. Караяннопулосом.[1]

В данной краткой статье мы не намерены поднимать проблему соотношения колоната и парикии в ее полном объеме. Наша цель — высказать несколько замечаний относительно черт сходства и отличия между свободной и поземельной арендой и парикией в Византии X–XII вв.

Хотелось бы, однако, сделать предварительно одну оговорку. Дискуссия между сторонниками теории феодализма и концепции этатизма весьма часто и, к сожалению, до сих пор напоминает диалог глухонемых. Причем, согласно нашим наблюдениям, гораздо более осведомленными в старой и новейшей историографии по аграрным отношениям в Византии являются историки-«феодалисты». Вести спор по существу проблем византинистам-«этатистам» мешает сплошь и рядом весьма элементарное обстоятельство — они попросту не знают современных исследований по аграрным проблемам, написанных на русском языке и основанных на всесторонней интерпретации всего доступного в настоящее время материала источников. В лучшем случае «усваивается» какой-либо из наиболее общих (и нередко — не главных) выводов. Конкретный же анализ, ход аргументации (в том числе существенные источниковедческие наблюдения) остаются вне поля зрения (понимания?) оппонентов. Зачастую самая дилетантская, поверхностная заметка на западных языках пользуется у маститых коллег автора упомянутой заметки гораздо большим вниманием, чем непосредственно относящаяся к делу основательная работа русского (советского) византиниста. Не без ставшего привычным юмора приходится сплошь и рядом читать — даже в серьезных исследованиях — изложение «советской точки зрения» по конкретным вопросам аграрной истории со ссылками на труды, изданные в СССР 40–50 лет назад... Существует, видимо, *стойкое предубеждение* о некоей «общепринятой» и «неизменной» концепции советских византинистов. Понятно поэтому, почему главным выразителем «феодалистской теории» в современном византиноведении, а вместе с тем и основной мишенью для критики избран Г. А. Острогорский. Примером такого подхода может служить вышедшая недавно и в целом весьма полезная обобщающая книга П. Шрайнера.[2]

Поэтому необходимо со всей решительностью подчеркнуть, что «советская», а точнее, марксистская точка зрения на париков X–XII вв. может рассматриваться как единая лишь в двух пунктах: парики признаются феодально-зависимыми держателями чужой земли, и эксплуатация

---

[1] *N. Svoronos.* Essais sur quelques formes de la vie rurale à Byzance. Petite et grande exploitation. — Annales. 11-e année. Juillet-septembre, 1956, № 3, p. 327–328; *J. Karayannopulos.* Fragmente aus dem Vademecum eines byzantinischen Finanzbeamten. — Polychronion: Festschrift Fr. Dölger zum 75. Geburtstag. Heidelberg, 1966, S. 320 f; *Idem.* Rez. on: *G. Ostrogorskij.* Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine. Bruxelles, 1956. — BZ, 1957, Bd. 50, S. 167–170; *Ι. Καραγιαννόπουλος.* Τὸ Βυζαντινὸ κράτος. Ἀθήνα, 1983, σ. 144–146, 162–163.

[2] *P. Schreiner.* Byzanz. München, 1986, S. 37–38, 147–148.

именно париков считается главным источником доходов от крупной земельной собственности в Византии X–XV вв. Что же касается конкретных форм зависимости париков от земельных собственников (частных лиц и государства), официального юридического статуса париков, их экономического положения, уровня их эксплуатации, источников пополнения их состава, различий в их разрядах, их численного соотношения на разных этапах сравнительно со свободными крестьянами-собственниками земельных участков и т. п., то *мнения* среди *византинистов-марксистов* по этим вопросам *не менее разнообразны*, чем среди представителей любых других школ и направлений.

Опираясь прежде всего на работы И. Караяннопулоса, П. Шрайнер в упомянутой выше книге критикует «фантастические представления» Г. А. Острогорского. Чрезвычайно важно, что П. Шрайнер существо дела усматривает при этом в парикии, в трактовке этого института (заметим попутно, что статус парика автор считает «фискальным» — тезис, абсолютно недоказуемый источниками). Возражая Г. А. Острогорскому (впрочем, не все эти возражения по адресу), П. Шрайнер утверждает: парикия — лишь вид аренды (хотя и официально не оформленной, бездоговорной — обстоятельство, на наш взгляд, автором не оцененное); парикия могла вести к частичной зависимости, но лишь главы семьи, а не всех ее членов, которые могли отделяться от семьи и сами арендовать землю: парик, помимо арендованной, мог иметь и землю в полной своей собственности; положение его определялось не только социальным статусом — среди париков существовали градации, их положение нельзя оценивать только негативно: они были заинтересованы в обработке земли и располагали излишками, реализуемыми на рынке; в XI–XII вв. парики составляли большинство сельского населения, а для поздней Византии, по мнению П. Шрайнера, этот вопрос остается открытым.[1] Заметим в скобках, что *подавляющее большинство* этих положений разделяют и советские византинисты, что не мешает им оставаться «феодалистами».

М. Каплан также считает необходимым подчеркнуть, что парикия — лишь один из видов аренды, одновременно существовавших и не имевших сравнительно друг с другом каких-либо «фундаментальных отличий». Более того, подобного рода фундаментальные отличия он усматривает даже не между собственниками и арендаторами земли, не между крестьянами разного юридического (социального) статуса, а между земледельцами, располагающими разными экономическими возможностями (в частности, имеющими и не имеющими пахотные орудия), а также между тем, кто ведет комплексное хозяйство (является подлинно «трудящимся»), и тем, кто довольствуется выполнением простых задач («отбывает повинности»); поэтому имелись *несостоятельные* собственники и *богатые* арендаторы; византийская деревня представляется ему как поселение крестьян разного имущественного и социального статуса: это и мелкие земельные

[1] *P. Schreiner.* Op. cit., S. 37, 147.

собственники, и арендаторы, совсем не имеющие своей земли и располагающие, помимо арендованных, также собственными участками, и зажиточные и бедные, и, по-видимому, усердные и ленивые...[1]

Подобного рода *деконструктивная* позиция в оценке значения парикии в аграрной истории Византии характерна не только для названных выше византинистов, не признающих феодального характера аграрных отношений в империи X–XV вв., — парикия предстает в трудах многих современных историков лишь как маловыразительный частный случай крестьянской аренды, не сыгравшей в истории Византии особой социальной и общественной роли.[2]

Действительно, парикия хотя и не идентична аренде, но самым непосредственным образом с нею связана, в определенном смысле ее можно рассматривать как особый вид поземельной аренды. Против этого заключения не возражал, в сущности, ни один историк-марксист, хотя предпочитал пользоваться при этом не термином «аренда», а понятием «держание».

Именно потому, что парикия была следствием аренды чужой земли, правовые отношения между париком и хозяином этой земли регулировались и в X–XII вв. официальными законоположениями об *арендных договорах вообще*, хотя споры париков со своими господами и в связи с этим обращение к нормам официального права упоминаются в источниках чрезвычайно редко. Особых законов *именно о парической аренде* в византийских правовых сборниках не существовало. В качестве обычного парическое право начало формироваться, по-видимому, уже в VI в., но Юстиниан I решительно отказался его кодифицировать как не имевшее прецедента в юриспруденции империи.[3] С тех пор в течение четырех столетий «парическое право» не упоминалось в сохранившихся источниках. С 20-х же годов X в. о пугающем центральную власть стремительном распространении парикии как уже хорошо известного византийскому обществу института будут постоянно в течение ста лет говорить новеллы императоров Македонской династии, пытавшихся ограничить или по крайней мере контролировать его отрицательные последствия для казначейства и боеспособности армии.

Разъяснения относительно сущности «парического права» именно как формы арендных отношений (без специальных указаний на ее специфику) сочли необходимым дать два крупнейших византийских юриста: магистр Косьма в X в. и Евстафий Ромей в XI в. Документы

---

[1] См.: *M. Kaplan.* Modalités et formes de la production dans les villages byzantines (VIe–Xe s.). — XVI. Internationaler Byzantinistenkongress: Resumés der Kurzbeiträge. Wien, 1981, Sub. nomine.

[2] См. краткий обзор мнений: *Г. Г. Литаврин.* Византийское общество и государство в X–XI вв. Проблемы истории одного столетия, 976–1081 гг. М., 1977, с. 7–42.

[3] См.: *P. Lemerle.* The Agrarian History of Byzantium: From the Origins to the Twelth Century. Galway, 1979, p. 181.

эти хорошо известны специалистам. Относительно недавно они детально еще раз прокомментированы Г. Вайсом.[1]

Напомним коротко содержание этих документов. Косьма определяет парическое право как обычное, противопоставляя его официальным законодательным нормам, регулирующим порядок аренды земли, в том числе длительной (эмфитевтической). В соответствии с парическим правом, берущие чужую землю для обработки *обязательно поселяются на ней, устраивают на ней свое жилище и двор*. За пользование землей они вносят господину земли плату. В случае, если они захотят уйти с земли господина, они имеют право взять с собой материал возведигнутых ими построек, но не могут ни продавать, ни как-либо иначе отчуждать предоставленную им землю. *Господин земли*, говорит Косьма, *волен в любое время прогнать париков со своей земли*. Косьма не касается вопроса об условиях, при которых парик приобретает на арендованную землю право прочного (вечного) владения (это условие — непрерывное владение арендованным участком данной парической семьей в течение 30-и или, для земель духовенства, 40 лет, — несомненно, юрист имел в виду как широко известное). Подробно и специально об этом сказано Евстафием Ромеем, подчеркнувшим, что после 30 лет непрерывного владения участком и добросовестного внесения за него платы парик становится «как бы господином» этой земли, не прекращая, однако, и впредь сам или его наследники вносить плату.

Справедливо усматривая в сравнении арендатора и парика наиболее эффективный путь уяснения сущности парикии, Г. Вайс концентрирует, однако, внимание в основном на двух упомянутых документах и занимается скорее вопросом о происхождении парического права, чем реальными условиями парического держания, как они предстают перед нами на основании показаний актового материала X–XII вв.

Справедлива также и констатация Г. Вайса, что для убедительного решения проблемы были бы абсолютно необходимы подлинные арендные договоры той эпохи, которые, однако, странным образом сохранились (и также в весьма небольшом числе) только от южноиталийских провинций Византии X–XI вв. В свое время они были внимательно изучены А. П. Кажданом.[2]

Сколь ни скуден материал источников, представляется тем не менее возможным обобщить некоторые наблюдения относительно сходств и различий в положении *арендаторов вообще и арендаторов на основе парического права*.

Поскольку, как упоминалось, держание парика само по себе представляет собою лишь особый вид аренды, черты сходства парической аренды и с краткосрочной, и с эмфитевтической арендой значительны. Прежде всего парики, как и любые другие арендаторы и кресть-

---

[1] *G. Weiss.* Die Entscheidung des Kosmas Magistros über das Parökenrecht. — Byz., 1979, t. 48, p. 477–500; *Idem.* Hohe Richter in Konstantinopel: Eustathios Rhomaios und seine Kollegen. — JÖB, 1973, Bd. 22, S. 117–143.

[2] *А. П. Каждан.* Деревня и город в Византии X–IX вв. М., 1960, с. 89–96.

ные-собственники своих участков, являются юридически совершенно свободными людьми, гражданами империи ромеев. Они обладали даже признанным законом правом судиться со своим господином, если он допускал в отношении к ним произвол, издевательства, незаконные поборы. Евстафий Ромей рассказывает в «Пире» о том, как парики (видимо, в первой трети XI в.) возбудили против своего господина, малоазийского магната Склира, судебное дело и выиграли этот процесс.[1] Свободный статус париков в отличие от всех разрядов позднеримских колонов подчеркивает в своем исследовании и Г. Вайс.[2]

Выполнив свои обязательства перед господином, вытекающие из использования ими чужой земли, парики, как и арендаторы любого другого разряда, могли разорвать с ним всякие связи и покинуть его владения. Так, согласно Патмосской писцовой книге 1073 г., парик Иоанна Диаксин Феологит «переселился из поместья», и некогда обрабатывавшаяся им земля оказалась заброшенной.[3] Не только парики, но и арендаторы-узурфруктуарии *могли* селиться на земле господина и даже несли в его пользу отработочные повинности.[4] Как и парик, арендатор любой иной категории также обретал (через 30 лет) на арендуемую землю права прочного наследственного владения.[5] Источники X–XII вв. последовательно свидетельствуют о том, что и при аренде (как частной, так и государственной) земли, и при получении парического держания предполагалось, что в отличие от государственного налога (он взимался из расчета одна номисма с земли первого качества площадью в 24 модия) пакт (арендная плата) и хоропакт (взнос парика за держание) берутся по одинаковой, более высокой норме: одна номисма с 10 модиев. Упомянутый парик Иоанн Диаксин Феологит платил господину за 230 модиев 24 номисмы.[6] Арендные отношения, в которые вступил один из членов крестьянской семьи, не распространялись юридически на всех остальных членов семейного коллектива (если речь не шла о наследнике, обретавшем все права, но и бравшем на себя все обязательства предшествующего владельца). Хотя в налоговых описях частных имений иногда указывались и другие члены каждой парической семьи, само число париков в государственных описях поместья определялось чиновниками как число только париков-домохозяев, т. е. глав семейств. Право владеть семьями париков, в которых взрослые (и женатые) сыновья не отделились от родителей, предоставлялось лишь как привилегия.[7]

Для понимания существа дела *важнее*, однако, как мы в этом убеждены, не черты сходства парического держания с арендами других

---

[1] *Г. Г. Литаврин.* Византийское общество..., с. 275–277.
[2] *G. Weiss.* Die Entscheidung..., S. 487.
[3] *Г. Г. Литаврин.* Византийское общество..., с. 54.
[4] *А. П. Каждан.* Деревня..., с. 61, 87.
[5] Practica ex actis Eustathii Romai. Jus Graeco-Romanum. Ed. C. Zachariae a Lingenthal. Roma, 1895, p. 22, 24.
[6] *Г. Г. Литаврин.* Византийское общество..., с. 54.
[7] *Г. Г. Литаврин.* Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1974, с. 102–109; *Он же.* Византийское общество..., с. 29.

видов, а его *отличия*, специфика, *реальное* положение парика, как нашедшее отражение в официальном законодательстве, так и юридически оставшееся вне сферы действия официального права. Ниже мы коротко остановимся на этих особенностях, оговорившись, что отнюдь не исключаем того, что они формировались постепенно, что парическое право пережило несколько этапов своего развития. Но установить эти этапы и последовательность появления специфических черт парической аренды невозможно из-за недостатка источников.

Прежде всего — нет не только сохранившихся договоров париков с их господами, нет никаких и упоминаний на этот счет в источниках. Повторим еще раз: сохранилось лишь несколько арендных, но не парических договоров из Южной Италии, есть и официальные статьи действовавшего в Византии закона об аренде, есть и упоминания в источниках о соглашениях об аренде — «письменных и *неписьменных*» (курсив наш. — *Г. Л.*), как сказано в «Прохироне».[1] Нам представляется этот факт не случайным. Арендный договор официально регулировался государственными властями, как намекает на это и Косьма в своем Первом решении, противопоставляя аренде «парическое право». Соблюдение условий аренды обеими сторонами гарантировалось властью, лежало в сфере публичного права. Напротив, соглашение парика с господином оказывалось с самого начала в сфере частноправовых сделок. Государство в лице представлявшего его на местах чиновничества вмешивалось в отношения господ с париками лишь в той мере, в какой это касалось (в случае отсутствия у господ налоговой экскуссии) уплаты налогов в казну с парических хозяйств (стасей). Власти регулировали размеры димосия и иных платежей с париков в пользу фиска (это находило отражение в налоговых регистрах), но их совершенно не интересовали размеры хоропакта, т. е. парической платы господам за держания, и иные повинности в пользу своих господ (эти выплаты и обязательства не фиксировались в кадастрах). В конечном счете здесь все зависело от воли собственника земли, чаще всего самостоятельно совершавшего операцию поселения париков в своем владении, в особенности, когда речь шла о так называемых «неплатежных» (ἀτελεῖς), «не имеющих собственной земли» и не числящихся поэтому в налоговых описях казны. Хозяин в таких случаях давал таким парикам (согласным на любые условия, чтобы избавиться от нищеты) не только земельный участок, но и семена, и скот, и инвентарь, а возможно, и жилище. Чиновники лишь «задним числом» проявляли к таким парикам служебный интерес как к ставшим хозяйственно состоятельными (зевгаратами или воидатами), т. е. подлежащими налогообложению, если господин не получил на этот счет освобождения от императора.

Из Патмосской писцовой книги (1073 г.) и из выписки из налоговой описи по поводу экскуссии села Радолюбо в пользу его господина (1098 г.) с несомненностью следует, что хоропакт никакой своей частью

[1] Prochiron Legum. Publ. cura di F. Brandileoni e V. Puntoni. Roma, 1895, p. 80.

не входил в совокупную сумму налога парического села (ридзу), а следовательно, не подлежал и государственному регулированию.[1] Лишь в связи с уплатой париков синоны и капникона в казну или (вместо нее) пользующемуся налоговой экскуссией господину парик находился также в сфере публичноправовых отношений, но эти государственные подати составляли отнюдь *не главную*, а в *несколько раз меньшую часть совокупных взносов и повинностей парика*, связанных с его держанием.

В отличие от арендатора, обычно имевшего до заключения договора свой дом и двор, парик *непременно* поселялся на земле господина. От отношений с ним зависели сами условия его ежедневной жизни. Несмотря на право парика уйти от господина, случаи таких уходов в источниках фиксируются крайне редко: переселение было всегда связано с дополнительными материальными затратами. Чаще говорится в источниках о бегстве частновладельческих крестьян, отчаявшихся выбиться из нищеты.

Кроме того, согласно точному смыслу Первого решения магистра Косьмы, *парик до наступления срока в 30 лет* непрерывного владения (или в 40 лет на земле духовных учреждений) *мог быть прогнан* господином *в любой момент*, так как находился там только «по его воле и желанию».[2] *Положение же арендатора определялось договором;* даже нарушив соглашение и не уплачивая ничего хозяину земли, он имел право пользоваться арендованной землей в течение 2–5 лет.[3]

Плата арендатора была фиксирована в договоре. В отношении же парика все здесь зависело либо от обычая места, либо от моральных установок господина: полководец Григорий Бакуриани гордо заявлял в написанном им типике монастыря, который он основал, что не отягчал «сверх меры» своих париков при строительстве монастыря.[4] Напротив, известный историк Михаил Атталиат писал в типике для основанного им монастыря, что взносы от париков не должны оставаться неизменными — их нужно повышать, если повышалось благосостояние париков (господин подражал при этом официальным властям в их действиях по раскладке и взысканию налогов, а не контрагенту арендатора, связанному на этот счет условиями договора).[5]

Как было сказано выше, парик считался юридически свободным и полноправным гражданином империи. Однако с этой констатацией далеко не просто согласовать некоторые конкретные данные о повседневной жизни парика в реально окружавшей его действительности. Оказывается, господин парика мог менять не только размеры оплаты за держание, но и самые формы (виды) повинностей крестьян: Бакуриани, освободив одного из своих париков ото всех иных его обязанностей,

---

[1] *Г. Г. Литаврин.* Византийское общество..., с. 54–56, 89–91.
[2] *G. Weiss.* Die Entscheidung..., S. 480.
[3] Prochiron..., p. 83–84; Practica..., p. 42–43.
[4] *Г. Г. Литаврин.* Болгария..., с. 202.
[5] *Он же.* Византийское общество..., с. 89.

заставил его обслуживать построенный господином при монастыре странноприимный дом.[1] Такое по отношению к обычным арендаторам представляется нам немыслимым: никаким предварительным соглашением такие перемены не могли быть предусмотрены.

Вряд ли было допустимо также насильственное переселение своих арендаторов собственником земли при обычной аренде. А о переселениях *париков* упоминает уже магистр Косьма, замечая при этом, что на подобные факты обращал внимание сам император Василий II Болгаробойца.[2] О переселениях париков говорится и в типике монастыря Богородицы Космосотиры (середина XII в.) — перенос дома и подворий париков на новое место иногда затруднял парикам доставку урожая «к своим домам».[3] Отнюдь не случайно, по-видимому, господа при поселении на своей земле париков устанавливали срок их пребывания в поместье в 29 лет: чтобы не допустить приобретения париком (через 30 лет) в соответствии с законом права наследственного владения, чтобы сохранить возможность более свободного изменения условий парикии и, вероятно, для того, чтобы, перемещая парические стаси, превратить в культивируемые больше своих залежных земель.

Чувствующие свою силу и влияние крупные местные землевладельцы использовали порой париков как оружие захвата чужих земель: поселил париков на чужой земле, а затем объявил эту землю своей Панкратий Анема; расселил на казенной земле своих бесхозяйных париков и монастырь Богородицы Милостивой (затем он сумел получить эту землю в дар от императора); Лавра св. Афанасия поселила своих париков на земле общины Адрамери, была привлечена к суду, проиграла процесс, была вынуждена выкупить у общины землю, занятую париками, за 72 номисмы. Но любопытно, что сами эти парики (послушное орудие монастыря) не участвовали в процессе, не привлекались даже как свидетели, т. е. рассматривались как подневольные люди, выполняющие волю своего господина (Лавры).[4] Парики переходили из рук в руки как принадлежность поместья при дарениях, конфискациях, продажах земли: бывали случаи, когда в течение нескольких лет парики, оставаясь на одном месте и сохраняя свой статус, сменяли трех-четырех господ.[5]

Париков (вместе с землею) обменивали: архиепископ Болгарский Феофилакт Ифест выменял целую деревню государственных париков (с этого момента они стали париками церкви) на принадлежавшие архиепископии пастбища.[6] Иногда при обмене парика с его стасью приравнивали к какому-либо доходному объекту (к мельнице или саду).[7]

---

[1] *Г. Г. Литаврин.* Болгария..., с. 202.

[2] *G. Weiss.* Die Entscheidung..., S. 492. Вайс полагает, что фраза, в которой говорится о Василии II, темная (неясно, осуждал ли это император или сам поступал таким образом). В отличие от Вайса мы считаем однозначно: осуждал.

[3] *Г. Г. Литаврин.* Болгария..., с. 203.

[4] *Г. Г. Литаврин.* Византийское общество..., с. 94–95.

[5] Там же, с. 45.

[6] Там же, с. 47.

[7] *Г. Г. Литаврин.* Болгария..., с. 166–172.

Заслуживает особого внимания тот факт, что при отсутствии детей и внуков у парической четы ее имущество переходило к господину: ни один из других его родственников (даже брат) не мог унаследовать вымороченную парическую стась. Все это ставит под вопрос признанную как будто официально правоспособность парика (в отличие от статуса иных арендаторов) в составлении завещаний, в наследовании и в передаче имущества по наследству. Правда, ясные свидетельства на этот счет содержатся в относительно позднем акте — от 1331 г.[1] Но предполагать, что эта норма «парического права» существовала и раньше, позволяет акт от 1079 г., предписывающий впредь пополнять число освобожденных от казенных налогов париков Лавры «не иначе» как из их детей и внуков».[2]

Константин VII Багрянородный утверждал в своей новелле от 947 г., что эксплуатировать землю можно либо с помощью париков, либо посредством наемных работников.[3] Источники убеждают нас в том, что землевладельцы в Византии X–XII вв., хотя и не отказывались от найма сельскохозяйственных, сезонных и постоянных работников, предпочитали все-таки извлекать доходы из земли, передавая ее в держание именно парикам. Недаром в актах дарения земли императором неизменно (или как правило) идет речь одновременно и о париках, которые необходимы для обработки этой земли. Недаром в соборном определении 1073 г. строго предписывалось, чтобы церковные земли впредь не передавались никому, кроме «своих париков и клириков».[4] Точно такое предписание дает Бакуриани в своем типике монахам основанного им монастыря.[5]

Обладание *именно париками* гарантировало крупным земельным собственникам постоянные рабочие руки и более высокие доходы. Анализ Патмосской писцовой книги показывает, что парические стаи представляли собой главную ценность поместья: из 307 номисм ежегодного дохода от поместья эксплуатация 48 парических семей приносила не менее 270 номисм. Меньшая защищенность парика со стороны официального права открывала больше возможностей для более интенсивной их эксплуатации. Недаром столь ожесточенной была борьба внутри господствующего класса и между государством и династами в X–XI вв. за обладание париками. Недаром парикии страшились как несчастья и как унижения.

В заключение хотелось бы поставить вопрос перед исследователями, не видящими принципиального различия между арендой (чисто позиционной, экономической зависимостью) и парикией. Хотелось бы узнать, наконец, на основании каких зафиксированных источниками фактов они делают вывод, что отмеченные выше особенности в положении

---

[1] Archives de l'Athos: Actes de Docheiariou. Ed. N. Oikonomidès. Texte. P., 1984, № 11, p. 117–119.

[2] *Г. Г. Литаврин*. Византийское общество..., с. 83.

[3] Там же, с. 69.

[4] Там же, с. 83.

[5] Там же, с. 84.

парика (независимо от того, были или не были они юридически оформлены) были свойственны также и положению арендаторов каких-либо иных категорий. Приведенные нами выше свидетельства позволяют, по нашему мнению, утверждать, что правоспособность париков в реальной действительности была ограничена, что их зависимость была не только экономической, но и личной, как бы это ни противоречило официальному праву и как бы сама зависимость, сравнительно с западными серважем и крепостничеством, ни была слабой. Тот факт, что и в X–XII вв. и позднее сохранялся значительный слой свободных крестьян — мелких собственников, не мешает нашим заключениям о феодальном характере крупного (по имперским нормам) землевладения в Византии: парики составляли главную рабочую силу в поместьях знати, в императорских и ведомственных владениях с организованным земледельческим хозяйством.

Не мешает такому заключению и тот факт, что парики одновременно с держаниями могли иметь участки земли на правах полной частной собственности. Такими были, например, парики-ипостатики в имении, описанном в Патмосской книге. Однако сравнительно с земельными участками, находившимися в держании у этих париков, их личные (собственные) парцеллы были, по-видимому, ничтожны. Налоги с *этих парцелл* (у 48 семей) составляли всего 37 номисм.

Исследовавший практик 1301 г. Н. Зворонос пришел к выводу, что *собственные парцеллы* у париков — редкость, в рассмотренной им практике они составляли всего 2,4% сравнительно с площадью полученных от господина *держаний*, которые имелись *у этих же* париков.[1]

Суть дела не в термине (как обозначить парическую аренду: держанием феодально-зависимого крестьянина или попросту одним из видов аренды). Суть дела в том, чтобы не «утопить» институт парикии во множестве иных аграрных институтов империи. Суть дела, наконец, в том, чтобы, пересматривая результаты гигантского исследовательского труда наших предшественников, аграрников-византинистов, не принизить масштабы распространения парикии и не умалить ее место в социально-экономической структуре империи.

[1] *N. Svoronos.* Essais sur quelques formes de la vie rurale à Byzance: Petite et grande exploitation. — Annales. 11-e année. Juillet-septembre, 1956, № 3, p. 335.

Семейные отношения и семейное право в Византийской деревне XI в. (По данным практика 1073 г.)[1]

Данное исследование основано прежде всего на знаменитом Πρακτικὸν τῆς παραδόσεως 1073 г.[2] — детальной описи принадлежащего государству имения в эпископсисе (налоговом округе) Алопеки близ Милета, которое было передано протопроедру Андронику Дуке в соответствии с изданным на этот счет хрисовулом императора Михаила VII Дуки.[3] По сущности практик представляет собой выписку из государственного налогового кадастра, в которую, по распоряжению императора, внесены все перемены, которые произошли в имении со времени составления кадастра ко времени выдачи хрисовула Андронику.

Практик как тип официального документа был многократно и тщательно изучен многими учеными, в том числе Ангелики Лайу, которая сделала в своей книге о крестьянстве поздней Византийской империи немало ценных демографических наблюдений, касающихся положения париков.[4] Задача данной статьи — проверить и развить сделанные ею наблюдения, так как Лайу имела дело в основном с источниками XIII–XV вв. и лишь эпизодически в сравнительных целях привлекала документы XI в., включая практик 1073 г.

---

[1] Русский текст статьи публикуется впервые: она была издана 7 лет назад на английском (*G. G. Litavrin*. Family Relations and Family Law in the Byzantine Countryside of the Eleventh Century: An Analysis of the Praktikon of 1073. — Dumbarton Oaks, 1990, 44, p. 187–193).

[2] Βυζαντινὰ ἔγγραφα τῆς μονῆς Πάτμου, Β'. Δημοσίων λειτουργῶν, ed. M. Nystazopoulou-Pelekidou (Athen, 1980), p. 11–13.

[3] Βυζαντινὰ ἔγγραφα τῆς μονῆς Πάτμου. Α'. Αὐτοκρατορικά, ed. E. L. Vranuse (Athen, 1980), p. 4–5.

[4] *E. Angeliki*. Laiou-Thomadakis. Peasant Society in the Late Byzantine Empire: A Social and Demographic Stydy (Princeton, 1977).

Я намерен остановиться здесь главным образом на данных практика, касающихся структуры парической семьи, семейных отношений и семейного права в византийской деревне. Вопросы о праве парической собственности и об отношениях парика с фиском и господином земли я оставлю в стороне, так как эти аспекты исследования практика 1073 г. уже были рассмотрены в моей книге, опубликованной более 10-и лет назад.[1]

Отмечу прежде всего, что практик составлен в согласии с формуляром (или одним из формуляров), используемым ведомством геникона. Главной целью государственного служащего (анаграфевса или эпопта) было прежде всего защитить интересы фиска. Имея в виду эту цель, он следует при перечислении семей париков стандартной форме, основными пунктами которой были: 1. Имя главы семьи, т. е. хозяина крестьянского двора (стаси), ответственного за уплату налоговых взносов; 2. Имя его наследника, который возьмет на себя обязательства перед фиском после смерти хозяина; 3. Другие члены семьи, перечисленные в порядке их важности, если того требовали особые семейные обстоятельства; 4. Статус главы хозяйства в отношении к его собственности и к фиску, как и число и виды принадлежащего ему скота (кони, ослы, быки, коровы, свиньи); 5. Размер налогов в денежном выражении, установленных для стаси.

Чиновник комбинировал, однако, формальные и законные принципы документации с фиксацией реального положения дел: иногда он отступал от стандартной модели, когда его принуждали к этому особенности описываемой им семьи.[2] Ценность государственного кадастра (как и выписки из него) для историка не ограничивается содержащимися в нем сведениями о налогах. Кадастр, как и практик, фиксируют не только права фиска, но также и права самих париков на их собственность и их наследство; он регулирует отношения внутри их семей и защищает, среди прочего, права вдов, детей и внуков главы семейства от притязаний боковых и дальних родственников.

Практик 1073 г. содержит перечень семей париков восьми деревень, называемых обычно проастиями: 13 хозяйств в икопроастии Варис,[3] 10 — в проастии Плинф, 7 — в проастии Гамматы, 5 — в проастии Вервулидий и 13 — в проастии Галаиды. В трех деревнях, принадлежавших имению, хозяйств было, как кажется, весьма мало: 2 семьи в проастии Меланудий, одна семья в проастии Мандракл и одна где-то поблизости (строка 276 практика). Проастий (обозначаемый также как хорион) Прини назван «необитаемым» (строка 278). Всего перечислен-

[1] *Г. Г. Литаврин.* Византийское общество и государство в X–XI вв. Проблемы истории одного столетия: 976–1081. М., 1977, с. 53–66, 217–220 сл.

[2] В данной статье я не привожу всю свою аргументацию, которую готов использовать при сравнительном анализе: она заняла бы слишком много места.

[3] В действительности — 14 семей: судя по сумме налога всей деревни, одна семья актимона пропущена копиистом при составлении выписки из кадастра.

ное и описи 51 хозяйство включает 114 персон, из которых мужских 63 и женских 51. 28-ю хозяйствами владеют супружеские пары, каждая с полными правами на свою стась, в одном из хозяйств живут две супружеские пары, одна из которых (младшая) подчинена главе семейства. Из 23-х остальных хозяйств 12 принадлежат вдовам (еще одна вдова упомянута как живущая в семье своей свекрови), пять — вдовцам, два — бобылям, три — молодым неженатым мужчинам и одно — незамужней женщине. Другими словами, 45% хозяйств принадлежат неполным семьям. В 15 дворах не названы дети. Что же касается вдовьих хозяйств, то только в одном из них не упомянуты дети.

Некоторые принципы, которым следовал при составлении описи чиновник, отнюдь не очевидны с первого взгляда. В 28 случаях имя главы хозяйства сопровождается замечанием, что он или она является вдовой (вдовцом) такой-то персоны, сыном или дочерью такого-то, а нередка — и братом или зятем такого-то (такой-то). Приводятся при этом и имена этих членов семьи или их родственников, живущих вне семьи. Единственное объяснение приведения чиновником при описании ряда семей дополнительной информации о них я вижу в том, что смена главы хозяйства имела место сравнительно недавно, во время последней налоговой ревизии: дополнительные сведения имели целью засвидетельствовать, от кого стась была унаследована, или от какой стаси (как «материнской») она отделилась в самостоятельное хозяйство.[1] Одновременно эти указания были призваны легализовать права нового хозяина стаси. Так, из 28 новых глав хозяйств 9 унаследовали стаси от своих отцов, 7 — от супругов, 7 — от вдов (т. е. от своих матерей) и 5 стасей возникли в результате семейных разделов.

С другой стороны, столько же глав хозяйств (23) остались теми же, какими они значились в предшествующем копируемому кадастре. Другими словами, указание на факт наследования (или происхождения) стаси вносилось в кадастр только однажды — после смены главы хозяйства: при следующей ревизии заметка о том, от кого унаследовал стась ее тот же реальный хозяин, опускалась.

Если это наблюдение верно, мы располагаем возможностью определить относительные возрастные различия среди глав хозяйств. Разумеется, следует учитывать при этом и другие данные кадастра относительно возраста перечисленных в нем членов семей: упоминание о женатых сыновьях, о внуках главы семьи, о замужних внучках и т. п. Но подобные сведения редки, и если они отсутствуют, упомянутое выше указание на недавнюю смену хозяина стаси остается в сущности единственным свидетельством для установления примерного возраста главы семейства.

Фискальные кадастры подвергались ревизии в Византийской империи обычно каждые 15 лет (они составляли так называемый индикционный цикл при летосчислении). Следовательно, глава семьи (и стаси), в которой не произошло перед новой ревизией смены хозяина, уже

[1] Ср.: *A. Laiou.* Peasant Society, p. 78.

не мог быть во время ее проведения моложе 30–35 лет. Мы можем допустить, что самый последний кадастр, на основе которого был составлен практик передачи имения Андронику Дуке, был составлен в ходе ревизии 1072 г., а предшествующий ему — в 1057 г. Получивший в свое владение стась в 1057 г. достиг по крайней мере 15-и лет, или так называемого «второго возраста зрелости» («первого возраста зрелости» — с признанием по закону полной правоспособности — достигали в 25 лет). Таким образом, когда опись не дает оснований заключать о недавней смене хозяина стаси, мы можем считать его представителем старшего поколения. К сожалению, это заключение не имеет обратной логической силы: мы не можем судить о возрасте наследника даже при упоминании его предшественника, так как неизвестен важнейший фактор — возраст прежнего хозяина стаси в момент его смерти (его наследник мог быть и ребенком, и зрелым мужчиной). Я предполагаю, что в 40% случаев главы хозяйств нашего практика были относительно молодыми людьми (примерно 30–35 лет).

В этой связи я хотел бы подчеркнуть одну деталь, отраженную в практике и характерную для организации службы налогового ведомства (геникона): его чиновники располагали информацией не только об имени того крестьянина, который был ответственен как хозяин стаси за уплату налога в течение 15-летнего законного срока действия последнего кадастра, но и имя его наследника, который, вполне вероятно, будет нести фискальные тяготы по новому кадастру (составленному на следующие 15 лет). Я готов допустить, что именно эта детальная информация, хранящаяся в гениконе, позволяла чиновникам фиска контролировать применение нормы права, в соответствии с которой хозяин стаси (или его наследник), покинувший разорившееся хозяйство, мог вернуться и вновь, в полном соответствии с законом, вступить во владение своей стасью в ходе ближайших 30 лет.[1]

Число наследников определяется в практике по-разному — наследников могло быть и один, и два, и более; по-разному говорится и о мужских и женских наследниках стаси. Очевидно, что преимущества в каждой семье признаются за лицами мужского пола: как правило, их имена в перечне предшествуют женским. Очевидно также, что порядок наследования основывается преимущественно на принципе нисходящего родства: от деда — к отцу, от него — к сыну и, наконец, к внуку. Практик не приводит ни одного случая, когда бы стась была завещана дяде, брату или племяннику, т. е. боковым родственникам. Их исключение из наследования участка парика (и крестьянина вообще) было, кажется, нормой не только в XIII и XIV вв., но и во время составления исследуемого практика.[2] Право наделения главой хозяй-

[1] *Г. Г. Литаврин.* Византийское общество, с. 206 сл.; см. также: *N. Oikonomides.* Das Verfalland im 10–11. Jahrhundert: Verkauf und Besteuerung. — Fontes Minores, 7 (1986), p. 161–168.

[2] Cf.: *A. Laiou.* Peasant Society, p. 78, 88.

ства братьев или сестер прямого наследника частью имущества осуществлялось обычно через передачу собственности путем ее раздела или выделения приданого.

Я убежден, что в семье парика проживали нередко и боковые родственники (дядья, тетки, племянники хозяина), как и взрослые братья и сестры наследника. Они просто не регистрировались в налоговой описи, ибо преимущественные права наследования стаси принадлежали не им, и они еще не владели каким-либо отдельным принадлежащим им хозяйством.

Если в семье имелась старшая пара, то муж всегда рассматривался как глава хозяйства. Не во всех случаях, однако, его сын (даже взрослый) становился его первым наследником. Принцип наследования по нисходящей мужской линии не исключал приоритетных прав вдовы (и матери). После смерти супруга именно она становилась хозяйкой стаси. И в кадастре именно ее имя указывалось вслед за именем мужа (еще при его жизни). Если имя супруги не указано в перечне членов семьи, то этот факт свидетельствует о том, что хозяин стаси жены не имеет. Согласно практику 1073 г., 5 вдов уже были главами стасей ко времени предпоследней описи, 7 овдовевших хозяек умерли в период между последней и предшествующей ей описью и 7 вдов, похоронив своих мужей, стали главами стасей ко времени последней описи. Иначе говоря, число вдов не изменилось между двумя описями (12 в качестве хозяек действовали в начале периода и 12 же — в его конце в той же роли). Причем все они сохраняли их статус глав хозяйств, даже проживая вместе со своими женатыми сыновьями или замужними дочерьми.

Что касается вдовцов, то их можно отличить от бобылей (мужчин-одиночек) только тогда, когда в практике упомянуты их дети или внуки или если в тексте идет речь о священнике, супруга которого не названа. Мы можем, однако, принять, что некоторые вдовцы остались бездетными, а иные из них выдали своих дочерей замуж или отделили взрослых сыновей, отдав им часть своего хозяйства. Я уверен, что среди крестьян, внесенных в практик 1073 г., 5 хозяйств принадлежали безусловно вдовцам (они жили вместе со своими детьми и/или внуками). Два крестьянина одиноки, но не молоды: они бездетны (по крайней мере, судя по практику), но владеют своими стасями уже давно. Три хозяина стасей — молодые неженатые парики, которые стали главами хозяйств недавно. Итак, мы можем констатировать типичный для той эпохи феномен: среди глав хозяйств в два с половиной раза больше вдов, чем вдовцов. Допустимо предположение, что мужчина умирал естественной смертью или погибал раньше жены (женщины); не исключено, впрочем, что вдовцы вступали чаще во второй брак, чем вдовы, и что они женились вторично чаще всего отнюдь не на вдовах. Практик 1073 г. свидетельствует о том, что бóльшая часть «вдовьих» участков (как остающихся в руках вдов, так и унаследованных детьми) являлась по имущественному статусу беднейшими (актимонскими). Не случайно, видимо, двое из трех молодых хозяев-одиночек унаследовали

свои участки (характеризуемые как актимонские) от своих матерей-вдов. Бедность стаси представляла для бобыля (как и для его матери-вдовы) определенное препятствие для основания полноценной семьи. Это обстоятельство проливает некоторый свет на «географию» «вдовьих участков». Богатейшей деревней по нашему практику были Галаиды: из 12 хозяйств деревни 9 были вполне благополучными (зевгаратными) и только 3 — актимонскими. В этой деревне не было ни одной стаси, принадлежавшей вдове. Некоторое время назад здесь имелись две вдовы, но обе умерли до последней ревизии и обе оставили после себя актимонские стаси. Неудивительно поэтому, что наследовавшие им сыновья остаются неженатыми: они не осмеливаются заводить семьи. И напротив: одна из беднейших деревень (Гамматы) состоит почти целиком из вдовьих дворов (5 из 7). Они представляют, однако, довольно широкую имущественную шкалу: два двора по статусу зевгаратные, один воидатный (т. е. владеет только одним пахотным быком) и два актимонские; еще одно актимонское хозяйство недавно принадлежало вдове (лишь одним, четвертым, актимонским хозяйством изначально владел мужчина).

Как было выше упомянуто, жена хозяина стаси была его первой наследницей. Чиновники фиска были обязаны, однако, указывать, помимо имен старшей пары, их ближайшего главного наследника. Обычно это был старший сын. Впрочем, открытым для дискуссии остается вопрос о том, регистрировались ли при этом младшие сыновья, включая младенцев.[1] Задача служителя фиска состояла в обеспечении непрерывного функционирования стаси как налогового тягла. Эта задача не могла быть достигнута, если наследником стаси становился мальчик или младенец, не способный возделывать землю. С другой стороны, он по закону не мог быть лишен права на хозяйство своих родителей или дедов. Мой анализ практика 1073 г. ведет к выводу, что — независимо от возраста сыновей парика — только один из них непременно указывался в описи как главный наследник его родителей. Если это был мальчик, еще не способный работать на земле, в кадастре обязательно указывалось имя еще одного члена семьи, которое ставилось непосредственно за именем главного малолетнего наследника. Именно такой случай упомянут при описи хозяйств деревни Гамматы: в семье вдовы Стратего, кроме сына Георгия, непосредственно следом названа и дочь Анна (строка 157) — несомненно, по моему мнению, потому что Анна была старшей и несла главные заботы по хозяйству.

Рассмотрим теперь случаи с упоминанием в описи семей, имеющих несколько сыновей. Можем ли мы допустить, что при этом все из них вошли в перечень членов семьи? Практик 1073 г. содержит три случая указания имен двух сыновей (безусловно, начиная со старшего), а именно: Лев и Василий, сыновья Иоанна Скрина, в деревне Вервулидий (строка 163), Лев и Иоанн, сыновья Георгия Сидеры (строка 170), и Лев

[1] *A. Laiou.* Peasant Society, p. 268–269, 293–295.

и Георгий, сыновья Маврогеоргия, в деревне Галаиды. Можно ли в связи с этим заключить, что, во-первых, только в 21 семье из 51/52 общего числа семей практика[1] имелись сыновья, живущие вместе с родителями; во-вторых, что только в трех семьях имелись двое сыновей-братьев; в-третьих, наконец, что не было по практику 1073 г. ни одной парической пары, которая имела бы по крайней мере троих сыновей. Нет сомнений в том, что должны были существовать семьи, из которых выделились взрослые сыновья, оставив родной очаг и основав собственные хозяйства. Тем не менее я предполагаю, что опись не регистрирует всех сыновей хозяина стаси. Мы должны принять во внимание тот факт, что во всех случаях, когда приведены имена двух сыновей, мы не наблюдаем смены главы хозяйства, хотя главы стасей не молоды и, соответственно, их сыновья, видимо, не мальчики и способны к труду. В этом и состоит причина, почему их имена зарегистрированы в кадастре, скорее всего — в порядке старшинства (как потенциальных наследников). Малолетних отпрысков в таких случаях не включали в перечень, так как по крайней мере одного-двоих трудоспособных из их братьев семья уже имела.

Теперь мы должны кратко рассмотреть ситуацию с женами взрослых сыновей, которые живут вместе с родителями или с одним из них. В практике нет ни одного упоминания о невестках — женах живущих в семье взрослых сыновей. Однако было бы ошибкой заключать, что все женатые сыновья покинули отеческий кров. Исключительный случай содержится в описи деревни Гамматы: Кали, вдова, живет вместе с ее невесткой Анной и внуком Иоанном (строка 168). Самое вероятное — ее муж, сын Кали, умер. Заслуживает в связи с этим особого внимания тот факт, что имя Анны предшествует имени ее сына Иоанна, что предполагает признание за ней преимущественного права на наследство.[2] Подобного рода необычную семейно-правовую ситуацию можно, по-видимому, объяснить стечением нескольких факторов: внук свекрови мальчик или младенец, вдовье хозяйство достаточно состоятельно (оно зевгаратное), а невестка является главным работником в семье, обеспечивающим способность стаси платить налоги. Поэтому не малолетний внук, а невестка хозяйки стаси (жена ее умершего сына) обрела права потенциальной наследницы хозяйства. Как мать мальчика, который был также наследником стаси бабушки (и своего умершего отца), она не составляла угрозы для положения сына: даже в случае нового брака и появления других детей его первородство и права собственности на стась не могли быть поставлены под сомнение.

Я убежден в том, что в семье, в которой женатый сын жил вместе с родителями или одним из них, другие родственники (жена сына — невестка старшей пары, как и их внуки — дети младшей пары) как

---

[1] См. о пропущенной писцом по недосмотру семье в прим. 3 на с. 84.

[2] Ср. наблюдения А. Лайу над кадастрами XIII–XIV вв., где имена невесток приводятся всегда после имен их сыновей (*A. Laiou*. Peasant Society, p. 106).

лица, подчиненные хозяину стаси и ее главному наследнику, не вносились в кадастровый перечень. С фискальной точки зрения, было вполне достаточно, помимо имени хозяина стаси, назвать имена его жены и главного наследника (сына). Имена супруги сына и их главного наследника появятся в кадастрах только тогда, когда сын после смерти обоих родителей станет независимым в семье хозяином стаси.

Позволяет практик 1073 г. судить и о правовом положении в семье других ее членов. Я полагаю, что имя даже старшей дочери (или дочерей) главы стаси вносилось в кадастр только в трех случаях: когда она была единственной наследницей, когда ее брат (который всегда обладал преимущественным правом наследования независимо от возраста) был малолетним и, наконец, когда она выходила замуж и ее супруг переходил жить в дом своего тестя. В таких семьях после смерти главы хозяйства (и его жены — тещи) законное право дочери на обладание наследством переносилось на зятя, ее мужа, который в новой ситуации становился главой семьи. Имя зятя, проживающего в семье жены, в отличие от невестки, обязательно вносилось в кадастр, так как, во-первых, было необходимо внести в опись имя будущего главы хозяйства (ответственного за уплату налогов), во-вторых, следовало обеспечить защиту прав его жены, дочери бывшего хозяина и матери его внуков, которые вместе с нею являлись законными наследниками стаси. В случае смерти матери и вторичной женитьбы отца (бывшего зятя) угроза правам детей от первого брака была более значительной, чем в случае нового замужества бывшей невестки (шансы обремененной детьми вдовы на новый брак были в целом всегда меньшими, чем у бывшего зятя, даже имеющего детей). Видимо, в силу всего этого правовой статус зятя-примака в семье жены обозначался в кадастрах с самого начала, т. е. при первой же ревизии. При этом его имя ставилось в самом конце перечня членов семьи.

В практике 1073 г. зарегистрированы имена четырех зятей. Один случай — особый: Константин, зять Георгия Фатириса (строка 168), имел самостоятельное хозяйство, и родственные связи между двумя мужчинами отражены в практике скорее всего только потому, что тесть, выдавая дочь замуж, помог молодым основать собственную стась посредством приданого. Чиновник фиска, внося в кадастр запись о том, что «Константин является зятем Георгия Фатириса», хозяина новой стаси, тем самым свидетельствовал о правовой форме ее происхождения (через материальную поддержку тестя). В трех других случаях зятья — примаки: двое были женаты на дочерях (строки 144 и 258) и один — на внучке главы хозяйства (строка 276). В последнем случае опись имущества семьи не сделана — практик только характеризует хозяина стаси Георгия Анемотриха как парика-проскафимена (обычно, хотя и не исключительно, этот термин обозначает недавнего поселенца-держателя чужой земли). Кроме этой семьи «проскафимена», другие три семьи с зятьями-примаками состоятельны (они зевгаратные). По моему мнению, в практике названы все зятья-примаки в деревнях имения. В таком случае можно было бы заключить, что у со-

ительных крестьянских семей имелось больше возможностей при выдаче дочерей замуж обретать и новые рабочие руки в лице зятьев-примаков.

Позволю теперь себе вернуться к статусу дочери в семье. Как было упомянуто выше, имена дочерей вносились в кадастре в список членов семьи только в особых случаях. Помимо упоминания о двух замужних дочерях, в практике названы имена еще только шести дочерей, тогда как в нем зафиксированы имена более 20-и сыновей. Эта совершенно неестественная диспропорция (8 : 21) соотношения полов не может найти объяснения ни в повышенной смертности девочек (уход за младенцами-мальчиками был лучше), ни в так называемом факторе «sex ratio»: в ареале Фессалоники в XIV в. sex ratio составлял примерно 115 (мальчики) к 108 (девочки).[1] Другими словами, число женщин, внесенных в опись семей практика 1073 г., занижено прежде всего за счет умолчания о дочерях, как незамужних, проживавших в семье родителей, так и замужних, переходивших жить в семьи мужей. По моему мнению, около половины имен женского населения имения опущены из описи семей практика 1073 г.

Внуки и внучки также упоминаются в кадастре весьма редко — в нашем документе всего два раза. Этот факт объясняется, несомненно, особенностями имущественно-правовых отношений в крестьянской семье. Примечательно, что оба представителя третьего поколения названы в практике в связи с особыми обстоятельствами. В описи деревни Гимматы уже упоминавшийся внук Иоанн назван после имен его женских родичей: главы стаси, бабушки Кали, и ее невестки (матери Иоанна) Анны (строка 158). Нет сомнений в том, что бывший глава стаси Фотин, муж Кали, и их сын, муж Анны, уже умерли, и Иоанн стал законным наследником стаси (почему имя его матери названо ранее имени сына, мы уже объяснили выше). В другом случае приведено имя внучки Анны вместе с именем ее мужа Иоанна (строка 276), ибо Иоанн — примак, живущий в семье родителей жены и потенциальный глава хозяйства — тем более вероятный, что и отец Анны Михаил, и ее дед Георгий Анемотрих — отнюдь не молодые вдовцы (их жены, бабушка и мать Анны, не упомянуты в описи). Во всяком случае положение зятя-примака находилось в прямой зависимости от положения его жены и детей, законных наследников хозяйства.

Подводя итоги анализа структуры парических семей по практику 1073 г. и семейного права (как оно отразилось в этом документе), я хотел бы подчеркнуть еще раз, что в практике опущены имена значительного числа членов семей — как кровных родственников, так и связанных свойством с главами семейств. Они не названы либо потому, что были исключены из права наследования, либо во время составления описи было преждевременно говорить об их отношении к праву наследования (они были, например, еще малолетними детьми или же еще были живы члены семьи, имевшие перед ними преимущественные

[1] *A. Laiou*. Peasant Society, p. 269, 295.

права). Кадастр не учитывает всех боковых родственников (мужских и женских), но в него не внесены также: сестры взрослых братьев и сестры старшей наследницы, дети младшей, подчиненной старшей паре, внуки главы семейства (исключая особые случаи), жены сыновей, живущих в доме родителей или дедов, и т. д. Умолчание о многих представителях женской половины семьи стало почти официально признанным обычаем, практиковавшимся несравненно чаще, чем в отношении мужских членов семейства. Поэтому я считаю, что, во-первых, реальное соотношение мужского и женского населения имения составляло не 55,2 к 44,8 (как это следует из формального подсчета цифр практика), а гораздо более близким к обычному соотношению полов (т. е. с превышением женского населения над мужским на 1–2%), и, во-вторых, что реальное число париков имения было по крайней мере вдвое больше, чем это следует из цифр практика, — не 114, а 220–250 (включая женщин). Замечу в связи с этим, что средняя численность парической семьи, устанавливаемая А. Лайу равной для XIII–XIV вв. четырем членам,[1] в свете нашего анализа скорее занижена, чем завышена.

В заключение я хотел бы остановиться на двух вопросах: о характере разделов имущества в парических семьях и о некоторых данных, позволяющих предполагать сохранение элементов деревенской общины в имении, передававшемся Андронику Дуке.

По моему мнению, в практике зафиксированы 4 бесспорных случая семейных разделов и один вполне вероятный. Первый имел место в деревне Олинф: Георгий, сын Иоанна Сапоны («мыловара»), вероятно — старший сын, выделился из семьи скорее всего при жизни отца в связи с женитьбой (он имел жену и дочь). Затем стась его отца была унаследована его матерью-вдовой Марией, которая жила со своим (младшим?) сыном Михаилом. Обе стаси (родительская и отделившегося Георгия) состоятельны: у каждой есть по зевгарию. Мы можем, следовательно, допустить, что покойный Иоанн Сапона владел двумя зевгариями быков. Хотя статус обеих стасей теперь зевгаратный, отеческая, кажется, осталась более богатой (с нее уплачивались 3 номисмы, 3 милиарисия и 10 фоллов, тогда как взносы Георгия исчислялись одной номисмой с половиной).

Второй случай имел место в той же деревне Олинф. В описи 4 раза упоминаются «орофилаки» («стражи пограничной межи»): покойный Василий орофилак; Кириак орофилак, который имел жену и сына Георгия; Иоанн, сын Василия, который владел после (недавней) смерти отца отеческой стасью и жил вместе с сыном, носившим имя Кириак; наконец, некий Георгий, сын орофилака (строки 151–152). Кто являлся орофилаком, названным последним без указания имени? Конечно, не Кириак, сын которого Георгий назван особо (маловероятно, чтобы два сына одного отца носили одинаковое имя Георгий). Трудно допустить далее, чтобы в малом проастии имелся еще один «орофи-

[1] *A. Laiou.* Peasant Society, p. 7, 40 f.

ник», помимо Василия, независимо от того, интерпретируем ли мы этот термин как обозначение должности или как прозвище. Трудно допустить также, что чиновник фиска, стремившийся к предельной ясности и точности в налоговом документе (слова «Георгий, сын орофилака» должны были указать на появление нового тягла и недвусмысленно обозначить — благодаря кому и на каком основании оно возникло), имел в виду непонятно какую персону и определил ее столь запутанным образом. Поэтому я считаю, что и Иоанн, и Георгий (последний из упомянутых) были сыновьями покойного орофилака Василия и что Георгий отделился от семьи еще при жизни отца. Иоанн был вдовцом (его сын Кириак жил вместе с ним), унаследовавшим отеческую стась, тогда как Георгий — одиночка (он был либо бездетным вдовцом, либо бобылем). Что касается отеческой стаси, теперь принадлежащей Иоанну, то в практике сказано, что «она была воидатной», а теперь стала, как можно судить по сумме платежей, актимонской, т. е. ее имущественный статус снизился. Статус отдельной стаси Георгия также актимонский. Вполне правдоподобно поэтому заключение, что семейный раздел и в данном случае привел к ухудшению имущественного положения крестьян.

Третий случай семейного раздела уже был в сущности описан: Георгий Фатирис выдал дочь Ирину за некоего Константина (строка 168) и снабдил своего зятя средствами для основания новой стаси. Хотя обе стаси предстают как состоятельные, отеческая осталась все-таки богаче (ее налог составляет 3 номисмы, а Константин платит 2,5). И здесь раздел также ослабил, по-видимому, стась отца Ирины Фатириса.

Четвертый случай мы наблюдаем в деревне Галаиды: Лев, брат Георгия Сидеры («кузнеца»), женился и скорее всего в связи с этим отделился от брата, который продолжал жить с двумя сыновьями. Вряд ли и в этом случае раздел прошел безболезненно для имущественного положения отеческой стаси.

Пятый случай проблематичен. Мое предположение о разделе основано только на анализе имен париков. В проастии Вервулидий имелись две стаси: некоего Иоанна Цаминиса, женатого на Анне, и некоей вдовы Анны Цаминены, совершенно самостоятельной. Иоанн имел статус воидата, а Анна владела зевгарием. Анна лишилась своего супруга давно, и Иоанн был также немолодым хозяином. Вопрос состоит в установлении родственных отношений между Иоанном и Анной Цаминеной. Кто был покойным Цаминисом — отец Иоанна, его брат, дядя или племянник? Если эти догадки вероятны, то Анна могла быть матерью Иоанна, его невесткой или теткой. Скудные данные практика не позволяют решить этот вопрос. Если два первых предположения верны, то можно заключить о имевшем месте много лет назад семейном разделе, повлекшем за собой, как это было обычным в подобных случаях, материальное ослабление «маточной» паричесной стаси и в слабую материальную обеспеченность выделившейся.

Это заключение согласуется с тем фактом, что наиболее состоятельные семьи по практику 1073 г. были в то же время и наиболее многочисленными, обладающими большим числом рабочих рук. Этот вывод сохраняет силу и относительно зевгаратных стасей вдов. Принятие зятя в свой дом в данном случае отражало понятное желание избежать семейного раздела. Богатый двор привлекал к себе и новые рабочие руки.[1]

Наконец, последний вопрос — о том, какие следы общинных порядков мы готовы усмотреть (на основе практика 1073 г.) в деревнях, передаваемого Андронику Дуке имения. Вопреки моему прежнему мнению (я ставил под вопрос наличие в практике 1073 г. каких-либо определенных данных о сельской общине),[2] я склонен теперь отвечать положительно на данный вопрос. Свидетельство о сохранении этого широко дебатировавшегося в науке института я усматриваю в должности по названию «орофилак», которую сначала исполнял воидат Василий, замененный в 1073 г. Кириаком. По-видимому, Кириак был избран на должность орофилака после смерти Василия. Эта должность засвидетельствована уже египетскими папирусами под названием «сторож границы/межи» («Grenzwächter» по Ф. Прайзигке).[3] В силу скудости источников интерпретация термина затруднительна. Я предполагаю, что «страж границы», избранный на собрании общины, должен был охранять не границы всего имения (принадлежавшего прежде фиску, а с 1073 г. ставшего собственностью Андроника Дуки), не пограничные межи между участками крестьян, предоставленными парикам в пользование их господином (решение споров было здесь функцией лица, управляющего имением господина, а не самих париков), а неприкосновенность границ парцелл и пастбищ, находившихся в полной собственности у париков (по крайней мере — у зевгаратов и воидатов), как и «ипостатиков».

Если наша интерпретация термина «орофилак» верна, она служит подтверждением развитого мною в книге «Византийское общество и государство в X–XI вв.» тезиса о том, что парики обрабатывали землю на двух в корне отличавшихся условиях: за полученные от господина в держание участки они платили хоропакт господину (включавший и налог в пользу фиска), а за парцеллы, принадлежавшие им на правах собственности, они вносили поземельный налог в казну.

[1] *A. Laiou.* Peasant Society, p. 87.

[2] *Г. Г. Литаврин.* Византийское общество, с. 65.

[3] *F. Preisigke.* Wörterbuch der griechischen Papyrusurkunden, II (Berlin, 1927), 202.

Относительные размеры и состав имущества провинциальной византийской аристократии во второй половине XI в. (По материалам завещаний)

Тот факт, что историк, изучающий проблемы формирования и развития феодальной собственности в Византии, вынужден основываться на актовом материале, относящемся преимущественно к монастырскому землевладению, общеизвестен. Эта особенность сохранившегося фонда источников, как правило, учитывается исследователями, когда они ставят вопрос о сравнительных масштабах монастырского и светского землевладения в империи. Тем не менее едва ли может быть подвергнут серьезному сомнению вывод, что к концу XI столетия наиболее крупные вотчины принадлежали именно монастырям, а не светским магнатам.[1] Однако в последнее время высказаны вполне законные опасения, не страдают ли наши представления о размерах монастырских вотчин (по крайней мере для XI–XII вв.) некоторым преувеличением.[2] Безусловно, монастырское землевладение было в Византии того времени крупным, но крупным только для Византии. Оно не может идти ни в какое сравнение с современным ему монастырским

[1] Столь крупные владения частных лиц, как имения паракимомена Василия Нофа или Евстафия Малеина, в конце X в. были скорее исключением (см. Leonis Diaconi Caloensis historiae libri decem. Bonnae, 1842, p. 164, 176; *Georgius Cedrenus*. Ioannis Scylitzae Compendium historiarum. Bonnae, 1838–1839, p. 414.18–415.9, 448.10–16).

[2] См. *P. Lemerle*. Un aspect du rôle des monastères à Byzance: les monastères donnés à des laics, les charisticaires. — Académie des inscriptions et des belles lettres. Janvier-mars 1967, p. 9–28; *А. П. Каждан*. Византийский монастырь XI–XII вв. как социальная группа. — ВВ, 31, 1971, с. 48–70.

землевладением в странах Западной Европы, где владения крупнейших аббатств (таких, как Суассонское, Сен-Жерменское или Фульдское) представляли собой настоящие государства в государстве.

Однако не о монастырской собственности далее пойдет речь. Гораздо интереснее выяснить вопрос о средних масштабах земельных владений представителей светской аристократии, а еще важнее, на наш взгляд, попытаться определить (хотя бы примерно) значение недвижимой собственности в общей сумме богатств провинциального магната. Насколько нам известно, указанный вопрос в такой форме еще не ставился в историографии. И не удивительно: от XI–XII вв. (не говоря уже о более раннем времени) не сохранилось ни одной полной описи земельных владений какого-либо крупного светского собственника.

Но проблема тем не менее требует решения — по нашему глубокому убеждению, без каких-либо определенных представлений на этот счет весьма трудно в настоящее время продолжать исследование аграрных отношений в Византии XI–XII вв. Положение с источниками к тому же не кажется совершенно безнадежным. От XI в. мы располагаем, по крайней мере, тремя завещаниями представителей светской провинциальной аристократии. Эти документы, в силу присущей только им специфики, и позволяют искать ответа на поставленный выше вопрос: в них дан подробный перечень либо всего, либо основного имущества собственника, как движимого, так и недвижимого.

Мы имеем в виду завещания Евстафия Воилы, Симватия (Смбата) Бакуриана и Кали (Марии) Бакурианы.

Считаем необходимым сразу же сделать оговорку, что каждый из этих трех документов имеет какие-либо изъяны: первый плохо сохранился, второй слишком суммарен и краток, в третьем ни слова не сказано о центральной усадьбе собственника и т. п. Общим для всех трех завещаний недостатком к тому же является то, что они составлены магнатами, которые не представляли, строго говоря, потомственную византийскую аристократию провинций. Евстафий Воила, хотя и грек,[1] но переселенец из Каппадокии в грузино-армянские земли на востоке империи, причем переселенец недавний, не имевший на новом месте родовых владений. Смбат Бакуриан — представитель огречившегося грузино-армянского рода, члены которого попали на службу к Византии не ранее середины XI столетия. Его имущество приобретено в империи лишь в течение его жизни и, видимо, жизни его отца. Правда, его жена принадлежала к знатному потомственному роду, но ее вклад в общее имущество супругов точно известен.

Прежде чем перейти к анализу самих документов, остановимся кратко на характеристике их авторов, на определении места их жительства и на вопросах датировки.

---

[1] Основываясь на его имени (Воила) и на имени его рабыни Марицы, некоторые ученые считают Воилу болгарином или огречившимся славянином (см.: *Gy. Moravcsik.* Byzantinoturcica, II. Berlin, 1958, S. 94; *Sp. Vryonis.* The Will of a Provincial Magnate, Eustathius Boilas. — DOP, 11, 1, 1957, p. 275; ср.: «Извори за българската история», XI. София, 1965, с. 88, бел. 1).

О личности Воилы и месте расположения его владений, как и о поправках к изданному тексту,[1] спорили уже немало.[2] Он носил титул протоспафария при Хрисотриклине (тронном зале дворца) и ипата. Мы не знаем, однако, где он нес свою службу: при дворе или далеко от столицы.[3] Титул протоспафария (но не при Хрисотриклине) давали преимущественно военным. Во всяком случае, Воила, кажется, редко бывал в Константинополе: он пишет, что служил под начальством дуки (Иверии?) Михаила 15 лет и провел много времени в разных разъездах. В упомянутых выше спорах речь шла более о дуке Михаиле и его сыне Василии, чем о самом Воиле, и мы не будем задерживаться на этом вопросе, в котором считаем более правым Р. М. Бартикяна (он доказывает, что Михаил и Василий не имели отношения к известному роду Апокапов).[4] Нам важно отметить, что зависимость Воилы от этих лиц была не просто служебной. Первым с серьезными на то основаниями ее расценил как вассальную А. П. Каждан.[5] Переехал Воила из Каппадокии в ту же местность, где жили дука Михаил (умерший к моменту составления завещания) и его сын магистр Василий. Воила, по всей вероятности, уже не нес государственной службы в это время, но его зависимость, кстати говоря, весьма обременительная для него, от Василия не прекратилась. Мы считаем убедительной аргументацию Р. М. Бартикяна, что новым местом поселения Воилы была Кларджия (или Тайк).[6]

Время переселения Воилы следует, по-видимому, относить примерно к 1050 г.: в завещании, составленном в апреле 6567 г., он пишет, что переселился тогда, когда у него родился сын Роман, который умер на новом месте в VI индикте, т. е. в 1053 г. Но умер он, когда ему исполнилось три года. Следовательно, он родился около 1050 г., еще до переселения семьи.

Перейдем к предварительным замечаниям о двух других завещаниях. Они до недавнего времени оставались почти не известными исследователям, будучи изданы в малодоступном журнале «Ὀρθοδοξία»

---

[1] *В. Н. Бенешевич.* Завещание византийского боярина XI века. — ЖМНП, 1907, май, с. 219–231.

[2] *П. В. Безобразов.* Завещание Воилы. — ВВ, XVIII, 1911, с. 107–115; *Sp. Vryonis.* The Will..., p. 263–277; *Р. М. Бартикян.* Критические заметки о завещании Евстафия Воилы (1059). — ВВ, XIX, 1961, с. 26–37. См. реплику Н. Бэнеску («Revue des Études sud-est européennes», 1, 1–2, 1963, p. 155).

[3] О многозначности титула «протоспафарий» см.: *R. Guilland.* Recherches sur les institutions byzantines, t. II. Berlin–Amsterdam, 1967, p. 111–114.

[4] См.: *Р. М. Бартикян.* Относится ли прозвище Παραδούναβις к магистру Василию в памятной записи монаха Феодула (1059). — «Известия АН Арм. ССР», 1959, № 8, с. 80–86. См. реплику Н. Бэнеску (BZ, 54, 1959, S. 145).

[5] *A. P. Kazdan.* Formen des bedingten Eigentums in Byzanz des XI–XII. Jahrhunderts. — «Труды Международного конгресса востоковедов», т. I. М., 1962, с. 485.

[6] *Р. М. Бартикян.* О значении завещания Евстафия Воилы (1059) для изучения истории Армении и Грузии в эпоху византийского владычества (XI в.). Там же, с. 542 и сл.; *Его же.* Критические заметки..., с. 32–33.

ивирским монахом Иоакимом.[1] В 1964 г. оба документа были переизданы в приложениях к монографии болгарской исследовательницы Г. Цанковой-Петковой, предложившей несколько конъектур к их тексту.[2]

Автор второго завещания — Смбат Бакуриан — несомненно, представитель высшей провинциальной аристократии XI в., хотя, может быть, и не столь могущественной, как Дуки, Комнины или Мелиссины. Смбат — куропалат, т. е. носитель одного из высших титулов империи, несколько пониженного в табели о рангах в правление Алексея I Комнина, но еще весьма почетного. Среди кровных родственников и родственников по браку Смбата, известных нам, нет ни одного, кто носил бы титул ниже магистра. Смбат был, несомненно, военным: в перечне его имущества упоминаются доспехи и драгоценное оружие. Он был близок ко двору. Алексей I жаловал Смбату не только земли, но и *личные* дорогие одежды — знак особого расположения и любви.

Смбат происходил из рода Бакурианов, огречившихся армяно-грузинских князей.[3] Бакурианы играли во второй половине XI в., особенно начиная со времени воцарения Алексея I, значительную роль в империи. Высокое положение в империи приобрели родные братья — Григорий и Абаси Бакурианы, явившиеся на службу к василевсу в конце 50-х или в начале 60-х годов. Согласно заявлению самого Григория, в типике для основанного им монастыря в Бачково, под Филиппополем, братья прибыли в Византию нищими, так как их мать отдала все родовое имущество в приданое их сестрам.[4] Карьера братьев была успешной. Они несли службу на видных постах и в европейских, и в азиатских владениях империи. Брат Григория, получивший титул магистра, имел владения под Антиохией и в Македонии (в фемах Волерон, Фессалоника и Серры). В 70-х годах он умер. Григорий пишет, что Абаси был богатым (πλούσιος ἦν).[5] Еще большего достиг Григорий, особенно в начале правления Алексея I. Он получил только что введенный для представителей высшей знати титул севаста и должность великого доместика Запада — едва ли не высший военный пост в империи того времени. Григорий, активный участник заговора, приведшего к власти Алексея I, пользовался особым расположением, доверием и обильными щедротами василевса. В 1083 г. он основал крупный монастырь,

---

[1] *Ἰωακείμ Ὑβηρίτης.* Βυζαντιναὶ διαθῆκαι. — «Ὀρθοδοξία», V. τ. V, 50, 1930, σ. 614–618; VI, τ. VI, 66, 1931, σ. 364–371.

[2] *Г. Цанкова-Петкова.* За аграрните отношения в средневековна България XI–XIII в. София, 1964, с. 174–176; 178–185.

[3] О происхождении Григория Бакуриана и его карьере подробно см.: *В. А. Арутюнова.* Типик Григория Бакуриана и некоторые вопросы истории Византийской империи. Автореферат. Ереван, 1968; *Г. Г. Литаврин.* Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960, с. 102, прим. 92. См. также: *А. Шанидзе.* Великий доместик Запада Григорий Бакурианис-дзе. Тбилиси, 1970, с. 6 и сл.

[4] Typicon Gregorii Pacuriani, ed. S. Kauchtschischvili. Thbilisiis, 1963, p. 104 sq.

[5] Typ., p. 32.

котором мы уже упоминали, где в 1086 г., после роковой для него битвы с павликианами и печенегами, был похоронен. Григорий был вкладчиком Ивирского монастыря на Афоне.[1]

Известен еще некий Николай Бакуриан, письмо к которому охридского архиепископа Феофилакта Эфеста следует, видимо, датировать концом XI—началом XII в.[2] Григорий Бакуриан упоминает еще своего дядю Григория Бакуриана,[3] но вряд ли это лицо несло службу в Византии.

Владения Абаси, как мы говорили, лежали в Южной Македонии, владения Григория — в основном во Фракии. Поскольку же в завещании Смбата говорится о его проастиях, расположенных по соседству с селом Семалто, локализуемым в феме Серры,[4] мы полагаем, что можно высказать предположение о более тесных родственных связях Смбата с Абаси, а не с Григорием. К тому же есть полные основания для заключения, что Григорий не имел семьи: он не называет в своем типике ближайших живых родственников ни как наследников, ни как лиц, память о которых впоследствии должна была отмечаться в основанном им монастыре. Как ктитор, он распоряжается на этот счет относительно себя и других своих умерших родичей.

Жена Смбата Кали принадлежала к знатному роду Василаки. Она была дочерью куропалата Василаки.[5] Ее мать Зоя (в монашестве Ксения) происходила из не менее знатной семьи Диаватинов, состоявшей в родстве с семьей Перивлептинов. Все те лица, принадлежащие к этим семьям, которые упомянуты в завещаниях Смбата и Кали, также были обладателями высоких титулов и должностей: магистры, проэдры, куропалаты, протовестиарии.

У нас нет никаких сомнений, повторим еще раз, что составители этих двух завещаний принадлежали не только к той части провинциальной аристократии, которая стояла значительно выше на имперской лестнице чинов и должностей, чем протоспафарий Воила, но и был намного богаче. Приведем пока хотя бы один пример. Воила выделил каждой из своих дочерей в наследство и приданое имущество, оцениваемое в 30 литр золота, Василаки же дал в приданое за Кали — одной из четырех своих дочерей — 50 литр золота, не говоря уже о том, что у Кали было еще три брата и три сестры, которым также причиталась какая-то доля имущества отца.

---

[1] *R. P. Blake.* Catalogue des manuscrits géorgiens de la Bibliothèque de la Laure d'Iviron au Mont Athos. — «Revue de l'Orientchrétien», 8, 1931/1932, p. 293.

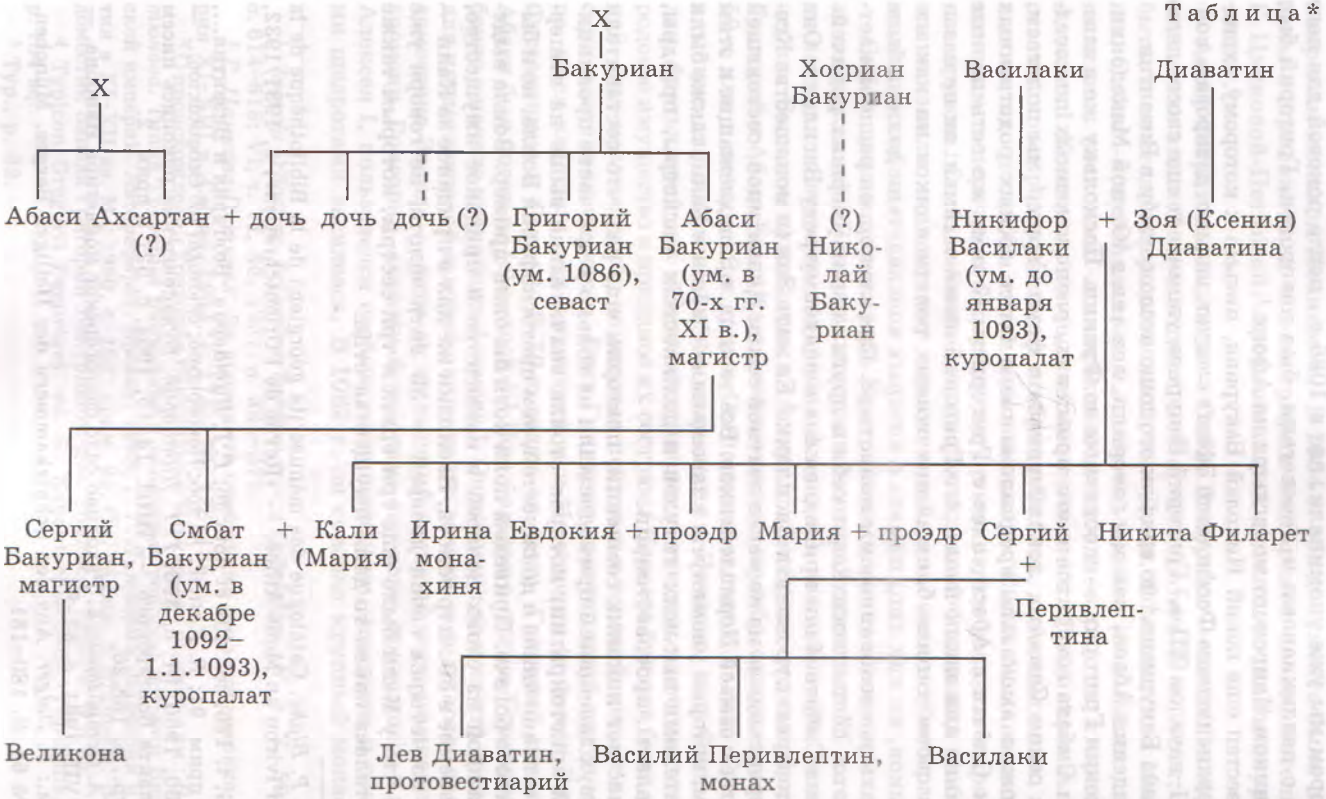
[2] PG, t. 126, col. 409 et nota 36; *Г. Г. Литаврин.* Болгария и Византия..., с. 101, прим. 91; *R. Katičić.* Αἱ πρὸς Πακουριανοὺς ἐπιστολαὶ τοῦ Θεοφυλάκτου... — ΔΙΒΣ, 30, 1960, 61, σ. 396; *Г. Г. Литаврин.* Будапештская рукопись писем Феофилакта Болгарского. — ИИИ, 14–15, 1964, с. 527 и прим. 2.

[3] Typ., p. 138.20.

[4] *Г. А. Острогорский.* Радоливо село светогорског манастира Ивирона. — ЗРВИ, VII, 1961, с. 67–84.

[5] См.: *F. Dölger.* Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948, № 65, S. 180–181.

Таблица*



* Помимо упомянутых в тексте статьи лиц, в таблицу включены все другие родственники Кали, которые упомянуты в ее завещании и завещании ее мужа.

Попытаемся теперь представить родственные связи Бакурианов и Василаки в виде таблицы, отдельные участки которой остаются гипотетичными, что мы отмечаем либо пунктиром, либо знаками «?».

Прежде чем перейти к рассмотрению завещаний супругов, оговоримся, что и в существующих изданиях, и в литературе их датировка неточна. Мы уже имели случай подробно говорить об этом в другом месте, поэтому приведем здесь лишь наши выводы: завещание Смбата было составлено в январе 1090 г., а его жены — в период между декабрем 1098 и 4 ноября 1113 г.[1]

Рассматривая эти завещания, мы ставим лишь ту задачу, о которой сказали в начале статьи, и не подвергаем пока эти документы всестороннему анализу. Прежде всего, совершенно ясно, что Воила переселился с родины, увезя с собой лишь движимое имущество. Он не был бедняком и в Каппадокии: его мать основала на родном месте церковь во имя трех святителей (Григория Богослова, Иоанна Златоуста и Василия Кесарийского), в которой Воила оставил надзирателя (мать Воилы уехала с ним) и хранителя серебряной церковной утвари, икон в позолоченных окладах, древних богослужебных книг и т. п. Привез с собой Воила и рабов, по крайней мере нескольких из тех, которые названы в завещании: он говорит о некоторых как о давно служащих ему, о других — как уже о взрослых людях, но родившихся в его доме (следует помнить, что на новом месте Воила прожил едва 9 лет). Следовательно, недвижимость в Каппадокии была Воилой либо продана перед переселением (что вероятнее), либо обменена на владения в Тайке. Основное имущество Воилы к этому времени состояло, по-видимому, все-таки в деньгах: «Деньги мои, — пишет он, — состояли из сумм, накопленных в результате сбережений и добытых честным путем».

К сожалению, порча текста в начале завещания, употребление неясных терминов «присельник» и «взял» («занял» — παρέλαβον) не позволяет заключить, каким образом Воила стал обладателем той недвижимости на новом месте, о которой идет речь в завещании. Р. М. Бартикян уверен, что глагол παρέλαβον ясно указывает на то, что эти земли были дарованы Воиле Константином IX.[2] Но у нас нет такой уверенности. Его положение на новом месте отнюдь не было слишком благоприятным, его владения отнимали его патроны Михаил и Василий, занимавшие высшие посты в администрации провинции; для приведения обретенных здесь владений в доходные имения (а это были либо ненаселенные пустоши, либо запущенные поместья[3]) Воила затратил много труда и средств.

---

[1] *Г. Г. Литаврин.* О датировке трех важных документов по внутренней истории Византии в XI в. — «Старинар», XX. Београд, 1970.

[2] *Р. М. Бартикян.* Критические заметки..., с. 29.

[3] Р. М. Бартикян хочет видеть в словах Воилы, что он расчищал новь огнем и топором и освобождал ее от скорпионов, змей и диких зверей, аллегорию, под которой следует усматривать намек на борьбу Воилы с местными еретиками-тондракцами или армянами-монофизитами (*Р. М. Бартикян.* Критические заметки..., с. 33–34). Нам эта догадка представляется маловероятной.

Евстафий называет поименно одиннадцать некогда принадлежавших ему владений в Тайке;[1] Вузина, Исаии, Узики, Хуспакрати, Коптерион, Офидовуни, Паравунион, Куснерия, Калмуха, Варта и Тандзути (иначе — Салима или Дзалима, где находилась и его центральная усадьба). Каждое из них определено общим термином κτῆμα, и мы лишены поэтому возможности составить об этих имениях более точное представление. Их доходность была весьма различной. Например, имение Вузина Воила оценивает в 40 литр золота, а Исаии — всего в 5 литр, причем подчеркивает, что до его затрат это были почти бесплодные места.

Однако к моменту составления завещания из одиннадцати владений у Воилы сохранилось лишь четыре. Если учесть, что на новом месте он прожил всего 9 лет и что для организации доходного хозяйства требовалось не менее двух-трех лет, следует думать, что Воила быстро обеднел в последние пять-шесть лет. Три владения (Офидовуни, Куснерия и Калмуха), после того как Воила сделал их процветающими, были потребованы у него в дар дукой Михаилом, и Воила отдал их, подтвердив дар соответствующим документом. Сын Михаила и преемник на посту дуки (Иверии?) Василий потребовал в свою очередь у Воилы (еще до того, как он успел затратить какие-либо капиталы на улучшение поместья) продать ему имение Варта. «Я был вынужден, — пишет Воила, — подчиниться, но не получил ни обола за такого рода продажу». Итак, свыше трети всего числа имений Воилы было отобрано у него более могущественными собственниками и сановниками местного происхождения. Греческое происхождение Воилы, чужая и, видимо, враждебная среда, слабый общественный вес, отдаленность центральной власти, какая-то давняя зависимость от Михаила — все это и стало причиной таких материальных потерь недавнего переселенца.

Имение Узики Воила сам продал кому-то. Два владения, Коптерион и Хуспакрати, он отдал двум братьям (Христофору и Георгию) и их племяннику («сиротам», как говорит Воила). Вполне возможно, что эти трое были «людьми» (или вассалами) самого Воилы, как он был вассалом Михаила и Василия.

К апрелю 1059 г. у Воилы сохранились лишь Вузина, Исаии, Паравунион и Тандзути. Прежде чем делить свое имущество, Воила вычел из него все то, что не подлежало разделу или было им утрачено ранее. Это — усадьба с домом в имении Тандзути, так как обе дочери должны были после смерти Воилы владеть ею совместно и жить в одном доме. Затем — церкви, основанные Воилой. Далее — 25 литр золота, взятые у Воилы в долг дукой Михаилом и не возвращенные ему, несмотря на все его просьбы. Наконец, рабы (около 20 душ) вместе

Такого рода выражения — общее место в византийской (особенно агиографической) литературе. Это, конечно, преувеличение, имеющее целью прославить труд ктитора или переселенца, но оно означает только это — и ничего больше. Офидовуни, впрочем, и звучит в переводе — «Змеиная гора».

[1] В передаче названий, имен и некоторых реалий мы учитываем поправки Р. М. Бартикяна и С. Врониса (см. прим. 2 на стр. 97).

с их имуществом, отпущенные Воилой на волю: некоторых из них он наградил хозяйствами (по крайней мере, четырьмя зевгаратными и двумя воидатными). Для наших целей, однако, важно учитывать все это, так как мы хотим установить размеры имущества Воилы в момент его наивысшего процветания.

Примечательно далее, что прежде чем делить оставшееся, Воила производит общую оценку своего имущества в денежном выражении, сохраняя при этом принцип полного равенства между обеими дочерьми, в каких бы видах имущества их доля ни состояла.

Он определяет долю каждой в 30 литр золота (т. е. в 2160 номисм). В счет этих 30 литр он передал старшей дочери Ирине с мужем, иерархом Михаилом, имение Тандзути и поместье Исаии, оцененное им в 5 литр, а также рабов, серебряные вещи, деньги, шелковые ткани и скот. Младшей дочери Марии с ее мужем спафарокандидатом Георгием Воила выделил половину имения Вузина, оценив эту половину в 20 литр, и на 10 литр (о чем сказано прямо) — движимость, перечень которой идентичен описи имущества Ирины.

Мы можем, таким образом, со значительной долей вероятности заключить, что и в первом случае Воила выделил недвижимости на 20, а движимости — на 10 литр, ибо он не раз подчеркивает, что доли дочерей абсолютно равны. Тогда имение Тандзути, переданное Ирине, было им оценено, видимо, в 15 литр.

Денежная оценка недвижимых владений сделана Воилой, видимо, в зависимости от их годового дохода. В высшей степени важно, что Воила указал доходность имения Тандзути: оценено оно в 15 литр (1080 номисм), а дает ежегодный доход в 80 номисм. Следовательно, общая доходность всей недвижимости, полученной Ириной (стоимостью в 20 литр), определена примерно в 100–105 номисм в год.

Другую половину Вузины (стоимостью в 20 литр) Воила передал церкви Богородицы, им основанной, а имение Паравунион — храму св. Варвары, ктитором которого был также Воила и который служил его семейной усыпальницей. Доходы имения Паравунион при этом определены не в деньгах, а в натуре: 200 модиев хлеба и 1000 литр (или 100 мер) вина. Хотя храм Богородицы был больше и имел больший штат служителей, мы можем предполагать, что дарованная обоим храмам недвижимость имела также одинаковую ценность и доходность. В самом деле, согласно свидетельству Скилицы, в 1040 г. уплата натуральной подати, состоявшей из двух модиев зерна и меры вина, была заменена, как кажется, уплатой одной номисмы.[1] Следовательно, 200 модиев зерна и 100 мер вина, получаемые от имения Паравунион, будут стоить, примерно, ту же сумму (100 номисм), которую ежегодно приносило владение, оцениваемое в целом в 20 литр.

Кроме того, примерно такую же сумму — 20 литр — Воила выделил на иные благочестивые цели: 574 номисмы он роздал разным людям, 400 номисм стоила отпущенная на свободу рабыня Зоя, о которой

[1] См.: *Cedr.*, II, p. 530.

сказано в завещании особо.[1] Не менее 500 номисм стоили другие 20 рабов, которым Воила дал свободу (согласно Пире, раб, не знавший ремесла, оценивался в 20–30 номисм). Вместе это составляет приблизительно сумму в полторы тысячи номисм, или 20 литр.

Нам представляется, что Воила, собираясь делить свое имущество, оценил его в целом в 120 литр. Половину (по 30 литр) он решил выделить дочерям, а половину — на благочестивые цели (по 20 литр для обоих храмов и 20 литр на прочее). 120 литр составляют более восьми с половиной тысяч золотых монет.

Правда, наличных денег у Воилы к моменту составления завещания оказалось не так уж много: едва ли более 20 литр. Но если мы вспомним о 25 литрах, не полученных Воилой от должника, о затратах на приведение в доходное состояние его имений и на строительство и украшение двух церквей; если мы учтем, что Воила, переехав в Тайк, не имел вначале в сущности ничего, кроме денег и драгоценностей; если мы добавим к тому же стоимость серебряных, золотых и украшенных эмалью изделий, о которых он упоминает, то для какого-то периода его жизни в Тайке мы должны умножить его денежную казну во много раз, по крайней мере — вдесятеро.

Как выше было сказано, недвижимость, оцениваемая в 20 литр, давала в среднем ежегодный доход в 100 номисм. Воила оценивает всю свою недвижимость в 80 литр (20 — Ирине, 20 — Марии, 20 — храму Богородицы и 20 — храму св. Варвары). Значит, он мог получать в год от эксплуатации своего хозяйства до 400 номисм (т. е. до 5,5 литр). За 10 лет от доходов с такого хозяйства, даже если бы его господин не тратил ни одной номисмы на свои нужды, можно было бы скопить не более 50 литр. Невольно напрашивается вывод, что отнюдь не феодальное хозяйство было источником денежных богатств земельных провинциальных магнатов, точнее говоря — не главным источником.[2]

Этот вывод, по нашему мнению, становится еще более правдоподобным, если мы обратимся к анализу завещаний Смбата и Кали Бакурианов.

Завещание Смбата весьма кратко. Оно не дает представления о всем его имуществе. Мы считаем, что для наших целей оправданно рассматривать его вместе с завещанием Кали: речь идет об имуществе

---

[1] М. В. Левченко («Сборник документов по социально-экономической истории Византии». М., 1951, с. 172, прим. 2) считал 400 номисм невероятной стоимостью рабыни (самая высокая цена раба по Пире — 60–70 номисм). Но нелишне отметить, что в словах Воилы о Зое сквозит намек на какие-то особые с ней отношения: Воила был не стар (его сыну, умершему 6 лет назад, было лишь три года), жена его умерла в 1056 г., и недаром Воила, обещав дать Зое свободу, взял с нее обязательство не выходить замуж без его разрешения. Зоя нарушила зарок, тем не менее Воила в завещании счел необходимым простить ее.

[2] В завещании Воилы нет ни слова о его париках, но они, несомненно, у него были: об этом свидетельствует упоминание о «господской» земле в имении Тандзути (что предполагает существование и «парической») и о «завгаратных» хозяйствах. В завещании Кали о париках говорится также весьма глухо, хотя они были в каждом ее имении: госпожа просто рассматривает их как принадлежность поместья и не считает нужным специально упоминать.

одной и той же семьи. Суммируем вместе все упомянутое в обоих документах — будь то сохранившаяся собственность или утраченная в период между смертью Смбата и составлением завещания Кали. Учтем, однако, что Кали принесла в приданое Смбату лишь сумму денег в 50 литр золота (3600 номисм).

Бакурианы имели четыре проастия: Радолюбо, Судага, Велемисда и Мустениана, а также местечко Мулики, где содержались кони хозяев. На завещании Воилы мы имели случай убедиться, что размеры и доходность разных поместий магната могли быть весьма различны. К сожалению, здесь мы лишены всякой возможности судить о сравнительной ценности разных проастиев. Зато мы имеем кадастральную опись села Радолюбо с подробным перечнем каждой парической семьи и с указанием точной суммы государственных налогов, взимаемых с каждого крестьянского хозяйства. Проастий Радолюбо упоминается в обоих завещаниях на первом месте. Видимо, он был наиболее крупным и доходным. Здесь, можно полагать, находилась и усадьба хозяев, о которой умалчивается в обоих документах.

В селе Радолюбо жило 13 семей париков, всего 53 души. Десять семей при этом имели, видимо, примерно одинаковое имущество, так как общая сумма налога, установленного для них в описи, совершенно одинакова. Три хозяйства значительно беднее. По всей вероятности, по просьбе вдовы Смбата (монахини Марии-Кали)[1] Алексей I пожаловал в ее пользу все те налоги с жителей этого села, которые ранее шли в казну. Общая их сумма — $9^{2}/_{3}$ номисмы (подсчет налогового чиновника грешит ошибкой в $^{1}/_{24}$ номисмы — в итоге дано $9^{17}/_{24}$).

Если допустить, что все четыре проастия были одинаковы, тогда общее число семей париков во владениях Бакурианов равнялось бы приблизительно 50 (или 200 душ зависимых людей). Можно полагать, что это едва ли больше, чем мог иметь когда-то Воила в своих одиннадцати имениях. Скорее — наоборот.

Не было, видимо, серьезных отличий и в количестве скота разного рода, принадлежавшего Воиле и Бакурианам. Смбат имел 10 волов, примерно 50 лошадей, 12 коров, примерно 130 свиней, 150 овец. Подобного перечня нет в завещании Воилы, но он упоминает четыре зевгаратных хозяйства (т. е. хозяйства, имевшие по паре волов каждое) и два воидатных (по одному волу). Это, конечно, не все волы Воилы, а лишь подаренные им вольноотпущенникам, но уже это число волов равно тому, какое названо в завещаниях Бакурианов.

И тем не менее Бакурианы неизмеримо богаче Воилы. Однако основное их богатство состоит не в недвижимости, а в движимом имуществе. Выражалось это также и в том, что Смбат имел не трех, как Воила, а 11 «людей» (вассалов). У Бакурианов гораздо больше драгоценностей и предметов роскоши. Вместо нескольких глухо упомянутых серебряных вещей у Воилы здесь перечислено 7 золотых предметов (причем один предмет весил более 1 кг, а другой — ок. 700 г.) и 9 серебряных (причем пять из них стоили вместе 50 литр золота —

[1] Не лишен значения тот факт, что, согласно копии кадастральной описи, Кали (Мария) продолжала оставаться собственницей села, уже став монахиней.

на их покупку Смбат затратил все приданое своей жены). Напомним, приданое и наследство двух дочерей Воилы вместе оценивалось едва в 60 литр. Кроме того, в завещании Кали названо множество драгоценных мужских и женских одеяний.

Но еще более разительные отличия наблюдаются между Воилой и Бакурианами, если мы попытаемся подсчитать денежные богатства последних. Вместо 20 литр наличности у Воилы здесь идет речь почти о 340 литрах (точнее — о 337,5 литры), или о 24 с половиной тысячах золотых монет. Если даже мы учтем, что в казне Бакурианов находилось уже немало низкопробной монеты в связи с падением содержания золота в номисме в период между началом 60-х и 90-ми годами XI в., и уменьшим (с целью более точного сравнения) общую стоимость капитала Бакурианов на $^1/_3$, то и тогда он вдесятеро будет превосходить наличные суммы Воилы.

Спрашивается, могли ли четыре проастия Смбата дать ему такие доходы? Несомненно, они не только полностью обеспечивали жизнь его семьи, челяди и вассалов, но позволяли делать какие-то накопления, обращать часть натуральных доходов в деньги и предметы роскоши. Но эти четыре проастия, вне всякого сомнения, не могли быть главным источником денежных богатств Смбата. Согласно практику передачи девяти императорских проастиев великому доместику Андронику Дуке от 1073 г., доход всех проастиев в год составлял около 300 номисм, причем крепкое зевгаратное хозяйство уплачивало, как правило, три номисмы. По смыслу документа ничто не должно было измениться после того, как собственником проастиев станет Дука — он будет получать в свою пользу лишь этот доход.[1]

Если парики Радолюбо — зевгараты, они должны были приносить Смбату в год около 30 номисм (10×3), а четыре проастия — 120 номисм. Предположим, что доходы Смбата от домениальных земель давали в год такую же сумму. Итого 240 номисм в год, т. е. 3,5 литры. Допустим, что половину всех сокровищ Смбата составляло наследство, полученное от отца. Но и при всех этих оговорках остальные 170 литр своих наличных сумм Смбат должен был бы копить, если бы их источником были лишь его феодальные поместья, около полустолетия. Достаточно, однако, вспомнить, что Смбат был куропалатом и находился на императорской службе, чтобы все стало ясно. Одна руга куропалата (не считая платы за исполнение должности и наград василевса) приносила ему 40 литр золота в год, а за 10 лет составила бы 400 литр, т. е. сумму, бóльшую той, которую мы обнаруживаем в завещаниях Смбата и его жены!

Несравненно богаче Смбата был его дядя (?) Григорий Бакуриан. В его типике для Бачковского монастыря названо отнюдь не все его имущество — хотя этот документ во многом схож с завещанием (Григорий много раз называет монастырь своим главным наследником), но все-таки им не является. Он пишет, что сам провел между оставленными им себе и выделенными для монастыря владениями. В типи-

[1] MM, VI, p. 4–16. См. об этом: *Г. А. Острогорский.* Византийские писцовые книги. — BS, IX, 1948, p. 235.

ке и в перечне хрисовулов, к нему приложенном, упомянуто до 30 имений разного рода (деревень, проастиев, кастронов, агридиев и т. п.). Значительно больше у него и скота: упоминаются 94 вола, 110 лошадей, 72 головы молодняка крупного рогатого скота, 4 дойных буйволицы, 15 ослов, 238 овец, 94 барана, 52 козы.

Но и здесь наблюдается все то же явление: огромную долю богатств Григория составляют не поместья, земля, скот и т. п., а деньги и сокровища: он называет до 10 крупных золотых вещей, около 30 серебряных; выделяемые им при основании монастыря деньги для него достигают суммы в 25 литр. Однако, повторяем, это еще не завещание.

Чрезвычайно важное заявление Григория Бакуриана, что, отправившись служить на восток империи, он сделал хранителем своей казны и ежегодных доходов с поместий своего брата Абаси. Когда же Григорий в середине 70-х годов вернулся домой, уже после смерти Абаси, то не обнаружил из своих богатств ни номисмы.[1] Однако прошло едва 8 лет, и Григорий сумел воздвигнуть один из крупнейших византийских монастырей (с самого основания в нем было не менее 61 монаха). Причем ктитор прямо пишет, что построил этот монастырь и церкви в нем, как и мощные оборонительные сооружения, лишь на личные средства, не привлекая к работам своих париков.[2] Иначе говоря, Григорий нанимал для строительных работ мистиев, а это при столь больших масштабах и монументальности возведенных им зданий должно было стоить ему многих сотен литр золота. И эти сотни литр Григорий скопил в течение весьма краткого времени, буквально за три-четыре года: в 1083 г. строительство монастыря уже было завершено. Но Григорий построил не только монастырь — он упоминает много крепостей, возведенных им в своих владениях. Кроме того, Григорий отнюдь не все истратил на это строительство и на пожалования монастырю — он оставил достаточно средств и для себя, чтобы вести приличествующий его положению образ жизни первого полководца империи, чтобы содержать свою многочисленную дружину из вассалов и родственников, чтобы оставить в наследство и им приличную долю (он и пишет в типике об этих своих намерениях).

Поэтому и в случае с Григорием Бакурианом мы полагаем, что, как ни велики были его владения сравнительно с владениями куропалата Смбата, не они были главным источником денежных и прочих богатств Григория, накопленных им в течение менее десятилетия.

Если наши наблюдения, изложенные выше, верны хотя бы отчасти, нам представляется, что они позволят иначе взглянуть на многие аспекты внутриполитической жизни Византии XI столетия, а также истории ее общественного и государственного строя, что мы и надеемся осуществить в свое время.

---

[1] Тур., p. 32. Если верно наше предположение, что Смбат был сыном Абаси, то вполне вероятно, что часть казны Смбата состояла из присвоенных им денег его дяди Григория.

[2] Тур., p. 22.

Процент прибыли и процент налога с нее в византийском городе X–XI вв.

Читая великолепный комментарий М. Я. Сюзюмова к переведенной им на русский язык «Книге эпарха»,[1] мы давно уже обратили внимание на то, что упоминаемые в этом памятнике нормы законных прибылей (в процентном выражении) членов различных торгово-ремесленных корпораций в Константинополе находятся в строгой пропорциональной зависимости и образуют ряд чисел, представляющих собою геометрическую прогрессию.

В данной статье невозможно развернуть аргументацию тех выводов, к которым мы пришли в результате наших наблюдений, она является лишь резюме исследования; мы ограничиваем здесь свою задачу только постановкой проблемы и информацией об избранных нами путях ее решения.

Как отлично известно византинистам, наука доныне слабо осведомлена о системе налогообложения населения византийских городов X–XI столетий. Мы имеем в виду не обложение пригородных земледельческих хозяйств горожан (порядок налогообложения здесь вряд ли существенно отличался от того, который был обычен для сельской местности), а взимание налогов с жителей, обладавших иными видами имущества и занятых торгово-ремесленной деятельностью, без которой немыслимо само существование города.

Мы пришли к выводу, что система налогообложения ремесленно-торгового населения была основана не на оценке имущества налогоплательщика, как это имело место в отношении подданных империи, занятых ведением сельского хозяйства, а на учете размеров прибыли с денежной суммы, использованной в ремесленном предприятии или в торговой сделке.

---

[1] Византийская книга эпарха. Вступительная статья, перевод, комментарий М. Я. Сюзюмова. М., 1962.

Второе кардинальное отличие порядка сбора налогов с городских ремесленников состояло в отсутствии единого, твердо установленного срока изыскания налогов: они взимались ежедневно, при совершении сделок купли-продажи (либо накануне их), принося казне особенно значительные сборы в дни крупных религиозных празднеств, к которым были приурочены наиболее важные ежегодные ярмарки.

При определении размеров налога исходили, как упоминалось, из размеров прибыли торговца или ремесленника. Поскольку эта прибыль зависела от величины суммы, находящейся в обороте, и от быстроты ее обращения, постольку, следовательно, не существовало и точно установленной постоянной суммы налога с каждого ремесленника и торговца.

Постоянной и твердо фиксированной величиной был законный процент прибыли, определенный государством для членов большинства корпораций. Согласно «Книге эпарха», размеры процентов прибыли для членов разных корпораций были определены в следующих размерах.

1. Прибыль вофра (оценщика качеств продаваемой лошади) ..... 1,0416%.[1]
2. Прибыль простата вофров — арбитра при возникшем споре ..... 2,0833%.[2]
3. Прибыль хлебопека, осуществлявшего все операции по выпечке хлеба (от закупки зерна до продажи готового хлеба) ..... 4,166%.[3]
4. Прибыль метаксопрата, торговца шелком-сырцом .... 8,333%.[4]
5. Прибыль салдамария, мелочного торговца галантереей и снедью (колбасой, копченостями, сыром и т. п.)... 16,666%.[5]

Оказывается, норма налога на прибыль (а не только норма прибыли) была также твердо фиксированной и постоянной величиной, равной 8,333%, как мы это знаем из достаточно авторитетного источника.

Среди недавно опубликованных Э. Шильбахом неизданных рукописей, имеющих отношение к византийской метрологии, содержится краткое руководство для византийских землемеров и практоров,

---

[1] «Книга эпарха», гл. XXI, § 1, с. 90. Прибыль вофра определена в размере одного кератия с головы. Процент прибыли мы высчитали, опираясь на текст, изданный Э. Шильбахом. В этом руководстве для практоров стоимость трех лошадей (как и трех коров и трех буйволов) в среднем признана равной стоимости стада овец, оцененных в 12 номисм (*E. Schilbach.* Byzantinische metrologische Quellen. Düsseldorf, 1970, S. 59–60). Пропорциональные соотношения цифр в приводимой нами табличке норм прибыли убеждают нас в том, что и в «Книге эпарха» в качестве средней цены лошади приняты после 4 номисмы, один кератий от которых и составляет 1,0416%.

[2] Там же, гл. XXI, § 10, с. 90–91. Прибыль определена в 6 фоллов с номисмы, т. е. 24 фолла с 4 номисм, или 2 кератия.

[3] Там же, гл. XVIII, § 1, с. 88.

[4] Там же, гл. VI, § 9, с. 80.

[5] Там же, гл. XIII, § 5, с. 86.

датируемое временем Михаила IV Пафлагонянина, т. е. первой половиной XI в. (текст издан по рукописи Cod. Paris. gr. 676 с учетом разночтений в рукописях Cod. Vatic. gr. 900 и Cod. Monasterii Zavordae, или S. Nicanori 121).[1]

Не касаясь здесь прочих данных этого текста, интересного во многих отношениях,[2] сошлемся лишь на одно его свидетельство, которое, по нашему мнению, и представляет фундаментальный принцип византийской налоговой системы в ее применении к обложению неземледельческого налогоплатежного населения.

Если владение, сказано там, приносит доход в деньгах, то налоговый чиновник (в отличие от положения дел при определении размера димосия (канона), взимаемого с зевгарата в сумме 1 номисма при оценке его имущества в 24 номисмы) должен вдвое повысить размер налогового сбора, исходя из соотношения 1 номисма с 12 номисм, поскольку зевгаратное хозяйство имеет и доходы, и расходы[3] (а упомянутое владение — такова логика пассажа — не несет расходов, давая лишь денежный доход). Иными словами, налог с зевгарата исчислен в размере 4,166% от стоимости его имущества, а налог с торговца и ремесленника — в размере 8,333% от законной прибыли, вырученной при продаже товара. То, что в данном случае имеется в виду процент именно с прибыли, а не с капитала, находящегося в обращении, не подлежит сомнению. Достаточно обратиться к шкале прибылей. Прибыль метаксопрата на 100 номисм, употребленных в дело, составляет 8,333 номисмы. Если бы налог взимался со всей суммы в 100 номисм, он поглотил бы всю прибыль торговца и лишил бы его деятельность всякого смысла. В действительности налог составлял 8,333% от 8,333 номисм прибыли и был равен 0,6944 номисмы, или 199,987 фолла (т. е. 200 фоллов).[4]

При обложении налогом горожан, как это отметил М. Я. Сюзюмов,[5] органы фиска исходили из предпосылки, что при соблюдении указанной нормы прибыли любое имущество — и в особенности денежная сумма — удваивается в течение года (без учета расходов). Таким образом, за норму в Византии принимали месячный срок оборачиваемости средств. Двенадцатикратный их оборот в течение года при нор-

---

[1] *E. Schilbach.* Byzantinische metrologische Quellen, S. 14, 58–60. Любопытно, что последняя из названных рукописей происходит из того же монастыря, в котором хранится рукопись фрагмента налогового трактата, опубликованного И. Караяннопулосом (*J. Karayannopulos.* Fragmente aus dem Vademecum eines byzantinischen Finanzbeamten. — «Polychronion». Festschrift F. Dölger zum 75. Geburtstag. Heidelberg, 1966. S. 321–324).

[2] Подробный анализ этого текста осуществлен нами в подготовляемой к печати работе.

[3] *E. Schilbach.* Byzantinische metrologische Quellen, S. 60.1–10.

[4] Процентные соотношения норм прибылей и норм налога, несомненно, приспособлены к монетной системе Византии, что позволяло практорам и логариастам оперировать целыми монетными единицами или почти целыми (сотыми и тысячными долями мелкой разменной монеты, видимо, безболезненно пренебрегали).

[5] «Книга эпарха», с. 169.

со прибыли, равной 8,333%, должен был принести 100% прибыли. Следовательно, сумма в 100 номисм, постоянно находившаяся в обращении, должна была в идеальном случае дать фиску в течение года в качестве налога 8,333% номисмы, или 100 милиарисиев.

Остановимся кратко на различиях в шкале прибылей; при всеобщности единого процента налога на денежный доход (8,333%) значительные колебания в размерах законной прибыли способны вызвать недоумение.

Первые два случая элементарны: вофр не вкладывает своих денег в торговлю, он только оценщик лошадей, поэтому процент его прибыли столь низок. Отметим попутно, что еще ниже он был (0,694%, т. е. $^2/_3$ от 1,0416%) у лиц, скупающих на деньги владельцев рыбных камор (их прибыль — 8,333%) улов непосредственно у рыбацких причалов.[1]

Вдвое выше, чем у вофра, прибыль простата вофров при арбитраже в споре (2,0833%), хотя он также не вкладывает в дело своих денег дополнительно; это тоже понятно: он более квалифицированный «специалист», да и арбитраж его — случай экстраординарный. Иногда и вофр имел право на такой же процент прибыли (2,0833%): если вофр, не зная, что есть претендент на покупку животного, купит его, то, будучи обязан уступить коня законному покупателю, он имеет право получить 2,0833% покупной цены.[2]

Гораздо более сложными являются случаи с хлебопеком и салдамарием. Хлебопек имел законное право делать наценку при продаже хлеба в размере 20,833% от затраченной на покупку зерна суммы. Однако — в полном соответствии с приведенным выше текстом публикации Э. Шильбаха — в «Книге эпарха» говорится об особенно значительных расходах хлебопека (на аренду помещения, отопление печей, освещение пекарни, наем работников, прокорм животного, приводящего в движение мельницу). На эти расходы предназначалась львиная доля прибыли — два милиарисия (16,666%), чистая же прибыль хлебопека определена лишь в один кератий (4,166%).

Означает ли это, однако, что хлебопеки, сравнительно с членами других корпораций, получавших 8,333% прибыли, находились в неравноправном положении? По нашему мнению, не означает, ибо в «Книге эпарха» далее поясняется: в качестве компенсации за вдвое уменьшенный процент чистой прибыли хлебопек освобождается вместе с его животным от выполнения государственных отработочных повинностей. Предполагается, таким образом, что отработки в пользу государства, тяготевшие над подданным, обладавшим тягловым животным, в ценностном отношении составляли лишь половину его обязательств перед казной: вдвое пониженная прибыль хлебопека компенсировалась также вдвое сниженными его обязательствами как налогоплательщика, или — говоря иначе — само хлебопечение рассматривалось в данном случае как государственная отработочная повинность.

---

[1] «Книга эпарха», гл. XVII, §§ 1–3, с. 88. См. комментарий, с. 234–235.
[2] Там же, гл. XXI, § 2, с. 90.

В полном соответствии с подобным пониманием текста «Книги эпарха» о хлебопеках находятся, на наш взгляд, и ее положения о ларотомах. Их труд имел военное значение (изготовление сбруи и ремней) и целиком регулировался эпархом; они были лишены возможности постоянного изготовления и продажи своей продукции на свободном рынке, не имели они, следовательно, и регулярного денежного дохода. Поэтому денежный налог с них не взимался вообще, обязательства перед казной выражались лишь в отработках своим ремеслом, а доход — в том, что соизволит пожаловать император.[1]

Наконец, о салдамариях, имевших право на 16,666% прибыли. В качестве мелких предпринимателей, изготовлявших кондитерские изделия и копчености разного рода, они, по-видимому, также несли существенные расходы на закупку зерна, топку печей, приобретение приправ и прочего, но не были, как хлебопеки, избавлены от государственных отработочных повинностей. Поэтому половина их прибыли уходила, по всей вероятности, на покрытие расходов их предприятия, а половина — 8,333% — составляла чистый доход, 8,333% которого они вносили в ходе торговли в казну в качестве налога.

Техника сбора налога с членов многих корпораций была следующей. Накануне торжища корпорация в целом облагалась сбором, исчисленным властями путем оценки массы товара (и торговой прибыли с нее), который должен был быть продан через корпорацию. Каждый ее член, исходя из личных возможностей, вносил заранее определенную сумму на покрытие налогового сбора — и соразмерно этому взносу получал право закупить для перепродажи товар на соответствующую сумму.[2] Например: внеся 200 фоллов в счет налога, метаксопрат обретал право приобрести для перепродажи шелк-сырец на сумму в 100 номисм, ибо 200 фоллов составляют 8,333% от прибыли в 8,333 номисмы, получаемой от продажи шелка, закупленного на 100 номисм и проданного из 8,333% прибыли.

В известном смысле этот принцип осуществлялся и по отношению к земледельцам: законность размеров его владения определялась пропорционально высоте уплачиваемого им основного налога (димосия-канона). По недостатку места мы опускаем детали, которые, на первый взгляд, противоречат изложенному, но, как мы надеемся, — только на первый взгляд.

[1] «Книга эпарха», гл. XIV, § 1, с. 86.
[2] Там же, гл. V, § 3, с. 79; гл. VI, § 8, с. 79–80; гл. IX, § 3, с. 82.

Провинциальный византийский город на рубеже XII–XIII вв. (по материалам налоговой описи Лампсака)

Тот интерес в мировой историографии к проблеме византийского города, который ярко проявился в последнее десятилетие, был, по нашему убеждению, стимулирован развернувшейся незадолго перед этим дискуссией в советской византиноведческой литературе.[1]

Появились специальные исследования и монографии, посвященные истории отдельных городов империи, причем не только крупных, а также средних провинциальных центров. Стали появляться и работы, в которых предпринимаются попытки обобщить накопленный материал, произвести классификацию городов, определить их типы.[2]

При знакомстве с этой литературой мы обратили внимание на одну деталь, характерную как для старых, так и для новейших исследований о византийском городе: постоянно вне поля зрения авторов оставался один из самых содержательных, если не самый содержательный, источник по истории провинциального, рядового города — так называемая «Лампсакская писцовая книга», о которой в лучшем случае лишь глухо упоминают.[3]

---

[1] См. об этом дискуссии: *З. В. Удальцова*. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969, с. 96–101, 195–215; *И. П. Медведев*. Вопросы истории византийского города на научной сессии в Ленинграде (хроникальная заметка). — ВВ, 30, 1969, с. 312–315. О некоторых последних зарубежных работах см. аннотации А. П. Каждана («Новое о византийском городе». — ВВ, 28, 1968, с. 293–296; «Новые книги о Константинополе». — ВВ, 33, 1972, с. 238–239).

[2] См.: *V. Hrochová*. Byzantská města ve 13–15 století. Praha, 1967; *С. Лишев*. Българският средновековен град. София, 1970.

[3] См., например: *А. П. Каждан*. Аграрные отношения в Византии XIII–XIV вв. М., 1952, с. 98, 118, 121, 143, 146.

Значение средневековых налоговых описей как важнейшего источника по истории экономики, социальных отношений и государственной системы общеизвестно. Для Византии такие описи насчитываются буквально единицами. И среди них имеется только одна, представляющая собой опись городского налогового округа.

Конечно, возможно предположение: исследователи не привлекают лампсакскую опись потому, что ее данные не позволяют рассматривать Лампсак как город. Грань между небольшим городом и крупной деревней в Византии действительно провести нелегко. Кажется, трудности при этом ощущали и сами византийцы, употреблявшие как раз во время составления описи такой архаичный термин, как κωμόπολις, т. е. «деревня-город», или «деревенский город».[1]

Что же превращало поселение, в глазах византийцев, в город? Из источников это отнюдь не очевидно. Для автора «добавлений к Скилице» Михаила Девольского наличие стен — непременный признак города: после того как Василий II разрушал крепостные укрепления Охрида, бывшая столица Западно-Болгарского царства превратилась, по мнению этого автора, в «большую деревню».[2] Крупнейшего же юриста XI в. Евстафия Ромея этот признак ничуть не смущает: согласно его свидетельству, большинство провинциальных городов либо вообще не имеет стен, либо не имеет их со стороны моря, если это прибрежный город.[3] Любопытно, что и представитель Запада, где города непременно окружались стенами, посол Оттона I епископ Кремонский Лиутпранд не видит ничего удивительного в том, что многие византийские города стен не имеют: Никифор II, пишет он, повелел возвести стены вокруг множества городов восточных провинций, поскольку нужно было максимально обезопасить созданные в этих городах крупные склады продовольствия для войска.[4] Не стены сделали эти города городами. Полководец Алексея I Комнина Григорий Бакуриан обнес стенами несколько своих деревень, но они остались деревнями.[5] Крепость Адрамери на полуострове Халкидика была попросту небольшой крестьянской общиной, насчитывавшей всего 29 домохозяйств.[6]

С формальной стороны Лампсак — безусловно, город: в византийских памятниках он неизменно определяется термином πόλις. Византийский географ X в. Иерокл, перечислив 35 городов Геллеспонта, назвал Лампсак в числе первых шести городов.[7] Константин Багряно-

---

[1] *Nicetae Choniatae* Historia. Bonnae, 1835, p. 82.16. См. об этом: *А. П. Каждан.* Указ. соч., с. 54–55, прим. 1.

[2] *B. Prokić.* Die Zusätze in der Handschrift des Johannes Scylitzes. München, 1906, S. 37.

[3] Jus graeco-romanum, I, ed. C. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1856, cap. XVIII, 5, p. 66.

[4] *Liutprandus von Cremona.* Die Werke. Leipzig, 1915, S. 198.

[5] Typicon Gregorii Pacuriani, ed. S. Kauchtschischvili. Thbilisiis, 1963, p. 24, 22–23.

[6] Actes de Lavra. Première partie, ed. P. Lemerle, N. Svoronos, D. Papachrysanthou. Paris, 1970, № 37.

[7] *Hieroclis* synecdemus. Bonnae, 1840, p. 394.1–8.

родный определяет Лампсак как «седьмой» по значению среди «значительных городов» (πόλεις ἐπισήμους) фемы Опсикий.[1] Однако город ли Лампсак в собственном смысле слова,[2] — вопрос далеко не праздный. Ответить на него возможно только после детального анализа «Лампсакской писцовой книги». Эту скромную задачу мы и ставим перед собой в данной статье.

Изданный в 1856 г.,[3] трудный для понимания, составленный на варварской латыни, перемежающейся грецизмами и староитализмами, этот памятник был впервые изучен 90 лет назад Ф. И. Успенским, который, запросив копию из венецианского архива, переиздал документ и объяснил немало его темных мест.[4] Увлекаемый идеей о воинатном хозяйстве как непременно славянской военнообязанной стаси, Успенский порою акцентирует внимание далеко не на самых важных аспектах. Допустил он, на наш взгляд, и ряд прямых ошибок в понимании и интерпретации описи.

Считая поэтому оправданным возвращение к этому источнику, мы будем его рассматривать, как и Успенский, в тесной связи с другим документом — жалованной грамотой на Лампсак константинопольского байло в пользу трех благородных венецианцев. Оба памятника дополняют и поясняют друг друга.

Лампсакская писцовая книга[5]

«В год [от рождения] господа [нашего Иисуса Христа 1218] я обнаружил в Лампсаке 60[6] человек (homines); они уплачивают 51 перпер и 6 каратов.

Зевгаратов имеется 21; [они платят] 208 перперов, воидатов имеется 52 — 251 перпер, актимонов имеется 18 — 48,5[7] перперов, апоров 22 — 22,5 перпера. Сумма: 581 перпер и 6 каратов.

---

[1] *Constantinus Porphyrogenitus*. De thematibus. Bonnae, 1840, p. 26.2–7.

[2] Не лишено значения, что термин πολῖται, обозначавший обычно горожан в противоположность селянам (χωρῖται), употреблялся и в значении «подданные» вообще, так сказать, «граждане». Характерно это и для Евстафия Ромея (Jus, I, cap. IX, 4, p. 30; cap. IX, 9, p. 30; cap. XV, 10, p. 47), и для некоторых актов (*А. П. Каждан*. Об одной южноитальянской грамоте XI в. — СВ, XVII, 1960, с. 319–320).

[3] *G. F. L. Tafel* und *Thomas*. Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig, II. Wien, 1856 (далее — *Tafel* u. *Thomas*), p. 208–209.

[4] *Ф. И. Успенский*. Следы писцовых книг в Византии, III. Окладной лист города Лампсака. — ЖМНП, ч. 231, февраль 1884, с. 289–335.

[5] Оригинал рукописи не сохранился. Первые издатели почти не отмечают вносимых ими поправок в публикуемый текст копии. Сделал это Успенский, и мы воспроизвели в подстрочнике. Лакуны (они не обозначены в рукописи) и слова, отсутствующие в тексте, воспроизводим в квадратных скобках. См.: *Tafel* u. *Thomas*, S. 208–209; *Ф. И. Успенский*. Указ. соч., с. 290–291.

[6] Ркп. — LX, но у Тафеля–Томаса и у Успенского — L.

[7] Ркп. — XLVIIj и далее — XXIj; «j» означает 1,5.

Есть также 7 мельниц, которые мы облагаем 35 перперами. Соле варни — 34 перпера, этих солеварен имеется 16. За скилл оборудо ванный и неустроенный (Luscillo facto et chersochorioi)[1] — 17 перпе ров. Столько же было положено практиком.

Рыбная заводь Олько[2] — 20 перперов, барки с неводами[3] в Лимас гидии[4] — 25 перперов. Вафи[5] — 14 перперов. Иерусалимский рыб ный рынок[6] — 4 перпера. Сумма: 149 перперов.

За 120 плинф виноградников, которые[7] они берут в аренду[8] за 8 пер перов ежегодно и за которые сами получают ежегодно по 14 перперов [30 перперов]. А также, помимо вышеозначенных плинф,[9] они полу чают к тому же за 24 плинфы сверх тех [еще] 6 перперов и 6 каратов ежегодно. Сумма: виноградники с арендой, согласно подсчетам, ежегодно, с добавкой — 26 перперов и 6 каратов.[10]

Форфакт, права и суды[11] ежегодно — 36 перперов. Крупный скот,[12] за 154 головы — 30 перперов. Сборы рыбой[13] — 3 перпера. С кур Карлассара[14] — 4 перпера. Сумма: 83 перпера.

Пристань (La scala) — 160 перперов, с рынком (cum foro) и со сбо рами мясом и с их угодьями и пустошами,[15] как было установлено практиком, — перперов [2, каратов 18. От тех пространств, которые являются теперь зевгаратными],[16] мы определяем ныне 261 перпер, конечно, в среднем, поскольку это было уделено себе,[17] соответственно своим трудам, в таком количестве и в [такой] доле (morte).

И от тех[18] пространств, которые являются теперь воидатными, мы определяем ныне 52 перпера, конечно, в среднем,[19] поскольку они выделены себе, в расчете на свои труды, в таком долевом количестве (in hac quantitate morti). Сумма: 1315 перперов и 6 каратов.

---

[1] Ркп. — cherso chorio, Усп. — chersochorio.

[2] Ркп. — Lu uiuaro de oleo, Усп. — Luvivaro de olco.

[3] Lugrippouoli.

[4] Ркп. — de lumasgidio, Усп. — de Luriasgidio.

[5] Lu uathi. Не следует ли читать вместо неясного uathi — scathi, т. е. «суда» (от гр. σκάφη).

[6] La piscaria de Iherusalem.

[7] Ркп. — qui, Усп. — quas.

[8] Первые издатели — pro anacapsi.

[9] Ркп. — plinthi, Усп. — plinthis.

[10] Ркп. — karati III, Усп. — karati VI.

[11] Le forfacte iura et iustitiae.

[12] Ркп. — li agnelli, Усп. — Li anguelli.

[13] Ркп. — Lu psuni de in pisce, Усп. — Lupsuni de lupisce.

[14] Ркп. — de lu carlassare, Усп. — de lucarlassare.

[15] Ркп. — iuribus. Et disertis, Усп. — iuribus et disertis.

[16] Лакуна восполнена Успенским.

[17] Ркп. — sibi datum, Усп. — ibi (sibi) data.

[18] Ркп. — de illis, Усп. — de iis.

[19] В ркп. можно читать — mediis, Усп. — medietate.

Димодеон[1] — 10 перперов. Сбор (?) и уплата[2] шелковичного, слизового, кизилового[3] и орешникового[4] — 36 перперов.

Сумма всего вышеперечисленного — 1361 перпер и 6 каратов.

Обнаружили мы ангарии воидатов и зевгаратов,[5] так как они клятвенно заверяли, что давали во времена своих господ[6] каждый по 7 ангариев. Они свидетельствовали также в своих клятвах, что не знали ангариев кастелла,[7] сколько их было и сколько они делали. Посему кладем конец [вопросу] об ангариях зевгаратов[8] и воидатов, так как они могут давать ежегодно по 48 ангариев с имущества[9] вилланов, по 4 перпера с каждого виллана. А актимоны — каждый по 24 ангарии, ибо[10] они установлены для каждого. Так что[11] все ангарии[12] оцениваются в 310 перперов.

Сумма: итог всего вышеперечисленного — 1671 перпер и 6 каратов вместе с ангариями».

Жалованная грамота константинопольского байло[13]

«В месяце сентябре 7-го индикта.

Написал я по повелению господина байло[14] и лучшей части его совета, ибо сам господин байло с лучшей частью своего совета [распорядился], помимо писем господина нашего дожа, которые сам господин [дож] отправил также ради осуществления разыскания и устроения земли Лампсака, каковую землю держат знатные мужи Г. Квирин, Дж. Саккугулло и Джак. Квирин, сын господина П. Квирина.

Они постановили, что эти три мужа должны служить ежегодно за эту землю прежним образом на доход с той же собственности (amodo inantea pro propriis eiusdem introitus) в 1670 [перперов] и что эти мужи должны уплачивать с причитающегося от [видов] собственности (de debito propriorum) периодически (transacti temporis), так что они обязываются давать коммуне Венеции золотые иперпиры в сумме[15] 1000 в следующем порядке, а именно — отныне до праздника Рождества господа нашего Иисуса Христа — 300 перперов. Это —

---

[1] Ркп. — Lu dimodeo, Усп. — Ludimodeo.
[2] Ркп. — Lu anauolo lu catauolo, Усп. — Luanauolo et Lucatauolo.
[3] Macricampo et Damaskinea et Cranea.
[4] Ркп. — Coronea, Усп. — (и первые издатели) — Cranea.
[5] Ркп. — et zegarati, Усп. — et zeugarati.
[6] Ркп. — de dominis, Усп. — de dominiis.
[7] Ркп. — de castello, Усп. — de castellis.
[8] Ркп. — de zegarati, Усп. — de zeugarati.
[9] Ркп. — saltem, Усп. — salute.
[10] Ркп. — qui, Усп. — que.
[11] Ркп. — quas, Усп. — Que.
[12] Ркп. — angarias, Усп. — angarie.
[13] См.: *Tafel* u. *Thomas*, S. 209, 210; *Ф. И. Успенский*. Указ. соч., с. 291–292.
[14] Так мы передаем термин документа — «Potestas».
[15] Ркп. — pes, издатели — pensa (?).

в первое грядущее Рождество. И от сего праздника Рождества до Пасхи — Воскресения [Христа] другие золотые перперы в сумме[1] 300. А прочие остающиеся золотые перперы в сумме 400 — от сего праздника Пасхи далее, таким способом и в таком порядке, в каком пожелает господин константинопольский байло с лучшей частью своего совета».

Начнем с датировки документов. Из их содержания можно заключить, что они изданы почти одновременно, в течение одного года. И первые издатели, и Успенский странным образом датировали документы 1219 г.[2] Но 7-й индикт приходится не на 1219, а на 1218 г. (1218 + 5509 = 6727; 6727 : 15 дает в остатке 7). Сентябрь 1203 г. исключается: крестоносцы еще не владели Константинополем и Лампсаком. Не подходит и сентябрь 1233: Лампсак был отнят у венецианцев уже в 1231 г.[3]

Совершенно непонятны также основания, по которым издатели исправили первую цифру рукописи (LX человек на L человек).[4] Термин homines мы считаем равноценным греческому πολῖται в собственном смысле, т. е. «горожане», так как 4 следующих термина (зевгараты, воидаты, актимоны, апоры) охватывают все основные имущественные категории сельского населения, известные византийским деловым документам.

Данных о том, что Лампсак в XII–XIII вв. был обнесен стенами, мы не обнаружили. Из сообщений Дуки следует, что первое серьезное укрепление в Лампсаке было возведено лишь в начале XV в. генуэзцем Негро Салгрузо.[5] Лишь слова второго документа об «ангариях кастелла» как о вероятном и при византийских властях виде отработок заставляют допустить наличие в Лампсаке небольшого акрополя, в котором мог останавливаться Иоанн III Ватац, не раз посещавший Лампсак.

Следовательно, и собственно горожане, и крестьяне Лампсака проживали в пределах одного города. Город не мог состоять всего из 60 дворов. Крестьяне Лампсака жили не в пригородных деревнях — по месту жительства они также являлись горожанами, но отличались от них по виду принадлежащей им собственности и роду своих (крестьянских по преимуществу) занятий.

Серьезную трудность представляют слова Luscillo facto et chersochorio. Успенский допускал двоякое их толкование: либо как «колокольцы» (Luscillo) и «пастбища» (chersochorio), т. е. плата со скота

---

[1] Ркп. — pes.

[2] *Tafel* u. *Thomas*, S. 208; *Ф. И. Успенский*. Указ. соч., с. 302. Говоря о Лампсакской описи, Ф. Тирье заметил, что ее датировка издателями остается необоснованной, а содержание — темным (*F. Thiriet*. La Romanie Vénitienne au moyen âge. Paris, 1959, p. 85, № 2).

[3] На это указывает и Успенский (указ. соч., с. 302).

[4] *Tafel* u. *Thomas*, S. 208.

[5] *Ducas*. Istoria turco-bizantina, ed. V. Grecu. Bucharest, 1958, p. 123.15–21, 149.14–15.

(колокольцы на шее у скотины), либо как сбор с православных за их «колокола», т. е. церкви (chersochorio в таком случае он считал совершенно непонятным).[1] Мы полагаем, что главная трудность в понимании первого слова, в качестве определений к которому мы расцениваем два следующих. Chersochorio находит аналогию в χερσαμπέλιον (некультивируемый, заброшенный виноградник).[2] Т. е. речь идет о «заброшенном месте» или о чем-то нетронутом, не приведенном в порядок человеческим трудом. Переводить Luscillo как «колокол» или «колокольчик» мы считаем невозможным: у нас нет данных о колоколах в Византии к XIII в. Это слово могло бы быть латинской или итальянской транскрипцией греческого σκολλίς — κληματίς («лоза») или σκύλον («кожа», «шкура», а также — «шпангоут»). Так как в данной графе идет речь о хозяйственных заведениях (типа мельниц и солеварен), то вряд ли имеется в виду виноградник; скорее предполагаются основанные мастерские (действующие и заброшенные) или верфи (где есть готовые суда и еще не оснащенные).

Вся следующая графа имеет отношение к рыбной ловле. Мы согласны с Успенским: следует читать вместо oleo — Olco — название местечка на лампсакском побережье,[3] упомянутом Акрополитом.[4] «Виварий Ольки» (Ὀλκή) — видимо, заводь, богатая рыбой. Grippoi или gripparioi — барки, одномачтовые, транспортные и рыбацкие[5], βόλος — невод (как, впрочем, и γρῖπος). Отсюда наше понимание — «барки с неводами».

La uathi Успенский понимал также как название местности.[6] Но βάθος (транскрипция может быть неточной) — не только глубокие места (где можно ловить рыбу), а также «уключина», «место причала лодки», «ряд весел».

Следующая графа описи вызывает особый интерес. Плинфа (или плефр) равна трем модиям.[7] Следовательно, речь идет о 360 модиях. Текст становится понятным только при допущении, что эти 120 плефров разбиты на 5 равноценных участков по 24 плефра (72 модия) в каждом. Эта земля принадлежит лампсакской городской общине. Три венецианских мужа берут ее у города в длительную аренду (anacapsi),[8] уплачивая по 8 перперов за участок (всего 40 перперов). Однако они не сами эксплуатируют эту землю, а сдают ее в аренду, взимая с арендаторов

---

[1] *Ф. И. Успенский.* Указ. соч., с. 328.

[2] *E. Schilbach.* Byzantinische Metrologie. München, 1970, S. 85; το brachliegendes Weinland.

[3] *Ф. И. Успенский.* Указ. соч., с. 329.

[4] *Georgii Acropolitae* opera, ed. A. Heinsenberg, I. Lipsiae, p. 36, 13, cf. 37.4.

[5] См.: *V. Laurent.* Deux chrysobulles inédits des empereurs de Trebizonde Alexis IV, Jean IV et David II. — «Ἀρκεῖον Πόντου», 18, 1953, σ. 261.121; *С. П. Карпов.* Трапезундская империя и государства Западной Европы. М., 1974 (рукопись кандид. дисс.), с. XXXIV (Приложение № 1, прим. 147).

[6] *Ф. И. Успенский.* Указ. соч., с. 330.

[7] *E. Schilbach.* Op. cit., S. 30–31.

[8] *Ф. И. Успенский.* Указ. соч., с. 325–327: от греч. ἀνακάψις.

по 14 перперов за участок (всего 70 перперов). Их чистая прибыль, таким образом, составляет 30 перперов, которые и имеются в виду.[1] Кроме того, венецианцы держат еще один участок в 24 плинфы, получая от этого также чистый доход в 6 перперов (14–8).

Любопытно, что точно такую же цифру дохода (30 перперов за 360 модиев) мы получим и в соответствии с действовавшим в империи правилом, по которому за аренду 12 модиев земли взимали один золотой.[2] Сомнение, однако, вызывает один факт. Аренда виноградников была обычно вдесятеро дороже аренды пахотной земли. Здесь же арендная плата представляется весьма низкой. Бралась она ежегодно. Следовательно, если бы земля сдавалась под виноградник (с условием его разбивки), то аренда неминуемо возросла бы впоследствии. В документе же на это — ни намека. Скорее всего, это земля, некогда бывшая под виноградниками, затем исчезнувшими, но удержавшими название «виноградников».

Примем толкование Успенским слова «форфакт» как плату за серьезные преступления.[3] Какие «права» (iura) имеются в виду, сказать, к сожалению, невозможно. «Суды» (iustitiae), вероятно, соответствуют византийскому аерикону (судебный сбор).

Мы не согласны с пониманием Успенским термина agnelli (он исправляет на anguelli — «ягнята», «барашки» — в соответствии с латинским термином).[4] Налог в 30 перперов за 154 овцы был бы несообразно высок (энномий брался в размере одного золотого со 100 овец); вряд ли все эти овцы вместе стоили 30 перперов даже в начале XIII в.[5] Мы предпочитаем усматривать здесь транскрипцию греческого ἀγελάς — «крупный скот», ибо сумма налога близка к норме энномия с крупных домашних животных (8,33% от их стоимости). Стадо в 154 головы, с которого взимали 30 перперов, должно было стоить около 360 золотых.[6] Учитывая, что в нем были и молодые животные (стоившие меньше), естественно считать это стадо не овечьей отарой, а гуртом крупного скота. Подозрительно упоминание о «курах» некоего места Карласар. Любопытно, что документ от 1.VIII 1247 г., опубликованный Тафелем и Томасом, среди многих прочих подписал также некий Micha de Carlasar.[7] Не искажено ли здесь в galine слово galea — «судно» (построенное в Карласаре)?

Далеко не все ясно и в графе о пристани.[8] Термин iuribus мы толкуем как перевод греческого δίκαια («угодья»). Т. е. речь может идти

---

[1] Успенский не говорит о том, как можно получить эту цифру.

[2] См. MM, t. IV, p. 85; MM, t. VI, p. 6 (согласно последнему акту, арендатор платил один золотой за участок в 10 модиев).

[3] *Ф. И. Успенский*. Указ. соч., с. 332.

[4] Там же, с. 333.

[5] Согласно документу XII в., крупная овца стоила $^1/_6$ золотого, мелкая — $^1/_{10}$ (*E. Schilbach*. Die byzantinische metrologische Quellen. München, 1970, S. 59).

[6] Ibidem.

[7] *Tafel* u. *Thomas*, S. 443.

[8] Не читать ли faro (от греч. φαρός — «маяк») вместо foro?

с пристани с рынком, с причалами, складами и прочим («угодьями»), а также с ее пустошами, т. е. необорудованными местами.

Графу о «зевгаратной» и «воидатной» земле мы считаем самой трудной, несмотря на кажущуюся простоту текста. Успенский допускал здесь двоякое понимание. Согласно первому, эта земля — «излишек» над теоретическими наделами зевгаратов и воидатов, которую они сдают в аренду безземельным (актимонам), а господа берут с зевгаратов и воидатов налог от дохода с морты (арендной платы). Согласно второму пониманию Успенского, новые господа отмежевали культивируемые общинные земли и сами сдают их актимонам за морту (десятину), считая при этом более состоятельных арендаторов зевгаратами, менее состоятельных — воидатами.[1]

Однако при таком уяснении текста возникает ряд трудноразрешимых вопросов. В документе дважды подчеркнуто, что земля стала «зевгаратной» и «воидатной» недавно («теперь»). Если бы новые господа в порядке аллиленгия распределили пустующие земли между зевгаратами и воидатами («соответственно своим трудам», т. е. их возможностям) и обязали платить за них налоги, то этот дополнительный налог с зевгаратов (261 перпер) превосходил бы налог с их собственных стасей (208 перперов). Если же сами зевгараты и воидаты сдавали бы эти земли в аренду, то они должны были бы взимать с арендаторов огромную сумму в 3–3,5 тысячи номисм (налог с денежного дохода, который взимали бы при этом с хозяев венецианцы, исчислялся по норме 8,33% от суммы дохода).[2] Наконец, если бы сами господа «выделили» эту землю себе и организовали на ней новые зевгаратные и воидатные стаси, посадив на них зависимых безземельных крестьян, то эти новые домохозяйства были бы также приплюсованы к общему числу жителей Лампсака.

Мы предложили бы несколько иную гипотезу. В предшествовавшее написанию документа время «разыскания и устроения» земли Лампсака была сделана новая опись имущества всего городского налогового округа. Пустующие земли были действительно (в качестве домена) переданы трем венецианцам («выделены себе») в соответствии с их «трудами» (т. е. заботами) в таком количестве и такой доле,[3] которая способна обеспечить доход в 261 перпер, если оценить часть земли с применением понятия «зевгаратное хозяйство», и 52 перпера, если оценить другую, меньшую часть земли с применением понятия «воидатное хозяйство».

Оценка подобного рода была необходима — нужно было знать доходность пустующих земель, если подвергнуть их эксплуатации. Доходность определена «в среднем», так как практически земля не распадалась на отдельные зевгаратные и воидатные стаси, которые можно было бы оценить индивидуально.

---

[1] *Ф. И. Успенский.* Указ. соч., с. 306–321.

[2] *E. Schilbach.* Die byzantinische metrologische Quellen, S. 59.

[3] Слово morte отнюдь не обязательно понимать как «десятину».

Эксплуатировали эти земли венецианцы, по нашему предположению, с помощью наемных работников — мистиев (об этом — ниже).

Предпоследняя графа описи осталась совершенно не понятой Успенским: он считал, что в ней идет речь о сборе пошлин за торговые связи Лампсака с городами Фракии и, возможно, иных районов Балканского полуострова.[1] Уже А. П. Каждан в 1952 г. отметил, что La dimodeo, исправляемое Успенским на Dimotico (город во Фракии), означает изредка встречающуюся в византийских документах подать δημοδαῖον (существо ее остается неясным).[2] Мы считаем, что вся эта графа касается налогов с плодовых деревьев.

Чрезвычайно интересна последняя графа описи. При определении размеров отработочных повинностей населения чиновники константинопольского байло узнали от жителей, что при старых господах зевгараты и воидаты уплачивали (или выполняли) всего по 7 ангариев с каждого в течение года и что им были неведомы так называемые «ангарии кастелла» (видимо, западные рыцари имели здесь в виду отработки в замке господина).

Если в большинстве других граф описи начисление налогов произведено в целом в соответствии с византийскими нормами, то в данной графе эти нормы резко нарушены: отработки увеличены почти в семь раз. Чиновник заявил, что воидаты и зевгараты имеют возможность платить за 48 ангариев каждый, а актимоны — за 24 ангарии. При этом 48 ангариев зевгарата (или воидата) оценены в 4 перпера, а 24 ангарии актимона — в 1 перпер, т. е. вдвое дешевле. (Это соотношение можно, по нашему мнению, понять, допустив, что и зевгарат, и воидат — до коммутации отработок — трудились с одним животным, а актимон являлся на работу с голыми руками или несложными орудиями.)

Трудно сказать, в какой мере эти «идеальные» расчеты соответствовали реальной действительности. Но значение приведенных цифр тем не менее трудно переоценить — они говорят об исходных позициях казначейства при определении ценности крестьянского труда. Рабочий день воидата оценен в 24 фолла (2 милиарисия), рабочий день актимона — в 12 фоллов. А 310 перперов, в которые оценены все ангарии крестьян, признаны равноценными либо 3720 дням дарового труда воидатов, либо 7440 дням труда актимонов.

Нам представляется неслучайным почти полное совпадение двух цифр описи: стоимости ангарий (310 перперов) и доходов от эксплуатации «зевгаратной» и «воидатной» земли (313 перперов). Мы предполагаем, что взимаемая в повышенном размере с крестьян плата в счет ангариев как раз и должна была покрыть расходы господ на оплату наемного труда мистиев, который — при использовании ими господских орудий и тягловых животных — приносил вдвое больший доход (сравнительно с наемной суммой).

---

[1] *Ф. И. Успенский.* Указ. соч., с. 334–335.

[2] *А. П. Каждан.* Аграрные отношения в Византии XIII–XIV вв. М., 1952, с. 121.

Если наша гипотеза правдоподобна, то для того, чтобы получать с земли домена доход в 313 перперов, господа должны были в течение года пользоваться трудом 25–25 мистиев (мы считаем при этом в году 200–300 рабочих дней).

Помимо 4 перперов в качестве ангариев, каждый воидат уплачивал около 5 перперов налога (251 перпер с 52 воидатов). Но если 1 перпера признаны равноценными его 48 рабочим дням, то 9 перперов = 108 дням. Норма эксплуатации крестьян в Лампсаке при венецианцах достигала, таким образом, 36% всего их рабочего времени.

Успенский делил графы описи на «сельские» и «городские», обращая внимание на решительное преобладание «сельских» платежей.[1] Мы склонны выделить еще третью группу — общих для крестьян и горожан платежей, которые, видимо, распределялись между теми и другими — в среднем, в соответствии с количеством дворов того и другого рода. Это — судейские поборы, димодеон, сборы с кур и с плодовых деревьев (всего 86 перперов).

Всего в Лампсаке было 173 домохозяйства: 60 городских и 113 крестьянских, т. е. из этой суммы в 86 перперов на горожан приходилось 30, а на крестьян — 56 перперов.

Собственно деревенские (крестьянские) прочие графы описи дают 1219 перперов 6 каратов; собственно городские — 366 перперов, а с учетом «общих»: первые — 1271 перпер 6 каратов, вторые — примерно 400 перперов.

«Городские платежи», таким образом, составляют только около 24% всех платежей, т. е. менее их четверти, тогда как дворов собственно горожан было в Лампсаке 34%.

Если судить по начальным графам описи, то горожане, уплачивающие всего 51 перпер и 6 каратов, представляются беднейшей частью населения Лампсака: они платят по 0,852 перпера с двора, тогда как актимоны (неимущие, но трудоспособные) платят по 2,7 перпера, а апоры (вдовы, сироты, убогие) — по 1 перперу.

Однако 51 перпер и 6 каратов взимались, несомненно, лишь с домашнего хозяйства горожан (огород, сад, животные, куры и т. п.). Опись упоминает мельницы, солеварни, суда, неводы и т. п. объекты обложения, собственниками которых следует признать тех же горожан. Это подтверждается и тем, что на 60 дворов горожан приходится сумма в 400 перперов от обложения городских статей дохода, т. е. в среднем по 6,6 перпера с горожанина.

Порядок сбора крестьянских налогов, видимо, мало отличался от того, каким он был до завоевания крестоносцев. Хотя опись суммарна, мы знаем, что налог с представителей каждой из четырех сельских категорий жителей взимался индивидуально. Так же индивидуально взимались налоги с домашнего хозяйства горожан и с их мельниц, судов, лодок, солеварен. Однако ряд платежей — с рыбных угодий, с пристани, с рынка — взимался, видимо, с каких-то организаций горожан (рыбаков, торговцев) — раскладку этих платежей они могли производить сами, без участия чиновника.

---

[1] *Ф. И. Успенский.* Указ. соч., с. 324.

Рыбная ловля и выпарка соли — единственные виды промыслов горожан Лампсака, которые позволяет констатировать опись. К податям, связанным с ловлей рыбы, можно отнести из собственно городских статей обложения до 230 перперов. Принимая 6,6 перпера за среднюю величину налога с горожанина, следует допустить, что этим промыслом занимались до 35 домохозяев города (более 20% самодеятельного мужского населения). Даже если рыбаки имели лишь мелкие суда и лодки, городской рынок вряд ли мог поглотить всю добывавшуюся ими рыбу.

То же самое, по нашему мнению, следует сказать и о продукции 16 солеварен. При суточном потреблении человеком в южных широтах соли в 25 г дневной ее расход в городе не превышал, по всей вероятности, 25–30 кг. И соль, и соленая рыба были, несомненно, важной статьей лампсакского вывоза.

Конечно, строительство судов и лодок, плетение сетей и неводов, изготовление иного мореходного и рыбацкого инвентаря предполагает наличие в Лампсаке деревообрабатывающего, прядильного, кузнечного ремесел. Но об этом остается только гадать.[1]

Наше предположение о внешнеторговых связях Лампсака можно подкрепить еще одним соображением. Крестьяне Лампсака должны были ежегодно выручать на городском рынке до 1270 перперов только для уплаты налогов. Горожанам для этого было достаточно 400 перперов, однако если денежные расходы крестьян были минимальными, то расходы горожан на продукты сельского хозяйства должны были в несколько раз превосходить сумму платимых ими налогов. Маловероятно, чтобы все эти деньги горожане получали у местных крестьян в обмен на свои товары. Следует учитывать и то, что 1670 перперов у жителей Лампсака изымалось каждый год, и лишь незначительная часть этой суммы возвращалась господами на местный рынок (1000 перперов они, во всяком случае, отправляли ежегодно в Константинополь).

Таким образом, какие-то значительные суммы должны были в течение года притекать на лампсакский рынок извне.

Мы считаем, что в описи названы далеко не все доходы горожан, как и не все их платежи в казну. Лампсак издревле был наиболее удобным местом переправы через Геллеспонт (в Галлиполи и обратно). Перевозом промышляли жители обоих этих городов.[2] Город лежал на оживленной торговой магистрали. По словам Феофана, судов

[1] По свидетельствам восточных авторов XIII в., из Лампсака вывозили также гончарные изделия (*Sp. Vryonis, Jr.* The Decline of Medival Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from Eleventh through the Fifteen Century. London, 1971, p. 13, n. 60).

[2] *Constantine Porphyrogenitus.* De administrando imperio, ed. H. J. Jenkins, Gy. Moravcsik. Budapestini, 1949, p. 92, 116–119; *Georg. Acrop.*, I, p. 46.5–7, 50.12–13, 124.1–3, 125.14–19; *Ducas*, p. 39.19–20, 65.18–19, 147.20, 213.3, 24–25, 223. 28–29 etc.

было множество во всех городах Геллеспонта.[1] Сп. Врионис считает Лампсак XI–XIII вв. процветающим городом и приписывает его процветание именно торговым связям.[2]

Значительные доходы горожан от торговли и пошлин с них не упомянуты в описи, на наш взгляд, только потому, что право казны на сбор пошлин с внешнеторговых сделок не было передано трем венецианам. Так и в Константинополе пошлины были в ведении особой администрации, неподвластной столичному эпарху.[3] Так, видимо, обстояло дело и при византийских властях на Геллеспонте, где издревле находились важнейшие таможни.[4]

Перейдем теперь ко второму документу. Три венецианца владели, видимо, Лампсаком какое-то время до 1218 г., может быть — с момента взятия города венецианцами весной 1204 г. Затем по воле дожа была произведена новая опись имуществ в Лампсаке, определена налоговая сумма, которую бенефициарии получили право собирать с жителей. Порядок службы этих лиц (скорее всего — военной, ибо Лампсак лежал близ границ с Никейской империей) остался прежним, как, вероятно, и размеры доходов. Однако теперь более детально были обозначены сроки выплаты ими налоговых сумм в казну и размеры этих сумм, равных в совокупности 1000 перперов.

Степень прав трех мужей на Лампсак не обозначена. Дважды употребленный термин «собственность» (propriis, propriorum) указывает на отношение к доходным объектам не венецианцев, а жителей Лампсака. Права каждого из трех владельцев города, видимо, равны, как и их обязанности. Их чистый доход, с которого они несли службу, определен в 470 перперов. Но из первого документа мы знаем более точную цифру — 471 перпер 6 каратов. Т. е. на каждого приходилось по 157 перперов 2 карата.

Успенский называл трех венецианцев «прониарами».[5] Но данных для уподобления характера их держания византийской пронии недостаточно, хотя несомненно — перед нами условное владение, заключающееся в передаче права сбора государственных налогов с точно указанной территории и права (в качестве награды за службу) отчислять в свою пользу определенный процент (здесь 40,15%) собранных налоговых сумм.

Три владельца Лампсака вряд ли были рядовыми рыцарями. Доход одного можно приравнять к налоговой квоте с 16 зевгаратов, или, если учесть указанное в первом документе соотношение бедных, средних и богатых дворов, — с деревни из 33 дворов (в которой 6 зевгаратных хозяйств, 15 воидатных, 5 актимонских и 7 апорских). Рядовой

---

[1] *Theophanes.* Chronographia. Lipsiae, 1883, p. 385.

[2] *Sp. Vryonis, Jr.* Op. cit., p. 12–13, n. 60. Среди вывозившихся из Лампсака товаров он называет зерно и шелк.

[3] Jus. III, p. 305–306.

[4] *H. Antoniadis-Bibicou.* Recherches sur la douane à Byzance. Paris, 1963, p. 212.

[5] *Ф. И. Успенский.* Указ. соч., с. 292.

лен рыцаря оценивался в Романии в 300 анжуйских ливров.[1] К сожалению, мы не знаем соотношения ливра с перпером в это время. Важно, впрочем, что двое из бенефициариев носят фамилию Квирино — весьма знатного рода в это время, подписи представителей которого весьма часты в официальных актах.

В заключение отметим, что в целом опись Лампсака составлена в соответствии с византийской налоговой системой — в ней есть две прямые ссылки на византийские «практики» (описи имущества налогоплательщиков), а именно, что размеры налогов оставлены такими же, какими они были определены в практиках. Завоеватели не отказались ни от одной статьи дохода имперской казны, но они резко повысили поборы в счет отработок: для зевгаратов в силу этого общий уровень эксплуатации повысился на 40%, а для воидатов (наиболее многочисленной категории крестьян) — на 80%. Неудивительно поэтому, что жители Лампсака принимали активное участие в военных действиях Иоанна Ватаца против латинян.[2]

Сохранили, видимо, венецианцы и те основные сроки сбора налогов, которые существовали в Византии. Согласно «Пире», новый налоговый год начинался с 1 октября; сентябрь (завершение сбора урожая плодов всех видов) был последним месяцем, в котором налогоплательщик должен был погасить свои обязательства перед казной за год, истекший 31 августа.[3] Именно поэтому, на наш взгляд, в летний период — от Пасхи до сентября (включая его) — три венецианских мужа должны были в казну наиболее крупную сумму (400 перперов). Вторым сроком уплаты налога в Византии был март.[4] И венецианцы должны были примерно в тот же срок (к Пасхе) внести в казначейство байло еще 300 перперов. О третьем сроке каких-либо податных взносов в Византии (к Рождеству) источники не упоминают; вполне вероятно, это было новшество, введенное западными завоевателями. Однако не исключено, что этот срок имел определенное значение в отношениях байло с владельцами Лампсака и не играл никакой роли в их отношениях с самими налогоплательщиками.

Выше мы упоминали о том, что 60 дворов «горожан» в собственном смысле слова составляют лишь 34% дворов Лампсака. Прочие 113 дворов (66%) можно с полным правом охарактеризовать как крестьянские. Крестьянские дворы, следовательно, почти вдвое преобладали над домохозяйствами, для обитателей которых земледелие не было главным источником существования. Мало того, и горожане, и крестьяне, жившие в пределах одного населенного пункта, составляли не только единый налоговый округ, но и общину, владевшую неподеленными земельными угодьями (эти угодья арендовали у общины

[1] *Н. П. Соколов.* Образование Венецианской колониальной империи. Саратов, 1963, с. 398.
[2] *Georg. Acrop.*, p. 47.20–21.
[3] Jus, I, cap. XXIV, 14, p. 94; cap. XIII, 3, p. 201.
[4] Jus, III, p. 99.

новые владельцы Лампсака — венецианцы, часть этих угодьев на берегу считалась также доходной, хотя и не была оборудована под причалы).[1]

И тем не менее Лампсак — несомненно город. Хотя мы в сущности ничего не узнали о масштабах ремесленного производства в Лампсаке, определить его как город позволяет уже одно то, что он играл существенную роль в местном торговом обмене. На рынке Лампсака реализовалась товарная сельскохозяйственная продукция не только его жителей-крестьян, но — бесспорно — и земледельцев окружающих город деревень. Треть населения Лампсака должна была покупать на городском рынке основную массу продуктов питания. Безусловно, Лампсак, как и прочие средние и мелкие города империи, испытывал периодические пароксизмы — «припадки» повышенной торговой деятельности весной, когда начинался сбор налогов, и в августе–сентябре, когда взималась их основная масса. Весенне-летняя жажда денег у всех домохозяев города и соседних сел связана была с наиболее оживленным периодом внешнеторговых сделок, обусловленным наиболее благоприятными погодными условиями для мореходства. Однако более важным мы считаем то обстоятельство, что лампсакский рынок не мог не функционировать постоянно в течение года. Без этого значительная часть жителей города не могла существовать.

Мы считаем Лампсак типичным приморским городом Византии конца XII–начала XIII в., структура которого, однако, сложилась несколькими столетиями раньше и вряд ли претерпела существенные перемены к 1218 г. Это наиболее распространенный в империи тип приморских городов, которые В. Грохова определяет как «центры земледельческой округи» с постоянно функционирующим рынком, где совершается организованный обмен городской и сельской продукции и где в какой-то мере ведется торг привозными товарами и продаются на вывоз местные товары. В. Грохова называет такие населенные пункты городами «в точном значении слова» (тип 3–а).[2]

При определении населенного пункта в качестве города не последнее значение, видимо, имеет и вопрос о числе его жителей. К сожалению, мы не знаем историю Лампсака в X–XII вв., чтобы уверенно говорить о том, состояние упадка или, напротив, подъема он переживал в момент составления исследуемых документов. Значительные пространства пустующих земель (и как будто заброшенные виноградники) свидетельствуют, кажется, о том, что крестоносное завоевание сопровождалось сокращением населения Лампсака. Однако в тех же документах говорится об активном процессе разработки этих земель арендаторами, что как будто предполагает приток в город и его окрестности новых поселенцев. Сп. Врионис пишет о том, что серьезный кризис, вызванный турецким наступлением, поразил города Геллеспонта только в 80-х годах XIII в.[3]

---

[1] О продаже городом своей общественной земли как о заурядном явлении упоминается и в «Пире» («Если ты купил у города поле...» — Jus, I, cap. XXII, 3, p. 82).

[2] *V. Hrochová.* Op. cit., p. 96.

[3] *Sp. Vryonis, Jr.* Op. cit., p. 254.

Однако для того, чтобы отчетливее представить размеры Ламиска среди других городов империи, нам кажется уместным привести забытую анонимную заметку, сохранившуюся в рукописи Cd. Urbin 151 (Ватикан, XV в.). В заметке сказано, что окружность стен Константинополя составляет 18 тысяч «мужских шагов», окружность стен Фессалоники — 6 тысяч, Веррии — 2150, а Андрианополя — всего 1600 шагов. Посему, сказано в заметке далее, «сведующие в геометрии» заключили бы, что Константинополь больше Фессалоники в 9 раз, Фессалоника больше Веррии примерно в 8 раз, а Веррия больше Андрианополя — приблизительно вдвое.[1]

Автор заметки высчитывал площади названных городов в соответствии с иногда применявшимся в Византии методом деления периметра на 4 (нахождение стороны воображаемого квадрата). По-своему подсчеты он сделал совершенно точно, пренебрегая, однако, тем, что Константинополь, например, представляет собою в плане треугольник.

Учитывая тот факт, что длина константинопольских стен равна примерно 16 километрам,[2] следует признать «мужской шаг» заметки не римским двойным шагом,[3] а особым, «измерительным», равным приблизительно 90 см. Следовательно, периметр Андрианополя не превышал 1424 м, а одна из его четырех сторон — 356 м. Площадь же города — по названному выше методу — можно определить в 126740 м², т. е. она составляла чуть более $^1/_8$ км².

Сравним для начала Андрианополь с Херсоном, хорошо исследованным советскими археологами византийским городом, переставшим существовать как населенный пункт в XIV в. А. Л. Якобсон определяет его площадь в 339 тыс. м², число же его жителей в X в. — в 6–7 тыс. человек, а в XII–XIII вв. — в 5–6 тыс.[4] Следовательно, население Андрианополя можно было определить в 1870–2660 чел. (в 2,67 раза меньше, чем в Херсоне).

Однако мы сделали бы одно замечание к этим цифрам (разумеется, весьма относительным). А. Л. Якобсон исходит из того, что в одном жилом помещении проживало 7–8 человек. Нам эта цифра представляется завышенной, ее не оправдывают и те статистические данные, которые ученый приводит в своей статье. Хиландарские практики, дающие массовый материал о численности византийских семей, позволяют определить среднюю цифру в 4–5 человек.[5] Конечно, в стиснутом стенами городе возможности расселения членов семьи при подрастании ее молодых представителей были гораздо меньшими, чем в деревне. И тем не менее мы сочли бы более подходящей цифру не 7–8 человек на одно городское помещение, а 5–6.

---

[1] «Νέος Ἑλληνομνήμων», I, 1904, σ. 243.

[2] *Джелаль Эссад.* Константинополь. М., 1919, с. 88.

[3] См.: *E. Schilbach.* Byzantinische Metrologie, S. 22–23.

[4] *А. Л. Якобсон.* О численности населения средневекового Херсонеса. — ВВ, XIX, 1961, с. 154–161.

[5] См.: *К. В. Хвостова.* Особенности аграрноправовых отношений в поздней Византии, XIV–XV вв. М., 1968, с. 264–299.

Итак, в соответствии с этой поправкой число жителей Херсона в XII–XIII вв. мы определили бы в 3600–4300 человек, а Андрианополя — в 1350–1600. Иначе говоря, в Андрианополе было, видимо, не более 260–320 домов. Таким образом, этот значительный византийский город превосходил Лампсак едва лишь вдвое. В 173 домах Лампсака обитало, скорее всего, приблизительно 850–1000 жителей. И приведенное сравнение дает, как нам кажется, право считать Лампсак не маленьким городком, а городом средней величины.

Можно смело предполагать, что и по численности своего населения, и по внутренней структуре многие другие приморские города в бассейне Эгейского моря в XII–XIII вв. мало отличались от Лампсака.

Влахи византийских источников X–XIII вв.

Этнические проблемы периодически привлекают пристальное внимание широких кругов общества. На новом уровне развития гуманитарных наук поднимается заново весь комплекс вопросов, связанных с происхождением и историко-культурной эволюцией того или иного народа.

Тема данной работы — некоторые проблемы истории одного из своеобразных этнических феноменов на Балканах в центральный период средневековья, именовавшихся в византийских источниках влахами и, по мнению большинства ученых мира, являвшихся в этническом смысле почти тождественными влахам северо-дунайским — предкам современных румын и молдаван.

Значительно уступая в численности другим народам на Балканах, среди которых они жили, влахи в течение многих веков сохраняли свою яркую этническую индивидуальность и играли постепенно усиливавшуюся роль в экономической, социальной и политической жизни средневековых государств этого региона Европы.

Помимо общих трудностей исследования проблемы этногенеза, в данном случае мы сталкиваемся с трудностью специфической: все известия источников о начальной истории влахов относятся к территории, на которой не сложилась их собственная государственно-политическая организация. Возникла она в значительном удалении от тех мест, где влахи появились впервые на арене истории, и свидетельства об их ранней судьбе в этих районах почти совершенно отсутствуют в письменных памятниках.

Вопрос о происхождении влахов сводится в конечном итоге к проблеме континуитета романской культуры в средние века на территории современных Румынии и Молдавии: сохранила ли эта культура здесь свои корни, обусловившие специфику сложившегося на данных землях этноса, или же они были выкорчеваны в эпоху переселения народов, и этногенез влахов на этой территории нужно сводить главным образом к проблеме их миграции из областей, лежавших к югу от Дуная.

Подавляющая масса предложенных в науке решений проблемы так или иначе соотносится с указанной альтернативой. Попытки выйти за ее пределы и найти третье решение не примирили спорящие стороны. По нашему мнению, и в дальнейшем поиски решения окажутся плодотворными не на пути полного отрицания одной из отмеченных точек зрения, а на пути преодоления их крайностей — и это направление все более усиливается в современной научной литературе.

Как всякая проблема этногенеза, она может быть решена лишь совместными усилиями ученых самой различной специализации, способных дать профессиональную оценку не только письменным свидетельствам, но и данным археологии, этнографии, лингвистики, ономастики, топонимики, гидронимики, антропологии и т. д. Сколь бы, однако, ни были важны данные упомянутых выше смежных наук для изучения вопросов этногенеза, мы убеждены, что именно письменные источники, интерпретированные историками и текстологами, останутся в этой связи и впредь одной из основных опор исследователя.

Сознание этого непреложного факта привело безвременно погибшего талантливого венгерского ученого М. Дьони к мысли о критическом комментированном издании всей совокупности письменных источников X–XIII вв., содержащих сведения о влахах. 2 ноября 1952 г. на заседании секции лингвистики и истории литературы Венгерской АН он доложил о проспекте трехтомного издания 177 документов этого рода.[1] План М. Дьони, к сожалению, не был осуществлен. Однако его труды (труды сторонника миграционной точки зрения), посвященные проблеме происхождения влахов, заслуженно обрели статус классических в этой отрасли истории. Спустя 20 лет идея М. Дьони стала осуществляться на новой основе и в гораздо более широком плане в Румынии. Вышли первые два тома корпуса источников, охватывающих древнейший период истории земель, входивших в пределы римской провинции Дакия.[2] В ближайшее время, видимо, появится третий том, относящийся непосредственно к эпохе X–XIII вв.

Предварительный комментарий письменных свидетельств о влахах мы осуществляли для уяснения следующих вопросов: 1. Содержание термина «влахи» в византийских памятниках. 2. Картография этого термина в X–XII вв. 3. Занятия и быт влахов. 4. Внутренняя социальная жизнь влахов в пределах их групп и общин. 5. Отношения влахов с окружающим населением и официальными властями. 6. Религия влахов и церковь. 7. Некоторые вопросы происхождения влахов.

Свое исследование начнем с пассажа из сочинения византийского полководца XI в. Кекавмена. Пассаж представляет собой пересказ, а отчасти — точную цитату из хрисовула Василия II Болгаробойца в пользу некоего Никулицы и является древнейшим точно датированным

[1] *M. Gyóni.* Les sources byzantines de l'histoire des Roumains. — «Acta antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae», 1953, II, 1–2, p. 231–233.

[2] *H. M. Mihaescu, Ch. Stefan, R. Hîncu, Vl. Iliescu, V. C. Popescu.* Fontes Historiae Dacoromanae, I. Bucarest, 1970; II. Bucarest, 1971.

известием о влахах.[1] В ряде исследований последнего времени ученые пришли к согласованному мнению, что Кекавмен, создавая свой нравоучительный труд, использовал личные архивы двух или трех семей фессалийских магнатов (Кекавменов, Никулиц и Дельфинов), включавшие подлинники документов, вышедших из константинопольской правительственной канцелярии.[2] Специфические задачи труда Кекавмена, приводящего факты и разного рода эпизоды лишь в качестве примеров к своим поучительным сентенциям, исключали, кажется, необходимость в сознательной и серьезной фальсификации этого иллюстративного материала.

Упомянутый пассаж из сочинения Кекавмена приведем здесь полностью.

«Весьма полезно для Романии, государь, — пишет Кекавмен, обращаясь к императору, — не оказывать чести иноплеменникам, ставя их на высокие посты. Если они будут служить за одежду и хлеб, знай, что будут исполнять службу верно и преданно, посматривая на длань твою и ожидая нескольких номисм и хлеба. А когда ты удостоишь иноплеменника более высоким титулом, чем титул спафарокандидата, с того момента он будет небрежен и перестанет служить тебе верно. Я расскажу, а ты послушай, государь, как при разных обстоятельствах приходили иноплеменники к царствовавшим до тебя — и к багрянородному Василию, и к его отцу, и к деду, и к прадеду и так далее. Да что я поминаю старых (василевсов)? Ни Роман Аргиропул, ни другой кто из блаженных василевсов не возвышали франка или варяга в достоинство патрикия, не давали приказа возвести кого-нибудь из иноплеменников в ипаты или стратофилаки. В лучшем случае иногда кто-нибудь из них становился спафарием. Все они служили за хлеб и одежду, и процветала Романия. Расскажу твоей царственности кое-что в качестве примера. Мой дед Никулица, немало потрудившись для Романии, стал дукой Эллады в награду от самодержцев за верность. Власть эту он получил пожизненно посредством выдачи хрисовула, как и доместикат экскувитов Эллады. Но вот прибыл один, по имени Петр, племянник василевса Франкии, к блаженному василевсу Василию на четвертом году его царствования. И василевс удостоил его титула спафария, поставив его доместиком экскувитов Эллады. А деду моему василевс написал: "Да будет тебе известно, вест, что прибыл на службу к моей царственности Петр, родной племянник короля германцев, и, как он говорит, решил жить и умереть рабом моей царственности. Поверив

[1] На важность счастливого совпадения в данном случае времени записи этого документального известия и времени освещаемых в нем событий указывал еще М. Дьони (*M. Gyóni*. L'oeuvre de Kekaumenos source de l'histoire roumaine. — «Revue d'histoire comparée», 23 année. N. S., t. III, № 1–4. Budapest, 1945, p. 152–153).

[2] *P. Lemerle*. Prolégomènes á une édition critique et commentée de «Conseils et récits» de Kékaumènos. Bruxelles, 1960, p. 68–73; *Й. Ферлуга*. Кекавмен и његови извори. — «Зборник филозофског факултета», VII, I, 1963, с. 193–195; «Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI века». Подготовка текста, введение, перевод и комментарий Г. Г. Литаврина. М., 1972, с. 39–49.

его искренность, моя царственность не позволила выдвинуть его в стратиги, чтобы не унизить ромеев, а поставила его доместиком подчиненных тебе экскувитов. Однако узнав, что ты получил эту должность от моего отца через хрисовул, моя царственность дарует тебе вместо экскувитов начальство над влахами Эллады". Видишь, какую проявил осторожность багрянородный по отношению к иноплеменнику, хотя он был тогда василевс».[1]

Четвертый год правления Василия II — это время с 10 января 979 г. по 10 января 980 г.

Второе (а возможно, даже первое по хронологической последовательности событий) известие о влахах принадлежит Иоанну Скилице, византийскому автору конца XI столетия. В промежуток между 976 и 980 гг. (более ранняя дата из этих пяти лет нам представляется вероятнее) один из четырех комитопулов, возглавивших возрождение Первое Болгарское царство, старший из братьев — Давид, «погиб тотчас, убитый между Касторией и Преспой, в так называемых Прекрасных Дубах, некими влахами-путниками (ὁδιτῶν)».[2]

Начиная с этих свидетельств вплоть до конца XIII столетия термин «влахи» в византийских источниках упоминается неизменно наравне с прочими этнонимами. Известно, сколь сложно содержание этнонимов в средневековых, в том числе византийских памятниках: они нередко заключали в себе указание не только на этническую специфику народа, но и на преобладающий род его занятий, территорию обитания, политическую организацию, религиозную принадлежность и т. д. Учитывая это, можно сказать, что в известном смысле собственно «этнический аспект» термина «влахи» был присущ ему даже несколько большей степени, чем, например, употреблявшимся в тех же памятниках этнонимам «ромеи» или «болгары»: в содержание понятия «влахи» не входило представление об определенной, строго очерченной территории, как и об особом государственном объединении, этническое наименование большинства подданных которого могло быть перенесено и на иные этнические группы в его пределах.

К сожалению, конкретное содержание термина «влахи» в византийских источниках раскрывается лишь в упоминаниях об особенностях хозяйственной деятельности и быта влахов и в указаниях на их тесные взаимные связи. Ни в одном документе той эпохи не говорится непосредственно о каких-либо языковых или антропологических отличиях влахов от других народов Балкан. Несомненный намек на их языковую специфику содержится лишь в беглом замечании ученого византийца XII в. Иоанна Киннама, что согласно некоей устной традиции,

---

[1] Советы и рассказы..., с. 278, 23–282.5. Подробный анализ этого известия см. здесь же, с. 580 и сл.

[2] *Georgius Cedrenus*. Joannis Scylitzes opera, II. Bonnae, 1839, p. 435.13–16. (Далее — *Cedr.*) Мы вносим в текст поправку (εἰς — «в» вместо καί — «и» после слова «Преспой»), основываясь на «Добавлениях» Михаила Девольского (*M. Prokić*. Die Zusätze in den Handschrift des Johannes Scylitzes. München, 1906, S. 28).

предки влахов некогда переселились из Италии.[1] Свидетельство Никиты Хониата об особом «влашском» языке (на этом языке один из пленных византийцев просил царя болгар Асеня отпустить его ради «единоязычия») не является бесспорным: Хониат мог иметь в виду и не собственно влашский, а болгарский язык.[2]

Тем не менее мы считаем совершенно верным вывод М. Дьони, что ни одно известие о влахах вплоть до конца XIII в. не дает оснований к тому, чтобы усматривать в этом термине указание не на определенную этническую группу на Балканах, а лишь на слой населения, занятого по преимуществу специфическим, кочевым или полукочевым, скотоводством.[3] Выходцы из среды влахов оставались, как мы увидим, «влахами» и тогда, когда они превращались в видных горожан.

Единственный раз (у Анны Комнины) между понятиями «влахи» и «кочевники» поставлен знак равенства (кочевников, пишет она, «в просторечии называют влахами»).[4] Как показал М. Дьони в специальной работе, Анна допустила небрежность: она хотела сказать, что влахи — кочевой народ, а отнюдь не то, что любые кочевники — влахи; что именно их, а не всех кочевников было приказано призвать в войско. Далее она, обращаясь к официальным документам, использует этот термин в его точном этническом значении наравне с другими этнонимами.[5]

В ряде источников конца XII–начала XIII в. наблюдается своего рода «экспансия» наименования «влахи»: оно многократно употреблено по отношению ко всему населению забалканской Болгарии. В настоящее время можно считать доказанным и признанным большинством ученых, что временное исчезновение или редкость употребления термина «болгары» применительно к этой территории объясняется особенностями политического мышления византийцев. За время византийского господства в Болгарии в византийской литературе возникла прочная традиция называть «болгарами» лишь обитателей катепаната «Болгария» и архиепископии «Болгария», охватывавших в основном только западные и юго-западные районы бывшего Болгарского государства. Восстание населения Северо-Восточной Болгарии в 1185 г., носившей со времени ее завоевания византийцами иные административные наименования, обусловило распространение «учеными» хронистами и риторами одного из характерных для данной территории этнонимов на все население забалканской Болгарии.[6] Вы-

---

[1] *Joannis Cinnami* epitome rerum... Bonnae, 1836, p. 260.9. (Далее — *Cinn.*).

[2] *Nicetae Choniatae* Historia. Bonnae, 1835, p. 617. (Далее — *Nic. Chon.*).

[3] *M. Gyóni.* Le nom de βλάχοι dans l'Alexiade d'Anne Comnène. — BZ, 44, 1951, S. 244–245.

[4] *Анна Комнина.* Алексиада. Вступит. статья, перевод, комментарий Я. Н. Любарского. М., 1965, с. 232.

[5] Там же, с. 267–268; *M. Gyóni.* Le nom..., p. 244.

[6] *Г. Г. Литаврин.* Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960, с. 431–436; *И. В. Дуйчев.* Рецензия на: *Henri de Valenciennes.* Histoire de l'empereur Henri de Constantinople, publié par J. Longon, 1948. «Byzantinoslavica», XV, 1951, p. 260; *П. Петров.* Принос към историята на средновековна България във ос-

бор именно этого этнонима (влахи) можно объяснить, вероятно, тем, что как раз влахи играли после болгар наиболее заметную роль в восстании и именно с ними византийским карательным экспедициям пришлось столкнуться в первую очередь. Видимо, влашское население преобладало в районе Балканского хребта, отделявшего от империи восставшую провинцию. Вряд ли случайно, что после того как новое государство упрочилось и его правители объявили себя официально преемниками власти бывших болгарских царей, а свою страну Болгарией, термин «влахи», как главный для определения населения этих мест, исчез со страниц византийских хронографов, вытесненный термином «болгары». В частности, этот этноним безраздельно господствует по отношению к забалканской Болгарии уже у непосредственного продолжателя исторического труда Никиты Хониата — Георгия Акрополита, а также и у Георгия Пахимера.

Не имея намерения выходить за пределы указанного в заголовке периода, мы хотели бы все-таки сказать несколько слов о судьбе термина «влахи»[1] в XIV–XV столетиях. Уже Д. Ангелов указал на случаи, когда термин «влахи» переносится в источниках XIV в., относящихся к Северной и Средней Македонии и к Эпиру, на представителей иных этнических групп, если они занимались преимущественно перегонным скотоводством.[2] Применительно к землям сербо-хорватов подобная эволюция термина «влахи» особенно детально прослежена в последние годы югославскими историками.[3] Приводимые при этом свидетельства о постепенном (особенно с середины XIV в.) исчезновении конкретного этнического содержания в понятии «влахи» бесспорны, хотя не представляются убедительными такие аргументы, как ссылки на личные славянские имена «влахов», славянские названия их поселений, на примеры противопоставления в источниках «влахов» любым оседлым жителям, в частности земледельцам, на отсутствие упоминаний о месте жительства «влахов», которых сербские государи дарили монастырям и т. п.

Подобного рода доказательства мы могли бы отыскать в изобилии и для того, например, чтобы обосновать тезис о полной ассимиляции болгар (их личные имена и названия многих сел и городов — греческие,

---

нова на хрониката на Хенрих дьо Валансиен от Кирил Ис. Жуглев. — «Годишник на Софийския университет. Ист.-филол. факултет», т. 26, 1950. — ИП, 1952, №№ 4–5, с. 535.

[1] Об этимологии и происхождении самого термина см., например: *S. Mangiuca.* Walach oder Vlach. — «Romanische Revue», I. H. V. Jahrgang. Wien, 1889, S. 214–225; *H. Mihăescu.* Influenţa greceaca asupra romăne pîna in secolul XV-lea. Bucarest, 1966.

[2] *Д. Ангелов.* За зависимото население в Македония през XIV в. — ИП, 1957, № 1, с. 56–57; *Его же.* Аграрните отношения в Северна и Средна Македония през XIV в. София, 1958, с. 103–105.

[3] *М. С. Филиповић.* Структура и организаци а средњовековног катуна. — «Научно друштво С. Р. Босне и Херцоговине». Посебна издања, П. Одељење историјско-филолошких наука, I. Симпозиум о средњевековном катуну. Одржан 24 и 25 новембра 1961 г. Сарајево, 1963, с. 50–58.

болгар также дарили монастырям и нередко без упоминания о месте жительства и т. д.).[1] Мы готовы согласиться с тем, что понятие «влахи», как сугубо этническое, стало замутняться в XIV в. в балканских государствах, что оно переносилось (особенно турками) и на других скотоводов, независимо от их этнической принадлежности. Мы не убеждены, однако, в том, что в XIV в. некоторая эволюция термина находилась в полном соответствии с процессом ассимиляции влахов и что большинство их в это время уже не представляли особой этнической категории.

Осуществив картографирование известий о влахах отдельно для X, XI и XII вв., мы пришли к выводу, что гипотеза о постепенном учащении употребления названия «влахи» в течение XI–XII вв. в направлении с запада на восток и с юга на север полуострова как об обстоятельстве, отражающем подлинное положение дел в нарастании социально-политической роли влахов[2] или в увеличении их численности в отмеченном направлении, не может быть признана убедительной.

Во-первых, это учащение окажется не столь существенным, если за единицу подсчета брать не арифметическую сумму упоминаний термина «влахи», а число документов, где он употреблен, или число авторов, придерживавшихся на этот счет того или иного обыкновения. Во-вторых, подобного рода возрастание частоты упоминаний о влахах характерно и для прочих районов полуострова в силу простого увеличения материала источников по каждому более позднему периоду. В-третьих, подсчеты и их результаты находятся в зависимости от произвольного деления избираемых для сопоставления периодов. В-четвертых, не была учтена упомянутая выше «экспансия» понятия «влахи» в источниках, относящихся к 1185–1210 гг., и не было принято во внимание, что количество сохранившегося документального материала от разных районов полуострова весьма различно, зачастую в силу простой случайности.

По-прежнему, на наш взгляд, решающим останется емкость и содержательность самих свидетельств, независимо от их обилия или скудости для того или иного района Балканского полуострова.

Лишь два приведенных нами выше известия касаются событий X в. и относятся к западным областям Балканского полуострова. Едва ли мы можем на этом основании сделать бесспорные выводы о большей плотности влашского населения именно в этих местах (Македония и Северная Греция): первое свидетельство сохранилось как цитата из документов в случайно уцелевшем сочинении уроженца той облас-

---

[1] *Ст. Станојевић.* Лична имена и народност у Србији средњега века. — «Јужнословенски филолог», VIII. Београд, 1928–1929, с. 151–154.

[2] *E. Stănescu.* Byzantinovlachica, I: Les vlaques à la fin du Xe siècle — début du XIe et la restauration de la domination byzantine dans la peninsule balkanique. — «Revue des études sud-est européennes», VI, 3, 1968, p. 432–433; *E. Stănescu.* Les «mixobarbares» des Bas-Danube au XIe siècle (Quelques problèmes de la terminologie des textes). — «Nouvelles études d'histoire», III, Congrès de Vienne 1965. Bucarest, 1965, p. 51, n. 34.

ти, о которой там говорится (Эллада), тогда как для восточных и северных районов Балкан, исключая лишь столицу империи, от того времени не дошло ни одного документа правительственной канцелярии; второе известие заключено в том пассаже хронографа Скилицы, в котором особенно подробно — в силу их важности — повествуется о событиях второй половины 70-х годов X в. именно в Македонии.

Что касается XI–XIII столетий, то какая-либо разница в частоте упоминаний о влахах на востоке и на западе полуострова столь трудноуловима, что на ее основе мы не можем составить представлений об отличиях в плотности влашского населения там и тут. Помимо Эпира, Македонии, Фессалии, полуострова Халкидика и Северо-Восточной Болгарии, влахи упомянуты также в районе нижнего течения р. Марица[1] и как жители самого Балканского хребта. Относительно последнего известия стоит заметить, что говоря о событиях 1094 г., Анна Комнина называет этих влахов на Геме как давних местных жителей, отлично знающих горные тропы через хребет, по которым они тайно провели войска Лжедиогена.[2]

Особого внимания заслуживают свидетельства Иоанна Киннама и Никиты Хониата, касающиеся событий середины и второй половины XII в. на обоих берегах Нижнего Дуная. По сообщению Киннама, в 1148 г. Мануил I Комнин совершил почти без предварительной подготовки быстрый поход против половцев на левый берег Дуная. Они только что разграбили несколько провинций империи и к моменту появления императора на берегу Дуная уже успели переправиться на его левый берег. Мануил решил напасть на их лагерь. Приказав соорудить легкую переправу из скрепленных между собой однодеревок, император переправил свое войско, и византийцы, перейдя еще две реки и «преодолев довольно значительное пространство, дошли вплоть до горы Тенуорм, лежащей близ пределов земли тавроскифской». Найдя здесь брошенный половцами лагерь, они стали преследовать их и в середине дня настигли, произведя жесточайшее избиение.[3]

Мы не будем останавливаться на спорах относительно локализации событий: это известие необходимо для наших целей в связи с другим. В 1166 г., ведя упорные войны с венграми, Мануил I решил нанести им удар с неожиданной стороны. Он отправил протостратора

---

[1] Typicon du monastère de la Kosmosotira près d'Aenos. — ИРАИК, XIII, 1908, с. 52. В этом типике упомянуто владение монастыря Богородицы Космосотиры по названию «Спаситель влахов» (ὁ Σωτὴρ τ. βλάχων). По мнению В. Тыпковой-Заимовой, этот топоним свидетельствует о наличии в этих местах влахов (*V. Tăpkova-Zaimova.* Les noms de lieux dans le Typicon du monastère de la Kosmosotira. — «Балканско езикознание», II, София, 1960, с. 126–127). В недавно опубликованном фрагменте налоговой описи XIII в. упомянут участок по названию «Никифор Влах» в окрестностях Афин (*Е. Э. Гранстрем, И. П. Медведев.* Рукописные материалы по аграрной истории Византии в собраниях Ленинграда. «Археографический ежегодник за 1968 г.», М., 1970, с. 346).

[2] *Анна Комнина*, с. 268.

[3] *Cinn.* Op. cit., p. 94–95.

Алексея с войском к берегу Дуная (к тем местам, откуда вторгалися обычно во владения венгров), чтобы отвлечь внимание врага. «Лишу же некоему по прозвищу Ватац, — продолжает Киннам, — ведущему из другого места (ἑτέρωθεν) иное крупное войско и большое полчище влахов, о которых говорят, что они некогда были переселенцами из Италии, повелел вторгнуться в землю гуннов из мест у понта, называемого Эвксинским, откуда никто никогда во все времена не совершил на них набега».[1] Поход Ватаца был весьма удачен. Император решил закрепить успех, снова отправив войско «напасть сверху откуда-то на гуннов, живущих рядом с землей тавроскифов» (ἄνωθέν ποθεν ἐς τοὺς προσοικοῦντας τὴν Ταυροσκυθικὴν ἐμβαλεῖν Οὔννους). На этот раз войско вел Иоанн Дука. Быстро преодолев труднопроходимые места, он разорил и опустошил земли венгров.[2]

Мы считаем, что более правы те исследователи, которые усматривали во влахах Ватаца не жителей левобережья Дуная, привлеченных к походу византийского полководца, а влахов, набранных в войско в областях империи, лежащих к югу от этой реки. Эта точка зрения, кажется, начинает побеждать и в румынской историографии наших дней. Таково, в частности, мнение и Д. Нэстурела, и Е. Стэнеску.[3] В качестве дополнительного аргумента в пользу этого вывода укажем на слово ἑτέρωθεν — «из другого места»: речь идет о том, что каждый из полководцев в соответствии с приказом императора вел войска к местам сбора, а затем василевс давал каждому из них особое задание. Такое набранное в другой провинции войско вел и Ватац, который затем был послан за Дунай.

Д. Моравчик опубликовал неизданное стихотворение анонимного автора, современника событий, согласно которому Иоанн Дука вторгся в землю венгров не близ Тавроскифии, а непосредственно против Видина.[4] Заслуживает внимания догадка Д. Нэстурела, что ошибка Киннама состоит лишь в том, что он увлекся аналогией этих двух походов за Дунай и приписал Иоанну Дуке тот же путь, которым ранее шел Ватац.[5]

В составе войск Мануила, воевавших с венграми, влахи упомянуты лишь один раз в походе на левый берег Дуная. Д. Нэстурел полагает, что причиной этого были особые условия похода через горы (Кар-

---

[1] *Cinn.* Op. cit., p. 260.3–12: Λέοντα δέ τινα Βατάζην ἐπίκλησιν ἑτέρωθεν στράτευμα ἐπαγόμενον ἄλλο τε συχνὸν καὶ ὀὴ καὶ βλάχων πολὺν ὅμιλον, οἱ τῶν ἐξ Ἰταλίας ἀποικοι πάλαι εἶναι λέγονται, ἐκ τῶν πρὸς τῷ Εὐξείνῳ καλουμένῳ πόντῳ χωρίων ἐμβαλεῖν ἐκέλευσεν εἰς τὴν Οὐννικήν, ὅθεν οὐδεὶς οὐσέποτε τοῦ παντὸς αἰῶνος ἐπέδραμε τούτοις.

[2] Ibidem, p. 260, 12–261.5.

[3] *P. S. Năsturel.* Valaques, Coumans et Byzantins sous le règne de Manuel Comnène. — «Βυζαντινα», I. Thessalonike, 1969, p. 175–176; *E. Stănescu.* Byzance et les Pays Roumains aux IXe–XIe siècles. — Congrès international des études byzantines. Bucarest, 6–12 septembre 1971. Rapports, IV. Bucarest, 1971, p. 22.

[4] *Gy. Moravcsik.* Σημειώσεις εἰς τὰ καλλιτεχνικὰ μνημεῖα τοῦ οὐγγροβυζαντινῶν σχέσεων. — «Χαριστήριον εἰς Κ. Ὀρλανδον, I, 1964, σ. 28–29.

[5] *P. S. Năsturel.* Op. cit., p. 179.

пать), требовавшего специфических навыков, и влахи составили нечто вроде «альпийского корпуса».[1] Более естественным нам кажется другое объяснение, ибо в горы Сербии Мануил ходил не раз, и влахи там почему-то не понадобились: Мануил сосредоточил влашские контингенты для похода Ватаца с той целью, чтобы его воины, имея языковой контакт с местным населением на левом берегу Дуная, в районах, малознакомых византийцам, легче и успешнее справились с поставленной перед ними задачей.

Подтверждение этой мысли мы усмотрели бы в свидетельстве Никиты Хониата, представляющем для наших целей особый интерес. Рассказывая о заговорах двоюродного брата Мануила I Андроника Комнина, стремившегося овладеть престолом, и о провале этих попыток, историк сообщает о неудавшемся бегстве Андроника из константинопольской тюрьмы в 1164 г. в Галицкую Русь. «Но когда Андроник, — пишет Хониат, — перестал опасаться, поскольку уже избежал рук преследователей и достиг пределов Галиции, в которую, как в спасительное убежище стремился, тогда-то он и попал в тенета ловцов. А именно: схваченный влахами, до которых еще ранее докатилась молва о его бегстве, он был отведен снова назад к василевсу».[2]

Этот известный отрывок подвергся бесчисленному количеству толкований. Среди его комментаторов и интерпретаторов находились крупнейшие ученые, мнения которых разделились: одни считали, что влахи схватили Андроника еще на правом, южном, берегу Дуная (границы империи достигали только Дуная, а границы Галиции начинались уже на левом его берегу, там никто не мог бы арестовать Андроника, если бы он миновал пограничную стражу);[3] другие полагали, что беглец был пойман на левом берегу. Мы присоединяемся к последней точке зрения: приведенный выше текст, как нам кажется, в большей мере поддается такой интерпретации.

Согласно уже приводившимся известиям Киннама, византийцы были редкими гостями на левом берегу реки: их пограничные гарнизоны в эту эпоху напряженных войн с венграми и половцами стояли в укреплениях по правому берегу, и, разумеется, они в первую очередь должны были получить срочный приказ о задержании преступника. Андроник мог перестать опасаться, лишь миновав пограничные дозоры. Галицкая Русь к тому же, видимо, не имела непосредственно у реки прочных владений: бесспорных известий об этом нет. Войска Мануила преследовали половцев в течение полудня и лишь тогда оказались «близ пределов земли тавроскифской». Между империей и Русью лежала полоса, где хозяйничали половцы и, как мы думаем, местные влахи. Суть вопроса для нас и сводится к тому,

---

[1] *P. S. Năsturel.* Op. cit., p. 179.

[2] *Nic. Chon.* Op. cit., p. 171.

[3] См., например, аргументацию Э. Франческа: *E. Frances.* Les relations russo-byzantines au XIIe siècle et la domination de Galicie au Bas-Danube. — BS, XX, I, 1959, p. 59–60.

чтобы определить, кто были эти влахи: сторожевые ли воины империи, посланные на левый берег, представители ли власти местных вассальных империи топархов или попросту влашские жители, населявшие районы на левом берегу Дуная и схватившие Андроника в надежде на щедрую награду за его поимку (весть об обещанной награде действительно достигла их еще до появления самого беглеца)?

Не исключен любой из трех вариантов, и мы не берем на себя смелость отдать какому-нибудь из них решительное предпочтение.

К ряду этих свидетельств, позволяющих допустить мысль о влашском населении на левом берегу нижнего Дуная уже к середине XII в., мы отнесли бы известие Никиты Хониата о том, что в 1199 г. куманы вторглись на Балканы, «вместе с отрядом (μοίρας) влахов переправившись через Истр», и затем приняли участие в войнах болгарского царя Калояна против империи.[1] Это сообщение легко поставить под сомнение, ибо именно Хониат употребляет сплошь и рядом термин «влахи» то для определения отличного от болгар народа, то для указания на все население Второго Болгарского царства. Однако какие же это болгары, отряд которых мог прийти с половцами с левого берега реки?

Нам известно, что сторонники миграционной теории уделяли приведенным известиям Киннама и Хониата достаточное внимание и нашли их отнюдь не бесспорными. Но мы не обнаружили никаких, даже самых спорных, свидетельств о каком-либо значительном переселении влахов в XII в. на левый берег Дуная, в районы, где их ранее будто бы не было или было очень мало.

Переходя к вопросу о занятиях и быте влахов, вновь обратимся к одному из самых важных источников — сочинению того же Кекавмена.

Фессалийский магнат Никулица Дельфин, живущий в Ларриссе и, возможно, бывший стратигом этого города, старался всячески расстроить созревший здесь в 1066 г. план восстания против налогового гнета правительства Константина X Дуки. Инсургенты намеревались поставить Никулицу во главе повстанческого войска и, наконец, добились от него согласия, хотя он решил предпринять еще одну попытку не допустить восстания и «старался по возможности отвратить их от того, на чем они все сошлись. А они назначили назавтра свое совещание в доме Веривоя Влаха. Когда они объявили влахам: "Протоспафарий Никулица Дельфин также примкнул к нашему замыслу" (он был тогда протоспафарием), все были очень обрадованы и хотели идти к нему. Но Никулица, не желая этого, опередил их и сам прибыл туда, где находились совещавшиеся. Когда они внезапно увидели Никулицу, то вскочили и раболепно встретили его, а когда он спешился, то приветствовали его и, окружив, говорили ему: "Ты наш отец и повелитель. Без тебя мы не хотим ничего делать, потому что это нечестно. Так как ты явился, то скажи нам об этом замысле — что мы должны делать?". Никулица ответил им: "Нехорошо все это. Прежде всего мы станем перечить Богу, сделав его своим врагом,

[1] *Nic. Chon.* Op. cit., p. 663.

затем — василевсу, который, конечно, может двинуть против нас много иноплеменных народов и уничтожить нас. Кроме того, уже июнь месяц. Как мы станем жать хлеб, если случится волнение?" Говорил он и влахам: "Где теперь ваш скот и ваши жены?" Те ответили: "В горах Болгарии". Таково ведь у них обыкновение, что скот влахов[1] и семьи от апреля месяца вплоть до сентября находятся на вершинах гор и в самых прохладных местах. "Разве, — продолжал Никулица, — не разграбят его тамошние жители, которые, конечно, держат сторону василевса?" Слушавших его влахов убедили его слова, и они заявили: "Мы от такого совета не уходим и принимаем это". Впрочем, оставив его, они принялись обедать». Через несколько часов влахи, однако, решились на восстание вместе с местными болгарами, поддавшись уверениям лариссян.[2]

Итак, согласно точному смыслу этого известия, влахи не жали хлеб, их главным имуществом был скот. По более поздним свидетельствам известно, что это были прежде всего овцы, затем лошади, хотя разводили влахи также и ослов, коз, крупный рогатый скот.[3] Многие исследователи, даже такой крупный знаток проблемы, каким был М. Дьони, полагали, что влахи — подлинно пастушеский, кочевой народ, часто менявший как трассы сезонных кочевий, так и районы летних и зимних становищ, воздвигая себе осенью каждый раз новые жилища, чтобы весной навсегда забросить их.[4] В отношении приведенного нами сообщения М. Дьони заметил, что в данном случае мужчины остались до июня в Фессалийской равнине только потому, что должны были принять участие в предполагавшемся восстании.[5]

Оба эти вывода поддержал и Я. Ферлуга.[6] Однако М. Филипович справедливо указал на то, что дело обстояло гораздо сложнее. Во всяком случае неверно представлять влахов даже X–XI вв. кочевым народом — далеко не всех их можно определить и как полукочевников: трассы их сезонных кочевий и зимних стоянок были, как правило,

---

[1] В рукописи — «скот болгар» (τὰ τῶν Βουλγάρων κτήνα), что уже первые издатели и большинство исследователей считали явной ошибкой переписчика. Лишь Е. Стэнеску предложил недавно не исправлять текст в этом месте, предполагая возможность существования совместных стад болгар и влахов (*E. Stănescu.* Byzantinovlachica, p. 417–418, n. 40). Однако это допущение противоречит, по нашему мнению, всем смысловым акцентам в данной фразе.

[2] Советы и рассказы..., с. 256.18–258.24.

[3] *Ј. Трифуноски.* Географске карактеристике средневековних катуна. — «Научно друштво ... Симпозиум», с. 37; *Рад. Ивановић.* Дечански катуни. — «Историски часопис», III. Београд, 1952, с. 258.

[4] *M. Gyóni.* La transhumance des Vlaques balkaniques au Moyen Âge. — BS, XII, 1951, p. 39–40. Автор отмечает, что сведения о подобном скотоводстве с сезонными перегонами стад у фрако-иллирийцев восходят к гомеровской эпохе.

[5] *M. Gyóni.* L'oeuvre..., p. 140. *M. Gyóni.* La transhumance..., p. 34.

[6] Византийски извори за историју народа Југославије, III. Београд, 1966, с. 214–215, бел. 67, 71.

традиционными.[1] Всюду, где позволяли условия, влахи стремились, сокращая тяготы своего труда, укоротить амплитуду сезонных передвижений и вернуться осенью к своим готовым зимним хижинам и лежащим в долинах пастбищам.

Кекавмен далее сообщает, что прежде чем повстанческое войско Никулицы двинулось на север, к границам фем Болгарии и Фессалоника, он побывал в долине реки Плирис (ныне Блиури, правый приток Пенея). «Она протекает посреди области влахов, разделяя ее пополам. Став там лагерем, он собрал живущих в тех местах поблизости влахов и болгар, и к нему стеклось большое войско».[2]

М. Дьони считал этих влахов, живущих в долине, несомненно оседлым земледельческим населением, обосновавшимся здесь на опустошенных Самуилом во время болгаро-византийских войн территориях и перешедшим к земледельческому быту.[3] Наличие постоянных зимовищ свидетельствует, по мнению ученого, о переходе влахов к оседлой жизни.[4] Отчасти эти выводы, видимо, верны, но и в долине Плириса отнюдь не все влахи могли стать земледельцами, и постоянные традиционные зимовища — еще не доказательство оседлого земледельческого быта.

Югославские историки отмечают существование влашских катунов (общин и поселений) нескольких типов, характер которых определялся природными условиями местности и социальным статусом влахов. Помимо групп катунов, население которых совершало значительные переходы до летних пастбищ в горах и возвращалось на зимовища в долинах и приморских областях (влахи Пинда и ныне стремятся зимовать поблизости от берега моря, где зимы значительно мягче),[5] имелись катуны с постоянными зимовищами, не выходившие за пределы горных районов, а также катуны, расположенные у подножий горных массивов и также обладавшие здесь постоянными зимовищами-селами. Ареал летних кочевий катунов двух последних типов был значительно меньше (горы находились рядом); катуны, имевшие зимовища у подножий гор, обнаружили (в XIV в.!) в сербохорватских областях особенно заметную тенденцию к превращению в обычные земледельческие поселения, но катунов этого типа было меньшинство.[6]

---

[1] *М. Филиповић.* Указ. соч., с. 51 сл. и его же выступление в дискуссии по докладу Трифуноского (см.: *Ј. Трифуноски.* Указ. соч., с. 40).

[2] Советы и рассказы..., с. 260.1–9.

[3] *M. Gyóni.* L'oeuvre..., p. 142.

[4] *М. Дьони.* Влахи Барийской летописи. — «Acta antiqua», 1, 1–2, 1951, p. 244.

[5] См. очерки голландского этнографа, побывавшей несколько лет назад в поселениях влахов Пинда: *Thérèse Carolus-Barré.* Chez les Vlaques du Pinde. — «Revue des etudes sud-est européennes», VI, 4, 1968, p. 671–672; *Ј. Трифуноски.* Указ. работа, с. 37; *M. Gyóni.* Les Vlaques du Mont Athos au début du XIIe siècle. — «Etudes slaves et Roumaines», I, 1, 1948, p. 40.

[6] *Ј. Трифуноски.* Указ. работа, с. 36–38.

Говоря о процессе превращения влахов в оседлых поселенцев, следует, видимо, делать акцент не на факте обитания какой-то части влашской группы в месте зимовищ в течение всего года, а на роде их занятий. Превращение влахов в оседлых жителей не всегда означало, что они одновременно все превратились в земледельцев. Вряд ли, в отличие от М. Дьони, следует всюду, где речь идет о селах влахов, подразумевать земледельческие влашские поселения.

Сведения о постоянных влашских селах идут через XI–XIII вв. непрерывно. Неясно, однако, были ли они совсем пусты в течение полугода (весной и летом) или полупусты; были ли это поселения исключительно влашские или смешанные. Несомненно, именно постоянные влашские поселения в долине Плириса имеет в виду Кекавмен в приведенном выше свидетельстве, причем поселения на плодородной равнине.[1] Села эти лежали по соседству с болгарскими, как пишет Кекавмен, и греческими и были, вероятно, как исключительно влашскими, так и смешанными. Под 1083 г. Анна Комнина упоминает «влашское местечко» Эзеву в западной части фессалийской долины.[2] Если это наименование — собственно влашское, то любопытно отметить, что с XI в. к северу от Халкидики существовало поселение со сходным названием (Эзевы или Эзивы), являвшееся вместе со Стефанианой главными пунктами местной епископии и часто упоминавшееся в актах XIV столетия.[3] Древнейшим из сохранившихся

[1] Д. Ангелов (Аграрните отношения..., с. 104–106) указывает на фессалийских влахов как на исключение в массе кочевых влахов. Он ссылается на упоминание в грамоте Константина Деяновича (последняя четверть XIV в.) запустевшего села Настрои, «где власи сидели», как на доказательство того, что и в этом столетии влахи порой обретали оседлость лишь временно. Вполне вероятно, что случаи такого рода имели место и в это время, однако аргумент со ссылкой на село Настрои недостаточен: как показала в специальной работе Э. Антониадис-Бибику, и в XI в. и позже на Балканах было немало чисто греческих и славянских сел, заброшенных жителями (*H. Antoniadis-Bibicou.* Villages désertées en Grèce. Un bilan provisoire. — «Villages désertees et l'histoire économique, XIe–XVIIe siècles. Paris, 1965, p. 343–407). Э. Вернер также считает лишь фессалийских влахов некочевыми, поскольку осенью они стремились вернуться к своим обычным зимовищам (*E. Werner.* Yürüken und Wlachen. — «Wissenschaftliche Zeitschrift des Karl-Marx-Universität. Leipzig, 15, Jahrgang, 1966. Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe. Heft 3. S. 475). Подобной точки зрения придерживается и Г. Цанкова-Петкова (За аграрните отношения в средновековна България, XI–XIII вв. София, 1964, с. 131).

[2] *Анна Комнина*, с. 166. Попытку локализации села предпринял М. Дьони, идентифицировав его с современным Незеро (Эзеро) близ горы Осса (*M. Gyóni.* Egy vlach falu neve Anna Komnene Alexiasában. — «Egyetemes Philologiai Közlöny», 71, 1948). Г. Сулис счел эту локализацию удовлетворительной (*G. C. Soulis.* The Thessalian Vlacha — ЗРВИ, 8/1, 1963, p. 271). Однако Осса находится к северо-востоку от Лариссы, текст же Анны, как нам представляется, позволяет заключить, что Эзева лежала на пути Алексея I от Лариссы к Триккалам, как это подчеркнул сам М. Дьони в другой своей работе (*M. Gyóni.* L'oeuvre..., p. 141–142).

[3] См., например, Actes d'Esphigmenou. BB, XII, 1906. Приложение, акт от 1358 г., с. 34.4–5.36.49; акт от 1359 г., с. 36.8.

топонимов влашского происхождения считают сейчас название Κιμβαλόγγος (транскрипция влашского «Кымпулунг»),[1] местность в долине Струмы близ горы Беласица, упомянутую Скилицей в связи с событиями лета 1014 г.[2] Видимо, уже в то время здесь имелись постоянные влашские поселения. В феме Моглен, на горах Кожух и Кравица, пасли в 1184 г. свой и монастырский скот зависимые от Лавры влахи.[3] В суммарной описи владений монастыря упоминается о находившемся в этой же феме селе Хостианы, которое еще в 1115 г. было подарено Лавре вместе с катуной влахов Никифором Кефалой.[4] Авторы комментированного критического издания актов Лавры считают вполне возможным, что этимология названия села восходит к романскому — «место жертвоприношения».[5] Возможно, и в этом селе было немало постоянно проживавших влахов. О влашских селах и селах со смешанным греко-славяно-влашским населением несколько раз упоминает митрополит навпактский Иоанн Апокавк (речь идет о Южном Эпире в первой трети XIII в.).[6] Нам неизвестно, полностью ли опубликовано одно из судебных решений этого митрополита, в котором говорится о целом влашском селе, находившемся в пронии и плохо встретившем своего господина, прибывшего со своим гостем.[7]

Современник Апокавка архиепископ Охрида Димитрий Хоматиан сообщает, что в епархии ботротского епископа (Южная Албания) было село влахов, «посаженных на землю» (εἰς γῆν προφκαθήμενοι).[8] В Вергинской грамоте (1257–1258 гг.), признаваемой достоверной в данной ее части, упоминается о влашском горном селе Крапа в Средней Македонии (Дебрский округ), которое было подарено сербским госуда-

---

[1] *M. Gyóni.* Scylitzes et les Vlaques. — «Revue d'histoire comparée, XXV année, v. VI, № 2, 1947, p. 170–173; *E. Stănescu.* Byzantinovlachica, p. 413.

[2] О локализации см. новейшие работы: *Б. Панов.* Струмичката област во времето на Самоил. — «Илјада години од востанието на комитопулите и создаваньето на Самоиловата држава». Скопје, 1971, с. 159–163; *Т. Томоски.* Блешки за некои месности во Македони а во почетокот на XI в. — Там же, с. 204; *Cedr.*, II, p. 457.15.

[3] Actes de Lavra. Première partie des origines à 1204. Édition diplomatique par P. Lemerle, A. Guillou, N. Svoronos... Paris, 1970, № 66, p. 344.4–18.

[4] Ibidem, p. 363.45–47.

[5] Ibidem, p. 374.

[6] *S. Pétridès.* Jean Apokaukos. — ИРАИК, XIV, 1909, p. 19–20.

[7] Мы пользуемся неизданным текстом по рукописи Греч. 250, л. 63, хранящейся в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Это решение опубликовано по иной рукописи (?) в недоступном нам издании (см. об этом: *Г. Г. Литаврин.* Болгария и Византия..., с. 155, прим. 277, с. 156).

[8] Analecta sacra et classica Solesmensi parata, ed. J. B. Pitra, VI. (Roma, 1891, p. 341). Д. Ангелов подчеркивает, что влахи не были здесь старожилами — они были испомещены на землю после того, как разорились и попали в зависимость. (*Д. Ангелов.* Принос към народностните и поземлени отношения в Македония (Епирския деспотат) през първата четверт на XIII в. — «Известия на Камарата на народната култура. Серия: хуманитарни науки», т. IV, № 3, София, 1947, с. 28; *Его же.* Аграрните отношения, с. 105, бел. 1).

ром монастырю Георгия Быстрого близ Скопье.[1] В 1293 г. византийский император отнял у влахов землю в селе Бреснице и подарил ее Хилендарскому монастырю.[2]

Вряд ли можно сомневаться в том, что среди перечисленных поселений были и такие, где влахи не только зимовали из года в год и не только в какой-то части жили здесь зимой и летом, но и занимались земледелием. Мы не рискуем, однако, утверждать, что влахов-земледельцев было много уже в X–XII вв. Несомненно, те влахи, которые (подобно упомянутому Веривою) превращались в горожан, подвергались особенно быстрой ассимиляции. Даже Ларисса, столица Эллады, была тогда городом полуаграрного характера. Основная масса ее населения была так или иначе связана с ведением земледельческого хозяйства. Переход влахов-селян к городскому быту представляется при этом более естественным, чем поселение в городе влахов-горных пастухов. Однако следует считаться с выводами югославских историков, что наиболее активным процесс оседания влахов и превращения их в земледельцев на сербско-хорватских землях совершался именно в XIII–XIV вв. и был связан с рядом глубоких политических и социальных причин. Перекройка государственных границ на Балканах, конечно, тяжело отражалась на условиях хозяйственной деятельности влахов, разрывая трассы их традиционных кочевий. Не менее тяжелые последствия имел и постепенный процесс аграрного освоения земель в низменных районах, в долинах и на побережье, приводивший к сокращению зимних пастбищ и к постепенному вытеснению влахов с их стадами в горы.[3] Даже в Фессалии перед влахами, где их было особенно много, уже в конце XII–XIII вв. должна была встать дилемма: или уход в горы, или превращение в таких же земледельцев, какими были здесь местные греки и славяне. И, вероятно, большинство их предпочитало все-таки горы: по представлению очевидца, проезжавшего здесь в последней трети XII в., еврейского путешественника Вениамина Тудельского, влахи — обитатели именно горной, северной части Фессалии.[4] Следовательно, зимовища

---

[1] *П. Петров.* Към въпроса за автентичността на Виргинската грамота и достоверността на съдържащите се в нея сведения. — «Годишник на Софийския университет. Филос.-истор. факултет», LI, 2, 1957, с. 219–226. Ср.: *Л. В. Горина.* Социально-экономические отношения во Втором Болгарском царстве. М., 1972, с. 18. Не было ли это село влашским уже тогда, когда оно было отдано монастырю его ктитором, болгарским царем Романом (980–991 гг.)? О местоположении села и его последующей истории см. подробно: *Й. Трифуноски.* Указ. работа, с. 20–21.

[2] Actes de Chilandar. — «Византийский временник» (далее — ВВ.) XVII, 1911. Приложения, №№ 2.6–7.

[3] *Th. Capidan.* Darstellung der ethnologischen Lage am Balkan mit besonderer Berücksichtigung der Makedorumänen (Aromunen). — «Südost-Forschungen», 7, 1942. S. 536–537; M. *Gyóni.* L'oeuvre..., p. 29–33; *E. Werner.* Yürüken und Wlachen. — «Actes du I Congrès international des études balkaniques et sud-est européennes. III. Histoire. Sofia, 1969, p. 606.

[4] *Th. Capidan.* Darstellung..., S. 53.2; *M. Gyóni.* La transchumance..., p. 37.

в долинах, бывшие некогда основной хозяйственной базой этих влахов, должны были также переместиться в менее благоприятные для жизни в это время горные районы. Либо же зимовища, в которых некогда с сентября–октября по апрель–май жили нормальным сельским бытом целые семьи влахов, должны были постепенно превратиться в холодные хижины, в которых жили лишь мужчины во время выпаса скота на арендованных зимой пастбищах. Так обстоит дело теперь в соседних с Пиндом равнинах.[1]

Мы склонны считать, что сезонные кочевья влахов уже в то время, когда о них впервые стали упоминать в источниках, отнюдь не представляли собою беспорядочное перемещение влашских общин с их стадами по всем горным массивам полуострова — каждое лето в какой-либо его новый район. Они образовывали несколько крупных и мелких ареалов, в пределах каждого из которых лежали их постоянные, традиционные трассы, закрепленные обычаем и условиями социально-политической жизни за определенными малыми и крупными контингентами влахов.

Влахи платили налоги, несли военную службу, выполняли отработочные повинности, были прихожанами церкви; они попадали в зависимость от частных лиц, церкви и монастырей, пасли скот на землях своих господ. Вместе с тем следует учитывать, что горные районы Балкан пересекали охраняемые государственные границы. Все это, на наш взгляд, мешает думать, что в X–XII вв. были сколько-нибудь значительная миграция крупных влашских контингентов из южных районов Балкан в северные или наоборот, как и из западных областей полуострова — в восточные. Медленная инфильтрация, разумеется, могла иметь место, но она совершалась лишь в соседних районах, а не охватывала всю рассматриваемую здесь территорию. Примером можно считать переход могленских влахов на земли Афона в количестве 300 семей на рубеже XI–XII вв. и их поселение здесь по соглашению с монахами в качестве постоянных обитателей.[2] Подобная инфильтрация могла иметь место и в Подунавье: переправа через эту крупную реку была освоена еще в глубокой древности, и печенеги, например, не испытывали особых затруднений в доставке на левый берег награбленной добычи, в том числе скота. Но мы не думаем, что эта инфильтрация могла связать западные земли полуострова с нижним Подунавьем и принять крупные масштабы в период, когда здесь с середины XI до середины XII в. хозяйничали печенеги, узы и половцы.

Вполне вероятно, что жизнь и быт влахов в Фессалии, как они описаны Кекавменом, имели здесь существенные особенности. И все-таки мы не можем согласиться, что пребывание влахов-мужчин в разгар лета в месте зимовищ, а их семей вместе со стадами скота в горах является исключением. Организация сезонных перегонов обеспечивала, видимо, возможность отсутствия части мужского населения в горах в течение лета. Алексей I в 1091 г. производил набор воинов

[1] *Th. Carolus-Barré*. Op. cit., p. 671–672.
[2] *M. Gyóni*. Les Vlaques du Mont Athos, p. 30–42.

среди влашского населения весной,[1] не считаясь с циклами их хозяйственной деятельности. На лето могло приходиться и время выполнения основных отработочных повинностей в пользу государства, связанных с обслуживанием дорог, главная масса грузов по которым перевозилась также в летние месяцы.

Но главное состоит в том, что свидетельство Кекавмена подтверждается документом, составленным на основе подлинной переписки Алексея I Комнина и патриарха Николая и вынесенных в результате ее в 1105 г. решений относительно изгнания влахов с Афона. Монахи, говорится в документе, сокрушались после их изгнания, помня о стольких радостях: «о молоке и сыре, о шерсти и о пиршествах, о сделках и товарах для друг друга — я имею в виду влахов с монахами — и о попойках дьявольских, которые обнаружились впоследствии. Вошел ведь дьявол в сердца влахов, а имели они с собою и жен своих, носящих, как пастухи, мужскую одежду, и пасли овец и служили монастырям, доставляли для них сыр, молоко и шерсть, изготовляли и хлеб по просьбе монастырей и, проще сказать, подобно дулопарикам, были желанны для монахов. Что же из-за них случилось, стыдно и говорить, и слушать. Впрочем, страдая и боясь греха, сами (монахи) и исправили ошибки, не только возвестив о сем исихастам, затворникам и столпникам, но и самому патриарху кир Николаю, изложив все письменно, а именно, что **влахи жен своих имеют пастухами**, а что же через них сотворил диавол, недозволено было пересказать на письме. Однако нет тайного, которое не было бы узнано и не стало бы явным». Влахов изгнали вместе с их стадами. «Отправилась же вместе с влахами и вся толпа монахов к князю тьмы, и печаль наполнила сердце наше. Ведь было всего влахов 300 семей, а василевс говорил патриарху, что это были катуны, и поэтому он не один раз хотел наложить на них десятину, но не пожелал сделать этого из-за архонтов епархии, чтобы они не возлагали тяготы на монастыри и не обрекали на них монахов. И количество влахов стало бросающимся в глаза, а монашеским же числить и называть это бесчисленное множество было невозможно».[2]

Именно замечание «влахи жен своих имеют пастухами» и дает нам основание предполагать, что, сколь ни тяжелы были труд и жизнь на летних пастбищах, часть мужчин-влахов не помогали семьям и оставалась на месте зимовищ. Как в горах летом влахи пасли свой скот, объединяясь в группы по несколько десятков семей, так и оставшиеся на лето в долинах мужчины, вероятно, помогали друг другу в подготовке к зиме, в заготовке муки,[3] сена,[4] в исполнении государственных

---

[1] *Анна Комнина*, с. 267–268.

[2] *Ph. Meyer*. Die Haupturkunder für die Geschichte der Athosklöster. Leipzig, 1894, S. 163.10–14, 17–31, 31–36; 165.1–5.

[3] Иоанн Апокавк сообщает, что хозяева стад перед их водворением на зимовку старались успеть обеспечить свой дом на зиму достаточными запасами муки, перевозя ее до осеннего разлива рек на вьючных животных (*S. Pétridès*. Op. cit., p. 7.30–35).

[4] Влахи, занимающиеся перегонным овцеводством, имели лошадей, мулов, ослов и должны были, хотя бы частично, запасать сено для прокорма животных во время зимы.

повинностей, в перевозках грузов и других работах по найму,[1] в обработке кож,[2] в торговых предприятиях и т. п.

Как ныне установлено, влахи издревле служили в качестве государственно-обязанных стражников складов вдоль императорских дорог империи, находившихся в ведении секрета почты, и в качестве перевозчиков товаров как для официальных властей, так и для частных лиц. Влахи-охранники и перевозчики, известные по более поздним источникам под термином «киелаторы» (видимо, соответствующим румынскому călător[3]) были, вероятно, теми «путниками» (ὁδῖται), которые в 976–980 гг. убили комитопула Давида. Развитая и заботливо поддерживаемая сеть дорог империи могла потребовать значительного персонала, обеспечивавшего ее бесперебойное функционирование. Знание же местности, погодных условий в горах, трудных перевалов делало именно влахов незаменимыми в этом деле, как и в службе проводниками военных экспедиций, в препровождении посольств, крупных чиновных лиц с их свитой и купеческих караванов.

Влахи, пасущие в течение лета скот на горных пастбищах, должны были произвести сезонную стрижку овец, приходящуюся на май–июнь, мойку и первичную обработку шерсти, а также заготовку сыра (на питание и продажу). Вряд ли в этом отношении положение серьезно отличалось от того, каким оно было в XIV в.: согласно хрисовулу Стефана Милутина от 1318 г., зависимые влахи должны были отдавать ежегодную ренту натурой, в том числе и сыром «с планин» (с гор).[4]

Скупщики влашского сыра (брынзы), широко известного не только в империи, но и за границей уже в XII в., доставляли его в Константинополь; туда же отправлялась и изготовленная влашскими женщинами верхняя шерстяная одежда, доступная беднякам столицы.[5]

Мы уже упоминали о том, сколь серьезные последствия для влахов имела перекройка в результате войн государственных границ. Существенные перемены в обычный распорядок их жизни вносили также мятежи, вторжения врагов, передвижения враждующих армий. Обладая значительно большими, чем земледельцы, возможностями спасти от разграбления свое основное «самодвижущееся» имущество, влахи, однако, в случае неудачи рисковали сразу же оказаться нищими в бóльшей степени, чем постоянные оседлые жители. Кекавмен рассказывает о том, что в военных условиях влахи нередко стремились обрести большую маневренность, уводя свои семьи по договору с властями той или иной стороны под защиту крепостных стен,[6] а сами, видимо, уходили в горы, пряча и охраняя стада.

---

[1] В приведенном тексте о влахах Афона достаточно ясно говорится о том, что они выполняли для монахов работы по какому-то соглашению с ними.

[2] Выделка кож вряд ли возможна в походных условиях в горах.

[3] См. о термине и о спорах о нем: Византийски извори, III, с. 76, бел. 20; *E. Stănescu*. Byzantinovlachica, p. 413–416.

[4] *E. Stănescu*. Byzantinovlachica, p. 415.

[5] *M. Gyóni*. La transhumance..., p. 29–30.

[6] Советы и рассказы..., с. 270.13–20.

Источники X–XIII вв., известные нам, не содержат, к сожалению, ценных указаний на какие-либо иные бытовые или антропологические особенности влахов.

Свободные влашские группы составляли уже упоминавшиеся катуны. Этот термин впервые употреблен в таком значении в приведенном выше документе о влахах Афона.[1] Он означал влашскую общину и одновременно их поселение. Вопреки часто встречающемуся в литературе утверждению,[2] влахи Афона составляли не одну катуну из 300 семей, а несколько или много катун. По-видимому, в отличие от земледельческих общин, это были гораздо более устойчивые образования: член такой общины был не в состоянии заниматься своей специфической хозяйственной деятельностью без постоянной помощи других. Перегоны стад, их охрана от людей и хищников, необходимость многократно сооружать временные жилища, целесообразность выпаса скота крупными отарами и т. д. делали практически невозможной жизнь скотовода-влаха вне катуны.

Из более поздних источников известно, что каждая катуна имела своего главу, чаще всего называвшегося «чельником»,[3] внутри каждой катуны была иерархия, существовавшая и между катунами, объединявшимися в более крупные над-катунские организации во главе с кнезами. Чельники катун с их старейшинами ведали всем внутренним распорядком жизни, общими хозяйственными делами и поддерживали контакт с официальными властями. Порою значительная изолированность катуны от внешнего мира и особенности всего быта влахов обусловливали сосредоточение в руках чельника значительной власти над членами общины.[4]

К сожалению, в источниках X–XIII вв. мы не обнаружили никаких указаний на внутреннюю организацию катуны. Есть лишь упоминание о выдающихся влахах в их среде. Во время восстания 1066 г. влахи, составлявшие значительную часть повстанческого войска Никулицы Дельфина, имели собственного «избранника архонта» (πρόκριτον αὐτῶν ἄρχοντα); Славоту Кармалака, пользовавшегося у них огромным авторитетом, опасность расправы над ним со стороны Никулицы крайне обеспокоила влахов.[5] Анна Комнина упоминает о «знатном» (ἔκκριτος) влахе Будило, который известил Алексея I о приближении

[1] Этот термин неоднократно употребляет и Кекавмен, однако лишь в значении «военный лагерь», «стоянка войска». О происхождении термина см.: Советы и рассказы..., с. 356, 528–529, 543; *S. Dragomir.* Vlahii din nordul peninsulei Balkanice in evul mediu. Bucureşti, 1959, p. 113–114.

[2] *M. Gyóni.* Les Vlaques du Mont Athos, p. 38.

[3] Кекавмен толкует это слово как «болгарское» со значением «стратиг», «военачальник» (Советы и рассказы..., с. 173, 429).

[4] *М. Филиповић.* Указ. соч., с. 81–106; *Рад. Ивановић.* Катунска насеља и манастирским властелинствима. — «Историски часопис», V, 1954–1955, с. 407–408; *D. Weigand.* Die Aromanen. Ethnographisch-historische Untersuchungen über das Volk sogenannten Makedoromanen oder Zinzanen, I. Leipzig, 1895. S. 185–187.

[5] Советы и рассказы..., с. 264.9–18.

войск Лжедиогена. Однако прочие влахи тех мест, откуда прибыл Будило, в это же время помогали Лжедиогену.[1] Возможно (особенно в первом случае), здесь идет речь именно о чельниках влашских катун или их объединениях.

Из среды старейшин и чельников влахов уже в X–XI вв. стали выделяться влашская знать, основным богатством которой было, разумеется, на первых порах движимое имущество и скот и которая постепенно проникала в состав господствующего класса империи. Полагают, что некий игумен Косьма Боспоро-Тинтилукского монастыря в середине XI в. был влахом по происхождению.[2] Известны и другие знатные люди с прозвищем «Тинтилук» (монах и прот Григорий Тинтилук на рубеже XI–XII вв.,[3] Андроник Тинтилук — наместник Лаодикии при Мануиле I,[4] Василий Тинтилук — хартулярий и военачальник при этом же императоре,[5] еще один Тинтилук — анаграфевс фемы Сервия, подписавший акт от апреля 1163 г.).[6] Таким образом, видные влахи становились в XI–XII вв. военачальниками, крупными чиновниками и деятелями духовенства империи. К сожалению, мы не знаем общественного положения ларисского горожанина Веривоя Влаха. Но тот факт, что решение принять участие в восстании вынесли самые видные люди города, которые затем вместе с предводителями влахов и болгар собрались на совет в доме Веривоя, свидетельствует о его влиянии и богатстве.

Обстоятельства и ход восстания 1066 г. позволяют заключить, что знатные влахи Фессалии поддерживали в это время провинциальную военную аристократию в ее стремлении отобрать трон у столичной бюрократической знати. Может быть, не случайно знатный влах Будило из населенных влахами восточных отрогов Балканского хребта проявил особое рвение, содействуя ставленнику победившей военной аристократии Алексею I Комнину, тогда как рядовые члены катун помогали врагам императора.

---

[1] *Анна Комнина*, с. 267; *M. Gyóni*. La première mention historique des Vlaques des monts Balkans. — «Acta antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae», I, 3–4, 1952, p. 502–515.

[2] *G. Murnu*. L'origines des Comnènes. — «Bulletin de la section historique de l'Académie roumaine, XI, 1924, p. 215; *И. Соколов*. Состояние монашества в византийской церкви. Казань, 1894, с. 239; *F. Dölger*. Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches, II. Berlin–München, 1925, № 874; *Cedr.*, II, p. 533; *V. Laurent*. Le Corpus des sceaux de l'empire byzantin, V, 2, L'Eglise. Paris, 1965. № 1270 (?), 1271. (Чтение «Тинтилук» вместо ранее принятого «Цинцилук» обосновано Г. Хунгером — см.: *H. Hunger*. Рецензия на указ. труд В. Лорана — «Jahrbuch der österreichischen byzantinistik», 16, 1967, S. 327).

[3] *V. Laurent*. Op. cit., № 1311.

[4] *Анна Комнина*, с. 308–309; *F. Dölger*. Op. cit., № 1211.

[5] *Nic. Chon*. Op. cit., p. 65, 133; *Cinn*. Op. cit., p. 70, 132.

[6] *Ch. Astruc*. Un document inédit de 1163 sur l'évêché. Thessalian de Stagi. — «Bulletin de Correspondance Hellénique», 83, I, 1959, p. 206–215.

Через 90 лет в этом же районе был осуществлен совсем иной союз влашской знати — она выступила в тесном сотрудничестве с вождями болгар, восставших в 1185 г. против византийского господства.[1] Ее общественная роль и политическое значение заметно возросли. В начале XIII в. влашская знать Фессалии вступила в соглашение с одним из представителей рода Комнинов, мечтавшем в это смутное время о создании независимого государства. Видимо, попытки такого рода предпринимали тогда и сами знатные влахи: горная область Фессалии («Великая Влахия»), как сообщает Никита Хониат, отказала в повиновении крестоносцам, находясь во власти «местного топарха»,[2] через 70 лет фессалийские воины-влахи, поддержавшие одного из представителей рода Ангелов, не позволяли рыцарям покидать стены своих крепостей.[3]

Гораздо в большей степени, чем выделение знати, единство и прочность влашских катун должен был подрывать тесно связанный с образованием слоя богатых и влиятельных влахов процесс упадка материального благосостояния и социального равноправия рядовых общинников. Лишь логически мы можем заключить, что первоначально разные формы зависимости и эксплуатации должны были развиться в пределах самих влашских катун. В сохранившихся источниках мы находим данные уже о следующем этапе — о вовлечении в зависимость отдельных семей влахов и целых катун от частных могущественных лиц невлашского происхождения, от церкви и монастырей.

Есть свидетельство о существовании даже рабства в среде влахов в XIII в., однако оно недостаточно определенно. 18.VIII и 14.X 1285 г. некий Добрачин, сын Братославов, из катуны Ялова продал в Дубровнике сначала свою рабыню Милост из Боснии, а затем свою же рабыню Богдану из Сана.[4] Указания на место происхождения рабынь дало М. Филиповичу основания предполагать, что Добрачин был не собственником этих женщин, а лишь торговым посредником.[5] Но можно допустить и иное: отмеченная деталь была не лишена смысла при заключении торговой сделки — она служила некоей дополнительной гарантией для покупателя, предоставляя ему некоторую возможность проверить законность прав Добрачина.

Для XI в. мы не обнаружили в византийских источниках прямых известий о феодально-зависимых влахах, для XII в. эти известия касаются преимущественно отдельных влашских семей или небольших их групп и лишь для XIII в. имеются известия такого рода и об отдельных влахах, и о целых их поселениях.

---

[1] *Г. Г. Литаврин.* Болгария и Византия..., с. 431–437.

[2] *Nic. Chon.* Op. cit., p. 841.

[3] *Georgii Pachymeris* De Michaele et Andronico Palaeologis libri 13. Bonnae, 1835, p. 83.

[4] *Г. Чремошник.* Канцеларски и нотарски списи 1278–1301 гг. Београд, 1932, с. 110–111, 115.

[5] *М. Филиповић.* Указ. работа, с. 80.

Отдельные влахи, попадавшие в зависимость, теряли связи со своей катуной, чаще всего они становились пастухами или дворовыми холопами своих господ, а иногда и попросту париками, зависимыми земледельцами. Но в том и другом случае это были уже оседлые жители.

В акте Зографского монастыря от 1142 г. упомянут парик Стефан Мавровлах.[1] В простагме Андроника I Комнина, выданной в 1184 г. в пользу Лавры, говорится, что зависимые от монастыря влахи пасли монастырский и собственный скот на горе Кожух и были прогнаны оттуда некими половцами, которые пытались «распоряжаться чужими влахами и болгарами, как собственными» и «экскуссировать их по укоренившемуся доныне несправедливому обыкновению», не платя монастырю десятины. Для прогнанных с горы Кожух влахов, вынужденных пасти скот в других районах фемы Моглен, на имя Лавры даруются две мандры и право пасти скот на казенных пастбищах горы Кравица. Влахи, разумеется, остаются париками монастыря.[2]

Впоследствии Лавра добилась и возвращения Кожуха: в суммарной описи ее владений упомянуты «катуна влахов и гора, называемая Кожух». Здесь же добавлено, что в архонтии Водинов, в деревне Брестиане Лавре принадлежит земля, исчисляемая в 9 париков-зевгаратов и включающая пастбищную землю, «которая была подарена монастырю из-за влахов, ему принадлежавших».[3]

В подобной описи владений и имущества монастыря Богородицы Милостивой (XII в.) замечено, что монахи платили в казну некий налог «по той причине, что монастырь имел зависимых влахов».[4]

В 1198–1199 г. Стефан Первовенчанный подарил Хиландарю девять деревень, несколько виноградников, пастбища, пасеку и особо упомянутых 170 влахов в Прилепско-Битольской области.[5]

О деревне некоего прониария, где было много «влахов родом», мы уже упоминали, как и о влашской деревне Крапа, принадлежавшей монастырю Георгия Быстрого, и о влахах, «посаженных на землю» в ботротской епископии. Согласно известию Иоанна Апокавка, в конфликте из-за сбора желудей в одной из деревень Южного Эпира был избит один из зависимых влахов.[6]

Из более поздних документов известно, что в тех случаях, когда в зависимость попадали целые катуны влахов, они могли сохранить свой прежний быт, совершая сезонные перегоны скота, большей частью принадлежавшего их господину. При этом господин своею волею вводил среди зависимых катун хозяйственную специализацию: одна катуна содержала овец, другая — лошадей, третья — даже свиней.[7]

---

[1] Actes de Zographou. — ВВ, XIII, 1907. Приложение, с. 13.
[2] Actes de Lavra, № 66, p. 344.2–18.
[3] Ibidem, p. 363.45–51.
[4] Le monastère de Notre Dame de Petié. — Известия Русского Археологического института в Константинополе. Далее — ИРАИК, VI, 1900, с. 124.
[5] Акты Хиландаря. — ВВ, XIX, 1913, №№ 4–5, с. 377.
[6] Греч. № 260, л. 64.
[7] *М. Филиповић.* Указ. работа, с. 77–79; *Рад. Ивановић.* Дечански катуни, с. 258.

обязанности влахов не сводились только к заботе о скоте, они выражались также в разного рода иных работах в пользу господина (косьба, перевозка соли, рубка леса) и в натуральных выплатах (сыром, овчинами, шерстью и т. п.).[1]

Источники XI–XIII вв., происходящие, как правило, из кругов, близких к господствующему классу, или даже официальные документы содержат иногда замечания с раздражительной отрицательной характеристикой влахов как этнической группы. Подобного рода реформы характерны для византийских памятников той эпохи вообще не только по отношению к влахам, но и по отношению к болгарам, сербам, франкам, венграм и т. п. Однако именно относительно влахов эти ремарки особенно выразительны. Они, видимо, заслуживают внимания историка при всей их тенденциозности, ибо на неприязнь греков к влахам намекает и абсолютно в данном случае беспристрастный еврейский путешественник Вениамин Тудельский. Приведем высказывание на этот счет Кекавмена, который был родственником Никулицы Дельфина, серьезно пострадавшего в результате восстания 1066 г. влахов и болгар Фессалии.

«Уведомляю вас и детей ваших, — пишет он, — также о следующем. Поскольку племя влахов отличается крайней неверностью и развращено, не хранит подлинной верности ни Богу, ни василевсу, ни родственнику или другу, но стремится всех перехитрить, часто лжет, еще больше ворует, ежедневно клянется страшными клятвами своим друзьям и с легкостью нарушает клятвы, устраивает побратимства и вступает в кумовство, помышляя таким образом обмануть простоватых, никогда не соблюдало верности никому, в том числе и древним римским императорам, поэтому император Траян воевал с ними и, наголову разгромив, пленил их... Они трусливы, сердца их заячьи, наглость же их также происходит от трусости. Поэтому я призываю вас, чтобы вы нисколько не доверяли им. Если когда-нибудь случится мятеж, а влахи разыгрывают дружелюбие и верность, клянясь Богом соблюдать ее, не доверяйте им. Лучше для вас вообще не требовать от них клятв и не клясться самим, лучше остерегаться их как злодеев, чем обмениваться с ними клятвами. Итак, верить им нельзя вообще, но притворяйся, что ты их друг. Если же когда-либо вспыхнет мятеж в Болгарии, как было выше рассказано, и если они станут умерять или даже клясться, что являются твоими друзьями, не верь им. Если они захотят привести в крепость Романии своих жен и детей, разреши им привести их. Но в то время, когда они будут находиться внутри укрепления, сами (влахи-мужчины) пусть остаются снаружи. Если они пожелают посетить свои семьи, пусть входят по двое или по трое. Когда же они уйдут, пусть входят к тебе другие. Тщательно

[1] *Рад. Ивановић.* Катунска насеља, с. 404–406; *E. Stănescu.* Byzantino-Vlachica, p. 414–415. Мы оставляем здесь вопрос о 300 семьях влахов на Афоне в стороне, так как отнюдь не совсем ясно, можно ли их в полной мере считать феодально зависимыми от монастырей людьми.

охраняй стены и ворота. Поступая так, будешь в безопасности. А если ты позволишь им входить к их семьям большими группами, то крепость будет предана ими и ты, как змеей, будешь ужален ими. Вот тогда ты вспомнишь о моем предупреждении! Но если ты будешь остерегаться этого, то и их будешь держать в руках и сам не будешь иметь забот».[1]

Крайняя предвзятость и тенденциозность этих заявлений Кекавмена очевидна. Что касается хитрости (особенно военной) и притворной трусости, то в данном месте наш автор занял явно лицемерную позу: в военном разделе своего труда он почти в каждом стратегическом совете исчески превозносит хитрость (оправдывая при этом любое вероломство), если она обещает стратегический успех. Кекавмен сам лично сталкивался с влахами неоднократно: он нес какую-то службу в Элладе в период между 40–70-ми годами XI столетия. Мы считаем, что в приведенном выше пассаже, говоря о влахах и их готовности принять участие в мятеже «в Болгарии», «как было выше рассказано», он имеет в виду собственно не восстание 1066 г., ход которого он действительно изложил (оно вспыхнуло не в Болгарии,[2] а в Элладе), а восстание 1040–1041 гг. (Петра Деляна), в подавлении которого Кекавмен лично участвовал.

Об особенно дерзком поведении «влахов родом» по отношению к своему господину-прониарию (который убил при этом одного из влахов) говорится в упомянутом судебном определении Иоанна Апокавка.

О «неблагодарности» влахов, которой они ответили на «милости императора», приняв участие в восстании 1185 г., пишет Иоанн Сиропул.[3]

Вениамин Тудельский, посетивший Фессалию около 1170 г., сообщает, что местные влахи-горцы, быстрые и легконогие, подобно козам, спускаются временами с гор, подвергая грабежу греков, что они непокорны и никто не может одолеть их в бою.[4]

По нашему мнению, М. Дьони прав в своем предположении, что встречающиеся в византийских памятниках нотки неблагожелательства по отношению к влахам, можно, видимо, объяснить вполне реальными причинами — особенностями их хозяйственного быта, сопряженного с необходимостью перегонять стада на большие расстояния, зачастую — по густо заселенным земледельческим районам.[5] Во время этих перегонов конфликты с местным населением были неизбежны.[6] Имущественные споры не всегда разрешались полюбовно

---

[1] Советы и рассказы..., с. 268.14–270.26.

[2] Сербию, до которой дошли восставшие, Кекавмен также считает лежащей в Болгарии (Советы и рассказы..., с. 174.18), поскольку этот город входил какое-то время в фему «Болгария», однако мятеж 1066 г. вспыхнул все-таки не в Болгарии, а в Элладе.

[3] *M. Bachmann.* Die Rede des Johannes Syropulos an den Kaiser Isaak II. Angelos. München, 1935, S. 78.

[4] *Th. Căpidan.* Darstellung..., S. 532.

[5] *M. Gyóni.* L'oeuvre..., p. 148.

[6] О таких конфликтах сообщают и источники XIV столетия — их разрешение предусматривало сербское средневековое законодательство (*Рад. Ивановић.* Катунска насеља..., с. 403–406; *Его же.* Дечански катуни..., с. 259–263).

даже в пределах одной социальной группы. Влахи к тому же, видимо, тяжело переживали процесс их постепенного вытеснения из долин и оказывали посильное сопротивление. Вольная жизнь в горах, вероятно, также не способствовала воспитанию духа безропотной покорности обстоятельствам.

В частности, на конфликтных ситуациях, возникавших иногда между земледельцами и влахами Фессалии, пытался сознательно сыграть Никулица Дельфин, стремясь расколоть восставших в 1066 г., но знаменательно и то, что он не достиг при этом желаемого успеха.[1]

Жившие постоянно в окружении греческого и славянского населения влахи испытывали влияние одних и тех же социальных и политических условий, и в периоды крупных народных движений (восстания 1040, 1066, 1072, 1185 и других годов)[2] в своей массе оказывались в одном лагере с восставшими болгарами, сербами и угнетенными греками.

Со времени заселения славянами Балкан романизированное население полуострова жило в постоянном общении с ними, так же как и с другими народами этого региона. Однако славено-романские этнические взаимоотношения занимают особое место в истории влахов, происхождение которых нельзя рассматривать без учета этих контактов. Следы серьезного славянского влияния на влахов, например, можно усмотреть хотя бы в том, что оба имени двух лиц несомненно влашского происхождения, сохранившиеся от наиболее раннего времени, являются славянскими: Веривой (Беривой) и Славота. В связи с этим в историографии разгорелся спор принципиального значения. Одни ученые полагали, что влахи сохраняли одноязычие, пока они являлись этнически особой группой — допустить двуязычие или даже трехязычие влахов (влашский, греческий и славянский) для этих исследователей казалось равноценным признанию факта ассимиляции влахов в греческой или славянской среде.[3] Другие ученые полагали, что билингвизм или даже терциолингвизм влахов не является непременным показателем их ассимиляции.[4] Признавая несомненным наличие ассимиляционного

---

[1] *Г. Г. Литаврин.* Восстание болгар и влахов в Фессалии в 1066 г. — ВВ, XI, 1956.

[2] В литературе было высказано немало догадок относительно причин, приведших в 976–980 гг. к убийству влахами-«путниками» комитопула Давида (*Б. Прокић.* Постанак словенске царевине у Македонии и у X в. — «Глас Српске Кражевске Академије», 76, 1908, с. 272; *M. Gyóni.* Scylitzes et les Vlaques. — «Revue d'histoire comparée», XXV, v. VI, 21, 1947, p. 168–169; *P. Stănescu.* Byzantinovlachica, p. 407 sq.). Мы считаем, однако, известие Скилицы слишком глухим, чтобы, основываясь на нем, делать какие-либо определенные выводы об отношении влахов в это время к царству комитопулов и к Византии (как известно, законный болгарский царь Борис был убит в 976 г. болгарином-лучником, но, как оказалось, по ошибке).

[3] *A. D. Keramopulos.* Τί εἶναι οἱ Κουτσόβλαχοι; Athen, 1939, p. 104–109; *I. Marcu.* Рецензия на *S. Dragomir.* Op. cit. — «Revue des études sud-est européennes», I, №№ 3–4, 1963, p. 600.

[4] *W. Elwert.* Рецензия на *A. D. Keramopulos.* Op. cit. — BZ, 41, 1941, S. 498; *M. Gyóni.* Le nom..., p. 247.

процесса среди балканских влахов уже в X–XIII вв., мы считаем более правильной последнюю точку зрения. Вопрос о происхождении влахов сложен и заслуживает особого исследования.

Остановимся теперь на налоговых и прочих повинностях влахов по отношению к государству. Свободные влахи, так же как и прочие подданные империи, подразделялись на военнообязанных и подомственных лишь секрету фиска. Первая категория также не была полностью избавлена от уплаты налогов и иных повинностей, но основная их тяжесть лежала на второй категории влахов.

Согласно документу 1105 г. (как и по акту 1184 г.), влахи должны были уплачивать в пользу казны десятину со скота. В конце XI–XII вв. она уплачивалась не только влахами, но и другими собственниками нетяглового скота (с упряжек быков налог включался в поземельный), о чем сообщает Феофилакт Ифест.[1] В науке до сих пор не установлены происхождение, формы и размеры этого налога. Большинство ученых отличают эту подать от других налогов со скотоводов.[2] Ж. Руйар приравнивает ее к мандратикию (налогу на зимние загоны для скота),[3] отличному от пастбищного налога — энномия.[4] Мы считаем мнение этой исследовательницы, что десятина была основным налогом с влахов, справедливым. Ф. Дэльгер в рецензии на работу Ж. Руйар высказал догадку, что десятина — есть подлинно десятая часть от поголовья скота и сбор ее восходит к практике использования заброшенных земель (класм) государством через сдачу их в аренду (в таком случае также взыскивалась одна номисма, если сдаваемая в аренду земля оценивалась в 10 номисм). Однако этот ученый также не считает вопрос решенным: $^1/_{10}$ при аренде составляла все платежи, а в данном случае дело десятиной не ограничивалось.[5]

Было известно, что энномий — пастбищный налог — взимался из расчета: I номисма со ста овец (или коз) и $^1/_{12}$ номисмы (или один милиарисий) с каждой головы крупного скота (лошади, ослы, мулы, крупный рогатый нетягловый скот).[6] Ныне мы располагаем новым документом, который позволяет уточнить порядок взимания энномия. Оказывается, при этом взыскании предполагалось, что владельцу скота одновременно предоставляется государством по 2,5 модия пастбищной

---

[1] *Г. Г. Литаврин.* Болгария и Византия..., с. 319–320.

[2] *F. Frances.* Păstorii vlahi din imperiul bizantin în secolele XIII–XIV. — «Studi Revistă de istorie», I, 1956; *V. Laurent.* Рецензия на указ. работу Э. Франческа. — BZ, 49, 1956, S. 502; *M. Gyóni.* Les Vlaques..., p. 39.

[3] Нам представляется убедительным вывод Н. А. Минореску, что этот термин означал прежде всего зимние загоны и стойла для скота (*N. A. Minorescu.* Mandra, senuna, simbra. Trois anciens termes pastoraux au nord et au sud du Danube. — «Revue des études sud-est européennes», III, 3–4, 1965, p. 651–653).

[4] *G. Rouillard.* La dîme des bergeres sous Alexis Comnène. — «Mélanges offerts à N. Jorga». Paris, 1933, p. 779–786.

[5] *F. Dölger.* Рецензия на работу Ж. Руйар. — Byzantinische Zeitschrift, 33, 1933, S. 448.

[6] *M. Gyóni.* La transchumance..., p. 38.

взяли на каждую овцу и по 10 модиев — на каждое крупное животное, причем земли не летних, а именно зимних пастбищ (самые эти пастбища назывались «шестимесячным зимником» — τὸ χειμωνιάτικον ἑξάμηνον). Учитывалось при этом, какие овцы у хозяина — крупные или мелкие. Этот текст, относящийся, по мнению издателя, к XI–XII вв., повышает энномий с крупного скота вчетверо (1 золотая номисма с каждых трех голов).[1] Но это повышение может быть чисто номинальным: фиск учел значительное снижение золотого содержания номисмы сравнительно с X веком. Мы хотели бы в связи с этим заметить, что новый текст не дает основания к уподоблению десятины мандратикию, как это делает Ж. Руйар, а оправдывает приравнивание к нему энномия (за зимние пастбища), поскольку мандратикий взимался также с зимних вагонов со скота, но это — лишь гипотеза.

Однако налоги с влахов этим не ограничивались: они платили также пориатикий — налог за прогон скота по государственным или частным землям, разного рода канискии («подарки») чиновникам фиска, так называемую «дачу овец» (с приплода?) и «прочее», как это нередко говорится в официальных документах. В поздних сербских актах говорится также об уплате влахами в пользу государства налогов шкурами, шерстью, кожами, арканами, сбруей, сыром, маслом и т. п.

Налоги взыскивались обычно в сентябре или в сентябре и марте (впрочем, данные о сборе податей в марте нерегулярны). Мы считаем, что решение влахов принять участие в восстании 1066 г. было высказано именно сбором с них повышенных налогов осенью 1065 г.: как сообщает Кекавмен, Константин X сделал для них «налоговые надбавки, исчисляемые многими номисмами». Требование снизить налоги было основным лозунгом восставших, и восстание удалось погасить именно тогда, когда император прислал письменную клятву, что отменяет «все, что надбавил со дня, когда начал царствовать, вплоть до нынешнего».[2] Налоги же эти вызвали возмущение не только влахов, занятых скотоводством, связанных с сезонными перегонами овец, но, видимо, и тех, которые обрели оседлость и даже жили в городе (Воривой Влах).

Не были, конечно, избавлены влахи и от отработочных повинностей в пользу государства, которые, как мы уже упоминали, связываются ныне в историографии с термином «келаторы»: он означал влахов, охраняющих склады казны вдоль императорских дорог, а также влахов, перевозивших казенные грузы, препровождавших пленных, посольства, чиновных лиц, служащих проводниками в горах и т. д. Влахи этого же разряда, видимо, привлекались и к охране императорских стад. К службе такого рода, как к государственной повинности, могли, по всей вероятности, привлекаться даже видные люди.

---

[1] *E. Schilbach.* Byzantinische metrologische Quellen. Düsseldorf, 1970, S. 14, 59, 60.

[2] Советы и рассказы..., с. 260.18–21.

Весьма интересно на этот счет свидетельство участника IV крестового похода французского рыцаря Робера де Клари. Он пишет, что до восстания 1185 г. Асень «охранял табуны коней императора» за Балканским хребтом и по его требованию периодически отправлял ему коней (например, по 60 или по 100), ежегодно являясь ко двору.[1]

Согласно поздним источникам этого рода, повинности «келатория» считались менее почетными и более тяжелыми, чем повинности и служба влахов — «войников».[2] Действительно, согласно свидетельству Никиты Хониата, Асень и его брат Петр (мы отнюдь не считаем их безоговорочно влахами, но полагаем, что не одни влахи в империи исполняли для казны эти два вида службы) настаивали перед Исааком II Ангелом о зачислении их в привилегированное войско, прося дать им одновременно «деревеньку» на Геме.[3]

Споры в литературе относительно военной службы влахов сводились в основном к двум вопросам: призывались ли влахи в империи на военную службу (разумеется, влахи, входившие в сословие стратиотов) на общих основаниях с прочим населением или же из них формировались особые воинские соединения.[4] Нам представляется, что здесь нет альтернативы: влахи призывались на общих основаниях с прочими крестьянами, внесенными в список стратиотов, но внутри стратиотского ополчения из них формировались особые влашские соединения, ибо византийские полководцы всегда придерживались принципа формирования войска и его подразделений с учетом не только этнического принципа, но даже землячества (этот принцип обеспечивал бóльшую возможность взаимовыручки в бою).

Говоря о новой должности Никулицы Старшего, полученной в 979 г. (начальство над влахами Эллады), М. Дьони пытался доказать, что это был эфемерный пост, одно звание, а не функция, не милость, а следствие опалы. Основанием к этому выводу было убеждение Дьони, что влахи служили на общих основаниях с прочими крестьянами, но не состояли в сословии стратиотов и призывались в легкую пехоту лишь в случае особой необходимости. К тому же Дьони приравнивал пост дуки к посту стратига фемы и считал, что одновременно с должностью доместика экскувитов Эллады Василий II отнял у Никулицы и пост дуки.[5]

Но император не лишил Никулицу поста дуки (текст не дает оснований для иного заключения), пост дуки в X в. не имел ничего общего с постом дуки в середине и конце XI в., когда он стал равен или даже превзошел по значению должность стратига. Дуки X в. коман-

---

[1] *Robert de Clari.* La conquête de Constantinople, trad. par. P. Charlot. — «Poèmes et récits de la ville de France», XVI. Paris, 1939, p. 137.

[2] *Рад. Ивановић.* Дечански катуни..., с. 259–263.

[3] *Nic. Chon.* Op. cit., p. 482–483.

[4] *М. Дьони.* Влахи Барийской летописи, с. 241–244; *E. Stănescu.* Byzantinovlachica, p. 424–428.

[5] *M. Gyóni.* L'oeuvre..., p. 118–119, 240; *М. Дьони.* Влахи Барийской летописи, с. 240–244.

делили центральными или местными подразделениями тагмного войска и были подчинены соответственно либо командирам тагм, либо (в военное время) фемным стратигам. Мы считаем, что, сохраняя должность дуки местных тагм, Никулица одновременно принял командование влашским контингентом внутри фемного стратиотского войска, фемное же войско не исчезло и в XI в., и влахи-стратиоты составляли его особую часть.[1]

Поэтому мы вполне резонно можем считать, что еще до 979 г. влахи служили в качестве стратиотов в фемном войске Эллады, и такое же влашское войско участвовало в войне с сицилийскими (африканскими) арабами в 1025–1028 гг., о чем сообщают Барийские анналы,[2] а не непременно набранное лишь в результате особых причин.[3] Сравнение этих влашских воинов с теми, которых набирали от случая к случаю только в периоды особой опасности и для крупных военных кампаний, неправомерно. Это сравнение делает Дьони, ссылаясь на свидетельство Анны Комнины о наборе болгар и влахов в 1091 г. и на сообщение Киннама о задунайском походе Льва Ватаца в 1166 г. Согласно известию Феофилакта Ифеста, осуществлявший набор болгар и влахов кесарь Никифор Мелиссин, получивший на этот счет в 1090–1091 гг. распоряжение Алексея I, требовал в болгарской феме Пелагония столько народу, что архиепископ умолял его прекратить набор рекрутов, так как иначе фема будет разорена вконец.[4]

Это уже, конечно, не регулярные стратиотские части (в этом Дьони прав). Однако процесс эррозии стратиотского войска не ощущался в той же мере в начале века, как в конце его: поэтому известия Барийских анналов и Анны Комнины следует рассматривать под разными углами зрения.

В этой связи отметим еще два факта. В 976 г. Самуил осадил Ларриссу, которую успешно защищал дед автора упоминавшегося не раз сочинения Кекавмен. Затем Василий II отозвал стратига Ларриссы Кекавмена в столицу, а его преемником — скорее всего — стал «начальник влахов Эллады» Никулица Старший, сват отозванного. В 982–986 гг. он сдал измученный голодом город Самуилу. Болгарский царь пленил всю семью Никулицы и переселил охранявших город воинов и жителей на границу у Дуная, заставив их нести военную службу.[5] Вряд ли мы ошибемся, признав достоверной позднюю болгарскую традицию, согласно которой среди этих переселенцев находились и влахи.[6]

---

[1] Все контроверзы, связанные с этим, см. в нашем введении и комментарии к «Советам и рассказам»..., с. 86 сл., 341 сл., 352, 430 сл., 580.

[2] Monumenta Germaniae Historica, Scriptores, V, p. 51; *I. Gay.* L'Italie méridional et l'empire byzantin..., I, 1904, p. 428–429.

[3] *М. Дьони.* Влахи Барийской летописи, с. 244.

[4] Epistulae Theophylacti archiepiscopi Bulgariae. — «Patrologiae cursus completus. Series Graeca», t. 126. Paris, 1864, col. 532.

[5] Советы и рассказы..., с. 250.14–252.16; *Cedr.*, II, p. 435–436.

[6] Паисия Хилендарского иеромонаха. История славеноболгарская. София, 1914, с. 19.

Второй факт — устойчивая византийская традиция XIII столетия, согласно которой фессалийские влахи обладали высокими воинскими качествами: Георгий Пахимер называл их даже потомками «древних эллинов, которыми предводительствовал Ахилл».[1]

Об участии влахов в центральном наемном войске, бывшем главной ударной силой имперской армии со второй половины XI столетия, данные отсутствуют. В заключительных клаузулах иммунитетных грамот XI–XII вв. влахи не упоминаются среди особых этнических подразделений наемных войск, но упомянутые клаузулы не были исчерпывающими на этот счет. В конце XI–XII в. среди византийских наемников были и армяне Фракии, и болгары, и албанцы, и половцы, и печенеги, и «вардарские турки» (венгры). Не будет ли противоречием общей ситуации в империи допущение, что клаузулы хрисовулов отражают истинное положение вещей — для влахов на этот счет в таком случае было сделано непонятное исключение.

Следует еще раз обратить внимание на сообщения западных хронистов о продвижении западных воинов на Балканах во время Первого крестового похода. В этих хрониках часто упоминается о неких «пинценатах» или «пинценариях» — византийских воинах на границах империи близ Савы и Западной Моравы. Эти воины «населяют Болгарию, бродя во множестве в самой чащобе деревьев и кустов без управления и вдали от общества»; они вместе с греками и болгарами обходят границы империи и нанимаются за деньги на службу к катепанам пограничных районов; вооруженные латами, деревянными и роговыми луками, они проворны в бою, перед нападением «пинценаты» прикрепляют к древкам штандарты; владеют они и искусством плавания на лодках. В 1096 г. они, как наемники, находились в войсках катепана Белграда и Ниша и участвовали в столкновениях с крестоносцами.[2]

В историографии уже давно пришли к выводу, что эти «пинценаты» — «пачинаки» (или печенеги) византийских источников. Их первые попытки поселения в качестве воинов близ Ниша были предприняты еще в конце 40-х годов XI в.[3] Но мы можем привести немало примеров, когда иноземные хронисты не всегда умели различить представителей разных, но сходных по образу жизни этнических групп.

В венгерских средневековых памятниках «пинценаты» называются обычно «бессенами» (ныне это толкуется как искаженное «бесермене»). Обратив на это внимание, С. Мангука высказал предположение, что под этим термином могли скрываться и влахи, которых архаизирующая литературная традиция именовала «бессами». Подобная традиция проявилась у Кекавмена, она могла иметь место и у Тороци, называвшем привычно «бессенами» «бессов», Никиты, катепанов Ниша и Белграда.[4]

---

[1] *Georgii Pachymeris...*, p. 83.

[2] Gesta Dei per Francos... Hanoviae, 1611, p. 187–188.

[3] См., например: *Ј. Калић.* Подаци Алберта Ахенского о угарско-византијским односима крајем XI в. — «Зборник филозофског факултета», I, 1968, с. 187–188; *Cedr.* II, p. 586–587.

[4] *S. Mangiuca.* Die «Vlachen» des Kekaumenos. — «Romänische Revue», V Jahrgang. Wien, 1889, S. 183–185.

Мнение Мангуки не получило признания. Но недавно к сходному выводу пришла и Г. Цанкова-Петкова, не зная работы С. Мангуки и приведя ряд новых важных аргументов. В частности, она отметила, что в анонимном житии венгерского короля Стефана I (997–1038 гг.) сообщается об эмиграции около 1001 г., тотчас после принятия Стефаном христианства, из болгарских земель, разоренных войнами с Византией, 60 «бессенов» («биссенов»), искавших убежища в Паннонии. Но если «биссены» последней трети XI в. — печенеги, то кто же, спрашивает исследовательница, эти 60 «биссенов», ибо во времена крещения Стефана печенеги в пределах Болгарии еще не были известны. И она ссылается на Кекавмена, говорящего, что влахи — это древние бессы, и на Феофилакта Болгарского, упоминающего о некоем пострадавшем от чиновного произвола земледельца — бессе Михаиле Лампине.[1]

Итак, получается: одни западные хронисты называют наемников Никиты катепана «пинценатами», другие — «биссенами». В византийских же современных событиям источниках под «бессами» разумеются влахи. Мы отнюдь не считаем, что ставшее традиционным мнение[2] («пинценаты» западных хронистов — только печенеги) нужно считать недоказанным, а хотели бы только еще раз обратить внимание на некоторые факты, заслуживающие в связи с этим удовлетворительного объяснения.

Мало согласуется с образом жизни и привычками печенегов и характеристика их как жителей чащоб Болгарии. У тех же крестоносных хронистов встречается и упоминание о неких «пигматицах» (темнокожих) в византийских областях.[3] В летописи Попа Дуклянина сказано, что обитатели области, лежавшей к югу от Савы, некогда «назывались римлянами», потом же мавровлахами, т. е. «черными латинянами».[4] Любопытно, что, согласно нашим наблюдениям, топонимы и личные имена (причем подлинно влахов) с корнем «мавр» (черный) особенно широко распространены в средневековых памятниках, относящихся к территории Македонии, Фессалии и Южного Эпира.[5]

---

[1] *G. Cankova-Petkova.* La survivance du nom des besses au moyen âge. — «Linguistique balkanique», VI, 1963, p. 94–95; Epist. Theoph., col.

[2] Отметим, впрочем, из осторожности, что западный хронист Псевдо-Ансберт упоминает о «лесных», «диких» или «пастушеских» (silvestres — все три перевода одинаково возможны) турках (иначе говоря, «бедуинах») в центре Малоазийского полуострова (*H. Grégoire.* Notes de géographie historique sur les confins pisido-phrygiens. — «Académie Royale de Belgique. Bulletin de la Classe des Lettres et des Sciences morales et politiques» 5e serie, 34, 1948, p. 80, n. 3). Византийский современник прямо называет их «номадами» (*H. Ahrweiler.* Choma-Aggelokastron. — «Revue des études byzantines», 24, 1966, p. 282).

[3] Gesta Dei per Francos, p. 563.

[4] Ljetopis popa Dukljanina, priv. Vl. Mosin. Zagreb, 1950, p. 45.

[5] Упоминаем в связи с этим и Маврокастрон «Записки греческого топарха», который многими локализуется на Днестре (*J. Ševčenko.* The Date and Author of so-called Fragments of Toparcha Gothicus. — «Dumbarton Oaks Papers», 25, 1971, p. 121, 129).

Начало христианизации влахов на Балканах следует, вероятно, относить к тому же времени, к какому относят и христианизацию прочих этнических групп (в частности, славян). Согласно упомянутому свидетельству Попа Дуклянина, «мавровлахи» были христианами уже во время вторжения в их земли болгарского царя Радомира, т. е. в 1014–1015 гг. Однако этот хронист представляет дело таким образом, как будто влахи-христиане этих мест и воины болгарского царя исповедовали разную веру.[1] Мы понимаем это в том смысле, что Дуклянин, написавший свою хронику на латинском, или его переводчик, переведший ее на латинский язык, перенесли представления своего времени о разногласиях между «католиками» и «православными» на начало XI в., поскольку «провинция» «мавровлахов» в ту эпоху входила в область распространения христианства по западному образцу, а места обитания болгар лежали в «православном» мире.[2]

Согласно Виргинской грамоте, в горном влашском селе Крапа существовал метох или церковь еще со времен ктитора монастыря Георгия Быстрого болгарского царя Романа (80-е годы X в.).[3]

В пользу того, что немало влахов-христиан было уже в эпоху Первого Болгарского царства, можно истолковать и данные сигиллиев Василия II, выданных Болгарской архиепископии тотчас после завоевания Болгарии. Правда, ныне аутентичность этих документов поставлена под сомнение югославским ученым С. Антоляком, осуществившим дипломатический анализ грамот Василия II и пришедшим к выводу, что они были фальсифицированы если не в XIII в., то в эпоху Стефана Душана (доклад об этом С. Антоляк сделал на XIII Всемирном конгрессе византийских исследований в сентябре 1966 г.). Однако пока эта работа С. Антоляка не опубликована (а о ее издании мы не имеем сведений), мы придерживаемся позиции, высказанной недавно румынским ученым Е. Стэнеску: если отдельные части сигиллиев Василия II и подверглись намеренному искажению, то, по-видимому, менее всего причин для фальсификации представлял пассаж о влахах, в котором не назывались точные границы и основные пункты, входившие в ту или иную епископию.[4]

Согласно же смыслу сигиллиев Василия II (в частности сигиллия от 1020 г.), влахи впредь должны быть так же подчинены в церковном отношении и уплачивать каноникон архиепископу Болгарии, как это было еще при Петре (927–969 гг.) и Самуиле (976–1014 гг.). «Мы постановляем, — сказано в сигиллии, — чтобы все болгарские епископии, которыми обладали и владели василевсы Петр и Самуил и бывшие тогда архиепископы, а также все прочие упомянутые крепос-

---

[1] Ljetopis..., p. 45.

[2] Любопытно, что Феофан, автор второй половины VIII в., говоря о некоем Мавре, действовавшем в начале этого столетия, замечает, что он был бессом (Theophanis Chronographia, ed. C. de Boor. Lipsiae, 1883, p. 379).

[3] *П. Петров.* Към въпроса за автентичността..., с. 219–220.

[4] *E. Stănescu.* Byzantinovlachica, p. 428, n. 73.

ю имел и держал нынешний святейший архиепископ... Господь даровал нам эту страну..., поставив под одно ярмо, не нарушив границ и пределов, хорошо установленных прежде нас. Хотя владельцами страны стали мы, но права ее мы сохранили неущемленными. Определяем, чтобы и нынешний архиепископ Болгарии обладал той же самой епархией, какую по размерам он имел при василевсе Петре и чтобы он управлял всеми епископиями Болгарии: не только теми, которые оказались перечисленными в первом сигиллии, но и теми, которые среди них остались неназванными..., и если они находятся внутри болгарских пределов, то мы повелеваем, чтобы он распоряжался ими и владел, как и всеми прочими крепостями, которые опущены в сигиллиях моей царственности; пусть всеми ими обладает сей святейший архиепископ и получает со всех их каноникон, как и с влахов по всей Болгарии и с турков по Вардарию, которые находятся в болгарских пределах».[1]

В пользу достоверности этого отрывка сошлемся хотя бы на свидетельство Продолжателя Скилицы о том, что после завоевания Болгарии Василий II «не захотел вводить что-либо новое из обычаев, но желал, чтобы они управлялись во всем у себя своими архонтами и по своим обычаям, как и при Самуиле, бывшем их правителе».[2] С незначительными вариантами такое же сообщение содержится и у самого Скилицы.[3]

Надо думать, однако, у влахов в это время не было своей особой епископии: они принадлежали к тем приходам, в которых лежали их жилища, а во время сезонных перегонов скота необходимые им требы совершали, конечно, представители окрестного духовенства.

Однако в конце XI или первой половине XII в. возникла особая епископия для влахов неподалеку от Прилепа с центром во Вранье.[4] М. Дьони полагает, что список епископий империи, где сохранилось упоминание об этом, был составлен между 1157–1183 гг., но фиксировал он положение дел на 1087 г., когда Алексей I осуществил реорганизацию епископских приходов. Свою локализацию М. Дьони обосновал тем, что указал и на ныне существующие два села близ Прилепа с наименованиями «Горняя» и «Долная Врановца».[5] Здесь имелась, следовательно, достаточно компактная группа влашского населения, окончательно осевшего или имевшего короткий радиус сезонных кочевий в прилежащих горах. В конце XII в. Фессалия также составляла

---

[1] *Й. Иванов.* Български старини из Македонии. София, 1970, с. 555–561.

[2] *Εὐ. Τσολάκη.* Ἡ συνέχεια τῆς χρονογραφίας τοῦ Ἰωάννους Κυλιτσή, Thessalonique, 1968, p. 162.

[3] *Cedr.*, II, p. 530. В частности, совпадение этих известий — один из главных аргументов Ев. Цолакиса в пользу принадлежности изданной им хроники перу Иоанна Скилицы.

[4] *B. Granić.* Kirchengeschichtliche Glossen..., — «Byzantion», VIII, 2, 1937, p. 400.

[5] *M. Gyóni.* L'évêché vlaque de l'archevêché bulgare d'Achris aux XIe–XIVe siècles. — «Études Slaves et Roumaines», 1, 4, 1948, p. 231–232.

провинцию, получившую официальное наименование «Влахия» или «Великая Влахия», епископский центр которой находился в Димитриаде (ныне Воло).[1]

Согласно сообщению Никиты Хониата, Асень построил в Тырнове церковь св. Димитрия для «обоих народов», т. е. для болгар и влахов, которые посещали ее вместе и одновременно.[2] Однако каков смысл создания особой епископии для влахов? Не были ли уже тогда предприняты оставшиеся неизвестными попытки переложения богослужебных книг на влашский язык славянскими письменами? С чем связана полулегендарная традиция о первом влашском святом, епископе Иоанне Влахе, восходящая к середине XII в.?[3]

Можно предполагать, что утверждение и распространение христианства среди влахов было более длительным и трудным процессом. Неверность «Богу» даже влахов-христиан подчеркивал Кекавмен. Вениамин Тудельский с удовольствием отметил, что влахи часто дают детям иудейские имена.[4] Чрезвычайное распространение в древнем влашском фольклоре темы дьявола и злых духов уже давно привело некоторых ученых к мысли о значительном влиянии на влахов богомильства: именно в горах, где влахи были у себя дома, не раз искали убежища гонимые проповедники богомильства.[5] К сожалению, мы не располагали материалами о каких-либо дохристианских религиозных представлениях влахов, которые были бы иными, чем представления славян и греков.

Переходя к последнему вопросу нашего изложения, мы в сущности должны лишь подвести итоги, высказав ряд гипотез по тем проблемам происхождения влахов, которые так или иначе были затронуты нами.

Приведем, однако, еще один пассаж из сочинения Кекавмена, имеющий непосредственное отношение к проблеме.

Итак, рассказывает он, римляне, раздраженные вероломством влахов, пошли на них войной: «...император Траян воевал с ними и, наголову разгромив, пленил их; их василевс по имени Декавал был убит, а его голова вздета на копье посреди города римлян. Ведь влахи являются так называемыми даками и бессами. Раньше они жили близ рек Дуная и Саоса, который ныне мы называем Савой, где живут сербы в безопасных и недоступных местах. В надежде на это они прикидывались друзьями и рабами древних римских императоров и,

---

[1] *G. C. Soulis*. The Thessalian Vlachia, pp. 272–273; *C. Zachariae a Lingenthal*. Jus Graeco-Romanum, III, Lipsiae, 1857, p. 561.

[2] *Nic. Chon*. Op. cit., p. 485.

[3] *E. Stănescu*. Byzantinovlachica, p. 430.

[4] *Th. Tafel*. De Thessalonica eiusque agro dissertatic geographica. Berolini, 1839, p. 173.

[5] *L. Tamás*. Römer, Romanen und Vlachen in Dacia Traiana. Budapest, 1935, cap. IV; *E. D. Darkó*. Die Übersiedlung der Wlachen vom Süden nach Norden der Donau. — Сборник в память на П. Ников. София, 1940, с. 174; *Th. Carolus-Barré*. Op. cit., p. 674–675.

выходя из своих укреплений, разоряли земли римлян. Поэтому-то, как сказано, римляне, разгневанные на них, разгромили их. Уйдя из прежних мест, влахи рассеялись по всему Эпиру и Македонии, а большинство их поселилось в Элладе».[1]

Текст этот широко комментировался учеными разных направлений. Были отмечены все несообразности в географических представлениях Кекавмена, указаны его фактические неточности относительно войн Траяна с Дорпанием (Децебалом); был исследован и вопрос о возможных источниках его сведений.[2] Отметим лишь два важных для нас в связи со всем сказанным выше обстоятельства: Кекавмен считает предками влахов даков и бессов; Кекавмен полагает, что именно из района Савы и Дуная влахи постепенно расселились по Эпиру, Македонии и Элладе.

Именно эти два момента в первой попытке «этногенетических изысканий» о влахах были подчеркнуты недавно и Е. Стэнеску.[3]

Что касается первого из них, то лишь с конца XII в. он начинает (в отношении «даков») находить некоторое подтверждение в этнонимической терминологии византийских авторов, которые — особенно в XIV–XV вв. — все чаще стали использовать этот термин для обозначения населения левобережных областей нижнего Дуная. О бессах как предках влахов свидетельство Кекавмена так и осталось единственным в своем роде.

Что касается второго из отмеченных моментов (отправной пункт расселения влахов по западным балканским землям), то мы хотели бы еще раз обратить внимание исследователей на источники, совершенно независимые друг от друга, которые упорно связывают древнейших влахов с реками Дунаем, Тиссой и Савой, на что уже давно и неоднократно было указано в литературе[4] и совсем недавно в остроумной и оригинальной работе В. Д. Королюка.[5] Эти источники: Кекавмен, русская летопись, венгерский «Аноним».[6] Если влахи Южного Эпира, Южной Македонии и Эллады появились здесь, слившись с немногочисленными местными романизованными элементами, позднее,[7] то эту миграцию

---

[1] Советы и рассказы..., с. 268.22–270.5.

[2] О дискуссиях по этому вопросу и о литературе см. «Советы и рассказы»..., с. 519–522, 560–564; *M. Gyóni*. L'oeuvre..., p. 149–151.

[3] *E. Stănescu*. Byzantinovlachica, p. 434–435.

[4] *Ст. Романски*. Македонските ромъни. — «Македонски преглед», I, 5–6: 1925, с. 69; *L. Marcu*. Рецензия на: *S. Dragomir*. Vlahii..., p. 600–602; *A. Mangiuca*. Die Vlachen, S. 178–185. Ср.: *Th. Căpidan*. Darstellung..., S. 525–527; *E. Werner*. Yürüken und Wlachen. — «Actes», p. 606.

[5] *В. Д. Королюк*. Влахи и славяне русской летописи. Кишинев, 1971.

[6] Сюда можно было бы добавить и анонимное описание Восточной Европы, датируемое началом XIV в. и перекликающееся, но не совпадающее с венгерским «Анонимом» (см. Anonymi Geographi Descriptio Europae Orientalis, ed. G. Popa-Lisseanu, 1934, p. 17, 42).

[7] Ср.: *D.-Em. Daicoviciu, Gr. Petrovici-Ştefan*. Die Enstehung des rumänischen Volkes und der rumänischen Sprache. — «Bibliotheca historica Romaniae». Bd. I. Bukarest, 1964, S. 24.

внутри Балкан следовало бы датировать лишь концом VIII–первой половиной IX в., еще вероятнее — эпохой заселения Балкан славянами, а не концом IX–началом X в., как думал М. Дьони.[1]

Повторяем, мы не претендуем на решение столь сложной проблемы, высказывая лишь гипотезы, основанные на рассмотрении имеющихся свидетельств.

Византийские источники не дают возможности говорить о каких-либо значительных перемещениях или изменениях в плотности влашского населения на Балканах в XI–XII вв., как не оправдывают эти данные и теорию о передвижении в этот период влахов с Балкан за Дунай.

Этногенез влахов не может быть представлен как единый, лишенный существенных вариаций процесс, охвативший весь Балканский полуостров и протекавший в направлении к оформлению некоего недифференцированного этнического единства.

Также невозможно, на наш взгляд, усматривать прямую преемственность или взаимообусловленность процесса этногенеза влахов к северу от Дуная с тем же процессом, совершавшимся в средней или южной Македонии, Сербии, Эпире и Фессалии. Подобного рода преемственность и взаимообусловленность, видимо, имели определенное значение лишь в областях, расположенных непосредственно по обоим берегам нижнего Дуная.

[1] *M. Gyóni.* L'oeuvre..., p. 134. Т. Сулис, напротив, считает, что влахи жили здесь до славян, которые затем оттеснили их в горы (*G. C. Soulis.* Op. cit., p. 271).

Проблема симбиоза в латинских государствах, образованных на территории Византии (Феномены социальные и экономические: 1204–1261 гг.)*

Вопрос о взаимодействии политических, социально-экономических и культурных феноменов западноевропейского и византийского обществ в латинских государствах, образованных на территории империи в результате Четвертого крестового похода, в существенных чертах рассматривался год назад на XIV Международном конгрессе исторических наук в Сан-Франциско как составная часть более широкой проблемы встречи цивилизаций в Европе около 1300 г. (акцент был сделан именно на XIII столетии).

В частности, непосредственно в том же плане, в каком проблема поставлена на XV конгрессе византиноведческих исследований, она трактовалась в Сан-Франциско в глубоком и интересном докладе проф. П. Топпинга, одного из крупнейших авторитетов в изучении рассматриваемой темы и одного из основных докладчиков на данном научном форуме.[1]

---

* Тогда же и там же статья в качестве доклада на 15-м Международном конгрессе византинистов была издана и на французском — в виде брошюры: *G. G. Litavrin.* La symbiose dans les États Latins formés sur les territoires byzantins: phénomènes sociaux, économiques, religieux et culturels. Athènes, 1976.

[1] Peter Topping Greeks and Latins in the XIIIth–XIVth Centuries: some Aspects of their Co-Existence and Cultural Interfaction. — XIV International Congress of Historical Sciences. San Francisco. August 22–29, 1975. См. также: *J. Cesar, J. Vozár.* Contact and Conflict between Medieval Europe and the Orient (10th–15th Centuries). — Ibidem; *A. Stickler.* Die Universitäten des Mittelmeeraumes von der Mitte des 13. Jhs. bis um Ende des 14. Jhs. — Ibidem;

В своем кратком выступлении я имею возможность затронуть в самых общих чертах лишь некоторые из существенных сторон обсуждаемой проблемы, а именно: 1. Вопрос о тех сферах контактов, в которых в постоянном общении с завоевателями находились наиболее широкие слои византийского населения; 2. Вопрос о конкретных результатах взаимодействия и «сосуществования» греков с латинянами и, наконец, 3. Вопрос о факторах, препятствовавших сближению местной общественной и принесенной завоевателями систем.

В целом при этом меня интересует не византийское влияние на пришельцев с Запада, а преимущественно их воздействие на греческое общество и результаты этого воздействия.

1. Разумеется, проблема синтеза западной и византийской общественных систем не сводится к проблеме широты и интенсивности контактов самих представителей этих систем. Глубина и конкретные формы синтеза во многом определялись государственной властью, интересами господствующего класса латинян. Однако степень адаптации западных институтов и их роль в значительной мере обусловливались тем, насколько эти институты соответствовали традиционным формам жизни греческого общества, насколько — в конечном итоге — активно в процессе синтеза участвовали широкие слои местного населения.

С этой точки зрения, наиболее узкими и ограниченными сферами контактов между греками и латинянами оказались, по моему мнению, политическая и культурная сферы.

От политической жизни общества подавляющее большинство греческого населения было отстранено намного более последовательно, чем во все периоды собственно византийской истории. Замерла деятельность городских корпораций, выполнявших ряд публичноправовых функций, роль широких социальных слоев в военном деле была сведена на нет, резко снизилось общественно-политическое значение монастырей, практически прекратили существование такие общественные учреждения, как орфанотрофии, гиротрофии, ксенодохии, носокомии и т. п., для основной массы народа существенно сократилась личная правоспособность.

На политическую жизнь латинских государств у народа оставалась возможность воздействовать, в сущности, единственным способом — путем вооруженной борьбы. Волнения и восстания греческого населения, несомненно, влияли и на формы организации власти завоевателей, и на их внутриполитический курс. Причины заимствования латинянами элементов византийского права, имперской налоговой системы, церемониала, титулатуры и атрибутов власти[1] заключа-

Manuel Riu. El mundo mediterráneo en torno al año 1300. — Ibidem; *S. Ćircović*. Meeting Points of Great Civilizations arounds 1300: The East and West in South-East Europe. — Ibidem.

[1] *D. Jacoby*. La féodalité en Grèce médiévale. Les «Assises de Romanie», sourses, application et diffusion. Paris-La Haye, 1971, p. 32–38; *B. Hendrickx*. Les institutions de l'Empire Latin de Constantinople (1204–1261): Le pouvoir impérial. — Βυζαντινά, 6, 1974, p. 91 sq.; *P. Topping*. Op. cit., p. 3, 7.

шись не только в некоторой трансформации миросозерцания западных рыцарей, но и в стремлении к умиротворению местных жителей.[1] Прямое сотрудничество с завоевателями в политической области определенного слоя византийской знати никогда, даже в Морее, за весьма редкими исключениями, не осуществлялось на основе полного равноправия с западными сеньорами.[2]

Особенно ограниченными были контакты греков с латинянами в культурной сфере. Основной воспринимающей стороной здесь также были завоеватели. Культура латинян была чужда грекам, в особенности — те ее проявления, которые были связаны с религией. Даже греческие вассалы латинских сеньоров, воспринимая некоторые западные обычаи, правила придворного этикета и нормы западноевропейской рыцарской этики, сохраняли неизменную верность православию.[3] Сами правители латинских государств и прелаты римской церкви были вынуждены постепенно перейти от попыток утверждения католичества (воспользуюсь этим условным термином) среди греков к политике веротерпимости или враждебного нейтралитета в делах веры.[4] Но и религиозная принадлежность обрела социальное содержание: все католики, как правило, принадлежали к классу господ, занимали более высокое положение,[5] особенно в венецианских владениях. Дискриминация местных жителей на вероисповедной почве, хотя и в различной степени острая в разных латинских государствах, находила проявление повсюду, углубляя отчуждение. Совершенно обоснованным представляется мнение, что «схизма» 1054 г. обрела значение реального политического и идейного раскола лишь после 1204 г., когда завоеванное греческое население испытало на себе практические меры латинян по преодолению церковного разрыва.[6]

---

[1] *J. Longnon.* L'Empire latin de Constantinople et la principauté de Morée. Paris, 1949, p. 129–130; *B. Hendrickx.* Op. cit., p. 122 sq.; *Idem.* Boudewijn IX van Vlaandern de vrome Keizer Konstantinopel. — Ons Geestelijk Erf, 44, 1970, S. 227 f.; Cf.: *B. Ferjančić.* Rapports entre Grecs and Latins après 1204. — ЗРВИ, 10, 1967, p. 171 sq.

[2] *F. Thiriet.* La Romanie vénitienne au Moyen Âge. Paris, 1959, p. 133, 136; *D. Jacoby.* The Encounter of Two Societies: Western Conquerors and Byzantium in the Peloponnesus after the Fourth Crousade. — American Historical Review, v. 78, № 4, 1973, p. 883; *P. Topping.* Op. cit., p. 10.

[3] *B. Ferjančić.* Op. cit., p. 174–176; *D. Jacoby.* The Encounter... p. 890; *P. Topping.* Op. cit., p. 2, 6.

[4] *F. Thiriet.* Op. cit., p. 6, 8, 136 etc.; *D. Jacoby.* The Encounter... p. 890; *B. Hendrickx.* Frankokratia en Grieske beskawing. — Tydskrif vir Gbesteswetenskappe, 13. Pretoria, 1973, S. 200–208; *T. B. Tomadakis.* La politica religiosa di Venezia a Creta verso i Cretesi ortodossi dal XIII al XIV secolo. — Venezia fino al secolo XV, 1, 2. Firenze, 1973, p. 783–800.

[5] *D. Jacoby.* The Encounter... p. 903; *P. Topping.* Op. cit., p. 1.

[6] *P. Lemerle.* L'Orthodoxie byzantine et l'oecouménisme médiéval. Les origines du «schisme» des églises. Paris, 1965, p. 204; *D. J. Geanakoplos.* Byzantine East and Latin West. Oxford, 1966, p. 2–3; *A. Papadakis, A. M. Talbot.* John X Camaterus confronts Innocent III: An Unpublisched Correspondence. — Bsl., 33/1, 1972; *D. Nicol,* in: Relations between East and West in the Middle Ages. Edinbourgh, 1973, p. 7; *P. Topping.* Op. cit., p. 2; *S. Ćirković.* Op. cit., p. 4.

Подлинно широкими и постоянными были контакты греков с западными пришельцами лишь в сфере социально-экономической: общение в этой области было ежедневной необходимостью — от его характера зависели сами материальные условия жизни общества.

Формы и характер этого общения греков и латинян значительно отличались в разных латинских государствах, особенно в тех, которые были основаны западными сеньорами-землевладельцами, и в тех, которые были колониями Венецианской торговой республики. Как уже отмечал П. Топпинг, наиболее ярко эти отличия прослеживаются на примере Морейского княжества и венецианского Крита.[1]

Социальный барьер между завоевателями и завоеванными был в XIII в. наиболее непроницаемым на Крите. Венецианцы не вводили здесь вассально-ленной системы.[2] Они не искали путей сближения западных и местных форм социальной организации общества. В основе методов эксплуатации лежало здесь — в большей мере, чем в других латинских владениях, — прямое принуждение.

Такого рода сближение форм социально-экономической жизни местного греческого населения и латинян более отчетливо проявилось именно в Морее.[3] Система вассально-ленных отношений охватывала здесь все крупное и среднее землевладение. В нее оказались вовлеченными, частью в готовом виде, частью через инфеодацию, практически все владения греческой землевладельческой знати, влившейся в господствующий класс Мореи. Хотя внутри этого класса и здесь имелись существенные различия между западными сеньорами и греческими вассалами, эти различия обнаружили в Морее тенденцию к постепенному ослаблению.[4]

Мало того: на фоне в целом углубившейся социальной и имущественной поляризации между латинянами и основными массами сельского населения в родовых имениях греческой знати, а отчасти и в ее поместьях, полученных в качестве фьефов от латинян, сохранились «островки» прежних, византийских форм социальных отношений.[5]

2. Прежде чем говорить о проявлениях греко-латинского взаимодействия, необходимо заметить, что возможности ответа на этот вопрос в значительной мере ограничены хронологическим рубежом темы (1261 г.). Д. Якоби справедливо указал на то, что процесс взаимодействия греко-латинских институтов был градуированным, стадиальным, что более ясное проявление в конкретных результатах он нашел не столько в XIII, сколько в XIV столетии.[6]

Итоги этого взаимодействия в политической и культурно-религиозной сферах я оставляю в стороне, хотя, возможно, они также важ-

---

[1] *P. Topping*. Op. cit., p. 1.
[2] Ibid., p. 5.
[3] Ibid., p. 10–11; Cf.: *F. Thiriet*. Op. cit., p. 136.
[4] Ibid., p. 2 sq.; *D. Jacoby*. The Encounter..., p. 891–899.
[5] *F. Thiriet*. Op. cit., p. 116–119.
[6] Ibid., p. 133; *D. Jacoby*. The Encounter..., p. 875, 892.

ны в ином аспекте. С точки зрения сыгранной ими общественной роли политические заимствования латинян служили главным образом целям пропаганды и влияли в основном на высшие слои местного общества. Что касается культурно-религиозной области, то позиция народных масс была здесь скорее негативной, чем позитивной.

Поэтому я остановлюсь лишь на проблеме синтеза социально-экономических институтов византийского и западноевропейского происхождения. В западном византиноведении эту проблему увязывают обычно с вопросом о феодализме в Византии (существовал ли он здесь или не существовал до прихода латинян) и чаще всего сводят к проблеме пронии, поскольку для западного исследователя феодализм — это прежде всего вассально-ленные отношения, формы политической и правовой организации общества в средние века.

Об этом аспекте проблемы, кардинально разделяющим позицию западных и советских (и не только советских) исследователей давно сказано немало, и нет необходимости подробно останавливаться на этом вопросе. Однако для моих целей важно подчеркнуть, что советские медиевисты, отдавая должное при характеристике феодального строя вопросу об иерархической структуре земельной собственности и о вассально-ленной системе, рассматривают тем не менее именно сеньорию в качестве основного структурообразующего феномена средневекового европейского общества. Крестьяне, т. е. подавляющее большинство населения в эпоху средневековья, находились вне феодальной иерархии. Жизнь крестьянства определялась не вассально-ленной системой, а сеньорией.

На рубеже XII–XIII вв. именно такую же определяющую для масс населения роль играла сеньория и в Византийской империи.[1] Представляется слишком скептической позиция, согласно которой мы в сущности лишены возможности сравнить положение византийских парик до прихода латинян с положением крестьян в вотчинах и имениях западных сеньоров, поскольку сведения о жизни византийской деревни до 1204 г. сравнительно немногочисленны.[2]

В поместье как западного сеньора, так и византийского крупного собственника крестьяне являлись держателями господской земли. И там и тут, помимо крестьянских держаний, имелся домен, на котором господин организовывал собственное хозяйство. И византийские, и западноевропейские крестьяне находились в разных формах личной зависимости от господина, несли в его пользу различного рода повинности, платили ему натуральные и денежные оброки, в той или иной мере были подвластны его юрисдикции. В периоды ослабления центральной власти в империи (а так обстояло дело накануне 1204 г.)

[1] Cf. *D. A. Zacythenos.* Crise monétaire et crise économique à Byzance du XIIIe au XIVe siècle. Athènes, 1948, p. 60–62; *G. Ostrogorsky.* Le grand domaine dans l'empire byzantin. — Publications de la Société Jean Bodin pour l'histoire comparative des Institutions, IV. *Le Domaine.* Wetteren, 1949, p. 40.

[2] *D. Jacoby.* The Encounter..., p. 875.

парики, как и вилланы и сервы на Западе, оказывались и здесь в полной власти своих господ, на что специально указывает Д. Якоби.[1]

В своих основных чертах такой была сеньория и в Византии до латинского вторжения, и в Западной Европе, и в подвластной западным и греческим землевладельцам деревне после утверждения власти латинян на землях империи.

Ухудшение юридического статуса крестьянства, повышение норм его эксплуатации, строгая система вассально-ленных отношений — все эти перемены, последовавшие за латинским завоеванием, были, несомненно, весьма существенными. Но всех этих перемен, на мой взгляд, недостаточно для заключения, что формы социально-экономической жизни изменились в корне, что франки принесли в Морею неведомый ранее византийцам общественный строй.

Нельзя, впрочем, сказать, что и самые отношения вассалитета до прихода латинян были совершенно незнакомы местному населению. Различные формы условных держаний от короны получили довольно широкое распространение в Византии уже в XII в. Вассальные узы такого рода не создавали иерархической системы. Это важно. Но гораздо более существенно то, что крестьяне, попадавшие во власть царского бенефициария, немедленно или постепенно становились его париками. В стертой форме в это время в империи стала возникать и субинфеодация частно-правового характера (данные об этом есть, в частности, в типике монастыря Богородицы Космосотиры).

Дискуссия о пронии, в зависимость от решения вопроса о которой зачастую и вряд ли правомерно ставится в историографии проблема византийского феодализма вообще, вновь обострилась в последние годы. Д. Якоби обосновал мнение, согласно которому Морейская хроника как памятник XIV столетия не может служить надежным источником, свидетельствующим о характере пронии и масштабах ее распространения на Пелопоннесе до 1204 г. и в первое время после латинского завоевания.[2]

Указывают на то, что сведения о пронии для XII–XIII вв. крайне немногочисленны, а о пронии на Пелопоннесе до 1204 г. нет вообще ни одного известия; что прония нередко не являлась в это время земельным пожалованием; что, даже будучи таковым, она отнюдь не всегда

---

[1] *D. Jacoby.* The Encounter..., p. 876, 889. Cf. *F. Thiriet.* Op. cit., p. 114; *P. Topping.* Commentary on Feudal Institutions of Frankish Greece. Feual Institutions as Revaeled in the Assises of Romania. Filadelphia, 1949, p. 173; *D. J. Geanakoplos.* Op. cit., p. 140; *Н. П. Соколов.* Народно-освободительное движение и классовая борьба на Крите в первые полтораста лет венецианского владычества. — Ученые записки Горьковского Гос. Университета, вып. 46. Серия историко-филологическая. Горький, 1969, с. 31 сл.; *Г. А. Дмитриев.* Долговая тюрьма в латинской Морее. — BSl. 30/1. 1969, с. 73 сл.; *Его же.* Термины серв (serf) и виллан (villain) на латинском Востоке. — ЗРВИ, 1971, с. 139–140; *Его же.* К вопросу о положении крестьян в латинской Греции. — ЗРВИ, 14/15, 1973.

[2] *D. Jacoby.* Quelques considérations sur les versions de la «Chronique de Morée». — Journal des Savants, 1968, p. 133–189.

жаловалась под условием несения именно военной службы; что, наконец, даже «классическая», если можно так сказать, прония значительно отличалась от западного фьефа и лена и т. д.[1]

Все это верно. Но всего этого недостаточно для вывода, что византийская прония несопоставима с видами условного землевладения в Западной Европе.

Скудость известий о пронии для XII–XIII–вв. нельзя признать сильным аргументом, учитывая всеобщность системы византийского правопорядка. Что касается отличий пронии от фьефа и лена, то они не столь давно были вновь тщательно выявлены и оценены в советской историографии, и снова при этом сделан вывод о принципиальной близости пронии и лена.[2] Прония — не тип лена, совсем не его подобие, но наиболее важной чертой, определяющей их сходство, было то, что оба эти вида земельного пожалования, возникшие в недрах разных обществ независимо друг от друга, имели условный характер. Условность собственности на пронию как ее главная черта подчеркнута в одном из наиболее ранних, по всей вероятности, определений пронии, содержащемся в опубликованном И. Караяннопулосом фрагменте податного трактата: прония — это «пожалование от василевса на срок жизни человека».[3]

Среди известий о разных видах пронии уже для XI–XII вв. есть сведение о ней как о передаче невещных и вещных прав одновременно, т. е. как о земельном пожаловании. Среди видов служб, под условием несения которых жаловали пронию, упоминается для тех же веков и военная служба. Такого рода прония в начале XIII в. распространялась и в Никейской империи, и в Эпирском царстве. Оставив в стороне термин («прония»), нельзя все-таки совсем пренебречь тем фактом, что отнюдь не абсолютно невежественный в истории автор Морейской хроники убежден в широком распространении условного землевладения на Пелопоннесе до прихода латинян и усматривает в формах этого землевладения существенное сходство с западноевропейским фьефом.

Я считаю поэтому невозможным заранее и начисто исключать пронию из числа факторов, способствовавших сближению с завоевателями верхов греческого общества. Вряд ли Пелопоннес был еще большим византийским захолустьем, чем гористый Эпир, лежащий по другую сторону узкого Коринфского залива, а известия о пронии в Эпире в первой половине XIII в. достаточно определенны. Вряд ли византийские институты, имевшие тенденцию к развитию и распространению, только на Пелопоннесе не находили себе подходящей почвы.

---

[1] *D. Jacoby.* La féodalité... p. 249 sq.; *Idem.* The Encounter..., p. 878–879.

[2] *К. В. Хвостова.* Особенности аграрноправовых отношений в поздней Византии. XIV–XV вв. М., 1968, с. 208–224. Ср.: *G. Ostrogorsky.* Die Pronoia unter den Komnenen. — ЗРВИ, 12, 1970, S. 41 f.; *З. В. Удальцова.* Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969, с. 188 сл.

[3] *J. Karajannopulos.* Fragmente aus dem Vademecum eines byzantinischen Finanzbeamten. — Polychronion. Festschrift F. Dölger. Heidelberg, 1966, S. 322.56–57.

Я разделяю мнение тех, кто полагает, что в стремлении отвергнуть или уточнить концепцию пронии Г. Острогорского исследователи порой впадают в другую крайность.[1]

Однако — повторю еще раз — независимо от вопроса о пронии фактом является то, что именно в Морее установленный завоевателями режим оказался наиболее жизнеспособным, что именно здесь контакты франкской и греческой знати были наиболее тесными, и объяснить это невозможно, отрицая принципиальную близость социально-экономической, аграрной структуры византийской и франкской деревни на рубеже XII–XIII столетий.[2]

3. Наконец, последний вопрос — о факторах, препятствовавших латино-греческому сближению и, в конечном итоге, определивших слабость латинских государств на византийской земле.

В историографии в связи с этим обычно идет речь о факторе вероисповедном. Неизмеримо меньше внимания уделяется двум другим: социально-экономическому и этническому (хотя в последние годы по вопросу об этнических процессах на византийских землях в XIII в. завязалась дискуссия, которую иногда неудачно определяют как спор о «неоэллинизме» в Византии).

Основной причиной, препятствовавшей сближению греков и латинян и обусловившей непрочность латинских государств, являлся, на мой взгляд, самый факт насильственного утверждения иноземного господства над народом, для которого были характерны устойчивое сознание своей исторической общности, развитые традиции политической и общественной жизни и высокая культура, во всяком случае, не уступавшая по уровню культуре завоевателей, составлявших к тому же на захваченных землях ничтожное меньшинство населения. Обстоятельством чрезвычайной важности было то, что греки пришли в соприкосновение собственно не с западноевропейским обществом, с его естественной, сложной социальной структурой, а лишь с элитой этого общества, олицетворявшей в глазах греков угнетение, власть и военную силу.

Господство завоевателей повлекло ухудшение социального и материального положения всех без исключения классов и слоев местного византийского населения. Представляется малоубедительным высказываемое иногда мнение, что под властью латинян на Пелопоннесе в жизни крестьян не изменилось в сущности ничего, что, избавясь от произвола имперского чиновничества, парики почти благоденствовали под господством западных сеньоров, что у тех и других имелись якобы некие «общие цели».[3]

---

[1] *F. Thiriet.* Romanie..., p. 110, 112–113; *Ch. M. Brand.* Byzantium confronts the West 1180–1204. Cambridge, 1968, p. 9–28; *J. Ferluga.* L'Aristocratie byzantine en Morée au temps de la conquête latine. — Byzantinische Forschungen, 4, 1972, S. 81–87 (cf. *H.-G. Beck*, in: BZ, 66/2, 1973, S. 485); *S. F. Carile.* Sulla pronoia nel Peloponneso bizantino anteriormente alla conquista latina. — ЗРВИ, 14/15, 1975.

[2] *P. Topping.* Greeks..., p. 10; *H. Hunger.* Reich der Neuen Mitte. Graz, Wien, Köln, 1965, S. 30.

[3] *J. Longnon.* Op. cit., p. 132, 134, 143, 209; *F. Thiriet.* Op. cit., p. 116–117.

Сохранив византийские налоги и ренты, латиняне, даже в Морее, ввели новые поборы и повинности. Несомненно, западного происхождения были и введенные ими баналитеты (натуральные поборы за обязательное пользование господскими мельницей, печью для выпечки хлеба, виноградным и масличным прессами). Правовые нормы, устанавливаемые латинянами в их отношениях с греческим крестьянством, были архаичными, изжившими себя уже в самой Западной Европе. Никогда не знавшие подлинного крепостничества византийские крестьяне были превращены в крепостных, в сервов и вилланов. Их возможности располагать своим имуществом были ограничены, былая свобода в матримониальных делах также. Юрисдикция баронов в их поместьях была, напротив, не ограничена ничем и никем. Росла барщина, особенно во владениях венецианцев, стремившихся к увеличению вывоза товарного зерна, цены на которое быстро росли.

Убедительное свидетельство повышения норм эксплуатации завоеванного латинянами населения дает Лампсакская налоговая опись, составленная в 1218 г. по повелению Константинопольского байло и венецианского дожа. Дважды в описи подчеркнуто, что формы и размеры налогов с крестьян и горожан Лампсака остаются такими же, какими они зафиксированы в византийских документах («практиках»). Но под конец описи упомянуты и новшества: ранее с зевгарата и воидатов (они названы вилланами) взимали налог в счет семи ангарий с каждого, теперь же их обязывали платить почти в семь раз больше, по 4 перпера с двора. Мотивировать эти действия венецианцы не находят нужным: они попросту решили, что вилланы «могут платить по 48 ангарий каждый».[1] Общая сумма налогов с зевгарата была повышена на 50, а с воидата — на 80%.

Всего со 173 дворов три венецианца, державшие Лампсак нераздельно в качестве фьефа, взимали 1671 перпер, 1000 из которых вносили в казну байло. Лампсак был единственным городом венецианцев в «Романии» на азиатском побережье. Он прикрывал проливы с востока, находясь в пограничье с Никейской империей. Если венецианцы не останавливались перед повышением налогов даже здесь, то вряд ли они вели себя иначе там, где угроза их господству была меньшей. Негропонт Бонифаций Монферратский отдал трем рыцарям под условием платить сеньору за держание по 2100 перперов в год; когда же Эвбея попала в руки венецианцев, они брали со своих трех ленников за Негропонт уже по 5000 перперов.[2]

Константинополь понес при завоевании непоправимый ущерб. Массовое разграбление его ценностей, отлив жизнедеятельного населения в корне подорвали местное ремесло и торговлю. Город как производственный

---

[1] *G. F. L. Tafel* und *G. M. Thomas.* Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig, II. Wien, 1985, S. 209; cf.: *D. Zakythinos.* Le despotat grec de Morée, II. Athènes, 1953, p. 186; *Г. Г. Литаврин.* Провинциальный византийский город на рубеже XII–XIII вв. (по материалам налоговой описи Лампсака). — см. данный сборник.

[2] *R.-J. Loenerts.* Les seigneurs tiertiers de Négropont de 1205 a 1280. — Byz., 35, 1965, p. 238, 239, 243. Cf. *D. J. Geanakoplos.* Op. cit., p. 140.

центр не возродился под властью латинян, хотя и внутренним, и внешним рынком целиком владели в нем богатые купцы республики св. Марка. Жизнь в бывшей столице Византии кипела лишь в венецианских кварталах.

Господство Венеции в городах империи было несовместимо с развитием конкурентоспособного местного ремесла и торговли. Купечество Лагуны постепенно наращивало вывоз из византийских портов различных видов местного сырья: зерна, вина, рыбы, оливкового масла, руды, леса, шелка-сырца и т. п., активно содействуя превращению имперских земель в сырьевой придаток своей республики. Экономическое положение греческого городского населения быстро ухудшалось под властью латинян. В жизни византийских центров ремесла и торговли наступил застой, причем как раз в то время, когда в экономике провинциальных городов империи (с конца XII в.) наблюдалось заметное оживление.[1]

Структура господствующего класса практически на всех завоеванных латинянами землях империи претерпела коренную трансформацию. За ничтожным исключением, наиболее крупные византийские землевладельцы либо бежали из занятых латинянами районов, либо разорились, опустившись в низкие социальные слои, либо погибли в борьбе с завоевателями. Средняя и мелкая знать, сотрудничавшая с латинянами, оказалась в подчиненном положении. Чиновная же имперская знать вообще не нашла себе места в системе латинского управления: она также либо перебралась в Никею и Эпир, либо оказалась не у дел, потеряв былой социальный статус.

Особенно катастрофичными последствия иноземного завоевания были для такого важного слоя византийской знати, как высшее духовенство, большинство которого, оставшегося на месте, было низведено до положения хорепископов, священников приходов и клириков.

Все это не могло не питать среди всех классов и слоев греческого населения постоянное недовольство господством западных сеньоров и мечты об их изгнании.

Так называемая проблема «неоэллинизма» породила самые противоречивые суждения в литературе. Согласно одной концепции, именно в эпоху латинского завоевания оформилось «греческое национальное самосознание». Центром «греческого национализма» стала и оставалась до 1261 г. Никейская империя.[2] Согласно другой концепции,

[1] *Г. А. Дмитриев.* Долговая тюрьма..., с. 74.

[2] *Д. Ангелов.* История на Византия, т. 3. София, 1967, с. 13; *A. E. Vakalopoulos.* The Origins of the Greek Nation. The Byzantine Period, 1204–1461. New Brunswick, 1970; *A. Papadakis, A. M. Talbot.* Op. cit., p. 29–30; *D. J. Geanakoplos.* Op. cit., p. 2–3; *J. Irmscher.* Nikaa als «Mittelpunkt des griechischen Patriotismus». — Byzantinische Forschungen, 4, 1972, S. 114–137; *Г. Г. Литаврин.* Особенности византийского и болгарского феодализма в конце XII–XIV в. (К проблеме типологии феодализма). — Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1973, с. 52–60; *П. И. Жаворонков.* Никейская империя в системе международных отношений в XIII в. Автореферат канд. дис. М., 1975.

ментализм космополитической Византийской империи сознание какой-либо этнической общности было чуждо вообще; все представители любой этнической группы внутри империи, исповедующие православие и хранящие верность василевсу, являлись равноправными «ромеями». Поэтому среди мотивов, обусловивших неприятие латинского господства, этнический фактор, по мнению приверженцев этой теории, не должен был играть никакой роли.[1]

Вероятнее всего, эти две концепции излишне остро противостоят друг другу. Конечно, неоэллинизм — явление нового времени, характерное для идейно-политической и культурной жизни общества спустя пять-шесть столетий. В отличие от приверженцев неоэллинизма в конце XVIII–начале XIX в., у большинства греческого населения в XIII столетии, исключая, вероятно, лишь узкий круг интеллектуалов, отсутствовало сознание генетической этнокультурной связи с древними эллинами. Однако формирование этнического самосознания — длительный и сложный процесс, имевший разные стадии и уровни развития. Осознание греками своей этнической общности не было, конечно, внезапным «озарением».

Разумеется, нельзя не считаться с тем, что в официальной доктрине Византии до 1204 г., равно как Никейского царства и Палеологовской империи, непосредственно этнический фактор не находил отражения. Термин «ромеи» продолжал трактоваться лишь в политико-конфессиональном смысле.

Тем не менее спорадически уже с X в. (и особенно в XI–XII вв.) византийские письменные памятники содержат быстро нарастающее число свидетельств о все более четкой дифференциации понятия «ромеи»: оно обретает этнический смысл, совпадая в сущности с понятием «греки» — греки не только по языку, религии и культуре, но и по происхождению. О «ромеях» иного рода уже делалась оговорка, что они являются таковыми лишь по «воспитанию».[2]

Это явление было естественным выражением общих процессов развития европейских народов. Отражало оно и изменение условий жизни самого византийского общества. Во-первых, территория империи постепенно сокращалась в направлении ее этнического (греческого) эпицентра; к концу XII в. она в целом совпадала с ареалом, в котором греки составляли абсолютное большинство населения. Во-вторых, процесс этнической консолидации захватил в этот период и другие народы империи: тенденция к отделению от нее нарастала в областях с компактным большинством инородного грекам населения. В 1185 г. в упорной борьбе болгары добились возрождения своего независимого

[1] *F. Thiriet*. Op. cit., p. 117–119; *E. Werner*, рец. на: *Д. Ангелов*. История на Византия, т. 3. — Bsl, 29/1, p. 152; *G. Mergl*. Die frankische Peloponnes. — Südost-Forschungen, 30, 1971, S. 245–249; *A. Bryer*: Vakalopoulos. The Origins... BSl, 33/2, 1972, p. 244–245.

[2] *Г. Г. Литаврин*. Некоторые особенности этнонимов в византийских источниках. — Этногенез и этническая история народов Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1976.

государства, а вскоре получили самостоятельность и сербы. Вероисповедное единство с греками и огромное всестороннее влияние, испытанное болгарами со стороны Византии в течение пяти веков (в том числе и двух столетий непосредственного византийского господства), не сделали болгар подлинно «ромеями». Вспоминая о «Болгаробойце» и именуя себя «Ромеебойцей», Калоян имел в виду не армян или влахов европейских провинций империи, а именно греков.

Сознавали свое этническое своеобразие в XI–XII вв. и влахи, и армяне, и даже славяне Пелопоннеса, бывшие уже 500 лет православными подданными василевса.

С конца XII–начала XIII в. развитие собственного этнического чувства у «ромеев» весьма ощутимо «стимулировали» и болгары, и турки-сельджуки, и явившиеся с Запада завоеватели. Я не вижу достаточно веских оснований, в силу которых история должна отказать в наличии этнического самосознания в XIII в. именно грекам, основному этническому ядру империи, для которого были свойственны наиболее богатые исторические и культурные традиции. Среди факторов, обусловивших упорное неприятие массами греков как институтов западных завоевателей, так и их самих, играл, по моему мнению, существенную роль также фактор этнический. Религия стала символом, знаменем сопротивления, но она не была адекватным выражением «национализма».[1] Этническое чувство «ромеев» этого времени не совпадало с конфессиональным — оно было и богаче, и сложнее.

Иногда в исторической литературе придается особое значение фактам проявления равнодушия (и даже враждебности) со стороны широких народных масс к своим господам и судьбам императорского трона еще до 1204 г. и в ходе латинского завоевания. Отмечают случаи торжественных встреч, которые под руководством местных архонтов жители отдельных поселений оказывали латинянам. Подчеркивают свидетельства об участии греческих вассалов западных сеньоров в военных действиях латинян против никейских или эпирских войск. Придают принципиальное значение появлению греческих «жентильомов», а также увеличению числа гасмулов.[2]

Разумеется, все эти явления заслуживают серьезного внимания и оценки: они свидетельствуют о многосторонности и сложности исторического процесса. Но они, на мой взгляд, не могут служить основанием для обобщающих выводов о существе отношений горстки завоевателей с подчиненным им греческим населением.

То равнодушие и даже враждебность к византийской знати, которые были проявлены, по свидетельству Никиты Хонаита, поселянами Фракии после падения Константинополя,[3] имели свои причины, весьма важные в ином аспекте. Существеннее однако в связи с трактуемой темой, что эти же поселяне весной 1205 г. поднялись на восстание против латинян.

---

[1] Cf.: *D. N. Nicol.* The Last Centuries of Byzantium: 1261–1453. London, 1972, p. 19–20.

[2] *F. Thiriet.* Op. cit., p. 117.

[3] *Nicetae Choniatae* Historia, P. I. Berolini et Novi Eboraci. 1975, p. 593–594.

Вынужденное подчинение безоружных и дезорганизованных жителей военной силе вторгшегося врага — даже с нравственной стороны — крайне сомнительный довод в пользу тезиса о готовности к какому бы то ни было сотрудничеству с завоевателями.

Проблема соучастия в походах латинян греческих архонтов, как и вопрос о гасмулах (принадлежащий все-таки скорее к XIX в.), могут найти решение лишь при учете того социально-ограниченного, второстепенного значения, которое эти явления имели.

Сошлюсь на характерное свидетельство самого Генриха Генегауского. В письме к западным правителям от января 1212 г. он сообщал, что греки повсюду ждали прихода войск императора Никеи; в пограничной зоне, на северо-западе Малой Азии, страдавшие от наездов латинян, греки заявили Феодору Ласкарису, что «далее они этого выносить не хотят и не могут», что либо василевс сразится с латинянами, либо они подчинятся им.[1]

В заключение я хотел бы еще раз подчеркнуть, что, несмотря на плодотворную исследовательскую работу ряда выдающихся эрудитов, в том числе уважаемых докладчиков П. Топпинга и Д. Якоби, проблема взаимодействия греков и латинян в государствах, созданных крестоносцами на землях Византии после апреля 1204 г., в ее некоторых аспектах заслуживает дальнейшей всесторонней разработки. Может быть, новым успехам в изучении этой темы содействовало бы одновременное рассмотрение в историко-сравнительном плане положения дел в тех областях империи, которые с конца XII—начала XIII в. вплоть до нового времени оставались за пределами греческой государственности, а именно: в районах, занятых турками-сельджуками, с одной стороны, и на островах Кефаллиния и Кипр — с другой.

Итак, тесное взаимодействие восточно-христианской и западно-христианской цивилизаций дало весьма скромные результаты, ибо оно не было, в сущности, взаимодействием двух общественных систем: в контактах с греческим обществом находились представители лишь одного, верхнего слоя западного общества. Там, где греки были приобщены к западноевропейским формам жизни, они были включены в эту систему, как правило, вопреки их воле. Там, где сотрудничество носило подлинно взаимный характер, оно распространялось на узкую прослойку социальных верхов греческого общества и в его основе также лежал фактор иноземного завоевания.

Поэтому в соответствии со всем сказанным выше, я считал бы более подходящим обозначить рассматриваемую проблему как «проблему синтеза общественных институтов», а не «проблему симбиоза» самих создателей институтов, поскольку греческий термин «симбиоз», с его биологическим оттенком, обычно предполагает не просто «сосуществование», а «взаимополезное сожительство», «объединение во имя общих целей» и даже «братство».

---

[1] *G. Prinzing.* Der Brief Kaiser Heinrichs von Konstantinopel vom 13. Januar 1212. Uberlieferungsgeschichte. Neuedition und Kommentar. — Byz., 43, 1973, S. 415.

О соответствиях между византийскими и османскими формами организации экономики города в XV–XVI вв.

Проблема соотношения оформившейся в XIV–XVI вв. общественно-экономической структуры Османской империи с соответствующими порядками в завоеванных турками государствах является одной из наиболее актуальных в современной туркологии и балканистике. Полемика по этой проблеме продолжается более полувека. Ее характерной особенностью в настоящее время можно считать некоторое сближение позиций спорящих сторон: как сторонники континуитета форм исторического процесса в Малой Азии и на Балканах в XIV–XVI вв., так и приверженцы дисконтинуитета отступили от крайностей своих концепций.[1]

Тем не менее, по заключению Н. Тодорова, в целом «исследование влияния других мусульманских обществ и Византии на формирование структуры османской феодальной системы, несмотря на достигнутые успехи в изучении этой проблемы, не дало окончательных результатов».[2]

Особенно справедлив этот вывод для вопроса о судьбах византийских и славянских городских институтов в Османском государстве. Некоторые туркологи полагают, что основу османского города и его

---

[1] *H. Inalcik.* The Foundations of the Ottoman economico-social system in cities. — In: La ville balkanique. XVe–XIXe ss. // Studia balcanica. Sofia, 1970, vol. 3, p. 17–24; *Idem.* The Ottoman Empire. The Classical Age. 1300–1600. London, 1973, p. 17, 71 sq., 132; *Cl. Cahen.* Mouvements et organisation populaires dans les villes de l'Asie musulmane au Moyen Age: milices et associations de foutouwwa. — In: La ville. Recueils de la société Jean Bodin, Bruxelles, 1955, t. VII, pt. 2, p. 273–288; *Idem.* Pre-Ottoman Turkey. A general survey of the material and spiritual culture and history, c. 1071–1330. New York, 1968, p. 173, 189, 193–197; *Sp. Vryonis.* The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Feefteenth Century. Berkley, etc., 1971, p. 400 sq., 480.

[2] *Н. Тодоров.* Балканский город XV–XIX вв.: Социально-экономическое и демографическое развитие. М.: Наука, 1976, с. 23.

типичные черты определяли городские институты ближневосточных мусульманских государств (прежде всего Ирана и сельджукских стран),[1] хотя признают при этом и некоторое воздействие Византии на доосманское мусульманское общество, как и непосредственное византийско-славянское влияние на социальную и общественную систему Османской империи.[2]

Э. Вернер склонен к заключению, что в отличие от аграрной сферы и форм эксплуатации деревни, где византийско-славянское наследие вполне ощутимо, в городской организации османов следы подобного воздействия гораздо менее заметны.[3]

Напротив, в греческой историографии тезис о континуитете византийских институтов в османском городе признается почти бесспорным.[4]

В. А. Гордлевский, защищавший гипотезу о существовании профессиональных городских организаций в Иконийском султанате с самого начала сельджукского господства в Малой Азии, предполагал также и генетическую связь этих организаций с торгово-ремесленными корпорациями Византии.[5] О существенном косвенном (через воздействие на доосманские мусульманские страны) и прямом влиянии Византийской империи на формирование структуры османского города пишет и Сп. Врионис.[6] Отмечая всю сложность проблемы, считает это возможным также Кл. Каэн, хотя и подчеркивает при этом, что трудно определить, происхождение каких городских феноменов следует отнести на счет прямого византийского воздействия, а каких — на счет наследия от сельджукской эпохи, тем более что и византийский, и мусульманский

---

[1] *Ö. L. Köprülü.* Les origines de l'Empire Ottoman. Paris, 1935, p. 64–78; *Idem.* Alcune asservazione intorno all'influenza delle instituzioni bizantine sulla instituzioni ottomane. Rome, 1953, p. 229 sq.; *H. Inalcik.* The Ottoman Empire..., p. 4, 7, 8, 65–73, 76, 97, 101, 150 etc.; *L. Massignon.* La «Futuwwa» ou «pacte d'honneur» entre les travailleurs musulmans au Moyen Âge. — In: La Nouvelle Clio, 1952, IVe annés, Mai–Octobre, p. 177 sq.; *Ö. L. Barkan.* Quelques observations sur l'organisation économique et social des villes ottomanes, des XVe et XVIIe siècles. — In: La ville, p. 298–308; *Idem.* Contribution à l'étude démographique des villes balkaniques au cours des XVe–XVIe ss. — In: La ville balkanique, p. 181–182; *K. Karpat.* The Background of Ottoman Concept of City and Urbanites. — In: Structures social et développement culturel des villes Sud-Est Européennes et Adriatiques aux XVIIe–XVIIIe ss. Bucarest, 1975.

[2] *H. Inalcik.* The Ottoman Empire..., p. 71.

[3] *E. Werner.* Die Geburt einer Grossmacht — die Osmanen, 1300–1481. — In: Forschungen zur mittelalterlichen Geschichte, Berlin, 1966, Bd. 13, S. 45–46, 73–77, 110, 287–289, 311 (третье издание книги нам недоступно); *E. Werner, W. Markov.* Geschichte der Türken von Anfängen bis zum Gegenwart. Berlin, 1978, S. 46–47, 72–80.

[4] *J. M. Lapidus.* Muslim Cities in the Later Middle Ages. Cambridge (Mass.), 1967. К сожалению, указанная у Н. Тодорова (в особенности новейшая греческая) литература нам недоступна (*Н. Тодоров.* Балканский город..., с. 448, прим. 69–70).

[5] *В. А. Гордлевский.* Избр. соч.: В 4-х т. М.: Изд-во вост. лит., 1960–1968, т. 1. Исторические работы. М., 1960, с. 135–140.

[6] *Sp. Vryonis.* The Decline..., p. 477–480.

город имели общие традиции, восходившие ко временам античности.[1] Г. Баер,[2] а затем Н. Белдичану привели веские доказательства наличия в самом начале XVI в. цехов, по крайней мере в нескольких крупных османских городах; возникли они, видимо, в предшествующем столетии, но данные об их статусе и структуре в период становления практически отсутствуют.[3] Существенными особенностями отличается точка зрения И. М. Лапидуса, который целиком возводит корпоративные порядки в Османской империи и в других доосманских мусульманских странах к византийским нормам городской жизни, но делает при этом особый акцент на своеобразии византийских и мусульманских корпораций, считая их в научном плане принципиально несопоставимыми с западноевропейскими цехами.[4]

Наиболее широко трактуемая проблема была поставлена в специальной монографии о балканском городе болгарского историка Н. Тодорова. Согласно его исследованию, турки в целом в ходе завоевания малоазийского побережья и Балканского полуострова не ликвидировали полностью местную городскую структуру, включая ее в готовом виде в свою систему.[5] Несмотря на урон, который города понесли во время турецкого наступления, они продолжали существовать как ремесленно-торговые центры; местное население в некоторых из них на первых порах даже преобладало; их общественно-административная, закрепляемая официальным законодательством структура складывалась постепенно и отнюдь не была совершенно одинаковой в разных городах. Преемственность в жизни дотурецкого (балканского) и османского города для Н. Тодорова несомненна. Постепенная кодификация местных норм и обычаев при содействии региональных кади (судей) протекала одновременно с введением чисто мусульманских порядков и новых законоположений,[6] но была при этом не механическим про-

---

[1] *Cl. Cahen.* Pre-Ottoman Turkey..., p. 173; *Idem.* Mouvements..., p. 184–285 («не говорят ли порой, — пишет при этом на с. 285 Кл. Каэн, — что уже Рим в некотором роде был восточным средневековым городом?»).

[2] *G. Baer.* Guilds in Middle Easteren History. — In: Studies in the Economic History of the Middle East. London etc., 1970, p. 11–30; *Idem.* The Administrative, Economic and Social Functions of Turkich Guilds. — In: International Journal of Middle East Studies. Londres; New York, 1970, t. 1 (I), p. 28–50.

[3] *N. Beldiceanu.* Recherches sur la ville ottomane au XVe siècle. Etudes et actes. Paris, 1973, p. 47–49, 207–208, 235, 264.

[4] *J. M. Lapidus.* Op. cit., p. 95–104.

[5] *Н. Тодоров.* Балканский город..., с. 29 след., 84, 116; *Он же.* Из социално-икономическия живот на София през XVI–XVII вв. — Известия на Института за история, 1964, т. 14/15, с. 223–224. См. также: *В. Г. Карман.* Некоторые проблемы истории балканского города XV–XVI вв. в современной болгарской и юго-славянской историографии. — В кн.: Хозяйство и общество на Балканах в средние века. Калинин, 1978, с. 123–124.

[6] Ср. об этом: *Х. Хаджибегич.* Турецкие правовые памятники как исторический источник. — В кн.: Восточные источники по истории народов Юго-Восточной Европы. М., 1961, с. 68–71; *М. Sokolovski.* Le développement de quelques villes dans le sud de Balkans aux XVe–XVIe siècles. — In: Balcanica, 1970, vol. I.

нием заимствования, а сложным синтезом. Его степень и формы определялись не произволом законодателей, а стадией развития феодальных отношений в турецком обществе, насущными потребностями государственной системы Османской империи. Воспринятые местные нормы обретали в новой системе новое значение и новый облик.[1] Ни в коей мере решающим не считает Н. Тодоров и влияние на структуру османского города «модели» сельджукской городской организации.[2]

Неразработанность проблемы объясняется рядом объективных причин, главная из которых — крайний недостаток источников. Прежде всего, в науке нет достаточно ясного представления о том, какими чертами характеризовалась торгово-ремесленная структура городов Византии с Четвертого крестового похода до турецкого завоевания. Большинство византинистов полагают, что корпорации («цехи») в империи как доминирующая форма городских профессиональных организаций прекратили существование в XII в., задавленные губительными ограничениями и поборами со стороны государства в условиях непосильной конкуренции с изделиями итальянского ремесла, заполонившими византийский рынок вследствие чрезвычайных привилегий, пожалованных императорами купцам Италии по военно-политическим расчетам. Предполагают, что более прочными, сохранившимися вплоть до турецкого завоевания корпоративными традициями обладали города, добившиеся некоторых прав самоуправления (Фессалоника, Адрианополь, Янина, Мельник, Веррия, Монемвасия). По мнению этих исследователей, ослабление центральной власти не привело к заметному укреплению корпоративной системы в целом, ибо на смену представителям императорской власти в качестве господствующей политической силы в городе пришли местные феодалы, налаживавшие тесные торговые связи с иноземным купечеством и выступавшие против тенденций к городскому самоуправлению.[3]

По мнению других ученых, «цехи» в Византии упрочились в условиях ослабления государства, обрели самостоятельность и не только сохранились до османского завоевания, но и пережили его. Доказывается этот тезис, однако, лишь ретроспективно — тем фактом, что в XVI–XVII вв. греческие ремесленники были объединены в особые или совместные с турками цехи.[4]

---

[1] *Н. Тодоров.* Балканский город..., с. 28, 34, 62–68, 101, 104, 112–116. Т. Стоянович считает «основной моделью» для османов на Балканах не сельджукский город, а византийские Адрианополь и Константинополь (*Tr. Stoianovich.* Model and Mirror of the Premodern Balkan city. — In: La ville balkanique..., p. 89–90). Н. Белдичану подчеркивает различия в организации раннеосманского города в Малой Азии и на Балканах (*N. Beldiceanu.* Op. cit., p. 144–145).

[2] Там же, с. 31.

[3] История Византии: В 3-х т. М.: Наука, 1967, т. 2, с. 111–112.

[4] *М. Апостолидис, А. Пеев.* Кондики на пловдивския абаджийски еснаф. Кн. I–III. — Годишник на Народната библиотека в Пловдив, кн. I, II, 1928–1929 (1931); кн. III, 1930 (1932). Ср.: *Sp. Vryonis.* The Decline..., p. 477–480. О византийских корпорациях см.: *Sp. Vryonis.* The byzantine δημοκρατία and the

Древнейшая же греческая цеховая кондика датируется только 1675 г. Ни в коей мере не восполняет лакуну и писцовая книга 1218 г., налоговая опись г. Лампсака во время венецианского господства: она дает сведения о небольшом прибрежном городе, а главное, ничего не сообщает об организации в нем ремесленного производства. Весьма скудны также сведения о льготах, предоставленных в конце XIII — начале XIV в. Монемвасии и Янине.

Следовательно, мы лишены возможности сравнить положение дел в византийском городе X–XII вв. и XIII–первой половины XV столетия. Перенося же на поздневизантийский город представления, полученные из источников X–XII вв., и не учитывая возможных перемен, мы рискуем, как заметил Н. Тодоров, ввести себя в заблуждение.[1]

Не менее серьезны трудности и при уяснении структуры сельджукских и раннеосманских городских центров. До сих пор нельзя считать твердо доказанным, что в XIII–XIV вв. городам сельджукских государств была присуща цеховая организация. Толкуемые в этом смысле свидетельства арабского путешественника Ибн-Баттуты (30-е годы XIV в.) все-таки недостаточно определенны. Истоки развития мусульманского цеха, история его развития на первых этапах, пути его своеобразного слияния с непрофессиональными религиозными братствами («футувва», «ахи») по-прежнему остаются предметом дискуссий.[2]

Существенно, что для XIV–XV вв. наука практически не располагает доказательствами организации османского города в соответствии с «сельджукской моделью». Возникнув, как упоминалось, в XV в., османские цехи возобладали лишь в XVI в. и получили юридическое оформление в XVII в.[3] Наиболее ранний цеховой статут (кожевников г. Эльбасана) относится только к 1657 г.

В целом состояние источников в настоящее время таково, что решение проблемы континуитета следует, по-видимому, искать на пути широких сравнительных исследований городов мусульманского мира вообще и городской структуры в Византии и в других балканских странах. Иначе говоря, задача эта потребует длительных усилий многих ученых разного профиля специализации.[4]

Здесь мы ставим перед собой весьма скромную задачу: предложить вниманию специалистов некоторые наблюдения над рядом соответствий между правовыми нормами, регулировавшими торгово-ремесленную деятельность в Византии и Османской империи. Про-

---

Guilds in the Eleventh Century. — Dumbarton Oaks Papers, 1963, vol. 17, p. 289–314; *Г. Г. Литаврин.* Византийское общество и государство в X–XI вв.: Проблемы истории одного столетия: 976–1081 гг. М.: Наука, 1977, с. 113, 124–128.

[1] *Н. Тодоров.* Балканский город..., с. 37.

[2] *Ö. L. Köprülü.* Les origines..., p. 64–78; *Cl. Cahen.* Pre-Ottoman Turkey..., p. 199–200; *Sp. Vryonis.* The Decline..., p. 400; *Н. Тодоров.* Балканский город..., с. 437, примеч. 20. Ср.: *L. Massignon.* Op. cit., p. 117 sq.

[3] *Н. Тодоров.* Балканский город..., с. 115, 447, примеч. 38.

[4] Результатами подобной коллективной работы являются, например, сборники «La ville» и «La ville balkanique», упомянутые в примеч. 1 на с. 180.

водимые нами при этом сопоставления могут показаться на первый взгляд методологически сомнительными, поскольку мы вынуждены сравнивать юридические памятники, разделенные эпохой в пять веков исторического развития. Речь идет о «Византийской книге эпарха» (X в.), с одной стороны, и об османских законодательных памятниках XV–XVI вв. — с другой.

При всех вполне сознаваемых нами недостатках сопоставления асинхронных явлений мы полагаем, что этот метод в данном конкретном случае не был бы совершенно бесполезным в силу следующих обстоятельств.

Во-первых, устойчивые формы византийского управления и в особенности крайняя консервативность имперской системы налогообложения и в деревне, и в городе[1] позволяют допускать, что независимо от того, уцелели ли в первоначальном виде византийские корпорации ко времени турецкого завоевания или исчезли, должны были сохранить их многовековые традиции. Торгово-ремесленные корпорации были созданы здесь государством и подчинены в первую очередь задаче обеспечения интересов фиска и сохранения социальной и политической стабильности, зависевшей от снабжения города продовольствием и предметами первой необходимости. И задача эта оставалась неизменной до последних дней империи. Даже в условиях резкого ослабления государственного контроля и внутрикорпоративных связей должна была функционировать отлаженная в эпоху существования корпораций система норм, обеспечивающих взимание с городского населения налогов и пошлин. О каком-либо принципиально ином порядке налогообложения горожан в поздней Византии неизвестно. Фактом является, однако, что фиск взимал в XIV–XV вв. в городах подати и пошлины не менее неукоснительно, чем ранее. Установленные некогда для корпораций принципы и нормы могли при этом сохранять свое значение.

Во-вторых, предполагаемое крушение в XII–XIV вв. корпоративной структуры само по себе отнюдь не обязательно предполагало утрату юридической силы всеми положениями «Книги эпарха». Византийский «цех» был весьма своеобразен. Не следует преувеличивать степень внутрикорпоративных связей в городах империи и размеры прав членов корпорации в решении внутренних дел. Даже в X в. старшины корпораций, как правило, не избирались на общем собрании, а назначались эпархом (градоначальником Константинополя). Вступить в некоторые корпорации означало на деле не быть принятым в соответствии с «цеховыми» правилами самими членами корпорации, а просто получить право на занятие профессией у эпарха, быть зачисленным в его списки, уплатив в казну определенную сумму (гл. VII, §§ 3, 5; XXI, § 7).[2] Корпоративная структура такого рода,

[1] О подобных чертах османской налоговой системы см.: *Б. Цветкова.* Извънредни данъци и държавни повинности в българските земи под турска власт. София, 1953, с. 222. Ср.: *Sp. Vryonis, Jr.* The Decline..., p. 471–472.

[2] Мы пользуемся здесь изданием: Византийская книга эпарха. Вступ. ст., пер., коммент. М. Я. Сюзюмова. М.: Наука, 1969, 296 с.

не предполагавшая тесных производственно-организационных связей между членами «профессионального сообщества», скорее всего и не сохранялась до падения Константинополя в 1453 г.

В-третьих, корпоративные традиции, восходившие к IX–X вв., могли уцелеть (по крайней мере в течение столетия, последовавшего за завоеванием) в силу иных причин: в занятых турками городах сохранился значительный контингент как местных ремесленников и торговцев, так и переселенных сюда из других оккупированных завоевателями районов. Все эти горожане должны были подвергаться централизованной эксплуатации со стороны государства, причем не в ожидании введения еще далеко не конституировавшихся порядков новой системы, а немедленно — в соответствии с местными обычаями и нормами. Традиционные формы организации экономики долго оставались неизменными в занятых турками венгерских городах.[1] Точно так же, согласно упомянутой описи, обстояло дело в начале XIII столетия и в захваченном у византийцев венецианцами Лампсаке. Среди ссылок раннеосманского законодательства на «старые законы» и «старые времена» могли, по нашему мнению, подразумеваться и доосманские местные нормы и обычаи.[2] Во всяком случае «Закон о рудниках» сербского деспота Стефана Лазаревича, изданный в 1412 г., оставался действующим законодательным сборником в течение первых веков османского господства и в Сербии, и в других балканских провинциях Османской империи.[3]

В-четвертых, привлекая памятник X в. («Книгу эпарха»), мы намерены фиксировать внимание лишь на тех ее положениях, которые находят себе соответствие в правовых памятниках XV–XVI вв. и с известной долей вероятности могут быть признаны не утратившими силу в XIII–XIV вв. вплоть до утверждения власти завоевателей. При таком подходе указанная выше опасность (а именно ввести себя в заблуждение, не учтя возможных перемен в ходе четырех–шести столетий), на наш взгляд, несколько ослабляется.

Обратимся сначала к некоторым положениям «Книги эпарха» (в ее сохранившемся тексте идет речь о 23 корпорациях столицы Византийской империи Константинополя).

Право на занятие определенной профессией независимо от степени участия самой корпорации в принятии новых членов предполагало, как упоминалось, обязательную регистрацию у эпарха с уплатой в каз-

---

[1] *J. Perenyi.* Villes hongroises sous la domination ottomane aux XVe–XVIIe ss. Les chefs-lieux de l'administration ottomane. — In: La ville balkanique, p. 28 sq.

[2] *N. Beldiceanu.* Op. cit., p. 206, 217, 223, 225, 226, 237, 245, 248; *Н. Тодоров.* Из социално-икономическия живот..., с. 223–224; *Б. Цветкова.* Към икономическата история на градовете и българските земи през XV в. — Изв. на Института за история, 1961, т. 14/15, с. 254–256.

[3] *Н. Радојчић.* Закон о рудницимадеспота Стефана Лазаревића. Београд, 1962, р. 60–64. Следует иметь также в виду, что ряд завоеванных турками городов получил от султана право на самоуправление. Янина, например, пользовалась этим правом более 180 лет. См.: *N. Beldiceanu.* Op. cit., p. 87.

ну вступительного взноса (гл. I, § 4; II, § 11; IV, § 5; VII, § 5; XII, § 2). Такая регистрация производилась и в XIII в., хотя от того времени нет вполне определенных свидетельств о существовании корпораций.[1] Регистрация имела прежде всего фискальный смысл: указывался имущественный статус записавшегося и размеры его налоговых и иных обязательств перед казной (гл. XIV, § 1).

Мы не знаем, как был обставлен прием в османскую корпорацию в XVI в., но уже в 1479 г. в Адрианополе правительственный чиновник, контролировавший рынки (мухтесиб), имел сведения о всех ремесленниках города: раз в месяц ему было вменено в обязанность посещать «с целью контроля мясников, булочников и прочих ремесленников».[2] Закон, регулировавший деятельность ремесленников и торговцев в Бруссе (1502 г.), предписывал регистрировать «самым детальным образом состав ремесленников» (или вообще профессионалов).[3] Лиц, занявшихся профессией торгового посредника без регистрации и позволения властей, ожидало наказание.[4]

Чрезвычайное внимание уделяли власти в византийском городе торговле мясом. Профессия мясника и мясоторговца была здесь единой. Торговля свиным мясом была делом особой корпорации. Закупку скота для забоя и продажи мясоторговцы производили на определенных рынках города в зависимости от вида скота, причем лишь после того, как с владельцев животных взыскивалась в казну торговая пошлина. Мясоторговцы имели преимущества при покупке мясного скота, но они не могли «выходить встречать торговцев скотом, которые приводят стада» (гл. XV, §§ 1, 3, 5). Прибыль мясника составляли голова, ноги и внутренности животного. Цена чистого веса каждой туши должна была (за вычетом упомянутой прибыли) совпадать с ценой, уплаченной мясником при покупке самого животного и его живом весе. Качество мяса контролировалось властями. В отличие от пошлины с продавца скота (она взималась с каждой головы крупного животного) пошлина с мясника не названа. Возможно, как мы предполагаем, она состояла в реквизиции у мясника шкур животных (государство нуждалось в большом количестве кожевенного сырья).[5] Мясники, виновные в нарушении правил и в недовесе мяса, подвергались ссылке и телесным наказаниям (гл. XV, §§ 2, 6).

Все мясоторговцы в османском городе состояли также на учете у городских властей. Профессия мясника и мясоторговца и здесь была единой. Торговля свиным мясом составляла особую отрасль. Закупив для забоя скот, мясник должен был содержать его (до забоя и продажи)

---

[1] См. об этом: Византийская книга эпарха, с. 176–177: *Г. Г. Литаврин.* Указ. соч., с. 126.

[2] *N. Beldiceanu.* Op. cit., p. 162, 206.

[3] Ibid., p. 75, 207; *I. Beldiceanu-Steinherr, N. Beldiceanu.* Réglement ottoman concernant le recensement (première moitié du XVIe siècle). — Südost-Forschungen, 1978, № 37, S. 18, 23.

[4] Ibid., p. 83, 273.

[5] *Г. Г. Литаврин.* Указ. соч., с. 143.

в соответствующих условиях, чтобы животные не потеряли в весе. Цена пригоняемого в город скота и самого мяса регулировалась властями и зависела как от вида мяса и его качества, так и от сезона. Когда прасолы гнали скот к городу, мясники «не должны были выходить навстречу и покупать [его]». Пошлина с прасола бралась с головы животного, а с мясника составляла от 20 до 40% от закупочной цены в зависимости от качества мяса. Нерадивому мяснику угрожала тюрьма. За недовес его подвергали телесным наказаниям и высокому штрафу.[1]

Другой корпорацией, снабжавшей Константинополь продовольствием и пользовавшейся пристальным вниманием властей, была корпорация хлебопеков. В зависимости от закупочных цен на зерно эпарх и назначенный им симпон (заместитель эпарха) определяли цену печеного хлеба, контролируя также его качество. Прибыль хлебопеков устанавливалась в 20,8%, из которых чистая прибыль составляла 4,166% (остальные 16,66% шли на покрытие производственных расходов). Хотя чистая прибыль хлебопеков представляется невысокой (обычно для членов иных корпораций она равнялась 8,33%), зато они были освобождены от казенных трудовых повинностей (гл. XVIII, §§ 1, 5). Но при денежной оценке этих повинностей они официально приравнивались к половине всей суммы обязательств подданного перед фиском. Предполагалось поэтому, что условия деятельности хлебопеков, получавших вдвое меньшую прибыль, но избавленных от отработок, были не хуже, чем у членов других корпораций.[2]

Забота центральной власти об обеспечении хлебом городов, особенно столицы, была характерна для Византии во все периоды (хотя возможности для этого у государства были отнюдь не всегда одинаковыми). Строго фиксированных цен на зерно власти не устанавливали. Эта цена в целом определялась рыночной конъюнктурой. Однако, чтобы не допускать дороговизны в столице, государство выбрасывало на рынок зерно из казенных амбаров, а также закупало и доставляло его из провинций, устанавливая на государственное зерно умеренные цены.[3]

В османском городе XV–XVI вв. хлебопеки, несомненно, как и вообще торговцы зерном и печеным хлебом, подлежали строгому контролю властей. Цену печеного хлеба определяли кади (а в столице — великий везирь) вместе с мухтесибом (чиновником, ответственным за соблюдение порядка и закона на рынках). Цена хлеба зависела от его качества и от закупочной, нередко также фиксированной цены зерна. Прибыль хлебопека определялась в 40%.[4] Надо полагать, что произ-

---

[1] *N. Beldiceanu.* Op. cit., p. 75, 187; Книга законов Селима I. Публ. текста, пер., терминол. коммент. и предисл. А. С. Тверитиновой. М.: Наука, 1969, с. 67, 68.

[2] *Г. Г. Литаврин.* Процент законной прибыли и процент налога с нее в византийском городе X–XI вв. — В кн.: Античная древность и средние века: К 80-летию проф. М. Я. Сюзюмова. Свердловск, 1973, вып. 10, с. 39–43 (см. также данный сборник).

[3] *Г. Г. Литаврин.* Византийское общество..., с. 145–146.

[4] Книга законов..., с. 67; *N. Beldiceanu.* Op. cit., p. 208–209.

собственные затраты хлебопеков Константинополя и Стамбула мало различались. Можно поэтому допустить, что если хлебопеки Стамбула не были освобождены от трудовых повинностей, то их чистая прибыль превышала чистую прибыль константинопольских хлебопеков не больше, чем вообще законная норма прибыли по шариату (10%) превышала стандартную норму прибыли в византийском городе (8,33%).

Чрезвычайное внимание османских властей к торговле зерном и хлебом обусловливалось теми же причинами, что и в Византии. Зерно в Османской империи являлось стратегическим сырьем. Вывоз его за границу зачастую был под запретом. Здесь также имелись житницы казны.[1]

Детальной регламентации подлежало в Византии кожевенное производство, имевшее, помимо прочего, прямое отношение и к военному делу (экипировка армии, особенно конницы). Иногда вся корпорация кожевников, получив императорский заказ, должна быть работать в царских мастерских за плату, которую «изволит пожаловать император». Такие мастера были освобождены не только от трудовых повинностей, но и от налогов: их профессиональные отработки на царский двор покрывали все их обязательства перед фиском (гл. XIV, § 2). Таким было положение лишь седельщиков. Кожевники, работавшие с готовой кожей, не имели права сами закупать сырцовые кожи. Это право имели только дубильщики, у которых выделанную кожу покупали сапожники, шорники, седельщики и т. п. Причем производители массовой обуви не могли приобретать кожу высших сортов — она шла на изготовление поясов, ремней, седел и т. д. (гл. XIV, § 2).

В османском городе также действовала подробно разработанная система регламентации кожевенного производства. Эта отрасль ремесла оставалась на Балканах в XV–XVI вв. одной из наиболее распространенных. Имела она, конечно, отношение и к военному делу в Османской империи. Показательно, что пошлина при продаже сырцовой кожи (2 акче) была порой равновелика пошлине, взимаемой при продаже самого животного.[2] Невыделанные кожи у мясников и здесь могли покупать только дубильщики, которые сбывали готовое сырье кожевникам города, не имея права продавать его иногородним, пока не удовлетворен внутренний спрос.[3]

Трудноотличимыми от особых чиновников штата эпарха были в Византии члены корпорации вофров — посредников при торговле лошадьми. Они несли свою службу под строгим надзором властей, были

---

[1] *L. Gücer.* Le commerce intérieur des céréales dans l'Empire Ottoman pendent la seconde moitié du XVIe siècle. — Revue de la faculté des Sciences Economiques de l'Université d'Istanbul, 1950, VII, p. 163–188.

[2] Книга законов..., с. 65, 67; Кануннаме султана Сулеймана I Законодателя. — В кн.: Турски извори за историята на правото в българските земи. Съст. Г. Д. Гълъбов. София, 1961, т. I, с. 37; см. также закон о портовом османском городе Никополе (XVI в.). — Там же. Съст. и комент. Б. А. Цветкова. София, 1971, т. II, с. 23.

[3] *N. Beldiceanu.* Op. cit., p. 249–250. Ср.: Книга законов..., с. 71; см. также *Тодоров Н.* Балканский город..., с. 109, 119.

зарегистрированы у эпарха, имели каждый свой порядковый номер и были обязаны выявлять качества и пороки животного, участвуя в определении его цены и содействуя властям в аресте конокрадов. Их гонорар составлял 1,04% от продажной цены коня (гл. XXI, § 1, 3, 4, 7, 10).[1]

Специализация рыночных посредников на османском рынке, которые должны были исполнять «свою службу точно и честно», была более широкой: они участвовали в сделках при продаже разных товаров, но особенно при торговле лошадьми, мулами, а также рабами. Как и вофры, по своему положению они мало отличались от рыночных чиновников. Их гонорар был равен 1% от продажной цены товара.[2]

Немало в «Книге эпарха» и других, более общих положений, имеющих отношение к поставленной в статье проблеме.

«Книга эпарха», в частности, предписывает заниматься лишь одной профессией (гл. IV, § 7; VI, § 1, 14; X, § 6; XI, § 2) и запрещает закупать сырье в производственных целях или продавать товары, не имеющие отношения к занятиям членов своей корпорации (гл. II, § 1; IV, § 1; VI, § 15; VIII, § 8; X, § 5; XI, § 8; XII, § 4, 6 и др.). Спекуляция строго пресекалась (гл. IV, § 1; IX, § 1; XII, § 4, XVI, § 3); точно указывалось каждому место его торговли, а порой и ее дни и часы (гл. V, § 2; VI, § 13; IX, § 7; X, § 1; XI, § 1 и др.). За качеством товаров был установлен контроль, употребление плохого сырья влекло наказание (гл. II, § 5; VIII, § 1; XI, § 4).

Сходные постановления о занятиях определенной профессией, о правилах закупки сырья (его распределении между членами корпорации в соответствии с внесенной суммой в счет налогов), о запрете перепродажи товаров, купленных на рынке, о соблюдении стандартов продукции содержатся и в османском законодательстве. Купцы и ремесленники и здесь были обязаны вести торг не только на вполне определенном рынке города, но и в точно обозначенной части рынка.[3]

Цены на изделия в византийском и османском городе устанавливались в соответствии с одинаковыми принципами: в зависимости от цен на сырье, хотя в Византии и не имелось столь же детальных реестров фиксированных цен, которые содержатся в турецких законах XVI в.[4]

Норма прибыли в Византии могла повышаться, когда на изготовление товара затрачивались дополнительные средства или особо кропотливый и квалифицированный труд, до 16,66 и 20,8%. В Османской же империи при тех же условиях — до 14,20 и даже до 40%.[5]

---

[1] Процент прибыли вофра высчитан нами в соответствии с данными о том, что обычно конь в то время стоил четыре номисмы (золотых монеты). См. об этом: *Г. Г. Литаврин*. Процент..., с. 40–43.

[2] *N. Beldiceanu*. Op. cit., p. 84, 273; Книга законов..., с. 70.

[3] Ibid., p. 264–265; Книга законов..., с. 66, 69–73.

[4] См., например: *N. Beldiceanu*. Op. cit., p. 191 sq.; Книга законов..., с. 71; см. об этом также: *Н. Тодоров*. Балканский город..., с. 102–110; *E. Werner*. Die Geburt..., S. 269.

[5] Книга законов..., с. 38–39, 49, 67, 73; *N. Beldiceanu*. Op. cit., p. 206.

Сходными тут и там были также принципы исчисления торговых пошлин — они зависели от продажной цены товара (сырья) и от нормы прибыли.[1] Иногородний, продавший в византийском городе свой товар оптом, также освобождался от пошлины (гл. VI, § 5), как и оптовик в османском городе, продавший товар, ввоз которого поощрялся властями.[2]

Подробно тому как и в турецком городе, где весы нередко принадлежали рыночным властям,[3] меры веса, длины, жидких и сыпучих тел в Константинополе должны были иметь удостоверяющие их точность клейма эпарха (гл. VI, § 4: XI, § 9; XIII, § 2; XIX, § 4).

Как известно, для членов османских профессиональных сообществ был обязателен определенный кодекс нравственности; эти сообщества являлись одновременно социально-религиозными братствами. Вполне определенный моральный кодекс, составленный, однако, центральной властью в своих собственных интересах, был предписан и членам византийских корпораций. А именно неукоснительное соблюдение норм поведения добропорядочного подданного и христианина: строгое следование профессиональным правилам — непременное осведомление властей о проступках коллег, участие в праздничных церемониях и т. д. (гл. I, § 22; VI, § 6; XVI, § 1 и др.).

Таковы сделанные нами бегло сопоставления памятников двух эпох и двух обществ, из которых одно пришло на смену другому.

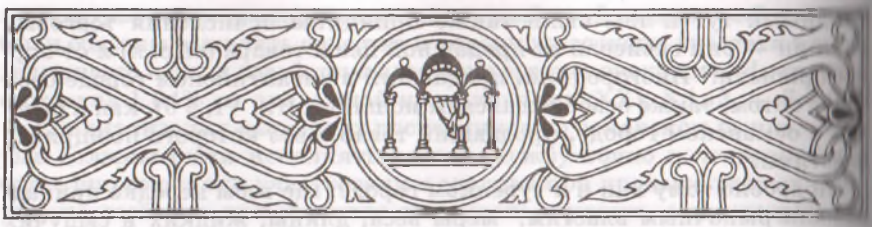
Мы далеки от мысли, что все отмеченные нами (причем далеко не систематически) соответствия между византийскими и раннеосманскими нормами городской торгово-ремесленной деятельности указывают на прямую преемственность в структуре городов Византии и Османской империи. Дело обстояло, несомненно, гораздо сложнее. Немало из приведенных аналогий следует, видимо, отнести за счет самых общих закономерностей в развитии средневекового ремесла и торговли в целом.

Некоторые из названных совпадений генетически восходят, вероятно, к общим особенностям развития и христианских, и мусульманских городов Восточного Средиземноморья.

И тем не менее вполне возможно, что ряд этих соответствий может свидетельствовать об определенной преемственности между формами организации ремесла и торговли в византийском и раннеосманском городе. Мы, однако, воздержимся от окончательных выводов. Достаточно аргументированные заключения на этот счет могут быть, по-видимому, сделаны лишь в результате объединенных исследований специалистов по средневековой истории мусульманского мира, Византии и Балканского полуострова в целом.

---

[1] Книга законов..., с. 65; Кануннаме султана Сулеймана I..., с. 25, 36.
[2] Там же, с. 67, 72.
[3] Там же, с. 68; *N. Beldiceanu.* Op. cit., p. 203 sq.



Раздел второй

БОЛГАРИЯ И БОЛГАРО-ВИЗАНТИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ (VII–XIII вв.)

К проблеме становления болгарского государства

Проблема становления болгарского государства в течение последних 10–15 лет пользовалась особенно пристальным вниманием в болгарской исторической науке. Состояние исследований в настоящее время таково, что в ближайшем будущем следует, по-видимому, ожидать появления концепций, существенно отличающихся от представлений, еще недавно широко распространенных в историографии. Первое Болгарское царство, трактовавшееся ранее как первое и безусловно славянское государство с момента его возникновения, расценивается теперь, по крайней мере до середины IX столетия, либо как протоболгарское, либо как протоболгарско-славянское, либо, наконец, как славяно-протоболгарское.

Необходимость критического пересмотра устоявшихся мнений вполне закономерна: она вызвана значительно продвинувшимися вперед исследованиями, основанными на материале исчерпывающего круга источников, а главное — многократным увеличением в ходе последней четверти столетия фонда ценнейших археологических свидетельств.

Методика работы археологов — в том числе приемы датировки и этнической атрибуции археологических находок — стала в настоящее время несравненно более совершенной. Тем более неожиданны

представляется вывод, к которому все чаще теперь приходят многие археологи. Вывод этот состоит в том, что на территории современной Болгарии славянские древности археологически прослеживаются лишь с VIII столетия, что их древнейший пласт может быть отнесен к концу VII в. только с большой долей гипотетичности [1–4; 5, с. 91–95; 6, с. 1–5; 7, с. 194–195; 8; 9].

Сходное положение археология констатирует и относительно остатков материальной культуры протоболгар на территории бывшего Советского Союза и на Балканах: самые ранние следы их обитания тут и там могут быть отнесены предположительно к началу, а вполне определенно — к середине VIII в. [5, с. 92–95; 6, с. 1; 10; 11; 12; 13, с. 8–17].

Естественно, что такие результаты многолетних и интенсивных археологических исследований обескураживают прежде всего самих археологов: их заключения оказываются в остром противоречии с показаниями письменных источников, и это противоречие нуждается в удовлетворительном научном объяснении.

В отношении протоболгар такое объяснение как будто найдено. Почти полное отсутствие археологических памятников характерно обычно для тех нередко хорошо известных по письменным источникам народов, которые находились в «состоянии нашествия», т. е. на первой стадии развития кочевого быта, связанной с борьбой за пастбища и частым передвижением. Археологически такие народы фиксируются на определенной местности лишь на второй стадии кочевания, характеризуемой полукочевым ведением хозяйства, обживанием определенных степных пространств с традиционными стойбищами и стационарными некрополями. Третья — полуоседлая — стадия близка к формам пастушеского хозяйства: часть народа уже живет в постоянных поселениях, строятся крепости, возникают первые города. Это время появления степных государств — каганатов.[1]

Следовательно, так называемая «Великая Булгария», существовавшая в первой половине VII в. в Приазовье, хронологически соответствует первой стадии развития кочевого быта и может быть охарактеризована лишь как временный союз кочевых племен, который не оставил после себя никаких археологических памятников. На этой стадии, видимо, находились и протоболгары Аспаруха во время их прихода в Нижнее Подунавье.

Сложнее обстоит дело с объяснением отсутствия на территории Болгарии славянских памятников конца VI–первой половины VII в. Среди археологов нет разногласий в том, что славяне уже в период их поселения на Балканском полуострове были оседлым народом, в основе хозяйства которых еще на левобережье Дуная было земледелие при значительном развитии животноводства: об этом свидетельствуют и данные

[1] Изложенная нами точка зрения археологов была четко представлена в докладе С. А. Плетневой («Проблема протоболгар в трудах советских археологов»), сделанном ею в январе этого года на конференции по болгаристике в г. Львове.

археологии, и письменные памятники [14]. Правда, попытка представить славян в это время кочевниками была предпринята греческим ученым Г. Царасом [15]. Основательнее, однако, использованные им данные были рассмотрены Г. Цанковой-Петковой, показавшей, что противоречивые сведения источников о частых перемещениях славян на левобережье Дуная восходят в основном к середине VI в., когда славяне действительно находились в «стадии нашествия» (исследовательница считает возможным называть славян в это время «полукочевниками»),[1] тогда как известия конца этого века не оставляют сомнений в том, что славяне были оседлыми земледельцами [17, с. 267]. Они даже вели в третьей четверти VII в. торговлю с византийскими городами продуктами земледельческого характера [18, с. 150, 154, 160].

Письменные источники совершенно определенно говорят о присутствии славян на территории Болгарии самое позднее в середине VII в.

Нам, однако, не подобает ставить под сомнение выводы археологов. Отметим только мимоходом, что до сих пор не обнаружены на территории Болгарии и некрополи фракийцев, которые, несомненно, длительное время проживали на этих землях [19, с. 436] и, разумеется, не были бессмертными.

Решить загадку «неразличимости» славянских древностей VI–VII вв. в Болгарии призваны, конечно, прежде всего сами археологи. Но мы остаемся пока при убеждении, что при всей желательности совпадения письменных и археологических данных, независимо от заключений ряда археологов, известия, содержащиеся в исторических сочинениях авторов VI–VII вв., ни в коей мере не стали на сегодняшний день менее достоверными.

Таким образом, обстоятельства, непосредственно сопутствовавшие возникновению болгарского государства, могут быть рассмотрены (причем по косвенному признанию и самих археологов) почти исключительно на материале письменных памятников.

Разумеется, в краткой статье невозможно осуществить детальный источниковедческий анализ всех сохранившихся на этот счет известий и критический разбор обширной (по преимуществу болгарской) историографии. Мы ограничиваем свою задачу рассмотрением лишь важнейших письменных свидетельств, стремясь при этом уяснить, во-первых, тот круг фактов и явлений, которые, на наш взгляд, достаточно надежно установлены и интерпретированы на данный момент, и, во-вторых, выделить те вопросы начальной истории болгарской государственности, которые остаются дискуссионными.

Мы имеем в виду прежде всего сообщения двух византийских современников, живших во второй половине VIII–первой половине IX в., Феофана Исповедника и патриарха Никифора, которые писали свои труды независимо друг от друга, но оба использовали — среди про-

[1] По мнению В. Д. Королюка, в период переселения широкое распространение у славян в Подунавье и на Балканах получило пастушество [16].

ния общих источников — утраченный труд автора начала VIII столетия Траяна Патрикия и сохранившийся только во фрагментах от конца того же века так называемый «Великий хронограф» [20].

Достоверность сообщений обоих авторов широко признана в мировой историографии.[1] В пассажах Феофана и Никифора о протоболгарах Аспаруха многократному и тонкому анализу было подвергнуто буквально каждое слово.

Остановимся на известии Феофана, оказав ему предпочтение, ибо сравнительно с «Сокращенной историей» («Бревиарием») Никифора Феофан передает более подробно содержание своего первоисточника. К сожалению, здесь невозможно привести оригинальный (греческий) текст этого сообщения.

Феофан рассказывает о том, что после смерти Кубрата (около середины VII в.[2]) политический союз протоболгарских племен в Приазовье («Великая Булгария») распался. Один из сыновей Кубрата с пятой частью бывших подданных отца, оказавшихся под его властью, двинулся под давлением хазар на запад, не желая в отличие от своего брата Батбаяна признавать господство их кагана.

Аспарух, пишет Феофан, «переправившись через Днепр и Днестр и достигнув Онгла, более северных по отношению к Дунаю рек, поселился (ᾤκησεν) между ним и ими, рассудив, что место безопасно и трудно для овладения с любой стороны: впереди болотистое, а с других сторон окруженное венцом рек, оно предоставляло бóльшую безопасность от врагов ослабленному разделением народу. После того как они были разделены таким образом на пять частей и стали малочисленными, выступил великий народ хазар из более внутренних глубин Верзилий Первой Сарматии и овладел всей противолежащей землей вплоть до Понтийского моря и, сделав первого брата — Батбаяна, архонта Первой Болгарии, подплатежным, доныне получает от него дань.

Когда василевс Константин узнал, что народ грязный и нечистый неожиданно разбил лагерь (ἐσκήνωσεν) по ту сторону Дуная в Онгле и совершает набеги и разоряет лежащие близ Дуная земли, т. е. находящуюся в их владении страну, а тогда удерживаемую христианами, он сильно опечалился и повелел переправить все фемы по Фракию. Вооружив флот, он, пытаясь войной изгнать их, двинулся против них по земле и по морю, выстроив в боевой порядок на суше близ так называемого Онгла и Дуная пешие войска, а корабли причалив у лежащего рядом берега.

Увидев этот плотный и многочисленный строй, болгары, отчаявшиеся в своем спасении, бегут в названное выше укрепление и стараются обезопасить себя. После того как в течение трех-четырех дней они не осмеливались выходить из этого укрепления, а ромеи не навязывали

---

[1] Весьма критически оценивает достоверность источников, которые использовали Феофан и Никифор при рассказе о протоболгарах, В. Т. Сиротенко [21].

[2] О датировке см. [23, с. 190–191].

сражения из-за болот как удобного предлога, мерзкий народ, заметивший расслабленность ромеев, ободрился и стал смелее. Поскольку же василевс страдал от острых болей в ногах и был вынужден вернуться, чтобы принять баню в Месемврии, вместе с пятью дромонами и близкими к нему людьми, он оставил стратигов и войско, приказав затевать схватки, выманить их из укрепления и завязать с ними сражение, в случае если они выйдут. А если этого не случится, то хотя бы обложить их и стеречь в укреплениях.

Однако люди из конниц, объявив, что василевс бежал, и поддавшись панике, сами обратились в бегство, хотя их никто не преследовал. А болгары, видя это, преследовали их по пятам и большинство перебили мечами, а многих ранили. Преследуя их вплоть до Дуная, переправившись через него и прибыв к так называемой Варне близ Одисса и тамошнего внутреннего района, они увидели место, расположенное весьма безопасно: сзади — благодаря Дунаю, а впереди и с боков — благодаря ущельям и Понтийскому морю.

Когда же они овладели также из находящихся поблизости славянских народов так называемыми «Семью родами», они поселили семеров от передней теснины Верегава к районам на восток, а в районы к югу и западу, вплоть до Аварии, — остальные «Семь родов», находящихся под пактом (τὰς ὑπολοίπους ἑπτὰ γενεὰς ὑπὸ πάκτον ὄντας).

Итак, когда они распространились в этих местах, они возгордились и стали нападать на находящиеся под ромейским управлением (ὑπὸ τὴν Ῥωμαϊκὴν πολιτείαν) крепости и деревни и порабощать их. Вынужденный этим, василевс замирился с ними, согласившись к стыду ромеев, из-за множества грехов [их], предоставлять им ежегодную дань» (πάκτα) [18, с. 261–264].

Рассказ патриарха Никифора об этих же событиях более краток, но в целом оба автора почти буквально следовали своему первоисточнику. Среди отличий текста Никифора укажем лишь на наиболее важные для наших целей: этот автор отмечает, что местность, которой Аспарух достиг в низовьях Дуная, называется Онглом «на их языке», т. е. на языке протоболгар (либо — «болгар», что отнюдь не равнозначно: все зависит от того, каким представляется Никифору в начале IX в. язык «болгар», и от того, собственная ли это ремарка автора IX в. или она заимствована им из его источника). С тылу, по словам Никифора, Онгл укреплен «недоступными обрывами, словно стеной», а не «венцом рек» (так у Феофана). Никифор пишет, что народ Аспаруха сначала здесь поселился, «раскинув шатры» (σκηνώσαν) и разоряя «близлежащие места царства ромеев». То же выражение — «раскидывают шатры» (σκηνοῦσι) — Никифор употребил, упоминая о поселении протоболгар на новых местах, когда они достигли Варны. Не называя славянские племена по их наименованиям, Никифор зато более точен в определении задач, поставленных Аспарухом перед подчиненными ему славянами: болгары «обязали одних стеречь земли, соседние с аварами, а других — охранять районы, близкие к ромеям». Слово «дань» (πάκτα), которым Феофан характеризует

ельства империи по отношению к протоболгарам по заключенному миру, Никифор заменяет выражением «платежи» (τελέσμασι) [18, с. 295–296].

Те же события, наконец, изложены в «Хронографии» латинского автора Анастасия Библиотекаря, младшего современника Никифора. Его рассказ в данном месте представляет собою в сущности перевод соответствующего пассажа из труда Феофана. Перевод этот тем не менее нужен для уяснения точного смысла известий греческих авторов. Так, например, Анастасий уточняет, что Онгл находится у «более северных, ближайших к Дунаю рек» (boreos interiores Danubio fluvios), т. е. эти реки, как мы понимаем, оказались ближайшими к Дунаю на пути движения Аспаруха с востока на запад; две реки — Днепр и Днестр — он пересек (transiens) еще до того, как прибыл (adiens) к Онглу. Следовательно, речь идет уже о других, «ближайших к Дунаю реках», т. е. о Пруте и Серете. Поселилась орда, пишет Анастасий, «у Онгла» (apud Hoglon), а не «в Онгле» (так у Феофана). Употребленный при этом Феофаном глагол σκηνῶσαν, помимо основного значения («расположился лагерем», «разбил палатки»), может быть передан и нейтрально — «расположился», «поселился» (именно этот смысл предпочли в болгарском переводе В. Бешевлиев и Г. Цанкова-Петкова [18, с. 263] и в русском — И. С. Чичуров [24, с. 61, 162]). У латинского современника здесь стоит достаточно определенное — tabernaculum fixerit («разбил шатер»). О славянах Анастасий пишет, что болгары подчинили также из соседних славян колена, которые именуются семью» (dominarentur et adiacentium Sclavinorum generationibus, quae dicebantur septem), «поселив» затем северов от теснины Верегава на восток, а на юг и запад, «до Аварии, остальные семь колен, которые были под пактом» (ad Avariam, residuas septem generationes, quae sub pacto erant) [25].

Таковы основные свидетельства письменных источников о конкретной ситуации в низовьях Дуная и о конкретных событиях, которые предшествовали оформлению болгарской государственности.

Конечно, все источники нуждаются в критическом подходе; при их интерпретации необходимо привлекать все прочие, даже косвенные свидетельства, а также данные археологии и лингвистики. И все это в отношении сообщений Феофана и Никифора было сделано многократно. Здесь невозможно воспроизвести даже наиболее важные точки зрения, высказанные при этом, оценить аргументацию их авторов и отметить те тенденции в концепции каждого исследователя, с которыми — в конечном счете — связаны особенности толкования приведенных известий. Их наиболее основательный разбор был осуществлен в новейшее время в работах И. Дуйчева [26, с. 417–427], М. Войнова [27, с. 453–478; 28], Г. Цанковой-Петковой [29; 30, с. 219–239; 31, с. 463–468], В. Бешевлиева [32; 33, с. 17–28], И. С. Чичурова [24, с. 61–62, 114–124]. На наш взгляд, на сегодняшний день по-прежнему наиболее точным остается анализ, сделанный М. Войновым.

Прежде чем предполагать свою интерпретацию сообщений Феофана и Никифора, необходимы, по нашему мнению, полная уверенность в правильности понимания их текста, ясное определение того круга фактов и явлений, которые вытекают только из показаний именно данных источников.

Мы полагаем, что толкованием является уже самый перевод. Однако считаем целесообразным лишний раз отграничить бесспорно вытекающее из приведенных сообщений от фактов дискуссионных или установленных на основании косвенных источников.

Предварительно — лишь одно замечание о датировке событий. Исключая несущественные детали, в современной болгарской историографии убедительно определена такая их последовательность: 60–70-е годы VII в. — расселение протоболгар на левом берегу Нижнего Дуная, возведение ими здесь укрепленного лагеря и первые набеги на земли империи; весна (апрель) 680 г. — поход войск и флота Константина IV против протоболгар, поражение византийцев, их отступление и вторжение протоболгар в Малую Скифию (Добруджу) и Мисию; конец лета 680–начало августа 681 г. — набеги протоболгар на Фракию, т. е. на районы империи, расположенные к югу от Балканского хребта; первая неделя августа 681 г. — заключение мира между Аспарухом и Константином IV [27, с. 468–476; 31, с. 471–476].

Ко времени прихода орды Аспаруха славяне были оседлым населением Малой Скифии и Мисии; в районе Варны их поселения достигали приморского региона. Часть славян всего этого региона составляла территориальный союз племен (или славинию), наименование которого было хорошо известно византийцам. Известно наименование лишь двух племен этого союза. Прежде всего — это «северы», положение которых в союзе было несколько особым: они подверглись расселению в целом, всем составлявшим племя контингентом. Главная их задача в месте расположения была стратегической — охранять территорию страны с юга от возможного вторжения византийцев.

Остальные племена объединения, сохранившие и после отделения северов в качестве названия всего союза наименование «Семь родов», были перемещены, видимо, на более значительное расстояние — на границу с подвластными аварам землями, до которых уже в это время простиралась контролируемая Аспарухом территория. Во всяком случае эта часть славянского союза до подчинения Аспаруху находилась «под пактом», т. е. либо «под договором» с империей, являясь ее федератами — иноплеменными поселенцами на границах Византии, обязанными охранять их, получая за это от казны условленное вознаграждение,[1] либо «под данью» в пользу протоболгар.

---

[1] Помимо М. Войнова [27, с. 464] федератами до 680 г. этих славян считают В. Бешевлиев [33, с. 26–27], В. Тыпкова-Заимова [34, с. 70; 35, с. 66], Э. Хрисос [36]. Принимая во внимание не только их аргументацию на основе иных источников, но и грамматические особенности Феофана, эту точку зрения Г. Диттен считает наиболее убедительной [37, с. 141–142].

В отношении протоболгар рассматриваемые свидетельства с очевидностью дают право на следующие заключения. Орда Аспаруха составляла часть бывшего племенного объединения в Приазовье. Это отнюдь не был лишь воинский контингент — это был народ, т. е. находившийся в процессе переселения союз племен, двигавшийся на запад вместе с семьями воинов, скотом и прочим имуществом. Территория временного поселения орды лежала к западу от Днестра, непосредственно близ Дуная, и не была очень обширной, хотя и не сводилась к Онглу (не река, а местность), — здесь был устроен лишь укрепленный лагерь Аспаруха, куда в случае опасности могли укрыться протоболгары. По точному смыслу сообщений Феофана и Никифора, византийские войска либо окружили, либо могли окружить укрепления Аспаруха со всех сторон. Известия этих авторов пронизаны мыслью, что с момента поселения у Дуная и до организации обороны Малой Скифии и Мисии Аспарух опасался в основном трех врагов: хазар, аваров и империи, считая свой воинский потенциал уступающим силам каждого из них. В Константинополе, во всяком случае, утвердилось мнение, что поражение ромеев было следствием не военного превосходства протоболгар, а плохой организации воинских операций и неожиданно посеянной паники.

Перейдя Дунай, Аспарух заботился, как он это делал и на левом берегу, прежде всего о безопасности подвластного ему народа. Выступление Константина IV против Аспаруха свидетельствует, в противоречие с указаниями на малочисленность протоболгар, о серьезной, по оценке византийского правительства, опасности, нависшей над всеми заболканскими владениями империи.

Областью первоначального расположения протоболгарских лагерей на юг от Дуная стали Добруджа и восточная часть Мисии, откуда протоболгары затем стали продвигаться к западным районам между Дунаем и Балканами. Ранее всех других славян в подчинении у Аспаруха оказался союз «Семь родов». Разделение и перемещение славян этого союза по инициативе Аспаруха свидетельствуют о том, что в руках хана с самого начала оказалась верховная власть над славянским населением не только в восточных, но и в западных районах Мисии.

Тем не менее тот факт, что славянам этого бывшего, и прежде единого, союза была доверена охрана наиболее важных участков границы, говорит о том, что с самого начала существовало определенное соглашение Аспаруха со славянскими вождями союза, фиксировавшее не только обязанности славян, но и их права. Есть, таким образом, основания полагать, что с самого начала обе части союза (северы и «остальные Семь родов») пользовались внутренней автономией, находясь под непосредственным управлением своих вождей.

Дискуссионными мы считаем следующие заключения, которые сделаны в историографии или которые можно сделать, опираясь на рассматриваемые свидетельства.

Спорна прежде всего датировка появления орды Аспаруха у Дуная, так как нет данных для установления точной даты смерти его

отца Кубрата и нападения хазар на владения его сыновей. Эти события относят предположительно ко времени от середины VII в. до конца 60-х годов этого столетия [23, с. 191; 38, с. 90].

Мы предпочитаем более позднюю датировку: пребывание Аспаруха у Онгла вряд ли было продолжительным. Достаточно было нескольких лет, чтобы протоболгары освоились на новом месте, укрепили свой лагерь и начали набеги на близлежащие земли империи. Учитывая поведение прочих кочевых и полукочевых народов у границ Византии, трудно допустить, что протоболгары смирно отсиживались в Онгле почти 20 лет.[1]

Представляется заслуживающим внимания мнение, что лагерь Аспаруха находился если не между нижним течением Прута и Серета,[2] то в непосредственной близости к устью Прута. Именно это расположение лагеря, помимо защиты, обеспечиваемой как реками и болотами, так и ближе всего подступающими в этом регионе к Дунаю отрогами Карпат, предоставляло возможность быстрого овладения бродами через Дунай, лежащими вниз по реке от Доростола.[3]

Мы сочли более верным перевод названия союза славян выражением «Семь родов»,[4] следуя при этом за Г. Цанковой-Петковой и В. Бешевлиевым [30, с. 224; 31, с. 469; 17, с. 266, прим. 9; 33, с. 26–27], а не словами «Семь племен», хотя и не считаем, что первое понимание бесспорно доказано. Во всяком случае это название к 680 г. отражало, как показал И. Дуйчев [26, с. 419–426], не реальное положение дел (объединение именно семи племен или родов), а проявление языческого поверья в магические числа. Феофан, упомянув об отделении от союза северов,[5] продолжает именовать оставшуюся часть не «Шестью родами» (племенами), а «Семью», как и ранее. Мы усматриваем в этом названии старый этноним, отразивший историю объединения: возможно, некогда образовалось племя, соединившее сначала несколько (вероятно даже семь) родов; затем это племя встало во главе межплеменного союза, который получил, в свою очередь, это же наименование. Однако и другие вошедшие в союз племена могли

---

[1] Вероятно предположение, что миграция орды Аспаруха от Приазовья была поэтапной, занявшей несколько лет [31, с. 468].

[2] Здесь (между Прутом и Серетом) локализует Онгл И. Божилов [38, с. 167–176].

[3] Между Доростолом и Новиодунумом находились известные с античности броды; заболоченная, состоящая из многих рукавов дельта была для этого мало удобна [31, с. 471].

[4] В труде Константина Багрянородного «Об управлении империей» слово γενεά имеет почти исключительно (в 25-и случаях из 29) значение «род» [39, с. 86.25, 34; 92.3; 106.58, 59.61; 108.81; 85.3; 126.27.28; 154.32; 160.16; 166.30; 170.10; 172.55; 174.11, 12, 13; 174.1,4; 178.44.48.50. Ср. 168.34.39; 174.2; 230.62]. На такое же значение этого термина в греческих библейских текстах и в византийских житиях указал И. И. Срезневский [40].

[5] То, что северы входили в союз «Семь родов», следует из текста Феофана. Аргументация М. Войнова [27, с. 452] осталась, на наш взгляд, здесь непоколебленной.

сохранить собственные названия, как, например, северы, которые, видимо, присоединились к союзу позже других племен. Подобные особенности этнонимии славянских союзов были обычным явлением в славянском мире.[1]

Выше мы отметили одно противоречие в известии Феофана: северы, с одной стороны, входят в союз «Семь родов», а с другой — они как будто не находятся «под пактом», как «остальные Семь родов». Нам представляется такая ситуация маловероятной: Феофан мог «запнуться» с упоминанием о пакте. Никифор не делает различий между двумя частями переселенных Аспарухом славян.

Для уяснения этого противоречия весьма важно, хотя бы гипотетически, уточнить, во-первых, где находились «лежащие близ Дуная земли», которые разорял Аспарух, еще пребывая на левобережье, и которые, входя в IX в. в Болгарию, тогда были во власти «христиан», т. е. империи. И. С. Чичуров отстаивает мнение, что эти земли лежали близ Онгла на левом берегу [22, с. 114–118]. На наш взгляд, это малоправдоподобно: о владениях Византии за Дунаем в последней четверти VII в. абсолютно ничего неизвестно, а выражение πλησίον τοῦ Δανουβίου обычно у византийских авторов означает районы, примыкающие к Дунаю с юга [41, с. 169, 208]. Мы думаем, что речь идет о нападениях протоболгар из Онгла на земли нижнего правобережья, причем — прежде всего не на приморские города (Томи, Одисс), удерживаемые византийцами, а на территории, занятые тогда славянами.

Во-вторых, важно уяснить, что значит знаменитое «под пактом». Выше уже отмечены два наиболее возможных понимания. Большинство историков считает, что речь идет о превращении славян «Семи родов» в данников Аспаруха. Мы также полагаем, что соглашение хана со славянскими вождями о совместной защите территории государства предполагало одновременно и несение дополнительных экономических тягот в пользу центральной власти. Даже если северы не несли дополнительных тягот, они все же на каких-то условиях признавали власть Аспаруха. Это в данном случае главное.

Не исключено, однако, понимание слов «под пактом» и в смысле союзнических отношений союза «Семи родов» с империей. Дело даже не в том, что Феофан употребил здесь причастие настоящего времени (ὄντας), указывающее на постоянное состояние (еще до протоболгар) славян — «находиться под пактом», а не причастие γινομένας («ставшие данниками») — разумеется, протоболгар. Дело также не в том, что Никифор, стремящийся, в отличие от Феофана, сделать текст первоисточника предельно ясным, именно в данном месте оставил πάκτον без изменения (говоря о «дани» империи Аспаруху по заключенному миру в 681 г., он заменил πάκτα на τελέσμασι).

Дело прежде всего в том, что независимо от решения спорной проблемы о значении термина «пактон» в данном месте, славяне до прихода

[1] Многочисленные примеры этого собраны в труде «Формирование и развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья» (М., 1982).

орды Аспаруха признавали суверенитет империи. Константин IV, отправляясь в поход на левый берег, хотел защитить «царство ромеев», земли, «удерживаемые христианами», которые лишь позднее стали «страной» болгар. Эти земли у Феофана и Никифора противопоставлены территориям к югу от Балканского хребта как находящимся непосредственно «под ромейским управлением». Смысл противопоставления не в том, что Мисия и Малая Скифия — вне границ империи, а в том, что там не было (исключая, может быть, приморские города) ни византийских гарнизонов, ни представителей администрации империи. Интересы империи здесь тогда защищали лишь славяне — ее союзники.

Спорным остается и вопрос о месте поселения северов до и после вторжения протоболгар, хотя ясно, что и они подверглись переселению. Не ясно, что означает «поселили от передней теснины Верегавы к районам на восток» — зону ли расселения или перевод со старого места на новое. Нам кажется второе понимание грамматически более обоснованным (нет слова, которое обозначало бы пространство «от» и «до»). Скорее всего, северов переместили от Верегавы на восток — для охраны прохода между морем и восточными отрогами Балканского хребта.

Идентификация Верегавы также спорна: называют и Веселиновский, и Ришский, и Вырбишский [1] пути через Балканы [42]. Считаем не лишенным значения определение Феофаном Верегавы как «передней теснины». Почему именно «передней»? Не потому ли, что Ришское (среднее между двумя другими) «выдвинуто» вперед, навстречу идущему на юг от Дуная? Феофан нередко ведет повествование, придерживаясь ориентации не со стороны империи, а как бы со стороны протоболгар, по пути их следования. На левом берегу, «впереди», лагерь Аспаруха защищали болота, т. е. пойма реки, а когда протоболгары перешли Дунай, то «впереди» их стал защищать Балканский хребет. Эта особенность пространственной ориентации, свойственная и Никифору [18, с. 295], восходит к источнику обоих авторов.

Итак, мы полагаем, что есть основания для вывода, что славяне-федераты были обязаны нести службу империи, защищая дунайскую границу прежде всего от аваров. В этом вопросе интересы славян и империи совпадали. Славяне Мисии и Добруджи сохранили враждебность к каганату со времени пребывания на левобережье. Косвенное доказательство отсутствия здесь значительных собственно византийских войск можно усмотреть в том факте, что покидая армию, император аргументировал это необходимостью лечения в Месемврии, так как все хорошо знали, что в Томи и Одиссе это было невозможно — эти города были тогда в упадке [43, 44]. Доростол (Силистра) был в то время также вне власти империи. Недаром самое основание этого города в «Апокрифической летописи» приписывалось хану Аспаруху [30, с. 221–226; 23, с. 353].

[1] И. Дуйчева предпочитает Вырбишский проход [42].

Аспарух либо учитывал, что он вторгся в зону интересов аварского каганата, либо имел даже с ним столкновение еще на левобережье. Мы не знаем почти ничего о положении дел на левом берегу после похода аваров в 602 г. против антов. Поход для аваров был удачным, и вполне возможно, что их влияние утвердилось и здесь.

Вероятно, отражением подлинных событий является приписка VIII в. в «Географии» Анания Ширакаци (VII в.) о том, что Аспархук (Аспарух), бежав от хазар, «прогнал аваров на запад» [45]. Не случайно протоболгарский хан срочно укреплял границу с аварами, едва расположившись к югу от Дуная. Следовательно, если влияние аваров на левобережье (против Мисии) временно и ослабевало после их поражения в 626 г. у Константинополя, то оно, видимо, вновь упрочилось здесь к 70-м годам VII столетия. Весь контекст приведенных известий оправдывает мнение о вражде протоболгар и аваров еще до перехода Дуная Аспарухом. Столкнуться же с ними он мог где-то поблизости от Онгла, а не далеко на западе, где локализовалась восточная граница собственно Аварского каганата.

Однако прежде чем высказать свое мнение по этому вопросу, нужно рассмотреть другой: о примерном времени заселения славянами Мисии и Малой Скифии и о путях этого заселения.

В литературе на этот счет известно множество гипотез: заселение датируют и серединой VI в., и временем после 582–583 гг. (взятие Сирмия аварами и прорыв византийских границ на Дунае), и периодом после 602 г. (уход войск империи с дунайского рубежа и падение всей северной линии ее обороны), и первыми десятилетиями после разгрома аваров в 626 г. у стен столицы империи. Тщательно проанализировав все эти точки зрения, В. Тыпкова-Заимова пришла к заключению, что наиболее вероятной является гипотеза о массовом переселении славян на юг от Дуная между 602–626 гг., т. е. в период, представляющий собою своего рода «информационную лакуну» в византийских источниках [34, с. 59–88; 35, с. 66].

Именно к этому времени многие историки относят известие «Чудес св. Димитрия» о том, что Фессалоника принимала толпы беженцев «из дунайских областей» [18, с. 184; 23, с. 152; 46, с. 112]. В пользу этой датировки говорят следующие обстоятельства: уход в 602 г. взбунтовавшихся войск с Дуная, гражданская война в империи в правление Фоки (602–610), осложнения на восточной границе в начале правления Ираклия (610–641); поход аваров в 602 г. против антов по нижнему Подунавью вплоть до Поднестровья, несомненно, нарушивший жизнь местных славян и заставивший их, вполне возможно, искать убежища на правом берегу; подготовка аваров к походу на Константинополь, принуждение к нему зависимых от кагана славян, стремившихся в это время не столько к грабительским набегам на земли империи (как авары), сколько к постоянному поселению на них [46, с. 12–19]. Именно в этот период империя должна была, со своей стороны, упорно искать среди славян союзников против возраставшей аварской угрозы.

Юго-западные границы антского политического объединения к началу VII в., несомненно, лежали близ дельты Дуная [47; 48, с. 8, 10, 20]. Поражение антов[1] привело, может быть, к распаду их союза, но не к физической гибели всего населения. В последующее после ухода аваров из Поднестровья время анты и могли оказаться частью славянских поселенцев в Мисии и Малой Скифии. Вероятно всего, сама империя приглашала сюда славян в качестве федератов, хотя значительные славянские массы оседали здесь, разумеется, и без официального позволения Константинополя. Характерно, что особенно концентрированно лепная керамика пражского типа локализуется от района близ Турриса (Галаца), который еще Юстиниан I предлагал антам для поселения на статусе федератов, до Доростола, т. е. в примыкающих к Дунаю местах, где находились особенно удобные броды через реку[2].

Переселение на правый берег происходило скорее всего целыми славиниями — военно-территориальными союзами (о «славиниях» на левобережье на рубеже VI–VII вв. сообщает Феофилакт Симокатта [41, с. 353]). Об этом свидетельствуют также и размещение славиний в междуречье Стурмы и Вардара и самые их наименования, которые нередко восходят к эпохе до поселения славян на Балканах.

Мы считаем, что как в VI в. произошло смешение в Верхнем Подунавье двух потоков славянских переселенцев (из междуречий Вислы и Одера, а также Днепра и Днестра), так и в Мисии и Малой Скифии оказались и славинии антов, и союзы «славинов» из левобережья.

Антские древности зафиксированы к югу от Дуная археологически [49, с. 127–128; 50; 51, 52; 53; 54; 55]. Не лишено значения, что среди прочих соответствий между наименованиями славянских племен Восточной Европы и Балканского полуострова одно из самых близких — «северы» Феофана и «северяне» русских летописей [56].

Было бы вполне понятно, если бы именно северам-антам, давним союзникам империи, к тому же привыкшим сражаться в горной местности (о чем настойчиво пишет Прокопий, намекая, видимо, на приобретенный ими опыт в Прикарпатье [41, с. 128, 283, 289]), была доверена императором важнейшая клисура Гема, ведущая к стратегически важной крепости Галоя.

Может быть, северы поселились здесь именно по приглашению императора раньше других славян, присоединившись, однако, позже к союзу «Семь родов», который, как мы думаем, оформился еще на левобережье и вступил в союзнические отношения с империей уже после того, как разместился на землях Мисии и Малой Скифии.

Последнему допущению противоречит, на первый взгляд, одна деталь в сообщении Феофана, привлекавшая большое внимание исследователей, упоминание о том, что Аспарух переселил «остальные Семь

[1] Новейшую литературу об антах см. у В. В. Седова [49, с. 119] и Г. Диттена [37, с. 93].

[2] См. карту у И. П. Русановой [7, с. 189], ср. карту И. А. Рафаловича [48, с. 20].

родов» «в районы к югу и западу, вплоть до Аварии». Причем здесь переселение на юг? Решений предлагалось много и относительно места расположения «Семи родов» до акции хана, и о восточных и юго-восточных окраинах аварских владений: союз «Семь родов» пытались трактовать как огромное объединение, охватывающее оба берега Дуная (его часть в таком случае и считали переселенной на юг, на правый берег, а затем — на запад), искали также аварский регион в бассейне Тимока или даже близ Вырбишского ущелья в северных предгорьях Гема [57; 58, с. 6–13, карта № 3].

Загадка не легкая, и ее убедительное решение еще не найдено. Мы считаем возможным два следующих гипотетических ее объяснения.

Союз «Семь родов» мог охватывать территорию от северных придунайских районов Добруджи до Гема, где жили северы, и тогда перемещение славян из Северной Добруджи означало бы их переселение на юг. Не исключено и то, что славиния «Семь родов» сохранила часть земель на левом берегу (хотя вряд ли они были столь обширны, как это указано на картах П. Календарова [58, карты 1–3]), подобно тому как и Аспарух после перехода Дуная удержал часть земель у Онгла. И тогда можно думать, что «остальные Семь родов» были также разделены Аспарухом: одних хан перевел на юг (правый берег), а других передвинул по левому берегу, вплоть до рубежей собственно Аварского каганата.

Мы считаем более вероятным первое объяснение: союз «Семь родов» к 680 г. размещался скорее всего целиком на землях к югу от Дуная. Именно сюда, на союзников империи, протоболгары совершали свои первые набеги, а на левом берегу их интересы столкнулись только с аварскими. Что же касается самой границы с аварами, то на правом берегу, от Видина до Белграда во всяком случае, авары вряд ли имели какие-то прочно удерживаемые владения: согласно сообщению Константина Багрянородного [39, с. 153.19–20], к этому времени Сингидунум (Белград) вновь был в руках империи [59]. Понятие «граница» (с аварами) не употреблено ни Феофаном, ни Никифором: первый говорит, что славян переселили «вплоть до Аварии», второй — об охране ими районов, «лежащих близ аваров». Эти близкие к аварам места могли находиться и не обязательно к северу от Дуная. Мы допускаем, что «остальные Семь родов» охраняли границу нового государства на правом берегу, так как на левом близко к этому району подходили владения собственно «Аварии». В пользу такого понимания свидетельствуют и археологические данные: как раз против устья Тимока на левом берегу проходит юго-восточная граница распространения аварских вещей [60]. Иными словами, мы разделяем мнение И. Дуйчева, что западные пределы царства Аспаруха достигали долины Тимока, и поэтому известных с IX в. тимочан можно считать (хотя бы отчасти) потомками славян бывшего объединения «Семь родов» [26, с. 417].

Связи империи со своими славянскими союзниками в Мисии и Добрудже были, видимо, непрочными. Пребывание на землях империи на статусе федератов не исключало даже прямых столкновений таких

союзников с византийцами [34, с. 37–46]. Нет совершенно никаких данных о том, что славяне участвовали в походе 680 г. против протоболгар, хотя, по всей вероятности, именно славяне известили Константинополь о нападениях на них орды Аспаруха. Во всяком случае славяне — союзники империи — не отступили вместе с византийскими войсками во Фракию после битвы 680 г. Они остались на месте и, видимо, быстро договорились с Аспарухом.

Именно этого более всего опасалось византийское правительство — и в этом, на наш взгляд, следует искать разгадку отмеченного выше противоречия в источниках: говорится и о слабости сил Аспаруха, и о серьезности угрозы от протоболгар владениям империи. Практика VI–VII вв. уже показала, сколь опасно было объединение славян с протоболгарами и аварами. Так было неоднократно в VI в., так случилось в 626 г., так произошло, наконец, и в 680 г. — силы славян и протоболгар соединились, со службой славян — даже номинальной — в пользу империи было покончено. Подчинение «Семи родов» быстро привело к переходу под власть Аспаруха и других славянских объединений.

Едва это произошло, как протоболгары стали совершать набеги на Фракию, и в этом факте можно усмотреть также косвенное свидетельство в пользу существования соглашения, на которое с самого начала опиралось политическое сотрудничество хана со славянской племенной аристократией: уходя в рейды за Балканы, протоболгары были, видимо, спокойны за свои тылы, вежи и станы.

Каким же был образ жизни протоболгар в момент поселения на Балканах, их хозяйственно-культурный тип? Мы уже говорили о трудноразрешимом противоречии в современной историографии: с одной стороны, собраны данные о постепенном переходе протоболгар еще в Приазовье к занятию земледелием, о появлении в их среде оседлых жителей [61], с другой стороны, археология не в состоянии уверенно подтвердить эти письменные известия материалом VII столетия.

Мы полагаем, что вопрос следует ставить несколько иначе. Археологи и этнографы приходят к выводу, что чисто кочевой образ жизни — крайне редкое явление: элементы земледелия и оседлого обитания практически наблюдаются всюду у любых кочевых племен всех эпох [62]. Суть в том, какова функциональная роль этих элементов, их значение в хозяйственном типе всего этносоциального организма.

И, отвечая на этот вопрос, следует, видимо, отдать решительное предпочтение старой точке зрения, что кочевой был важнейшей чертой хозяйственно-культурного типа протоболгар Аспаруха. Мы уже подчеркивали в свидетельствах Феофана и Никифора такие выражения, как «разбить лагерь», «раскинуть шатер». Император Лев VI в своей «Тактике», написанной двумя веками позже трактуемых здесь событий, объединил протоболгар и венгров по особенностям их быта. Он пишет, что в мирное время они рассеяны по родам и коленам и не работают на земле, а пасут конские табуны зимой и летом; что их слабость состоит в отсутствии у них пашен, так как им нужно много

были из-за обилия у них скота; что пешими они не вступают в сражение; что обычное их жилище — шатер, привычная пища — кумыс [63, с. 167–172].

Конечно, для конца IX в. эта характеристика — отчасти анахронизм: сам Лев VI пишет, что теперь, приняв христианство, протоболгары «немного приблизились к ромейским нравам», отрешаясь от кочевого и дикого образа жизни [64, с. 170]. Но даже если кабинетный стратег преувеличивает «дикость» протоболгар, предпочитая отражать (как тогда было в моде) не живой опыт общения с протоболгарами и его время, а описания ученых предшественников по составлению стратегиконов, то и в таком случае он должен был опираться на источники VII–VIII вв., характеризующие быт протоболгар рассматриваемой здесь эпохи.

О кочевом быте говорят и обнаруженные археологами следы овальных и круглых в плане жилищ (юрт), и сохранившееся изображение этих жилищ (модель юрты из известняка), и предметы быта из протоболгарских некрополей [64; 19, с. 416; 12, с. 60]. Не случайно в науке не известны достоверные тюркские топонимы, которые восходили бы к этому времени: когда протоболгары стали оседать на землю,[1] они селились в непосредственном соседстве с поселениями славян (уже имеющими свои наименования) или в самих этих поселениях [13, с. 8–17; 12, с. 94]. Допротоболгарское селение Плиска было превращено протоболгарами в укрепленный лагерь, ставший постепенно первой столицей нового государства [65; 23, с. 232; 66, 67; 68]. Точно так же возникла и вторая столица Болгарии — Преслав [69].

Возможно, вскоре после поселения на Балканах основной чертой хозяйства протоболгар стало пастушество, известное на полуострове с «гомеровских» времен и не исчезнувшее полностью поныне. Картографирование протоболгарских некрополей показывает, что основными регионами их первоначального расположения были Добруджа и область Плиски-Шумена [13, с. 8; 64, с. 18]. Их поселения, таким образом, были как бы сдвинуты к морскому побережью: известно, что пастухи-влахи на Балканах и в наши дни предпочитают зимовки со своим скотом в селах близ берега моря с его влажным и более мягким микроклиматом [70]. Знаменательно, что в V–VI вв. во время вторжений на Балканы кочевники (гунны, авары, протоболгары), по сообщениям Менандра и Феофилакта Симокатты [41, с. 235, 296, 320], предпочитали при расселении Добруджу всем другим районам между Дунаем и Гемом. Можно думать поэтому, что переселяя славян из Добруджи «на юг» и из Восточной Мисии — «на запад», Аспарух преследовал отчасти и хозяйственные (а не только стратегические) интересы, освобождая часть земель под пастбища [71].

Ныне остро дебатируется вопрос о численности протоболгар: археологи высказываются за признание протоболгарского элемента более значительным, чем считалось до сих пор. Предполагается, что часть

[1] Ж. Выжарова [19, с. 432] и В. Тыпкова-Заимова [35, с. 69] подчеркивают, что протоболгары долго не смешивались с живущими рядом славянами.

протоболгар уже обитала в Добрудже еще до прихода Аспаруха, прослеживаются следы новых «волн» переселения протоболгар в Болгарию из Приазовья и Хазарского каганата в VIII–начале IX в. [138, с. 90–92].

Мы готовы согласиться с тем, что названная автором XI в. Михаилом Сирийцем цифра 10 тысяч (видимо, воинов) Аспаруха сомнительна и ее, может быть, следует удвоить или даже утроить [23, с. 202; 71, с. 72]. Но и археология, и письменные источники, и весь последующий ход развития общества и культуры Первого Болгарского царства не оставляют сомнений в том, что славяне в нем по численности с самого начала многократно превосходили протоболгарский элемент.

Однако проблема политического верховенства протоболгар в стране в течение более столетия, как и их прогрессирующей ассимиляции не может быть, по нашему мнению, решена через уяснение простейшего вопроса — установления примерного численного соотношения славян и протоболгар в VII–IX вв.

Мы усматриваем (при современном состоянии источников) путь уяснения проблемы в историко-сравнительном анализе социально-экономических и общественно-политических процессов в VII–IX вв. в славянском мире в целом, в «Великой Булгарии» (о которой уже была речь выше), в Аварском каганате VI–VIII вв. и в так называемых «варварских» королевствах Западной Европы в V–VII вв.

Высказывая ниже некоторые предварительные соображения на этот счет, мы претендуем лишь на постановку проблемы.

Многочисленные факты, свидетельствующие о военном превосходстве над оседлым населением кочевых народов, весь быт которых был приспособлен и к отражению внезапной опасности, и к стремительному нападению, хорошо известны. Подчинение кочевыми племенами земледельческого населения отнюдь не является доказательством более высокого уровня социально-экономического развития общества номадов — дело обстояло как раз наоборот. Наиболее яркий тому пример: татаро-монгольское иго на Руси и завоевание турками-османами Византийской империи.

Смешанное ирано-тюркское племя аваров (насчитывавшее, по сообщению Менандра [41, с. 241], едва 20 тысяч воинов) более двух с половиной столетий держало в повиновении массы земледельческих славянских племен. Сходным, хотя и совсем в ином плане, было положение дел при завоевании германцами западноримских провинций: и здесь социально слабее дифференцированные дружины варваров подчинили себе высокоразвитое общество. По оценкам современной науки, численность германских племен, овладевших Галлией в V в., в несколько раз была ниже численности автохтонного населения [73, с. 40].

Таким образом, что касается завоевания и сохранения власти иноземцами (порой — на длительный исторический период), то, видимо, сама по себе меньшая численность завоевателей, как и более низкий уровень их социальной зрелости, не являлись решающими факторами.

Мы разделяем высказанную в историографии точку зрения, согласно которой нельзя, сопоставив феномены протоболгарской и славянской культур VII–VIII вв., говорить об уровне общественного разви-

ния этих народов относительно друг друга: это были два принципиально разных жизненных уклада, каждый из которых соответствовал тем конкретным условиям, в которых он сложился и функционировал [74, 75].

Видимо, ни славянский союз «Семь родов», ни перемещающееся от Приазовья до Дуная объединение Аспаруха нельзя рассматривать как государственные образования [76, с. 30]. Свидетельством того, что процесс классообразования зашел в это время достаточно далеко и что определенные конкретные условия способны были его стимулировать, является возникновение «Великой Булгарии» в Приазовье и так называемого «государства Само» на юго-западных границах славянского мира.

Однако оба эти политические образования оказались непрочными. Славяне находились на стадии развития, когда еще отсутствовали необходимые условия для оформления прочной государственной организации. Протоболгарские племена, в свою очередь, не создали в VII–VIII вв. государства ни на Волге, ни в Приазовье, ни в Ломбардии. Волжская Болгария как независимое государственное объединение известна едва с конца IX–начала X в.

Таким образом, оформление устойчивого и быстро развивающегося государства в Мисии в последней четверти VII в. является своего рода исключением для всего и славянского, и протоболгарского мира. Оно — результат синтеза двух общественных структур, каждая из которых в отдельности ко времени их встречи, сама по себе, еще не вызывалась необходимостью возникновения государственных форм существования. Каждая из сторон как бы «дополнила» при синтезе новой политической и социальной системы «недостаток» в развитии тех или иных общественных институтов у другой стороны.

И вот с этой точки зрения, по нашему мнению, весьма существенно уяснить, какие из этих институтов были протоболгарскими, а какие — славянскими; весьма существенно также — какой при этом хозяйственно-культурный тип, протоболгарский или славянский, лег в основу социально-экономического базиса развивающегося государства.

В литературе уже давно отмечено, что государство Аспаруха не может быть уподоблено Аварскому каганату не только VI–VII, но и VIII–начала IX столетия [23, с. 138, 202; 77, с. 31–35, 71], хотя имелись и определенные черты сходства между этими двумя политическими системами [78]. И там и тут политическое объединение представляло собою конгломерат слабо связанных между собой славянских и протоболгарских племенных союзов, над которыми господствовал резко обособленный от них контингент кочевников.[1] На периферии каганата формы аварской верховной власти над славянами были, как и в Болгарии, сходными с союзническими отношениями, однако ближе к его центру, где располагался укрепленный лагерь аваров, население было

[1] Д. Оболенский, подчеркивая отрицательные последствия господства кочевников над земледельческим оседлым населением, называет и государство Аспаруха «паразитическим» [80].

низведено до рабского состояния [79]. Авары принуждали к участию в своих походах вождей славиний и протоболгарских союзов, но только некоторые из этих объединений пользовались внутренней автономией; представители власти кагана («жупаны») находились даже в некоторых отдаленных славянских поселениях [81].

Однако организация власти аваров и формы эксплуатации ими подвластного населения не представляли собою единой, основанной на законе системы. Даже кочевое скотоводческое хозяйство (а авары остались кочевниками до конца) они передали в руки подневольных людей и рабов. Сами авары практически не занимались производством, они представляли собой коллективный господствующий класс, социально и этнически отгороженный от прочего населения, безжалостно обиравший своих подданных и незамедлительно и жестоко подавлявший малейшее недовольство.

Синтез социальных структур здесь фактически отсутствовал: общественные формы жизни самих авторов отличались неподвижностью и застылостью, поступательное развитие было характерно лишь для подчиненного им земледельческого населения, постепенно обретавшего все большую независимость [82; 83, 84; 77, с. 31–35, 71].

Созданный аварами племенной союз в Центральной Европе был, как и гуннский, основан целиком на принципах политической системы степного кочевого общества. Он сохранялся только в той мере и до тех пор, в какой и пока у аваров хватало воинских карательных сил для подавления сепаратистских тенденций.

В отличие от аваров протоболгары не составляли единого социально и политически господствующего класса: их общество было гораздо более дифференцированным. В отличие от аваров уже в VIII и особенно в IX вв. наблюдаются явственные следы постепенной ассимиляции протоболгар и перехода их к оседлому образу жизни. Условия объединения в единый политический организм здесь были с самого начала гораздо более благоприятными для славянской племенной аристократии, сохранявшей до первой четверти IX в. внутреннюю автономию в провинциях. Единая для страны правовая система действовала в Болгарии уже с начала IX в.: ее основой уже в то время были социальные, а не этнические отношения в обществе. Централизация власти при Круме и Омортаге и ликвидация автономии славиний сопровождалась не понижением социального статуса славянской знати, а все большим приобщением ее к участию в центральном управлении; происходил активный процесс слияния протоболгарской и славянской аристократии, завершившийся к концу IX в.

С «варварскими» королевствами Запада Болгарию VII в. сближает прежде всего метод ее основания — завоевание территории с иноэтничным населением пришлым народом вдали от мест его прежнего обитания. Сходство состояло и в том, что германские племена, основавшие свои королевства, как и протоболгары, в численном отношении в несколько раз уступали завоеванному ими населению. Существенную параллель мы усматриваем и в том, что протоболгары подверглись славянизации точно так же, как франки, бургунцы, вестготы и другие германские племена подверглись романизации.

Весьма важным было, однако, такое коренное отличие, как оформление социально-экономического базиса в Болгарии и, например, во Франкском королевстве. Франки, как и местное подчиненное им население, представляли один и тот же хозяйственно-культурный тип — земледельческое оседлое общество. Здесь имел место синтез франкских и позднеримских общественно-экономических институтов, причем именно франкская общественно-социальная структура играла в этом синтезе ведущую роль [73, с. 37].

Франки, как и протоболгары, сначала не смешивались с местным населением, но франкская служилая знать, овладевая галло-римскими поместьями, отнятыми у прежних господ, или получая их в пожалование от королей, становилась с самого начала землевладельческой знатью. Быстро возрастал ее социальный вес в обществе. Возникавшая под господством франков социальная структура открывала простор для развития феодальных производственных отношений. Франкская знать сливалась с остатками галло-римской в единый господствующий класс землевладельцев, а на противоположном социальном полюсе происходил процесс сближения разорявшихся франкских общинников с угнетенными слоями автохтонного населения — формировалось феодально-зависимое крестьянство.

Напротив, протоболгарский хозяйственно-культурный тип, сложившийся в совершенно отличных условиях, был бесперспективен как основная форма экономической деятельности и быта на Балканах (и в Европе вообще). Не мог он обеспечить в новой обстановке и достаточную базу для роста сил и возвышения самой протоболгарской аристократии.

Не те или иные элементы культуры этноса, даже более совершенные, чем у славян, играли определяющую роль, а культура как широкая совокупность основных форм повседневной деятельности и быта, «культура земледелия», которой обладали в Мисии и Малой Скифии славяне и остатки автохтонного населения. Общественно-социальная система славянского земледельческого общества, отличавшаяся в этот период значительным динамизмом, составила экономический базис развивающегося государства. В полуавтономных и автономных славиниях завершался процесс оформления классового общества, а вместе с тем и в численном отношении протоболгарская аристократия, даже сохраняя верховную власть в государстве, составляла все менее заметную часть в общей совокупности господствующего класса страны. Реальное соотношение сил было, по-видимому, таково, что ни ханский двор не считал возможными массовые репрессии и экспроприацию славянской знати (она отвечала на акции такого рода восстаниями, переходом на сторону империи, выходом из состава государства целыми славиниями), ни славянская знать, в свою очередь, не предпринимала попыток организации массового движения против верховного господства протоболгарской аристократии.

Именно сеть славянских поселений, труд оседлых земледельцев гарантировали молодому государству и обеспечение всего населения продуктами сельского хозяйства (протоболгары добывали их ранее либо в грабительских набегах, либо в виде даней, либо путем торговли),

и регулярные доходы государственного казначейства, и организованное участие ополчений в защите страны, и выполнение крупных общественных работ (строительство крепостей, городов, мостов, укреплений и т. п.).

Синтез славяно-протоболгарских институтов имел место по преимуществу не в социально-экономической, а в военно-политической сфере. Приход орды Аспаруха явился фактором, как бы восполнившим недостающие, не созревшие именно в этой сфере элементы структуры местного славянского общества, необходимые для перехода к государственным формам жизни. До 680 г. племенная аристократия союза «Семи родов» не обладала достаточной воинской силой для превращения централизованной эксплуатации в регулярно функционирующую систему, для объединения всех славиний региона и подавления сепаратистских стремлений племенных вождей и — одновременно — для полного разрыва с империей и обеспечения обороны своей территории и от византийцев, и от аваров. Объединение с протоболгарами существенно повысило военный потенциал страны. Значительным выигрышем для славянской знати явилось то, что этот эффект был достигнут, несмотря на относительную малочисленность протоболгар: строго организованное и дисциплинированное конное войско протоболгар в сочетании с пехотными отрядами славян оказалось способным противостоять любому врагу, с которым Болгария сталкивалась в VIII–IX вв. Сохранявшиеся в государственной структуре протоболгарские институты целиком относятся к военному делу и центральному управлению и восходят к тюркской кочевой системе. Удерживая свои старые наименования, они, однако, уже с IX в. приобретают новое содержание, получая территориально-административный смысл, т. е. теряя связь с тюркской традицией (хан, боил, таркан и т. д.) [85, 86].

События 680–681 гг. сыграли, безусловно, огромную роль в становлении Первого Болгарского царства, но они означали по существу, на наш взгляд, лишь закладку фундамента государственного здания [72, с. 71–73; 31, с. 471; 58, с. 11, 17; 76, с. 31, 32]. Длительный и сложный процесс его возведения начался в Мисии задолго до 680 г. и продолжался значительное время после этой даты.

Западный хронист констатировал под 680 г.: «от сего времени следует вести начало Болгарского государства» [87]. Если действительно необходимо этническое определение государственно-политической системы Болгарии с конца VII до второй четверти IX в. как этносоциального организма, то представляется более оправданным характеризовать ее как «славяно-протоболгарская», а не «протоболгарско-славянская», а тем более — не «протоболгарская». После же указанного рубежа и во всяком случае — во второй половине IX столетия Болгария и по своей общественной организации, и по этническому облику ее населения, и по характеру ее культуры являлась, безусловно, славянским раннефеодальным государством.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Станчев С.* Славяни и прабългари в старобългарската култура. — Археология, 1962, № 4, с. 1.
2. *Станчев С.* Старобългарската култура през VIII–X век. — Трудове на Висшия педагогически институт «Братя Кирил и Методи», т. I. Велико-Търново, 1964, с. 21–39.
3. *Плетнева С. А., Русанова И. П.* Рец. на кн.: *Ж. Н. Въжарова.* Славянски и славянобългарски селища в българските земи от края на VI–XI век. София, 1965. — Советская археология, 1966, № 3, с. 277.
4. *Чеботаренко Г. Ф.* Калфа — городище VIII–X вв. на Днестре. Кишинев, 1973, с. 4, 42, 76.
5. *Чеботаренко Г. Ф.* К вопросу об этнической принадлежности балкано-дунайской культуры в южной части Прутско-Днестровского междуречья. — В кн.: Этническая история восточных романцев. Древность и средние века. М., 1979.
6. *Димитров Д. И.* Някои въпроси на проучването на ранносредновековните селища в Североизточна България. — В кн.: Музеи и паметници на културата. София, 1967, № 4, с. 1–5.
7. *Русанова И. П.* Славянские древности VI–VII вв. М., 1976.
8. *Дончева Б.* Първа комплексна конференция по българистика. — Исторически преглед, 1979, №№ 4–5, с. 275.
9. *Подвигина Н. Л.* О характере материальной культуры Болгарии в VII–IX вв. (Краткий обзор трудов болгарских и советских археологов 1948–1973 гг.). — В кн.: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. Методология и историография. М., 1976, с. 221–227.
10. *Dimitrow D.* Quelques questions de l'histoire des Proto-Bulgares. — Etudes Balkaniques, 1977, 2, p. 87–105.
11. *Dimitrow D.* Neue Angaben im nordöstlichen Bulgarien auf Grund archäogischen Forschungen. — In: Studii in honorem Veselini Beševliev. Sofia, 1978, S. 369–381.
12. *Димитров Д.* Погребалният обред при раннобългарските некрополи в Варненско (VIII–X в.). — Известия на Археологическия институт, 1974, т. 34.
13. *Димитров Д.* По въпроса за гробните камери с трупоизгаряне в ранносредновековните некрополя в Североизточна България. — В кн.: Известия на народния музей. Варна, 1976, кн. XI.
14. *Сымонович Э. А.* Культура карпатских курганов и ее роль в этногенезе славян. — В кн.: VIII Международный съезд славистов. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1978, с. 202–203.
15. *Τσάρας Γ.* Τὸ νόημα «γραικώσας» στὰ τακτικὰ Λέοντος τοῦ Σοφοῦ. — In: Βυζαντινά, 1969, I, с. 151–152.
16. *Королюк В. Д.* Славяне и волохи в VI–середине VII в. — Советское славяноведение, 1976, № 6, с. 55.

17. *Cankova-Petkova G.* Gesellschaftsordnung und Kriegskunst der slawischen Stämme der Balkanhalbinsel (6.–8. Jh.) nach den byzantinischen Quellen. — Helikon, 1962, anno II, № 1–2.
18. Извори за българската история, т. VI. Гръцки извори, т. III. София, 1960.
19. *Вължарова Ж. Н.* Славяни и прабългари по данни на некрополите от VI–XI вв. на територията на България. София, 1976.
20. *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. Bd. 1. Berlin, 1958.
21. *Сиротенко В. Т.* Письменные свидетельства о булгарах IV–VII вв. в свете современных им исторических событий. — В кн.: Славяно-балканские исследования. Историография и источниковедение. М., 1972, с. 212–217.
22. *Чичуров И. С.* Экскурс Феофана о протоболгарах. — В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. М., 1976, с. 65–80.
23. *Ангелов Д.* Образуване на българската народност. София, 1971.
24. *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения. «Хронография» Феофана и «Бревиарий» Никифора. М., 1980.
25. Извори за българската история, т. VII. Латински извори за българската история, т. II. София, 1960, с. 248–250.
26. *Дуйчев И.* Обединението на славянските племена в Мизия през VII в. — В кн.: Изследвания в чест на Марин С. Дринов. София, 1960.
27. *Войнов М.* За първия допир на Аспаруховите българи със славяните и за датата на основаването на българската държава. — Известия на Института за българска история. 1956, 6.
28. *Войнов М.* Пак за възникването на българската държава. — Исторически преглед, 1970, № 4, с. 79.
29. *Цанкова-Петкова Г.* Бележки към началния период от историята на българската държава. — Известия на Института за българската история. 1954, 5, с. 322–326.
30. *Cankova-Petkova G.* L'Etablissement des Slaves et Protobulgares en Bulgarie du Nord-Est et le sort de certaines villes riveraines du Danube. — In: Etudes historiques, t. V. Sofia, 1970.
31. *Cankova-Petkova G.* Über die Bildung des bulgarischen Staates. — In: Beiträge zur byzantinischen Geschichte im 9.–11. Jahrhundert. Praha, 1978.
32. *Beševliev V.* Zu Theophanis Chronographia 359.5–17. — In: Polychordia. Festschrift Franz Dölger zum 75. Geburtstag. II. Amsterdam, 1967, S. 53 f.
33. *Бешевлиев В.* За славянските племена в Североизточна България от VI до X в. — В кн.: Преслав, т. I. София, 1968.
34. *Тъпкова-Заимова В.* Нашествия и етнически промени на Балканите. София, 1966.
35. *Tăpkova-Zaimova V.* Ethnische Schichten auf dem Balkan und die byzantinische Macht im 7. Jahrhundert. — In: Studien zum 7. Jahrhundert in Byzanz. Probleme der Herausbildung des Feudalismus. Berlin, 1978.

Chrysos E. Zur Gründung des Ersten Bulgarischen Staates. — In: Cyrillomethodianum, v. II. Thessalonici, 1972/1973, p. 12–13.

Ditten H. Zur Bedeutung der Einwanderung der Slawen. — In: Byzanz im 7. Jahrhundert. Untersuchungen zur Herausbildung des Feudalismus. Berlin, 1978.

Божилов И. Анонимът на Хазе. България и Византия на долни Дунав в края на X век. София, 1979.

Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. Ed. by Moravcsik Gy., Jenkins H., v. I. Budapest, 1949.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III. СПб., 1903, стлб. 136.

Извори за българската история, т. III. Гръцки извори за българската история, т. II. София, 1959.

Дуйчев И. Проучвания върху българското средновековие. София, 1945, с. 151–168.

Велков В. Състояние на проучванията върху прехода от античността към средновековието в Балканския полуостров. — В кн.: Известия на Българското историческо дружество, т. 19. София, 1974, с. 161–171.

Ваклинов Ст. Формиране на старобългарската култура. София, 1977, с. 49, 124.

Еремян С. Т. Армения по Амхарацуйцу. Ереван, 1963, с. 98–99, 101.

Avenarius A. Die Awaren in Europa. Bratislava, 1874, S. 112f.

Comşa M. Direction et étapes de la pénétration des Slaves vers la péninsul balkanique aux VIe–VIIe s. (avec un regard spécial sur la territoires de la Roumanie). — In: Balcanoslavica, t. I. Prilep — Beograd, 1972, p. 9–28.

Рафалович И. А. Молдавия и пути расселения славян в Юго-Восточной Европе. — В кн.: Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972.

Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979, с. 119.

Алексова Б. Материјална култура на словените во Македонија. — В кн.: Словенска писменост. 1050-годишнина на Климент Охридски. Охрид, 1966, с. 146–147.

Маряновић-Вујовић Г. Старейшие археологические следы славян в Белграде. — In: Berichte. II. Intern. Kongress für slawische Archäologie, Bd. III. Berlin, 1973, S. 237–238.

Выжарова Ж. Славяне и протоболгары. — In: Berichte. II. Intern. Kongress für slawische Archäologie. Bd. III. Berlin, 1973, S. 319.

Teodor Dan Ch. Les plus anciens Slaves dans l'Est de la Roumani (Moldavie). — In: Berichte. II. Intern. Kongress für slawische Archäologie. Bd. III. Berlin, 1973, S. 211.

Comşa M. Quelques donné es concernant les rapports des territoires nord-danubiennes avec Byzance au VIe–VIIe s. — Revue des Etudes Sud-Est europeénnes, 1971, t. IX, № 3, p. 371.

Babić B. Die Forschung der altslawischen Kultur in der SR Mazedonien. — Zeitschrift für Archäologie, 1976, t. 1, № 10, S. 64.

56. *Трубачев О. Н.* Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян. — Вопросы языкознания, 1974, № 6, с. 60–65.
57. *Цанкова-Петкова Г.* Территория Болгарского государства в VII–IX вв. — Византийский временник, 1960, т. 17, с. 124–143 (здесь и библиогр.).
58. *Коледаров П.* Политическа география на средновековна българска държава, т. I. София, 1979 (здесь и библиогр.).
59. *Constantine Porphyrogenitus.* De administrando imperio. II. Commentary. London, 1962, p. 133.
60. *Csallany D.* Achäologische Denkmäler der Awarenzeit in Mittelalter. Budapest, 1956, S. 184, Karten.
61. *Гюзелев В.* Икономическо развитие, социална структура и форми на социална и политическа организация на прабългарите до образуването на българската държава (IV–VII в.) — Археология, 1979, № 4, с. 12–21.
62. *Tăpkova-Zaimova V.* Les population sédentaires et les tribus en migration face à la civilisation byzantine. — Bulgarian Historical Review, 1980, N 2, p. 54.
63. Извори на българската история, т. VIII. Гръцки извори, т. IV. София, 1961.
64. *Вължарова Ж.* Селища и некрополи (края на VI–XI в.) — Археология, 1974, № 3, с. 18.
65. *Михайлов Ст.* Първата славянска столица Плиска в светлината на последните археологически разкопки. — В кн.: Slavia antiqua. Warszawa — Poznań, 1959, t. 7, S. 366–368.
66. *Ваклинов Ст.* Плиска за тридесет години. — Археология, 1974, № 3, с. 30.
67. *Бешевлиев В.* Първобългарски надписи. София, 1979, с. 202–203.
68. *Ковачев Н.* Названията на няколко укрепени средновековни селища като извор за етногенезиса на българския народ. — В кн.: Средновековният български град. София, 1980, с. 245–246.
69. *Čangova J.* Les Slaves aux environs de Preslav au VIIe–VIIIe s. d'après données archéologiques. — In: Studii in honorem Veselini Beševliev, Sofia, 1978, S. 363–368.
70. *Carolus-Barré Th.* Ches les Vlaques du Pinde. — Revue des Etudes Sud-Est européennes, 1968, t. VI, № 4, p. 671–672.
71. *Wasilewcki T.* Bizancjum i słowianie w IX wieku. Warszawa, 1972, S. 42.
72. *Gjuselev V.* Allgemeine Charakteristik und Etappen der Errichtung der militärischen Verwaltung des ersten Bulgarischen Staates (7. bis 11. Jh.). — Etudes Balkaniques, 1978, № 3.
73. История Франции. Т. I. М., 1972.
74. *Петров П.* Към въпроса за образуването на първата българската държава. — В кн.: Славянска филология, т. V. София, 1963, с. 104.
75. *Выжарова Ж.* Славяне и праболгары в связи с вопросом средиземноморской культуры. — В кн.: Славяните и средиземноморският свят. VI–XI в. София, 1973, с. 264.

70. *Литаврин Г. Г.* Темпове и специфика на социално-икономическото развитие на средновековната България в сравнение с Византия (от края на VII до края на XII в.). — Исторически преглед, 1970, № 6.
71. *Zástěrová B.* Les Avares et les Slaves dans la Tactique de Maurice. Praha, 1971, p. 31–35, 71.
72. Historia Słowian Południowych i Zachodnich. Warszawa, 1977, S. 31.
73. *Zástěrová B.* Zu einigen Fragen aus der Geschichte der slawischen Kolonisation auf dem Balkan. — In: Studien zum 7. Jahrhundert in Byzanz. Probleme der Herausbildung des Feudalismus. Berlin, 1978, S. 59–60.
80. *Obolensky D.* The Byzantine Commonwealth. London, 1971, p. 66.
81. *Prokić J.* Langobardi v panonski fazi. — Archeoloski vestnik Ljubljana, 1970–1971, № 31–32, S. 193.
82. *Grafenauer B.* Nekaj vprasani in dobe naseljevanja juznih Slovanov. — Zgodovenski časopis, 1950, v. IV, S. 125.
83. *Kollautz A.* Рец. на кн.: *Avenarius A.* Awaren in Europa. — Byzantinische Zeitschrift, 1977, Bd. 70 (2), S. 377–381.
84. *Zástěrová* B. Beitrag zur Diskussion über den Charakter der Beziehungen zwischen Slawen und Awaren. — In: Actes du XIIe Congrès Intern. d'études byzantines. Bd. II. Beograd, 1964, p. 243–247.
85. *Гюзелев В.* Функциите и ролята на кавхана в живота на първата българска държава (VII–XI вв.). — ГСУ, филос.-ист. фак-т, кн. 60. История, кн. 3. София, 1967, с. 133–157.
86. *Гюзелев В.* Ичиргу боилите на първата българската държава. — ГСУ, филос.-ист. фак-т, кн. 65. История, кн. 3, 1973, с. 125–252.
87. Monumenta Germaniae Hisrica. Scriptores, Bd. V, p. 326–327.

Византийская система власти и болгарская государственность (VII–XI вв.)

Значительное и разностороннее влияние Византийской империи на развитие Первого Болгарского царства, в том числе — на его государственную структуру и официальную государственно-политическую идеологию — факт, широко признанный в современной исторической науке. Из всех славянских государств, включая южнославянские IX–XI вв., именно Болгарское государство, возникшее на прочно интегрированных в прошлом в состав Восточноримской империи землях, находилось в раннефеодальную эпоху в особенно тесных и постоянных связях с Византией.

Формы, характер, масштабы и границы византийского влияния широко и всесторонне рассматривались в историографии. Напомню, что центральный вопрос этой проблемы — о влиянии византийской идеи царской власти на славянский мир — специально обсуждался в 1969 г. на международном коллоквиуме в Салониках, в котором принимали активное участие и видные болгарские ученые.[1] Пристальное внимание продолжали уделять и уделяют болгарские историки этой теме и в наши дни, в том числе большинство участников данного симпозиума, в частности Д. Ангелов, В. Тыпкова-Заимова, П. Петров, И. Божилов и др. Интересные заключения и ценные наблюдения по указанной проблематике нашли отражение в опубликованном

---

[1] Материалы симпозиума опубликованы в кн.: Byzantina, 3, 1971 — см. особенно: *V. Beševliev.* Die Kaiseridee bei den Protobulgaren, 83–92; *V. Tápkova-Zaimova.* L'idée impériale à Byzance et la tradition étatique bulgare, 289–295; см. также: *D. Tsourka-Papastathi.* Colloque international. L'idée impériale à Byzance, en Occident et dans le monde slave au Moyen âge. Thessalonique, 24–29 août 1969. — Cyrillo-methodianum, I, 1971.

в 1981 г. втором томе академического фундаментального труда болгарских ученых — «История Болгарии, т. 2. Первое Болгарское царство».[1]

Нелегко при данных обстоятельствах и при столь широкой постановке проблемы найти аспекты, разработка которых могла бы обещать заметный дальнейший прогресс в исследовании обозначенной в заголовке доклада темы. Сознавая сложность и многообразие встающих в связи с этим вопросом, я осмеливаюсь предложить для обсуждения на данном симпозиуме лишь один из них. А именно — я хотел бы попытаться выделить среди сходных с византийскими феноменов государственно-административной системы Первого Болгарского царства, с одной стороны, те из них, которые, несмотря на отмеченное сходство, явились объективным и закономерным результатом внутреннего развития Болгарии, включая естественно исторически обусловленные последствия стихийно совершавшегося на вошедших в границы Болгарского государства землях синтеза порядков разлагавшегося первобытно-общинного строя и институтов позднеримского общества, а с другой — те элементы государственно-политической системы Первого Болгарского царства, которые собственно и были заимствованы у Византии, адаптированы и приспособлены к новым условиям.

Предварительно считаю необходимым сделать две оговорки о двух обстоятельствах, которые, по моему мнению, могут затруднить рассмотрение поставленного вопроса без их специального обсуждения, но на которых здесь невозможно остановиться. Я имею в виду прежде всего тот факт, что в течение рассматриваемого в докладе периода, т. е. с конца VII до начала XI столетия в процессе глубокой трансформации (становления, укрепления и развития) находилась не только Болгария как государство, но и сама Византия. Иными словами, претерпевал изменения самый источник влияния — менялись, несомненно, в связи с этим и формы, и характер осуществляемого им воздействия. Процесс был, безусловно, весьма сложным, и при обобщениях в какой-то мере неизбежны, на мой взгляд, схематизация и упрощения. Положение тем не менее не представляется безнадежным, поскольку Византия и Болгария находились в ту эпоху на одной и той же стадии развития одной и той же общественно-экономической формации: в обоих государствах почти синхронно развивались и утверждались раннефеодальные производственные отношения, оба государства — при всех отличиях исходной базы — трансформировались в раннефеодальные средневековые монархии европейского типа.

Далее, рассмотрение поставленного выше вопроса было бы, разумеется, более плодотворным, если бы предварительно были достаточно глубоко и убедительно решены такие проблемы, как формы и характер славяно-протоболгарского симбиоза в дохристианский период не только в хозяйственно-культурной, но и в государственно-политической сфере, об этнической карте Болгарии на раннем этапе, о месте

[1] История на България, т. 2. Първа Българска държава. С., 1981.

славиний, автономных, полуавтономных или только союзных, об эволюции и протоболгарских, и славянских политических институтов в новых условиях, после образования государства, и т. п. В этом отношении сделано очень много, в особенности (что естественно) болгарскими учеными, но различия в подходе к этим вопросам и в их решении порой еще весьма значительны.[1] По моему мнению, почти в той мере, в какой в недалеком прошлом не уделялось должного внимания протоболгарам, ныне наметилась тенденция ослабления внимания к славянам...

Обратившись к поставленной нами проблеме, считаем целесообразным сразу высказать наш главный и, видимо, не оригинальный вывод: для дохристианского периода истории Первого Болгарского царства следы византийского влияния на государственно-административную структуру Болгарии и на ее официальную политическую теорию можно расценить как весьма ограниченные, тогда как, напротив, в сфере социально-экономической в этот же период, включая и непосредственно предшествовавшую образованию Болгарского государства эпоху, воздействие Византии на славяно-протоболгарское общество было особенно глубоким и плодотворным (в развитии производительных сил, совершенствовании орудий, освоении новой агротехники и приемов ремесленного производства, в ускорении процесса перехода от земледельческой к соседской общине, в углублении имущественной и социальной дифференциации и т. д.).[2]

Оформление и утверждение Первого Болгарского государства происходило при преобладании военно-политических институтов «варварского» общества, в условиях напряженной конфронтации с империей и сознательного отвержения со стороны господствующих кругов молодого государства норм и организаций государственно-политической и общественной жизни Византии. 50-е–60-е годы VIII в. обнаружили со всей очевидностью — и во внутренней, и во внешней политике — смертельную опасность сближения или каких-либо серьезных уступок в пользу империи. Если Византия в период до крещения Болгарии и оказала серьезное воздействие на ускорение темпов ее консолидации как государства и на оформление в нем аппарата власти (организация обороны границ, порядок несения воинской службы, сплочение протоболгарских и славянских военно-политических объединений в своеобразную «конфедерацию» во главе с ханом, создание единого административно-политического центра — столицы Плиски и т. п.), то это было влияние, так сказать, «от противного» — не след-

---

[1] См. историографические примечания в кн.: *П. Петров*. Образуване на българската държава. С., 1981; *П. Коледаров*. Политическа география на средновековната българска държава, т. 1. С., 1979.

[2] *Г. Г. Литаврин*. Темпове и специфика на социално-икономическото развитие на средновековна България в сравнение с Византия (от края на VII до края на XII в.) — ИП, 1979, №№ 6, 27–32; Формирование раннефеодального болгарского государства. — В: Раннефеодальные государства на Балканах. М., 1985.

ством каких-либо заимствований у Византии, а сознательно форсируемыми мерами по упрочению и развитию собственных институтов власти с целью более успешного противостояния империи. Кроме того, в период от конца VII до середины IX в. славяно-протоболгарское общество было еще не готово к адаптации институтов имперской государственной системы. До 2-й трети IX столетия Первое Болгарское царство обладало ярко выраженной спецификой, обусловленной особенностями его возникновения и пережитками родоплеменного строя (мы имеем в виду дуализм этнокультурной и государственно-административной структуры Болгарии).[1]

Не могут быть отнесены, по нашему мнению, на счет византийского влияния и такие элементы государственно-административной структуры Болгарии, как выросшая из системы даней всеобщая налоговая система и обеспечивающие ее функционирование органы центрального и провинциального управления, организация контроля главы государства над внешней торговлей, оформление общегосударственного казначейства, выделение высшего, столичного («внутренние боляре») и провинциального («внешние боляре») слоев сановной знати, создание при главе государства (хане) высшего государственного совета («великие боляре» — ?).

Все эти институты не были, на наш взгляд, ни калькой, ни модификацией соответствующих византийских учреждений: они были генетически связаны с предгосударственным периодом и сложились самостоятельно в конкретных условиях становления и развития Болгарского государства. Трудно указать для дохристианского периода и какие-либо существенные черты влияния византийской государственно-политической теории и на центральный институт публичной власти в Болгарии — на статус, прерогативы, положение в обществе ее государя — хана.

В Византии в эпоху от правления Ираклия до императоров-иконоборцев VIII в. в основном, а при Льве VI окончательно оформилась восточнохристианская политическая теория высшей государственной власти как власти единоличного повелителя всех подданных (монарха), верховного законодателя, верховного судьи и главнокомандующего, «наместника Божия на земле» и его «подражателя», который, как сказано в «Василиках», «не подвластен законам», а сам — закон, и который, по словам Льва VI, «обо всем печется сам», не нуждаясь в городских куриях и в сенате (синклите).[2] С 929 г. Ираклий принял

---

[1] *М. Андреев, Д. Ангелов.* История на българската феодална държава и право. С., 1972, 80–102; *М. Андреев.* Българската държава през средновековието. С., 1974, с. 18–44.

[2] *F. Winkelmann.* Zum byzantinischen Staat (Kaiser, Aristokratie, Heer). — Byzanz im 7. Jahrhundert. Untersuchungen zur Herausbildung des Feudalismus. Berlin, 1978, S. 161–169, 219–220; Staat und Ideologie beim Übergang von der Spätantike zum byzantinischen Feudalismus. — Besonderheiten der byzantinischen Feudalentwicklung. Berlin, 1983, S. 83; *J. Irmscher.* Die Gestalt Leons VI. des Weisen in Volkssage und Hagiographie. — Beiträge zur byzantinischen

древний греческий титул «василевс», подчеркнув тем самым жизнеспособность традиций, восходящих к эллинистическим монархиям и в большей мере, чем титул «император», согласующихся с этнополитическим сознанием большинства подданных своей империи (греков).[1] Василевс не выступал более, как прежние римские императоры, в качестве высшего «магистрата» (должностного лица на службе обществу), но и не порывал полностью с римскими традициями: он оставался главой по идее продолжавшей свое существование «вечной» и «единственной» Римской империи — он являлся «василевсом ромеев» (т. е. римлян). При ближайшем преемнике Ираклия Ираклоне (в 641 г.) к титулу «василевс» впервые добавился и титул «автократор» (самодержец) как указание на его исключительную, решающую роль в управлении империей сравнительно с соправителями.[2]

Не являясь «магистратом» на римский манер, василевс не был, однако, и восточным деспотом, ибо не выступал в качестве верховного собственника самого государства и самих его подданных. Издавая законы, он должен был обеспечить их выполнение. Василевс мыслился как «отец» и защитник своих верных подданных. Он являлся также и «сыном» и «покровителем» христианской церкви и как единственный светский с титулом «иерей» и как простой прихожанин («раб Божий», «брат во Христе») был подвластен «Божеским законам» и церковным канонам, нормам христианской морали и нравственности. Василевс был подобен Богу («земной Бог»), но обожествлялся в Византии не сам император, его личность, а его пост, ранг, трон: в силу исторических условий развития «царской идеи» на Востоке раннехристианского мира здесь не утвердился и не получил юридического оформления принцип наследственности императорской власти. Поэтому самая могущественная единоличная власть в средневековой Европе (власть византийского императора) была для ее обладателей одновременно и самой непрочной.[3]

Таким образом, представление о высшей государственной власти в Византии было итогом длительного развития политических и религиозных теорий и учений. Идея власти императора базировалась, как иногда образно выражаются специалисты, на триединстве понятий: римское царство, греческая культура и ортодоксальное восточное христианство.

Разумеется, представление о власти хана (или хана сюбиги) у протоболгар и о власти вождя (или князя) у славян имели совершенно иную природу, уходя своими корнями в догосударственную эпоху, к традициям племенных союзов и военно-политических объединений. Характерно, что в протоболгарских надписях для титула «хан сюби-

---

Geschichte im 9–11. Jahrhundert. Praha, 1978, p. 205–224. *Г. Л. Курбатов, Г. Е. Лебедева.* Византия: проблемы перехода от античности к феодализму. Л., 1984, с. 78–90.

[1] *K. Chrysos.* The Title ΒΑΣΙΛΕΥΣ in early byzantine international Relations. — DOP, 32, 1978, p. 31–75.

[2] *G. Ostrogorsky.* Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1963. S. 94.

[3] *J. Čičurov.* Gesetz und Gerechtigkeit in den byzantinischen Fürstenspiegeln des 6.–9. Jahrhunderts. — Cupido legum. Frankfurt am Main, 1985, S. 32–45.

[illegible] (глава войска или вооруженного народа) не было найдено эквивалента на греческом языке: титул оставлен без перевода. Хан сюбиги также являлся верховным и полновластным правителем государства, верховным законодателем и судьей, высшим военачальником и не только священнослужителем (иереем), но и главным жрецом.[1]

Однако нет ни малейших оснований связывать это с каким бы то ни было византийским влиянием. Даже несомненно воспринятое у византийцев в престижных целях и признанное при константинопольском дворе добавление к титулу «хан сюбиги» — «от Бога архонт» (оно впервые употреблено Омуртагом и встречается в титулатуре Маламира, Пресиана и Симеона) вполне соответствовало, как показал И. Бешевлиев, представлениям протоболгар о том, что хан сюбиги получил свою власть от высшего божества — Тангра (Небо).[2]

Прерогативы главного хана в протоболгарском обществе ко времени образования государства были, видимо, в силу специфики хозяйственно-культурного типа протоболгар более значительными, чем объем полномочий славянского вождя,[3] возглавлявшего, например, объединение «Семь родов» (или племен). Но и у него в принципе имелись, как кажется, права на выполнение тех же функций, какие имелись и у хана сюбиги, и у василевса. Отказ от столь архаичного политического института, как «народное собрание» (оно играло существенную роль еще в середине VIII в. и потеряло всякое значение в конце IX в.), также не может быть связан с влиянием империи — это было закономерным следствием консолидации раннефеодальной централизованной монархии.

В престижных целях и без всякого активного участия византийцев болгары заимствовали у империи некоторые элементы придворного этикета и церемониала: обычай славословить государя (в точном соответствии с имперской формулой возглашения «многие лета» императору), наименование воинов придворной ханской гвардии «кандидатами», использование знака креста в начале официальных документов как свидетельство их подлинности и др. В целях повышения своего престижа у соседних народов и у самой империи хан Тервел обусловил свою помощь Юстиниану II в возвращении престола дарованием ему титула кесаря вместе с полагающейся ему короной (ее венчал крест). Функционально этот элемент византийской системы играл в Болгарии, конечно, совершенно иную роль, чем в Византии (кесарь в империи был тогда официально наследником трона).

Весьма сомнительным, по нашему мнению, было бы заключение, что использование византийской монеты болгарскими ханами в качестве даров своим приближенным и приверженцам и в качестве средства

---

[1] *В. Бешевлиев.* Първобългарски надписи. С., 1979, 65–67; Първобългарите. Бит и култура. С., 1981, 42–44, 53 сл.

[2] *В. Бешевлиев.* Първобългарите..., с. 42.

[3] *П. Коледаров.* По характера на българската държава в началния период (VII–VIII вв.). — Правна мисъл, 1981, № 3, с. 19–34; За правната същност на българската държава в началния период. — България 1300. Институции и държавна традиция. С., 1982, т. 2, с. 193–200.

внешней торговли осуществлялось по некоему имперскому образцу; подобное употребление римский солид и византийская номисма получили в «варварском» обществе задолго до возникновения самого Болгарского государства.

Гораздо более существенным для оформления и развития аппарата центральной власти Первого Болгарского царства (а впоследствии и для судеб болгарской культуры) представляет такой элемент византийского влияния, как использование в Болгарии в течение двух столетий для государственного делопроизводства и для внешних сношений греческой письменности и греческого языка. Но, как свидетельствуют протоболгарские надписи, греческая грамота (по крайней мере — до принятия крещения) употреблялась в соответствии с местными традициями и служила интересам исключительно господствующего класса Болгарии.

Интенсивность и характер византийского влияния претерпели крупные перемены со времени принятия Болгарией христианства. Причем процесс христианизации населения страны стал быстро нарастать в первой половине IX в., в несомненной связи не только с общими тенденциями общественного развития болгарского общества, но и с присоединением к Болгарии при Круме, Омуртаге, Маламире и Пресиане значительных территорий в Западной Фракии и Средней и Южной Македонии, населенных славянами (смоленами, стримонцами, берзитами, драгувитами), уже подвергнувшимися христианизации.[1] Представляется интересной и убедительной высказанная недавно мысль, что отчетливо выраженные архаичные черты восточнохристианской культуры, распространявшейся в Болгарии после крещения, имеют одной из своих причин то обстоятельство, что христианство неофициально было господствующей религией почти за полвека до 865 г. в южных и юго-западных провинциях Болгарии.[2]

Мы считаем, что именно с процессом христианизации были связаны два важнейших мероприятия Пресиана: прекращение преследования приверженцев новой религии (по преимуществу славян) и отказ от употребления протоболгарского титула «хан сюбиги». Репрессии против христиан могли подорвать устои власти Пресиана в присоединенных районах, а сохранение протоболгарского титула в условиях возрастающей роли в государстве славянской знати препятствовало сплочению господствующего класса страны. По тем же, видимо, причинам и наместники государя в административных округах, созданных при Омуртаге, решительно ликвидировавшем административный дуализм, обозначались термином, который имел славянское, а не протоболгарское происхождение («комит» — «кмет»).[3] Иначе говоря, мы предполагаем, что греческое «от Бога архонт» в титуле Пресиана (еще

---

[1] История на България, т. 2.

[2] *Т. Смеядовски.* За старохристиянските черти на преславската култура. — Археология, 1983, № 3, с. 11–24.

[3] *М. Андреев, Д. Ангелов.* Указ. соч., с. 89, 103 сл., 109; *Ф. Малингуди.* По въпроса за произхода на комитопулите. — Първи международен конгрес по българистика. Доклади. Българската държава през вековете, т. 1. Средновековна българска държава. С., 1982, с. 70–75.

ко крещения болгар при Борисе I) соответствовало официально употребляемому внутри страны титулу «князь» (сошлемся хотя бы на тот факт, что эта формула титулатуры на греческом «от Бога архонт» использовалась и Симеоном в начале его правления, а в старославянских памятниках, созданных в Болгарии в это время, Симеон обозначается титулом «князь»). (См. «Сказание» Черноризца Храбра, «Шестоднев» Йоанна Экзарха, «Именник болгарских ханов» и др.).

Как явствует из «Ответов папы Николая на вопросы болгар», с принятием христианства перед преславским двором встало множество самых разнообразных вопросов, начиная от церковно-организационных и кончая нравственно-житейскими и бытовыми. Согласно заключению Д. Оболенского, религиозная христианская доктрина, являвшаяся одновременно официальной государственной идеологией, воспринималась неофитами как цельная система, а не выборочно или в модифицированном виде.[1] Несомненно, вместе с христианством господствующими кругами Болгарии была воспринята и теория монархической власти во всей ее совокупности, исключая (в точном соответствии и с восточнохристианской византийской доктриной) одну важную деталь, суть которой заключалась в титуле византийского императора («василевс ромеев») — лишь он один мыслился высшим сувереном всей ойкумены (христианского мира) как повелитель продолжавшей существовать Римской империи.[2] Безусловно, и церемониал, и этикет в преславском дворце были приведены в соответствие с нормами жизни христианского монарха. Знаменательно, однако, что принятие крещения не привело как будто к крупной перестройке в Болгарии самого государственного, центрального и провинциального аппарата власти. Как следует из «Ответов папы Николая», по-новому, в соответствии с христианскими (византийскими) писаными законами, подверглось коренному преобразованию в Болгарии лишь судопроизводство.

Видимо, даже теперь, после крещения, когда болгарское общество созрело для восприятия и адаптации институтов имперской государственной системы, сложившаяся в Первом Болгарском царстве структура власти достигла уровня, отвечавшего местным условиям, и была освящена традицией, неотъемлемой от общественно-политических представлений как господствующего класса, так и широких слоев населения, стала фактором самосознания народности (упомянем в связи с этим хотя бы о том, что в Болгарии как накануне ее крещения, так и после этого, вплоть до конца существования Первого Болгарского царства, строжайше соблюдался, в отличие от Византии, принцип наследственности престола от отца к сыну и от брата к брату).[3]

---

[1] *D. Obolensky.* The Byzantine Commonwealth. Eastern Europa. London, 1970, p. 294.

[2] *Б. Гюзелев.* Княз Борис Първи. С., 1969, 129–141; *Д. Ангелов.* Обществото и обществена мисъл в средновековна България (IX–XIV вв.). С., 1979, с. 33–56, 186 сл.; Българинът в средновековието (светоглед, идеология, душевност). Варна, 1985, с. 198–203.

[3] Ср.: *Г. Г. Литаврин.* Идея верховной государственной власти в Византии и Древней Руси домонгольского периода. — В: Славянские культуры и Балканы. С., 1978, с. 50–56.

Говоря об ограниченности заимствований Болгарией у Византии форм организации органов государственного правления, мы отнюдь не хотим принизить значение официального принятия христианства болгарами. Оно знаменовало завершение процесса оформления централизованной раннефеодальной монархии. Организованная по византийскому образцу, христианская церковь стала одним из важнейших институтов государственно-политической системы. Под контроль церкви были поставлены все проявления духовной жизни общества, все основные формы культуры и искусства. Христианский клир в Болгарии, как и в Византии, выполняя важные социальные, политические и идеологические функции, должен был верно служить интересам господствующего класса.

Источники не сохранили сведений о том, какие конкретно элементы государственно-административной структуры империи были восприняты (и вообще — были ли восприняты) болгарами в период правления Симеона. Принятие им титула «василевс болгар и ромеев» и далее «василевс ромеев» было, разумеется, следствием влияния византийской доктрины высшей власти, но оно являлось выражением политических устремлений болгарского государя не столько к равенству с византийским императором, сколько к обладанию самим константинопольским престолом. Целенаправленно осуществляемое имперскими политиками политическое и идеологическое влияние на окружающие страны и народы имело обычно своей главной задачей обеспечение собственных интересов и далеко идущих планов, вплоть до внешней экспансии. В данном же случае влияние византийской доктрины обернулось против самой империи, поставив под угрозу судьбы ее трона.

От периода правления Петра (927–970) мы располагаем наибольшим количеством данных о существенном усилении византийского влияния на государственную и политическую жизнь Болгарии. Помимо официального получения от императора Константинополя (зятем которого Петр стал) титула «василевс болгар» и признания за болгарской архиепископией ранга патриархии, можно, видимо, говорить о двух важных преобразованиях в государственном аппарате Болгарии, соответствовавших византийским порядкам той эпохи. Это, во-первых, введение официальных налоговых регистров — поимущественных описей налогоплательщиков, причем за единицу налогообложения (как и в империи) была принята упряжка волов («зевгарь») и соответствующий ей по размерам пахотный участок. Во-вторых, был наложен контроль центральной власти за ростом крупного землевладения и привилегий светских и духовных феодалов.[1] Речь, однако, шла, скорее всего, не столько о нововведении, сколько об упорядочении учета и контроля в согласии с утвердившимися в империи образцами. Возможно, в связи с этим частичной перестройке подверглись некоторые органы центрального и провинциального управления.

Упомянем, наконец, о принятии последним царем Первого Болгарского царства Иваном Владиславом в период ожесточенной войны с Византией титула «самодержец болгар» (соответствующий греческому

[1] *Г. Г. Литаврин.* Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960, с. 253 сл.

автократор»). Однако в данном случае этот титул не был соединен с титулом «царь» (официально Иван Владислав его не получил во время своего краткого правления) и должен был указывать лишь на независимость его носителя и на законное право, в отличие от других членов династии, обладать троном Болгарии (в империи же, как упоминалось, этот титул означал подлинно правящего, самовластного императора, имевшего соправителей, не обладавших реальной властью).[1]

Конечно, мы не обозрели и не ставили целью обозреть сколько-нибудь полно отражение и преломление в государственном строе Болгарии и ее политической идеологии влияния византийской организации власти и имперской политической доктрины. В частности, мы лишь попутно затронули такой важный вопрос, как проблема заимствования Первым Болгарским царством у Византии гражданского и церковного права, связанного с организацией и осуществлением такой важнейшей функции светской и церковной власти, как судопроизводство. Но этот вопрос требует, по нашему мнению, специального рассмотрения. В центре нашего внимания находились лишь конкретные элементы государственно-политической структуры империи, воспринятые в частично или значительно преобразованном виде в систему организации власти в Болгарии.

Нам представляется оправданным заключение, что формы организации государственной власти в Первом Болгарском царстве в своем подавляющем большинстве не могут быть связаны с византийским влиянием и ни в коем случае не могут рассматриваться как отражение некоей «византийской модели». Они были обусловлены в первую очередь ходом собственного социально-экономического и общественно-политического развития Болгарии, особенностями условий его возникновения и последующего развития, хотя типологически именно Болгария среди всех прочих раннефеодальных государств на Балканах по своей государственной структуре была ближе всего к Византийской империи — и ее влияние при этом сыграло свою роль.

Помимо указанных главных причин ограниченности византийских заимствований в государственном строе Болгарии конца VII–начала XI в. (а именно — объективный процесс внутреннего развития), можно указать, на наш взгляд, еще на две причины: это, во-первых, прочность протоболгарских и, как я полагаю, также славянских (это также предмет особого разговора) политических традиций к моменту объединения обоих народов в единой государственной системе. Иными словами, сложившиеся в разлагающемся родоплеменном протоболгарском и славянском обществе институты власти достигли той степени зрелости, которая позволила этим институтам стать основой для их преобразования в органы государственной власти.

Во-вторых, это — сама государственно-политическая доктрина и внешняя политика самой империи в отношении Болгарии. Вся история

[1] *V. Tăpkova-Zaimova.* L'idée..., 294–295; Ср.: *Г. Бакалов.* Царската промулгация на Петър и неговите приемници в светлината на българо-византийските дипломатически отношения след договора от 927 г. — ИП, 1983, № 6, с. 38, 41, 44.

отношений Первого Болгарского царства с Византией отмечена почти непрерывным противостоянием, почти не утихавшим соперничеством за преобладание на Балканах, за славянские земли на полуострове, за равноправие в политических связях, за независимость, за само, на конец, существование государства. Имперская доктрина в VII–XI вв. исключала отказ — по крайней мере на Балканах — от возвращения некогда принадлежавших здесь империи земель. Договоры, союзы, со глашения Византии с Болгарией (на фоне долгосрочной политической программы империи) являлись по сути дела лишь временными дипло матическими маневрами, отражавшими конкретное соотношение сил на данный момент. При каждом удобном случае, используя любую выгодную для нее ситуацию, империя возобновляла попытки подчинить или ликвидировать Болгарию как государство. Так было в 680 г., в 50-х–60-х годах VIII в., в 775, 811, 971 гг. и, наконец, во время эпопеи 976–1018 гг., когда империя добилась своей цели.

Со времени принятия христианства Болгарией в 865 г. византийские политические деятели рассматривали ее как младшего партнера в некоем идеальном «сообществе» христианских стран, главой которого считал себя константинопольский император. Церковные связи с Болгарией и ее церковную зависимость трактовали в столице империи как зависимость политическую. Именно в этом плане развивал свои идеи патриарх Фотий в письмах к князю Борису,[1] а патриарх Николай Мистик и император Роман I Лакапин — в письмах к болгарскому царю Симеону.[2]

Наиболее четко мечту о сокрушении Болгарского государства выразил осуществивший эту мечту Василий II Болгаробойца, возносивший в своем указе благодарность милости Господней, которая «соединила воедино разделенное, поставила под одно ярмо» с Романией также Болгарию; из всех возможных благ, говорит этот император, подчинение болгар является «самым выдающимся».[3]

Естественно поэтому, что господствующие круги Болгарского царства (а порой и широкие слои простого населения), исключая, может быть, лишь период правления Петра, проявляли традиционное недоверие к политике Византии и крайнюю осторожность в восприятии всего византийского.

[1] *В. Гюзелев.* Указ. соч., 183–191; *Н. Кочев.* Философска мисъл във Византия. IX–XII вв. С., 1981, с. 49–72.

[2] *И. Божилов.* Цар Симеон Велики (893–927): Златният век на Средновековна България. С., 1983, с. 154, 157–165, 184.

[3] *Й. Иванов.* Български старини из Македония. С., 1970, с. 550, 556.

К дискуссии о договоре 716 г. между Византией и Болгарией

Лаконичность и нечеткость известий источников о византийско-болгарском договоре 716 г. стали причиной периодически возникавших оживленных дискуссий в историографии об этом событии. Разные исследователи по-разному интерпретировали почти каждое слово источника. Подвергались сомнению датировка договора, имена подписавших его с обеих сторон лиц, пограничные ориентиры, названные в договоре, причины ограничений при предоставлении болгарам дорогих византийских изделий и при торговых операциях, местоположение тех рынков, где эти операции могли осуществляться, и т. д. В последние годы дискуссия, как кажется, возобновилась: новой интерпретации известия о договоре подвергнуты Н. Икономидисом, Н. А. Соболевой, Ф. Филиппу.[1] Именно эти работы послужили причиной написания и данной статьи, в которой я ограничиваю свою задачу рассмотрением только экономических условий, включенных в договор 716 г. и предлагавшихся при попытках его возобновления столетием позже. (Кстати говоря, точно тот же аспект поставлен в центр внимания и в статье Н. Икономидиса).

Как известно, свидетельства о договоре имеются у трех авторов: главное — в «Хронографии» Феофана Исповедника, затем перевод этого свидетельства на латинский — у младшего современника Феофана Анастасия Библиотекаря и, наконец, в хронике автора X в. Продолжателя Феофана. Сколь ни хорошо известны византинистам

[1] *N. Oikonomidès.* Tribute or Trade? Bulgarian Treaty of 716. В: Studia Slavico-Byzantina et mediaevalia Europensia, vol. I. Studies... in memoriam Ivan Dujčev. Sofia, 1988, p. 29–31; *Н. А. Соловьева.* Русские печати. Москва, 1991, с. 82–87; *Φ. Φιλίππου.* Η Βυζαντινο-Βουλγαρική Συνθήκη Ειρήνης του 716, Βυζαντιακά 13 (1993) 173–184.

и славистам соответствующие тексты, я вынужден привести их хотя бы в переводах, так как именно переводы и являются в значительной мере толкованиями источника.

Известие Феофана — в сущности реминисценция в связи с ультиматумом болгарского хана Крума, предъявленным им византийцам в конце сентября–октябре 812 г.: хан угрожал, что возьмет штурмом Месемврию, если Константинополь не примет предлагаемые им условия мирного договора. (Условия были отвергнуты, и через несколько дней Месемврия была болгарами захвачена).

Феофан сообщает: «В этом году архиг болгар Крум снова отправил к василевсу Михаилу послом Даргамира, требуя возобновить подписанные при Феодосии Адрамитине и патриархе Германе для Кормисия, в то время господина Болгарии, соглашения, которые устанавливали: границы от Милеонов во Фракии и шелковые одеяния и алые кожи ценою до 30 литр золота,[1] а вдобавок — возвращать перебежчиков из обеих стран каждой из сторон, хотя бы они оказались заговорщиками против властей, а ведущих торговлю в каждой из стран снабжать сигиллиями и печатями, (у не имеющих же печатей отнимать) принадлежащее им и вносить на казенные счета».[2]

Что касается перевода Анастасия Библиотекаря, в целом адекватного оригиналу, то отметим лишь ряд нюансов, которые могут иметь некоторое значение для истолкования текста Феофана. Во-первых, отмеченные в приведенной выше цитате скобками слова — лакуна в изданной Карлом де Боором и вообще в сохранившихся рукописях «Хронографии», восстановленная издателями (по общему признанию удачно) по переводу Анастасия Библиотекаря. Во-вторых, здесь осуществлен иной принцип датировки ультиматума Крума: не годом от сотворения мира, а «вторым годом царствования Михаила» I Рангаве, т. е. годом, начавшимся 2 октября 812 г. (свидетельство того, что Анастасий располагал рукописью иного извода, возможно, более близкого к автографу). В-третьих, вместо выразительного (благодаря частице τέ) соединительного союза «и» (καί) у Феофана между словами «одеяния» и «кожи» Анастасий ошибочно поставил разделительный «или» (seu). В-четвертых, вместо «ценою до 30 литр» у Феофана в тексте Анастасия сказано «ценою до 50 литр». В-пятых, Феофан подчеркивает, что все беглецы должны выдаваться властям той страны, из которой бежали, даже тогда, когда они были заговорщиками, т. е. политическими преступниками (пункт весьма важный: Крум готов был преследовать своих врагов всюду, византийцы же рассматривали болгар-перебежчиков в качестве орудия своей политики в отношении Болгарии; именно это предложение Крума — о выдаче беглецов — было отвергнуто Константинополем, и именно поэтому переговоры сорвались). Анастасий же переводит в том смысле, что выдавать следует только тех,

---

[1] ... τὰς ... σπονδὰς ... ἀὶ τοὺς ὅρους περιεῖχον ... ἐσθῆτάς τε καὶ κόκκινα δέρματα ἕως τιμῆ λ' λιτρῶν χρυσίου...

[2] *Theophanis Chronographia*, rec. C. de Boor. Lipsiae, 1883, p. 497, 16–20

которые были заговорщиками (si contigisset eos insidiari praelatis); исчез при переводе оттенок фразы оригинала, свидетельствующий об опасениях Крума, что именно заговорщиков против хана византийцы отдали бы особенно неохотно (и Крум не ошибся в своих подозрениях). В-шестых, наконец, термин «сигиллии» (о его значении идет спор: печати или письменные документы) Анастасий перевел как praecepta — «письменные предписания», «удостоверения»,[1] что, по моему мнению, более всего соответствует контексту и более достоверно, так как употреблено младшим современником хрониста, хорошо осведомленным к тому же в византийских реалиях эпохи.

Особо следует остановиться на четвертом отклонении в переводе Анастасия (50 литр золота вместо 30), поскольку это отличие до сих пор дает повод к построению разных гипотез (отправляя два посольства к Михаилу I, Крум будто бы то увеличивал до 50 литр, то смягчал до 30 литр свои требования).[2] На мой взгляд, в данном случае отсутствуют вообще всякие основания для дискуссии: иную цифру Анастасию взять было неоткуда, имел место попросту lapsus attentionis переводчика, механически-неосознанно передавшего греческую «ламбду» (λ' = 30) латинской буквой-цифрой «эль» (L = 50).

Рассказ Продолжателя Феофана о переговорах Крума с константинопольским двором представляет собой по сути дела, в его первой части, древнейшую в историографии проблемы попытку интерпретации соответствующего текста Феофана. У Продолжателя сказано: «...Крум, игемон болгар, прикинулся сговорчивым и дружелюбным и домогался мирного договора, если только ежегодно предоставляемое будет выдаваться ему в порядке, как я думаю, дани, как решено было предками, и добавил, чтобы перебежчики из болгар, а также из ромеев, выдавались обратно, каждому из народов».[3]

Итак, как явствует из приведенного свидетельства, из четырех условий, поставленных Крумом (два первых из них были обоюдно признаны в действовавшем, видимо, до середины VIII в. договоре от 716 г., а два последних выдвинуты Крумом в переговорах 812 г.), Продолжатель Феофана удостоил вниманием как наиболее важные, на его взгляд, лишь два (о предоставлении болгарам дорогих престижных изделий и о перебежчиках).

---

[1] *Anastasii Bibliothecarii* historia ecclesiastica. B: *Theophanis Chronographia*, vol. II. Bonnae, 1841, p. 279–280.

[2] *N. Oikonomidès*. Tribute..., p. 30; *Φ. Φιλίππου*. Συνθήκη..., σ. 178.

[3] *Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus*. Bonnae, 1838, p. 12.17–22. Не могу согласиться в двух пунктах с переводом Я. Н. Любарского (*Продолжатель Феофана*. Жизнеописания византийских царей. Изд. подготовил Я. Н. Любарский. С.-Петербург, 1992, с. 9): во-первых, с тем, что он опустил при переводе глагол οἶμαι, свидетельствующий о сомнениях Продолжателя, и, во-вторых, с тем, как переданы слова источника εἰ μόνον τὰ κατ' ἔτος διδόμενα εἰς τάξιν οἶμαι δοθῶσιν φόρου αὐτῷ («при том, однако, условии, что ежегодная дань, как и решено было предками, будет доставляться ему в уплату подати»). Вопреки «надеждам» Продолжателя, данная версия не поддается осмыслению...

Остановлюсь в данной статье лишь на четырех вопросах, которые получили новое объяснение в упомянутых работах и которые касаются, как сказано, лишь экономических отношений между Византией и Болгарией. Эти вопросы: о характере предоставляемых болгарам ежегодно дорогих изделий византийского ремесла; о том, каких предков имеет в виду Продолжатель, размышляя над скупыми строками известия Феофана; о характере изменений, которых, по мысли Крума, требовал порядок торговли между болгарами и византийцами; и о возможном городском центре, в котором византийско-болгарская торговля осуществлялась.

Н. Икономидис[1] и Н. А. Соловьева[2] считают не только достоверным, но и «единственно возможным» то толкование первому из вопросов, которое дал болгарский исследователь истории права В. Кутиков[3]. По его мнению, шелка и кожи ценою до 30 литр договора 716 г. представляли собой установленную властями империи квоту — общий размер (оцененный в деньгах) дорогого и престижного товара, разрешенного властями империи болгарам по договору к закупке и вывозу, подобно тому как по договору Руси с греками от 944 г. каждый русский купец получал право закупить шелка только на 50 номисм. Сознавая, что точный смысл известия Феофана трудно поддается подобному истолкованию (φόρος здесь только «дань» и не согласуется с «квотой» на продажу), Н. Икономидис высказывает догадку, что по договору 716 г. это была «квота», которую при «предшественниках» («предках»), а именно во время краткого правления Ставракия (конец июля–конец сентября 812 г.), Крум сумел превратить в признанную империей дань в его пользу; взыскать ее он, однако, не успел, но сослался при переговорах с Михаилом I на якобы достигнутую на этот счет договоренность со Ставракием.[4]

Догадка эта представляется мне совершенно не оправданной. Обоснованной критике она подвергнута и Ф. Филиппу.[5] Вместе с этим исследователем я считаю, что в рассматриваемом месте сообщения Феофана нет речи вообще о торговых отношениях двух стран — речь идет о ежегодной дани в пользу Болгарии. Ее платили византийцы болгарам с 681 г. В 688 г. Юстиниан II прекратил выплаты, решившись на войну со славинами и Болгарией. В 705 г., в связи с услугой, оказанной ханом Тервелем Юстиниану II при возвращении им трона, выплата дани, помимо прочего (уступка Загоры, титул кесаря), была возобновлена. Снова этот импульсивный император пошел на разрыв в 712 г. Но в 716 г., при Феодосии III, в связи с арабской угрозой, договор был возобновлен и дополнен соглашением о военном союзе по инициативе византийцев. Видимо, переговоры проходили нелегко

---

[1] *N. Oikonomidès.* Tribute..., p. 30.

[2] *Н. А. Соловьева.* Русские печати..., с. 87.

[3] *В. Кутиков.* Българо-византийският договор от 716 г. В: Годишник на Софийския университет. Юридически факултет, т. 65. София, 1974, с. 69–116.

[4] *N. Oikonomidès.* Tribute..., p. 29–30.

[5] *Φ. Φιλίππου.* Συνθηκη... σ. 177–178.

доверие болгар оправдывалось приобретенным при Юстиниане опыт соглашений с империей. Поэтому в гаранты договора и был, по требованию болгар, приглашен также патриарх Герман. Что касается дани, то не исключено, что она испытывала колебания сравнительно с ее размером в 681 г. Во всяком случае в 716 г., с учетом обстоятельств (арабы угрожали осадить Константинополь), «было решено» скорее всего размеры дани значительно увеличить, хотя Кормесий-Кормисош[1] не избавился от сомнений: в 718 г. он выказал готовность помочь вернуть трон свергнутому в 715 г. Феодосием III узурпатору Анастасию II (Артемию). Согласно Феофану, Кормисош (а не Тервель — см. прим. 1 на с. 223) обещал помочь Анастасию не только войском, но и 50-ю кентинариями золота[2] (50 кентинариев составляют 360 тысяч номисм — факт весьма любопытный, в особенности по сравнению с оценкой дани Кормисошу по договору 716 г. — всего 2160 номисм — разница в суммах огромная, даже если Феофан вдесятеро преувеличил первую сумму).

Наиболее важным аргументом в пользу того, что в переговорах 812 г. имелась в виду квота на продажу товаров ценой до 30 литр, а не дань, И. Икономидис считает то обстоятельство, что дань определялась обычно в абсолютных (точных) цифрах, а здесь сказано — «до 30 литр», т. е. обозначен лишь верхний предел суммы, в рамках которой, в зависимости от количества и качества, цены товаров должны подсчитываться. Готов согласиться — это действительно квота, но квота не на право закупить и вывезти товары на сумму в 30 литр (ввиду того, что экспорт престижных товаров строго ограничивался), а на ту часть дани, которую по договору 716 г. империя обязалась выплачивать в натуре (шелком и пурпурными кожами). Именно эти изделия, поднимающие престиж их обладателя, мечтали обрести в VII–X вв. и славянские архонты на Балканах, и древние русы, и печенеги причерноморских степей, и епископ Кремонский Лиутпранд и, как мы видим, болгарский хан и его боилы. Я убежден в том, что вся дань болгарам по договору 716 г. исчислялась десятками тысяч номисм, но тогда же, при заключении договора о военном союзе, Кормисош настоял, чтобы часть этой дани (ценою не менее чем в 30 литр) предоставлялась ему ежегодно желанной (и действительно ограниченной к экспорту) натурой.

Уплата дани частью деньгами, частью натурой была тогда в обычаях эпохи, именно — дани, а не даров, которые не оговаривались специальными соглашениями и могли быть отнюдь не регулярными. По договору 663 г. арабы платили империи дань: ежегодно по 3000 номисм, 50 рабов-мужчин и 50 арабских скакунов.[3] В 705 г. арабский

---

[1] Я согласен с Г. Цанковой-Петковой в том, что подписавший договор 716 г. Кормисош был в то время и ханом Болгарии (Феофан по ошибке заменил его имя именем Тервеля, рассказывая о событиях 718 г., дав тем самым повод к не утихающей в науке полемике — *Г. Цанкова-Петкова*. Българо-византийски отношения при управлението на Тервел и Кормесий. В: Изследвания в чест на М. Дринов. София, 1960, с. 621–624). Поддерживает этот вывод и Ф. Филиппу (*Φ. Φιλίππου.* Συνθήκη... σ. 179–180).

[2] *Theoph. Chron.*, p. 400.18–21.

[3] Ibid., p. 355.21–25.

халиф Абд ал-Малик обещал Юстиниану II платить дань в размере 365 тысяч номисм, стольких же рабов и стольких же «благородных коней».[1] Вскоре он и заключил договор с Юстинианом II, обязавшись платить эту дань, рассчитанную по числу дней в году.[2]

Кормисош, таким образом, добился от империи того, чего не мог некогда сделать каган аваров: в начале 80-х годов VI в. посол аварского кагана Таргитий, получив в Константинополе ежегодную дань в размере 80 тысяч номисм, отбыл из столицы империи не прежде, чем закупив на часть этих денег необходимые для кагана товары (видимо, натуральная доля дани не была зафиксирована договором).

Я отнюдь не отвергаю возможности торговых операций между византийцами и болгарами и в то время (в 716 г.), как не сомневаюсь и в существовании квоты на вывоз престижных товаров. Но договор, по моему мнению, об этом не говорит ни слова.

Теперь — о втором вопросе — о «предках», упомянутых Продолжателем Феофана как о полномочных представителях сторон, принявших решение о ежегодной выплате болгарам части дани в виде шелка и дорогих кож ценою до 30 литр золота. Ф. Филиппу, рассматривая гипотезу Н. Икономидиса, указал на то, что «Ставракий и его жена царствовали лишь несколько месяцев» и нет решительно никаких данных о попытках каких-либо переговоров с болгарами в это краткое время.[4] Добавляю к этому, что проживший после битвы с болгарами 26 июля 811 г., в которой погиб его отец Никифор I, а он сам был смертельно ранен, только два месяца, Ставракий не был даже коронован и вообще не мог заниматься делами. Под «предками» следует усматривать только тех лиц, которые и заключали договор 716 г. (Феодосий III, патриарх Герман и Кормисош). И условия договора, как представляется, последовательно выполнялись с самого начала: в 718 г. болгары помогли своими силами Льву III (717–741) снять арабскую осаду с Константинополя.[5]

Третий вопрос — о проекте нового порядка торговли между двумя странами. Я считаю, что этот вопрос следует рассматривать прежде всего с точки зрения интересов болгарского хана: ведь именно он внес предложение снабжать купцов документами с печатями (ни о каких пломбах здесь думать невозможно — подобного рода условие могли бы выставить не болгары, а византийцы), а у неимеющих таких удостоверений от своей высшей власти конфисковывать «принадлежащее им» в казну (полагаю, что здесь имеются в виду прежде всего те товары, с которыми купцы являются, а не их личное имущество,

[1] *Theoph. Chron.*, p. 361.10–13.

[2] Ibid., p. 363.6–10.

[3] Excerpta de legationibus, ed. C. de Boor. Berolini, 1903, p. 471.25–472.10.

[4] *Ф. Филиппов.* Συνθηκη... σ. 177–178.

[5] Именно в связи с именем Кормисоша в одной из надписей под Мадарским всадником сказано: «как давал тебе всякий год, продолжу давать тебе, так как помог мне» (*В. Бешевлиев.* Първо-българи. Бит и Култура. София, 1981; *Theoph. Chron.*, p. 374.16–375.5).

которое вряд ли в значительном размере они брали с собой, путешествуя с торговыми целями). На мой взгляд, предложение Крума преследовало не столько экономические, сколько политические цели. Хан опасался, что под личиной торговцев в страну будет проникать лазутчики и соглядатаи империи и его личные враги, нашедшие приют в Константинополе. Опыт отношений с империей при Константине V (741–775) оправдывал эти опасения Крума: этот император имел в Болгарии широкую агентуру и активно вмешивался в междоусобия знатных болгарских родов вокруг ханского трона. Именно поэтому Крум и прервал переговоры и взял Месемврию, когда византийцы отказались выдать перебежчиков; скорее всего, с времен Крума в Болгарии стало обычаем карать смертью пограничного стража, допустившего нарушение государственной границы кем бы то ни было.[1]

Если уж искать аналогии в русско-византийских договорах X в., то в данном случае вполне уместно сослаться на то место договора 944 г., где говорится, что ранее послы русов предъявляли в Константинополе золотые печати, а купцы — серебряные,[2] теперь же они посылаются с грамотой, в которой указывается, сколько князь послал кораблей, по чего ясно будет, «что с миром приходят»; являющиеся же в Константинополь без грамот от князя арестовываются до выяснения дела, а при сопротивлении могут быть убиты (и «да не взыщется»!).[3] Различие в нашим случае только одно: в договоре 716 г. данный порядок взаимный, по договору же 944 г. он касался только древних русов. Князь получал возможность полностью поставить внешнюю торговлю под свой контроль и освободиться от ответственности за поступки русов, не имевших его рекомендаций; византийцы же обретали право употреблять карательные меры против всякого рода авантюристов, прибывавших с Руси. При обоюдности предлагаемого нового порядка Крум получил бы возможность и контролировать торговлю, и карать своих врагов, осмелившихся скрытно проникать в пределы Болгарии.

Наконец, четвертый, последний вопрос — о месте болгаро-византийского торга. Н. Икономидис убедительно обосновывает вывод, что основным пунктом, где осуществлялись торговые операции между Болгарией и Византией, была Месемврия — пограничный приморский город, порт, крепость, таможня.[4] Здесь я позволил бы только одно замечание. Предложение Крума в 812 г. свидетельствует, помимо всего прочего, о том, что торговые связи между двумя странами задолго до 812 г. стали обычным явлением, причем торг шел отнюдь не только в Месемврии. Предложение Крума об урегулировании торговых

---

[1] Responsa Nicolai I Papae ad consulta Bulgarorum. In: Латински извори за българската история II. София, 1960, с. 85–86 (гл. XXV).

[2] Вернее всего, это были печатки в виде перстней (*Н. А. Соловьева*. Русские печати..., с. 92–93).

[3] Памятники права Киевского государства. Сост. А. А. Зимин. Москва, 1952, с. 31.

[4] *N. Oikonomodès*. Tribute..., p. 30–31.

отношений предполагает в качестве места совершения торгового об мена как раз не Месемврию, а вообще территорию империи, с одной стороны, и — что особенно важно — территорию Болгарии, ее города, прежде всего портовые, и столицу Плиску, с другой стороны. В про тивном случае (т. е. если бы болгары торговали с византийцами толь ко на земле империи) предложение Крума лишилось бы всякого смы ла, так как осуществлять пенальные меры в отношении торговцев со стороны империи, не имевших «удостоверений», — задерживать их и подвергать конфискации принадлежащие им ценности — болгарские власти имели возможность отнюдь не в Месемврии, а только на под властной хану территории (т. е. в Болгарии).

Формирование и развитие Болгарского раннефеодального государства (конец VII–начало XI в.)

Изложение материала в данной главе осуществлено не по системно-проблемному, а по историко-хронологическому принципу в силу двух главных причин: во-первых, потому, что данные о социально-политической жизни Болгарии, особенно в конце VII–IX вв., о формах эволюции ее государственной власти столь скудны, что судить о них можно только на основании конкретных казусов; во-вторых, избранный метод позволяет проследить развитие болгарской государственности в контексте ее гражданской истории.

СЛАВЯНЕ НИЖНЕГО ПОДУНАВЬЯ И ПРОТОБОЛГАРЫ НАКАНУНЕ ОБРАЗОВАНИЯ БОЛГАРСКОГО ГОСУДАРСТВА

Несмотря на существенный прогресс в изучении истории образования Болгарского государства,[1] по-прежнему дискуссионными остались следующие проблемы: о степени влияния Византии на земли за Балканским хребтом в VII в. и ее отношениях с поселившимися здесь славянами; об уровне общественно-социальной структуры славянских межплеменных союзов, о формах и эволюции взаимоотношений славян и протоболгар, начиная с 680 г. и кончая временем христианизации страны; о характере социально-экономического базиса и политической надстройки Болгарского государства в этот период.

[1] См.: История на България, Първа Българска държава. С., 1981, т. 2 (здесь и библиография) (далее в тексте — ИБ), а также: *П. Петров.* Образуване на Българската държава. С., 1981 (здесь и библиография).

Крайний недостаток имеющихся сведений таит опасность недооценки одних известных нам фактов и переоценки других. Поэтому методологически необходимо — при всей значимости крупных политических событий 80-х годов VII в. — не упускать из виду решающую роль внутренних социально-экономических факторов, без которых никакие военно-политические акции не могли обусловить стабильности нового государства.

Ранее нами в этом сборнике не были специально рассмотрены конкретная ситуация между Балканами и Дунаем к 80-м годам VII в. и экономическая и общественная структура протоболгарского общества.

Прежде всего, представляется маловероятным, что в период от Ираклия (610–641) до Константина V (668–685), а в особенности — время с середины VII в. до 80-х годов этого столетия, столь важные в стратегическом отношении провинции, как Мисия и Малая Скифия, оставались совершенно вне поля зрения византийских властей.[1]

Как упоминалось, прочное заселение славянами этих мест относится ко времени после 602 г., когда границу на Дунае оставили византийские войска. Однако уже при Ираклии положение стало меняться: союзниками империи против аваров стали хорваты и сербы, под Константинополем в 626 г. были разгромлены аваро-славянские войска, и каган более не предпринимал походов против империи. После этой победы империя имела возможность восстановить свою власть над Сердикой, Нишем и Белградом. Согласно сообщению Константина Багрянородного, в 630-х годах, при поселении сербов на Балканах, они вели переговоры с Ираклием через военачальника, управлявшего Белградом (τοῦ στρατηγοῦ, τοῦ τότε τὸ Βελέγραδον κρατοῦντος). Возможно, здесь уже вновь стоял византийский гарнизон.[2]

Напомним, что Констант II в 657/658 гг. подчинил часть славинний Фракии и Македонии; ко времени пятой осады Фессалоники соседними с городом славянами в 676–678 гг. они уже более полувека сохраняли мир с империей. В 678 г. Константин IV разбил славян, живших по Струме, и обезопасил коммуникации, связывавшие Фессалонику со столицей. Подчиненные славяне зачислялись в воинские ополчения (как военные поселенцы-федераты) и становились также, как это видно на примере драгувитов, данниками империи. Известный в истории эпизод с Первудом позволяет думать, что неподалеку от Визы, на черноморском побережье, жили славяне, видимо, подчинившиеся императору: Первуд, скрывавшийся под Визой, мог спастись у этих славян, но не сделал этого. Составитель «Чудес св. Димитрия» считает столь непонятное поведение Первуда заступничеством святого за ромеев. Но Первуд, конечно, знал лучше (от своего хозяина-славянина) подлинное положение дел и не рискнул искать там убежища.

---

[1] Ср.: *П. Петров.* Образуване..., с. 62–63, 87–88.

[2] *H. Ditten.* Zur Bedeutung der Einwanderung der Slawen. — In: Byzanz im 7. Jahrhundert. B., 1978, S. 115, 132, 157; ср.: *A. Poutler.* The End of Scythia Minor: The Archeological Evidence. — In: Byzantium and Classical Tradition. 13th Spring Symposium of Byzantine Studies. Birmingham, 1981, p. 172–178.

Не были, видимо, под властью славян в Мисии и Малой Скифии и некоторые города-крепости по Дунаю и на Черноморском побережье до прихода протоболгар Аспаруха. Вряд ли следует полностью пренебрегать данными составленного при Ираклии «Псевдоепифаниева списка церковных епархий», в котором среди автокефальных архиепископий названы города Одесс (Варна?) и Томи (Кюстенджа), а епархии по Дунаю — Доростол, Трансмариска (Тутракан), Нове (близ Свиштова) и, возможно, Апиария (близ Русе) обозначены как подчиненные митрополии Маркианополя (на побережье севернее Одесса) (ГИБИ, т. III, 186, 188, 189). На первом заседании Латеранского собора в октябре 649 г. участвовал епископ Бононии (Видина) по имени Луминос (ГИБИ, т. III, 198). По-видимому, Византия, опираясь на военный флот, еще могла осуществлять в тот или иной момент контроль не только на черноморском берегу Малой Скифии, но и по Дунаю, может быть, от Белграда до устья.[1]

Видимо, заселенные славянами земли Нижней Мисии и Малой Скифии были к концу 70-х годов VII в. как бы окружены опорными пунктами империи. Возможно, уже Ираклий в поисках союзников среди славян предпринял шаги к урегулированию отношений и с забалканскими славянами. Мы разделяем мнение, что по крайней мере часть славян этих мест (а именно — межплеменное объединение «Семь родов», или «Семь племен») заключила с империей договор («пакт») и стала ее союзниками — «федератами», обязавшись за плату охранять границы империи.[2] Отношения эти могли быть очень непрочными, они не исключали даже военных столкновений с империей. Но с 602 г., имея сведения о бегстве населения из придунайских городов, мы не знаем фактов о нападениях славян из Мисии и Малой Скифии на Фракию или Македонию.

Аварский каганат, вновь окрепший к 70-м годам VII в., предпринял меры к восстановлению своей власти над славянами на северо-западе полуострова.[3] Возможно, аварский правитель снова стремился к установлению своего контроля и на левобережье Нижнего Дуная, и в самой

---

[1] *H. Ditten.* Zur Bedeutung..., S. 116; ср.: *В. Тъпкова-Заимова.* Нашествия и етнически промени на Балканите. С., 1968, с. 85, бел. 136.

[2] *М. Войнов.* За първия допир на Аспаруховите българи със славяните и за основането на българската държава. — ИИБИ, 1956, т. 6; *В. Бешевлиев.* За славянските племена в Североизточна България от VI до X в. — В кн.: Преслав. С., 1968, т. 1, с. 26–27; *Он же.* Съобщение на Теофан за основаването на българската държава. — В кн.: Известия на народния музей. Варна, 1982, т. II, с. 31–53; *В. Тъпкова-Заимова.* Нашествия... с. 70; *H. Ditten.* Zur Bedeutung..., S. 140–145; *Idem.* Zur Verhältnis zwischen Protobulgaren und Slawen vom Ende des 7. bis zum Anfang des 9. Jh. — In: Besonderheiten der byzantinischen Feudalentwicklung. B., 1983, S. 85–95; *V. Tăpkova-Zaimova.* Ethnische Schichten auf dem Balkan im 7. Jh. — In: Studien zum 7. Jahrhundert in Byzanz. B., 1976, S. 66; *E. Chrysos.* Zur Gründung des Ersten Bulgarischen Staates. — Cyrillomethodianum, 1972/1973, t. 2, S. 36.

[3] *В. Тъпкова-Заимова.* Нашествия..., с. 71; *Е. П. Наумов.* Возникновение этнического самосознания раннефеодальной хорватской народности. — В кн.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего

Мисии и Добрудже, что и могло содействовать заключению союзнических отношений империи с забалканскими славянами. В 678 г. правда, после переговоров с императором послов кагана «наступил глубокий мир и на Востоке, и на Западе», т. е. в азиатских и европейских владениях империи (ВИИНJ, т. I, 224 — Феофан).

К сожалению, для времен с 602 по 680 гг. нет решительно никаких известий и о ситуации на левом берегу Дуная. Согласно археологическим данным, местное романизированное (гето-дакское) и славянское население сохранилось здесь и после переправы значительной массы славян на правый берег.[1]

Видимо, славяне Мисии и Малой Скифии, занятые освоением края, жили уже мирной жизнью, вступая в торговые связи с византийскими прибрежными городами. В исторической памяти народа, отраженной в Апокрифической летописи (Сказание пророка Исайи) XI в. этот период запечатлен как время мира: здесь, в земле Карвунской (Добрудже), Исайя «по божьему повелению» поселил в оставленных «эллинами» местах «множество людей от Дуная до моря» и поставил им царя из их среды по имени Слав, который заселил страну и города, а преемником его стал Испор (Аспарух).[2] Отзвуком подлинных событий, возможно, и являются эти указания на организованный переход народа на новое место и на значительную власть славянского вождя («царя») — как первого организатора освоения территории.

Прежде чем говорить о характере славяно-протоболгарского симбиоза, необходимо остановиться на протоболгарской проблеме. Письменные свидетельства об этом народе не менее скудны, чем сведения о славянах. Протоболгары принадлежали к тюркскому этническому массиву.[3] Первые сведения о них восходят к IV в., когда они жили на Северном Кавказе и отчасти в Закавказье, продвинувшись сюда из Центральной Азии. Вскоре они обосновались в Приазовье, низовьях Дона и Северного Донца, где ассимилировали остатки местных сармато-аланских (иранских) племен. Во второй половине IV в. прото-

---

средневековья. М., 1982, с. 170–171; *Он же*. Формирование этнического самосознания древнесербской народности. — Там же, с. 180–185.

[1] *M. Comşa*. Socio-Economic organization of the Daco-Romanic and Slav Population on the Lower Danube during 6–8th Centuries. — In: Relations between the Autochtonous Population and Migratory Population on the Territory of Romania. Buc., 1975; *Gh. Teodor Dan*. Elements et influences byzantins au Nord du Bas-Danube au Ve–VIIe siècles. — In: XVI Intern. Byzantinisten kongress Resume der Kurzbeiträge. Wien, 1981, № 6, *2; Й. Заимов*. Этногенез болгарского народа по данным болгарской топонимии. — В кн.: Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980, с. 45–48.

[2] *Й. Иванов*. Богомилски книги и легенди. С., 1970, с. 282; ср.: *В. Бешевлиев*. Началото на българската държава според апокрифен летопис от XI в. — В кн.: Средневековна България и Черноморието. С., 1982, с. 39–45.

[3] *O. Pritzak*. Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren. Wiesbaden, 1955; *Н. А. Баскаков*. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969, с. 210–236; *В. Бешевлиев*. Първобългарите. Бит и култура. С., 1981, с. 11–20.

Болгары были включены в обширное межплеменное объединение гуннов, часть протоболгар была увлечена гуннами на запад, в Паннонию.[1] Вероятно, протоболгары играли заметную роль в союзе Аттилы, так как его имя веками сохранялось в эпосе протоболгар: в «Именнике болгарских ханов» Аттила под именем Авитохола даже выступает в качестве их первого вождя из рода Дуло.[2] В Паннонии протоболгары, по-видимому, вступили в тесный контакт со славянами. Сохранив племенное единство в рамка «державы» Аттилы, эти протоболгары после ее распада в 453 г. отошли к нижнему Подунавью. В 513–515 гг. они оказали помощь имперскому полководцу Виталиану, восставшему в Добрудже с целью овладения престолом (Прок., с. 151).

Прокопий, говоря о вторжениях «варваров» с начала правления Юстиниана I, называет вместе со славянами и протоболгар. Возможно, славяне часть своих набегов совершали в союзе с протоболгарами, особенно в 40–50-е годы VI в. В это время те и другие проникли во Фракию, в Грецию и в Иллирик. Заключая союз с антами, империя рассчитывала на их военную помощь против протоболгар (Прок., с. 127).

После ухода гуннов из Приазовья среди оставшихся местных протоболгарских объединений доминирующее значение приобрели утигуры, кочевавшие на востоке от Азовского моря и в низовьях Дона, и кутригуры (оногундуры), жившие у северо-западных берегов моря, вплоть до Днепра. В первой половине VI в. кутригуры стали совершать набеги на империю, уводя тысячи пленных (Прок., с. 143).

Стремясь нейтрализовать кутригуров, империя натравила на них утигуров. Кутригуры были разбиты; несколько десятков тысяч пленных византийцев вернулись на родину. Однако вскоре кутригуры возобновили и набеги на империю, и войны с утигурами. По словам Менандра, вождь утигуров Сандилх сознавал опасность этих войн для протоболгарского этноса: он считал недопустимым, «чтобы единоплеменники полностью уничтожались, — не только потому, что они говорят на одном языке, сожительствуют с нами и имеют одинаковую одежду и быт, но и потому, что они родичи, хотя и подвластные другим игемонам» (с. 220). Межплеменные войны кутригуров и утигуров были столь жестоки, что оба племени даже потеряли свои наименования, «достигнув предела» возможных бедствий (ГИБИ, т. II, с. 204).

В конце 50-х годов VI в. тюркское племя аваров подчинило протоболгар и увлекло часть кутригуров с собою на запад. В первой половине 60-х годов авары как союзники империи расположились в Паннонии, основав Аварский каганат. После господства гуннов в Паннонии это была вторая волна протоболгар, оказавшаяся в этих местах, где их контакты со славянами стали еще более тесными.

---

[1] *D. Simonyi.* Die Bulgaren des V. Jh. im Karpatenbecken. — Acta archaeologica Academiae scientiarum Hungaricae, 1959, t. 10, № 3/4, p. 227–260; *С. Дишев.* Прабългарите и българското народностно име в Европа около началото на V в. — ИИБИ, 1954, т. 5, с. 351–364.

[2] *И. Дуйчев.* «Именник на пръвобългарските ханове» и българската държавна традиция. — Векове, 1973, № 1, с. 10.

Этническая близость протоболгар к аварам (хотя в их объединения входили разные народы, и те и другие в массе своей были тюрками) и значительная военная роль протоболгар в составе подвластных кагану сил привели после поражения кагана в 626 г. к попытке протоболгарской знати вырвать власть у кагана. Видимо, сравнительно со славянской племенной аристократией в каганате, положение протоболгарской было более привилегированным. Борьба 631–632 гг. завершилась поражением протоболгар. Начался их «исход» из каганата: в 630-х, 660-х и 680-х годах ушли три восставших против кагана протоболгарских объединения[1] — два в Италию и последнее — в Македонию (о котором ниже).

Между тем основная масса протоболгар оставалась в Приазовье, попав во власть Тюркского, а после его распада в начале 80-х годов VI в. — Западнотюркского каганата. В 632 г. они сумели добиться независимости. Образовалось протоболгарское военно-политическое объединение во главе с вождем кутригуров Кубратом из рода Дуло, известное у византийцев под названием «Великая Булгария». Кубрат поддерживал дружественные связи с империей. Со смертью Кубрата в середине VII в. объединение распалось, по одним данным — на пять, по другим — на три части,[2] которыми правили сыновья Кубрата. Воспользовавшись этим, Хазарский каганат сделал своим данником старшего сына Кубрата Батбаяна (его земли лежали в Восточном Приазовье). Другой сын Кубрата Котраг увел своих подданных из междуречья Дона и Северного Донца на Среднюю Волгу, где тремя столетиями позже возникнет государство, известное как Волжско-Камская Болгария. Вероятно, дольше всех сопротивлялись хазарам кутригуры во главе с Аспарухом (Есперихом «Именника болгарских ханов»), отступавшим на запад под давлением хазаров. В 70-х годах Аспарух перешел Днестр и оказался в соседстве с Малой Скифией.

Таковы общие вехи истории протоболгар вплоть до решительных событий конца 70-х–начала 80-х годов VII в. Уже эти данные позволяют заключить, что протоболгарские племена, сохраняя единство в пределах малых соединений, еще не образовывали крупные и устойчивые союзы (хотя бы типа Аварского или Хазарского). С середины IV до второй половины VII в. протоболгарские племена в виде разобщенных большими расстояниями анклавов оказались разбросанными на просторах Европы от Италии до Волги и Кавказа.

Первостепенным по важности является вопрос об особенностях хозяйства и общественной структуры протоболгар VII–VIII вв. Стремясь к решению этой задачи, историки уделяют особое внимание Великой Булгарии, усматривая определенную преемственность между нею и возникшим вскоре после ее распада Болгарским государством.[3]

---

[1] *Д. Ангелов.* Образуване на българската народност. С., 1981, с. 189–190; ср.: *П. Петров.* Образуване..., с. 136–137.

[2] См.: *П. Петров.* Образуване..., с. 174–179; ср.: *И. С. Чичуров.* Византийские исторические сочинения. М., 1980, с. 113 и сл.

[3] *В. Гюзелев.* Икономическо развитие, социална структура и форми на социална и политическа оргнизация на прабългарите до образуването на българ-

Однако археологическими изысканиями не обнаружены протоболгарские древности ранее середины VIII в. Находки, характеризующие «салтово-маяцкую» культуру, вариантом которой была протоболгарская, относятся к середине VII–X в. и хронологически не могут служить основой для описания Великой Булгарии. Само оформление даже самых ранних слоев салтово-маяцкой культуры произошло после падения Великой Булгарии, в рамках Хазарского каганата.[1] Глухие известия о начатках земледелия у протоболгар касаются лишь части их племен и датируются гораздо более поздним временем, как и находки сошников, серпов и иных земледельческих орудий.[2] Судя по раскопанным протоболгарским станам — селищам в бассейне Северского Донца, традиционные зимники стали возникать лишь в VIII в., а постоянными эти поселения, уже вынесенные на незатопляемые в половодье террасы, становились только в IX–начале X в.[3]

По свидетельству Захарии Ритора (первая половина VI в.), «булгары», как и аланы, «имеют города», но и аланы, и болгары (в числе 13 названных народов) «живут в палатках, питаются мясом животных и рыбой, дикими зверями и с помощью оружия» (Хр., I, с. 57). Конечно, понятие «город» означает здесь в лучшем случае укрепленную крупную стоянку. О древней греческой колонии Фанагории близ Тамани, оказавшейся во владениях протоболгар, С. А. Плетнева пишет: «Кочевники в тот период даже не освоили входившего в их владения древнего города-порта Фанагории, хотя он уже начал отстраиваться после гуннского погрома». Рассматривая вопрос о материальной культуре Великой Булгарии, С. А. Плетнева заключает: «Отсутствие стабильности, постоянных зимников и даже могильников, естественно, тормозило сложение какой-либо общей культуры в этом объединении. Да она и не могла сложиться за два-три десятилетия существования этого "государства"». Протоболгары, по мнению исследовательницы, находились в состоянии перехода от первой (таборной, непрерывной) стадии кочевания ко второй, характеризуемой освоением определенной для каждой орды или рода территории и появлением сезонных стойбищ — зимовок и летовок.[4]

ската държава (VI–VII вв.). — Археология (С.), 1979, № 2, с. 12–22; ср.: *И. А. Баранов*. Ранние болгары в Крыму: (Локальный вариант салтово-маяцкой культуры): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1977, с. 1–24.

[1] *С. А. Плетнева*. Кочевники средневековья. М., 1982, с. 13 и сл., 127 и сл.

[2] *В. Гюзелев*. Икономическо развитие..., с. 15 и сл.; ср.: *П. Петров*. Образуване..., с. 166 и сл.

[3] *К. И. Красильников*. Возникновение оседлости у праболгар Среднедонечья. — СА, 1981, № 4, с. 110–125.

[4] *С. А. Плетнева*. Кочевники..., с. 49; ср.: ИБ, 2, с. 70, 72; *V. Tăpkova-Zaimova*. Les populations sédentaires et les tribus en migration face à la civilisation byzantine. — BHR, 1980, № 2, p. 58; *Цв. Тафарджийска*. Към въпроса за етногенезиса на прабългарите. — В кн.: Българско средновековие. С., 1980, с. 43–51; *И. Добрев*. Стопанска култура на прабългарите преди заселването им в нашите земи. — В кн.: Първи международен конгрес по българистика: Доклади. Симпозиум «Славяни и прабългари». С., 1982, с. 49–60.

Лишь ретроспективно, по находкам VIII–IX вв. и по материалам, характерным для родственных протоболгарам тюркских народов, можно составить представление о хозяйственной деятельности протоболгар в VI–VII вв. Поскольку еще отсутствовали постоянные поселения, постольку основными видами разводимого ими скота были лошади, овцы и козы, не требующие укрытий и запасов кормов на зиму; широко практиковались охота и рыболовство. Продукты земледелия, как и многие ремесленные изделия, добывались посредством торговли и силой оружия. Автор начала VI в. Эннодий писал, что протоболгары — это народ, который с помощью войны добудет все, что пожелает, считает мерилом благородства количество крови, пролитой в бою, не имеет преград для своего войска и, будучи приучен к лишениям, может довольствоваться одним кобыльим молоком (ЛИБИ, т. I, с. 299).

В ремесленном производстве доминировали отрасли, связанные с изготовлением оружия, снаряжения воина-всадника, предметов быта. Керамика была еще лепной, изготовляемой в каждой семье от руки; гончарный круг (даже ручной) протоболгары в VII в., как и славяне, еще не освоили: лощеная, сделанная на кругу посуда, встречающаяся в могильниках, была в то время привозной, добытой у торговцев или в набегах (в частности, на алан).

В протоболгарском обществе VII в. господствовал строй военной демократии: война за пастбища и водопои, походы ради добычи являлись нормальным состоянием общества. Новым явлением, соответствующим переходу ко второй стадии кочевания, были дальние походы мужчин (без семей и скарба). Нет данных об имущественной дифференциации в массе скотоводов-общинников. Но она уже имела место между родами: богатствами (прежде всего стадами скота) и влиянием в Великой Булгарии выделялся род Дуло, господство которого в объединении было освящено традицией. Власть хана из этого рода была уже наследственной. Шел процесс оформления родовой аристократии, стали возникать крупные, но непрочные союзно-племенные объединения.

Личный авторитет вождя имел, однако, еще огромное значение. Доминировали кровнородственные связи в пределах малых коллективов: протоболгары и кочевали, и в бой шли по родам и коленам. Кровнородственным связям были обязаны протоболгары своей воинской дисциплиной и взаимовыручкой в сражениях. Безусловная поддержка со стороны правящего рода обеспечивала действенность сильной власти вождя. Участие в войнах было правом и обязанностью всех взрослых мужчин. Пехотный строй был чужд протоболгарам, как и другим кочевникам. Стремительность нападения, быстрый маневр, притворное отступление, устройство засад были их излюбленной тактикой. С углублением имущественных отличий и выделением слоя знати (что уже к началу VII в. имело место у протоболгар, входящих в Аварский каганат) ударной силой стала тяжеловооруженная конница из видных протоболгар (Мавр., с. 279).

Протоболгары, подобно другим тюркам, поклонялись верховному божеству Тангра,[1] в честь которого в VIII в. стали воздвигать постоянные капища. Обожествлялись и небесные светила; амулеты часто имели символическое изображение солнца. Для протоболгар в VI–VII вв. было свойственно также множество иных культов, распространенных нередко лишь в данном племени, роду, семье. Обычно это были тотемизм, культ предков, культ духов-покровителей. Культ племенного вождя находился в стадии становления. Основной формой «общения» с богом был шаманизм; жреческое сословие лишь складывалось (ИБ, 2, с. 81 и сл.). Ритуал захоронения протоболгар отражал веру в загробную жизнь: в могилу зарывали личные вещи покойного, пищу, иногда также коня. Трупосожжение встречалось редко.

Что же касается объединения Аспаруха, вынужденного уйти из традиционных мест обитания, то здесь имело место хорошо известное из истории кочевого мира явление как бы «возвращения вспять», перехода снова к наиболее рациональной для данных условий (необходимость вновь силой добывать потребное для людей и скота пространство) таборной стадии кочевания (состоянию «нашествия»), когда в поступательном движении, не возвращаясь на уже пройденные места, находится все объединение, вовлекая оказавшиеся на пути инородные осколки племен и групп кочевников.[2]

ОБРАЗОВАНИЕ И УПРОЧЕНИЕ БОЛГАРСКОГО ГОСУДАРСТВА

Основным источником о политических событиях, связанных с возникновением Болгарского государства, являются сообщения византийского хрониста Феофана. Ряд мест в его описании до сих пор остается объектом дискуссии. Оценивая эти споры, болгарский историк П. Петров справедливо заметил, что проблема образования Болгарского государства не может быть поставлена в зависимость от грамматического толкования одной фразы из источника (ИБ, 2, с. 96). Приведем, однако (частью пересказав), и мы соответствующий пассаж из «Хроники» Феофана и дадим собственные его истолкования.[3]

Аспарух, пишет Феофан, «переправившись через Днепр и Днестр и достигнув Онгла, более северных по отношению к Дунаю рек, поселился между ним и ими», ибо это место «предоставляло бо́льшую безопасность от врагов ослабленному разделением народу».

---

[1] *Ж. Аладжов.* За култа към тангра в средновековна България. — Археология, (С.), 1983, № 1/2, с. 76–85.

[2] *С. А. Плетнева.* Кочевники..., с. 27, 36 и след., 43, 49, 50, 61 и след., 107 и след., 134; см.: Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981, с. 48 и след.

[3] См.: *Г. Г. Литаврин.* К проблеме становления болгарского государства. — ССл.. 1981. № 4. с. 29–48.

Когда император Константин IV узнал, что протоболгары неожиданно разбили лагерь по ту сторону Дуная в Онгле и разоряют «лежащие близ Дуная земли», т. е. страну, «тогда удерживаемую христианами», он стянул войска во Фракию, подготовил военный флот и двинулся против них по суше и по морю, «выстроив в боевой порядок на суше близ так называемого Онгла и Дуная пешие войска, а корабли причалив у лежащего рядом берега».

Протоболгары укрылись в укреплении, помышляя лишь об обороне. После того как в течение трех-четырех дней ромеи не завязывали сражения из-за болотистой местности, протоболгары осмелели. Император страдал от болей в ногах и отправился на судах принять баню в Месемврии, приказав выманивать протоболгар из укрепления для сражения или — если они не выйдут — стеречь их.

Однако разнеслась молва о бегстве императора, поднялась паника, и войско обратилось в бегство. Нанеся византийцам большой урон, протоболгары переправились через Дунай, «и, прибыв к так называемой Варне близ Одисса и тамошнего внутреннего района, они увидели место, расположенное весьма безопасно: сзади — благодаря Дунаю, а впереди и с боков — благодаря ущельям и Понтийскому морю».

Когда же они овладели также из находящихся поблизости славянских народов так называемыми «Семью родами» (ἑπτὰ γενεάς), они поселили северов от передней теснины Верегава к районам на восток, а в районы к югу и западу, вплоть до Аварии, — остальные «Семь родов», находящиеся под пактом.

«Итак, когда они распространились в этих местах, они возгордились и стали нападать на находящиеся под ромейским управлением крепости и деревни и порабощать их. Вынужденный этим василевс замирился с ними, согласившись к стыду ромеев, из-за множества грехов [их], предоставлять им ежегодную дань» (Феоф., с. 262–264).

В изложении патриарха Никифора (пользовавшегося общим с Феофаном утраченным источником) отмечается, что подчиненных славян протоболгары «обязали одних стеречь земли, соседние с аварами, а других — охранять районы, близкие к ромеям» (с. 296).

Естественно защищенная местность Онгл находилась, скорее всего, в низовьях Серета и Прута, в правобережье Днестра. Обосновываясь еще здесь, Аспарух опасался не только хазар, но и аваров: согласно приписке VIII в. к труду армянского географа конца VII в. Анания Ширакаци, Аспархрук (Аспарух), бежав от хазар, «прогнал аваров на запад»,[1] т. е. возможно, что уже в левобережье он столкнулся с аварским каганом.

Наиболее вероятной датой расселения протоболгар в Онгле представляются 70-е годы. Под землями близ Дуная, удерживаемыми тогда византийцами, а во время Феофана (IX в.) входившими в страну болгар, можно понимать районы, лежащие на правобережье, на севере Малой Скифии и Мисии, находившиеся формально под контролем империи и отчасти населенные славянами.[2]

---

[1] *С. Т. Еремян.* Армения по Амхарацуйцу. Ереван, 1963, с. 98–99, 100–102.

[2] См.: *И. С. Чичуров.* Византийские исторические сочинения, с. 118; *П. Петров.* Образуване..., с. 146–152, 199–205.

Реакция Константинополя на набеги протоболгар подтверждает мысль о том, что империя придавала этой провинции большое стратегическое значение и что в целом она уже добилась от местных славян признания своей верховной власти. Поэтому император организовал крупную военную экспедицию: объединение протоболгар-кочевников и славян-земледельцев могло привести, как в случае с Аварским каганатом, к утверждению на границах империи или даже в ее северных пределах нового опасного врага. Приход Аспаруха вызвал острую досаду при дворе: как пишет Феофан, к тому времени Константин IV уже сумел будто бы сделать данниками всех, живущих не только на востоке, западе и юге, но и на севере (Феоф., с. 264). Поход Константина IV был предпринят весной (в апреле) 680 г.[1]

Конечно, непорядки в византийском войске, недавно разгромившем арабов, были одной из причин победы Аспаруха. Переправа протоболгар имела место, скорее всего, в низовьях Дуная: Аспарух преследовал врага по Малой Скифии, двигаясь на юг вдоль берега моря. Путь этот пролегал через заселенные славянами районы: во всяком случае, они жили близ Варны (местность или поселение), название которой представляет один из древнейших славянских топонимов.[2] Славяне, видимо, не приняли участия в военных действиях ни на стороне, ни против империи. Их подчинение Аспарухом обошлось также без столкновения. Тот факт, что именно славянам Аспарух доверил охрану двух опасных участков границы (с Аварией и империей), предполагает договоренность хана с вождями славиний о взаимных обязательствах в рамках единой политической системы. Славянская знать, безусловно, с самого начала признала верховную власть Аспаруха, будучи, как и протоболгарская, заинтересована в утверждении независимости от империи и аваров и в обеспечении — благодаря значительному увеличению воинского потенциала с приходом Аспаруха — безопасности своих территорий.

Столь необычный характер отношений победителей-кочевников с земледельческим, менее в военном отношении организованным населением можно объяснить лишь тем, что славяне Мисии и Малой Скифии в численном отношении в несколько раз превосходили протоболгар Аспаруха, представляя собою силу, которую хан опасался восстановить против себя. Эта изначально занятая болгарскими ханами позиция в целом сохранилась и в VIII–IX вв.

---

[1] *М. Войнов.* За първия допир..., с. 470 и сл.

[2] *И. Дуриданов.* Южнославянските речни названия и тяхното значение за славяниския топонимен атлас. — Славянска филология, (С.), 1963, № 5, с. 195; *Ю. Р. Джафаров.* О происхождении древних булгар. — В кн.: Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М., 1981, ч. 1, с. 88–93; *Д. Димитров.* Прабългари и славяне във Варненския край непосредствено след създаването на българската държава. — В кн.: Средновековна България и Черноморието. С., 1982, с. 89–98; *П. Петров.* Образуване..., с. 218–221.

Славиния «Семь родов» (или «Семь племен») была лишь одной из нескольких. Свое название она получила, возможно, от имени главенствующего в объединении племени. Конструкция фразы о союзе «Семь родов» оправдывает интерпретацию, согласно которой слова о северах и «остальных Семи родах» являются приложением (пояснением) к понятию «Семь родов», указанием на две его основных части: став верховным повелителем славян (т. е. союза «Семь родов»), Аспарух разделил его, передвинув северов от горного ущелья к приморскому проходу, а остальных славян союза — на юг и запад, к Аварии.

До разделения союза северы, в которых естественно усматривать антское племя,[1] жили у Ришского либо, что менее вероятно, Варбишского ущелья, в прилегающей к выходу из него области. Северы входили в этот союз, но, видимо, сохраняли в нем автономию как особое объединение, обладавшее значительными воинскими силами; они должны были препятствовать вторжениям в Болгарию византийцев.

Переселение «к югу и западу» прочих славян частично расформированного союза означало перевод основных его масс из Северной Скифии к Железным воротам (на левобережье Дуная) и из Мисии и Малой Скифии к долине Тимока, в правобережье, на границу с Аварией. Допущению, что авары сохраняли к 680 г. контроль над правобережьем между Белградом и Видином, противоречат приведенные выше данные о политической ситуации в правобережье, как и тот факт, что на юго-западе каганата зона распространения аварских вещей заканчивалась у Железных Ворот, на левом берегу Дуная.[2]

Мы полагаем, что переселение Аспарухом славян было частичным. Множество их осталось на своих местах, признав высшую власть хана. Если протоболгарские станы в районе Плиски–Шумена и были плотно расположены, то вокруг них простирались районы, заселенные по преимуществу славянами.[3] Свидетельством сотрудничества племенной знати обоих народов является также тот факт, что протоболгары в 680–681 гг. уходили в походы против империи во Фракию, что было возможно только при их уверенности за безопасность оставляемых в Мисии и Малой Скифии своих семей, станов и стад. Хотя у Феофана идет речь только о «Семи родах» как одной из славиний, ясно, что власть Аспаруха распространилась уже в 680 г. на весь забалканский регион, включая, скорее всего, и территорию между Дунаем и Карпатами вплоть до Днестра.

---

[1] *О. Н. Трубачев.* Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян. — ВЯ, 1974, № 6, с. 62–66.

[2] *D. Čallany.* Neue Ergebnisse der awarenzeitlichen Forschungen in Ostungarn. — In: Študijne zvesti Archeologického ústavu Slovenskej Akademie vied. Nitra, 1968, t. 16; *Idem.* Archäeologische Denkmäler der Awarenzeit in Mitteleuropa. Bp., 1958, S. 184.

[3] *С. Бобчева.* Средневековни български селища и некрополи по южнодобруджанския черноморски бряг. — В кн.: Средневековна България..., с. 99–109.

Прямыми свидетельствами об организации власти в государстве «Болгария», начало которого, по словам западного хрониста Сигеберта, «следует отмечать» под 680 г., наука не располагает. Уверенность в том, что это было своеобразное «варварское государство» уже в момент его образования, придают события начала VIII в. Военно-политические акции 680–681 гг. были весьма важны, но они лишь интенсифицировали процесс: формирование государственности началось задолго до появления Аспаруха на Дунае и продолжалось некоторое время после утверждения его власти в этом регионе.

Лишь для начала этапа развития государства возможны некоторые аналогии с Аварским каганатом. Как и в Аварском объединении, высшую власть над преимущественно земледельческим местным населением здесь с самого начала захватило пришлое кочевое тюркское племя. Как и в каганате, часть подчиненных славянских племен, признавая верховную власть хана, сохраняла внутреннюю автономию, в особенности на периферии политического образования. Здесь так же славянские вожди приводили под общее командование хана воинские ополчения своих славиний. Как и в отношении «Аварии», соседи более века с четвертью различали в составе Болгарии относительно самостоятельные этносоциальные организмы (славинии) и территорию господствующего кочевнического племени. Часто при этом подвластные хану автономные славинии обозначались термином αἱ πέριξ Σκλαβηνίαι (т. е. «окольные славинии»).[1] П. Коледаров, следуя за А. Бурмовым, говорит о своеобразной «федерации» протоболгар и славян в едином государственном образовании «Болгария»,[2] опираясь на термин societas, употребленный Эйнхардом для характеристики отношений славинии тимочан с ханом Крумом (до попытки их отделения), и полагает, что этот термин означает добровольное и равноправное под эгидой болгар «сообщество» (societas Bulgarorum), в которое вошли протоболгары, местные славяне и сохранившиеся дославянские автохтоны. Г. Цанкова-Петкова и В. Гюзелов, напротив, полагают, что до ликвидации автономии славиний они составляли лишь союзные хану окрестные территории, не охватываемые названием «Болгария», которое в собственном смысле равнозначно лишь территории, занятой протоболгарскими вежами (станами) с центром в Плиске, и что внутри этой территории не было славянских поселений — они были ликвидированы здесь еще в 680–681 гг.[3]

---

[1] См.: *П. Коледаров.* Политическа география на средновековната България. С., 1979, т. 1, с. 12 и сл.; *Г. Г. Литаврин.* Славинии — социально-политические организации славян. — В кн.: Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. М., 1984, с. 200–201.

[2] *П. Коледаров.* Политическа география..., т. 1, с. 13–14; *Он же.* По характера на Българската държава в началния и период (VII–VIII вв.) — Правна мисъл, 1981, кн. 3, с. 19–34; *Он же.* За правната същност на Българската държава в началния и период. — В кн.: България 1300: Институци к държавна традиция. С., 1982, т. II, с. 193–200.

[3] *Г. Цанкова-Петкова.* О территории Болгарского государства в VII–IX вв. — ВВ, 1960, т. 17, с. 142–143; *В. Гюзелев.* Икономическо развитие..., с. 20 и сл.; ср.: *П. Петров.* Образуване..., с. 174–175, 237.

Противопоставляемые точки зрения излишне категоричны: вряд ли в сообществе царило равноправие, термин societas многозначен — он может подразумевать и союз, и договор о вассалитете.[1] Трудно допустить также, что протоболгары подвергли разорению, изгнав из центра, множество славян: и столицу они основали в славянском селе Плиска, и в самой Плиске и в ее округе обнаружены следы пребывания славян и в VIII, и в IX в.[2]

Общественно-политические связи протоболгар и славян в «Болгарии» были более тесными и многообразными, чем отношения славян и аваров в каганате. Основные отличия Болгарии от каганата состояли, видимо, в том, что протоболгары и после переселения на Балканы не составляли, как авары, господствующего в целом этноса (в их среде так же быстро, как и среди славян, развивался процесс имущественной и социальной дифференциации). Большинство протоболгар, хотя и сохраняли на первых порах кочевой быт, были заняты производительным трудом, что было менее свойственно аварскому ядру каганата; протоболгары стали рано, проживая в тесном общении со славянами, переходить к оседлости — авары же оставались кочевниками почти до гибели их каганата. Болгария по своей политической структуре была уже в конце VII в. более развитым объединением, чем Аварский каганат. Синтез общественных систем аваров и местных земледельцев практически отсутствовал,[3] политические формы господства не получали развития: почти за два с половиной века истории каганата авары не основали ни одного города или крепости.

Существенны были отличия Болгарии и от «варварских королевств» Западной Европы. Как и государство франков, Болгария была образована в результате вторжения иноплеменников, уступавших автохтонам и по численности, и по зрелости общественной структуры. Однако в противоположность протоболгарам франки, как и завоеванные ими галло-римляне, были также земледельцами, принадлежали в целом к одному хозяйственно-культурному типу. В синтезе общественных структур завоевателей (франков) и завоеванных (галло-римлян) франкские институты и в социально-экономической сфере не только не уступали по значению галло-римским, но и играли ведущую роль.

В славяно-протоболгарском обществе синтез имел место не в социально-экономической области (здесь все большую роль играли земледельцы-славяне), а в военно-политической. Все известные протобол-

---

[1] *В. К. Ронин.* Международно-правовые формы взаимоотношений славян и империи Карла Великого: (Союз и вассалитет). — ССл., 1982, № 6, с. 38.

[2] *Ж. Вължарова.* Славяни и прабългари на некрополите от VI–XI вв. на територията на България. С., 1976, с. 8 и сл.; ср.: *D. Dimitrov.* Neue Angaben von den Protobulgaren in nordöstlichen Bulgarien auf Grund archäologischer Forschungen. — In: Studia in honorem V. Beševliev. S., 1978, S. 369–381; *Т. Тотев.* Плиска и Преслав в светлината на последните археологически резултати. — В кн.: Първи международен конгрес.., с. 127.

[3] *Т. Олайш.* Замечания по поводу положения протоболгар и славян в аварском каганате. — В кн.: Първи международен конгрес..., с. 61–65.

ханские институты власти имеют исключительно отношение к военно-административной сфере, в которой еще не выделились функции гражданского управления. Все эти институты связаны с тюркской военнической традицией, с руководством военизированным бытом вооруженного народа. Неразвитость органов управления и обусловила специфику государства, в котором часть славиний и протоболгарских станы жили по соседству, но обособленно, автономно регулируя отношения внутри своих этнополитических организмов.[1]

В политике Аспаруха по отношению к союзу «Семь родов» проявился, возможно, еще один аспект — стремление ослабить мощь союза, отделив от него северов. Князья славиний в источниках более не называются «рексами» («рексом» стал хан), а именуются только «архонтами». Они участвовали во главе подчиненных им ополчений в военных предприятиях хана и охраняли границы. Об организации власти внутри славиний и протоболгарских станов, а в особенности — форм эксплуатации подвластного князьям и боилам (протоболгарской аристократии) населения, как и форм налогов и отработок в пользу центральной власти, источники не содержат никаких известий.

Одной из первых мер Аспаруха было создание укрепленного лагеря (одновременно зимовища и резиденции), как он поступил, едва обосновавшись и в Онгле. Однако к югу от Дуная, в новых условиях, создаваемый на месте славянского поселения Плиски ханский аул имел грандиозные масштабы: его общая площадь достигала 23 кв. км. Резиденция планировалась по кочевой традиции в виде двух концентрических «трапеций»; центральную занимала ставка хана, а внешняя предназначалась как убежище для шатров соплеменников и для стад скота. Сами же укрепления, как и жилища хана и языческие святилища, не имели аналогий ни в Великой Булгарии, ни в Аварском каганате. Прежде всего — это огромные размеры сооружения: внешний глубокий и широкий ров, за которым возвышалась насыпь, имел протяженность почти в 21 км (до 7 км западная и восточная сторона, 3,9 — северная и 2,7 — южная). Внутреннее укрепление составляло по периметру около 3 км. Резиденция хана и бытовые помещения были возведены из камня. Были построены также неведомые ранее протоболгарам баня, два бассейна и цистерна-водохранилище (ИБ, 2, с. 181 и сл.).

Кроме этого лагеря в окрестностях Плиски имеются следы еще двух крупных аулов. Остатки станов-зимовищ меньших размеров обнаружены и в других районах Малой Скифии. Даже если не принимать в расчет земляных, тянувшихся на десятки километров укреплений на севере, северо-востоке и западе Болгарии (их датировка дискуссионна), ясно, что столь грандиозное строительство уже в первое время после основания государства потребовало значительных средств и подневольного труда огромного числа людей в течение продолжительного

---

[1] *Ст. Ваклинов.* За характера на раннобългарската поселищна мрежа в Североизточна България. — Археология, (С.), 1972, № 1, с. 9–13.

времени. Следовательно, существовали и организационные формы и система принуждения. Маловероятно, чтобы все это Аспарух осуществил только силами своих соплеменников. Напротив, более правдоподобно, что главную роль в этом сыграли славянские подданные, принуждаемые к отработочным повинностям и к поставкам натуральных взносов в пользу центральной власти. Оказалось в подобном положении, конечно, и местное автохтонное население, а также недавние пленники-византийцы: строительство ханского дворца, бань, цистерны, бассейнов совершалось квалифицированными людьми.[1]

Иначе говоря, уровень централизованной эксплуатации масс трудового славянского и протоболгарского населения существенно повысился уже в конце VII в. Практиковавшиеся внутри славиний и протоболгарских родоплеменных коллективов в качестве обычая поборы в пользу хана, вождей, боилов, а также обязанность участвовать в строительстве святилищ и оборонительных сооружений стали, видимо, устойчивой традицией еще до 680 г. Именно поэтому теперь их удалось превратить в регулярные повинности. В условиях внутренней автономии подчинение верховной власти хана не означало ослабления власти славянских князей — эта власть, напротив, обретала официальную санкцию и могла быть энергично поддержана из центра.

Предложенная трактовка вопроса об организации экономической базы центральной власти в Болгарии на рубеже VII–VIII вв. находит подкрепление в условиях мирного договора 716 г. с Византией. Согласно одному из пунктов «торговцы каждой страны должны располагать грамотами и печатями, [у не обладающих печатями следует отнимать] имеющееся и зачислять на государственные счета» (Феоф., с. 285). Обязательство было взаимным — оно прямо свидетельствует о наличии в Болгарии центрального казначейства, о том, что межгосударственная торговля со стороны Болгарии (как и в Византии) находилась под контролем ханской власти и что славянская и протоболгарская знать была весьма заинтересована в византийском рынке. Отправляясь в империю, купцы представляли интересы главы государства, членов его семьи и крупнейших представителей знати. Подобное явление было характерно и для других раннефеодальных государств. Договоры Древней Руси с империей в первой половине X в. также содержали процитированные выше статьи.[2] Ввозимый в Византию товар состоял из различных видов сырья и продуктов (мех, лен, кожи, шкуры, мед, воск, соленая рыба, икра). Вывозились также рабы и скот. Подавляющую массу этих товаров составляли взносы (дань) с трудового населения.

---

[1] См.: *П. Коледаров.* Политическа география..., т. 1, с. 13 и сл; *П. Петров.* Образуване..., с. 158–159, 240–252; Българска средновековни градове и крепости. Варна, 1981, т. 1, с. 20–44, 49, 61, 62.

[2] *М. В. Левченко.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, с. 122, 158 и сл.; *А. Н. Сахаров.* Дипломатия Древней Руси. М., 1980, с. 165 и сл., 239 и сл.

Нет оснований думать, что договор 716 г. имеет в виду какие-то принципиально иные отношения в Болгарии. Создание же государственной казны, организация пограничной службы, содержание отрядов из профессиональных воинов в центре и т. п. предполагали появление регулярно функционирующих органов власти, системы учета и контроля, аппарата насилия и судопроизводства. Органы управления кочевой ордой были не пригодны к выполнению этих многообразных функций, и их трансформация, по-видимому, началась очень рано — из органов военного руководства кочевников они становились территориальными институтами государственной власти, имевшими постоянное место пребывания.

Трудно ответить на вопрос, отличались ли социальные статусы славян (в том числе — по отношению к фиску) и протоболгар. Источники начала IX в. не делают различий в правоспособности подданных хана по этническому признаку. Превращение массы протоболгар к середине IX в. в оседлых жителей и их славянизация позволяют полагать, что и рядовые протоболгары не были изначально освобождены от натуральных и отработочных повинностей. Какие-то льготы, сравнительно со славянами, особенно живущими вне автономных славиний, рядовые протоболгары, возможно, имели: они несли службу в коннице, требующую больше затрат на экипировку и снаряжение. Более значительными, вероятно, были отличия юридического статуса высшей славянской и протоболгарской знати. Члены правящего рода Дуло и близких к нему родов пользовались, несомненно, высшими привилегиями: в их руках оказались основные органы центральной власти, важнейшие, еще слабо дифференцированные функции гражданского и военного управления. В таких условиях одной из главных проблем внутренней политики хана было обеспечение равновесия между двумя разноэтническими слоями господствующего класса, все более решительно преобладавшую, хотя и менее привилегированную часть которого составляла славянская аристократия.

С. А. Плетнева отмечает проявлявшуюся в раннее средневековье закономерность — высокую политическую активность межплеменных объединений, возникших в результате подчинения сплоченной кочевой ордой масс земледельческого населения. В качестве примера приводится «Гуннская держава», Аварский и Хазарский каганаты.[1] Имело место как бы искусственное форсирование недостаточно развитых внутри каждого из объединившихся обществ разделения труда (земледелие и скотоводство) и общественных функций (управление — и производство материальных благ, воинская служба — и снабжение армии).

Мы не думаем, однако, что Болгарию VII–VIII вв. и названные выше три объединения можно уподобить друг другу: первые два вообще не могут квалифицироваться в качестве государств. Весьма примитивным в VII–VIII вв. и медленно развивающимся государством

[1] *С. А. Плетнев.* Кочевники..., с. 18, 27, 47–48, 51 и сл., 69, 84 и др.

оставался и Хазарский каганат, в котором даже господствующий слой долго сохранял в отличие от масс подданных полукочевой быт.

По зрелости своей общественно-политической структуры ранняя Болгария выгодно отличалась по крайней мере от «Гуннской державы» и Аварского каганата именно потому, что ее экономической базой была производственная деятельность славянского общества, испытавшего существенное влияние высокоразвитой позднеримской (ранневизантийской) цивилизации и ускоренно развивавшегося на издревле культивировавшихся землях еще до прихода Аспаруха на Балканы.[1]

В условиях данного объединения политически доминировавшие кочевники не могли превратиться всей ордой в господствующий слой, избавленный от производительных функций. Помимо налаженных ими форм кочевого и полукочевого коневодства и овцеводства, безусловно, положительно отразившихся по экономике Болгарии, трудно назвать отрасль хозяйства, в которой к моменту объединения протоболгары значительно превосходили бы славян и автохтонов. Вклад протоболгар был весьма важен, но он проявлялся главным образом в военной и административной сфере. С приходом Аспаруха нашла решение проблема создания всеобщего политического центра и органов центральной власти, заметно повысился воинский потенциал нового объединения — стала реальностью независимость и от империи, и от аваров.

В связи с проблемой создания и упрочения Болгарского государства нередко поднимается вопрос о так называемой «дружине Кувера», протоболгарского вождя, пришедшего во главе многотысячного объединения из Аварского каганата в империю в 80-х годах VII в.

Известия об этом содержатся в «Чудесах св. Димитрия». Наиболее достоверной датировкой этого факта считают 682–684 гг. (L., II, p. 161) или 686 г. (ИБ, 2, с. 107). Кувер (возможно, один из сыновей Кубрата, ушедший к аварам после падения Великой Булгарии) пользовался расположением кагана и получил под командование, помимо соотечественников — протоболгар, также сермисиан, т. е. потомков ромеев (переселенцев — пленников из области Сирмия — Сремиш) (L., II, p. 138). Сообразуясь с помыслами подчиненных, Кувер восстал и увел свое воинство из каганата, разбив преследовавших его аваров. Он вступил в сношения с императором и разместился на Керамисийском поле, причем драгувиты были обязаны снабжать прибывших продовольствием. Иначе говоря, Кувер формально, может быть, стал федератом империи. Однако он мечтал об овладении Фессалоникой. Его ближайший соратник Мавр разыграл ссору с Кувером и перешел со своими людьми к ромеям, найдя прием в Фессалонике. Император поставил под его начало всех ушедших от Кувера протоболгар и сермисиан. Получив значительную военную власть в городе, Мавр готовился к его захвату. Но в канун операции сюда прибыл военный флот империи. Потомки плененных аварами ромеев разбеги-

[1] *С. А. Плетнев.* Земледельцы и кочевники. — В кн.: Първи международен конгрес..., с. 31–43.

рель от Кувера, сохранив перенятую от родителей приверженность христианству и мечту о возвращении в отеческие места. Бежавшие от Кувера, а также и сам Мавр с приверженцами были доставлены в Константинополь. Здесь сын Мавра открыл императору замыслы отца и Кувера. Мавр попал под стражу.

Полагают, что неудача Кувера и Мавра не привела к ликвидации этого протоболгарского объединения: признав сюзеренитет империи, оно в течение 30–40 лет сохраняло автономию.[1] Однако сведения о ходе событий в этом регионе в 680–720-х годах отрывочны и неясны; их интерпретация вызывает острые споры.[2] Вполне вероятно, что Кувер был действительно братом Аспаруха, что его движение в Македонию находилось в связи с созданием Болгарского государства и что, стремясь к овладению Фессалоникой, Кувер (или Мавр) ставил цель основания нового государства (L., II, p. 143–152). Однако значение протоболгар Кувера трудно сопоставимо с той ролью в формировании Болгарского государства и болгарской народности, которую сыграли протоболгары Аспаруха. Решающим фактором становления народности являются, как известно, не чисто этноантропологические признаки населения, а его самосознание. Роль протоболгар в формировании болгарской феодальной народности признана постольку, поскольку они занимали видное место в государстве, получившем само свое наименование от их этнонима. Официальная политическая традиция протоболгар была усвоена и славянами: именно поэтому термин «болгары» из этнонима только части населения стал означать сначала также подвластных всей страны, а затем и всех представителей новой народности — болгар как ветви южного славянства. Протоболгар Кувера было гораздо меньше, чем протоболгар Аспаруха (в войске Кувера было много потомков пленных ромеев). Куверу не удалось достигнуть политического преобладания в регионе, а следовательно — и сыграть роль, сходную с ролью Аспаруха.[3] Местная славянская знать, ослабленная поражением в 678 г., не увидела в Кувере возможного союзника, в противоположность знати «Семи родов», помогавшей Аспаруху (L., II, p. 161).

От времени Аспаруха ведет начало составление первой части знаменитого «Именника болгарских ханов», в котором этот хан назван первым из правивших «по сю сторону Дуная» и остающимся «князем и поныне». «Именник» (сохранившийся лишь в старославянском переводе времени Симеона) являлся официальной летописью; она прославляла правящую тюркскую династию, служила целям усиления ее власти и укрепления протоболгарского этнического самосознания.

---

[1] *Д. Ангелов.* Образуване..., с. 190 и сл.

[2] *М. Войнов, В. Тъпкова-Заимова.* България на Аспарух и България на Кувер. — В кн.: Военноисторически сборник. С., 1982, № 5, с. 47–56; ср.: *П. Петров.* Образуване..., с. 185–192, 296–308; ср.: L., II, p. 138–153, 157–162.

[3] См.: *Г. Г. Литаврин.* Формирование этнического самосознания болгарской народности (VII–первая четверть X в.) — В кн.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982, с. 64.

Этот официальный документ должен был одновременно упрочить господство Аспаруха, возводя его род к Аттиле, также над славянской знатью.[1]

В дальнейшем изложении (вплоть до падения Первого Болгарского царства в 1018 г.) факты внешнеполитической истории будут затрагиваться только тогда, когда они имеют отношение к раскрытию проблемы эволюции государственной системы Болгарии. Тервель продолжал политику Аспаруха по укреплению центральной власти, между народного престижа и границ государства. В 705 г. Тервель за помощь Юстиниану II в возвращении престола получил титул кесаря (второй светский ранг империи после императорского), что, несомненно, повысило международный авторитет Болгарии. Сохранилась печать Тервеля, на которой он изображен в кесарской короне с крестом и надписью: «Богородица, помоги Тервелю кесарю».[2] Конечно, христианские атрибуты играли лишь престижную роль. Юстиниан II уступил Тервелю и область Загору, примыкавшую с юга к Балканскому хребту, с преимущественно славянским населением.

В 716 г. был заключен новый, уже упоминавшийся договор. Весьма важным пунктом договора были взаимные обязательства выдавать друг другу политических беглецов (Феоф., с. 285): видимо, уже в это время в среде высшей протоболгарской и славянской знати проявлялись острые политические противоречия. Временем Тервеля датируют создание огромного барельефа (3,1×2,6 м) на отвесной скале в Мадаре, изображающего вооруженного всадника, пронзившего копьем льва. Вокруг изображения высекались на греческом языке надписи о важнейших событиях. Как само изображение, связанное с культом хана, так и надписи выполняли и сакральную, и идейно-политическую функцию. Видимо, уже тогда Мадара стала важным культовым центром.

Начало ведения таких официальных каменных летописей также позволяет думать, что при ханском дворе существовали канцелярии, делопроизводство в которых велось на греческом языке пленными ромеями и жителями взятых протоболгарами и славянами местных городов, переходившими на службу к хану.

Договор 716 г. содержал, по всей вероятности, обязательства о военной помощи: в 717/718 гг. болгарские войска по просьбе императора выступили против арабов, осадивших Константинополь. Разгром арабов, в котором войска Болгарии сыграли крупную роль, имел общеевропейское значение: был навсегда перекрыт путь арабам из Азии в Европу, как они были остановлены позднее и на западе (в 732 г.) Карлом Мартеллом при Пуатье. Победа над арабами укрепила международный престиж Болгарии.

---

[1] *И. Дуйчев.* «Именник»..., с. 10 и сл; ср.: Именик на българските ханове: Критично издание с коментар и обяснителни бележки от Ив. Богданов. С., 1981, с. 44.

[2] *В. Бешевлиев.* Първобългарски надписи. С., 1979, с. 231.

Падение внешнеполитической активности Болгарии после 718 г. было связано с кризисом центральной власти, ярко проявившимся в 1-й четверти VIII в. За 20 лет на престоле сменилось 7 государей, более половины которых потеряло трон вместе с жизнью. Трон у династии из рода Дуло оспаривали роды Вокил и Угаин. Причины междоусобий коренились, по всей вероятности, в процессах внутреннего развития и в вопросах ориентации внешнеполитического курса. Около 767 г., после заключенного заново мира с Болгарией, император, опираясь на тайных приверженцев среди знати Болгарии, выкрал князя северов Славуна и действовавшего вместе с ним предводителя «самаров» (повстанцев) по прозвищу (которое он, видимо, получил от северов) «Христианин». Славун причинил особенно много хлопот византийцам во Фракии. Вмешательство императора во внутренние дела Болгарии не вызвало со стороны хана ответных мер (Феоф., с. 272). Инцидент показывает, что вожди славиний не утратили своих позиций под властью хана; Славун фактически самостоятельно действовал во Фракии, найдя здесь союзников в среде местного (славянского и греческого) населения; захватывая Славуна, император, видимо, не опасался возобновления войны с Болгарией. Усложнялась политическая обстановка и внутри славиний: агенты императора имелись и среди близкой к Славуну знати.

Основной причиной кризиса было обострение отношений между славянской знатью и протоболгарской аристократией, державшей в своих руках аппарат центральной власти. Тенденция к возрастанию роли славянской знати и к увеличению ее относительной численности отчетливо обозначилась за истекшие 70 лет, и перед протоболгарскими боилами встал вопрос о выборе пути. Славянская знать стала, видимо, все острее выражать недовольство отстранением от участия в органах центральной власти, но в рядах высших боилов по вопросу о преодолении противоречий, скорее всего, не было единства. После очередного переворота в Болгарии в 762 г. имело место массовое бегство славян на юг из района Загоры (Феоф., с. 271).[1] Острые разногласия, особенно между ведущими протоболгарскими родами, вызывал также вопрос об отношениях с империей. В 60-х годах VIII в. род Дуло потерял власть, перешедшую к роду Укил (Вокил), а затем — к роду Угаин. Но видные представители и этого рода вскоре были уничтожены, власть вернулась к роду Укил. Византия между тем усиливалась, Болгария стала терпеть поражения. Империя взяла курс на ликвидацию Болгарского государства. В Плиске кипели смуты: после первого шага каждого нового хана к поискам мира с империей следовало его падение.

Однако активная подрывная деятельность части знати Болгарии, в том числе придворной, продолжалась. Сложилась эта оппозиционная хану группировка в мирный период 716–755 гг., и ее появление в этих условиях, учитывая особенности имперской дипломатии, вполне

[1] *Б. Димитров.* Първото българско царство и южното Черноморие (Загора). — В кн.: Средневековна България..., с. 57–66.

объяснимо. Имперская доктрина исключала отказ от территорий, некогда входивших в пределы империи (по крайней мере — на Балканах). Вся история отношений Византии с Болгарией с 681 по 1018 г. подтверждает этот тезис. Как раз в это время империя восстанавливала свое господство на занятых славянами землях Балканского полуострова. Заключение договоров с Болгарией было лишь вынужденной мерой, военно-политическим маневром. В таких условиях в период мира византийская дипломатия, в особенности тайная, пускала в ход все средства — предложения высоких должностей и чинов, крупных сумм денег, престижных браков, богатых жилищ в Константинополе, пригородных поместий и т. п. Сочетая милости с угрозами, имперская дипломатия вносила раскол и дезорганизацию в ряды протоболгарской и славянской знати.

Свидетельством острого кризиса центральной власти в Болгарии является факт созыва «народного собрания» («конвента»), к которому апеллировали настроенные оппозиционно к хану Сабину бояре в 766 г. На собрание могли явиться, конечно, только пребывающие в столице и поблизости воины, находившиеся под влиянием борющихся группировок знати.[1] Сабин, начавший переговоры с императором о мире, был обвинен в замысле предать Болгарию империи, лишен власти и, спасая жизнь, бежал в Византию, где нашел милостивый прием у императора.

Хан Телериг (768–777) счел важнейшей своей задачей выявить и обезвредить провизантийски настроенных вельмож и сановников, что ему и удалось (Феоф., с. 275). При Телериге проявился курс Болгарии на подчинение славиний Македонии. В 774 г. его войска предприняли поход с целью «захватить Берзитию» и переселить ее жителей в Болгарию (Феоф., с. 274). Локализация Берзитии спорна, но она располагалась к юго-западу от границ Болгарии (ИБ, 2, с. 128). Переселение внутрь страны жителей подвергшихся нападению или новозавоеванных земель преследовало в то время обычно две цели: во-первых, оно исключало возможность восстаний местного населения против новой власти, во-вторых, переселенцы становились налогоплательщиками казны, а нередко и воинами. И для Византии эта мера особенно характерна именно в тот период, который определяется как время преобладания централизованной эксплуатации непосредственных производителей (т. е. VII–X вв.). Видимо, в Болгарии положение было сходным: источники IX в. свидетельствуют об острой заинтересованности ханов в увеличении числа своих подданных.[2]

---

[1] *Й. Андреев.* Народните събори в политическия живот на Първата българска държава. — ИП, 1971, № 4, с. 97 и сл.; *В. Бешевлиев.* Първобългарите..., с. 53–54.

[2] *В. Бешевлиев.* Първобългарски надписи, с. 152; ЛИБИ, т. II, с. 84, 85.

ЛИКВИДАЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ДУАЛИЗМА

О конкретных формах социально-экономического развития Болгарии в VIII–первой половине IX в. сведений практически нет. Данные Земледельческого закона (VIII в.) о росте имущественного неравенства внутри общины, обезземеливании крестьянства, концентрации земельной собственности, появлении категорий испольщиков, наемных работников, арендаторов и т. д. могут быть использованы лишь в том смысле, что эти порядки установились и на тех византийских землях, которые в первой половине IX в. вошли в пределы Болгарии, сохранив свою аграрно-правовую структуру. По своему социально-экономическому развитию Византия в эту эпоху обгоняла Болгарию, и нет оснований полагать, что, овладев имперскими землями, власти Болгарии меняли (упрощали) сложившиеся на них аграрные порядки. Именно от начала IX в. известно о существовавших в империи (и основанных на труде зависимых крестьян) поместьях императора, церкви, монастырей, высшей знати. Возможно, и на присоединенных к Болгарии территориях имелись такие поместья, которые становились интегральной частью ее аграрной структуры.

Косвенным показателем того, что свойственные Византии процессы имели место и в Болгарии, являются законоположения хана Крума (803–814), одного из значительных деятелей Первого Болгарского царства. Крум ввел новые законы, повышающие наказания за преступления против частной собственности; хан под страхом жестокой кары предписал богатым давать нуждающимся сразу столько, сколько необходимо, чтобы впредь они не просили милостыни (ГИБИ, т. V, с. 310). В этих данных усматривают искаженное известие о формировании феодальной зависимости крестьянства: хан рекомендовал имущественно состоятельным людям, прежде всего — землевладельцам, предоставлять обедневшим участок (а может быть, также скот и инвентарь), чтобы, став самостоятельно ведущими хозяйство зависимыми крестьянами, они обрели средства к существованию (ИБ, 2, с. 146).

От первой половины IX в. имеются также некоторые сведения о структуре государственного аппарата в Болгарии. Высшая власть имела монархический наследственный характер. Официальным титулом государя был «хан юбиги» (вождь войска). В IX в. к этому титулу добавляли слова «от Бога архонт», подчеркивая божественное происхождение его власти, а при Омуртаге и Пресиане еще одно уточнение («повелитель многих болгар»), которое указывало на то, что подданными хана являются и протоболгары, и славяне (т. е. термин «болгары» означал здесь уже не этническую, а государственно-политическую принадлежность).

Хан являлся верховным главнокомандующим, высшим законодателем и судьей, а также верховным жрецом. Перед важными событиями (например, перед сражением) хан лично совершал жертвоприношения (Феоф., с. 289). Опорой его власти являлась высшая аристократия,

в особенности — род самого хана. Этот слой именовался «боилами» (или «болиадами» — отсюда впоследствии термин «боляре»), средний и низший — «багаинами». К боилам принадлежали ближайшие к хану лица: советник — кавхан (или капхан — первый полководец и сопровитель) и ичиргу боил («внутренний боил», в славянском произношении «чергубиль»), наделенный также большими военными полномочиями. По старой тюркской традиции хан командовал центром войска («саракт» — в сущности, вооруженный народ), а два приближенных к нему лица — левым и правым флангами.[1] По каменным надписям известно еще до двух десятков титулов и должностей, тюркских по происхождению, права и функции носителей которых трудно уяснимы. Все они имели отношение к военному делу, но, возможно, частично и к гражданскому управлению. Эти две сферы государственной службы в Болгарии еще не были четко дифференцированы. Различались, однако, сановники, компетенция которых распространялась на дела в столице и ее округе, и вельможи, которые исполняли службу в провинциях (ИБ, 2, с. 172). Первые именовались «внутренними болярами», вторые — «внешними», обладавшими менее высоким рангом. Но и это разграничение не было абсолютным: даже кавхан и ичиргу боил получали в управление недавно завоеванные земли, лежавшие далеко от столицы. Может быть, они лишь контролировали власти этих провинций. К управлению провинциями имели отношение и тарканы, делившиеся на несколько рангов, и жупаны, которых, видимо, можно сблизить со славянскими «старейшинами» (сошлемся на «жупанов старейшин» Константина Багрянородного). Иногда эти два титула (таркан и жупан) прилагаются к одному лицу. Кроме того, имелась категория знатных, обозначавшихся термином «вскормленники» хана, т. е. «питомцы», связанные с ним узами личной преданности. Вероятно, из них комплектовалась и охрана хана, его гвардия, члены которой именовались по-византийски «кандидатами».[2] Выполняя роль «дружины» хана, это воинское соединение служило орудием усиления его личной власти.

Остается, однако, неясным самое важное: сколь велика в VIII — начале IX в. была компетенция представителей центральной власти (сановников — протоболгар) в славиниях, помимо власти местного вождя — князя. Во всяком случае, контролируемая из центра система управления распространялась не только на земли, занятые протоболгарами, и не только на недавно присоединенные территории со славянским населением. Из славиний между Балканским хребтом и Дуна-

[1] *В. Гюзелев.* Функциите и ролята на кавхана в живота на Първата българска държава (VII–XI в.) — ГСУ, ФИФ, 1967, т. 60, № 3, с. 133–157; *Он же.* Ичиргу боилите на първата българска държава (VII–XI в.) — ГСУ, ФИФ, 1971, т. 65, № 3, с. 127 и сл.; *В. Бешевлиев.* Първобългарски надписи, с. 59–70, 173; *Он же.* Първобългарите..., с. 39–66; *Б. Симеонов.* Титульная практика в ханской Болгарии: Происхождение, структура и значение праболгарских титулов в период между VII и X веками. — Linguistique balkanique, 1981, XXIV, № 2, с. 23–78.

[2] *В. Бешевлиев.* Първобългарски надписи, с. 173, 221.

ны для VIII–IX вв. упоминаются лишь две: северы и тимочане, тогда как археология позволяет говорить о заселении славянами всего этого пространства, помимо протоболгарских анклавов.

Видимо, автономных славиний было уже к концу VIII в. немного — известны лишь «окольные», пограничные. О расширении сферы прямого воздействия центральной власти на славянские территории говорит и усвоение протоболгарами для данной эпохи уже несомненно славянского института жупанов, его включение в должностную иерархию. Примечательно, что с завершением процесса славянизации протоболгар в официальной терминологии для обозначения высшей чиновной знати утвердился термин «боляре» (их представляли первоначально именно протоболгарские высшие чиновные лица), тогда как термин «хан» был вытеснен славянским обозначением «князь», применявшимся ранее к вождю славинии. Иными словами, в славиниях, находившихся под властью протоболгар (как и в славиниях под верховной властью византийцев), развитие аппарата власти славянских вождей в VIII в. замедлилось (князь и жупаны-старейшины представляли в основном все иерархию, причем престиж князей ослабевал).

Об укреплении центральной власти свидетельствуют реформы Крума. Хан предписал производить тщательное судебное разбирательство в случае любого обвинения и карать смертью клеветников (ГИБИ, т. V, с. 310). Это означало введение в стране организованного судопроизводства — реформа была отзвуком недавних острых столкновений внутри господствующего класса. Она, несомненно, повысила авторитет центральной власти. Законы Крума были обязательны для всего населения, независимо от этнических различий. Следовательно, сфера действия региональных норм обычного права (а они не могли не быть разными у славян и протоболгар) была резко ограничена. Реформа ослабила влияние местной, и славянской и протоболгарской, знати, смягчила правовые различия между славянами и протоболгарами и способствовала славянизации протоболгар. Законы Крум будто бы объявлял, созвав «всех болгар», т. е. на конвенте, собиравшемся в особо важных случаях. Термин «болгары» употреблен здесь, кажется, для обозначения подданных вообще, а не только протоболгар.

Среди приближенных к Круму лиц находились и представители славянской знати: посольство хана в Константинополь в 812 г. возглавлял некий Драгомир (Феоф., с. 285). Но хан еще проявлял внимание и к нуждам автономных «окольных славиний»: после разгрома византийской армии в 811 г. в балканском ущелье, когда погиб сам император Никифор I, Крум пировал вместе со славянскими князьями, признавая их вклад в общую победу (Феоф., с. 283).[1] Принимал Крум на службу и даже в круг своих родичей беглых знатных византийцев, обусловливая свою милость, по-видимому, отказом от христианства: известно об остро враждебной позиции хана к христианской религии.

---

[1] *H. Ditten.* Zum Verhältnis..., S. 86; ср.: *Р. Сефтерски.* Славяно-прабългарски взаимоотношения в българските земи от VII до XI век. — В кн.: Първи международен конгрес..., с. 151–152.

Значительно расширил Крум пределы Болгарии. В начале IX в. франки нанесли сокрушительный удар по Аварскому каганату, захватив его западные владения. Воспользовавшись этим, Крум, видимо, занял часть восточных земель каганата, подчинив обитавших здесь аваров и местные славинии. Поскольку Крум в июле 811 г. успел за 5 дней позвать на помощь (впрочем, Ватиканский аноним говорит о «нанял за плату») аваров, хан, видимо, перевел боеспособные части разбитых им аваров на побережье, в западные провинции государства. Возможно, контролировал Крум и район между устьями Тимока и Савы, где владения франков и болгар почти соприкасались.[1] Вообще вопрос о северных и северо-западных границах при Круме (о «Болгарии по ту сторону реки Истр», как она именуется в источниках), а также вопрос об эффективности власти хана за Дунаем остается не до конца проясненным.[2] Во всяком случае, уже в это время Болгария, занимавшая срединное положение между Византийской и Франкской империями, была после них важнейшим государством Европы. После победы над Византией в 811 г. Крум был фактически хозяином положения во Фракии. Он взял Девельт, Месемврию и Адрианополь и готовился к штурму Константинополя, когда внезапно умер весной 814 г.

30-летний мир с Византией был заключен в 815 г., при хане Омуртаге. Новая граница соответствовала в целом при незначительном расширении болгарских владений границам 716 г. Славяне, не являвшиеся к началу войны подданными императора, но оказавшиеся в ходе на землях империи, должны были вернуться в места старого обитания: они становились подданными болгарского правителя. При Омургате произошли крупные перемены в государственной структуре Болгарии. Политика упрочения центральной власти, которую вслед за Крумом проводил Омуртаг, обусловила стремление знати славинии тимочан сменить усилившуюся власть хана на подданство далекому франкскому императору. В 818 г. послы тимочан просили Людовика Благочестивого принять их под свою защиту. Не получив согласия, они перешли под власть посавского князя Людевита, который сопротивлялся франкам до 823 г. Вместе с владениями Людевита тимочане оказались во власти франков. В 824 г. послы абодритов (преденецентов) жаловались франкскому императору на «неоправданную враждебность» болгар. Тогда же прибыли к Людовику и послы Омуртага, тщетно настаивая на уточнении границы между государствами. В 827–829 гг. имели место военные столкновения с франками. Вторгнувшись в Паннонию, «болгары... разорили огнем и мечом славян... и, изгнав их вождей, поставили над ними болгарских правителей» (ЛИБИ, т. II — Эйнхард, с. 30). Из этих скупых данных явствует как будто, что власть Болгарии над славянами на северо-

[1] *Г. Цанкова-Петкова.* О территории..., с. 140–143; *В. Гюзелев.* Средновековна България в светлината на нови извори. С., 1981, с. 68–80.

[2] Ср.: *I. Boba.* «Abodriti qui vulgo praedenecenti vocantur» or «Marvani praedenecenti»? — In: Старобългаристика, 1984, № 2, с. 29–37; *Б. Примов.* Византия, Франкската империя и България. — ИП, 1981 № 3/4, с. 205.

западных границах до указанного похода не была прочной и при Омуртаге. Тем не менее по свидетельству «Баварского географа», первая часть которого была составлена в период между 829 (когда была установлена граница между франками и болгарами) и 843 гг. (Верденский договор о разделении империи), болгары имели на левобережье Дуная 5 civitates. В. Гюзелов убедительно интерпретирует это известие как указание на 5 административных, находившихся к северу от Дуная болгарских областей с их центрами — крепостями.[1] Вряд ли непокорные тимочане и преденеценты сумели сохранить тогда автономию, попав снова под скипетр болгарского правителя.

Представители славянской аристократии все активнее вовлекались в аппарат государственной власти. Омуртаг находил, безусловно, опору у большинства славянской знати. Его сыновья — Енравота (Воин) и Звиница (а может быть, и Маламир) — носили славянские имена. Процесс славянизации захватил уже верхушку протоболгарской знати.

В тесной связи с укреплением центральной власти находились и гонения на христиан, в которых Омуртаг усматривал потенциальных врагов, а в христианстве — одно из действенных средств византийского влияния. Гонения были обусловлены усилением проникновения христианства по мере расширения территории за счет отнятых у империи земель и возрастания числа пленных византийцев в стране: им предлагался выбор; либо отречение, либо казнь. Гонения еще более усилились при Маламире (831–836), казнившем брата Енравоту за то, что он принял христианство. Положение изменилось при Пресиане (836–852), который овладел землями смолян и обширными территориями Средней и Южной Македонии, занятыми славиниями берзитов, драгувитов и стримонцев. Здесь среди славян уже было немало христиан. Преследования в этих условиях могли ослабить позиции Болгарии в присоединенных районах, и поэтому гонения, видимо, были прекращены.

Утверждению престижа ханской власти и ее международного авторитета служила и строительная деятельность. Омуртаг перестроил разрушенную Никифором I Плиску, воздвиг новый дворец и новый языческий храм; усилил внешние (земляные) и внутренние (каменные) укрепления; толщина стен достигала 2,6 м, а высота — 10 м. При Омуртаге и Преслав стал крупной крепостью с дворцом-резиденцией. Дворец был построен и на р. Тиче, через которую был переброшен мост. Еще один дворец был воздвигнут на Дунае под Силистрой. Постройки увенчивались колоннами, на которых высекались (на греческом языке) торжественные надписи, прославлявшие хана. Каменные надписи высекались и в честь выдающихся военачальников и сановников — при этом упоминались имя хана, имя и род прославляемой личности.

Таким образом, основное содержание внутренних государственно-политических процессов в Болгарии первой половины IX в. заключалось в ликвидации административного дуализма, в утверждении монархической

[1] *В. Гюзелев.* Средновековна България..., с. 73 и сл.; *V. Gjuselev.* Bulgarisch-fränkische Beziehungen in der ersten Hälfte des IX Jh. — Byzantinobulgarica, 1966, т. 2; ср.: *Б. Примов.* Византия..., с. 209–212.

власти хана на территории всей страны. В этнокультурной сфере этот процесс сопровождался изживанием этнического дуализма и постепенным вовлечением протоболгар в русло славянской культуры. Пережитки кочевого быта у части протоболгар и сохранение религиозных отличий,[1] наиболее упорно культивируемых высшей протоболгарской аристократией (хранительницей древних традиций), оставались последним препятствием на пути полного превращения раннефеодального Болгарского государства в централизованную монархию.

ПРИНЯТИЕ ХРИСТИАНСТВА. ПОЛИТИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРНЫЙ ПОДЪЕМ

Принятие христианства в качестве официальной религии совершалось у европейских народов на той стадии общественного развития, на которой эксплуатация подавляющего большинства производительного населения со стороны социально и политически господствующего меньшинства приобретала регулярный характер. Активный процесс христианизации происходил, как правило, в условиях усиления центральной власти, при ее прямом участии. Болгария не являлась исключением из этого правила.

Некоторое суждение о ее социально-экономической структуре и политической организации во второй половине IX в. можно составить по ранним памятникам славянской письменности (конец IX–начало X в.), фиксирующим явления, возникшие в славянском обществе в результате предшествующего развития. Среди этих памятников назовем прежде всего «Закон судный людем». Важны также сведения, содержавшиеся в «Ответах папы Николая I на вопросы болгар» (866).

«Закон» свидетельствует о значительной имущественной дифференциации — о нищих, бедняках, простых людях, наемных работниках, богатых;[2] много внимания уделено рабам как объекту купли и продажи, обстоятельствам обращения в рабство свободных за преступления против религии, собственности, нравственности, упомянуто о передаче свободных в рабство потерпевшему (за ущерб) или церкви (за отречение от христианства), об отпуске на волю за выкуп или отработку «своей цены» (ЗСЛ, с. 403); в «Законе» сказано о защите частной собственности на землю, угодья, урожай, посевы, виноградники, дома, огороды, скот и т. п., о наказаниях лиц, умышленно причинивших ущерб собственности другого (ЗСЛ, с. 396); особо важно указание на наличие целых сел в собственности одного лица («господина») (если жители села и его господин совершают языческие обряды, то поселяне со всем имуществом становятся собственностью церкви, господин же продается в рабство, а цена за него идет нищим) (ЗСЛ, с. 163). Существенны данные «Закона» о развитии товарно-денежных отношений, об обра-

[1] *А. Стойнев.* Анализ на религиозната система на българските славяне. — В кн.: Старобългаристика, 1984, № 2, с. 92–107.

[2] *В. Ганев.* Закон судный людъмь (далее в тексте — ЗСЛ). С., 1959, с. 163, 343, 486 и др.

ценки византийской монеты, которой уплачивались и судебные штрафы (ЗСЛ, с. 204, 453). Данные об имущественной дифференциации: о рабах, богатых, бедных, знатных — имеются и в «Ответах папы Николая I» (ЛИБИ, т. II, с. 68, 76, 79, 81 и др.).

«Закон» предусматривал функционирование контролируемого из центра и основанного на писаном законе судопроизводства; помимо судей, в нем участвовали свидетели с обеих сторон; определенными правами пользовалась церковь, князь являлся высшей апелляционной инстанцией; особые права в военное время имел жупан-воевода; во главе провинций стояли ответственные за соблюдение законности «владыки земли той» (т. е. княжеские наместники). О суровых воинских законах, действовавших в канун принятия христианства, свидетельствуют «Ответы папы Николая I»: воин, явившийся на сбор с плохим оружием и негодным конем, подвергался казни, как и страж границы, не задержавший бежавшего из страны раба или свободного (с. 84, 91).[1]

О степени развития крупного землевладения источники судить не позволяют, хотя, несомненно, феодальные поместья в этот период складывались. Основной формой эксплуатации оставались государственные налоги и повинности. Константин Преславский призывал болгарскую паству и божественную службу совершать, «и властельскую работу исполнить» (Хр., I, с. 139), т. е. установленные налоги и отработки в пользу центральной власти, ответственными за которые, по-видимому, со времен Омуртага были представители государственного аппарата уже на всей территории Болгарии, включая славинии.

Об уплате одной частью славян Македонии «дани» властям Фессалоники, а другой частью — «скифам», живущим поблизости, т. е. представителям болгарской власти, пишет Иоанн Камениата (Ioan. Cam., p. 8, 82–84, 90). Хотя внутри Болгарии еще преобладал натуральный обмен (Хр., I, с. 149 — Масуди) (своей монеты государство не имело, и налоги взимались в натуре), внешнеторговые связи имели, видимо, чрезвычайно большое значение для казначейства и господствующего класса в целом. Фиксирующая традиционные порядки на константинопольском рынке «Книга эпарха» упоминает «болгар», торгующих воском и медом, причем они иногда предпочитали сразу же обменять свой товар на желательный для них (Кн. Эп., с. 82–83, 198–199). Торговали болгары также рабами-пленниками. Заинтересованность в льготной торговле с Константинополем была так велика, что, когда в середине 90-х годов IX в. вместо византийской столицы болгарам было предложено торговать в Фессалонике (и, видимо, платить пошлины), Симеон счел этот акт достаточным поводом для начала войны (ГИБИ, т. V, с. 121–122). Вела Болгария торговлю также и с другими странами, в частности — с Древней Русью.[2]

---

[1] *О. Вартоломеев.* «Отговорите на папа Николай I по допитванията на българите» — важен извор за международното право през IX в. — В кн.: Първи международен конгрес..., с. 239–251.

[2] *Г. Г. Литаврин.* Древняя Русь, Болгария и Византия в IX–X вв. — В кн.: IX Международный съезд славитов. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1983, с. 62–76.

Итак, в Болгарии к середине IX в. сложилась общественная система, обеспечивающая экономическое, социальное и политическое государство узкого слоя сливающейся воедино славяно-протоболгарской знати. Ощущалась острая потребность в освящении существующего строя божественным авторитетом, когда неповиновение властям воспринималось бы не только как нарушение закона, но и как поступок, противоречащий нравственным нормам жизни общества. Принятие христианства сулило утверждение единства идеологии, учреждение организованной (через церковь) системы контроля над умами подданных, усиление власти князя — «помазанника Божия» и, безусловно, повышение авторитета Болгарии среди христианских стран Европы.

Христианизации предшествовало, несомненно, укрепление единства в высшем слое славянской и протоболгарской аристократии, смягчение этнокультурных и политических противоречий. В провинциях Борис должен был рассчитывать на своих наместников, уже в это время, по-видимому, именовавшихся «комитами». Они соединяли в своих руках военные и гражданские полномочия. Провинции назывались «комитатами».[1] Их границы, сознательно перекроенные, уже не совпадали со славиниями и территориями, занятыми когда-то протоболгарскими вежами: судя по тому, что против Бориса после крещения поднялись 10 комитатов, их общее число было по крайней мере вдвое больше (Борис быстро справился с мятежниками) (ГИБИ, т. II, с. 287).

Решение о принятии христианства было принято Борисом в осложнившейся международной обстановке: Византия не могла смириться с потерей земель, захваченных у нее Пресианом, Восточно-франкское (Германское) королевство усиливало давление на Среднее Подунавье; сталкивались также интересы Болгарии и Великой Моравии. В войнах с Византией в 855–856 гг. Болгария потерпела поражение. Участие Бориса в союзе с Людовиком Немецким в действиях против Великой Моравии привело к вторжению войск союзной Ростиславу Моравскому Византии в 863 г. в Болгарию, страдавшую от неурожая и землетрясений. Князь был вынужден заключить мир, отказаться от союза с Людовиком Немецким, обещая принять крещение от империи, смириться с потерей земель близ Эгейского побережья и, сохранив Загору, вернуть империи города Анхиал, Месемврию и Девельт.

Крещение началось в 864 г.[2] прибывшими для организации церкви в Болгарию византийскими священнослужителями. Борис и его окружение сознавали опасность со стороны оппозиционных сил. Акт крещения князя и приближенных к нему сановников был совершен втайне от подданных. Князь принял имя Михаил, в честь императора Миха-

[1] О значении термина см.: *М. Андреев, Д. Ангелов.* История на Българската феодална държава и право. С., 1972, с. 109 и сл.

[2] Дату 866 г. предпочитает В. Гюзелев (*В. Гюзелев.* Българската средновековна държава (VII–XIV в.). — ИП, 1981, № 3/4, с. 200).

ном III, «духовным сыном» которого по византийским церемониально-дипломатическим нормам он должен был отныне признаваться. Обстановка неуверенности в широких массах усугублялась тем, что в страну хлынули проповедники самого разного толка (не только православные ромеи-ревнители, но и монофизиты-армяне, еретики, мусульмане-арабы). В 865 г., в ходе крещения населения, вспыхнул мятеж знати (видимо, прежде всего — протоболгарской), которая, играя на антивизантийских настроениях в народе, стремилась свергнуть Бориса. Мятеж был подавлен, 52 семьи боляр-мятежников были уничтожены. Власти силой утверждали христианство, упорствующих лишали имущества и свободы.

Позиция болгарского двора, однако, резко изменилась, едва встал вопрос о статусе болгарской церкви: задача состояла в том, чтобы добиться возможно большей независимости от византийского патриарха, так как официальная доктрина империи не отделяла церковную зависимость от политической. В письме к Борису патриарх Фотий и трактовал вопрос в этом духе (ГИБИ, т. IV, с. 104–105). Используя противоречия между Византией и папством в 866–870 гг., князь добивался предоставления болгарской церкви статуса либо патриархии, либо автокефальной (решающей внутренние вопросы самостоятельно) архиепископии. Папство не пошло на эту уступку. На Восьмом Вселенском соборе в Константинополе в 870 г. была санкционирована принадлежность болгарской церкви к восточно-христианскому миру; право поставления архиепископа Болгарии получал Константинопольский патриарх, а избирался кандидат в архиепископы собором епископов Болгарии; Вселенский Собор 879–880 гг. утвердил и автокефальность (автономию) болгарского архиепископа: болгарский диоцез был исключен из списков епархий Константинопольской патриархии (ИБ, 2, 230).

Организация церкви была осуществлена, при незначительных отступлениях, по византийскому образцу. Как и в империи, церковь оказалась в подчинении у высшей светской власти. Потребности организации культа обусловили повсеместное строительство храмов и монастырей и их материальное обеспечение со стороны центральной власти и состоятельных неофитов. Помимо многочисленных епископий, как и в Византии, небольших по размерам, было учреждено семь подчиненных архиепископу митрополий. Резиденция архиепископа располагалась вместе с главным (соборным) храмом в столице: сначала в Плиске, а с 893 г. — в Преславе.[1] Церковные посты были заняты византийскими священнослужителями. Литургия совершалась на греческом языке. Желая видеть на церковных постах своих соотечественников-подданных, Борис отправил на учебу в Константинополь большую группу знатных болгар, в том числе своего сына Симеона, готовившегося к принятию монашеского сана.

---

[1] *П. Георгиев.* За първоначалното седалище на българската архиепископия. — В кн.: Средневековна България.., с. 67–78.

Следующим шагом в утверждении самостоятельности болгарской церкви, а вместе с тем — и собственных путей культурного развития был переход в церковнослужении с греческого языка на славянский. В 886 г. преследуемые немецким духовенством и сменившими ориентацию властями Великой Моравии ученики первых просветителей славянства — Константина (Кирилла) и Мефодия — нашли прием при дворе Бориса. Благодаря их энергичной учительской деятельности были подготовлены многочисленные кадры обученного славянской письменности духовенства. В 893 г. наиболее видный из учеников солунских братьев Климент Охридский стал первым епископом-славянином в области Драгувития; с его именем связывают создание славянского алфавита «кириллицы». Началась замена византийского клира болгарским — процесс, который должен был занять, конечно, несколько лет.[1]

Христианство содействовало ликвидации этнокультурных отличий между славянами и остатками протоболгар, обеспечению единства идейно-политических представлений, нравственно-этических и бытовых норм. Введение литургии на родном языке, распространение славянской письменности и возникновение славяноязычной литературы способствовали ускорению темпов культурного развития и оформлению самосознания болгарской народности.[2]

Организованная по иерархическому принципу и централизованная церковь стала интегральной частью монархической системы, выполняя важнейшую идеологическую и социальную функцию — укрепление власти государя и существующего строя в целом. Даже остро обличавший беззакония властей и корыстолюбие иерархов Козма Пресвитер гневно внушал пастве, что «цари и боляре Богом суть учинены».[3]

В связи с принятием христианства Болгарией вызывают интерес еще два обстоятельства: во-первых, кажущаяся легкость, с которой империя согласилась учредить в Болгарии автокефальную архиепископию, и, во-вторых, введение в новообращенной стране литургии на греческом языке в то время, когда уже были созданы славянские церковнослужебные книги, к чему византийский двор был непосредственно причастен. Борьба с папством за церковно-политическое влияние в Болгарии была весьма острой. Империя была в этот период достаточно сильна. Однако теперь в отличие от 863 г. она отказалась от военного давления на Болгарию. Видимо, решающее значение имели два фактора: крупной победой считалось уже то, что Болгария оказалась в лоне восточнохристианской церкви; кроме того, военное вторжение в условиях незавершенного крещения и языческой оппозиции грозило отречением от христианства нетвердых в вере неофитов и подъемом антивизантийского движения в Болгарском государстве под лозунгом восстановления язычества.

---

[1] *В. Гюзелев.* Княз Борис Първи. С., 1969, гл. 2, 3.

[2] *Д. Ангелов.* Образуване..., с. 242 и сл.; *Г. Г. Литаврин.* Формирование..., с. 71 и след.

[3] *Ю. К. Бегунов.* Козма Пресвитер в славянских литературах. С., 1973, с. 342.

Что касается греческой литургии, то здесь курс имперских политиков резко отличался от их позиции в отношении к отдаленной Великой Моравии. Болгария была соседкой империи, о возвращении власти над этой территорией в Константинополе не переставали помышлять; греческая литургия предполагала назначение в Болгарию византийских иерархов и поэтому обещала облегчить контроль Византии над болгарской церковью. Исторический опыт христианизации Великой Моравии и Болгарии был учтен на Руси, где славянская литургия была введена практически одновременно с христианизацией.

Несмотря на то, что в рассматриваемый период завершался процесс оформления болгарской народности, господствовавшая при болгарском дворе, как и в других раннефеодальных государствах, политическая доктрина не содержала идеи ограничения границ государства пределами расселения своей народности. Принятие христианства, хотя и повлияло на характер межгосударственных отношений Болгарии, в указанной связи не повлекло заметных перемен сравнительно с эпохой язычества. Курс на расширение пределов Болгарии за счет земель соседних стран и народов ярко выразился во внешней политике Симеона.

В 893 г. состоялось последнее известное «народное собрание». Ушедший в монастырь (в 889 г.) Борис-Михаил временно вернулся в царский дворец, сверг своего сына Владимира, когда тот попытался восстановить язычество в 893 г., повелел ослепить его и бросить в тюрьму. «Сознав все свое царство», Борис объявил о воцарении Симеона (893–927), о нерушимости христианского вероисповедания, законности наследования престола «от брата к брату» и перенесении столицы из Плиски, связанной с традициями язычества, в Преслав (ИБ, 2, с. 238). Этот был последний известный в истории Болгарии конвент. Вскоре после смерти Бориса (907) он был канонизирован — его имя открыло список святых болгарской церкви.

О внутриполитических переменах в правление Бориса и Симеона известно мало: источники говорят в основном о внешнеполитической и церковно-культурной деятельности этих царей, особенно Симеона. При нем значительно упрочилась княжеская власть. Совершенствовались органы центрального управления; появились новые должности. Уже с конца 860-х годов известен сан «сампсиса» (этимология неизвестна), выполнявшего дипломатическую миссию в Византию, и вместе с ним в посольстве участвовали «славнейшие судьи» (gloriosissimi judices) (их титулы искажены в источнике и поэтому не совсем уяснены) (ЛИБИ, т. II, с. 208).[1] Возможно, крупные военачальники, помимо дипломатических, выполняли также функции центральных судей. Высоким сановником был и «великий жупан» — серебряная чаша с надписью некоего Сивина, носившего этот чин, найдена при раскопках в Преславе.

---

[1] *Gy. Moravcsik*. Byzantinoturcica. B., 1958, Bd. 2, S. 355.

Делопроизводство в центральных канцеляриях в силу почти 200-летней традиции велось до 90-х годов IX в. на греческом языке. Если до принятия христианства византийское влияние в административно-государственном строе ограничивалось принятием ряда имперских титулов и формальным усвоением атрибутов власти, то после крещения воздействие Византии значительно возросло.[1] Распространялись нормы византийского права. Получил официальное признание византийский сборник церковно-канонического права «Номоканон» («Кормчая книга»). Особенно заметным византийское влияние было в культурно-идеологической сфере: культура Болгарии после крещения развивалась в целом в ареале восточно-христианской цивилизации.

Симеон получил образование в Византии, где пробыл с конца 70-х годов до середины 80-х годов IX в., приобретая знания в знаменитой Магнаврской школе. Он достиг таких успехов в учебе, что его называли «полугреком» (semigrecus) (ЛИБИ, т. II, с. 323). Характеристика эта касалась не только византийской образованности болгарского князя, а самой его оригинальной идейно-политической позиции и отношении империи.

В 894 г. в ответ на запрет льготной торговли болгарским купцам в Константинополе (вести торг отныне они могли в Фессалонике, вероятнее всего, уплачивая пошлины), Симеон начал первую войну с Византией, составившую начало первого этапа борьбы царя за гегемонию на Балканах.[2] В 897 г. он разбил византийцев под Булгарофигом во Фракии. Расширял он границы государства и в юго-западном направлении. В 904 г. он пытался занять разграбленную арабами Фессалонику.[3] Убедившись в высокой боеспособности своих войск и в поддержке высшей знати и пользуясь нестабильностью власти в Константинополе, Симеон начал в 913 г. вторую войну с империей, которую вел до самой смерти.

В начале своего правления князь удовлетворялся титулом, которым пользовались еще Пресиан и Борис («от Бога архонт»). От тюркского титула «хан юбиги» отказался уже Пресиан.[4] Симеон, усвоивший византийскую политическую доктрину, согласно которой император являлся высшим сюзереном всей христианской ойкумены, и прекрасно осведомленный о том, что эту власть — в соответствии и с церковными канонами, и со светскими законами — неоднократно захватывали военачальники провинций (Египет, Крым, Армения), имевшие разное этническое происхождение (фракиец Юстин I, сириец Лев III, армянин Лев V), не видел препятствий к овладению троном и созданию греко-болгарской империи под сенью своего скипетра. Болгария к тому же составляла некогда часть империи, которая с самого основания была полиэтничной и в которой подданство и вера обусловливали граждан-

[1] *В. Гюзелев.* Българската средновековна държава..., с. 180 и сл.

[2] *I. Bozilov.* A propos des rapports bulgaro-byzantins sous le tzar Symeon (893–927). — In: Byzantinobulgarica. S., 1980, p. 80.

[3] *В. Бешевлиев.* Първобългарски надписи, с. 171.

[4] Там же, с. 66; *Он же.* Първобългарите..., с. 43.

кое равенство любой этнической группы. «Ойкуменизм» императорской доктрины обернулся против самой империи: речь шла, таким образом, лишь о воссоединении империи — с одним принципиальным новшеством — воцарением болгарской династии.[1] Прекрасно владевший греческим языком, по-византийски образованный, Симеон чувствовал себя вполне готовым к управлению империей.

По соглашению 913 г. за Симеоном было признано право на титул «василевса» (императора, разумелось — только Болгарии) и давалось согласие на династический брак малолетнего Константина VII с дочерью Симеона (такие браки тогда — в форме обручения, имевшего, однако, юридическую силу брачного союза, — заключались и между детьми в возрасте 5–8 лет). Договор открыл путь к «мирному» утверждению власти Симеона в Константинополе: как тесть малолетнего императора болгарский царь надеялся получить титул «василеопатора», т. е. «отца императора», стать регентом его и соправителем.

Но план царя рухнул с возвращением к власти императрицы Зои, матери Константина VII. Зоя отвергла договор с Симеоном. Симеон возобновил войну. В августе 917 г. он нанес сокрушительное поражение византийской армии под Ахелоем, затем подчинил Сербию. В 918 г. его войска вторглись в Элладу.

Между тем в Константинополе произошли события, нанесшие еще более тяжкий удар по замыслам Симеона — такой же, как и разработанный им, план осуществил начальник военного флота Роман Лакапин: в 919 г. он взял власть в столице, обручил свою дочь с Константином VII, стал василеопатором, а в 920 г. был коронован как соимператор (920–944). Симеон в ответ принял титул «василевса ромеев», вызвав взрыв негодования в Константинополе. Его войска контролировали Фракию. Роман I тщетно предлагал мир. В 924 г. в ответ на неповиновение своего ставленника в Сербии Симеон присоединил ее территорию к Болгарии. Хорватия вступила в союз с Византией против Симеона. Первым сигналом неблагополучия было бегство масс населения из Болгарии, уставшего от бесконечных войн (ГИБИ, т. IV, с. 299). В 927 г. войско Симеона потерпело поражение в Хорватии, и царь скоропостижно скончался в мае этого года.

Симеон существенно расширил границы государства на юге, юго-западе и западе. Авторитет Болгарии на международной арене был выше, чем когда бы то ни было. Однако усилия царя претворить в жизнь свои честолюбивые планы стоили народу Болгарии слишком много материальных средств и человеческих жертв.[2]

---

[1] Ср.: *В. Гюзелев.* Българската средновековна държава..., с. 180, 200.

[2] Ср.: *Ив. Божилов.* Цар Симеон Велики (893–927): Златният век на Средновековна България. С., 1983, с. 128 и сл., *B. Malich.* Der sogennante Wirtschaftskrieg zwischen dem Zaren Symeon und dem Byzantinischen Reich als Ausdruck der gewachsenen Stärke des bulgarischen Staates. — Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas, 1983, Bd. 26/2, S. 74–88.

Яркую страницу в истории правления Симеона составляет его деятельность, направленная на развитие культуры. В историографии утвердилось обозначение этого периода как «золотого века» средневековой культуры страны. Эта деятельность, неотделимая от честолюбивых помыслов царя, сыграла объективно благоприятную роль для дальнейшего развития болгарской средневековой культуры. Со всем великолепием, возможным в ту эпоху, был украшен Преслав. Поясом мощных каменных укреплений был опоясан не только внутренний, как в Плиске, но и внешний город. Ничто, кроме первоначальной планировки, уже не напоминало «аул». Преслав был в 5 раз меньше Плиски по площади: здесь уже не было места для юрт кочевников — это была столица европейского государства, не уступавшая по архитектурному облику и благоустройству многим крупным городам Византии. Величию власти Симеона соответствовали выстроенная им Тронная палата и знаменитый памятник монументальной архитектуры — дворцовая Круглая (Золотая) церковь, ротонда, украшенная мраморными колоннадами в два этажа, многоцветными мозаиками и керамическими плитками. Превращая столицу в средоточие «христианского благочестия» и центр официальной культуры, Симеон основал также несколько монастырей, из которых как архитектурный ансамбль и культурный центр выделялся монастырь в пригороде Преслава — Патлейне.

Однако наиболее тесно имя Симеона связано с расцветом старобългарской литературы: едва через 10–15 лет после введения богослужения на славянском языке и славянской письменности в качестве официального языка церкви и государственного делопроизводства были не только переведены с греческого важнейшие памятники канонической и вероучительной литературы, но и созданы оригинальные литературные произведения, и прозаические, и поэтические. Возможным это оказалось потому, что талантливая плеяда первых болгарских книжников опиралась на достижения кирилло-мефодиевского кружка и пользовалась щедрой поддержкой главы государства (ИБ, 2, с. 278–323).

Всемерное содействие Симеона развитию отечественной литературы было частью его общего политического курса, направленного внутри страны на утверждение христианства как безраздельно господствующего мировоззрения, на ликвидацию остатков этнокультурного дуализма, упрочение сложившегося общественного строя и усиление авторитета царской власти, а вовне — на повышение престижа Болгарии, расширение ее границ, а затем и на создание славяно-греческой империи. Эпохой Симеона датируется завершение процесса оформления новой этнокультурной общности — болгарской феодальной народности, славянской по своему облику.[1] Идейно-политическая доктрина болгарского христианского царства не отвергла политической преемственности

[1] Ср.: *В. Гюзелев.* Българската средновековна държава..., с. 191 (автор считает, что Первое Болгарское царство до его падения оставалось протоболгарским, в котором славянское влияние было незначительным).

славяно-протоболгарской державой ханов-язычников. Государство не только сохранило свое наименование — окончательно утвердился древний тюркский этноним «болгары» в его новом значении, отражающем безраздельно господствующее самоназвание населения страны, его представление и о своей этнической общности, и о государственной принадлежности. Именно при Симеоне «Именник болгарских ханов» был переведен с греческого на староболгарский как официальный памятник государственной истории, хотя реликты протоболгарского быта уже утратили серьезное значение в жизни общества.[1]

ВНУТРЕННИЙ КРИЗИС И ПОЛИТИЧЕСКИЙ УПАДОК ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ X в.

Десятое столетие было ознаменовано не только усовершенствованием системы государственной эксплуатации трудового населения и завершением строительства централизованной средневековой монархии, но и становлением институтов феодального общества. В общих чертах структура земельной собственности в Болгарии была близка к византийской, и это сходство необъяснимо без признания разного по интенсивности, но общего для двух стран синтеза общественного строя «варваров» (славян) и восточноримских социально-экономических институтов.[2] Славяне перенимали у автохтонов не только более высокую агрикультуру. Под влиянием местных условий ускорился переход к соседской общине, а следовательно — и появление собственности общинника на пахотный надел (аллод). Формы централизованных взносов и отработок также испытали византийское воздействие. Кроме того, крупные массивы земель на вновь завоеванных землях (с которых были изгнаны византийские феодалы и управители императорских поместий) переходили в собственность царской семьи, представляли собой и поместья с зависимым населением, и незанятые земли, служившие фондом пожалований царя. Небольшие, но благоустроенные имения близ Охрида и Главиницы («места для отдыха») подарил Клименту Охридскому еще Борис.[3] Из фонда царских земель прежде всего в Болгарии ускоренными темпами формировалось церковное и монастырское землевладение. Грамоты Василия II от 1019–1025 гг. в пользу Охридской архиепископии, фиксируя владения епископий, их имущественные права и точное число избавленных от казенных налогов зависимых «па́риков» и клириков, содержат прямое указание на то, что эти порядки сложились еще при Петре и Самуиле.[4]

---

[1] *Д. Ангелов.* Образуване.., с. 305 и сл.

[2] Ср.: *Й. Хенинг.* Археологически проучвания за разделението на труда между града и селото по времето на Първата българската държава. — В кн.: Първи международни конгрес..., с. 181–199.

[3] *А. Милев.* Гръцките жития на Климент Охридски. С., 1966, с. 124.

[4] *Й. Иванов.* Български старини из Македонии. С., 1970, с. 555–557.

Имелись в эту эпоху и крупные имения светской знати. Сановник Симеона и Петра ичиргу боил («чергубиль») Мостич, достигнув старости, передал «все имущество» монастырю.[1] Крупными земельными собственниками были и те видные полководцы Самуила, которые управляли провинциями, возглавляли гарнизоны крепостей и командовали воинскими подразделениями комитатов. Один из наиболее последовательных сторонников продолжения борьбы с Василием II Иваца имел владение-крепость с садами и дворцами (ГИБИ, т. IV, с. 292–293).

Следовательно, вторым видом собственности в Болгарии в X в. была частная крупная собственность, которая по своей социальной (феодальной) сущности мало отличалась от царской. Фактором, сближавшим византийские аграрные порядки с болгарскими, было также то, что и здесь были весьма высоки прерогативы царской власти, осуществлявшей контроль над частным землевладением, жаловавшей освобождение от налогов лишь как высочайшую милость и нередко прибегавшей к конфискациям частновладельческих земель в случае опалы их собственника. Несомненно, подобные отношения собственности являются также результатом синтеза между институтами «варварского» общества и феноменами восточноримского, которому присуще господство закрепленного в действующем римско-византийском праве принципа частной поземельной собственности.[2]

Общественно-экономический строй Болгарии IX–начала XI в. не может рассматриваться по аналогии с азиатскими феодальными деспотиями при всей важности прав контроля центральной власти над частной собственностью: ни государь Болгарии, ни император не обладали правом верховной собственности на все земли страны. Неизвестно от IX–XI вв. ни одного бесспорного факта конфискации частной собственности в силу акта монаршего произвола или передачи (без суда) в собственность частного лица не только села свободных общинников, но хотя бы одного крестьянского двора.[3] Если уж говорить об участии в синтезе неких «азиатских форм», то под ними, видимо, следует усматривать некоторые элементы общественной структуры, напоминающие восточные (юридически неограниченная власть государя), которые утвердились в Болгарии через византийское посредство, но и здесь — с существенным отличием: в империи принцип наследственности власти упрочивался с трудом, в Болгарии же он соблюдался в целом со времени основания государства.

Третьим видом собственности была общинная собственность на неподеленные земли (угодья). Собственность большесемейных коллективов являлась в этот период лишь подвидом мелкой крестьянской,

---

[1] *В. Бешевлиев.* Първобългарски надписи, с. 226; *Он же.* Първобългарите..., с. 51; *Iv. Dujčev.* Un haut dignitaire bulgare du Xe siècle. — BSl, 1968, t. 29, p. 281.

[2] *G. Litawrin.* Zur Lage der byzantinischen Bauernschaft im 10.–11. Jh. (Strittige Fragen). — In: Beiträge zur byzantinischen Geschichte im 9.–11. Pr., 1978, S. 47–70.

[3] См.: *Г. Г. Литаврин.* Византийское общество и государство в X–XI вв. М., 1977, с. 42 и сл.

так как господствовала малая семья, хотя вместе с родителями могли жить и их взрослые дети. Большие семьи (задруги, как их обозначают в соответствии с возникшим весьма поздно и вне болгарской земли термином) еще сохранились внутри соседских общин: Феофилакт Болгарский пишет, что у болгар порой выпекался хлеб, одной буханкой которого можно было накормить 10 взрослых мужчин.

Главное содержание социально-экономических процессов в Болгарии X–начала XI в. состояло в появлении основных институтов феодального общества: феодальной вотчины (земли которой делились на господские и держания крестьян), категорий зависимых крестьян, на которых переносили византийский термин «парики», экскуссии (налогового иммунитета) и т. п. Однако частновладельческая эксплуатация до падения Первого Болгарского царства не стала господствующей формой изъятия прибавочного продукта. Основную массу крестьянства составляли свободные налогообязанные общинники.[1]

Оформился в IX–XI вв. в Болгарии и феодальный город как средоточие ремесла и торговли (а не только как административно-церковный центр и крепость), в котором мелкий, самостоятельно работавший в мастерской производитель (и свободный, и зависимый) был основной фигурой в экономике. Как правило, он являлся одновременно владельцем участка земли близ стен города, совмещая труд ремесленника с земледелием, — явление, обычное для балканского города. К тому же множество городов Болгарии имели византийское происхождение и были включены в пределы страны, когда (в IX–X вв.) они успели оправиться от разгрома их «варварами» и возрождались на новой, феодальной основе. Такими были, например, Пловдив, Средец, Скопье, Охрид и др. Принципы организации хозяйственно-торговой и общественно-политической жизни были одинаковы также и в новых городах, воздвигнутых в Болгарии в VII–X вв. (Плиска, Преслав).[2]

Археологи доказали существование и государственных мастерских; обнаружены и рыночные ряды, причем в Преславе, например, как и в Константинополе, мастерские ремесленников служили одновременно лавками; некоторые из них (особенно гончарные) уже производили свою продукцию не на заказ, а на рынок (ИБ, 2, с. 345).

Следуя прецеденту, созданному Борисом, Симеон еще при жизни лишил права наследования старшего сына Михаила (он был пострижен в монахи). На трон вступил Петр (927–970). Он завязал переговоры о мире с византийцами. Империя также стремилась к миру. Петр прибыл в Константинополь. Был подписан мирный договор («на 30 лет»), скрепленный браком болгарского царя с внучкой Романа I Марией (Ириной). В основу статьи о границах были положены договоры Симеона

---

[1] *Ц. Чолова.* Социално-класовата структура на средновековното българско общество според на Йоан Екзарх. — ИБИД, 1980, т. 33, с. 69–81.

[2] Ср.: *Д. Димитров.* Възникване на градски центрове в Северо-източна България. — В кн.: Средновековният български град. С., 1980, с. 35–45; *Д. Овчаров.* Възникване и оформяне на Преслав като средновековен град (IX–X в.). — Там же, с. 107–116.

с империей в 896 и 904 гг.: Петр отказался от приобретений, сделанных отцом во 2-й войне, в том числе — от Девельта, Агафополя, Сополя, Месемврии, Визы. Был признан титул Петра — «василевс (т. е. царь) болгар» и статус автокефальности болгарской церкви. Болгарский государь получил в иерархии византийского христианского «сообщества государств» ранг духовного «внука» императора.

Острые споры вызвал вопрос о статусе болгарской церкви. Полагают, что архиепископия была переведена в ранг патриархии, однако с условием сделать ее резиденцией не Преслав (столицу), а Дристру (Доростол, известный подвижничеством христианских мучеников в III–IV вв.).[1]

Сам по себе договор 927 г., при учете внутреннего положения в стране и угрозы вторжения хорватов и венгров, нельзя расценивать как невыгодный для Болгарии. Однако он таил серьезную опасность, ибо означал невиданное ранее сближение с империей. Болгария становилась на 30 лет ее союзницей, готовой возложить на болгар ответственность за безопасность имперских провинций в Европе от нападений врагов с севера (венгров, печенегов, русских). Развязав себе руки на Балканах, Роман I имел возможность бросить все силы против арабов. Несомненно, почетный брак Петра, его титул, ранг церковного главы Болгарии повышали ее престиж на международной арене: Константин Багрянородный через четверть века с негодованием говорил об этих уступках «неуча»-тестя (Романа I). Но вместе с тем отношения императора с болгарским царем принимали характер «семейных связей». Сам Симеон стремился завязать их (стать тестем), но не хотел быть в брачном союзе младшим партнером, каким оказался Петр. Родство с византийским правящим домом считалось в высшей степени почетным. Однако было небезопасно стать «родичем» императора, находясь в соседстве с Византией. Ее политики трактовали династические связи как выражение политической зависимости «родственника» от императорского престола.[2] Любое осложнение в отношениях могло дать повод к попыткам заменить «неблагодарного» другим представителем династии (таких членов династий соседних стран империя всегда содержала как кандидатов на роль своих ставленников). В отношениях с Болгарией именно так и обстояло дело: «запасной» кандидат на престол (мятежный брат Петра Иван) появился уже в 928 г., и константинопольский двор, несмотря на союз и родство, повел политику постепенного удушения независимого государства. В концепции имперских дипломатов эта стратегическая линия не означала ничего более, как восстановление «законных прав» василевса ромеев.

---

[1] *Д. Ангелов.* Средновековният български град като държавен център. — В кн.: Средновековният български град. С., 1980, с. 69; *В. Д. Николаев.* Значение договора 927 г. в истории болгаро-византийских отношений. — В кн.: Проблемы истории античности и средних веков. М., 1982, с. 89–105.

[2] *T. C. Lounghis.* L'Historiographie de l'époque macédonienne et la domination byzantine sur les peuples du sud-est européen d'après les traités de paix du IXe siècle. — Balkan Studies, 1980, № 21, p. 82.

Еще более тяжелые последствия договор с Византией имел для внутриполитического положения в Болгарии. Господствующий класс страны раскололся. Впервые за два с половиной века истории Болгарии династическая борьба разразилась между членами самой правящей династии. Приезд в Преслав царицы, внучки Романа I, территориальные уступки Петра, сведшие на нет доставшиеся ценой тяжелых жертв приобретения Симеона во 2-й войне, перевод резиденции главы церкви в Дристру, реальная опасность для Болгарии быть втянутой в войны против врагов империи — все это побудило соратников покойного царя сплотиться вокруг Ивана, третьего сына Симеона (сам Симеон был третьим сыном Бориса). Заговор был раскрыт, но умиротворения не последовало. Петр передал арестованного Ивана, страшась держать его у себя в стране, «под надзор» Роману I. Тот же обласкал изгоя: наградил, выгодно женил, ввел в круг высшей знати. Так сам Петр дал в руки императора могущественное оружие против себя самого. Кажется, царь не чувствовал себя прочно на болгарском престоле и надеялся удержаться, лишь уповая на поддержку Романа I. В 930 г. поднял мятеж и второй (старший) брат Петра, Михаил, сбросивший монашескую рясу и утвердившийся в долине Струмы. Но претендент внезапно умер.

О слабости позиций Петра свидетельствует и бегство из Болгарии сербского князя Часлава, которому Роман I, уже заключивший союз с Петром, оказал поддержку. Двойственность политики империи проявилась и в «венгерском вопросе», и в «русском»;[1] вскоре эта политика стала откровенно враждебной Болгарии после свержения с престола Романа I, а затем его сыновей и возвращения власти к законному наследнику — Константину VII. Внучка Романа I — болгарская царица Ирина — представляла ненавистных Константину VII Лакапинидов.

Утвердившиеся в Паннонии венгры с 934 г., когда они впервые достигли стен Константинополя, продолжали набеги с перерывами почти до конца 60-х годов. Византия требовала не пропускать их к границам империи, но не оказывала помощи Болгарии. В 965 г. Петр заключил с венграми мир. Он обязался не мешать их проходу к землям империи, а они — не разорять территорию Болгарии (ИБ, 2, с. 390). Сходной была позиция Византии во время походов киевского князя Игоря на Константинополь в 941 и 943 гг.

Внутренняя обстановка в Болгарии в середине X в. еще более осложнилась с распространением богомильского, дуалистического по своей сущности (еретического) движения. Гносеология, космогония и догматика богомильства была связана с павликианством, широко распространенным в округе Филипополя (Пловдива), где еще двумя столетиями ранее были расселены приверженные этой ереси сирийцы и армяне.

Главная опасность со стороны богомилов для господствующего класса состояла в их социальных идеях — в отказе от повиновения властям, уплаты налогов, работ в пользу государства и господ. Богомилы объявляли

[1] См.: *В. Д. Николаев.* К истории болгаро-русских отношений в начале 40-х годов X в. — ССл., 1982, № 6, с. 69–75.

подвигом во славу «истинного бога» (добра) именно то, что официальное православие трактовало как тяжелый грех. Они освобождали сознание угнетенных от «страха божия» и помогали их понять глубину социальной несправедливости существующих порядков. Наиболее активными последователями богомилов становились неимущие и представители свободного крестьянства, еще не находившегося под неослабным надзором господ и остро реагировавшего на резкое ухудшение своего положения. Острие социальных идей богомилов было обращено против церкви и государства. Множество болгарских иерархов в то время (когда за несколько десятков лет церковь и монастыри достигли того же экономического положения, какое они получили в Византии за несколько веков) были поглощены заботами об обогащении.

Как форма социального протеста народных масс богомильство представляло одно из важнейших еретических движений средневековья, сыгравшее крупную роль в истории Болгарии и оказавшее влияние на еретические учения в Западной Европе.[1] В конкретной ситуации середины X в. богомильство содействовало ослаблению феодального Болгарского царства, как и любое другое движение угнетенных, направленное против усиления классового гнета.

В 963 г. умер император Роман II; к власти в Константинополе, под опекой матери, пришли его сыновья Василий (II) и Константин (VIII). В подобных случаях международные договоры требовали подтверждения, и действие договора 927 г. было, видимо, продлено. В Константинополе оказались в качестве заложников сыновья Петра — Борис и Роман. Следовательно, Петр продолжал уступать: имперский двор овладел наследниками болгарского царя как гарантами мира и выгодного для империи курса Болгарии. Правительство Петра теряло авторитет на международной арене и социальную опору внутри.[2]

С приходом к власти Никифора Фоки (август 963–969 гг.) империя стала готовиться к окончательному удару по Болгарии. В 967 г. Никифор отказался выплачивать дань Болгарии и потребовал от Петра разорвать мир с венграми (ИБ, II, с. 390). Петр не мог согласиться с этим. Не завершивший еще войны с арабами Никифор решил нанести удар Болгарии силами русского князя Святослава, опираясь на старый договор с Киевом.[3] В 968 г. Святослав, разбив болгар, занял города

---

[1] *Д. Ангелов.* Богомилството в България. С., 1969, с. 356 и сл.; *Б. Примов.* Бугрите. Книга за поп Богомил и неговите последователи. С., 1970; *Д. Драгојловић.* Почеци богомилства на Балкану. — В кн.: Богомилството на Балканот во светлината на најновите истражувања. Скопје, 1982, с. 19–29; *Г. Г. Литаврин.* О социальных воззрениях богомилов: Некоторые итоги изучения начального периода истории ереси. — Там же, с. 34–39.

[2] *П. Коледаров.* Царь Петър I. — Военноисторически сборник. С., 1982, № 4, с. 192–207; ср.: *С. А. Иванов.* Византийско-болгарские отношения в 966–969 гг. — ВВ, 1981, т. 42, с. 88–100; об обстановке в левобережье Дуная в это время см.: *Е. Михайлов.* За руско-българската граница до края на X в. — ГСУ, ФИФ, 1973, т. 65, кн. 3, с. 197–198.

[3] *А. Н. Сахаров.* Дипломатия Святослава. М., 1982, с. 151–169; ср.: ИБ, 2, с. 390–397; *В. Тъпкова-Заимова.* Долни Дунав — гранична зона на византийския Запад. С., 1976, с. 35, 45 и сл.

до Дунаю. Никифор II, поняв свою ошибку, спешил урегулировать конфликт с Петром — летом 968 г. болгарский посол был с почетом принят в Константинополе. Святослав, вынужденный вернуться на несколько месяцев в Киев, снова появился в Болгарии (969), заявив о намерении обосноваться на Дунае, в Преславце.

Именно к этому времени относят в литературе отделение от Болгарии западных районов государства, находившихся под управлением четырех братьев-комитопулов, т. е. сыновей комита (Николы, бывшего наместником провинции — комитата с центром в Средце). Петр, тяжело заболев, ушел в монастырь уже в 969 г., а его наследники Борис и Роман были отпущены из Константинополя в надежде, что они организуют отпор враждебным империи комитопулам и Святославу, заняв освобожденный Петром престол. Об отношениях Святослава с комитопулами неизвестно, но и русский князь с 969 г., и комитопулы проводили враждебную империи политику, тогда как Петр (он умер в январе 970 г.) и Борис II искали у Византии защиты (ИБ, 2, с. 397).

Раскол в лагере болгарской знати стал еще более глубоким. Святослав, взяв во второй половине 969 г. Преслав, поставил в нем гарнизон, державший в почетном плену царскую семью. Борису были оставлены регалии власти, казна сохранялась нетронутой. Остались на своих постах, по-видимому, и некоторые наместники болгарских провинций, и начальники крепостей, в частности — на левом берегу Дуная. Причины столь необычного поведения победителя кроются, возможно, в условиях его соглашения с частью болгарской знати, поставившей свои силы под общее командование Святослава. Обстоятельства борьбы комитопулов с Василием II показывают, что даже среди оппозиционной Петру и Борису II знати не ставился вопрос о смене династии. Как и на Руси, в Болгарии соблюдался принцип сохранения власти за представителями одной династии, что, вероятно, было связано с особой ролью правящей династии в основании и упрочении государства, в принятии христианства и внешнеполитических успехах. Верность этой династии культивировалась с помощью государственной пропаганды и церковной проповеди как один из факторов оформлявшегося самосознания феодальной народности.

В пользу гипотезы о договоре комитопулов со Святославом говорит и тот факт, что русский князь не стремился к власти над всей Болгарией, оставив нетронутыми ее западные и юго-западные провинции. Репрессии Святослава касались только той части знати, которая тяготела к союзу с Византией, — даже во время этих репрессий в составе его войск оставались болгарские части.[1]

Совершенно иной была позиция византийского императора Иоанна I Цимисхия (969–976), едва он вторгся в Болгарию весной 971 г.[2]

---

[1] *С. А. Иванов.* Koiranos tōn Bulgarōn (Иоанн Цимисхий и Борис II в 911 г.) — В кн.: Общественное сознание на Балканах в средние века. Калинин, 1982, с. 47–59.

[2] Ср.: *W. Seibt.* Untersuchungen zur Vor. und Frühgeschichte der «Bulgarischen» Kometopulen. — In: Handes Amsorya, 89. Jhg. Wien, 1975, H. 1–3,

Он захватил царскую казну и переименовал столицу Болгарии в Иоаннуполь. После ухода Святослава Северо-Восточная, Восточная и часть Центральной Болгарии (район Средца) была аннексирована Византией, Борис II и Роман были уведены в Константинополь, где публично во время триумфа Борис II был лишен царских регалий.

ПОСЛЕДНИЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ ПЕРВОГО БОЛГАРСКОГО ЦАРСТВА

Четыре брата-комитопула (Давид, Моисей, Аарон и Самуил), видимо, не предпринимали наступательных действий против империи до 976 г., т. е. до смерти Иоанна Цимисхия (ИБ, 2, с. 397). Не провозглашая царем Болгарии ни одного из братьев, комитопулы поддерживали дипломатические отношения с другими государствами: в 973 г. «послы болгар» прибыли к германскому императору Оттону I (ЛИБИ, т. III, с. 113, 114, 200) — они могли прибыть лишь от комитопулов.

Возвышение провинциальной служилой знати (комитов) в Болгарии уже в середине X в. было обусловлено отнюдь не феодальной раздробленностью: крупное землевладение только складывалось, иммунитет феодального поместья находился в первых фазах развития. Власть комитов опиралась на их полномочия в качестве наместников провинции и в условиях слабости центральной власти, политических разногласий и иноземного нашествия усилилась, особенно когда комит выступал как организатор борьбы за независимость. Непримиримая к империи позиция комитопулов обеспечила им поддержку в широких слоях населениях. Вскоре после 976 г. комитопулы отняли у империи Северо-Восточную Болгарию.[1]

В начале 40-летней борьбы болгар за независимость против империи ни один из братьев не имел явных преимуществ. Однако после гибели Давида и Моисея и устранения Аарона уже во второй половине 970 годов вся полнота власти перешла к Самуилу. Несомненно в расчете на приверженность болгар к законной династии бежали из Константинополя в Болгарию Борис II и Роман. Борис, одетый в византийское платье, был по ошибке убит на границе, Роман же был принят Самуилом как законный государь. Однако он не был склонен к этой роли, посвятив свои заботы делам церкви.

Подвластное Самуилу государство рассматривалось им самим, его подданными и современниками из соседних стран как продолжавшее существование Первое Болгарское царство.[2] Вскоре территория страны

S. 66–98; *Ф. Малингудис.* По въпроса за произхода на Комитопулите. — В кн.: Доклади. Българска държава през вековете. С., 1982, I. Средновековна българска държава, с. 70–75; *St. Reck.* Powstanie zachodniobulgarskiego państwa Komitopulów. — Przeglad historyczny, 1983, t. 74, S. 237–254.

[1] *Ст. Антолјак.* Самуилова држава. Скопје, 1969.

[2] *P. P. Georgiev.* Au sujet de l'interpretation des scaux de plomb de l'archeveque Georges de Bulgarie. — Etudes Balkaniques, 1980, № 3, p. 120–129 (автор аргументирует вывод, что учрежденное Цимисхием в 971 г. в Дристре архиепископство существовало до 1020 г.).

вновь охватывала почти все те земли, которые в нее входили при Симеоне, исключая часть Фракии. Самуил распространил свою власть на Фессалию с Ларисой. Он не перенес в разоренный Преслав столицу государства — ею стал Охрид, куда была переведена в конце концов и резиденция владыки церкви Болгарии.

Период с 976 г. до конца X в. характеризовался военным перевесом болгар. Особым ожесточением отличалась борьба в первой половине 90-х годов. В плен к Василию II попал Роман. В 997 г. этот последний представитель прежней династии умер в тюрьме, и тогда состоялась коронация Самуила, возможно, принявшего титул «самодержца» (автократора).[1]

В последние годы X в. в болгаро-византийской войне наметился перелом в пользу империи. Сказался, видимо, общий перевес сил, наличие у империи более значительных материальных и людских ресурсов. Крупные военачальники, правители провинций, в том числе связанные с Самуилом узами родства, стали переходить на сторону врага. В самом начале XI в. Василий II занял Северо-Восточную Болгарию. Содействие императору оказал при этом епископ Видина.[2] Крупными силами и большими полномочиями располагал также наместник Перника Кракра, который имел в подчинении 35 военачальников, успешно воевал против Василия II и сложил оружие с подчиненными ему воеводами после гибели последнего царя Первого Болгарского царства Ивана Владислава в 1018 г. Сходным было и положение Сермона, наместника Сирмия, который отказался подчиниться императору даже тогда, когда вся Болгария была завоевана (Сермон был убит во время переговоров).

Таким образом, в период правления царей последней династии Первого Болгарского царства наместники провинций приобрели не меньшие полномочия, чем сами комитопулы накануне ухода со сцены старой династии. Уже от эпохи Симеона и Петра имеются данные о появлении новых крупных должностей в аппарате государства, как, например, «канартикин» (старший принц?) и «вулиатаркан» (боил таркан?) и «шесть великих боляр», о здоровье которых специально справлялся император во время приема болгарских послов. Но все эти лица — скорее всего представители центрального аппарата: им по чину соответствовали представители имперского столичного управления — два магистра, синклитики, четыре логофета.

Арабский посол Ибрагим ибн-Якуб, видевший в 973 г. болгарских послов при дворе Оттона I, пишет, что царь болгар весьма могуществен, увенчан короной, имеет писцов, регистры и областных управителей (Хр., I, с. 169). Имелись в виду, вероятно, столичные учреждения, налоговые и воинские регистры (в которых, как и в Византии,

[1] *В. Гюзелев.* Царската промулгация на Петър и неговите приемници и светлината на българо-византийските дипломатически отношения след договора от 927 г. — ИП, 1983, № 6, с. 41–42.

[2] *Й. Иванов.* Български старини..., с. 557.

фиксировались повинности населения) и наместники провинций. Но от времени Симеона и Петра нет известий о том, чтобы представители династии занимали должности в провинции. При Самуиле, напротив, многочисленные родичи царя получали важные должности в провинциях, соединяя военную и гражданскую власть. Рассчитана эта мера была на укрепление центральной власти, но, как оказалось, эта же мера привела к ожесточенной борьбе за высшую власть между членами одной династии.

Основные воинские силы Самуила составляли обязанные нести военную службу свободные крестьяне, сражавшиеся, видимо, с такой самоотверженностью, что император Василий II проявил неслыханную жестокость к рядовым воинам (массовое ослепление тысяч пленных) и поселянам, ведшим партизанскую войну.

В 1014 г. войско Самуила было разгромлено у Беласицы, и Самуил не пережил поражения. На престол взошел его сын Гавриил Радомир (1014–1015), возглавивший отчаянное сопротивление Василию II. Но скоро он был убит двоюродным братом Иваном Владиславом. Новый царь стал искать мира с империей, так как против него поднялась часть болгарской знати: кавхан Феодор обещал Василию II убить царя. Император не спешил принять предложение Ивана Владислава. В 1015 г. Василий II временно впервые занял Охрид; было захвачено множество других городов и крепостей. В феврале 1018 г. при осаде Драча погиб Иван Владислав. Его смерть явилась сигналом к прекращению борьбы для большинства воевод, комитов и боляр. Они являлись к императору, и, как правило, он принимал их на службу. Наиболее видные из них, и прежде всего все представители династии, были переселены в Малую Азию, где получили поместья и военные и гражданские посты. История существовавшего почти 340 лет Первого Болгарского царства завершилась.

Теперь коротко о духовной жизни Болгарии в конце X–начале XI в. и об идейно-политической функции культуры. Соответственно непосредственной этнической преемственности основных масс населения и столь же непосредственной государственно-политической преемственности между царством Петра и царством Самуила развитие болгарской культуры происходило в целом в русле ее развития в предшествующую эпоху. Это отразилось на всех сторонах официальной культуры, испытывавшей все более заметное византийское влияние. Новыми явлениями были: более высокий уровень народностного (болгарского) самосознания, отраженного в памятниках литературы, существенно большая однородность материальной культуры, являвшаяся показателем полного изживания остатков этнокультурного дуализма. К этому периоду относится и появление первых памятников богомильской литературы — отреченных (запрещенных церковью) апокрифов, свидетельствующих о влиянии богомильских идей. Сохранившиеся источники не содержат данных о том, что в условиях тяжелой борьбы с Византией сколько-нибудь значительные слои трудового населения в согласии с богомильской проповедью оказывали повиновение властям или отказывались идти в бой (пролитие человеческой крови богомилы объявляли тягчайшим грехом).

Итак, структура Болгарского государства в итоге более чем трехсотлетнего развития, от становления первичных форм государственного управления до оформления развитой системы власти, в целом соответствовала (и по уровню, и по формам) организации современных Первому Болгарскому царству государств Европы.

Рассматриваемый материал оправдывает наиболее общий вывод, что Первое Болгарское царство развивалось в рамках раннефеодального периода и может быть определено как раннефеодальное государство. По своей социально-экономической основе, политической и идеологической надстройке оно представляло собою во второй половине IX — начале XI в. одну из разновидностей европейского государства, типологически более близкую к византийской, чем к западно- или центральноевропейской модели. Однако и это сходство не исключало существенных особенностей болгарской государственности, обязанных специфике местных условий и конкретных форм синтеза институтов «варварского» общества и находящихся в процессе трансформации порядков ранневизантийской общественной системы.

Наиболее заметно синтез проявился в социально-экономической сфере и не нашел адекватного отражения в политической структуре государства и в дохристианскую, и в христианскую эпохи истории Первого Болгарского царства.[1] Причины этого заключались в том, что оформление Болгарского государства совершалось при доминирующих на первых порах военно-политических институтах протоболгарского и славянского обществ, в условиях острой конфронтации с империей и сознательного отвержения норм византийской общественной и политической жизни. Кроме того, славяно-протоболгарское общество с конца VII до середины IX в. было не готово к усвоению институтов имперской государственной системы. Когда же оно обрело такую способность, сложившаяся в Болгарии структура власти достигла уровня, отвечавшего местным условиям, и было освящено традицией, неотделимой от общественно-политических представлений как господствующего класса, так и широких слоев населения.

В целом в истории Болгарии в рассматриваемую эпоху можно выделить три главных периода. Первый охватывал время от событий, приведших к консолидации государственной власти в 680–681 гг., до начала IX в. и может быть охарактеризован как этап существования «союзно-федеративной» славяно-протоболгарской государственной системы с ярко выраженным дуализмом этнокультурной и военно-политической структуры; протоболгарская аристократия доминировала тогда в центральном аппарате власти, славянская — в провинциальном.

Второй период занимает время от начала IX в. до утверждения в конце столетия христианства в качестве государственной религии. Его важнейшей особенностью (соответственно процессам, приведшим

[1] Е. А. Горюнов и М. М. Казанский (К изучению раннесредневековых древностей Нижнего Подунавья. — В кн.: Славяне на Днестре и Дунае... с. 191–205) поддерживают мнение, согласно которому синтез на занятой славянами территории Балкан отсутствовал и в сфере материальной культуры.

к устранению родоплеменных перегородок, победе славянского хозяйственно-культурного типа и утверждению единой, основанной на законе системы централизованной эксплуатации) была ликвидация административного дуализма и утверждение единства органов управления на всей территории государства.

Последний, третий период, несмотря на временный перерыв в развитии центрального управления, представляет, однако, единый этап существования развитого раннефеодального христианского государства, начиная с конца IX в. до его падения в результате иноземного завоевания. Развитие феодальных отношений в эту эпоху обусловило появление черт, типичных для централизованных монархий раннефеодальной и феодальной эпохи: упорядочение централизованной системы эксплуатации, упрочение контроля царской власти над ростом феодального землевладения и оформлением его привилегий, введение судопроизводства, основанного на писаном законе, идеологическая монополия христианской церкви как важнейшего элемента государственной надстройки, подчинение основных форм культуры и искусства идейно-политическим целям государственной власти, появление тенденции к слиянию публичноправовых и частноправовых функций и к наследованию государственных должностей и привилегий (т. е. начало формирования сословий).

Введение христианства в Болгарии (IX–начало X в.)

Болгария приняла христианство в качестве официальной государственной религии одной из первых среди славянских стран. При этом имело место ярко выраженное хронологическое несоответствие: конституировавшееся на рубеже VII–VIII вв. на землях христианской (Византийской) империи, находившееся с нею в постоянных тесных контактах более полутора столетий, Первое Болгарское царство оставалось языческим дольше, чем любое другое славянское государство. Эта констатация ставит перед исследователем ряд важных вопросов. Известно, что христианство в качестве устойчивого, господствующего в обществе вероисповедания утверждается лишь на определенной стадии его социального и политического развития, когда обострившиеся антагонистические противоречия уже регулируются в пользу эксплуатирующего меньшинства публичной государственной властью. Следовательно, «запоздание» Болгарии с введением христианства можно приписать либо тому обстоятельству, что социальные отношения в стране (по крайней мере до середины IX в.) оставались еще очень незрелыми, а ее политический строй не может быть квалифицирован как государственный, либо же особенностям этносоциальной и этнополитической структуры славяно-протоболгарского общества в конце VII–первой половине IX в.

Второе специфическое именно для Болгарии хронологическое несоответствие состоит в том, что принятое здесь относительно поздно (считая с даты основания государства) христианство упрочилось в качестве государственной религии в течение периода, равного едва двум третям столетия, т. е. быстрее, чем в подавляющем большинстве других славянских государств. Это последнее обстоятельство побуждает искать причины отмеченных хронологических несоответствий скорее в специфике Первого Болгарского царства, чем в незрелости его общественной

структуры вплоть до середины IX столетия.[1] Намереваясь в связи с этим уделить ниже серьезное внимание особенностям общественной структуры Болгарии, мы будем рассматривать их, разумеется, лишь в тесной взаимосвязи с наиболее характерными проявлениями духовной жизни населения Болгарского государства дохристианской эпохи.

Вплоть до начала IX в. нет, видимо, достаточных оснований для предположения о сколько-нибудь заметном религиозном влиянии на славян, поселившихся на территории между Балканским хребтом и южными склонами Карпат (т. е. там, где возникло Первое Болгарское царство), со стороны оставшегося на месте немногочисленного автохтонного христианского населения. Нет также никаких достоверных данных и о том, что до начала IX в. в пределах границ Болгарского государства византийскими или западными миссионерами осуществлялась официально в какой-либо форме проповедь христианства. Как было показано в первой главе (О. В. Ивановой), византийские христианские епархии всех рангов, вплоть до местных приходов, были в ходе нашествий и последующего расселения славян (в конце VI–первой четверти VII в.), а затем и протоболгар (в последней четверти VII в.) полностью ликвидированы. Несомненные черты фракийской языческой обрядности, свойственные религиозным обычаям и народным празднествам славян средневековой Болгарии (например, нестинарство), были восприняты ими, конечно, от автохтонов. Но эти автохтоны были, во-первых, в подавляющем своем большинстве (исключая, может быть, глухие горные районы) уже не фракийцами, а их романизированными и эллинизированными потомками, бывшими «ромеями» (подданными византийского императора), говорившими соответственно на вульгарной латыни и на греческом. Во-вторых, эти автохтоны ко времени расселения славян давно уже были христианами, которые лишь сохранили пережитки фракийского язычества и передали их славянам, оставшимся пока к ним — как язычники — более восприимчивыми, чем к идеям и обрядам христианского культа. В-третьих, наконец, ранние контакты славян с автохтонами были гораздо более интенсивными не там, где образовалось Болгарское государство, а к югу и юго-западу от него, на землях Фракии и Македонии, часть которых вошла в состав Первого Болгарского царства в основном лишь в первой половине IX в.

Судя по данным начала X в., христианские традиции непрерывно сохранялись (разумеется, вместе с остатками автохтонного греческого населения и греческого духовенства) едва ли не в самом центре Болгарии и вокруг ее столицы,[2] но отправление христианского богослужения было при этом лишено до 865 г. официальных организационных форм, совершалось, по всей вероятности, верующими в до-

---

[1] *Г. Г. Литаврин.* Формирование и развитие болгарского раннефеодального государства (конец VII–начало XI в.). — Раннефеодальные государства на Балканах. VI–XII вв. М., 1985, с. 132–165.

[2] *Б. Ангелов.* Из старата българска, руска и сербска литература. Кн. III, София, 1978, с. 91–92; *А. А. Турилов.* Данные «Сказания о железном кресте» о христианизации Болгарии. — Введение христианства у народов Центральной и Восточной Европы. Крещение Руси. Сборник тезисов. М., 1987, с. 53–54.

нашней обстановке и скорее всего — втайне от язычников. Недвусмысленные сообщения о враждебности язычников — славян и протоболгар к христианству идут непрерывно, начиная с VII в.

Традиции христианства сохраняла, по всей вероятности, и часть населения (в том числе славянская) лежащей к югу от Балканского хребта, в Северной Фракии, области Загоры, уступленной Юстинианом II в 705 г. хану Тервелю за военную помощь в возвращении императорского престола.[1] Из Фракии (и скорее всего — из близких к Загоре районов) происходил некий «вождь разбойников», который отрекся от христианства, перешел к князю славинии северов (она входила в состав Болгарии и примыкала к Балканскому хребту с севера) Славуну и помогал ему в 60-х годах VIII в. разорять византийскую Фракию (славяне дали перебежчику прозвище «Христианин»).[2] Характерно, что во время болгаро-византийских конфликтов в первой четверти IX в. часть населения Северной Фракии, причем не только греки, но и славяне, уходили к югу, на земли империи, и болгарские ханы при установлении мира требовали у императора вернуть беглецов на старые места обитания, т. е. в пределы Болгарии.[3] Скорее всего, это были уже христианизированные славяне, страшившиеся преследования болгарских властей.

Что касается славянского язычества в Болгарии, то имеющиеся скудные данные не позволяют ни выявить его особенности сравнительно с языческими славянскими верованиями других регионов, ни проследить какие-либо перемены в содержании или формах языческого славянского культа в ходе VI–IX столетий. Конкретные известия о славянском язычестве на болгарских землях общеизвестны. С полным основанием здесь могут быть привлечены сообщения Прокопия, хотя они и относятся к IV в. и имеют в виду славян левобережья Дуная («склавинов») и Восточно-Европейской равнины (антов), так как этнокультурный облик всего славянства представляется византийским наблюдателям совершенно одинаковым и так как славяне левобережья Дуная приняли непосредственное участие в создании Первого Болгарского царства и являлись его подданными.

Они обожествляли силы природы, почитали реки и якобы обитавших в них нимф, приносили им и другим своим божествам жертвы, совершая при этом гадания; желая избежать смертельной опасности от болезни или руки врага, они давали обет совершить жертвоприношение богам в случае благоприятного исхода дела; в жертву приносили при этом быков и иных животных; главным среди богов («владыкой всего») они считали «творца молний».[4] Насколько нам известно, в историографии широко распространено мнение, что под этим главным божеством у Прокопия следует подразумевать Перуна.[5] Культ его среди балканских (в том

---

[1] *В. Златарски.* История на Българската държава през средните векове, т. I, ч. 1. София, 1970, с. 226–246.

[2] ГИБИ, т. III, с. 272 (Феофан).

[3] *В. Бешевлиев.* Първобългарски надписи. София, 1979, с. 152–165.

[4] ГИБИ, т. II, с. 126 (Прокопий).

[5] *Б. А. Рыбаков.* Язычество Древней Руси. М., 1987, с. 412–454; *A. Gieysztor.* Mitologia Slowian. W-wa, 1982, S. 51, 116 etc.

числе «болгарских») славян, по-видимому, еще более усилился в VII—IX вв., как можно судить по данным топонимики (возвышенность Перун, населенные пункты Перун-град и Перуштица, гора Пирин) и по названию цветка «перуника», который расцветает как раз в период грозы в мае—июне. Чтили здесь также, как и в других славянских землях, бога богатства и покровителя домашних животных Велеса (Волоса) (ср. название города в Македонии в средние века Велес, ныне Титов Велес); в мифологических славянских мотивах балканского происхождения Велес связывается с созвездием Плеяды, которое издревле называется у болгар также «Власици».[1] О поклонении местных славян «богу огня» Сварогу свидетельствуют два факта, в достоверности которых не может быть сомнений: именем Сварога передано в болгарском переводе хроники Малалы (перевод был осуществлен в X в.) имя древнегреческого бога огня и ремесел Гефеста;[2] в Велико Тырново обнаружена надпись с упоминанием имени Сварога, датируемая XIII в., она позволяет говорить об устойчивых традициях этого культа.[3] В упомянутом переводе Малалы сын Гефеста, бог солнца Гелиос, назван Даждьбогом, т. е. и этому славянскому божеству поклонялись болгарские славяне.[4]

Самым значительным открытием последнего времени, касающимся славянских языческих культов на территории Болгарии, является несомненно находка в 1980—1981 гг. первого славянского святилища на Балканах близ Михайловграда. Оно обнаружено в развалинах древней крепости Монтана, в одном из помещений византийской эпохи, и представляло собой прямоугольную приподнятую над полом на 45—50 см площадку размером 3,5 на 5,1 м. Культовая керамика, значительный слой угля на жертвеннике, не менее чем трехкратное подновление сооружения свидетельствуют о длительном (в VIII—IX вв.) функционировании святилища; отправление культа совершалось с применением огня и жидкости (воды? — специальный желоб отводил ее с площадки, а затем за пределы всего помещения; его ширина около 8 см, длина не поддается определению).[5]

Святилище находилось именно в том районе (междуречье Огоста и Тимока), куда Аспарух в 680—681 гг. переселил значительную часть союза «Семь родов», где проживали тимочане, в 818/819 гг. поднявшие восстание против хана и почти на 10 лет вышедшие из состава Болгарии.[6] Следовательно, постепенно утвердившийся в литературе

---

[1] *Ст. Станилов.* Славяните в Първото царство. София, 1986, с. 28—31.

[2] *И. И. Срезневский.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. III. СПб., 1903. Стлб. 265.

[3] *Ст. Станилов.* Славяните..., с. 30

[4] *И. И. Срезневский.* Материалы..., т. III. Стлб. 265.

[5] *Ст. Станилов, Г. Александров.* Средневековно езическо светилище в развалините на Монтана. — Археология. 1983, № 3, с. 40—52.

[6] *Г. Г. Литаврин.* К проблеме становления болгарского государства. — СС. 1981, № 4, с. 29—48; *П. Петров.* Образуване на българската държава. София, 1981, с. 209—222; Раннефеодальные государства на Балканах VI—XII вв. М., 1985, с. 143, 159.

ление о том, что до первой трети IX в. Первое Болгарское государство представляло собой своеобразную славяно-протоболгарскую «конфедерацию», в которой центральная верховная власть принадлежала протоболгарской аристократии во главе с ханом (протоболгары занимали центр и северо-восток страны), а славяне — по крайней мере в пограничных зонах на юге, западе и севере — проживали, подчиняясь власти своих князей, в полуавтономных (или автономных) славянских, социально-политических организациях, сохранившихся от догосударственной эпохи, нашел себе еще одно подтверждение.[1] Для целей данной главы важно подчеркнуть, что славяне сохраняли свои языческие верования, имели культовые центры и определенную организацию для отправления языческих ритуалов. Известно, что языческие церемонии совершались при погребении мертвых и, согласно указанному выше сообщению Прокопия, при отправлении на войну. О заклинаниях и гаданиях перед битвой упомянуто и в «Ответах папы Николая на вопросы болгар».[2] Неизвестно, однако, имеются ли при этом в виду славяне и протоболгары или только протоболгары.

О вероисповедании протоболгар сведения более многочисленны. Они также обожествляли силы природы, как и все другие древнетюркские народы, верили в добрых и злых духов, считали носителями сверхъестественной силы отдельных людей (впрочем, эта «сила» могла якобы «переселяться» из одного человека в другого), обожествляли предков, чтили некоторых животных (собаку, коня, оленя), которых использовали в своих обрядах и приносили в жертву. Имелись у протоболгар и идолы, и святилища (капища), представлявшие собою специальные строения в виде двух прямоугольных в плане зданий, одно из которых находилось внутри другого. В качестве высшего божества они почитали тюркского бога Тенгри («Небо»). Средствами «общения» со сверхъестественными силами были шаманизм и торжественно совершаемые церемонии и жертвоприношения. В жертву приносились животные, изредка — люди. Хан выступал в роли верховного жреца,[3] он же участвовал в спорах о вере с представителями иных религий.[4] Остатки протоболгарских языческих святилищ обнаружены в Плиске, Преславе, Мадаре (здесь, видимо, находился важный культовый центр протоболгар).[5]

Важным, но малоисследованным вопросом является проблема взаимоотношений двух языческих вероисповеданий в стране, рассмотренная в тесной связи с кардинальными переменами в социально-экономической и этнокультурной сфере в Болгарии в VIII–первой

---

[1] Раннефеодальные государства..., с. 140–154 (здесь и литература).

[2] ЛИБИ, т. II, с. 91.

[3] ГИБИ, т. IV, с. 20 (неизвестный автор).

[4] *П. Петров, В. Гюзелев.* Христоматия по истории на България, т. 1. София, 1978, с. III. (Житие 15 тивериупольских мучеников).

[5] *Ст. Ваклинов.* Формирование на старобългарската култура VI–XI вв. София, 1977, с. 97, 262; ср.: *Д. Димитров.* Прабългарите по северното и западното Черноморие. Варна, 1987, с. 250–259.

половине IX в. (переход к оседлости и славянизация протоболгар, ликвидация административного дуализма, упрочение центральной власти, развитие феодальных отношений).

Есть основания утверждать, что на религиозной почве между протоболгарами и славянами со времен Аспаруха и до принятия христианства не было конфликтов и причины этого коренились не столько в «языческом нейтрализме», сколько в политической необходимости; взаимная веротерпимость была неотъемлемым элементом той государственной системы, которая возникла на рубеже VII–VIII вв. в результате союза протоболгарской аристократии со знатью местных славянийй. Двухобрядовые некрополи (трупосожжение у славян и трупоположение по языческому ритуалу у протоболгар) свидетельствуют о раздельном отправлении культов теми и другими даже при близком соседстве поселений обоих этносов и о незначительной степени взаимного влияния двух разных обрядов.[1] Нельзя, однако, полностью исключать и возможность частичной синкретизации культов. На это указывают, в частности, черты шаманства, долго сохранявшиеся (почти до наших дней) в болгарских народных игрищах.[2] Но все-таки таких черт сравнительно даже с пережитками и следами фракийского язычества очень немного. Это вполне понятно: фракийское и славянское толки язычества представляли культы этносов одного и того же хозяйственно-культурного типа, отражали быт и циклы деятельности земледельческого населения, тогда как религиозные верования протоболгар, будучи кочевническими по происхождению, принадлежали к совершенно иной религиозной системе, соответствовали другим формам деятельности, резко отличным условиям жизни, иному повседневному распорядку, иным обычаям, представлениям о природе и обществе.

Выдвижение дружинного бога Перуна на роль главного божества у славян и Тенгри у протоболгар (впрочем, это имя сохранилось лишь в одной надписи IX в.)[3] не дает, однако, права на вывод о переходе обоих народов к «языческому монотеизму»,[4] хотя, возможно, вера

---

[1] *Д. Димитров.* Погребалният обред при ранобългарските некрополи във Варненско (VIII–X в.). — Изв. на Археол. ин-т, 1974, т. 34; *Он же.* По въпроса за гробните камери с трупоизгаряне в раносредновековните некрополи в Североизточна България. — Изв. на Народния музей, кн. XI. Варна, 1976; *Ж. Вăжарова.* Славяни и прабългари по данни на некрополите от VI–XI вв. на територията на България. София, 1976, с. 409–415.

[2] *В. Бешевлиев.* Първобългарите. Бит и култура. София, 1981, с. 88.

[3] *В. Бешевлиев.* Първобългарски надписи, с. 123–124.

[4] Ср.: *Ж. Аладжов.* За култа на Тангра в средновековна България. — Археология, 1983, № 1–2, с. 76–85; *Ст. Станилов.* Славяните..., с. 107–108, 115–117; *Москов М.* Прабългарски рунически знак IYI за теонима Тангра. — Старобългаристика, 1987, № 1. с. 15–22. Ср.: *E. Trujarski.* The Tamgas of the Turkic from Bulgaria // Ural-Altaische Jahrbücher, 1975, 47, S. 189–200; *Д. Овчаров.* Български средновековни рисунки-графити. София, 1982, с. 62 сл.; *Он же.* За смисъла и съдържанието на един графит от Плиска. — Преслав, т. 3. София, 1983, с. 208; *Он же.* К вопросу о шаманстве в средневековой Болгарии VIII–X вв. — Bulgarian Historical Rewiev, 1981. № 3, p. 81.

в «главных богов» облегчила впоследствии подданным Болгарского государства переход к христианству. Трудно представить культ Тенгри в качестве общегосударственного[1] — этому противоречат уже названные факты (капище у Михайловграда, обряд захоронения славян). Нельзя пренебречь тем фактом, что в формуле официального титула государя Болгарии, начиная с Омуртага, стояло нарицательное «бог» («от бога князь»), а не имя собственное «Тенгри». По византийскому образцу подчеркивалось божественное происхождение власти и болгарского государя, имелся в виду некий главный бог (причем отнюдь не христианский), но он не назывался по имени именно потому, чтобы удовлетворить представителей любой религии в стране в первой половине IX в.: и язычников-славян, и протоболгар, и, возможно, увеличивающихся в числе приверженцев христианства. Эволюция самого титула главы государства (от формулы «хан-сюбиги» в VIII–начала IX в. до формулы «от бога князь» при Пресиане) говорит скорее об уступках славянскому большинству подданных, чем о стремлении заставить их принять протоболгарскую идейную символику.[2]

Описание анонимом религиозной церемонии и жертвоприношения, совершенных ханом Крумом в 813 г. в виду своих войск под стенами Константинополя,[3] не может служить доказательством участия в этом обряде и славянских воинов, а тем более их поклонения Тенгри. Крум мог окропить, забредя в море, лишь стоящих рядом (и, конечно, особо отличаемых им воинов, скорее всего протоболгар). Армия хана состояла из отдельных отрядов: конницы (протоболгарской) и пехоты (приводимой под его знамена князьями автономных славиний). Раздельно они могли совершать и языческий обряд в связи с предстоящей битвой. Даже в армии Аварского каганата, где славяне находились в более жестком подчинении кагану, они совершали свой языческий ритуал отдельно от аваров.[4]

Относительная веротерпимость протоболгарской верхушки в отношении славян сочеталась с острой нетерпимостью к христианам. Христианство воспринималось ханами и славянскими князьями как политическое орудие опасного внешнего врага — Византии. Гонения против христиан при Круме (803–814 гг.), Омуртаге (814–831 гг.) и Маламире (831–836 гг.) усиливались вслед за обострением борьбы с империей. Пленных при этом принуждали принять именно протоболгарское язычество (отказ влек тюрьму, пытки, казнь). Решающим фактором, влияющим на карьеру при дворе хана, был не этнический, а религиозный: разделивший религиозные пристрастия государя ренегат — бывший христианин — пользовался благосклонностью хана. В этой связи чрезвычайно важно, что в протоболгарских надписях

---

[1] *Д. Ангелов.* Образуване на българската народност. София, 1981, с. 244–245; *П. Петров.* Образуване..., с. 169–170.

[2] *Г. Г. Литаврин.* Славяне и протоболгары. Традиции и реальность. — Втори Международен конгрес по българистика. София, 1986, с. 24–48.

[3] ГИБИ, т. III, с. 20 (неизвестный автор).

[4] Там же, с. 52 (Феодор Синкел).

первой половины IX в., содержащих до 30-и имен важных сановников, скорее всего «внутренних боляр», т. е. лиц, участвовавших в центральном управлении, достоверно славянским можно считать только одно имя — «багатура или багаина» Славны,[1] который несомненно был (или стал) приверженцем веры хана — верховного жреца, как и некий Драгомир, исполнявший роль посла Крума в Константинополе.[2] Видимо, высокое положение при дворе с усилением значения общественно-политической функции религии (даже языческой) было несовместимо с инаковерием.[3]

Попытку принудить славянскую знать официально поклоняться протоболгарским (тюркским) божествам предпринял, как мы полагаем, Крум после вдохновившей его победы над Византией в 811 г. Он заставил на пиру славянских князей (вождей славиний) исполнять священный тюркский ритуал[4] — пить из чаши, изготовленной из черепа погибшего в битве императора Никифора I.[5] Такое понимание данного свидетельства вполне соответствует широкой программе мероприятий этого хана, направленных на достижение единства государства и упрочение центральной власти. Крум провел целую серию отвечающих духу времени реформ по упрочению прав частной собственности, реорганизации административного управления и судопроизводства.[6] Не оставил он в стороне, как мы полагаем, и идеологическую сферу. Однако его план утверждения религиозного единства на базе именно тюркского язычества не привел и не мог привести к успеху.

Начиная с правления Крума господствующая верхушка протоболгар все отчетливее сознавала, по нашему мнению, что углубляется процесс славянизации протоболгар. С переходом к прочной оседлости, к славянскому языку в качестве родного менялась и система духовных ценностей в массах ассимилируемого протоболгарского населения.[7] Подавляющее большинство самого господствующего класса страны составляла славянская знать. Росла реальная опасность не-

---

[1] *В. Бешевлиев.* Първобългарски надписи, с. 219–220.

[2] ГИБИ, т. III, с. 285 (Феофан).

[3] *Б. А. Рыбаков.* Язычество древних славян. М., 1981, с. 597–606; *Он же.* Язычество Древней Руси. М., 1987, с. 294–331.

[4] На оттенок принуждения в действиях Крума в отношении к славянским князьям указала в своем докладе Р. А. Наследова, но доклад ее остался неопубликованным. См. краткое резюме: *Р. А. Наследова.* Всесоюзная сессия по проблемам византиноведения и средневековой истории Крыма. — ВВ, 1986, т. 46, с. 5.

[5] ГИБИ, т. III, с. 283 (Феофан).

[6] *М. Андреев, Д. Ангелов.* История болгарского государства и права. М., 1962, с. 119–124; История на България, т. 2. Първа Българска държава. София, 1981, с. 142–147; *F. Milkova.* Les dispositions législatives du Khan Kroum, forme primaire de la législation bulgare. — Recherches sur l'histoire des institutions et du droit., 1980, т. 5, p. 87–94.

[7] Ср.: *Д. Ангелов.* Образуване..., с. 249–260; Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982, с. 66–74, 262 сл.

роповедной изоляции узкого правящего слоя, свято хранившего древние общественно-культурные традиции, от масс своих подданных. Сохранившиеся знатные протоболгарские роды были уже связаны кровным родством, становившимся препятствием для новых брачных союзов. С тревогой писал об этом князь Борис папе в 866 г.[1] В самой ханской семье с первой четверти IX в. появились двойные тюркско-славянские имена (Евравота-Воин, Владимир-Расата) или попросту славянские (Маламир, Звиница).

Продолжая дело Крума по осуществлению объективно назревших перемен, Омуртаг завершил ликвидацию административного дуализма. Автономные славинии ушли в прошлое, как и полунезависимые становища крупнейших протоболгарских родов. Страна была поделена на новые административные районы (комитаты) во главе с назначаемыми ханом наместниками.[2] Столь кардинальная реформа не могла быть, конечно, осуществлена без поддержки большинства славянской знати. Правда, часть ее ответила на реформу восстанием: отложились, как упоминалось, тимочане.[3] Но политика Омуртага восторжествовала: видимо, переставшие быть князьями славиний их вожди и другие представители славянской знати получали удовлетворявшие их посты, скорее всего в провинциальном управлении (как «внешние боляре»).

Но ни Омуртаг, ни его преемники (Маламир и Пресиан) не сумели (и, возможно, не видели реальных путей к этому) преодолеть этнокультурный, идеологический дуализм. Как современники, они могли не отдавать себе отчета в том, что обе формы язычества уже не отвечают новым социальным и политическим реалиям. Но славянское язычество, которому была привержена основная масса подданных, расценивалось протоболгарской аристократией, вне всякого сомнения, как совершенно не приемлемое в качестве общегосударственной религии: оно связывалось в ее сознании с представлением о менее привилегированном положении в обществе, с политическим неполноправием при дворе государя и при торжественных религиозных церемониях, при возведении на высшие должности. Позиции «божества Тенгри», говоря аллегорически, слабели, но престиж его усиленно поддерживался высшей властью; «славянские боги» расширяли поле своего влияния, но оставались лишь терпимыми в глазах государя, не имели официального признания.[4]

Выход из создавшегося положения наметился, как мы это понимаем, в середине 30-х годов IX в., и именно он (как новый, третий путь) более соответствовал процессам, совершавшимся в реальной действительности. Князь Пресиан (836–852 гг.) прекратил гонения против христиан. Идеологический кризис в Болгарии, грозивший

---

[1] ЛИБИ, т. II, с. 90.

[2] История на България, т. 2, с. 142 сл.

[3] Раннефеодальные государства..., с. 159.

[4] *W. Hensel.* Kultura wczesnośredniowiecznej Bulgarii w świethe badań archeologicznych. — Trzynaście wieków Bułgarii. Wrocław, 1983, S. 167–171.

перерасти в кризис политический, вступил в новую фазу; в стране одновременно существовали три вероисповедания: признанное официально и поддерживаемое верховной властью, но чуждое абсолютному большинству протоболгарское язычество; доминирующее в массах населения, но не признанное официально славянское язычество и терпимое отныне, но лишенное необходимых организационных форм христианство. При этом представление о Тенгри связывалось в народе несомненно с элитой общества, с его избранным эксплуататорским меньшинством, обладающим высшей властью и средствами насилия, а также чуждым этнически. Естественно, что в таких условиях христианство находило себе новых приверженцев преимущественно в массах славянского населения.

За 30 лет, прошедших с этого времени до официального введения христианства, в Болгарии, таким образом, выросло целое поколение людей, свободно исповедовавших новую религию. Не следует, однако, преувеличивать масштабы распространения христианства в Болгарии накануне ее крещения. Во-первых, большинство христиан составляли не прирожденные подданные государства, а бывшие жители империи — славяне и отчасти греки, населявшие земли, которые в первой половине IX столетия отошли к Первому Болгарскому царству (Северная Фракия, часть Средней и Южной Македонии).[1] Во-вторых, и в этих районах ко времени их включения в состав Болгарии вряд ли большинство славян, как показано в первой главе, подвергалось христианизации. Согласно письму императора Михаила II Людовику Благочестивому, в 822–823 гг. славянские союзники мятежника Фомы Славянина, будучи осажденными в небольшой крепости во Фракии войсками империи, столь ревностно почитали своих языческих богов, что предпочли принять смерть, чем предложение о помиловании в случае перехода в христианство.[2] Утвердиться в качестве государственной религии в Болгарии христианство могло, конечно, лишь с помощью центральной власти, способной сломить сопротивление язычников и обеспечить организационные формы отправления христианского богослужения, т. е. содействовать созданию церкви.

Первое время после прихода к власти Борис (852–883 гг.) продолжал политику отца в отношении к христианам — в источниках нет и намека на какое-либо возобновление гонений против христиан. Возможно, князь разрешил христианским миссионерам проповедовать в стране христианство и не препятствовал созданию или легализации христианских учреж-

---

[1] *О. В. Иванова.* Христианизация Первого Болгарского царства по данным сочинения Феофилакта Охридского. — Введение..., с. 12–14; *Ст. Ваклинова.* Формирование..., с. 173; *J. Venedikov.* La population byzantine en Bulgarie au début de IXe siècle. — Byzantinobulgarica, 1962, т. 1, p. 261–277; *L. Waldmüller.* Die ersten Begegnungen der Slawen mit dem Christentum und den christlichen Völkern vom VI bis VIII. Jahrhundert. Die Slawen zwischen Byzanz und Abendland. Amsterdam, 1976, S. 399–415; *W. Hensel, J. Rauhutowa.* Archeological Research at Debriště (Macedonia). — Archaeologia Polona, 1981, т. XX, p. 191–225.

[2] ЛИБИ, т. II, с. 27.

ений. В этом смысле можно истолковать одно из свидетельств «Ответов папы Николая» (866 г.), где говорится о том, что в Болгарии имели место случаи принуждения вдов (конечно, с целью овладения их имуществом) к уходу в монастырь.[1] Трудно допустить, что всего за какой-то год после официального крещения (865 г.) в Болгарии были впервые основаны монастыри и вчерашние язычники уже научились избавляться от своих родственниц-вдов, постригая их в монахини. Скорее речь идет о монастырях, существовавших на юге или юго-западе Болгарии еще до официального введения христианства.[2]

В изучении сложной проблемы христианизации Болгарии остается и в настоящее время немало спорных вопросов, касающихся и соотношения внутренних и внешних факторов, и позиции самого князя и эволюции его политики в 865–880 гг., и перипетий борьбы между Константинополем и Римом за церковное подчинение Болгарии. Дискуссионной является даже сама датировка официального крещения: она колеблется в историографии между 863 и 866 гг.,[3] а в зависимости от этого в разной последовательности и в разных причинно-следственных отношениях интерпретируются и сами события. Значительное число исследователей приписывают решающую роль внутренним факторам, признавая полную свободу Бориса и в проведении внутренней политики, и в осуществлении дипломатических акций.[4] Некоторые ученые склонны, однако, заключать о преобладающем значении внешнеполитических факторов, которые в конечном итоге обусловили и крещение Болгарии византийскими священнослужителями, и церковную зависимость страны от Константинопольской патриархии.[5]

Коротко изложенные концепции представляют крайние точки зрения. Необходим, по-видимому, строгий учет всего комплекса фактов. Существенное значение имела и международная обстановка, в которой должен был действовать Борис, и позиция наиболее политически активных кругов господствовавшего класса Болгарии, и представления самого Бориса о прерогативах собственной власти, включая проблемы вероисповедания. Особого внимания заслуживает, по нашему мнению, внутриполитическая обстановка в Болгарии в 60–70-х годах IX в.

Несмотря на споры в литературе, обстоятельства христианизации Болгарии, и в особенности борьба Рима и Константинополя за подчинение болгарской церкви, могут быть воспроизведены достаточно подробно и полно благодаря наличию первоклассных современных событиям

[1] ЛИБИ, т. II, с. 116.

[2] Ср.: *В. Бешевлиев.* Първобългарите..., с. 99.

[3] См., например: *G. Cankova-Petkova.* Contribution au sujet de la conversion des Bulgares au christianisme. — Byzantinobulgarica, 1979, т. IV, S. 21–33; *Н. Шрайнер.* Събития от българската средновековна история във византийските кратки хроники. — ИП, 1979, № 2, с. 107–111.

[4] См., например: *В. Гюзелев.* Княз Борис Първи. София, 1969, с. 141–177; *Idem.* Das Papsttum und Bulgarien im Mittelalter (9–14. Jh.). — *V. Gjuzelev.* Die Forschungen zur Geschichte Bulgariens in Mittelalter. Wien, 1985, S. 178–180.

[5] См., например: *F. Conte.* Les slaves. Aux origines des civilisations d'Europe centrale et orientale. P., 1985, p. 523–524.

источников. Упомянем послание патриарха Фотия Борису, «Ответы папы Николая на вопросы болгар», переписку пап Николая I, Адриана I и Иоанна VIII, активы соборов 869/870 и 879/889 гг. и др.

Остановимся прежде всего на внешнеполитических факторах христианизации Болгарии. Коротко события развивались в следующей последовательности. С 858 г. до начала 60-х годов Болгария находилась в союзнических отношениях с Византией и Великой Моравией, двумя крупнейшими державами той эпохи. Временные осложнения в отношениях с империей были урегулированы при заключении нового договора в 860 г. С Восточно-Франкским королевством, которое в этот период воевало с Великой Моравией, Болгария враждовала. Обстановка изменилась, однако, в начале 60-х годов: усиление Великой Моравии, союзницы Византии, беспокоило Бориса, как и укрепление империи, одержавшей победы над арабами. В 862 г. был заключен немецко-болгарский союз, и в следующем году войска Болгарии участвовали вместе с армией Людовика Немецкого в успешном походе против Великой Моравии, которая в свою очередь укрепила военный союз с Византией, направленный против Восточно-Франкского королевства и Болгарии. Первое Болгарское царство оказалось, таким образом, втянутым в соперничество крупнейших христианских стран Европы (Византии и Восточно-Франкского королевства).

В 863 г., когда население Болгарии страдало от голода и продолжавшихся почти полтора месяца землетрясений, византийские войска вторглись в ее пределы с юго-востока, в районы, прилегавшие к южным приморским городам, где и среди славянского населения уже было широко распространено христианство. Ни о каких крупных сражениях источники не сообщают. Известно, что Борис сразу же предложил Михаилу III мир, и предложение тотчас было принято. По договору Болгария разрывала союз с Людовиком и становилась союзницей империи, к Византии отходили черноморские города на юге Болгарии со смешанным славяногреческим населением, но Болгария возвращала себе область Загору.[1] Одновременно был согласован вопрос об официальном крещении Болгарии от Византии. Первыми крестились, имея, разумеется, на этот счет соответствующее повеление князя, сами болгарские послы, а затем (видимо, в 864 г.) византийские священнослужители крестили во дворце в Плиске Бориса, членов его семьи и представителей правящей верхушки болярства. Крещение это из опасений выступления оппозиционных сил было тайным. Но вскоре началось крещение и масс подданных Бориса (процесс продолжался, по всей вероятности, до 866 г., а в отдельных местах и до начала 70-х годов). По сообщениям Бертинских анналов, в 864 г. Людовик Немецкий выступил в поход против своего недавнего союзника Бориса, «который обещал, что хочет стать христианином».[2] Действительно, в письме папы Николая I от середины 864 г. говорится

[1] *В. Златарски.* История..., т. 1, ч. 2, с. 31–32.
[2] ЛИБИ, т. II, с. 287.

о том, что Людовик известил папу о намерении заключить союз с князем болгар для действий против Ростислава Моравского, и о том, что этим князь болгар хочет обратиться к вере и что стали христианами уже многие из них» (т. е. болгар).[1] Письмо Людовика к папе, следовательно, было написано еще до союза с ним Бориса в 862 г.

Ничто, на наш взгляд, не дает, однако, оснований для уверенного заключения, что Борис принял христианство под внешнеполитическим давлением соседних христианских держав.[2] Представляется наиболее вероятным, что Борис и поддерживавшая его группировка знати (в основном славянская, но частично и протоболгарская) в самом начале 60-х годов уже приняли решение о введении христианства. Несомненно, и немцы, и византийцы оказывали на Бориса какое-то дипломатическое давление с целью ускорить христианизацию Болгарии в расчете на укрепление одновременно военного союза с нею. Но само это давление стало возможным именно потому, что решение уже созрело в правящих кругах Болгарии: согласно точному смыслу приведенных известий Борис сам дал знать об этом Людовику. Принятие христианства отнюдь не было условием союза с Восточно-Франкским королевством. Людовик был заинтересован в помощи болгар, и языческая вера Бориса не помешала их совместному походу против Великой Моравии;[3] что же касается намерений Людовика в 864 г. напасть на Болгарию, то причина этого заключалась прежде всего в отходе Бориса от союза с немцами и вступление в союз с Византией против Восточно-Франкского королевства, а не в принятии христианства от империи; к тому же неизвестно, состоялся ли именно в 864 г. поход Людовика в Болгарию (неясное свидетельство Феофилакта Болгарского о вторжении «франков» не поддается точной датировке, оно может быть отнесено и к 50-м годам).[4] Следует подчеркнуть, что и позднее, в 866–870 гг., несмотря на крутые повороты в политике Бориса по отношению к Византии и папству по проблемам церковного подчинения Болгарии, ни германское государство, ни империя не угрожали именно в связи с этим непосредственным военным вторжением на болгарские земли.

Трудно приписать крещение Бориса в 864 г. и некоей безысходности положения Болгарии перед военной мощью империи. Неизвестно даже, было ли выиграно в 863 г. какое-либо крупное сражение византийцами на болгарской территории. Михаил III сразу же согласился на мир. Капитуляция, если бы она имела место, плохо увязывается с фактом возвращения Болгарии крупной области Загора. Сама

---

[1] ЛИБИ, т. II, с. 62.

[2] *J. L. Magyar.* «Questio Bulgarica». — Szazadok, 1982, 116 év. f. 5. szám, p. 878. Ср.: *Н. Кочев.* Христианство и политика Византии в отношении балканских стран в эпоху образования раннефеодальных государств. — Относоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987, с. 195–203.

[3] *В. Гюзелев.* Княз Борис..., с. 62–70.

[4] *G. Cankova-Petkova.* Contribution..., p. 24–27.

империя стремилась к союзу с Борисом, чтобы усилить свои позиции перед западным (латинским) миром и папством и избавить от опасности борьбы на два фронта свою союзницу Великую Моравию. Болгария знавала подлинно тяжелые поражения, но ее правители отнюдь не решались ранее по этой причине «изменить» отеческим богам ради поклонения богу торжествующего врага. Самое большее: внешнеполитическое давление на Болгарию имело целью ускорить христианизацию страны, так как сам Борис и его окружение считали (и как оказалось, не без оснований), что в стране — и прежде всего среди знати — еще не осуществлена необходимая подготовка для столь важного акта. Недаром сам Борис крестился во дворце втайне от народа. Вторжение византийских войск обусловило союз Болгарии с империей, союз же — сам факт принятия христианства от Константинополя. Но в это время еще не было собственно борьбы за право крестить болгар, а затем поставить их под свою церковную зависимость. Альтернатива: или Рим, или Константинополь — еще не возникла. Людовик был раздражен не крещением Бориса византийцами, а его переходом в стан врага. В ходе тесного общения с политическими деятелями крупнейших христианских стран Борису и его приближенным стало, наконец, совершенно ясно, что и в отношениях с этими странами и в целом на европейской международной арене Болгария не может рассчитывать на соответствующее признание и равноправие, пока она остается языческой страной, явно или тайно третируемой христианскими государями, готовыми под этим предлогом вмешиваться в ее внутренние дела.

Однако решающее значение в готовности правящих кругов Болгарии креститься имели внутренние факторы. Конкретно это выражалось, по нашему мнению, в понимании Борисом и его окружением, что религиозный кризис в стране ослабляет устои власти и грозит серьезными внутренними осложнениями, что оба толка язычества изжили себя, что влияние христианства неуклонно увеличивается и именно оно обещает (по примеру окружающих Болгарию стран) и укрепление центральной власти в государстве, и повышение престижа и авторитета самого государя. Все поведение Бориса в 863–870 гг. свидетельствует о наличии у него четкой позиции в вопросе о введении христианства, организации церкви и будущего места Болгарии в системе европейских государств; его занимала не столько вероисповедная (мы не усматриваем в его деятельности проявлений «фанатизма неофита»),[1] сколько политическая, сугубо практическая сторона дела. Взгляды Бориса на прерогативы собственной власти должны были опираться, во-первых, на протоболгарские политические традиции (хан — носитель высшей власти и он же — верховный жрец), во-вторых, на усвоенную от соседней империи доктрину неограниченности волеизъявления государя («от Бога архонт», василевс и к тому же «иерей»), играющего главную роль и в выборе высшего религиозного главы государства.

[1] *В. Гюзелев.* Княз Борис..., с. 129–176.

Представление о роли христианской церкви, подчиненной интересам высшей светской власти в государстве и во внутренней, и во внешней политике, Борис мог составить в основном по положению дел в империи. Уяснению этого политического аспекта вопроса вряд ли могла помешать явствующая из «Ответов папы Николая» слабая осведомленность князя в тонкостях христианского учения.[1] Борис хотел иметь послушную церковь, какой она была в империи, и именно под этим углом зрения находит, на наш взгляд, объяснение вся последующая политика князя, связанная с утверждением христианства в Болгарии. Сам факт крещения от Византии, с этой точки зрения, не представлялся Борису решающим фактором, если оказывалось под сомнением главное — обеспечение примата светской власти над духовной. Такой же позиции придерживалась и окружавшая Бориса знать. Такого рода представления были, по-видимому, широко распространены вообще в тогдашнем христианском (и не только христианском) мире. Характерная деталь: полагая, что последнее слово по проблеме переориентации Болгарии принадлежит именно Борису,[2] в Болгарию рванулись, надеясь, несомненно, на успех своих миссий, проповедники не только христианства, но и не совместимых с ортодоксией исповеданий: и армяне-монофизиты, и мусульмане, и иудеи,[3] и павликиане,[4] и изгнанные из Рима как раз в это время еретики.[5]

В период до 869–870 гг. Борис дважды менял ориентацию между Константинополем и Римом по вопросу о подчинении болгарской церкви. Он использовал при этом дипломатию и все ее приемы, но это отнюдь не были лишь дипломатические маневры с целью давления на ту или иную сторону в стремлении добиться наибольших уступок. Это были, по нашему мнению, акты реальной и решительной смены политического курса после трезвой оценки складывавшейся ситуации, конкретных фактов. Каждый раз при этом Борис был готов идти до конца, проявляя необходимое доверие и терпение, пока не убеждался в том, что обманут в своих надеждах и ожиданиях то Византийской империей, то папством.

«Религиозный курс» Бориса, связанный с надеждами на Константинополь, продолжался до языческого мятежа в Болгарии, организованного частью влиятельной протоболгарской знати. Его датируют обычно 865 г. (в качестве повода сторонники возвращения к язычеству избрали, видимо, введение церковного обычая соблюдения Великого поста). Не исключена, однако, и весна 866 г. Борис ожидал от византийцев энергичных действий в ходе христианизации по организации болгарской церкви, о юридическом статусе которой должна была

---

[1] *J. Fine.* The Early Medieval Balkans. — The University of Michigan Press, 1983, p. 118.

[2] *J.-M. Sansterr.* Les missionaires latins, grecs et orientaux en Bulgarie dans le seconde moitié du IXe siècle. — Byzantion, 1982, т. 52, p. 388.

[3] ЛИБИ, т. II, с. 122, 124.

[4] ГИБИ, т. IV, с. 109.

[5] *В. Гюзелев.* Княз Борис..., с. 212–213.

быть достигнута полная ясность. Автономия болгарской церкви была при этом, по-видимому, минимальным требованием Бориса. Факты убедили его, однако, в том, что Константинополь не собирается даже обсуждать этот вопрос с Борисом. Об этом позволяет судить письмо патриарха Фотия, написанное еще до мятежа в Болгарии, несомненно в ответ на письмо Бориса. В своем обширном религиозно-нравственном наставлении государю-неофиту Фотий сознательно обошел все те вопросы, которые интересовали Бориса в первую очередь. Такой ответ можно было понять только в том смысле, что патриарх рассматривает созданные и будущие церковные округа Болгарии лишь как интегральную часть подвластных патриархии (имперских) церковных округов. Византийские политические деятели в подобных случаях умели выжидать, однако они не учли, что не хотел и не имел возможности ждать Борис, как это и показал мятеж знати, угрожавший трону и жизни Бориса.

Мятежом были охвачены 10 комитатов, в которых главенствующую роль играли представители нескольких десятков знатнейших протоболгарских родов (вместе с их сторонниками в самой столице Плиске таких родов насчитывалось 52). Они увлекли за собой и часть средних слоев и простолюдинов. Главные выступления имели место в столице, где и произошла решительная вооруженная схватка между мятежниками и оставшимися верными Борису военными силами. Князь, по всей вероятности, сам принимал участие в военном столкновении (оружие, которым он действовал, князь впоследствии отправил в дар Людовику Немецкому). В жестокой борьбе князь одержал победу и решительно расправился с зачинщиками мятежа: все 52 рода поголовно, от мала до велика, были уничтожены физически, остальные получили прощение. Но обстановка оставалась тревожной. Именно эта внутренняя ситуация побуждала Бориса к незамедлительным мерам. Стало ясно, что определенное значение в возникновении мятежа имели излишний ригоризм греческих священнослужителей, введение жестких религиозных запретов. Недовольство в обществе вызывала, вероятно, и жестокая расправа Бориса, и отказ греческих священников «принять» (т. е. допустить в церковь), назначив епитимью, раскаявшихся и прощенных самим князем участников мятежа; часть болгар отказывалась креститься, часть отрекалась от христианства, уже приняв крещение.[1]

Папство и Византия находились в это время в раздоре, суть которого состояла в борьбе за церковное верховенство. Папа Николай I (858–867 гг.) отказывался признать законность избрания без его одобрения на константинопольский престол вместо свергнутого Игнатия патриарха Фотия (858–867 гг.), требовал возвращения под супрематию папства префектуры Иллирик (по старому административному делению империи в состав Иллирика входил почти весь Балканский полуостров, исключая Константинополь с округой). Крещение Болга-

[1] ЛИБИ, т. II, с. 283, 112, 81.

рию (расположенной на территории древнего Иллирика) византийцами еще более накалило обстановку. Фотий пошел на разрыв с папством, ссылаясь на то, что церковь Иллирика уже 150 лет, начиная с правления Льва III (717–741 гг.), изъята из подчинения первосвященнику Рима и подчинена патриарху Константинополя. Папа отвергал этот довод: во-первых, этот акт осуществлен не в соответствии с канонами (Вселенским Собором церкви), а лишь светской властью; во-вторых, это совершилось по воле императора-иконоборца, самой константинопольской церковью ежегодно предаваемого анафеме в самих имперских храмах.

Борис, разумеется, использовал эти противоречия, сознавая, что его обращение к папству не может не быть встречено там с величайшим удовлетворением. В августе 866 г. посольство князя прибыло в курию св. Петра. Одновременно другое посольство Бориса по тому же вопросу явилось ко двору Людовика Немецкого в Регенсбург. Известия об этом втором посольстве немногочисленны и кратки: Борис просил о присылке проповедников новой веры, священнослужителей, церковных одеяний и утвари и литургических книг.[1] Посольство Бориса в Рим освещено в источниках подробнее, а главное, сохранился обширный документ — 106 ответов папы на вопросы Бориса, касающиеся сущности христианского учения, организации церкви и норм морали и повседневного распорядка, которым должны следовать неофиты.

В вопросах Бориса доминировали три темы: о юридическом статусе болгарской церкви (может ли быть учреждена болгарская патриархия, и если может, то какой из первосвященников: западный, т. е. папа, или восточный, т. е. патриарх Константинополя, могут рукоположить болгарского патриарха и вообще, кому из них по праву принадлежит первенство во Вселенской церкви), о позиции, которую Борис и подчиненные ему люди должны занять в отношении упорствующих в язычестве и в отношении еще сохраняющихся языческих обычаев, норм права, форм быта, и, наконец, как относиться к некоторым требованиям и нововведениям греческих священнослужителей, вызывающим сомнения и недовольство у неофитов. Вместе с тем Борис просил папу о присылке книг «христианского закона» и проповедников и наставников в делах веры.[2]

Создается, однако, впечатление, что в обращении к папе преобладают вопросы теории, прямо об организации церкви при помощи папства и под его эгидой не говорится, как и о готовности сменить греческое духовенство в Болгарии на западное, латинское. О практических потребностях и только о них сказано было, напротив, в письмах к Людовику. Не исходил ли сам Борис из представления, что в конкретном деле организации культа больше возможностей у светского государя (Людовика), чем у церковного владыки (папы); может быть,

[1] ЛИБИ, т. II, с. 44–45, 288.
[2] Там же, с. 63, 65, 110, 111, 125.

Борис не исключал и военную поддержку короля в завершении христианизации Болгарии, наученный горьким опытом 865 г. В современной литературе отмечают, что в сознании деятелей той эпохи мысль о Риме вызывала прежде всего представление о высшем духовном авторитете, а мысль о Византии — представление о высшей светской власти.[1] Другой такой, помимо Византии, реальной властью и было в глазах Бориса Восточно-Франкское королевство. И ответ Людовика был столь же практичен и определен: он отправил священников, утварь, священнические одеяния и книги в Плиску (но его посланцы, запоздав, должны были вернуться, так как уже застали там прелатов папы).[2] Создается впечатление, что и Людовик сомневался в том, что папа быстро предпримет те практические шаги, которых ждал Борис (трудно допустить, что королю было вообще неизвестно об одновременном обращении Бориса к Риму).

Если действия Людовика могут быть расценены сразу же как начало острой борьбы за подчинение болгарской церкви между Западом и Византией, то позиция папы в «Ответах...» Борису и поведение папских прелатов в первые месяцы пребывания в Плиске не позволяют, на наш взгляд, сделать такой же вывод с полной определенностью. Папа довольно уклончив в своих ответах Борису. В учреждении патриархии он отказал недвусмысленно: это право лишь «апостолических престолов», сама Константинопольская патриархия основана «скорее по расположению правителей, чем по правилам»; руководить болгарской церковью пока может только епископ, а архиепископ — лишь впоследствии, после «укрепления в вере» подданных князя; поставлять главу церкви Болгарии может только папа.[3]

При упоминании о «греках» папа еще более осторожен, чем Борис. Он тщательно избегает резких выражений по их адресу. Причем важно, что он одобряет многие из тех действий византийских священнослужителей в Болгарии, которые впоследствии будут резко осуждены папством. Так он подтверждает каноничность крещения болгар греками, мало того — даже лжесвященником и иудеем: по мысли папы, суть дела не в том, кто крестил, а во имя Кого крестил, не в том, кто проповедует, а Кого проповедует. В самом начале своего послания папа внушает Борису, что священный долг христианина — чтить более, чем отца родного, отца духовного, подчиняясь ему во всем.[4] Но «духовными отцами» являлись для болгар крестившие их греки, а крестным (и вместе с тем духовным) отцом Бориса (получившего при крещении имя Михаил) считался сам император Михаил III (папа именует болгарского князя «Михаилом»).[5] Обращение государя Болгарии к ви-

---

[1] *M. Nystazopoulou-Pélékidou.* Constantinople centre de pouvoire et d'autorité. — BYZANTIAKA, 1985, т. 5, p. 28–29.

[2] ЛИБИ, т. II, с. 185.

[3] Там же, с. 110, 111, 118, 119.

[4] Там же, с. 122, 123 и 66.

[5] Там же, с. 137, 144.

византийскому императору как «духовного сына» к «духовному отцу» стало признанной при болгарском дворе нормой в дипломатических отношениях с империей, вошло в формулы официальных приветствий.[1]

С этого времени в течение веков византийские писатели, политические и церковные деятели не уставали утверждать этот христианский тезис, требуя от своих «духовных чад» (болгар), «спасенных благодаря империи от бесов язычества и идолопоклонства», послушания не только в делах веры и церкви, но и во внешней политике, во всяком случае — никогда не дерзать поднимать руку на «державу ромеев». Эту мысль втолковывал Борису и Фотий в качестве непреложного догмата христианства. «Знай, — подчеркивал он, — что если и малость будет упущена, в полном пренебрежении окажется догма».[2]

Ответ и обещания папы пока вполне устраивали Бориса. Прелаты Николая I, привезшие его послание, прибыли в Плиску в конце 866 г. Но ни папство, ни Борис не желали и теперь обострения отношений с Константинополем. Папа еще не потерял надежду достигнуть мирного решения (конечно, в пользу папства) вопроса о церковной супрематии над Болгарией. Одновременно с миссией в Плиску Николай I направил через земли Болгарии (возможно, с заездом в Плиску) посольство в Константинополь. Ситуация обострилась лишь в конце зимы — начале весны 867 г. в связи с двумя важными событиями: во-первых, византийские пограничные стражи по приказу из Константинополя не пропустили на земли империи папских легатов, которые, протомившись на границе 40 дней, должны были ни с чем воротиться в Рим; во-вторых, Борис получил письмо от Михаила III и ставшего к этому времени его соправителем Василия (будущего Василия I Македонянина), в котором содержалась резкая критика некоторых догматов и обрядов Римской церкви. Письмо, однако, не заключало, судя по поведению Бориса, снова ничего существенного по важнейшим вопросам, интересовавшим князя: Борис отдал это письмо легатам для ознакомления с ним папы, действуя явно в раздражении и стремясь обострить отношения папства с империей.

Как мы полагаем, именно с этого момента борьба приняла ожесточенный характер. Лишь теперь, окончательно разрывая с византийской церковью, Борис изгнал из страны греческих священнослужителей и отдал все дело завершения крещения в Болгарии и организации Церкви в руки папских прелатов. Возможно, Борис предвидел такой поворот дел, предусматривая даже возможность военного конфликта с империей: подтверждение этого можно усмотреть и в попытке привлечь к делу Людовика Немецкого, и в постановке перед папой в августе 866 г. вопроса о том, как следует поступить, если «христианский народ», состоящий в договорных отношениях с Болгарией,

---

[1] *Constantinus Porphyrogenitus.* De cerimoniis aulae byzantinae. Bonnae, 1829, p. 681–682. См. об этом: *J. Ferluga.* Archon. Ein Beitrag zur Untersuchung der südslavischen Herrschertitel im 9. und 10. Jahrhundert im Lichte der byzantinischen Quellen. — Tradition als historische Kraft. Berlin; New York, 1982, S. 261.

[2] ГИБИ, т. IV, с. 100.

нарушит клятву и нападет первым. Характерно, что папа в ноябре 866 г. не хотел отвечать на этот вопрос совершенно определенно, понимая, кого имел в виду Борис: он пишет о недопустимости нарушения клятв христианином, о грехе нападения на христианский народ, но не запрещает ведения оборонительной войны, если только церковный глава страны, зная хорошо местные условия и обстоятельства, приведшие к конфликту, разрешит ответить ударом на удар.[1]

Косвенное разрешение папы на оборонительную войну с христианами, конечно, отвечало представлениям Бориса, но вряд ли его могло удовлетворить заявление папы, что решение вопроса о войне и мире в подобных случаях должно зависеть от церковного главы государства. Уже в этом ответе папы можно было, по нашему мнению, рассмотреть те черты в теократической доктрине Николая I, которые будут осознаны болгарским князем впоследствии более отчетливо и сыграют свою роль в смене его политического курса в отношении к Римской церкви.

Последовавшие в 867 г. события несколько изменили ситуацию: потерпевший неудачу в деле подчинения церкви Болгарии патриарх Фотий был низложен. Умер папа Николай I, папский престол занял Адриан II (867–872 гг.). Патриархом Константинополя стал снова Игнатий (867–877 гг.), непримиримый враг Фотия и сторонник соглашения с папством, однако не за счет признания папской супрематии над Болгарией. Здесь обе стороны продолжали политику своих предшественников: Адриан II следовал курсу Николая I, а Игнатий — курсу Фотия.

Папские прелаты более трех лет свободно действовали в Болгарии, организуя церкви, посвящая в сан церковнослужителей. Вопреки заявлениям папы в «Ответах» Борису, теперь была поставлена под вопрос каноничность обряда крещения, совершенного в Болгарии посланным Фотием духовенством. Миропомазание греков («мирро Фотия»), совершаемое при крещении, было объявлено еще до низложения Фотия, не признаваемого папством, более чем недействительным. Дело дошло до того, что прелаты заново подтверждали крещение (посредством освященного ими мира, т. е. через миропомазание) и Бориса, и «всех правящих и управляемых в Болгарии».[2] Так разрывалась отмеченная выше «духовная связь» между болгарами и византийцами, обесценивалась заслуга империи в обращении Болгарии к христианству. В переписке государственных и церковных деятелей и в хрониках стран Западной Европы тогда же возникла и впоследствии окончательно укрепилась письменная традиция, приписывающая дело крещения болгар именно папству; в лучшем случае просто не упоминалось, кто крестил, но указывалось, что Церковь была организована папскими прелатами. Фотий тотчас же остро реагировал на происхо-

---

[1] ЛИБИ, т. II, с. 113–114.

[2] ГИБИ, т. IV, с. 101, 114; ЛИБИ, т. II, с. 170. См. об этом: *H.-D. Döpmann.* Probleme der antilateinischen Polemik des Patriarchen Photios im Streit um die Christianisierung Bulgariens. — Byzanz in der europäischen Staatenwelt. Berlin, 1983, S. 207.

ющее, с негодованием называл прелатов папы «епископами мрака», предтечами отступничества», «изменниками и богоборцами».[1]

Первая серьезная размолвка Бориса с папой произошла в 867 г., видимо, незадолго до смерти Николая. Болгарский князь торопил с решением вопроса об учреждении архиепископии и просил о назначении на пост главы болгарской церкви епископа Формозу Портуанского. Папа отказал, а Формозу наказал, заподозрив его в интригах. В следующем году Борис попросил уже нового папу Адриана II о посвящении в архиепископский сан другого из действовавших в Болгарии и лично знакомых князю прелатов — дьякона Марина. Но отказал Борису и Адриан. Мало того, никак не советуясь с болгарским государем, он определил кандидатом на выборы в архиепископы Болгарии безвестного Борису иподьякона Сильвестра. Это переполнило чашу терпения князя: он отослал Сильвестра обратно и вновь так же решительно, как некогда обратился к папству, теперь завязал переговоры с Константинополем.[2]

В. Гюзелев справедливо указал на коренные различия в позициях папства и Бориса в вопросе о юридическом статусе болгарской церкви и ее месте в государстве. Князь стремился к учреждению автономной церкви в ранге по крайней мере архиепископии, стоявшей на службе интересов светской власти и признающей право государя на одобрение (или неодобрение) кандидата на пост церковного владыки страны. Папство же стремилось полностью подчинить себе болгарскую церковь, сделать ее (как и самого князя) послушным орудием собственной политики на Балканах, прежде всего в борьбе с Византией, опереться на Болгарию как на форпост в достижении еще более далеко идущих теократических притязаний.[3]

Уверившиеся в своем успехе Николай I и Адриан II, как в свое время и Фотий, пренебрегли интересами неофита — вчерашнего «варвара» и язычника, и недооценили решимости и воли Бориса в преследовании собственных политических целей. Действия Бориса в 868–869 гг. свидетельствуют о взвешенном решении, принятом Борисом и его приближенными после длительного и основательного знакомства с папскими прелатами, с методами и целями политики папства на Балканах вообще и в Болгарии в частности. Тщетно папа, осознав свой промах, предлагал Борису посвятить любого, кого он назовет в качестве кандидата в архиепископы. Борис принял решение и прилагал теперь все усилия к тому, чтобы добиться максимально благоприятного результата от Константинополя.

Видимо, до окончательного (соборного) постановления о принадлежности болгарской церкви к епархиям, признающим суверенитет константинопольского патриарха, в стране продолжало действовать западное духовенство; быстро покинули Болгарию лишь Сильвестр

---

[1] ГИБИ, т. IV, с. 101, 105.
[2] ЛИБИ, т. II, с. 185–186, 193–195.
[3] *В. Гюзелев.* Княз Борис..., с. 236 сл.

и окружавшие его прелаты. Папа обвинил, кстати говоря, Сильвестра в предательстве, поскольку в привезенном им письме Бориса папе не говорилось об изгнании дьякона Сильвестра князем; к тому же о добровольном якобы отъезде Сильвестра сказали папе некоторые священники из свиты дьякона.[1]

В конце 869 г. в Константинополе был созван собор восточнохристианских иерархов, на который были приглашены и представители папства, поскольку предстояло преодолеть схизму (разрыв Церквей папства и патриархии Константинополя) после взаимного анафематствования друг друга (Фотий был анафематствован на соборе в Риме в 863 г., а папа Николай I — Фотием, видимо, в том же году). Собор (в западной традиции он именуется «Восьмым Вселенским») при полном согласии патриарха Игнатия и прелатов папы осудил Фотия и тем самым, по-видимому, поставил под вопрос законность деятельности посвященных им в сан священнослужителей в Болгарии в 863–866 гг. (в письме Игнатию в 871 г. Адриан II писал, что эти духовные лица империи были справедливо изгнаны в 867 г. из Болгарии «как приверженцы и сообщники Фотия, которым мы запретили и запрещаем священнодействовать не только в стране болгар, но и в Церкви вообще»).[2]

Решения собора относительно судеб болгарской церкви, по-видимому, не отличались четкостью, однако 3-й пункт актов собора был сформулирован так, что папство толковало его как согласие собора на возвращение Болгарии «Римской церкви».[3] Дело решилось, однако, уже после закрытия заседаний собора. В начале марта 870 г. в собрание иерархов, на котором присутствовал император Василий I, были введены послы Бориса, позиция которых была заранее согласована с Игнатием и Василием I. Они задали присутствующим вопрос, какой же в конце концов Церкви должна подчиняться болгарская церковь. В ответ был задан вопрос послам: кому подчинялась земля в то время, когда ею овладели болгары, и каких священнослужителей — латинских или греческих — она тогда имела. Послы ответили греческому императору и греческих священнослужителей.

Легаты папы вынуждены были согласиться с тем, что земля болгар некогда принадлежала «греческому царству», но возражали против смешения прав светской власти на управление с каноническим правом на духовное руководство. Иллирик входит по-прежнему в римский диоцез, хотя и произошло «разделение власти», в силу которого Иллирик оказался в «греческом царстве». Но на востоке империи практика давно утвердила принцип совпадения прерогатив светской и духовной власти на одной территории, и дальнейшие словопрения в глазах восточных иерархов теряли смысл. Легатам папы было сказано, что непристойно проявлять пренебрежение к греческому императору и претендовать на какое-то управление в его царстве, Волга

[1] ЛИБИ, т. II, с. 194–195.
[2] Там же, с. 130.
[3] ГИБИ, т. IV, с. 116; ЛИБИ, т. II, с. 131.

рия же, лишь отделенная некогда «своим язычеством» от Константинопольской церкви, теперь возвращается в ее лоно.[1]

Вопреки всем протестам из Рима Борис после собора 869–870 гг. изгнал римское духовенство из Болгарии, на этот раз навсегда. Туда направились византийские священнослужители во главе с рукоположенным патриархом Игнатием архиепископом Стефаном. Продолжатель Феофана, подчеркивая этот факт и имея в виду восстановление «духовного родства» между болгарами и ромеями, замечает, что благодаря «великодушию» императора Василия I, давшего болгарам архиепископа и епископов, неофиты перестали колебаться, «как листья на ветру», укрепились в вере и «оставили отцовские обычаи».[2] Так, в свою очередь, византийская традиция зачеркивала все то, что успели сделать в Болгарии папские прелаты; заслуга христианизации Болгарии приписывалась только империи.

Вопрос о том, получила ли болгарская церковь в 870 г. статус автономной, видимо, нельзя решать однозначно. Учреждение архиепископии само по себе означало, что внутренние дела она решала самостоятельно и что собор ее епископов избирал архиепископа, которого лишь рукополагал патриарх Константинополя. Неизвестно при этом, была ли согласована с Борисом кандидатура первого архиепископа Болгарии (учитывая предшествующие требования князя к папе и обстановку во время собора 869–870 гг., можно считать такое согласование вполне вероятным).[3] В отличие, однако, от иных архиепископий, находившихся в подчинении патриарха Константинополя, в архиепископии Болгарии в условиях всевластия суверенного государя он скорее всего, даже не имея формально признанных юридических прав, имел возможность решающим образом влиять на выбор угодного ему владыки Церкви своей страны.

Юридически, однако, автокефалия (с правом самостоятельного, без вмешательства патриарха Константинополя поставления архиепископа) предоставлена не была, и Борис продолжал борьбу за самостоятельность болгарской церкви.[4] Планам князя благоприятствовало то, что папство, ссылаясь на решение собора 869–870 гг., не прекращало усилий с целью установления своей церковной супрематии над Болгарией. Дипломатические связи Бориса с папством не прерывались. В курии св. Петра нашли новый веский аргумент против тех доводов византийской стороны, которые были приведены на собрании весной 870 г. (подвластность императору Византии и Константинопольской церкви территории Болгарии в то время, когда здесь было основано

---

[1] ЛИБИ, т. II, с. 188–192.

[2] *П. Петров, В. Гюзелев.* Христоматия..., т. 1, с. 169–170 (Продолжатель Феофана).

[3] *В. Гюзелев.* Княз Борис..., С. 257.

[4] *V. Swoboda.* L'Origine de l'organisation de l'eglise en Bulgarie et ses rapports avec le patriarcat de Constantinople (870–919). — Byzantinobulgarica, 1966, т. 11. P. 67–81.

это государство). Этот же довод папство теперь обратило против Константинополя: если церковная супрематия тесно связана с управлением теми же землями со стороны светской власти, то патриархия не имеет никаких прав в Болгарии, поскольку ее земли давно неподвластны императору. Довод представлялся вполне логичным, так как действительно в IX в. патриарху Константинополя нигде не была подчинена христианская церковь за пределами границ Византийской империи. Естественным заключением из этой посылки был вывод, что в Европе в пределах границ бывшей Римской империи, на землях, которые императору ныне не принадлежат, церковное верховенство имеет по праву первосвященник Рима. Его права поэтому на супрематию над Болгарией неоспоримы, не говоря уж о том, что по канонам над территорией бывшего Иллирика давно и четко утверждена церковная юрисдикция престола св. Петра.

Между тем в 877 г. умер патриарх Игнатий, и вакантное место снова занял Фотий (877–887 гг.). На папском престоле сидел в это время гораздо более тонкий дипломат, чем Адриан II, — папа Иоанн VIII (872–882 гг.). Продолжая претворять в жизнь теократическую программу своих предшественников, Иоанн VIII стремился утвердить примат духовной власти над светской. В 877 г. на Церковном соборе Западноримской церкви в Равенне он провел постановление, согласно которому духовенство всех рангов, начиная с высших и кончая низшими, объявлялось неподсудным светским властям.

Особенно настойчивые усилия предпринял новый папа по возвращению Болгарии под свою юрисдикцию. Однако папа остро нуждался в военной и политической помощи со стороны Византии: африканские арабы совершали все более дерзкие набеги, разоряя Сицилию и берега Италии, где не было реальной военной силы, способной им противостоять. Государи раздробленной Европы также не спешили помочь папе, занятые своими заботами. Византия же находилась в это время на подъеме. Города Далматинского побережья (Рагуза — Дубровник, Задар, Сплит), опасаясь арабской экспансии, признали власть империи, и к 870 г. здесь была создана фема Далмация, византийская провинция — военно-административный округ. Непосредственная военная помощь папству со стороны Византии стала вполне реальной.

Василий I, осуществлявший широкую программу утверждения своего влияния на землях славян и выступивший в качестве инициатора активной миссионерской деятельности византийского духовенства, также считал необходимым достижение мира и добрых отношений с папством. Необходимо было получить согласие папства на повторное избрание патриархом Фотия, имя которого было предано проклятию при папах — предшественниках Иоанна VIII. Ради этого в 879–880 гг. в Константинополе был созван Церковный собор, на который были приглашены представители папы. Иоанн VIII при этом поставил условием признания Фотия возвращение Болгарии под церковную супрематию папства.[1] Одновременно папа слал письмо за письмом в Болгарию, преследуя те же цели.[2]

---

[1] ГИБИ, т. IV, с. 115–116.
[2] ЛИБИ, т. II, с. 154–167, 179–180.

Упомянутый собор получил в истории название «Ложного собора Фотия», который на нем председательствовал. Собор принял условие папы, согласившегося признать законным избрание Фотия и снявшего с него отлучение; было принято решение, согласно которому патриарх Константинополя не имеет права «ни рукополагать, ни посылать омофор вне пределов своей енории — Болгария же вне ее».[1] Иначе говоря, патриарху запрещалось поставлять болгарского архиепископа, вручая ему при этом (или какому бы то ни было другому иерарху) часть одеяния (омофор), полагающегося представителю высшего духовенства. Это означало также исключение «болгарского диоцеза» из списков епархий Константинопольской патриархии.

Но уже на соборе поведение Фотия и прочих восточных иерархов, их заявления не могли не породить беспокойства у Иоанна VIII. Претворение постановления в жизнь неизбежно предполагало отозвание греческих (византийских) священнослужителей из Болгарии, вместо них должны были быть посланы представители Римской церкви. Легаты папы напомнили, что еще собор 869–870 гг. пунктом третьим вынес сходное решение, но оно осталось невыполненным. Приверженцы Фотия, подчеркивавшие, что заслуга крещения болгар принадлежит Фотию, ответили легатам, что вопрос об отделении епархий «зависит от императора и от императорских распоряжений», собор же созван не ради этих целей и, мол, сам папа требовал, чтобы собор занимался не этим вопросом, а только тем, чтобы патриарх не имел права поставления в Болгарии.[2]

Мотивировка греческих иерархов отнюдь не сводилась просто к софистике. Это была иная позиция, выгодная для патриархии: вопрос отдавался на усмотрение высшей светской власти, которая в империи обладала традиционным приматом над властью духовной. Концепция Иоанна VIII, утвержденная им на Равеннском соборе, оказалась бессильной перед светской властью, так как не опиралась на поддержку такой же реальной власти. Императора Иоанн VIII мог только просить. 13 августа 880 г. Иоанн VIII написал Василию I письмо с изъявлением горячей благодарности: «Великие благодарения мы приносим Вам, так как Вы из любви к нам, по милости душевной обещали св. Петру, как было сие справедливо, обладание болгарским диоцезом».[3]

Действительно ли Василий I обещал такую уступку, или же папа имеет в виду решения собора 879–880 гг. и благодарит, так сказать, заранее, демонстрируя наигранную уверенность в том, что император безусловно выполнит решение иерархов, неизвестно. Ведь у Василия I всегда имелся в запасе веский — в свете всего сказанного выше — аргумент для отказа папе: Болгария — вне границ империи, Болгария — и вне границ Константинопольской патриархии; поэтому дело не зависит от воли императора — оно в компетенции болгарского князя и болгарских священнослужителей.

---

[1] ГИБИ, т. IV, с. 116–117.

[2] Там же.

[3] ЛИБИ, т. II, с. 177.

Решения собора 879–880 гг. могут быть расценены и как дипломатическая победа Бориса. Хотя слово «автокефалия» произнесено не было и юридически ее предоставление не было оформлено, решения собора были сформулированы таким образом, что каждая из сторон получила возможность толковать их в свою пользу (и патриархия, и Борис, и папство). Любопытно, что и в современной научной литературе представлены все эти три не совместимые друг с другом концепции. Однако даже те историки, которые считают, что права автокефалии болгарской церкви, строго говоря, не были оформлены юридически, склонны признавать независимость болгарской церкви, осуществляемую фактически, особенно в периоды усиления Болгарского государства, как и факт проявляемого нередко самой Византийской империей молчаливого согласия с таким порядком вещей.[1]

Поскольку в Болгарии Церковь была организована по византийскому образцу, находилась в руках Византийского духовенства и зиждилась на нормах и традициях имперской концепции власти духовной и светской, постольку Борис мог быть в принципе уверен, что Церковь в целом будет послушна воле высшей светской власти и что выборы ее главы будут в конечном счете контролироваться государем.

Однако болгарский князь не мог не учитывать, что руководят болгарской церковью византийцы, священнослужители иноземного происхождения, представители страны, которая длительное время враждовала с Болгарией и руководствовалась политической доктриной, которая не только оправдывала заранее, но и объявляла долгом императора завоевание и ликвидацию Болгарского государства. Борису было несомненно ясно, что византийские священнослужители будут проводниками политики империи в Болгарии, защитниками ее интересов (опыт на этот счет князь уже приобрел, наблюдая деятельность греков-священников в 864–866 гг. и папских прелатов в 867–870 гг.). Сама церковная концепция, принесенная в страну имперским духовенством, как уже говорилось выше, содержала мысль о законности политического верховенства империи над народом, принявшим от нее христианскую религию.[2]

В этом плане представляются естественными два мероприятия Бориса, последовавшие в 80-х годах одно за другим. Первое состояло в отправке в Константинополь группы болгарских юношей для обучения и подготовки к духовному званию. С ними был отправлен и сын Бориса Симеон, которому отец несомненно прочил высокую церковную карьеру. Цель Бориса состояла в постепенной замене греческих священнослужителей отечественными, болгарскими.

Второе мероприятие Бориса, обеспечившее более быстрый и верный успех в достижении упомянутой цели, имело вместе с тем огромные последствия для судеб культурного развития Болгарии, а также

[1] *Χρ. Ταρνανίδου Ἰω.* Ἡ διαμόρφωσις τοῦ αὐτοκεφάλου τῆς Βουλγαρικῆς ἐκκλησίας. (864–1235). Θεσσαλονίκη, 1976, σ. 179–184.

[2] *D. Obolensky.* The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe. 500–1453. L., 1974, p. 117–118.

других славянских народов (прежде всего сербов и древних русов): в 886 г. Борис принял изгнанную из Великой Моравии группу учеников славянских просветителей Кирилла и Мефодия и предоставил им широкое поле деятельности по организации училищ, обучению славянской письменности и подготовке к церковной и политической деятельности молодых представителей болгарского общества. Начался постепенный процесс замены греческого духовенства болгарским, славяноязычным (по церковным канонам получение прихода или кафедры новым священнослужителем возможно лишь после смерти или низложения по церковному суду предшественника). Первым достоверным известием о назначении на высокий церковный пост болгарина по происхождению и о переходе в богослужении на древнеславянский язык является сообщение о поставлении в 893 г. Климента (Охридского), одного из учеников солунских братьев, епископом районов Великия и Дебрица с центром в Охриде: «и так Климент стал первым епископом болгарского языка».[1]

Случилось это в тот же год, когда в Болгарии произошли еще два важных события: последняя попытка вернуть страну к языческой вере и воцарение самого выдающегося из государей Первого Болгарского царства — вернувшегося из Византии сына Бориса — Симеона.

Борис отрекся от престола и ушел в монастырь в 889 г., отдав трон старшему сыну Владимиру-Росате (889–893 гг.). Новый князь, сформировавшийся как личность еще до крещения Болгарии и тесно связанный с кругами протоболгарской аристократии, не затронутой репрессиями после мятежа 865 г., но находившейся в оппозиции к христианству и к политике Бориса, отважился на решительный шаг, полагаясь на своих сторонников и собственную власть как повелителя страны. В 893 г. по его приказу началось разорение церквей в столице, священнослужители изгонялись, ревностные христиане подвергались насилиям. Борис временно покинул монастырь и возглавил борьбу против сына-отступника. Победа была достигнута без труда: язычники уже не имели широкой опоры в массах народа. Владимир был низложен, по приказу отца его лишили зрения и бросили в тюрьму. Борис созвал последнее в истории Болгарии «народное собрание», на котором была объявлена его воля: трон передавался Симеону, а столица переводилась из Плиски, в которой оказались живучими языческие протоболгарские традиции, в новый город Преслав.

Судьба этой попытки реставрировать язычество (причем попытки, предпринятой самим государем страны) свидетельствует о значительном укреплении новой веры. Конечно, пережитки язычества еще долго сохранялись в стране. Особенно отчетливо они прослеживаются в особенностях погребального обряда до конца X в.[2] Характерно, что это были по преимуществу пережитки не протоболгарского, а славянского

[1] *Теофилакт.* Климент Охридски. Превод от гръцкия оригинал, увод и бележки от А. Милев. София, 1955, с. 74.

[2] *Ж. Вължарова.* Славяни и прабългари..., с. 412–413.

язычества.[1] Но с ходом времени они теряли собственное религиозное содержание или приобретали новое, соответствующее христианской символике, приспосабливались к христианским праздникам, выступали в роли народных обычаев, элементов празднеств и игр.

Доказательством относительно быстрой победы христианства в Болгарии после ее официального крещения может служить то обстоятельство, что именно на болгарских землях во второй половине X в. оформилась первая в Европе в эпоху средневековья богословская ересь — богомильство, пользовавшееся широким влиянием на народные массы. Дело в том, что это враждебное официальной христианской ортодоксии религиозное учение родилось не вне христианства, а в его лоне — как его антитеза, переосмысление важнейших догматов самой христианской доктрины. Популярность же богомильства в свою очередь свидетельствовала о том, что массы народа уже были хорошо знакомы с христианской догматикой, в частности с евангелием, на положения которого постоянно ссылались еретики.

Быстрая победа христианства в Болгарии свидетельствует также о том, что политический курс Бориса в целом соответствовал интересам большинства господствующего класса страны, обеспечившего ему поддержку, и был разработан на основе правильной оценки внутреннего и международного положения государства.

В какой мере болгарским властям в процессе христианизации и утверждения новой религии приходилось прибегать к насилию, источники не позволяют ответить с определенностью. Отчасти на этот вопрос отвечает короткое сообщение о разгроме мятежа 865 г. Языческую оппозицию Борис подавлял незамедлительно, не останавливаясь перед положением и знатностью ее носителей. Тот факт, что он пощадил «средних и низших», отнюдь не означает, что им было предоставлено право оставаться язычниками. Папа Николай I недвусмысленно советует князю приводить отрекшихся снова к вере «любым способом», «как заблудших овец», карать язычников, «заслуженно подлежащих притеснению светской власти»; оправдал, пожурив, папа Бориса и за избиение детей-младенцев мятежных боляр, так как князь совершил это «из ревности к христианской вере».[2]

Одна из особенностей в организации болгарской церкви состояла в том, что на ее структуре и на деятельности ее служителей отразилась идея соперничества с соседней империей, с престижем ее власти и влиянием ее Церкви. Идея эта пронизывала и сознание болгарских иерархов, и светских правителей государства. Уже сын Бориса Симеон, присвоивший себе титул «василевса ромеев» и стремившийся овладеть троном Константинополя, вынашивал мечту о возведении своей Церкви в ранг патриархии — мечту, о которой его отец писал папе Николаю еще в 866 г., когда Болгария в сущности еще оставалась полуязыческой. Мечта Симеона осуществилась в год его смерти, в 927 г., в силу договора его сына Петра с императором Романом I

[1] *П. Петров, В. Гюзелев.* Христоматия..., т. 1, с. 194.
[2] ЛИБИ, т. II, с. 82–83 и др.

Крещением и женитьбы болгарского правителя (он одновременно получил титул «василевса болгар») на внучке императора. В известном смысле сын Симеона Петр в начале своего правления пожал плоды усилий своего отца, державшего своим военным давлением почти 20 лет империю в состоянии тревожного напряжения.[1]

Опираясь на свою Церковь и ценя ее заслуги перед троном, болгарские государи ускоренными темпами создавали для нее материальную базу и обеспечивали благополучие ее служителей, стараясь за какие-то полвека уравнять в этом отношении болгарское духовенство с византийским, существовавшим как привилегированная корпорация к началу X в. уже в течение пяти с половиной столетий. Уже Борис подарил Клименту Охридскому благоустроенное поместье в округе Охрида в Главиницы («места для отдыха»).[2] К середине же X в. богатства болгарского духовенства, алчность его служителей в стяжании движимого и недвижимого имущества послужили одной из причин успеха агитации богомилов против Церкви и одним из оснований для острой критики нравов болгарских священнослужителей со стороны наиболее дальновидных представителей из их собственной среды.

Болгарская церковь с самого своего основания была всецело подчинена верховной светской власти, игравшей решающую роль в назначении не только на пост главы Церкви страны, но и на посты митрополитов и епископов. Достаточно красноречиво на этот счет свидетельство «Жития Климента Охридского», в котором сказано, что на пост епископа Великия и Дебрицы Климента поставил царь Симеон.[3] Церковь последовательно выполняла свою социальную роль как интегральная часть раннефеодальной государственной системы. Однако в силу особенностей своего формирования, крупных преобразований, которые она претерпела в конце IX–первую четверть X в. в связи с тем, что процесс этот осуществлялся под руководством учеников солунских братьев, которым были свойственны традиции бескорыстия и подвижничества, болгарская церковь в начальный период своего существования сыграла значительную роль в общественной жизни, в особенности — в распространении письменности, в развитии оригинальной древнеболгарской литературы и в культурном подъеме Древнеболгарского государства в целом.

[1] *И. Божилов.* Цар Симеон Велики (893–927): Златният век на средновековна България. София, 1983.

[2] *А. Милев.* Гръцките жития на Климент Охридски. София, 1966, с. 124.

[3] *Теофилакт...*, с. 74.

Формирование этнического самосознания болгарской народности (VII–первая четверть X в.)

Сравнительно с другими славянскими народами процесс становления самосознания болгарской народности отличался рядом существенных особенностей. Во-первых, само Болгарское государство возникло двумя с половиной столетиями раньше, чем завершилось оформление болгарской средневековой народности. Во-вторых, это государство сложилось на территории, в течение нескольких веков входившей в границы Восточно-Римской (Византийской) Империи, с которой она и далее находилось в постоянном контакте, оказавшем серьезное влияние на славяно-протоболгарском общество, в том числе и на процесс его этнической эволюции. В-третьих, становление народности совершалось здесь в условиях симбиоза двух в этническом и хозяйственно-культурном отношении резко различавшихся этносов — славян и протоболгар. В-четвертых, в условиях этнического дуализма чрезвычайно большую роль в его постепенном преодолении в ходе VIII–IX вв. и в оформлении единой болгарской народности играли центральные органы государственной власти.

Главная трудность в изучении проблемы формирования самосознания болгарской народности как этнической общности нового, более высокого таксономического уровня (сравнительно с участвовавшими в этом процессе основными этносами) состоит в выявлении этапов и конкретных форм эволюции, приведшей, с одной стороны, к усвоению славянами «чужого» этнонима при сохранении славянского самосознания и, с другой стороны, к сохранению протоболгарами собственного этнонима при утрате важнейших элементов прежнего — тюркского этнического самосознания.

Поскольку в этом сложном процессе существенное значение имели особенности политических форм организации и хозяйственно-культурных типов обоих этносов, постольку, следовательно, становление

болгарской народности может быть рассмотрено лишь в неразрывной связи с ходом общественного, политического и культурного развития славян и протоболгар, а основное внимание должно быть уделено тем компонентам в иерархической структуре их самосознания, которые свойственны не этносу вообще, а этносоциальному организму.[1]

Ко времени возникновения Болгарского государства и славяне, и протоболгары представляли собой уже устойчивые этнические общности. Несмотря на известные отличия и оттенки, всем представителям и социальным группам славян и протоболгар было свойственно сознание их этнического единства. Оба народа еще не являлись в этот период раннефеодальными народностями, но уже были этносоциальными (этнополитическими) организмами с весьма различной хозяйственно-культурной и общественно-политической структурой. К моменту их объединения в едином государстве оба народа находились на стадии развития, соответствующей переходу в общественной сфере от военной демократии к государству, а в этническом отношении — от союзов родственных племен к народностям.[2]

Однако процесс этнической дезинтеграции славян, заселивших Балканский полуостров, и консолидации отдельных их групп в общности нового типа был в VII—начале IX вв. еще слабо выражен [1, с. 62—66; 2, с. 44—45; 3, с. 108 сл.; 4, с. 88]. Правда, некоторые этнические (диалектные) особенности отличали еще до поселения на землях империи так называемую славяно-болгарскую группу, участвовавшую в генезисе болгарской народности, от сербохорватской группы, заселившей северо-запад полуострова.[3] Однако эти, главным образом фонологические,

---

[1] О теоретических вопросах этнологии см.: *Ю. В. Бромлей.* Этнос и этнография. М., 1973, с. 35—36; *Он же.* К характеристике понятия «этнос». — В кн.: Расы и народы. М., 1971, вып. 1; *Он же.* Этнос и этносоциальный организм. — ВАН, 1970, № 3; *Ю. В. Бромлей, В. И. Козлов.* Этнические процессы как предмет исследования: (Предварительные замечания). — В кн.: Современные этнические процессы в СССР. М., 1975, с. 9—21; *С. И. Брук, Н. Н. Чебоксаров.* Метаэтнические общности. — В кн.: Расы и народы. М., 1976, вып. 6, с. 16; *И. Георгиева.* Етнос, етносоциален организм, етнически процеси. — Векове, 1972, № 1, с. 42—48; *Г. Г. Литаврин.* Этническое самосознание южных славян в VII—X вв.: (К проблеме формирования раннесредневековых народностей). — VIII Междунар. съезд славистов. М., 1978.

[2] См. об этом подробно: *С. А. Никитин.* Образование болгарского народа и возникновение болгарского государства. — ВМУ. Сер. обществ. наук, 1952, № 1; *А. Бурмов.* К въпроса за отношенията между славяните и прабългари през VI—IX вв. — ИП, 1954, № 1; *В. Zástěrová.* Les Avares et les Slaves dans la Tactique de Maurice. Praha, 1971, p. 77; *В. В. Кучма.* Славяне как вероятный противник Византийской империи по данным двух военных трактатов. — В кн.: Хозяйство и общество на Балканах в средние века. Калинин, 1978, с. 7—8; *Г. Г. Литаврин.* К проблеме образования Болгарского государства. — Сов. славяноведение, 1981, № 4, с. 29—48.

[3] См. работы по топонимике: *Й. Заимов.* Наистарите заселища на българските словени в балканските земли. — В кн.: Етногенезисът и културно наследство на българския народ. София, 1971, с. 51—56; *J. Zaimov.* Relation chronologique entre la deuxième palatisation vieux bulgare et la métathèse liquide

особенности были еще несущественными [1, с. 62–66]. Столь же относительной была, вероятно, и этническая гомогенность самой славяноболгарской группы: в нее входили не только «склавины», но и анты, для которых были характерны этнические особенности.[1] Встреча двух миграционных потоков — из бассейна Вислы и Одера и из междуречья Днепра и Днестра — произошла, как упоминалось ранее, еще близ Нижнего Подунавья [5, pp. 9–28]. Для VII–VIII вв. археологически документировано присутствие и «склавинов», и антов в Малой Скифии (Добрудже) [6, p. 173]. Антские пальчатые фибулы распространены от Приднепровья до Адриатики, найдены и в Добрудже, и к западу от Стара Загора [4, с. 127–128]. Глиняные миски особой формы (крепули), характерные для антской керамики, широко представлены в Македонии [7, S. 64]. Овечьи астрагалы из детской могилы в Белграде имеют единственную известную аналогию в подобных находках под Киевом [8, S. 237–238].

Конфронтация славян с империей, несомненно, упрочила сознание их этнического единства [9, с. 52–54], но не привела к утрате племенных или региональных отличий между ними, что отчетливо выражалось в консолидации на занятых славянами землях обособленных друг от друга военно-территориальных объединений (славиний), о которых речь шла выше.

Из славиний, расположенных к югу и юго-западу от Балканского хребта, в этногенезе болгарской народности непосредственно участвовали Берзития, Драгувития, смолены, тимочане, стримонцы и др., в том числе неизвестные по наименованиям славинии в Македонии и Северной Фракии. Однако большинство этих славиний было вовлечено в указанный этногенетический процесс лишь с конца VIII в. — первой половины IX столетия, когда они вошли в состав Болгарии. Источники не дают, к сожалению, возможности установить какие-

---

à la lumière des noms géographiques bulgares en Grèce du Sud. — In: Actes du XIe Congrès International des sciences onomastiques. Sofia, 1975, II, p. 453–456; *Idem*. Beitrag zur Erforschung der bulgarischen geographischen Namen in Griechenland. — Zeitschrift für Balkanologie (München), 1975, t. XI, № 1, S. 105–115.

[1] *В. В. Седов*. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979, с. 127 сл.; *Б. Алексова*. Материјална култура на словените ва Македонија. — В кн.: Словенска писменост: 1050 — годовщина на Климент Охридски. Охрид, 1960, с. 146–147; *Ж. Вължарова*. Славяне и протоболгары. — In: Berichte, S. 319; *Она же*. Славяни и прабългари на некрополите от VI–XI в. на територията на България. София, 1976, с. 434; *M. Comşa*. Quelques données concernant les rapports des territoires norddanubiennes avec Byzance au VIe–VIIIe s. — Revue des Etudes sud-est européennes, 1971, t. IX, № 3, p. 371; *Д. Ангелов*. Образуване на българската народност. София, 1971, с. 161 сл.; *D. Teodor*. Les plus anciens Slaves dans l'Est de la Roumanie (Moldavie). — In: Berichte, S. 211. Ср.: *В. Тъпкова-Заимова*. Нашествия и етнически промени на Балканите. София, 1966, с. 58; *Eadem*. Ethnischen Schichten auf dem Balkan und die byzantinische Macht im 7. Jahrhundert. — In: Studien zum 7. Jahrhundert in Byzans. Probleme der Herausbildung des Feudalismus. Berlin, 1976, S. 67.

либо этнические и этносоциальные особенности, отличающие славинии друг от друга, хотя, несомненно, такие особенности имелись с самого начала и могли углубляться с ходом времени. При настоящем положении источников можно только предполагать, что подобные отличия не выходили за рамки племенных.

Особенно важной в этногенезе болгарской народности была с самого начала этого процесса роль славиний, расположенных между Дунаем и Балканским хребтом, в Мисии и в Малой Скифии, ставших колыбелью Болгарского государства. Точное время освоения славянами этих земель неизвестно. Скорее всего, это случилось в конце VI в. или в первые десятилетия после падения в 602 г. оборонительной системы империи на Дунае, хотя вторжения славян в этот регион имели место уже во второй четверти VI в.[1] Археологический материал VII–IX столетий не позволяет определить плотность славянских поселений здесь до 70-х годов VII в. и пропорциональное соотношение славянского и протоболгарского населения после прихода воинства Аспаруха.[2] Тем не менее вся совокупность данных письменных источников, археологии и лингвистики, как и весь ход последующей этнической эволюции в названном регионе, свидетельствуют о том, что с VII в. славяне занимали не «узкую полоску» на правом берегу Дуная,[3] а расселились по всему пространству Мисии (10, с. 8 сл.; 11, 202–203; 12, с. 20–21; 13, S. 67). Их самая крупная славиния в этом регионе носила

---

[1] *В. Тъпкова-Заимова.* Нашествия..., с. 70. Ср.: *V. Tăpkova-Zaimova.* Ethnische Schichten..., S. 66; *Д. Ангелов.* Образуване.., с. 153 сл.; *H. Ditten.* Zur Bedeutung der Einwanderung der Slawen. — In: Byzantium in 7. Jahrhundert. Untersuchungen zur Herausbildung des Feudalismus. Berlin, 1978; *Idem.* Slawen in byzannischen Heer von Justinian I bis Justinian II. — In: Studien zum 7. Jahrhundert..., S. 77–91; *V. Tăpkova-Zaimova.* La politique de Byzance dans ses rapports avec des «Barbares». — Etudes Historiques. (Sofia), 1965, II, p. 35–40. Ко второй половине VI в. события относят: *Ж. Вежарова.* Славяни и прабългари..., с. 5 сл.; *Ст. Ваклинов.* Формиране на старобългарската култура: VI–IX вв. София, 1977, с. 59, 123–129; *C. Preda.* The Byzantine Coins — an expression of the relations between the Empire and the populations north of Danube in the 6th–13th Centuries. — In: Relations between the Autochtonous Population and Migratory Population on the Territory of Romania. Bucureşti, 1975, p. 224–235. Датирует второй четвертью VII в. заселение славянами Мисии: *B. Zástěrová.* Рец. на кн.: *A. Avenarius.* Die Awaren in Europa. Amsterdam, 1974. — Byzantinoslavica, 1979, № 40 (1), p. 46.

[2] *Й. Коев.* Следи от бита и езика на прабългарите в нашата народна култура. — В кн.: Етногенезисът..., с. 111–114; *Ст. Станилов.* Проучването на Първата Българска държава (по археологически данни). — Археология (София), 1976, № 2, с. 10–22; *В. Бешевлиев.* Рец. на кн.: *I. Fodor.* Altungarn, Bulgarotürken und Ostslawen in Südrussland (Archäologische Beiträge). Szeged, 1977. — Археология (София), 1979, № 2, с. 64; *В. Гюзелев.* Икономическо развитие, социална структура и форми на социална и политическа организация на прабългарите до образуването на българската държава (IV–VII вв.). — Там же, № 4, с. 12–22.

[3] См. хроникальную заметку: *Б. Данчева.* Първа комплексна конференция по българистика. — ИП, 1979, № 4/5, с. 275.

название «Семь родов» или «Семь племен» (ἑπτὰ γενεάς).[1] Это наименование, независимо от решения спорной дилеммы — о «родах» или «племенах» здесь следует говорить, — было скорее всего самоназванием и отражало к этому времени уже не реальное число родов (или племен) в славинии (14, p. 103–107), а историю ее образования.

Все известные по наименованиям славинии образовались на землях империи в результате оседания славян компактными массами. Само переселение на Балканы могло совершаться целыми славянами, сформировавшимися еще к северу от Дуная (15, с. 82 сл.). Союз «Семь родов» вероятнее всего не составлял при этом исключения. Неясно, однако, сохранила ли эта придунайская славиния часть земель на левобережье, где славяне упорно отстаивали свою независимость от аваров.[2] Еще в правление Тиверия (578–582) на требование кагана подчиниться вождь местных славян Даврентий (Добрент?) ответил, что нет такого человека под солнцем, который мог бы преодолеть «нашу силу... мы привыкли владеть чужой землей, а не другие — нашей» [16, с. 232 — Менандр].

Успешный поход аваров в 602 г. против антов через эти земли мог привести к усилению аварского влияния в нижнедунайском левобережье, а также послужить толчком к переселению славян на юг [17, S. 198 f., 157 f.]. Их интересы, заключавшиеся в прочном освоении занятых земель, все более расходились с интересами аваров, совершавших рейды в пределы империи главным образом ради воинской добычи [18, S. 12–19]. Во всяком случае славяне «Семи родов» и к югу от Дуная сохранили традиции борьбы с аварами. Представляется вероятным, что именно на почве вражды с аварами союз «Семь родов» вступил в договорные отношения с империей и получил статус федератов, не утратив своей автономии [19, с. 70 сл., 90–97; 13, S. 65; 20, S. 78 f.; 21, с. 27]. Вполне возможно, как полагает П. Коледаров, что союз «Семь родов» сохранил в своем владении часть земель левобережья Дуная, хотя их пределы вряд ли были столь обширны, как это указано на составленной этим ученым карте [22, с. 10 карта 1].

---

[1] Дискуссию о переводе и истолковании этого наименования см.: *П. Коледаров.* Политическа география на средновековната Българска държава. София, 1979, т. 1, с. 9. Ив. Дуйчев указал на отмеченную еще Л. Нидерле параллель между этим наименованием и названием упомянутого анонимным «Баварским географом» IX в. славянского племени Eptaradici (*Iv. Dujčev.* Les sept tribus slaves de la Mésie. — SA, 1959, t. 6, p. 107). См. текст географа: *В. Гюзелев.* Баварският географ и някои въпроси на българската история от първата половина на IX в. — ГСУ, филос.-ист. ф-т, 1965, т. 58, кн. III, с. 292. Вопрос остается, однако, нерешенным. См.: *H. Łowmiański.* O identifikacii nazw Geografa bawarskiego. — Studia Źródloznawcze (Poznań), 1958, t. III, S. 1–21.

[2] См. из новых работ: *B. Zástěrová.* Les Awares..., p. 33 sq.; *Eadem.* Zu einigen Fragen aus Geschichte der slawischen Kolonisation auf dem Balkan. — In: Studien zum 7. Jahrhundert..., S. 59–60; *G. Cankova-Petkova.* Über die Bildung des bulgarischen Staates. — In: Beiträge zur byzantinischen Geschichte im 9.–11. Jh. Berlin, 1978, S. 464; *A. Avenarius.* Die Awaren und die Slawen in den Miracula Sancti Demetrii. — BYZANTINA, 1973, t. V, S. 12–19.

Мисия и Малая Скифия к концу VI в. были разорены и переживали экономический упадок. Как следует из вышеизложенного, к этому времени фракийское население стало весьма редким, часть его была романизирована [23, с. 161–171; 24, с. 49, 324; 19, с. 84]. Хотя данные топонимики (особенно микротопонимии) позволяют заключить о сохранении фракийского элемента и его контактах со славянами,[1] эти отношения лежали в плане не столько славяно-фракийского, сколько славяно-византийского взаимодействия [25, p. 7–9]. С согласия ли империи или без него, заселившие Мисию славяне вели себя здесь, безусловно, в качестве победителей, вытеснив часть автохтонов с удобных земель. Недаром здесь произошла почти полностью смена дославянских топонимов славянскими, а фракийские микротопонимы удержались главным образом в горной местности [11, с. 86–96, 173]. Подобная обстановка, не исключая хозяйственно-культурного влияния остатков местного населения, не могла, конечно, содействовать его общественно-политической активности.

Следы воздействия фракийской культуры на славян (в том числе на болгар) несомненны: их прослеживают в элементах праздничных обрядов, свадебных и погребальных ритуалов, в фольклорных мотивах, в деталях одежды и украшений, в специфике религиозных представлений и т. п.[2] Однако неясно, как отразилось фракийское влияние

---

[1] *В. Тъпкова-Заимова.* По някои въпроси за етническите промени на Балканите през VI–VII в. — ИИИ, 1963, т. XII, с. 78; *Он же.* Нашествия..., с. 89–90; *Б. Симеонов.* О характере местных названий романского происхождения в НР Болгария. — In: Actes du XIIe Congrès International des sciences onomastiques. Sofia, 1975, t. II, p. 277–283; *H. Mihăescu.* Die Lage der zwei Weltsprachen (Griechisch und Latein) im byzantinischen Reich des 7. Jh. als Merkmal einer Zeitwende. — In: Studien zum 7. Jahrhundert..., S. 95–100; *Idem.* Torna, torna, fratre. — BYZANTINA, 1976, t. VIII, p. 32; *G. Gomolka.* Bemerkungen zur Situation der spätantiken Städte und Siedlungen in Nordbulgarien und ihrem Weiterleben am Ende des 6. Jh. — In: Studien zum 7. Jahrhundert, S. 35–42 (см. здесь и библиографию); *E. Popescu.* Contribution à la géographie historique de la péninsule Balkanique au VIe–VIIIe siècles de notre ère. — Dacia, N. S. (Bucureşti), 1969, t. 13, p. 403–415. Cf.: *S. Gălăbov.* Contribution en problème des contacts bulgaro-roumains au sud du Danube. — In: Actes du 1er Congrès International des études balkaniques et sud-est européennes. Sofia, 1968, Linguistuque, t. VI, p. 221; *Ж. Въжарова.* Славяни и прабългари..., с. 7 (некрополи фракийцев не найдены); *P. Koledarov.* Zur Frage der politischen und ethnischen Veränderung auf dem Balkan im 7. Jahrhundert. — Études historiques (Sofia), 1980, t. 10, S. 77–89; *G. Cankova-Petkova.* L'état Bulgare, les Slaves et Byzance. — In: Rapportes du IIIe Congrès International d'Archéologie Slave. Bratislava, 1980, t. 2, p. 73–77.

[2] *А. Милчев.* Славяните и народите на римските провинции в източна част на Балканския полуостров. — In: Berichte, S. 149–150; *T. Koleva.* Typologie de la fête de la Saint George chez les Slaves du Sud. — Etudes Balkaniques, 1977, № 1, p. 116–122; *Я. Тодоров.* Паганизм в Долна Мизия. София, 1928, с. 25 сл.; *В. Велков.* Към въпроса за езика и бита на траките през IV в. от н. е. — В кн.: Изследвания в чест на акад. Д. Дечев. София, 1958, с. 731–739.

на самосознании болгарской народности. Вполне вероятно, что существенная часть элементов фракийской культуры, унаследованная болгарской народностью, была воспринята — и именно через славян к югу и юго-западу от Балканского хребта. Вряд ли в таком случае этот «фракийский компонент» сопоставим с яркими признаками воздействия византийской цивилизации в целом.

Мало сопоставим по его значению «фракийский компонент» также и с последствиями взаимодействия славянского этноса на Балканах с протоболгарским. Принципиальное значение имел при этом факт более чем столетних тесных контактов славян и протоболгар до их симбиоза в пределах одного государственного союза [26, с. 20–24; 27, S. 76].

Обитавшие в V столетии в Северном Предкавказье и в Приазовье протоболгарские племена входили в середине века в гуннский союз. С этого времени часть протоболгар оказалась увлеченной в Паннонию, часть — в Северо-Западное Причерноморье и Малую Скифию, вступив при этом вскоре в непосредственное общение со славянами. В течение VI в. совместно со славянами протоболгары совершали многократные вторжения в пределы Византии [28, с. 157–169; 11, с. 190–211], но в отличие от славян они еще не оседали постоянно на землях империи.

В 60-х годах VI в. западная часть протоболгар вошла в Аварский каганат, и их контакт с подчиненными аварам славянами в Паннонии стал еще более тесным. Оставшиеся в Приазовье протоболгары составили окраинную, западную область Западно-Тюркского каганата. На рубеже VI–VII вв., освободившись от этой зависимости, они создали в Приазовье собственное политическое объединение — Великую Болгарию.

Около середины VII в. Великая Болгария распалась под ударами хазар. Преследуемая ими часть протоболгар во главе с Аспарухом достигла, видимо, в середине 70-х годов междуречья Днестра, Прута и Дуная. В 30–80-х годах того же столетия несколько протоболгарских племенных объединений покинули Паннонию, уйдя от аваров в Северную и Центральную Италию и в Македонию. Характерно при этом, что протоболгарские политические союзы, обнаруживая большую сравнительно со славянскими прочность родо-племенной структуры и воинской организации, были, однако, слабо связаны между собой и оказались разобщенными большими расстояниями.

Для понимания условий и факторов вызревания болгарской народности необходимо, хотя бы кратко, сказать об обстоятельствах образования Болгарского государства, о примерном численном соотношении славян и протоболгар в Мисии и Малой Скифии, о формах их симбиоза и особенностях хозяйственно-культурной и социально-политической организации обоих народов.

Обосновавшись в междуречье Днестра, Прута и Дуная, в местности, носившей название «Онгл» (этимологически его сближают с древнеслав. «угол» или с тюркским «аул») [24, с. 40, 86; 29, с. 91–102, 169–176], протоболгары стали совершать набеги на близлежащее правобережье Дуная, где жили славяне-федераты.

Весной 680 г. император Константин IV двинул против протоболгар крупные сухопутные силы и военный флот, но потерпел пораже-

ние. На плечах отступавших византийцев протоболгары ворвались в Мисию и Малую Скифию, достигнув района Варны. Оценив стратегические преимущества местности, защищенной Дунаем, Черным морем и Балканским хребтом, они обосновались здесь, подчинив находившиеся поблизости славянские племена. При этом они переселили из этого района жителей славинии «Семь родов» — северов[1] — из района ущелья Верегава (Ришского прохода через Балканский хребет)[2] к востоку, в приморскую область, для защиты от возможных вторжений византийцев по морскому побережью. Остальных славян «Семи родов» они переместили «к югу и западу», для охраны земель, лежавших близ аварских владений. Последовавшие затем набеги протоболгар на районы империи к югу от Балкан, находившиеся под непосредственным управлением византийской администрации, вынудили императора в 681 г. на заключение мира с Аспарухом и на выплату ему ежегодной дани.[3]

Характер отношений болгар Аспаруха с хазарами, задачи борьбы с империей и аварами и забота об обороне земель Онгла, а затем Мисии вряд ли оправдывают гипотезу о сохранении Аспарухом под своим суверенитетом территорий от Днепра до Дуная, по которым он отступал, теснимый хазарами, и о распространении его власти на значительные районы левобережья Дуная [11, с. 203–204; 30, p. 127; 22, p. 9–11]. Возможно, в пределы нового государственного образования вошли земли на левом берегу, входившие до этого в пределы славинии «Семь родов». Аспарух, несомненно, овладел верховной властью над славянскими вождями славиний. От союза «Семь родов» он отделил северов. Но обе части бывшей славинии и после переселения сохранили внутреннюю автономию.

Перемещение славян ханом свидетельствует о его договоре со славянскими вождями, ибо им была доверена охрана наиболее угрожаемых участков границы. Нет оснований для уверенного вывода, что славиния «Семь родов» объединяла всех славян Мисии и Малой Скифии и что они были выселены протоболгарами на периферию нового государства (ср. [31, S. 72–77]). Областью первоначального расселения протоболгар стали Добруджа и восточная часть Мисии, откуда они постепенно продвигались к западу.[4]

---

[1] Большинство историков не включают северов в одну славинию с «Семью родами» (см.: *П. Коледаров.* Политическа география..., с. 9) в отличие от М. Войнова (*М. Войнов.* За първия допир на Аспаруховите българи със славяните и за датата на основането на българската държава. — ИИБИ, 1956, т. 6, с. 455–457), точку зрения которого мы разделяем.

[2] Ив. Дуйчев (Проучвания върху българското средновековие. София, 1945, с. 151–167) предпочитает Вырбишский перевал. Ср.: *Г. Г. Литаврин.* К проблеме..., с. 37.

[3] ИБИ, VI, ГИБИ, III, с. 261–264 — Феофан, 295–296 — Никифор. Пересказ Анастасия Библиотекаря см.: ИБИ, VII, ЛИ, II, с. 248–250.

[4] *Ж. Вължарова.* Славяни и прабългари..., с. 416, 434; *Она же.* Селища и некрополи (края на VI–XI вв.). — Археология (София), 1974, № 3, с. 18–20;

Что касается вопроса о примерной численности протоболгар сравнительно со славянами, то археологические изыскания последних лет оправдывают некоторую коррекцию прежних выводов в сторону признания более значительных масштабов протоболгарского этнического элемента на первом этапе существования нового государства, однако они не подтверждают гипотезу о том, что преобладание славян в нем стало подавляющим только с начала IX в., с расширением границ Болгарии на густозаселенные славянами земли Северной Фракии и Македонии [31, S. 72 f.].

Атрибуция протоболгарам части полуземлянок, обнаруживаемых археологами, на том основании, что этот тип жилищ характерен для ареала Великой Болгарии, малоубедительна, так как эти полуземлянки существенно отличались от славянских. Части протоболгар, как и славянам, был свойствен обряд трупосожжения, но он был специфичным, легко отличим от славянского обряда и сравнительно мало распространен. Присутствие в Добрудже значительного числа «доспаруховых» протоболгар также остается предположительным.[1] Какое бы этимологическое толкование ни давать наименованию «Онгл», его размеры (согласно описанию Феофана) [32, с. 263] довольно скромны для крупного скотоводческого народа.

Впрочем, известия этого автора противоречивы: с одной стороны, он пишет о недостаточных силах Аспаруха, о поисках естественно защищенной местности для поселения и приписывает победу не столько мощи оружия протоболгар, сколько панике в войске империи. С другой стороны, он говорит о том, что империя расценила появление протоболгар у ее границ как серьезную опасность, стянув против Аспаруха войска из Фракии и восточных провинций. Однако это противоречие вполне объяснимо тем, что империя была обеспокоена возможным объединением сил нового тюркского союза со славиниями, как это неоднократно имело место ранее и как это действительно произошло в 680 г.

Борьба Византии со славиниями была в то время ее главной задачей, и утрата суверенитета (сколь бы относительным он ни был) над

Г. Ф. Чеботаренко. К вопросу об этнической принадлежности балкано-дунайской культуры в южной части Прутско-Днестровского междуречья. — В кн.: Этническая история восточных романцев. Древность и средние века. М., 1979, с. 97; *Л. Дончева-Петкова.* Българска битова керамика през ранното средновековие. София, 1977, с. 224 сл.; *В. В. Седов.* Происхождение..., с. 40, 41, 63, 66, 97, 127. Ср.: *D. Dimitrov.* Quelques questions de l'histoire des Proto-Bulgares. — Etudes Balkanique, 1977, № 2, p. 87–105.

[1] *В. В. Седов.* Происхождение..., с. 127; *Ст. Ваклинов.* Славянската култура в България и византийското наследство. — In: Berichte, S. 219; *Ж. Вежарова.* Българският народностен облик през средновековието в светлината на археологически данни (VI–XI вв.). — В кн.: Първи конгрес на Българското историческо дружество. София, 1972, с. 409–410; *Она же.* Славяни и прабългари..., с. 429–431; *D. Dimitrov.* Neue Angaben im nordostlichen Bulgarien auf Grund der archäologischen Forschungen. — In: Studii in honorem V. Beševliev. Sofia, 1978, S. 369–381; *Idem.* Quelques questions..., p. 102.

славянами Мисии и Малой Скифии в случае утверждения здесь власти протоболгар грозило осложнением всей ситуации в европейских владениях империи.

Сообщаемая автором XII в. Михаилом Сирийцем цифра численности протоболгар — 10 тысяч — ныне отвергается как непомерно заниженная; цифру эту толкуют как указание только на ту группу протоболгар, которая составляла ядро сил Аспаруха, помимо возможных, более ранних протоболгарских поселений в Добрудже и тех «пополнений», которые могли прибывать к Аспаруху (и его преемникам) по якобы контролируемым протоболгарами до Днепра землям [29, с. 90–92].

Цифра Михаила Сирийца, конечно, вряд ли точна, но и доводы в ее опровержение не вполне убедительны. Авары в течение двух с половиной веков господствовали над обширным и густо заселенным регионом Европы. Ядро же их сил, по свидетельству Менандра, насчитывало едва 20 тысяч воинов, концентрировавшихся на относительно небольшом пространстве в междуречье Муреша и Кереша при их впадении в Тису. Здесь располагались не только аварские вежи и их стада, но и поселения подневольных людей и крепостные сооружения [33, Karten; 34, p. 133].

Картографирование находок протоболгарских вещей дает некоторое представление о территориях их первоначального размещения. Их основными этнообразующими признаками считаются керамика салтовского типа, юртообразные жилища и обряд захоронения, характеризуемый трупоположением по языческому ритуалу [35, с. 18 сл.; 10, с. 416; с. 99; с. 75–77].

Главными районами их расселения были область Плиски — Шумена, Добруджа и часть левобережья Дуная против Доростола. Однако и здесь некрополи протоболгар были окружены славянскими захоронениями либо имели совместный, двуобрядный характер [38, с. 8–17; 39, с. 94]. Даже район Плиски и территория самой столицы-лагеря носят следы пребывания здесь славян.[1] В целом археологические материалы VII–IX вв. с территории Мисии и Добруджи свидетельствуют о решительном преобладании славянского населения над протоболгарским и о тесных контактах обоих этносов [40, с. 409; сл.; 11, с. 203; 24, с. 49].

Поколеблено в последнее время и представление о хозяйственно-культурном типе протоболгар как о кочевом по преимуществу. Собраны данные о проявившейся еще в Приазовье среди протоболгар тенденции к оседлости, о выращивании ими злаков и о земледельческих орудиях среди принадлежащих протоболгарам вещей, известны даже глухие упоминания об их «городах» [41, с. 12–22]. Ряд терминов земледельческого быта, усвоенных венграми в период пребывания в Приуралье и Поволжье, имеют тюркское (протоболгарское) происхождение [42, s, v., 43].

[1] См. об этом: *Ст. Михайлов.* Първата славянска столица Плиска в светлината на последните археологически разкопки. — SA., 1959, t. 7, S. 366–368; *Д. Ангелов.* Образуване..., с. 232; *Ст. Ваклинов.* Плиска за тридесят години. — Археология (София), 1974, № 3, с. 30 сл.; *В. Бешевлиев.* Първобългарски надписи. София, 1979, с. 202–203.

Однако остается неясным, сколь постоянен для большинства протоболгар был оседлый земледельческий быт перед уходом из Приазовья и после вторжения на Балканы, какое место занимало земледелие в общей системе их хозяйства, какая часть названных элементов быта должна быть приписана подчиненным протоболгарами народам или жителям невольничьих поселений, как это было в Аварском каганате, в котором авары, вплоть до их полной ассимиляции, так и не стали в истинном смысле оседлым и земледельческим народом.[1]

Свидетельства византийских авторов о соседних народах страдают традиционализмом, отнюдь не вполне соответствуя реальной действительности времени записи известия. Для автора рубежа IX–X вв. Льва VI протоболгары — скотоводы-кочевники. Если это сообщение — анахронизм для его эпохи, то, может быть, оно не столь ошибочно для VII–VIII вв., к которым восходят использованные Львом сведения. В своей «Тактике» Лев VI объединяет по особенностям быта и манере вести боевые действия венгров и протоболгар, которых, как он пишет, только христианство заставило отказаться от образа жизни номадов. Лев сообщает, что во время мира они рассеяны по родам и коленам, не работают на земле, а занимаются пастьбой коней зимой и летом; что у них нет пашен, что им нужно много земли из-за обилия у них скота и что пешими они избегают вступать в бой. Обычная их пища — кумыс, привычное жилье — шатер [44, с. 168–170]. Знаменательно, что Анастасий Библиотекарь в пересказе текста Феофана, говоря о поселении в Онгле протоболгар, пишет, что этот народ здесь tabernaculum fixerit, т. е. раскинул шатер [45, с. 249]. Никифор, говоря о поселении протоболгар у Варны, также употребляет глагол σκηνοῦσι, т. е. «раскинули шатры» [32, с. 296].

Если бы образ жизни значительной части протоболгар после поселения в Мисии и Добрудже был оседлым с самого начала, это неминуемо обусловило бы возникновение протоболгарских топонимов, так как первоначально их станы находились хотя и по соседству с деревнями славян, но отдельно от них [10, с. 429–431; 38, с. 87–105; 40, с. 409–410]. Однако сохранившиеся от того времени топонимы, если они не восходят к эпохе господства империи, — исключительно славянские, хотя известно, что и протоболгары не были безразличны к смысловой нагрузке топонимов. Плиска, Верегава, Варна, Тича — все эти славянские названия возникли до прихода протоболгар. Допротоболгарское славянское поселение Плиска стало первой столицей Болгарии, сохранив свое наименование. Точно то же следует сказать

[1] *B. Grafenauer.* Nekaj vprasani in dobe naseljevanja juznih Slovanov. — Zgodovinski časopis, 1950, № IV, S. 125; *A. Kollautz.* Рец. на кн.: *A. Avenarius.* Die Awaren in Europa. — Byzantinische Zeitschrift, 1977, 70 (2), S. 377–381; *B. Zástěrová.* Beitrag zur Diskussion über den Charakter der Beziehungen zwischen Slawen und Awaren. — In: Actes du XIIe Congrès International d'études byzantines. Beograd, 1964. Bd. II, S. 243–247; *Edem.* Les Awares et les Slaves... p. 31–35, 71–79.

и в второй (с IX в.) столице — Преславе.[1] Несомненно, протоболгары частично потеснили местное славянское население, освобождая места для своих становищ, лагерей и пастбищ, но археология и лингвистика не подтверждают мысли о массовом вытеснении славян на периферию страны.[2] Доказательство того, что часть союза «Семь родов» была поселена в долине р. Тимок, мы видим в согласованности письменных и археологических свидетельств: по сообщению Феофана и Никифора, переселенцы должны были охранять территории, соседние с Аварией, а как раз до района, лежащего против устья Тимока, на левобережье Дуная, простирается зона распространения аварских вещей [32, с. 264 — Феофан, 296 — Никифор; 33, Karten].

Оценивая уровень социально-экономического развития славян и протоболгар к моменту их объединения в одной политической организации, следует подчеркнуть: и славинии не могут квалифицироваться как раннесредневековые государства, и Великая Болгария была еще непрочным, эфемерным союзом племен. И славяне, и протоболгары находились на последней стадии развития строя военной демократии.[3]

Военное вторжение протоболгар в район малозависимых от империи славян-федератов, совпадение внешнеполитических интересов формирующейся знати обоих народов (задачи совместной борьбы с Византией и аварами), сохранение внутренней автономии славиний определили возникновение политической системы более высокого типа, чем Великая Болгария и славинии, хотя на первых порах образовавшееся под эгидой протоболгар в 680–681 гг. государственное объединение представляло собой в подлинном смысле слова еще не развитое государство, а его фундамент.

Устойчивость нового политического организма обусловливалось синтезом двух хозяйственно-общественных структур, в ходе развития которых именно социально-экономическая система земледельческих славиний обеспечила возможность регулярной аккумуляции средств в масштабах всей подвластной центральной власти территории страны.

---

[1] *В. Бешевлиев.* Първобългарски надписи. София, 1979, с. 143. См. прим. 41. См. также: *J. Čangova.* Les Slaves aux environs de Preslav au VIIe–VIIIe s. d'après des données archéologiques. — In: Studii in honorem V. Beševliev..., p. 363–368.

[2] *Ив. Дуйчев.* Обединението на славянските племена в Мизия през VII в. — В кн.: Изследвания в чест на М. Дринов. София, 1960, с. 417; *A. Avenarius.* Die Awaren in Europa..., S. 177 (автор, впрочем, считает, что авары владели землями и по левому берегу р. Тимок); *H. Ditten.* Zur Bedeutung..., S. 141. Ср.: *Д. Ангелов, Б. Примов.* Създаването на българската държава и неговото значение в историята на Европа. — В кн.: Славянска филология, т. 14. Доклади и статии за VIII Международ. конгрес на славистите. София, 1975, с. 8.

[3] См. об этом: *М. Войнов.* Някои въпроси във връзка с образуването на българската държава и покръстването на българите. — ИИИ, 1962, т. 10; *П. Петров.* Към въпроса за образуването на първата българската държава. — Славянска филология (София), 1963, т. 5; *M. I. Artamonov.* Slawen und Bulgaren im Dneprsgebiet. — In: Berichte..., S. 145; *В. Гюзелев.* Икономическо развитие..., с. 18. Ср.: *V. Tăpkova-Zaimova.* Génèse..., p. 11–14.

Поэтому, несмотря на захват протоболгарами верховной власти, на доминирующую роль в военно-политической сфере, резкую обособленность на первых порах от славян в области быта, языка, хозяйства, религии, возникшее государственное объединение представляется точнее определить как славяно-протоболгарское, а не только как протоболгарское [46, с. 237; 25, p. 15–17]. Несмотря на определенный континуитет политических институтов у переселившихся из Приазовья протоболгар от Великой Болгарии, Болгария с самого начала не была осколком этого аморфного союза племен, не являлась новым средневековым тюркским каганатом, где господствующее племя представляло собой вооруженный народ, вся организация и формы быта которого были подчинены целям подавления иноплеменников, сбора дани и грабежа соседей [47, с. 8–11; 22, с. 10 сл.].

Все известные в науке на сегодняшний день институты власти протоболгар [48, с. 133–157; 49; с. 125–152; 32, S. 72] восходят к военно-политической системе кочевого скотоводческого народа, но территориально-административное значение эти институты приобрели только тогда, когда они потеряли былую тесную связь с кочевой тюркской традицией. Славинии Болгарии, обязанные уплачивать дань и нести воинскую службу в пользу центральной власти, оставались в течение почти полутора веков под управлением собственных князей; даже утратив в 20–30-х годах IX в. (в ходе реформ Крума и Омуртага) автономию, славинии легли в основу административного деления феодального государства [50, S. 202–219; 27, S. 73; 51, с. 40–48; с. 385 сл.].

Хотя, по заключению антропологов, физический облик значительной части протоболгар Аспаруха уже не был чисто монголоидным [53, с. 71–73] и хотя они уже имели длительный опыт общения со славянами, они сохраняли свой собственный язык, а их этническое самосознание резко отличалось от славянского. В иерархии их представлений о себе как об этносе было вполне отчетливым сознание того, что протоболгары входят в обширную этническую общность тюркских народов. Судить об этом позволяет «Именник болгарских ханов» — памятник, первая часть которого была составлена еще в правление Аспаруха (Есперих). Об Аспарухе там сказано, что он стал ханом «по сю сторону» Дуная и правит «доныне» [47, с. 7]. «Именник» перечисляет пять предшественников Аспаруха, которые обладали властью «по ту сторону» Дуная и происходили в большинстве, как и Аспарух, из рода Дуло. Первого из этих ханов — Авитохола обычно отождествляют с повелителем гуннского союза Аттилой [47, с. 6, 10–11].

Итак, протоболгарам было свойственно сознание континуитета власти правящего рода Дуло, который сохранил свое господствующее положение и в Мисии. Мало того: преемственность власти рода Дуло возведена, если только верно отождествление Авитохола с Аттилой, к эпохе, когда протоболгары (во главе со своими племенными вождями) входили в гуннский политический союз. Легенда лишь превратила подлинного главу многоплеменного союза в родоначальника протоболгарских ханов. Нечто сходное имело место в официальной пропаганде и христианских государей средневековой Европы, стремившихся возвести свой род либо к Константину I, либо к Карлу Великому.

Доказательством наличия у протоболгар представлений об их единстве с восточным миром [54, p. 403–405] является, может быть, и фраза «Именника» о том, что предшественники Аспаруха правили за Дунаем 515 лет «с остриженными головами» [47, с. 17]. По данным византийских авторов, авары, как и венгры, соблюдали правило, по которому не стричь волосы имели право лишь причастные к правящему роду.[1] Согласно контексту «Именника», перейдя Дунай, Аспарух перестал брить голову. Однако это право, видимо, не распространялось на его подданных: даже в X в. посол болгарского хана в Константинополе был брит «по обычаям мадьяров» [55, S. 185]. Нельзя ли предположить, что вопреки легенде об Аттиле как родоначальнике рода Дуло протоболгарские ханы за Дунаем брили головы потому, что находились в зависимости от гуннов, аваров и хазаров?[2]

О связях с восточным миром говорит и подражание протоболгар аварской моде; обладание аварскими вещами связывалось у них с представлением о престижности. «...Болгарам нравились одежды аваров, — сказано в лексиконе "Суда", — они сменили свое платье на аварское и доныне ходят, одетые таким образом». У «скифских» (для того времени по преимуществу тюркских) народов, говорит Феофилакт Симокатта, племя аваров считалось наиболее искусным, так что, чтобы устрашить врагов, некоторые племена, не имея на то оснований, принимали имя аваров [56, с. 308; 57, с. 211 сл.; 16, с. 338–339 — Феофилакт Симокатта]. Признавая величие аваров, протоболгары, однако, были горды тем, что стали независимыми. Все это хорошо сознавали соседи — современники Болгарии эпохи Симеона: патриарх Николай Мистик, желая уязвить самолюбие царя, напоминал ему в письме, что протоболгары — лишь «осколок» аваров, их беглые рабы и невольники [44, с. 217].

Сознание этнической общности с тюрками сочеталось у протоболгар с четким представлением об индивидуальных особенностях их собственного этноса. Еще до поселения на Балканах протоболгары, разделясь на племена и племенные военно-политические союзы, сознавали свое этническое единство, что кутригуры и оногундуры (оногуры) воюют за верховенство, ибо война взаимно ослабляла силы враждующих, между тем как это — племена-братья, говорящие на одном языке, живущие в одной местности, имеющие одинаковый быт; их отличает, по словам хрониста, лишь то, что они находятся под властью разных вождей [16, с. 220]. Иначе говоря, сознание отличий в среде протоболгар было в это время не собственно этническим, а этнополитическим. Протоболгары Аспаруха и после переселения сохранили свое самоназвание («болгары»), от которого было образовано и наименование

[1] *П. Петров, В. Гюзелев.* Христоматия по история на България. София, 1978, т. 1, с. 23 — Михаил Сириец; ГИБИ, II, с. 159–160, 180 — Агафий; III, с. 249 — Феофан; о «гуннской» прическе см.: ГИБИ, II, с. 149–150 — Прокопий.

[2] Ср. завет Кубрата сыновьям «не работать на другие народы» (ГИБИ, III, с. 261–262 — Феофан).

их государства. Этот факт, независимо от этимологии этнонима (означает ли он соболя, ласку или подобное животное либо равнозначен понятию «непокорного», «мятежного» племени) [58, с. 5–15; 59, с. 42–45; 60, с. 301–302], свидетельствует, несомненно, об устойчивости чувства этнической общности у протоболгар того времени.

Составление «Именника» служило целям обоснования «законности» и «благородства» власти протоболгарских ханов. Идеи этого документа должны были стимулировать у протоболгар чувство гордости своим историческим прошлым и сознание превосходства над подчиненными их высшей власти славянами. Идейно-политическое содержание «Именника» находилось в прямой конфронтации с исторической памятью и самосознанием населения подвластных хану славиний [61, с. 254].

В пределах единого государственного образования на первом этапе, видимо, на разном правовом статусе оказались два народа, резко отличные друг от друга и по хозяйственно-культурному типу, и по социально-общественной структуре, и по самосознанию. Сплоченная и строго организованная — прежде всего в военных целях — общественная структура протоболгар, характеризуемая устойчивыми родовыми связями, деспотичной властью хана (жреца и военачальника) и крайней консервативностью традиционных форм хозяйства и быта, противостояла относительно более демократической общественной и военно-политической организации славиний, основанных на общинном землепользовании и сохранявших под главенством племенных вождей традиции народных собраний (ср. [22, с. 10 сл.]).

Нет оснований предполагать состояние некоей социальной и политической гармонии внутри государства между знатью обоих этносов и в отношениях рядовых земледельцев и скотоводов, хотя, как упоминалось, их внешнеполитические интересы совпадали [21, с. 26–27, с. 237].

Знаменательно, что, когда славинии Северной Фракии и Македонии особенно упорно противостояли империи, они не вступили в союз с протоболгарами, также воевавшими с нею. Успехи ханов по «собиранию» славянских племен на Балканах под своим скипетром были тогда еще весьма скромными. Болгары правят страхом, а не любовью, писал еще в начале VII в. Маврикий [16, с. 137]. О том же говорил и Лев VI, отмечая жестокость хана к непокорным подданным и одновременно — свободолюбие славян, не желавших подчиняться насилию иноземцев [44, с. 168, 173]. Новая фаза в отношениях Болгарии с окружавшими ее славянами наступила лишь в начале IX в., когда появились явные признаки глубоких этнических сдвигов в самом протоболгарском обществе, когда возросла общественная роль славянской знати, а официальное право стало единым для представителей обоих этносов.

Фактора политического верховенства оказалось недостаточно не только для «протоболгаризации» славянского населения, но и для сохранения протоболгар как особого этноса. Относительная малочисленность протоболгар и бесперспективность — в новых условиях — их хозяйственно-культурного типа сыграли, по-видимому, решающую роль. Фор-

формировалась новая народность, сознание этнической принадлежности в которой определялось, однако, прежде всего славянскими этническими чертами. Перестройка самосознания славян была лишь частичной — в сфере его социально-политических компонентов (усвоение чужого этнонима «болгары», означавшего сначала подданство государству «Болгария»). Трансформация же самосознания протоболгар была связана с ассимиляцией и носила более глубокий характер: они сохранили прежний этноним, но утратили этнический облик и сознание общности с тюркскими народами; их потомкам, как и потомкам славян, было свойственно чувство славянского единства.

О том, как конкретно протекал этот сложный процесс, можно судить, к сожалению, лишь по косвенным и весьма скудным данным. Через весь VIII и начало IX столетия проходят известия о том, что и сами подданные Болгарии, и представители иных стран отчетливо различали в составе населения Болгарского государства два основных этноса, как понимали и то, что политически главенствовали в нем именно протоболгары. Подчеркивая, что войска хана состояли из «подчиненных ему болгар и славян» [32, с. 64 — Георгий Писида, 267 — Феофан, 305 — Никифор; 43, с. 13 — Ватиканский аноним, 23 — Аноним], византийские авторы все чаще стали распространять название господствующего этноса на всех жителей государства [62, p. 403].

Процесс сближения двух этносов носил естественно-исторический характер, заняв собой целую эпоху. Нет сведений о том, что протоболгарская знать принимала специальные меры по утверждению в среде славян своих норм быта, языка, обычаев, религии.[1] Наличие двуобрядных, одновременно функционировавших некрополей (со славянским трупосожжением и протоболгарским трупоположением) свидетельствует о взаимной веротерпимости обоих народов. Религиозная нетерпимость протоболгарских властей обращалась против той идеологии (в ее религиозной форме), носители которой представляли военную опасность для Болгарии, — против христианства. Но и эта нетерпимость ярко проявилась лишь тогда, когда христианство стало проникать в Болгарии в среду ее высшей знати. Позиция славянской аристократии в это время была, видимо, сходной, несмотря на различие форм язычества у протоболгар и у славян.

Характерно в связи с этим изменение терминологии протоболгарских надписей (на греческом языке) при обозначении жителей империи. Сначала для этого использовался термин «греки», воспринятый протоболгарами, несомненно, у славян, которые заимствовали его, вероятно, у романизированного населения северо-балканских провинций империи, вкладывавшего в это понятие, как и римляне в I–II вв., помимо этнического, также уничижительный смысл. Термин «ромей» в надписях весьма редок: он встречается только в надписях-договорах, пересказывавших текст документов, в которые он был внесен,

[1] О возможном влиянии протоболгарского на славянский см.: *V. Šaur.* Protobulgarsko-Slovansky bilingvismus ve fonologickem systemu bulharštiny. — In: Studia Balkanica Bohemo-Slovaca. Brno, 1976, S. 323.

разумеется, византийской стороной. Со второго десятилетия IX в. наряду с термином «греки» встречается и термин «христиане» [64, с. 115, 117, 127, 133, 162, 164, 171]. По-видимому, конфронтация Болгарии с Византией обретала остроту и в религиозной сфере. Меры константинопольского правительства по христианизации славянских, лежавших между Византией и Болгарией, воспринимались и болгарскими ханами, и славянскими архонтами как действенное в руках императора средство идейно-политической борьбы, угрожавшее Болгарии изоляцией. От времени Крума и Омуртага (803–814; 814–831) идут известия о жестоких гонениях на христиан в Болгарии, когда в ее пределы вошли земли Северной Фракии и Македонии со славянским, уже отчасти христианизированным населением. Об остроте вероисповедных противоречий между славянами и византийцами говорит тот факт, что в 822–823 гг., когда окруженным славянским союзникам узурпатора Фомы Славянина император предложил либо принять крещение и так спасти свою жизнь, либо погибнуть, они предпочли смерть в неравной борьбе [45, с. 27 — письмо Михаила II Людовику Благочестивому].

Общий для славян и протоболгар отказ признать «греков» в качестве «ромеев» (т. е. римлян) означал, возможно, что они отвергали официальную имперскую доктрину, согласно которой константинопольская (греческая) империя выступала как законная преемница Римской империи.[1]

Сохранение протоболгарами и славянами верности традиционным формам язычества являлось одним из факторов взаимного разобщения двух народов и консервации этнических отличий. Официальные религиозные церемонии при ханском дворе, видимо, исключали участие в них славянской знати, что, несомненно, могло восприниматься как признак ее неполноправности. В этих условиях проникновение христианства в Болгарию и его постепенное распространение оказывались важным средством преодоления барьера в этническом самосознании двух этносов, фактором формирования новой (идеологической) общности, независимой от этнических различий. В условиях преследований христиан эта общность цементировалась еще теснее и вела при численном преобладании славян к быстрой ассимиляции принявших христианство протоболгар. В историографии широко признано положение, согласно которому вскоре после принятия христианства в Болгарии, в целом — ко второй четверти X столетия — процесс формирования единой болгарской народности был в основном завершен [11, с. 283 сл.; 24, с. 82, 83, 96, 152; 64, с. 12–22].

Этот трудный и далеко не бесконфликтный процесс совершался с разной степенью интенсивности в разные периоды, в различных социальных слоях и группах. Он осложнялся, кроме того, соперниче-

[1] См. некоторые свидетельства на этот счет: ГИБИ, III, с. 146; с. 161 — «Чудеса св. Димитрия»; с. 81 — Пасхальная хроника; *П. Петров, В. Гюзелев В.* Христоматия..., т. 1, с. 30 — Себеос, 164 — ал-Табари; *Leo Diaconus.* Historiae libri decem. Bonnae, 1828, p. 105. 12–14.

том с Византией, вмешивавшейся во внутреннюю политическую жизнь Болгарии, где империя имела своих приверженцев в рядах знати [32, с. 271–272 — Феофан]. В отношениях славян и протоболгар в VIII–начале IX в. неоднократно возникали враждебность и отчуждение.

Особенно острым внутриполитическое положение в Болгарии было в середине VIII столетия: оно было обусловлено не только славяно-болгарским антагонизмом внутри господствующего класса, но и расколом среди высшей протоболгарской аристократии [65, с. 31–35; 66, p. 20–39]. Об этнических и политических противоречиях между протоболгарской и славянской знатью свидетельствует составление около 767–768 гг. второй части «Именника болгарских ханов», пронизанного идеей величия правящей (тюркской) династии [47, с. 7–8]. Об этом же говорит и ход событий, связанных с поведением во время болгаро-византийских войн славянского объединения северов, сохранявших в пределах Болгарии автономию. Архонт северов Славун в 764 г. вел самостоятельные боевые действия против империи в Северной Фракии даже тогда, когда хан заключал перемирие с императором [32, с. 272 — Феофан].

Незадолго перед этим, после дворцового переворота 762 г., имело место массовое бегство славян из Болгарии. Однако когда новый хан выступил вскоре против Византии, он имел «в качестве союзников 20 тысяч из соседних племен», т. е. из славян [32, с. 271 — Феофан, 303 — Никифор]. Заключая мир с империей, ханы добивались возвращения славян в пределы Болгарии, на места их прежнего поселения; особенно строгие меры принимали протоболгарские власти по охране границ, препятствуя уходу из страны своих подданных [45, с. 84 сл.; 63, с. 152, 159–160]. Таким образом, можно полагать, что в этот период часть славянских архонтов в Болгарии активно содействовала хану в его внешнеполитических (и, возможно, внутриполитических) акциях, другая же, напротив, либо открыто переходила на сторону империи, либо помогала ей тайно. Ожесточенной борьбой были ознаменованы 60–70-е годы и среди высших правящих кругов: в течение почти лет последовали четыре переворота. Византийские приверженцы действовали в самой Плиске, при дворе хана [32, с. 271, 275 — Феофан, 304 — Никифор; 67, S. 363–367; 47, с. 7].

Еще более сложной и противоречивой, чем поведение славянских архонтов в Болгарии, была позиция славянской знати Северной Фракии и Македонии. К концу VII–началу VIII в. часть славиний этих районов оказалась под суверенитетом империи, но власть ее здесь была номинальной. Вместе с тем Македония оставалась почти до конца VIII–начала IX в. вне активных действий Болгарии.

В историографии иногда придается особое значение факту поселения в Македонии вскоре после прихода в Мисию Аспаруха так называемой «протоболгарской дружины» Кувера, что позволяет существенно сблизить ход этногенетического процесса в забалканской Болгарии и в данном регионе: и тут и там, при преобладании славян, налицо политически активный протоболгарский элемент [11, с. 208; 68, с. 10].

В 685 г. Кувер в качестве федерата империи поселился вместе со своей дружиной на Керамисийском поле (район Битоля и Прилепа) [32, с. 159 сл. — «Чудеса св. Димитрия»]. Снабжать продовольствием новых

союзников император обязал живших поблизости и уже подвластных империи драгувитов. Подлинные планы Кувера состояли, однако, в основании собственной государственной организации с центром в Фессалонике. Заговор с целью ее захвата был раскрыт, сподвижники Кувера, а скорее всего и он сам, были схвачены. Гипотеза о том, что протоболгары Кувера играли в союзе со славянами этих мест иную политическую роль еще в первой четверти VIII в., нуждается в дополнительном обосновании.[1]

Известно, что Кувер (предполагаемый брат Аспаруха) никак не координировал с ним своих действий [11, с. 208–209]. В объединении Кувера протоболгары представляли лишь его ядро, а основная масса состояла из славян, родившихся в Паннонии от смешанных браков и потомков плененных ромеев, которые в своем большинстве покинули Кувера после прихода на земли империи. Драгувиты не были союзниками Кувера: они несли дополнительные тяготы по содержанию его воинства. Среди вождей дружины Кувера не было единства: заговор с целью захвата Фессалоники раскрыл императору собственный сын ближайшего соратника Кувера Мавра [32, с. 162 сл., 165 — «Чудеса св. Димитрия»]. И главное — нет никаких данных о сохранении протоболгарского объединения в Македонии после провала заговора, т. е. после 687 г. Представляется важным указание на крайнюю малочисленность протоболгарского этнического элемента в Македонии даже сравнительно с его удельным весом в самой Болгарии в VII в. [11, с. 237].

Тем не менее события, связанные с приходом дружины Кувера, а затем с заговором Артемия, пытавшегося в 718 г. вновь захватить престол (ему помогали славяне Южной Македонии и пытались содействовать правящие круги Болгарии) [63, с. 99–100; 66, p. 5, 20–39; 69, p. 499], показали, что славяне этих мест не только сохраняли враждебность к империи, но и преследовали собственные политические цели.

До начала IX в. славяне Македонии не обнаружили отчетливого тяготения к объединению с Болгарией. Поведение части славянской знати этого региона было непоследовательным и позже, до середины IX в. В 773 г. Телериг стремился не столько к захвату этих земель (славинии Берзития), сколько к переселению их жителей в Болгарию [32, с. 274 — Феофан]. Об этом же свидетельствуют и статьи болгаро-византийского договора 815 г. [63, с. 152 сл., 164 сл.].

Колеблющуюся позицию славиний, за которые вели борьбу Болгария и Византия, можно объяснить двумя основными причинами. Во-первых, эти славянские объединения еще старались отстоять свою независимость от обеих соперничающих держав [45, с. 320 — Лиутпранд]. Во-вторых, славяне еще не признавали безоговорочно Болга-

[1] См. об этом специально: *H. Ditten.* Zur Bildung..., S. 144–145; *Μ. Γρηγορίου-Ἰωαννίδου.* Τὸ ἐπισόδιο τοῦ Κούβερ στὰ «Θαύματα τοῦ ἁγίου Δημητρίου». Θεσσαλονίκη, 1980, σ. 1–44.

рию как политическую организацию своих соплеменников. Смолены не помогали Круму против империи, то отходили от союза с Волгарией [70, с. 34–35].

Но обстановка постепенно все-таки менялась. В 809 г. Сердика (София) сдалась Круму без боя. Никифор I, оценив ситуацию в Македонии, принял превентивные меры во время войны с Болгарией, силой переселив сюда византийцев из разных фем, чтобы создать здесь опору своей власти и помешать росту симпатий местного населения к Болгарскому государству.[1]

В первой половине IX в. чаша весов в борьбе за Македонию склонилась на сторону Болгарии, поглотившей бóльшую часть этого региона с преобладающим славянским населением. Присоединение этих районов, несомненно, ускорило завершение процесса ассимиляции протоболгар, приведя остатки этого этноса в еще более дисперсное состояние [31, S. 72 f.]. Весьма существенным для формирования самосознания болгарской народности присоединение Македонии было также потому, что сопровождалось резким усилением влияния христианства, уже довольно распространенного в этом регионе [71, с. 45–52; 73, с. 142]. Оно усилило и позиции той части славянской и славянизировавшейся протоболгарской знати, которая склонялась к принятию новой религии.

Что касается роли славянского населения левобережья Дуная, где Болгария при Круме и Омуртаге значительно увеличила свои владения, то эта проблема еще слабо изучена. Трудно судить, сколь длительным (и на всех ли этих территориях) было господство Болгарии в этом регионе до вторжения мадьяр и печенегов (см. [22, с. 12–13 и карта 2]). Представляется справедливой точка зрения В. Тыпковой-Заимовой, что заселение задунайских владений Болгарии было в целом мало причастно к этногенезу болгарской народности [25, p. 7, 9, 20; 73, с. 32–33].

Сведения источников о задунайских землях Болгарии интересны, однако, для рассматриваемой проблемы в нескольких отношениях. Во-первых, не лишено значения, что болгарская экспансия оказалась успешной именно в том регионе, где славяне вели непрекращавшуюся борьбу против господства аваров [52, с. 281–292; 66, с. 35].

Во-вторых, в связи с этими землями упоминается о реформе Крума и Омуртага, заключавшейся в ликвидации автономии славиний и введении новых административно-территориальных округов (комитатов); местные племенные архонты были заменены комитами — непосредственными представителями центральной власти в провинциях [45, с. 38 — Эйнхард]. Эта реформа означала ликвидацию славянского племенного партикуляризма и одновременно упрочение власти

[1] ГИБИ, т. III, с. 279, 280 — Феофан. Сходные меры осуществлял Крум на Пелопоннесе после подавления восстания славян (Cronica di Monemvasia/ Introduzione, testo critico e note a cura di I. Dujčev. — Instituto Siciliano di studi bizantini e neoellenicé. Testi e monumenti. Testi, 12. (Palermo), 1976, p. 12, 22).

хана над высшей протоболгарской аристократией;[1] реформа, несомненно, содействовала процессу консолидации новой, болгарской этнической общности.

В-третьих, данные о присоединенных Крумом и Омуртагом землях позволяют сделать вывод о том, что на пути преодоления племенного партикуляризма центральная власть еще встречала значительные трудности: славянские архонты абодритов-преденецентов (на левобережье Дуная), как и гудусков и тимочан, пытались выйти из состава Болгарии, сохранив свою автономию ценой признания суверенитета Франкской империи [45, с. 35–36 — Эйнхард, 51 — Житие императора Людовика]. Примечательно, что славинии имели свои административные центры:[2] «Баварский географ» упоминает пять «городов», подвластных болгарам к северу от Дуная [52, с. 292].

Основным хранителем духовных ценностей протоболгар как этнополитического единства являлась их высшая аристократия во главе с ханом, исполнявшим также сакральные функции. Об этом свидетельствуют и упомянутый «Именник», и протоболгарские надписи, славящие хана и его соратников (с указанием, как правило, их протоболгарского рода [63, с. 212–225]), и назначение на высшие посты в аппарате управления представителей протоболгарской знати [48, с. 133 сл.], и публичное принесение ханом жертв своим божествам [32, с. 289 Феофан], и «защита их чести» в дискуссиях хана с христианами [74, с. 111]. Традиции протоболгарского самосознания оказались наиболее живучими в среде протоболгарской аристократии. Она и была инициатором восстания в десяти комитатах против Бориса в 865 г. непосредственно после принятия христианства; ее остатки в 893 г. были основной пружиной заговора с целью возврата к язычеству [70, с. 108 сл., 462 сл.]. Объективно эта позиция крупного протоболгарского боярства замедляла процесс консолидации господствующего класса и поддерживала в обществе сознание этнической разобщенности населения страны [75, с. 25 сл.]. Положение внутри государства и его внешнеполитические задачи требовали сближения со славянской знатью. Этнический дуализм в условиях обострения социальных противоречий и усиления военной мощи империи грозил серьезными последствиями.

---

[1] *В. Гюзелев.* Княз Борис Първи. София, 1969, с. 34–35, 43 сл.; *Он же.* Баварският географ..., с. 281; *V. Gjuselev.* Allgemeine Charakteristik und Etappen der Errichtung der militärischen und administrativen Verwaltung des ersten bulgarischen Staates: 7. bis II. Jh. — Etudes Balkaniques, 1978, № 3, S. 76–77; *Г. Цанкова-Петкова.* Българо-византийските отношения според мирните договори от края на VII до началото на IX в. — В кн.: Античная древность и средние века. Свердловск, 1973, т. X, с. 167–186; Etudes balkaniques, 1973, № 3, p. 84–87; *P. Koledarov.* Administrative Structure and Frontier set up of the first bulgarian Tsardom. — Ibid..., p. 135–136; *И. Андреев.* Нарышская надпись князя Симеона и административное устройство Болгарского государства в конце IX–начале X в. — Ibidem, p. 121–131.

[2] Ср., однако: *В. Тъпкова-Заимова.* Славянските заселвания на Балканския полуостров в рамките на «варварските» нашествия през VI и VII в. — Изв. на Българското историческо дружество, 1974, т. 29, с. 199–207; *V. Tăpkova Zaimova.* Ethnische Schichten..., S. 70, 97; *Eadem.* Au sujet..., p. 31, 40.

Процесс имущественной дифференциации среди основного населения страны обусловил рост экономического и социального могущества славянской знати, все меньше мирившейся с отстранением от участия в центральном государственном управлении. Политика подавления оппозиции большинства господствующего класса не обещала успеха протоболгарским правящим кругам уже в конце VII в., и формы их сотрудничества со славянскими вождями были, видимо, с самого начала гораздо более гибкими и конструктивными, чем это имело место в Аварском каганате. С ходом же времени уступки хана славянской знати должны были возрастать.

Само положение дел в стране вынуждало протоболгарскую аристократию к билингвизму, к овладению языком большинства подданных государства. Видные соратники протоболгарина Кувера владели славянским языком [32, с. 160–161 — «Чудеса святого Димитрия»]. Преодолению знатными протоболгарами языкового барьера должны были содействовать, во-первых, постоянные контакты со славянами, так как славяне составляли основную часть все более растущего числа подневольных людей во владениях аристократии. Во-вторых, среди знатных протоболгар, как свидетельствуют и письменные, и археологические источники, было распространено многоженство [38, с. 9 сл.; 32, с. 165 — «Чудеса св. Димитрия»; 4, с. 20; 45, с. 99 — ответы Николая]. Преемственности этнического самосознания между поколениями у тюрок не противоречили браки с женщинами из другого этноса. Но в условиях решительного преобладания славян, даже при строжайшем патриархате, такие браки ускоряли процесс эррозии протоболгарской общности. Протоболгары Кувера еще в Паннонии умножили свои ряды благодаря бракам с пленными византийками, и дети от этих браков унаследовали не только язык матерей, но и другие важные черты их самосознания: приверженность к христианству, мечту о возвращении в империю как родину их предков [32, с. 274 — «Чудеса св. Димитрия»]. В-третьих, к учащению браков со славянками протоболгар побуждало то обстоятельство, что их роды и семьи уже были тесно переплетены узами кровного родства, становящимися препятствием к новым брачным союзам. В-четвертых, усложнение аппарата власти, умножение административных пунктов, требовавших постоянного присутствия должностных лиц и гарнизонов, ускоряли переход к оседлости — по славянскому прототипу — значительного числа и знатных, и рядовых протоболгар. Как внутренний, так и внешний город Плиски, а в особенности Преслава, несмотря на сохранение планировки укрепленного тюркского лагеря, быстро обрели черты раннесредневекового поселения городского типа [76, с. 13; 77, с. 52–56]. Когда Никифор I в 811 г. захватил Плиску, он разорил нивы местных жителей, перебил их скот (волов, свиней), ограбил жилища, огороженные деревянными изгородями, обследовал даже чердаки и, наконец, сжег город [32, с. 282 — Феофан]. Все это уже никак не похоже на аул скотоводов. Это был средневековый город, и ассимиляция в нем протоболгар была особенно интенсивной.

Задачи усложнившегося государственного управления обусловили использование в делопроизводстве греческой письменности и греческого языка. Тюркский язык протоболгар не смог, следовательно, и в этой сфере в отличие от латыни римлян и греческого византийцев послужить средством ассимиляции славян. Впрочем, среди части славянской аристократии могла проявиться тенденция к сближению с протоболгарами через узы родства, усвоение языка, нравов. Вопреки общему правилу на некоторых поминальных надписях не указан род усопшего или погибшего. Возможно, эти надписи посвящены людям не протоболгарского, а славянского происхождения (хотя они и носят тюркские имена), ибо именно на надписях со славянскими именами нет указаний на род умершего [63, с. 173–180, 230, 234; 78, p. 90–95; 79, S. 245–254; 80, S. 235–244]. И все-таки следует признать, что тенденция к «протоболгаризации» в среде славянской знати не получила развития.

Не менее сложен вопрос о славянизации рядовых протоболгар. Известно о крайне медленных темпах перехода кочевников к оседлости: такой переход вел к глубокой трансформации всего жизненного уклада и самого самосознания этноса [81, с. 326–328; 82, с. 335–360]. Расположение протоболгарских некрополей VII–IX вв. говорит о том, что протоболгары стремились селиться компактными колониями. Однако новые природные и политические условия, в которых они оказались, не способствовали сохранению прежнего хозяйственно-культурного типа. Здесь не было открытых степных пространств. Амплитуда перегонов скота должна была неминуемо сократиться.[1] Подавляющая часть удобных земель к тому же была освоена славянами под земледельческое хозяйство, и насильственное сокращение этих хозяйств в крупных масштабах ради высвобождения земли под пастбища грозило ослаблением экономического потенциала государства, в чем не были заинтересованы высшая знать и ханский двор. Возможно, что часть протоболгар стала практиковать ту форму скотоводства, которая была веками освоена на Балканах автохтонами, т. е. пастушество. Характерно, что протоболгарские ранние поселения были «сдвинуты» именно к причерноморскому побережью. Традицию же пасти зимой скот у моря, в условиях более мягкого и влажного климата, пастухи-влахи на Балканах сохраняют до сих пор [83, pp. 671–672; 84, p. 27]. Такие пастушеские поселения протоболгар, если они вообще возникали, должны были, несомненно, появляться или по соседству со славянскими, или как совместные, славяно-протоболгарские. Напомним, что протоболгарские топонимы от этой эпохи неизвестны.

Содействовала сближению протоболгар со славянами и воинская служба: совместные походы упрочивали чувство воинской солидарности.

В условиях Балканского полуострова славяне представляли более перспективный хозяйственно-культурный тип, и переход к нему ассимилируемых протоболгар был предопределен ходом развития их общества. Обретавшие оседлость в иноэтнических поселениях, они уже

[1] *В. Гюзелев.* (Икономическо развитие..., с. 14) подчеркивает, что ведение кочевого скотоводческого хозяйства требовало обширных земель.

через несколько поколений теряли свое прежнее этническое самосознание [85, S. 274–275]. Согласно сообщению византийской анонимной хроники первой четверти IX в., в Константинополе на хлебном рынке стояла статуя, изображающая «болгарина, который пашет на волах, как бы намереваясь проложить борозду в земле» [32, с. 224].

Славянизация массы протоболгар совершалась, скорее всего, не путем медленной и постепенной эволюции их быта и самосознания одновременно у всех представителей этноса, а через поглощение их отдельных контингентов славянской средой. Это предположение подтверждается, кажется, тем фактом, что археологические следы протоболгар с IX по XI вв. становятся все более редкими. Прогрессирующему убыванию тюркского элемента в Болгарии содействовали также имущественное расслоение и вовлечение в зависимость обедневших протоболгарских семей и гибель части мужского населения в многочисленных сражениях.

Что же касается рядовых подданных хана — славян, то в отличие от славянской аристократии условия для их протоболгаризации практически отсутствовали. Славяне-крестьяне могли усвоить минимум протоболгарских слов (титулатура должностных лиц, названия божеств, воинские термины, наименования специфически протоболгарских предметов быта, может быть, слов, выражавших элементарный счет и понятия времени [86, с. 57–61; 87, с. 87–92], — в «Именнике» эти слова оставлены без перевода на староболгарский), но крестьянин в VIII–IX вв., живущий в пределах славянских объединений, крайне редко общался с протоболгарскими чиновными лицами. Его непосредственными властями были здесь старейшины, жупаны и князья из его единоплеменников. Во главе воинских соединений из славян стояли также военачальники-славяне.[1] При подавляющем большинстве славян и при царившей в их среде (по крайней мере за пределами узкого круга знати) моногамии [88, S. 64 f.] проникновение тюркского элемента в славянские семьи было крайне незначительным. Признаки протоболгаризации славян как этнической общности в источниках неразличимы, тогда как следы славянизации протоболгар ясно проступают с конца VIII в. Так, уже протоболгарские надписи этого времени при передаче собственных имен, топонимов и протоболгарских титулов и должностей обнаруживают влияние славянской речи [63, с. 57–58].

На рубеже VIII–IX вв. хан Крум уже не делал в изданных им законах никаких различий между своими подданными по этническому принципу [89, с. 631–644]. После разгрома войск Никифора I хан кампировал вместе со славянскими архонтами, воздавая им должное за их вклад в победу; послом Крума в Константинополь был славянин Драгомир [32, с. 283, 285 — Феофан]. Среди приближенных хана появились

[1] Служба в имперской армии, напротив, была важнейшим фактором ассимиляции: показательно, что из 203 слов латинского происхождения, сохранившихся в новогреческом, 141 слово относится к военной сфере (*H. Mihăescu.* Die Lage..., S. 100).

и другие лица со славянскими именами (Славна, Коловр) [63, с. 220, 221, 224–225]. Как и славяне, поселившиеся на Балканах ранее протоболгар, ханы все чаще стали называть свою страну «родиной», «отечеством», «землей, в которой родились» [63, с. 117; 90, с. 3–19; 91, с. 12–31]. Болгария становилась совместной отчизной всех жителей страны. Согласно «Ответам папы Николая на вопросы болгар», правящие круги Болгарского государства в середине IX в. уже не усматривали серьезных этнических отличий в образе жизни, нравах и обычаях подвластного им населения. Бесспорно протоболгарскими можно признать лишь три-четыре черты, упомянутые в этом обширном памятнике (использование конского хвоста в качестве воинского штандарта, двоеженство, прием пищи, сидя на земле, ношение шаровар женщинами [45, с. 87, 93, 99]).

Известно, что выбору имени в средние века придавалось большое значение: были имена, излюбленные в данном роде, семье, имена имели значение талисманов и т. д. Тем примечательнее, что трое из сыновей Омуртага — Енравота (Воин), Звиница и Маломир — получили славянские имена. Енравота к тому же был первым представителем правящей династии, принявшим крещение в условиях гонения на христиан [92, с. 212; 11, с. 250–251; 93, p. 504–509]. Еще до официального принятия христианства в титулатуре хана и в инсигниях его власти появились не свойственные протоболгарам традиции: была введена официальная формула «от Бога архонт» [63, с. 139–140; 11, с. 317; 70, с. 45–47; 94, p. 293], корону хана увенчивал по византийскому образцу крест [95, с. 29–30]. Все это свидетельствовало о постепенной утрате даже высшей протоболгарской аристократией своего прежнего этнического самосознания.

Как упоминалось, следы протоболгарского этноса прослеживаются до XI в. Это не дает, однако, оснований для заключения, что лишь началом этого века и следует датировать ликвидацию в стране «этнического дуализма».[1] Понятие «этнический дуализм» представляется преувеличением при характеристике этнической ситуации в стране даже для середины IX в. Уже ко времени крещения Болгарии процесс славянизации протоболгар вступил в стадию завершения. Самый акт принятия христианства, представлявший собой для верных приверженцев язычества трагическую ломку освященных веками этнических традиций, был трудно осуществим в условиях этнического дуализма. Этот акт предполагал предварительно достигнутое единство образа жизни, интересов, политических и общественных идеалов большинства господствующего класса, а также значительное упрочение аппарата центральной власти, державшей в повиновении и воинские силы государства, и органы центрального и провинциального управления. Сколь ни значительно было число христиан в стране до 865 г., процесс крещения Болгарии совершался не только через мирную проповедь миссионеров, но и через вооруженное насилие.

---

[1] См. об этом: *Ж. Вължарова.* Славяни и прабългари; *Iv. Dujčev.* La formation de l'état bulgare et de la nation bulgare. — In: Europe aux IXe–XIe siècles. Varsovie, 1968, p. 223–224.

Восстание в десяти комитатах против Бориса под лозунгом восстановления язычества и ведущая роль в мятеже, как упоминалось, остатки протоболгарской знати не могут быть расценены лишь как выражение остроты именно этнических противоречий внутри господствующего класса. В основе конфликта лежали не столько этнические трения, сколько политические разногласия (отношение к империи и к христианству).

Этническая трансформация протоболгарского меньшинства и перемены в его самосознании нашли отражение в изменении содержания понятий «болгары» и «Болгария». Характерно, что ранее всего протоболгар как славян стали воспринимать далекие от границ Болгарии современники-иноземцы, фиксировавшие очевидный для них факт и не связанные с имперской литературной традицией. Арабский путешественник начала X в. называет жителей Болгарии «славянами», как и автор арабской энциклопедии «Драгоценности» того же времени [74, с. 128, 140].

Византийские авторы до середины IX в. употребляли термин «болгары» в двух значениях: как равнозначный понятию «протоболгары» и как обозначение всех подданных государства «Болгария». Около середины этого века византийские памятники перестали упоминать о «славянах» в составе населения Болгарии; термин «славяне» стал обозначать представителей этого этноса, живших на северо-западе Балкан, в Южной Македонии, на Пелопоннесе, на Руси.

Показательно, что и протоболгарские надписи, еще отличавшие в первой четверти IX в. славянских подданных хана от «болгар» [63, с. 212–227], позднее уже не упоминают о славянах. Понятие «болгары» устойчиво ассоциировалось уже со всеми подданными государства. Более того, в X–XI вв. термин «болгары» получил даже расширительное значение — в результате последовательно проводимого официального курса болгарского правительства, придававшего понятиям «болгары» и «Болгария» прежде всего политический смысл. Начиная с Бориса, в титулатуре князя и во всех официальных документах болгарского двора подчеркивалось, что все подданные князя — «болгары», что он — правитель «земли болгар», повелитель «Болгарии». Отныне все жители, независимо от их этнической принадлежности, оказавшиеся под скипетром болгарского царя, трактовались как «болгары» (в том числе жители Южной Македонии, Северной Фракии, Эпира, Адриатического побережья, среди которых были и греки, и албанцы, и армяне, и влахи). Как «болгары» обозначались порой и славяне тех районов, которые весьма недолго входили в состав Болгарии. Кекавмен в последней четверти XI в. именовал «болгарами» славян Фессалии [96, с. 252 сл.].

Границы Первого Болгарского царства в годы его наивысшего расширения выходили за пределы территории расселения именно болгарской народности (ср. [11, с. 406–408]). Этническая карта многих районов Болгарии была гораздо более сложной, к тому же на значительной части Болгарии отсутствовал протоболгарско-славянский симбиоз как один из факторов формирования болгарской народности.

Отказ от противопоставления протоболгар славянским подданным, обозначение славян «своим» (некогда только тюркским) этнонимом не могли не означать существенные сдвиги в самосознании аристократии протоболгарского происхождения [90, с. 3 сл.]. Перестройка самосознания не сопровождалась, однако, утратой исторической памяти протоболгар, по крайней мере знатных. Что касается рядового населения, но оно, видимо, не сохранило четкого представления об отличии исторических путей двух этносов и о резких этнических различиях, некогда разделявших оба народа. Потомки протоболгар, не переставая сознавать себя болгарами, не отличали себя более и от славян, проникнувшись их самосознанием.

Сложнее, вероятно, обстояло дело с усвоением славянами в качестве «своего» этнонима «болгары»: сами славяне стали называть себя так позже, чем их обозначали этим именем представители иных этносов. Не испытав ассимиляции, в отличие от протоболгар, они должны были преодолеть более трудный психологический порог. В то время как протоболгарская аристократия особенно долго хранила сознание своего этнического своеобразия, в славянском обществе, напротив, именно славянская знать — в силу ее активного участия в политической жизни государства — ранее других социальных слоев восприняла наименование «болгары». Д. Ангелов справедливо подчеркивает решающую роль государственной власти в утверждении среди подданных как всеобщих понятий и этнонима «болгары», и названия страны «Болгария» [11, с. 332; 97, с. 77–100; 98, p. 9–20].

Это означало одновременно и органическое восприятие славянами такого компонента этносоциального самосознания, как государственно-политическая традиция, включавшая признание доминирующей роли протоболгарского элемента в государственной жизни Болгарии на первом этапе ее истории. Именно при Симеоне «Именник болгарских ханов» был переведен на славянский в качестве официальной летописи Болгарского государства [47, с. 8–10, ср.: 99, S. 7–21].

Первоначально в иерархии представлений славян о своей этнополитической принадлежности понятие «болгары» ассоциировалось с их подданством и лишь затем было осмыслено как категория, выражающая специфику родного этноса сравнительно с другими славянскими народами.

О трудностях на пути усвоения понятия «болгары» как этнонима славянским населением страны свидетельствуют первые памятники славянской письменности и староболгарской литературы.

Широкое распространение среди деятелей христианской церкви той эпохи убеждения в том, что богословские и литургические тексты могут быть написаны лишь на греческом, латинском и еврейском (так называемая «догма троязычия»), обусловило полемическую направленность первых памятников письменности на славянском языке [10, с. 26–30]. Их авторы отстаивали право славян на использование собственной письменности, подчеркивали, что она создана для многочисленного народа, служит его просвещению. Пафос этих первых сочинений состоял не в прославлении деяний какого-либо одного

на славянских народов, а в возбуждении чувства гордости за могущественный «род» славянский, вступивший наконец в круг цивилизованных (христианских) народов. Эта общественная идея была заложена уже в творчестве изобретателей славянской азбуки — Кирилла (Константина) и Мефодия. Хотя их миссия действовала на конкретной, в этногеографическом смысле вполне определенной территории (Великая Моравия), созданная ими письменность была ориентирована на нужды всего славянства.

Литература кирилло-мефодиевского цикла свидетельствовала об обострении чувства общеславянского единства. Понятие «славянский язык» употреблялось некоторое время как синоним понятия «славянский народ». Язык и вера выдвинулись в иерархии самосознания на первый план как основные факторы славянской общности. Понятие «иноплеменник» Константин Преславский приравнивает к понятию «иноверец» [101, с. 49–52]. Термины «славяне» и «славянский», как и «болгары» и «болгарский», употребляются для указания на население Болгарии в одних и тех же памятниках, однако первоначально — с известным смысловым отличием.

Так, в «Житии Наума Охридского» сказано, что ученики Мефодия «пришли» в «болгарскую землю», а затем один из воспитанников Климента (Марк) стал четвертым епископом «славянского языка» в Деволе [102, с. 306–307]. Жители Болгарии принадлежали к «славянскому роду», пишет черноризец Храбр, когда они обрели «славянские книги» в правление «болгарского» князя Бориса [103, с. 189–190]. В приписке к переводу «Слов» Афанасия Александрийского отмечено, что, после того как Борис крестил «болгар», при ныне правящем «нашем князе болгарском Симеоне» много книг переведено «с греческого на славянский» [104, p. 6].

Понятия «славяне» и «славянский» имеют здесь по преимуществу этнический и вероисповедальный смысл, тогда как термины «болгары» и «болгарский» — государственно-политический (титул князя, территория государства, его название, подданные князя). Вероятно, и в сознании образованных представителей славянства в первое время после крещения, а затем — распространения славянской письменности, понятия «болгары» и «болгарский» не отражали масштабов происшедших культурно-исторических перемен, далеко выходивших за пределы Болгарского государства.

Возможно, подобная позиция в течение какого-то времени была не чуждой и более широким кругам населения Болгарии. В апокрифической летописи «Сказание пророка Исайи», включившей разновременные славянские легенды, «первым царем в болгарской земле» объявлен Слав, который населил села и города людьми, бывшими некоторое время язычниками; царем же его над «множеством людей от Дуная до моря» поставил сам пророк Исайя. Эта легенда, называющая основателем «болгарского» народа и государства царя с несомненно славянским именем, выступает как полемическая реплика на официально утверждавшуюся традицию об основании царства

«по сю сторону Дуная» протоболгарином Аспарухом («Именник болгарских ханов»). Испор (Аспарух), по «Сказанию», лишь преемник Слава [105, с. 281].

Решающий перелом в сближении этнонимов «славяне» и «болгары» как родового и видового понятий произошел, скорее всего, в эпоху правления Симеона (893–937), во время наивысших, импонировавших самосознанию подданных успехов государства на международной арене и расцвета его славянской культуры. Впервые о «болгарах» как едином этносе («языке») всей страны говорится уже в таком памятнике конца IX в., как «Сказание о железном кресте» [106, с. 141]. Этот переход через еще недавно ощущавшийся «барьер» был осуществлен, видимо, совсем не потому, что кирилло-мефодиевская традиция трактовки этих терминов угасла вместе с уходом из жизни ее живых носителей — учеников солунских братьев (ср. [11, с. 284 сл.], а потому, что завершилась глубокая перестройка самосознания населения страны.

Примечательно, что в первые, точно следовавшие оригиналу переводы византийских хроник, рассказывавших о войне с болгарами в дохристианский период, уже младшие современники-переписчики стали вносить поправки, свидетельствующие о ранимости этнического чувства болгар: резкие выражения хроник о язычниках-«болгарах» подвергались смягчению [107, с. 50, 199–200]. Понятия подданства и этнической принадлежности болгар наконец совместились.

Процесс формирования средневековой болгарской народности завершился, и в иерархии ее самосознания понятия «славяне» и «болгары» заняли те места, которые они занимают и ныне: члены болгарской этносоциальной общности сознают себя представителями одной из ветвей славянства, обладающей яркими чертами этнического своеобразия и оригинальными, исторически сложившимися культурно-общественными традициями.

Разумеется, развитие болгарской народности не прекратилось ко второй четверти X в. Однако процесс этот вступил в новую фазу, рассмотрение которой лежит за пределами данной статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Трубачев О. Н.* Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян. — ВЯ, 1974, № 6.
2. *Иванов В. В.* Язык как источник при этногенетических исследованиях и проблематика славянских древностей. — В кн.: Вопросы этногенеза.
3. *Седов В. В.* Ранний период славянского этногенеза. — В кн.: Вопросы этногенеза.
4. *Седов В. В.* Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.
5. *Comşa M.* Direction et étapes de la pénétration des Slaves vers la péninsule balkanique aux VIe–VIIe s. (avec un regard spécial sur la territoire de la Roumanie). — In: Balcanoslavica. Prilep, 1974, I.

6. *Comşa M.* Socio-Economic organization of the Daco-Romanic and Slav Population on the Lower Danube during the 6th–8th Centuries. — In: Relations between the Autochtonous Population and Migratory Population on the Territory of Romania. Bucureşti, 1975.
7. *Babić B.* Forschung der altslawischen Kultur in der SR Makedonien. — Zeitschrift für Archäologie, 1976. Bd. I, № 10.
8. *Марянович-Вуйович Г.* Старейшие археологические следы славян в Белграде. — In: Berichte.
9. *Королюк В. Д.* Перемещения славян в Подунавье на Балканы (Славяне и волохи в VI–середине VII в.). — Сов. славяноведение, 1976, № 6, с. 52–54.
10. *Вължарова Ж.* Славяни и прабългари на некрополите от VI–XI вв. на територията на България. София, 1976.
11. *Ангелов Д.* Оразуване на българската народност. София, 1971.
12. *Андреев М.* Българската държава през средновековието. София, 1974.
13. *Tăpkova-Zaimova V.* Ethnische Schichten auf dem Balkan und das byzantinische Recht im 7. Jahrhundert. — In: Studien zum 7. Jahrhundert in Byzanz. Probleme der Herausbildung des Feudalismus. Berlin, 1976.
14. *Dujčev Iv.* Les sept tribus slaves de la Mesie. — SA, 1959, t. 6.
15. Ср.: *Антољак Ст.* Населуванье на словените во Македонија и создаванье на македонските Склавинии. — В кн.: Историја на македонскиот народ. Скопје, 1969.
16. ГИБИ, II.
17. *Avenarius A.* Die Awaren in Europa. Amsterdam, 1974.
18. *Avenarius A.* Die Awaren und die Slawen in den Miracula Sancti Demetrii. — BYZANTINA, 1973, t. V.
19. *Тъпкова-Заимова В.* Нашествия и етнически промени на Балканите. София, 1966.
20. *Ditten H.* Zur Bedeutung der Einwanderung der Slawen, — In: Byzantium in 7. Jahrhundert. Untersuchungen zur Herausbildung des Feudalismus. Berlin, 1978.
21. *Бешевлиев В.* За славянските племена в Североизточна България от VI до IX вв. — В кн.: Преслав. София, 1968, т. 1.
22. *Коледаров П.* Политическа география на средновековната българска държава. София, 1979.
23. *Велков В.* Състояние на проучванията върху прехода от античността към средновековието в Балканския полуостров. — Изв. на Българското историческо дружество, 1974, т. 29.
24. *Ваклинов Ст.* Формиране на старобългарската култура. VI–IX вв. София, 1977.
25. *Tăpkova-Zaimova V.* Génèse des peuples balkaniques et formation de leurs états. L'expérience bulgare. — In: IIIe Congrès International d'études du Sud–Est européen: Histoire. Bucureşti, 1974, t. I.
26. *Ангелов Д.* Славяни и прабългари до образуването на българската държава. — Археология (София), 1979, № 2.

27. *Cankova-Petkova G.* Über die Herkunft einiger slawischen Ethnonyme und Toponyme und ihre Bedeutung für das gesellschaftlich-politische Leben auf dem Balkan. — In: Studien zum 7. Jahrhundert in Byzanz. Probleme der Herausbildung des Feudalismus. Berlin, 1976.
28. *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962.
29. *Божилов И.* Анонимът на Хазе: България и Византия на Долни Дунав в края на X в. София, 1979.
30. *Гюзелев В.* Рец. на кн.: *Ангелов Д.* Образуване... — Bulgarian Historical Review, 1973, № 3.
31. *Gjuselev V.* Allgemeine Charakteristik und Etappen der Errichtung der militärischen und administrativen Verwaltung des ersten bulgarischen Staates: 7. bis II. Jh. — Etudes Balkaniques, 1978, № 3.
32. ГИБИ, III.
33. *Čallany D.* Neue Ergebnisse der awarenzeitlichen Forschungen im Ostungarn. — Studijne zvesti Archeologického ústavu Slovenskej Akademie vied, 1968, 16; *Čallany D.* Archäologische Denkmäler der Awarenzeit in Mitteleuropa. Budapest, 1958, S. 184 Karte.
34. *Rusu M.* Awars, Slaves, Romanic population in the 6th–8th Centureis. — In: Relations...
35. *Вăжарова Ж.* Селища и некрополи (края на VI–XI вв.). — Археология (София), 1974, № 3.
36. *Чеботаренко Г. Ф.* К вопросу об этнической принадлежности балканодунайской культуры в южной части Прутско-Днестровского междуречья. — В кн.: Этническая история восточных романцев. Древность и средние века. М., 1979.
37. Степи Евразии в эпоху средневековья. — В кн.: Археология СССР. М., 1981.
38. *Димитров Д.* По въпроса за гробните камери с трупоизгаряне в раносредновековните некрополи в Североизточна България. — Изв. на народния музей (Варна), 1976, кн. XI.
39. *Димитров Д.* Погребалният обред при ранобългарските некрополи във Варнеско (VIII–X вв.). — Изв. на Археологическия институт, 1974, т. 34.
40. *Вăжарова Ж.* Българският народностен облик през средновековието в светлината на археологически данни (VI–XI вв.). — В кн.: Първи конгрес на Българското историческо дружество. София, 1972.
41. *Гюзелев В.* Икономическо развитие, социална структура и форми на социална и политическа организация на прабългарите до образуването на българската държава (IV–VII вв.). — Археология (София), 1979, № 4.
42. *Gombocz Z.* Honfoglás török jovévènys zavaink. Budapest, 1908.
43. *Gombocz Z.* Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache. Helsinki, 1912.
44. ИБИ, VIII, ГИБИ, IV.
45. ЛИ, II.

46. Ср.: *Тъпкова-Заимова В.* Изследования върху ролята на българската държава сред на балканските средновековни държави и някои въпроси от началния период на нейната история. — В кн.: Проблеми на българската история. София, 1973.
47. Ср.: *Дуйчев Ив.* «Именник на първобългарските ханове» и българската държавна традиция. — Векове, 1973, № 1.
48. См.: *Гюзелев В.* Функциите и ролята на кавхана в живота на първата българска държава (VII–XI в.). — ГСУ. История, 1967, т. 60, кн. 3.
49. *Гюзелев В.* Ичиргу боилите на първата българска държава. — Там же, 1973, т. 65, кн. 3.
50. *Grafenauer B.* Sklabarchontes — «gospodarii Slovanov» ale «slovanski knezi». — Zgodovinski časopis, 1955, let. IX.
51. *Гюзелев В.* Добруджанският надпис и събития в България през 943 г. — ИП, 1966, № 6.
52. *Гюзелев В.* Баварският географ и някои въпроси на българската история от първата половина на IX в. — ГСУ, Филос.-ист. ф-т, 1969, т. 58, кн. III.
53. *Вължарова Ж.* Некрополът до голямата базилика в Плиска. — В кн.: Плиска–Преслав. София, 1979, т. 1.
54. *Terras V.* Leo Diaconus and the ethnology of Kievan Rus. — Slavic Review, Sept. 1965, v. XXXIV, № 3.
55. *Liutprand von Kremona.* Die Werke/hrsg. v. J. Becker. Hannover; Leipzig, 1915.
56. ИБИ, X, ГИБИ, V.
57. *Литаврин Г. Г.* Некоторые особенности этнонимов в византийских источниках. — В кн.: Вопросы этногенеза.
58. *Симеонов Б.* Произход и значение на названието българи. — Векове, 1976, № 5.
59. *Симеонов Б.* Произход и значение на личното име на хан Аспарух. — Там же, 1977, № 3.
60. *Немет Ю. К.* К вопросу об аварах. — В кн.: Turcologia: К 70-летию акад. А. Н. Кононова. Л., 1977.
61. *Литаврин Г. Г.* Этническое самосознание южных славян в VII–X вв.: (К проблеме формирования раннефеодальных народностей). — В кн.: VIII Международный съезд славистов. М., 1978.
62. *Tăpkova-Zaimova V.* Quelques remarques sur les auteurs byzantins. — In: Studie zur Geschichte und Philosophie des Altertums/hrsg. v. J. Harmatta. Budapest, 1963.
63. *Бешевлиев В.* Първобългарски надписи. София, 1979.
64. *Василев Р.* Проучванията на славянските археологически паметници от Северна България от края на VI до края на X в. — Археология (София), 1979, № 3.
65. Ср.: *Ферјанчић Б.* Византија и јужни словени. Београд, 1966.
66. *Primov B.* Bulgaria in the VIHth Century. — Byzantinobulgarica, 1978, t. V.
67. *Beševliev V.* Zwei Versionen bei Nikephoros dem Patriarchen. — Revue des études sud-est européennes, 1971, IX, № 3.

68. *Ангелов Д.* Историческа роля и значение на средновековна българска държава. — ИП, 1979, № 1.
69. *Tăpkova-Zaimova V.* Au sujét des Miracula S. Demetrii, II, 6. — In: Studii in honorem V. Beševliev. Sofia, 1978.
70. См.: *Гюзелев В.* Княз Борис Първи. София, 1969.
71. *Илиевски П. Хр.* Грчко-словенска културна симбиоза во Македонија. — В кн.: Словенска писменост: 1050-годишнина на Климент Охридски. Охрид, 1966.
72. *Алексова Б.* Материјална култура на словените во Македонија. — Там же.
73. *Тъпкова-Заимова В.* Долни Дунав — гранична зона на византийския запад. София, 1976.
74. *Петров П., Гюзелев В.* Христоматия по истории на България. София, 1978, т. 1.
75. *Литаврин Г. Г.* Темпове и специфика на социално-икономическото развитие на средновековна България в сравнение с Византия (от края на VII до края XII в.). — ИП, 1970, № 6.
76. *Ваклинов Ст.* Плиска, Преслав, Мадара: Разкопки и проучвания. В кн.: Плиска — Преслав. София, 1979, т. 1.
77. *Вължарова Ж.* Златни накити от гроб 27 в Плиска. — Археология, 1980, № 1.
78. *Dinekov St.* Les premières manifestations de la pensée historique chez les bulgares. — In: Studii in honorem V. Beševliev...
79. *Vaklinov St.* Eine Denkmal runischen Schrifttums Pliskas. — Ididem.
80. *Gerasimov T.* Protobulgarische Zeichen. — Ibidem.
81. *Fayein Cl.* La sédenterisation des nomades kouzo-valaques en Albanie Méridionale. — В кн.: VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук/Труды. М., 1970.
82. *Ilyasov S.* Transition to settled way of the life and its role in the transformation of culture and modo of the Kirghizes. — Там же.
83. *Carolus-Barré Th.* Chez les Vlaques du Pinde. — Revue des études sud-est européennes, 1968, t. VI, № 4.
84. *Mateescou C. N.* Considération sur l'élévage et l'agriculture du néolitique moyen au Bas-Danube. — In: IIIe Congrès International d'études du sud–est europopeen: Resumés des communication. Buzereşti, 1974.
85. *Pride H.* Рец. на кн.: Les anciens Hongrois et les ethniques voisins à l'est. Budapest, 1977. — Südost-Forschungen, 1978, v. 37.
86. *Коев Й.* Следи от бита и ездика на прабългарите в нашата народна култура. — В кн.: Етногенезисът и културно наследство на български народ. София, 1971.
87. *Маринов В.* За етнокултурните приноси за българското животноводство. — Там же.
88. *Fodor I.* Altungarn, Bulgarotürken und Ostslawen in Südrussland (Archäologische Beiträge). Szeged, 1977.
89. *Йончев Л.* Някои въпроси относно Крумовото законодателство. — ИИБИ, 1956, т. 6.

90. *Ангелов Д.* Съдържание и смисъл на думата ОТЕЧЕСТВО в средновековна българска книжнина. — Старобългаристика, 1977, № 4.
91. *Ангелов Д.* Смисъл и съдържание на думите «І — ѦЗЫК, РОДЪ; ПЛЕМѦ, и НАРОДЪ» в средновековната българска книжнина. — Там же, 1978, № 3.
92. *Дуйчев Ив.* Славяни и прабългари. — ИИБИ, 1951, т. 1–2.
93. Studia in honorem V. Beševliev...
94. *Tapkova-Zaimova V.* L'idée byzantine de l'unité du monde et d'état bulgare. — In: Actes du premier congrès international des études balkaniques et sud-est européennes. Histoire (Sofia), 1969, III.
95. *Славчев П., Йорданов И.* Златни медальон на хан Омуртаг. — Археология (София), 1979, № 2.
96. Советы и рассказы Кекавмена. — Изд. Г. Г. Литаврина. М., 1972.
97. *Ангелов Д.* Покръстване на българите — причини и последици. — В кн.: Православието в България. София, 1974.
98. *Angelov D.* Quelques problèmes de la nationalité bulgare aux IXe–Xe siècles: La langue et la prise de conscience. — In: Byzantinobulgarica, 1973, v. 4.
99. *Dshonov B.* Über Urgestalt und Inhalt der «Namenliste der bulgarischen Khans». — In: Byzantinobulgarica, 1973, v. 4.
100. *Георгиев Е.* Славянская письменность на Балканах и европейский традиционализм. — В кн.: Славянские культуры и Балканы. София, 1978, т. 1.
101. Христоматия по старобългарска литература. София, 1967.
102. *Иванов Й.* Български старини из Македония. София, 1970 (Фототипно издание).
103. *Куев К.* Черноризец Храбр. София, 1967.
104. *Vaillant A.* Discours contre les Ariens de Saint Athanase, Version slave et traduction en français. Sofia, 1954.
105. *Иванов Й.* Богомилски книги и легенди. София, 1970 (Фототипно издание).
106. *Ангелов Б.* Сказание за железния кръст. — В кн.: Старобългарска литература. София, 1971, т. 1.
107. *Дуйчев Ив.* Из старата българска книжнина: Книжовни и исторически паметници отъ първото българско царство. София, 1943, т. 1.

Два этюда о восстании Петра и Асеня

I

К ВОПРОСУ О НАРОДНОМ ХАРАКТЕРЕ ВОССТАНИЯ В БОЛГАРИИ в 1186 г.

Положительное решение проблемы, указанной в заголовке, широко признано в исторической науке. Нет никакой необходимости приводить заново многостороннюю и тщательно разработанную, в особенности в болгарской историографии, аргументацию в пользу тезиса об активном участии населения Болгарии в борьбе за возрождение своего независимого государства.

Тем не менее и эта проблема нуждается в дальнейшей разработке, так как споры вокруг нее до сих пор возникают в новейшей историографии.[1]

Я не сомневаюсь в народном характере движения в Болгарии за освобождение от византийского господства. Однако хотел бы привести дополнительно к уже высказанным в литературе два соображения в обоснование этого вывода, связанные, во-первых, с более точным определением тех слоев населения болгарских земель, которые подверглись экстраординарному налогу в конце 1185 г., и, во-вторых, с более точной локализацией очагов освободительного движения в его начальный период.

Оба наши соображения основаны на широко известных сообщениях современника и свидетеля событий Никиты Хониата и его непосредственного преемника в византийской историографии Георгия Акро-

---

[1] *Г. Цанкова-Петкова.* България при Асеневци. С., 1978, с. 21–50; *G. Cankova-Petkova.* La libération de la Bulgarie de la domination byzantine. — Byzantinobulgarica, V, 1978, 95–121; *Ph. Malingoudis.* Die Nachrichten des Nicetas Choniates über die Entstehung des Zweiten Bulgarischen Staates. — Βυζαντινά, X, 1978, S. 49–148.

нолита. Интерпретируя их сообщения, я намерен обратить внимание лишь на те детали и оттенки, которые, насколько мне известно, до сих пор не были по достоинству оценены в исторической литературе.

Первый выдвигаемый мною тезис состоит в том, что подвергшийся в связи со свадьбой Исаака II Ангела и Маргариты Венгерской чрезвычайным поборам слой лиц в болгарских землях был гораздо более широким, чем это принято считать.

Говоря о названном неординарном поборе, Никита пишет: «Скупясь отпраздновать свадебный пир на деньги (χρημάτων) казны, он безвозмездно взыскал их (ταῦτα) с подвластных областей и по жадности своей обобрал также другие города, расположенные близ Анхиала, и варваров на горе Гем, называвшихся ранее мисянами, а теперь — влахами, поднял на величайшую войну против себя и ромеев, ибо эти варвары, полагаясь на неудобства местности и многочисленные крепости, лежавшие на высоких скалах, воспользовались, как говорится, подобно Патроклу, поводом (для этого), а именно — угоном их скота и бедствиями, которым они подверглись».[1]

В этом свидетельстве я хотел бы подвергнуть такие, как правило, упускаемые из виду болгаристами детали, как тот факт, что экстраординарному побору подлежали не только болгарские земли, но и другие провинции империи, а также то, что чрезвычайный налог выражался не только в реквизиции скота, но и во взыскании с населения империи денежных сумм.

Известие Никиты Хониата находится в полном соответствии с тем, что известно о порядке проведения в Византии в X–XII вв. широких празднеств, связанных с днем рождения императора, коронацией самого автократора или его наследника, с днем основания Константинополя, отмечавшимся 11 мая, а также, как в рассматриваемом случае, — с днем бракосочетания василевса. Помимо пышных приемов в императорском дворце, в такие дни устраивались имевшие пропагандистское значение угощения на казенный счет для простонародья столицы (вино, закуски) и раздача мелкой монеты (хорегия).

Следуя устоявшейся традиции, новый император, пришедший к власти через труп своего предшественника Андроника I Комнина, Исаак II Ангел решил, учитывая оскудение казны и необходимость крупных затрат в связи с войной с норманнами, захватившими Фессалонику, покрыть все расходы на свадьбу за счет экстраординарного сбора — как денежного, так и натурального.

Сбор этот коснулся также Анхиала, лежавшего у самых границ забалканских болгарских земель, а также других городов «близ него», как говорит Никита Хониат... Какие же это города? Ничто не противоречит допущению, что вокруг Анхиала, крупной византийской крепости в XII столетии, лежали не только города, расположенные к югу от Балканского хребта (Месемврия, Девельт, Созополь, Агафополь, Диамполис), но и забалканские (Варна, Плиска, Преслав, Тырнов).

[1] *Nicetae Choniatae* Historia, ed. A. van Dieten. Berolini et Novi Eboraci, 1975, p. 481–482.

Мало того, следуя также точному смыслу свидетельства Никиты Хониата, нет решительно никаких оснований думать, что подвергшееся денежному налогу городское население болгарских земель было, в отличие от сельских жителей, избавлено от реквизиций животных.

Согласно сообщению современника событий, участника третьего крестового похода (1189–1192), западного хрониста Ансберта, город Бероя (Боруй) изобиловал не только запасами зерна, но также «волами и овцами».[1] Арабский путешественник Идриси, завершивший свои путевые заметки в 1153 г., неоднократно замечает, говоря о балканских народах, что они богаты как земледельческими продуктами, так и скотом.[2] Даже в начале XIII в. приморский город Лампсак в системе византийского, а затем венецианского налогообложения мало отличался от поселения сельского типа, подвергаясь взысканиям как ны по объектам и по принципам, общим с окружающим деревенским населением.

Иными словами, я хочу сказать, что, оценивая вышеприведенное свидетельство Никиты Хониата, есть все основания заключить о распространении денежного экстраординарного побора не только на города, но и на сельскую местность в Болгарии (как и в других провинциях империи), а также — о реквизиции скота не только у деревенских жителей, но и у населения городов, носивших в то время полуаграрный характер.

Сообщение Георгия Акрополита, отличающееся по сравнению с известием Никиты Хониата гораздо большей обобщенностью и меньшим вниманием к деталям, вносит в обрисованную выше картину существенные уточнения. Болгарские земли, согласно данным Акрополита, находились при сборе чрезвычайного налога все-таки на особом положении. А именно — в болгарских землях этот налог оказался особенно тяжелым.

Когда Исаак II — пишет Акрополит — «хотел сыграть свадьбу, а она была царской и следовало, чтобы и расходы оказались достойными ее, то со всей епархии ромеев сгонялись овцы, свиньи и быки. Но так как более всех других вскармливает их земля болгар, в большем размере с нее их и потребовали...».[3]

Особая тяжесть побора, как следует из приведенного известия, заключалась как раз в повышенных, сравнительно с другими провинциями империи, реквизициях скота с населения сел и городов болгарских земель. Именно на эту особенность обращает внимание Акрополит. Именно эта особенность поразила воображение современников и обусловила тот факт, что в современной литературе до сих пор при выяснении непосредственных причин восстания Асенидов неизменно

---

[1] Historia de expeditione Friderici imperatores, edita a quodam Austriense clerico qui eidem interfuit nomine Ansberte. — MGH, SS, n. s., V. Berolini, 1928, p. 44.

[2] *Б. Недков.* България и съседните ѝ земи през XII век според Идриси. С., 1960, с. 71, 83, 85 сл.

[3] Georgii Acropollitae opera. Ed. A. Heisenberg. Lipsiae, 1903, p. 18 (6–10).

говорится прежде всего о реквизиции скота — прежде всего именно с горцев Балканского хребта. В этом пункте, в отличие от других вопросов, и сторонники трактовки событий 1186 г. в Болгарии как народного восстания, и приверженцы их истолкования в качестве заговора лишь части пастухов, опиравшихся на военную поддержку половцев, единодушны. И те и другие пишут об ущербе, нанесенном подобным сбором пастушескому населению, и о возмущении именно горцев Гема (или Зига) этим чрезвычайным налогом — потому, якобы, они и стали инициаторами открытого восстания против византийского господства.[1]

Как раз этот вывод мне и хотелось бы несколько корректировать. Как мне представляется, свидетельства источников оправдывают тезис о гораздо более широком характере чрезвычайных взысканий, распространившихся не только на сельскую горную местность в пределах Балканского хребта, но и на другие районы за цепью Гема, не только на жителей деревень, но и на население болгарских городов. Особая тяжесть побора скотом (и с горцев, и не с горцев) не должна заслонять от исследователей того факта, что значительный ущерб претерпели также жители равнинных забалканских областей Болгарии, что вызванное экстраординарным налогом негодование охватило гораздо более широкие круги народа, чем жителей только одного Зига.

Второе наше уточнение касается значения топонима «Гем», или «Зиг», в известиях Никиты Хониата и его младших современников. Этот вопрос был детально исследован более 30-и лет тому назад в превосходной работе Ив. Дуйчева. Тщательно проанализировав имеющиеся по этому вопросу известия источников, в особенности те, которые датируются XII–XIII вв., ученый пришел, в частности, к выводу, что «наименование Зигос в некоторых случаях означает не только горы, а вообще Загору, весьма часто упоминаемую у византийских авторов XII–XIII вв.».[2]

В самом деле. Говоря о главном городе-крепости Асенидов Тырнове, Никита Хониат называет его «наиболее укрепленным и вместе с тем превосходнейшим изо всех городов на Геме».[3] Тырнов, как известно, расположен не на самом Геме, а у его северных предгорий. При этом в рассматриваемом аспекте не имеет значения, ошибается ли средневековый писатель, преувеличивая протяженность по направлению к Дунаю северных склонов Балканского хребта, или же он сознательно использует топоним «Гем» в смысле не только самой горной гряды, но и пространства между нею и Дунаем. Важно то, что в район «Гема», где деятельность повстанцев была, несомненно, активной с самого начала восстания, входил, по представлениям Никиты Хониата, и сам Тырнов.

---

[1] См.: *Г. Цанкова-Петкова*. България..., с. 22; *G. Cankova-Petkova*. La libération..., 96–98, 101. Ср.: *Ph. Malingoudis*. Die Nachrichten..., p. 56, 58.

[2] *Ив. Дуйчев*. По въпроса за името «Веригава». — В: Проучвания върху българското средновековие. С., 1945, с. 158.

[3] *Nic. Chon*. Op. cit., p. 470 (75–78).

В 1190 г. Исаак II Ангел отправился в свой четвертый поход против восставших. Опасаясь засад в горных проходах Балканского хребта, он оставил в стороне Анхиал и «обходом вступил в Гем» (καὶ διὰ τῆς Ἀγχίαλον παραλλάξας ἐκ περιελεύσεως τὸν Αἷμον εἴσεσε).[1] Другими словами, император провел свое войско, оставив с правого фланга Анхиал, по побережью Черного моря, т. е. обогнул крайние восточные отроги Гема. И тем не менее, согласно свидетельству Никиты, император после этого вступил опять-таки в «Гем». Это сообщение можно, по моему мнению, понять, только допустив, что средневековый автор и в данном месте использует рассматриваемый топоним в значении «Загора», т. е. болгарская земля, лежащая за Балканским хребтом.

Такое же значение термина «Гем» я усматриваю и в том месте «Истории» Никиты Хониата, где он пишет об уводе Асенем на «Гем» пленных, захваченных болгарами к югу от Зига, в то время, когда к северу от него давно уже не было никаких властей империи.[2]

В заголовке речи Никиты Хониата, обращенной в 1201 г. к Алексею III Ангелу, царь Болгарии Калоян назван «властителем Зигоса».[3] Калоян в эту пору был суверенным правителем не только самого Балканского хребта, но и забалканских территорий, лежавших к северу от этой горной цепи, и вел успешную борьбу с империей за самую Фракию. И здесь, на мой взгляд, термин «Зигос» употреблен нашим писателем не в прямом, а в фигуральном значении — в качестве обозначения всей территории, подвластной к этому времени Калояну.

В точно таком же значении я склонен толковать понятие «Гем» и в соборном определении 1222 г., в котором восхваляется борьба эпирского деспота Феодора Комнина со «скифами Гема»,[4] т. е. с болгарами во главе с Иоанном II Асенем. В другом документе той же эпохи этот болгарский царь, расширивший пределы своей страны от Черного моря до Адриатики, обозначен как «правитель Гема скиф Асень» (ὁ τοῦ Αἵμου κατάρχων Σκύθης Ἀσάν).[5] Мне представляется, что данное свидетельство вообще не нуждается в особом разъяснении.

В 1279 г. византийский полководец Михаил Глава Тарханиот занял столицу Второго Болгарского царства Тырнов и посадил на престол ставленника империи Ивана Мицу (под именем Ивана Асеня III). Упоминая об этом событии, византийский поэт-современник Мануил Фил говорит, что Глава «покорил весь Зиг» (τὸν Ζυγὸν πάντα).

Приведя эти свидетельства, я отнюдь не хотел создать впечатление, что топоним «Гем» — «Зигос» употреблялся в византийской литературе как обычное наименование забалканской, северо-восточной Болгарии. Основное значение этого топонима и в XII–XIII вв., у тех

---

[1] *Nic. Chon.* Op. cit., p. 428 (63). Власть Асеня быстро распространилась, по словам Георгия Акрополита, на «все, лежащее внутри Гема вплоть до Истра» (ἅπαντα τὰ ἐντὸς τοῦ Αἵμου μέχρι καὶ τοῦ Ἴστρου) (Acrop., p. 18 (16 sq)).

[2] Ibidem, p. 617.

[3] *Nicetae Choniatae* orationes et epistolae, tec. Al. van Dieten. Berolini et Novi Eboraci, 1972, p. 106 (19).

[4] *В. Г. Васильевский.* Epirotica saeculi XIII. — ВВ, 1896, 3, с. 285.

[5] Ibidem, p. 292.

из самых авторов, свидетельства которых только что приведены выше, оставалось неизменным: Гем–Зиг это именно Балканский горный хребет.

И тем не менее неоднократно византийские писатели, в том числе и Никита Хониат, что особенно важно, использовали это название, рассказывая о ходе борьбы империи с восставшим против ее власти населением Болгарии, в качестве символического обозначения всей территории между южными склонами этой горной гряды и Дунаем.

Поэтому было бы неосторожным, на мой взгляд, во всех тех случаях, когда Никита Хониат пишет о восставших на «Геме» или о «властителях Гема» Петре и Асене, трактовать сообщаемые при этом сведения как относящиеся только к балканскому горному району.

Балканский хребет являлся, несомненно, наиболее важной, пограничной и естественно укрепленной линией обороны, передним краем борьбы с войсками империи. Но я не считаю очевидным, что первоначальный район восстания сводился только к Гему, ограничивался лишь этим горным массивом.[1]

Итак, завершая свое краткое сообщение, я хотел бы еще раз подчеркнуть, что основные источники, рассказывающие о начальном этапе борьбы населения Болгарии за освобождение от византийского господства, позволяют предложить вниманию специалистов два уточнения, касающиеся хода событий в конце 1185 и 1186 гг. Первое состоит в том, что переполнивший чашу терпения населения болгарских земель чрезвычайный налог был взыскан не только с пастухов Гема, а также с крестьян и горожан прочих районов Болгарии, и заключался не только в реквизиции скота, но и в сборе денежных сумм. Иначе говоря, внутриполитическая обстановка в провинции к концу 1185 г. была еще более острой, чем это принято думать, а социальная база движения — гораздо более широкой.

Второе уточнение, находящееся, как мне представляется, в тесной и взаимообусловленной связи с первым, сводится к утверждению, что восстание против империи началось весной 1186 г. не только в районе Старой Планины, но и в других — равнинных областях провинции. Иными словами, события этого периода имели, по моему мнению, гораздо более широкие масштабы, чем это принято считать в современной исторической литературе.

II

«И ТЕ, ИЗ ВОРДОНЫ, ПРЕЗИРАЮЩИЕ СМЕРТЬ...»

Тема моего сообщения — не нова, как не новы для специалистов и свидетельства источников, которые здесь будут использованы. Речь идет о высказанной Ф. И. Успенским ровно сто лет назад гипотезе, согласно которой вместе с половцами (куманами) освобождению Болгарии от византийского государства содействовали также русские.

[1] См. об этом: *Ив. Дуйчев*. Указ. соч., с. 155.

Гипотеза эта была выдвинута на основе одного сообщения Никиты Хониата, которое содержится в его торжественной речи, произнесенной в январе 1190 г. перед императором Исааком II Ангелом.

Восхваляя новые (на деле — весьма скромные) успехи императора в борьбе с болгарами и половцами, оратор вспоминает события 1186—1187 гг.[1] и в связи с этим заявляет:

«Ведь как скифы, народ (ἔθνος), доныне необузданный, неприветливый и весьма воинственный (λίαν Ἀρηΐον), так и те, из Вордоны, презирающие смерть, ветвь тавроскифов, народ, также поклоняющийся Арею (καὶ οἱ ἐκ βορδόνης οὗτοι τοῦ θανεῖν ὑπερόπται καὶ Ταυροσκυθῶν ἀποσπάδες, γένος δὲ καὶ οὗτοι κάτοχον Ἄρεϊ), помогавшие варварам на Геме, согбены вместе с ними, побежденными, и вместе обрели гибель».[2]

Как известно, Ф. И. Успенский сопоставил это свидетельство Никиты с двумя группами фактов, содержащихся в современных этому писателю византийских и русских источниках. А именно — с достаточно ясными и многочисленными примерами из византийской литературы XII (а также X и XI вв.), не оставляющими сомнения в том, что под этниконом «тавроскифы» византийцы имели в виду русских, а также с известиями русских летописей под 1146/1147, 1216 и 1224 гг. об особой группе воинственных поселенцев в Северном Причерноморье, именовавшихся «бродниками», занимавших самостоятельную, независимую позицию по отношению к русским княжествам и степным кочевникам и состоявших по преимуществу из русской вольницы.[3]

До недавнего времени сделанный на основе всего этого и указанный выше вывод Ф. И. Успенского не подвергался научной критике, которая была бы основана на анализе упомянутых источников. Скорее наоборот: сначала П. Мутафчиев,[4] а затем и другие исследователи[5] под-

---

[1] Я принимаю хронологию событий (первый поход Исаака II против восставших — летом 1186 г., второй — осенью 1187 г.), заново пересмотренную и обоснованную в работах Ф. Малингудиса (*Ph. Malingoudis*. Die Nachrichten des Niketas Choniates über die Entstehung des Zweiten Bulgarischen Staates. — Βυζαντινά, 10, 1978, 52—148) и Г. Цанковой-Петковой (*G. Cankova-Petkova*. La libération de la Bulgarie de la domination byzantine. — Byzantinobulgarica, V, 1978, p. 95—121).

[2] *Nicetae Choniatae* Orationes et epistulae, rec. J. A. Dieten. Berolini et Novi Eboraci, 1972, p. 18—22, 93.

[3] *Ф. И. Успенский*. Образование Второго Болгарского царства. Одесса, 1879, с. 35—38. Приложение № 3.

[4] *П. Мутафчиев*. Произходът на Асеновци. — Избранные произведения, т. I. С., 1973, с. 150—194.

[5] См., например, *М. Ф. Котляр*. Русь на Дунаї. — Український історичний журнал, № 9, 1966, с. 12—22; *Он же*. Хто таки бродники (до проблеми виникнення українського козацтва). — Український історичний журнал, № 5, 1969, с. 95—101; *В. Т. Пашуто*. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 115—116, 203, 268—269, 282 и пр.; *Г. Г. Литаврин*. Русь и Византия в XII веке. — Вопросы истории, № 7, 1972, с. 43—48; *В. П. Шушарин*. Свидетельства письменных памятников королевства Венгрия об этническом составе населения Восточного Прикарпатья первой половины XIII века. — История СССР, № 2, 1978, с. 38—43.

крепили это предположение, указав на постоянное присутствие русского элемента в XII столетии в низовьях Дуная и на известия грамот Венгерского королевства от 1222–1250 гг., где бродники выступают как восточные соседи венгров, рядом с русскими и половцами.

Ныне, однако, заключение Ф. И. Успенского подвергнуто обстоятельной критике и признано ошибочным в исследовании Федона Малингудиса. Аргументация греческого ученого интересна, но его окончательный вывод (не русские, а половцы) обоснован слабо, и, возможно, автор не пришел бы к нему, будь он знаком с названными в прим. 5 на с. 354 работами советских историков (автор заблуждается, говоря о приведенной фразе из речи Хониата, что Успенский «первый и, насколько я знаю, до сих пор единственный, кто обратил внимание на это место»).[1]

Аргументация Ф. Малингудиса состоит в следующем:

1) Хотя толкование Успенским топонима «Вордона» как греческой транскрипции славянского наименования с корнем «брод» признается правильным, усматривается, однако, затруднение в образовании от этого топонима этникона «бродники» (т. е. «скифы из Вордоны», поясняет греческий ученый).[2]

2) Если даже допустить возможность такого (лингвистически сомнительного) словообразования, то в данном случае и оно не может подкреплять гипотезу Успенского, так как область расселения бродников в это время находилась на восток от Днепра; на запад же они передвинулись лишь под давлением монголов, в 20-х годах XIII столетия.

3) Из источников XIII–XIV вв. на левом берегу Дуная, где-то против Видина, известна деревня по названию «Куманский брод». Возможно потому, что Никита Хониат имеет в виду под «тавроскифами» куманов, которые находились здесь, в этом районе Подунавья, где им было удобно переправляться на правый берег.

4) Если, все-таки, известие Хониата имеет в виду «бродников» русских летописей, то нужно допустить, что они прибыли на помощь Асеню и Петру вместе с куманами из области Приднепровья. Зимой 1187 г. киевский князь без труда разгромил вежи приднепровских куманов, так как половцы-воины находились в это время в походе к Дунаю, т. е., видимо, помогали восставшим болгарам.

5) Но и это только что приведенное положение не оправдывает гипотезы об участии русских в борьбе болгар за независимость, так как «бродники» (семантически точнее образовывать это слово от глагола «бродить», т. е. «блуждать») — кочевники, «смесь» различных тюркских народов.

6) Этникон «тавроскифы», наконец, действительно у византийских авторов обозначает обычно русских, но Никита Хониат среди этих

---

[1] *Ph. Malingoudis.* Op. cit., p. 185. Упоминание об этом известии Никиты имеется, кстати говоря, и в работах, которые использует греческий ученый (см.: *П. Мутафчиев.* Указ. соч., с. 190; *Г. Г. Литаврин.* Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960, с. 456–457, прим. 80).

[2] Ibid., p. 136.

авторов составляет исключение (Ausnahme): он называет русских или «рос» (Ῥώς), или «скифами гиперборейскими» (Σκύθαι Ὑπερβορεῖς), а под «тавроскифами» имеет в виду половцев.[1]

Что касается первых пяти аргументов греческого ученого, то они носят характер предположения, гипотезы, столь же трудно доказуемой, сколько и опровергаемой. Поэтому мои замечания по этим пяти пунктам — не опровержение, а лишь указание на неточности.

Итак, начнем по порядку, с *1-го довода* Ф. Малингудиса. Я не рискую с уверенностью утверждать, что «Вордона» Никиты Хониата связана этимологически именно со славянским словом «брод». Решить этот вопрос — задача лингвистов. «Бродники» действительно могли не иметь никакого отношения к «Вордоне». Тем не менее у нас есть замечания и к этому пункту аргументации греческого ученого. Во-первых, у Хониата в трактуемой фразе нет выражения «скифы из Вордоны» — речь идет о «тавроскифах», которые не только не идентифицируются со скифами, но даже противопоставлены им, что подчеркнуто и в конструкции фразы (μέν—δέ). Во-вторых, нельзя с уверенностью говорить и о том, что термин «бродники» является этниконом. Полагают, что это собирательный термин обозначает довольно многочисленное сообщество людей, отнюдь в этническом смысле не однородных (т. е. не только «тюрки») и либо нередко меняющих места своего поселения («бродящих»), либо же обосновывающихся близ бродов через крупные водные магистрали.[2] В таком случае бродники в те времена могли обитать не в каком-то одном, точно локализуемом районе. То, что нам известно о бродниках (воинственность, неподвластность ни русским князьям, ни половецким ханам, способность к быстрому передвижению, обладание легким быстроходным флотом), кажется, более оправдывает гипотезу, что они не кочующие по степям тюрки, а постоянные обитатели на берегах водных бассейнов, может быть — и близ бродов через крупные реки.

2-й довод. Остается совершенно неизвестным, когда бродники появились в Западном Причерноморье. Ничто не доказывает, что они отступили сюда лишь под давлением татаро-монголов из района Приазовья и Приднепровья. Во-первых, последний раз бродники упомянуты в русских летописях именно как союзники (а не враги) татаро-монголов. Во-вторых, битва при Калке (в Приазовье), в которой бродники перешли на сторону татар, состоялась 31 мая 1223 г.[3] (это и есть последнее о них упоминание в летописях), а как хорошо известные непосредственные восточные соседи венгров они упоминаются в венгерских грамотах еще до этой битвы уже под 1222 г.[4] Отсутствие свидетельств о бродниках в этих местах ранее 1222 г. — не довод для доказательства их отсутствия здесь до этого срока. М. Котляр, про-

---

[1] *Ph. Malingoudis.* Op. cit., p. 135–137.

[2] *М. Ф. Котляр.* Хто таки бродники..., с. 97–100; *В. Т. Пашуто.* Указ. соч., с. 115, 269.

[3] *В. Т. Пашуто.* Указ. соч., с. 116.

[4] *В. П. Шушарин.* Указ. соч., с. 39–42.

анализировавший русские известия о бродниках, пришел к убедительному заключению, что ничто не оправдывает широко распространенного мнения (его разделяет и Ф. Малингудис) о постоянном обитании бродников именно только «на восток от Днепра»; располагая легким флотом и конницей, бродники (как и казаки более позднего времени) порой могли оказаться на театре военных действий, значительно отдаленном от места их постоянного поселения.[1]

3-й довод. Наличие на Дунае деревни по названию «Куманский брод» дает основание для утверждения, что ее жители были скорее славянского, а не куманского (тюркского) происхождения. Труднее допустить обратное. Так, например, под 898 г. «Повесть временных лет» сообщает, что мимо Киева, горою, прошли угры (венгры), и эта гора зовется с тех пор Угорскою.[2] Насколько нам известно, никто на этом основании не рисковал утверждать, что венгры на упомянутой горе устроили свои поселения.

4-й довод. Конечно, нельзя решительно исключать возможности того, что в качестве союзников Петра и Асеня выступали и те половцы, которые кочевали в Приднепровье. Возможно также, что и в тех местах имелись «тавроскифы», поспешившие на помощь болгарам. Однако представляется более правдоподобным искать и тех, и других в гораздо более близких к театру событий районах. Вряд ли можно с уверенностью идентифицировать поход приднепровских половцев зимой 1187 г. «к Дунаю» с вторжением через Дунай осенью 1186 г. на помощь болгарам и влахам «скифов» и «тавроскифов», которые задержались здесь также и в 1187 г. Именно осенью 1187 г. Исаак II у южных предгорий Гема добился некоторых локальных успехов в действиях против восставших болгар и их союзников — именно на эти успехи намекает, на мой взгляд, Никита Хониат, говоря о победах императора. Обычно место обитания союзников (насколько оно возможно для половцев) было, кажется, гораздо ближе к болгарам. Тот же Никита Хониат упоминает «поистрийских скифов»,[3] т. е. половцев, кочевавших в степях, прилегавших к Нижнему Подунавью. Рассказывая о бегстве Асеня, а затем Петра летом 1186 г. к половцам за помощью под давлением превосходящих сил вторгшихся за Балканский хребет войск Исаака II Ангела, Хониат уточняет, что, переправившись через Дунай, вожди восставших «соединились со скифами из соседних с ними» земель (τοῖς ἐκ γειτόνων Σκύθαις προσέμιξαν).[4] Согласно наблюдениям В. П. Шушарина, «Кумания» венгерских документов начала XIII в., охватывая с севера, востока и юга «землю бродников» и соседствуя с Венгрией на востоке, простиралась на юге до прибрежных районов Нижнего Подунавья.[5]

---

[1] *М. Ф. Котляр.* Хто таки бродники..., с. 96; *Он же.* Русь на Дунаї, с. 20–22.

[2] Повесть временных лет, ч. 1. М.–Л., 1950, с. 21.

[3] *Nicetae Choniatae* Historia, ed. J. A. Dieten. Berolini et Novi Eboraci, 1975, p. 178.5–8.

[4] Ibidem, p. 372.55–373.59.

[5] *В. П. Шушарин.* Указ. соч., с. 40.

5-й довод. Я уже отмечал выше, что вопрос об этническом облике бродников остается открытым. Во всяком случае, ничто не доказывает, что это были именно тюрки, хотя наличие среди них и печенегов и узов, и половцев мне представляется вполне вероятным. В. П. Шушарин не сомневается в том, что термин «бродники» образован от славянского корня. Если этот исследователь прав, то можно было бы утверждать, что основную массу бродников составляли славяне, и, принимая во внимание регион, в пределах которого этот термин зафиксирован источниками, логично было бы допустить, что среди бродников было немало русских. Вряд ли можно сомневаться в славянском происхождении единственного известного нам по имени бродника — их воеводы Плоскыни,[1] изменившего в 1223 г. русским при уже упоминавшихся обстоятельствах (в битве при Калке).

Тот факт, что впоследствии (около середины XIII в.), расселившись в Венгерском королевстве, бродники сохранили это свое наименование и оно отразилось в названиях основанных ими поселений («Бродинук» и «Продник»), В. П. Шушарин считает важным аргументом в пользу вывода о термине «бродники» как об этнониме, т. е. самоназвании. Самоназванием же этот термин мог быть, разумеется, лишь у людей, среди которых преобладали славяне.[2]

Подобной идентификации противоречит, однако, на первый взгляд, одно обстоятельство: как отмечает В. П. Шушарин, венгерские грамоты 1222–1250 гг. говорят о бродниках как об язычниках, тогда как славяне (в том числе русские) были давно к этому времени православными. Восточный толк христианства русских или выходцев из южных славян не мог дать для составителей этих грамот повода для квалификации бродников в качестве язычников, так как приверженцы «византийского православия» в тех же (латинских) документах последовательно именуются не язычниками, а «схизматиками».[3]

Однако это противоречие не является, видимо, непреодолимым. Во-первых, в канцелярии королевства отлично знали, что жители русских княжеств, как и подданные других славянских г о с у д а р с т в (Болгарского и Сербского), были не язычниками, а «схизматиками», но могли не знать, что большинство бродников — также «схизматики» (православные) и выходцы из славян, ибо жили бродники вне славянских стран (напомним, что и берладники в глазах русских становились изгоями, поскольку были вне «Русской земли»).[4] Во-вторых, даже

---

[1] В данном случае я опираюсь на мнение советских лингвистов Е. В. Чешко и Е. И. Деминой, которых и пользуюсь случаем поблагодарить за консультацию.

[2] *В. П. Шушарин.* Указ. соч., с. 42.

[3] Там же, с. 41–42. В рукописном латинском кодексе XIII в., хранящемся в университетской библиотеке в Торино, в неопубликованном свидетельстве от 1243 г. содержится упоминание о народах в северных районах Болгарии и Кумании, вплоть до пределов Венгрии и Дакии, которые «поклоняются идолам». Этим известием я обязан В. Гюзелеву, которому и выражаю свою признательность.

[4] *В. Т. Пашуто.* Указ. соч., с. 195.

православные бродники могли не иметь официально организованной церкви, что могло дать повод для огульного причисления их к язычникам. В-третьих, наконец, среди бродников, как славян, так и неславян, могли быть и действительно язычники. Известно, что крещение на Руси в отдельных районах самого государства растянулось более чем на два столетия, а традиции язычества сохранялись веками. В специфических же условиях жизни бродников подобное явление могло проявиться еще более ярко. Паганизм половцев не мешал их союзу с восставшими болгарами-христианами. Вряд ли помешал бы тому же и паганизм бродников, будь они действительно в своей массе язычниками. Впрочем, этому противоречит все то же свидетельство летописи о Плоскыне: он приносил нарушенную им впоследствии клятву на кресте, т. е. воевода бродников был христианином.

Но оставим вопрос о бродниках в стороне. Наука не располагает достаточными данными, чтобы точно локализовать место их обитания, установить их этнический облик и выяснить происхождение этой категории поселенцев в Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европе. Связь «Вордона»и «бродники» остается действительно недоказанной. В этом мы согласны с Малингудисом, с одним, однако, отличием. Греческий ученый усматривает в бродниках только тюрок, а мы — по преимуществу славян, среди которых русские могли составлять большинство.

Недоказанность участия бродников в освобождении Болгарии от власти империи отнюдь не означает, однако, что гипотеза Ф. И. Успенского о причастности русских к этому событию утратила научную ценность. Свидетельство Никиты Хониата (а вместе с тем — и гипотезу Успенского) можно рассматривать и совершенно независимо от проблемы бродников. Это мы и постараемся показать, рассмотрев последний, шестой аргумент нашего греческого коллеги.

6-й довод. Утверждая, что «тавроскифы» у Никиты Хониата означают не русских, а половцев, Малингудис придерживается традиционной в византиноведении точки зрения, которую разделяли крупнейшие авторитеты, не подвергавшие, правда, вопрос о тавроскифах специальному рассмотрению. Я имею в виду А. Хайзенберга, который безоговорочно счел «тавроскифов» куманами, упомянутых автором-современником Никиты Хониата Николаем Месаритом,[1] и Д. Моравчика, который допустил в этом вопросе некоторые колебания: в своем капитальном труде венгерский ученый со ссылкой именно на Никиту Хониата резюмировал, что «тавроскифы» — «в архаизирующем смысле куманы», но тут же с отсылкой к «Истории» автора X в. Льва Диакона заметил, что этот термин «в основном означает в византийских источниках русских».[2]

Как же обстоит дело в действительности — и именно в сочинениях Никиты Хониата (а не Николая Месарита или кого-нибудь другого)? В «Истории» Никиты термин «тавроскифы» употреблен 6 раз, термин

[1] *A. Heisenberg.* Nikolaos Mesarites. Die Palastrevolution des Johannes Comnenos. Würzburg, 1907, p. 58.

[2] *Gy. Moravcsik.* Byzantinoturcica. Bd. II. Berlin, 1958, p. 303.

«рос» — 3 раза и термин «скифы» — около 80 раз. Что касается речей и писем этого автора, то в них термин «скифы» встречается более 20-и раз в неизменном значении «половцы» («куманы»), что специально и отмечено издателем;[1] термин «рос» не упомянут здесь ни разу, а термин «тавроскифы» назван единожды во фразе, приведенной на первой странице данного сообщения.

Обратимся прежде всего к «Истории» Никиты и прежде всего к употребляемому в ней термину «скифы». За исключением двух случаев, всюду под этим термином писатель имеет в виду печенегов и половцев, причем всякая возможность усматривать в «скифах» печенегов в «Истории» Никиты исключена, начиная с описания событий с середины 60-х годов XII в.[2] Решительно преобладает при этом у него наименование «скифами» именно половцев (лишь несколько раз писатель обозначает их также термином «команы»[3]).

Что касается двух вышеупомянутых исключений в употреблении в «Истории» Никиты термина «скифы», то один раз писатель добавляет к нему эпитет «гиперборейские». Этот-то случай и отмечен Малингудисом как обычный у писателя для обозначения русских. Здесь византийский автор имеет в виду действительно только русских: он пишет, что «Галиция (т. е. Галицкое княжество. — *Г. Л.*) является одной из топархий у русских, которых называют также скифами гиперборейскими».[4] Второй раз этот автор вкладывает необычный смысл в термин «скифы», говоря, что к ним под надзор Андроник I Комнин сослал своего политического противника Алексея Комнина, своего родственника.[5] По нашему мнению, и здесь «скифы» — вряд ли половцы, скорее всего и здесь имеется в виду дружественный Андронику галицкий двор родственного императору по матери Ярослава Осмомысла.

Теперь о термине «рос». Одно из трех упоминаний его я уже привел (о Галицком княжестве как одной из топархий русских). В этом же значении (Галицкое княжество) Никита приводит этот термин еще один раз.[6] И, наконец, последнее, наиболее важное для нас третье упоминание термина «рос». Рассказывая о крайне тяжелом положении империи, изнемогавшей в 1200–1201 гг. в борьбе с болгарами и половцами, и о помощи галицкого князя Романа, нанесшего в 1201 г. по просьбе императора Алексея III Ангела удар по союзным болгарам половцам, Никита замечает, что враги осадили бы и самый Константинополь, «если бы не христианнейший народ русский». «Впрочем, — продолжает тотчас наш автор далее, — в то время положение дел не было безмятежным и у этих тавроскифов», между ними шла братоубийственная борьба: Ро-

---

[1] *Nic. Chon.* Orat., p. 237.

[2] См. об этом; *М. В. Бибиков.* Византийские источники XII–первой половины XIII в. по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа. Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 1976 (рукопись), с. 84 сл.

[3] *Nic. Chon.* Hist., p. 428.63–66; 522.25; 523.35, 39; 635.21–21 (Admerk).

[4] Ibidem, p. 129.29–30.

[5] Ibidem, p. 296.73–76.

[6] Ibidem, p. 92.48–49.

ван Галицкий ополчился на князя Киева Рюрика и одолел его.[1] С четкостью, не допускающей никаких иных толкований, Никита Хониат ставит здесь знак равенства между «русскими» («рос») и «тавроскифами».

Наконец, о термине «тавроскифы». Помимо только что приведенного случая употребления этого термина в значении этникона «рос», Никита явно разумеет под «тавроскифами» русских еще два раза, обозначая как землю и топархию тавроскифов дружественную Андронику I Галицкую Русь: там Андроник в 1165 г. нашел убежище от преследования Мануила I Комнина, и туда же он пытался бежать снова после свержения с престола в сентябре 1185 г.[2]

4-й раз этот термин Никита упомянул в рассказе о том, что Андроник I приказал изобразить себя на фресках в храме «Сорока мучеников» в крестьянском одеянии, а также сцены охоты с собаками на зайца, оленя, пораженного дротиком вепря и «зубра, пронзенного копьем (зверь же этот, — поясняет при этом писатель, — плодящийся и размножающийся преимущественно у тавроскифов, превосходит размерами сказочного медведя и пятнистого леопарда)».[3] И здесь, несомненно, Хониат имеет в виду лесостепи Галицкого княжества, где Андроник, по свидетельству того же автора, охотился в компании самого Ярослава Осмомысла.[4]

Повествуя о жестокости, с какой Андроник I Комнин расправлялся со своими врагами, Никита замечает, что в этом император был подобен тавроскифам, «узаконившим убийство иноземцев, от которых и привез такие нравы многоскитальный старец».[5] Известно, что Андроник в своих скитаниях побывал также на Кавказе, но в приложении к народам этого региона Хониат никогда не употребляет этникон «тавроскифы». Напротив, византийские памятники, начиная с «Жития Георгия Амастридского»[6] и кончая «Историей» Никиты, идентифицируют именно русских с тавроскифами, приписывая им и обычай расправы с иноземцами.

Последний, шестой раз интересующий нас термин Никита употребил, сетуя по поводу междоусобий среди членов правящих династий: по мнению писателя, «обычай братоубийства» как заразная болезнь распространился из Константинополя на прочие страны, захватив «персов» (т. е. турок-сельджуков), «далматов» (т. е. сербов), «паннонов» (т. е. венгров) и «тавроскифов».[7] Безусловно, Никита имеет здесь в виду также русских, а именно междоусобия Романа и Рюрика, о которых он рассказал девятью страницами ранее.

---

[1] *Nic. Chon.* Hist., p. 522.25–523.49.

[2] Ibidem, p. 347.39–40; 348.62–65.

[3] Ibidem, p. 333.50–57. Согласно Большой Советской энциклопедии, зубр (см. *sub verbo*) не может жить без употребления древесного корма, т. е. не может обитать только в степных районах.

[4] Ibidem, p. 132.19–22.

[5] Ibidem, p. 312.1–4.

[6] *В. Г. Васильевский.* Труды, т. III. Пг., 1915, с. CXXXVIII сл., 64–65.

[7] *Nic. Chon.* Hist., p. 532.14–20.

Итак, 6 случаев употребления Никитой Хониатом термина «тавро-скифы» в его «Истории» — и во всех шести случаях писатель имел при этом в виду русских. Разумеется, в этом же точно значении употреблял единожды этим автором термин «тавроскифы» и в его речах, и та фразе, которую мы привели на первой странице. Таким образом, если уже считать Никиту Хониата неким и с к л ю ч е н и е м среди ви-зантийских писателей при использовании этникона «тавроскифы», то следует сделать вывод, что он последовательно и всюду имеет в виду под этим термином и с к л ю ч и т е л ь н о русских.

Иначе говоря, я считаю бесспорным, что осенью 1186 г., в крити-ческий момент развития восстания против византийского господства военную поддержку восставшим вместе с половцами оказали русские, и утверждение Ф. И. Успенского на этот счет, высказанное сто лет назад, не утратило, по моему мнению, своей силы.

Становление Второго Болгарского царства и его международное значение в XIII столетии

Осуществленный в статье академика Димитра Ангелова обстоятельный и глубокий анализ основных проблем, связанных с образованием Второго Болгарского царства, позволяет мне остановиться лишь на трех вопросах, которые периодически становились и становятся предметом оживленных научных дискуссий.

Это, во-первых, вопрос о масштабах антивизантийского движения и о социальной базе восстания на его первом этапе — до осени 1187 г.; во-вторых, вопрос о роли в борьбе с византийской армией иноэтничных элементов, сражавшихся вместе с болгарами, а именно — половцев, русских, влахов, и — наконец, в-третьих, вопрос о важнейших последствиях внешнеполитической активности Второго Болгарского царства в международной жизни на Балканах и в Европе в целом в XIII столетии.

Что касается первого вопроса, то его решение — при существующем состоянии источников — тесно связано, по моему мнению, с более четкой и точной интерпретацией свидетельств Никиты Хониата (современника событий) и Георгия Акрополита о чрезвычайном налоге, собранном по распоряжению императора Исаака II Ангела в конце 1185 г. для покрытия расходов на его свадьбу с Маргаритой Венгерской, и о районе первого открытого выступления болгар против византийского господства.

Моя интерпретация этих свидетельств с некоторыми дополнительными уточнениями, сравнительно с существующей в историографии, была отчасти уже высказана мною в апреле 1979 г. в Шумене на «Первой комплексной конференции по болгаристике».[1] Считаю необходимым вкратце повторить свои наблюдения и дополнить их некоторыми новыми.

---

[1] См.: *Г. Г. Литаврин*. Два этюда из истории восстания Петра и Асеня. — Etudes balkaniques, 1985, № 4.

Однако сначала — о сообщениях названных выше византийских авторов. Согласно Никите Хониату, Исаак II поскупился отпраздновать свадебный пир «на деньги (χρημάτων) казны» — он «безвозмездно собрал их (ταῦτα) с собственных областей (οἰκείων χώρων) и, по жадности своей обобрав также другие города, расположенные вокруг Анкирала (κατ' Ἀγχίαλον), поднял варваров на горе Гем, называвшихся раньше мисянами, а теперь влахами, на величайшую войну против себя и ромеев». «Варвары» восстали, полагаясь на труднопроходимую местность и «многочисленные и высокие крепости (φρουρίοις), лежащие на обрывистых скалах», и воспользовавшись как предлогом «угоном их скота и бедствиями, которым они подверглись».[1]

В данном сообщении существенное значение имеют, на мой взгляд, следующие факты: сбор чрезвычайного налога был осуществлен не только в провинциях, населенных болгарскими подданными империи, но и в областях, в которых проживали греки (примечательно, что Хониат противопоставляет эти греческие районы как οἰκεῖαι — «свои», «собственные» болгарским); налог коснулся не только сельского, но и городского населения, как в собственно греческих, так и в болгарских областях (именно отмеченное выше противопоставление дает мне основания переводить предлог κατά (κατ' Ἀγχίαλον) как «вокруг», а не «около», «возле»), т. е. был взыскан также с жителей болгарских городов; именно этот денежный налог, согласно логике известия византийского автора, поднял на войну против империи «варваров на горе Гем»; восставая, болгары уже обладали «многочисленными крепостями», что и придало им смелость, как и расчет на трудности преодоления для имперской армии Балканского хребта; налог был взыскан также и скотом (хотя немало животных содержало в то время и городское население, возможно все-таки предположение, что денежный побор был взыскан преимущественно с горожан, а реквизиция скота была осуществлена в основном у сельских жителей);[2] чрезвычайный налог являлся лишь непосредственным поводом (πρόφασιν) к восстанию — следовательно, забалканские болгарские районы были охвачены брожением еще до объявления о дополнительном поборе. Подтверждение этому сообщению Никиты Хониата следует усматривать в той крайне тяжелой ситуации, в которой Византийская империя оказалась к осени 1185 г.: в 1180 г. сербы сбросили зависимость от империи, а вскоре Стефан Неманя занял Южную Далмацию; еще в 1181 г. венгерский король Бела III захватил у империи Хорватию, Северную Далмацию и область Срема, а в 1183 г. в союзе с сербами взял и подверг разгрому города Белград, Браничево, Ниш и Средец; в 1185 г.

[1] *Nicetae Choniatae* Historia. Ed. J. Al. van Dieten. Berolini et Novi Eboraci, 1975, p. 47–57, 368.

[2] Не исключено, что часть скота была реквизирована в конце 1185 г. и у жителей болгарских городов: Идриси, завершивший свои путевые заметки в 1153 г., неоднократно отмечал, что у обитателей балканских городов много не только продуктов земледелия, но и скота (*Б. Недков.* България и съседните ѝ земи през XII век според Идриси. С., 1960, с. 71, 83, 85 и др.).

от империи отложился Кипр; 24 июля этого года сицилийские норманны овладели Диррахием, а ровно через месяц — Фессалоникой, и двигались к столице...

Серьезное значение я склонен придавать также тому обстоятельству, что чрезвычайный налог был объявлен и стал немедленно взыскиваться едва через месяц после того, как население империи (в том числе и болгарских территорий) полностью выплатило в казну регулярные налоги: месяцем их сбора был сентябрь, а приготовления к свадьбе императора начались скорее всего во второй половине октября–ноябре. Исаак II спешил упрочить родственными узами мир с венграми, заключенный им после первой победы над норманнами в октябре 1185 г., так как Бела III должен был в качестве приданого за своей дочерью Маргаритой (Марией) вернуть империи названные выше захваченные им города. Кроме того, со сбором дополнительного налога приходилось торопиться еще и потому, что перегон скота (в том числе свиней) из болгарских забалканских районов требовал времени и был легче осуществим по климатическим условиям в октябре–декабре, чем в январе.[1] Ко времени свадьбы Исаака II с Маргаритой, которую убедительно датируют концом 1185 или самым началом 1186 г.,[2] реквизированный у болгар скот был уже пригнан в Константинополь — животные предназначались для свадебного пира жителей столицы, у которых не чувствовавший еще себя прочно на троне новый император искал популярности.

Сообщение Георгия Акрополита обнаруживает некоторую зависимость от текста «Истории» Никиты Хониата, но содержит дополнительные данные, почерпнутые, видимо, автором из иных источников. Акрополит подчеркивает одно важнейшее отличие в размерах экстраординарного налога Исаака II со своих греческих и с болгарских подданных. Для свадьбы императора, пишет этот историк, «со всей епархии

---

[1] Трудно сказать, возможен ли был перегон свиней в условиях поздней осени–начала зимы из отдельных районов Болгарии. Не переправляли ли их морем, на грузовых судах? Согласно «Книге Эпарха», стада свиней гнали на рынки Константинополя из сельских местностей (Византийская книга Эпарха. Вступит. статья, перевод, комментарий М. Я. Сюзюмова. М., 1962, с. 87, гл. XVI, §§ 2, 3), но неизвестно, сколь далеко эти местности могли отстоять от столицы.

[2] О хронологии событий здесь и далее мы ориентируемся на работы: *J. A. Dieten*. Niketas Choniates. Erläuterungen zu den Reden und Briefen nebst einer Biographie. Berlin–New-York, 1971, S. 66–79; *Ph. Malingoudis*. Die Nachrichten des Niketas Choniates über die Entstehung des Zweiten bulgarischen Staates. — Byzantina, X, 1978, S. 113–122; *G. Cankova-Petkova*. La libération de la Bulgarie de la domination byzantine. — Byzantinobulgarica, V. S., 1978, p. 106–116. Еще В. Златарски указывал на то, что договор с Белой III о мире и династическом браке не мог быть реализован до 14.XI.1185 г., так как император не мог к этому времени вернуться в столицу (решительная битва с норманнами произошла 7.XI при с. Димитрице), а с 14.XI вплоть до января длились колядные посты, исключавшие возможность свадебных торжеств (см.: *В. Златарски*. История на българската държава през средните векове, т. II. С., 1972, с. 433–435).

ромеев сгонялись овцы, свиньи и быки. Поскольку же больше прочих вскармливает их епархия болгар, от нее больше и потребовали»[1].

Помимо указания на более высокую норму реквизации скота у болгар, в этом свидетельстве следует отметить также упоминание о таких отнюдь не привычных к горам животных, как свиньи. Хотя из приведенной фразы Акрополита не ясно, входит ли, по мысли автора, «епархия болгар» во «всю епархию ромеев», все-таки и он противопоставляет, как и Никита Хониат, населенные греками области империи районам с болгарским населением.

И еще, наконец, одна важная деталь. Сколь ни тревожной была обстановка в первой половине 80-х годов XII в. в забалканских болгарских районах Византии, ежегодные налоги с населения, как регулярные, так и экстраординарные, вплоть до конца 1185 г. взыскивались неукоснительно. Оба автора подчеркивают это обстоятельство, в особенности Акрополит, который прямо пишет, что болгары со времен Василия II «вплоть до императора Исаака» платили подати ромеям.[2] Интересна, однако, нота осуждения Исаака II со стороны обоих авторов за неосторожную фискальную политику императора по отношению к его болгарским подданным: по мысли и Хониата, и Акрополита, именно этот просчет Исаака II привел к восстанию Петра и Асеня и потере империей Болгарии.

Итак, все сказанное выше дает основания, как мне представляется, для заключения, что экстраординарный налог деньгами и животными был взыскан осенью–в начале зимы 1185 г. со всего населения забалканских болгарских районов, и с сельского, и с городского, причем по нормам — во всяком случае в натуральной части сбора (скотом)[3] — превышающим нормы взыскания налога с населенных греками областей. Из этой констатации следует, что фискальная мера Исаака II коснулась широких масс населения болгарских провинций империи, отнюдь не только жителей гор, но и равнинных районов. Возмущение дополнительным побором охватило, следовательно, жителей всей забалканской Болгарии, и поэтому уже к концу 1185 г. руководителям назревавшего восстания была обеспечена широкая социальная база, чем они и не замедлили воспользоваться.

Этому заключению противоречит как будто широко используемое, но, на мой взгляд, часто неверно интерпретируемое указание Никиты Хониата, что своим чрезвычайным побором Исаак II Ангел побудил к восстанию «варваров на горе Гем». Однако уже Ив. Дуйчев более 30-и лет назад убедительно показал, что термин «Гем» (или «Зиг») у византийских авторов XII–XIII вв. сплошь и рядом означает не толь-

---

[1] *Georgii Acropolitae* Opera, ed. A. Heisenberg, I. Lipsiae, 1903, p. 18 (6–10).

[2] Ibidem, p. 18 (10–12).

[3] Никита Хониат специально, как кажется, подчеркивает ниже, что в первом же набеге на Фракию Асень угнал не только много пленных, но и множество быков, вьючного скота и прочих животных (*Nic. Chon.* Hist., p. 372 (47–49)).

на самую горную цепь (Балканский хребет — Стара Планину), но и территорию между нею и Дунаем, т. е. забалканскую Болгарию (Загору).[1]

Я также имел уже возможность останавливаться на этом вопросе, приведя в подтверждение точки зрения Ив. Дуйчева — данные прежде всего из трудов именно Никиты Хониата, а затем и других авторов конца XII–XIII в., не оставляющих сомнений в том, что понятия «Гем» и «Зиг» означали в то время и горную гряду и олицетворяли одновременно и всю забалканскую Болгарию. Сошлюсь здесь лишь на два примера. Никита Хониат пишет, что Тырнов является «наиболее укрепленным и вместе с тем превосходнейшим изо всех городов на Геме».[2] Но, как известно, и Тырнов, и другие города Загоры расположены не на Балканском хребте, а у его северных склонов и на территории между Стара Планиной и Дунаем. Отправляясь в 4-й поход против болгар в 1190 г. и опасаясь засад в проходах через Балканский хребет, Исаак II, сообщает далее тот же автор, прошел по побережью Черного моря, оставив горы слева и «обходом вступив в Гем».[3] Иначе говоря, император, обойдя справа гору Гем, вторгся на территорию Гема — Загоры.

В первом из приведенных примеров речь идет о Тырнове, будущей столице Второго Болгарского царства. О месте Тырнова в событиях, особенно на первом этапе борьбы за утверждение независимого Болгарского государства в 1185–1187 гг., в историографии спорили немало. Мне представляется, что уже то, что сказано выше, служит в большей мере в подтверждение мнения о ведущей роли Тырнова среди других болгарских городов в событиях с самого начала восстания, чем в обоснование точки зрения, отказывающей Тырнову в этой роли на первом этапе войны болгар за восстановление своей государственности.

В самом деле, как уже говорилось, согласно свидетельствам Никиты Хониата, в руках, безусловно, видных болгар находились еще до восстания возведенные на крутых скалах высокие крепости, которыми знатные болгары владели не как византийские военачальники, а как частные лица. Ничто не оправдывает позицию, согласно которой из числа этих крепостей (наиболее укрепленных и сильных, что соответствует и одному из приведенных известий Никиты, и археологическим данным)[4] нужно исключить именно Тырнов. Асень и Петр, вернувшись домой после нелюбезного приема их императором в Кипселлах в ноябре 1185 г., настойчиво утверждали в народе легенду о том, что св. Димитрий Солунский перешел на сторону болгар, покинув Фессалонику и отказавшись от обычного покровительства этому византийскому городу (поэтому-то он и был взят норманнами),

[1] *Ив. Дуйчев*. По въпроса за името «Веригава». В кн.: *Ив. Дуйчев*. Проучвания върху българското средновековие. С., 1945, с. 158.

[2] *Nic. Chon*. Hist., p. 470 (75–78).

[3] Ibidem, p. 428 (63–65).

[4] См.: *Д. Овчаров, Т. Тотев, А. Попов*. Стари български столици Плиска, Велики Преслав, Търновград. С., 1980.

и находится теперь, олицетворяемый иконой этого святого, в Болгарии; и сподвижники братьев, болгарские священнослужители, страстно пропагандировали эту идею в церкви, где эта икона находилась; в этой церкви состоялось собрание сторонников немедленного восстания, созванное Петром и Асенем; в Тырнове, как известно, находится и одна из его древнейших церквей, посвященных св. Димитрию; Преслав, где еще находились власти забалканской провинции империи и византийский гарнизон, не мог быть в это время и позднее, когда восставшие весной 1186 г. уже начали набеги на Северную Фракию, местом пребывания и пропагандистской деятельности руководителей движения и собрания их сторонников. Еще меньше подходили для этой роли причерноморские города, где власть империи держалась особенно долго (напомню, что Варна была взята только Калояном в 1201 г.). Тырнов к 1185 г. существовал не только как крепость, но и как город — следовательно, и его население было подвергнуто по крайней мере денежному экстраординарному побору и разделяло царившее в Загоре всеобщее возмущение по этому поводу... Одним словом, мне представляется наиболее естественным и оправданным заключение, что именно Тырнов с самого начала — и в ходе подготовки восстания и в дальнейшем — являлся главным политическим и военным центром повстанцев, может быть, как родовое владение Петра и Асеня.

Этой точке зрения в целом могут быть противопоставлены (и противопоставлялись в литературе) лишь два аргумента. Это, во-первых, истолкование термина Гем лишь как Балканский хребет. Однако, как было показано выше, аргумент этот несостоятелен: Тырнов также находился на Геме, был лучшим «изо всех городов на Геме». Во-вторых, могли ли Петр и Асень владеть такой первоклассной крепостью, какой являлся Тырнов, если они, как явствует из описания Никитой Хониатом встречи братьев с Исааком II в Кипселлах, даже не были зачислены в византийское войско? И этот аргумент, на мой взгляд, не может быть признан убедительным, поскольку известно, что во 2-й половине XII в. немало феодалов империи, как греков, так и негреков, владели крепостями и укрепленными усадьбами в своих поместьях.[1] Отказ Исаака II предоставить братьям в качестве пронии «малодоходную деревню» и зачислить их в привилегированное воинское сословие[2] и послужил для Петра и Асеня крупным пропагандистским козырем, позволив продемонстрировать большинству представителей болгарской знати пренебрежение к ее интересам со стороны императора и склонить ее к участию в восстании. В связи с этим можно было бы сказать, что восстание ускорили два поочередно сделанных опрометчивых акта Исаака II: чрезвычайный налог всколыхнул широкие массы болгарского населения, а нанесенное Петру и Асеню оскорбление в Кипселлах вызвало гнев болгарской знати.

---

[1] См.: *Г. Г. Литаврин.* Был ли Кекавмен, автор «Стратегикона», феодалом? — В кн.: Византийские очерки. М., 1961, с. 227–238.

[2] *Nic. Chon.* Hist., p. 369 (58–69).

Заключая разговор по первому вопросу, подчеркну еще раз: события конца 1185–начала 1186 г. позволяют отвергнуть мысль о каком бы то ни было «заговоре» ограниченного круга лиц во главе с Петром и Асенем и о том, что восстание началось с выступления незначительного по численности отряда горцев Балканского хребта; напротив, к концу 1185 г. все население забалканской Болгарии было охвачено брожением, антивизантийские настроения захватили и сельских жителей, и горожан, и вожди назревавшего восстания принимали экстренные и энергичные меры к тому, чтобы придать движению (насколько возможно) более четкие организационные рамки и утвердить свою руководящую роль как залог своей будущей власти в качестве государей независимой Болгарии.

Переходя ко второму вопросу — о месте иноэтнических элементов в освобождении Болгарии и образовании Второго Болгарского царства, считаю возможным заметить, что мое мнение в этом отношении осталось в целом неизменным со времени опубликования мною в 1960 г. книги «Болгария и Византия в XI–XII вв.».[1] Основную роль в восстании, в последующей борьбе с византийской армией и в утверждении независимого государства между Балканским хребтом и Дунаем сыграли болгары (и государство, созданное ими, было с самого начала Болгарским государством), хотя они воспользовались при этом, особенно на первом этапе (в 1186–1190 гг.), в разной мере оказанными им помощью и поддержкой со стороны иноэтнических групп и контингентов, как проживавших на освобожденной от власти империи территории, так и приходивших в качестве союзников Асеня из районов, лежавших к северу от Дуная.[2]

В военном отношении наиболее значительной с осени 1186 г. была, несомненно, помощь половцев (куманов), приходивших в качестве союзников Асеня прежде всего с левобережья Дуная, куда к осеннему сезону передвигались их кочевья из Приднепровья и Северного Причерноморья. Однако я считаю ошибочной теорию, согласно которой вся заслуга побед над византийской армией должна быть приписана прежде всего половцам. Несколько лет назад мне приходилось специально останавливаться на этом вопросе.[3] Поэтому изложу свою аргументацию предельно кратко.

Победу Асеня осенью 1186 г. над византийцами Никита Хониат объясняет не только тем, что вождь восставших болгар привел из-за Дуная союзное конное войско половцев, но и упорством в борьбе «болгар

[1] *Г. Г. Литаврин.* Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960, с. 427 сл.

[2] См. подробно об этом: *Г. Г. Литаврин.* Новое исследование о восстании в Паристрионе и образовании Второго Болгарского царства. — Визант. временник, т. 41, 1980, с. 100–107. Об этнической ситуации в левобережье и правобережье нижнего Дуная ср.: *В. Тъпкова-Заимова.* Долни Дунав — гранична зона на византийския запад. С., 1976, с. 116–143; *В. Бибиков.* Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII–XIII вв.). — В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. М., 1981, с. 112–133; *P. Diaconu.* Les Coumans au Bas-Danube aux XIe et XIIe siècles. Bucureşti, 1978, p. 114 sq.

[3] См.: *Г. Г. Литаврин.* Новое исследование..., с. 100 сл.

и влахов» и полководческим талантом Асеня; в 1188 г., во время третьего похода император не добился решительной победы и не взял после трехмесячной осады крепость Ловеч; в 1190 г. столь же безуспешным оказался и 4-й поход Исаака II, долго и безуспешно осаждавшего Тырнов, хотя и на этот раз половцы не помогали Асеню. О массовом участии болгар в восстании Никита Хониат говорит уже применительно к весне 1186 г.[1] Неудача восставших летом 1186 г. в столкновении с армией императора объяснялась не тем, что повстанцев было еще мало, а тем, что они были еще недостаточно организованы и слабо вооружены и были принуждены вести с врагом нередко лишь партизанскую борьбу, значение которой также нельзя недооценивать.[2] Об упорном сопротивлении болгар византийским войскам Хониат пишет и при рассказе об атаках Исаака II на горные перевалы летом 1186 г., и при упоминании об осаде Ловеча, и при изложении обстоятельств похода императора в 1190 г., когда «болгары и влахи» укрепили города и крепости, отразили нападение на Тырнов, а затем в проходах Гема наголову — и без участия половцев — разгромили византийское войско.[3] Половцы, в конце концов, с апреля–мая вплоть до октября ежегодно уходили в степи, лежавшие далеко к северо-востоку от нижнего Дуная. Об этом византийцам было не менее хорошо известно, чем болгарам. Если бы действительно все зависело от их военной поддержки, то летние кампании императора против болгар должны были бы обеспечить надежный успех и возвращение Болгарии под скипетр императора. Этого, однако, не произошло...

Что касается участия в восстании Петра и Асеня влахов, то и по этому вопросу моя позиция осталась прежней,[4] несмотря на значительную новейшую литературу, которая появилась в ходе последних 25 лет и в которой многократно и нередко остро обсуждалась эта проблема. В трудах Никиты Хониата и других современных авторов термин «влахи» сплошь и рядом обозначает болгар или болгар и влахов вместе. Но в тех случаях, когда оба эти этнонима («болгары» и «влахи») употребляются рядом, они обозначают представителей обоих этих народов. Ничто не оправдывает предположение, что уже в это время понятие «влахи» означало «пастухи» (независимо от их этнического происхождения), занятые сезонными перегонами и пастьбой скота.[5] Влахи — романизированные жители Балканского полуострова, по совершенно отчетливым свидетельствам самых разнообразных источников, проживали в XII в. и в юго-западных болгарских землях, и в Фессалии, и в области Македония, и в Эпире. Как бы ни толковать сообщение Никиты Хониата о влахах, которые схватили пытавшегося бежать в Галицкую Русь в 1164 г. Андроника Комнина,[6] из этого известия с не-

---

[1] *Nic. Chon.* Hist., p. 371 (15–36).

[2] *Г. Г. Литаврин.* Новое исследование..., с. 106.

[3] *Nic. Chon.* Hist., p. 372(50–55), 399(43–46), 428(65)–432(68).

[4] *Г. Г. Литаврин.* Болгария и Византия..., с. 431–437.

[5] *Г. Г. Литаврин.* Влахи византийских источников X–XIII вв. — В кн.: Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972, с. 92–96 сл.

[6] *Nic. Chon.* Hist., p. 131(83–87).

...ненностью следует, что они проживали и в нижнем Подунавье. Анна Комнина, рассказывая о событиях середины 90-х годов XI в., сообщает, что в лагерь к императору Алексею I у Анхиала пришел некий Будило «из знатных влахов» с известием, что Лжедиоген со своими спутниками-половцами переправился через Дунай; вскоре, сообщает та же писательница, куманы, узнав от влахов горные тропы, перешли через Балканский хребет.[1] Ясно, что эти влахи были здесь старожилами. Да и Никита Хониат, рассказывая о совещании у Петра и Асеня накануне восстания, пишет о представителях «того и другого народа», о народе болгар и влахов».[2] Мы не видим оснований, из которых следует исключать (в отличие ото всех иных европейских провинций империи) наличие влашского этнического элемента именно на территории между Гемом и Дунаем. Иное дело — вопрос о его месте, значении в событиях 1185–1190 гг. По моему глубокому убеждению, роль влахов в восстании сравнительно с ролью болгар была вспомогательной, соответственно тому, как и в численном отношении они значительно уступали болгарам; нет также никаких данных и о том, что влахи, неоднократно и ранее участвовавшие в восстаниях вместе с болгарами, ставили перед собой в ходе событий 80-х годов XII в. какие-либо особые политические цели.

Наконец, об особом отряде иноплеменников, участвовавшем, видимо, в 1186–1187 гг. вместе с половцами в боях на стороне восставших. Сообщение об этом союзном отряде Асеня содержится, как известно, в торжественной хвалебной речи Никиты Хониата, произнесенной им в 1190 г. перед императором Исааком II Ангелом. Ритор упоминает этих иноплеменников вместе с половцами («скифами») как союзников болгар, указывая при этом, что иноплеменники — «те, из Вордоны, презирающие смерть, ветвь тавроскифов, народ, также (имеется в виду, как и половцы. — *Г. Л.*) поклоняющийся Арею».[3]

Уже Ф. И. Успенский, ознакомившийся с речью Никиты Хониата еще в рукописи, пришел к заключению, что в данном случае имеется в виду отряд русской вольницы, известной в Северном Причерноморье во 2-й половине XII и 1-й четверти XIII в. под наименованием «бродники».[4] Поскольку недавно в литературе это истолкование было отвергнуто, я заново обратился к источникам с целью проверки гипотезы Ф. И. Успенского.[5] Проверка показала, что под «тавроскифами» (о них Хониат говорит 6 раз в своей «Истории»)[6] он всюду, неизменно,

---

[1] *Anne Comnène*. Alexiad. T. II. Texte établi et traduit par B. Lieb. Paris, 1967, pp. 193 (20–22), 194 (22–24).

[2] *Nic. Chon.* Hist., p. 371(20, 23–24).

[3] *Nicetae Choniatae* Orationes et epistulae, rec. J. A. Dieten. Berolini et Novi Eboraci, 1972, c. 18–22.

[4] *Ф. И. Успенский*. Образование Второго Болгарского царства. Одесса, 1879. Приложение № 3, с. 35–38. Ср.: *Ph. Malingoudis*. Nachrichten..., S. 135–137.

[5] См.: *Г. Г. Литаврин*. Два этюда... . Здесь и литература вопроса. Ср.: *G. Cankova-Petkova*. La libération..., p. 101; *P. Diaconu*. Les Coumans..., p. 115, n. 556.

[6] *Nic. Chon.* Hist., p. 312 (1–4), 333 (50–57), 347 (39–40), 348 (62–65), 522 (25)–523 (49), 532 (14–20).

в не оставляющих и тени сомнения выражениях имеет в виду только русских. О них же речь идет у этого автора и в его торжественной речи, обращенной к Исааку II. Я готов согласиться с тем, что вопрос о «бродниках», наименование которых, безусловно, происходит от славянского «Брод» или «Бродная», еще не прояснен окончательно. В частности, остаются неизвестными точное место их обитания, время оформления этой группировки воинственных поселенцев в Причерноморье, форма их общественной организации, вероисповедание и т. п. Ясно, однако, что по представлениям хорошо осведомленного византийского современника (Никиты Хониата) большинство бродников составляли русские и что их отряд, пришедший на помощь Петру и Асеню в 1186 г. и упомянутый вместе с союзным болгарам половецким войском, являлся заметной силой. Ясно также, что бродники-русские оставались на театре военных действий против византийцев и в 1187 г., так как именно летом этого года Исаак II добился некоторых успехов у южных предгорий Стара Планины в действиях против болгар и их союзников (на эти успехи и намекает в своей речи Никита Хониат).

В данной связи уместно напомнить, что свергнутый с престола в сентябре 1185 г. Андроник I Комнин покинул дворец и был схвачен на суднe при попытке бегства в Галицкую Русь в поисках спасения и помощи.[1] Галицкий князь Ярослав Осмомысл был родственником императора по его матери. Еще в 1164 г., бежав из тюрьмы, Андроник побывал в Галиче. Его свержение с престола не могло не быть воспринято Ярославом как незаконная смена династии (вместо Комнинов Ангелы). Не исключено, что Осмомысл (а он умер в 1187 г.) мог занять, как и Асень и половцы, и бродники, также враждебную позицию к Исааку II и содействовать в оказании помощи восставшим болгарам.

Итак, оценивая в целом роль иноэтничных элементов в восстании Петра и Асеня и в образовании Второго Болгарского царства, было бы опрометчивым совершенно сбрасывать со счета значение этого фактора, в особенности — на первом этапе развития событий, с весны 1186 до осени 1187 г. Вместе с тем, для меня несомненно, что и на этом этапе, а тем более в последующем, главную роль в освобождении Болгарии от византийского господства и в создании Второго Болгарского царства сыграло основное население, жившее на территории между Балканским хребтом и Дунаем, — восставший болгарский народ, нашедший в лице Асеня талантливого организатора и полководца. Вся последующая история Болгарии не оставляет, на мой взгляд, на этот счет никаких сомнений.

Переходя к третьему из поставленных в начале доклада вопросов — к проблеме международного значения Второго Болгарского царства в XIII в., оговорюсь, что коснусь в этой связи лишь некоторых узловых событий этого периода. Специальная комплексная разработка этой обширной темы может составить предмет особого исследования.

---

[1] *Nic. Chon.* Hist., p. 347 (56)–348 (72).

Появление на Балканах нового Болгарского государства, возрождавшего в своей внутренней и внешней политике традиции Первого Болгарского царства и стремившегося к возможно более полному воссоединению под своей властью некогда принадлежавших ему болгарских земель, привело к серьезному изменению в соотношении сил на полуострове. Перемены имели многоплановый характер и отразились на всей системе международных отношений в регионе, включая Среднее и Нижнее Подунавье и степи Причерноморья.

Наиболее важным мне представляется тот факт, что образование Второго Болгарского царства существенно ослабило позиции Византийской империи на Балканах: оно, во-первых, лишило ее значительных материальных и людских ресурсов в период одного из наиболее тяжелых переживаемых ею кризисов; о размерах этих ресурсов, потерянных империей, можно судить хотя бы уже по тому, что они оказались достаточными для ведения Асенем уже в первой половине 90-х годов XII в. широких военных операций во Фракии и в Македонии; во-вторых, оформление Второго Болгарского царства делало малоперспективными надежды империи на восстановление своих позиций на сербских землях, где росла и упрочивалась держава Неманичей.

Крестоносцы Четвертого похода, несомненно, воспользовались резким ослаблением сил империи во Фракии в результате ее неудач в войнах с Болгарией, но и судьбы само́й основанной крестоносцами Латинской империи (исключая, может быть, их княжества в Греции, на Пелопоннесе и на островах) оказались, на мой взгляд, в решающей степени зависимыми от столкновения латинян с болгарами. Именно в битве Калояна 14 апреля 1205 г. под Адрианополем Латинская империя получила смертельный удар в самый период ее становления: был разгромлен и подвергся избиению цвет крестоносного войска, и латиняне лишились двух своих вождей (императора Балдуина и дожа Венеции Дандоло). Одним из наиболее существенных последствий этого события, как известно, была приостановка наступления крестоносцев на формировавшееся Никейское царство: Феодор Ласкарис воспользовался передышкой для организации воинских сил и упрочения своей власти в регионе. Не лишено значения, что и третий вождь крестоносцев — Бонифаций Монферратский, глава Фессалоникского государства крестоносцев, погиб осенью 1207 г. в битве с болгарами, а последовавшие затем междоусобия западных баронов в Фессалонике привели к резкому ослаблению этого опорного пункта латинского владычества на Балканах.

Столь же существенной оказалась роль Второго Болгарского царства и в судьбах Фессалоникской империи, образовавшейся в 1224 г. после изгнания из города латинян правителем Эпирского царства Феодором Ангелом. Разгром войск этого правителя, принявшего титул императора, Иваном Асенем II весной 1230 г. при Клокотнице, отбросил это греческое государство в число второразрядных (в 1246 г. оно перестало существовать, захваченное императором Никеи). Именно в этот период, совпадавший со временем правления Ивана Асеня II (1218–1241 гг.), Болгария играла ведущую роль в международных

отношениях на Балканах. Ее успехи были остановлены ударом татар в 1241–1242 гг., непосредственной соседкой и данницей которых она стала, и внутренними междоусобиями, вспыхнувшими после смерти Ивана Асеня II.

В связи с этим следует отметить, что хотя татаро-монголы изредка прорывались во второй половине XIII в. через болгарские территории на другие земли полуострова, все-таки в этом столетии (вплоть до 1300 г.) основным объектом их опустошительных набегов была Болгария, население которой вело с ними упорную, часто неравную борьбу. Болгария, таким образом, в течение полувека являлась объективно заслоном от татаро-монгольского нашествия для других государств Балканского полуострова.

Болгарское государство лежало на перекрестье путей, связывавших балканские земли со странами Восточной и Центральной Европы, оно контролировало низовья Дуная, важнейшего узла коммуникаций и международной торговли в течение всего средневековья. Неудивительно поэтому, что к обладанию этими землями упорно стремилось любое балканское государство, которое временно приобретало доминирующее значение на полуострове. В случае успеха этой политики ее характерной деталью было то, что иноземные завоеватели болгарских территорий (византийцы и османы), утверждая здесь свое господство, с самого начала, в отличие от других регионов, вводили систему непосредственного подчинения завоеванного населения своей власти. Так было в эпоху византийского господства, так было и во время османского ига. Значение Второго Болгарского царства, помимо прочего, состоит также, по моему мнению, в том, что оно упрочило и развило сложившиеся еще в эпоху Первого царства этнополитические и общественно-культурные традиции болгарского народа, которые обеспечили ему жизнестойкость и сохранение как особой этнокультурной общности в течение полутысячелетия владычества османов.

Темпы и специфика социально-экономического развития средневековой Болгарии в сравнении с Византией (конец VII–конец XII в.)[1]

Указанная в заглавии проблема может быть решена в значительной степени лишь как гипотеза. Круг письменных источников, необходимых для исследования, крайне ограничен, и нет никаких надежд, что он когда-нибудь существенно расширится. Только археологические материалы обнаруживают тенденцию к быстрому увеличению благодаря усилиям болгарских ученых. Однако данные археологии, обладая некоторыми преимуществами перед письменными известиями, имеют и ряд немаловажных недостатков: датировка этих «немых свидетелей», как правило, проблематична, а их «родина» иногда неизвестна. Кроме того, археологи, которые ежегодно накапливают массу памятников материальной культуры прошлого, не успевают их обработать и сделать пригодными для достаточно квалифицированного использования историками.

Мы не можем, однако, на этом основании отказаться вообще от уяснения указанной проблемы. Труды византинистов-марксистов последнего десятилетия, посвященные раскрытию общего и специфического в историческом развитии Византии в сравнении со странами Западной Европы и Ближнего Востока, свидетельствуют о плодотворности научных поисков в этом направлении. Подобная постановка вопроса не совсем нова и в болгаристике. В сущности она выдвигалась с самого начала развития болгарской историографии при оценке трех важнейших фактов в истории Болгарии VI–VII вв. 1. Заселение славянами византийских земель, ставших колыбелью болгарской государственности; 2. Бесспорная связь

[1] Русский текст публикуется впервые: статья была издана на болгарском (Исторически преглед, 1970, № 6, с. 23–40).

между образованием болгарского государства и вторжением в Мисию тюркского племени протоболгар; 3. Многовековое и многостороннее влияние на Болгарию бывшей собственницы этих земель и ее ближайшей соседки — Византии, сумевшей в начале XI в. восстановить здесь свое господство более чем на полтора столетия.

В бесконечную разноголосицу мнений в оценке этих явлений только марксистская болгаристика сумела внести определенную ясность, четко выделив основные факторы, определившие закономерный ход исторического процесса. Она показала решающее значение масс славянского населения на развитие страны, признала существенную роль влияния Византии на все стороны общественной и культурной жизни средневековой Болгарии, справедливо отбросив в то же время квалификацию этого воздействия в качестве главного фактора развития болгарского государства.

Вполне естественно при этом, что болгарская марксистская медиевистика, достигшая в последнюю четверть столетия таких успехов в изучении прошлого своей родины, которые вообще не могут быть сопоставлены с результатами исследований ученых страны в довоенный период, сосредоточила усилия на определении основных закономерностей развития страны в феодальную эпоху.

Мы рассмотрим проблему в ином аспекте, поставив на первый план задачу определения особенностей форм и темпов исторического развития Болгарии с VII до конца XII в. в сравнении с историей Византии в тот же период. По нашему глубокому убеждению, безусловно главную роль в решении этой проблемы сыграют исследования самих болгарских историков-марксистов. Ее решение — их научный и патриотический долг. Кроме того, именно они располагают всеми доступными ученому миру материалами по истории своей страны. Они имеют возможность непосредственно исследовать вещественные памятники прошлого, открытые на территории Болгарии, которые только частично попадают в музеи и получают научное описание. Основная их часть остается или на земле, или в запасниках, практически недоступных для большинства иностранных ученых. Мы также основываемся здесь прежде всего на работах болгарских медиевистов, весьма скромно оценивая свою задачу — мы только поставим проблему и выскажем в связи с нею ряд гипотез.

Метод сравнительного изучения судеб народов для уяснения как решающих, так и второстепенных особенностей их эволюции, может быть плодотворным только при опоре на определенные критерии сравнения. Мы изберем четыре из них, считая, что они наиболее существенны для наших целей: 1. Степень развития производительных сил, в понятие которых включается не только степень усовершенствования самих орудий труда, но и навыки в их использовании, а также соотношение экстенсивных и интенсивных отраслей трудовой деятельности населения; 2. Степень развития производственных отношений, или степень зрелости форм собственности на основное условие производства (землю); 3. Политические формы организации внеэкономического принуждения для изъятия прибавочного продукта, как

централизованные (через аппарат государства), так и частные; степень развитости этих форм и их главная функциональная роль на разных этапах; 4. Характер социальной и классовой борьбы как главный показатель зрелости процессов общественного развития и их движущая сила.

Прежде чем приступить к главной теме работы, сделаем еще две необходимые, на мой взгляд, оговорки.

1. Осуществляя сравнение, мы должны иметь в виду относительность наших выводов для различных районов и областей двух сопоставляемых стран. Как Болгария, так — в еще большей мере — Византия в указанную историческую эпоху не представляли каждая некое органичное целое, все части которого находились на одинаковом уровне социально-экономического развития. В многоплеменной, распростершейся на значительные пространства Восточного Средиземноморья империи, земли которой лежали в разных географических, климатических и этнических зонах, различия между ее провинциями были порой не меньшими, чем между Византией и Болгарией (например, горный Эпир и равнины Фракии, Лаконская долина и Армения, Фессалия и Каппадокия и т. п.). В этом смысле Болгария была относительно единой, но и здесь нельзя не принимать во внимание особенностей прибрежных районов Дуная, территорий между ним и Балканским хребтом, северных районов Фракии, земель Южной и Средней Македонии. Чтобы не уклоняться ради этого разнообразия от нашей главной цели, мы сознательно, сознавая все недостатки этого метода, набираем для сравнения со стороны Болгарии ее главные земли между Дунаем и Балканами и Македонию, а со стороны Византии — ее «коренные», греческие провинции в Европе и западных областях Малой Азии.

2. В данном случае мы считаем невозможным использовать в качестве сравнительного материала для характеристики одного и того же этапа в жизни двух стран факты, относящиеся к разным периодам истории той и другой страны. Этот метод, вполне приложимый в некоторых аспектах исторического исследования (например в этнографии), методологически обосновывается тем, что различные крупные контингенты человеческого общества по имманентным законам своего развития проходят, как правило, в целом сходные стадии эволюции, определяемые как общественно-экономические формации. Мы также исходим из этой предпосылки, но болгарское общество никогда не было изолированным от окружающего его мира. Со времени переправы через Дунай и поселения в пределах Восточноримской империи славянские племена вошли в непосредственный контакт с совершенно чуждым им до сих пор миром — несравнимо более развитым, чем тот, в котором они жили. Не могло быть и речь теперь о какой-либо изоляции. Поэтому мы считаем невозможным при установлении уровня социально-экономического и государственного развития на одном и том же этапе использовать, с одной стороны, факты, например от X–XI вв., а с другой — данные от XIII–XIV вв.

Характеризуя в целом рассматриваемый пятивековой период развития Болгарии как эпоху становления и утверждения феодальных отношений, с начала их зарождения до оформления основных институтов феодального общества, мы подразделяем этот период на три этапа, исходя при этом из совокупности упомянутых выше четырех критериев. Эти этапы: 1. С конца VII в. до 60-х годов IX в., 2. С 60-х годов IX в. до начала XI в.; 3. С начала XI в. до конца XII в.

Приступим к рассмотрению первого этапа истории раннефеодальной Болгарии: с конца VII в. до 60-х годов IX в.

Из всех южно-славянских племен в наиболее благоприятных условиях хозяйственного и общественного развития, которые в конечном итоге определяли в течение нескольких веков более быстрые темпы развития болгарской государственности и культуры в сравнении с другими славянскими народами, оказались именно те из них, которые в VI–VII вв. заселили Мисию, Македонию и Северную Фракию. Преодолевая силой сопротивление империи, они обосновывались на новых землях именно потому, что эти земли были более освоенными, более плодородными и находились в климатически более благоприятной зоне. Не недостаток земли в ту эпоху исключительно редкого ее заселения, а трудности освоения целины представляли главную производственную проблему. Часто менее развитые племена, живущие по соседству с цивилизованными народами, решали эту проблему простейшим способом — через захват окультуренных земель.[1]

Наибольшие экономические выгоды получили те славяне, которые осели на юге от Балканского хребта и в Южной Македонии. Это были наиболее развитые провинции империи, которые меньше пострадали от предшествующих вторжений варваров. Напротив, условия для самостоятельного политического развития славян были здесь особенно трудными. Близость важнейших экономических и политических центров империи, пунктов размещения ее основных воинских контингентов, наличие компактных масс греческого населения и большого числа уцелевших крепостей чрезвычайно затруднили развитие, а затем обусловили и исчезновение первых политических союзов славян, которые возникли в этом районе. Численное соотношение между славянами и местным населением было для славян также неблагоприятным: если на севере они со временем ассимилировали автохтонов, то на юге они были ассимилированы сами.[2]

Территория к северу от Балканского хребта была значительно менее развитой в экономическом отношении. Во-первых, здесь намного сильнее отразился кризис античного полиса. Во-вторых, именно эти

[1] См.: *М. Ю. Брайчевский*. Проблема славяно-византийских отношений до IX в. в советской литературе последних лет. — ВВ, XXII, 1963, с. 86–88. Чтобы не перегружать подстрочный научный аппарат, мы ссылаемся на литературу, опубликованную почти исключительно в течение последнего десятилетия.

[2] *В. Тъпкова-Заимова*. По някои въпроси за етническите промени на Балканите през VI–VII в. — ИИИ, 12, 1963; *St. Antoljak*. Unsere «Sklavinien». — Actes du XIIe congrès internationale des études byzantines, II. Béograd, 1964.

территория была опустошена в ходе предшествующих нашествий готов, аваров, протоболгар, как и набегов самих славян. В-третьих, местное население было здесь более редким. Часть его (особенно наиболее богатая — городская) была перебита или изгнана, а часть объединилась с пришельцами в достижении общих с ними целей в походах. Однако преобладающая часть местного населения осталась на своих местах и во время расселения славян постепенно вливалась в общую массу более многочисленных пришельцев.[1]

Временно, может быть, на срок одного-двух поколений, удар славян привел к еще большей деградации экономики захваченных ими территорий; были заброшены поля, вырублены сады, вытоптаны виноградники, бежало или укрылось в малодоступных местах население, вынужденное вернуться к более примитивным формам быта.[2] Сильнее всего беда затронула еще сохранявшиеся городские центры, подвергшиеся разорению как главные аккумуляторы тех богатств, к обладанию которыми стремились варвары, и как опорные военные пункты врага (Византии).[3]

Производительные силы переселенцев были значительно слабее развитыми сравнительно с теми, которые они нашли на новом месте.[4] К сожалению, до сих пор нет достаточно ясных суждений о качественных, существенных для определения уровня производительности труда различиях между основными орудиями производственной деятельности славян и местного населения в VI–VIII вв. Четкое решение этого вопроса, впрочем, вряд ли возможно: при исключительной неподвижности, инертности и традиционности технической оснащенности труда в ту эпоху успехи в этой сфере проявлялись только в рамках больших хронологических периодов. Более заметное, непосредственное проявление прогресс находил, видимо, в методах обработки земли, в более успешном уходе за посевами, в совершенствовании навыков использования сельскохозяйственных и ремесленных орудий.

Упадок общего уровня хозяйственной жизни в Мисии в сравнении с более южными провинциями Византии проявился на этом этапе в преобладании малопродуктивных зерновых культур (просо), в более частом использовании примитивных способов обработки земли (подсечно-огневая система),[5] в слабом развитии интенсивных форм земледельческого

---

[1] *I. Venedikov.* La population byzantine en Bulgarie au début du IXe siècle. — Byzantinobulgarica, I, 1962; *В. Тъпкова-Заимова.* Нашествия и етнически промени на Балканите. София, 1966, с. 101–109.

[2] *V. Tăpkova-Zaimova.* Sur les rapports entre la population indigène des régions balkaniques et les «barbares» au VIe–VIIe siècles. — Byzantinobulgarica, I, 1962.

[3] *Д. Ангелов.* О некоторых вопросах социально-экономической истории Византии. — ВИ, 1960, № 1, с. 100.

[4] *V. Velkov.* Les compagnes et la population rurale en Thrace au IVe–VIe siècles. — Byzantinobulgarica, I, 1962; *Стр. Лишев.* За генезиса на феодализма в България. София, 1963, с. 20 сл.

[5] *Е. Э. Липшиц.* Очерки истории византийского общества и культуры. М.–Л., 1961, с. 61; *Н. К. Кондов.* К вопросу о системе полеводства в болгарских и соседних с ними землях Балканского полуострова в средние века. —

хозяйства (овощеводства, садоводства, виноградарства), в значительно большей роли животноводства в сравнении с Фракией, в разведении преимущественно мелкого скота, а не более продуктивного крупного рогатого, в существенной роли охоты и рыболовства в обеспечении материальных нужд населения. Необходимо учитывать также и проникновение в среду местных жителей в VII–VIII вв. традиций протоболгарского кочевого и полукочевого быта.

Еще более значительными были различия в развитии городских форм жизни. Большинство городов были разрушены или превратились в села и крепости.[1] Сохранившиеся играли роль в основном в качестве военных и административных пунктов. Натуральный обмен быстро вытеснял денежный, который ранее, хотя и подорванный, был распространен повсюду.[2] Старые урегулированные экономические связи распались. На данном этапе славяне еще не ощущали потребности в восстановлении предшествующих форм городской жизни. Возобновленные или возведенные заново города (Абоба-Плиска, Белград, Струмен, Ятрум и др.) были в сущности не центрами ремесленной и торговой деятельности, а крепостями, военными лагерями, резиденциями ханов и боляр.[3]

Вопреки этому, хозяйственная и социальная жизнь славян, поселившихся между Дунаем и Балканским хребтом, стала вскоре развиваться быстрыми темпами. Причины этого состояли в овладении славянами более освоенными, культурными землями, которые обеспечивали более стабильное материальное благосостояние. Далеко не все подверглось опустошению: сохранились и обработанные поля, и сады, и виноградники, и остатки поселений фракийцев и даже города (Силистра и Никополь на Дунае, Варна, Анхиал, Созополь, Месемврия на Черном море).[4] Сыграло свою роль периодическое, иногда на продол-

---

ВВ, XX, 1963; *Г. Цанкова-Петкова.* Към въпроса за селскостопанската техника в средновековна България и в някои съседни балкански области. — ИИИ, № 13, 1963; *Она же.* За аграрните отношения в средновековна България в XI–XIII вв. София, 1964, с. 10.

[1] *V. Beševliev.* Les cités antiques en Mésie et en Thrace et leur sort à l'époque du Haut Moyen Âge. — Etudes balkaniques, 5, 1966; *Стр. Лишев.* Българският средновековен град. София, 1971, с. 10 и сл.

[2] *Стр. Лишев.* Българският средновековен град, с. 13 сл.

[3] *С. Михайлов.* Първата славянска столица — Плиска, в светлината на последните археологически разкопки. — ИП, кн, 4, 1954, с. 131; *Ст. Станчев.* Материали от дворцовия център на Плиска. — Известия на Българския археологически институт (далее ИБАИ), 23, 1960; *С. Михайлов.* Разкопки в Плиска през 1959–1961 гг. — ИБАИ, 26, 1963; *Г. Джингов.* Крепостта Бялград при Преслав. — ИБАИ, 27, 1964; *С. Михайлов.* Раскопките на градището при с. Струмен. — Археология, V, 4, 1963; *Т. К. Иванов.* Археологические исследования античного города Ульпия Эск. — СА, № 1, 1964, с. 228; *А. Милчев.* Проучвания на ранната славянската култура в България и на Плиска през последните двадесет години. — Археология, VI, 3, 1964; *В. Антонова.* Археологически проучвания в центъра на Плиска през 1963–1964 гг. — ИБАИ, XXX 1967.

[4] *Ив. Венедиков.* Разкопките и проблемите на нашето Черноморие. — Археология, VI, 3, 1964.

нительные сроки, включение в пределы Болгарии упомянутых черноморских городов, а также Ямбола, Берои, Сердики и городов Македонии.

Будучи опытными земледельцами, славяне и на новом месте стали сразу же вести привычный образ жизни. Они занялись земледелием и животноводством. Грабительские походы постепенно перестали быть главной целью в отношениях между ними и местным населением и соседними народами. Наступило время хозяйственного освоения новых территорий, занявшее целую историческую эпоху. В процессе этой деятельности славяне неминуемо вступали в тесные повседневные контакты с автохтонным населением и постепенно усваивали его производственный опыт. Славяне многократно увеличили население Мисии, они превратили ее значительные пространства нови и заброшенных земель в пахотные нивы и культурные пастбища и заложили основы для успешного развития экономики этой многократно опустошенной области.[1] Таким образом, в сфере развития производительных сил этап с конца VII до 60-х годов IX в. можно определить как период хозяйственного освоения новых территорий славянами с помощью обычных для того времени средств и навыков и как период овладения элементами позднеантичной и ранневизантийской культуры.[2] В Мисии осуществлялся процесс преемственности в развитии человеческой культуры со всеми характерными для него трудностями. Минувшее постепенно входило как важный ингредиент в фундамент будущего прогресса общества.[3]

Значительно яснее на этом этапе могут быть прослежены различия между Болгарией и Византией в сфере развития производственных отношений. Хотя в этот период совершался сложный процесс перехода от рабовладельческого способа производства (по пути глубокой дифференциации сельской общины) к утверждению феодального землевладения, древняя империя не перестала быть обществом, расколотым глубокими классовыми противоречиями. Вторжения варваров в ее пределы (в европейской провинции главным образом славян) обусловили временное преобладание общинного крестьянского землевладения. Впрочем, это обстоятельство в условиях сохранения сильной централизованной власти и развитого денежного обмена не могло надолго помешать всепобеждающему воздействию господствующего в империи принципа частной собственности.

В Болгарии, напротив, где были ликвидированы и власть империи, и денежный обмен, утверждение частной собственности и основанного на ней классового общества должно было начаться в сущности

---

[1] *Стр. Лишев.* За генезиса..., с. 48 и сл.

[2] *Й. Чангова.* Средновековни оръдия на труда в България. — ИБАИ, XXV, 1962.

[3] См. об этой проблеме: *М. Я. Сюзюмов.* Византийский город (середина VII–середина IX в.). — ВВ, XXVII, 1967, с. 62–70; *Он же.* Историческая роль Византии и ее место во всемирной истории (В порядке дискуссии). — ВВ, XXIX, 1968, с. 33 сл.

с режима военной демократии. Сколь ни различимы следы социальной дифференциации в среде поселившихся в Мисии славян, они ни в коем случае не могут быть приравнены к формам имущественного неравенства в Византии. Крупное ранневизантийское землевладение было на болгарских землях практически ликвидировано. Общинные формы собственности стали господствующими на всей этой территории. Бывшая податная община, избавленная от централизованной эксплуатации со стороны империи, скоро, видимо, перестала отличаться от общины славянских поселенцев.

Однако рост материального производства в новых условиях, увеличение части прибавочного продукта, наличие значительного числа разорившихся в ходе военных действий местных и пришлых жителей ускорили процесс имущественной дифференциации. Эта дифференциация в рассматриваемый период выразилась не только в возникновении крупного землевладения и в лишении части крестьян своей земли, но и в увеличении движимого имущества племенной аристократии (рабы, скот, драгоценные металлы, предметы роскоши), а для большинства народа — в росте военных и общественных повинностей и в увеличении размеров даней.

Поляризация социальных слоев в Болгарии конца VII–60-х годов IX в. находилась на низкой стадии сравнительно с Византией. Большинство населения составляли свободные общинники, имущественно независимые и политически полноправные. Представители славянской родовой аристократии еще не имели в этот период возможности каждый в отдельности осуществлять внеэкономическое принуждение над массами свободных и вооруженных (как членов народного ополчения) мелких собственников. Право частной собственности постепенно утверждалось и в отношении главного средства производства — земли. Процесс имущественного подчинения славянских земледельцев спорадически происходил уже в этот период, хотя частновладельческая эксплуатация на этом этапе ни в коей мере, по нашему мнению, еще не определяла болгарское общество как сложившееся антагонистическое.[1]

Основной в этот период была централизованная форма эксплуатации, осуществлявшаяся через аппарат государственной власти. Не столь легко избрать точный термин для определения этой формы эксплуатации («дофеодальная», «раннефеодальная» или «феодальная»). Впрочем, и определение ее в качестве «централизованной феодальной ренты» не представляется логичным, так как не может, на наш взгляд, употребляться термин «феодальная» для явления, возникшего до оформления класса боляр-феодалов (крупных землевладельцев) в истинном смысле слова. Кроме того, указанная форма эксплуатации в качестве господствующей как в данном случае, так и на Руси и в ряде других стран Европы являлась только эпизодом в становлении феодализма, его более или менее продолжительной стадией. Наконец, взимаемый на этом этапе государственный налог сам по себе еще не содержал

[1] *Стр. Лишев.* За генезиса..., с. 198 сл.; *К. В. Хвостова.* Рецензия на указанную работу Стр. Лишева. — ВВ, XXV, 1964, с. 271.

ного специфически феодального, что позволило бы разграничить
от даней, налагаемых на население в предшествующие эпохи.

Мы согласились бы с определением централизованной эксплуата-
ции в качестве «феодальной ренты» только для того периода истории
Болгарии, когда частновладельческая феодальная рента стала под-
линно главной формой изъятия прибавочного продукта (XI–XII вв.).
В этих условиях и централизованное распределение налогов между
представителями правящего класса, и частное присвоение ими при-
бавочного продукта выполняли одну и ту же социальную функцию —
укрепление классового господства феодалов в обществе.[1]

Для нас бесспорным является тот факт, что собранный централи-
зованным образом с непосредственных производителей налог в Болга-
рии VII–IX вв. был выражением антагонистических классовых про-
тиворечий.[2] Обособившийся от остального общества привилегирован-
ный класс, непрерывно совершенствуя находящийся в его руках
аппарат насилия, коллективно осуществлял экспроприацию крестьян-
ства. Он использовал ее плоды как для упрочения средств своего
господства в целом, так и для усиления индивидуального могущества
каждого из них. Это была необходимая подготовительная стадия,
облегчившая в дальнейшем широкое наступление на имущественную
и правовую самостоятельность свободных крестьян и пастухов. Впро-
чем, этот процесс получил развитие позднее. Мы не располагаем ни еди-
ным достоверным фактом от этого периода, который свидетельство-
вал бы о существовании в Болгарии крупных землевладельческих
хозяйств, в которых изъятие прибавочного продукта у самостоятель-
ных непосредственных производителей совершалось бы с помощью
частных средств внеэкономического принуждения.

Итак, в сфере производственных отношений мы определили бы
рассматриваемый этап как период укрепления и развития централи-
зованных форм эксплуатации и оформления классового общества в Бол-
гарии. Господствующий класс страны выступал в этот период как
коллективный эксплуататор большинства трудового населения.

Болгарское государство, образовавшееся в конце VII в. (681 г.) в Мисии,
первоначально характеризовалось чертами, сближавшими его с варвар-
скими королевствами Западной Европы на заре средневековья.

По нашему мнению, было бы опрометчиво преувеличивать формы
политической зрелости возникшего здесь во 2-й половине VII в. «Со-
юза семи племен».[3] Разумеется, его образование было обусловлено

---

[1] *Г. Г. Литаврин.* Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960, с. 214–217
и рецензии на указанную работу: *А. П. Каждан.* — КСИС, № 37, 1963, с. 100–101;
М. Л. Сюзюмов. — ВВ, XXII, 1963, с. 301–302; *С. П. Боброва* и *Ю. В. Бромлей.* —
ВИ, № 8, 1962, с. 148; рец. М. Я. Сюзюмова на книгу А. П. Каждана (Деревня
и город в Византии в IX–X вв. М., 1960). — ВВ, XXI, № 8, с. 214–215.

[2] *Str. Lischev.* Über die Entstehung des Feudalismus in Bulgarien. — Etudes
balkaniques à l'occasion du XIIe congrès internationale des sciences hictoriques,
II. Sofia, 1965.

[3] *Ив. Дуйчев.* Обединението на славянските племена в Мизия през VII в. —
Изследвания в чест на Марин С. Дринов. София, 1960; *I. Dujčev.* Les sept

развитием социальных противоречий в славянской среде. Но немалую роль играли и военные мотивы: оборона против войск империи и организация набегов на ее территорию. Процесс перехода славян в Мисии от военной демократии к государству был усложнен вторжением протоболгарских племен Аспаруха.[1] В условиях постоянных попыток со стороны Византии восстановить свое полное господство на территории между Балканским хребтом и Дунаем (как и превратить славян в своих налогоплательщиков и воинов) родоплеменная славянская аристократия «союза» была заинтересована и в более эффективной защите своих богатств, и в более прочном подчинении родовых членов «союза», и в усилении его военной мощи.[2]

Поэтому приход протоболгар если не немедленно, то вскоре мог быть расценен славянской аристократией как быстрое и эффективное средство усиления военной мощи «союза». Племя Аспаруха было снабжено прочной военной организацией, созданной во время долгого, тяжелого и опасного пути от Приазовья до Добруджи.

Нам неизвестно, сыграл ли при этом главную роль фактор непосредственного завоевания протоболгарами «Союза семи племен» или в конечном счете был достигнут компромисс между родоплеменной аристократией славянского «союза» и руководящей верхушкой протоболгар.

Бесспорно, впрочем, что в ходе первых полутора столетий именно представители протоболгарской аристократии непосредственно управляли молодым государством и играли главную политическую роль в Болгарии. При этом ее роль была двоякой. С одной стороны, ускорился процесс консолидации политических и военных сил в среде аристократии; более четким стал порядок созыва войска, возникла единоличная власть хана, опиравшегося на многочисленную и постоянную дружину, была организована охрана границ, были воздвигнуты оборонительные сооружения, развивались дипломатические отношения с другими странами и т. п. Все это, разумеется, было невозможно без значительных материальных ресурсов в руках правителя государства. Средства, получаемые от грабительских набегов на соседей и от даней с побежденных врагов, не могли покрыть основную часть расходов государства. Следовательно, было осуществлено урегулирование и распространение на основную массу населения страны

---

tribus slaves de la Mésie. — Slavia antiqua, 6, 1959; *G. Cankova-Petkova* Gesellschaftsordnung und Kriegskunst des slavischen Stämme der Balkanhalbinsel (6.–8. Jh.) nach den byzantinischen Quellen. — Helikon, an. II, №№ 1–2, 1962.

[1] *П. Петров.* Към въпроса за образуването на първата българска държава. — Славянска филология, V, 1963; *В. П. Грачев.* Жупная организация у славян и ее роль в развитии государственности. — История, культура, фольклор и этнография славянских народов, VI Международный съезд славистов. М., 1968; *М. Войнов.* Някои въпроси във връзка с образуването на българската държава и покръстването на българите. — ИИИ, 10, 1962; *I. Dujčev* La formation de l'état bulgare et de la nation bulgare. — L'Europe aux IXe–XIe siècles. Varsovie, 1968.

[2] *P. S. Koledarov.* Settlement Structure of the Bulgarian Slavs in their Transition from a Clan to territorial Community. — Byzantinobulgarica, III, 1970.

свободных общинников, земледельцев и пастухов) периодичного сбора государственных налогов. Возник и аппарат насилия, обеспечивавший их поступление. Доходы в казну хана поступали и от регламентированной договорами с соседними странами внешней торговли.[1]

Значительная часть казны хана распределялась им непосредственно между представителями аппарата власти формирующего государства, между военной и гражданской администрацией (центральной, или «внутренней», как ее называли, и провинциальной, или «внешней»).

С другой стороны, продолжительный политический перевес протоболгарской аристократии стал играть впоследствии отрицательную роль для темпов формирования разветвленного аппарата государственной власти. Военная внешнеполитическая функция и задачи преодоления протоболгарско-славянского племенного антагонизма долгое время имели доминирующее значение в сравнении с социальными внутренними функциями государства. Оно было первоначально скорее федерацией племен, связанных с центром данническими отношениями и воинской повинностью, чем единой централизованной монархией; протоболгары отнюдь не сразу перешли к оседлому образу жизни, сама столица страны представляла собой скорее укрепленный военный лагерь, чья хозяйственная жизнь была подчинена нуждам ханского двора и его дружины, чем городом в истинном смысле слова. Иногда хан вместе с придворными и дружиной путешествовал по стране, собирая налоги. Славянская знать постепенно проникала в среду высшей (протоболгарской) правящей группировки.[2]

Государство было орудием классового господства и на раннем этапе своего развития. Однако формы и материальное выражение этого господства находилось в прямой зависимости от степени зрелости классовых противоречий в обществе, т. е. от их глубины и значения в социальной жизни народа. Эволюцию болгарского государства с конца VII в. до 60-х годов IX в. можно определить как переход от типа варварских королевств Западной Европы к раннефеодальному государству.[3]

Степени зрелости классового антагонизма в этот период соответствовали и формы сопротивления эксплуатации со стороны народных масс. Эта борьба выражалась главным образом в бунтах против центральной власти под флагом племенного сепаратизма и в массовых исходах из страны в надежде избавиться от государственных поборов и сохранить оказавшийся под угрозой статус свободных и полноправных членов племени.

Стержень политических конфликтов в это время в среде господствующих кругов общества составляла то затухающая, то разгорающаяся

---

[1] *Г. Цанкова-Петкова.* Българо-византийските отношения при управлението на Тервел и Кормесий. — Изследвания в чест на Марин С. Дринов. София, 1970.

[2] *Н. Стефанов.* Опит за социологически анализ на някои факти и събития от българската история. — ИП, 3, 1963.

[3] *М. Я. Сюзюмов.* К вопросу об особенностях генезиса и развития феодализма в Византии. — ВВ, XVII, 1960, с. 5.

вновь борьба за верховенство между славянской знатью и протоболгарской аристократией. В силу экономических, социальных и этнографических причин перевес постепенно переходил на сторону первой и к середине IX столетия исход соперничества был предрешен.

Второй этап (60-е годы IX в. — 1018 г.) охватывает период и наибольшего экономического, политического и военного могущества болгарского государства, и вместе с тем его закат.

В сфере сельскохозяйственного производства в это время были достигнуты значительные успехи, проявившиеся в расширении интенсивных отраслей земледелия, в освоении новых овощных и садовых культур, в увеличении производства пшеницы в сравнении с предшествующим периодом и в повсеместном распространении виноградарства. Расширились непосредственные контакты славяно-протоболгарского населения с греческим, а следовательно, ускорился и процесс взаимного обогащения производственным опытом. Уменьшилось значение пастбищного скотоводства. Впрочем, и в этот период жители Болгарии продолжали интенсивно заниматься охотой и рыболовством как существенным, хотя и вспомогательным источником своего материального обеспечения.[1]

Важнейшим показателем прогресса в земледелии и в экономике страны вообще являлось выделение ремесла в самостоятельную отрасль деятельности части населения страны, повлекшее расширение масштабов натурального обмена. Возникали города как центры ремесленного производства и торговли.[2] Новая столица (с 803 г.) государства Преслав была значительным городом, в котором кроме дворцов и аристократических комплексов имелись и торгово-ремесленные кварталы. Большое торговое значение приобрел и новый город Преславец на Дунае. Активизировалась экономическая жизнь и в таких старых городских центрах, как Силистра и Варна. Важные последствия для развития экономики имело и включение на достаточно продолжительные сроки в пределы Болгарии старых имперских городов у южных границ страны, на территории с преобладающим славянским населением (это прежде всего черноморские города к югу от Балканского хребта и города в Северной Фракии и Южной Македонии).

Весьма важно, что именно в этот период резко возрос уровень ремесленного производства в Болгарии, особенно большими были успехи в строительстве. Свидетельством квалификации отечественного

---

[1] *Ст. Иванов.* Храната от животински произход на обитателите на южната порта в Преслав. — ИБАИ, 22, 1959.

[2] *Ж. Възарова.* Железарската работилница «Селиште»–Преслав. — Slavia antiqua, 7, 1960; *Она же.* К вопросу о материальной культуре Плиски и Преслава. — Actes du XIIe congrès internationale des études byzantines, III, Béograd, 1964; *Она же.* Славянски и славянобългарските селища в българските земи от края на VI–XI в. София, 1965; *Ст. Станчев.* Двадесет години от разкопки в Преслав. — Археология, VI, 3, 1964; *П. Коледаров.* Към въпроса за развитието на селищната мрежа и на нейните елементи в средищната и източната част на Балканите от VII до XVIII в. — ИИИ, 18, 1967; *Стр. Лишев.* Българският средновековен град, с. 28 сл.

ремесла являются скульптурные и керамические декоры воздвигнутых в то время в Преславе и в его окрестностях архитектурных памятников.[1]

Необходимость постоянного торгового обмена с Византией подняла внешнюю торговлю с нею в ранг большой государственной политики. Болгарские торговцы стали постоянными посетителями константинопольского рынка, что было оформлено специальными межгосударственными договорами.

Вопреки всему этому, имея в виду общее положение дел в Византии, не следует переоценивать темпы и масштабы развития ремесла и торговли в болгарском государстве. Тогда как в империи денежный обмен был господствующей формой во внутренней торговле (не говоря уже о значении византийской монеты во внешнеторговом обороте), в Болгарии сохранялся прямой натуральный товарообмен как основная форма во внутренней торговле. Убедительным доказательством этого, на наш взгляд, является отсутствие собственной болгарской чеканки монет до конца существования Первого Болгарского царства.[2] Византийская монета, вопреки ее большому значению в качестве «мировой валюты», не могла в то время стать массовым средством внутренней торговли во всей Болгарии. Натуральная форма собираемых в Болгарии налогов сохранялась вплоть до ее завоевания Византией.

Что же касается внешней торговли, то она почти целиком находилась в руках болгарской аристократии. Мы считаем, что в Первом Болгарском царстве хотя и возникла определенная прослойка торговцев, она не оформилась в отдельное сословие: торговцы оставались представителями членов правящей династии, крупных собственников, знатных лиц и высоких чиновников государства; купцы вели торговлю на чужих рынках в основном от имени своих господ и в их пользу.[3]

Торговая прибыль в раннесредневековом (раннефеодальном) государстве была существенным фактором укрепления экономического и политического могущества господствующего класса. Константинополь как мировой центр роскоши привлекал в эту эпоху не только франков, норманнов, русов и др., но и соседей-болгар. Византия была источником редких изделий и товаров, обладание которыми удовлетворяло

---

[1] *И. Акрабова-Жандова.* Преславската рисувана керамика. — Изкуство, XII, 4–5, 1962; *М. Безбородов* и *М. Маринов.* Химико-технологическое изучение древнеболгарских стекол и огнеупоров из Преслава IX–X вв. — ИБАИ, 24, 1961; *Они же.* Върху състава на древнобългарските стъкла от Плиска и Преслав IX–X в. — Известия на Института за химия, 7, 1959.

[2] *Т. Герасимов.* Мнимите златни монети на българския военачалник Сермон. — ИБАИ, 24, 1961; *Он же.* Секли ли са монети владетелите на Първата българска държава. — ИБАИ, 26, 1968; рец. Л. Йончева на книгу: *Стр. Лишев.* За проникването и ролята на парите във феодална България. София. 1958. — ТП, 6, 1965; *А. П. Каждан.* Деревня и город, с. 298–300.

[3] *Стр. Лишев.* Българският средновековен град, с. 33 сл.; *Г. Цанкова-Петкова.* Българо-византийският мирен договор 716 г. — Изследвания в чест на акад. Д. Дечев. София, 1958, с. 746.

не только капризы и честолюбие аристократии. Они выполняли так же важную социальную функцию. Кроме того, поступающие из Византии ценности (драгоценные металлы, дорогие изделия, одежды и ткани, предметы искусства) пополняли казну других стран, уступающих империи в уровне социально-экономического и культурного развития. Все это не было в те времена просто сокровищем: правители государств (в том числе и Болгарии) использовали эти ценности в большей степени практично для упрочения своей власти, награждая дружину и верхушку войска, раздавая дары приближенным и т. д.

Болгарские правители, вступая в контакт с империей (как мирный, так и военный), всегда преследовали цель получения от нее в свое распоряжение византийских предметов роскоши. Когда форма прямого грабежа и взыскания дани с Византии перестала быть главным средством пополнения казны деньгами и дорогой утварью и одеждами, таким средством стала служить торговля. К сожалению, мы мало знаем о том, какие товары отправляла в Константинополь болгарская знать. Есть данные, что это были лен, мед, рабы (имевшие большой спрос на рынке столицы империи), а также транзитные товары, попадавшие в Болгарию по дунайскому (водному и сухопутному) пути. Можно предполагать, что источником основной массы товаров, продаваемых болгарскими торговцами в Константинополе и Фессалонике, являлись натуральные дани и ренты, взимаемые со свободных налогоплательщиков и зависимых жителей страны.

Считаем уместным высказать мысль о том, что на развитие болгарского ремесленного производства общее положительное влияние оказывало высокоорганизованное дифференцированное ремесло соседней Византии, причем не только в производстве предметов широкого потребления, а также в создании изделий роскоши: высококвалифицированные ремесла в ту эпоху, вопреки узкому кругу потребителей их изделий, играли важную роль в общем прогрессе, так как являлись высшей школой мастерства, средоточием технических и производственных знаний своего времени.

После завоевания византийцами Северо-Восточной Болгарии центр экономической и политической жизни государства переместился в Македонию.[1] Разрушение важнейших городов Северо-Восточной Болгарии, опустошение ее византийцами, а после этого полчищами кочевников временно замедлили темпы экономического развития этого региона.

---

[1] *Г. Г. Литаврин.* Болгария и Византия, с. 159, 262–263; *П. Петров.* Восстание Петра и Бояна в 976 г. и борьба комитопулов с Византией. — Byzantinobulgarica 1, 1962; *М. Войнов.* Рец. на указ. статью Петрова. — ИП, 2, 1963; *Л. Йончев.* Някои въпроси във ваъзка със Самуиловата държава. — ИП, 1, 1965; *G. Cancova-Petkova.* Bulgariens and Byzantium during the first Decades after the Foundation of the Bulgarian State. — BS, XIV (1), 1963; *D. Angelov.* La population de la Macédoine au Moyen Âges: VIIe–XIVe siècles. La culture médiévale bulgare. Sofia, 1964; *С. Антолјак.* Самуиловата држава. Скопје, 1969, с. 12–13, 25–26 сл.; *S. Antoljak.* Miscellanea mediaevalia jugoslavica. Skopje, 1968, S. 153–169; *J. Ferluga.* Le soulévement des Comitopoulos. — ЗРВИ, 9, 1966; *B. Grafenauer.* Die ethnische Gliederung und geschichtliche Rolle der westlichen Südslawen im Mittelalter. Ljubljana, 1966, 1966, S. 21, 34.

Напротив, превращение Македонии в ядро Западного Болгарского царства, вопреки более примитивному образу жизни сельского населения в гористой по преимуществу местности, содействовало, по нашему мнению, ускорению ее экономического развития. Имелись здесь и города, хотя и не сравнимые с такими, как Преслав и Силистра, но достаточно многолюдные. Во всяком случае, едва ли было бы верно утверждать, что источником больших богатств казны Самуила, накопленных в течение трети столетия в условиях непрерывной изнурительной войны, была только военная добыча. Мы считаем, что войны, которые Первое Болгарское царство было вынуждено вести с небольшими перерывами с 968 до 1018 г. против врага, обладавшего несравнимо большими ресурсами, замедлили темпы развития экономики не только Северо-Восточной, но и Западной Болгарии.

На этом этапе получил значительное ускорение процесс развития производственных отношений. Имущественному расслоению в деревне способствовали рост торгового обмена, продолжительные войны, увеличение налогов и отработочных и военных повинностей населения в пользу государства.

Началось становление крупного землевладения, основанного на труде самостоятельных в хозяйственном отношении земледельцев, т. е. формирование феодальных методов эксплуатации. К сожалению, мы не знаем, какими конкретно были эти хозяйства на начальном этапе. Только благодаря упоминанию Пресвитера Косьмы о «стяжании нив и сел» духовенством и известию сигиллиев Василия II о владении церковью «скриками и клириками» еще в правлении Петра и Самуила, мы можем, сопоставив эти свидетельства с гораздо более ясными и многочисленными данными о положении дел в византийской деревне, заключить, что речь идет о создании именно феодальных имений.

Впрочем, процесс феодализации в Болгарии и на этом этапе не достиг, по нашему мнению, той глубины и масштабов, какие он имел на землях империи. В Болгарии в X в., в отличие от Византии (насколько известно), государство не предпринимало никаких специальных мер по сохранению свободного мелкого землевладения как главного источника налоговых поступлений и формирования фемного ополчения. В Болгарии, также в отличие от Византии, не было и такого разветвленного аппарата власти, который мог бы обеспечить осуществление подобных мер. Наконец, в Болгарии конца X–начала XI в. господствующий класс не был столь же четко, как в Византии, раскодот на гражданскую (чиновную) знать и военную (землевладельческую) аристократию, борьба между которыми за власть замедляла процессы феодализации (что касается протоболгарской высшей аристократии в Болгарии, то она к этому времени растворилась в славянской среде).

Все эти факторы должны были бы, как представляется, облегчить формирование феодального землевладения в Болгарии. Факты, однако, противоречат этому. Гораздо большее значение имела, на наш взгляд, специфика славяно-болгарской общины, еще сохранявшей пережитки кровнородственных отношений, а поэтому отличавшейся более прочными

связями сравнительно с сельской общиной на территории империи. Причины упадка воинских сил Болгарии в правление Петра можно усматривать в ухудшении материального положения мелких земле-владельцев, но ни в коем случае не в закрепощении большей их части частными лицами, как и не в феодальной раздробленности. Напротив, как раз сохранение в Западном Болгарском царстве более широкого (чем в Северо-Восточной) слоя свободных общинников и пастухов обусловило и продолжительность неравной борьбы с сильным врагом и поочередные крупных на отдельных этапах побед за ним.

В условиях невысокой зрелости социальных процессов и сравнительной стабильности сельской общины феодализирующаяся аристократия нуждалась в содействии центральной власти. Тогда как в Византии государство, истощая силы крестьян налоговыми взысканиями, толкало их в объятия динатов, но одновременно проводило курс на ограничение роста крупного землевладения, в Болгарии налогоплательщики казны часто попадали, по-видимому, во власть частных лиц при непосредственном содействии царской власти. Во всяком случае, именно таким было положение дел при создании феодальных имений высшего духовенства, которое в новой христианской державе должно было занять такое же имущественное положение в стране, какое оно имело в Византии, от которой было принято христианство, хотя степень расслоения в болгарском селе в IX в. отнюдь не соответствовала византийской.

Собственниками возникавших в это время в Болгарии феодальных имений были преимущественно виднейшие военные и гражданские сановники и представители высшего духовенства. Этот слой земле-владельцев хотя и играл главную роль в государстве, не составлял большинства господствующего класса. Его значительная часть еще продолжала получать главную долю своих доходов от централизованных форм эксплуатации. Государственные налоги в этот период постепенно приобретали характер централизованной феодальной ренты, но еще не превратились в нее. Поэтому мы определяем болгарское общество той эпохи в целом как раннефеодальное.

В соответствии с этим мы рассматриваем и болгарское государство 2-й половины IX–начала XI в. как раннефеодальное. Оно быстро эволюционировало по пути превращения в развитую феодальную монархию, чему в значительной мере содействовало принятие христианства в качестве официальной религии.[2] Но эта эволюция не завершилась полностью к концу X в., когда была прервана войнами с Византией и завоеванием империей Северо-Восточной Болгарии, а затем еще более тяжелыми войнами с империей Западного Болгарского царства до его падения в 1018 г.

---

[1] *Е. Э. Липшиц.* Очерки..., с. 55–56; *Стр. Лишев.* За генезиса..., с. 79, 90; *Н. К. Кондов.* За първичната обществена единица при селското население в средновековна България. — ИП, 1, 1965.

[2] *Д. Ангелов.* По някои въпроси около покръстването на българите. — ИП, 2, 1965; *P. Petkov.* La population étrangère de la Bulgarie au milieu de IXe siècle et la conversion des Bulgares. — Byzantinobulgarica, II, 1966.

Классовая борьба на этом этапе получила ясно выраженные формы. Она проявилась в виде богомильской ереси, широко распространившейся в народных массах. Острие борьбы богомилов было направлено против как централизованной, так и частновладельческой эксплуатации, преимущественно против церкви, которая с содействия и при покровительстве царской власти особенно быстро превращалась в феодального собственника.[1] Мы бы сказали, что тогда как в Византии классовая борьба трудящихся в 20-е годы IX в. (восстание Фомы Славянина и павликианское движение) было свидетельством углубления и ускорения процесса феодализации и содействующего ему централизованного гнета,[2] в Болгарии начала X в. показателем тех же общественных явлений стало богомильство. Это была одна и та же стадия социально-экономического развития, которой Болгария достигла столетием позднее, чем Византийская империя. С начала войны между Болгарией и Византией, в которой приняли участие широкие слои славяно-болгарского населения (мы не разделяем мнение, что основу военных сил составляли тогда феодальные дружины), богомилы как вдохновители классовой борьбы временно сошли со сцены.[3]

Что касается конфликтов в среде господствующего класса на этом этапе истории Болгарии, то она имела преимущественно характер династической борьбы и дворцовых смут, вызванных или этнической враждой[4] (окончательной победой над протоболгарской аристократией), или различиями в религиозной и политической ориентации (принятие христианства, отношения с Византией и с папством и др.), или проявлениями племенного сепаратизма и т. д. Мы не склонны квалифицировать эту борьбу ни в X, ни в начале XI в. как выражение тенденций к феодальной раздробленности, так как для этого отсутствовало главное условие — хозяйственное районирование отдельных частей страны вокруг крупных экономических центров и превращение этих районов в замкнутые, почти независимые от центральной власти феодальные княжества.

Итак, северо-восточная часть Первого Болгарского царства окончательно была включена в состав империи в 1000 г., а западная — в 1018 г. Несмотря на то, что Византия в этот период несомненно находилась на более высоком уровне экономического, социального и культурного развития, чем Болгария или любая другая страна на Балканах, мы оцениваем период византийского господства как

---

[1] *Стр. Лишев.* Някои въпроси на класовата борба през X в. — ИИИ, с. 14–15, 1964.

[2] *А. П. Каждан.* Деревня и город, с. 418.

[3] *Д. Ангелов.* Богомилството в България. София, 1969, с. 349–350; *E. Werner.* Die Bogomilien in Bulgarien. — Forschungen und Fortschritte. Studi medievali, 3 serie, III, 1, 1962, S. 266; *Б. Примов.* Богомилският дуализъм — произход, същност и обществено-политическо значение. — ИИИ, 8, 1960.

[4] О ликвидации этнического дуализма см.: *Д. Ангелов.* Образуване на българската народност. — Ново време, 12, XII, 1969; *Он же.* Вопросы образования болгарской народности. София, 1970 (ротопринт); *Цв. Кристанов.* Към въпроси за етногенезиса на българския народ. — ИП, 3, 1966.

в целом неблагоприятный для социально-экономического развития болгарского народа. Пережившему огромные тяготы продолжительной и опустошительной войны населению бывшего болгарского государства было необходимо немало времени и усилий, чтобы возродить разрушенное хозяйство. Состояние страны накануне войны таило, несомненно, в условиях самостоятельного развития возможности более быстрого прогресса, чем в обстановке иноземного владычества. Завоеватели подвергли Болгарию более тяжелым формам экономического и социального угнетения, существенно повысив едва через 10–15 лет размеры изымаемого в виде налогов с непосредственных производителей прибавочного продукта.[1]

Увеличение налогового бремени, бесчинства византийской администрации, рост государственных отработочных повинностей, грабежи наемных войск империи, опустошительные набеги кочевников (печенегов, узов, половцев), грабежи крестоносных полчищ, которые прошли в основном через территорию бывшего болгарского государства, основание на болгарской земле имений византийских феодалов — все это в целом обусловило замедление процесса экономического развития и его отставания от темпов эволюции хозяйства в соседних греческих землях.

Византийское правительство практически не принимало никаких мер к возрождению старых болгарских ремесленных и торговых центров. Скорее даже сдерживавшее экономический рост и политическую активность собственно греческих провинциальных городов, оно было вдвойне незаинтересовано в подъеме городов на болгарской территории. Плиска и Преслав долго лежали в развалинах. Восстановленные в Болгарии крепости использовались лишь как резиденции представителей имперской администрации и стоянки военных гарнизонов. Если во второй половине XI в. и в XII в. имело место оживление экономики Преслава, Силистры, Варны и других городов и началось их быстрое развитие, то этот процесс отнюдь не являлся следствием официального курса византийских властей. Неслучайно возникавшие на славяно-болгарских землях новые города (Тырново, Мелник, Просек и др.) находились вдали от главных военных и административных центров империи, в труднодоступных и защищенных самой природой местах.[2] Сами византийцы, первый раз побывавшие в болгар-

---

[1] *Г. Г. Литаврин.* Болгария и Византия, с. 350, 374; *D. Angelov.* Die bulgarischen Länder und das bulgarische Volk in den Grenzen des Byzantinischen Reiched im XI.–XII. Jh. — The Proceedings of the XIIIth Intern. Congress of Byzantine Studies. London, 1976; *Iv. Dujčev.* Relations entre les slaves méridionaux et Byzance aux Xe–XIIe siècles. — Cahiers de civilisation médiévale, IXe année, № 4, 1944, p. 549 sq.

[2] *Стр. Лишев.* Българският средновековен град, с. 43 сл.; *Я. Николова.* Нови данни за плана на средновековния град Велико Търново. — Археология, VI, 1, 1964; *Н. Ангелов.* Спасителни разкопки на Царквец през 1961 г. — Археология, IV, 4, 1962.

ских провинциях, выносили впечатление, что народ жил здесь в гораздо более тяжелых материальных условиях, чем на соседних греческих землях.[1]

Независимо от этого и в данный период хозяйственный прогресс не остановился как в области земледелия, так и в сфере ремесленного производства. Особенно заметно он проявился в жизни городов. Включение Болгарии в общую систему денежного хозяйства империи в эпоху экономического расцвета ее провинциальных городских центров не могло не содействовать (хотя и в разной степени в различных районах) развитию городской жизни в славяно-болгарских землях.[2] Знаменательно, что сохранившиеся в начальный период после завоевания натуральные подати были заменены денежными едва через 20 лет, что стало возможным только вслед за распространением денежного обращения на всей завоеванной территории. Неслучайно, однако, и то, что болгарский народ ответил на эту меру византийского правительства вооруженным восстанием. Эта мера означала не только прямое, но и косвенное увеличение налогов, так как денежное обращение еще не утвердилось здесь так же органично, как в греческих землях. А потому местная стоимость денег на болгарской территории была относительно более высокой, чем в областях, издавна входивших в состав империи.[3] Следовательно, экономический прогресс, развитие городов, торговли и денежного обращения стоили населению бывшего Болгарского государства в этот период значительно больших жертв и усилий.[4] Вопреки этому прогресс не прекратился и подготовил тот подъем, который стал очевидным всего через несколько лет после образования Второго Болгарского царства.

По нашему мнению, именно на этом этапе исторического развития Болгарии основные институты феодального общества не только сформировались, но и получили широкое распространение, стали господствующей формой производственных отношений.[5] К концу XII в.

---

[1] *J. Darrouzès.* Deux lettres de Grégoire Antioches écrites vers 1173. — DS, 23, 1962; 24, 1963; *Г. Цанкова, П. Тивчев.* Нови данни за историята на Софийската област през последните десетилетия на византийското владичество. — ИИИ, 14–15, 1964; *Они же.* Нови данни за бита и материалната култура на населението в западните български земи през XII в. — Археология, VI, 2, 1964; *А. П. Каждан.* Григорий Антиох. Жизнь и творчество одного чиновника. — ВВ, XXVI, 1965, с. 97.

[2] *P. Tivčev.* Sur les cités byzantines au XIe–XIIe siècles. — Byzantinobulgarica, I, 1962, p. 170–171.

[3] *D. M. Metcalf.* Coinage in the Balkans (820–1355). Thessaloniki, 1965, p. 45–51.

[4] *Г. Цанкова-Петкова.* Феодальная рента в болгарских землях под византийским владычеством. — ВВ, XIX, 1961, с. 25; *Стр. Лишев.* Българският средновековен град, с. 36–37.

[5] *Г. Цанкова-Петкова.* Социальный состав населения болгарских земель в период византийского господства. — ВВ, XXIII, 1963, с. 22; *Она же.* Феодално земевладение в южните и юго-западните български земи под византийско владичество. — ИИИ, 8, 1960; *Г. Г. Литаврин.* Болгария и Византия, с. 248.

частновладельческая эксплуатация стала преобладать над централизованной, хотя и в разной степени в разных районах захваченных империей болгарских земель.

Особенно активно крупное византийское землевладение (светское и церковно-монастырское) развивалось на территории бывшего ядра Западного Болгарского царства, в Южной и Средней Македонии, в области Сердики, в Северной Фракии, т. е. в районах, расположенных поблизости от коренных земель империи и более доступных для обороны от ее внешних и внутренних врагов.[1] Несмотря на известное отставание в развитии экономики, например, Средней Македонии в сравнении с Южной, в сфере развития производственных отношений здесь было достигнуто в основных чертах уподобление с положением дел на соседних греческих землях. Это было достигнуто в результате насильственного — с помощью центральной власти — внедрения феодалов-иноземцев и расширения владений и льгот хранивших верность Константинополю представителей местной аристократии. Мы предполагаем, что на этой территории было значительно больше крупных имений, чем за Балканским хребтом, и иноземцы преобладали среди наиболее крупных феодальных собственников; рост владений местной феодальной знати был здесь относительно затруднен.[2]

Положение на территории древней колыбели болгарской государственности значительно отличалось. Мы не располагаем ни единым бесспорным свидетельством о том, что и здесь феодалы византийского происхождения имели какие-либо земельные владения. Если император иногда и раздавал в этой области земли частным лицам, то это были обычно переходившие к нему на службу представители других народов (например, русские князья-изгои). Причины этого состояли, несомненно, в опасности, которая здесь (за труднодолимыми горными проходами) была особенно велика как от кочевников, так и от местных жителей.

Основным видом эксплуатации населения в Паристрионе со стороны византийцев была централизованная: налоги, отработки и военная повинность, а, возможно, также и создание государственных или императорских экстенсивных хозяйств (разведение и поставка разного вида животных, в том числе — лошадей). И здесь действовала византийская администрация и имелись имперские гарнизоны, однако в целом корни византийской системы власти были в Паристрионе намного более слабыми, между прочим и потому, что тут не распространилось крупное византийское землевладение.

И напротив — за Балканским хребтом намного более интенсивно совершался процесс формирования местного феодального землевладения. Если даже в Македонии непосредственно рядом с имениями

---

[1] *G. Cankova-Petkova* et *P. Tivčev*. Au sujet du relation féodale dans les territoires bulgares sous la domination byzantine à la fin du XIe et pendant la première moitié du XIIe siècle. — Byzantinobulgarica, II, 1966.

[2] *Г. Г. Литаврин*. Болгария и Византии, с. 158–159.

византийской светской и духовной знати возникали и имения местной славянской аристократии, то в Паристрионе, вдали от действенного вмешательства властей, этот процесс принял значительно более широкие масштабы. Основная часть формировавшейся здесь феодальной аристократии была местной, болгарской, в которую постепенно вливались представители знати оседавших на этой территории кочевых и пастушеских народов (печенегов, половцев, влахов).[1] Интересы этой аристократии во многом противоречили интересам господствующих кругов империи. Мы предполагаем, что в конце XII в. класс местных феодалов в Паристрионе был более многочисленным, чем в Македонии и Северной Фракии, но роль крупных имений была, напротив, намного меньшей: преобладали средние и мелкие.

Сохранение в Паристрионе широкого слоя свободных земледельцев и пастухов, наличие не менее широкого класса средних и мелких земельных собственников, осознание ими единства своих интересов на данном этапе обеспечили быстрый успех народно-освободительной борьбы против Византии на этой территории в 1185–1187 гг.[2]

В соответствии с ходом социально-экономических процессов в славяно-болгарских землях именно во время византийского господства классовая борьба трудящихся достигла кульминации. В основном она была направлена против византийских феодалов и централизованного гнета иноземной власти. Антифеодальная борьба сливалась с народно-освободительной. Богомилы снова вышли на передний план, приняв впервые участие в вооруженной борьбе.[3] Мы недостаточно осведомлены о проявлениях классовой борьбы в имениях славяно-болгарских феодалов. Видимо, в условиях иноземного господства имело место ее временное или частичное затухание. Неслучайно в первые десятилетия после освобождения Болгарии центральная власть не подвергала богомилов открытому преследованию. Это произошло несколько позднее.

Мы недостаточно осведомлены также и о конфликтах в среде славяно-болгарской аристократии во время византийского господства. Безусловно, они происходили и случались главным образом во время восстаний против византийской власти. Главной их причиной была разница в позиции по отношению к империи. Немало славяно-болгарских феодалов влились в господствующий класс Византии, и византийская дипломатия умела разжигать и усиливать раздоры в среде болгарской знати.

Итак, беглый обзор пятивекового периода исторического развития Болгарии дает основания заключить, что в силу конкретных условий

[1] *Б. Примов.* Създаването на Втората българска държава и участието на властите. — Българо-румънски връзки и отношения през вековете. — Изследвания, 1. София, 1965; *Г. Г. Литаврин.* Болгария и Византия, с. 428 сл.

[2] *Г. Г. Литаврин.* Болгария и Византия, с. 158.

[3] *Д. Ангелов.* Богомилството..., с. 360–364 сл.

своего существования и своей деятельности болгарский народ сравнительно быстрыми темпами приближался к уровню социально-экономического развития византийского общества. С каждым минувшим столетием разрыв в общественной зрелости двух государств сокращался. За пять веков был пройден огромный и трудный путь от строя военной демократии до развитого феодального общества. Если иметь в виду наиболее общие и характерные факторы социально-экономической эволюции двух держав, то главное различие между Византией и Болгарией к концу XII в. можно усмотреть в том, что империя достигла к этому времени непосредственно стадии феодальной раздробленности, тогда как в Болгарии подобные процессы проявились в полной мере только через половину столетия.

Культурный переворот в Болгарии и Древняя Русь

Глубокие преобразования в общественно-культурной жизни Первого Болгарского царства в последней трети IX–первой половине X в. — факт общепризнанный и широкоизвестный. Начало перемен было положено официальным принятием Болгарией христианства в 864–865 гг., а с особой интенсивностью они совершались в правление Симеона (893–927 гг.), получившее по справедливости в научной литературе образное определение как «Золотой век» болгарской раннефеодальной культуры. Важнейшие преобразования в сфере культуры заключались в распространении славянской письменности, в организации обучения славянской грамоте, в переходе к церковнослужению на славянском языке и в становлении древнеболгарской литературы.[1]

В течение краткого — даже по меркам средневековья — исторического срока Болгария превратилась из государства языческого, с пережитками дуализма в общественно-политической структуре и в этнокультурном облике ее населения, в цивилизованную христианскую державу, страну высокой славяноязычной культуры, носителем которой стала единая раннефеодальная болгарская народность.

Разумеется, культурный переворот в Болгарии был закономерным следствием длительной предшествующей эволюции. Он был обусловлен ускорением развития феодализма. Принятие новой идеологии

---

[1] *Д. Ангелов.* Страници из историята на старобългарската литература. С., 1974; *К. Куев.* Съдбата на старобългарските ръкописи през вековете. С., 1979; *Д. Ангелов.* Общество и обществена мисъл в средновековна България (IX–XIV в.). С., 1979, с. 57, 64–77; *Д. Ангелов.* Основные моменты развития и облика средневековой болгарской культуры. — Български социологически журнал, 1981, № 4, с. 35; *I. Ševčenko.* Remarks on the Diffusion of Byzantine Scientific and Pseudo-Scientific Literature among the Orthodox Slavs. — The Slavonic and East European Review, 59, 1981, № 3, p. 327.

(христианства) отвечало насущной потребности господствующего класса, которая, в свою очередь, соответствовала в то время прогрессивному ходу истории. Серьезную роль в христианизации Болгарии сыграли ее длительные контакты с Византийской империей, самой передовой в культурном отношении страной в течение всего раннего средневековья. Помимо этих главных, объективных факторов крещения Болгарии, неоценимое значение имели два других, субъективных, определивших как самобытность новой, письменной культуры Болгарского государства, так и интенсивность процесса распространения славянской грамоты и развития древнеболгарской литературы. Этими двумя субъективными факторами являлись, во-первых, наличие среди правящих кругов Болгарии дальновидных политических деятелей, сумевших по достоинству оценить значение созданной Кириллом и Мефодием славянской письменности, и, во-вторых, высокий для того времени культурный уровень их непосредственных учеников, с исключительной самоотверженностью продолжавших и развивавших в Болгарии дело великих просветителей славянства.

В задачи моего доклада не входит изучение собственно культурных аспектов болгаро-русских отношений с конца IX до середины XI в., когда столетием позже стремительного и яркого расцвета славяноязычной культуры Болгарии столь же интенсивный культурный подъем стал характерной чертой развития и Древней Руси.

Моей целью является краткое рассмотрение — в чисто историческом плане — трех вопросов: 1. О наиболее общих особенностях (сравнительно с Болгарией) исторических условий, в которых происходил культурный переворот в Древней Руси в конце IX–первой половине XI в. 2. О хронологии возможных политических и культурных контактов Болгарии и Древней Руси с конца IX до середины XI в.; 3. О путях и формах проникновения на Русь болгарского культурного влияния.

Как видно из самой постановки только что названных вопросов, все они не новы. Их решение (как правило, гипотетическое), в силу крайнего недостатка источников, предлагалось в науке неоднократно. Поэтому я уделю главное внимание не столько обоснованию какой-либо новой гипотезы, сколько уяснению исторических условий, в которых осуществлялось культурное влияние Болгарии на Древнюю Русь.

1. Что касается первого вопроса, то наиболее общие черты сходства и отличий процессов христианизации и становления письменной культуры Болгарии и Древней Руси представляются в целом очевидными.

Как и в Болгарии, определяющую роль в принятии крещения Русью сыграли факторы внутренний — развитие феодальных отношений, и внешний — необходимость в международном признании, в получении равноправного статуса в отношениях с передовыми странами того времени. И Болгария, и Древняя Русь длительное время (первая около 300 лет, вторая — около полутора столетий), прежде чем принять христианство от Византии, поддерживали с нею торговые, политические и культурные контакты. Как и в Болгарии, в Древней Руси

накануне ее крещения часть общества уже исповедовала христианство в течение нескольких десятилетий, не подвергаясь систематическому преследованию за это со стороны властей языческого государства.[1]

Существенное отличие состояло, однако, в том, что христианизация Руси в 988–990 гг. совершалась без непосредственного политического и военного давления со стороны Византийской империи в значительно более благоприятной обстановке. Древняя Русь была избавлена от столь же острого соперничества за идейно-политическое влияние на неё, какое имело место между папством и Византией в отношении Болгарии.[2] Более того: правящие круги Древней Руси, используя крайнюю заинтересованность империи в военной помощи и удерживая в своих руках силой захваченные у Византии ее владения в Крыму, получили возможность продиктовать императору ряд условий, которые укрепили престиж Руси на международной арене.[3]

В отличие от Болгарии, в ходе расширения территории древнерусского государства в дохристианский период в его состав не были включены земли, население которых в своем подавляющем большинстве исповедовало бы христианство, как это имело место в процессе роста владений Первого Болгарского царства в южном и юго-западном направлении в конце VIII–первой половине IX в.

Ко времени официального крещения христианство в Болгарии было распространено среди простого населения гораздо шире, чем в Древней Руси, но господствующие круги были здесь сплочены вокруг центральной власти при Владимире значительно больше, чем в Болгарии при Борисе I.

Главное же отличие от Болгарии на первом этапе культурных преобразований в Древней Руси состояло, на мой взгляд, в том, что процесс христианизации совпал здесь по времени с введением церковнослужения на славянском языке, с распространением славянской письменности и с организацией системы обучения славянской грамоте.[4]

И объяснение этого важнейшего обстоятельства вне учета факта столетнего ко времени крещения Руси использования славянской письменности и существования развитой славяноязычной культуры в Болгарии совершенно невозможно.

2. Источники практически не содержат никаких ясных свидетельств об официальных отношениях между Болгарией и Древней Русью вплоть до походов Святослава на Балканы, когда между русским

---

[1] *В. М. Левченко.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, 153–169, 290; *Г. Г. Литаврин.* Христианство на Руси в правление княгини Ольги. — В: Gesellschaft und Kultur Rußlands im frühen Mittelalter. Halle, 1981, S. 134–143.

[2] *В. Гюзелев.* Княз Борис Първи. С., 1969, с. 141–324.

[3] *В. М. Левченко.* Указ. соч., с. 340–385.

[4] *D. Obolensky.* The Heritage of Cyril and Methodius in Russia. — Dumbarton Oaks Papers, 19, 1965, p. 50–51; *D. Obolensky.* The Byzantine Commonwelth. Eastern Europe. 500–1453. London, 1971, p. 260–263; *Г. Г. Литаврин.* Рецензия на труд Д. Оболенского. — Вопросы истории, 1972, № 2, с. 180–185.

князем и частью болгарской знати сложился союз, направленный против Византийской империи. Нет, однако, оснований предполагать, что после вынужденного ухода Святослава из Болгарии и его гибели в 972 г. у днепровских порогов, а также после одновременного захвата императором Северо-Восточной Болгарии при русском (киевском) дворе сохранились какие-либо связи с правящими кругами Западного Болгарского царства, возглавленного комитопулами.[1] Тем не менее было бы опрометчиво отрицать возможность официальных, дипломатических контактов между Болгарией и Русью в период с последней четверти IX до последней четверти X в. Дело в том, что торговые связи Руси с Константинополем по знаменитому пути «из варяг в греки» не могли осуществляться, как это следует из сообщений Константина Багрянородного, без 5-и или 6-и остановок для отдыха гребцов в бухтах черноморского побережья Болгарии.[2] Следовательно, договоры Руси с греками в их торговой части были опосредованы одновременными соглашениями русских с преславским двором.[3] Между тем, согласно летописи, русские торговые караваны не только из Киева, но и из Новгорода отправлялись в империю уже в 880-х годах.[4] И договору Олега от 907/911 гг., и договору Игоря от 944 г. с Византийской империей сопутствовали, как я полагаю, договоры этих князей с Симеоном и с Петром, царями Болгарии. Невозможно себе представить и путешествие княгини Ольги в Константинополь без предварительно установленных с Болгарией дружественных отношений.[5] В течение указанного столетия торговый путь «из варяг в греки» был, видимо, закрыт для русских лишь в годы войн самих русских или болгар с Византией, т. е. в 913–927, 941–944 и 969–971 гг. (я не упоминаю о первом этапе войн Симеона с Византией, так как положение дел в эти годы заслуживает специального анализа).

Что же касается героической эпопеи борьбы Болгарии с империей за сохранение своей государственности в 976–1019 гг., то дипломатические отношения в этот период киевского двора с правительством Болгарии маловероятны, как и официальные связи болгарской и русской церквей, хотя именно в эту эпоху, в 988–990 гг., Русь приняла христианство и объективно была заинтересована в содействии болгарского славяноязычного духовенства. С 1001 г., когда Византия захватила вновь Северо-Восточную Болгарию, торговый путь в импе-

---

[1] *Т. В. Пашуто.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 89; *Е. Михайлов.* Руси и българи през ранното средновековие (602–964 гг.). — ГСУ, ист. фак-т, т. 46, 1975, с. 109; *В. Хаджиниколов.* Българо-руски стопански отношения и връзки до освобождението ни от турското иго. — Трудове на Висшия икономически институт «Карл Маркс». С., 1957, с. 105–115, 131.

[2] *Constantine Porphyrogenitus.* De administrando imperio. Ed. Gy. Moravcsik, Budapest, 1949, p. 62, 97–104.

[3] *Г. Г. Литаврин.* Древняя Русь, Болгария и Византия в IX–X вв. — В: IX Международный съезд славистов. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1983, с. 71–74.

[4] Полное собрание русских летописей, т. 1, ч. 1. Л., 1926, столбец 23.

[5] *Г. Г. Литаврин.* Древняя Русь..., с. 72–74.

рию для русских стал снова доступным. Однако это обстоятельство не могло содействовать урегулированию отношений Владимира с Самуилом, так как Древняя Русь именно в это время, начиная с 987 г., оказывала империи непосредственную военную помощь, в том числе — против Болгарии. Посланный Владимиром русско-варяжский корпус принимал участие в овладении последними столицами Западного Болгарского царства (Преспой и Охридом).[1] После же 1018 г., естественно, государственно-политические отношения Руси и Болгарии могли возобновиться лишь с образованием Второго Болгарского царства в 1186–1187 гг.

Как известно, Василий II Болгаробойца, завоевав Болгарию, установил для болгарской церкви статус автокефальной архиепископии, сохранив, однако, прежнюю структуру церкви и оставив в руках болгарских священнослужителей все высшие церковные посты в архиепископии. Церковь Болгарии имела, таким образом, возможность, независимо от патриарха Константинополя, устанавливать официальные связи с церквями других стран, в первую очередь с русской. Для этого скорее всего было необходимо разрешение императора, и оно, по всей вероятности, имелось, так как вплоть до начала правления Константина IX Русь оставалась союзницей Византии, и ее связи с империей (в особенности — по церковной линии) были в этот период (1018–1042 гг.) особенно интенсивными. Однако непосредственные контакты Болгарской архиепископии с Киевской митрополией и русским княжеским двором не были, вероятнее всего, продолжительными, вернее — должны были вскоре претерпеть существенные перемены. В 1037 г. умер глава болгарской церкви, ее архиепископ (бывший до 1018 г. патриархом) болгарин Иоанн Дебрский.

С этого времени процесс смены славяноязычного высшего духовенства Болгарии греческим ускорился, а архиепископский пост в том же году оказался в руках грека из Пафлагонии (Малая Азия) Льва.[2] Известно, что греческое духовенство в болгарских провинциях империи не проявляло заботы о поддержании и развитии славяноязычной литературы и культуры в целом,[3] и это, как кажется, не могло не ослабить со стороны Руси внимания к официальным церковным связям с Охридской архиепископией.

Таким образом, следует, видимо, заключить, что с конца IX в. вплоть до 2-й трети XI в. наиболее благоприятным временем для установления и сохранения прямых государственно-политических и официальных культурных контактов между Древней Русью и Болгарией были периоды с 927 по 971 гг. и с 1018 до 1037 гг. Но что касается первого из этих периодов, то он приходится на время, когда Русь

---

[1] *Ioannis Scylitzae* Synopsis historiarum. Ed. J. Thurn. Berlin — New York, 1973, p. 23–26, 355.

[2] *И. Иванов.* Български старини из Македония. С., 1970, с. 566; История на България, т. 3. С., 1982, с. 26–28.

[3] *Г. Г. Литаврин.* Условия развития болгарской культуры в XI–XII вв. — В: История и культура Болгарии. М., 1981, с. 293–303.

оставалась языческой, а, следовательно, и возможность культурной деятельности на русской земле (распространение христианства и славянской письменности) болгарских миссий по каким-либо официальным (подчеркиваю — официальным) каналам была в сущности исключена. Что же касается второго из указанных периодов, то он был очень кратким по времени, хотя мог быть тем не менее в культурном отношении весьма плодотворным для Руси.[1] Однако и здесь имеется одно важнейшее хронологическое несоответствие, которое не позволяет отнести на счет именно этого девятнадцатилетнего периода решающее участие болгар в учительной миссии на Руси по официальным церковным каналам: дело в том, что организация обучения на Руси славянской грамоте, согласно русской летописи, была в целом налажена до 1018 г., еще при Владимире (умер в 1015 г.).

Ко времени прямых возможных связей с Охридской архиепископией в Древней Руси уже имелось значительное число по-славянски грамотных людей, церковнослужение уже осуществлялось на славянском языке, были заложены основы древнерусского летописания, ученый, по-видимому, получил превосходное образование как славянский книжник Иларион, автор знаменитого «Слова о законе и благодати».[2]

Поэтому, оставаясь сторонником точки зрения, согласно которой основную роль в распространении славянской письменности и в организации богослужения на Руси на славянском языке сыграли болгарские культурные деятели, я все-таки склоняюсь к мнению, что болгарское культурное влияние в эпоху Первого Болгарского царства осуществлялось в целом не по официальным государственно-политическим и церковным каналам.

Однако прежде чем высказать свое мнение о неофициальных путях проникновения на Русь болгарского культурного влияния, необходимо коротко сказать о значении великоморавского и византийского вклада в культурный переворот на Руси не в общем и целом (в этом смысле такой вклад несомненен), а конкретно, как о процессе, совершавшемся в менявшейся исторической обстановке.

Было бы, разумеется, абсолютно неисторичным не только отрицать, но и умалять значение Византии и в христианизации Руси, и в организации ее церкви, и в обеспечении ее образованным духовенством. Поскольку отправление христианского культа и грамотность, необходимая для этого, были в то время тесно связаны и поскольку древнерусская церковь с самого начала создавалась как церковь славянская (включая язык богослужения), представлялось бы закономерным, что в межгосударственном соглашении Владимира и Василия II в 987–989 гг. нашел решение и вопрос о снабжении Руси самыми необходимыми церковными книгами и по-славянски грамотными людьми, способными обучить необходимых для Руси священнослужителей.

---

[1] *Н. Мавродинов.* Връзките между българското и руското изкуство. С., 1955, с. 12.

[2] *L. Müller.* Des Metropoliten Ilarion Lobrede auf Vladimir den Heiligen und Glaubensbekenntnis. Wiesbaden, 1962, S. 1–11; *А. М. Молдован.* «Слово о законе и благодати» Илариона. М., 1984, с. 4–5.

В многоэтничной империи в конце X в. имелось немало образованных людей самого разного этнического происхождения. За сто истекших лет после расцвета кириллицы в Болгарии, она могла, конечно, распространиться и к югу от болгаро-византийской границы, среди славяноязычных подданных империи. Однако вряд ли в это время этот процесс приобрел сколько-нибудь заметные масштабы и вряд ли официальные власти ему содействовали. Необходимо в связи с этим учитывать четыре обстоятельства: во-первых, письменность в пределах балканских провинций империи была почти до конца X в. преимущественно греческой; империя была, во-вторых, отнюдь не заинтересована в проникновении славянской грамоты в среду духовенства, поставленного над славяноязычными подданными императора;[1] в-третьих, с 976 по 1018 гг. Византия находилась в состоянии упорной, ведущейся с невиданной жестокостью войны с Болгарией; и в-четвертых, для государственно-церковной миссии на Руси требовались не только по-славянски грамотные люди, разбирающиеся в канонической церковной литературе на славянском языке, но и выверенные и освященные церковными авторитетами переводы литургических книг. Такие люди и такие книги имелись в Болгарии, но получить их оттуда в условиях войны было нелегко.[2] Правда, начиная с 1001 г., когда империя захватила Северо-Восточную Болгарию, и когда ее войска стали все чаще вторгаться в Западную Болгарию, захватывая там большую добычу и множество пленных, возможности Византии в организации славяноязычных церковных миссий на Руси возросли. Следует учесть к тому же, что для осуществления поставленной перед этими миссиями задачи отнюдь не обязательно было наличие значительного числа людей, в совершенстве владевших славянской грамотой. Это подтверждают исторические примеры, связанные с деятельностью Кирилла и Мефодия в Великой Моравии и их учеников в Болгарии. Участие самой империи в содействии распространению славянской грамоты в далекой Руси мы таким образом не исключаем, но скорее всего принимаемые империей для этой цели меры были весьма ограниченными, так как основной заботой имперского двора и Константинопольской церкви были прежде всего христианизация Руси и как можно более прочное подчинение организуемой церкви русских неофитов, а совсем не попечение о внедрении на Руси богослужения на славянском языке и о распространении там славянской

[1] *A. Avenarius.* Das Werk des Konstantin und Method. Charakter, Gestalten und Wandlungen einer kulturellen Initiative. — In: Studien zu Literatur und Kultur in Osteuropa. Bonner Beiträge zum 9. Internationalen Slawisten-Kongreß in Kiew; Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slawen, 18. Böhlau, 1983, p. 8; *Г. Г. Литаврин.* Условия..., с. 297.

[2] *I. Ševčenko.* Указ. соч., с. 325; *В. Мошин.* Новгородски листићи и Остромирово јеванђелье. — Археографски прилози, 5, 1983, с. 7–64 полагает, что указанные листки представляют едва ли не древнейший сохранившийся памятник славянской письменности и что евангелие (оно было писано позолоченными буквами) было подарено Самуилом самому Владимиру (гипотеза, в свете сказанного нами выше, представляющаяся нам маловероятной).

грамоты. Подтверждается это фактом присылки на Русь представителей высшего духовенства из греческих, а не из славянских подданных Византии. Да и важнейший, начальный этап становления основ русской церкви к 1001 г. уже миновал.

Нельзя полностью исключать, на мой взгляд, и возможности проникновения на Русь на рубеже X–XI вв. церковно-славянской литературы и по-славянски грамотных духовных и светских лиц, также бывших из великоморавских земель. В науке давно зафиксированы следы великоморавской глаголической традиции в письменной культуре Древней Руси.

Контакты Руси с этим регионом Центральной Европы установились, по-видимому, еще в IX в. Согласно свидетельству арабского путешественника Ибрагима ибн Йакуба (X в.), купцы Руси шли через Краков на Прагу.[1] Это подтверждает и другой, совершенно независимый источник (составленный около середины IX в. и дополненный в первой половине X в.) — так называемый «Баварский географ». В этом источнике перечисляются, видимо, вдоль того же торгового пути, но в обратном направлении (т. е. с запада на восток), хотя и не в сплошном ряду, но в целом последовательно названия славянских племен, начиная от чешско-моравских земель вплоть до русских (до улучей).[2] Но при оценке и этого пути культурного влияния на Русь ряд фактов заставляет признать его значение весьма ограниченным, лежащим, во всяком случае, в стороне от основной магистрали проникновения письменности на Русь. С самого начала на Руси в качестве и государственно-церковной, и в бытовой письменности использовалась изобретенная на почве Болгарии кириллица, тогда как в Великой Моравии, а затем после ее исчезновения — в Чехии и, возможно, в Висленском княжестве была распространена глаголица и сохранились глаголические традиции. Кроме того, Великая Моравия перестала быть важным очагом славянской грамоты еще до 886 г. в силу крутых мер, предпринятых при поддержке папства немецким духовенством, а в начале X в., за 80–85 лет до крещения Руси, была в результате внешнего завоевания ликвидирована и сама Великая Моравия как самостоятельное государство.[3] Скорее всего, наконец, сами глаголические традиции на Руси обязаны своим происхождением не непосредственно чешским книжникам, а болгарским, сохранявшим наиболее последовательно эти традиции в болгарском культурном центре в Охриде.

---

[1] См. об этом: *Д. В. Королюк.* Западные славяне и Киевская Русь. М., 1964, с. 146–147.

[2] *В. Гюзелев.* Баварският географ и някои въпроси на българската история от първата половина на IX в. — ГСУ, филос.-ист. фак., 58, 1965, 3, с. 292; *В. Гюзелев.* Средновековна България в светлината на нови извори. С., 1981, с. 68–81.

[3] Сказания о начале славянской письменности. М., 1981, с. 50–52; *Б. Ангелов.* Указ. соч., с. 37; *V. Vavřinek., B. Zaséterová.* Byzantium's Role in the Formation of Great Moravian Culture. — Byzantinoslavica, 43, 1982, p. 173; *A. Avenarius.* Указ. соч., с. 12–13; *D. Obolensky.* The Heritage..., p. 49.

Таким образом, характеризуя в целом историческую ситуацию, в которой осуществлялся интенсивный процесс христианизации Руси и распространения славянской письменности на русских землях, можно, по-видимому, на данном этапе этой работы сделать (разумеется, лишь гипотетически) два главных вывода. Один из них — чисто методологический: необходимо, как кажется, при изучении поставленной в работе проблемы строго различать, с одной стороны, официальный и неофициальный пути культурного влияния на Русь и Византии, и Болгарии, а с другой — не смешивать воедино два одновременно развивавшиеся процесса, сколь они и были тесно связанными в ту эпоху, т. е. процесс распространения христианства и процесс проникновения на Руси славянской письменности. Конечно, христианский культ невозможен без письменности и книг, и его проникновение влекло за собой проникновение и грамоты, но усвоение самой письменности, обучение ей и ее использование возможны и без одновременного приобщения к христианской вере.[1] Второй вывод состоит в том, что культурное влияние Византии на Русь (я оставляю здесь в стороне особый вопрос о значении Херсонеса в Крыму) осуществлялось в основном в результате официально установленных связей (даже если при этом отдельные лица и небольшие группы русских принимали крещение в империи по своей доброй воле) и ограничивалось по преимуществу приобщением к христианскому вероисповеданию. Вклад же Византии в дело распространения на Руси славянской письменности и славянской образованности был, по всей вероятности, минимальным в эпоху с конца IX до середины XI в. И напротив: воздействие культуры Болгарии на Русь по официальной государственно-церковной линии почти не прослеживается в указанный период, кроме кратких временных промежутков в годы пребывания на Балканах Святослава и возможных контактов русской и болгарской церквей в 1018–1037 гг. Болгарское влияние проникало на Русь в основном по неофициальным путям и сыграло особенно значительную роль не столько в приобщении Руси к христианской религии (хотя в этой сфере нельзя умалить значение Болгарии), сколько в распространении на Руси славянской письменности, в организации обучения ей и в становлении письменной культуры Руси.

3. Переходя с третьему вопросу о формах и путях проникновения на Руси болгарского культурного влияния (в рассматриваемое время преимущественно, как кажется, по неофициальной линии), оговоримся, что в кратком докладе нет возможности, а вероятно — и необходимости приводить все известные факты об устойчивом исповедании на Руси христианства частью общества за столетие до официального крещения и об использовании в Древней Руси славянской (кириллической) письменности, по крайней мере — с начала X в., и в государственном делопроизводстве, и в бытовых целях, независимо от религиозной принадлежности того, кто знал и употреблял славянскую письменность.

---

[1] *Б. Н. Флоря*. Славянская письменность и европейская культура раннего средневековья. — Советское славяноведение, 1985, № 2, с. 69–70.

Острая потребность в грамоте возникла объективно, независимо от религии: она была совершенно необходима для упорядоченного делопроизводства и судопроизводства и для регулярного функционирования других органов государственной власти; она была нужна купцам, строителям зданий, крепостей, мостов, ремесленникам, мореходам и т. д. Достаточно в связи с этим напомнить об обнаруженных археологами более чем в 20-и русских центрах в слоях X в. специальных заостренных инструментах из металла для письма на восковой дощечке (писалах)[1], о переводах на славянский договор Руси с греками от 907/911, 944 и 971 гг., о грамотах от киевского князя Игоря, с которыми отправлялись в империю русские послы,[2] о вислых свинцовых печатях, традиции изготовления которых восходят к языческому периоду истории Древнерусского государства,[3] о надписях на сосуде из Гнездова от 1-й половины XI в.[4]

Следовательно, это был постепенный длительный процесс, масштабы которого нельзя, конечно, переоценивать для дохристианской эпохи на Руси, но нельзя и преуменьшать: он подготовил быстрый переход в дальнейшем к организации на Руси церковной службы на славянском языке и не менее быстрое распространение славянской письменности.[5] Пути и формы проникновения из Болгарии на Русь славянской грамоты были, по-видимому, самыми разнообразными, являясь, как уже было сказано, в основном неофициальными. Укажем хотя бы на такие важнейшие из них, как установившиеся на рубеже IX–X вв. и в начале X в. непосредственные контакты части восточнославянского населения (тиверцев и уличей, окончательно подчиненных Киеву при Игоре) с болгарами в бассейне Среднего Подунавья.[6] Археологи обнаруживают в могильниках тиверцев на правом берегу Днестра нательные кресты, относимые к самому началу X в.[7] Уже говорилось и о пути «из варяг в греки», во время движения по которому русские караваны делали 5–6 остановок в болгарских бухтах, в том числе в устье Дуная. Несомненно, русские вели торговый обмен также и с болгарами.[8] Как следует из русской летописи,

---

[1] *А. А. Медынцева.* Начало письменности на Руси по археологическим данным. — В: IX Международный съезд славистов. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1983, с. 86–107.

[2] Полное собрание русских летописей, т. 1, ч. 1, столбец 48.

[3] *В. Л. Янин.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв., т. I. М., 1970, с. 41.

[4] *Д. А. Авдусин.* Гнездовская корчага. — В: Древние славяне и их соседи. М., 1970, с. 110.

[5] *D. Obolensky.* The Heritage..., p. 50–51.

[6] *Е. Михайлов.* За руско-българската етническа граница до края на X век. — ГСУ, филос.-ист. фак., 65, 1971, 3, с. 199–209.

[7] *Е. Михайлов.* Руси..., с. 120; *Г. Б. Щукин.* Городище Екимауцы в Молдавии. — Архитектурное наследство, № 8. М., 1957, с. 23; *Г. Б. Федоров.* Тиверцы. М., 1952, № 2 (4), с. 250–259.

[8] *Г. Г. Литаврин.* Древняя Русь..., с. 73; Новое в археологии Киева. Киев, 1981, с. 357, 365; *В. Хаджиниколов.* Указ. соч., с. 118–121; *B. Malich.* Der sogenannte Wirtschaftskrieg zwischen Symeon (893 bis 927) und dem Byzantini

купцы Руси были к 960-м годам постоянными гостями крупного международного торга в Преславце, располагавшемся в низовьях Дуная на одном из его рукавов по названию «Св. Георгий».[1] Приезжали в Киев и, видимо, в другие города Руси и болгары, по пути «из грек в варяги», о чем свидетельствует южнославянское звучание днепровских порогов «Вулнипрах» и «Островунипрах».[2] К этому следует добавить встречи русских и болгар на константинопольских рынках, на приемах в императорском дворце, их совместную службу в X в. в наемных имперских войсках и т. п.[3]

Но славянская грамота и книжность, как и сами ее носители, могли находить благосклонный прием при киевском княжеском дворе и в домах высшей русской знати в дохристианский период и в результате вполне официальных акций киевского двора в отношениях с преславским двором. Грамотных людей имели при себе и Олег, и Игорь, и Ольга. Если не все из них были по происхождению болгарами, то имели болгар своими учителями.[4]

Я склонен придавать серьезное значение для судеб русско-болгарских культурных связей в дохристианскую эпоху на Руси такому фактору, как совпадение в период правления Симеона апогея военно-политического могущества Первого Болгарского царства с его культурным расцветом. Одновременно с военными успехами Симеона в борьбе с пользовавшейся высоким авторитетом на международной арене Византийской империи в Болгарии развернулись широкомасштабные работы по украшению столицы (Преслава), строительству роскошных дворцов, храмов и монастырей, расцвели художественные ремесла и искусства, активно усваивалось и перерабатывалось античное и византийское культурное наследие, бурно развивалась древнеболгарская литература. Среди населения широко распространялась грамотность, о чем свидетельствуют многочисленные (и сходные с теми, которые найдены на Руси) надписи на ремесленных изделиях и на предметах быта. По словам Козмы Пресвитера, по-славянски грамотными были в 3-й четверти X в. и учителя богомильской ереси: они проповедовали свое учение перед народом, «держа в руках Евангелие» и толкуя его в духе, враждебном официальной церкви.[5]

---

chen Reich als Ausdruck der gewachsenen Stärke des bulgarischen Staates. — Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas, 26, 1983, № 2, S. 79–80.

[1] *N. Oikonomidès.* Presthlabitza, the Little Preslav. — Südost-Forschungen, 42, 1983, p. 8.

[2] *Constantine Porphyrogenitus.* Op. cit., p. 58, 40, 60.58–59.

[3] *Е. Михайлов.* Руси..., с. 120.

[4] *М. Н. Тихомиров.* Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. — В: Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969, с. 94–166; *I. Dujčev.* Byzantinische Kaiserurkunden in mittelalterlichen slawischer Übersetzung. — Byzantinoslavica, 53, 1982, № 1, p. 4.

[5] *Козма Пресвитер*, болгарский писатель X века. Изд. М. Г. Попруженко. С., 1936, с. 25 (Български старини, кн. 12).

Политический подъем, широкие международные связи Болгарии, ее культурный расцвет — все это должно было, несомненно, привлекать самое пристальное внимание быстро набиравшей силы языческой Руси. Ее правителей не могли не интересовать причины возвышения славяноязычной Болгарии, ее внутреннее государственно-политическое устройство и основы ее блестящей культуры. Особенно закономерным такой интерес представлялся бы со стороны русской княгини — христианки Ольги, побывавшей в Болгарии. Ведь и Борис I, согласно Житию Климента Охридского, с большим вниманием следил за деятельностью славянских просветителей в Великой Моравии. Знали об этом интересе Бориса I и сам Мефодий, и его ученики, как и представители болгарской власти даже в провинциях (в частности военный наместник князя в Белграде).[1]

Я считаю поэтому вполне вероятным предположение, что первые по-славянски грамотные болгары (вместе с необходимыми книгами, бывшими в то время по преимуществу церковными, ибо и обучение грамоте осуществлялось по ним) оказались при киевском дворе уже по соглашению Олега о Симеоном. Еще более вероятен специальный контакт по этому вопросу между Игорем и Петром и, более всего, наконец, — между Ольгой и Петром. Нельзя исключать и того, что при двукратном возвращении русских дружин из Болгарии во время походов Святослава на Балканы, в 969 и 971 гг., оттуда было вывезено, как уже давно предполагают в науке, немало ценных древнеболгарских памятников. Как известно, Святослав не преследовал христиан, должен он был считаться и с матерью (Ольгой), пользовавшейся большим авторитетом и у христиан, и у язычников. Возможно, со Святославом ушли на Русь и какие-то высоко по-славянски образованные люди, державшиеся непримиримо по отношению к Византии, которая уже захватила тогда северо-восточные и южные части их отечества.

Мне представляется в связи с этим правомерным заключение, что основы славянской образованности и письменной славянской культуры на Руси были заложены в результате культурных контактов с Болгарией еще в дохристианский период истории Древнерусского государства. Это заключение можно подкрепить двумя соображениями. Во-первых, тем фактом, что в русских начальных летописях проявлен интерес к болгарской истории времени правления Бориса, Симеона и Петра, хотя сами летописи составлялись уже тогда, когда не существовало самого Болгарского государства (исключая, может быть, лишь первоначальный киевский свод, который предположительно датируется 996 годом).[2] При этом представляется второстепенным, были ли письменно на Руси зафиксированы сведения о Болгарии до 988 г. или подобраны и воспроизведены в русских летописях уже во время их составления, т. е., так сказать, «задним числом». Во-вторых, факт проникновения письменности на

[1] *Теофилакт.* Климент Охридски, изд. Ал. Милев. С., 1955, с. 66, 68.
[2] *В. Т. Пашуто.* Указ. соч., с. 89; *Е. Михайлов.* Руси..., с. 129–134.

Русь из Болгарии, минуя византийское посредство, подтверждается и тем, что эта письменность была представлена такими старославянскими (древнеболгарскими) памятниками, в которых ярко отразились общеславянский патриотизм и славянское самосознание, восходившие к кирилло-мефодиевским традициям, пронизовавшим литературу Первого Болгарского царства.[1]

Следующим периодом интенсивного болгарского влияния на Русь, когда множество письменных, переводных и оригинальных памятников, а также немало самих деятелей болгарской литературы оказались на Руси, является, по всей вероятности, время с 1018 г. до середины XI в., совпадающее в целом с правлением Ярослава Мудрого (1019–1054 гг.). Вполне возможно, что в это время значительное количество книг, написанных на славянском, было вывезено из Болгарии на Русь и русскими воинами, участвовавшими в кампаниях Василия II.

Нет сомнений в том, что Древняя Русь при Ярославе уже стала цивилизованной христианской державой. Здесь активно совершался третий (после великоморавского и болгарского) этап «переложения книг» с греческого на славянский с одновременным созданием таких древнерусских оригинальных произведений, как «Слово о законе и благодати» Илариона, «Поучение к братии» новгородского епископа Луки, «Слово некого христолюбца» анонимного автора, новые редакции начальной летописи и т. д.[2]

Итак, подчеркну еще раз: в христианизации Руси ведущее значение имели ее связи с Византией, а в распространении славянской письменности и в становлении древнерусской литературы основную роль сыграло культурное влияние Болгарии, проникавшее по преимуществу по неофициальным путям. Грамота пришла на Русь из Болгарии, и именно этот смысл я усматриваю в летописной записи под 898 г., что грамота на Руси была такой же, как и в болгарах дунайских.

[1] *Д. Ангелов.* Образуване на българската народност. С., 1981, с. 260–324; *Д. Ангелов.* Общество..., с. 242–257; *Д. Ангелов.* Българско средновековие — идеологична мисъл и просвета. С., 1982, с. 30–98.

[2] *M. H. Тихомиров.* Указ. соч., с. 124; *I. Ševčenko.* Remarks..., p. 325; *J. Shepard.* The Russian Steppe-Frontier and the Black Sea Zone. — Ἀρχεῖον Πόντου, 35, Ἀθῆναι, 1979, σ. 227; *Α. Ταχιάος.* Αἱ μετὰ τοῦ Ἁγίου Ὄρους σχέσεις τῆς Ῥωσίας μεχρὶ τοῦ 14-ου αἰῶνος. — In: Ἀθωνικὴ πολιτεία. Θεσσαλονίκη, 1963, σ. 495–496.

*Условия развития Болгарской культуры в XI–XII вв.**

Прежде всего два небольших пояснения относительно избранной для данной статьи темы и понятия «культура», о котором ниже пойдет речь.

Время с 1018 по 1186 г.[1] соответствует периоду, когда не существовало Болгарского государства — оно было завоевано Византийской империей, и развитие культуры болгарского народа совершалось в условиях иноземного господства.

Что же касается используемого в статье понятия «культура», то здесь имеются в виду не только разные отрасли изобразительного искусства, архитектуры, музыки и литературы, но и все иные проявления духовной жизни общества, вся совокупность идейно-политических, нравственно-этических и эстетических ценностей, выработанных человечеством в процессе его общественно-исторической деятельности.

Названная в заголовке статьи проблема периодически становится предметом научных дискуссий, в ходе которых сплошь и рядом высказываются резко противоречивые, крайние взгляды и оценки. Согла-

---

* Данная статья является малоизмененным текстом доклада, прочитанного в декабре 1980 г. на симпозиуме Французского Национального комитета Ассоциации по изучению стран Юго-Восточной Европы. Ее интегральный текст в переводе на английский см.: ΤΟ ΕΛΛΕΝΙΚΟΝ. Studies in Honor of Speros Vryonis, vol. II. Byzantinoslavica, Armeniaca, Islamica, the Balkans and Modern Greece. New Rochelle, New York, 1993, p. 65–76.

[1] Новая дата восстания — весна 1186 г. вместо весны 1185 г. — обоснована в последние годы в работах: *J. L. Van Dieten.* Niketas Choniates. Erläuterung zu den Reden und Briefen nebst einer Biographie. Berlin; New York, 1971, S. 71–79; *Ph. Malingoudis.* Nachrichten des Niketas Choniates über die Entstehung des Zweiten Bulgarischen Staates. — In: BYZANTINA, Thessalonique, 1978, t. 10, S. 113–122; *G. Cankova-Petkova.* La liberation de la Bulgarie de la domination byzantine. — In: Byzantinobulgarica, V, Sofia, 1978, p. 103–116.

по одной точке зрения, византийские власти проводили на болгарских землях политику ассимиляции, сознательно и целенаправленно преследуя болгарскую славяноязычную культуру и тем самым препятствуя ее развитию.[1] Согласно другому воззрению, включение Болгарии в пределы высококультурной державы, утверждение имперских норм жизни и идеалов не могут рассматриваться как свидетельство упадка болгарской культуры, которая сама по себе была лишь вариантом, отражением византийской, или восточнохристианской цивилизации. Это мнение признается справедливым также потому, что *официальной* доктрине власти в полиэтничной империи была чужда в те времена политика ассимиляции и преследования иноязычной культуры, если ее носители не были иноверцами, язычниками и еретиками.[2] На территории империи уже в течение многих столетий совершали литургию на родном языке и пользовались собственной письменностью сирийцы, армяне и грузины.

Не признавая в целом справедливым ни то, ни другое положение, попытаемся еще раз взвесить все «за» и «против» обеих точек зрения, чтобы вынести, наконец, сколько-нибудь оправданное общее суждение.

Другое предварительное замечание касается вопроса об уровне развития культуры Болгарии ко времени завершения ее завоевания Василием II Болгаробойцей в 1018 г., поскольку, как следует из сказанного выше, для определенного течения в мировой историографии само существование оригинальной болгарской культуры в IX–X вв. является отнюдь не очевидным.

История Болгарского государства к моменту его подчинения Византией насчитывала около трех с половиной веков независимого существования. Причем более полутора столетий это государство было христианской средневековой державой с развитой структурой центрального и провинциального управления, с основанным на письменном законе судопроизводством, со значительными городскими центрами (Преслав, Доростол, Видин, Средец, Охрид, Скопье, Преспа и др.), с разветвленной налоговой системой, организованным войском, налаженной обороной границ, четко зафиксированных в международных договорах.

Болгарская церковь, хотя и признававшая авторитет патриарха Константинополя (как и римского первосвященника), была самостоятельной патриархией; в полном соответствии с нормами восточнохристианского канонического права в стране было организовано церковнослужение, сеть церковных учреждений в подчиненных патриарху епископиях и приходах охватывала всю территорию государства; в централизованном порядке при активном содействии государственной власти в крупнейших культурных центрах страны (Преслав, Охрид) действовала система подготовки образованных кадров духовенства.

---

[1] См. библиографию: *Г. Г. Литаврин*. Болгария и Византия в XI–XII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1960, с. 363–375.

[2] *D. Obolensky*. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europa, 500–1453. London, 1971, p. 349, 361; *Ph. Malingoudis*. Nachrichten..., S. 64–68; *A. Dostal*. Les relations entre Byzance et les Slaves (en particulier les Bulgares) aux XIe et XIIe siècles du point du vue culturel. — In: Proceedings of the XIIIth International Congress of Byzantine Studies. London, 1967, p. 173.

В Болгарии сложились и в начале XI в. успешно развивались все отрасли и формы средневекового искусства и культуры, свойственные и византийской цивилизации. Нет необходимости перечислять здесь шедевры болгарской культуры X столетия, которые никоим образом нельзя расценить лишь как подражание византийским образцам, хотя их благотворное воздействие несомненно. Известны яркие литературные памятники этой эпохи, принадлежащие творчеству целой плеяды оригинальных болгарских авторов (Климента Охридского, Константина Преславского, Черноризца Храбра, Иоанна Экзарха, Козмы Пресвитера).[1]

Несомненно, Византийская империя, хранившая и умножавшая в течение многих столетий сокровища культуры, созданные человеческим гением в бассейне Средиземного моря и на Ближнем Востоке, выступала по отношению к неофитам-болгарам в качестве первого наставника и учителя в создании ими собственного очага христианской цивилизации. Из рук византийских культурных деятелей, через посредство учеников Кирилла (Константина) и Мефодия, Болгария получила славянскую письменность, которая в силу ее чрезвычайной близости к живому разговорному языку стала могущественным фактором в утверждении собственных путей развития болгарской культуры. Исторический парадокс состоял, однако, в том, что, стремясь подчинить Болгарию своему влиянию и всемерно содействуя ее просвещению, империя в то же время способствовала духовному созреванию болгарского народа, осознанию им своей этнической индивидуальности и своих собственных политических интересов, далеко не совпадавших с интересами Византии. У границ империи конституировалось, таким образом, цивилизованное христианское государство, которое не только не являлось сателлитом наследницы Римской империи, но неоднократно выступало в качестве ее соперника, оспаривая у нее право на гегемонию на Балканах.

Сложилась к XI в. и болгарская народность с присущим ей четко выраженным этническим самосознанием.[2] Внутренний духовный мир ее представителей отнюдь не ограничивался усвоением основ христианского вероучения, его нравственно-этических норм и эстетических идеалов. Палитра духовных ценностей болгарского народа, как, разумеется, и любого другого, была гораздо более богатой: глубокие исторические традиции, звучание родной речи, легенды и предания, народная песня и музыка, одежда и орнамент, привычные обычаи, устойчивые формы повседневного быта, колорит отечественной природы — все это также входило в сложный комплекс духовных и культурных ценностей членов болгарского общества и придавало отчетливое своеобразие такому новому, вполне сложившемуся феномену в Европе, каким являлась болгарская культура в IX–начале XI в.[3]

---

[1] *Е. Георгиев.* Разцветът на българската литература в IX–X век. София, 1962.

[2] *Д. Ангелов.* Образуване на българската народност. София, 1971, с. 215, 262.

[3] См.: *Ст. Ваклинов.* Формиране на старобългарската култура. София, 1977.

Чрезвычайно важно, что самосознание болгар к 1018 г. включало как его неотъемлемый элемент представление о подданстве независимому от империи (или от какой-либо иной державы) Болгарскому государству. Это чувство нашло проявление в ожесточении 40-летнего сопротивления болгар грандиозным завоевательным походам Василия II Болгаробойцы.

Это самосознание, существенными элементами которого были также историческая память о былом величии своей страны, пантеон народных героев, в том числе и борцов с империей, своя письменность и литература, ставшая постоянной насущной потребностью литургия на родном языке, определило социальное и политическое поведение большинства завоеванного болгарского населения, не позволяя ему в течение 170 лет византийского господства забыть о своих этнокультурных особенностях и о праве на восстановление своей государственности.

Это этнополитическое самосознание болгар нашло многократное выражение в восстаниях против власти императора Константинополя в XI–XII вв. Сами современники восстания 1186 г., приведшего к основанию Второго Болгарского царства, расценивали это событие не как возникновение нового государства, а как возрождение прежнего, уничтоженного Василием II.[1]

Итак, назовем теперь те перемены в жизни болгарского народа, обусловленные утверждением власти Византии, которые, по нашему мнению, являлись отрицательными факторами в развитии болгарской культуры в период между 1018 и 1186 гг.[2]

1. С ликвидацией Болгарского государства его искусство и литература лишились той постоянной поддержки со стороны центральной власти и двора, которой они пользовались до 1018 г. и которая выражалась в организации и материальном обеспечении духовных училищ, в основании и украшении новых церквей и монастырей, в распространении и пропаганде культов болгарских святых, в поощрении изучения светских наук и занятий искусством и литературой, в заказах на изготовление новых списков рукописей и высокохудожественных изделий и т. д. и т. п.

2. Территория некогда единого государства была разделена на несколько византийских провинций, причем сама колыбель болгарской государственности — Северо-Восточная Болгария — утратила свое наименование: ее земли не вошли ни в катепанат «Болгария», ни в архиепископию «Болгария», охватывавшие западно-болгарские районы.

3. Важнейшие политические и культурные центры Болгарии подверглись опустошению и разорению, причем отчасти намеренно. Так, по приказу Василия II Болгаробойцы крепостные укрепления Охрида были разрушены: император усматривал в царских дворцах последней болгарской столицы фактор, который может побудить болгар

[1] *Nicetae Choniatae* Historia, rec. I. A. v. Dieten. Berlin; New York, 1975, p. 485–486, 489.

[2] Подробно об этих факторах: см.: *Литаврин Г. Г.* Болгария..., с. 249–375.

к восстанию.[1] Дворцы болгарских царей, включая дворцовые церкви, в Преспе были разрушены после подавления восстания 1072 г. Преславский дворец был сожжен еще во время осады города Иоанном I Цимисхием, а сам город был переименован им в Иоаннополис.[2]

4. Ранг болгарской церкви был снижен: из патриархии она стала автокефальной (автономной) архиепископией, независимой от константинопольского патриарха, но находящейся под непосредственным протекторатом императора. Кроме того, некогда единая территория патриархии была раздроблена: северо-восточные диоцезы были изъяты из компетенции Охридской (Болгарской) архиепископии и подчинены патриарху Константинополя.

5. Наиболее боеспособные отряды болгарского войска, составлявшие, по-видимому, регулярные части, были переведены из Болгарии в пограничные армянские провинции империи.[4] И напротив, в течение XI–XII вв. на землях, входивших в пределы бывшего Болгарского государства, были созданы военные поселения из размещенных здесь специально византийским правительством контингентов армян, персов, печенегов, половцев.[5]

6. Часть населения Болгарии, в особенности из тех областей, где византийские войска встретили наиболее упорное сопротивление, была выселена в пределы соседних византийских фем (в фему Волерон).[6]

7. В 30-х годах XI в. на землях бывшего Болгарского государства усилился налоговый гнет: вместо натуральных поборов с населения были введены денежные подати в соответствии с более высокими нормами взыскания, чем те, которые здесь были приняты до завоевания.[7]

8. Бывшие земельные владения членов царской династии Болгарии и ее наиболее видных вельмож и сановников вошли в состав императорского домена, став фондом пожалований василевса представителям византийской светской и духовной знати;[8] массивы земельных

---

[1] *B. Prokić.* Zusätze in der Handschrift des Johannes Skylitzes. München, 1906, S. 37.

[2] *Εὐ. Θ. Τσολάκη.* Ἡ συνέχεια τῆς χρονογραφίας τοῦ Ἰωάννου Σκυλίτση. Θεσσαλονίκη, 1968, σ. 166.4–9.

[3] *Leonis Diaconi* historiae libri decem. Bonnae, 1828, p. 136–138.

[4] См.: *Г. Г. Литаврин.* Армянский автор XI столетия о Болгарии и болгарах. — В кн.: Славяне и Россия. М.: Наука, 1972, с. 27–31; *Р. М. Бартикян.* О болгарском войске в Васпуракане и последних годах царства Арцруни дов. — Вестн. обществ. наук АН АрмССР, 1973, № 10, с. 88–96.

[5] *N. Oikonomidès.* W. L. nd. r. — V. n. nd. r. — Hongrois installés dans la vallée du Vardar en 934. — In: Südost-Forschungen, 1973, v. 52, p. 1–8.

[6] *Georgius Cedrenus.* Joannis Skylitzae ope. Bonnae, 1839, v. II, p. 584, 587.

[7] *Georgius Cedrenus.* Joannis..., v. II, p. 453.

[8] Об этом см.: *Г. Г. Литаврин.* Болгария..., с. 310 и след.; *Он же.* Новое исследование о восстании в Паристрионе и образовании Второго Болгарского царства. — Византийский временник, 1980, т. 41, с. 94–95.

[9] *Г. Г. Литаврин.* Византийское общество и государство в X–XI вв.: Проблемы истории одного столетия: 976–1081 гг. М.: Наука, 1977, с. 49; *Он же.* Юридическият статус на българските земи в състава на Византийската империя (1018–1185 гг.): (Тезисы). — В кн.: България в света от древността до наши дни. София, 1979, т. 1, с. 228–232.

владений византийских аристократов, военачальников и монастырей на болгарских землях, особенно юго-западных, постепенно росли, продвигаясь все далее на север.

9. Члены правящей болгарской династии и наиболее крупные политические и военные деятели завоеванной страны, представлявшие одновременно и наиболее образованную часть населения и являвшиеся главными носителями государственной традиции Болгарии, были переселены с ее территории в отдаленные восточные провинции. Хотя и не подвергшиеся, за немногими исключениями, репрессиям и включенные на почетных условиях в состав служилой византийской аристократии, они оказались в обстановке, содействовавшей их быстрой ассимиляции.

10. На все крупные, начиная с высших, административные и военные должности в болгарских фемах в течение всего периода византийского господства неизменно назначались иноземцы, этнически чуждые славянам по языку и обычаям, пренебрегавшие нуждами местного населения и сплошь и рядом нарушавшие (в целях личного обогащения) права подвластных им жителей.

11. Вопрос об этническом составе высшего и среднего духовенства в Болгарии, т. е. о постах архиепископа и епископов, само константинопольское правительство тесно связывало с проблемой утверждения своей власти на завоеванной территории:[1] постепенно после смерти болгарских иерархов, облеченных в сан до завоевания, вакантные кафедры последовательно замещались представителями греческого духовенства, в большинстве своем не знавшими славянского языка, чуждыми традициям болгарской письменной культуры и нередко рассматривавшими пост пастыря иноязычных прихожан как следствие императорской опалы. С 1037 г. вплоть до правления Калояна (1197–1207) в сан архиепископа Болгарии не посвящался ни один иерарх-славянин. Нет достоверных сведений и о назначении в течение того же времени на посты епископов церковнослужителей болгарского происхождения.

В соответствии с порядком рассмотрения вопроса, о котором было сказано в начале статьи, перейдем теперь к тем моментам в жизни болгарского народа в эпоху византийского господства, которые содействовали или могли содействовать дальнейшему развитию болгарской культуры.

1. С этой точки зрения следует указать прежде всего на то, что Византия XI–XII вв. являлась одной из самых культурных среди стран Европы того времени. Прекращение длительных войн и ликвидации границ между Болгарией и империей создали предпосылки для более свободных контактов деятелей болгарской и византийской культуры, для более широкого усвоения образованными болгарами литературного греческого языка и более плодотворного обмена культурными ценностями.

2. По всей вероятности, именно в период византийского господства был создан на Афоне важный центр болгарской средневековой

[1] *Г. Цанкова-Петкова.* България при Асеновци. София, 1978, с. 68.

литературы в Зографском монастыре, оказавший длительное и благотворное влияние на развитие культуры в Болгарии. Именно здесь завязалось тесное сотрудничество болгарских книжников и с греческими, и особенно с русскими и сербскими деятелями культуры. Эти контакты оставили заметный след в развитии славянской письменности и литературы Болгарии, Древней Руси и Сербии.[1]

3. Постепенно на территории Болгарии утверждались более развитые формы социальной и общественно-политической жизни империи. Показательно, что сравнительно с Первым Болгарским царством особенно ощутимым влияние византийских государственных институтов было на структуру Второго царства.

4. Автономия (автокефальность) церкви Болгарии была сохранена. Социальные и экономические привилегии духовенства даже несколько увеличились по сравнению со временем правления последних болгарских царей. В XI–XII вв. возрос авторитет Охридской архиепископии, и в XIII–XIV вв. она играла существенную политическую роль на Балканах.

5. На болгарских землях продолжалось строительство новых церквей и восстановление старых, пришедших в упадок во время длительных войн. Продолжали действовать старые болгарские монастыри Верпинский, св. Климента на озере Преспа, св. Наума на Охридском озере и др. Основывались в эту эпоху и новые монастыри, причем не только византийскими вельможами (как, например, Бачковский монастырь под Филиппополем и монастырь Богородицы Милостивой на Струмице), но и состоятельными болгарами (такими были обители, основанные в честь болгарских святых — Гавриила Лесновского, Прохора Пшинского, Иоакима Осоговского).[2]

6. Литургия на славянском языке была сохранена в большинстве приходов на болгарских землях, исключая, разумеется, случаи, когда церковную службу совершали епископы-греки, не знавшие языка местного населения.

7. Ни византийские официальные представители власти, ни высшее греческое духовенство в Болгарии не преследовали славяноязычную болгарскую культуру: от периода византийского господства известны сохранившиеся славянские рукописи вероучительных и литургических текстов, переписанных в тех же крупных центрах славянской письменности, которые были известны во время Первого Болгарского царства, в частности в Охриде, где находилась кафедра главы болгарской церкви, занятая, как упоминалось, архиепископом, греком по происхождению. Архиепископ Болгарии Феофилакт Ифест, занимавший трон в Охриде с 1090 примерно до 1126 г.,[3] перевел, а по заключению неко-

---

[1] *Ив. Дуйчев.* Центры византийско-славянского общения и сотрудничества. — Тр. Отдела древнерусской литературы, 1968, т. 19, с. 117.

[2] *И. Снегаров.* История на Охридската архиепископия. София, 1924, т. I, с. 291 и сл.

[3] *Ст. И. Маслев.* Произведения на Теофилакт Охридски, архиепископ Български отнасящи се до българската история. — В кн.: Гръцки извори за българската история. София, 1974, т. IX. Извори за българската история; т. XIX, с. 7.

горых ученых, написал[1] пространное житие Климента Охридского, введя таким образом этого популярного болгарского святого, непосредственного ученика Кирилла и Мефодия, в пантеон общеимперских святых. Во всяком случае текст греческого жития Климента содержит явные следы использования славянского прототипа.[2]

Теперь попытаемся подвести итоги осуществленного выше сопоставления. Нам представляется, что политика империи на завоеванных болгарских землях скорее всего не может быть охарактеризована как ассимиляторская, сознательно направленная на притеснение и преследование болгарской культуры. Эта политика была вполне традиционной и при существующих в данном случае обстоятельствах целесообразной: ее главной целью являлось упрочение власти империи на завоеванной территории и удержание в повиновении подчиненного силой оружия населения.

Однако объективно результаты этого политического курса не могли не отразиться и на судьбах культуры лишенного своей государственности, но уже обладавшего сложившимся этнокультурным и общественно-политическим сознанием народа. С этой точки зрения византийское завоевание как бы «запоздало» — к этому времени уже сложились основы средневековой болгарской культуры, и на пути превращения «болгар» в «ромеев» (т. е. на пути ассимиляции) встали непреодолимые трудности.

Последствия византийского господства в сфере духовной жизни болгарского народа можно было бы свести к нескольким общим положениям.

1. Несомненно, среди части социальных верхов болгарского общества в течение XI–XII вв. усилилось и окрепло свойственное и ранее болгарам представление, что их культура входит в ареал восточнохристианской цивилизации, отличающий и Болгарию, и Византию от западнохристианского мира. Устойчивость этого представления находилась в непосредственной зависимости от степени социально-политической связи верхушки болгарского общества с господствующими слоями в империи. Вступая в полиэтничное имперское сообщество и проникаясь его интересами, такие болгары ставили свое общественное поведение в четкие рамки тех норм, которые были характерны для знатных лиц империи. От соблюдения этих норм, а затем все более также от степени овладения греческой культурой зависели для этих лиц и их карьера, и материальное благополучие, и социальный вес в обществе. В византийских источниках XI в. представители такой ромеизированной части болгар обозначаются выразительным термином «заботящиеся об интересах ромеев» (т. е. об интересах Византийской империи).[3]

---

[1] См., например: *P. Gautier*. Рец. на кн.: *F. Grivec*. Konstantin und Method, Lehrer der Slaven. Wiesbaden, 1960. — Revue des études byzantines, 1964, № 22, p. 294.

[2] *Теофилакт*. Климент Охридски. — Изд. Ал. Милев. София, 1955, с. 3–29.

[3] *Εὐ. Θ. Τσολάκη*. Ἡ συνέχεια..., σ. 166.10, 164.24–26.

На первом этапе византийского господства в позиции болгарской аристократии еще ощущались некоторые колебания: стремясь занять высокое положение в имперской иерархии чинов и должностей, знатные болгары в то же время чутко прислушивались к пульсу общественно-политической жизни на территории Болгарии. Показательно в этом смысле поведение представителей бывшей правящей династии Болгарского государства: Петр Делян, вождь восставших в 1040–1041 гг. болгар, выступавший в качестве внука Самуила, вел отчаянную борьбу до конца за восстановление независимой от империи Болгарии; другой внук Самуила — Алусиан, претендуя в ходе того же восстания на главную роль в случае победы (т. е. рассчитывая на царский трон), при первой же серьезной неудаче восставших перешел за обещание наград на сторону императора. Другие же члены династии, находившиеся на имперской службе, старались проникнуть в круг высшей знати, приближенной к императорскому трону: они породнились с Комнинами, захватившими престол в 1081 г. и державшими его более ста лет. Эти болгарские аристократы настолько тесно слились с имперской (главным образом греческой) знатью, что полностью утратили свои этнокультурные особенности.

2. Гораздо более широкие круги средней и низшей болгарской знати, не пользовавшейся особыми милостями императорского двора, упорно сохраняли свой этнокультурный облик и являлись носителями идеи возрождения Болгарского государства. Из их среды вышли большинство предводителей антивизантийских восстаний, как и основатели Второго Болгарского царства Петр и Асень. Возведение новых церквей и монастырей на землях Болгарии в период византийского господства, как и заказы болгарским книжникам и каллиграфам на новые славянские рукописи, принадлежали инициативе этих кругов болгарского общества.

3. В рассматриваемый период снизился, несомненно, общий уровень славяноязычного низшего духовенства Болгарии, оттесненного от видных церковных должностей и не пользовавшегося поддержкой официальных властей. Это духовенство оставалось в качестве главного хранителя традиций письменной болгарской культуры, и в его среде также, по всей вероятности, не затухали оппозиционные настроения. Как показал Д. Ангелов, из среды низшего болгарского духовенства выходили ересиархи — предводители богомильских общин XI–XII вв.[1] Разумеется, далеко не случаен тот факт, что именно от этой эпохи византийского господства в отличие от времени Первого Болгарского царства неизвестно имени ни одного крупного культурного деятеля в болгарских землях, болгарина по происхождению.

4. Подавляющее большинство населения Болгарии, исключая, может быть, узкую полосу пограничных земель между территорией бывшего Болгарского государства и коренными фемами империи, осталось вне сферы интенсивного воздействия византийской грекоязычной культуры. Об общественно-политической позиции болгарского народа в XI–XII вв. было отчасти уже сказано при упоминании о крупных

[1] *Д. Ангелов.* Богомилството в България. София, 1969, с. 311 и сл., 328 и сл.

восстаниях этого времени. На отношение болгарского населения к византийским властям серьезное влияние оказывало общее ухудшение его социального и экономического положения. Согласно свидетельству византийского чиновника от 1173 г., болгарские земли по сравнению с греческими были бедны, а их население — нищим и некультурым.[1]

В то время как в Византии осуждалось владение рабами — соотечественниками и христианами, и запрещалось законом обращение в рабство детей свободных родителей, слабая юридическая защищенность болгарских подданных императора мешала торжеству этих норм на завоеванных территориях Болгарии. Новеллой 1095 г. Алексей I Комнин повелел даровать свободу тем болгарам, которые докажут, что они происходили от свободных родителей и были проданы в рабство в голодные годы.[2] Однако, по данным более позднего частного акта, продажа детей в рабство обнищавшими родителями в болгарских землях продолжалась, причем владеть такими рабами не гнушались представители духовенства.[3]

5. Безусловно, отношения между греческими иерархами и их болгарской паствой, как об этом свидетельствуют письма Феофилакта Ифеста, были далеко не идеальными и не содействовали авторитету официальной церкви. Ее влияние на население снизилось в эпоху византийского господства, ознаменованного значительным распространением на болгарских землях богомильства и других ересей.[4] В анонимных апокрифических сочинениях, получивших широкое хождение в Болгарии в этот период, выражались откровенно антивизантийские настроения: идеализировалось прошлое болгарского народа, время правления Симеона и Петра изображалось как эпоха благоденствия и процветания, восхвалялась деятельность вождя восстания против империи Петра Деляна, именуемого царем, Кирилл и Мефодий объявлялись болгарами по происхождению, утверждалась, что византийский великомученик Димитрий оставил отечество и перешел к болгарам, чтобы помогать им в борьбе за свободу.[5]

Показательно в этой связи, что тот же самый Феофилакт Ифест, архиепископ Болгарии, который перевел или написал пространное житие популярного болгарского святого Климента Охридского, резко противопоставлял себя своей болгарской пастве: он называл болгар «издевающимися над ними иноплеменниками».[6]

---

[1] *Г. Цанкова, П. Тивчев.* Нови данни за историята на Софийската област през последните десетилетия на византийското владичество. — Изв. на Ин-та за история, 1964, т. 14/15, с. 316–324.

[2] *Г. Г. Литаврин.* Болгария..., с. 183–188.

[3] *Ив. Дуйчев.* Български спогодбен акт от епохата на византийското владичество. — Изв. на научния архив. София, 1966, кн. III, с. 185–190.

[4] *Д. Ангелов.* Богомилството..., с. 403–420.

[5] *Д. Ангелов.* Общество и обществена мисъл в средновековна България (IX–XIV в.). София, 1979, с. 258–269; *V. Tăpkova-Zaimova.* Quelques représentations iconograhiques, de saint Démétrius et l'insurrection des Asséniides — première scission dans culte «oecuménique». — Byzantinobulgarica, 1978, v. 5, p. 261–267.

[6] Patrologiae cursus completus. Series Graeca. Paris, 1864, t. 126, col. 444 D; 436 A.

Нельзя не признать справедливыми слова А. Достала: «Итак, можно констатировать, базируясь на факте появления славянских рукописей в эту эпоху, что развитие культуры и славянской литературы отнюдь не прервалось под византийским господством, хотя и не пользовалось особой поддержкой».[1]

Однако сделать подобный вывод — значит остановиться на полдороге. Конечно, развитие культуры не прекратилось. Но это развитие, по нашему мнению, существенно замедлилось. И главная причина этого состояла в иноземном владычестве, в разрушении государственных форм существования народа, обладавшего устойчивыми историческими и этнокультурными традициями.

[1] *A. Dostal.* Les relations..., p. 173.

Раздел третий

ВИЗАНТИЯ И ДРЕВНЯЯ РУСЬ В IX–XII вв.

Византия и Древняя Русь в конце IX–X в.

Христианство — не только религия, но также идейно-политическая доктрина, учение об устоях организации человеческого общества, система нравственных ценностей, свод правил поведения человека в семье и обществе. Принятие христианства означало для народа-неофита освоение гигантского исторического и общественно-культурного опыта позднеримского, а затем и византийского мира. Поэтому обстоятельства принятия христианства, формы и методы и темпы этого сложного и многогранного процесса зависели от множества внутренних и внешнеполитических факторов. Не последнее место среди этих факторов имели характер и длительность или кратковременность общения — в предшествующий крещению период — подданных принимающей христианство страны с подданными страны, осуществляющей официальный акт крещения.

В силу этого отношения Византии и Древней Руси в конце IX–80-х годах X в. заслуживают самого тщательного изучения, причем отношения не только на государственном, но и на неофициальном, общественно-культурном и даже личностном уровне. Без учета этого фактора, по нашему убеждению, невозможно получение исторически достоверных, адекватных действительности результатов в изучении процесса христианизации Древней Руси.

Мой тезис, который я попытаюсь защищать здесь, состоит в том, что в выборе решения господствующим классом Руси принять крещение от Византии не меньшую роль, чем государственно-политические связи, сыграли длительные и устойчивые контакты древних русов, купцов, воинов, ремесленников с подданными Византийской империи и что эти контакты были гораздо более интенсивными и тесными, чем это принято думать.

Между тем особенность сохранившихся источников состоит в том, что они сообщают о крупнейших событиях межгосударственных отношений той эпохи (о военных столкновениях, обменах посольствами, договорах о союзе и мире), тогда как именно факты и явления, связанные с буднями русско-византийских отношений, остаются, как правило, вне поля зрения византийских и древнерусских авторов.

О тесных и длительных контактах на обыденном уровне между подданными Руси и империи наиболее достоверные свидетельства дает археология. Согласно ее свидетельствам, с 30-х гг. IX в., а особенно с середины этого столетия в Среднем и Нижнем Поднепровье резко сократилось число монетных кладов — весьма важное обстоятельство, являющееся показателем интенсификации денежного обмена, превращения Днепра, связывающего поднимающуюся Русь с византийским миром, в крупную торговую артерию.[1] Еще более выразительны многочисленные находки византийской крупногабаритной (пифосы, амфоры) керамики конца IX–X вв. (в том числе происходившей из Херсона) вдоль всего днепровского пути от устья до Киева, причем остатки керамики, служившей тарой для товаров, обнаружены как на берегах реки, так и на дне ее.[2] Иначе говоря, если торговые связи Киева с Константинополем осуществлялись по водному пути, то связи Киева с Константинополем и Херсоном осуществлялись и по Днепру, и по суше, вдоль его берегов. В таких случаях, при плавании по Днепру, остров Хортица, расположенный ниже днепровских порогов, служил местом отдыха не только для древних русов (археологи обнаружили здесь древнерусское поселение, основание которого относится к X в.), но и для херсонитов.[3]

Среди письменных источников в известном смысле исключение сравнительно с другими памятниками составляет труд Константина Багрянородного «Об управлении империей»: ставя перед собой цель зафиксировать для удобств дипломатической практики наиболее типичные и стабильные черты в отношениях империи с другими народами, Константин описывает «путь из варяг в греки» как давно сложившуюся, регулярно функционирующую систему. Ценнейшие дополнительные сведения на этот счет содержатся в другом труде, созданном

[1] *В. Н. Смирнов.* К вопросу об экономических связях средневековой Руси с Византией и Северным Причерноморьем. — В кн.: Внешняя политика Древней Руси. Юбилейные чтения, посвященные...; *В. Т. Пашуто.* Тезисы докладов. М., 1988, с. 87–91.

[2] Археологические открытия 1976 г. М., 1977, с. 373–374.

[3] О раскопках древнерусского поселения на о. Хортица см. там же (прим. 2).

под руководством Константина — в «Книге о церемониях» византийского двора. Анализ этих данных позволяет заключить, что основными центрами общения древних русов с византийцами в эпоху Константина оставались Константинополь, Херсон и Киев; при возвращении домой по суше, вдоль правого берега, переправлялись на левый через Крарийскую переправу, находившуюся между порогами и о. Хортицей.[1] Империя во время Константина дорожила более союзными отношениями не с русами, а с печенегами, нередко враждовавшими с Русью. Поэтому вряд ли русы пользовались подобно херсонитам сухопутной дорогой на пути к Херсону: даже при плавании вниз по Днепру им приходилось противостоять печенежским нападениям по крайней мере у порогов и на Крарийской переправе.

Подтверждение данных археологии об использовании херсонитами водного пути в Киев можно усмотреть в сообщении Константина о том, что остров Хортица был известен в то время как остров св. Григория.[2] Хотя тогда в Киеве уже существовала христианская община, представляется маловероятным, что это название дали острову русы-христиане. Имя св. Григория могли дать острову, по нашему мнению, скорее всего херсониты. Д. Оболенский разделяет мнение о том, что остров был назван в честь святого армянской церкви Григория Просветителя,[3] вероятно, потому, что в Херсоне в X в. существовала колония (квартал) подданных империи — армян, а армяне в империи особенно охотно и успешно занимались торговой деятельностью.

Но вполне возможно, как кажется, думать при этом и о Григории Неокесарийском (Чудотворце): его память отмечается 17 ноября, т. е. в то время, когда из Киева — вплоть до весны — уходили вниз по Днепру последние торговые караваны херсонитов (напомню, что именно в ноябре вернулась в Киев из поездки в Константинополь княгиня Ольга). В таком случае было бы вполне понятным, если бы херсониты, одолев пороги и избежав рук печенегов у Крарийской переправы, два-три дня отдыхали на Хортице, совершая здесь в честь Григория Чудотворца в день его памяти благодарственный молебен, подобно тому как главенствующие на Руси русы-язычники совершали здесь жертвоприношения, благодаря своих богов за избавление от опасностей в порогах и на Крарийской переправе.[4] Таким образом, если наша догадка верна, уже в первой половине X в. о. Хортица превратился в своего рода арену, на которой происходило противоборство двух религий: язычества и христианства. При той терпимости к христианам, которая была характерна на Руси для правления Игоря, а затем Ольги, было бы неудивительно, если бы столь взаимоисключающие религиозные церемонии, как языческий обряд и поклонение христиан своим

---

[1] *Constantine Porphyrogenitus.* De administrando imperio, ed. Gy. Moravcsik et R. J. H. Jenkins. Washington, 1967, cap. 9.65–67.

[2] Ibid., cap. 9.71–78.

[3] De administrando imperio, vol. II. Commentary. Ed. by R. J. H. Jenkins. London, 1962, p. 54–55.

[4] De adm. imp., cap. 9.72–78.

святым, совершались на острове одновременно (в Киеве в 944 г. одновременно сподвижники Игоря — язычники — приносили клятву в верности договору с греками перед своими идолами, а христиане — в церкви св. Ильи).

Постоянные и длительное время (видимо, до договора Руси и Византии 911 г.) нерегулируемые или слабо регулируемые властями обеих сторон контакты русов с херсонитами имели место и в устье Днепра — ежегодно с весны до поздней осени. Херсониты ловили здесь рыбу и добывали соль.[1] Сочетание этих двух продуктов было, несомненно, весьма выгодно и для херсонитов, и для русов. Традиционным товаром, продаваемым русами в Константинополе в I–XII вв., была икра осетровых — товар, хотя и малогабаритный, но тяжелый. Вымет икры осетровыми приходится в устье Днепра на май, т. е. на месяц, когда торговые караваны русов проходили здесь на пути к Константинополю. Целесообразно поэтому было грузить икру на ладьи именно здесь, почти на полпути до столицы империи.[2] По всей вероятности, на острове св. Эферия в устье Днепра, где русы переоснащали свои ладьи для плавания по морю и отдыхали два-три дня.[3] Имелось, может быть, и какое-то сезонное русское поселение. Экономическое значение для Руси этого региона, издавна освоенного херсонитами и рассматриваемого, несомненно, империей в качестве подконтрольной себе территории, резко возросло к началу 40-х годов X в. Возникли трения с херсонитами, и Византия добилась включения в договор 944 г. специальной статьи, которой запрещалось русам чинить здесь ущерб херсонитам и оставаться на зиму.[4] Главная цель запрета, как мы это понимаем, состояла не в устранении военной опасности Херсону от русской «вольницы» в устье Днепра, а в защите экономических выгод херсонитов от их традиционных рыбных промыслов. Разрешить русам зимовать в устье Днепра (а они, по всей вероятности, такие попытки предпринимали не раз) означало позволить им основать здесь постоянные поселения, которые к тому же, принимая во внимание постоянную угрозу от окружающего кочевого мира, должны были быть защищены какими-то укреплениями, а возможно — и крепостями. Иначе говоря, империя принимала меры против опасности утратить всякое свое влияние в указанном районе.

Поскольку, как видно из сказанного, берега Днепра от Киева до устья были в первой половине X в. доступны херсонитам, постольку были возможны контакты греков и с восточно-славянскими жителями левобережья Днепра, в частности — с уличами, ареал расселения которых до второй трети X в. включал, по всей вероятности, и левый берег реки от устья Роси до порогов.[5]

---

[1] ПСРЛ, I, I. Л., 1926, стлб. 50–51.

[2] *Г. Г. Литаврин.* Древняя Русь, Болгария и Византия в IX–X вв. — В кн.: IX Международный съезд славистов. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. Доклады советской делегации. М., 1983, с. 72–73.

[3] De adm. imp., cap. 9.81–84.

[4] ПРСЛ, I, I, стлб. 32.

[5] *В. В. Седов.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982, с. 130–132.

К вопросу об обстоятельствах, месте и времени крещения княгини Ольги

Данная статья является заключительной в серии моих статей, посвященных проблеме путешествия Ольги в Константинополь.[1] Сюжет статьи обусловлен, к сожалению, необходимостью коротко повторить один из моих предшествующих выводов, а именно, что описанные Константином Багрянородным в «Книге о церемониях византийского двора» приемы Ольги в столице Византийской империи состоялись 9 сентября (в среду) и 18 октября (в воскресенье) не 957 г., как полагали ранее и полагают до сих пор, а 946 г.

Напомню, что двумя главными доводами в пользу даты 957 г. являлись: уверенность, что в самостоятельное правление Константина VII Багрянородного (945–959 гг.) 9 сентября на среду, а 18 октября на воскресенье приходились только в 957 г. и что не названная по имени «невеста» наследника Константина Романа II, присутствовавшая на приемах, была Феофано, на которой, как известно, юный соправитель отца женился только в 956 г.

В специальной статье[2] я показал, что оба эти довода, на мой взгляд, несостоятельны, так как 9 сентября на среду, а 18 октября на воскресенье приходятся также в 946 г. Описание приемов (15-я глава его труда) — по существу не авторский текст Константина, а официальные протоколы чиновников ведомства внешних сношений; это, с одной стороны, «сценарий» приемов (в той их части, где говорится об их

[1] *Г. Г. Литаврин.* Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь: Проблема источников. — В кн.: ВВ. М., 1981, т. 42; *Он же.* О датировке посольства княгини Ольги в Константинополь. — История СССР, 1981, № 5; *Он же.* Состав посольства Ольги в Константинополь и «дары» императора. — В кн.: Византийские очерки. М., 1982; *Он же.* Древняя Русь, Болгария и Византия в IX–X вв. — В кн.: IX Международный съезд славистов: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1983.

[2] *Г. Г. Литаврин.* О датировке..., с. 173–183.

подготовке) и, с другой — отчеты о приемах (в той части, где идет речь о том, как они совершались). Следы вмешательства Константина в текст протоколов редки и различимы. Все протоколы этой 15-й главы расположены в строгой хронологической, помесячной последовательности: в них рассказывается о приемах арабских послов из Тарса и Мелитины и о приемах Ольги. Они имели место в следующем порядке: 31 мая, 6 августа, 9 августа, 30 августа, 9 сентября (1-й прием Ольги) и 18 октября (2-й прием). На этом 15-я книга завершается. Перед описанием приема 31 мая указан индикт — 4-й. В самостоятельное правление Константина VII 4-й индикт соответствовал только одному — 946 г. Уже одно это позволяет думать, что Константин сохранил тот хронологический порядок протоколов, в котором они находились в архиве ведомства дрома, откуда император их затребовал.

Однако, начиная с Рейске (первого издателя и комментатора «Книги о церемониях») приведенный помесячный ряд протоколов делили на две части: приемы до 30 августа включительно (и совершенно справедливо) датировали 946-м годом, а на месте десятидневки (с 30 августа по 9 сентября) в ряду протоколов усматривали лакуну в 11 лет и относили приемы Ольги к 957 г. В обоснование такого понимания приводился еще один аргумент, кроме двух вышеназванных, а именно, что помесячный хронологический порядок описания у Константина не выдержан. Еще в конце XVIII в. архиепископ славянский и херсонский Евгений Булгар решительно настаивал на этом,[1] указав, что в описании приемов послов из Тарса 31 мая дважды кратко замечено, что 24 октября во время приемов «испанов» (т. е. послов халифа Кордовы) дворцовая оранжерея была украшена несколько иначе, а банкетный зал вовсе не украшался, так как «испаны» не обедали с императорами.[2] Но названные два упоминания об «испанах» не являются частью рассказа о приеме послов из Кордовы («испанов»): это две краткие интерполяции, внесенные позднее рукой самого Константина. Он отметил — бегло — возможные исключения в церемониале приема по чину Пасхи. Обе ремарки введены характерным для стиля самого Константина дидактическим «Истэон» («Да будет ведомо»). Упоминание об «испанах» не нарушает, таким образом, хронологической последовательности повествования о приемах 946 г.

Еще один контрдовод против нашей датировки. Константин пишет, что 9 сентября во время десерта в особом зале «сидели василевс, Роман — багрянородный василевс, багрянородные их дети, невестка и архонтисса» (т. е. Константин VII, Роман II, его невеста, Ольга и, как следует из текста, дети Константина и Романа). Но в 957 г.

[1] Евгения Булгара архиепископа славенского и херсонского историческое розыскание о времени Крещения Российской Великой Княгини Ольги. СПб., 1792, с. 81 и след. Пользуюсь случаем поблагодарить Б. А. Рыбакова, указавшего мне на это сочинение и предоставившего возможность с ним ознакомиться.

[2] *Constantini Porphyrogeniti.* De cerimoniis aulae byzantinae libri duo. Bonnae, 1829, vol. I, pp. 571.11–16; 580.9–15.

у 19-летнего Романа II не было детей: первенец Василий (будущий Болгаробойца) родился только в начале 958 г. Следовательно, сидеть за столом вместе с Ольгой и в 946, и 957 гг. могли лишь дети старшей правящей пары (Константина и Елены) (у них, помимо Романа, было пять дочерей). Скорее всего, в приведенной выше цитате, по небрежности переписчика, после первого «василевс» пропущено слово «дэспина» (с этим титулом при описании приемов всюду упоминается Елена, присутствовавшая на всех встречах с Ольгой). Факт же, что мелкие пропуски в изданном тексте есть, был уже мной отмечен в одной из статей.[1]

В литературе мне не доводилось встречать еще одного возможного контрдовода против моей датировки. А именно: с 1 сентября по принятому в Византии сентябрьскому году и двойному летосчислению (от «сотворения мира» и по индиктам) начинался новый индикт. Если бы речь шла о 946 г., то с 1 сентября пошел бы (до 31 августа 947 г.) 5-й индикт, а если о 957 г. — то 1-й. В начале же 15-й главы, как упоминалось, указан только 4-й индикт. Иными словами, вполне вероятно, что между 30 августа и 9 сентября Константин мог опустить какую-то часть протоколов приемов того же 946 г.: перед рассказом о приеме Ольги 9 сентября индикт не обозначен. В частности, нет и намека на то, что прием тарситов 30 августа был последним их приемом или что имевший место в тот же день прием эмира Амиды, выступавшего в качестве посла эмира Мелитины Абу-Хафса, был его первым и последним приемом у императора.

Действительно ли Константин от приема 30 августа 946 г., пропустив 11 лет, сразу перешел к приему 9 сентября 957 г., и при этом самым счастливым (а для историков — самым несчастным) образом календарные порядки (числа месяца и дни недели) именно 946 и 957 гг. оказались полностью совпадающими друг с другом?

Отвергнуть и данный контрдовод удается, на мой взгляд, обратившись к вопросу о том, какая из невест Романа II присутствовала на приемах. Он был обручен дважды: до Феофано (женился на ней в 956 г.) его невестой была Берта-Евдокия, дочь Гуго Арльского, ровесница Романа. В 944 г. они детьми (в 6–7 лет) были обручены по воле Романа I Лакапина. Берта жила в императорском дворе, но женой стать не успела: она умерла в 949 г. При выборе между невестами Романа, о которых может идти речь у Константина, мы решительно высказываемся в пользу Берты.

Наш аргумент, как бы анекдотично на первый взгляд он ни звучал, состоит в следующем. 9 сентября Ольгу приняли также старшая императрица Елена и младшая («невеста-нимфа», «невестка») (коронованные царственные дети в согласии с «уставом» должны были принимать участие в официальных церемониях). Елена сидела на одинарном троне Феофила (он правил в IX в. — изображение его трона сохранили миниатюры рукописей), а невестка — на низком золотом

[1] *Г. Г. Литаврин.* Состав посольства..., с. 72–73.

кресле, отдельно от свекрови. После приема в этом же зале сервировали столы для пира. Елена оказалась у стола на своем троне (Феофила), а младшая царица оставила свое кресло и села рядом со свекровью, на тот же трон. Явное нарушение этикета отметил уже Рейске. Указал на это и Д. В. Айналов, не усмотрев датирующих возможностей указанной житейской детали.[1]

Если бы мы отнесли прием к 957 г., то следовало бы допустить, что на одинарном троне теснились две взрослые царицы: Елена, мать шестерых детей, и Феофано, ожидавшая ребенка (причем люто ненавидевшая свою свекровь). Все становится, однако, естественным, если в данном случае имеется в виду Берта — 7–8-летняя девочка (любимица Константина и Елены): ей было неудобно (слишком низко) обедать за высоким столом на своем золотом кресле. Так Берта и оказалась на троне Феофила, слева от Елены и справа от Ольги. В силу всего сказанного мы и приходим к выводу, согласно которому описанные Константином Багрянородным приемы Ольги имели место только в 946 г.

Эта датировка полностью исключает возможность крещения Ольги по крайней мере до 952 г., так как в труде Константина Багрянородного, написанном между 949–957 гг., как, впрочем, и в «Книге о церемониях» (ее написание относили к 949–957 гг., опираясь, кстати говоря, в определении конечной грани как раз на ошибочную датировку описанных Константином приемов Ольги), древние русы, их «архонты» и «игемоны» последовательно изображаются как язычники.

Поскольку, однако, установленная нами дата (946 г.) еще остается непризнанной в литературе (хотя и критики ее еще не было), считаем необходимым рассмотреть описание приемов Ольги с точки зрения выявления возможных намеков в тексте Константина на принадлежность княгини к христианству. Хотя чин приема Ольги сравнительно с чином приема сарацинских послов не оставляет сомнений в более высоком дипломатическом статусе княгини при императорском дворе, ни этот факт, ни прочие обстоятельства пребывания Ольги в Константинополе, как они отражены в «Книге о церемониях», не дают доводов в пользу ее крещения до приезда или во время описанного приезда.[2] Напротив, серьезнейшим аргументом против такого допущения является тот факт, что княгиня в протоколах трижды названа только ее языческим именем («Эльга Росена», «Эльга, архонтисса Росии», «игемон и архонтисса рос Эльга»). Значение данного аргумента пытался умалить еще Г. А. Острогорский, указав на то, что Ольга, уже будучи христианкой, по-прежнему именовалась в византийских источниках (в хронике Скилицы) и в русских памятниках (в летописях, в «Похвале» Якова Мниха) языческим именем «Эльга-Ольга», а не христианским «Елена».[3] Точно такой же порядок при

[1] *Д. В. Айналов.* Княгиня Ольга в Царьграде. — В кн.: Труды двенадцатого Археологического съезда в Харькове, 1902. М., 1905, т. III, с. 17.

[2] Мои возражения исследователям, усматривавшим в священнике Григории, который участвовал в приемах, личного духовника Ольги, см.: *Г. Г. Литаврин.* Состав посольства..., с. 84–85.

[3] *Г. Острогорский.* Византия и киевская княгиня Ольга. — In: To Honor of Roman Jakobson. The Hague; Paris, 1967, vol. II, p. 1466.

именовании государей-неофитов имел место в отношении болгарского царя Бориса, принявшего по крещении имя Михаил, и в отношении князя Руси Владимира, в крещении — Василия.

Принять соображения Острогорского мы тем не менее не можем — им упущены из виду два важнейших обстоятельства: во-первых, порядок именования при византийском дворе иноземных правителей при дипломатических сношениях с ними и при самих приемах этих правителей или их послов; во-вторых, порядок наименования неофитов в византийских официальных документах, а не в хрониках или иных нарративных памятниках.

Приезд большого посольства в столицу империи (а именно таким было посольство Ольги) заранее согласовывался по дипломатическим каналам. В посланиях было обязательным при этом обозначение не только официальных титулов государей обеих сторон, но и их личных имен.[1] К русскому архонту, пишет Константин, отправлялись послания типа «грамота» с печатью в два солида и с указанием имени адресата.[2]

Иначе говоря, уже до приезда посла в Константинополь там было известно его имя; в составлявшихся протонотариями дрома в трех экземплярах «сценариях» приема (включая смету дипломатических расходов) указывались имена посла и наиболее видных лиц его свиты.[3] Напомним, что и в договорах Руси с греками четко зафиксированы имена и императоров, и русских князей, и всех послов. По прибытии же в столицу империи и послы, и купцы поименно переписывались чиновником ведомства дрома.

Но и это не все. Во время приема у императора иноземный правитель или его посол торжественно обменивались с повелителем империи приветствиями через логофета дрома, который громко оглашал и титул, и имя как иноземного государя, так и отправленного им посла.[4] Описанный порядок был непременным правилом придворного церемониала в Византии как раз в это время, что́ и зафиксировал сам Константин в своей «Книге о церемониях». Во время же приемов Ольги в императорском дворце византийцы знали и оглашали лишь одно имя княгини — «Эльга», а отнюдь не «Елена». Предположить какую-либо неосведомленность или ошибку невозможно — все заблуждения немедленно рассеялись бы при личных контактах. Чрезвычайно важно в связи с этим, что сама правительница Руси, став христианкой, при отправлении в 959 г. послов к Оттону I официально именовала себя только Еленой.

Точно так же обстояло дело и с Михаилом (Борисом) болгарским. Крестившийся в 864/865 г., он сам называл себя на его личных обнаруженных археологами печатях только Михаилом.[5] В посланиях к нему

[1] *Const. Porphyr.* De cerim., I, p. 393, 395, 397, 687.2, 690.15.

[2] Ibid., p. 690.21–22.

[3] Ibid., p. 398–400, 405.

[4] Ibid., p. 305.20, 402–403, 405.12–14, 684.17–18; ср.: *J. Verpeaux.* Pseudo-Kodinos: Traité des offices. P., 1966, p. 204.8–11, 214.13–24.

[5] *Н. Мушмов.* Монетите и печатите на българските царе. София. 1924, с. 157; *Он же.* Новооткрите средневековни печати от България. — Изв. на Бълг. археол. ин-т. София, 1929, т. V, с. 225–230.

патриарха Фотия он многократно назван только Михаилом.[1] В письмах к нему пап Николая I и Иоанна VIII он только Михаил[2], как и в соборных актах 869/870 гг.[3] В Балшенской надписи — Борис-Михаил.[4] В «Синодике царя Бориса» (1211 г.) — Борис-Михаил.[5] Необходимо помнить в данном случае, что Борис-Михаил был канонизирован вскоре после его смерти (907 г.) и имя «Борис» как имя святого стало официально христианским. Константин Багрянородный упоминает болгарского государя в труде «Об управлении империей» пять раз (т. е. уже после канонизации Бориса и отнюдь не в строго официальном памятнике): трижды как Михаила-Бориса и дважды в непосредственном соседстве с этим наименованием как Бориса.[6]

В сохранившихся списках Устава князя Владимира сам князь неизменно подчеркивает, что по крещении он Василий[7] (наименование памятника, конечно, не принадлежит самому князю). Так же поступают в своем Уставе Всеволод Ярославич (Мстиславич?)[8] и в своем «Поучении» Владимир Мономах (Василий).[9]

Итак, вплоть до 18 октября 946 г. Ольгу нельзя считать христианкой. Где же и когда она приняла крещение?

Отвечая на первый вопрос (о месте ее крещения), считаем необходимым подчеркнуть, что лишь в исключительных, крайне редких случаях, осуществляя критику текста и тщательный текстологический анализ, исследователь может осмелиться предпочесть свою, пусть самую остроумную и все «согласующую» (с современной точки зрения при крайней скудости сведений) гипотезу показаниям абсолютно всех независимых и разнородных источников. Вопрос о месте крещения Ольги не составляет, по нашему мнению, такого редкого случая, когда — под гнетом всякого рода проблем, не нашедших еще решения в силу незнания конкретного хода и последовательности событий, — исследователь мог бы пренебречь совершенно определенными показаниями источников и древнерусских, и греческих, и латинских, в полном согласии друг с другом называющих местом крещения княгини Ольги Константинополь.

Желание княгини (пусть пока только ее одной и, может быть, нескольких ее приближенных) — искать крещение именно в центре православия, из рук патриарха, при участии императора — находилось

---

[1] Цит. по: Извори за българската история. София, 1961, т. VIII. Гръцки извори, т. IV, с. 59, 103, 104.

[2] Извори за българската история. София, 1960, т. VII. Латински извори, т. II, с. 137, 147, 160, 161 и др.

[3] Гръцки извори, т. IV, с. 114, 116.

[4] *В. Златарски.* Намереният в Албания надпис с името на българския княз Борис-Михаил. — Slavia, 1923–1924, vol. II, p. 61 sq.

[5] *М. Г. Попруженко.* Синодик царя Бориса. София, 1928, с. 87–88.

[6] *Constantine Porphyrogenitus.* De administrando imperio. Ed. Gy. Moravcsik, R. J. H. Jenkins. Bp., 1949, p. 150.62, 154.45, 49, 54, 64.

[7] Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. Изд. подгот. Я. Н. Щапов. М., 1976, с. 14, 16, 18 и сл.

[8] Там же, с. 154 и сл.

[9] ПСРЛ. М., 1962, т. I, стлб. 240.

в полном соответствии с представлениями той эпохи о престижности. Венгерские «архонты» Вулцсу (Булчу) в 948 г., а Гилас (Дьюла) в 952 г. именно по этой причине приняли крещение в Константинополе. Правительница молодого русского государства во всей своей внешнеполитической деятельности ставила целью поднять авторитет Руси на международной арене. Указанной цели отвечало и принятие христианства в столице империи; престижность места и обстоятельств крещения должны были, кроме того, внушать Ольге больше надежд на успех в борьбе с языческой оппозицией по возвращении.

И, наконец, о дате крещения. Конечно, строго говоря, мы не знаем точного дня отъезда Ольги из Константинополя после приема 18 октября 946 г. Ясно, впрочем, что она могла задержаться всего на несколько дней. Условия плавания по Черному морю ухудшались с каждым днем. Часть ее свиты, в том числе группа наиболее видных сопровождавших княгиню лиц, уже покинула Константинополь (напомним, что с ноября начинался сбор дани — полюдье, а путь домой был не близок). Допустить крещение Ольги в последние дни визита в Константинополе, после встреч с императором и переговоров, нам представляется невозможным: это было бы крупным дипломатическим промахом умной и властной княгини (по этим же соображениям нельзя относить крещение и к осени 957 г., если отдавать предпочтение именно этой дате перед нашей датировкой — 946 г.).

Действительно, в своем другом труде, написанном до 952 г., Константин пишет о русских «архонтах» (а Ольга тогда еще оставалась «архонтиссой») как об язычниках. Поэтому мы неизбежно должны признать правомерным неоднократно делавшееся в науке заключение, что Ольга совершила два путешествия в Константинополь.[1] И дата ее крещения хорошо известна из русской летописи — 6463 г., соответствующий при сентябрьском годе 1 сентября 954 — 31 августа 955 гг., а при мартовском — 1 марта 955 — 28 февраля 956 гг.

Главной причиной сомнений исследователей в летописной дате была как раз ошибочная, по нашему мнению, датировка описанного Константином посещения Ольгой Византии 957 годом. Теперь этот основной повод для сомнений — при нашей датировке — отпадает. Вопреки мнению Ж.-П. Ариньона,[2] мы считаем, что свидетельства летописей и Якова Мниха все-таки не «перекрывают», а подкрепляют друг друга. Мних пишет, что Ольга прожила христианкой 15 лет и умерла 11 июля 6477 (969 г.).[3] Для наших целей не является принципиально важным, летописец ли, опираясь на сообщенную Мнихом цифру (15 лет), высчитал дату крещения либо, наоборот, высчитал цифру

---

[1] См. обзор литературы: *А. Н. Сахаров.* Дипломатия Древней Руси: IX–первая половина X в. М., 1980, с. 264–265 и сл.

[2] *Ж.-П. Ариньон.* Международные отношения Киевской Руси в середине X в. и крещение княгини Ольги. — В кн.: ВВ. М., 1980, т. 41, с. 117.

[3] *А. А. Зимин.* Память и похвала Иакова Мниха и житие князя Владимира по древнейшему списку. — В кн.: Крат. сообщ. Ин-та славяноведения. М., 1963, т. 37, с. 70.

«15» Мних, отправляясь от летописной даты. На такую вероятность указывает Ариньон, но он может оказаться правым лишь в том случае, если цифра «15 лет» у Мниха — абсолютно произвольна.

Итак, если в летописи мартовский год, то Ольга крестилась летом–осенью 955 г., если сентябрьский, то либо осенью 954 г., либо летом 955 г. Осень 954 г. может оказаться предпочтительнее, потому что тогда до полных 15-и лет (до смерти Ольги 11 июля 959 г.) недостает лишь чуть более полутора месяца, чем Мних мог пренебречь. Если принять 955 г., то до 15-и лет не хватает, как кажется, целого года. Но, как мне любезно подсказал О. М. Рапов, в те времена при подсчете истекших лет считали и начальный год — год отсчета (в нашем случае 955), и конечный (969). В таком случае Мних мог получить 15, отправляясь и от 955 г. Так или иначе дата 954/955 г. подтверждается и летописями, и Мнихом.

Подкрепляется, по нашему мнению, эта датировка и сообщением Иоанна Скилицы.[1] Его известие о приезде «Эльги», ее крещении, оказании ей высоких почестей и отъезде помещено в перечне ряда событий, в котором до сообщения об Ольге сказано о крещении Булчу (948 г.) и Дьюлы (952 г.) и о казни Булчу по приказу Оттона I (955 г.), после же пассажа об Ольге — о том, что после смерти невесты Романа II Берты (949 г.) он женился на Феофано (956 г.). Полагаем, что о казни Булчу и о смерти Берты Скилица упомянул попутно, чтобы исчерпать сюжет. Таким образом, крещение Ольги помещено у него между 952 и 956 гг., что и соответствует дате летописей.

Таким образом, можно допустить, что в летописях слились не только две версии рассказа о путешествии Ольги — «императорская» и «патриаршая», как их условно обозначают, — но и два путешествия Ольги. Раздражение итогами поездки в Константинополь отразилось по преимуществу в «императорской» версии и касалось в основном поездки в 946 г. Тогда Ольга и ожидала долго «в Суду», и уехать едва успела, рискуя бросить караван в порогах, и «вои в помощь» не спешила посылать по возвращении. Тогда и Константин, после посещения княгини, выступил как русофоб в своем труде «Об управлении империей». «Патриаршая» же летопись связана в основном со вторым путешествием и повествует более о благоприятных результатах путешествия (о крещении и о чести, оказанной Ольге императором). Тогда, вероятно, был заключен и новый договор, предусматривавший значительное повышение оплаты со стороны империи воинской помощи Руси. Во всяком случае, через 12–13 лет (в 967 г.) отправленный в Киев за военной помощью против болгар посол императора Калокир не просто напоминал русским о союзническом долге, а вез с собой огромную сумму в 15 кентинариев (108 тыс. золотых монет).[2]

Два путешествия Ольги слились в одно, потому что они были разделены не столь продолжительным промежутком времени (8–9 лет) и потому что вторая, более результативная поездка отодвинула в тень

---

[1] *Ioannis Scylitzae* Synopsis historiarum. Ed. I. Thurn. Berolini; Novi Eboraci, 1973, p. 239.59–240.86.

[2] *Leonis Diaconi* Historiarum libri decem. Bonnae, 1828, p. 63.11.

первую. Во всяком случае, такое понимание вытекает как будто из источников. Нельзя сказать теперь, как кажется, что в византийских источниках совсем нет упоминаний о втором путешествии (это упоминание мы усматриваем в сообщении Скилицы).

Уточнение фактов в результате источниковедческих изысканий является необходимым предварительным условием их интерпретации. Теперь можно было бы перейти к объяснению хода событий и их причинно-следственных связей в соответствии с нашей датировкой поездок и крещения Ольги. Но это особая задача. Ограничимся пока следующим предположением. Недовольный встречей с Ольгой в 946 г. Константин вторично пригласил ее, по-видимому, в 953/954 г. в силу крайней необходимости. Резко осложнилась обстановка на восточной границе империи: наступление византийцев против арабов в 952 г. пришлось остановить. В 953 г. эмир Мосула Сейф-ад-Даула захватил недавно отвоеванную Германикию, разбил византийскую армию, пленил военачальников, в том числе сына доместика схол Востока Константина Фоку, и стал развивать наступление.[1] Ольга приняла приглашение императора. Отправилась она с твердым намерением креститься, взяв с собой то самое ритуальное блюдо, которое она подарила храму Св. Софии и которое в начале XIII в. видел там Добрыня Ядрейкович (Антоний Новгородский).[2] Потому оно и не затерялось через два с половиной столетия в богатом церковном реквизите великого храма, что было особым, памятным, привезенным в дар с Руси ее правительницей, а не той византийской чашей, подобной многим другим, которую Ольга получила из рук императора, а затем, как полагали, передала патриарху.

Переговоры 954–955 гг. завершились успешно. Ольга приняла христианство. Ей была оказана высокая честь, она была возведена в ранг «дщери» императора, а Константин получил значительную военную помощь. Уже в 955 г. византийцы с участием русских воинов осадили Хадат. Русские воины входили в состав гарнизонов, поставленных в 956 г. по крепостям вдоль сирийской границы; в 957 г. византийцы усилили натиск против арабов. Был взят Хадат, а в 958 г. — Самосата. В 960–961 гг. русские принимали участие в победоносной кампании Никифора Фоки по отвоеванию Крита у арабов...

Мы, разумеется, отдаем себе отчет в сложности поднятых нами вопросов и пока не намерены высказывать суждение о внешней политике Ольги в целом. Мы были бы весьма заинтересованы в критических замечаниях по существу поставленных в статье проблем: эти замечания помогли бы выявить уязвимые пункты в нашей аргументации и тем самым послужили бы более надежному уточнению хода событий начальной русской истории.

[1] *G. Ostrogorsky.* Geschichte des Byzantinischen Staates. München, 1963, S. 235–237; *D. A. Zakythinos.* Byzantinische Geschichte. Wien; Köln; Graz, 1979, S. 199.

[2] *Д. В. Айналов.* Указ. соч., с. 1–4.

Древняя Русь, Болгария и Византия в IX–X вв.

При всем постоянстве внимания, уделяемого в исторической литературе вопросам истории становления и развития Древнерусского государства в IX–X вв. и истории его внешнеполитических связей, именно для последних десятилетий характерен особенно глубокий интерес к этой проблематике и в отечественной, и в зарубежной историографии.[1] Новейшие исследования на эту тему, прежде всего марксист-

---

[1] См., например: *Б. А. Рыбаков.* Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963; *А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин, В. П. Шушарин, Я. Н. Щапов.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965; *А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто.* Внешняя торговля Древней Руси. — История СССР, 1967, № 3; *В. Т. Пашуто.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968; *М. Н. Тихомиров.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969; *С. М. Каштанов.* О процедуре заключения договоров между Византией и Русью в X в. — В кн.: Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972; *А. Г. Кузьмин.* Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977; *М. Ю. Брайчевский.* О первых договорах Руси с греками. — В кн.: Советский ежегодник международного права. М., 1980; *А. Н. Сахаров.* Дипломатия Древней Руси. IX–первая половина X в. М., 1980; *Г. Г. Литаврин.* Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь: Проблема источников. — Византийский временник, 1981, т. 42; и др. См. также: *D. A. Miller.* Byzantine Treaties and Treaty-Making, 500–1025. — Byzantinoslavica, 1971, t. 32/1; *H. Ahrweiler.* Les relations entre les Byzantins et les Russes au IX siècle. — Bulletin d'information et de cooperation, 1971, № 5; *H. Lowmianski.* Poczatki Polski. Warszawa, 1973, t. V; *D. Obolensky.* The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe, 500–1453. London, 1974; *J. Shepard.* Some Problems of Russo-Byzantine Relations, c. 860 – c. 1050. — The Slavonic and East European Review, 1974, v. 52, n. 126; *А. В. Поппэ.* О причине похода Владимира Святославича на Корсунь в 988–989 гг. — Вестн. МГУ. Сер. 8, История, 1978, № 2; *Ж.-П. Арриён.* Международные отношения Киевской Руси в середине X в. и крещение княгини Ольги. — Византийский временник, 1980, т. 41; и др.

ские, проникнуты стремлением к комплексному рассмотрению относящейся к нашему докладу проблематики в тесной связи с изучением факторов внутреннего социально-экономического, политического и культурного развития находящихся в непосредственном взаимодействии стран и народов, при опоре не только на письменные и археологические свидетельства, но и на данные смежных общественных наук.

Взаимоотношения Древней Руси, Болгарии и Византии изучаются ныне подавляющим большинством исследователей лишь как одно, хотя и важнейшее в IX–X столетиях, направление в сложной системе международных связей, охватывавших в ту эпоху множество государств и народов Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы, а также Кавказа, Ближнего Востока и Центральной Азии. Все более глубоко и всесторонне раскрывается воздействие на отношения трех названных стран происходивших в течение изучаемого двухсотлетия крупных перемен на международной арене (прежде всего это неуклонное возвышение Древнерусского государства, расцвет и последовавшее затем ослабление Первого Болгарского царства, постепенное нарастание сил Византийской империи, упадок Хазарского каганата, вторжение венгров в Центральную Европу, появление печенегов в Северном Причерноморье, распад Арабского халифата на независимые эмираты).

Широкое признание в мировой историографии нашел обоснованный главным образом в советской литературе вывод о настойчивом стремлении Древней Руси, отчетливо проявившемся со второй половины IX в., установить свое господство (в ущерб позициям Византии и Хазарского каганата) в Восточном, Северном и Северо-Западном Причерноморье, что привело в конечном итоге во второй-третьей четверти X столетия к смене русско-хазарского и болгаро-византийского конфликтов, определявших около века внешнеполитическую ситуацию в Восточной и Юго-Восточной Европе, на конфликт русско-византийский.

В новейших исторических исследованиях высказано также немало иных оригинальных положений, тезисов, уточнений и гипотез, существенно расширяющих и обогащающих наши представления о ходе исторического процесса в рассматриваемом здесь ареале. Приходится, однако, констатировать, что, несмотря на значительное увеличение археологического материала и крупные успехи, достигнутые на пути тщательного учета, анализа и критики всего сохранившегося фонда письменных памятников, недостаток источников по-прежнему остается камнем преткновения при изучении проблем международных связей Руси, Болгарии и Византии. Выявление новых фактов и уточнение давно известных в науке, а также их убедительная интерпретация и определение места и значения каждого из них по-прежнему остаются, на наш взгляд, первостепенными задачами историков нашего времени. Поэтому в данном докладе мы ограничиваемся отчасти новой интерпретацией некоторых фактов и событий этой эпохи, отчасти — их уточнением, отчасти — обоснованием важности тех заключений наших предшественников, которые, по нашему мнению, не нашли в новейших специальных трудах должной оценки.

В соответствии с этим мы предлагаем здесь вниманию специалистов свое мнение по трем вопросам рассматриваемой темы: об условиях плавания и торговли русских в Западном Причерноморье и в Византии, о целях и результатах посольства княгини Ольги в Константинополь и о месте Болгарии в развитии связей Древней Руси и Византийской империи в IX–X вв.

I. Приступая к рассмотрению первого вопроса, мы остановимся на внимание на уже отмечавшемся, но, как нам представляется, недостаточно объясненном противоречии в показаниях Константина Багрянородного в его труде «Об управлении империей».

В заглавии к знаменитой 9-й главе и в 1-й строке самой главы, при описании путешествия русских купцов в Византию говорится, что русские отправляются на своих однодеревках (моноксилах) в столицу империи и что эти моноксилы прибывают в Константинополь.[1] В прямом противоречии, на первый взгляд, с этим заявлением в конце той же главы царственный автор, назвав последнюю дневку (остановку) русского торгового каравана на болгарской земле (в устье р. Дичины — совр. Камчин), пишет, что «от Дичины они достигают района Месеврии, где завершается их мучительное и страшное, трудноодолимое и тяжелое плавание».[2] Иными словами, здесь в качестве конечного пункта путешествия русских купцов назван не Константинополь, а город-крепость на восточнофракийском побережье (Месеврия — ныне Несебр), отстоящий от столицы империи по морю примерно на 180 км. И снова, как будто в полном согласии с этим последним указанием, в заключительных строках 9-й главы Константин пишет, что с наступлением весны и лета русские вновь со своими моноксилами «отправляются в Романию».[3]

Бегло коснувшись этого противоречия, Д. Оболенский заметил, что, по его мнению, Константин назвал здесь Месеврию лишь как пункт, чуть севернее которого русские пересекли границу империи с Болгарией: отсюда они могли никого не опасаться, так как их безопасность «четко гарантировалась» договором 911 г.[4] Объяснение, по-видимому, показалось вполне приемлемым. Действительно, сам Константин, как было показано выше, ведет речь о ежегодном прибытии русских в Константинополь. В договорах 907 и 944 гг. в качестве места пребывания русских в империи назван пригород столицы на северо-восточном берегу Золотого Рога, в районе монастыря св. Маманта,[5] да и русские летописи выразительно свидетельствуют, что Ольга при посещении Константинополя долго томилась на своем судне в этой константинопольской бухте («в Суду»).[6] И договоры русских с греками, и византийские

[1] *Constantine Porphyrogenitus.* De administrando imperio. Ed. G. Moravcsik. Budapest, 1949, p. 56.1–4.

[2] Ibid., p. 62. 101–104.

[3] Ibid., p. 62. 109–113.

[4] *Constantine Porphyrogenitus.* De administrando imperio. London, 1962, vol. II. Commentary, p. 58.

[5] Памятники права Киевского государства. Сост. А. А. Зимин. М., 1952, с. 7, 26.

[6] ПВЛ, ч. 1, с. 46.

источники, повествующие о войне Руси и Византии в 1043 г., не оставляют сомнений в том, что русское купечество вело торг непосредственно на рынках Константинополя; мало того, еще до 1042 г. русские при их посещении столицы на Босфоре размещались уже не (или — только) в квартале св. Маманта, но и внутри стен самого города.[1]

И тем не менее объяснение Д. Оболенского нам не представляется убедительным. У Константина сказано, что в «районе Месемврии» кончаются не опасения русских, а их плавание (πλοῦς). Кроме того, этот же венценосный писатель в 9-й главе заявляет, что, начиная от рукава дельты Дуная Селины, русские достигают «земли Болгарии» и отсюда «не боятся никого».[2] Так что предполагаемая охрана их каравана со стороны имперских властей, начиная от Месемврии, в данном случае ни при чем.

Однако, прежде чем истолковать иначе отмеченное противоречие в 9-й главе, необходимо коротко остановиться на некоторых других обстоятельствах пребывания русских в столице империи, а именно на вопросе о размерах торговых караванов, отправляющихся в весенне-летний сезон из Киева в Византию, об условиях постоя русских в квартале св. Маманта и о принципах организации их торговых операций в Константинополе.

Традиционными статьями русского вывоза в Византию были меха, кожи, воск, мед, лен, икра, рыба.[3] Прибывавшие в Константинополь купцы представляли практически все наиболее крупные городские центры Древней Руси (а их в середине X в. было около 20–22).[4] Княжья и феодализирующаяся знать сбывала в империи собираемую с зависимого населения и с покоренных иноязычных племен дань, чтобы приобрести на рынках Византии необходимые товары и повышающие социальный престиж знатных лиц предметы роскоши.

Договоры русских с греками, свидетельства Константина Багрянородного о пути русских купцов в Византию и о приемах посольства Ольги позволяют судить о значительном размахе русско-византийской торговли в X столетии. Согласно договорам 911 и 944 гг., плывущие к берегам империи грузовые торговые суда сопровождались и послами тех знатных лиц Руси, от имени которых купцы вели торг в Константинополе.[5] На приемах в императорском дворце вместе с Ольгой присутствовали 22 русских посла и 44 купца.[6]

---

[1] См.: *Г. Г. Литаврин.* Пселл о причинах последнего похода русских на Константинополь. — Византийский временник, 1967, т. 27, с. 71–86; *Он же.* Война Руси против Византии в 1043 г. — В кн.: Исследования по истории славянских и балканских народов: Эпоха средневековья. Киевская Русь и ее славянские соседи. М., 1972, с. 204 сл.

[2] *Constantine Porphyrogenitus.* De administrando..., vol. I, p. 62.94–98.

[3] The Proceedings of the XIII-th International Congress of Byzantine Studies. London, 1976, p. 72–73.

[4] *Г. Г. Литаврин.* Состав посольства Ольги в Константинополь и дары императора. — В кн.: Византийские очерки. М., 1982.

[5] Памятники права..., с. 6, 25.

[6] *Constantinus Porphyrogenitus.* De cerimoniis aulae Byzantinae. Bonnae, 1829, v. I, p. 597.12; 598.10–11.

Вряд ли мы ошибемся, предполагая, что каждый посол и каждый купец русского каравана отправлялся из Киева не с одной ладьей, груженной товаром, причем товаром (как видно из приведенного выше перечня) громоздким, требующим много места и обладающим значительным удельным весом. Это была торговля, регулярно организуемая государственной властью, игравшая важную роль в системе социальной и экономической жизни раннефеодального Древнерусского государства. Торговля с Византией находилась под прямым протекторатом великокняжеской власти, ее условия защищали заключенные в результате ожесточенной вооруженной борьбы договоры. Торговые привилегии русских были оплачены серьезной воинской помощью со стороны Руси империи.[1]

Следовательно, каждую весну (каждое лето) из Киева вниз по Днепру отправлялась крупная флотилия, насчитывавшая не менее 100–200 ладей (моноксилов). Условия плавания по Днепру и Черному морю, как и опасности в пути от хищничества печенегов, предполагали не только значительный контингент гребцов, но и внушительный отряд профессиональных воинов. К ним нужно причислить штат помощников купцов, послов со свитой, слуг и рабов (о рабах и челядинцах, убегавших в империю от своих русских господ, специально говорится в договорах с Византией).[2] Иными словами, число русских, преодолевавших печенежские заслоны у днепровских порогов и доводивших вопреки всем тяготам пути караван до имперских берегов, никак не могло — при самых скромных подсчетах — быть меньше тысячи человек во время каждой экспедиции.

В свою очередь, прекрасно известно, сколь осторожны были византийцы и сколь недоверчиво относились они к иноземным купцам, готовым в те времена в любую минуту сменить весы и медимн на меч и копье. Особенно ярко эти опасения отражены в русско-византийских договорах, которые и заключены были лишь в результате предшествовавших им вооруженных нападений русских на столицу империи.

Источники не дают никаких оснований для делающегося поныне в историографии молчаливого допущения, что вся ежегодно прибывавшая русская торговая флотилия получала доступ в Босфор, что все русские ладьи имели причалы в бухте предместья св. Маманта или в Золотом Роге и что все прибывшие с караваном русские располагались в этом предместье в отведенных для них помещениях и получали обусловленное договорами бесплатное продуктовое довольствие. Нет данных также и для предположения, что именно здесь, близ стен столицы, в ее пригородах, многочисленный персонал русских корабельщиков производил необходимый ремонт и осмолку своих судов перед обратной дорогой, оснащая их полученными от греков (в силу условий договора) новыми якорями, парусами и иными снастями.

---

[1] *В. Т. Пашуто.* Внешняя политика..., с. 62 сл.; *А. Н. Сахаров.* Дипломатия..., с. 131 сл.

[2] Памятники права..., с. 8, 27.

По прибытии в империю послы и купцы Руси предъявляли полученные от киевского князя удостоверения (в начале X в. — печати, а с 40-х годов X в. — грамоты), дающие им право на пользование установленными по договорам льготами и служащие одновременно для имперских властей гарантией соблюдения русскими утвержденных норм их торговли и поведения на земле империи. Представитель эпарха Константинополя (легатарий, или «наблюдатель за варварами», или подчиненный им чиновник[1]) составлял список послов и купцов, после чего им предоставлялись «слебное» (посольское) и «месячина» (довольствие для купцов) на время пребывания в столице; имперские власти знали о числе русских судов (об этом сообщал киевский князь в своей грамоте) и, исходя из этого, производили опись — по ассортименту и количеству — доставленных русскими товаров и устанавливали место и сроки их продажи.[2]

Согласно описаниям Константина приемов иноземных посольств (послов из Тарса и посольства Ольги), в отведенной для иноземцев резиденции в столице или близ нее располагалось одновременно не более 100–200 человек.[3] Торговые караваны иноземных купцов, едва ступив на территорию империи или войдя в ее прибрежные воды, попадали под контроль имперских властей. Без уплаты торговых пошлин на таможенных заставах (и на суше, и на море) эти караваны не могли пройти к тем рынкам, на которые они направлялись. Сами эти рынки для купечества каждой страны были строго определены (напомним, что перенесение болгарского рынка из Константинополя в Фессалонику царь Болгарии Симеон использовал в 893 г. для начала войны против империи).[4] Закупка товара у иностранцев носила оптовый характер («каков бы он ни был и сколько бы его ни было»), и византийские торговые корпорации закупали его не на самом рынке в столице, а прямо в тех помещениях, где размещали иноземных торговцев.[5] Это правило применялось, несомненно, и при торговых сделках с русскими, тем более что среди привозимых с Руси товаров находились такие (меха, кожи, лен, воск, рыба, рабы), торговля которыми в Константинополе подлежала строжайшей регламентации, контроль при этом распространялся не только на продавцов, но и на покупателей.[6]

Конечно, какую-то часть товаров и какие-то их виды русские, по всей вероятности, продавали на рынках самого Константинополя,

---

[1] Византийская книга эпарха. Вступит. ст., пер., коммент. М. Я. Сюзюмова. М., 1962, с. 68, 249–251 (далее — книга эпарха); *Г. Г. Литаврин.* Византийское общество и государство в X–XI вв.: Проблемы истории одного столетия: 976–1081 гг. М., 1977, с. 147.

[2] ПВЛ, ч. 1, с. 36; Книга эпарха, с. 68.

[3] *Constantinus Porphyrogenitus.* De ceremoniis..., v. II, p. 592.8–13. См.: *Г. Г. Литаврин.* Путешествие..., с. 44–47.

[4] *В. Златарски.* История на Българската държава през средните векове. София, 1971, т. 1, ч. 2, с. 285 сл.

[5] Книга эпарха, с. 53–567.

[6] *Г. Г. Литаврин.* Византийское общество..., с. 127–155.

но не лишено значения то обстоятельство, что в конкретных статьях договоров речь идет либо о «купле» (неопределенно), либо о покупках русскими византийских товаров, но не о продаже своих.

Месемврия была одной из важнейших с VII в. на фракийском побережье таможенных станций империи.[1] Здесь находилась «апофика» (ἀποθήκη) — склад конфискованных и взимаемых натурой в качестве пошлин товаров.[2] Важная таможенная застава находилась и у выхода из Черного моря в Босфор, где располагались и пограничный воинский гарнизон во главе со «стратигом Понта Эвксинского», и стоянка военных кораблей (эта стратигия, или морская фема, призванная защищать столицу от возможных нападений именно со стороны русского флота, была создана в X в.); войти в Босфор можно было только после контроля и получения разрешения имперских властей.[3]

Разумеется, положение русских в империи можно расценивать как исключительное: они пользовались — прежде всего в самом Константинополе — экстраординарными торговыми и иными льготами. Следовательно, ни в Месемврии, ни при входе в Босфор, ни в самом Константинополе русские не платили торговых пошлин. Для нас важно, однако, показать, сколь тщательно в империи были разработаны разного рода правила и нормы, касающиеся организации торговли, и в особенности торговли с иностранцами. Имперское правительство стремилось, несомненно, избежать скопления множества русских судов с вооруженным экипажем непосредственно под стенами своей столицы. Даже 50 русских, одновременно допускавшихся в город, должны были входить в него без оружия.[4]

В договорах четко указывалось, что только внесенные поименно в список купцы и послы,[5] имеющие княжеские удостоверения, имеют право на получение бесплатного довольствия и на посещение бань.[6] Предместье св. Маманта не могло, разумеется, принять на постой одновременно тысячу человек.[7]

Итак, мы заключаем, что в приведенных выше показаниях Константина опущены важные детали, но нет никакого противоречия. Для большинства русских (гребцов и воинов эскорта) и для значительной

---

[1] Сколь долго Месемврия во время царствования Симеона была в руках болгар и была ли вообще в их власти, остается спорным. Р. Броунинг (*R. Browning*. Byzantium and Bulgaria. London, 1975, p. 98) полагает, что торговое значение города и его роль в качестве таможни, видимо, снизилась в IX–X вв., так как серия печатей коммеркиариев прервалась на VIII в. Однако известно, что Авидос оставался важнейшей таможенной станцией и в IX–XI вв., хотя печати коммеркиариев Авидоса этого времени также не найдены.

[2] *H. Antoniadis-Bibicou*. Recherches sur les Douanes à Byzance. Paris, 1963, p. 188, 198.

[3] Ibid., p. 73, 78–79.

[4] Памятники права..., с. 25.

[5] Там же, с. 25.

[6] О предместье св. Маманта в IX–XI вв., см.: *R. Janin*. Constnatinople Byzantine. Paris, 1950, p. 376–377.

[7] Памятники права..., с. 25.

части однодеревок плавание действительно заканчивалось «в районе Месемврии». Здесь, в городе и его окрестностях, под наблюдением гарнизона крепости (чтобы не происходило «пакостей» в селах и в стране василевса[1]) располагались русские до времени возвращения, вытащив на плоский берег ладьи и готовя их в обратный путь. Часть же людей с товаром в сопровождении купцов и послов либо отводились византийскими грузовыми судами к предместью св. Маманта, либо перегружались на эти суда (не исключительно, впрочем, что товар мог доставляться в Константинополь и по суше: в XII в. на ярмарку в Фессалонику в день св. Димитрия 26 октября русские товары доставлялись от столицы империи на вьючных животных).[2]

Если наша точка зрения покажется приемлемой, тогда, может быть, появятся новые возможности для истолкования дефектного текста Псевдо-Симеона, в котором содержится список городов Фракии и географических пунктов по соседству и который начинается с Месемврии, а завершается упоминанием о «руси, называемых дромитами», и о византийском флотоводце Радене.[3] Список связывают с событиями начала X в.[4]

II. Рассмотрение второго вопроса (о целях и результатах посольства Ольги) мы начинаем с утверждения, что оно состоялось не в 957 г., как ныне признано в историографии, а в 946 г. Подробная аргументация новой датировки приведена нами в статье, опубликованной в журнале «История СССР».[5] Путешествие княгини Ольги в Константинополь оказывается, таким образом, в ином историческом контексте, и поэтому требуется иное осмысление причинно-следственных связей между событиями, предшествовавшими этому дипломатическому акту и последовавшими за ним.

В более тесную и непосредственную зависимость с поездкой русской княгини следует ставить теперь, по-видимому, такие события, как заключение договора 944 г., смерть Игоря, поход Руси на Бердаа в 945 г., с одной стороны, и свержение с престола сначала Романа I Лакапина, а затем его сыновей Стефана и Константина и усиление военной активности империи против арабов во второй половине 40-х годов X в. — с другой.

Как известно, в дипломатических отношениях Византии с соседними странами и народами установилась практика подтверждения силы ранее заключенных договоров в случае смерти или отстранения от власти хотя бы одного из утвердивших договор правителей.[6] Следовательно,

---

[1] Памятники права..., с. 24–25.

[2] Timarion. Ed. A. Ellissen. — In: Analecten der mittel- und neugriechischen Literatur. Lipsiae, 1860, Th. IV, Abt. I, p. 46.

[3] Symeoni Magistri De Leone Basilii filio. — In: Patrologiae cursus completus. Series Graeca. Paris, 1864, t. 109, p. 767.

[4] *R. J. H. Jenkins*. The supposed russian attack on Constantionople in 907: evidence of the Pseudo-Symeon. — Speculum, July, 1949, p. 406.

[5] *Г. Г. Литаврин*. О датировке посольства княгини Ольги в Константинополь. — История СССР, 1981, № 5.

[6] См.: *А. Н. Сахаров*. Дипломатия..., с. 262 сл. (здесь и литература вопроса).

подтверждение договора 944 г. между Русью и Византией было тем более настоятельно, что уже менее чем через полгода после его заключения, в начале 945 г., ни на Руси, ни в Византии высшей власти не обладал ни один из государей, скреплявших это межгосударственное соглашение.

Игорь погиб, по всей вероятности, в ноябре 944 г. (именно в этом месяце, по свидетельству Константина, русская знать начинала объезд подвластных территорий с целью сбора дани).[1] Роман I был низложен 16 декабря 944 г., а его сыновья Константин и Стефан (они, как соправители отца, также утверждали договор 944 г.[2]) — 27 января 945 г. На Руси, в Киеве, вся полнота власти сосредоточилась в руках вдовы Игоря Ольги, в Византийской империи — в руках законного наследника, представителя Македонской династии Константина VII Багрянородного, который к концу 944 г. не обладал и тенью подобающей ему власти.

Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что одной из главных целей встречи правителей двух стран на Босфоре было подтверждение силы (может быть, с какими-то поправками и уточнениями) договора 944 г. Но процедура подтверждения отнюдь не обязательно предполагала личную встречу глав двух договаривающихся сторон: и самый договор 944 г. был заключен и утвержден без личной встречи Игоря с императором. Следовательно, имелись и иные основания для поездки княгини, которые представлялись чрезвычайно важными.

Трудно сказать, с чьей стороны в данном случае исходила инициатива. Восстание древлян осенью 944 г., необходимость их подчинения и отмщения за смерть мужа, забота о сохранении в своих руках высшей власти, само положение Ольги, женщины-государыни, не должно было, кажется, побуждать стареющую княгиню первой искать встречи с императором, сопряженной с длительным отсутствием и далеким и нелегким путешествием.[3] Однако сам факт ее поездки при подобных обстоятельствах оправдывает заключение о серьезной заинтересованности княгини в переговорах с Константином VII с глазу на глаз.

Император оповестил правителей всех государств, с которыми Византия поддерживала дипломатические отношения, о коронации 6 апреля 945 г. своего единственного сына, семилетнего Романа II, в качестве своего соправителя.[4] До этой даты — в силу сезонных условий плавания по Черному морю — вряд ли византийское посольство было

---

[1] *Constantinus Porphyrogenitus.* De administrando..., I, p. 62.104–110.

[2] Памятники права..., с. 24. Мы считаем, что имя отодвинутого Лакинидами в тень Константина VII в договоре даже не упомянуто.

[3] Замечание русской летописи о длительном и томительном ожидании Ольгой приема говорит как будто против того, что император сам пригласил княгиню в Константинополь. Но нам совершенно неизвестны причины промедления с приемом: трения по процедурным вопросам могли возникнуть уже в Константинополе.

[4] В качестве соправителя Роман II присутствовал на приемах Ольги. См.: *Г. Г. Литаврин.* Путешествие..., с. 44–46.

отправлено в Киев. Мы думаем, что это посольство выехало из Константинополя после 6 апреля, именно оно оповестило киевский двор о свержении Лакипинидов, и о воцарении Романа II, и о необходимости нового утверждения договора 944 г. Эти же послы могли передать Ольге и приглашение в столицу империи (мы полагаем, что к этому времени в Константинополе уже знали о гибели Игоря: весть могла прийти и через Херсон и Аланию, и через печенегов и Болгарию).

Поездка в империю летом–осенью 945 г. была, однако, невозможной до взятия Искоростеня и подчинения древлян, тем более что на Руси к осени этого года ожидали также возвращения войска, ушедшего походом на Бердаа.[1] Ольга лишь вела летом–осенью 945 г. переговоры с Константинополем, в ходе которых были детально согласованы многие вопросы о времени, составе и статусе того беспрецедентного в древнерусской и византийской дипломатической практике посольства, которое имело место в 946 г. Об иных важных целях встречи (помимо утверждения старого договора), преследуемых обеими сторонами, позволяют судить, как нам кажется, и русские, и византийские источники. Причем о расчетах императора свидетельствует русская летопись, а о надеждах княгини — известие самого Константина Багрянородного.

Мы считаем достоверным по существу (а не по форме) сообщение летописи, что Константин VII просил у Ольги «вои в помощь»,[2] т. е. значительного увеличения численности тех воинских контингентов, которые — в соответствии с условиями договора 944 г. — прибывали в империю для найма на военную службу у императора. Обретя, наконец, власть и упрочив свое положение на троне, Константин VII уже в это время планировал отвоевание Крита у арабов, зная, что подготовка к походу займет не один год (грандиозная, но неудачная экспедиция состоялась в 949 г.).

Что касается политических расчетов Ольги, то в связи с новой датировкой ее поездки особую важность, на наш взгляд, приобретает свидетельство Константина VII, что русские были в числе тех языческих «северных» народов, которые домогались получения от василевса инсигний императорской власти и вступления в родство с правящим в Византии домом; Константин VII рекомендовал своему наследнику отвечать в таком случае решительным отказом, ссылаясь на «заветы Константина Великого»,[3] т. е. откровенно прибегая, по выражению Р. Дженкинза, к «дипломатической фикции».[4]

Династические браки в ту эпоху были важным политическим средством упрочения мира и военных союзов. Именно в этих целях Роман I выдал в 927 г. свою внучку за сына царя Болгарии Симеона Петра.

---

[1] Мы сознательно оставляем в стороне вопрос о походе Руси на Бердаа вне рассмотрения, так как попытки установления связи этой военной акции русских с византийско-русскими отношениями, многократно предпринимавшиеся в историографии, нам кажутся весьма спорными.

[2] ПВЛ, ч. 1, с. 36.

[3] *Constantinus Porphyrogenitus.* De administrando..., I, p. 70.106–72.142.

[4] Ibid., II, p. 63.

В поисках союзников против западных арабов этот же император обручил в 944 г. своего шестилетнего внука Романа II (сына Константина VII) с дочерью Гуго Арльского Бертой–Евдокией. Резко ухудшились в 968 г. отношения Византии с Германской империей Оттона I после отказа Никифора II Фоки обручить с Оттоном II дочь Романа II Анну (она, как известно, стала в 989 г. женой Владимира Святославича). В 969 г., во время походов Святослава на Балканы, тот же Фока планировал брак сыновей Романа II (Василия и Константина) с болгарскими принцессами (венчанию помешало убийство Фоки в декабре 969 г.). Таким образом, династические браки византийского двора в X в. находились, так сказать, в «контексте эпохи». Возможно, что уже от Игоря могли исходить предложения такого рода Константинополю. Но наиболее вероятно, по нашему мнению, что предложение обручить 5–7-летнего Святослава с одной из дочерей Константина VII (у него их было пять) сделала Ольга, как на этом недавно — с серьезными к тому основаниями — настаивали советские исследователи В. Т. Пашуто[1] и А. Н. Сахаров.[2]

Авторы лондонского комментария к труду Константина Багрянородного «Об управлении империей» еще раз убедительно показали, что император редактировал и частично сочинял оригинальный текст этого труда в 949–952 гг.,[3] т. е., согласно нашей датировке поездки Ольги, уже после посещения ею Константинополя, а не до этого, как полагали ранее, относя путешествие Ольги к 957 г. Именно это обстоятельство и дает нам основания для более уверенного заключения, что, говоря о предложениях со стороны русских династического брака с императорским домом, Константин Багрянородный имеет в виду свои личные встречи в Ольгой в сентябре и октябре 946 г.

Русская княгиня, конечно, не могла не знать, что ее проект нереален, пока она сама и Святослав остаются язычниками. Но субъективно Ольга, вынашивавшая план принятия христианства, могла не рассматривать это препятствие как неодолимое. В случае осуществления брачного союза, существенно возвышавшего престиж Древнерусского государства, княгиня и ее ближайшее окружение могли надеяться сломить сопротивление знатных приверженцев язычества на Руси.

Обстоятельства второго приема Ольги во дворце (18 октября), как они описаны Константином VII, и показания русской летописи, сколь они ни расцвечены сказочно-фантастическими деталями,[4] позволяют сделать вывод о том, что личная встреча не дала тех результатов, на которые надеялись обе стороны. Размеры воинской помощи империи со стороны Руси властная княгиня должна была, несомненно, поста-

---

[1] *В. Т. Пашуто.* Внешняя политика..., с. 66 (мысль историка высказана, однако, очень осторожно).

[2] *А. Н. Сахаров.* Дипломатия..., с. 291 сл.

[3] *Constantinus Porphyrogenitus.* De administrando..., II, p. 4–8; *G. Moravcsik.* Byzantinoturcica. Berlin, 1958, vol. I, S. 364–365.

[4] ПВЛ, ч. 1, с. 35–36. К такого рода деталям принадлежит прежде всего сцена сватовства императора к Ольге, которая, может быть, является искаженным отзвуком попытки Ольги сосватать сыну дочь Константина.

ставить в непосредственную зависимость от принятия ее предложения брачного союза и предоставления связанных с этим регалий власти (титул, корона и т. п.). Отказ Константина VII с неизбежностью повлек отказ и Ольги. Договор 944 г. сохранил силу, получив новое подтверждение, как об этом свидетельствует 9-я глава труда «Об управлении империей». Но в главном вопросе переговоры в Константинополе закончились неудачей для обеих сторон: чувство взаимного недовольства сквозит и в русских, и в византийских памятниках. Как убедительно показал еще М. В. Левченко,[1] Константин VII неизменно выдерживает неприятельский тон в отношении Руси в своем сочинении, за которое он взялся вскоре после посещения Ольги, а уже через 20 лет с небольшим дело дойдет до открытого военного столкновения Древней Руси и Византии.

III. Трактуя третий вопрос — о месте Болгарии в системе русско-болгаро-византийских отношений, мы также не столько выдвигаем новый тезис, сколько стремимся подкрепить новыми соображениями давно выдвигавшуюся в отечественной и болгарской научной литературе гипотезу. Гипотеза эта заключается в утверждении, что роль Болгарии в упомянутой системе международных связей была чрезвычайно серьезной и плодотворной. Без учета этой роли не могут найти удовлетворительного объяснения такие, например, кардинальной важности события в истории Древней Руси, как значительное распространение на Руси христианства уже в первой половине X в., задолго до официального крещения, и практически одновременный с этим переход к литургии на славянском языке, что представляет собой своего рода исключение в славянском мире.

Здесь не место для приведения многочисленных и выверенных фактов о проникновении славянской письменности на Русь уже в начале X в. и о роли в этом процессе болгарской книжности и литературы эпохи правления Симеона (893–927 гг.). Письменность служила не только потребностям отправления христианского культа — в ней остро нуждалась крепнущая государственная власть на Руси (свидетельство тому — договоры русских с греками, грамоты Игоря для послов и купцов, отправлявшихся в империю, их завещания на чужбине). По-славянски грамотные люди из Болгарии могли находить благосклонный прием на Руси не только для христианской проповеди и службы, но и для использования их знаний в аппарате государственной власти. То обстоятельство, что Русь в это время была языческой, а Болгария — христианской, в данном случае не могло являться препятствием; мы полагаем, что уже тогда письменность проникала из Болгарии не только по неофициальным (как, например, из моравских земель),[2] но и по официальным каналам. Регулярные в X в. отношения Древней Руси с Византией предполагали установление регулярных, как мы надеемся показать, связей и с Болгарией.

---

[1] *М. В. Левченко.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, с. 172–237.

[2] Ср.: *В. Т. Пашуто.* Внешняя политика..., с. 89.

Не затрагивая этой большой и сложной проблемы в целом, мы остановимся в связи с третьим вопросом доклада на трех обстоятельствах, давно привлекавших внимание в литературе, но, по нашему мнению, не оцененных во всей их значимости в новейших исследованиях. Это, во-первых, данные русских летописей о том, что походы против империи в 907 и 944 гг. были предприняты одновременно и по морю, и по суше. В нужной нам связи мы можем оставить в стороне поход 944 г.: Игорь мог рассчитывать легко преодолеть сопротивление ослабленной социальным и политическим кризисом Болгарии, если бы она, как союзница империи, попыталась помешать проходу через ее территорию русской конницы (ему не могло не быть известно, что венгров в их набегах на империю болгары в 934 г. остановить не сумели), да и самый поход был прерван на Дунае. Встреченный византийскими послами, Игорь был удовлетворен достигнутым соглашением и отказался от продолжения похода. Иное дело — поход 907 г., когда Болгария находилась в зените своей военной мощи и в то же время сохраняла мир с империей. Мы полагаем в связи с этим, что глубоко правы те историки, которые приходили к выводу о негласном соглашении Олега с Симеоном о проходе русской конницы по территории Болгарии.[1] Без такого соглашения комбинированный поход на Константинополь представляется нереальным.

Во-вторых, это — продвижение русских морских торговых караванов вдоль западночерноморского (болгарского) побережья, начиная от устья рукава Дуная (Селины) и кончая устьем р. Камчии (Дичины), лежавшей на расстоянии менее одного перехода от границы Болгарии с Византией. Согласно описанию Константина Багрянородного, на протяжении этого более чем 300-километрового пути тяжелогруженых (а значит, тихоходных) судов русские делали пять или шесть (в рукописи есть лакуна) остановок для отдыха на болгарском берегу: в устье Дуная, у Конопа, у Констанцы, у Варны и в устье Камчии. При этом царственный автор подчеркнул, что русские, достигнув Болгарии, от Селины «не боятся никого», в том числе или прежде всего, разумеется, во время отдыха на берегу, устраиваемого практически, видимо, после каждого дневного перехода по морю.[2]

Конечно, сил русских торговцев, экипажа и воинского эскорта было бы совершенно недостаточно, если бы отдыхающие подверглись атаке болгарского войска не только в правление Симеона, но и в царствование его слабого преемника Петра. Объяснение безопасности русских караванов на болгарском побережье, данные Д. Оболенским, нам представляется недостаточным. По его мнению, болгары не смели обижать русских, потому что сами являлись союзниками империи, а русские были ее торговыми партнерами.[3] В Киеве, безусловно, были

[1] *М. Н. Тихомиров.* Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до середины XVII в. — В кн.: Славянский сборник. М.; Л., 1945, с. 136–137.

[2] *Constantinus Porphyrogenitus.* De administrando..., I, p. 62.96–97.

[3] Ibid., II, p. 57.

хорошо осведомлены о характере отношений Болгарии и Византии и в IX в., и в правление Симеона не могли ставить в прямую зависимость от перемен в болгаро-византийских отношениях судьбу своих ежегодных торговых экспедиций в Византию. Единственное решение вопроса мы усматриваем здесь в существовании на этот счет специальных соглашений между Древней Русью и Болгарией.

Остановки в пути русского торгового каравана устраивались, по нашему мнению, не только для отдыха и ремонта ладей, но и с торговыми целями. Мы думаем, что и на острове св. Эферия русские занимались как переоснасткой судов для морского плавания,[1] так и пополнением ассортимента своих товаров для вывоза в империю, прежде всего за счет вяленой и соленой рыбы и икры. Именно в мае осетровые мечут икру в устьях рек, в том числе Днепра.[2] Как пишет Константин, в бухтах и лиманах между устьем Днепра и Херсоном херсониты добывали соль[3] — продукт, столь необходимый для приготовления упомянутого товара. В устье Днепра, согласно договору 944 г., как раз в «Белобережани, у святого Елеуферья», херсониты и рыбу ловили. Причем, видимо, не только одни они: по условиям договора, русские не должны были причинять здесь херсонитам ущерб и по наступлении осени должны были покидать устье Днепра, не оставаясь здесь на зиму.[4] Мы полагаем, что эти русские — не вооруженные ватаги вольницы, вившие здесь «гнезда» как опорные пункты для грабительских набегов, и не воинские контингенты киевского князя, а прибывавшие сюда с весны до осени по Днепру русские люди для занятий тем же трудом, что и херсониты, т. е. для ловли и засолки рыбы и икры, с тем чтобы выгодно и удобно сбыть ее русским купцам-гречникам при проходе каравана у острова св. Эферия (Березани).

Выбор места стоянок на болгарской земле (устье Дуная, важные городские центры Констанция и Варна), длительность отдыха (два-три дня[5]) ведут к заключению, что и здесь целью остановок русских торговых караванов были также транзитные торговые операции. Достаточно в связи с этим напомнить заявление Святослава, которое летопись ему приписывает, о торговом значении лежащего близ устья Дуная Переяславца.[6] А именно здесь, в Северо-Западном Причерноморье, завершали свой путь такие важные в то время торговые артерии, как Днестр и особенно Дунай. Достаточно напомнить также и о том, что болгары с 893 г. не имели доступа на константинопольский рынок либо же не имели там таких торговых привилегий, которыми обладали русские. Иными словами, торговые сделки с болгарскими торговцами русские купцы могли совершать и на пути в империю, и по возвращении из нее. В связи со всем этим мы приходим

---

[1] *Constantinus Porphyrogenitus.* De administrando..., I, p. 60.82–62.86.
[2] БСЭ. М., 1950, т. 4, «белуга».
[3] *Constantinus Porphyrogenitus.* De administrando..., I, p. 184.66–186.71.
[4] Памятники права..., с. 26.
[5] *Constantinus Porphyrogenitus.* De administrando...,I, p. 60.83–84.
[6] ПВЛ, ч. 1, с. 44–45.

к выводу, что реализация торговых статей договоров Руси с греками от 907, 911 и 944 гг. была опосредствована серией специальных соглашений на этот счет между Древней Русью и Болгарией.

И в-третьих, наконец, мы считаем, что отправлению посольства Ольги в империю предшествовали дипломатические переговоры Руси с Болгарией — видимо, также в 945 г., одновременно с переговорами с Константинополем и через тех же послов.

Как известно, отношения Руси и Болгарии были омрачены летом 944 г.: болгары известили Константинополь о приближении рати Игоря,[1] а сам князь, повернув от Дуная, побудил союзных себе печенегов вторгнуться в Болгарию.[2] При таких обстоятельствах огромное русское посольство во главе с княгиней могло встретиться во время поспешных дневок на болгарской земле по крайней мере с определенными неудобствами. Урегулирование отношений с преславским двором было бы в этих условиях, кажется, наиболее надежным выходом из положения. Не исключено, что на обратном пути в конце октября — начале ноября, когда штормы уже начинают бушевать у западного берега Черного моря,[3] Ольга часть путешествия совершила по суше, в том числе и по болгарской земле. Однако это — только догадка.

Итак, заключая наш доклад, выразим надежду, что нам в какой-то мере удалось показать русско-болгарско-византийские отношения в IX–X вв. как сложившуюся систему международных связей. Однако немало существенных звеньев ее нуждаются в более глубоком и всестороннем изучении.

[1] ПВЛ, ч. 1, с. 34.

[2] Там же, с. 34.

[3] *Constantinus Porphyrogenitus.* De administrando..., II, p. 23 sq.

Условия пребывания древних русов в Константинополе в X в. и их юридический статус

Представляется целесообразным, уточнив заглавие статьи,* рассмотреть сначала конкретные, реальные условия проживания и деятельности древних русов в Константинополе и перейти затем к невнятно выраженным в договорах X в. правовым нормам, по-прежнему и в современной историографии получающим самые противоречивые оценки.[1]

Прежде всего — о месте и условиях расквартирования русских послов и купцов в столице империи. Если верить договору 907 г.,[2] уже тогда местом пребывания русов был определен византийским правительством квартал св. Маманта («Приходяще Русь да витають у святаго Мамы»).[3] Оговоримся, однако, что вопрос о размещении посольств,

---

[1] Обзор литературы о русско-византийских договорах X в., в том числе — о соотношении договора 907 г. с договорами 911 и 944 гг., см.: *А. Н. Сахаров*. Дипломатия Древней Руси. М., 1980; *С. М. Каштанов*. Русская дипломатика. М., 1988.

[2] Мы разделяем мнение значительного числа историков, признающих и аутентичность и практическую значимость договоров 907, 911, 944 и 971 гг. Заново эта проблема изучена в новом их издании, подготовленном Институтом Российской истории РАН. В Греции подготовлено исследование о языке договоров с рядом новых чтений и толкований (*J. Malingoudis*. Zur typologischen Struktur der byzantinisch-russischen Vorträge des 10. Jh. — XVIII Международный конгресс византинистов: Резюме сообщений. М., 1991, т. II, с. 717–718).

[3] Памятники права Киевского государства. Сост. *А. А. Зимин*. М., 1952, с. 64–65.

* Начало статьи см.: *Г. Г. Литаврин*. О юридическом статусе древних русов в Византии в X столетии: (Предварительные замечания). — ВО. М., 1991, с. 60–82.

прибывающих в Константинополь по срочной государственной надобности, независимо от сезонных торговых караванов (о таких посольствах упоминается в 8-й статье договора 911 г.),[1] нельзя решать однозначно. Послы имели гораздо более высокий официальный статус, чем купцы. Данные об этом бесспорны: именно послы по договору 944 г. представляли власти Руси, именно их имена названы ранее имен купцов (в договорах 907 и 911 гг. имена купцов вообще не приводятся); до введения князем Киева «верительных грамот», с которыми послы и купцы являлись в Константинополь, первые предъявляли властям империи золотые печати, а вторые — серебряные;[2] на втором приеме княгини Ольги императором ее послы получили подарки, превосходившие вдвое дарованное купцам.[3] «Слебное» («слюбное?») — довольствие для послов, выдаваемое им в империи, отличается в договорах даже терминологически от «месячины» для купцов. Более высокий ранг послов учитывался, конечно, и при их размещении. Лиутпранд Кремонский, посетивший в качестве посла столицу империи в 949 и 968 гг., жаловался, что во второй раз ему, вопреки всем ожиданиям, отвели в качестве резиденции неуютный, лишенный воды и холодный дом, вдали от императорского двора, куда на встречи и приемы ему к тому же приходилось ходить пешком.[4]

Возможно, и послы Руси, приезжая не в компании купцов, проживали не всегда в квартале св. Маманта. Но вряд ли можно сомневаться в том, что, прибывая с купеческими караванами с целью обеспечения прежде всего торговых интересов Руси, послы размещались там же, где и купцы, хотя, вероятно, в более комфортных условиях. Тот факт, что о пригороде св. Маманта не упомянуто в договоре 911 г., не дает, на наш взгляд, права для заключения, что некоторое время между 911 и 944 гг. русы квартировали где-то в другом месте. Договором 944 г. резиденция прибывавших с торговыми флотилиями послов и купцов не «возвращалась» в квартал св. Маманта, а утверждалась как единственная, чтобы русы впредь не нарушали этого правила и не пытались (а случаи, повлекшие неприятные инциденты, без сомнения, бывали) проживать в иных местах или «зимовати у святого Мамы».[5]

Квартал св. Маманта — предместье вне стен столицы, расположенное примерно в двух километрах от ближайшего участка северных стен Константинополя, на европейском берегу Босфора (Стена), близ выхода из пролива в Мраморное море.[6] Пригород получил свое название

---

[1] Памятники права..., с. 8.

[2] Там же, с. 31.

[3] *Constantini Porphyrogeniti* De cerimoniis aulae byzantinae libri duo. Bonnae, 1829. Bd, I, p. 598.10–12.

[4] *Liutprand von Cremona.* Die Werke. Hrsg. J. Becker. Leipzig, 1915, S. 206.

[5] Памятники права..., с. 32.

[6] Дискутируя о местоположении монастыря, исследователи указывали еще на две обители в честь того же святого (у Влахерн и у Золотых Ворот), но спор был убедительно решен Ж. Паргуаром. См.: *J. Pargoire.* St. Mamas, le quartier russe de Constantinople. — EO. 1968, vol. XI, p. 203–210; *R. Janin.* Constantinople byzantine. P., 1950, p. 140, 189, 234, 431–432.

по имени монастыря, основанного в этом месте в честь великомученика Маманта. Монастырь уже существовал, когда после пожара 469 г. Лев I (457–474) воздвиг здесь всего за полгода роскошную загородную резиденцию — дворец с ипподромом, портиками и оборудованной гаванью; дворец стал местом празднеств и развлечений василевсов; разграбленный и сожженный по приказу болгарского хана Крума в 813 г., дворец был еще более пышно отстроен Михаилом III (842–867), который превратил его в свою почти постоянную резиденцию; здесь он был и убит в результате заговора Василия I Македонянина.[1]

Пригород вокруг этого монастыря и царского дворца и оказался местом расквартирования русов. Характерная деталь: видимо, хорошо изучив здесь побережье, порт и лоцию пролива, русы тяготели к этому месту даже во время конфликтов с империей — именно здесь, против высокого берега у квартала св. Маманта, они ставили в боевой порядок свои ладьи, принимая бой с византийским флотом и в 941, и в 1043 гг.[2]

---

[1] *Iosephi Genesii* Regum libri quattuor Rec. A. Lesmueller–Werner et I. Thurn. Berolini et Novi Eboraci, 1978, p. 72, 46–51; *Ioannis Scylitzae* Synopsis historiarum Ed. I. Thurn. N. Y., 1973, p. 107.44–108; 114.50–51; 131.11–12.

[2] Локализация этих сражений — предмет дискуссии. Известно, что флот Игоря построился у Фароса (маяка). Однако надо определить — о каком Фаросе идет речь. Источники чаще всего говорят о Фаросе в Вуколеоне, входящем в комплекс Большого императорского дворца. Этот Фарос стоял в самом городе, на террасе близ царской гавани, на южной стороне Константинополя, а не на Босфоре или Золотом Роге. Огонь на этом маяке был сигнальным — он зажигался, когда арабы вторгались в южные пределы малоазийских владений империи: Фарос был конечным пунктом в цепи сигнальных маяков, последовательно передающих весть о набеге врага от окрестностей Тарса до столицы (см. об этом: *Theophanus Continuatus, Joannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus*. Bonnae, 1838, p. 197–198; Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. Изд. подгот. Я. Н. Любарский. СПб., 1991, с. 85, 295; *Io. Scyl.*, p. 229.93–94). Описание сражений не оставляет, однако, сомнений в том, что они происходили не в виду царского дворца, а вдали от него. Тот же продолжатель Феофана пишет, что сражение 941 г. имело место близ другого Фароса (подлинно маяка, «указывающего дорогу плывущим ночью», «у входа в Понт Евксинский», «на Иероне»; после проигранной битвы часть русов разорила «побережье Стена» (Босфора) и сожгла много церквей (*Theoph. Cont.*, p. 196). Согласно Скилице, эта битва произошла «в Иероне», «у Фароса и близлежащего берега» (*Io. Scyl.*, p. 229.93–94). Рассмотрев споры в литературе и сопоставив выводы ученых с приведенными данными источников, А. Поппе не скрывает своих колебаний, но склоняется к мысли, что этот маяк следует локализовать у входа в Босфор из Мраморного моря (*A. Poppe.* Państwo i kościół na Rusi w XI wieku. Warszawa, 1968, p. 122, not. 164). Мы решительно поддержали мнение, что речь должна идти о южном горле Босфора (*Г. Г. Литаврин.* Война Руси против Византии в 1043 г. — Исследования по истории славянских и балканских народов эпохи средневековья. Киевская Русь и ее соседи. М., 1972, с. 203–204). Но в таком случае это место как раз и находится в том районе Босфора, где располагался квартал св. Маманта. Неясность остается, однако, относительно того, на каком берегу стоял маяк. Мы предпочитаем

Согласно «Книге эпарха», иногородние купцы — подданные империи — обосновывались в столице во время торга в ксенодохиях или снимаемых за плату помещениях в частных домах. Что же касается иностранцев, то их размещали только в специально предназначенных для них гостиничных комплексах — подворьях (митатах, занимавших целые кварталы), в которых имелись не только спальни и трапезные, но и все другие бытовые службы, а также склады для товаров и конюшни для верховых, тяглых и вьючных животных.[1] Такой порядок приема иноземцев в столице империи удовлетворял прежде всего одну из главных забот властей в отношении чужестранцев — обеспечивался постоянный (с экономной затратой сил) надзор за ними, о котором недвусмысленно говорится и в «Книге эпарха», и в русско-византийских договорах. Размещение посла вне митата влекло дополнительные хлопоты: к дверям резиденции Лиутпранда были поставлены во весь срок его пребывания 4 вооруженных стража, мешавших его общению с жителями города.[2]

Следовательно, и для русов помещения в пригороде св. Мамита должны были удовлетворять двум главным условиям: во-первых, быть достаточно большими для одновременного расквартирования нескольких сот человек[3] и, во-вторых, располагать всеми необходимыми бы-

---

европейский по нескольким причинам: сохранившиеся известия о средневековых маяках на Босфоре «помещают» их именно на европейском берегу (*J. Majeska.* Russian Travelers to Constantinople in the fourteenth and fifteenth Centuries. Wash. (D. C.), 1984, p. 90, 245–246); целесообразнее для сооружения маяка был именно европейский, более высокий берег, именно здесь находилась и удобная бухта, обозначаемая и ныне на картах как стоянка судов; в 1043 г. русы проникли «уже внутрь Пропонтиды», они ждали битвы снова «у устья Понта», «у Фароса», во время сражения с ними разразилась буря, и восточный ветер выбрасывал ладьи русов на скалистый (европейский) берег (*Michel Psellos.* Chronographie. Ed. E. Renauld. P., 1967, t. II, p. 9.1–2; 11.8–12, 18). В. Г. Василевский, опираясь на источники, показал, что иногда в них под «Пропонтидой» подразумевается не только Мраморное море, но и Босфор или только Босфор (*В. Г. Василевский.* Труды. Пг., 1915 г., т. III, p. CXXX–CXXXVIII). В таком случае слова «у устья Понта» означали бы только северную часть Босфора. Однако в источниках обычно, в несравненном большинстве случаев, «Пропонтида» — именно Мраморное море, подлинное «Предпонтье». Мы уверены в том, что именно в этом смысле в приведенном выше месте употребил этот термин Михаил Пселл, имея в виду Мраморное море. Только при таком толковании понятно, что одновременно можно находиться «внутри Пропонтиды», «на Стене» и «у устья Понта». К тому же представляется абсурдным, на наш взгляд, чтобы русы, если бы они потерпели тяжкое поражение у северного входа в Босфор, тут же ринулись (прорвав блокаду имперского флота?) в пролив, чтобы с успехом разорить его берега.

[1] Византийская книга эпарха. Вступ. ст., пер., коммент. М. Я. Сюзюмова. М., 1962, с. 3, 55, 79, 157, 158, 161, 166.

[2] *Liutpr.*, p. 200, 206.

[3] Мы по-прежнему считаем, что значительная (или даже бо́льшая) часть людей, обслуживавших торговую флотилию в пути, оставалась с момента прибытия и до отплытия в обратный путь в Месемврии, где, согласно Константину Багрянородному, завершалось плавание русов. См.: *Г. Г. Литав-*

тоными службами для автономного проживания массы людей, элементарными удобствами, которыми никак нельзя было пренебречь, так как ежедневный выход множества вооруженного народа за пределы предместья, попытки самообслуживания (прежде всего поиск продовольствия и индивидуальное приготовление пищи) грозили бы опасностью беспорядков и конфликтов и с официальной властью, и с местными жителями.

В «Книге эпарха» сказано, что иностранцы в Константинополе платили не только за гостиницу, но и «за проживание» (τὰ ἐνοίκια καὶ μονήν),[1] т. е., как мы это понимаем, «за размещение и за пищу», которую они принимали в трапезной своей гостиницы. Вряд ли византийцы допускали самих русов топить и бани (столь непохожие на русские), в которых русы мылись, «елико хотят».[2]

Все необходимое для размещения сотен русов «у святого Маманта» должно было, несомненно, иметься, но не потому, что власти империи оборудовали здесь специально пристанище для русов, приезжавших ради торговых целей. Пристанище здесь было создано давно, но для иных целей. Немало помещений и бытовых заведений требовалось уже для прислуги дворца и для отряда воинов, охранявших дворец (с помощью этих стратиотов Василий I и совершил переворот).[3] В середине X в. отряд «крещеных русов» охранял большой императорский дворец.[4] Иноземных наемников предпочитали для этой роли, и русов и варягов среди них было немало уже в первой половине столетия. Именно они могли охранять и загородный дворец василевса. Однако для размещения множества русов в квартале св. Маманта нужно было иметь не только бытовые службы, но и свободные помещения. Полностью соответствовали бы для этой цели зимние квартиры столичных тагм (они располагались в пригородах, т. е. у западной стены города и за Золотым Рогом, где находился квартал св. Маманта).[5] «Казармы» обычно пустовали как раз во время мореходного сезона на Черном море: войска уходили в военный поход или стояли в летних лагерях на учениях. У нас есть все основания предполагать, что наемный отряд, состоявший из русов и варягов, квартировал зимой именно в предместье св. Маманта. Известно, что в 911 г. 700 русов участвовали в походе имперских войск на Крит.[6] Поэтому в договоре 944 г. выразительно подчеркнуто, что прибывающие для торговли русы «не имеють власти зимовати у святого Мамы»[7] (квартиры следовало освободить

рин. Древняя Русь, Болгария и Византия в IX–X вв. — История, культура, этнография и фольклор славянских народов: X Междунар. съезд славистов. М., 1983, с. 67.

[1] Книга эпарха, с. 79. Так толкует это место и М. Я. Сюзюмов.

[2] Памятники права..., с. 64.

[3] *Io. Scyl.*, p. 131.8–12.

[4] *Const. Porph.* De cerim., p. 579.20–22.

[5] *D. A. Miller.* Byzantine Treaties and Treaty-Making: 500–1025 AD. — BS. 1971, vol. 32. 1, p. 64, not. 29.

[6] De cerim., p. 654.9–10.

[7] Памятники права..., с. 32.

для зимовки воинов). 700 воинов были необходимы для комплектования почти двух самостоятельных воинских единиц — турм (или банд), имевших свои фламулы (знамена) и не подлежавших расформированию на время зимовки. Не лишено значения и то обстоятельство, что довольствие воинам (опсоний, или ситиресий) выдавалось обычно помесячно, т. е. так же, как и купцам-русам, что и нашло отражение в термине «месячина» (от греч. τὰ μηναῖα, τὰ μηνιαῖα), т. е. «помесячное натуральное довольствие».[2] Иначе говоря, действия правительства в отношении к расквартированию и содержанию русских купцов были весьма целесообразны и продуманны: зимние «казармы» с налаженным бытом и снабжением попеременно занимали зимой наемные отряды из русов, а летом — русские купцы.

О численности русов, прибывавших с Руси и располагавшихся в квартале св. Маманта, можно высказать, разумеется, лишь догадки. В первой части данной статьи мы их уже сделали, полагая, что общее число русов, посещавших с торговой целью империю, за сезон могло достигать 1000–1500 человек.[3] Но прибывали они не все сразу, и не все приезжавшие находили приют на Босфоре. По нашему мнению, в течение лета с Руси приплывали не менее двух торговых флотилий, отправлявшихся в путь в разное время. Сведения на этот счет, содержащиеся в весьма авторитетных источниках, представляются противоречивыми только потому, что они неполны. Все зависит от их интерпретации. Приведем эти свидетельства.

Согласно договору 907 г., русские купцы, получая довольствие в соответствии с поименным списком, «возмуть месячное свое, первое от Киева и паки ис Чернигова и ис Переаславля» (эта фраза почти дословно воспроизведена и в договоре 944 г.), причем «емлють месячное на 6 месяць хлеб [и] вино и мясо и рыбы и овощь».[4] А в «Книге эпарха», введенной в практику как раз в это время, трижды и недвусмысленно подчеркнуто, что иностранные купцы не имеют права оставаться в Константинополе более трех месяцев; ослушников ожидали конфискация, избиение, позорящая стрижка волос; не проданный за это время товар мог быть насильственно подвергнут распродаже

---

[1] Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1991, т. 1: (I–VI вв.), с. 387 (Коммент. В. В. Кучмы к «Стратегикону» Маврикия).

[2] *Г. Г. Литаврин.* Византийское общество и государство в X–XI вв. М., 1977, с. 240. В типике монастыря св. Маманта этим термином (μηνιαῖον) обозначается также натуральное довольствие монахов, которым заведовал особый диаконит (только он получал продукты из кладовой) (Τυπικὸν τῆς ἐν Κωνσταντωουπόλει μονῆς τοῦ ἁγίου μεγαλομάρτυρος Μάμαντος — Ἐκδ. ὑπὸ Σ. Εὐστρατιάδου — Ἑλληνικά, 1928, 1, σ. 271.9–15.) Неясно, впрочем, почему это довольствие называлось «месячным»: продукты были нужны ежедневно (обитель была общежительной). В отношении русов в св. Маманте этот термин объяснить проще — он был синонимом опсония и, видимо, продукты для размещенных здесь зимой воинов поставлялись или калькулировались помесячно.

[3] *Г. Г. Литаврин.* Древняя Русь..., с. 67; *Он же.* О юридическом статусе..., с. 80–81.

[4] Памятники права..., с. 32, 65.

властями, а его хозяин выслан из города.[1] По сведениям Константина Багрянородного, русы отправлялись вниз по Днепру из Киева только в июне, дождавшись подхода ладей из всех иных городов, в том числе северо-западных (из Новгорода и Смоленска). При этом через 5 порогов они проходили, облегчив ладьи и сами «нагими» (γυμνοί) сходя в воду; осенью же, «когда наступит ноябрь», архонты «со всеми росами» уходят в «полюдье» в славинии, где остаются до апреля;[2] по данным того же автора, княгиня Ольга и часть ее свиты (в том числе послы и купцы) 18 октября еще находились в Константинополе.[3] Во время же военных экспедиций против империи в 860 и 941 гг. ладьи русов в начале–середине июня уже стояли под царственным городом.[4]

Некоторые из этих известий следует оценивать критически. Так, мы полагаем, что августейший автор абсолютизирует, говоря о едином сроке отплытия русов и о едином торговом караване за сезон. Считаем маловероятным, чтобы киевский князь и высшая знать всего Среднего Поднепровья, имея возможность воспользоваться высокой водой, по которой легко преодолеть пороги, ожидали бы не менее полутора месяцев «северян» (в краях которых реки вскрывались на две-три недели позже и которым до Киева предстояло пройти от 800 до 1200 км).[5] Мы полагаем, что от Киева в весенне-летний сезон отплывали две флотилии: первую снаряжали из городов Среднего Поднепровья в конце апреля–начале мая (к началу июня она достигала предместья св. Маманта). Вторая — из городов Северо-Западной Руси — прибывала в Киев к середине июня, в конце месяца отплывала из Киева и к началу августа находилась у цели.

Прямое подтверждение такой интерпретации мы усматриваем в свидетельствах договоров, что первыми получали слебное и месячину послы и гости из Киева, Чернигова и Переяславля. Конечно, это указание не на престижное первенство в «очереди» за довольствием всех русов, прибывших одновременно, а на факт прихода с первой флотилией. Такой порядок представлялся бы наиболее целесообразным не только с пригородно-климатической, но и с организационной и бытовой точек зрения (квартирование у св. Маманта), что, на наш взгляд, и зафиксировано в договорах. В конце июля–начале августа вторая флотилия как бы сменяла в предместье св. Маманта первую, отплывавшую на родину.

---

[1] Книга эпарха, с. 79, 83, 89.

[2] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1991, с. 44–50.

[3] De cerim., p. 598.2–3.

[4] К 18 июня в 860 г. (Analecta Bruxellensia. Chroniques byzantins du manuscrit 11370 Par F. Cumont. Rec. des travaux publ. par la Faculté de Philosophie et des lettres. Bruxelles, 1894. Fasc. 9. P. 33) и к концу мая–началу июня в 941 г. (*М. В. Левченко.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, с. 141).

[5] В 1389 г. Игнатий Смоленский (Смолнянин), отправившись из Москвы 13 апреля и держа путь в Царьград (он пролегал по р. Москве, Оке, далее — по суше до верховьев Дона, а затем до конца — водою), прибыл в Константинополь в конце июня, т. е. через 2,5 месяца. См.: *J. Majeska.* Russian Travelers, p. 90–91). Путь от Новгорода был не менее труден и долог.

Однако выражение «первое от града Киева» почти буквально («первое на Киев») приведено совсем в ином контексте в начале договора 907 г.: «И заповеда Олег дати воем на 2000 корабль по 12 гривен на ключ, и потом дати уклады на Руськны грады: первое на Киев, та ж на Чернигов и на Переаславль и на Ростов Полтеск[и] на Любеч[1] и на прочая городы, по тем бо городом седяху князья, под Олгом суще».[2] Проблема дани (как и военных статей договоров) не входит в сюжет статьи. Этим вопросам уделил особое внимание А. Н. Сахаров. Его заключение, что в первой трети X в. Византия платила дань Руси,[3] представляется убедительным: Константин Багрянородный наставлял политиков-современников, что только союз с печенегами позволяет избегать уплаты денег венграм и русам в обмен за мир.[4] А. Н. Сахаров полагает, что в процитированном тексте договора 907 г. говорится сначала о единовременной дани (контрибуции), а затем — о регулярной (ежегодной?) дани — «укладах».[5] По мнению И. Сорлен, «уклады» — это особые соглашения империи с каждым из городов Руси об условиях торговли с империей, включая и вопрос о размещении и о месячине.[6] К этой точке зрения, кажется, присоединяется и Д. А. Миллер.[7]

Мы не разделяем этих мнений. Уже Дюканж в своем словаре среднегреческого языка указал, что μηναῖα или μηνιαῖα (месячина) — это menstruae distributiones. Принял это и И. И. Срезневский в своем словаре древнерусского языка. Никаких сепаратных соглашений империи с отдельными городами Руси в X в. не существовало: в торговых сношениях с Константинополем все они, будучи «под рукою князя», находились в равных условиях. Имена знатных персон, которых представляли послы (сопровождавшие купцов), названы в договоре 944 г. не только для фиксации прав этих персон, но и для констатации их ответственности (дополнительно к гарантиям со стороны князя Киева) за поведение подвластных им послов и купцов (они творили иногда «бещинье» и «пакости» в селах империи). «Уклады» — это, по нашему убеждению, согласованные при заключении договора выдачи натурального довольствия послам и купцам Руси на время их ежегодных торговых операций в столице империи. То обстоятельство, что в договоре 907 г. о выдаче месячины сказано особо, почти в тех же выражениях, что и об «укладах» (т. е., при нашем толковании, ска-

---

[1] Тот факт, что соседний с Черниговым Любеч отнесен в договоре ко второй группе городов, противоречит нашей гипотезе о двух флотилиях (а именно — среднеднепровской и северо-русской). Но достаточно ли этого для отказа от обоснованного нами предположения? Могли иметь значение неизвестные нам соображения киевского князя, да и Любеч мог иметь особый статус (например, его послы могли представлять великого князя и при втором караване).

[2] Памятники права..., с. 64.

[3] *А. Н. Сахаров.* Дипломатия..., с. 108.

[4] *Константин Багрянородный.* Об упр. имп., с. 38.

[5] *А. Н. Сахаров.* Дипломатия..., с. 108.

[6] *I. Sorlin.* Les traités de Byzance avec la Russie au Xe siécle. — Cahiers du monde russe et soviétique, 1961, vol. 2, N 3, p. 330. Not. 68; 345.

[7] *D. A. Miller.* Byzantine Treaty..., p. 67.

ано еще раз об одном и том же), можно объяснить, видимо, тем, что сначала в договоре изложен текст заявления (требования) от имени Олега (Руси). Причем в первую очередь говорится о самом главном — о дани, которая состоит из единовременной денежной суммы и из регулярных, ежегодных «укладов». Далее (также от имени Руси) конкретизируется — из чего состоят «уклады» и на какой срок (6 месяцев) они выдаются. И, наконец, по сути дела в третий раз (теперь уже от имени византийцев), сказано о месячине почти в тех словах, в каких о ней говорится в первый раз от имени князя, где она обозначена термином «уклад», т. е. прямо к нему приравнена.

Загадку о выдаче русам месячины на шесть месяцев можно решить, по нашему мнению, сделав два допущения. О первом (о двух, сменяющих друг друга флотилиях) мы уже сказали. Второе состоит в признании, что в общий счет шести месяцев, на которые выдается месячина, зачислялись два месяца (по одному на каждую флотилию) обратного пути русов от Константинополя до Киева: для византийской стороны было важно определить общий расход на содержание русов, а «брашно на путь», видимо, выдавалось им по той же норме. Итак, русы первого каравана содержались в течение июня и июля и получали продукты на август (на обратный путь), русы второго каравана пользовались довольствием в империи в течение августа и сентября и снабжались («на путь») на октябрь. Август, таким образом, становился для имперской казны месяцем двойных расходов. Установленный «Книгой эпарха» трехмесячный срок пребывания иностранцев в Константинополе и в данном случае не нарушался: напротив, русы каждой флотилии оставались в столице империи только на два месяца.

И. Сорлен пыталась решить проблему «шести месяцев» иначе: она полагает, что на 6 месяцев выдавалось только слебное, а месячина — лишь на 4 месяца: на июль, август, сентябрь и октябрь.[1] Трудно принять такое толкование. Во-первых, по естественно-природным причинам: в таком случае новгородцы, чтобы к началу июля прибыть в Константинополь, должны были бы отправляться в путь в середине апреля, почти одновременно с ледоходом; что же касается возвращения домой, то, отправившись с чужбины в конце октября, они достигли бы родного города только в декабре, по санному пути (не говоря уже о том, что в порогах им пришлось бы бродить в стылой, предзимней воде).[2] Во-вторых, крайне мало вероятно, чтобы князья и бояре северо-западных

[1] *I. Sorlin.* Les traités... — Cahiers..., vol. 2, № 3, p. 350; 1961, vol. 2, № 4, p. 458.

[2] Задержка Ольги в Константинополе до 2-й половины октября не может служить ориентиром — это был исключительный случай. Плавание в октябре по Черному морю не представляет особых трудностей для малых судов (чего нельзя сказать о ноябре) (см.: Черное море: Сб. ст., Варна, 1978, с. 65), но главные тяготы поздней осенью ожидали караван не в море, а в днепровских порогах. В 1389 г. митрополит Киприан, отправившись из Константинополя 1 октября, не пошел днепровским путем: он поднялся по Днестру до района г. Сороки, откуда по суше направился в Киев (*J. Majeska.* Russian Travelers..., p. 90–91).

городов Руси отправились в ноябре в «полюдье», не встретив возвращающегося из империи торгового каравана, не осмотрев приобретенного для них заморские товары и не получив отчета от своих послов и купцов об их торговых операциях.

Говоря о примерной численности русов, одновременно останавливающихся в квартале св. Маманта, мы исходим из нашей гипотезы о двух флотилиях. По договору 944 г. в течение дня внутрь стен Константинополя одновременно впускалась группа, не превышавшая 50 человек. Следовательно, всего в гостинице на Босфоре находилось по крайней мере четыре группы (около 200 человек), ожидавших своей очереди для посещения рынка. Не менее 200 человек находилось в столице империи и с княгиней Ольгой (только побывавших с ней на приемах у императора было 149 человек).[1] Договор 907 г. определял, что приходящие «бес купли» не имеют права на месячину, а значит, как мы думаем, и на бесплатный кров и вообще на постой в квартале св. Маманта. Право на это получали только те, кто имел «удостоверения» (печати, а затем грамоты), полученные от князя в знак того, что они находятся под его покровительством и *законно* пользуются предоставляемыми по договорам льготами. Практика показала, что регламентация торговли русов в империи в соответствии с договором 911 г. не избавляет от инцидентов: необходимо было ужесточение контроля и со стороны князя, и со стороны властей Византии, что и было с обоюдного согласия зафиксировано договором 944 г. Империя опасалась при этом не столько избыточного количества русских торговых судов и слишком большого числа послов и купцов (примерные возможности Руси на этот счет Константинополю, видимо, были известны), сколько появления у берегов империи «под прикрытием» регулярных русских караванов неучтенных, «диких» ладей с искателями славы и добычи, за которых правительство Руси не могло нести ответственности. И по договору 944 г. князь Киева и князья иных центров имели право отправлять в Византию кораблей, «елико хотять», но с указанием в грамотах их точного числа в знак того, «оже с миром приходять», и с поименным перечнем всех послов и купцов (явившиеся без грамот подлежали аресту, сопротивляющиеся могли быть убиты, бежавшие на Русь — по уведомлению из Византии подлежали суду князя Киева).[2]

Нет никаких сомнений в том, что право на размещение и довольствие имели не только перечисленные в грамотах и внесенные (также поименно) в свой реестр имперским чиновником послы и купцы, но и сопровождавшие их лица. Согласно протоколу второго приема Ольги, вместе с 22-мя послами русов во дворце находились и их «шесть людей» [3] (ранг этих шести послов был, как кажется, в чем-то выше, чем у других 16-и). По «Тактикону Филофея», в конце IX в. 30 болгар-

---

[1] *Г. Г. Литаврин.* Состав посольства Ольги в Константинополе и «дары» императора. — Визант. очерки. М., 1982, с. 72–74, 89.

[2] Памятники права..., с. 31.

[3] *Const. Porph.* De cerim., p. 598.1–2.

своих послов могли взять с собой на прием не более «18 своих людей».[1] Лиутпранд негодовал, что ему не позволили привести с собой на прием у императора ни одного из своих 25 спутников.[2] Конечно, свита каждого из русских послов, сопровождавших торговые флотилии, была намного скромнее (да и места в загруженных товарами ладьях были «на вес золота»). Но и посол русов (персона, несомненно, видная на родине) не мог не иметь с собой по крайней мере трех помощников и слуг, помогавших в быту, в наблюдении за подвластными ему купцами и в торговле собственным товаром посла (послы также не упускали свой интерес, посещая мировое торжище: в частности, не гнушался торговать и аббат Клермонского монастыря Лиутпранд).[3]

Безусловно, трех-четырех помощников (слуг или челядинцев) должен был иметь и каждый из купцов (товары нужно было не раз перегружать, переносить и охранять: сами греки при торговле дорогим товаром имели при себе ститоров-охранников).[4] В 1043 г. драка русов с греками на константинопольском рынке стала поводом к межгосударственному конфликту.[5] Все эти люди (и послов, и купцов) в любой момент должны были быть в распоряжении их господ: раздельный в пространстве и времени прием ими пищи мог помешать делу и нарушить порядок. Мы считаем, что соглашение с греками предусматривало, может быть, с точно оговоренными деталями одновременное и бесплатное размещение и питание в квартале св. Маманта и всей этой прислуги послов и купцов, хотя и спальни, и стол господ были лучше, чем у слуг (известно, что и в византийской армии командный состав, даже во время походов, питался отдельно от рядовых воинов, что, вне сомнения, было отлично известно и привычно и распорядителям, и обслуге в «зимних квартирах» у св. Маманта). Общее число русов, имевших право на кров и пищу у св. Маманта, возможно, было разным в разные сезоны — в зависимости от ситуации, складывавшейся на Руси. В какой-то мере об ориентировочных цифрах можно судить по числу послов, отправлявшихся с караванами в империю. К 40-м годам X в. установился, по всей вероятности, порядок, согласно которому число купцов непосредственно зависело от числа послов. В договоре 911 г. этой зависимости еще нет: названы лишь 14 послов,[6] в договоре 944 г. на 25 послов поименованы 30 купцов, а с Ольгой в Константинополь прибыли 22 посла и 44 купца (ровно вдвое больше). Если действительно на каждого посла приходилось по два купца, можно было бы думать, что каждая группа из трех поименно названных персон (посол и два купца) была подотчетна одному князю или боярину, продавала в основном его товар и закупала

---

[1] *N. Oikonomidès.* Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles. P., 1972, p. 203.10–15.

[2] *Liutpr.*, p. 181.

[3] Ibid., p. 204.

[4] Книга эпарха, с. 76.

[5] *Io. Scyl.*, p. 430.35–43.

[6] Договор не сохранился полностью: от самой важной для нас в данном случае 13-й статьи «О купле» остался лишь заголовок.

другие, выполняя наказ господина. Учитывая тот факт, что 3–4 посла представляли интересы князя Киева и членов его семьи, следует допустить, что в целом на Руси к середине X в. существовало около 20 городов.[1] Неизвестно, однако, сколько ладей было у каждого посла. Есть некоторые основания допускать, что «господским» был не весь товар, продававшийся купцами на Босфоре, часть товара принадлежала самим купцам или их состоятельным согражданам, поручения которых они выполняли:[2] в статье 14 договора 911 г. говорится о должниках (скорее всего купцах), оказывавшихся несостоятельными и избегавших возвращения на Русь, на глаза своим кредиторам.[3]

Таким образом, численность послов и купцов, посещавших Константинополь за лето, вместе с их прислугой, минимальным числом опытных мореходов[4] и рядовых гребцов, допускавшихся в предместье св. Маманта, и с привезенными для продажи рабами (составлявшими одну из главных статей торговли русов), вряд ли была меньше, чем 400–500 человек. Следует учесть также, что в том же квартале размещались скорее всего не только зимой, но и весной и летом десятки (если не сотни) отслуживших договорные сроки своей службы наемников (русов и варягов) и раненых и увечных, ожидавших прихода каравана, чтобы вернуться с ним на родину; сюда же прибывали с Руси, нередко крупными соединениями, воины, решившиеся служить в византийской армии. Конечно, империя имела определенные обязательства перед уволившимися воинами, пока они не покинули ее землю; не мог император сеять недовольство и среди тех, кто прибыл ему служить. Т. е. численность одновременно квартировавших и пользовавшихся бесплатным довольствием у св. Маманта следовало бы увеличить еще по крайней мере на 300–400 человек. Сознавая всю гипотетичность этих расчетов, мы полагаем все-таки, что с каждой из двух флотилий в митат (или в казармы?) св. Маманта одновременно прибывало около полутысячи человек.

Попытаемся, однако, опять-таки хотя бы приблизительно, определить размер месячины — этой своеобразной ежегодной дани в пользу Руси («укладов»). Что касается слебного, то обычно для эпизодических посольств оно исчислялось особо. Содержание послов на казен-

---

[1] Столько примерно городов и зафиксировано на Руси в X в. по данным археологии и летописным известиям. См.: Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985, с. 32–33, карта; *А. В. Куза*. Социально-историческая типология древнерусских городов. X–XIII вв. Русский город. М., 1986, с. 21–22.

[2] Норманнская высшая знать поручала отбывшим в дальние края купить им торжественные одеяния, меха и дорогую посуду, т. е. «те ценные вещи, которые трудно достать там в стране» (т. е. в Норвегии). См.: *Т. Н. Джаксон*. Исландские королевские саги как источник по истории Руси и ее соседей. X–XIII вв. — Древнейшие государства на территории СССР. М., 1981, с. 165–167.

[3] Памятники права..., с. 9.

[4] У каждого судна, отправлявшегося в море, имелся свой кормчий, ответственный за благополучное плавание. См.: *Т. Н. Джаксон*. Указ. соч., с. 131.

ный счет было издревле устновившейся практикой в империи.[1] Политические расчеты при этом решительно преобладали над какими бы то ни было соображениями экономии. Имперское правительство нередко само надолго удерживало послов против их воли. Как ни пропился Лиутпранд домой, Никифор II задержал его на вдвое более долгий срок сравнительно с намечавшимся.[2] Нарушил этот император и другую традицию — содержать послов бесплатно: Лиутпранд был возмущен, что греки не соблюдают «принципа» — они не выплачивают «стипендию» (stipendium), и в результате он не только кормит себя и 25 своих спутников, но содержит еще четырех византийских стражников, так что на день не хватает трех номисм на закупки продуктов на рынке.[3] Но послы росов, прибывавшие с торговыми караванами, могли и не подходить под статус послов, присылаемых ради межгосударственных переговоров: их было слишком много и приезжали они ежегодно по делам, связанным, как правило, прежде всего с торговлей и наймом соотечественников на военную службу. Слебное для русов становилось, таким образом, заметной ежегодной статьей расходов казны и в данном случае могло исчисляться вместе с месячиной для купцов. Хотя официально оно (об этом достаточно четко заявлено в договоре 907 г., как справедливо отметила И. Сорлен) отличалось от месячины («Русь слебное емлють, елико хотячи, а иже приходячи гости да емлють месячное...»).[4]

Мы уверены в том, что во время проживания у св. Маманта русы получали довольствие не деньгами, а натурой (хлеб, вино, мясо, рыбу, овощи), но и продукты выдавались им не на руки, а в виде регулярной готовой пищи в трапезных св. Маманта. Именно такой порядок существовал даже в оплачиваемых постояльцами-иностранцами гостиницах Константинополя. Тем более это вероятно в митате для русов: они располагались, как мы считаем, в зимних квартирах для войска, где был налажен механизм питания большего числа людей, к тому же это была чужестранная публика, часто по несколько дней подряд праздная и мало склонная соблюдать непривычные порядки, а поэтому нуждавшаяся в мощном дисциплинирующем факторе, каким и являлась ежедневная зависимость от общего дарового котла. Наконец, выплата «укладов» в такой форме обходилась казне намного дешевле. Дело в том, что продукты поставлялись не с рынка, а из государственных складов и хранилищ и их пригородных казенных имений. Значительная часть государственных налогов с крестьян взималась тогда натурой (в частности зерном и вином), а для нашего случая

---

[1] Бесплатно содержали и персидских послов, заключавших в 562 г. договор с империей. См.: *D. A. Miller.* Byzantine Treates..., p. 59; *А. Н. Сахаров.* Дипломатия..., с. 111, 168.

[2] *Liutpr.*, p. 192 sq., 199 sq.

[3] Ibid., p. 193, 200. Лиутпранд пишет, что его повара при этом безбожно обсчитывали на рынке: сумма действительно необычайно высокая — более чем 28 фоллов в день на человека (в номисме 288 фоллов, или 12 милиарисиев). Впрочем, столицу в то время поразил голод.

[4] Памятники права..., с. 64.

немаловажно также учесть, что не только центральные правительственные и благотворительные учреждения, но и «великая этерия» (т. е. воинское соединение наемников) владели в то время лежащими и близко, и далеко от столицы собственными сельскохозяйственными имениями, откуда для их хозяев регулярно поступали продукты.[1]

Дневной рацион византийца для этой эпохи, как и примерная стоимость дневного содержания, в целом известны. Однако сведения на этот счет чрезвычайно противоречивы. Не только в кругу византийской бюрократии, но и в обыденном сознании, приученном к чинопочитанию, существовала убежденность, что потребности человека — даже в еде — находятся в прямой зависимости от его официального статуса в обществе (немощному старцу-игумену полагалось в полтора раза больше продуктов, чем его молодому слуге).[2] Принцип этот соблюдался и при раздаче подарков императора после приемов во дворце: послам-русам по 12 милиарисиев, а их людям — в 4 раза меньше.[3] Нищий поденщик, абсолютно все покупающий на рынке для пропитания, тратил 10 фоллов в день.[4] Святослав по договору с Иоанном I Цимисхием получил, покидая Болгарию, по 2 медимна (около 20 кг) зерна на воина примерно на 2 недели.[5] Исследователи определяют прожиточный минимум в Византии в X в. в денежном выражении в 5–7 номисм в год[6] (если принять за среднее 6 номисм, то это составит ок. 5 фоллов на день). Для наших целей особенно важно, что сам Константин Багрянородный, подписавший договор 944 г., заявлял в своей новелле, что экипировка и содержание воина в течение года обходится в 18 номисм.[7] Основные затраты на экипировку — покупка боевого коня (около 12 номисм).[8] Поскольку остальное (копье, меч, щит) составляли наследственный реквизит фемного воина (а речь в новелле идет именно о нем), то его содержание в течение года оценивалось, видимо, в 6 номисм.

Ориентируясь на эту, безусловно, минимальную сумму (полномисмы, т. е. 144 фолла в месяц на человека),[9] мы должны, по-видимому, определить общую стоимость «укладов» на 500 человек на три месяца (включая «брашно» на обратный путь) для первой флотилии в 750 номисм, а вместе — для двух караванов — в 1500 номисм, или около 21 литры (фунта) золота. В. Т. Пашуто высказал предположение, что

---

[1] *Г. Г. Литаврин.* Византийское общество..., с. 47.

[2] Там же, с. 235.

[3] *Const. Porph.* De cerim., p. 597.14–15.

[4] Книга эпарха, с. 163.

[5] *Leonis Diaconi Caloënsis* Libri decem. Bonnae, 1928, p. 156.10–11.

[6] *Г. Г. Литаврин.* Византийское общество..., с. 236.

[7] Jus Graeco-Romanum. Ed. C. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1857. Bd. 3, p. 266.

[8] Книга эпарха, с. 256.

[9] Упомянутый выше поденщик тратил в месяц 300 фоллов, а Лиутпранд расходовал бы на тот же срок на одного человека более 840 фоллов (см. примеч. 3 на стр. 465).

подарки (в серебряной монете — милиарисиях), полученные Ольгой и членами ее свиты в ходе двух приемов у императора, и представляют собой слебное и месячину.[1] О неприемлемости этого мнения, помимо прочего,[2] наглядно свидетельствует уже сама (весьма незначительная) общая сумма упомянутых даров — 240 номисм (в 6 раз меньше полученной нами суммы, в которую не включена еще стоимость якорей, парусов, веревок и прочих снастей, которые греки обязались предоставлять русам бесплатно по мере надобности перед их отплытием).

Говоря об условиях размещения и питания русов, нельзя обойти полным молчанием вопрос о стоянке ладей. Если наше предположение о двух флотилиях правдоподобно, то в путь одновременно отправлялось до 50–60 ладей под присмотром примерно 10–12 послов и 20–22 купцов. Часть ладей, освобожденных от груза, вместе с «излишними» для дела в столице гребцами и воинами охраны, оставалась в Месемврии. Остальные (половина или несколько меньше) бросали якорь в бухте св. Маманта. Гавань св. Маманта достаточно глубокая, но открыта восточным и юго-восточным ветрам. Имела ли она мол в то время, неизвестно, хотя, как упоминалось выше, была благоустроенной уже в V в. Берег гавани высокий, и товар вряд ли оставляли в ладьях — его перегружали в склады при митате, откуда он партиями постепенно доставлялся на рынок (в той его части, которая не была закуплена оптом византийскими перекупщиками). Все окружающее столицу побережье было поделено на «эпохи» — рыбацкие участки и стоянки, имевшие своих хозяев. Гавань св. Маманта была, несомненно, императорской (казенной), и русы, как и за постой, ничего не платили за стоянку ладей. Попеременно, в дни рынка, 5–7 ладей одновременно перевозили товар, купцов и послов к одним из ближайших ворот города (такими воротами были ворота св. Варвары, Пеория и Друнгария). Не используемые ежедневно для дела ладьи, видимо, постепенно приводились в порядок в предвидении обратного плавания.

Оставляя на будущее другие сюжеты, остановимся в заключение на одном предположении, касающемся различия в названии места расквартирования русов в византийских источниках и в летописях (точнее — в сохраненных ими текстах русско-византийских договоров). Осмелимся предположить, что та форма, в какой наименование квартала св. Маманта сохранилось в договорах, является не передачей собственно греческого имени, а его переосмыслением на русском, причем — с явно эмоциональным оттенком.[3]

---

[1] *В. Т. Пашуто.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 67.

[2] Подробную аргументацию см.: *Г. Г. Литаврин.* Состав посольства..., с. 87–92.

[3] Это было бы тем интереснее, чем вернее оказалась бы завоевывающая себе все больше сторонников точка зрения, согласно которой либо перевод на старославянский был сделан одновременно или почти одновременно с заключением договоров, либо тогда же была даже составлена самостоятельная старославянская (древнерусская) версия, сверенная с греческой (см. обзор:

Действительно: имя Μάμας (Мамас), в честь которого был назван монастырь, а затем квартал, почти не встречается в именительном падеже при указании на это предместье. Как определение к слову μονή (μοναστήριον) (монастырь) оно употребляется в греческих источниках обычно в родит. пад. (Μάμαντος), а также — с предлогами — в дательном (Μάμαντι) и винительном (Μάμαντα). Соответственно в косвенных падежах оно звучало: «Мамантос» (или «Мамандос»), «Маманти» («Маманди») и «Маманта» («Маманда»), мало напоминая переданную договорами форму «Мама», которая к тому же и склоняется там как имя нарицательное (в договоре 907 г.: «Приходяще Русь да витають у святаго Мамы», в договоре 944 г.: «и приходящим им да витають у святаго Мамы», «да не имеють власти зимовати у святаго Мамы»).[1]

Предположению о сознательном переосмыслении имени не мешает тот факт, что в договорах неизменно во всех трех случаях стоит определение в мужском роде — «святаго». Во-первых, это результат сверки официального документа с греческой версией (где, несомненно, стояло в муж. р. Ἁγίου); во-вторых, (и это главное), в просторечье не только язычники-русы не воспроизводили определение «святой»,

---

Ф. П. Сергеев. Из истории изучения договоров русских с греками X в. — Старобългаристика. 1985, т. IX, 2, с. 112–116). Как известно, существование на Руси деловой славянской письменности еще до принятия христианства отстаивал Н. Лавровский. См.: *Н. Лавровский.* Византийские элементы в лексике договоров русских с греками. СПб., 1903, с. 17–18. Считал этот вывод доказанным и А. А. Зимин. См.: *А. А. Зимин.* Памятники права..., с. 23. Мысль об одновременном с заключением переводе договоров на старославянский поддержала И. Сорлен. См.: *I. Sorlin.* Les Traités..., p. 376. Д. И. Миллер полагает, что по крайней мере ко времени заключения договора 944 г. в Киеве существовала княжеская канцелярия. См.: *D. A. Miller.* Byzantine Treates, p. 67–68. Ср.: *Г. Г. Литаврин.* Культурный переворот в Болгарии и Древняя Русь. — Хиляди и сто години от смъртта на Методий: Кирило-Методиевски студии. С., 1987, кн. 4, с. 393–403. См. также: *J. Malingoudis.* Zur typologischen Struktur..., S. 717.

[1] Судя по старославянским переводам иных текстов, имя св. Маманта передавали по-разному, но явно стремились воспроизвести греческое звучание. См.: *П. Мијовић.* Менолог. Историско-уметничка истраживања. Београд, 1973, с. 349 (Мантъ); с. 361 (Мамант); с. 276 (Маманьть), и лишь на с. 316 (Мама (сь)). В Южной Македонии в XIV в. существовало «село святого Маманта» (τὸ χωρίόν τοῦ ἁγύου Μάμαντος), принадлежавшее Ватопедскому монастырю (*M. Goudas.* Βυζαντωὰ ἔγγραφα τῆς ἐν Ἄθῳ μονῆς τοῦ Βατοπεδίου. — Ἐπετηρὶς Ἑταιρείας Βυζαντων Σπουδῶν 1927, t. IV, Σ. 223 (№ 10), 235 (№ 14). Любопытно, что Я. Н. Любарский в своем переводе Продолжателя Феофана предпочел «летописное» «Мама» (Продолжатель Феофана..., с. 85, 96, 103, 104, 295). При ссылке на договор 907 г. (о месте пребывания русов в Константинополе) отступает от греческой грамматики и И. Караянопулос: κοντά στον Ἁγ. Μάμα (*Ἰ. Καραγιαννόπουλος.* Οἱ Βυζαντωοβουλγαρικὲς συνκρούσεις επὶ Συμεών. — Βυζαντιακά, 1991, t. 11, σ. 36).

но и сами греки: κατὰ τὸν λεγόμενον Μάμαντα («в так называемом Маманте»), сказано у Иоанна Скилицы,[1] т. е. «у Маманта», «у Мамы»...

Вдали от родины, в чужой, заморской стране, плохо зная ее порядки и нравы ее жителей, не понимая или едва разбирая греческую речь, испытывая постоянный неотступный надзор полицейских агентов эпарха, не имея права брать с собой привычное средство самозащиты (оружие) при посещении Константинополя, русы в самом деле чувствовали себя в безопасности, почти как дома, только «у Мамы». Только здесь, вплоть до дня отплытия, они вращались в среде соотечественников, слышали родную речь, имели даровые кров и пищу, мылись в банях, «елико хотять», советовались с бывалыми людьми — ветеранами, отслужившими договорный срок в армии императора и ожидавшими, также «у Мамы», отправления каравана, чтобы вместе с ним вернуться на родину...

[1] *Io. Scyl.*, p. 108.73.

Идея верховной государственной власти в Византии и Древней Руси домонгольского периода

Разумеется, в кратком докладе,[1] равно как и в небольшой заметке, можно коснуться лишь отдельных сторон обозначенной в заголовке глубокой проблемы. Вопрос о влиянии Византии на формирование и развитие у народов Европы в средние века идейно-политических представлений о сущности и происхождении верховной государственной власти специально рассматривался в 1969 г. на международном коллоквиуме в Салониках (тема, которой было посвящено заседание, называлась: «Имперская идея в Византии, на Западе и в славянском средневековом мире»).[2] Частично этот вопрос, в связи с гораздо более обширной проблемой («Становление раннефеодальных славянских государств»), обсуждался и на сессии польских и советских историков, состоявшейся в том же году в Киеве.[3]

Всестороннему анализу при этом преимущественно, если не исключительно, подвергались титулы верховного повелителя империи и вступавших с ним в дипломатическое общение правителей других стран, устойчивые формулы их волеизъявления, термины, обозначающие регалии власти, и т. п. Были вскрыты и показаны многозначность и многозначительность разного рода нюансов титулатуры, особенно византийской, употреблявшейся для наименования носителей высшей власти как в самой Византии, так и за ее пределами.

---

[1] Данная статья представляет собой незначительно дополненный текст доклада, прочитанного в сентябре 1975 г. в Варне на международной конференции, посвященной проблемам славянских культур.

[2] См.: *D. Tsourka-Papastathi.* Colloque international. L'idée impériale à Byzance, en Occident et dans le monde slave au Moyen âge. Thessalonique, 24–29 Août 1969. — Cyrillomethodianum, I. Thessalonique, 1971. Значительное число докладов этого коллоквиума опубликовано в ежегоднике: Βυζαντινά, 3, 1971.

[3] Сб.: Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972.

Плодотворность подобного научного анализа византийской терминологии была не столь давно продемонстрирована в оригинальном исследовании австрийского ученого Г. Хунгера, изучавшего преамбулы грамот, выходивших из императорской канцелярии, и показавшего большую смысловую нагрузку и серьезную функциональную роль этих традиционных трафаретных формул и оборотов.[1]

В данном докладе (в заметке) мы не будем (или почти не будем) касаться средневековой титулатуры верховных правителей. Мы намерены коротко остановиться на некоторых чертах сходства и отличия в реальных проявлениях высшей власти в Древней Руси и Византии, независимо от того, какой титул носили повелитель империи и глава Древнерусского государства и в каких, соответственно с этим, отношениях друг с другом они теоретически должны были находиться. Теория и практика в средние века, идея и ее воплощение отнюдь не часто оказывались в точном соответствии.

Что касается самой идеи верховной государственной власти, то в ее наиболее общем, теоретическом плане, казалось бы, не следовало ожидать каких-либо серьезных расхождений между бытовавшими в Византии и Древней Руси X–XIII вв. представлениями: официальная государственная доктрина на Руси, как и в самой империи и в других «православных» государствах юго-востока Европы и Кавказа, опиралась на учение восточнохристианской церкви.[2]

И Иоанн Дамаскин в VIII в.[3], и патриарх Фотий столетие спустя[4] сочли необходимым особо подчеркнуть, что из христианского вероучения, как и из структуры церкви, нельзя опустить ни единой, даже мелкой детали без того, чтобы не рухнула вся система. На это важнейшее положение отцов церкви специально обращает внимание Д. Оболенский, автор наиболее основательного на сегодняшний день труда о восточнохристианском «сообществе государств», справедливо указавший в связи с этим, что неофиты не могли воспринять византийскую религиозную доктрину частично или в модифицированном виде.[5] Они должны были усвоить ее целиком, вместе с учением о верховной государственной власти, которое содержалось в ней как ее неотъемлемый атрибут.

Теория божественного происхождения высшей, княжеской власти достаточно отчетливо выражена уже в самых ранних древнерусских памятниках, таких, например, как «Слово о законе и благодати»[6]

---

[1] *H. Hunger*. Prooimion. Elemente der byzantinischen Studien in den Arengen der Urkunden. — Wiener byzantinische Studien, Bd. I. Wien, 1964.

[2] *St. Harkianakis*. Die Stellung des Kaisers in der byzantinischen Geistigkeit, dogmatisch gesehen. — Βυζαντινά, 3, p. 45–46.

[3] Patrologia graeca, t. 94, col. 1297.

[4] Ibid., t. 102, col. 724.

[5] *D. Obolensky*. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europa. London, p. 294.

[6] Des Mitropoliten Ilarion Lobrede auf Vladimir den Heiligen und Glaubenbekenntnis, hrsg. v. *L. Müller*. Wiesbaden, 1962, p. 129: «о сынѣ твоемъ, благовѣрнемъ каганѣ нашем Георгіи... без блазна же Богом даныа ему люди управивъшу»...

Илариона и «Изборник Святослава 1076 г.».[1] Несомненно, обусловленное византийским влиянием сходство во взглядах на Руси и в Византии на основные прерогативы монарха, на средства и формы осуществления его власти проявилось особенно заметно в общности представлений об идеальном образе государя. Государство в средние века персонифицировалось в личности монарха — неудивительно поэтому, что к VIII–IX вв. в теории верховной государственной власти особое место было отведено образу идеального христианского правителя. Эталоном такого государя стал Константин Великий.[2]

Для наших целей нет необходимости останавливаться на вопросе о длительной эволюции этого образа в самой империи. Как и в Византии IX–XI вв., основными достоинствами истинного государя в домонгольской Руси признавались: отеческое попечение о благе всех подданных, благотворительность, справедливость, мудрость, скромность, охрана веры и церкви, мужество и благочестие.[3] Характерным для развития этого идеала в империи было постепенное выдвижение на первое место двух последних из названных добродетелей. Причем если благочестие стало рассматриваться в качестве основного свойства императора уже к IX в.,[4] то мужество, осмысляемое как личная воинская доблесть, было зачислено в перечень высших монарших добродетелей лишь в эпоху Комнинов.[5]

Иначе говоря, идеал рыцарственного монарха-христианина — сравнительно позднее явление для византийского общественного сознания. На Руси же этот идеал был изначальным с момента принятия христианства. Точнее говоря, его оформление было тесно связано с местными традициями дохристианской эпохи: становление идеального образа князя-воина совершалось одновременно со становлением самого Древнерусского государства и было обусловлено самими конкретными условиями этого процесса. После 989 г. языческая трактовка образа была исподволь заменена христианской. Особенно ярко идеал монарха, беззаветно храброго воина и труженика, воплощен в «Поучении Владимира Мономаха»[6] — и вряд ли можно усмотреть

[1] Изборник Святослава 1076 г. — Цит. по: Памятники древнерусской учительной литературы. Вып. 1. СПб., 1894, с. 29: небрежение о властехъ есть небрежение о самом бозе.

[2] *И. С. Чичуров.* Место «Хронографии» Феофана (начало IX в.) в ранневизантийской историографической традиции (IV–начало IX в.). Автореферат кандидатской диссертации. М., 1975; *Его же.* «Хронография» Феофана (IX в.) и раниевизантийская историографическая традиция (IV–VIII вв.). М., 1976.

[3] *В. Е. Вальденберг.* Речь Юстина II к Тиверию. — Известия АН СССР, серия VII. Отд. гуманитарных наук, № 2, 1928; *Его же.* Речь Юстина II в древнерусском переводе. — Доклады АН СССР, серия В, 7, 1930; *Г. В. Вернадский.* Византийские учения о власти царя и патриарха. — In: Recueil d'études dédiées à la mémoire de N. P. Kondakov. Prague, 1926.

[4] *И. С. Чичуров.* Место «Хронографии» Феофана...

[5] *А. П. Каждан.* Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М., 1974, с. 30 сл., 52 сл.

[6] *И. У. Будовниц.* Общественно-политическая мысль Древней Руси., М., 1960, с. 129–135, 233–234.

в этом непосредственное влияние Византии эпохи Комнинов, когда совершалась интенсивная аристократизация и «военизация» византийской правящей элиты.[1]

Независимо от византийского идеала государя, в силу особенностей развития Древнерусского государства и его общественно-политической жизни в конце XI–XIII вв., идеальному князю на Руси все настойчивее приписывались и такие свойства, как сохранение межкняжеских договоров, соблюдение обязательств перед боярами, дружиной и городами, забота о получении согласия («ряда») на старейшинство со стороны «народа».[2]

В соответствии с византийской имперской доктриной, василевс ничем не ограничен в своем волеизъявлении, кроме законов нравственности и предписаний церковных канонов. Его ограничивает лишь «страх божий», страх греха, ибо помазанье на царство, избавляя венчаемого монарха от прошлых грехов, не гарантирует его от грехов грядущих.[3] Особа императора была священной — он олицетворял собою «царство божие» на земле. Конечно, эта «чистая идея» далеко не целиком согласовалась с реальной византийской действительностью: всевластие василевса отнюдь не было безграничным.[4] Однако пределы его компетенции и масштабы власти киевского князя существенно отличались и теоретически, и практически.

Иларион в своем «Слове» называет Владимира «единодержцем... земли своей»,[5] «Повесть временных лет» именует Ярослава Мудрого «самовластцем русской земли».[6] Оба термина являются, несомненно, кальками греческих титулов «монократор» и «автократор», которые (особенно — второй) носил византийский император, не деливший власти с соправителями, и между которыми Константин Багрянородный не проводит различия.[7]

Именно эти определения послужили главным аргументом для высказываемого в историографии вывода, что Древняя Русь XI столетия являлась абсолютной монархией, а киевский князь был, подобно византийскому императору, самодержцем.[8] Однако подлинно адекватный византийскому титулу смысл этот термин мог приобрести лишь в соединении с титулом «император» («василевс»). Как уже подчеркивал

---

[1] *А. П. Каждан.* Указ. соч., с. 260–264.

[2] *И. У. Будовниц.* Указ. соч., с. 136–141, 180, 186–187.

[3] *Г. В. Вернадский.* Указ. соч., с. 147.

[4] *А. П. Каждан.* О социальной природе византийского самодержавия. — Народы Азии и Африки, 1966, № 6; *Его же.* Византийская культура. М., 1968, с. 83–89.

[5] Des Mitropoliten Ilarion Lobrede..., с. 21.

[6] Повесть временных лет, ч. 1. Текст и перевод Д. С. Лихачева. М., 1950, с. 101.

[7] *Constantine Porphyrogenitus.* De administrando imperio, ed. Gy. Moravcsik, R. J. H. Jenkins. Budapest, 1949, p. 108.5, cf. p. 106.47.

[8] *О. М. Рапов.* О некоторых аспектах княжеского землевладения в Киевской Руси. — Становление раннефеодальных славянских государств, с. 103–105. Ср.: *Б. А. Рыбаков.* Первые века русской истории. М., 1964, с. 83, 147–150.

Г. А. Острогорский, определение «самодержец» должно было указать на независимость своей страны, но не было непременно связано с царским достоинством.[1] Как показала В. Тыпкова-Заимова, это определение — без соединения с титулом «царь» — употребляли и болгарские правители еще в начале XI в., не вызывая тем самым раздражения империи, в отличие от конфликта, возникшего после принятия Симеоном титула «император и самодержец».[2]

Итак, содержание понятия «самодержец» в Византии и на Руси не было равноценным уже в теории. И хотя этот термин означает не только независимость, но и единовластие (именно в этом смысле его употребляют и Константин Багрянородный, и Иларион, и русский летописец), это единовластие василевса и киевского князя было различным также и на практике.

Ни при Ярославле, ни при Владимире Мономахе, ни позже в домонгольскую эпоху внутренняя жизнь вассальных княжеств-уделов не находилась в сфере прямой компетенции старейшего князя, главы древнерусской княжеской федерации.[3] Эта сфера была значительно уже всевластия василевса в любой из провинций империи. Обладавший старейшинством князь находил юридически признанное ограничение своего волеизъявления в традиционных правах боярства и дружины, в привилегиях самоуправляющихся городов, в необходимости соблюдать межкняжеские договоры, в развитом иммунитете магнатов, в своих обязательствах сюзерена по отношению к вассалам и т. д.[4] Он был не единственным среди всех прочих, как византийский император, — он был лишь первым среди равных, как монархи стран Западной Европы.[5]

Подобное положение дел в целом соответствовало и отличиям в государственной структуре обеих стран. Весьма различными были и те материальные средства обеспечения повиновения подданных, которыми располагали василевс и русский князь. Византийский император стоял у кормила разветвленного и централизованного аппарата власти, включавшего многочисленные фискальные, судебные, полицейские, дипломатические и военные службы и ведомства. В распоряжении императора была целая армия чиновничества. Наместники провинций назначались и смещались по его воле. Контроль центральной

---

[1] Цит. по: *И. П. Медведев.* Империя и суверенитет в средние века (на примере истории Византии и некоторых сопредельных государств). — Проблемы истории международных отношений. Л. 1972, с. 422.

[2] *V. Tăpkova-Zaimova.* L'Idée impériale à Byzance et la tradition étatique bulgare. — Βυζαντινά, 3, p. 293–295.

[3] *Л. В. Черепнин.* К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X–начала XIII в. — Исторические записки, 89, 1972, с. 354–360; *П. П. Толочко.* Киев и Южная Русь в период феодальной раздробленности. — Польша и Русь, с. 11–16; *Его же.* Черты общности и своеобразия исторического развития Руси и Польши XII–XIV вв. М., 1974, с. 226.

[4] *Л. В. Черепнин.* Указ. соч., с. 360–364.

[5] *С. В. Юшков.* К вопросу о политических формах Русского феодального государства до XIX в. — Вопросы истории, 1950, № 1, с. 72–74.

власти простирался и на города, и на села, и на крестьянские участки, и на владения большинства феодалов. Источники доходов казначейства были весьма разнообразны и многочисленны; освобождение от налогов и повинностей даровалось лишь как важная привилегия; высшая судебная юрисдикция была императорской монополией.

Ничего этого не знала Древняя Русь. Управление удельными княжествами из единого центра, как провинциями централизованного государства, было невозможно с самого начала. С первых десятилетий XI в. правители этих княжеств, сыновья и прочие родичи обладавшего старейшинством князя, все более эмансипировались в осуществлении своей сначала внутренней, а затем и внешней политики. Постепенно их родственные отношения с князем-сюзереном обрели характер феодально-иерархических.[1]

Существенно отличались также византийская и древнерусская теория и практика наследования верховной государственной власти. В Византии принцип наследственности престола так и не нашел правового оформления.[2] Этот принцип был не присущ вообще самой официальной имперской доктрине власти.[3] В течение X–XIII столетий на престоле империи сменились представители, по крайней мере, пяти династий. Неограниченный в своем всевластии, василевс не представлял (во всяком случае до конца XII–начала XIII в.) интересы ведущей, греческой народности — он правил, в принципе, космополитической империей; повелевая огромным числом подвластных ему лиц, он не был связан с ними патримониальными узами (положение стало меняться лишь в комниновскую эпоху). Усвоенный василевсу ореол святости возносил его над подданными — и одновременно отдалял его от них: налаженный и почти автоматически действующий аппарат власти могла в любой момент перехватить чужая рука.

Зыбкость наследственных прав на престол вызвала к жизни в империи институт соправительства, заключавшийся в предварительной коронации правящим василевсом своего сына (часто малолетнего) в качестве своего соправителя, младшего партнера, будущего преемника. Однако этот институт лишь отчасти способствовал упрочению принципа наследственности. Подлинные причины его утверждения коренились в успехах феодализации и оформления сословных привилегий господствующего класса. Окончательно этот принцип восторжествовал только во второй половине XIII в., при Палеологах — последней византийской династии.

На Руси представители единой династии сохранили в своих руках высшую власть почти в течение восьми столетий. Принцип наследственности был здесь прочным фактором и официальной концепции,

---

[1] *В. Т. Пашуто.* Историческое значение периода феодальной раздробленности на Руси. — Польша и Русь, с. 11–16; *Его же.* Черты политического строя Древней Руси. — Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 73–76.

[2] *А. П. Каждан.* Византийская культура, с. 84 сл.

[3] *St. Harkianakis.* Op. cit., p. 48–49.

и общественного сознания. Становление и упрочение этого принципа в Древней Руси восходило, как и в Болгарии периода Первого царства,[1] к традициям дохристианской эпохи. Прочность прав находящейся у власти династии ассоциировалась здесь с сохранением самого государства и составлявшей его ядро древнерусской народности. Власть князей на Руси также признавали божественной, но тогда как в империи обожествляли скорее самый сан императора, чем отдельных носителей этого сана (кроме Константина I, вплоть до 1453 г. не был канонизирован ни один василевс), в Древней Руси обожествляли именно отдельных князей, нарекая их патронами и покровителями всей «русской земли».[2]

Княжеские «столы» порой перераспределялись, в том числе и права на старейшинство, в борьбе за землю и верховенство вспыхивали усобицы, появлялись князья без отчин, князья-изгои, но все княжества Древнерусского государства неизменно оставались под коллективным суверенитетом одной и той же династии.

Эволюция и здесь совершалась в сторону упрочения принципа прямой наследственности власти, в соответствии с правом майората. Но утвердился этот принцип первоначально не в княжестве, игравшем объединяющую и ведущую роль, а в удельных княжениях. Лишь в XIII в. этот принцип стал упрочиваться и в центральном княжестве русской государственной системы. В ходе этой эволюции на Руси также возник институт соправительства, который не имел, однако, ничего общего с византийским. Соправительство на Руси заключалось в совместном обладании старейшинством со стороны двух или трех князей сразу (дуумвират или триумвират), принадлежавших, как правило, к соперничавшим за верховенство династическим линиям или группировкам.[3] Инициатива подобного соправительства исходила при этом не от самих соправителей, а от бояр, от прочих князей, от городов, страдавших от усобиц и нападений внешнего врага. Соправители были обязаны блюсти мир между собой, устанавливать его среди прочих и защищать «русскую землю» независимо от того, подверглись или нет их собственные отчины нашествию неприятеля.[4]

В 1211 г. Всеволод Юрьевич Большое Гнездо добился от съезда бояр, городов, волостей, купцов, дворян, игуменов, попов и «всех людей» признания за своим сыном Юрием наследственных прав на Владимиро-Суздальский престол, обладавший тогда старейшинством на Руси.[5] Л. В. Черепнин считает эту дату поворотной в истории древ-

---

[1] *V. Tăpkova-Zaimova*. Op. cit., p. 293–294. Cf.: *V. Beševliev*. Die Kaiseridee bei den Protobulgaren. — Βυζαντινά, 3.

[2] *D. Obolensky*. Op. cit., p. 308–313.

[3] *Л. В. Черепнин*. Указ. соч., с. 360–361; *П. П. Толочко*. Указ. соч., с. 228.

[4] *Б. А. Рыбаков*. Политические идеи русских летописцев XII в. — Польша и Русь, с. 19–22; *Его же*. Политическое и военное значение Южной «Русской земли» в эпоху «Слова о полку Игореве». — Историческая география России. Вопросы географии, 83, 1970, с. 73–78.

[5] ПСРЛ, т. 25, с. 108.

русской государственности: начался переход от системы княжений, возглавляемых данным князем на данный момент, к централизованной наследственной монархии. Носитель старейшинства, великий князь Руси, становился подлинным самодержцем всей русской земли.[1]

Таким образом, путь развития верховной власти в Византии вел от ненаследственной абсолютной автократии к наследственной, но все менее самодержавной монархии (империя стала распадаться на семейные апанажи), на Руси же этот путь пролегал от системы удельных княжений-монархий, управляемых представителями единой династии, к централизованной наследственной автократии.

Восточнохристианская концепция верховной государственной власти, принесенная на Русь из Византии, несомненно, обусловила утверждение в русском обществе постулата о божественном происхождении княжеской власти и усвоение неофитами идеи социальной покорности князю как одного из догматов православия. Однако в целом эта доктрина, даже став господствующей в Древней Руси, не помешала ни сохранению дохристианских государственных традиций, ни развитию самостоятельной политической мысли, обусловленному местными особенностями социальной, экономической и общественной жизни русской земли.

[1] *Л. В. Черепнин.* К вопросу о складывании сословнопредставительной монархии в России (XVI в.). — История СССР, 1974, № 5, с. 53; См.: ПСРЛ, т. 25, с. 217.

*Киево-Печерский патерик о работорговцах-иудеях в Херсоне и о мученичестве Евстратия Постника**

«Слово» 16-е Киево-Печерского патерика посвящено мученичеству черноризца монастыря Евстратия Постника, принявшего смерть в Херсоне (Корсуни), согласно церковной традиции, на Пасху 28 марта 1097 г.

Даже беглого прочтения «Слова» достаточно, чтобы убедиться в том, что оно, как и любой другой агиографический памятник, наряду с легендарными мотивами, содержит свидетельства, представляющиеся вполне реалистичными. Более того: если проверка на достоверность этих свидетельств даст положительные результаты, повествование о Евстратии позволит существенно расширить представления о характере международных отношений в Северном Причерноморье, сложившихся в конце XI в. между византийскими владениями в Крыму, Древней Русью, половцами и самим Константинополем.

«Слово» 16-е относительно коротко. Целесообразно поэтому пересказать его полностью (по Кассиановской редакции), сократив лишь самое несущественное и процитировав только те места, которые важны для целей данной статьи.

Некий киевлянин пришел в Киево-Печерский монастырь, раздав предварительно свое имущество убогим. Пострижен он был под монашеским именем Евстратий. С самого начала его отличали самоотверженный труд на благо обители, готовность оказывать всем помощь и необычная способность переносить тяготы постов, которым он подвергал себя добровольно. (Отсюда и прозвище Евстратия — Постник).

---

* Резюме данной статьи было опубликовано в качестве тезисов для XII чтений памяти В. Д. Королюка: Славяне и их соседи. Еврейское население Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы: средние века — начало нового времени. Сб. тезисов. М., 1993, с. 58–61.

Вместе «с инеми многыми» Евстратий был взят в плен «безбожными агарянами» и продан иудею. Черноризец наставлял пленных соотечественников как истинных христиан не принимать еды и питья от иноверцев, не предавать своей веры, предпочтя смерть измене Христу, и «по мнозех же дънех вси изомроша от глада и истаавша жаждею». А всех захвачено было 50 человек: «от монастырьскых работник 30, от Киева 20». Через 14 дней в живых остался один Евстратий: «бе бо постник от младых ноготь». (Видимо, крайнюю умеренность в еде Евстратий воспитал в себе еще до пострига.)

Еврей, озлобленный против черноризца как виновника «погыбели злата его, еже на пленных вдасть», распял его в день Пасхи «по писанному в Евангелии». Прошло 15 дней. Осыпаемый оскорблениями, Евстратий предрек, что его кровь и кровь других христиан падет на голову иудея, что евреев ждет близкая кара, так как «убиен бысть начальник вашего безакониа». В гневе еврей убил Евстратия копьем. И можно было видеть, как душу его унесли на огненной колеснице огненные кони, «и глас бысть, глаголя греческыи: "се добрый небеснаго града гражанин нареченный". И сего Протостратор зоветься в поминании вашем». В тот же день пришел от царя указ против иудеев — «да ижденуть вся жиды и имениа их отъимьше, а старейшины избиють». А случилось следующее: крестился богатый и видный еврей. Царь принял его и вскоре назначил эпархом. Но еврей, отрекшись втайне от Христа, «дасть дрьзновение жидовомъ по всей области Греческого царства да купятъ христианы в работу себе». Обличенный, он «убиен бысть по словеси блаженнаго Евстратия и ту сущаа жиды, иже озимостваша в Коръсуни. И имениа отъимше того жидовина, а съдеавьшаго на блаженнаго повесиша».

Брошенное в море тело Евстратия искали, но не обрели: не хотел святой славы человеческой. Посмертных же чудес он творил много. «Окааннии же жидове, видевьше чудо страшно, и крестишася».[1]

Изредка в исторической литературе ссылки на этот памятник приводятся как на доказательство торговли в XI в. пленными русами в Причерноморье и Средиземноморье. Сравнительно подробно рассказ о Евстратии был рассмотрен недавно только Н. М. Богдановой. Кратко изложив (с рядом неточностей) и процитировав источник, исследовательница сделала три заключения: еврейские купцы специально приезжали в Херсон (и зимовали в нем) для «покупки партии невольников и дальнейшей их перепродажи, когда весной вновь откроется черноморская навигация»; еврейские купцы «как бы монополизировали работорговлю» (хотя здесь, как полагает Богданова, не исключена тенденциозность источника); «Слово» осуждает не самую работорговлю, а продажу христиан инаковерующим.[2] Соглашаясь в целом

[1] Патерик Киевско-Печерского монастыря. Памятники славяно-русской письменности, изданные Императ. Археографич. комиссией. СПб., 1911, с. 78–79 (Далее: КПП).

[2] *Н. М. Богданова.* Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города. — Причерноморье в средние века. М., 1991, с. 61–62.

с первым и последним выводами (о среднем речь — особо, ниже), я считаю данные памятника далеко не исчерпанными. Он заслуживает дополнительного источниковедческого анализа, так как пристальное внимание к памятнику именно с этой стороны позволяет, во-первых, убедиться в достоверности его известий и, во-вторых, получить новые важные свидетельства о византийско-русских отношениях в конце XI–XII в., когда половцы воздвигли труднопроницаемый барьер между Киевской Русью и владениями империи в Таврике.

Прежде всего — о времени создания «Слова» 16-го и о его возможном авторе. Как известно, составление «Слова» связывается обычно с именем бывшего монаха Киево-Печерского монастыря, затем — вплоть до смерти в 1226 г. — епископа Суздальского и Владимирского Симона.[1] Сам Симон в послании к своему духовному сыну, монаху Киево-Печерской обители Поликарпу пишет, что поведал ему «настоящим писанием» о благочестивых подвигах монахов родного монастыря, опираясь на рассказы старцев, слышавших их от очевидцев, т. е. только на устную традицию;[2] согласно Арсениевской редакции (ее считают древнейшей, относя к 1406 г., т. е. созданной на 56 лет раньше Кассиановской), рассказ о Евстратии предваряется прямым обращением Симона к Поликарпу.[3]

Для целей статьи, однако, важнее не факт составительства или авторства (как окончательной письменной отделки повествования о Евстратии), будь то Симон или Поликарп, а проблема источников, которыми они пользовались. Я ставлю под сомнение заявление Симона, что он излагал рассказ (или тот, кто ему этот рассказ поведал) только со слов старцев. Я отваживаюсь на тезис, что в основе «Слова» 16-го лежали письменные источники, возникшие в годы, не столь отдаленные по времени от событий, которые описаны в памятнике. Уже К. Калайдович, имея, вероятно, в виду это обстоятельство, относил «Слово» 16-е к памятникам XII столетия.[4] Делая указанное допущение (наличие письменных источников у составителя «Слова»), нельзя, естественно, удовлетвориться не только датой 1226 г. в качестве terminus ante quem, но и датой 28 марта 1097 г. как terminus post quem. К последней дате месяцесловы относят день смерти (и памяти) святого,[5] но эта дата также нуждается в проверке, ибо решительно ничем не подкреплена. Н. М. Богданова вообще никак не датирует изложенные в «Слове» события.

Сразу же подчеркну, что достоверность приведенной из месяцесловов даты весьма высока. Рассматриваемый эпизод идеально вписывается в череду событий в конце XI в. и на Руси, и в Византии и под-

---

[1] *Р. Поп.* Древнейший отрывок Послания Симона к Поликарпу. — ТОДРЛ. 1969, т. 24, с. 93–100; *Н. В. Понырко.* Эпистолярное наследие Древней Руси XI–XIII вв. Исследование, тексты, переводы. М., 1992, с. 171–174.

[2] КПП, с. 76–77.

[3] Там же, с. 78.

[4] Памятники Российской словесности XII в., изданные К. Калайдовичем. М., 1821, с. 249.

[5] Православный церковный календарь на 1993 год. М., 1992, с. 19.

крепляется самими данными «Слова». Именно в 1096–1097 гг. натиск половцев[1] на Русь, в том числе на самый Киев, принял угрожающие масштабы, заставил враждующих князей осознать опасность (половцы «землю нашу несуть розно») и собраться в 1097 г. в Любече для совета.[2] 20 июля 1096 г. половцы хана Боняка разорили окрестности Киева и, взломав ворота, взяли и подвергли разгрому Киево-Печерский монастырь (монахи спасались «задами», т. е. бежали через дальние калитки).[3] В 1097 г. Боняк, единожды вмешавшись в междоусобия князей на стороне Давыда Игоревича Дорогобужского против Святополка Изяславича Киевского, снова опустошил окрестности Киева.[4] И, разумеется, снова захватывал пленных, представлявших в то время один из наиболее ценных видов добычи.

90-м годам XI в. соответствуют и краткие, но ясные данные «Слова» о самом монастыре: основанный в середине этого столетия монастырь предстает уже как процветающая обитель — одних ее «работников», трудившихся где-то рядом с ней, половцы взяли 30 человек.

Что же касается пленения в те годы половцами русов, то на это неоднократно указывает и летопись.[5] С. А. Плетнева пишет о тысячах пленных русов, продававшихся половцами прежде всего в Херсоне, а также в Судаке и Тмутаракани (после ее потери Русью примерно в те же годы); по ее заключению, половцы продавали бóльшую часть пленных, лишь меньшую удерживая в качестве собственных рабов.[6]

Итак, пленники, о которых идет речь, могли быть взяты или в июле 1096 г. при разграблении Киево-Печерского монастыря, или в одном из ординарных весенних набегов на окрестности Киева в 1097 г., хотя прямых свидетельств об этом нет. Упомянутый же выше набег Боняка в качестве союзника Давыда Игоревича следует, видимо, исключить: он случился уже осенью 1097 г., после Любечского съезда, т. е. почти через полгода после гибели Евстратия.

В пользу июля 1096 г. — сами обстоятельства: половцы громили монастырь. Но против этого — рассказ о добровольном голодании как причине смерти пленников. В какой мере данный сюжет — агиографический топос, неизвестно (о таком же голодании сообщается и в «Слове» 17-м о Никоне Черноризце,[7] но авторство и этого «Слова» приписывается Симону). Н. М. Богданова полагает (находя опору в самом тексте источника), что пленники предпочитали смерть рабству.[8] В таком случае пленники, гнушаясь брать нечистую пищу от «поганых», должны были начать голодание со дня пленения, тогда как

---

[1] О том, что под «агарянами» «Слова» имеются в виду только половцы, см.: *Н. М. Богданова*. Указ. соч., с. 143–144. Примечание 47.

[2] ПСРЛ, I, 1. Л., 1926, с. 256.

[3] Там же, с. 232–233.

[4] Там же, с. 270–272.

[5] Там же, с. 223, 225, 226 и сл.

[6] *С. А. Плетнева*. Половцы. М., 1990, с. 108, 120–121, 133.

[7] КПП, с. 79–81.

[8] *Н. М. Богданова*. Указ. соч., с. 61.

в «Слове» говорится лишь о 14 днях, в течение которых они все, кроме Евстратия, умерли, и о том, что пленники голодали, уже будучи проданными иудею.

Признавая долю истины в сообщении «Слова» о самоубийстве пленных посредством голодания, можно ли поверить, что на это оказались способными все 50 русов? Весьма сомнительно... Дело обстояло, по-видимому, и сложнее, и прозаичнее: возможно, было и отвращение к «нечистой пище», не исключены и эпидемии, и попытки иудея с помощью голода принудить купленных им рабов к отречению от их веры, к чему у иудея имелись, как будет показано ниже, вполне понятные мотивы (в отличие от кочевников, которые обычно были равнодушны к вероисповеданию захватываемых ими пленных).

На мой взгляд, в любом случае следует исключить и дату 20 июля 1096 г. как время пленения Евстратия и его соотечественников. Половцы весьма дурно обращались с невольниками в своих вежах. Об этом красноречиво рассказано и в «Слове» 17-м о Никоне Черноризце, побывавшем в половецком плену (пленникам резали сухожилия, растравляли раны, чтобы исключить их побег),[1] и в летописи («Мучими зимою оцепляеми в алчи и в жажи и в беде опустевше лици, почерневше телесы, незнаемии страною, языком испалены, наги ходящи и боси, ноги имуще сбодены терньем»).[2] О привычной жестокости половцев к пленникам пишет и С. А. Плетнева.[3] Выгодно ли было половцам гнать через степи на продажу в черноморских городах рабов после их 8-месячного «употребления» в своих вежах? Ибн-Руста писал о древних русах, что они берегли тех рабов, которых предназначали на продажу.[4] Согласно Константину Багрянородному, при проходе через пороги рабов, отобранных для константинопольского рынка, хотя и в цепях, но «проводили» по берегу, тогда как сами русы несли на плечах или волочили ладьи, бродя в ледяной воде.[5] Конечно, и половцы знали о разнице цен на здоровых и больных, измученных рабов. Позволительно поэтому допустить, что кочевникам выгоднее всего было доставить отобранных для продажи рабов как можно скорее на рынок. Может быть, не случайно и в «Слове» ничего не сказано о времени пребывания пленных у половцев. И все-таки гибель пленников в Херсоне — по-видимому, факт: он, как будет далее показано, надолго остался в памяти горожан. Либо способ доставки пленных в весеннюю распутицу, при разливе ручьев и рек, либо опасная инфекция привели уже в первые дни пребывания русов в Херсоне к их роковой болезни, получившей впоследствии благочестивое осмысление (смерть во славу Христа от добровольного голодания).

Итак, все ведет к тому, чтобы предпочесть в качестве даты пленения Евстратия весну (начало марта) 1097 г. И вообще — наиболее

---

[1] КПП, с. 80.

[2] ПСРЛ. I, 1, с. 225.

[3] *С. А. Плетнева.* Указ. соч., с. 53, 134.

[4] Сборник документов по истории СССР. Под ред. В. В. Мавродина. М., 1970. Ч. 1: IX–XIII вв. с. 45.

[5] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1991, с. 46–48.

важными в торговле рабами в Северном Причерноморье были, по всей вероятности, два сезона: осенний и весенний. Как свидетельствует летопись, кочевникам было сподручно почти безнаказанно хватать людей вне укреплений и стен именно тогда, когда те были заняты полевыми работами.[1] Подтверждение этому содержится и в «Слове»: купцы-работорговцы прибывали в Херсон под зиму и покидали город в конце весны, скупив у половцев две (так сказать, сезонные) партии рабов — от осенних и весенних набегов кочевников. Зимой и ранней весной половцы набегов на Русь не совершали: зимовали они в близких к морю причерноморских степях и часто терпели лишения, а ранней весной их кони были еще слишком слабы для дальних походов.[2]

Таким образом, рассмотрение ситуации «со стороны Руси» позволяет вернуться к датировке церковных месяцесловов — 28 марта 1097 г. (хотя, строго говоря, если следовать «Слову», то дату смерти — и памяти — Евстратия надлежит отнести на 15 дней позже, к 12 апреля). Эта дата имела под собой, по-видимому, какую-то документальную основу.

К такому же выводу приводит анализ и современных событиям византийских источников. Прежде всего это уже упоминавшееся свидетельство Анны Комнины о том, что половцы (куманы) ночами располагались близ стен Херсона, куда они прибывали ради торговли. Там с ними ночью, со стены, сумел договориться о бегстве из города самозванец Лжедиоген, сосланный в Херсон Алексеем I Комнином.[3] Русская летопись датирует последовавший затем вместе с половцами поход Лжедиогена на Балканы с целью отвоевания «отеческого» престола 1094/1095 гг.[4] Существенно для задач данной статьи сообщение Анны, что в 90-х годах XI в. половцы являлись в Херсон «обычно» (συνήθως), т. е. многократно, часто. А. Г. Саввидис, ссылаясь на это известие, считает возможным говорить даже о расцвете торговых связей Византии с куманами уже в это время.[5]

В «Слове» идет речь о назначении нового эпарха, т. е. градоначальника Константинополя — столицы империи:[6] император назначил на этот *пост* богатого и видного еврея, перешедшего в христианство. Он оказался, однако, вероотступником и нарушителем закона и был казнен незадолго до гибели святого в Херсоне.

Византийские источники не сообщают на этот счет ничего, хотя пост эпарха («воистину царский, только без порфиры») был слишком важным, чтобы описанный в «Слове» скандал, случись он на самом

---

[1] ПСРЛ. I. 1, с. 227.

[2] *С. А. Плетнева.* Указ. соч., с. 114.

[3] *Anne Comnène.* Alexiade. P., 1967, т. 2: Texte établi et traduit par S. J. Leib., p. 190.19–191.21.

[4] ПСРЛ. I. 1, с. 226–227.

[5] *А. І. К. Σαββίδη.* Οι Κομάνοι (Κουμάνοι) και το Βυζάντιο 11-ος–13-ος αι μ Χ. — BYZANTINA, 1985. 13 (2) σ. 946.

[6] О должности эпарха см.: *Oikonomidès N.* Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles. P., 1972, p. 319–321.

деле, остался не замеченным современниками. Эпизод с эпархом в «Слове» — конечно, легенда. Но и легенды чаще всего создаются на основе реальных событий. И такие подлинные события, касавшиеся как раз эпарха Константинополя, примерно в те же годы, имели место и в данном случае. К сожалению, в описаниях Анны Комнины и Иоанна Зонары для событий конца XI–начала XII в. не приводится точных датировок. Анна сообщает, что эпарх столицы Варда Ксир вместе с группой других сановников был заключен в тюрьму за участие в заговоре Анемадов против императора.[1] Издатели и исследователи «Алексиады» Б. Лейб и П. Готье датируют заговор 1097–1104 гг.,[2] Я. Н. Любарский — 1105 г.[3] Точность датировки в данном случае отнюдь не решающее обстоятельство: легенда творилась многие годы спустя, отрывочные воспоминания и неясные слухи о преступлении эпарха и о понесенном им суровом наказании были связаны агиографом с Евстратием и истолкованы в нужном для его целей духе (предшественник ли Ксира или сам Ксир был при этом «превращен» в иудея, принципиального значения не имеет).

Осмелюсь предположить, что присутствие еще одного мотива в заключительной части «Слова» 16-го может найти объяснение в характерной для столицы империи духовной атмосфере в последние годы XI в. Я имею в виду всплеск антисемитских настроений в христианском обществе. На Западе они вылились накануне и в ходе Первого крестового похода, в 1096–1097 гг., в кровавые еврейские погромы. Византийцы, хотя и мало симпатизировали самим крестоносцам, но сочувствовали их целям — войне ради «освобождения Гроба Господня» и мести за Христа. Крупнейшие теологи Византии снова составляли трактаты «против иудеев» как раз в это время.[4]

Самое же главное, наконец, из содержания в византийских источниках доказательств достоверности и событий, изложенных в «Слове», и их датировки — это новелла Алексея I Комнина, изданная в марте 3-го индикта 6603 (1095) года.

Постановление было вынесено императором по конкретному поводу. Архиепископ Фессалоники Феодул обратился к Алексею I с просьбой издать специальный указ, который позволил бы законно и четко решить проблему, остро вставшую перед церковью в самой Фессалонике и в подвластных ее архиепископу епархиях: священнослужителям стали докучать рабы болгарского происхождения, требуя защиты церкви, так как в отношении к ним были дважды нарушены и продолжали нарушаться законы. Во-первых, болгары удерживались в состоянии рабства противозаконно, ибо происходили от свободных родителей, но — вопреки закону — во время голода (на рубеже 30–

[1] *Anne Comnène*. Alexiade. P., 1945, т. 3, p. 70.20.

[2] *Anne Comnène*. Alexiade. Index par P. Gautier. P., 1976, p. 115.

[3] *Анна Комнина*. Алексиада. Вступ. ст., пер., комм. Я. Н. Любарского. М., 1965, с. 592–593.

[4] *H.-G. Beck*. Kirche und Theologische Literatur im Byzantinischen Reich München, 1959, S. 651.

40-х или в начале 70-х годов) в детском возрасте были проданы родителями; во-вторых, господа этих рабов-христиан не позволяли им венчаться в церкви, принуждая к конкубинату (не освященному церковным обрядом сожительству) из опасения, что рабы после венчания будут «на законных основаниях» требовать освобождения. Архиерей Феодул проявил себя в этой реляции императору как ходатай за рабов-болгар, подчеркивая, что против свидетелей рабов господа выставляют в суде собственных свидетелей и одолевают истцов в тяжбах, имея для защиты своих интересов больше средств и возможностей.

Решение Алексея I сводилось к следующему: оказавшихся в рабстве людей, рожденных свободными родителями, отпускать на свободу немедленно, если есть достойные доверия свидетели. При этом предпочтение отдавать свидетелям со стороны рабов, а не со стороны господ. Что же до браков между рабами, то обряд венчания в любом случае совершенно необходим (рабы-христиане), но сам обряд не может служить предлогом для освобождения от рабства, если нет иных законных оснований.

Для целей данной статьи чрезвычайно важна концовка новеллы: император приказывал, чтобы новелла «была объявлена по церквам и разослана по судилищам» империи и чтобы дерзнувшие нарушить царское решение знали, что их ожидает не только кара божья, но и гнев императора.[1] Иными словами, как это часто бывало в Византийской (да и в Римской) империи, изданному по конкретному поводу закону придавалось значение всеобщего, общеимперского правового акта, имевшего обязательную силу на всей территории государства.

Итак, новелла Алексея I, изданная за два года до инцидента в Херсоне, была, конечно, там получена в течение 1095 г., обнародована с помощью церкви и передана для исполнения в преторий (суд). Безусловно, именно этот указ как самый свежий законодательный акт о рабах (даже при наличии более ранних на этот счет законов сходного содержания) служил для властей Херсона юридическим основанием для принятия карательных мер против преступающих нормы права работорговцев.

Таким образом, рассмотрение источников, современных событиям «Слова», и «с византийской стороны» убеждает в достоверности его свидетельств, несмотря на легендарные детали, и в точности сохраненной церковной традицией даты — весна 1097 г., которую пока и следует принимать как terminus post quem составления памятника, легшего в основу «Слова».

Возможно, однако, с некоторой долей вероятности более чем вдвое сузить хронологические рамки составления «Слова» сравнительно с теми, которые мы установили выше (1097–1226). Представляется, что для того, чтобы детали событий в Херсоне весной 1097 г. успели приобрести «легендарную достоверность», должны были уйти из жизни

---

[1] Jus Graeco-Romanum. Ed. C. E. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1957. Pars III, p. 401–407.

их непосредственные свидетели, т. е. миновать по крайней мере пол столетия. Представляется также, что памятник был создан в то вре мя, когда в отношениях половцев, Руси, Херсона и Константинополя еще не произошло крупных перемен, которые наступили в конце XII начале XIII в. и на которые в тексте «Слова» нет ни малейшего наме ка. Особенно показательны в этом смысле отношения Херсона и Кон стантинополя. Согласно «Слову», Херсон находился еще под контро лем центральной власти, тогда как в самом конце XII в. по причине острого правительственного кризиса в Константинополе его связи с Херсоном резко ослабели, а в первые годы XIII в. вообще оборва лись в результате событий, связанных с Четвертым крестовым похо дом.[1] Иначе говоря, я считаю наиболее вероятным временем создания «Слова» 16-го вторую половину XII в.

Повествование об Евстратии четко распадается на две части, собы тия в которых разделены во времени и пространстве: события первой наблюдали и хранили в памяти соотечественники Евстратия, вплоть до его пленения половцами, события второй происходили только на глазах херсонитов. Конечно, во время этих событий в Киеве могли находиться гости из Херсона, а в Херсоне гости из Киева. Не исклю чено, что и они, эти временные визитеры, могли внести свой вклад в формирование устной традиции. Однако повествование свидетель ствует, что памятник был написан значительное время спустя после гибели Евстратия, и автор опирался не на некую единую общую тра дицию, а на две разных, сложившихся, может быть, одновременно, но в разных местах и в разной среде.

Считаю возможным с уверенностью утверждать, что в распоряже нии автора была не только устная русская традиция, но и письмен ные источники. Их следы можно усмотреть в некоторых деталях, переданных с точностью и совершенно лишенных свойственных агио графии преувеличений и фантастических (я имею в виду пока первую часть) мотивов: дата месяцесловов совершенно верна — Пасха в 1097 г. была действительно 28 марта, обстановка в окрестностях Киева вос создана также точно — именно в эти годы половцы брали здесь в плен русов, совершая внезапные набеги; умеренна и вполне реалистична цифра одновременно плененных — 30 работников монастыря (для наших целей нет необходимости поднимать сложный вопрос — кем они являлись) и 20 киевлян.

Что же касается второй части повествования, то ее подробности с несомненностью говорят не только о наличии письменного источ ника, но и выдают его греческое происхождение. Сколь ни легендар на форма рассказа, из него явствует, что автор был совершенно точно осведомлен о сфере компетенции эпарха Константинополя (прежде всего — о его контроле над рынками столицы, в том числе — над рынком рабов, главным рынком этого рода в империи),[2] о действующих

[1] *А. Л. Якобсон.* Крым в средние века. М., 1973, с. 81–82, 95.

[2] *H. Köpstein.* Zur Novelle des Alexios Komnenos zum Sklavenstatus (1095). — Actes du XVe Congrès International d'études byzantines, IV: Histoire. Communi-

в Византии законах об институте рабства, о правовых ограничениях, касающихся иудеев — жителей империи, о сезонных торговых предприятиях приезжих купцов-евреев в Херсоне.

Обычно агиографические сочинения были рассчитаны на усвоение текста широким, во всяком случае — средним по уровню читателем. Вряд ли такой читатель на Руси знал, кем являлся эпарх, каково его отношение к торговым делам, почему он был в состоянии «дать дерзновение». Без минимальных пояснений текст остается загадочным для рядового древнего руса, автор же между тем никаких объяснений не дает, словно обращается к такому читателю, для которого быть не может в повествовании и повода к какому бы то ни было недоумению.

Более того: особенности рассказа о гибели святого таковы, что предполагают непосредственное использование агиографом письменных источников на греческом языке. В обоснование этого заключения приведу четыре довода. Во-первых, автор приводит в переводе на древнерусский фразу, которая якобы прозвучала с неба на греческом («глаголя греческыи»), когда душа Евстратия возносилась на огненной колеснице. Во-вторых, синтаксис упомянутой фразы сохранил в переводе особенности порядка слов греческого оригинала, не свойственные древнерусскому.[1] (Перевод: «Се добрый небеснаго града гражанин нареченный». Предполагаемый оригинал: Τοιοῦτος ἀγαθὸς ὁ τῆς πόλεως οὐρανίας πολίτης ὠνομασθείς. Διὰ τούτου ὁ πρωτοστράτωρ καλεῖται ἐν τῇ μνημοσύνῃ ὑμῶν). В-третьих, сразу вслед за этой фразой русский агиограф как бы комментирует данное место лежащего перед ним греческого текста, обращаясь при этом не к соотечественникам, а к херсонитам: «И сего Протостратор зоветься въ поминании в а ш е м ъ », т. е. в службах и молитвах, совершаемых херсонитами в память Евстратия. Наконец, в-четвертых, самое важное: только признав наличие у агиографа греческого источника, можно удовлетворительно объяснить одну логическую несообразность с точки зрения русского читателя, которая содержится в только что процитированном тексте. Рассказав об огненной колеснице, унесшей душу Евстратия, и «процитировав» возглас с неба, автор пишет, что п о э т о м у («сего») «Протостратором зовется в нашем поминании». Кто зовется? Что имеет в виду агиограф,

---

cations. Athènes, 1980, p. 160–172. См. об этой новелле также: *И. Сакъзов.* Една новела на Алексия Комнин за робибългари. — Сб. в честь на Василъ Н. Златарски. София, 1925, с. 367–387; *М. Я. Сюзюмов.* О правовом положении рабов в Византии. — Учен. зап. Свердловского педагогического института, 1955, с. 172; *Г. Г. Литаврин.* Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960, с. 183–186; *Ε. Παπαγιάννη.* Το προβλημα τῶν δούλων στὸ ἐργο τῶν κανονολόγων τοῦ 12 ου αἰῶνα. — Τὸ Βυζάντιο κατὰ τὸν 12 ο αἰῶνα. Ἀθήνα, 1991, σ. 430–443.

[1] Стилистика переведенной фразы ни в коей мере не может служить критерием для суждения об уровне знания греческого у переводчика: сохранение синтаксиса оригинала считалось в ту эпоху нормой при переводах (*F. J. Thomson.* Sensus or Proprietas verborum. Mediaeval Theories of Translation as Exemplified by Translation from Greek into Latin and Slavonic. — Selecta slavica, 1988, vol. 13, p. 675–678.

говоря «поэтому»? О том, что это место в тексте было способно породить у русского читателя недоумение, дает основание полагать странная ошибка (и ошибка ли?) даже такого крупного знатока древнерусских текстов и блестящего ученого, как И. И. Срезневский. Он приводит в своем словаре под словом «протостратор» цитату из «Слова» 16-го в следующем виде: «Жидовин прободе Евстратия и сего ради зоветься протостратор въ поминаньи вашемъ».[1] Из цитаты исчез весь эпизод с вознесением души святого на огненной колеснице, присутствующий во всех учтенных Д. И. Абрамовичем редакциях.[2] Я не допускаю, что И. И. Срезневский, опираясь на текст Арсениевской редакции (орфография цитаты ближе всего к ней), сконструировал цитату сам, ради краткости исказив смысл пассажа. Либо ученому был доступен список «Слова», где текст был уже сокращен, либо же сам составитель словаря именно так понимал текст, как он его «ужал». Но и в том и в другом случае — это следствие неадекватного толкования текста, признанного темным и «ради ясности» подвергнутого сокращению. При этом созданы совершенно новые грамматические взаимосвязи: протостратором оказался иудей, пронзивший Евстратия копьем; именно поэтому иудей будто бы получил упомянутое прозвище, мало того — именно под этим прозвищем иудей еще кем-то (херсонитами?) поминается.

Возможно, на искажение И. И. Срезневским смысла разбираемого пассажа повлияла и аллюзия на сцену распятия Христа (ведь согласно «Слову» иудей сознательно воспроизводил эту сцену, распиная Евстратия на Пасху «по писанному в Евангелии»). Однако в Евангелии от Иоанна (единственном, в котором приведен эпизод с прободением Христа копьем — Иоанн, 19, 34), «нет никакого «протостратора»: поразил копьем Христа простой воин (εἷς τῶν στρατιωτῶν). Иначе говоря, аллюзия на Евангелие оказывается ложной, даже если она присутствовала в сознании редактора списка «Слова» или И. И. Срезневского.

Между тем читателю-греку (херсониту) было совершенно ясно, что «протостратор» в «Слове» — это Евстратий, что определение это комплиментарно, а не уничижительно; понятно ему было также и то, почему именно это прозвище дали греки русскому ученику. Судя по контексту, автор-переводчик понимал, почему Евстратий, прозванный на Руси Постником, у херсонитов стал именоваться Протостратором.

---

[1] *И. И. Срезневский*. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1895, т. 2. Стлб. 1598.

[2] Эпизод с огненной колесницей содержится и в Новгородской Софийской рукописи № 1365, как, впрочем, и весь рассказ о Евстратии; рукопись хранится ныне в Государственной Публичной библиотеке в Санкт-Петербурге (*Р. Поп.* Указ. соч., с. 94). Приношу благодарность И. П. Медведеву, сверившему для меня по рукописи соответствующий текст. Д. И. Абрамович ошибся, указав в своем издании (КПС, с. 256), что в данной рукописи рассказы о Евстратии и Никоне отсутствуют. Важно подчеркнуть, что рукопись № 1365 принадлежит к древнейшей Феодосиевой редакции, независимой от Арсениевской.

Разгадка искомой причинной связи заключена в значении термина «протостратор». В конце XI–первой половине XII в., при Комнинах (т. е. в интересующий нас период), этот титул (переживший, как и другие титулы, длительную эволюцию) получал носитель одной из высших придворных должностей. Муж Анны Комнины (дочери Алексея I) Никифор Вриенний писал как раз в то время, что чин протостратора «всегда считался у царствующих высокой должностью и предоставлялся важнейшим лицам».[1] Н. Иконодимис, подводя итог изучению истории этого титула, отметил, что протостратору были непосредственно подчинены ἁρμοφύλακες, т. е. «стражи колесниц» (gardiens de chars), и функции протостратора состояли в охране особы императора и транспортировке оружия и провианта для армии, т. е. в обязанностях конюшего.[2]

Итак, рассматриваемый пассаж получает логическую ясность только в том случае, если признать, что термину «протостратор» в тексте «Слова» придано именно это значение — «начальник над стражами колесниц», «главный из стражей». Евстратия прозвали Протостратором потому, что он вознесся на небо на (огненной) колеснице.[3]

Если сделанные выше заключения оправданны, то можно говорить о «Слове» 16-м Киево-Печерского патерика как об уникальном памятнике древнерусской литературы, в котором автор объединил и обработал две письменные традиции: древнерусскую, рассказывающую о жизни святого до его пленения половцами, и греческую (херсонскую), повествующую о его последних днях и мученичестве в Херсоне. В связи с этим важно напомнить, что существование в Херсоне по крайней мере с VII в. традиции составления агиографических сочинений было доказано уже В. В. Латышевым.[4]

Уникален в аспекте духовно-культурных связей Руси и Херсона и сам повод к составлению двух повествований о подвиге Евстратия, созданных первоначально в разных этнокультурных средах. Херсониты хранили память о Евстратии, пораженные его стойкостью в вере и обстоятельствами его гибели, на Руси его чтили, узнав от херсонитов о его мученическом конце. Создание жития Евстратия при опоре на устойчивую херсонскую традицию лишний раз подкрепляет сомнения в справедливости широко распространенной в науке гипотезы

---

[1] *Nicephori Bryennii* historiarum libri quattuor. Introduction, texte, traduction et notes par P. Gautier, Bruxelles, 1975, p. 145.14–15.

[2] *N. Oikonomidès*. Op. cit., p. 337–338; *Н. П. Лихачев*. Моливдовулы греческого Востока. М., 1991, с. 91.

[3] В принципе сделанному замечанию не мешает и иное возможное здесь истолкование, а именно: автор (грек) обыгрывает имя Евстратия, которого отныне можно называть не просто «добрым воином», а «первым (главным) воином». Не дает (кажется) ничего для выяснения сути дела и упоминание в IV Книге Царств (2, 11) о вознесении души Ильи Пророка на огненной колеснице с огненными конями.

[4] *В. В. Латышев*. Житие Свв. епископов христианских. СПб., 1906, с. 13–18. (Зап. Имп. АН Ист.-филол. Отд. VIII, сер. 3).

о практически полном прекращении в XI в. вплоть до монголо-татарского нашествия всяких связей (прежде всего — торговых) Херсона с Русью[1] и об отсутствии в этот период какого-либо культурного обмена между Киевом и византийскими городами в Крыму.[2] Против этой точки зрения уже были высказаны основательные возражения И. В. Соколовой, А. И. Романчук и др.[3] Против этого свидетельствует и то внимание, которое на рубеже XI–XII вв. уделялось крымско-азовскому региону в правящих кругах и Византии, и Руси. Алексей I Комнин, восстанавливавший в это время военный флот империи и нуждавшийся в новых источниках нефти для вооружения военных судов «греческим огнем», проявлял особый интерес к Крыму и соседним районам восточного Причерноморья, включая Тмутаракань. Стремясь овладеть боспорскими источниками нефти, Алексей I освободил и обласкал сосланного в Византию (по соглашению с Никифором III Вотаниатом) Всеволодом Киевским в 1079 г. Олега Святославича Черниговского, которому тогда принадлежала Тмутаракань. Император помог Олегу вернуться в княжество на Боспоре в качестве законного господина, а во второй половине 90-х годов, видимо, по соглашению с Олегом, когда тот вернул себе «отеческий престол» — Чернигов, получил от него и Тмутаракань (последний раз она упомянута в летописи под 1094 г.). Этот успех Алексея I и имеет в виду современник событий византийский ритор Мануил Страворман, говоря в своем обращении к императору о приобретениях «на Боспоре Киммерийском».[4] Овладение Тмутараканью со стороны Византии не могло не осложнить ее отношений с Русью: недаром в 1116 г. Владимир Мономах, сделавший Леона Диогеновича своим зятем (на этот раз это был подлинно сын Романа Диогена, но не от императрицы Евдокии, а от первого брака), помог ему войском в походе на империю и пытался после гибели Леона в Дристре (Доростоле) удержать за собой часть дунайских городов, признавших Леона.[5]

Важно, однако, подчеркнуть одно зачастую упускаемое из виду в историографии обстоятельство: помимо официальных государственных отношений Руси и Византии, Руси и Херсона, имели место постоянные, устойчивые торговые и культурные связи сторон на «низовом уровне», отнюдь не всегда автоматически прерывавшиеся или возобновлявшиеся в зависимости от осложнений или от потеплений в отношениях

[1] *А. Л. Якобсон.* К истории русско-корсунских связей (XI–XIV вв.). — Византийский временник, 1958, т. 14, с. 116–128.

[2] *Г. Ф. Корзухина.* О памятниках «корсунского дела» на Руси. — Там же, с. 129–137.

[3] *И. В. Соколова.* Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983, с. 107–118; *А. И. Романчук.* Топография византийского города как отражение его функции (на материалах Херсона): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Свердловск, 1991.

[4] *Г. Г. Литаврин.* Русь и Византия в XII в. — ВИ, 1972, № 7, с. 40.

[5] *В. Г. Васильевский.* Два письма византийского императора Михаила VII Дуки к Всеволоду Ярославичу. — Труды. СПб., 1909, т. 2, с. 37–49.

высших властей обеих сторон.[1] Тем более важно это учитывать, когда речь идет о Херсоне, который — и по причине удаленности от Константинополя, и в силу местных полисных традиций, вызывавших острое недовольство в Константинополе, пользовался известной независимостью и в делах внутреннего самоуправления, и в своих контактах с ближайшими соседями. О периодических восстаниях херсонитов против попыток центральной власти в IX–XI вв. лишить город его вольностей хорошо известно по византийским источникам.

Симпатии простых херсонитов при этом отнюдь не совпадали с позицией представителей официальной имперской власти в их городе. В 1066 г. стратиг Херсона заманил к себе в гости князя Тмутаракани Ростислава и отравил его; возмущенные коварством своего правителя херсониты расправились с ним, побив его камнями.[2] И вновь, спустя 30 лет, согласно «Слову» 16-му, несмотря на обострение отношений византийского и русского дворов из-за Тмутаракани, херсониты заняли доброжелательную позицию к своим северным единоверцам: они глубоко сострадали русскому монаху-мученику и признали его (иноземца) достойным благодати святости. Вряд ли такое было возможно, если бы Херсон вообще не поддерживал в 70–90-х годах XI в. никаких отношений ни с Киевом, ни с Тмутараканью.

Не исключено, что половцы, прибывая к стенам города на конях, и русские, являясь сюда же на ладьях по воде, торговали в Херсоне одновременно, в том числе взаимно взятыми друг у друга пленниками. Возможно ли, однако, чтобы русские пленники гибли в затворе у иудея в те же дни, когда их соотечественники-торговцы находились где-то рядом? Возможно, так как, во-первых, иудей держал купленных у половцев рабов не под открытым небом (необходимые ему помещения он скорее всего арендовал у местных единоверцев), а во-вторых, пленные по понятиям той эпохи были законной добычей войны: даже по договорам союзных держав (например, 911 и 944 гг. между Русью и Византией) пленных договаривающихся сторон каждая из них была обязана выкупать по заранее установленным ценам или по цене, сложившейся в то время на рынке. Ясно, однако, что среди херсонитов не было желающих приобретать у половцев русских пленных. Их покупку в Херсоне действительно монополизировали, как отмечает Н. М. Богданова, приезжавшие сюда специально с этой целью иудеи.

Монополию эту, впрочем, иудеи обретали безо всяких усилий. Византийское право не запрещало христианину владеть рабом-христианином, но только в том случае, если этот раб утратил свободу одним из трех способов, оправдывающих его покупку: либо этот раб-христианин был несвободным в силу физических причин, т. е. родился от родителей-рабов, либо он был продан еще язычником (и лишь у нового хозяина

---

[1] *Г. Г. Литаврин.* Византия и Древняя Русь в конце IX–X вв. — The Legacy of Saints Cyril and Methodius to Kiev and Moscow. Thessaloniki, 1992, p. 225–232 (см. также наш сборник).

[2] ПСРЛ. I. 1, с. 166.

принял христианство), либо этот раб утратил свободу по суду — в наказание за преступление.[1] Но и в указанных случаях в XI–XII вв. и в церковных кругах, и в светском византийском обществе приобретение рабов-христиан подвергалось моральному осуждению. В уставе Лавры св. Афанасия (начало последней трети X в.) предписывалось: «Не приобретай раба — ни в свое пользование, ни для чего-либо во вверенном тебе монастыре, ибо он человек, созданный по образу Божию».[2] Отнюдь не случайно и у немцев (христиан) купил группу учеников Кирилла и Мефодия (священников и диаконов) в Венеции иудей; не случайно и то, что оказавшийся по делам государства в Венеции посланец императора, узнав о том, что иудей намерен перепродать этих людей на рынке, освободил их не иначе, как выкупив на свои деньги. Так повествуется в житии Наума.[3]

Закон, как видно, не запрещал категорично торговлю рабами-христианами, но вести ее христиане предпочитали через посредников-иноверцев, в качестве которых и выступали иудеи, не придерживавшиеся принципов христианской морали, утвердившихся на этот счет в то время. Текст «Слова» 16-го дает основания полагать, что иудеи-работорговцы, деятельность которых развертывалась в пределах империи, объективно были заинтересованы в том, чтобы принудить купленных ими рабов-христиан к отречению от их веры: тогда иудеям было удобнее перепродать этих рабов (как язычников) уже в самой империи, а не обязательно на восточных средиземноморских рынках. Эту попытку заставить русских пленных отречься от Христа предпринял, видимо, и иудей в Херсоне, потерпевший при этом, благодаря стойкости Евстратия, неудачу, потерявший всех рабов и понесший значительный убыток (при минимальной в то время цене раба в 20 номисм[4] убыток составил значительную сумму в тысячу золотых).

Положение рабов в Византии в рассматриваемый период достаточно хорошо исследовано, и нет необходимости поднимать здесь этот вопрос. Оно по-прежнему осталось двойственным: с одной стороны, рабы объявлялись равными перед Богом со всеми другими христианами как «образ и подобие Божие», а с другой — они, как в античные времена, оставались юридическими «говорящими орудиями», находящимися в полной власти своих господ. Сравнительно с VIII–IX вв., в X–XII вв. церковь и государство, однако, способствовали смягчению условий их содержания, принимали меры к защите их жизни и содействовали их отпуску на волю. Но в то же время и церковь, и государство требовали от рабов полной покорности своим господам

---

[1] Prochiron legum. Pub. a cura di F. Brandileone, V. Puntoni. Roma, 1895, p. 193–194.

[2] *Ph. Meyer.* Die Haupturkunden für die Geschichte der Athoskloster. Leipzig, 1984, S. 113.

[3] *Й. Иванов.* Български старини из Македония. София, 1970, с. 306.

[4] Practica ex actis Eustathii Romani. — Jus Graeco-Romanum. Ed. C. E. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1856, vol. I. 1, p. 134.

и строго защищали имущественные права рабовладельцев. Как позволяет судить «Пира» — сборник решений константинопольского судьи XI в. Евстафия Ромея, продолжали действовать законы о рабах, входившие в такие старые сборники, как «Василики» и «Прохирон». Двойственность положения рабов отражена и в новелле Алексея I от 1095 г. Юридически она не вносила принципиальных новшеств в статус рабов: согласно «Василикам», применявшимся в правление Льва VI Мудрого, продажа детей в рабство родителями, как и самопродажа, были строго запрещены (новелла № 59 этого императора).[1] Однако новелла Алексея I позволяла отныне толковать эти нормы расширительно: освобождению подлежали все рабы-христиане, происходившие от свободных родителей (именно этот факт требовал подтверждения свидетельскими показаниями), а не только те из рабов, которые были проданы именно своими родителями (это условие при предпочтении, оказываемом судами показаниям свидетелей со стороны рабов, а не господ, как и предписывал император, становилось второстепенным и вряд ли обязательным).

Византинистам, однако, известно, что законы в империи в разное время и в различных провинциях соблюдались не очень строго. Это обстоятельство отражено и в «Слове»: иудеи-работорговцы действовали в Херсоне регулярно, из года в год. Тот факт (конечно, при постулированном мною выше доверии к свидетельствам данного источника), что иудеев в 1097 г. постигла суровая кара за нарушение законов империи, следует, по-видимому, объяснить какими-то дополнительными обстоятельствами, а не только скупкой пленных, которые, хотя и являлись христианами, не были подданными империи.

Эти дополнительные обстоятельства можно усмотреть, во-первых, в получившем огласку в Херсоне факте гибели крупной партии рабов-христиан в результате изощренной жестокости их господина-иудея, надругавшегося над верой своих невольников; во-вторых, в позиции властей города, боявшихся осложнить (из-за своего попустительства иудеям-работорговцам) обстановку в только что приобретенной императором Тмутаракани, которую отнюдь не все русское население покинуло вместе со своим князем Олегом Святославичем; в-третьих (и это главное), иудеям было вменено в вину нарушение не только названных выше законов о рабах, сколько законов, ограничивавших права именно иудеев на обладание рабами. В условиях Первого крестового похода (1096–1097 гг.) и в византийском обществе (а не только на Западе) усилилось настороженное и недоброжелательное внимание к деятельности иудеев, которые — согласно официальному праву — должны были отречься от своей религии и принять христианство.

Уже Василий I (867–886) запретил иудеям отправление их культа и соблюдение суббот, но не закрепил запрет специальным законом; закон этот новеллой № 55 издал Лев VI, предписавший силой обращать иудеев в христианство, а дерзнувших на отступничество карать

[1] Jus, III, p. 149–150, 151–152.

как мятежников (т. е. либо казнить, либо обращать в рабство).[1] Когда при Романе I Лакапине (927–944) обнаружилось, что закон Льва VI не соблюдается, начались репрессии, и многие иудеи искали спасения за морем, в хазарских владениях.[2] Видимо, немало оказалось их и в Херсоне, куда в свое время бежали от преследований и иконопочитатели (о еврейской общине в Херсоне свидетельствует и рассматриваемый источник).

Херсонские иудеи, несомненно, помогали приезжавшим в город купцам-единоверцам вести их дела. Между тем дела эти были строго запрещены законом на территории империи. Согласно «Прохирону» (сборнику права, составленному при Василии I), «никто из иудеев или эллинов (т. е. язычников. — *Г. Л.*), или еретиков да не имеет раба-христианина, а если имеет и обрежет его, то раб освобождается, а виновный подлежит каре головой» (гл. XL, § 27). И далее: «Эллин, иудей, самаритянин и всякий, не являющийся православным, не может иметь раба-христианина, а если такое случается, то раб освобождается, а владевший им отдаст 30 литр золота освобожденным» (гл. XL, § 28).[3]

Итак, торговля рабами-христианами была выгодным, но чрезвычайно рискованным предприятием, особенно для иудеев, которые в данном случае нарушали законы вдвойне: и относительно рабов-христиан, и относительно прав самих иудеев. Автор второй части «Слова» (грек-херсонит?) осведомлен о запрете иудеям владеть рабами-христианами: казнь эпарха-иудея он объясняет тем, что тот дал позволение евреям по всей империи «да купят христианы в работу себе».

По всей вероятности, репрессии против иудеев в Херсоне «Словом» преувеличены, хотя полностью отрицать их нет никаких оснований. Сообщение «Слова» на этот счет несколько противоречиво: видимо, текст пострадал при переписках. Эпарх Константинополя, сказано там, был казнен, как и предрекал Евстратий, «и ту сущаа жиды, иже озимостваша в Коръсуни. И имениа отъимше того жидовина, а съдеавьшаго на блаженнаго повесиша... Окааннии же жидове, видевьше чудо страшно, и крестишася». Представляется сомнительным, что были убиты (как и эпарх) все иудеи, зимовавшие ради торговых целей в Херсоне: скорее всего, они поплатились лишь изгнанием и конфискацией имущества. Казнен же (повешен) был лишь тот иудей, который причинил мученическую смерть Евстратию. Местные же иудеи-хersониты были принуждены принять христианство.[4]

В заключение уместно еще раз подчеркнуть два главных вывода статьи: 1) «Слово» 16-е Киево-Печерского патерика является оригинальным памятником древнерусской литературы XII в., объединив-

---

[1] Jus, III, p. 149–150.

[2] *В. Ф. Минорский.* История Ширвана и Дербенда. М., 1963, с. 193.

[3] Prochiron..., p. 324.

[4] Ближе всего к такому пониманию текста Арсениевской редакции, где, как кажется, следует исправить в двух местах лишь знаки препинания (КПП, с. 181).

шим русскую и греческую (херсонскую) письменные версии мученичества Евстратия; 2) «Слово» 16-е свидетельствует о традиционных симпатиях крымских греков — подданных Византии — к своим русским единоверцам, причем симпатии эти возникли и упрочились независимо от перипетий в отношениях между официальными властями Древней Руси и Византии — они выразились, в частности, в том, что именно греки-херсониты выступили инициаторами в приобщении русского монаха Евстратия к лику святых *.

SUMMARY

The 16th chapter of the Paterikon of Kievo-Pechorsky monastery is an original monument of old Russian literature dating back to the 12th Century. It links Russian and Greek (Cherson) written versions of the Eustratios' martyrdom. This chapter proofs the existence of the sympathies of the Crimean Greeks towards their Russian brothers in faith, which developed inspite of all the perturbations in the Russian-Byzantine relations. These very sympathies resulted in the fact that it were the Greeks from Cherson who initiated the canonization of Russian monk Eustratios.

* Лишь во время корректуры мне стало доступным прекрасное английское издание «Патерика» (The Paterik of the Kievan Caves Monastery. Transl. by M. Heppell. Cambr. Massach., 1989). Сожалея о невозможности учесть книгу здесь, замечу все-таки, что не нашел в ней ничего, что заставило бы изменить выводы статьи.

Русь и Византия в XII веке

Отношения Руси и Византии, двух крупнейших государств восточно-христианского мира, в XII в., накануне глубокого кризиса, поразившего их в следующем столетии, давно привлекают пристальное внимание в мировой историографии. Этому посвящены специальные работы Г. Вернадского, Н. Бэнеску, Э. Франческа, А. Соловьева, О. Юревича.[1] Особый интерес к этой проблеме проявляют и советские ученые.[2]

---

[1] *G. Vernadsky*. Relations byzantino-russes au XIIe siècle. «Byzantion», 1927/1928. IV; *N. Bănescu*. La domination byzantine à Matracha (Tmutorokan), en Zichie, en Khazarie et en «Russie» à l'epoque des Comnènes. «Bulletin de la section historique de l'Académie roumaine», t. XXII, 2, 1941; *E. Frances*. Les relations russo-byzantines au XIIe siècle. BS. 20.1.1959; *A. V. Soloviev*. La domination byzantine ou russe au nord de la Mer Noir à l'époque des Comnènes. «Akten des XI. Internationalen Byzantinisten-Kongresses». München, 1960; *O. Jurewicz*. Aus der Geschichte der Beziehungen zwischen Byzanz und Russland in der zweiten Hälfte des 12. Jahrhunderts. «Byzantinische Beiträge». B, 1964.

[2] *М. В. Левченко*. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956; *Н. Н. Воронин*. Андрей Боголюбский и Лука Хризоверг (Из истории русско-византийских отношений в XII в.). «Византийский временник» (далее — ВВ). XXI, 1962; *Его же*. «Житие Леонтия Ростовского» и византийско-русские отношения второй половины XII в. ВВ. XXIII, 1963; *Его же*. Сказание о победе над болгарами 1164 г. и праздник Спаса. «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран». М., 1963; *Его же*. Из истории русско-византийской церковной борьбы XII в. ВВ. XXVI, 1965; *В. Л. Янин*. Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождение игумена Даниила». ТОДРЛ, XVI, 1960; *Его же*. Именные буллы русских епископов XII—начала XIII в. «Советская археология» (далее — СА), 1966, № 3, *Г. Г. Литаврин, В. Л. Янин*. Некоторые проблемы русско-византийских отношений в IX—XV вв. «История СССР», 1970, № 4; *А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто*. Внешняя торговля Древней Руси (до середины XIII в.). «История СССР», 1967, № 3; *В. Т. Пашуто*. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.

Обнаруженные в недавнее время некоторые новые данные письменных источников и результаты последних археологических изысканий оправдывают попытку дать обобщенную характеристику связей Руси и Византии в XII в., главной целью которой является определение особенностей этих связей сравнительно с предшествующей эпохой, прежде всего с XI веком.

XII столетие было ознаменовано глубокими переменами во внутренней и внешнеполитической истории как Руси, так и Византии. На Руси в это время укрепилась и стала доминирующей вотчинная система эксплуатации, являвшаяся одним из важнейших факторов, определивших не только социальную, но и внутриполитическую структуру государства. Еще относительно единая в XI в., Русь превратилась теперь в своеобразную федерацию княжеств, лишь номинально зависимых от киевского престола. Неизбежным следствием развития удельной системы были феодальные усобицы за передел земель между княжествами и самих княжений, прежде всего — за право на киевский престол. Колыбель русской государственности — Киев постепенно сходил с арены как средоточие богатств Руси и ее военно-политической мощи.[1] Он пережил в XII в. неисчислимое множество переворотов, сопровождавшихся порою массовым разрушением производительных сил и кровавыми расправами.

Лишь один могущественный фактор властно диктовал в течение всего XII в. политическим деятелям Руси хранить свое воинское единство и признавать организующую роль Киевского княжества. Этот фактор — половецкая угроза, почти на полтора столетия нависшая над Русью и до сих пор еще недостаточно оцененная в историографии.[2] Акад. Б. А. Рыбаков, определяя роль половцев в истории Древней Руси, отмечает, что их перманентное давление на русские земли оказало временное противодействие центробежным силам; не случайно с ослаблением половецкой опасности тенденцию к полному обособлению от русской федерации проявили первыми именно те политические центры, которые менее всего страдали от половецкого разбоя.[3] В целом, однако, внешняя политика Древней Руси — в том числе и в отношении к Византии — утратила былое единство: любое русское княжество обрело право на самостоятельные внешние сношения, независимо от воли киевского князя. В осуществлении этих сношений с Византией общую и весьма существенную роль играл опять-таки

---

[1] См., например: *Б. А. Рыбаков*. Спорные вопросы образования Киевской Руси. «Вопросы истории» (далее — ВИ), 1960, № 9; *Его же*. Первые века русской истории. М., 1964; *В. Т. Пашуто*. Эволюция политического строя Руси. «L'Europe au IXe–Xe siècles», 1969, p. 242–243; ср. *A. Poppe*. Le prince et l'église en Russie de Kiev depuis la fin du Xe siècle jusqu'au début du XIIe siècle. «Acta Poloniae Historica». 20.1969, p. 991.

[2] См.: *Н. А. Раппопорт*. Из истории Южной Руси в XI–XII вв. «История СССР», 1966, № 5.

[3] *Б. А. Рыбаков*. Первые века русской истории, с. 143–144.

половецкий барьер, плотность которого значительно превосходила печенежский X–XI вв. и по протяженности, и по широте, и по его внутренней структуре.[1]

Процессы социально-экономического развития, сходные с теми, которые происходили на Руси, в Византии почти до конца XII в. не привели к политическому раздроблению. Реформировав аппарат центральной власти, мобилизовав ресурсы военной землевладельческой аристократии, среднепоместного рыцарства и провинциальных городов, представители новой (военной) группировки господствующего класса, овладевшие престолом императоры династии Комнинов (1081–1185 гг.), сумели временно преодолеть глубокий кризис XI в., остановить наступление внешних врагов и даже перейти в наступление.[2]

Политика Византии в отношении Руси приобрела маневренный и избирательный характер: она стала разной относительно разных русских княжеств, варьируясь от тесного союза до открытого разрыва в зависимости от перемен в соотношении сил на Руси и изменений во внешнеполитической обстановке. Угроза непосредственного нападения русских на империю в течение XII в. практически исчезла, и задачи византийской дипломатии все отчетливее сводились к попыткам привлечь Русь к борьбе с врагами империи в Центральной Европе и на севере Балкан и удержать ее от участия во враждебных Византии коалициях. При этом один из наиболее важных принципов политики империи в отношении Руси заключался в стремлении проводить, сколь возможно, постоянный курс на сохранение дружественных связей с Киевским княжеством как самым старшим в русской иерархии княжеств и на упрочение тесных союзных отношений с Галицкой Русью как самым близким территориально и самым реальным военным союзником. Вторая задача (союз с Галичем) представлялась империи в новых условиях настолько важной, что ради нее (и только ради нее) она могла пренебречь первой (дружественными связями с Киевом), если достижение обеих целей одновременно оказывалось невозможным.

Крайняя скудость данных о русско-византийских отношениях в конце XI и в первые четыре десятилетия XII в. и самый характер этих данных позволяют думать о каком-то неблагополучии в традиционных связях двух стран, которое нельзя объяснить лишь чрезвычайными затруднениями, переживавшимися в то время и Русью, и Византией. Несмотря на крайнюю опасность, в которой империя находилась в 80–90-е годы XI в., император, обращаясь на Запад с унизительными воззваниями о помощи, ни разу не попытался получить ее у русских, с которыми у Византии были на этот счет специальные договоры и которые неоднократно оказывали империи экстраординарную военную

[1] Об оборонительном рубеже на юге Руси, см.: *В. И. Довженок*. Сторожевые города на юге Руси. «Славяне и Русь». М., 1968, с. 37–45; см. также: *П. А. Раппопорт*. Оборонительные сооружения Древней Руси. ВИ, 1970, № 11.

[2] См.: *А. П. Каждан*. Загадка Комнинов. ВВ. XXV, 1964.

поддержку (в 968, 989, 1016 и 1047 гг.), помимо регулярной (присылка воинских отрядов для службы в Византии и защита ее крымских колоний). Возможно, на Босфоре осознали, что Русь в то время задыхалась в тяжкой борьбе с половцами, ослабляя силу их напора на империю. Однако знаменательно, что византийцы и русские ни разу не попытались согласовать свои удары по кочевникам. Создается впечатление, что русские своими походами вынуждали порой половцев откатываться в пределы империи, а византийцы гнали их обратно на Русь.

При всей сложности политической ситуации на Руси и при всей предвзятости надменного мировосприятия византийских политиков и дипломатов внешнеполитический курс империи в отношении Руси был сугубо практичным. Поэтому причину охлаждения связей Руси и империи следует искать в ущемлении вполне реальных интересов обеих или одной из сторон. Сопоставляя данные письменных источников и археологических изысканий в Крыму и Приазовье, есть основание предполагать, что одной из важных причин охлаждения отношений между Русью и Византией с конца XI в. могло быть утверждение византийского господства в принадлежавшем до этого русским Тмутараканском княжестве вследствие главным образом ослабления или даже разрыва коммуникаций, связывающих эти земли с Русью.

Данный вывод[1] встретил возражение А. Поппэ, по мнению которого судьба Тмутаракани, принадлежавшей черниговским князьям, которые враждовали с киевскими, не могла тревожить ни Всеволода, ни унаследовавшего от него старшинство среди князей Владимира Мономаха.[2] Вряд ли можно согласиться с таким заключением; удельная система не исключала представления о единстве Русской земли, за которую и всех ее князей предстательствовал в 1106–1108 гг. в Иерусалиме перед «гробом Господним» игумен Даниил.[3] Сложная система старшинства и иерархического соподчинения княжеств не была панацеей от усобиц, но она все-таки служила теоретическим основанием политики киевского князя, одной из главных целей которой было и осталось стремление оградить Русскую землю от иноземных завоевателей. Сохранение ее части в руках даже враждебного князя не лишало Киева перспективы смены князя и перераспределения земель, с переходом же какой-либо части русских владений под власть иноземного правителя вернуть их можно было только путем применения военной силы.

Вся история борьбы с половцами, да и события в самой Тмутаракани в 1079–1083 гг., кажется, оправдывают такую точку зрения.

---

[1] См.: *Г. Г. Литаврин*. Неизвестное свидетельство о Боспоре Киммерийском во время Алексея I Комнина. «Тезисы докладов VII Всесоюзной сессии византинистов». Тбилиси, 1965; *Его же*. Русско-византийские отношения в XI–XII вв. «История Византии», т. II. М., 1967, с. 352.

[2] *A. Poppe*. Państwo i kościół na Rusi w XI w. Warszawa, 1968, str. 100, n. 92.

[3] «Путешествие игумена Даниила по св. земле в начале XII ст.». СПб., 1864, с. 139; см. об этом: *В. Л. Янин*. Междукняжеские отношения..., с. 130–131.

В 1079 г., видимо, в результате интриг Всеволода, его враг Олег Святославич Черниговский был схвачен в принадлежавшей ему Тмутаракани и сослан в Византию: не случайно в городе после этого три года правил посадник Всеволода Ратибор. Уже одно освобождение Алексеем I Комнином Олега из ссылки и выдача за него знатной гречанки Феофано Музалониссы было враждебным киевскому князю актом, а тем более помощь Олегу в возвращении Тмутаракани. Возможные осложнения в отношениях с Киевом, видимо, перекрывались какими-то чрезвычайными выгодами для империи. Упрочение позиций Византии в восточном Крыму и на Таманском полуострове, конечно, укрепляло оборону Крымских колоний империи. Но мог ли ради этого такой осторожный дипломат, как Алексей I, умножать своих врагов в годы, когда решалась судьба его государства, а император почти отчаялся в сохранении трона?

Азовское море издревле было богатейшим источником высокосортной и дешевой рыбы, а именно рыба составляла значительную часть ежедневного рациона константинопольцев. Евстафий Фессалоникский писал в XII в., что с Дона привозят соленую рыбу и черную и красную икру — этим деликатесом монахи столичного монастыря угощали Мануила I Комнина.[1] Раскопки показали: в городах и поселениях по берегам Азовского моря в слоях XI–XII вв. среди рыбных костей в кухонных отбросах первое место принадлежит остаткам осетровых.[2] Трудно, однако, думать, что именно этим можно объяснить (как это делает А. В. Соловьев)[3] особый интерес империи к Боспору; во всяком случае, это объяснение недостаточно при учете той крайне тяжелой военной ситуации, в которой Византия находилась в 80–90-е годы XI века. Сбор торговых пошлин на Боспоре, возможно, имел значение для императора при его крайней нужде в деньгах. Но это не могло дать быстрого эффекта, а Алексей принимал в то время срочные и решительные меры, ибо промедление было смерти подобно.

Ответ на искомый вопрос дали последние исследования советских археологов. В устье Дона, в Керчи (близ древней Росии) и на Таманском полуострове (на месте Тмутаракани) с начала столетия до наших дней в изобилии находят остатки византийских амфор со смолистым осадком на дне и стенках. Тонкий химический и люминесцентный анализ показал, что эти амфоры (в том числе и в XI, и в XII вв.) служили тарой для перевозки нефти, идентичной по составу керченской и таманской.[4] Нефть же была основным компонентом горючей

[1] «Eustathii Thessalonicensis opuscula». Francofurti, 1832, p. 231.

[2] *А. В. Гадло.* Поселения XI–XII вв. в дельте Дона. «Краткие сообщения» Института археологии АН СССР, 99, 1964, с. 43.

[3] *A. V. Soloviev.* Op. cit., p. 573.

[4] *А. В. Гадло.* Указ. соч., с. 40–45; *К. В. Кострин.* Исследование нефти из средневековых амфор, найденных близ станицы Пролетарской, СА, 1965, № 1; *Его же.* Исследование смолистого вещества из «черносмоленых» кувшинов средневековой Тмутаракани. СА, 1967, № 1; *Его же.* Исследование смолистого осадка из амфор, найденных при раскопках Танаиса. СА, 1971, № 1.

жидкости («греческого огня») — самого грозного оружия византийцев. Именно Алексей I, захватив престол, сразу же столкнулся с необходимостью срочно отстраивать пришедший в упадок военный флот, так как итало-сицилийские норманны, переправясь на своих судах, захватили Адриатическое побережье империи. Строившиеся корабли, как сообщает дочь императора Анна Комнина (а возможно, и суда союзных венецианцев), оснащались «греческим огнем». Это оружие использовалось и при осаде крепостей (им жгли оборонительные сооружения и его забрасывали катапультами внутрь стен, чтобы вызвать пожары), и при их обороне[1] (уничтожали осадные орудия, как это делалось при отражении штурмов норманнов на Диррахий).[2]

Кавказские источники нефти ввиду наступления турок-сельджуков, как и сирийские, были уже недоступны, а традиционные для империи (как об этом писал в середине X в. Константин VII Багрянородный)[3] приазовские находились в руках русских. Острая нужда в военном сырье заставила, таким образом, императора принять меры для того, чтобы овладеть боспорскими источниками нефти, что и было достигнуто, как это подтверждается недавно опубликованным новым источником — речью ритора Мануила Страворомана, восхвалявшего Алексея I, между прочим, и за приобретения «на Боспоре Киммерийском».[4] Трудно после всего сказанного не придать особого значения тому факту, что Мануил I, разрешив в 1169 г. генуэзцам входить в любой город Причерноморья, запретил им доступ лишь в города Тмутаракань и Росию. Запрет этот был повторен и в 1192 году.[5]

Олег провел в ссылке четыре года, из них два (скорее всего первые — 1079–1081, ибо цель ссылки и состояла в возможно более полной изоляции Никифором III Вотаниатом врага Всеволода) на острове Родосе.[6] Совершив переворот в мае 1081 г., Алексей I в поисках любых срочных мер по спасению империи немедленно отозвал Олега с Родоса, женил его на Феофано (именно этот император стал придавать большое значение матримониальным делам своих знатных подданных) и решил с его помощью овладеть боспорской нефтью. Целиком зависимый от императора, энергичный, смелый и неразборчивый в средствах, Олег был удобной для этого фигурой. Положение облегчалось тем, что уже в 1082 г. Всеволод потерял Тмутаракань:

---

[1] *Анна Комнина.* Алексиада. Вступительная статья, перевод, комментарий Я. Н. Любарского. М., 1965, с. 146, 313, 347–348, 356, 378.

[2] *Nicetae Choniatae* Historia. Bonnae, 1835, p. 102.

[3] *Constantine Porphyrogenitus.* De administrando imperio. Ed. Gy. Moravcsik. Budapestini, 1949, p. 284, 286.

[4] *P. Gautier.* Le dossier d'un haut fonctionnaire d'Alexis 1er Comnène, Manuel Straboromanos. «Revue des études byzantines». XXIII, 1965, p. 190–191; *G. Litavrin.* A propos de Tmutorokan. «Byzantion». XXXV, 1965.

[5] *F. Miklosich, J. Müller.* Acta et diplomata graeca medii aevi. III. Vindobonae, 1865, p. 35.

[6] «Путешествие игумена Даниила», с. 7.

сын отравленного в 1066 г. византийским катепаном Херсона Ростислава[1] Володарь и Давид Игоревич изгнали оттуда Ратибора. В 1083 г. Олег с супругой уже был в Тмутаракани, выгнал оттуда Володаря и Давида и жестоко расправился со своими врагами. Все это он не мог, конечно, осуществить без военной поддержки византийского флота, доставившего его в город.

В чем состоял договор Алексея I и Олега, пока неизвестно. Сохранившиеся печати жены Олега Феофано и его самого (так полагают) весьма различны. Легенда печати Феофано («Господи, помоги рабе твоей Феофано, архонтиссе Росии, Музалониссе») вполне идентична печатям русских князей «Рюриковичей» и их жен. Легенда же Олега-Михаила («Господи, помоги Михаилу, архонту Матрахи, Зихии и всей Хазарии») принадлежит к типу печатей провинциальных наместников византийского императора.[2] В. Л. Янин, отстаивая атрибуцию второй печати Олегу (его христианское имя — Михаил), полагает, что печать Олега, никогда не терявшего права называть себя «архонтом Росии» (что и отражено в печати его жены), соответствует времени повторного правления этого князя в Тмутаракани, когда он, «обосновавшись на берегах Боспора, заключил антирусский союз с кочевниками и противопоставил себя коалиции русских князей».[3]

Не следует отрицать возможности атрибутировать упомянутую печать именно Олегу, но в таком случае ее характер — прямое следствие договорных отношений Олега с Алексеем I: если это его печать, то она свидетельствует о признании, хотя бы формальном, суверенитета империи, что, однако, не лишало Олега прав в федерации русских княжеств. Вполне вероятно предположение, что один из пунктов договора с Алексеем содержал обязательство Олега в случае реализации своих прав на Руси передать Тмутаракань другой доверенной императору персоне. Что касается нефти, то ее экспорт, несомненно, начался тотчас же по водворении Олега в Тмутаракани.

Как известно, потомки Олега княжили на Руси еще при жизни отца. Следовательно, «переяли» Тмутаракань у него не они. Мы не знаем, мирен или не мирен был этот акт, но, несомненно, он имел место, и возможна его примерная датировка. Тмутаракань упомянута последний раз в русских летописях под 1094 г., когда Олег вернул себе черниговское княжение, опираясь, конечно, на Тмутаракань как на свою базу. Этот год и можно признать за terminus post quem утраты русскими города и владений на Боспоре.[4] Что касается terminus

[1] И это отравление можно теперь объяснить правдоподобнее.

[2] См. об этих печатях: *В. Л. Янин*. Печати Феофано Музалон. «Нумизматика и сфрагистика». Сборник 2. Киев, 1965. Противоречие в легендах отмечено А. П. Кажданом (см.: *А. П. Каждан*. Византийский податной сборщик на берегах Киммерийского Боспора в конце XII в. «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран». М., 1963, с. 95).

[3] *В. Л. Янин*. Печати Феофано Музалон, с. 88.

[4] Впрочем, не исключено, что за terminus post quem следует принять и 1097 г., когда права Олега на Новгород-Северское княжение были признаны

ante quem, то он может быть приблизительно определен на основе письма болгарского архиепископа Феофилакта лично ему знакомому полководцу Григорию Тароните, занимавшему пост дуки (правителя) Трапезунда. В письме говорится, что Таронит пресек дерзкие рейды мелитинского султана Данишменда, который «повадился собирать подати» с земель у Фасиса (Риона) и с «греческих городов между Танаисом и Меотидой».[1] Таронит, как это выясняется благодаря изысканиям Я. Н. Любарского, мог быть дукой Трапезунда лишь до августа 1105 года. К этому времени он был уже арестован как участник заговора Анемадов, и Феофилакт не мог писать ему хвалебных писем.[2] Следовательно, Таронит, нанеся удар Данишменду у Колхиды,[3] закрыл ему выход к морю и лишил его возможности собирать подати с населенных пунктов Приазовья, которые в это время официально уже принадлежали империи.

Что переживала Тмутаракань в ближайшие десятилетия после этого, неизвестно. Может быть, власть империи здесь не всегда была прочной, как доказывает случай с Данишмендом. Однако Византия, видимо, сохраняла возможность вывозить оттуда нефть — известия об употреблении «греческого огня» идут через XII в. непрерывно. Во всяком случае, суверенитет Византии над Тмутараканью в течение почти всего столетия трудно подвергнуть сомнению. В 40-х годах XII в. византийский поэт Иоанн Цец, щеголявший, кстати говоря, знанием нескольких русских слов и выражений,[4] писал о «стране матрахов» (тмутараканцев) как об одной из окраин империи.[5] О власти императора «до Херсона, Хазарии, Готфии и Халдии» говорил в 1143 г. Нил Доксопатр[6] (Хазария и Готфия могли обнимать часть бывшего тмутараканского владения Олега — ср. выше его печать). Мануил I именовал себя в 1166 г., между прочим, «государем зикхийским и хазарским»[7] (область Тмутаракани иногда прямо в источниках

на Любечском съезде князей (Чернигов он потерял уже в 1096 г.). Известно к тому же, что составленная после 1100 г. «Повесть временных лет» сообщает, что русские «до сего дня» господствуют над «хазарами».

[1] «Patrologiae cursus completus. Series graeca» (далее — PG), т. 126, p. 1868, col. 412 A.

[2] *Анна Комнина.* Алексиада, с. 593–595. Относить назначение Таронита в Трапезунд ко времени между 1 сентября 1103 и 31 августа 1104 г. (датировка Анны), как показал Я. Н. Любарский, нельзя.

[3] Феофилакт писал о мерах защиты от турок (Данишменда) «земли колхов» и Приазовья, Страворoман — о присоединении к империи обоих этих районов (PG, t. 126, col. 412 A). Оба автора — современники упоминаемых ими событий.

[4] *H. Hunger.* Zum Epilog der Theogonie des Johannes Tzetzes. «Byzantinische Zeitschrift», 50, 1953, S. 305.

[5] *Joannis Tzetzae* historiarum variarum chiliades. Lipsiae, 1826, p. 515.

[6] *Hieroclis* synecdemus et Notitiae episcopatuum. Ed. G. Parthey. Berolini, 1856, p. 297.

[7] *Cyril Mango.* The Conciliar Edict. Dumbarton Oaks Papers, 17, 1963, p. 324.

приравнивается к Зикхии).[1] Об эдикте этого императора от 1169 г., повторенном в 1192 г. Исааком II Ангелом, выше уже упоминалось. Фессалоникский ритор Михаил Антиох говорил о берегах Приазовья как о базе возможного похода Мануила I в более северные районы.[2] Никита Хониат переписывался в конце столетия с неким сборщиком податей на проливе, вдали от столицы, Никитой Пигонитом, который нес эту службу, как установил А. П. Каждан, на Боспоре Киммерийском.[3] Византийские традиции удерживались здесь и в 1230 г.: по свидетельству ездивших на Волгу западных миссионеров, население и правители Тмутаракани исповедовали христианство греческого толка.[4] Археолог С. А. Плетнева констатирует усиление в городе в XII в. византийского влияния, хотя и отстаивает гипотезу о половецком господстве в Тмутаракани в этом столетии.[5]

Несколько отличный характер носит лишь известие арабского географа ал-Идриси, писавшего в середине XII в. при дворе сицилийского короля Рожера в Палермо. Правители Тмутаракани, сообщает он, «очень сильны, смелы и воинственны. Их боятся из-за их дерзости и господства над соседями. Город велик, в нем многочисленные жители и хорошо заселенные кварталы. Он имеет базары и рынки, на которые приходят как из отдаленных городов, так и из соседних районов». Жители Тмутаракани и Росии, города, отстоявшего на 20 миль, сообщает тот же автор, находятся в постоянной вражде.[6]

Некоторые ученые усматривают под этими правителями Тмутаракани абхазских (косожских или ясских) князей, получивших здесь власть через браки с русскими князьями Тмутаракани, и отрицают для времени ал-Идриси возможность половецкого или византийского господства.[7] Другие полагают, что русские сохранили в своих руках город Росию на западном берегу пролива и враждовали с косогами в Тмутаракани.[8] Возможны и иные гипотезы, однако после изложенного выше они вряд ли необходимы. Свидетельство ал-Идриси мо-

---

[1] *H. Gelzer.* Ungedruckte und ungenügend veröffentlichte Texte der Notitiae episcopatuum. München, 1901, S. 572.

[2] *W. Regel.* Fontes rerum byzantinarum, t. I. Petropoli, 1892, p. 152.

[3] *А. П. Каждан.* Византийский сборник податей..., с. 93–101.

[4] *W. Heyd.* Histoire du commerce du Levant au moyen âge. Leipzig, 1923, p. 407.

[5] *С. А. Плетнева.* Средневековая керамика Таманского городища. «Керамика и стекло древней Тмутаракани». М., 1963, с. 71. Противоречие в позиции автора отмечено А. П. Кажданом (ВВ. XXVI, 1965, с. 289).

[6] «Géographie d'Édrisi». Ed. P. A. Jaubert. I. P. 1836, p. 397; II. 1840, p. 400–401; ср.: *Б. Недков.* България и съседните й земи през XII век според Идриси. София, 1960, с. 101, 103.

[7] *A. V. Soloviev.* Op. cit., p. 577–578.

[8] *А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто.* Указ. соч., с. 107. Авторы ссылаются на археологический материал, свидетельствующий о присутствии русских в Крыму в XI–XII веках.

жет, конечно, отражать какой-либо эпизод в истории Тмутаракани,[1] но не исключено и то, как показал в специальной работе Б. А. Рыбаков,[2] что его сведения часто являются либо весьма запоздавшими, либо он путает (а это в его «Географии» не редкость) название города и страны. Последнее в данном случае весьма вероятно, ибо «Росия» у него означает (как и в греческих источниках) и город на берегу Боспора, и Русскую землю. Весьма важно наблюдение Б. А. Рыбакова, согласно которому информаторы Идриси не бывали на Азовском море.[3] Следовательно, запрет входить иноземным судам в Росию и Тмутаракань был введен задолго до 1169 г. и касался, вероятно, не только этих двух портов, но и вообще прохода через пролив. В конце концов даже временное господство половцев в Тмутаракани (ал-Идриси пишет, что они владели Ялтой)[4] могло выражаться лишь в сборе дани, а правление косогов могло не исключать верховного подданства приазовских городов Византийской империи.

Примечательно, что внук Олега Игорь Святославович Новгород-Северский считал свои права на Тмутаракань не утратившими силы; отправляясь в поход 1185 г., он собирался «поискати града Тмутараканя».[5] Характерно и то, что этот план возник у него после быстрого ослабления империи в 80-х годах XII в. и усиления натиска половцев на города Причерноморья. Любопытно в этой связи, что у хана Кончака, врага Игоря, был некий «бесурменин», умевший стрелять «живым огнем»,[6] то есть — вне всякого сомнения — «греческим огнем». О том, что половцы использовали в качестве оружия снаряды, наполненные воспламеняющейся жидкостью, говорится и в «Слове о полку Игореве».[7]

Теряя позиции в Крыму и Приазовье, Русь настойчиво стремилась упрочить свое влияние в междуречье Днестра и Серета и в нижнем Подунавье. Эта область — ворота между морем и Карпатами, через которые в XI–XII вв. кочевники устремлялись на Балканы. Византия

---

[1] О неустойчивости ситуации на Боспоре свидетельствует, может быть, то, что епископский престол в результате слияния епархий переносился все далее с берегов пролива на запад, вглубь крымских колоний (*H. Gelzer.* Ungedruckte und wenig bekannte bistümerverzeichnisse... «Byzantinische Zeitschrift». I. 1892, S. 245 f.; см. об этом: *В. В. Кропоткин.* Из истории средневекового Крыма. СА, 1958, № 28, с. 202 сл.

[2] *Б. А. Рыбаков.* Русские земли по карте Идриси 1154 г. «Краткие сообщения» Института археологии АН СССР (далее — КСИА), № 43, с. 19, 52.

[3] Там же, с. 14.

[4] *Б. Недков.* Указ. соч., с. 101. В. Г. Васильевский, констатируя, что Судак попал во власть половцев еще до татарского нашествия, справедливо замечает, что власть половцев могла выражаться лишь в сборе дани в портовом городе, весь быт которого был чужд кочевникам. Точно такой формой эксплуатации завоеванных развитых городов ограничивались впоследствии и татары (*В. Г. Васильевский.* Труды, т. III. Петроград, 1915, с. CLXVII).

[5] «Слово о полку Игореве». М.; Л., 1950, с. 22.

[6] ПСРЛ, II, стб. 634–635; *В. В. Алин.* Русь на богатырских заставах. ВИ, 1969, № 1, с. 149.

[7] «Слово о полку Игореве», с. 17.

не имела сил вынести свои границы к северу от Нижнего Дуная. Политический вакуум в этом районе мог быть заполнен лишь влиянием русских; только они могли мешать кочевникам вторгаться на Балканы, не пуская их через Дунай или нанося им удар в спину. К тому же, поскольку упрочить здесь свои позиции стремилась прежде всего Галицкая Русь — потенциальный союзник империи, — Византия скорее благоприятствовала этому, нежели препятствовала. Столкновения русских и византийцев на Дунае в 1116 г. можно поэтому рассматривать не как следствие обострения противоречий между империей и Русью в Нижнем Подунавье, а как эхо описанных выше событий в Тмутаракани.[1]

Ответные политические демарши почти подобны тому, чем они были вызваны. Если Алексей I освободил сосланного в Византию врага киевского князя Олега, женил его на знатной гречанке, помог вернуться к политической жизни и занял Тмутаракань — часть русских владений, то Владимир Мономах помог сосланному в крымские колонии византийскому авантюристу Лжедиогену, выдал за него свою дочь, поддержал его поход на Балканы и занял несколько византийских городов на Дунае. Это отнюдь не простой пограничный конфликт. Брак Лжедиогена с дочерью Мономаха свидетельствует об отказе киевского князя признать законными права Алексея I — узурпатора византийского престола. Для подобного отношения полугрека Мономаха к византийскому двору нужно было иметь весьма веские политические основания. Упрочение влияния русских в нижнем Подунавье можно поэтому связывать именно с походом на Дунай в 1116 году. Это влияние осуществлялось впоследствии преимущественно Галицкой Русью. Оно не переросло в организационное политическое господство, но было в XII в. временами доминирующим.[2] Несомненную роль при этом сыграл тот решительный перевес, который был достигнут русскими в борьбе с половцами в первой четверти XII века.

Непрочность позиций Руси на нижнем Подунавье и впоследствии определялась не противодействием Византии, а возобновившимися после 1125 г. мощными половецкими вторжениями и соперничеством Галича и Киева, которое позволяло обретавшим в этой отдаленной области власть правителям лавируя, сохранять некоторую самостоятельность. Таким правителем, трижды с 1145 по 1161 г. с помощью Киева захватывавшим власть на Дунае, был князь-изгой Иван Ростиславич, по прозвищу Берладник.[3] Византия в целом в таких случаях занима-

---

[1] В некоторой связи с событиями в Тмутаракани, обеспечивавшей важный торговый путь с Руси через Приазовье в черноморский бассейн, могли находиться и походы русских на Северный Донец в 1111 и 1116 годах.

[2] См.: *E. Frances*. Op. cit.

[3] Примечательно, что особое «тяготение» к черноморскому климату было в семье Берладника как бы наследственным: в 1066 г. дважды Тмутараканью овладевал прадед Ивана Ростиславича, погибший от руки греческого катепана, а в 1082 г. там пытался утвердиться дед Ивана Володарь Ростиславич.

ла благоприятную Галичу позицию и сыграла, видимо, вполне определенную роль в крушении планов Берладника и его гибели в Фессалонике в 1162 году.

Специфический колорит этому району и всему укладу жизни в нем придавало наличие особого слоя населения, напоминавшего позднейшую казацкую вольницу, мало склонную к повиновению власти, всегда готовую и к бою, и к грабительскому походу по суше и по морю, легко менявшую ориентацию в зависимости от перемен в соотношении соседних сил. Возможно, среди этнически неоднородного населения нижнего Подунавья так называемые бродники и берладники были по преимуществу русскими.[1] Никита Хониат определял бродников как «ветвь тавроскифов», то есть русских.[2] Следы славянской культуры прослеживаются здесь непрерывно издревле до позднего средневековья.[3]

Напряженность в русско-византийских отношениях продолжала ощущаться еще в течение четверти века после смерти Алексея I (1118 г.). Подтверждением этого может служить подробная имущественная опись от 14 декабря 1142 г. русского монастыря Ксилургу на Афоне, документально оформленная и заверенная. Положение иноземцев в Византии (дипломатов, воинов, монахов) зависело обычно в немалой степени от позиции императорского дворца в отношении той страны, откуда эти иноземцы прибыли. Яркое проявление это нашло, в частности, во время войны русских с Византией в 1043 г., когда пострадал и монастырь Ксилургу.[4] Интересный и полезный анализ описи был произведен В. А. Мошиным, сделавшим, однако, вывод, что она не свидетельствует об упадке и оскудении монастыря.[5] Этот вывод верен лишь при сравнении положения данного монастыря и мелких монастырьков в Византии, где три–пять монахов с трудом перебивались с хлеба на воду.[6] Но монастырь Ксилургу находился под высоким патронатом Русского государства, он выполнял для русских

---

[1] *Ф. И. Успенский*. Образование Второго Болгарского царства. Одесса, 1879. Приложение № 3; см. также: *М. Ф. Котляр*. Русь на Дунаї. «Український історичний журнал», 1966, № 9; *Его же*. Хто таки бродники (До проблеми виникнення українського козацтва). «Український історичний журнал», 1969, № 5. М. Ф. Котляр считает, что Берладь, а тем более Нижнее Подунавье никогда не входили в какое-либо русское книжество (*М. Ф. Котляр*. Русь на Дунаї, с. 21).

[2] *Ф. И. Успенский*. Указ. соч., с. 35.

[3] *Э. А. Рикман, И. А. Рафалович, И. Г. Хынку*. Очерки истории культуры Молдавии. Кишинев, 1971.

[4] См.: *Г. Г. Литаврин*. Пселл о причинах последнего похода русских на Константинополь в 1043 году. ВВ. XXVII, 1967; ср.: *В. Г. Брюсова*. Русско-византийские отношения середины XI века. ВИ, 1972, № 3.

[5] *В. Мошин*. Русские на Афоне. «Byzantinoslavica». XI, 1950, p. 34.

[6] См.: *А. П. Каждан*. Византийский монастырь XI–XII вв. как социальная группа. ВВ. 31, 1971.

князей важные политические задачи.[1] Поэтому нужно сравнивать положение Ксилургу не только с крупными иноземными и византийскими монастырями, но и с тем, что представлял собой этот русский монастырь за известный период до описи.

При такой постановке вопроса опись начинает выглядеть совсем иначе. Сохранившиеся у монахов драгоценные предметы нельзя безоговорочно расценивать как признак богатства: это были священные реликвии, с которыми монастыри не расставались даже при крайней нужде. Из истории даже процветавших византийских монастырей известно, как быстро они могли захиреть при неблагоприятной позиции светской власти, обременявшей их налогами, поборами и повинностями. Опись Ксилургу как раз свидетельствует о былом процветании и о последующем крайнем оскудении. У монахов есть два ярма, но нет быков; есть пять сундуков, мешки, мехи, но все они пусты; есть пять седел, но единственный мул. Зимой, почти за полгода до нового урожая, в кладовой имелось лишь около 50 пудов пшеницы, ячменя и проса да 24 пуда бобовых. Ни слова не сказано об оливковом масле, о вине, о каких-либо иных продуктах.[2] Монахи Ксилургу, таким образом, либо жили впроголодь, либо их было не более десятка (в день на всю братию приходилось едва 2,5 кг зерновых и 2 кг бобовых). Не могли они и купить недостающее: в монастырской кассе не было ни гроша; более того, они задолжали 17 золотых, в том числе 6 — протату Афона, к помощи которого, видимо, не раз прибегали, а 4 — даже как «задушное» (монахи не исполнили последней воли одного из своих собратьев или вкладчиков). У монахов имелись сети и лодки, но зимние бури не могли сулить надежных успехов морскому промыслу. Если они сдавали в аренду два своих грузовых баркаса для каботажных перевозок, то и это слабо отражалось на их благосостоянии.

Значительно превышавший потребности монастыря излишек богослужебных книг свидетельствует о слабой связи монахов с родиной, а значит — и об уменьшении вкладов и притока новых иноков. Известно, что монахи иноязычных афонских монастырей интенсивно переводили с греческого и размножали разные богослужебные книги для последующей их отправки на родину, ко двору своего государя.[3] Ксилургу пережил какие-то неурядицы (упомянуто об отречении игумена), а возможно, и притеснение властей (не о размеренной и спокойной жизни говорит тот факт, что уже в 1142 г. обитель не располагала ни одним оригиналом императорских указов, утверждавших статус монастыря и его привилегии).

---

[1] Это признает и В. А. Мошин (*В. Мошин.* Указ. соч., с. 48).

[2] «Акты русского на св. Афоне монастыря св. великомученика и целителя Пантелеймона». Киев, 1873, с. 50 сл.

[3] См., например, о монахах грузинского монастыря на Афоне: *М. Сабинин.* Полное жизнеописание святых грузинской церкви, т. II. СПб., 1872, с. 142.

О постепенной нормализации русско-византийских отношений свидетельствует уже сообщение летописей о том, что в 1129 г. враги киевского князя были сосланы в Византию.[1] Новое сближение пошло, вероятно, быстрее с 1139 г., когда престол в Киеве занял сын Олега Святославича Всеволод. В 1142 г. германский император Конрад III просил Иоанна II Комнина вмешаться, чтобы русские не причиняли ущерба подданным Конрада (видимо, купцам. — *Г. Л.*).[2] Это обращение вряд ли имело бы место, если бы у Иоанна не существовало дипломатических связей с Русью. Чрезвычайный характер описи 1142 г. (другие такие документы не известны) свидетельствует сам по себе о начале нового периода в жизни монастыря. За сто лет до этого в Ксилургу тоже составляли опись причиненного монахам ущерба, который был возмещен.[3]

Однако в полном смысле слова новая страница в развитии русско-византийских отношений наступила в середине XII в., когда Мануил I Комнин перенес центр политической активности империи в Европу, в частности на север Балканского полуострова. Преследуя далеко идущие цели восстановления Юстиниановой империи и стремясь проложить путь в Италию, император вступил в почти 20-летнюю войну с Венгрией и был остро заинтересован в благоприятной позиции русских князей. В период совместной борьбы двух империй (Византийской и Германской) в 1147–1158 гг. против сицилийских норманнов и Венгерского королевства Галицкая, а затем и Суздальская Русь находились на стороне имперской коалиции. Однако традиционная точка зрения на их роль в этой коалиции нуждается в уточнении. Во-первых, оба княжества оказались на стороне империи не потому, что Византия склонила их к этому союзу, а в силу объективно сложившейся политической ситуации на Руси и в Венгрии. Киевский князь, связанный брачным союзом с венгерским королем, враждовал с Галичем и Суздалем, преследуя собственные политические интересы. Киев и Венгрия оказывали друг другу непосредственную военную помощь, и киевский князь становился, таким образом, врагом Византии. Галич же и Суздаль были в этом случае естественными союзниками Мануила I. Во-вторых, практически нет пока ни одного известия о том, что русские союзники императора хотя бы раз предприняли какие-либо военные действия совместно с императором по его настоянию или хотя бы прислали ему в помощь свой войско. Разумеется, война Галича с Киевом и Венгрией сковывала часть враждебных империи сил, а борьба Суздаля с Киевом мешала киевскому князю в военной поддержке Венгрии. Но весьма сомнительно расценивать эту благоприятную для Византии ситуацию как результат усилий ее дипломатии.

---

[1] ПСРЛ, II, стлб. 303–304.

[2] «Ottonis episcopi Frisingensis Chronicon». «Monumenta Germaniae Historica», Scriptores, t. XX, p. 364–365.

[3] «Акты русского на св. Афоне монастыря...», с. 18–22.

Вряд ли верно утверждение Д. Оболенского, что Мануил I играл Киевом, Галичем и Суздалем как пешками на европейской международной арене.[1]

Ход военных действий позволяет заключить, что не Византия, а Галич и Суздаль выиграли больше от союза с империей. Поход Мануила I в 1151 г. против Венгрии был ответом на совместные действия Киева и Венгрии против Галицкой Руси — он помешал киевскому князю развить успех от победы над Галичем. В упомянутой выше речи фессалоникского ритора Михаила Антиоха, произнесенной в 1153 г., содержится намек на планировавшийся при византийском дворе поход против Киева в союзе с Суздалем. Прославив победы императора над венграми и сербами за последние два года, ритор говорит о воздействии этих побед на других врагов империи: киевский князь — «тавроскиф повесил голову в печали», а сицилийский король — «островитянин опустил руки, не в состоянии грести». «И еще более удивительно, — продолжает ритор, — что ты, как будто в какой-то последовательности, дав отведать те же страдания соседям вчерашних пленников, грядешь путем успехов, и тебя, появившегося к северу от Меотидского озера, громко приветствовал бы северянин».[2] «Вчерашние пленники» — это венгры (Мануил привел оттуда большой полон), их «соседи» — сербы, вынужденные вновь, в 1153 г., подчиниться василевсу, «северянин» — Юрий Долгорукий суздальский (именно он — союзник, а не Изяслав киевский — враг приветствовал бы василевса, появись он к северу от Меотиды).

С 1155 г. Венгрия уже не пыталась нападать на Галич, и Ярослав Осмомысл, сменивший в 1153 г. Владимирко, не ввязывался в конфликты империи с венграми, стремясь сохранить добрые отношения с обеими сторонами, но не запрещая и Мануилу I вербовать наемников в русских землях. Лишь в 1164–1165 гг. отношения Галича и Византии стали напряженными ввиду появления проекта брачного союза галичского и венгерского дворов и благосклонного приема Ярославом врага Мануила Андроника Комнина, пытавшегося совершить переворот и бежавшего из тюрьмы в Галич. В это время в войсках венгерского короля находился и какой-то русский отряд, воевавший с византийцами.[3] Встревоженный император отправил посольство в Киев и Галич, состав которого свидетельствовал о важности порученной миссии. Ярослава Мануил просил о возвращении к прежнему договору, а Ростислава киевского — о союзе. Согласие на то и другое

[1] *Д. Оболенский.* Связи между Византией и Русью. «XIII Международный конгресс исторических наук». М., 1970, с. 2–3; ср.: *D. Obolensky.* The Byzantine Commonwealth. L., 1971, p. 231–232. См. нашу рецензию: ВИ, 1972, № 2, с. 184.

[2] *W. Regel.* Op. cit., p. 142, 152.

[3] *Joannis Cinnami* epitome rerum. Bonnae, 1836, p. 218; *С. Шестаков.* Заметки к стихотворениям codicis Marciani gr. 524. ВВ. XXIV, 1923–1926, с. 50.

было дано, Андроника удалось убедить (при гарантиях, обеспеченных Ярославом) вернуться в империю на почетных условиях.[1] Однако неизвестно о какой-либо действительной военной помощи русских Византии против венгров и после этих сызнова заключенных договоров. Правильнее говорить о нейтралитете русских княжеств на заключительном этапе войны империи с Венгрией, капитулировавшей в 1167 г. и признавшей суверенитет императора.

Укрепление дружественных связей с Русью вскоре отразилось и на положении монастыря Ксилургу. Решением протата Афона от 15 августа 1169 г. русским монахам, которым стало тесно в их обители, был передан обширный монастырь св. Пантелеимона. Из решения следует, что материальное положение Ксилургу изменилось коренным образом, а число русских монахов значительно возросло. Если богатства обители еще возможно приписать крупному единовременному вкладу,[2] то рост численности монахов мог быть лишь результатом устойчивых и длительных контактов между Русью и Византией.

Однако вскоре наметившийся еще ранее процесс затухания политических связей Руси с империей становился все более явственным, особенно в последней четверти столетия. Русско-византийские отношения стали обретать преимущественно церковно-культурный и идеологический характер. Взаимная утрата политического интереса друг к другу как к соратникам в военной сфере и дипломатической борьбе обусловливалась рядом внутренних и внешних причин.

После разгрома в 1169 г. Андреем Боголюбским Киева этот город никогда уже не мог полностью оправиться. И хотя он оставался церковным центром Руси, активный интерес к нему византийских весьма практичных политиков заметно упал. К тому же резко ослабла потребность и в воинском союзе с Галичем: после тяжелого поражения от турок при Мириокефале в 1176 г. Мануил I был вынужден оставить наступательную политику в Европе; исчезла возможность и непосредственного контакта с Галицкой Русью после освобождения болгар из-под византийского ига и восстановления ими в 1185–1187 гг. своего государства. Известную роль, наконец, сыграло также возобновление половецкого натиска на Русь после разгрома Игоря Святославича в 1185 г. и начавшиеся на Галичине усобицы после смерти Ярослава в 1187 году. Лишь при Романе Мстиславиче галичском в самом конце XII в. политический союз с Византией был временно восстановлен. Однако для возобновления сотрудничества потребовался новый договор. Конечно, не одни мольбы русского «архипастыря», как пишет Хониат, вынудили Романа отправиться на половцев. В мае 1200 г. послы галичского князя прибыли в Константинополь.[3] Договор

---

[1] ПСРЛ, II, стлб. 524; *Nicetae Choniatae*, p. 172–173; *Joannis Cinnami*, p. 232–236, 246–247.

[2] Ср.: *В. Мошин*. Указ. соч., с. 56.

[3] «Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце XII ст.». Предисловие П. Савваитова. СПб., 1872, с. 25.

был снова выгоден обеим сторонам: империя изнемогала в борьбе с Болгарией, широко использовавшей союзных ей половцев, а Романа тесснил в союзе с теми же половцами киевский князь. Вскоре последовало несколько победоносных походов Романа против половцев, оказывавших помощь болгарам, и эти походы, по словам современника, спасли императора.[1]

В области торговых связей Византии и Руси в XII в. произошли не менее значительные перемены, чем в сфере политических отношений двух держав. Хотя и днепровский, и азово-донской путь продолжали служить важными торговыми артериями, постепенно все большее значение приобретал более короткий и безопасный путь, развитие которого, видимо, нужно тесно увязывать с теми попытками русских утвердиться на Нижнем Дунае, о которых говорилось выше, и с уплотнением половецкого барьера в низовьях Днепра и Северского Донца. Этот путь из Галиции вел к границам империи и по морю, и по суше, через болгарские земли. Торговых дорог с Руси через Болгарию было даже несколько,[2] имелись специальные подворья для русских купцов в Болгарии.[3]

Некоторые изменения претерпел и состав вывозимых из Руси в империю товаров — он стал более разнообразным и широким. Именно от XII в. имеются бесспорные данные о спросе в Византии не только на русское сырье, но и на ремесленные изделия, в том числе художественные.[4] Сравнительно с XI в. особенностью русско-византийских торговых связей можно считать также новое возрастание роли работорговли, стимулируемой ожесточенными русско-половецкими войнами, растущим спросом на рабов в мусульманских странах и трезвым расчетом итальянских торговцев, взявших в свои руки торговые коммуникации в черноморском бассейне и на востоке Средиземноморья.[5] Половцы сбывали им русских пленных у портов Северного Причерноморья, русские же использовали крупный рынок половецких рабов, который находился на Нижнем Дунае.[6] Важной особенностью торговых отношений с Византией в XII в. было, наконец, вовлечение в нее гораздо более широкого круга русских городов.[7] Но гораздо

---

[1] *Nic. Chon.*, p. 691.

[2] Ibid., p. 172. О развитии этого пути см.: *М. Н. Тихомиров.* Исторические связи русского народа со славянскими странами и Византией. М., 1969, с. 122 сл.; *E. Frances.* Op. cit., p. 50, 53–55.

[3] *Б. Недков.* Указ. соч., с. 83.

[4] *A. Davidson.* The Minor Objects. Corinth, 12. Cambr. Mass, 1952, № 2014, p. 251; *А. П. Каждан.* К характеристике русско-византийских отношений в современной буржуазной историографии. «Международные связи России до XVII в.». М., 1961, с. 17–18.

[5] *Ш. Верлинден.* Торговля на Черном море с начала византийской эпохи до завоевания Египта турками в 1517 г. «XIII Международный конгресс исторических наук», с. 2.

[6] *А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто.* Указ. соч., с. 106–107.

[7] См.: *А. Л. Монгайт.* Старая Рязань. М., 1955, с. 157; *Л. А. Голубева.* Надпись на корчаге из Белоозера. СА, 1960, № 3, с. 321; *Э. С. Мугуревич.*

важнее было бы установить степень взаимной заинтересованности Руси и Византии в торговле друг с другом. В X–XI вв. значительно меньший интерес такого рода проявляла империя: торговые уступки русским она делала главным образом из политических соображений. Напротив, для Руси вплоть до второй половины XI в. торговля с Византией имела огромное экономическое, социальное и политическое значение, и обеспечение для нее выгодных условий являлось одной из важнейших задач государственной власти.[1]

В XII в. положение стало меняться для обеих сторон — и меняться в прямо противоположных направлениях. Торговые связи Руси приобрели значительно больший размах — русские торговали уже почти со всей Европой; рынок Византии перестал служить главным источником высокосортных товаров и предметов роскоши. Кроме того, подъем на Руси собственных ремесел и быстрый рост городов необычайно расширили спрос на местное сырье. Его доля, предназначаемая на вывоз, относительно к объему валового продукта резко уменьшилась, как снизилась и «византийская доля» в общем объеме вывозимого Русью сырья. К тому же с конца XI в. торговля в самой столице империи, а затем и во всем черноморском бассейне все более переходила в руки венецианцев и генуэзцев, суда которых постепенно заполонили черноморские порты. В связи с этим условия русской торговли в Византии уже не могли быть прежними. Те исключительные торговые привилегии, которыми иногда пользовались русские купцы, перешли теперь к итальянскому купечеству. Весьма важно известие, что русские товары везли теперь иногда караванами из Константинополя в Фессалонику.[2] Наконец, сами русские князья в новых условиях уже не преследовали защиту привилегий купцов как важнейшую цель внешней политики. Напротив, потребности Константинополя в привозном продовольствии с Понта в XII в. еще более возросли, ибо империя утратила несколько важных в экономическом отношении провинций сначала в Азии, а затем и в Европе.[3] Однако снабжение византийской столицы продовольствием попадало все более под контроль итальянцев. Несмотря на объективно возросшую потребность в торговле с русскими, империя оказалась не в состоянии обеспечить для нее необходимые условия. Такой рычаг внешнеполитических связей, как торговля, выпал, таким образом, из общей системы отношений Руси и Византии.

Следует упомянуть о других формах традиционных связей двух стран: о системе брачных контрактов и об иерархии титулов, которыми империя награждала правителей связанных с нею стран. Наибольшее

Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв. Рига. 1965, с. 78; *Ф. Д. Гуревич*. Ближневосточные изделия в древнерусских городах Белоруссии. «Славяне и Русь», с. 34 сл.

[1] *Г. Г. Литаврин, В. Л. Янин*. Указ. соч., с. 36 сл.

[2] «Timarion». Ed. A. Ellussen. «Analecten der mittel- und neugriechischen Literatur». Th. IV. Abteilung I. Lipsiae, 1860, p. 46.

[3] *Ш. Верлинден*. Указ. соч., с. 3; *Д. Оболенский*. Указ. соч., с. 1.

количество браков между представителями правящих домов Руси и Византии приходится именно на XII в.[1] Но как изменилось их значение по сравнению с тем, что было в X–XI веках! Брачные союзы стали мелкой разменной монетой внешней политики. Система же византийских почетных титулов (исследованию которой как реальному показателю степени сближения с империей разных стран «византийского сообщества государств»[2] уделяется ныне большое внимание) утрачивала в XII в. былое значение и не отражала подлинного соотношения сил как на международной арене вообще, так и в связях империи с Русью. Тот порядок иерархического сообщества под эгидой василевса, который отразился в византийской официальной (точнее, церемониальной) терминологии и статусе дипломатических акций, стал скорее «мысленным», чем действительным «раем», свидетельствуя уже не о реальных, а о теоретических притязаниях и об идейно-политических воззрениях государственных деятелей и идеологов империи.

Среди средств политического воздействия на Русь в распоряжении Византии в XII в. сохранился лишь один — русская церковь, зависимая от константинопольского патриарха. В последние годы в историографии все чаще ставится вопрос о проверке с помощью источников старых, но весьма живучих концепций о роли церковных связей Руси и Византии. В результате все чаще высказываются вполне обоснованные возражения против традиционного преувеличения роли греческих иерархов в истории домонгольской Руси. «Юридические связи, которые привязывали Киев к Константинополю, — пишет А. Поппэ, — на наш взгляд, не гарантировали империи политической супрематии на Руси».[3] Мало того, и сами византийские деятели не рассматривали их как такого рода гарантии. Лишь в условиях непосредственного соседства христианизация и церковная зависимость могли иногда подготовить почву для политической супрематии и даже аннексии. В отношении же русских империя в лучшем случае стремилась к утверждению политического влияния, главной целью которого было добиться благожелательной позиции Руси к империи и отвлечь русских от союзов с врагами Византии.

Самим византийским политическим деятелям было чуждо представление о верховенстве духовной власти над светской — возникавшие в империи идеи такого рода неизменно терпели поражение при попытках их воплощения. Ни в одном столетии за одиннадцативековую историю империи церковь не находилась в столь униженном положении, как в XII в., когда сменилось около 20 ее патриархов. Василевс нередко третировал патриарха, о чем отлично знали на Руси. Трудно допустить поэтому, чтобы греческий митрополит в далекой стране

---

[1] *E. Frances*. Op. cit., p. 52.

[2] См.: *D. Obolensky*. The Byzantine Commonwealth, p. 223. Т. Василевский, напротив, полагает, что Русь была вне пределов «orbis Romanorum». *T. Wasilewsky*. La place de l'État russe dans le monde byzantin pendent le Haut Moyen Âge. «Acta Poloniae Historica». 22, 1970, p. 51.

[3] *A. Poppe*. Le prince..., p. 10.

мог навязывать свою волю киевскому или какому-либо иному русскому князю. Византия в XII в. была глубоко заинтересована в единстве Руси, что подтверждается и фактами церковной истории. Империя не имела никаких иных политических (и даже канонических)[1] оснований отказывать даже старшему среди русских князей — Андрею Боголюбскому в учреждении новой митрополии, кроме одного: опасения содействовать росту усобиц на Руси.

Старый живучий тезис об агрессивных происках Византии на Руси в XI–XII вв. не может быть обоснован фактами. Несостоятелен он и логически: казалось бы, чем больше русских князей обладало бы собственными зависимыми от патриарха епархиями, тем большее поле для маневра и интриги открывалось византийским дипломатам. Но византийская дипломатия в эпоху, когда перед ней все более остро вставала проблема выживания империи, а не экспансии, придерживалась весьма реалистического курса: реальные политики в Византии сознавали, что ликвидация единого церковного центра повлечет за собой дальнейшее ослабление Руси и тогда угроза половецкой степи неминуемо и во весь рост встанет перед империей. С этой позицией Константинополя и киевского митрополита-грека находился в согласии и акт сыновей Ярослава Мудрого, упразднивших временное разделение русской церкви на три митрополии.[2]

Все это отнюдь не означает, что русским князьям было безразлично, кто займет митрополичий престол. Несомненная тенденция к выдвижению на эту кафедру угодного киевскому князю кандидата находилась в прямой связи с политическими интересами старшего из русских князей. Из этой тенденции неминуемо вытекала и вторая — стремление видеть на митрополичьем престоле не греческого, а единоязычного владыку. Русь стала грамотной страной. «Учительная» (некогда весьма существенная) роль греков и в области религии, и в сфере культуры резко снизилась. Политическая роль Русской земли, распространение грамотности и образования неминуемо вели ее к сознанию своего духовно-нравственного достоинства. Не случайно, конечно, в Новгороде, поддерживавшем особенно тесные церковные связи с Константинополем, в конце XII в. навсегда отказались от использования греческих легенд на вислых печатях.[3]

Всякая традиция, особенно церковная, становится священной. Русские князья были не только политиками, но и детьми своей эпохи, не всегда способными из материальных и политических интересов

---

[1] См.: *L. Müller.* Zum Problem des hierarchischen Status und der jurisdiktionellen Abhängigkeir der Russischen Kirche vor 1039. «Osteuropa und der deutsche Osten». III. Köln-Braunsfeld, 1959, S. 24.

[2] *L. Müller.* Russen in Byzanz und Griechen im Rus'-Reich. «Bulletin d'information et de coordination». NF. Athenes–Paris, 1971, p. 112; *A. Poppe.* Państwo..., S. 116.

[3] *В. Л. Янин.* Изучение древнерусских вислых печатей. «Вспомогательные исторические дисциплины», т. 1. Л., 1968, с. 46–51; *Его же.* Именные буллы русских епископов. СА, 1966, № 3, с. 202.

преодолевать религиозный барьер. Киевский князь готов был мириться с традиционным порядком поставления греческих митрополитов в Киев. Но князь хотел в соответствии с сознанием своей власти и с византийским образцом (роль императора в выборах патриарха) пользоваться правом выбора кандидатур на митрополию. На Руси прекрасно были знакомы (в значительной мере благодаря русскому монастырю на Афоне) не только с духовными и политическими течениями среди иерархов и монашества империи, но и с самими деятелями византийского духовенства. Таковы основные причины тех церковных конфликтов между Русью и Византией, которые имели место в XII в., а никак не стремление империи «разделять и властвовать» на Руси.

Общепринято в историографии мнение, что феодальная раздробленность Руси обеспечивала византийской дипломатии бóльшую возможность для вмешательства в ее внутренние дела. Эта концепция была отражена в докладе Д. Оболенского на XIII Международном конгрессе исторических наук в Москве.[1] Эта позиция — результат все той же переоценки политического аспекта церковной зависимости. Империя отнюдь не преследовала цели сеять раздоры на Руси. Нередко феодальная раздробленность не увеличивала, а ослабляла возможности византийского влияния. Неустойчивость внутренней ситуации на Руси дезориентировала политиков Византии: она в корне противоречила идеологии имперской автократии и сложившимся традиционным представлениям о Руси.[2] События зачастую развивались здесь столь стремительно, что византийский двор не успевал их учитывать при определении своего дипломатического курса. Рассчитывать на то, что влияние империи на Русское государство-«федерацию» станет всеобщим, было невозможно: становясь союзником одного княжества, Византия неминуемо должна была держаться неблагоприятного курса к другому, враждебному первому (стремясь избежать этого, империя в таких случаях попросту прекращала общение).

Таким образом, наиболее важные и общие выводы об особенностях русско-византийских связей в XII в. сводятся к следующему: вплоть до середины или последней трети XI в. система договорных отношений Византии и Руси охватывала все сферы внешних сношений обеих стран и была для них обязательной также в целом. В XII в. эта система ушла в прошлое. Она отмерла незаметно и для Руси, и для империи: жизнь исключила ее необходимость. Ранее в основе русско-византийских общегосударственных договоров лежала взаимная заинтересованность. Византийцы нуждались в русской военной помощи. В основе согласия русских оплачивать кровью дружбу с Византией лежало

---

[1] *Д. Оболенский.* Связи между Византией и Русью, с. 3.

[2] См. об этом: *A. V. Soloviev.* Der Einfluss des byzantinischen Rechts auf die Völker Osteuropas. «Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte». Bd. 176 (89. Bd. der Zeitschrift für Rechtsgeschichte). Romanistische Abteilung. Weimar, 1959. S. 460. Впрочем, крупный политический деятель империи конца XII в. Никита Хониат, скорбя по поводу раздоров на Руси, полагал, что эта «зараза» проникла туда из Византии. *Nicetae Choniatae*, p. 705.

стремление к исключительным торговым льготам в империи, которые им предоставлялись прежде всего в Константинополе. В XII в. Русь уже не имела возможности защищать северо-черноморские земли империи, утратив там свои владения и будучи отрезана на юге половцами. Кроме того, Русь не была расположена в эпоху усобиц и половецкого натиска расточать свои воинские силы. Договоры о взаимопомощи уже не могли быть всеобщими для Руси, а значит, не могли и Византии гарантировать военную поддержку в прежних масштабах. Кроме того, имелись факторы, ослаблявшие интерес империи к самой военной помощи русских. С конца XI в. вследствие внутреннего развития Западной Европы и хода внешнеполитических событий чрезвычайно расширился контингент тех «варваров», которые, как говорил византийский полководец конца XI в., готовы были служить в войске «за хлеб и одежду».[1] Империя гораздо более нуждалась в том, чего Русь не имела, — в военном морском флоте, которым располагали итальянцы. Корпуса иноземных наемников (в том числе и русский корпус, все быстрее, впрочем, «размываемый» англосаксами) еще сохранялись в составе военных сил империи, но их формирование осуществлялось уже без участия в этом правителей тех стран, откуда стекались наемники. На смену общерусским договорам с Византией пришли союзы и соглашения с нею отдельных княжеств раздробленной Руси, подчиненные чаще всего конкретным задачам, непрочные и кратковременные, зависящие от нестабильной и переменчивой международной и внутриполитической ситуации в обеих странах в XII веке.

Итак, в канун катастрофы, обрушившейся в XIII в. на оба основные восточно-христианские государства, связанные традиционными узами тесного общения во всех сферах политической и общественной жизни, они в силу конкретного хода исторических событий, ведших ко все большему затуханию их политических контактов, даже не попытались объединить свои усилия для преодоления надвигавшейся опасности. Византия с середины XII в. стремилась к осуществлению экспансионистского курса в центре Европы. Забыв о действительно грозной, хотя и временно дремавшей, опасности с Востока, воюя за покорение венгров, препятствуя освобождению от ее власти южных славян и мешая упрочению их независимых государств, империя получила смертельный удар, откуда его не ожидала, — от крестоносных полчищ, явившихся с Запада. Русь изнемогала в усобицах и в борьбе с половецкими нашествиями. Объективно она оказала Византии (и вообще всей Европе) неоценимую услугу, сковав один из мощных потоков тюркской агрессии, устремившихся из глубин Азии по берегам Черного моря к горлу византийской столицы на Босфоре. Но за насущными повседневными тревогами Русь, как и империя, не успела заметить главного врага, неожиданно выросшего за спиной врагов привычных.

---

[1] «Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI в.». Подготовка текста, введение, перевод и комментарий Г. Г. Литаврина. М., 1971, с. 23–25, 278.

Раздел четвертый

ВИЗАНТИЯ И ДРЕВНИЕ СЛАВЯНЕ (VI–IX вв.)

Славинии VII–IX вв. — социально-политические организации славян

Конкретные формы трансформации строя военной демократии у славян в устойчивую систему государственной власти по-прежнему представляют одну из наиболее сложных исторических проблем. О зарождении (либо дальнейшем развитии) военно-демократических порядков у славян позволяет говорить уже свидетельство Тацита (I в. н. э.) о грабежах венетов.[1] Естественно полагать, что за семь-восемь столетий этот общественный строй испытал существенные перемены, пережив периоды расцвета и упадка.

Судя по сообщению Иордана о событиях 70-х годов IV в., общественная система антов соответствовала зрелым формам строя военной демократии: антский вождь Бож, власть которого обретала, видимо, наследственный характер, сначала успешно противостоял предводителю готов Винитару, но затем был побежден; чтобы обеспечить покорность антов, Винитар приказал распять Божа с его сыновьями и 70 старейшинами.[2]

---

[1] *Корнелий Тацит.* Соч. в 2-х т. Л., 1970, т. 1, с. 372.

[2] *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. Вступит. ст., пер., коммент. Е. Ч. Скржинской. М., 1960, с. 170.

Ни этот удар, ни поражение антов от аваров около 560 г. не привели к ликвидации антского военно-территориального союза: авторы VI в. согласно пишут о могуществе этого славянского объединения.[1] Распад же союза датируют в литературе обычно началом VII в., ссылаясь на известие Феофана об «уничтожении» антов в результате предпринятого из Паннонии похода против них Апсиха, полководца аварского кагана, и на факт исчезновения из источников после 602 г. самого этникона «анты».[2]

Согласно Иордану, в середине VI в. анты жили между Днепром и Днестром,[3] а по данным Прокопия Кесарийского, они располагались «за Истром, недалеко от его берега», по соседству со «склавинами».[4] Ссылаясь на наличие пражско-пеньковской керамики на левобережье Среднего Дуная, В. В. Седов считает более свежими сведения Прокопия, который мог отразить частичное перемещение в 50–60-х годах VI в. антов в юго-западном направлении.[5] С середины этого столетия, во всяком случае, анты (вплоть до 602 г.) были союзниками империи. Частная экспедиция Апсиха вряд ли коснулась их глубинных территорий — она могла привести к отходу антов от Нижнего Подунавья и Нижнего Поднестровья и к разрыву их связей с Константинополем, а не к распаду военно-территориальных объединений у славян восточно-европейского региона. Исчезновение из источников после 602 г. этникона «анты» могло быть следствием не похода Апсиха, а внутренних перемен в самом объединении. Внимание византийских хронистов к тому же было приковано в это время к перипетиям борьбы империи со «склавинами».[6]

Так или иначе, к VIII в. восходит оформление на землях будущего Древнерусского государства так называемых «племенных княжений» — наиболее развитой формы военно-территориальных союзов племен.[7] Частично сохраняясь еще в X в. под эгидой киевского князя, они обозначаются у Константина Багрянородного как «славинии».[8] Нет никаких сомнений в том, что царственный автор имеет в виду под этим термином не просто области расселения древлян, кривичей,

---

[1] Там же, с. 136; *Procopii Caesariensis* Opera Omnia. Ed. G. Wirth. Lipsiae, 1963, v. II, p. 501.25.

[2] Извори за българската история (далее: ИБИ), т. VI. Гръцки извори за българската история (далее: ГИБИ), т. III, София, 1960, с. 256 (известие Феофана). См. *В. Д. Королюк.* Перемещение славян в Подунавье и на Балканы (Славяне и волохи в VI–середине VII в.). — Советское славяноведение, 1976, № 6.

[3] *Иордан.* Указ. соч., с. 136.

[4] Там же, с. 130, 13–15; 476.18–19.

[5] *В. В. Седов.* Происхождение и ранняя история славян. М., 1979, с. 124, 127.

[6] *В. Д. Королюк.* Указ. соч., с. 53 сл.

[7] *А. П. Новосельцев* и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 83.

[8] *Constantine Porphyrogenitus.* De administrando imperio. Ed. Gy. Moravcsik, transl. R. J. H. Jenkins. Budapest, 1949, p. 56.10; 62.107.

северян, дреговичей и т. д., а «архонтии» этих племен (или союзов племен), обладавшие собственной военно-политической и социальной структурой и способные существовать совершенно независимо, сами обеспечивая «собственный ритм» жизни (ἰδιόρρυθμοι).[1]

Понятие «славиния» следует рассматривать, таким образом, в тесной связи с проблемой становления раннефеодальной государственности. И такая постановка вопроса в историографии не нова.[2] В данной статье, признавая названный аспект изучения термина «славиния» наиболее плодотворным, я хотел бы акцентировать внимание на четырех вопросах: 1) время возникновения термина, 2) локализация первых славиний, 3) первоначальное содержание этого понятия и 4) его дальнейшая эволюция.

1. Термин «склавиния» (славиния) имеет, безусловно, византийское «ученое» происхождение: он образован от этнонима по типу понятий «Скифия», «Сарматия», «Аравия» и т. д. Хронологически первым дошедшим до нас упоминанием термина считаю возможным признать сообщение составленной в начале VII в. архиепископом Фессалоники Иоанном[3] первой книги «Чудес св. Димитрия» об осаде города славянами и аварами в конце VI в.[4] Для этого похода, сказано там, каган собрал «все нечестие славиний» (τὴν ἅπασαν τῶν Σκλαβινιῶν θρησκείαν).[5] Данный пассаж был воспроизведен в издании К. Бийеуса по рукописи X в. Vatic. gr. 797.[6] П. Лемерль, основывающийся и в этой части на рукописи XII в. Paris. gr. 1517, исправил в своем критическом издании Σκλαβινιῶν на Σκλαβηνῶν,[7] не оговорив, однако, вопреки обещанию,[8] разночтений в этом месте по другим рукописям (мы исключаем возможность вымысла или произвола упомянутого первого издателя).

В середине VI в. термин, видимо, еще не существовал или не был широко распространен: он отсутствует у Иордана, Прокопия, Агафия, Менандра. Не встречается он и у их младшего современника Маврикия, хорошо знавшего славян. Впрочем, этот автор был далек от традиций повествовательного жанра, опираясь в своем творчестве главным образом на традиции стратегиконов и собственный воинский

---

[1] Ibid., p. 124.63–68.

[2] См.: *П. Коледаров.* Политическа география на средновековната българска държава. София, 1979, ч. 1, с. 7–31 и указ. там библиогр.; *H. Ditten.* Zur Bedeutung der Einwanderung der Slawen. — In: Byzanz im 7. Jahrhundert. Untersuchungen zur Herausbildung des Feudalismus. B., 1978, S. 84 f.

[3] *H.-G. Beck.* Kirche und theologische Literatur. München, 1959, S. 458.

[4] *О. В. Иванова.* Славяне и Фессалоника во второй половине VII в. по данным «Чудес св. Димитрия» (Постановка вопроса). — В кн.: Славянские древности. Этногенез. Материальная культура Древней Руси. Киев, 1980.

[5] Цит. по: ИБИ, т. VI; ГИБИ, т. III, с. 114.

[6] *P. Lemerle.* Les plus anciens recueils des Miracles de Saint Démétrius et la pénétration des Slaves dans les Balkans. P., 1979, I. Le Texte, p. 12–13.

[7] Ibid., p. 134.14.

[8] Ibid., p. 38.

опыт. Зато писавший во второй четверти VII в. Феофилакт Симокатта употребляет понятие «славиния» как ординарное, не вдаваясь ни в какие объяснения. В 602 г., пишет он, полководец Петр, исполняя волю василевса, готовился к походу за Дунай «против народа славинии» (κατὰ τῆς Σκλαυηνίας πληθύος).[1] Не исключено при этом, что термин заимствован Феофилактом из служившего ему в качестве первоисточника и не сохранившегося сочинения автора конца VI в. Иоанна Эпифанийского.[2]

Итак, если судить по этим двум наиболее ранним упоминаниям рассматриваемого термина, следует, вероятно, заключить, что он появился во второй половине, а скорее всего — в последней четверти VI в., т. е. в эпоху, когда столкновения славян с империей стали особенно интенсивными.

2. Нельзя счесть случайным и то обстоятельство, что два древнейших упоминания о славиниях имеют в виду территории, лежащие за пределами империи, земли славян к северу от Дуная, в первом случае подвластных аварскому кагану, во втором — независимых от него и действующих против империи самостоятельно. Земли эти, как видно из данных известий, находились поблизости от Аварского каганата или даже в его пределах; в то же время они были доступны для вторжения византийских войск. Иначе говоря, вряд ли можно сомневаться в том, что в последней четверти VI–самом начале VII в. постоянные поселения славян находились поблизости от дунайской границы Византии, составляя плацдарм для их вторжений в пределы империи.

3. С первых упоминаний о славиниях содержание этого термина неоднозначно. Различиям в его содержании соответствует, на мой взгляд, разница в его грамматических формах: смысл понятия в единственном и множественном числе не совпадает.

Первый случай употребления термина «славиния» в единственном числе (у Феофилакта Симокатты) был уже приведен выше. Историк имеет при этом в виду славян левобережья Нижнего Дуная, которые сохраняли во второй половине VI в. независимость от аваров и в отличие от антов, с которыми то воевали, то жили в мире, были враждебны Византии. Такая позиция «склавинов» предполагает определенные формы их военно-политической организации, однако нет достаточно надежных данных в пользу утверждения, что и «склавины» были объединены в постоянный союз, подобный антскому. От конца VI в. известны имена вождей «склавинов» Ардагаста и Мусокия, которые, хотя и находились в союзных отношениях, возглавляли два различных соседних объединения славян.[3]

О недостаточной степени единства славян левобережья Дуная свидетельствует и ход их вторжений в империю в рассматриваемый период. Их крупномасштабные объединения были, по-видимому, эпизодичными.

---

[1] ИБИ, т. III; ГИБИ, т. II. София, 1959, с. 353.
[2] *Gy. Moravcsik.* Byzantinoturcica. B., 1958. Bd. I, S. 544.
[3] ГИБИ, т. II, с. 322, 323, 325, 326.

Поэтому под «склавинией» Самокатты я склонен понимать указание не на военно-территориальный союз «склавинов» в целом, а на территорию их расселения в конце VI–начале VII в.[1]

Второй случай подобного употребления термина «славиния» содержится в сообщении Феофана о походе Константа II в 658 г. «против славинии» (κατὰ Σκλαυινίας).[2] Понятие «славиния» означает и здесь совокупную территорию размещения объединений славян.[3]

С третьим случаем мы встречаемся в рассказе Феофана об экспедиции Юстиниана II в 688/689 гг. «против славинии и Болгарии» (κατὰ Σκλαυινίας καὶ Βουλγαρίας).[4]

Мне удалось найти еще только один случай употребления термина «славиния» в единственном числе — это известие диакона Игнатия в «Житии Григория Декаполита» о восстании близ Фессалоники в 836/837 гг. «экзарха той славинии» (τοῦ τῆς ἐκείνης Σκλαβηνίας ἐξάρχοντος).[5]

В данном случае, однако, содержание термина, по моему мнению, более сложно: это не только территория расселения некоей части славян, но также социально-политическая организация, объединение во главе со своим экзархом-вождем, решившимся порвать зависимость от империи. Это лишь одна из подобных славиний того времени, на что и указывает местоимение ἐκείνης.

Рассматриваемый термин имеет именно этот смысл применительно к концу VI–X столетию; употребляется он исключительно во множественном числе: неизменно имеются в виду не просто заселенные славянами территории, а обладающие вполне определенными границами объединения, в пределах каждого из которых господствовало одно племя, вождь которого возглавлял племенной союз (велегезитов, ваюнитов, хорватов, тервуниотов и т. п.).

Конечно, и употребление термина в единственном числе не исключает того факта, что в пределах «Славинии» имелись подобные военно-политические союзы славян («славинии» — во втором значении этого понятия). Таковы были, например, объединения Ардагаста и Мусокия в «славинии» левобережья Дуная. Однако в источниках о событиях VI–IX вв. термин «славиния» в единственном числе в значении политического объединения славян не встречается. Мне, во всяком случае, обнаружить этого не удалось. Представляется вполне закономерным допущение, что первичным было значение исследуемого термина в качестве ареала расселения славян, вторичным — как указание на их особую политическую организацию. При этом хроно-

---

[1] См. также: Византиски извори за историју народа Југославије. Београд, 1955, т. 1, с. 222, 250–251; *R. Browning.* Byzantium and Bulgaria. A comparative study across the early medieval frontier. L., 1975, p. 41, 127.

[2] ГИБИ, т. III, с. 260 (предлог κατά — «против» — здесь следует переводить не с вин. множ., а с род. ед. числа).

[3] Там же, с. 129 сл. («Чудеса св. Димитрия»).

[4] Там же, с. 265.

[5] ИБИ, т. VIII; ГИБИ, т. IV. София, 1961, с. 39.

логический период, отделяющий появление второго значения от первого, был, по всей вероятности, весьма непродолжительным. Так, о славиниях — зависимых от аварского кагана славянских объединениях — говорится уже в цитированном выше сообщении «Чудес св. Димитрия».

В таком же смысле понятие «славинии» использовано Феофаном в другом месте его рассказа о походе 688/689 гг. Император, сообщает историк, ставил цель «поработить как болгар, так и славинии» (τούς τε Βουλγάρους καὶ τὰς Σκλαυινίας αἰχμαλωτίσαι).[1] Характерно, что вопреки параллельной конструкции фразы писатель употребил здесь не этноним «славяне» (что, казалось бы, следовало ожидать, ибо впереди названы «болгары»), а термин «славинии», который был избран Феофаном как более точный. Заселенные славянами регионы имелись в то время и во Фракии, но они тогда уже не составляли славиний. Юстиниан действовал в тот период против полузависимых и независимых славиний в Македонии (в числе плененных византийцами, а затем переселенных в Малую Азию находились сагудаты).[2] Говоря ниже о походе Константина V во второй половине 50-х годов VIII в., Феофан пишет, что император «покорил славинии в Македонии» (τὰς κατὰ τὴν Μακεδονίαν Σκλαυινίας).[3] Таким образом, у этого автора в рассказе об одном и том же походе 688/89 гг. исследуемый термин употреблен и в единственном числе (в географическом смысле — см. выше), и во множественном числе (как указание на племенные объединения славян) — применительно к одной и той же территории (Македонии): сплошь заселенная славянами территория (Славиния) была раздроблена между их разными политическими союзами (славиниями), отчетливо обособленными друг от друга. Примечательно, что в византийских источниках VI–X вв. аналогии подобному употреблению во множественном числе терминов, образованных от этнонимов, почти не встречается. Три Галлии, три Испании, две Британии, две Паннонии, две Мезии (Мисии) и т. д. здесь не в счет, так как при этом имеются в виду административные округа империи, провинции (или впоследствии территории, соответствовавшие этим некогда существовавшим провинциям). В сходном смысле говорит о «всех Сириях» и Константин Багрянородный.[4] Любопытно, однако, что царственный автор, неоднократно упоминающий о славиниях (на Руси, в Хорватии и в сербских землях), единожды прямо приравнивает славинии к Франкиям, имея в виду пользующиеся внутренней автономией княжества, признающие сюзеренитет короля Италии Пипина. Вместе с Пипином, пишет Константин, его три брата «управляли всеми Франкиями и Славиниями» (ἦρχον πασῶν τῶν Φραγγιῶν καὶ Σκλαβηνιῶν),[5] т. е. Итальянским королевством, Папией и славиниями хорутан (словенцев).[6]

---

[1] ГИБИ, т. III, с. 265.
[2] *H. Ditten.* Op. cit., S. 83–84.
[3] ГИБИ, т. III, с. 270.
[4] *Constantine Porphyrogenitus.* Op. cit., p. 224.21.
[5] Ibid., p. 120.19.
[6] Ibid., vol. II. Commentary. L., 1962, p. 92.

4. И наконец, последний вопрос: об эволюции славиний на Балканах в VII–IX вв. В качестве репрезентативных можно избрать для сопоставления две славинии, разделенные столетним промежутком: союз «Семь родов»[1] (70-е годы VII в.) и Берзития (конец VIII в.).

Правда, союз «Семь родов» не назван в источниках славинией, но я считаю это обстоятельство чисто формальным: в силу всего сказанного выше в качестве славинии следует рассматривать уже антский союз IV в., как и объединения милингов и эзеритов на Пелопоннесе.[2]

До прихода протоболгар Аспаруха славиния «Семь родов» играла главенствующую роль среди прочих славянских союзов в Мисии и Малой Скифии. В состав «Семи родов» входило несколько племен, сохранявших внутреннюю автономию и имевших свою территорию и собственного вождя. Одним из этих племен были северы. Даже отделенные Аспарухом в 680 г. от союза «Семь родов», северы еще в течение столетия (а возможно, и долее) оставались в пределах Болгарского государства сплоченным этносоциальным организмом и во главе со своим вождем отваживались на самостоятельные военные действия против империи. Иначе говоря, внутри славинии «Семь родов» до 680 г., т. е. в эпоху ее самостоятельного развития, еще не были преодолены племенные перегородки; знать отдельных племен объединения еще сохраняла значительную самостоятельность; главный центр союза Плиска еще не стал укрепленной административной и военной столицей. И эта славиния еще не может, разумеется, трактоваться как государственное образование.

Однако в том, что славинии были зародышевой формой раннефеодальных государств, убеждают данные о славинии берзитов (верзитов или велзитов). Ее локализуют или в Северной Греции, или в Средней Македонии, в районе городов Охрид, Прилеп, Велеш и Битоль.[3] В интересующем нас аспекте этот вопрос не имеет принципиального значения.

Впервые племя берзитов (или ряда племен под этим наименованием) упомянуто в «Чудесах св. Димитрия» в числе других славян как один из «этносов», вступивших в первой четверти VII в. с целью осады Фессалоники во временный союз, возглавляемый Хацоном.[4] Признавшие, видимо, еще в конце VII в. свою зависимость от империи, берзиты сохраняли внутреннюю автономию. Знаменательно при этом, что с конца VIII в. их славиния получила в византийских источниках наименование «Берзития» («Верзития» или «Велзития»). В 774 г. болгарский хан Телериг намеревался в борьбе с империей переселить жителей Берзитии (τὴν Βερζιτίαν) в Болгарию.[5] В 799 г. князь Берзи-

[1] См.: *Г. Г. Литаврин.* К проблеме становления Болгарского государства. — Советское славяноведение, 1981, № 4, с. 35 и сл.

[2] О дискуссии по этому вопросу см.: *П. Коледаров.* Указ. соч., с. 13.

[3] См.: *Б. Панов.* Охрид и Охридска област во првите векови по словенската колонизација (VI–VIII век). — В кн.: Годишен зборник на филозофскиот факултет на Универзитетот во Скопје. Скопје, 1978, кн. 4 (30), с. 123 и сл.

[4] ГИБИ, т. III, с. 129.

[5] Там же, с. 274 (Феофан).

тии Акамир (Ἀκάμηρος, ὁ τῶν Σκλαυινῶν τῆς Βελζητίας) принял предложение византийской знати фемы Эллада участвовать в заговоре с целью свержения с престола императрицы Ирины и возведения на трон томившихся в заточении в Греции сыновей Константина V. Заговор был раскрыт, и его участники подверглись репрессиям.[1]

Мне представляются здесь особенно важными два обстоятельства. Во-первых, это появление у славинии берзитов собственного наименования, образованного от этнонима тем же способом, каким византийцы образовывали названия возникавших в то время государств (Болгария, Хорватия, Сербия, Росия и т. п.). Во-вторых, это оценка самой оппозиционной правительству византийской знатью возможностей Берзитии: участники заговора считали князя Берзитии столь могущественным, что надеялись с его помощью совершить государственный переворот в империи. Правитель этой славинии был, несомненно, полновластным повелителем своих подданных (хотя и признавал номинально суверенитет империи) и обладал значительными материальными средствами и воинской силой. Славиния Берзития к концу VII в. по своей общественно-политической структуре находилась на пороге превращения в государственную политическую систему. Процесс этой закономерной эволюции оказался незавершенным скорее не в силу недостаточной зрелости ее социальной организации, а в результате внешнеполитической обстановки.

Сходным, по всей вероятности, было также развитие славиний драгувитов и сагудатов (?) — «субделитов»: известны названия «Драгувития» и «Субделития».[2] Отнюдь не случайно территории бывших славиний, утративших перспективы дальнейшего независимого развития, становились имперским административными и церковными округами (архонтия и эпархия Драгувития, фема смоленов).[3] Знаменательно, что автор XII в. Иоанн Зонара в своем «толковом словаре» (Лексиконе) определил Болгарское государство как «славинию Болгарию» (Σκλαβηνία ἡ Βουλγαρία).[4] Подобный путь эволюции был, по-видимому, присущ и всем прочим славиниям, пользующимся в пределах Болгарии и Византии в VIII–IX вв. внутренней автономией, особенно если они занимали пограничные территории этих государств, были, как говорится в источниках, «окольными» (τὰς πέριξ Σκλαβινίας).[5] Правители славиний тимочан и абодритов (преденецентов), а затем и браничевцев, решив в 818/819 гг. отделиться от государственной системы Болгарии, испрашивали через послов покровительство сначала Людовика Благочестивого, а затем хорватского князя Людевита.[6] Именно

---

[1] ГИБИ, т. III, с. 27 (Феофан).

[2] *Р. А. Наследова.* Македонские славяне конца IX–начала X в. по данным Иоанна Камениаты. — Византийский временник, 1956, т. XI, с. 86–87.

[3] *П. Коледаров.* Указ. соч., с. 41–44–47.

[4] *Johannis Zonarae* Lexicon. Ed. J. A. Tittman. Lipsiae, 1808, v. I–II, col. 1653.

[5] ГИБИ, т. IV, с. 13. См. об этом: *П. Коледаров.* Указ. соч., с. 11 сл.

[6] История на Българска държава. София, 1981, т. 2. Първа Българска държава, с. 152.

после этих событий хан Омуртаг приступил к ликвидации автономии славиний, превращая их в непосредственно подчиненные своим наместникам провинции (комитаты).[1] Почти одновременно (в 821–823 гг.) и византийскому императору Михаилу II пришлось подавлять движение «окольных славиний» (circumiacentibus Sclaviniis),[2] оказавших военную помощь Фоме Славянину, поднявшему восстание в Малой Азии и в 821 г. осадившему Константинополь.

Таковы соображения, позволившие мне рассматривать проблему славиний в контексте становления раннефеодальной славянской государственности.[3]

[1] Там же, с. 153.

[2] ИБИ, т. VII. Латински извори за българската история, т. II, с. 26.

[3] К сожалению, в статье не удалось использовать совсем недавно вышедшие в свет работы: *П. Петров.* Образуване на Българската държава. София, 1981; *P. Lemerle.* Les plus anciens recueils des Miracles de Saint Démétrius. P., 1981, II. Commentaire.

Этносоциальная структура славянского общества в эпоху поселения на Балканах (VI–VII вв.)

В современной науке широко распространено убеждение, что в эпоху переселения славяне в целом находились примерно на одинаковом уровне экономического и социального развития. Надежным доказательством этого является тот факт, что интенсивные перемещения славян — как следствие общих процессов эволюции — происходили в VI–VII вв. одновременно на огромных пространствах Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы. Подтверждается этот тезис и неизмеримо возросшими в последние десятилетия археологическими материалами, обнаруженными в самых разных районах заселенной славянами территории. Следовательно, логично было бы допустить, что во время освоения славянами новых земель в качестве постоянных мест поселения исходная база дальнейшего развития была у большинства из них сходной, и поэтому последующие расхождения в формах и темпах эволюции следует относить на счет различий в местных условиях, в которых оказались разные группы славян. В таком случае встречающиеся в скудных письменных известиях от середины VI–середины VII в. противоречия должны расцениваться не как показатель разницы в темпах развития той или иной группы славян, а как результат разновременности передаваемой информации, зафиксировавшей различные стадии эволюции всех тех славян, к которым эти письменные известия относятся. Иными словами, при настоящем состоянии письменных источников, которое в целом в обозримом будущем может смело быть принято за неизменную величину, каждое драгоценное свидетельство о древних славянах следует, по-видимому, рассматривать в качестве фиксации определенного элемента всей системы, которую в целом можно и, видимо, должно реконструировать на путях сравнительно-исторических исследований.

Такой подход к делу представляется вполне закономерным. Однако в тех случаях, когда удается сравнительно точно определить время собранной современником информации о древних славянах и когда хорошо известен регион, к которому эта информация относится, тогда малейшие различия в показаниях источников отражают, вероятно, этапы развития одной и той же группы славян, и выводы обещают быть более убедительными.

Такими относительно хорошо датированными свидетельствами являются сообщения Прокопия Кесарийского и на полвека и полвека с четвертью более поздние известия Маврикия и «Чудес св. Димитрия». При этом данные первых двух источников относятся преимущественно к одному и тому же району — левобережью нижнего Дуная (территория между этой рекой и Карпатами), а последнего памятника — в основном, как полагают, к той же самой группе славян (ее часто условно называют «славяноболгарской» в отличие от сербскохорватской), которая переселилась затем из левобережья на земли Византийской империи.

Об этих именно славянах и в основном по данным указанных источников ниже пойдет речь. В статье будет предпринята попытка рассмотреть некоторые характерные особенности трех социальных групп древнеславянского общества VI–VII вв., а именно — свободных и в имущественно-социальном смысле равноправных общинников, составлявших подавляющее большинство родоплеменных славянских объединений, рабов и выделившейся руководящей верхушки — племенной славянской знати.

Итак, прежде всего о рядовых равноправных членах славянского общества. Представляется излишним возвращаться в связи с этим к вопросу о том, к какому хозяйственно-культурному типу (земледельческому или кочевому) принадлежало в рассматриваемый период славянское общество. Решающее слово по данному вопросу принадлежит археологам, среди которых безраздельно господствует убеждение о земледельческом характере хозяйства славян в VI–VII вв. Не оставляющие на этот счет малейших сомнений археологические данные о славянах левобережья Дуная и Поднестровья от времени, еще до их переселения на земли империи, собраны и обобщены в только что опубликованном труде украинских археологов.[1] Соответствующие письменные сообщения об этом недавно еще раз рассмотрены нами.[2]

Элементарной микроэтносоциальной ячейкой славянского общества уже в эту эпоху была в основном малая семья. Именно в этом смысле следует интерпретировать многочисленные данные о размерах господствовавшего у славян типа жилища — полуземлянки, площадь которого колебалась от 6 до 20 кв. м,[3] но обычно составляла 10–

[1] Славяне на Днестре и Дунае. Киев, 1983.

[2] *О. В. Иванова, Г. Г. Литаврин.* Славяне и Византия. — В кн.: Раннефеодальные государства на Балканах (VI–XII вв.). М., 1985.

[3] *В. В. Седов.* Происхождение и ранняя история славян. М., 1979, с. 119.

12 кв. м.[1] Об этом же убедительно свидетельствуют и следы хозяйственных построек вокруг землянки и орудия труда, предметы быта, личные вещи — все говорит о постоянном обитании малой семьи и о ведении ею самостоятельного хозяйства. Подтверждает это заключение и сообщение Прокопия, что славяне «живут, ютясь в жалких хижинах (καλύβαις) вдали друг от друга и часто меняя, [каждый в отдельности], места своего поселения».[2] В том же плане можно интерпретировать и известия «Чудес св. Димитрия» о том, что славяне Македонии близ Фессалоники доставляли с полей урожай в свои дома и что плененного епископа Киприана держал у себя в качестве невольника один славянин-домохозяин.[3]

Есть, однако, основания для заключения об одновременном существовании у славян и большой семьи. Позволяют судить об этом также археологические материалы: полуземлянки нередко расположены группами («кустами» или «гнездами») — на расстоянии всего несколько метров друг от друга, от 4 до 10 в группе.[4] Весьма вероятно, что домохозяева этих полуземлянок — члены большой (братской) семьи (патронимии), еще связанные общими хозяйственными интересами, узами кровного родства и культом единого предка. В этом смысле мы склонны рассматривать сообщение Маврикия (рубеж VI–VII вв.) о том, что жилище славян — в целях большей безопасности — устроено со множеством выходов (в случае нападения врага обитатели такого комплекса имели больше шансов на спасительное бегство). Употребленный здесь Маврикием термин οἴκησις имеет вообще значение крупного жилого помещения или даже группы помещений.[5] Иными словами, это — отнюдь не одна полуземлянка или хижина, а скорее всего — либо комплекс, включавший жилище и хозяйственные строения большой семьи, либо группа упомянутых выше «родственных» полуземлянок с их хозяйственными постройками. Известие Маврикия о широком (если не преобладающем) к середине–концу VI в. у славян левобережья Дуная значении посевов проса[6] также дает основание предполагать сохранение большой семьи: дело в том, что преобладание посевов проса в ту эпоху зачастую свидетельствовало о применении подсечно-огневого земледелия, которое, в свою очередь, предполагало, как правило, участие в тяжелых работах по расчистке леса под пашню одновременно коллектива взрослых мужчин, связанных тесными узами родства и отношениями взаимопомощи. В этом же духе можно толковать и сообщения о частых военных походах славян

[1] *V. Popović.* Note sur l'habitat paléoslave. — In: *P. Lemerle.* Les plus anciens recueils des miracles de Saint Démétrius. P., 1981, II. Commentaire, p. 238.

[2] ГИБИ, т. II, с. 126.

[3] *P. Lemerle.* Les plus anciens recueils des miracles de Saint Démétrius P., 1979, I. Le texte, p. 237.3–12.

[4] *Z. Kurnatowska.* Structure sociale des Sclavènes à la lumière d'une analyse de l'habitat. — Balkanoslavica, 1979, t. 1, p. 87–96.

[5] ГИБИ, т. II, с. 282.

[6] Там же, с. 281–282.

против империи в VI в.: у мужчин именно больших (братских) семей было больше возможностей оставлять ради походов нелегкое дело ведения хозяйства в весенне-летний и осенний сезоны на плечах других трудоспособных членов семьи. Возможно, к трактуемому вопросу имеет непосредственное отношение и факт кодификации в Византийской империи в X–XI вв. норм обычного права, отдававших предпочтение при наследовании и покупке отчуждаемых имуществ, помимо родителей и детей, прежде всего родным братьям, нераздельно («смешанно») владевшим основными средствами производства.[1] Письменные источники свидетельствуют о сохранении большесемейных отношений у славян на Балканах даже в XII в.: иноплеменники с удивлением писали об обычае в болгарских (конечно, большесемейных) хозяйствах выпекать буханки хлеба, одной из которых можно было накормить десять взрослых мужчин;[2] взрослые женатые сыновья нередко не отделялись от своих родителей, и крупные землевладельцы (например, монастыри) проявляли заинтересованность в сохранении под своей властью таких большесемейных крестьянских хозяйств, возможно, даже препятствуя их разделу: феодалы стремились получить в качестве привилегии право на владение большими семьями,[3] поскольку как объект государственного налогообложения они составляли единое тягло, подобно хозяйствам малых семей, тогда как их экономический потенциал был значительно более высоким.

Таким образом, процесс разложения кровнородственных отношений привел к господству малой семьи как основной этносоциальной ячейки славянского общества еще накануне переселения славян на территорию империи. Однако этот процесс, обусловленный развитием производительных сил и обеспечивший возможность ведения самостоятельного хозяйства силами небольшого семейного коллектива, не был тотальным и повсеместным. Это — по-первых. Во-вторых, он растянулся на столетия, тем более что условия переселения содействовали консервации традиционных, отсталых форм общественных отношений. В частности, к уже в целом изжитой практике подсечно-огневого земледелия, применявшейся уже в VI в. лишь при расчистках нови, славяне возвращались временно как раз во время переселений.[4] Именно так можно понять приведенное выше сообщение Прокопия о «живущих рассеянно» на больших территориях славянах[5] и о частой смене ими мест обитания. Это свидетельство о славянах левобережья Дуная может быть, на наш взгляд, сопоставлено с известными показаниями Тацита о древних германцах, которые «не терпят, чтобы их жилища примыкали вплотную друг к другу. Селятся же

---

[1] *Г. Г. Литаврин.* Византийское общество и государство в X–XI вв. М., 1977, с. 17–18.

[2] Patrologia graeca. Ed. J.-P. Migne. P., 1864, t. CXXVI, col. 217 D.

[3] *Г. Г. Литаврин.* Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960, с. 64.

[4] *М. Ю. Брайчевский.* Славяне в Подунавье и на Балканах в VI–VIII вв. (по данным письменных источников). — В кн.: Славяне на Днестре..., с. 231.

[5] ГИБИ, т. II, с. 126–127.

германцы каждый отдельно и сам по себе, где кому приглянулись родник, поляна или дубрава... каждый оставляет вокруг своего дома обширный участок... Земли для обработки они поочередно занимают всею общиной по числу земледельцев, а затем делят их между собою смотря по достоинству каждого; раздел полей облегчается обилием свободных пространств. И хотя они ежегодно сменяют пашню, у них всегда остается излишек полей...»[1] Разбросанность жилищ и частая смена пашни представляются естественным следствием применения подсеки, о которой, как кажется, говорят и Тацит, и Прокопий.

Поселения славян в VI–VII вв. составляли, по всей вероятности, и небольшие поселки («кусты») братских семей, и отдельные усадьбы (выделки) выделившихся из общины крупных, может быть, больших семей,[2] и деревни, в которых, как и позднее, соседствовали и малосемейные, и большесемейные домохозяйства.

Сравнительно с описанием Прокопия совсем иная карина славянских поселений предстает из рассказа Маврикия. Он пишет и о малых, и о больших селах (κῶμαι) вдоль левых притоков Дуная, причем теперь между селами уже «совсем небольшие расстояния». Для нападения на ряд таких соседних сел Маврикий рекомендует византийскому военачальнику иметь до трех тысяч воинов, в плен при этом может быть взято до пяти тысяч славян, помимо тех, которые успеют достигнуть убежища или погибнуть в схватке.[3]

Конечно, такие большие села трудно рассматривать как единоструктурные кровнородственные коллективы, в частности — как разросшиеся большие семьи. Такой тип поселения не совместим, по нашему мнению, с представлениями о господстве у славян во время Маврикия подсечно-огневого земледелия. Такие села естественнее, на наш взгляд, оценивать не как кровнородственные, а как земледельческие общины, члены которых (и в больших, и в малых семьях) были заняты не подсекой, а пашенным земледелием. Вряд ли можно всерьез отрицать, что в подобных больших селах с постоянными жилищами приусадебные участки уже находились в безраздельном индивидуальном (точнее — семейном) владении. В таком же владении скорее всего находились и пахотные участки, хотя общине, вероятно, принадлежала верховная собственность на все земли и были не исключены периодические переделы, т. е. мы склонны думать, что община в это время оставалась еще земледельческой. Как один из косвенных доводов в пользу отсутствия в этот период частной собственности на пахотные нивы может быть расценено известие Маврикия о том, что своим пленникам, после отбытия ими определенного срока в положении рабов, славяне предлагали либо вернуться на родину, внеся (конечно, с помощью родственников и соотечественников — в результате переговоров на этот счет с противостоящей стороной) за себя выкуп, либо же остаться, т. е. поселиться

[1] *Корнелий Тацит*. Соч. в 2-х т. Л., 1970, т. 1. Анналы. Малые произведения, с. 360, 364.

[2] *М. Ю. Брайчевский*. Славяне в Подунавье..., с. 232–234.

[3] ГИБИ, т. II, с. 283–288.

в славянских селах, получить землю, обзавестись хозяйством и жить «в качестве свободных и друзей» (ἐλεύθεροι καὶ φίλοι).[1] Видимо, славяне были даже заинтересованы в такого рода увеличении численности рабочих рук в общинах, которые имели возможность перераспределять пахотные земли или выделять новые участки из своего фонда, принимая в свою среду «чужаков» и недавних врагов. Самостоятельными хозяевами они могли становиться, конечно, не в кровнородственной, а в земледельческой территориальной общине. Разумеется, не все пленники (в частности, христиане-ромеи) хотели остаться у славян. Некоторые из них, не имея возможности внести выкуп, пытались бежать.[2] Но, помимо выкупа и опасности быть схваченным при бегстве, к оседанию пленных на славянских землях побуждало еще одно важное обстоятельство: сохранить верность христианству, находясь длительное время в плену у «варваров», было, видимо, нелегко, а вероотступника в империи по возвращении из плена ожидала кара как за государственное преступление.[3] Среди этих поселенцев, бывших некогда подданными Византии, были такие, которые, по словам Маврикия, «возлюбили» варваров (славян) и готовы при встрече с воинами империи ввести их в заблуждение ложной информацией и повредить своим прежним соотечественникам.[4]

Следует особо подчеркнуть, что достоверность сообщений Маврикия о славянских деревнях надежно засвидетельствована археологами: такие деревни во множестве раскопаны и советскими учеными в Поднестровье, в Молдавии, и румынскими в Дунайском левобережье (некоторые расхождения имеются при этом лишь в определении количественного соотношения проживавших здесь в соседних селах и в одних и тех же селах славянских и романизированных дако-гетских поселенцев).[5]

Подтверждение изложенным выше, разумеется, в немалой степени гипотетическим выводам о характере славянской территориальной общины до их поселения на землях империи можно усмотреть в том, что византийские источники VIII в., прежде всего «Земледельческий закон», записанный в конце VII–первой четверти VIII в. и отражавший положение в византийской провинции после нашествия «варваров» и восстановления власти Константинополя, не оставляют сомнений в безраздельном господстве уже не только не кровнород-

---

[1] ГИБИ, т. II, с. 281.

[2] Там же, с. 286.

[3] Эклога: Византийский законодательный свод VIII в. Вступит. статья, пер., коммент. Е. Э. Липшиц. М., 1963, с. 173.

[4] ГИБИ, т. II, с. 285–286.

[5] *И. С. Винокур.* Черняховские племена на Днестре и Дунае. — В кн.: Славяне на Днестре..., с. 133; *М. Ю. Брайчевский.* Славяне..., с. 47–48; *В. Д. Баран.* Сложение славянской раннесредневековой культуры и проблема расселения славян. — В кн.: Славяне на Днепре..., с. 45; *О. М. Приходнюк.* К вопросу о присутствии антов в Карпато-Дунайских землях. — Там же, с. 186–191.

ственной и даже не земледельческой, а именно соседской общины. Пахотные участки, отчасти и лесные угодья находились уже в частной собственности общинников и не подлежали периодическим переделам; участки разных хозяев были разделены межами, глубокими рвами, частоколами, оградами; некоторые общинники, разорившись, уже успели потерять свои пашни, другие, сохранив их, не имели возможностей (тяглового скота и пахотных орудий) для их обработки.[1] Нормы «Земледельческого закона», независимо от того, был ли он официально введенным во время его записи сборником права, отражали реальные отношения в византийской деревне, в том числе — и в славянской, по крайней мере в тех районах, где власть империи была восстановлена. Если славянская земледельческая община трансформировалась в соседскую лишь в пределах империи (это вполне возможно), то следует все-таки полагать, что отчетливая тенденция к этой трансформации обозначалась еще до переселения на юг от Дуная. Время почти столетнего пребывания больших масс славян в левобережье, их интенсивные контакты с империей являлись периодом значительной интенсификации темпов общественного развития «варваров». О превращении общины в территориальную еще до расселения в правобережье Дуная свидетельствует и тот факт, что каждый славянский племенной союз сразу занимал определенный район, создавал стабильные поселения, сохранявшиеся на одном и том же месте столетиями. Едва ли сто лет, истекшие от времени Маврикия до записи «Земледельческого закона», представляются слишком коротким сроком, если допустить, что славяне лишь в течение этого времени проделали путь от кровнородственной к земледельческой и от нее — к соседской общине.

Известия Прокопия и Маврикия позволяют говорить (как, впрочем, и археологические данные — находки ключей и замков)[2] о развитии у славян частной собственности. Отдельные члены общества имели ценности и деньги (чеканенные в империи монеты), совершали торговые сделки, отправлялись даже ради покупки раба к соседям, в пределы другого племенного объединения.[3] Маврикий пишет, что славяне скрывают в тайниках свои вещи, «ничего лишнего не держат открыто»,[4] т. е. прячут наиболее ценные собственные вещи от возможных посягательств соседей либо даже родственников. Личной собственностью становилась скорее всего воинская добыча, часть которой во время похода, как показывает рассказанная Прокопием история о Лже-Хильвудии, бралась индивидуально,[4] а часть захватывалась

[1] Византийский земледельческий закон. Текст, исследование, коммент. подготовили Е. Э. Липшиц, И. П. Медведев, Е. К. Пиотровская. Под ред. И. П. Медведева. Л., 1994, с. 98, 100–103 и др.

[2] *М. Ю. Брайчевский.* Славяне..., с. 238.

[3] ГИБИ, т. II, с. 125.

[4] Там же, с. 282.

[5] Там же, с. 123–127.

сообща и подвергалась затем организованному дележу на основе норм обычного права и с учетом личных заслуг каждого в ходе военных действий. Славянские воины во время 5-й осады Фессалоники (70-е годы VII в.) стремились продемонстрировать перед своими вождями («архонтами») личное усердие[1] — несомненно, потому, что мнение военных предводителей о вкладе подчиненных в победу оказывало существенное влияние на долю добычи при ее разделе. О заинтересованности же славян в воинской добыче в это время данные столь определенны и многочисленны, что приводить их нет необходимости. Может быть, традиции этой глубокой былой заинтересованности отразились и в том факте, что в «Законе судном людем» — славянском правовом памятнике IX в. статья о разделе воинской добычи — 3-я, тогда как в византийской «Эклоге» (20-е годы VIII в.), влияние которой на «Закон» очевидно, это статья — заключительная (18-я).

Завершая раздел о славянских рядовых общинниках, считаем возможным выразить уверенность в том, что уже в этот период (рубеж VI–VII вв.) они стали испытывать в ее начальных формах эксплуатацию со стороны укрепляющейся племенной знати. Один довод в пользу этого утверждения: аварский каган, взимавший дань с подвластных ему славян Паннонии, пытался заставить платить дань и вождей славянских объединений Нижнего Дуная. Современники считали, что славяне этих мест тогда благоденствовали.[2] Славянский вождь Даврита (Добрент?), принимавший в окружении других архонтов послов кагана, резко отверг его домогательства.[3] Видимо, каган требовал в свою пользу часть тех сборов, которые местная славянская знать уже взимала с рядовых членов общества, иначе требование кагана трудно объяснимо.

На низшей ступени общественной лестницы у славян VI–VII вв., как и в империи, и у соседних народов, стояли рабы. Широким признанием в науке пользуется вывод исследователей-марксистов о том, что рабство в славянском обществе в рассматриваемую, как и в более позднюю, эпоху не играло существенной роли в производстве, где господствовал труд мелкого самостоятельного производителя (крестьянина-общинника). Рабовладение у славян как уклад осталось в сущности эпизодом в истории позднепервобытного и раннефеодального периода. Славяне миновали рабовладение как общественно-экономическую формацию потому, что уровень развития производительных сил (в частности, овладение металлургией железа) уже исключал рабство как основу производства.

Полностью разделяя эти заключения, характеризующие наиболее общие закономерности развития славянского общества при переходе от первобытнообщинного к феодальному строю, мы считаем все-таки феномен рабства у славян заслуживающим самого пристального внима-

[1] *P. Lemerle.* Les plus anciens recueils..., I, p. 218.22–27.
[2] ГИБИ, т. II, с. 232.
[3] Там же, с. 231–232.

ния с точки зрения его роли в процессе социального расслоения и формирования антагонистических классов. Оставаясь, безусловно, само по себе на второстепенном и третьестепенном плане как форма производства, рабство имело тем не менее серьезное значение как средство упрочения влияния и возвышения отдельных родов в племени и в союзе племен, а затем — и отдельных лиц над другими родами и обществом в целом.

Медленные темпы развития первобытнообщиной формации определялись, конечно, в первую очередь медленными темпами прогресса в сфере производительных сил. Существенную роль, однако, играли при этом и вековые общинные традиции, извечные, освященные культом предков кровнородственные связи, вне которых человек не мыслил своего существования и которые каждый член общинно-родового коллектива в отдельности и все вместе упрочивали и культивировали всеми доступными в то время средствами. Принудить члена такого коллектива или их группу служить другому, всецело подчиняться ему и отдавать часть своего труда или продукта в его пользу было практически невозможно вне системы организованной высшей власти: непреодолимым препятствием к этому являлись общинная сплоченность, отношения взаимопомощи, неписаные законы взаимоподдержки и солидарности.

Естественно поэтому, что расслоение в общине на первых порах выражалось в зарождении и углублении имущественных и социальных различий между целыми родами, родственными группами, патронимиями. Именно возвысившийся род в жестокой борьбе с другими родами становился во главе племени. Из членов этого рода избирался и вождь всего племени. Укрепляющий свое влияние и власть род, прежде чем осуществить узурпацию общественных фондов подвластного ему племени, должен был обладать, по всей вероятности, и собственными, независимыми от общества средствами утверждения своего главенствующего положения. Одним из таких средств, по-видимому, и было в то переходное время обладание рабами, которые содействовали реализации власти господина, поднимали его престиж в обществе, усиливали его возможности осуществления дисциплинарных функций, обязанные беспрекословно выполнять его распоряжения.

Война была главным источником рабства. Во второй половине VI–начале VII в. славяне уводили из империи десятки тысяч пленных из каждого набега. Славяне также обращали пленных в невольников и при столкновениях между своими племенными союзами; в пределах же одного племенного союза в середине VI в. обратить в рабство своего соотечественника было, согласно Прокопию, невозможно «по закону».[1]

Рабы составляли часть наиболее ценной воинской добычи. Реализация ее была разной в зависимости от общественного положения пленника и самого его господина. Рабов, в особенности взятых в набегах на земли империи, брали ради выкупа, ради обмена на своих

[1] ГИБИ, т. II, с. 125.

воинов и членов общества, оказавшихся в плену в руках врага. Об обмене пленными и их выкупе шел разговор в ставке кагана, к которому прибыл в качестве посла антов Мезамир вскоре после набега на них аваров.[1] Возможно, именно цели обмена на своих находящихся в плену воинов славяне имели в виду тогда, когда брали в походах в плен только юношей и молодых мужчин.[2] Создание такого обменного фонда пленников позволяло, может быть, племени сберечь свои иные общественные фонды.

Вряд ли можно сомневаться в том, что рабы-пленники, которым определялся срок пребывания в рабстве (об этом была речь выше), использовались в хозяйственных работах. Предполагалось, по всей вероятности, что трудясь в домохозяйстве господина, пленник как бы восполнял ту сумму, которая за него могла быть получена при продаже или выкупе. Затем он становился свободным и равноправным членом общества. Конечно, в домах племенной знати, в ее родах-патронимиях рабы находили более широкое применение и в качестве прислуги, и как работники в хозяйстве. Как свидетельствует история с Лже-Хильвудием, раб мог стать оруженосцем, телохранителем, соратником в битвах, оказаться широкоизвестным (даже врагам и соседним союзам) своей доблестью: таким был ант, попавший в плен к «склавинину». Правовой статус и положение раба определялись, по-видимому, целиком и полностью волей господина, исключая особые случаи. Знатный склавинин продал своего раба-соратника и телохранителя, когда ему предложили за него приличную сумму.[3] Частично из рабов, по всей вероятности, формировалась окружавшая вождей дружина, а затем и конструирующаяся служилая знать. Характерно, что окружать себя зависимыми, лично подвластными и потому безраздельно преданными людьми, в том числе и из рабов, имели обыкновение не только вожди «варваров», но и сами византийские императоры. Даже в XII в. в империи некоторые рабы достигали высоких чинов и должностей.

Спрос на рабов у славян, давно не совершавших удачных военных походов, оставался высоким. Во время 5-й осады Фессалоники славяне продавали внутрь славянских территорий, к северу от города, в иные славянские союзы множество фессалоникийцев, вынужденных из-за голода перебегать в лагерь осаждавших.[4] Обладание рабами, особенно в рядах знати, считалось весьма престижным. Как известно, в империи закон запрещал обращение в рабство и приобретение рабов из христиан-соотечественников. Так обстояло дело в VI в., как упоминалось, и в славянских племенных союзах. Однако к IX в. в этой позиции в славянском обществе, вероятно, произошли крупные перемены. Как позволяют заключить первые славянские юридические памятники, славяне

[1] ГИБИ, т. II, с. 235.
[2] Там же, с. 128.
[3] Там же, с. 125.
[4] *P. Lemerle.* Les plus anciens recueils..., I, p. 213.

в IX в. обращали в рабов не только пленных, но и должников, преступников, продаваемых родителями детей, вероотступников.[1] Следовательно, и в этот период спрос на рабов в раннефеодальном славянском обществе остался высоким, причем с сокращением успешных внешних войн законные источники рабства оказались расширенными.

И, наконец, о формирующейся третьей социальной группировке древнеславянского общества — о родоплеменной знати, о которой отчасти уже было сказано выше, когда речь шла о рядовых общинниках и рабах.

Слой племенной знати консолидировался в основном из возвысившихся родов во главе с главенствующим родом, которые все более отделялись, обособлялись от масс рядовых соплеменников. Наследственность власти утверждалась прежде всего как право рода в целом и лишь позднее — как право прямых потомков вождя, главы правящего рода. Константин Багрянородный подчеркивал, что славянам традиционно свойственно обыкновение ставить вождя всегда из одного, «любимого у них» рода.[2] Поддержка родом своего представителя в роли вождя гарантировалась тем, что к выполнению престижных и выгодных функций в племени или союзе племен вождь приобщал и своих ближайших родичей. Именно в силу этого византийцы знали по именам представителей правящего в антском объединении рода: некоего Мезамира, отправленного послом к кагану аваров, пользовавшегося у антов огромным влиянием и являвшегося, скорее всего, видным военачальником (убив его, авары рассчитывали на ослабление способности антов противостоять их набегам), хотя Мезамир и не был вождем антского союза, а лишь его братом; вождь же Келагаст — так мы понимаем соответствующее сообщение Менандра — унаследовал власть от своего отца Идаризия.[3]

Достижение одним родом ведущего положения в племени или в союзе племен сопровождалось острой и кровавой борьбой, по всей вероятности, и в славянском обществе, а не только среди полукочевых народов на стадии военной демократии, о чем хорошо известно. В связи с этим можно полагать, что проигрыш в борьбе за власть рода-соперника имел для него трагические последствия. Видимо, представители именно этих проигравших борьбу родов, а порой, возможно, и все члены таких родов, спасшись, оказывались на чужбине, предлагая свою воинскую службу правителям чужих стран и народов. Вряд ли из преуспевавших на родине воинов комплектовались те наемные отряды склавинов и антов, которые в 30-х годах VI в. сражались за интересы империи в Италии. Характерна в этом отношении судьба знатного лангобарда Илдигиса (середина VI в.): вынужденный спасать свою жизнь, он бежал и побывал со своим воинским отрядом у славян, у гепидов, снова у славян,

---

[1] *В. Ганев.* Законъ соудный людьмъ. С. 1959, с. 163, 225 и др.

[2] *Constantine Porphyrogenitus.* De administrando imperio. Ed. Gy. Moravcsik, R. J. H. Jenkins. Budapest, 1949, p. 126.75–79.

[3] ГИБИ, т. II, с. 235.

у готов в Италии и в третий раз — у славян.[1] Возможно, изгоем был и возвысившийся на византийской службе в качестве полководца ант Хильвудий: он попал в империю в конце 20–начале 30-х годов, т. е. тогда, когда анты были не союзниками, а врагами империи (союз антов с императором был заключен лишь в начале 40-х годов). В 545 г. истекло уже около 10 лет со времени гибели Хильвудия, но примечательно, что видные анты во время пребывания у них Лже-Хильвудия так и не смогли установить его подлинную личность:[2] вероятно, у истинного Хильвудия уже не осталось на родине живых родичей.

В свою очередь, в славянское общество вливались в это время и бывшие ромеи-византийцы, искавшие у них убежища, переходившие на их сторону, селившиеся после освобождения из рабства, а также представители иных «варварских» народов, потерпевшие, подобно Илдигису, крушение на родине. Для славянского общества этого периода характерна своеобразная открытость, легкая адаптация чужаков, в притоке которых были, несомненно, заинтересованы прежде всего вожди племен и племенных союзов и окружающая их знать, способные содержать этих готовых служить им людей, не связанных с родоплеменными традициями, оторванных от родной среды, стоявших вне общинных и родственных связей и готовых исполнить любой приказ господина.

Так, постепенно узурпируя право распоряжения общественным фондом, превращая в обязанность обычай соплеменников предоставлять вождю с его свитой пропитание и кров, утверждая свое право на лучшую долю добычи, на имущество и челядь побежденных родов-соперников, обладая сокровищами, предметами роскоши, дорогими одеждами и оружием, раздавая дары за поддержку и лояльность знатным людям племени и за верность формирующейся дружине (служилой знати), устраивая для нее богатые и обильные пиры, славянские вожди-князья использовали для упрочения своей власти и институт рабства, и услуги потерявших связи с родиной пришельцев.

[1] ГИБИ, т. II, с. 130–131.
[2] Там же, с. 125–127.

*Еще раз о занятиях и общественной организации славян на Балканах в VI–VII вв.**

Тема данной статьи непосредственно связана с дискуссией, состоявшейся в августе 1986 г. за «круглым столом», посвященным проблемам истории древних славян, во время работы 17-го Международного конгресса византинистов в Вашингтоне.

Основные впечатления от упомянутого заседания сводятся к следующему. Во-первых, еще раз довелось убедиться в чрезвычайной актуальности темы — проблема развития раннесредневекового славянского общества вызывает по-прежнему живой интерес ученых самых различных стран, в том числе неславянских. В частности, с рефератами на упомянутом «круглом столе» выступили византинисты Греции, Англии, Франции, Австрии, Венгрии. Проявленный при этом интерес отражает, несомненно, состояние современной историографии по указанному вопросу: за последние десять лет она пополнилась фундаментальными коллективными и индивидуальными исследованиями по истории ранних славян. Назову хотя бы коллективные труды «Welt der Slawen» и «Jatrus-Krivina», изданные в Германии, работы П. Лемерля, Дж. Файна, И. Кодера, М. Вайтмана, Л. Вальдмюллера, Г. Диттена, Д. Крестена, Ф. Малингудиса, М. Нистазопулу-Пеликиду и др. (Я вполне сознательно не называю труды ученых славянских стран, чтобы подчеркнуть свою главную мысль.)

Во-вторых, сколь ни полезен был состоявшийся в Вашингтоне обмен мнениями, мне показалось несколько странным, что по вопросу об основных занятиях славян VI–VII вв. в ходе заседания «круглого стола» были вновь высказаны весьма противоречивые суждения, напоминающие

---

* Доклад прочитан в декабре 1987 г. в Бад-Хомбурге (ФРГ) на симпозиуме, посвященном проблемам истории славянских культур.

споры столетней давности,[1] когда еще не были осуществлены систематические, на высоком профессиональном уровне произведенные археологические изыскания ученых на всей территории, занятой славянами в VI–IX вв., и когда еще не были созданы учеными славянских стран капитальные труды на эту тему.

Расхождения историков славянских стран с учеными неславянских можно было бы охарактеризовать следующим образом. Исследователи-славяне несколько преувеличивают уровень развития древнеславянского общества в VI–VII вв., организованность и воинский потенциал славян, проявляют склонность датировать насколько возможно раньше время расселения славян на Балканском полуострове, продлевают на более значительный период, чем позволяют источники, время их независимого от империи существования, усматривают гораздо более существенные для Византии последствия славянских вторжений, чем это кажется допустимым. Позиция неславянских исследователей (особенно греческих) является обычно по всем этим пунктам прямо противоположной.

При всей корректности и коллегиальности развернувшейся в Вашингтоне дискуссии значительного успеха в сближении этих точек зрения достигнуто не было. Причин этого, как я полагаю, несколько. Во-первых, позиции спорящих сторон отягчены, по моему мнению, излишними (нередко эмоциональными) крайностями суждений. При этом крайности в мнениях одной стороны являются своего рода ответной реакцией на крайности другой. Во-вторых, огромная новая археологическая (и не только археологическая) литература на славянских языках остается, к сожалению, вне поля зрения ученых неславянских стран. В-третьих, стало нередким в научной литературе усвоение представлений авторов ранневизантийского общества о «варварском мире» в качестве адекватных действительности исторических свидетельств — своего рода континуитет позднеантичной историографической традиции в наши дни (общество «варваров» представало в восприятии византийских писателей однотонно отсталым и диким, поскольку у них не было государства, писаных законов, городов и «христианского благочестия»). Поэтому зачастую более пристальным вниманием западных византинистов пользуются не свидетельства авторов — современников VI–VII вв. (например, Маврикия или «Чудес св. Димитрия»), а более поздние сочинения IX–X вв. («Хронография» Феофана, «Тактика» Льва VI, труды Константина Багрянородного).

---

[1] *M. Nystazopoulou-Pélékidou.* Les Slaves dans l'empire byzantin. — The 17th Intern. byz. Congress: Major Papers. N. Y., 1986, p. 345–367; ср.: *Γ. Τσάρας.* Τὸ νόημα τοῦ «γραικώσας» στὰ Τακτικὰ Λέοντος στ' τοῦ Σοφοῦ. — BYZANTINA, 1969, t. 1, p. 137–157. Согласно Ж.-П. Ариньону, и «варяго-русы» в XI в. — «кочевые племена». См.: *J.-P. Arrignon.* Les relations diplomatiques entre Byzance et la Russie de 860 à 1043. — RES, 1983, vol. 55, p. 129–137 (видимо, автор придает термину «кочевники» некий особый смысл); ср.: *Fr. Conte.* Les Slaves aux origines des civilisations d'Europe centrale et orientale. P., 1986, p. 41, 67, 72, 73, 117, 119 etc.

Поистине ключевым вопросом в понимании древнеславянского общества я считаю проблему выяснения основных видов хозяйственной деятельности славян.

Этот факт не зависит от этнического происхождения народов — он в ту отдаленную эпоху целиком и полностью обусловливался природно-климатическими условиями, в соответствии с которыми были целесообразными либо охота и бортничество, либо земледелие, либо рыболовство и мореходство, либо пастушество, либо кочевое скотоводство, либо сочетание двух-трех видов занятий в качестве важнейших.

Уже одно это самое общее, ординарное и широко признанное положение ставит под вопрос всякую мысль о славянах как о народе, занятом пастушеством или кочевым скотоводством: насколько позволяют судить данные современной науки, славяне VI–VII вв., до начала их массового проникновения на Балканы, занимали лесостепные и лесные массивы Восточной Европы. В этой зоне, видимо, завершился их этногенез как особой этнической общности; в этой зоне, несомненно, сложились основные виды их хозяйственной деятельности, а в зависимости от нее — их жизненный распорядок, формы быта и общественной организации.

Переселения народов в IV–VII вв., скорее всего, никогда не совершались «вслепую» — в неведомое. Кочевники, двигаясь на Запад, неизменно обосновывались в Паннонии или в Малой Скифии (Добрудже). Именно там они могли сохранить свой привычный хозяйственный распорядок и естественные для них формы быта. Вряд ли славяне — лесные охотники восточноевропейского нечерноземья добровольно переселялись на культивируемые земли империи в конце VI–VII в. Правда, к неведомому ранее славянам морю они вышли и на юге, и на севере уже в конце VI в., но и морским рыболовством и мореходством они занялись лишь несколькими десятилетиями позднее (во второй четверти VII столетия). Горы (а речь может идти только о Карпатах) стали играть какую-то роль в жизни славян в эпоху переселения и только временно. Полагают, что часть славян, переходивших Карпаты или в течение какого-то срока проживавших в их предгорьях, могла обратиться (я полагаю временно) к пастушеству (В. Д. Королюк),[1] как впоследствии часть их могла так же поступить и в своем многолетнем движении на юг через горный Иллирик (И. Кодер).[2] Это вполне вероятно. Советская исследовательница-археолог С. А. Плетнева показала, что в зависимости от резко изменившихся условий жизни полукочевые коллективы, становившиеся на путь оседлости, могли снова вернуться к исключительно кочевому образу жизни

---

[1] *В. Д. Королюк.* Пастушество у славян в первом тысячелетии нашей эры и перемещение их в Подунавье и на Балканы: Славяне и волохи: (Попытка реконструкции по письменным источникам). — Славяно-волошские связи. Кишинев, 1978, с. 177–198.

[2] *J. Koder.* Zur Frage der slawischen Siedlungsgebiete im Mittelalterlichen Griechenland. — BZ, 1978. Bd. 71 (2), S. 315–331.

(к стадии «нашествия» по ее терминологии).[1] Могли и славяне, приспосабливаясь к обстоятельствам, переносить центр тяжести своих занятий с одного их вида на другой, более рентабельный. Но в любом случае ни пастушество, ни кочевое скотоводство не становились, как кажется, никогда основным родом деятельности массы славянства. Первое невозможно без налаженного торгового обмена с земледельческим населением, без длительного опыта освоения альпийских лугов и протяженных сезонных трасс перегона скота (из долин в горы и из гор в долины), второе немыслимо вне обширных, а именно южнопричерноморских или прикаспийских степей, где следы славян, однако, не зафиксированы ни в VI, ни в IX в. и где в эту пору хозяйничали подлинно кочевые народы (иранские, гуннские, тюркские племена: авары, протоболгары, узы, печенеги и др.).

Однако все это лишь общие соображения. Обратимся к источникам VI–VII вв., напомнив хотя бы кратко важнейшие на этот счет свидетельства. Маврикий в своем «Стратегиконе» говорит о копнах проса и запасах продовольствия, которыми располагали славяне левобережья Нижнего Дуная на рубеже VI–VII вв. и которые полководец рекомендовал вывозить в качестве добычи из земли славян с помощью судов и вьючных животных.[2] В расчете на эти запасы Маврикий осенью 602 г. повелел воинам дунайского рубежа зимовать в земле славян, снабжая себя продовольствием за их счет, чем и вызвал известное восстание, приведшее к свержению и гибели императора и к падению северного, дунайского лимеса империи.[3] Всем хорошо известны также данные «Чудес св. Димитрия» о том, что жители Фессалоники в 678 г. закупали у велегезитов Фессалии зерно, бобовые и сушеные фрукты.[4]

Трудно допустить, что славяне, если бы они были кочевниками, едва поселившись несколько десятилетий назад на землях империи, сумели столь быстро освоить — только под влиянием автохтонов — их агрикультуру и в 70-х годах VII в. смогли производить значительный излишек сельскохозяйственных продуктов, обращаемый на продажу. Оседание кочевников на землю и переход их к земледелию — чрезвычайно длительный и мучительный процесс, как свидетельствует об этом множество исторических примеров. Так, византийцам в XI–XII вв. не удалось расселить в качестве постоянных поселенцев в Южной и Средней Македонии плененные орды печенегов, а затем половцев, а тем более заставить их заниматься земледельческим трудом. Протоболгары действительно скоро, через век-полтора, стали оседлым населением под давлением обстоятельств и под влиянием славян, но, осев, они перестали быть тюрками, растворились в славянской среде.

---

[1] *С. А. Плетнева.* Кочевники средневековья. М., 1982, с. 14 и сл., 35 и сл.

[2] Гръцки извори за българската история. С., 1958, т. 2, с. 281–282, 286. (Далее: ГИБИ).

[3] Там же, с. 355 (Феофилакт Симокатта).

[4] *P. Lemerle.* Les plus anciens recueils des miracles de Saint Démétrius. P., 1979, vol. 1: Le texte, p. 214.9–13, 218.1–2, 254, 268.

Эзериты и милинги на Пелопоннесе были подчинены в IX в., после их неудачного восстания, но смирились они только после того, как византийский полководец сжег урожай их полей на корню.[1] Если бы они занялись агрикультурой лишь недавно, под влиянием местного населения, обладая до этого высокими навыками в основном в иного рода деятельности (например, в охоте на горах Тайгета или в пастушестве там же), вряд ли гибель своих посевов была воспринята славянами как катастрофа.

Упомяну лишь мельком о том, что и лингвисты не находят оправдания сохранению в науке старого тезиса об исконном кочевничестве славян. Ф. Малингудис показал, что древнейший пласт славянской лексики свидетельствует о славянах как о земледельческом народе; микротопонимия Пелопоннеса, восходящая к славянам, поселившимся здесь в конце VI–VII в., говорит о том же.[2] Представляется интересным вывод греческого ученого, что уровень славянской агротехники и земледельческого инвентаря отнюдь не всегда уступал провинциальному византийскому: во всяком случае, вполне вероятно, что какой-то вид славянской бороны был заимствован (вместе с самим этим понятием) местными греками.[3]

Конечно, в целом уровень ранневизантийской агрикультуры был несопоставим со славянским. По данным «Чудес св. Димитрия», славяне в своих набегах на землю империи в VII в. уносили в качестве добычи также сельскохозяйственные орудия:[4] преимущества этих орудий, следовательно, были очевидны и для славян, но они забирали их, разумеется, не для того, чтобы «перековать в мечи», а чтобы использовать по назначению.

Было бы слишком долго и излишне (нужно попросту обратиться к соответствующим публикациям) ссылаться на результаты раскопок археологов; здесь выводы, основанные на обильных материалах раскопок, как правило, вполне определенны: селища славян конца VI–VII в. — неизменно земледельческие поселения. Укажу лишь на раскопки 1970-х годов в Южной Добрудже, где обнаружено славянское поселение начала VII в., которое по множеству находок земледельческих орудий и

---

[1] *Constantine Porphyrogenitus*. De administrando imperio. Ed. Gy. Moravcsik, R. J. H. Jenkins. Wash., 1967, p. 234.43. Ср. о славянах на Пелопоннесе: *Г. Г. Литаврин*. Из комментария к 49-й главе труда Константин Багрянородного «Об управлении империей». — BYZANTINA, 1985, t. 13, p. 1349–1353; *Константин Багрянородный*. Об управлении империей: Текст, пер., коммент. М., 1989, с. 427–440.

[2] *Ph. Malingoudis*. Toponymy and History: Observations concerning the Slavonic Toponymy of the Peloponnese. — Cyrillomethodianum. Thessaloniki, 1983, t. VII, p. 99–111; ср.: *И. Дуриданов*. Заселяването на славяните в Горна Мизия по данните на топонимията. — Славянска филология. С., 1983, t. 17, p. 223–230.

[3] *Ф. Малингудис*. Славяно-греческий симбиоз в Византии в свете топонимии. — ВВ, 1987, т. 48, с. 44–52.

[4] *P. Lemerle*. Les plus anciens recueils.... 1, p. 185.35–36, 198.

других атрибутов земледельческого быта археологи определили как важный центр сельскохозяйственного производства в течение всего существования Первого Болгарского царства.[1]

Сходное заключение сделали югославские археологи для славянских поселений по Дрину и Мораве, а также всего района между Моравой и Тимоком, а польские археологи — для района с. Дебренто в Македонии (близ древней торговой артерии Via Egnatia).[2]

Дело, однако, не только в этих фактах. Сколь ни неразвито было славянское общество того времени сравнительно с византийским, оно представляло собой определенную структуру, основным системообразующим элементом которого являлись прежде всего оседлые поселения, жители которых были заняты земледелием и разведением домашних животных, пасущихся на лежащих близ деревень пастбищах. Все элементы данной системы соответствовали этому главному структурному фактору: и жилища (полуземлянки), возникшие, несомненно, как рациональное жилье в условиях суровой зимы и совершенно чуждые кочевникам, и орудия труда, и обилие утвари из дерева и глины, и воинская тактика, ориентированная на пеший рукопашный бой, которого избегали кочевники, и привычка укрываться от врагов в лесу, который страшил кочевые народы, и т. д. и т. п. Мы убеждены в том, что любые попытки судить об организации славянских поселений и об общественном строе славян останутся совершенно бесплодными, пока не будет полностью осознан тот факт, что славяне (во всяком случае, подавляющее их большинство) вышли на арену истории, уже будучи оседлыми, занятыми сельским хозяйством жителями Европы. Эпоха Великого переселения в их истории — не переход от кочевничества к оседлости, а эпизод — смена мест расселения в силу глубоких внутренних мотивов развития славянского общества, одним из которых была потребность в новых землях, на которых они стремились продолжать свою прежнюю хозяйственную деятельность.

Именно земледельческий, оседлый быт обусловливал формы общественной организации древних славян. Занятие сельскохозяйственным трудом в условиях, когда возникли поселения, состоящие из десятка и более сельских дворов, организация землепользования, сезонных пахотных работ, выделения пастбищ и лугов и т. п. — все это невозможно без регулирующих производственные циклы правил, устанавливаемых путем общего согласия поселян, невозможно вне общины. Деревенская община как сообщество соседей — не выдумка славянофилов

---

[1] *S. Michailov, L. Dončeva-Petkova, D. Toptanov.* Fouilles archéologiques près du village Odarci, département de Tolbochine (Bulgarie) au cours des années 1971–1977 (partie orientale). — Slavia antiqua, 1980, vol. XXVII, p. 119–171; *Ж. Вължарова.* Славяни и прабългари по данни на некрополите от VI до IX в. на територията на България. С., 1976.

[2] *J. V. Fine.* The Early Medieval Balkans: Critical Survey from the Sixth to the Late Twelfth Century Univ. of Michigan Press, 1983, p. 38, 39; *W. Hensel, J. Rauchutova.* Archaeological Research at Debreste (Macedonia), 1974–1978. — Archaeologia Polona, 1981, t. XX, p. 191–225.

и не податная организация, создаваемая государственной властью, а естественноисторически возникший институт деревенских жителей, регулирующий порядок землепользования, внутренние дела поселения и его отношения с соседними общинами.[1]

Советские археологи на основе изучения материалов раскопок славянских поселений VI–начала VII в. в Поднестровье и в Попрутье пришли к выводу, что в это время совершался процесс перехода от патриархальной, родовой общины (для которой была характерна большая, или братская, семья) к общине соседской. Переходная стадия проявилась в возникновении группы индивидуальных, предназначенных каждый для малой семьи домов, расположенных вокруг еще сохранявшегося в общем пользовании хозяйственного подворья.[2]

Сколь велики были общины, мы, однако, не знаем. Но, уже по данным Маврикия, известно, что вдоль северных притоков Дуная имелись в конце VI в. крупные славянские села, между которыми были небольшие расстояния и нападение на которые сулило удачливому полководцу большую добычу и многочисленных пленников.[3]

Недостаточно знаем мы и о том, сколь велики были племена славян и их племенные союзы, сколь долго эти союзы существовали, были ли среди них относительно постоянные, можем ли мы уверенно рассматривать такие славянские образования, как «Семь родов», северы, драгувиты, берзиты, сагудаты, ваюниты и т. д., в качестве племен или в качестве союзов племен.

Было бы тем не менее невозможно оспорить тот факт, что известные по названиям племенные организации славян обладали значительной численностью, являлись серьезной военной силой, что в полной мере не раз обнаруживалось в их отношении с аварами, империей и протоболгарами.

Племенные организации славян (славинии) обладали какой-то мало нам известной, но достаточно устойчивой структурой. Во главе их стояли вожди-князья (архонты и рексы византийских источников). Весь ход событий VI–VII вв. позволяет заключить, что действия славян против империи имели ясно различимые черты организованности — и во время временных нападений, и при захвате и доставке в свои поселения воинской добычи, и особенно во время прочного заселения византийских земель. Источники не извещают ни об одном

---

[1] Дискуссию об этом см.: *Г. Г. Литаврин.* Византийское общество и государство X–XI вв. М., 1977, с. 7–42.

[2] *В. Д. Баран.* Раннесредневековые древности славян Юго-Восточной Европы. — Тез. докл. сов. делегации на V Международном конгрессе славянской археологии. М., 1985, с. 3–4; ср.: *Jatrus-Krivina.* B., 1986; *В. Антонова.* Славянское селище в аула на хан Омуртаг при Чаталар от VII–VIII вв. — Сб. в памет на проф. Станчо Ваклинов. С., 1984, с. 106–114; *О. В. Иванова, Г. Г. Литаврин.* Славяне и Византия. — Раннефеодальные государства на Балканах, VI–XII вв. М., 1985, с. 98.

[3] ГИБИ, т. 2, с. 282, 286, 287.

остром столкновении славянских племен друг с другом при расселении их в том или ином районе. Создается впечатление о предварительном разделе занимаемых славянами земель, о достигнутом заранее между ними на этот счет соглашении. Характерно, что каждое славянское племя (или союз племен) не меняло мест своего расселения, оставаясь веками в том районе, в котором поселилось изначально (лишнее, на наш взгляд, доказательство оседлости славян, привычной для них еще до переселения).

Термин «Славиния», впервые возникший как результат словотворчества византийских чиновников и книжников, употреблялся в двух разных значениях в первой части VII в., как мы уже неоднократно старались показать; он указывал не только на место расселения славян того или иного племени или союза или вообще славян (в таком случае термин употреблялся в источниках, как правило, в единственном числе — славиния), но и на определенную социально-политическую организацию (в этих случаях византийские авторы использовали термин обычно во множественном числе).[1]

Наиболее удобно обосновать этот тезис на примере славиний эзеритов, милингов, берзитов, северов и «Семи родов».

Эзериты и милинги — именно благодаря своей внутренней организации — сумели столь долго (по крайней мере, 250 лет) сохранять свою автономию, а затем состояние полузависимости (окончательно они были покорены только в конце 1-й четверти X в.). Причем неоднократно они отстаивали свою свободу с оружием в руках.

О берзитах, живущих в Фессалии, известно, что в 799 г. силы их князя Акамира по замыслу заговорщиков должны были сыграть главную роль в свержении императрицы Ирины и восстановлении на престоле империи ссыльных сыновей Константина V.[2] И эта славиния продолжала существовать, таким образом, в глубине византийской территории, по крайней мере, около 200 лет после ее здесь появления.

Не менее интересны данные о славинии северов, участвовавших в соглашении с протоболгарами Аспаруха в 680 г., подчинившихся его власти, обязавшихся охранять от византийских нападений проходы в Болгарию с юга между морем и восточными отрогами Стара Планины, но сохранивших внутреннюю автономию в пределах Первого Болгарского царства. Князь северов Славун почти столетие спустя после прихода Аспаруха, в 764–767 гг. (точная дата остается дискуссионной), осмеливался на самостоятельные военные действия против империи в Северной Фракии, вступая при этом в воинские соглашения с отрядами местных повстанцев («скамаров»), недовольных властью Константинополя.[3]

Особенно примечательна, однако, история союза «Семь родов». Мы считаем справедливой догадку, что, выступая в роли главного сла-

---

[1] *Г. Г. Литаврин.* Славинии VII–IX вв. — социально-политические организации славян. — Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984, с. 193–203.

[2] ГИБИ. С., 1960, т. 2, с. 278 (Феофан).

[3] Там же, с. 272 (Феофан).

вянского объединения между Дунаем и Стара Планиной, вступившего в договорные отношения с Аспарухом, союз «Семь родов» одновременно внушал опасения и самому протоболгарскому хану.[1] Именно поэтому он переселил славян этого союза, отделив от него северов, столь далеко на запад, на границу с аварами, в долину р. Тимок. В результате союз был ослаблен, утратил единство и потерял свое название «Семь родов». В начале IX в. славяне этих мест выступали как особая славиния с новым наименованием — «тимочане». Данные о том, что они сохранились как социально-политическая организация славян (славиния) несомненны: они сохраняли полуавтономию в составе Болгарии, находились под непосредственным управлением собственной знати, которая в 818 г., будучи недовольной централизаторской политикой хана Омуртага, завязала дипломатические отношения сначала с Людовиком Благочестивым, а затем с посавским князем Людевитом и почти на 10 лет покинула Болгарское государство.[2]

Все сказанное выше позволяет, по нашему мнению, поддержать тезис о том, что славинии, по всей вероятности, повсюду в славянском мире представляли собой стадиально закономерный общественный институт — протогосударство. Как известно, Константин Багрянородный говорил об их существовании в IX–X вв. и в сербохорватских землях, и на территории Древнерусского государства.[3] Дальнейшее развитие славиний привело к возникновению сербских и хорватских княжеств в IX в., тогда как в Болгарии и в пределах Византии эволюция славиний шла по пути превращения их — через промежуточные полуавтономные образования «архонтии» — в административные районы (клисуры, банды и фемы) в уже существующих государствах, на территории которых они располагались. На Руси процесс укрепления центральной власти привел к ликвидации княжеств-славиний, иногда с помощью военной силы.

Изучение истории древних славян целесообразно, по-видимому, сосредоточить на изучении славиний как гомогенных общественных систем, свойственных древним славянам в догосударственную и дохристианскую эпоху.

[1] *H. Ditten.* Zum Verhältniss zwischen Protobulgaren und Slawen vom Ende des 7. Jh. bis zum Anfang des 9. Jh. — Сб. в памет на проф. Станчо Вакланов, с. 23–33.

[2] *Г. Г. Литаврин.* Формирование и развитие Болгарского раннефеодального государства (конец VII–начало XI в.). — Раннефеодальные государства..., с. 159.

[3] *Const. Porph.* De adm. imp. Cap. 9, 10, 107; 28, 19; 29, 68; 30, 94.

*О двух Хилбудах Прокопия Кесарийского**

Как известно, наиболее богат информацией о ранних славянах тот пассаж сочинения Прокопия «О войнах», в котором византийский писатель рассказывает об имперском полководце Хилбуде (Χιλβούδιος) и о его тезке анте-самозванце. Отвлекаясь от основной линии повествования, Прокопий попутно сообщает ценнейшие сведения об образе жизни, нравах и обычаях склавинов и антов, об их религиозных представлениях, характере поселений, общественном устройстве, об отношениях их племенных объединений друг с другом и с самой империей.[1] В данной заметке мы остановимся лишь на одном сюжете указанного рассказа Прокопия — на эпизоде с двумя Хилбудами, поставив своей целью еще раз рассмотреть спорный вопрос об этническом происхождении византийского стратига Хилбуда.

Стремясь сделать ход наших дальнейших рассуждений максимально доступным читателю, приведем вкратце важнейшие факты, сообщаемые Прокопием о двух Хилбудах.

В конце 20-х годов VI в. на службе Юстиниана I выдвинулся некий Хилбуд, который был близок ко двору императора (τις ἐκ τῆς Ἰουστινιανοῦ βασιλέως οἰκίας), являлся знатной персоной (ἀνδρὸς ἐπιφανοῦς) и видным полководцем. Поразительным его качеством являлось то, что он, будучи храбрецом в боях, был более чем равнодушен по отношению к обладанию какими-либо богатствами. На 4-м году правления (т. е. после 1.IV 530 г.) Юстиниан назначил его «стратигом» (префектом претория) провинции Фракия, повелев воспрепятствовать славянам (склавинам и антам), а также протоболгарам переходить через

---

[1] Об этих сюжетах рассказа Прокопия см.: *О. В. Иванова, Г. Г. Литаврин.* Славяне и Византия. — В кн.: Раннефеодальные государства на Балканах. М., 1985.

* *Procopii Caesariensis* Opera omnia. Recogn. J. Hayry. Lipsiae, 1963, v. II, p. 353.12–360.4 (VII, 13–14).

Дунай и грабить земли империи. Занимая этот пост в течение трех лет, Хилбуд не только отразил набеги «варваров», но и стал сам часто вторгаться в их земли на левом берегу, избивая и захватывая в плен врагов, для которых скоро стало страшным само имя Хилбуда. Наконец, склавины устроили ему засаду, стянув большие силы, и когда Хилбуд переправился через Дунай с небольшим отрядом, окружили его. Большинство ромеев погибло в неравном бою (в 533 г.), в том числе и Хилбуд. С тех пор «варвары» стали нападать, когда хотели: «держава ромеев», как оказалось, не смогла сделать того, что было доступно «доблести одного мужа». Через несколько лет (Χρόνῳ δὲ ὕστερον)[1] между склавинами и антами вспыхнула война, в которой анты проиграли. В ходе войны один из склавинов взял в плен молодого анта по имени Хилбуд. Благоволивший к нему хозяин сделал его своим соратником в боях с врагами. Хилбуд оказался храбрым воином, спасал в беде хозяина, и хотя он оставался невольником, о нем разнеслась большая слава. В то время (между 540 и 545 гг.), когда анты со склавинами уже помирились, анты совершили набег на Фракию. Среди уведенных ими в плен был один коварный (κακοῦργος) ромей, попавший к доброму господину. Ромей сообщил по секрету хозяину, что у склавинов в рабстве находится бывший стратиг ромеев Хилбуд, о чем склавины не догадываются. Следовало бы выкупить его у склавинов и получить за него у императора и славу, и большие богатства. При этом, как заверяет Прокопий, раб-ромей шел на заведомый обман господина, рассчитывая втайне благодаря своей интриге добыть себе свободу и не видя других путей к избавлению от плена. Господин поверил и вместе с рабом совершил путешествие к склавинам. Хозяин Хилбуда продал своего соратника-невольника за «большие деньги». Дома же, у нового господина-анта, Хилбуд в ответ на расспросы рассказал правду о своем пленении и заявил, что теперь, находясь «в земле отцов», он стал «свободным по закону». Раб-ромей убедил, однако, огорченного господина, что Хилбуд боится сознаться, кто он на самом деле, так как находится «среди варваров» и боится их, тогда как в земле ромеев гордился бы своим именем. Как ни хранил в тайне от других ант-господин свои дела с выкупленным Хилбудом, это стало известно соотечественникам. Дело показалось им столь важным для всех, что они созвали собрание и, угрожая, заставили Хилбуда сознаться в том, что он полководец ромеев. Как раз в это время (в 545 г.) к антам прибыло посольство Юстиниана I. Император предлагал им в дар как бывшие владения ромеев запустевшую и разоренную крепость Туррис (Турну Магуреле?) на левом берегу Дуная с окружающими землями, обещая всяческую помощь

[1] Вопросы датировки мы оставляем в стороне, ориентируясь на Ф. Баришича (Византийски извори за историју народа Југославије. Београд, 1955, т. 1, с. 23–33, 188). Полагаем, однако, что войну антов со склавинами и набег антов на Византию нельзя датировать одним и тем же годом, например 540-м: между этими событиями прошло, видимо, не менее 3–4 лет.

при поселении здесь и много денег, если они, как союзники империи, будут препятствовать гуннам (протоболгарам) нападать на земли Византии. Анты выразили готовность принять предложение при одном условии: если в Туррисе с ними будет Хилбуд, снова поставленный стратигом ромеев. Видя такой оборот дела и исполнившись надежд, молодой ант «сознался», что он — полководец Хилбуд. Ради всего этого Хилбуд был отправлен в Константинополь, следуя туда как раз в то время, когда ромеи организовали отпор очередному набегу склавинов. На пути Хилбуд неожиданно встретился с полководцем ромеев Нарсесом. Тот, вступив в разговор с самозванцем, быстро разоблачил его, хотя он говорил по-латыни и тщательно имитировал заученные им особенности поведения своего тезки, и в оковах доставил в столицу империи.

Есть все основания особо отметить, что изложенный выше рассказ Прокопия обладает высокой степенью достоверности. И в годы службы Хилбуда в качестве префекта претория (?) Фракии (530–533 гг.), и позднее историк был близок к высшим воинским и придворным кругам. В 532 г. он находился в самом Константинополе, как и в 545 г., когда завершилась история с антом-самозванцем. Да и писал свой труд Прокопий по горячим следам событий: к 550 г., едва через 5 лет после рассказанного им эпизода, труд Прокопия «О войнах» (по крайней мере включая интересующую нас 7-ю книгу) был завершен.[1]

В историографии (особенно в славистической) Хилбуда-полководца нередко уверенно рассматривают как славянина (анта) по происхождению.[2] Высказываются, однако, и вполне обоснованные сомнения: прямых сведений на этот счет у Прокопия действительно нет. На середину 1970-х годов основные доводы обеих сторон были коротко суммированы и оценены Г. Диттеном. В пользу первой точки зрения, по мнению этого исследователя, с некоторой долей вероятности можно истолковать само имя «Хилбуд», совпадавшее с именем пленника склавинов, бесспорного анта Хилбуда (Г. Диттен ссылается при этом на приведенную Т. Маретичем[3] форму славянского имени «Милбуд»). Не лишено значения также то, что Прокопий, говоря о храбрости и доблестях полководца Хилбуда, особо подчеркивает его бескорыстие как качество, совершенно несвойственное представителям высшей знати империи того времени.[4] На чужеземное (неромейское) проис-

---

[1] См.: *З. В. Удальцова.* Идейно-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV–VII вв.). М., 1974, с. 146–160.

[2] *Б. А. Рыбаков.* Анты и Киевская Русь. — ВДИ, 1939, № 1 с. 330 и след.; Византиски извори..., т. 1, с. 23–33, 188; *П. Петров.* Образуване на българската държава. София, 1981, с. 33, 53.

[3] *Т. Маретић.* Славени у давнини. Загреб, 1889, с. 35.

[4] Со сходным удивлением Прокопий пишет о доблестях своего современника, имперского полководца, герула по происхождению — Фараса. См.: *Procop. Caesar.* Opera omnia, v. I, p. 436.29–31. (IV, 4, 29). О похвальных отзывах Прокопия в адрес военачальников-«варваров» по происхождению см.: *З. В. Удальцова.* Прокопий Кесарийский и его «История войн с готами». — В кн.: Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1953, с. 39, 40.

хождение стратига Хилбуда намекает, на взгляд Г. Диттена, также эпизод с антом-самозванцем, хотя этот намек высказан у Прокопия косвенно (indirekt). Стремясь к строго выверенной, объективной позиции, Г. Диттен специально отмечает, что факт участия Хилбуда в боях со склавинами и антами не может служить доводом против славянского происхождения этого военного (участие «варваров» на службе империи в войнах со своими соотечественниками — явление ординарное для того времени, многократно отмеченное в трудах того же Прокопия).

Особо выделяет Г. Диттен и те свидетельства Прокопия, которые использовались как доводы против славянского происхождения стратига (префекта претория — ?) Фракии Хилбуда. Это прежде всего указание историка на то, что он был «знатной персоной» и принадлежал до назначения на указанный пост к «дому» (?) или «двору» (?) Юстиниана (выше мы привели эти выражения Прокопия). Опираясь именно на эти данные, М. Ю. Брайчевский уверенно заявляет, что этот Хилбуд был «византийским полководцем, притом человеком, близким к императорскому двору... и к тому же знатным лицом... Считать его антом нет никаких оснований (хотя само имя его можно считать славянским».)[1] Сравнив эти две позиции, сам Г. Диттен склоняется все-таки к первой точке зрения, хотя и с колебаниями — «wenn er slawischer Herkunft war, wie anzunehmen ist».[2]

Итак, нам предстоит, во-первых, показать, насколько убедителен только что приведенный аргумент против славянского (антского) происхождения Хилбуда, и, во-вторых, выяснить, исчерпаны ли полностью все данные Прокопия на этот счет в исторической литературе.

Что касается первой задачи, то совершенно очевидно, что решающее значение имеет истолкование употребленного Прокопием термина οἰκία (дом? двор? дворец? усадьба? вилла? и т. п.). Было бы напрасной тратой времени исследовать значение термина οἰκία безотносительно к словарю самого Прокопия. Сам же этот византийский писатель дважды использовал слово οἰκία в другом месте в значении «усадьба», «владение», «дом» в широком смысле как совокупность владений вместе с находящимися в них и подвластными хозяину обитателями: Велисарий командовал не только вверенными ему императором войсками, но и сам выставил 7 тысяч всадников «из (своего) дома» (ἐκ τῆς οἰκίας).[3] Упоминает Прокопий и об отроке-готе ἐκ τῆς Τουτίλα οἰκίας, сопровождавшем спасавшегося бегством господина (τῷ δεσπότῃ).[4]

---

[1] *М. Ю. Брайчевский.* К истории расселения славян на византийских землях. — ВВ, 1961, XIX, с. 129.

[2] *H. Ditten.* Slawen im byzantinischen Heer von Justinian I. bis Justinian II. — Studien zum 7. Jahrhundert in Byzanz. Probleme der Herausbildung des Feudalismus. — Hrsg. v. H. Köpstein, F. Winkelmann. B., 1976, S. 78.

[3] *Procop. Caesar.* Opera omnia, v. II, p. 301.2–3 (VII, 1, 20).

[4] Ibid., p. 658.22–23 (VII, 32, 24). Оба эти случая нам указаны С. А. Ивановым, которому мы, пользуясь случаем, хотим выразить здесь благодарность.

В выражениях, сходных с теми, в которых сказано о стратиге Хилбуде, говорит Прокопий и о возлюбленном Антонины, жены Велисария, Феодосии «из подворья некоего из евнухов» (ἐκ οἰκιδίου τῶν τινος εὐνούχων)[1] (всякая мысль о каком-либо близком родстве Феодосия с евнухом вряд ли здесь уместна вообще). Итак, для нас представляется очевидным, что ссылка на факт принадлежности Хилбуда к «дому» Юстиниана не может служить доводом против славянского происхождения этого приближенного к императору человека.

Что же касается вопроса о знатности Хилбуда, то мы не разделяем категоричности суждения М. Ю. Брайчевского, хотя его и поддержал Г. Диттен.[2] Юстиниан I действительно не останавливался перед выдвижением на высокие посты способных и нужных ему людей, невзирая на их социальное происхождение. Однако вряд ли можно сомневаться в том, что привлечь благосклонное внимание императора и его доверенных людей имел больше шансов не простой воин-храбрец, «варвар» по происхождению, а именно отличавшийся среди «варваров», помимо прочего, знатностью своего рода, тем более что такие видные «варвары»-изгои и перебежчики являлись на службу империи во главе отряда своих соотечественников или иных «варваров», как, например, полководцы Юстиниан I Мунд и Фарас.[3] Так что предположение Б. А. Рыбакова, что стратиг Хилбуд мог принадлежать к родовой антской знати, скорее закономерно, чем произвольно.

Теперь мы попытаемся показать, что информативные возможности повествования Прокопия о двух Хилбудах, в том числе об этническом происхождении префекта претория (?) Фракии, отнюдь не исчерпаны. Коренятся эти возможности, на наш взгляд, в логике поведения (как она отражена у Прокопия) участвовавших в эпизоде с антом-самозванцем лиц, как византийцев, так и славян (при этом, разумеется, нельзя забывать, что утонченный византийский автор, сколь он ни презирал «варваров», нигде в своих трудах не отказывал им в способности логически мыслить). Иными словами, мы постараемся конкретизировать тот косвенный намек на славянское происхождение полководца Хилбуда, который имеется в рассказе Прокопия и о котором вскользь упомянул Г. Диттен.

Прокопий основывал свою версию истории с самозванцем, скорее всего, на показаниях членов антского посольства 545 г. в Константинополь, прибывшего сюда вместе с вернувшимися византийскими послами и вместе с лжестратигом, и на результатах дознания по делу «коварного» ромея, который также тогда был доставлен в столицу империи и подвергся обвинению и со стороны византийских деятелей, и со стороны антов как главный виновник возникшего недоразумения, грозившего осложнениями в установлении столь необходи-

---

[1] *Procop. Caesar.* Historia arcana. Ed. H. Mihăescu. Bucureşti, 1972, p. 44. 17–18.

[2] *М. Ю. Брайчевский.* Указ. соч., с. 129–130.

[3] *Procop. Caesar.* Opera omnia, v. I, p. 62.11–12 (I, 13, 19); 131.7–8 (I, 24, 41).

мых империи в то время союзнических отношений с антским племенным объединением. Осложнения, видимо, действительно имели место: анты не приняли предложения Юстиниана I обосноваться в Туррисе, поскольку Хилбуд оказался не опытным прославленным (страшным и склавинам, и протоболгарам) полководцем, а подозрительным самозванцем, всего лишь простым, хотя и храбрым, воином-антом. Тем не менее инцидент не помешал оформлению союзнических отношений антов с империей — именно 545-м годом датируют заключение союза антов с Византией, который они соблюдали вплоть до 602 г., когда сам термин «анты» в последний раз упоминается в византийских источниках.[1] В этой ситуации пленник анта — ромей явился «козлом отпущения», весьма удобной обеим сторонам фигурой для обвинения, на мнимое, как мы попытаемся показать, коварство которого и была взвалена вся вина за опасную путаницу.

Придерживаясь этой официальной версии событий, Прокопий неоднократно противоречит сам себе. Ромей будто бы заранее знал, что молодой пленник склавинов — ант не был полководцем, но и не страшился разоблачения, толкнув господина на путешествие к склавинам, на крупные расходы и участвуя в доставке анта на его родину, в места расселения его соотечественников. Господин ромея будто бы верил и тому, что Хилбуд боится сознаться, кто он, находясь «среди варваров», и тому, что император дает «варварам» большой выкуп за своих плененных ими полководцев. Как следует из сказанного, стратиг Хилбуд — как будто не «варвар», но, согласно логике рассказа Прокопия, даже византийские послы не распознали, что «варвар» Хилбуд — не имперский полководец.

Все эти и иные несоответствия в рассказе Прокопия находят, по нашему мнению, вполне логичное объяснение лишь при признании того факта, что всем участникам рассматриваемых событий было отлично известно о «варварском» происхождении стратига Фракии Хилбуда.

Мы представляем себе ход событий следующим образом. Убившие стратига Хилбуда в своей земле склавины прекрасно знали его, вплоть до его характерных манер и особенностей поведения (именно во время пребывания в плену у склавинов молодой ант не только изучил латинский воинский жаргон, общаясь с ромейскими пленниками,[2] но и личные привычки своего тезки). Поэтому склавинам и в голову не могло прийти путать этих двух лиц. Сделать это могли прежде всего византийцы, в боях с которыми, т. е. на имперской территории, южный ант и добыл себе воинскую славу, которая разнеслась в первую

---

[1] *H. Ditten.* Zur Bedeutung der Einwanderung der Slawen. — In: Byzanz im 7 Jahrhundert. Untersuchungen zur Herausbildung des Feudalismus. B., 1978, S. 93.

[2] Напомним, что и протоболгарин Мавр, никогда не бывавший в империи, знал греческий язык еще до того, как там оказался в 680-х годах. См.: *P. Lemerle.* Les plus anciens recueils des miracles de Saint Démétrius. I. Le Texte. P., 1979, p. 229.18–22, 229.1–230.2.

очередь среди ромеев, чему способствовало совпадение имен: досужая молва превратила погибшего стратига в перебежчика к «варварам» — «пока Хилбуд был с ромеями, они одолевали славян, а теперь, когда он со славянами, стали терпеть поражения». Поверить в это было легко именно потому, что и стратиг был славянином по происхождению. Эту версию о стратиге Хилбуде плененный антами ромей знал еще до набега антов на империю и искренне верил в нее. Поэтому-то ни его, ни его господина не смутило — при самом близком и непосредственном знакомстве с выкупленным Хилбудом — его явно «варварское» (антское) происхождение. Не смущало, как видно, это обстоятельство впоследствии также и других антов и самих византийских послов (именно потому, подчеркиваем еще раз, что они знали об антском происхождении стратига Фракии). Поверить в то, что мнимый стратиг страшится признаться, кто он, можно было, по нашему мнению, также лишь по той причине, что он был антом и, отказавшись от власти своих соотечественников, боится испытать на себе их гнев, как изменник и предатель, возглавлявший ромеев в их вылазках на левый берег Дуная и беспощадно избивавший свои соплеменников. Такой образ мыслей, будь Хилбуд подлинным стратигом, как оказалось, не соответствовал истинным намерениям антов, но субъективно опасения пленника (и раба) представлялись бы вполне оправданными.

Обращает на себя внимание тот факт, что юный ант не нашел возможностей на родине убедительно доказать, что он соотечественник антов, их бывший соратник в битвах и теперь, в соответствии с законом, должен обрести свободу. Конечно, причиной этого была не только изоляция пленника в доме анта-господина. Следует, видимо, не упускать из вида свидетельство Прокопия о рассеянном характере поселений склавинов и антов, живущих вдали друг от друга на обширной территории.[1] По всей вероятности, выкупленный ант принадлежал не к тому племени или союзу племен антов, который располагался ближе к устью Дуная, а к более отдаленному. Контакты между разными антскими объединениями были, возможно, еще эпизодическими и устанавливались лишь на время совместных военных действий против общего врага (война со склавинами, набег на земли империи). Этим и можно объяснить, на наш взгляд, то обстоятельство, что выкупленный и доставленный к антам Хилбуд не мог апеллировать ни к сородичам, ни к знавшим его соплеменникам.

Что касается пленного ромея, инициатора всей истории с самозванцем, то его расчет обрести свободу по завершении всего дела и вернуться на родину, как явствует из повествования, ни у кого не вызывал сомнения, как и у самого Прокопия: видимо, ромей был убежден, что его добрый господин, получив большой выкуп, с миром отпустит его из благодарности вместе с Хилбудом. Как позволяет догадывать-

[1] *Procop. Caesar.* Opera omnia, v. II, p. 358.20–26.

ся текст в конце рассказа Прокопия, расчет ромея почти оправдался — он, видимо, сопровождал Хилбуда в Константинополь и при дознании особенно упорно подчеркивал, что мечтал об избавлении из плена и рабства.

Поведение юного анта Хилбуда также не может найти объяснения без допущения, что и славянам, и ромеям было известно антское происхождение стратига. Сначала Хилбуд всеми силами стремился рассеять возникшее недоразумение: он хотел жить свободным на родине, у своих, кроме того, он опасался, что в империи ошибка анта обнаружится и на нем самым тяжким образом может отразиться гнев императора, затратившего на выкуп огромную сумму. На решительное изменение его позиции подействовало несколько обстоятельств: во-первых, он исчерпал все свои доводы, а ему угрожали уже все анты, участвовавшие в собрании и исполнившиеся больших надежд, с ним связанных; во-вторых, с приездом византийского посольства он убедился, что и сами ромеи допускают его идентичность с ромейским стратигом; в-третьих, в перспективе теперь была не чреватая опасностью его выдача ромеям, а пребывание вместе с соотечественниками в Туррисе, да еще в роли военачальника пограничного ромейского отряда, который должен был помогать антам в борьбе с врагами империи (мы не думаем, что анты настаивали на «восстановлении» Хилбуда в должности префекта претория провинции Фракия).[1] К тому же, судя по всему, и по внешнему виду, и по возрасту между обоими Хилбудами не имелось разительных отличий, хотя со времени гибели стратига прошло 12 лет: видимо, он погиб, будучи еще молодым человеком.

Согласившись играть чужую роль, согласно желанию искренне заблуждавшихся антов, Хилбуд все-таки боялся разоблачения — потому-то он тщательно и заучил манеры и привычки погибшего стратига. Но его уловки не помогли. Примечательно, что и Нарсес раскрыл обман, так сказать, не с первого взгляда на «варвара»: не будучи, вероятно, знаком раньше лично с префектом претория Фракии, Нарсес отлично знал детали военных событий 30-х годов, в том числе событий, связанных с действиями истинного стратига Хилбуда, и в личной беседе с антом-самозванцем раскрыл обман. Суровость обращения Нарсеса с самозванцем (полководец, несмотря на то, что Хилбуда, конечно, сопровождали антские послы, заключил его в тюрьму и принудил обо всем рассказать, а затем доставил в Константинополь) ясно свидетельствует о том, что полководец, отличавшийся умом и талантом, придал происшедшему серьезное значение. Он, скорее всего, усмотрел в действиях антов сознательный обман, опасный для империи. Еще Г. Вернадский высказал предположение, что с помощью самозванца анты втайне рассчитывали обосноваться впоследствии

[1] Таково заключение М. Ю. Брайчевского. Не разделяем мы и его мнения о том, что анты заняли Туррис и их господство здесь якобы закреплено империей юридически (*М. Ю. Брайчевский.* Указ. соч., с. 128).

во Фракии.[1] И эта точка зрения до сих пор находит себе сторонников.[2] Отрицать вероятность намерений антов уже в это время поселиться во Фракии, видимо, не приходится — все последующие отношения славян с империей подтверждают такого рода устремления «варваров». Однако мы не решаемся присоединиться к догадке Г. Вернадского, что такой план анты задумали в надежде на интригу именно с самозванцем. Но если даже разделить и это предположение, следует с необходимостью признать, что оба Хилбуда были антами (т. е. славянами) по их этническому происхождению.

В заключение подчеркнем еще раз, что рассказ Прокопия дает все основания для вывода, что стратиг Хилбуд, обеспечивавший безопасность Фракии в 530–533 гг., был родом ант и оказался среди челядинцев Юстиниана (может быть, еще отроком или юношей, как пленник или перебежчик), доказав ему свою преданность и заслужив к 530 г. большое доверие императора. Не исключено, что к «дому» Юстиниана этот Хилбуд принадлежал еще до воцарения этого императора в 527 г.

Сообщение Прокопия, что набеги склавинов и антов на империю начались лишь в 527 г.,[3] не опровергают сделанного предположения: 527 г. — дата не первых контактов Византии со славянами, а начала военных столкновений с ними. Пока, таким образом, мы не видим сколько-нибудь веских доводов против антского (славянского) происхождения имперского стратига Хилбуда.

[1] *G. Vernadsky.* Ancient Russia. New Haven, 1944, p. 170. Давно известен найденный в Константинополе мраморный крест (его датируют VI в.). В надписи на нем сказано, что под крестом покоится «Хиливудис, сын Санватия. Умер 28 ноября 7-го индикта. Жена Хиливудиса» (см.: *Й. Иванов.* Надгробният надпис на Хилвуда. — В кн.: Периодическо списание на Българското книжовно дружество в София. София, 1902, т. 62, с. 64). После 533 г. (время гибели стратига Хилбуда) 7-й индикт в VI в. приходился на 543, 558, 573, 588 гг. Т. е., крест стоял на могиле не стратига Хилбуда, а, возможно, Хилбуда-самозванца, оставшегося до смерти в империи (если только датировка надписи VI в. верна), или же какого-то третьего Хилбуда (надо полагать, славян, в том числе антов, было на службе империи немало).

[2] Византиски извори..., т. 1, с. 31, бел. 42; *П. Петров.* Указ. соч., с. 53, бел. 47. Ср.: *Е. Михайлов.* Склавини и анти в долнодунавските земи. — Годишник на Софийския университет, Филос.-истор. фак-тет, 1972, т. 64, кн. III, с. 34–39.

[3] *Procop. Caesar.* Historia arcana, p. 148.20.

Известия Менандра Протиктора об отношениях аваров и славян

Цель данной статьи — кратко прокомментировать несколько сообщений Менандра, ранневизантийского автора (современника описываемых им событий), об отношениях аваров со славянами Поднестровья и левобережья Нижнего Дуная.

Известия эти анализировались учеными несчетное число раз, однако выводы, которые при этом делались и делаются, нередко прямо противоположны. К сожалению, этническое происхождение исследователя (славянина или не славянина), вольно или невольно отражалось и отражается на его научной позиции в этом вопросе. Подавляющее большинство авторов (среди которых преобладают представители славянских стран) решительно высказываются в пользу концепции, согласно которой влияние или воздействие аваров во время их движения из Приазовья до правобережья Дуная не имело для славянских племен (и союзов племен) существенных последствий: антский союз, хотя и потерпел поражение от аваров, не распался под их ударами в этот период (557–565) и сохранил свою самостоятельность, что же касается славян левобережья Нижнего Дуная, то их поселения не были в то время вообще затронуты аварскими нашествиями и славяне этих мест не оказались зависимыми от аваров. Согласно другой концепции, авары начали создание своей «державы» чуть ли не с начала своего движения на запад; во всяком случае, начиная с Восточного Приазовья, с подчинения утигуров, затем кутригуров и, наконец, славян [1] Подунавья в целом. Подробно рассмотрение этих концепций

[1] Мы оставляем здесь в стороне сложный вопрос о легендарном известии летописи об отношениях аваров с племенем дулебов: оно отражает события, крайне трудные для локализации и во всяком случае относящиеся к более позднему времени, чем те, о которых идет речь в данной статье (*A. Avenarius*. Die Awaren in Europa. Bratislava, 1974, S. 193–217).

в историографии на время до 1978 г. сделано в обстоятельной работе Г. Диттена.[1] Осуществлялись эти обзоры и позднее — в трудах Д. Ангелова,[2] П. Петрова,[3] П. Лемерля,[4] С. Садецки-Кардоша[5] и др.[6]

Заново указанная проблема исследована в комментарии С. Р. Тохтасьева и И. А. Левинской к аваро-славянским эксцерптам Менандра. Отвлекаясь от старой и новой историографии, авторы в целом разделяют вторую концепцию, допуская подчинение славян левобережья Нижнего Дуная аварами, во всяком случае, с 578/579 гг.[7]

В связи с историей вопроса упомянем, наконец, что в декабре 1987 г. на Международном симпозиуме, организованном университетами Парижа и Бордо в Бад-Хомбурге на тему «К происхождению славянских культур», бельгийский ученый П. А. Яннопулос прочитал доклад «Менандр о славянах», в котором защищал тезис о неподвластности славян бывшей римской провинции «Дакия» аварам ни до похода против них аваров в 579 г., ни после него.[8]

Важность трактуемой проблемы нам представляется кардинальной, несмотря на ее кажущийся локальный интерес: необходимо выяснить, в каких условиях происходило развитие тех славянских военно-политических объединений во второй половине VI в., которые вскоре приняли непосредственное и самое активное участие в формировании раннесредневековых государств, в частности Первого Болгарского царства.

Итак, обратимся к текстам эксцерптов Менандра, сконцентрировав внимание на трех вопросах (и соответствующих пассажах источника): 1) столкновение аваров с антами; 2) отношения аваров со славянами левобережья Нижнего Дуная; 3) представления кочевников-аваров относительно своих прав на господство над иными народами.

«Когда предводители антов, — пишет Менандр, — оказались в бедственном положении и, вопреки их собственным надеждам, были согбены несчастьем, авары тотчас начали опустошать [их] землю и грабить [их] страну. Итак, измученные набегами врагов, анты отправили к ним послов, избрав для посольства Мезамира, сына Идаризия, брата Келагаста, и просили о выкупе некоторых плененных в бою своих соплеменников. Итак, когда посол Мезамир, будучи болтли-

---

[1] *H. Ditten*. Zur Bedeutung der Einwanderung der Slawen. — Byzanz im. 7. Jahrhundert. Berlin, 1978, S. 89–91.

[2] *Д. Ангелов*. Образуване на българската народност. София, 1981, с. 90–131.

[3] *П. Петров*. Образуване на българската държава. София, 1981, с. 25–58.

[4] *P. Lemerle*. Les plus anciens recueils des Miracles de saint Démétrius. V. II. Commentaire. Paris, 1981, p. 50, S. 219–234.

[5] *S. Szadadecky-Kardoss*. Avarica. Über die Awarengeschichte und ihre Quellen. Szeged, 1986, S. 143–213.

[6] См., напр.: *О. В. Иванова, Г. Г. Литаврин*. Славяне и Византия. — Раннефеодальные государства на Балканах. VI–XII вв. М., 1985, с. 34–98.

[7] Свод древнейших письменных свидетельств о славянах. М., 1990. Вып. 1 (в печати).

[8] Доклады, прочитанные на симпозиуме, находятся в печати.

вым и хвастливым, прийдя к аварам, разразился надменной и даже дерзкой речью, тогда известный Котрагир, дружественный аварам, а против антов исполненный лютой ненависти, поскольку Мезамир говорил более высокомерно, чем подобает послу, сказал кагану: "Сей муж обрел величайшее влияние среди антов, он способен противостоять любому из своих врагов. Поэтому нужно его убить, а затем беспрепятственно совершать набеги на чужую землю". Послушавшись его, авары, пренебрегши уважением к послам и ни во что поставив право, убили Мезамира. С тех пор чаще, чем раньше, они разоряли землю антов и не прекращали порабощать, уводить и грабить».[1]

Приведенный отрывок в контексте изложения у Менандра находится между сообщениями об отправлении ответного посольства Юстиниана I на посольство аваров 558 г. и о победе аваров над утигурами, с одной стороны, и о втором посольстве аваров в Константинополь уже из Подунавья — с другой, т. е. приведенное известие об антах датируется временем между 558 и 565 гг. В связи с этим мы добавили бы только, что, судя по тому, что в аварском войске уже находились кутригуры (их представителем, а может быть, и предводителем подчиненного кагану воинского соединения кутригуров мы считаем упомянутого «Котрагира» — советчика), это племя (вслед за утигурами) было разбито и подчинено аварами. Менандр сообщает также определенно о подчинении кутригуров аварами до 565 г.,[2] о воинских отрядах из кутригуров, служивших Баяну в 60-х–80-х годах VI в., когда ставка кагана находилась уже в междуречье Дуная и Тисы.[3] Иначе говоря, скорее всего авары включили в свои полчища часть разбитых ими около 560 г. кутригуров и нападали на антов, уже используя их силы, их знания об антах, поскольку, как явствует из приведенного текста, кутригуры до прихода аваров сталкивались с антами и эти столкновения не всегда были для кутригуров благоприятными.

Согласно точному смыслу рассматриваемого здесь отрывка, вначале в бедствиях антов и в несчастьях их вождей были повинны не авары (причины бед не названы: можно предположить, что это были либо внутренние смуты, либо эпидемии, либо нападения иных врагов — скорее всего протоболгар). Авары лишь воспользовались бедами антов и добились перевеса в войнах с ними, захватив в плен также видных у антов людей. Судя, однако, по поведению Мезамира, делать вывод о подчинении антов после этих первых столкновений невозможно. Правда, после срыва каганом переговоров с антами и убийства их посла Мезамира авары нанесли антам еще несколько тяжелых ударов и опустошили их земли, но и здесь нет и намека на какое бы то ни было покорение антов аварами, на уплату ими аварам дани и т. п. Весьма слабо, на наш взгляд, подкреплены догадки И. Сорлен,

---

[1] Гръцки извори за българската история. София, 1959, т. II, с. 235. (далее — ГИБИ).

[2] Там же, с. 225 (Менандр).

[3] Там же, с. 249.

что авары на своем пути в Паннонию вели с собой (точнее — «толкали перед собой») полчища антов и славян из «Дакии» (разумеется, подчинив их).[1] Процитированное свидетельство Менандра об антах дает основание лишь к предположению, что аварам удалось увести с собой немало антских пленников и что союз антов с империей, формально, может быть, сохранявшийся, не давал в это время ни антам, ни Византии какой-либо реальной выгоды.

Совершенно неясным остается, однако, вопрос о том, каких антов, какое их племя или племенной союз представляли Мезамир, Идаризий и Келагаст. Позднее (на рубеже VI–VII вв.) союзными империи антами являлись скорее всего анты Среднего Поднестровья, так как ими не могли быть те анты, которые жили на левом берегу Дуная, потому что император Маврикий в своем «Стратегиконе» рассматривает их не как союзников, а как врагов империи.[2] В то же время анты-союзники располагались сравнительно недалеко от устья Дуная: они быстро приходили на помощь войскам империи в их действиях на Балканах, а авары считали вполне возможным свой собственный поход против них из Паннонии.[3] Впоследствии анты Поднестровья появились на арене истории под наименованием «тиверцы».[4]

Что же касается археологических свидетельств о присутствии антов во второй половине VI–VII в. в разных районах Балканского полуострова, то это явление могло быть совершенно независимым от действий аваров, как независимо от них славяне (и анты в том числе) совершили множество походов на империю в эту эпоху. Так, например, антские фибулы во множестве обнаружены в районе переправы через Дунай, несколько ниже Железных ворот, на что обращает внимание И. Сорлен,[5] полагая, что антов привели сюда с собой авары, но она не пишет о том, что о переправе аваров через Дунай в этом именно районе и в это время — хотя бы об одной — нет решительно никаких данных. В частности, в начале правления Юстина II (565–578) авары перешли через Дунай (на пути к междуречью Савы, Дравы и Дуная), не проходя через левобережную долину реки до Железных ворот, а переправившись в низовьях в Малую Скифию (Добруджу: ἐν τῇ Σκυθίᾳ περαιωθείς),[6] как об этом определенно сказано у того же Менандра.[7] Анты, являвшиеся союзниками империи и врагами аварского каганата и в 60-х, и в 90-х годах VI в. (когда они действительно

[1] *I. Sorlin.* Slaves et Sclavènes avant et dans les miracles de saint Démétrius. — *P. Lemerle.* Les plus anciens recueils. Appendice II. V. II, p. 231–232. Ср.: p. 52 (P. Lemerle).

[2] ГИБИ, т. II. С. 280–289.

[3] Там же, с. 353–354 (Феофилакт Симокатта).

[4] *В. В. Седов.* Восточные славяне. М., 1982, с. 28, 129–130. Подробнее об этом см.: *Г. Г. Литаврин.* О походе аваров в 602 г. против антов. — Славяне и их соседи. Международные отношения в эпоху феодализма. М., 1989, с. 15–33.

[5] *I. Sorlin.* Slaves..., p. 233.

[6] Ср.: *П. Петров.* Образуване..., с. 70, 83.

[7] ГИБИ, т. II, с. 247.

оказывали серьезную военную помощь империи в войнах с аварами), представляли одно и то же, по нашему мнению, объединение (на Среднем Днестре). Говорить, опираясь на Менандра, о полном разгроме этого союза аварами при их движении от Приазовья к Придунавью и о длительном его упадке после аварского погрома было бы, по нашему мнению, неосторожно.

Об отношениях аваров со славянами левобережья Дуная Менандр упоминает в связи с тремя событиями: посольством кагана к вождю славян Даврите (Даврентию–Добренту?), походом аваров против славян на левый берег Нижнего Дуная в 579 г. и борьбой аваров с византийцами (ромеями) за обладание Сирмием.

Посольство к Даврите хронологически, несомненно, наиболее раннее из упомянутых событий, однако датировка его крайне затруднена. Некогда мы относили его примерно к тому же времени, когда авары принимали посольство Мезамира, т. е. когда они еще не перешли на правый берег Дуная.[1] Полностью возможность такой датировки мы не исключаем и теперь, но предпочитаем все-таки несколько более позднюю дату.

Однако приведем сначала свидетельство Менандра о посольствах кагана к Даврите. Сообщение это содержится в рассказе о походе аваров против славян. В год воцарения императора Тиверия I (5 октября 578 г.), когда основные силы империи были заняты тяжелой войной с персами, славяне «Дакии» совершили опустошительный набег на балканские провинции империи. Тиверий, хорошо знавший кагана Баяна со времени, когда возглавлял военные силы империи на Дунае в правление Юстина II, и принявший во внимание, что каган занял дружественную позицию в отношении к империи, предложил Баяну совершить поход против славян «Дакии». Каган согласился. Тиверий послал к аварам флот империи (имевший стоянки выше Железных ворот), который и перевез в 579 г. вниз по Дунаю (а может быть, также по Тисе) 60 тыс. аварских конников «до земли ромеев». Затем уже по суше аварская конница была проведена по правому берегу реки вплоть до Малой Скифии, где и была переправлена другой византийской флотилией на левый берег. Каган напал на поселения славян, сжигая их, разорял поля, грабил имущество. Славяне же не приняли боя с аварами: бросив свои поселения, они укрылись в лесах. Поход против славян, пишет далее Менандр, Баян совершил не только из-за просьбы Тиверия, «но и потому, что те были ему ненавистны из-за личной вражды». Каган отправил послов к их вождю Даврите «и ко всем управителям народа, повелевая им подчиниться аварам и причислить себя к плательщикам дани». Даврита же и все другие вожди славян гордо отвергли недостойные их (славян) свободолюбия и военной мощи домогательства (пересказывается, видимо, сочиненная Менандром в этом духе речь Давриты). Вспыхнула ссора с послами кагана, и они были убиты, «как об этом иными путями

[1] *О. В. Иванова. Г. Г. Литаврин.* Славяне..., с. 49–50.

стало известно Баяну. Именно поэтому, выдвигая издавна против славян это обвинение, питая втайне к ним вражду и негодуя также потому, что *они не стали его подданными* и что он претерпел от них невыносимые обиды», каган надеялся, кроме того, «обнаружить [их] страну богатой, так как земли ромеев уже давно «[опустошались] славянами... а их земли — *ни одним из каких-либо иных народов*...».[1]

Вскоре после этого похода, вероятно, в том же 579 г., отношения аваров с империей резко ухудшились: каган начал борьбу с ромеями за расположенный на левом берегу Савы город-крепость Сирмий, преграждавший аварам доступ вглубь империи, во Фракию, Мисию и Малую Скифию. В 582 г. борьба вступила в решающую стадию. Город был блокирован аварскими войсками, а путь по реке перехвачен двумя «мостами», построенными и выше, и ниже города. Пытаясь как-то замаскировать свои истинные планы, Баян вел интенсивные переговоры с императором и его полководцами в Белграде и Сирмии, уверяя ромеев, что переправы наведены с намерением действовать не против империи, а против славян, что далее он думает пройти по земле ромеев, снова переправиться через Дунай и напасть на славян, как он сделал раньше «ради василевса ромеев», когда «освободил многие десятки тысяч пленников из земли ромеев», уведенных славянами и возвращенных каганом императору. Поэтому Тиверий должен приготовить много судов для переправы аваров через Дунай против славян, «*общих врагов его и ромеев*». Славяне в это время (581–582) действительно «опустошили много областей земли ромеев». Один из послов кагана, возвращавшийся из Константинополя, был убит какими-то из этих вторгнувшихся в империю славян. Каган объяснял свои планы нового похода против дакийских славян также тем, что они оскорбили его, так как не желают теперь (νῦν δέ) «*вносить ему установленную тогда* (συνταχθὲν τηνικαῦτα) с *ними ежегодную плату* (τέλος) и послов аварских, отправленных к ним, убили». Между тем, пока шли переговоры, Баян торопился достроить «мост» и завершить полную блокаду города. Наконец Баян сбросил маску и открыто заявил, что все его действия преследуют цель завладеть Сирмием, он требовал сдать ему город при условии выпустить его защитников и обитателей беспрепятственно с тем имуществом, которое они могут унести в руках. Попытки ромеев, не располагавших достаточными силами, отстоять город с помощью оружия не дали успеха. Город пал.[2]

Ограничим наш комментарий лишь тем аспектом, которому посвящена статья. Вернемся к вопросу о времени посольства кагана к Даврите. Первым доводом в пользу датировки посольства кагана Баяна временем, когда он имел свою ставку уже в Банате, мы считаем то обстоятельство, что славяне левобережья Нижнего Дуная к 579 г. длительное время не подвергались разорению со стороны иных народов. Дело в том, что применительно к 560–565 гг. этого сказать было

[1] ГИБИ, т. II, с. 230–232. Последняя фраза плохо сохранилась в рукописи.
[2] Там же, с. 250–257.

бы невозможно: со времени вторжения в 558–559 гг. в нижнее левобережье полчищ кутригуров Забергана, а затем утигуров Сандилха прошло всего несколько лет. Представляется (и это наш второй довод) невероятным, чтобы аварские полчища, разбившие антов и вобравшие в себя множество подчинившихся кагану кутригуров, не были бы брошены им против славян, если бы они находились по соседству с расположившимися у Дуная аварами в то время, когда Даврита убил послов кагана. Не следует упускать из виду и того, что в условиях непосредственной близости к аварам и доступности для них славянских поселений действия Давриты выглядели бы крайней опрометчивыми (о судьбе антов он не мог не знать). Отметим, наконец, еще одну деталь: об участи своих послов каган узнал как будто не скоро и каким-то «кружным» путем (что кажется сомнительным, если бы авары в то время располагались близ дельты Дуная).

Следовательно, логично допустить, что посольство к Даврите каган направил уже после того, как авары ушли в междуречье Савы, Дравы и Дуная, разбили гепидов, захватили их земли в долине Дравы и в левобережье Савы, вытеснили лангобардов и унаследовали их территорию в Паннонии, подчинили местных славян, стали взимать с них дань и создали свой укрепленный стан в Банате, т. е. между 565 и 568/569 гг. Некоторые исследователи считают наиболее приемлемой датой посольства к Даврите время вскоре после заключения каганом мира с империей в 574 г.[1] Веских доводов в пользу этой даты, однако, привести невозможно. Несомненно, тем не менее, что притязания Баяна к соседям росли вместе с увеличением его военных сил: послы к Даврите были отправлены после каких-то крупных (названных выше) успехов Аварского каганата. Баян *долго* «носил» «обиду» в душе, давно мечтал отомстить славянам и подчинить их своей воле: посольство к Даврите должно быть отделено от похода не 3–4 годами, а более продолжительным отрезком времени. Мы считаем более вероятной датой посольства не 574 г., а конец 60-х годов (568–570).

Вся история подготовки и совершения похода свидетельствует о том, что левобережье Нижнего Дуная было практически (без помощи империи или славян) недоступно аварам. Лишь в редких, эпохальных предприятиях, таких, например, как их переправа в 565 г. в пределы империи, авары были способны организовать переход через реку самостоятельно, ставя эту цель задолго до ее осуществления и заранее готовясь к ее достижению. Переправу через Дунай выше Железных ворот в 568–582 гг. и позже авары осуществляли многократно и без особых затруднений. Но следует учесть, что Дунай здесь менее полноводен, а в наведении переправ и строительстве судов и плотов были заняты в основном подвластные аварам и опытные в такого рода делах «паннонские» и «банатские» славяне.[2] С 565 по 579 гг. авары ни разу не вторглись в нижнедунайскую долину левобережья. Банат,

[1] *П. Петров.* Образуване..., с. 40.

[2] *О. В. Иванова, Г. Г. Литаврин.* Славяне..., с. 56.

находившийся под властью кагана, был отделен от мест расселения «дакийских» славян лишь одним отрогом Южных Карпат. Но авары ни разу не пытались проникнуть в низовья Дуная по суше, по левому берегу реки. Без конницы, пишет Менандр, кочевники («гунны») не могут совершать нападения.[1] Горные перевалы Карпат у Железных ворот, где горы круто обрываются в порожистое (шириной всего в 150 м) русло Дуная (это место часто называли «Катаракты» — пороги), а также в других местах, где горы были еще выше, рассматривались кочевниками как непреодолимое для их конницы препятствие. Не исключено, что горные проходы у Железных ворот на левом берегу были к тому же укреплены славянами и находились под их постоянным контролем, как был буквально «унизан» цепью византийских крепостей правый берег Железных ворот. Перевалы через пологие отроги Стара Планины на правом берегу не представляли трудностей для аваров, и крепости ромеев у Железных ворот стерегли здесь в основном не сухопутные коммуникации вдоль Дуная, а самую реку — они «запирали» ее для прохода любого неугодного ромеям судна. В 601 г., готовясь к переходу на левый берег для войны против союзных империи антов, авары пытались (безрезультатно) взять Катаракты, рассчитывая, видимо, спуститься по реке вниз на плотах или провести через Катаракты свои плавательные средства.[2]

И все-таки плавание через Катаракты представляло серьезные трудности. Отнюдь не случайно в 579 г. этот участок реки был обойден аварами по суше: византийские суда доставили аварские войска до мест, расположенных выше Железных ворот. Здесь авары сошли с судов и двигались вниз вдоль реки по правому ее берегу до Малой Скифии, где снова (другой флотилией) были перевезены на левый берег. Что же касается невольно возникшего вопроса, почему ромеи не переправили аваров ниже Железных ворот, поблизости от них, а не в низовьях реки, то вполне вероятно причиной этого были тактические соображения: неожиданность нападения в большей мере можно было обеспечить именно таким образом, какой был избран каганом и полководцами империи.

Чрезвычайно важно отметить тот факт, что славяне при нападении аваров не оказали им организованного сопротивления. Они уклонились от боя и, бросив свое имущество на разграбление, укрылись в лесах. В упомянутом выше докладе П. Яннопулос обращал особое внимание на это обстоятельство. Он подчеркивал, что славяне не понесли людских потерь, хотя их поля были разорены; они сохранили свой военный потенциал, и едва через два года (в 581–582 гг.) подвергли земли империи вплоть до ее столицы ужасающему разорению.[3] Следующие далее эксцерпты сочинения Менандра, связанные с заключительным этапом борьбы за Сирмий в 582 г., дают основание для нескольких ретроспективных заключений о событиях, которые, по всей вероятности, имели место в период между походами 579 г. и захва-

[1] *О. В. Иванова, Г. Г. Литаврин.* Славяне..., с. 220.
[2] Подробнее см.: *Г. Г. Литаврин.* О походе аваров в 602 г. ...
[3] ГИБИ, т. II, с. 250 (Менандр).

том Сирмия аварами в 582 г. Авары резко упрекали в 582 г. императора за то, что они в течение трех лет не получали от ромеев «отступного» за мир, ежегодного платежа.[1] Мы полагаем, что каган имел в виду 580, 581 и 582 гг. Последний раз перед тем они, следовательно, получили плату от императора после или до похода 579 г. Задержка с выплатой денег, о которой каган стал настойчиво напоминать с 581 г., искусно использовалась им в дипломатической борьбе за Сирмий (каган говорил о συνταχθέντα — уговоренной дани с ромеев).[2] Но, кроме того, вел каган речь и о συνταχθὲν τέλος (φόρος, φορολογία)[3] — «*уговоренном налоге*» (подати, дани, платеже) в пользу аваров и со славян. Что касается дани с ромеев, то об этом имеются — у того же Менандра — вполне определенные сведения: плату император вносил ежегодно, в согласии с договором с аварами, и эта дань за время с 565 по 582 г. возросла с 60 до 80 тыс. золотых (номисм).[4] Но когда и при каких обстоятельствах авары «уговорились» со славянами левобережья Нижнего Дуная о ежегодной дани? О дани с этих славян в источниках (в том числе и у Менандра) не говорилось ранее вообще, после того как домогательства кагана на этот счет в 568–570 гг. были отвергнуты Давритой. Никакой договоренности о дани в тот период достигнуто не было (послы кагана были убиты). Следовательно, согласие славянских вождей (или некоторых вождей) левобережья было вырвано каганом в 579 г. во время его опустошительного похода. Иначе говоря, мы должны допустить, что отнюдь не все славяне укрылись в лесах: часть их, видимо, была взята в плен или была вынуждена вступить в переговоры с каганом, согласилась платить ежегодную дань и обязалась сама доставлять ее аварам (скорее всего натурой). Известно, что выплаты из казны империи авары получали в Константинополе через послов, специально присылаемых каганом с этой целью.[5] В реальность такого же порядка взимания дани со славян левобережья трудно поверить. Вообще это свидетельство об «уговоренной дани» (ее форме, пунктах доставки, порядке сбора и т. д.) ставит перед исследователем множество нелегких вопросов.

Однако с уплатой дани славянами произошло, по-видимому, то же, что и с выплатами из казны империи; в 580 и 581 гг., вопреки уговору со славянами, она не была внесена. В связи с этим в 581 г. каган, вероятнее всего, направил второе посольство к славянам, которое постигла та же участь, что и посольство к Даврите: посланцы кагана были убиты.

Не скрывая своего раздражения против славян и на этот раз и не оставляя мысли о новом походе против отвергнувших его притязания обитателей левобережья Нижнего Дуная, Баян сделал в 582 г., однако, своей главной целью овладение Сирмием. Каган лишь прикрывался разговорами о плане нового похода против славян, об отказе их повиноваться ему, об убийстве послов, о необходимости повторной (как и

[1] ГИБИ, т. II, с. 233, 248.
[2] Там же, с. 250.
[3] Там же, с. 232, 238, 251.
[4] Там же, с. 250.
[5] Там же.

в 579 г.) помощи императора в переправе на левый берег Дуная — на этот раз это была лишь отдаленная перспектива его политики, на первом плане стояло совсем иное.

Нам важно, однако, констатировать, во-первых, что поход 579 г. не подорвал сил военно-политических союзов славян «Дакии»: в 581–582 гг. их нашествие (без всякого вмешательства и какой-либо организующей роли аваров)[1] охватило бóльшую часть Мисии и Фракии вплоть до Константинополя; во-вторых, что в период между 579 и 582 гг. славяне этого региона, как и ранее, не платили аварам никакой дани и не находились от них ни в какой зависимости. То же самое следовало бы сказать и о последовавшем периоде (между 582 и 602 гг.). Но это время — уже за пределами рамок данной статьи: повествование Менандра обрывается на 582 годе.

Перейдем, наконец, к последнему вопросу — о причинах, которые обусловили настойчивые притязания кагана на господство над «дакийскими» славянами, те самые притязания, известия о которых дали некоторым исследователям повод утверждать, что мы имеем дело не с явным политическим и дипломатическим блефом аварского повелителя, а с доподлинной действительностью.

Ответ на этот вопрос мы видим в особенностях представлений о власти, широко распространенных, по-видимому, в ту эпоху среди кочевых народов. Суть этих представлений сводилась к «закону войны», к убеждению в том, что хотя бы единожды в открытом бою побежденный народ становится безоговорочно, безусловно подвластным, оказывается в положении «рабов», статус которых целиком зависит от воли вождя победителей. Каган заявлял, уже находясь в Паннонии, что его рабами являются кутригуры и гепиды, так как он разбил их в бою.[2] Действительно, кутригуры были вовлечены им в свои полчища, двигавшиеся на запад, и он распоряжался ими, приказывая составленным из кутригуров соединениям идти в тот или иной поход.[3] «Паннонские» славяне, испытывая страх перед надсмотрщиками кагана, строили для аваров суда и наводили переправы.[4] Каган был убежден, что к победителю должны перейти все те права, которыми когда бы то ни было ранее пользовались побежденные. Если кутригуры и утигуры получали от империи субсидии или дань в уплату за мир или союз, то, победив эти народы, каган считал себя вправе требовать от императора те суммы, которые он когда-то платил кутригурам и утигурам.[5] Если Сирмием раньше владели гепиды, передавшие в 567 г., за год до их разгрома аварами и лангобардами, этот город империи в надежде на ее заступничество, то — по убеждению кагана — Сирмий должен принадлежать только ему как победителю гепидов.[6] Если кагану удалось совершить несколько удачных походов

[1] Ср.: *I. Sorlin.* Slaves..., p. 231–233.
[2] ГИБИ, т. II, с. 225, 226, 248, 255 (Менандр).
[3] Там же, с. 248.
[4] Там же, с. 317, 318 (Феофилакт Симокатта).
[5] Там же, с. 225 (Менандр).
[6] Там же, с. 225–226.

в середине 80-х годов в Мисию и Малую Скифию, взять Доростол, Банонию, Рациарию и ряд других городов, то он считал себя вправе заявлять императору и его полководцам, что появление войск империи в этих местах — насилие, акт развязывания войны, нарушения мира.[1] «Истр вам чужд, — будто бы говорил он. — Мы взяли его силой оружия».[2] Характерно, что каган претендовал даже на власть над утигурами, которые остались далеко на востоке, в Приазовье, и вскоре после ухода отсюда аваров оказались под властью западнотюркского каганата. Даже император Юстин II пытался обратить внимание кагана на эфемерность его притязаний на власть над утигурами (они почти исчезли как особое племя под ударами врагов).[3] Чрезвычайно показательно, что на сходной позиции стояли и тюрки западного каганата: они резко протестовали против союза империи с аварами, против предоставления им мест поселения в Паннонии, так как авары — их (тюрок) рабы, беглые рабы, поскольку были в свое время разбиты ими (с 559–560 гг.).[4]

До 579 г., в полном соответствии с этой несложной концепцией, Баян не заявлял своих безусловных прав на господство над славянами «Дакии»: он лишь попытался путем дипломатического демарша, путем угроз, заставить их платить себе дань. Славяне «Дакии» еще не были разбиты им, их земля еще не подверглась опустошению аварскими полчищами. Позиция кагана резко изменилась после похода 579 г. (земля славян «Дакии» разорена аварами, какие-то из вождей славян обещали платить дань). Теперь Баян считал себя полновластным господином левобережья Нижнего Дуная и заявлял о своей готовности совершить карательную экспедицию против славян этих мест, так как их отказ платить ему дань наносил ему якобы невыносимую обиду.

Вправе ли исследователь, рассматривая данные об особенностях политического мышления аварского (тюркского) повелителя и о его чисто дипломатических фикциях (порой откровенно ложных), расценивать их как адекватные исторической действительности реалии политической жизни того времени? Конечно, не может. «Дакийские» славяне в период с 558 по 582 г., т. е. в эпоху, нашедшую отражение в сочинении Менандра Протиктора, ни в какой зависимости от аваров не находились.

Следовательно, союзно-племенные объединения славян в этом регионе продолжали развиваться совершенно самостоятельно. И данный вывод, по нашему убеждению, далеко не маловажен для оценки политической ситуации в этом регионе в конце VI–начале VII в., в канун образования так называемого союза «Семь родов» («Семь племен»), а затем и появления в низовьях Дуная протоболгарского объединения Аспаруха.

---

[1] ГИБИ, т. II, с. 321, 322, 327–330, 341, 348–349 (Феофилакт Симокатта).
[2] Там же, с. 341.
[3] Там же, с. 225–226 (Менандр).
[4] Там же, с. 229, 241.

О походе аваров в 602 г. против антов

Известие Феофилакта Симокатты под 602 г. о походе аварского военачальника Апсиха против антов неизменно останавливало и останавливает на себе внимание всех исследователей, занимающихся историей Нижнего Подунавья и Приднестровья в VI–VII вв. и в особенности историей древних славян и аваров. Было бы неблагодарной тратой времени и места перечислять здесь и комментировать множество мнений, догадок и гипотез, выдвинутых в историографии в объяснение событий, связанных с походом Апсиха.

Приведем же это краткое известие:

«Когда приближалось лето 602 г., до автократора Маврикия дошел слух о том, что каган нарочито сделал вид, что он отсрочил войну, чтобы в то время как силы ромеев рассеяны, неким неожиданным переходом напасть на окрестности Византия. Поэтому он приказал стратигу оставить Адрианополь и повелел совершить переправу через Истр. И вот Петр готовится выступить в поход против сил Славинии. Написал он и Воносу (а человек это известный, из царских телохранителей, которого в народе называют обычно скривоном), так как в то время он должен был служить Петру. Суть же письма была в том, чтобы доставить плавательные средства ромеев войскам для переправы через реку. А ипостратигом войска Петр поставил Гудуина. Итак, Гудуин, перейдя реку, убил острием меча множество неприятелей. Взяв же большой полон, он сподобился великой славы. В то время как ромеи затем попытались вернуться в свою землю, Гудуин пока помешал им сделать это. Между тем каган, узнав о походе ромеев, послал Апсиха с войсками, чтобы было уничтожено племя антов, которое оказалось союзным ромеям. Когда это *происходило* (курсив мой. — *Г. Л.*), восстали некоторые соединения аваров и поспешили перейти к автократору. Посему каган при слухе [об этом], забеспоко-

ился и, будучи сильно испуганным, всячески умолял [их] и придумывал разные способы для возвращения восставшего войска».[1]

Сразу вслед за этим отрывком идет пассаж, в котором подробно сообщается о приказе Маврикия осенью 602 г. воинам зимовать в стране славян и о волнениях в войске, вызванных этим приказом. Войско восстало, двинулось на Константинополь, и в конце ноября 602 г. Маврикий был свергнут.

Сообщение Феофана, использовавшего среди прочих источников и сочинение Феофилакта Симокатты, мало добавляет нового к описанию этих событий. Феофан, как кажется, просто сокращает Феофилакта Симокатту в этом месте, не всегда сохраняя точный смысл оригинала. Тем не менее процитируем и это известие:

«Василевс же, узнав, что каган идет на Византий, велел письмом Петру вернуться к Истру и послал скривона Воноса с флотилией переправить войско. А Петр, послав ипостратига Гудуина на ту сторону Истра, захватил большой полон. Узнав об этом, каган послал Апсиха с войском, чтобы он уничтожил племя антов как союзников ромеев. Когда же это *произошло* (курсив мой. — *Г. Л.*), часть варваров перешла к ромеям».[2]

Отмечу важнейшие отличия в свидетельствах Феофана и Феофилакта Симокатты. Грубой ошибкой Феофана мы считаем его заявление, что авары уже шли в направлении к Константинополю, когда Маврикий отдал приказ Петру выступить из Адрианополя к Дунаю. Такой марш кагана был бы равноценен объявлению войны. Особенность же ситуации почти до середины лета 602 г. заключалась в том, что обе стороны усиленно делали вид, что они воздерживаются от войны и стараются не дать повода к обвинению в нарушении формально сохраняемого мира. Известие Феофана позволяет, кроме того, думать, что флот для переправы войска Петра через Дунай был послан из мест, находившихся не на реке, а где-то в ином месте (может быть, в столице). *Ошибочным или небрежным пересказом оригинала представляется свидетельство Феофана, что часть «варваров» перешла на сторону ромеев после того, как Апсих действительно выполнил поставленную каганом задачу.* Феофан не четок также и в том, что пишет о перебежчиках просто как о «варварах», тогда как у Феофилакта прямо сказано об аварах.

Упомянув о походе Апсиха, Феофан употребил (в обороте genit. absol.) совершенный вид причастия прошедшего времени — Τούτου δὲ γενομένου («когда это произошло», т. е. разгром антов Апсихом), тогда как у Феофилакта, источника Феофана, в этом месте использован несовершенный вид причастия — τούτων δὴ γιγνομένων («когда это происходило») и имеется в виду не одно событие (поход аваров против антов), а много других (предшествующих).

---

[1] ГИБИ, т. II. — ИБИ, т. III. София, 1959, с. 153–154.

[2] ГИБИ, т. III. — ИБИ, т. VI. София, 1960, с. 256–257.

К сожалению, большинство исследователей, говоря о походе Апсиха, либо опираются на известие Феофана, небрежно переписавшего здесь Феофилакта, либо, зная обе версии, игнорируют указанные грамматические различия между их сообщениями.

Поэтому в исторической литературе широко распространено мнение, что авары разгромили союзное объединение антов и что именно в связи с этим анты перестали быть союзниками империи и само их имя исчезло из источников.[1] При этом обычно не уточняется, все ли анты входили в «уничтоженный» Апсихом союз и действительно ли рейд аваров в 602 г. коснулся обширных территорий между Подунавьем и Приднепровьем, занятых племенами антов. Иначе говоря, кочующие из работы в работу выводы, касающиеся похода Апсиха, предполагают подлинную катастрофу, которая будто бы постигла восточных славян, и позволяют заключить о чрезвычайном могуществе Аварского каганата, совершавшего карательные экспедиции из своего центра в Паннонии далеко на восток, вплоть до Днепра. Впрочем, высказывались в науке и возражения против столь расширительного толкования известия об аварском походе.[2] Мы некогда допускали поражение лишь одного из союзов антов, ближе других расположенного к Нижнему Подунавью, и прекращение в результате похода аваров союзных отношений антов с империей.[3] В. В. Седов справедливо указал на то, что сообщение Феофилакта не дает никаких оснований для заключения об уничтожении антов Апсихом; более того — археологические свидетельства прямо противоположны: во-первых, не обнаружено никаких следов аварского погрома; во-вторых, антские поселения в междуречье Днепра и Дуная существовали непрерывно в течение VII–VIII вв.[4] Из новейших археологических раскопок известно теперь и об антских древностях, датируемых VI–VII вв., в самом Нижнем Подунавье и во многих других районах Балкан, в том числе в Добрудже.[5]

Вернемся, однако, к процитированным источникам. Констатируем прежде всего то, что представляется очевидным. Такими очевидными фактами, на наш взгляд, можно считать следующие. Приказ Маврикия войскам империи вторгнуться в Славинию, расположенную к северу от Истра, представлял собой превентивную меру, спо-

[1] См., например, из новейших работ: *P. Schreiner*. Theophylaktos Simokates Geschichte. Stuttgart, 1985, S. 357; *М. Ю. Брайчевский*. Восточные славяне в I тысячелетии н. э. Автореферат докторск. дис. Киев, 1988, с. 15–16. Ср.: *L. Waldmüller*. Die ersten Begegnungen Slawen mit dem Christentum und den christlichen Völkern vom VI. bis VIII. Jahrhundert. Amsterdam, 1976, S. 162.

[2] См., например: *A. Avenarius*. Die Awaren in Europa. Bratislava, 1976, S. 162; *О. В. Иванова, Г. Г. Литаврин*. Славяне и Византия. — Раннефеодальные государства на Балканах, VI–XII вв. М., 1985, с. 53.

[3] *О. В. Иванова, Г. Г. Литаврин*. Славяне..., с. 53–54.

[4] *В. В. Седов*. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982, с. 28, 129.

[5] *Ч. Бонев*. Анти и словини в Добруджа през VI в. — Рускобългарски връзки през вековете. София, 1986, с. 56–61.

собную помешать походу кагана на Константинополь. Сам Петр не участвовал в походе за Дунай, оставаясь на правом берегу Истра, несомненно, с частью воинских сил, доверенных ему. Решение кагана направить Апсиха против антов явно мотивировано двумя причинами: походом византийцев за Дунай и тем обстоятельством, что анты были их союзниками. Формально, однако, мир не был нарушен рейдом ромеев за Дунай (они имели на это право по договору с каганом от 600/601 гг.)

И тем не менее ситуация резко обострилась. Хотя каган отсрочил свое выступление против Константинополя сразу после получения известия о переходе войск империи через Дунай, он отправил в поход против антов Апсиха, своего непосредственного военного заместителя (в другом месте Феофилакт называет его «ипостратигом сил аваров»),[1] отделив для него значительную часть войска. Гудуин, задержав возвращение своих войск с взятым им полоном на правый берег Дуная, выполнял скорее всего инструкции Петра. Может быть, уже летом 602 г. Петр знал о замысле императора Маврикия заставить войска империи зимовать в стране славян, хотя приказ об этом был отдан лишь осенью, как пишет Феофилакт, сообщающий тут же, кстати говоря, что войска империи оставались в землях славян вплоть до осени и, лишь узнав о приказе и вознегодовав, воины самовольно вернулись из-за реки и пришли к стоянке войск в Паластоле (у устья р. Вит, впадающей в Дунай против устья его левого притока Олта).[2]

Немало, однако, в известиях Феофилакта и загадок:

1. Почему поход против славян должен был заставить кагана изменить свои военные планы относительно Константинополя — ведь рейды ромеев против славян в этот район в 594 и 596 гг. заботили кагана лишь постольку, постольку он надеялся разделить с ромеями взятую ими у славян добычу?[3] 2. В чем, когда и где анты как союзники оказали помощь ромеям против аваров или готовы были ее оказать? 3. Где находились основные силы кагана во время похода Гудуина и где совершалось присоединение части аваров к войскам императора? 4. Часть какого войска (самого кагана или соединения Апсиха) составляли изменившие кагану отряды? 5. Каким был путь войска Апсиха, выступившего против антов — по правому или левому берегу Дуная? 6. Выполнил ли Апсих поставленную перед ним каганом задачу и вообще достиг ли Апсих мест расселения антов? Разумеется, не на все эти вопросы возможны аргументированные ответы. Попытаемся, однако, ответить хотя бы на часть из них.

1. А. Н. Авенариус полагает, что, не доводя дела до открытого столкновения, каждая из враждующих сторон пока выступила против союзников друг друга: ромеи напали на союзных кагану славян

[1] ГИБИ, т. II, с. 354.
[2] Там же, с. 354.
[3] Там же, с. 328–330, 341, 348, 352.

за Дунаем, а авары — на союзных ромеям антов.[1] Иначе говоря, и та и другая сторона обязывала славян и антов помогать им в войне, но не брала на себя подобных обязательств в отношении к ним. Эта гипотеза вполне закономерна, однако необходимо сначала обосновать тезис о том, что «дакийские» славяне (а А. Авенариус имеет в виду именно их) были подлинно союзниками кагана. Тот факт, что каган многократно заявлял свои претензии на господство над этими славянами, отнюдь не означал, что именно так обстояло дело в действительности и что славяне бывшей Дакии выполняли в это время его приказы и помогали *именно ему* в своих набегах на земли империи. Одновременность враждебных действий против ромеев аваров и «дакийских» славян еще не доказательство того, что славяне Дакии были подвластны кагану.[2] Сколь каган ни провозглашал, что «дакийские» славяне — его «подданные», и сколь он ни претендовал на получение с них дани, он пока не подкреплял свои домогательства никакими действенными мерами, и славяне Дакии чувствовали себя совершенно независимыми от кагана. Лишь во время своих вторжений в пределы империи, в то же самое время, когда и аварские полчища рыскали по имперским провинциям на Балканах, славяне Дакии могли испытывать влияние кагана и содействовать ему в его военных предприятиях. Так, вполне вероятно, что до начала VII в. они уже помогали (в 586 г.) кагану в осаде Фессалоники.[3] (Ч. Бонев заключает, что археологические данные позволяют говорить о единовременных акциях в Добрудже аваров и славян в конце VI в.).[4]

Во всяком случае невозможно, по нашему мнению, говорить о «дакийских» славянах как о части воинских сил кагана. Самое большее, что мы можем здесь допустить, — это осведомленность кагана накануне его похода на Константинополь о предполагавшемся одновременном выступлении славян Дакии против империи. Вряд ли акция ромеев против славян была главной причиной отсрочки нападения кагана на Фракию (и самую столицу Византии) и отправки им в поход Апсиха — ему предписывалось не помогать славянам Дакии против напавших на них ромеев, а почему-то — «уничтожить» союзных империи антов, о которых как о ее соратниках на рубеже VI–VII вв. в борьбе с аварами источники не сообщают вообще ничего. Видимо, поход ромеев за Дунай имел целью не только предупредить нападение славян,

---

[1] *A. Avenarius.* Die Awaren..., S. 108–109.

[2] По мнению Л. Вальдмюллера (*L. Waldmüller.* Op. cit., S. 160), поведение кагана летом 602 г. свидетельствует о его отказе от притязаний на господство над «дакийскими» славянами. Ср.: *I. Sorlin.* Slaves et Sklavènes avant et dans les miracles de saint Démétrius. Appendice III, dans: *P. Lemerle.* Les plus ancients récueils des miracles de saint Démétrius, V. II. Commentaire. Paris, 1981, p. 233.

[3] *I. Sorlin.* Op. cit, p. 233; *О. В. Иванова.* Славяне и Фессалоника во второй половине VII в. по данным «Чудес св. Димитрия». Славянские древности. Киев, 1980, с. 81–90.

[4] *Ч. Бонев.* Указ. соч..., с. 59.

но и объединить (в чем, по всей вероятности, и состояло главное) силы империи с ополчением антов. Так расценил, как видно, ситуацию и каган. Отнюдь не считая кампанию лета 602 г. против империи проигранной, он решил предварительно расправиться с антами.

2. О каком же из славянских регионов, населенных антами, могла при этом идти речь? У Железных Ворот (Катарактов) археологи обнаружили немало типично антских фибул.[1] Неясно, однако, обронены ли они были тут во время совместных походов с ромеями против аваров, или же в ходе своих самостоятельных военных предприятий. Судя по дальнейшему ходу событий, в составе передового отряда Гудуина, переправившегося за Дунай и действовавшего там с максимальным успехом, не было антов: воины его отряда, вернувшись из-за реки самовольно, требовали — как истинные ромеи — соблюдения их законных прав (традиционной оплаты и расквартирования на зиму на *своей* — имперской — земле, а не в «стране славян»).

По мнению П. Шрайнера, анты как союзники империи оказали Гудуину помощь и вернулись домой; Апсиху же была поставлена цель напасть на места их расселения.[2] Ч. Бонев, опираясь прежде всего на данные археологии, полагает, что поселения антов-федератов, во всяком случае с конца VI в., имелись на правом берегу.[3] Но даже если такие воинские поселения антов действительно находились в Добрудже, вряд ли они имели для империи то важное значение, о котором позволяет заключить известие Феофилакта Симокатты.

Можно ли думать, что это были анты левобережной долины Дуная? Ответить на этот вопрос утвердительно мешают данные «Стратегикона» — памятника, созданного как раз в это время, повествующего именно о придунайских антах и написанного самим императором Маврикием (582–602), приобретшим (до своего воцарения) личный воинский опыт в столкновениях со славянами и антами левобережья Дуная, живущими недалеко от его берега, в пределах досягаемости их селений для войск империи.[4]

Часто высказывается мнение, которое недавно разделяли и мы,[5] что союз антов с империей был непрерывным с 545 по 602 г. Известия «Стратегикона» Маврикия заставляют в этом усомниться: анты фигурируют здесь как лютые враги империи, с которыми она недавно (на рубеже VI–VII вв.) имела серьезные столкновения. Поэтому вероятны, на наш взгляд, два решения этого вопроса. Либо договор с антами

---

[1] *I. Sorlin.* Op. cit., p. 233.

[2] *P. Schreiner.* Op. cit., S. 357.

[3] *Ч. Бонев.* Указ. соч., с. 58–59. Таково же мнение В. В. Седова. Анты. Этносоциальная и политическая структура славянских государств и народностей. М., 1987, с. 17–18. Ср.: *I. Sorlin.* Op. cit., p. 231.

[4] ГИБИ, т. II, с. 278, 281–289.

[5] *Г. Г. Литаврин.* О двух Хилбудах Прокопия Кесарийского. ВВ, 1986, т. 47, с. 27. Ср. о том же: *H. Ditten.* Zur Bedeutung der Einwanderung der Slawen. Byzanz im VII. Jahrhundert. Berlin, 1978, S. 93.

левобережья Дуная был разорван, а затем возобновлен еще до правления Маврикия, при Тиверии (587–582); Маврикий же сохранил к ним настороженное чувство со времен своей молодости, когда сталкивался с ними с оружием в руках, а в своем воинском трактате («Стратегиконе») пишет о них лишь как о потенциальных противниках.[1] Либо же (что вероятнее) анты «Стратегикона» и анты-союзники империи — это совершенно разные их объединения, живущие в разных районах.

Действительно, археология позволяет локализовать в ближайших от империи к северу от Нижнего Дуная районах два крупных массива антских поселений VI–VIII вв.: один — в междуречье средних течений Сирета и Прута и второй — южнее, в междуречье нижних течений рек Олта, Арджеша, Яломицы и Бузэу; наиболее плотными были их поселения в это время в междуречье среднего течения Прута и Днестра и в верховьях этих рек.[2] Эти анты, скорее всего, и были союзниками империи при Маврикии. В последующем здесь проживали тиверцы. «Места их поселений, — пишет В. В. Седов, — целиком расположены в области расселения антов»; вплоть до X в. в их среде сохранялись, согласно данным русской летописи, традиции владения греческим языком.[3]

Умеющие строить средства передвижения по рекам (Днестру, Пруту, Дунаю) и по морю и отлично управлять ими, эти анты в случае необходимости были в состоянии в недельный (самое большее) срок достигнуть устья Дуная или города-крепости Томи (Констанции), ставки имперских войск именно в это время.

Конечно, не давняя ненависть аваров к антам Поднестровья со времен столкновений с ними в 50–60-х годах VI в. еще в Северном Причерноморье обусловили приказ кагана Апсиху идти против них. Скорее всего причиной похода были недавние события: поднестровские (не нижнедунайские) анты летом 602 г., видимо, непосредственно помогали или выразили готовность помочь Гудуину и Петру. Вероятно, угроза вмешательства антов как союзников империи в ее борьбу с аварами давно беспокоила кагана. План похода против антов созрел у него еще до 602 г. К началу осени 601 г., согласно сообщению Феофилакта Симокатты, «полчища аваров собрались около так называемых Катарактов, и там стал лагерем Апсих. Итак, когда ромеи пришли сюда, стратиг Петр обменялся с Апсихом, ипостратигом войска аваров, посланиями. А Апсих домогался захватить Катаракты у ромеев. Когда

---

[1] Не следует ли связать эту проблему с вопросом о дате составления «Стратегикона», так как представляется странным, что император, которому какие-то анты оказали серьезную помощь, пишет столь враждебно об антах вообще? Может быть, Маврикий написал эти главы «Стратегикона» до восстановления союза с какой-то частью из них?

[2] *В. В. Седов.* Анты..., с. 18.

[3] *В. В. Седов.* Восточные славяне..., с. 129–130. Отметим, однако, что В. Тыпкова-Заимова полагает, что сообщения о походе Апсиха нужно связывать не с какой-то частью антов, а со всеми ими как союзниками империи (*В. Тъпкова-Заимова.* Нашествия и етнически промени на Балканите. София, 1966, с. 70, 78).

же стратиг возмутился, дабы не ввергали мир в полымя подобными условиями, оба войска разошлись. Каган ушел в так называемую Константиолу, а ромеи вернулись во фракийские места размещения [войск]».[1] (Далее следует текст, приведенный в начале статьи).

Катаракты (Пороги), или Железные Ворота, — самое узкое место Дунайской долины (до 150 м), зажатой здесь отрогами Южных Карпат с севера и северо-западными отрогами Стара Планины с юга. Все известия, которыми мы располагаем, свидетельствуют о том, что переправы через Дунай (причем излюбленные у варваров) находились непосредственно ниже порогов (примерно между Катарактами и устьем Тимока). Именно поэтому здесь была наиболее плотной система позднеримских оборонительных сооружений и крепостей, особенно на правом берегу, непосредственно над порожистым узким руслом Дуная.[2] Причины этого понятны — крепости в «узком горле» с обрывистыми берегами служили не для того, чтобы мешать переправе (она была бы здесь крайне опасна и нерентабельна), а препятствовать проходу вражеских судов (плотов, ладей) как вверх, так и вниз по течению реки. Любая цель внизу, на воде, от берега до берега, могла быть почти наверняка уничтожена стрельбой из луков и камнеметов с высокого берега. Владея Катарактами, ромеи запирали здесь Дунай для любого неугодного им судна. Поэтому Петр отверг договор с каганом на условиях сдачи Катарактов.

Никому иному в это время, кроме аваров, Катаракты как комплекс крепостей не мешали. И никто иной, кроме аваров, не оспаривал в эти годы у империи права на владение ими: они не позволяли им быстро спускаться на плавательных средствах в нижнедунайскую низменность для походов против ромейских провинций Нижней Мисии и Малой Скифии, как и против «дакийских» славян и антов.

Закономерно возражение: ничто не мешало аварам вторгаться в нижнедунайскую долину по левому берегу реки — ведь подконтрольная аварам территория (Банат) находилась по соседству с южным отрогом Карпат, обрывающимся у Железных Ворот? Косвенный ответ на этот вопрос мы усматриваем, во-первых, в том, что авары предпочитали переправляться через Дунай всегда выше Железных Ворот, на участке между Катарактами и районом, в котором русло реки резко отклонялось на север (при этом именно славяне, составлявшие большинство

---

[1] ГИБИ, т. II, с. 353 (см. здесь же перевод Г. Цанковой-Петковой. По смыслу и к этому переводу, и к нашему близок также перевод П. Шрайнера — *P. Schreiner.* Op. cit., S. 208–209). Тем более неожиданным для нас является (с оговоркой, что фраза «темная») его заключение в комментарии, что ради сохранения мира византийцы уступили, как кажется, Катаракты аварам — «Es scheint, dass die Frieden zu erhalten seitens der Römer die Katarakte zugestanden erhielten» (Ibidem, S. 356).

[2] См.: *С. А. Иванов.* Оборона Византии и география «варварских» вторжений через Дунай в первой половине VI в. ВВ, 1983, т. 44, с. 27–47; *Он же.* Оборона балканских провинций Византии и проникновение «варваров» на Балканы в первой половине VI в. ВВ. 1984, т. 45, с. 38 сл.

среди подданных кагана в Паннонии и Банате, строили для кагана плавательные средства и наводили переправы),[1] а во-вторых, в том, что источники абсолютно умалчивают хотя бы об одной попытке аваров пройти в левобережье Нижнего Дуная посуху, через перевалы Южных Карпат, прилегающих к реке с севера. Следует, видимо, заключить, что горные перевалы в этом месте, хорошо укрепленные славянами Дакии, были недоступны для аварской конницы, да и славянские воины издавна — по словам Прокопия Кесарийского — были привычны к боям в «теснинах»,[2] чуждых и страшных для степняков-кочевников.

Апсих должен был, по моему мнению, продвигаться по правому берегу Дуная; причем переправа на левый предполагалась либо поблизости от Добруджи, либо уже в ее пределах, так как переход через реку в промежутке между Железными Воротами и Никополем делал неизбежной встречу переправляющихся с войском Гудуина, уже стоявшим на левом берегу, на пути Апсиха к району расселения антов. Что же касается остальных ромейских сил во главе с Петром, находившихся на правом берегу, то каган, видимо, расценивал их (до подхода к ним антских отрядов и возвращения Гудуина) как недостаточные для того, чтобы преградить путь Апсиху, да и возможность маневра для аварской конницы в Мисии (обойти ослабленные ромейские заслоны) была здесь вполне реальной.

3. Безусловно, можно только предполагать, где во время выступления Апсиха или в самый канун этого выступления находился сам каган с его войском. По всей вероятности, он стоял там, где обычно устраивал свой лагерь перед походами на империю, — у Константиолы (города-крепости у устья Южной Моравы) и Белграда (Сингидунума) или у Сирмия. Во всяком случае, его войска находились в боевой готовности и вышли на исходные позиции, форсировав Дунай (выше Железных Ворот) и Саву. Упомянутый выше разлад в войске кагана (или в соединении Апсиха) произошел, по нашему мнению, не после, а до похода Апсиха или в самом его начале, во всяком случае — до того как полководец достиг места, назначенного в качестве пункта для переправы.

4. Раздор именно среди аварской знати, а не просто среди «варваров»[3] (как это получается в пересказе Феофана) был вызван, как мы уверены, решением кагана послать Апсиха против антов. Видимо, часть знатных аваров расценивала совсем иначе, чем каган, и размеры опасностей, ждущих Апсиха, и вообще перспективы всего этого предприятия. Характерно, что еще в 594 г. часть аварской знати выражала несогласие с каганом, который требовал с ромеев, совершивших победоносный поход против славян Дакии, долю взятой ромея-

---

[1] *О. В. Иванова, Г. Г. Литаврин.* Славяне..., с. 43, 56.

[2] Там же.

[3] Л. Вальдмюллер, по нашему мнению, ошибается, полагая, что кагану изменили славянские отряды, принужденные отправиться с Апсихом (*L. Waldmüller.* Op. cit, S. 162).

ми добычи и препятствовал возвращению ромеев на правый берег, пока они ему не уступят. Эти знатные авары говорили, что каган поступает несправедливо (μὴ ἐνδικῶς).[1] Изменившие части (вероятнее всего — из отрядов Апсиха), присоединились к войскам Петра в районе Паластола.

Наконец, следует рассмотреть два последних вопроса (5-й и 6-й). Наши ответы на них уже предопределены, как кажется, предшествующим изложением. Путь Апсиха, если он вообще успел удалиться от главного аварского воинства, пролегал, несомненно, по правому берегу Дуная. Задачу, поставленную каганом, Апсих, однако, не выполнил. И вообще, как мы думаем, его поход против антов не состоялся. После измены части аварских войск Апсих должен был прервать начатый поход и вернуться (если он уже находился в пути). Измена в рядах авар явилась последним фактором, окончательно сорвавшим военные планы кагана на лето–осень 602 г. Феофилакт говорит о сильном испуге кагана в связи с этой изменой, о принятых им отчаянных мерах ради возвращения перебежчиков. Отныне не могло быть и речи о какой-либо открытой, настоящей войне с ромеями и антами. И действительно — военных действий между сторонами не было в этом году ни до ноября (когда вспыхнул бунт войска и оно оставило границы на Дунае), ни тем более зимой.

Вернемся, однако, к антам. Их имя после 602 г. — и в этом историки единодушны — на самом деле исчезло из источников. Однако почему это произошло, если анты, как мы старались показать, вообще в 602 г. нашествию аваров не подвергались? Во-первых, не совсем корректно все-таки и утверждение, что имя антов совсем не упоминается в источниках после 602 г. Анты названы в последний раз в титуле императора Ираклия (610–641) в его новелле от 1 мая 612 г.[2] (Официально, по-видимому, анты продолжали считаться союзниками и федератами империи). Во-вторых, союз ромеев с антами между 602 и 612 годами, если он формально и сохранялся, не находил более, скорее всего, никакого реального воплощения. И причины этого следует, по всей вероятности, видеть не в нежелании ромеев поддерживать союзные связи с антами и не в пережитых союзниками бедствиях от нашествия аваров, якобы вынудивших антов удалиться из родных мест, а в уже упоминавшемся выше факте — в уходе пограничных войск ромеев с Дуная, в крушении контроля империи в этом регионе и, как следствие — в разрыве связей Константинополя с антами. Что же касается утраты антами своего старого имени, то вполне правдоподобно предположение, согласно которому объединение «анты» распалось в VII в. либо в результате внутренних процессов, либо под влиянием внешних причин (столкновения с протоболгарами?). В последующем анты снова вышли на международную арену под новым

[1] ГИБИ, т. II, с. 328.

[2] Jus Graeco-Romanum, v. VIII. Ed. C. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1857, p. 33–34.

именем: с начала X в. они известны под названием «тиверцев», славянского объединения на Тирасе (Днестре). Что же касается антов, обитавших непосредственно близ левого берега Нижнего Дуная и потерявших всякие связи с днестровским союзом, то они появились, как мы полагаем, в 70-х годах VII в. в византийских источниках под именем «северов», около ста лет сохранявших автономию в пределах Первого Болгарского царства.

P. S. Статья была написана до знакомства автора (в библиотеке Дамбартон Оукс) с диссертацией (машинописной) Т. А. Дакета, в которой пересмотрены (признаны более поздними на 3–5 лет) даты походов ромеев за Дунай против аваров и славян в 90-х годах VI в. (*T. A. Duket*. Study in Byzantine Historiography. An Analysis of Theophanes Chronographia and its relationship to Theophylakts History, the Reign of Maurice and the seventh Century to 711. Boston College Chestnut Hill. Massachusetts, 1980, p. 17–18). Однако и эта работа, и другие появившиеся после нее учтены в разделах «Феофилакт Симокатта» (С. А. Ивановым) и «Феофан Исповедник» (нами) в труде: «Свод древнейших письменных известий о славянах», т. II (VII–IX вв.). М., 1995, с. 10–64 и 248–324.

Свидетельство патриарха Никифора о рабах-византийцах у славян

В современной исторической литературе широко признан тезис о том, что применение рабского труда в Византии в производственной сфере постепенно снижалось, начиная с VI–VII вв., и что особенно быстро этот процесс совершался в IX–XII вв. [1]. Полагают, что в славянском обществе VI–IX вв. традиции рабовладения были развиты несравненно меньше, чем в византийском: рабство носило у славян преимущественно патриархальный характер и никогда не играло существенной роли ни в сельском хозяйстве, ни в ремесле [2]. Относительно недавно я высказал, однако, предположение, что широкие обобщения на этот счет скорее всего ошибочны: положение рабов в различных населенных славянами регионах и на разных этапах раннего средневековья (в VII–VIII вв.) могло быть далеко не одинаковым [3, с. 37–41; 4].

Достаточно веские основания для пересмотра традиционной точки зрения на значение рабовладения у славян в VIII в. дает, по моему мнению, уникальное свидетельство патриарха Константинополя Никифора I (806–815) о выкупе пленных ромеев у славян. Сообщение это хорошо знакомо византинистам, но расцениваемое, по-видимому, как известие о незначительном эпизоде в истории империи в VIII в., оно комментировалось обычно весьма бегло и не было в целом подвергнуто внимательной интерпретации (см. например, [5, 6]).

Между тем, даже разделяя мысль о том, что в ряду других событий внутренней и внешней жизни Византии того времени выкуп пленных сам по себе не имел существенных для государства последствий, я полагаю, что подробный анализ сообщения патриарха может заметно уточнить наши представления не только о социальных процессах внутри славиний на византийских землях и о характере отношений славян с подданными и официальными властями империи в середине

VIII в., но и о внешне- и внутриполитическом положении самой Византии в разгар иконоборческой кампании императора Константина V (741–775).

Свидетельство в «Бревиарии» Никифора датировано 7-м индиктом, соответствующим 6277 году, т. е. времени с 1.IX.768 г. до 31.VIII.769 г.[1] Никифор пишет: «Константин посылает [к][2] архонтам славян и принимает порабощенных ими с давних времен христиан с островов Имвроса, Тенедоса и Самофракии, обменяв их — а число их достигало двух тысяч пятисот — на шелковые одежды. Доставив их к себе и скромно почтив, он отпустил их куда бы каждый из них ни захотел отправиться» [8, p. 162.8–15].[3]

Предварительно — несколько замечаний о более точной датировке названных в приведенном пассаже событий, локализации места проживания славян, владевших рабами-ромеями, и о возможном источнике сведений об упомянутой акции Константина V.

Сообщение о выкупе находится в «Бревиарии» между известиями о рождении у императора сына Анфима и о коронации 1 апреля (все в том же 7-м индикте) жены императора Евдокии, т. е. уже этот факт позволяет сузить датировку обмена до семи месяцев (с 1.IX.768 г. до 31.III.769 г.). Поскольку же отправка посольства к славянам (скорее всего — двукратного), доставка к ним шелка из столицы, а затем в нее освобожденных ромеев происходили, несомненно, при участии судов императорского флота и требовали немалого времени, можно, видимо, без большого риска ошибиться, отнести начало акции к осени 768 г., а завершение — к ранней весне 769 г. (после перерыва в действиях в неблагоприятный для мореплавания зимний сезон).

Относительно места расселения тех славян, которые совершали морские набеги на острова Эгеиды, мнения исследователей единодушны: это были славяне Южной Македонии и Фессалии.[4] Вероятнее всего, впрочем, они обитали в тех славиниях, которые располагались по берегам рек, впадающих в Эгейское море (стримонцы и смолены по Стримону и Месте, драгувиты по Вардару, сагудаты по Бистрице и велегезиты по Пинею). Дело в том, что к середине VIII в. имперский военный флот уже был в состоянии периодически контролировать северо-западное побережье Эгейского моря, и славянские боевые моноксилы-однодеревки до и после набегов должны были иметь стоянки вдали от моря, в местах, к которым не могли подняться тяжелые военные суда ромеев.

Известие Никифора подтверждается свидетельствами более ранних источников о том, что одним из главных направлений морских

---

[1] В тезисах на конференции 1994 г. (они легли в основу данной статьи — см. [4]) ошибочно указаны 6-й индикт и 6276 г.

[2] Предлог pros — конъектура К. де Боора в его издании «Бревиария», представляющаяся оправданной, хотя издатель не решился внести ее в текст [7]. Принял эту конъектуру и К. Мэнго [8].

[3] Мою краткую интерпретацию этого известия см. [9, т. II, с. 247].

[4] Библиографию см. [6].

грабительских рейдов славян были районы, прилегающие к Дарданеллам и акватории Мраморного моря: они стремились сюда к расположенным на его берегах портам. Именно здесь было особенно интенсивным движение морских торговых караванов, плывущих в столицу и от нее, здесь же находились и таможенные станции с их кассами и складами товаров (причем славяне захватывали в плен «вместе с судами и людей, находящихся в таможне» [10], т. I, p. 200.10–11; 9, т. I, с. 271–272; т. II, с. 204, 233, 244–246, 329, 332]).

Как следует из процитированного места из «Бревиария», не всегда славянам удавалось прорваться в Мраморное море, и тогда они старались взять добычу на ближайших к проливу островах, прежде всего — местных жителей в качестве своих пленников. Для целей данной статьи существенно констатировать, что с середины VIII в. источники уже не содержат сообщений о морских набегах славян на берега и острова в северо-восточной части Эгеиды. Логично допустить, что имперским властям удалось к этому времени положить конец славянским набегам, может быть, в результате победоносного похода против них Константина V в 759 г., когда он, согласно Феофану Исповеднику, «поработил славинии в Македонии и сделал подвластными прочих» [11, p. 430.21–22]. Намек на то, что по крайней мере в последовавшее после этого похода десятилетие морских набегов славяне не совершали, содержится и у Никифора: о выменяваемых у славян за шелк ромеях он говорит как о захваченных «с давних времен». Следовательно, пленения жителей островов как неоднократно повторяющиеся акции нужно датировать несколькими десятилетиями до 759 г., примерно 20-ми–началом 50-х годов VIII в. (часть выкупаемых в 769 г. ромеев были при пленении, несомненно, детьми).

Последнее предварительное замечание — о возможном источнике сведений Никифора. Как было упомянуто, анализируемое сообщение уникально — его нет ни в одном другом источнике, в том числе в «Хронографии» Феофана. К. Мэнго считает, что Никифор использовал для описания событий с 668 до 769 гг. (т. е. до конца «Бревиария») те же источники, что и Феофан, включая утраченную позднее городскую константинопольскую хронику. Возможно, Феофан при отборе фактов для «Хронографии» попросту пренебрег малозначащим (на его взгляд) событием и не включил известие о нем в свой труд (можно указать и на другие примеры различий между обоими историографами в подходе к отбору материала из общих источников) [8, p. 6.15–18]. Но не менее возможно и другое: константинопольская хроника (как и некий иконофильский труд, якобы созданный тогда же в столице) вообще не содержала упоминания об интересующем нас факте, но о нем мог хорошо помнить сам Никифор — коренной константинополец и вполне вероятный очевидец события, поразившего воображение столичных жителей (Никифору было тогда лет 10, и он был на 2–3 года старше Феофана, о проживании которого в Константинополе в то время нет достоверных данных).

Итак, свидетельство Никифора позволяет, по моему мнению, взглянуть несколько иначе на три проблемы. Первая из них — та, с которой я начал, — о необходимости корректировать представление о небольшом значении рабовладения в раннеславянском обществе. Действительно, в VI–VII вв. славяне брали в плен ромеев главным образом ради получения за них выкупа, размер которого обычно устанавливался в соответствии с ценами на рынке рабов. Пока славяне не обосновались на византийской земле, «лишние рабы» (т. е. пленники, взятые в набегах на империю, но не выкупленные соотечественниками, не перепроданные и не нашедшие какого-либо иного «рационального» использования) постепенно обретали свободу и вливались в славянское общество (лишь часть их искала и находила возможности для бегства) [3, с. 36–41]. Авары же иногда, когда ромеи не спешили выкупить пленных соотечественников или предлагали недостаточно высокий выкуп, просто уничтожали пленников [11, p. 279–280]. Скупость имперских властей в таких случаях (особенно когда речь шла о выкупе пленных воинов-ромеев) вызывала острое осуждение в обществе [11, p. 284]: на святое дело не считалось грехом тратить даже церковные сокровища.

Между тем, как явствует из сообщения Никифора, в славиниях находились тысячи пленных ромеев, обращенных в рабов. Причем в рабстве они пребывали десятилетиями. Маловероятно, что никто до этого не предлагал за них славянам никакого выкупа. Видимо, предлагаемая цена не устраивала славян. Иначе говоря, сравнительно с нею более выгодным для них уже стало использование пленников как рабов в своем хозяйстве. Согласно данным «Чудес св. Димитрия», памятника первой половины VII в., славяне делили захваченных ими христиан и обращали в рабов; пленного епископа, взятого в море на захваченном славянами судне, один их них, став господином иерея, заставил ухаживать за скотом [10, т. I, т. 237.4–238.7; т. II, p. 104, 163–168]. Всякие возможности бегства епископа из плена были исключены, хотя Фессалоника находилась всего в 250–300 км, т. е. в 7–8 переходах. Удавшееся, наконец, бегство епископа было приписано вмешательству сверхъестественных сил (самого св. Димитрия). Столь бдительный надзор над рабами (а взятые на островах пленники вплоть до 768 г. также не смогли бежать) легче было организовать, разумеется, в подворьях и хозяйствах архонтов славян, во власти которых, по моему мнению, и оказывалось большинство пленных ромеев. При этом у каждого из знатных славян имелось, видимо, по несколько десятков (или сотен) таких рабов. Напомню в связи с этим о свидетельстве Константина VII Багрянородного в его «Жизнеописании Василия» (деда автора императора Василия I Македонянина, 867–886), не разделяя нередко высказывающиеся, при опоре не столько на существо рассказа, сколько на его стилистику, мнения о малой достоверности «полубасенного» повествования царственного сочинителя. Рассказ Константина позволяет заключить о сохранившихся среди славян вплоть до середины IX в. прочных традициях

рабовладения: над умножением огромных богатств некоей Данилиды, вдовы пелопоннесского магната-славянина Даниила (Данилихи?), трудились многочисленные рабы. 500 из них она будто бы подарила Василию I, а 3000 ее рабов после ее смерти получили свободу и по повелению императора Льва VI (886–911) были переправлены в Италию, в административный округ Лонгивардию, в качестве военных поселенцев, для укрепления ее обороны [12]. Поэтому 2500 рабов у нескольких архонтов славинии (или славиний) — хотя и немало, но вполне вероятно. Следует к тому же учесть, что не все ромеи, конечно, были выкуплены и далеко не все дожили до освобождения. Сама форма обмена — на шелковые одежды — свидетельствует о том, что со стороны славян главными действующими лицами (и владельцами рабов-ромеев) были именно архонты, племенная знать. Они скорее всего и приняли предложение императора освободить ромеев за наиболее желанный для них тогда товар (шелковые одеяния) — престижное выражение высокого положения в обществе.

Второй вопрос, освещению которого содействует, как упомянуто, сообщение Никифора, — это вопрос об особенностях внутренней жизни славиний на византийской земле и характере их отношений с автохтонным населением и имперскими властями. Особенно труден ответ на первую часть вопроса: мы не можем достаточно уверенно судить о численном соотношении в пределах славиний (социально-политически организованных поселений славян на византийских землях) (см. [13]) местного и пришлого (славянского) населения. Вне всякого сомнения, не все местные жители бежали из районов, подвергшихся нашествию славян. Часть их, оставшись на месте, может быть, признала власть славян и уплачивала им дань, об этом можно судить по сообщению Иоанна Эфесского (последняя часть VI в.) [9, т. I, с. 285]. Множество подданных империи, однако, покинули родину, перебрались в Италию, укрылись на островах или в труднодоступных горных районах. Вряд ли между славянами и автохтонами там, где они вступали в контакт, могли в первые десятилетия установиться стабильные мирные отношения: пришельцы разорили их и лишили лучших земель и угодий. Согласно сведениям от начала IX в., в районе Патр на Пелопоннесе славяне уже жили по соседству с местными греками, но это не гарантировало автохтонам спокойствия и безопасности [9, т. II, с. 328, 330, 332–344; 14]. Отнюдь не случайно почти до середины IX в. нет известий о деятельности среди славян в южной части Балканского полуострова христианских проповедников, даже миссионеров-подвижников.

В связи с этим находится, на мой взгляд, и вопрос о повышении среди славян спроса на рабов, которыми могли быть в первую очередь, конечно, ромеи. Как видно, для этого имелись серьезные основания, по крайней мере у славян Южной Македонии, Греции и Пелопоннеса. Осмелюсь высказать предположение, что причины роста указанного интереса славян к обладанию рабами коренились в хозяйственной сфере. Расселившиеся в оливковой зоне славяне испытали, несомненно,

серьезные трудности при освоении новых земель в непривычных для них условиях ведения хозяйства. Здесь были иные климат и почва, другие сельскохозяйственные сезоны и сами возделываемые культуры (маслины, вино и фрукты исстари составляли здесь важнейшие компоненты питания). Должны были здесь применяться и более совершенные агротехника и орудия труда. (Еще столетием раньше славяне из своих набегов на земли империи уносили захваченные у ромеев «орудия для труда на жатве» [10, т. I, p. 185.35–36, 198]). Хотя славяне были исконными земледельцами, передавшими грекам, в свою очередь, часть своих сельскохозяйственных навыков [15], совершенно ясно, что они оказались перед настоятельной необходимостью овладеть производственным опытом местного крестьянства. Поскольку автохтоны там, где они еще оставались, долго избегали контактов со славянами, в качестве их учителей могли выступать именно рабы-ромеи. Причем захватывать их славяне предпочитали, по-видимому, в отдаленных от мест своего обитания районах империи, чтобы не обострять еще более отношений с ромеями-соседями и до минимума сократить возможности бегства пленных к своим.

Сообщение Никифора позволяет также заключить о значительных полномочиях в VIII в. каждого из славянских вождей в пределах его славинии. Именно в их власти оказывались прежде всего пленники-рабы, и они решали вопрос о выгодном для себя их обмене на шелк. Власть вождя (князя) распространялась, видимо, уже на всю территорию славинии и реализовывалась при опоре на имевшиеся у него репрессивные структуры [8, p. 86]. Упомянутый выше епископ, чудом сумевший бежать из плена, тщательно прятался днем, шел только ночами и при любой случайной встрече не должен был произносить ни слова, так как язык мог выдать его ромейское происхождение [10, т. I, т. 238.8–23].

Более того, существовали уже своего рода признанные обеими сторонами границы между славиниями и землями, находящимися под эффективным господством имперских властей. По данным жития Григория Декаполита (первая половина IX в.), в районе рек Месты и Стримона всем было известно, откуда начинается «сторона славянская»; возможно, для того, чтобы не допустить проникновения на контролируемые империей земли славянских лазутчиков, действовал запрет на передвижение «из одного места до другого» (даже для одиноких путников) без разрешительной на этот счет и снабженной печатью императорской грамоты [16].

В своих официальных отношениях с империей они иногда выступали сообща, защищая общие интересы. Я считаю маловероятным, чтобы все те «архонты славян», о которых пишет Никифор, принадлежали к одной славинии. Еще столетием раньше, в 668 г., аварский каган и славянские вожди западных районов Балканского полуострова предприняли совместную дипломатическую акцию, сообща отправив послов к Константину IV с просьбой о «государевом мире», который и был заключен [11, p. 356.2–8].

В связи со всем сказанным необходимо весьма критически воспринимать неоднократные заявления византийских историографов VII–IX вв. о «полном» и «окончательном» подчинении славян, расселившихся на территории империи. «Покоряли» их и Константин IV в 688–689 гг., и Константин V в 759 г., и Ирина в 793 г. Ее полководец Ставракий прошел с войском от столицы до Пелопоннеса, подчинив по пути всех славян. Но в 805 г. уже Никифор I еще раз привел «окончательно» к покорности славян на полуострове, а затем стратиги-наместники императора на Пелопоннесе были вынуждены неоднократно, вплоть до 30-х годов X в., снова и снова подчинять местных славян. Весьма показателен в этой связи заговор имперской провинциальной знати Эллады против императрицы Ирины в 799 г.: они привлекли к нему Акамира — вождя славинии велегезитов (где всего шесть лет назад упрочивал власть империи Ставракий), надеясь на успех при опоре на его силы и влияние [11, p. 473–474]. Упомянутые выше магнаты-славяне Даниил и Данилида оказались подлинными господами значительной части Пелопоннеса. По словам Константина Багрянородного, Данилида при посещении ее владений византийцами называла их «иноземцами». Когда она сама посетила Константинополь, Василий I принял ее в Магнаврском зале дворца, где он обычно принимал почетных персон «из чужого племени». Во время визита в столицу, сознавая невозможность борьбы за полную независимость своей славинии, Данилида «великодушно» добавила к прочим дарам императору (Василию I) еще «немалую часть Пелопоннеса, оказавшегося как бы собственным ее владением». Вернулась она на полуостров «в свою страну... будто некая госпожа, царица тамошних жителей» [12, p. 319.3–8].

Таким образом, было бы вполне оправданным заключение, что осуществленное в 759 г. Константином V «подчинение» славян сводилось скорее всего к заключению мира с ними. Была ли при этом князьями славиний (по крайней мере теми, которые отдавали пленников за выкуп) признана (хотя бы номинально) верховная власть императора, нельзя сказать с уверенностью. Во всяком случае, славяне в 759 г. не отдали плененных ими христиан, т. е. не приняли одно из главных условий, которое при подобных обстоятельствах обычно выдвигается победителем. Видимо, амбициозный василевс отверг тогда поставленные архонтами условия передачи пленников (в обмен на шелк), которые, однако, был вынужден принять десятью годами позже — по причинам, о которых будет сказано ниже.

По моему мнению, в 759 г., как и в 769 и 799 гг., ряд славиний в Южной Македонии, Греции и на Пелопоннесе продолжали сохранять автономию, пользуясь полным самоуправлением в своих внутренних делах, независимо от того, как официальные власти и византийские историографы представляли обществу характер отношений империи с расположенными на ее землях славиниями. Эти отношения являли для Константинополя в VII–IX вв. гораздо более сложную и трудную проблему, чем порой это представляется в современной научной литературе (ср. [17]). Процесс окончательной интеграции славян в состав

подданных империи растянулся на два с половиной столетия и потребовал от византийских правителей немало не только военных усилий, но и осторожности, терпения и дипломатического искусства (даже такта) — и, возможно, не столько потому, что не хватало войск и средств на организацию эффективного фемного устройства (в Малой Азии этот процесс совершался несравненно быстрее), сколько из-за отчетливого, добытого длительным опытом понимания той истины, что славяне должны были предварительно «созреть» в своем общественном развитии, прежде чем стать в полном смысле подданными императора ромеев. Ускорить процесс могло в первую очередь обращение славян в христианство. На этом прежде всего и сосредоточила империя в IX в. (ибо и для христианства славяне должны были «созреть») свои главные усилия в отношениях со славянами. Что же касается их ассимиляции как инородного этнического элемента, то этот процесс был еще более трудным и длительным. Из содействующих ему специальных мер правительства некоторое значение имела политика переселения в славинии или соседние с ними районы подданных империи из малоазийских провинций. Однако именно крещение жителей славянских анклавов, отдаленных от плотно заселенных славянами территорий на севере Балкан, оказалось решающим фактором в судьбах славян в империи как особой этнической общности.

Наконец, о последней проблеме, более глубокому пониманию которой может содействовать интересующее нас свидетельство Никифора, — о возможной связи выкупа пленных Константином V с внутренней ситуацией в империи и ее внешнеполитическим положением, сложившимся к концу 60-х годов VIII в. Выкуп пленных на средства казны представлял собой явную уступку императора силам оппозиции и общественному мнению. На первый взгляд, эта уступка не была обусловлена конкретным ходом событий. Энергичному императору сопутствовала удача в борьбе и с внутренними, и с внешними врагами. Любое сопротивление он подавлял решительно и жестоко. Три главные задачи стояли тогда перед Константином, и в решении всех трех он добился значительных успехом. Первая состояла в отражении натиска протоболгар, соперничавших с империей за утверждение собственной власти над славянами Северной Фракии и Македонии. Вторая задача заключалась в подчинении славиний на имперской земле. Третью задачу император видел в полном подавлении иконодульской оппозиции, особенно в Константинополе, где она оставалась наиболее опасной для судеб трона.

В 763 г. Константин V разгромил болгар под Анхиалом. Годом ранее он принял более 200 тыс. славян, ушедших из Болгарии (где развернулась междоусобная борьба вокруг ханского престола) и позволил им поселиться на северо-западе Малоазийского полуострова, близ р. Артана [8, p. 148]. Возможно, рассчитывая произвести на славян благоприятное впечатление, император возвел в 766 г. на трон патриарха Константинополя некоего евнуха Никиту, славянина по

происхождению, не остановившись при этом перед нарушением канонических правил [11, p. 440.11–13]. Однако к склонным к союзу с болгарами или признающим их власть славянским племенам Константин относился как к своим злейшим врагам: в 764/765 гг. тайные агенты императора сумели схватить и доставить в столицу империи вождя «разбойников» в Северной Фракии Христиана, отрекшегося от христианства (скорее всего — славянина), и князя подвластного хану Болгарии славянского племени северов Славуна (оба были подвергнуты мучительной казни) [11, p. 436–14–21].

Но в 766–768 гг. положение империи и самого Константина осложнились. Безусловно, возникли веские причины, заставившие бережливого императора пойти на единовременные крупные расходы: при средней стоимости раба в то время в 10 номисм (золотых) [18], цена затраченного на выкуп пленных шелка составила 25 000 золотых (примерно 100 кг золота).

Очередной поход Константина V в Болгарию в 767 г. завершился неудачей. Эпизод со Славуном и Христианом показал, что сторону болгар держала часть славянского населения Северной Фракии. Иконоборческий курс императора вызывал по-прежнему сопротивление в среде высшей столичной знати, о чем красноречиво свидетельствуют гонения против иконопочитателей и жестокие казни 766–767 гг. По обвинению в заговоре против императора были казнены два его брата, патриарх Константина II (754–766), логофет дрома и ряд других сановников [8, pp. 156, 158, 160]. Обстановку усложнили поразившие ромеев в 767 г. засуха и голод.

Именно поэтому император провел в эти годы (в 766–767 гг.) ряд крупных мероприятий, имевших социальное значение и способных хотя бы частично улучшить ситуацию и ослабить недовольство прежде всего жителей Константинополя. Он восстановил давно пришедший в ветхость водопровод Валентиниана, дав жителям города воду и работу тысячам бедняков. Он ввел фиксированные цены на зерно, разорительно низкие для крестьянства, погасив таким образом за счет деревни брожение в столице.

На достижение того же эффекта была рассчитана и акция по выкупу пленных ромеев. Соглашение со славянами было крайне необходимо Константину V в его борьбе с оппозицией, оно было запланировано заранее в расчете на крупный пропагандистский успех в условиях резко осложнившейся внутренней и внешнеполитической обстановки. Примечателен тот факт, что освобожденные ромеи не были отпущены на все четыре стороны тотчас после того, как оказались на контролируемой имперскими властями территории. Император приказал доставить их в Константинополь. Именно там была организована грандиозная демонстрация во славу государя. Встреча Константина V с двумя с половиной тысячами выкупленных ромеев могла быть, разумеется, только публичной, на площадях и улицах столицы, на глазах константинопольской толпы. Публичная церемония должна была свидетельствовать, вопреки явным и тайным наветам иконопочитателей,

о попечении императора о своих подданных, о его милосердии к пленным язычниками христианам-ромеям, которых он освободил и снабдил необходимыми средствами для возвращения к родным местам или для пропитания хотя бы на первое время на новом месте жительства. Акция Константина V, несомненно, упрочила его положение на троне, который он занимал еще шесть лет.

Заканчивая, повторю еще раз свою основную мысль: уникальное сообщение патриарха Никифора подкрепляет вывод о том, что славинии на византийской земле представляли собой в VIII в. политически и социально организованные объединения славянских племен, подлинно протогосударственные образования. Они являлись серьезным фактором, с которым константинопольское правительство было вынуждено считаться в своей не только внешней, но и внутренней политике. Умаление значения этого фактора (как и его преувеличение) способно обеднить или исказить наши представления о процессе становления фемной военно-административной системы в VII–IX вв. и связанного с нею возрождения могущества Византийской империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Сюзюмов М. Я.* О правовом положении рабов в Византии. — Уч. зап. Свердловского гос. пед. ин-та, 1955, с. 169–172, 186; *Литаврин Г. Г.* Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960, с. 182–191; *Köpstein H.* Zur Sklaverei im ausgehenden Byzanz. Berlin, 1966, S. 31–42.
2. *Иванова О. В., Литаврин Г. Г.* Славяне и Византия. — Раннефеодальные государства на Балканах, VI–XII вв. М., 1985, с. 45–47.
3. *Литаврин Г. Г.* Этносоциальная структура славянского общества в эпоху поселения на Балканах (VI–VII вв). — Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987, с. 37–41.
4. *Литаврин Г. Г.* Патриарх Никифор о выкупе пленных ромеев у славян. — Славяне и их соседи. Греческий и славянский мир в средние века и раннее новое время. Тезисы XIII конференции. М. 1994, с. 10.
5. *Nystazopoulou-Pélékidou M.* Les Slaves dans l'empire byzantin. — The 17th International Byzantine Congress. Major Papers. New York, 1986, p. 358; *I. Rochow.* Kaiser Konstantin V (741–775). Frankfurt am Main, 1994, S. 105.
6. *Ditten H.* Ethnische Verschiebungen zwischen der Balkanhalbinsel und Kleinasien vom Ende des 6. bis zur zweiten Hälfte des 9. Jahrhunderts. Berlin, 1993. S. 51, 169.
7. Nicephori archiepiscopi constantinopolitani opuscula historica. Lipsiae, 1880, p. 76.
8. Nikephores Patriarch of Constantinople. Short History. Text. Translation and Commentary by Cyril Mango. Washington, 1990, p. 162.8–15.

9. Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1995, т. I. (I–VI вв.); М., 1995, т. II (VII–IX вв.).
10. *Lemerle P.* Les plus anciens recueils des Miracles de Saint Démétrius et la pénétration des Slaves dans les Balkans. Paris, 1979, t. I: Le texte.
11. Theophanis Chronographia. Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1883.
12. Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus. Bonnae, 1838, p. 318.4–6.321.3–6.
13. *Литаврин Г. Г.* Славинии VII–IX вв. — социально-политические организации славян. — Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984, с. 193–203.
14. *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий. М., 1991, с. 216, 218, 427–433.
15. *Малингудис Ф.* Славяно-греческий симбиоз в Византии в свете топонимии. — Византийский временник, 1987, т. 48, с. 44–52; *Литаврин Г. Г.* Еще раз о занятиях и общественной организации славян на Балканах в VI–VII вв. — Византийский временник, 1992, т. 53, с. 3–9.
16. Гръцки извори за българската история. София, 1961, т. IV, с. 39.
17. *Gregorion-Ioannidou M.* Une remarque sur le récit des Miracles de Saint Démétrius. — Comité National Grec des Etudes du Sud-Est Européen, 20. Athenès, 1987, p. 11–15; *Stauridou-Zafraca A.* Slav Invasions and the Theme Organisation in the Balkan Peninsula. Byzantiaka, 1992. 12, p. 167–179.
18. *Липшиц Е. Э.* Очерки истории византийского общества и культуры. М., 1961, с. 119.

Византийцы и славяне — взаимные представления

Поставленная в докладе проблема находится в русле обширной темы взаимодействия двух миров в эпоху раннего средневековья: мира позднеантичной и раннехристианской цивилизации, представляемой Восточноримской (Византийской) империей, и мира впервые вышедших на широкую арену истории народов, которые по давней античной, а затем и по устойчивой научной традиции принято именовать «варварами» и к которым в VI–IX вв. принадлежали и древние славяне. Литература, посвященная этой теме, поистине безбрежна. Но в подавляющем большинстве случаев проблема рассматривается в ней в аспектах экономическом, социальном и военно-политическом. Если изучаются также и культурные связи, то в основном в плане византийского, цивилизирующего влияния на варваров.[1]

Между тем для историка не менее важно уяснить основные особенности духовного мира самих варваров и, в частности, их представления о Византии, о чуждых их собственному обществу институтах империи, ее политике и официальной доктрине, о нравах и формах быта ее подданных.

Вполне закономерен тот факт, что ранее всего на путь формирования устойчивых государственных объединений встали те группы славян, которые первыми вступили в тесный контакт с Восточноримской империей и на рубеже V–VI вв. вышли к ее границам. Эти события должны были, несомненно, стимулировать процесс осмысления славянами новой ситуации и побудить их к разработке своей политической позиции в отношении империи, а затем — и собственной политической теории, без которой становление государственности было, несомненно, невозможно у любого народа в любом регионе мира.

---

[1] Библиографию см.: *Г. Л. Курбатов, Г. Е. Лебедева.* Византия: проблемы перехода от античности к феодализму (Ленинград, 1984).

Разумеется, речь может идти при этом прежде всего о позиции высшего социального слоя славян, их формирующейся аристократии. Однако ее воззрения хотя бы в самом обобщенном виде должны были, по всей вероятности, разделять и воины-общинники. Славянская знать организовывала походы против империи, она должна была воодушевлять их участников, внушать им надежду на победу, обосновывать право на владение захваченными землями — и неизбежно в связи с этим пропагандировать отрицательный, сознательно приниженный образ противостоящего врага.

Предпринимая ниже попытку взглянуть на проблему с этой стороны, я отнюдь не претендую на решение вопроса — я ограничиваюсь лишь его постановкой. Это тем более понятно, что на пути его разработки приходится сталкиваться с исключительными трудностями. Они состоят прежде всего в том, что о воззрениях славян на византийское общество мы вынуждены судить лишь со слов самих византийцев, восприятие которыми варварского мира было, безусловно, не менее превратным и субъективным, чем представления варваров об империи.

Вопрос оказывается, таким образом, в значительной степени методологическим. Основной фонд источников для его изучения составляют византийские памятники. Они созданы высококультурными представителями привилегированных кругов империи, усвоившими наследие многовековой античной цивилизации и проникнутыми идеалами христианской доктрины. Поэтому неизбежен вопрос о критериях тех оценок, которые использовались византийскими авторами при характеристике варваров. Почти без исключения свидетельства этих авторов пронизаны вполне естественным для них сознанием безусловного превосходства подданных империи над варварами во всех областях общественной и частной жизни — и прежде всего, конечно, в сфере духовной, в сфере культуры.

При анализе византийских свидетельств необходимо поэтому, по моему мнению, строгое соблюдение по крайней мере двух общих методологических принципов. Во-первых, следует, видимо, отказаться — при решении трактуемой проблемы — от оценочных характеристик уровня культуры варваров путем сопоставления ее с уровнем культуры Византии того же времени. В интересующем нас плане византийская христианская цивилизация и языческая культура древних славян (как и любых других варваров эпохи господства строя военной демократии) принципиально несопоставимы как качественно различные феномены. Обе культурные системы сложились в исторически разных условиях, но тем не менее каждая из них адекватно обслуживала потребности породивших эти системы обществ.

Во-вторых, необходимо тщательное соблюдение условия всесторонней предварительной критики источников. Известия византийских писателей о славянах и других варварах отмечены печатью традиционализма, восходящего к позднеазиатской историографии и обусловленного, с одной стороны, сохранением восточноримской государственности и континуитетом государственно-политической теории (согласно

которой Византия являлась непосредственным продолжением Римской империи), а с другой — актуальностью и остротой «славянской» проблемы, стоявшей тогда перед византийским обществом: вопрос о том, «кто — кого» в VI–VII вв. не только не был снят, но, напротив, вступил в свою решающую стадию.

Упомянутый традиционализм выразился, в частности, в том, что византийские авторы сплошь и рядом дают не конкретно индивидуальную, а обобщенно синтетическую характеристику разных этносов, следуя принятому еще в античности делению варваров на «диких охотников», «кочевников-скотоводов» и «оседлых земледельцев».[1] Славян при этом относили, за редкими исключениями,[2] к третьей категории, но их описание зачастую лишено этнокультурных особенностей.

Сравнительно с позднеантичными авторами, в позиции писателей-христиан, помимо традиционных противоречий с варварами, отразилось еще одно, оказавшееся наиболее непримиримым, так как оно было вероисповедным, идеологическим. Вопреки духу христианского учения, отзывы византийских деятелей, идеологов и хронистов о варварах-язычниках проникнуты чувством презрения к ним.

Следует также, как кажется, методологически разграничить свидетельства, специально посвященные славянам, и известия нейтрально-фактологические, лишенные обобщений и фиксирующие лишь ход событий, в которых славяне принимали участие. Специально посвященные славянам сообщения в византийских памятниках обычно ярко тенденциозны — как сознательно, так и неосознанно. Даже наиболее объективные авторы (например, Приск Панийский, Прокопий Кесарийский, Агафий Миринейский)[3] невольно исходят из критериев, соответствовавших имперским общественно-экономическим реалиям, идейно-политическим и нравственно-культурным стандартам Византии. К таким реалиям, в частности, принадлежали: высокий уровень агротехники и ремесла, развитые формы городской жизни, налаженный, основанный на монетной системе товарообмен, охватывавшая все стороны жизни общества организация государственного управления, базировавшееся на писаном законе судопроизводство, воинская стратегия и тактика как отрасль науки, господство христианского миропонимания и отвечавших ему норм морали и быта, организованная церковь, широко распространенная грамотность, богатая литература, утонченное искусство и т. д. и т. п.

---

[1] *R. E. Muller.* Geschichte der Antiken Ethnographie und ethnologischen Theoriebildung (Wiesbaden, 1972), S. 121.

[2] О славянах как о «кочевниках», см.: *Г. Тсάρας.* Τὸ νόημα τοῦ 'γραικώσας' στὰ τακτικὰ Λέοντος Στ' τοῦ Σοφοῦ. BYZANTINA, I, (1963), σ. 146–151; cf.: *G. Cankova-Petkova.* Gesellschaftsordung und Kriegskunst der slawischen Stämme der Balkanhalbinsel (6.–8. Jh.) nach den byzantinischen Quellen, Helikon, II, № I (1962), 266 f. См. также: *Л. А. Гиндин.* Из комментария к свидетельствам Прокопия Кесарийского о славянах. Структура текста — 1981. Тезисы симпозиума (Москва, 1981), с. 133–135.

[3] *З. В. Удальцова.* Идейно-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV–VII вв.) (Москва, 1974), с. 118 сл., 189, 223.

Держава ромеев, по заявлению Феофилакта Симокатты, не знает себе подобных: у нее и сила, и поддержка других народов, и подлинное благочестие — поэтому никто не может столь упорно сражаться за свободу и отечество, как ромеи.[1] Они не страшатся, пишет Агафий Миринейский, численного превосходства варваров, потому что владеют непревзойденным воинским искусством.[2]

Ничем хотя бы отдаленно сходным варварское общество, вступившее в контакт с византийским, еще не обладало. Естественно поэтому, при вольном или невольном соотнесении общественно-культурных форм жизни древних славян с перечисленными выше имперскими институтами, византийские авторы характеризовали варварский мир преимущественно с помощью негативных определений.

Позволю себе в связи со сказанным одно краткое замечание, которое, при учете аспекта темы доклада, не является, строго говоря, необходимым. Приводя ниже в целях аргументации взятые из источников отрицательные и, разумеется, далеко не совпадавшие с действительностью стереотипы, созданные насчет друг друга враждовавшими сторонами, т. е. ромеями и варварами, я ни в коей мере не намеревался преуменьшать историческую роль Византийской империи и значение ее блестящей цивилизации, благотворное воздействие которой испытали славянские культуры, как не стремился я и к тому, чтобы преувеличить уровень общественного и культурного развития славян в рассматриваемую эпоху. Итак, варвары, по представлениям византийцев, «звероподобны», независимо от того, оседлым или кочевым является их быт; они невежественны и наивны, не имеют сношений с другими народами; грязны и неопрятны, очень бедны и часто голодают, особенно во время зимы; «варвары» крайне жестоки и необычно алчны, готовы на любое преступление ради денег и даров и дружбу свою не дарят, а продают; они завязывают войны без причины и завершают их, не заключая договора, а вступив в соглашение, не держат слова; в большинстве своем они не ведают воинского строя и дисциплины и не умеют брать крепостей; у них царят анархия и раздоры — они не почитают своих вождей, изменяют им и даже убивают их; при всем при том «варвары» отличаются неоправданным высокомерием и заносчивостью; они склонны также к пьянству и т. п.[3]

Особо пристрастны описания славян, исполненные чувства патриотизма и составленные в период тяжелой борьбы империи со славянами, которые вместе с аварами в конце VI–начале VII в. становились

---

[1] Цитирую по: Извори за българската история, т. III. Серия: Гръцки извори за българската история (далее — ГИБИ), т. II (София, 1958), с. 295–296.

[2] ГИБИ, т. II, с. 193.

[3] Там же, с. 149, 155, 163 (Прокопий); 180, 203 (Агафий); 234, 239 (Менандр); 273–275, 280 (Маврикий); 309, 325, 327 (Феофилакт Симокатта); 249, 250, 254, 258 (Феофан); Христоматия по история на България, т. I. Състав. П. Петров и В. Гюзелев (София, 1978), 31 (Себеос); Византиски извори за историју народа Југославије, I (Београд, 1955), 5 (Псевдо-Кесарий).

ее главным врагом на Балканском полуострове.[1] Даже встречающиеся порой положительные характеристики отдельных сторон общественного строя и морального кодекса варваров служили функционально не целям объективного отображения действительности, а задачам обличения оппозиционно настроенным автором (как это уже бывало в трудах античных писателей) недостатков самого современного ему византийского общества.

Уместно напомнить в связи с этим восторженные отзывы Прокопия Кесарийского о гостеприимстве славян и верности славянских жен, и воинских доблестях и благородном бескорыстии анта Хилбуда и других варваров, оказавшихся на службе императора.[2]

Учитывая тенденциозность свидетельств обоего рода, нередко более ценными представляются непритязательные, приводимые из чисто практических (например, военных) соображений известия и случайно оброненные сообщения, вполне достоверно повествующие о поведении славян в различных ситуациях (достаточно сослаться здесь на «Стратегикон» Маврикия). При недостатке прямых свидетельств анализ поведения «варваров» как реакции на предпринимаемые в отношении их меры со стороны империи может служить важным дополнительным резервом данных о соотношении традиционного и нового в их позиции и, по-видимому, о самих политических представлениях.

Детальный разбор византийских известий о славянах с изложенной выше точки зрения, конечно, невозможен в кратком докладе. Позволю себе поэтому подробнее остановиться лишь на одном сюжете, рассмотрение которого, надеюсь, способно дать некоторое представление об идейно-политической позиции славян по отношению к Византийской империи.

Как известно, византийцы в целом весьма последовательно, по крайней мере до XIII в., называли себя «ромеями» (римлянами), а свою империю — «Романией», т. е. Римской державой, вкладывая в эти понятия глубокий идейный и политический смысл. Романия воплощала собою «царство Божие» на земле, ее глава мыслился как неоспоримый суверен христианской ойкумены, а его подданные — как избранный народ, которому предопределено свыше управлять другими народами.

---

[1] *В. В. Кучма.* «Славяне как вероятный противник Византийской империи по данным двух военных трактатов». Хозяйство и общество на Балканах в средние века (Калинин, 1979), с. 4–15; *Он же.* Античные традиции в развитии политической мысли в ранней Византии (по данным трактатов IV–VII вв.). Автореферат на соискание ученой степени доктора исторических наук (Москва, 1981), с. 27.

[2] ГИБИ, т. II, с. 123–124; *Procopii Caesariensis* Opera omnia, rec. J. Haury, 2 (Lipsiae, 1963), p. 353.17–20; Ibid., I, p. 436.29–31. См.: *З. В. Удальцова.* «Прокопий Кесарийский и его "История войн с готами"». Вступительная статья к кн.: Прокопий из Кесарии. Война с готами (Москва, 1953), с. 39–40; *Она же.* Идейно-политическая борьба..., с. 119, 229.

При всех нюансах, которые эта доктрина испытывала с течением времени,[1] неизменной оставалась остро болезненная реакция византийцев на малейшие попытки усомниться в их праве называться «римлянами». Именно на этой почве неоднократно возникали дипломатические и политические осложнения в отношениях между константинопольским двором, с одной стороны, и папством и Каролингской (затем — Германской) империей, с другой. Нет сомнений в том, что, именуя византийского императора «императором греков», империю — «греческой», а ее подданных — «греками», политические деятели Запада стремились сознательно подчеркнуть отсутствие у «василевса греков» прав на титул «римского», на римский престиж и на римское наследство. Особенно убедительно это явствует из рассказа кремонского епископа Лиутпранда, бывшего послом Оттона I в 968 г. в Константинополе и ведшего там острые споры по этому вопросу с государственными деятелями империи и с самим императором Никифором II Фокой.[2]

Конечно, в употреблении указанной этнополитической терминологии не было абсолютного и общего единообразия. Как не столь давно снова показал Г. Царас, понятия «эллин», «грек» и «ромей» находились в сложном взаимодействии. Их конкретное содержание менялось с ходом времени в зависимости от реальных обстоятельств.[3] И тем не менее крайне важно, что пейоративный, уничижительный оттенок термина «греки» прослеживается в латиноязычной литературе непрерывно почти со II в. до н. э. вплоть до интересующего нас периода, хотя одновременно в той же литературе понятия «греки» и «Греция» использовались также и в нейтральном смысле — как указание (соответственно) на этническую принадлежность народа и на место (страну) его обитания.[4]

Исидор Севильский (рубеж VI–VII вв.) считал господствующей отрицательной чертой греков хитрость (fallatia).[5] Папа Иоанн VIII, обвиняя греков в еретичестве и схизме, писал об их лукавстве (falsitas).[6] Анастасий Библиотекарь называл греков исполненными «лукавства,

---

[1] *T. C. Loungis.* «L'historiographie de l'époque macédonienne et la domination byzantine sur les peuples du Sud-Est européen d'après les traités de paix du IXe siècle», Balkan Studies, 21 (I) (1980), p. 69–86. Cf.: *V. Tăpkova-Zaimova.* «Les idees de Rome er de la seconde Rome chez les Bulgares». Atti del I seminario internazionale di storici «Da Roma alla Terza Roma». Studi — 1 (21 aprili 1981), p. 388.

[2] Die Werke Liutprands von Cremona, hrsg. v. J. Becker (Hannover und Leipzig, 1915), p. 177–179, 202–203; *В. Ст. Караγεώργιου,* Λιουτπράνδος ὁ ἐπίσκοπος τῆς Κρεμώνης ὡς ἱστορικὸς καὶ διπλωμάτης. (Ἀθηναι, 1978), σ. 195–241, 253, 257–258.

[3] *Γ. Τσάρας,* «Τὸ νόημα...», σ. 138–150.

[4] См., например: Извори за българската история, т. II. Серия: Латински извори за българската история (далее ЛИБИ), т. I (София, 1958), с. 208, 210 (Павел Орозий); с. 217–218 (Евсевий Иероним); с. 301 (Эннодий); с. 304 (Кассиодор); с. 329 (Иордан); с. 410 (Павел Диакон); ЛИБИ, т. II (София, 1960), с. 31 (Эйнхард) и т. д.

[5] ЛИБИ, т. II, с. 384.

[6] Там же, с. 147–148.

или точнее, коварства» (astutia, quin potius dolositas).[1] Особенно выразительный и длинный список гневно оскорбительных эпитетов по отношению к государственным деятелям империи и самой столице — Константинополю как олицетворению имперской политики содержится в сочинении Лиутпранда.[2]

Г. Царас на ряде примеров показал, что сами подданные империи употребляли термин «греки», когда хотели указать на свою этническую и конфессиональную принадлежность; когда же они имели в виду подданство, государственное устройство империи, порядки при императорском дворе, то использовали понятие «римляне».[3] Действительно, и Приск в V в.,[4] и Константин Багрянородный в X,[5] и Феофилакт Болгарский в XI столетии[6] употребляли термин «греки» в узкоэтническом смысле. И тем не менее нельзя не признать, что такое использование понятия «греки» самими византийскими авторами в V–XI вв. — крайне редкое явление. Несомненно, византийские писатели сознательно избегали этого именно потому, что им был прекрасно известен тот отрицательный оттенок и та политическая доктрина, с которыми на Западе сочеталось понятие «греки». По словам Прокопия Кесарийского, в устах «ромейских» (т. е. истинно римских) воинов это слово было синонимом слабых, не способных к ратному труду людей.[7]

Д. Моравчик считал доказанным, что понятие «греки» применительно к византийцам вошло во все европейские языки (в том числе в славянские) через посредничество римлян[8] и — добавили бы мы — романизированных жителей пограничных римских провинций. Следовательно, представлялось бы естественным, что, усваивая от римлян термин «греки», варвары одновременно переняли не только его узкоэтническое значение, но и тот созданный римлянами отрицательный стереотип греков, о котором шла речь выше. Даже последующее тесное и длительное общение славян и других варваров с «империей ромеев» (римлян) не привело здесь к корректировкам, угодным византийцам.

В нейтральном смысле (греки — христианские жители империи) это понятие употребляется в отмеченных признаками славянского язы-

---

[1] ЛИБИ, т. II, с. 199, 203.

[2] Die Werke Liutprands..., p. 177–178.

[3] *Γ. Τσάρας*, «Τὸ νόημα...», p. 147–148.

[4] *Priscus Panitas*. Fragmenta historicorum Graecorum, t. IV (Paris, 1951), fr. 8.

[5] *Constantine Porphirogenitus*. De administrando imperio, ed. Gy. Moravcsik, R. J. H. Jenkins (Budapest, 1949), 228.6.

[6] *Теофилакт*. Климент Охридски. Превод от гръцкия оригинал, увод и бележки от Ал. Милев (София, 1955), с. 60, 78.

[7] *Procop. Caesar*. Opera omnia, 2, p. 612.19; *Procopii Caesariensis* Historia arcana, ed H. Mihăescu (Bucureşti, 1972), p. 186.7. См. об этом: *В. Бешевлиев*. Първо-български надписи (София, 1979), p. 117.

[8] *Gy. Moravcsik*. Einfürung in die Byzantinologie (Budapest, 1976), p. 56. См. также: *Г. Г. Литаврин*. «Некоторые особенности этнонимов в византийских источниках». Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев (Москва, 1976), с. 203 сл.

кового влияния протоболгарских надписях VIII–IX вв.,[1] а также в договорах X в. языческой Руси с империей и в русских летописях.[2] Однако вполне различимы в источниках и следы усвоения славянами и другими варварами также уничижительного значения термина «греки». По свидетельству Менандра и Феофилакта Симокатты,[3] авары обвиняли византийцев в том, что они нечестны в деле соблюдения достигнутых соглашений и мирных договоров (говорят на десяти языках, а «пользуются одним обманом»; с помощью даров губят народы; ведя незаконные войны, обучили и других лживым союзам).[4] Согласно рассказу Льва Диакона, в своем послании к Иоанну I Цимисхию русский князь Святослав заявлял, что русские — «не какие-нибудь ремесленники, живущие трудом своих рук, а благородные люди, с оружием в руках побеждающие врагов»,[5] явно отказывая, таким образом, византийцам в признании их отважными воинами. «Суть бо Греци лстиви и до сего дни», — сказано в русской летописи под 970 г.[6]

Иначе говоря, и здесь отчетливо заметно усвоение варварами двух главных признаков созданного римлянами отрицательного стереотипа: грекам будто бы присущи коварство (неискренность) и малодушие в ратном деле (они — ἀνανδροι).

Примечательно, что влияние этого стереотипа оказалось весьма устойчивым и продолжительным: посетивший Константинополь в 1171 г. Вениамин Тудельский писал, что греки нанимают воинов из разных народов якобы потому, что у них самих «нет силы военного сопротивления».[7] Мало того, даже некоторые византийские писатели, отмечая недостатки «ромейского» общества, говорят о них иногда в полном согласии с рассматриваемой обобщенной характеристикой греков римлянами. Так, сама византийская принцесса Анна Комнин пишет, что Никифор Катакалон сражался столь искусно и мужественно, что, глядя, на него, можно было принять этого воина не за ромея, а за уроженца Нормандии.[8] По словам Никиты Хониата, Мануил I Комнин

---

[1] *В. Вешевлиев.* Първо-български надписи, с. 93, 115, 127, 201. Случаи употребления в надписях термина «ромеи» (там же, с. 164, 171) Бешевлиев убедительно объясняет тем, что он внесен в текст византийской стороной (эти надписи представляют собой тексты договоров).

[2] *Е. Ч. Скржинская* указывает также на «Толковую Палею», где сказано «руми, иже зовутся греци» (*Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. Вступительная статья, перевод, комментарий Е. Ч. Скржинской (Москва, 1960), с. 211).

[3] ГИБИ, т. II, с. 228, 254 (Менандр); с. 322 (Феофилакт Симокатта).

[4] *К. Лехнер* указывает на раздражавшую варваров неискренность византийской дипломатии (*K. Lechner.* «Byzanz und die Barbaren». Saeculum, 6, № 3 (1955), p. 299–300.

[5] *Leonis Diaconi* Historiae libri decem (Bonnae, 1828), p. 107.1–3.

[6] Повесть временных лет, I, изд. Д. С. Лихачев (Москва–Ленинград, 1950), с. 50.

[7] Сборник документов по социально-экономической истории Византии (Москва, 1951), с. 214.

[8] *Anne Comnène.* Alexiade, t. II. Texte établi et traduit par R. Leib (Paris, 1967), p. 197.20–23.

хорошо знал, что его воины-соотечественники являются «глиняными горшками» по сравнению с западными наемниками — «металлическими котлами».[1] Этот же автор с горечью пишет о вероломстве имперской дипломатии.[2]

Обозначение Византии «Романией», василевса — «императором ромеев», а его подданных — «ромеями» составляло неотъемлемый атрибут не только официальной политической, но и религиозной, идеологической доктрины восточнохристианской церкви. Тем не менее славяне (болгары, сербы, русские), даже приняв от самой «Романии» христианство, упорно продолжали употреблять термины «греки», «Греческое царство», «греческий цесарь».

В титуле «римского» отказано византийскому «цесарю» и в житиях Константина (Кирилла) и Мефодия и в сказании «О письменах» Черноризца Храбра. Нельзя не придавать этому обстоятельству серьезного значения. Жития были созданы ближайшими учениками первоучителей славянства — византийских миссионеров. Солунские братья находились в тесном общении с учеными представителями и крупными политическими и церковными деятелями и Византии и латинского Запада (с патриархом Фотием, императором Михаилом III, папами Адрианом II и Иоанном VIII). Кирилл и Мефодий, а также их ученики были прекрасно осведомлены о позиции и Константинополя, и названных наместников «апостольского престола» по вопросу об официальной титулатуре византийского императора, снова дебатировавшемуся в условиях крайнего обострения отношений между империей и папством в связи с проблемой церковной супрематии над новообращенной Болгарией.

Представляется поэтому не случайным последовательное обозначение в упомянутых трех древнейших славянских памятниках подданных империи «греками».[3] Пейоративный оттенок при этом отсутствует, но официальные византийские титулы не приводятся, несомненно, сознательно.

Автор жития Константина (Кирилла) Философа трижды употребил понятие «римляне» и каждый раз — в новом значении: как жители Рима,[4] как представители властей империи, которым все ее подданные уплачивают дань,[5] и, наконец, как язычники дохристианской Римской империи.[6] Указывая на противоречивость представлений автора жития о содержании столь важного термина, Б. Н. Флоря усматривает в обозначении «римлянами» представителей имперских властей

[1] *Nicetae Choniatae* Historia, rec. I. A van Dieten (Berlin, 1975), p. 199.45–48.

[2] Ibid., p. 528–529.

[3] Сказание о начале славянской письменности. Вступительная статья, перевод и комментарий Б. Н. Флори (Москва, 1981), с. 85, 88, 92, 96–97, 100–104.

[4] Там же, с. 91, 92.

[5] Там же, с. 76.

[6] Там же, с. 81, 82.

«пример влияния византийской политической мысли на кирилло-мефодиевский кружок».[1] Безусловно, такое влияние было бы вполне естественным: наставниками участников кружка являлись византийские церковные и политические деятели. Но особенно важен, на мой взгляд, тот факт, что это влияние проявилось в данном случае весьма слабо. Представители власти империи названы «римлянами» лишь в рассказе о софистическом приеме Константина Философа в споре с мусульманскими мудрецами:[2] автор жития только намекает на официальный титул византийского императора, чтобы показать, как Философ нашел довод для опровержения претензий измаильтян на получение дани от византийцев под тем предлогом, что сам Христос в Палестине платил дань властям. Эти претензии, согласно доводу Константина, неосновательны, так как там тогда была власть Рима, и Христос давал дань, как и подданные империи теперь, своим властям — «римлянам», а не измаильтянам.

Яснее позиция автора — представителя кирилло-мефодиевского кружка — относительно содержания термина «римский» выражена ниже, при упоминании о «Римском царстве». Автор обосновывает правомерность обозначения восточноримского (византийского) царства, начиная с Константина Великого, как «христианского», а не «римского». Константин Философ будто бы говорил, что «Римское царство» «не владычествует больше, ибо минуло, как и иные (царства)..., ибо наше царство не римское, а Христово... Ведь римляне идолам поклонялись, эти же — один из одного, другие из иного народа и племени царствуют во имя Христа». Термин «римское» Константин отвергает, таким образом, не только как не отражающий существа дела, но и как способный повести к опасным заблуждениям. Относясь к понятию «греки» нейтрально (как к обозначению подданных империи вообще), в отношении термина «римляне» автор жития решительно отмежевывается от господствовавшей в Византии того времени официальной традиции. И эта позиция, по всей вероятности, отражала взгляды на данную проблему правящих (и вообще — образованных) кругов славянских стран той эпохи (Великой Моравии, Блатненского княжества, Болгарии).[3]

Несколько иной была позиция автора жития Климента, написанного, как полагают, вскоре после его смерти в 916 г. его ближайшим учеником и дополненного и переработанного (в греческом варианте) на рубеже XI–XII вв. архиепископом Болгарии Феофилактом Ифестом. Термины «греки», «греческий» здесь также используются нейтрально — как указание на этническое происхождение («греческий язык») и на подданство («страна греков»).[4] Но понятие «римляне»

---

[1] Там же, с. 113, 120.

[2] Там же, с. 81–82.

[3] Принятие Симеоном титула «василевса болгар и ромеев» не противоречит этому допущению (см.: ГИБИ, т. IV (София, 1961), с. 248, 299), так как свидетельствовало не о какой-либо уступке империи, а напротив — о претензиях на ее трон со всеми официальными атрибутами имперского престижа.

[4] *Теофилакт.* Климент..., с. 60.6, 78.13.

употреблено в отношении и жителей Рима,[1] и подданных империи. Это последнее значение рассматриваемому термину придал не славянский книжник — автор первоначального текста жития, а как я полагаю, Феофилакт Болгарский, поскольку этот термин оказался в контексте связанным с титулом Михаила III, «василевса ромеев».[2]

Так или иначе, но представляется вероятным, что варвары (и в том числе славяне) как в догосударственный и дохристианский, так и в государственный и христианский периоды своей истории не были безразличны к той смысловой нагрузке, которую имели официальные византийские титулы, следуя здесь в целом, вопреки усилиям Византии, не «ромейской», а западной, латинской традиции.

В связи со сказанным выше заслуживают, может быть, большего внимания свидетельства о настойчивых притязаниях вождей и правителей соседних с империей народов на владение ее землями, городами и даже самим Константинополем.[3] Отказ от признания за империей права именоваться «римской» означал бы в таких условиях попытку обосновать собственные права на «римское наследие», оказавшееся в руках «греков».

Согласно Пасхальной хронике, аварский каган мечтал в 626 г. обосноваться в Константинополе, предложив его жителям покинуть город.[4] По свидетельству арабского автора X в. ал-Табари, царь болгар (он называет их «славянами»), осадив столицу «Рума»,[5] заявил императору (имеется в виду, по-видимому, встреча Симеона с Романом Лакапином в сентябре 923 г.): «Эта страна является царством моего отца, и я не уйду, пока один из нас двух не победит один другого».[6]

Особый интерес, однако, вызывает известное сообщение Льва Диакона, вложившего в уста Святослава речь, обращенную к Иоанну I Цимисхию, в которой русский князь будто бы говорил, что если византийцы не заплатят ему выкупа за взятые им города и пленных, «то пусть лучше уйдут из Европы, как им не принадлежащей (ὡς μὴ προσηκούσης αὐτοῖς), и переселятся в Азию».[7]

Конечно, подобные речи героев византийских исторических сочинений являются литературным топосом. Доля художественного вымысла здесь несомненна. Но не слишком ли он своеобразен? Может быть, у Льва Диакона, современника событий, были какие-то основания именно в указанном смысле характеризовать позицию князя в отно-

---

[1] *Феофилакт.* Климент..., с. 40.3.

[2] Там же, с. 42.2.

[3] ГИБИ, т. III, с. 58 (Георгий Писида), («Чудеса св. Димитрия»); ГИБИ, т. IV, с. 24 (Аноним) и др.

[4] Там же, с. 81.

[5] В отличие от европейцев, арабы, а затем турки, т. е. мусульмане, свободно использовали в отношении империи ее официальные титулы (руми, Рум), поскольку их политические противоречия с византийцами воплощались не в этих понятиях, столь много говоривших жителям Европы и христианского Востока.

[6] Христоматия..., т. I, с. 164.

[7] *Leo Diac.*, p. 105.9–16.

шении «ромеев». Вряд ли мы имеем в данном случае дело только с отражением привычных представлений той эпохи о правах победителя, о «законе войны», на который часто ссылались варвары. По моему убеждению, историки, под влиянием византийских источников, традиционно примитивизируют духовный мир варваров и в связи с этим склонны принижать степень осведомленности хотя бы их высшего социального слоя о важнейших политических доктринах эпохи и о крупнейших событиях прошлого.

Позволю себе в данном случае одно предположение относительно древних русов. Нет сомнений в том, что наиболее ранним этапом отношений Руси с византийцами были ее связи с колониями империи в Крыму. Важно, однако, что именно во время Святослава горожане Херсона (Херсонеса) вновь активизировали свои усилия с целью освободиться от власти Константинополя; город упорно сохранял позднеантичные (полисные) традиции самоуправления.[1] Константин Багрянородный предостерегал о возможном в любой момент новом восстании «херсонитов», ни разу при этом не назвав их «ромеями».[2] Осмелимся предположить, что при устойчивости полисных традиций и наличии в городе многочисленных античных мемориальных надписей историческая память херсонитов донесла до X в. знание о том, что город был основан греками — выходцами не из городов собственно Греции (расположенной в Европе), а из Малой Азии, из Ираклии Понтийской. Возможно, херсонитам было известно и то, что подавляющее большинство и других греческих городов Северного и Западного Причерноморья было основано колонистами не с Балканского полуострова, а из Малой Азии. Сохранялась же у херсонитов в X в. повествовавшая о событиях I–II вв. легенда о Гикии — подлинный памятник местного, полисного патриотизма.[3]

Скорее всего, херсониты не только знали эти факты, но, имея в виду их позицию к Константинополю, и берегли память о них. А следовательно (в этом и состоит мое предположение), могли знать об этих фактах и русские, и прочие варвары Северного Причерноморья, находившиеся с херсонитами в постоянном контакте. Враждебность херсонитов к «императору ромеев» и знание о происхождении предков жителей множества причерноморских городов, основанных выходцами из Азии, а не из Европы, и могли найти своеобразное отражение в приведенной выше фразе, которая кажется столь неожиданной в устах Святослава.

Итак, я счел возможным в данном докладе высказать в порядке дискуссии гипотезу, согласно которой в ходе длительной конфронтации славян с Византией их социальная верхушка, в противовес имперской

---

[1] См. об этом: *И. В. Соколова.* «Администрация Херсона в IX–XI вв. по данным сфрагистики». Античная древность и средние века, 10 (Свердловск, 1973), с. 207–211; *Она же.* Монеты и печати византийского Херсона (Ленинград, 1983), с. 112–16.

[2] De adm. imp., p. 286.

[3] Ibid., p. 259–284.

теории, объявлявшей «римлян» обладателями «дарованного свыше права наставлять неразумные народы»,[1] выработала собственную идейно-политическую позицию. Ее возникновение было вызвано острой потребностью в ней предводителей варваров, завязывавших дипломатические переговоры с ее властями и вступавших в контакты с местным балканским населением.

Суть этой позиции была в наиболее общих чертах сходной с позицией политических деятелей Запада и заключалась, по-видимому, в непризнании прав византийцев на обладание римским престижем и римским наследством. Мотивы этой позиции у западных деятелей и у варваров существенно различались, но были обусловлены, вероятно, одинаковыми причинами: продолжительным противоборством с Византийской империей. Варварам, таким образом, также были присущи определенные политические идеи, поскольку варварство — это эпоха не полного отсутствия каких бы то ни было феноменов культуры, а непосредственно предшествовавшая образованию государства стадия общественного развития, которой не избежали далекие предки всех европейских (и не только европейских) народов.

[1] ГИБИ, т. II, р. 226 (Менандр).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ — Античная древность и средние века (Свердловск = Екатеринбург)

БСЭ — Большая советская энциклопедия

ВАН — Вестник Академии наук СССР

ВВ — Византийский временник

ВИ — Вопросы истории

ВМУ — Вестник Московского университета

ВО — Византийские очерки

ВЯ — Вопросы языкознания

ГИБИ — Гръцки извори за българската история (София)

Глас САН — Глас Српске Академије наука (Белград)

ГСУ ФИФ — Годишник на Софийския университет. Философски-исторически факултет

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения

ЗСЛ — Закон судный людем

ЗРВИ (ZRVI) — Зборник Радова византолошког института (Белград)

ИБИ — Извори за българската история (София)

ИИБИ — Известия на Института за българската история (София)

ИИИ — Известия на Института за история (София)

ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук СССР

ИП — Исторически преглед (София)

ИРАИК — Известия Русского Археологического института в Константинополе (Одесса)

КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР

КСИС — Краткие сообщения Института славяноведения Академии наук СССР

ЛИБИ — Латински извори за българската история (София)

ПВЛ — Повесть временных лет

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей

СА — Советская археология

СВ — Средние века

СС (Ссл) — Советское славяноведение

ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Академии наук СССР

Anne — Anne Comnène. Alexiade, t. I. Texte établi et traduit par B. Leib. Paris, 1967 (t. II — 1967; t. III — 1945).

Attal. — Michaelis Attaliotae historia. Bonnae, 1853

BCH — Bulletin de correspondence hellénique

BHR — Bulgarian Historical Review

BS (Bsl) — Byzantinoslavica (Praha)

Byz. — Byzantion

BZ — Byzantinische Zeitschrift

Cedr. — Georgius Cedrenus. Ioannis Scylitzae ope, t. I. Bonnae, 1838, t. II. Bonnae, 1839.

DOP — Dumbarton Oaks Papers

ΕΕΒΣ — Ἐπετηρὶς Ἑταιρείων Βυζαντινῶν Σπουδῶν

EO — Echos d'Orient

JOB — Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik

Jus — Jus Graeco-Romanum, v. I–III, ed. C. Zazhariae a Lingenthal. Lipsiae, 1856–1857.

Leo Diac. — Leonis Diaconi Caloënsis historiarum libri decem. Bonnae, 1828

MGH — Monumenta Germaniae historica

MM — Acta et diplomata graeca medii aevi, I–VI, ed. F. Miklosich, J. Müller. Vindobonae, 1870–1890

PG — J. P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series graeca

REB — Revue des études byzantines

RES — Revue des études slaves

RESEE — Revue des études sud-est européennes

SKAW — Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften

SM — Michaelis Pselli scripta minora magnam partem adhuc inedita, ed. E. Kurtz, Fr. Drexl, I–II. Milano, 1936, 1941.

TM — Travaux et mémoires

VJSWG — Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА 5

I. ИЗ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ IX–XIII вв.:

1. Проблема государственной собственности в Византии XI–XI вв. 8

2. ΟΠΙΣΘΟΤΈΛΕΙΑ (К вопросу о наделении крестьян землей в Византии X–XI вв.) 38

3. Еще раз о симпафиях и класмах налоговых уставов X–XI вв. 48

4. Парик и арендатор 72

5. Семейные отношения и семейное право в византийской деревне в XI в. (По данным практика 1073 г.) 83

6. Относительные размеры и состав имущества провинциальной византийской аристократии во второй половине XI в. (По материалам завещаний) ... 95

7. Процент законной прибыли и процент налога с нее в Византии в XI–XII вв. 108

8. Провинциальный византийский город на рубеже XII–XIII вв. (по материалам налоговой описи Лампсака) 113

9. Влахи византийских источников X–XIII вв. 130

10. Проблема симбиоза в латинских государствах, образованных на территории Византии. 167

11. О соответствиях между византийскими и османскими формами организации экономики города в XV–XVI вв. 180

II. БОЛГАРИЯ И БОЛГАРО-ВИЗАНТИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ (VII–XIII вв.):

1. К проблеме становления Болгарского государства. 192

2. Византийская система власти и болгарская государственность (VII–XI вв.) 218

3. К дискуссии о договоре 716 г. между Византией и Болгарией .. 229

4. Формирование и развитие болгарского раннефеодального государства (конец VII–начало XI в.) 237

5. Введение христианства в Болгарии (IX–начало X в.) 285

6. Формирование этнического самосознания болгарской народности (VII–первая половина X в.) 314

7. Два этюда о восстании Петра и Асеня 349

8. Становление Второго Болгарского царства и его международное значение в XIII столетии 363

9. Темпы и специфика социально-экономического развития средневековой Болгарии в сравнении с Византией (конец VII–конец XII в.) 375

10. Культурный переворот в Болгарии и Древняя Русь 397

11. Условия развития болгарской культуры в XI–XII вв. 410

III. ВИЗАНТИЯ И ДРЕВНЯЯ РУСЬ в IX–XII вв.:

1. Византия и Древняя Русь в конце IX–X в. 421
2. К вопросу об обстоятельствах, месте и времени крещения княгини Ольги 429
3. Древняя Русь, Болгария и Византия в IX–X вв. 438
4. Условия пребывания древних русов в Константинополе в X в. и их юридический статус 453
5. Идея верховной государственной власти в Древней Руси домонгольского периода 470
6. Киево-Печерский патерик о работорговцах-иудеях в Херсоне и о мученичестве Евстратия Постника 478
7. Русь и Византия в XII в. 496

IV. ВИЗАНТИЯ И ДРЕВНИЕ СЛАВЯНЕ (VI–IX вв.):

1. Славинии VII–IX вв. — социально-политические организации славян 518
2. Этносоциальная структура славянского общества в эпоху поселения на Балканах (VI–VII вв.) 527
3. Еще раз о занятиях и общественной организации славян на Балканах в VI–VII вв. 539
4. О двух Хилбудах Прокопия Кесарийского 548
5. Известия Менандра Протиктора об отношениях аваров и славян 557
6. О походе аваров в 602 г. против антов 568
7. Свидетельство патриарха Никифора о рабах-византийцах у славян 579
8. Византийцы и славяне — взаимные представления 590

Список сокращений 603

Директор издательства:
О. Л. Абышко
Главный редактор:
И. А. Савкин

Художественный редактор:
О. А. Грызлова
Редакторы:
Л. А. Абышко
В. В. Гуляев
Корректор:
Л. Ю. Румянцева
Оригинал-макет:
Ж. О. Григорьева

Геннадий Григорьевич Литаврин «Византия и славяне» (сборник статей). *Серия «Византийская библиотека», раздел «Исследования».*

ИЛ № 064366 от 26. 12. 1995 г.

Издательство «Алетейя»:
193019, Санкт-Петербург, пр-т Обуховской обороны, д. 13
Телефон издательства: (812) 567–2239
Факс: (812) 567–2253

Сдано в набор 10. 08. 1997 г. Подписано в печать 15. 02. 1999 г. Бумага офсетная. Формат 60×88$^{1}/_{16}$. Печать офсетная. Объем 38 п. л. Тираж 1500 экз. Заказ № 3150

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Printed in Russia